

ИМЕЕТСЯ
МИКРОФОН

ИМЕЕТСЯ
МИКРОФИЛЬМ

1-124-Н

ЖИВОПИСНОЕ ОБЗОРЪНІЕ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1880.

(ГОДЪ ВОСЬМОЙ.)

Цѣна въ бумажкѣ за годовое изданіе..... 6 руб.
» » боленкоровомъ переплетѣ..... 7 руб. 50 коп.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

1880.

157
260п

Оглавление I тома „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ за 1880 годъ.

I ОТДѢЛЪ.

СТР.

Стихотворенія: поэмы, рассказы, мелкіе стихи.

Борьба, С. Прюдома, переводъ Михаловскаго...	106
Безъ пути во мракъ, рассказъ Д. Черткова...	367
Близость весны, В. Львова...	274
Въ житейскомъ морѣ, рассказъ Б. Левина 4, 50, 87	
Въ альбомъ, В. Юрьева...	26
Вчера и сегодня, С—каю...	71
Два сонета Фауста, М. Бушора, переводъ Д. Садовникова...	162
Зима, Д. Черткова...	309
За газетой, Е. П. Пономарева...	275
Изъ Гейне, переводъ М. Шеммунова...	68
Изъ Ады Кристенъ, Н. Гринева...	442
Изъ Тарлье, В. Немировича-Данченко...	405
Изъ Иеронима Лорма, переводъ Н. Гринева...	290
Изъ Гюго, переводъ Д. Ушакова...	254
Лѣтней порою, П. Быкова...	482
На новый годъ, А. Михайлова...	3
Нэлэна, В. Юрьева...	122
На берегу рѣки, А. Крулова...	217
На родинѣ, В. Раевскаго...	233
На рѣкѣ (Октавы), Д. Ушакова...	331
Ожиданіе, Д. Минаева...	86
Открытие памятника А. С. Пушкину...	386
Отрывки, В. Юрьева...	329
Пьянчуга, В. Юрьева...	66
Пѣсни П. Дюпоа, переводъ О. Охтенской...	177
Призывъ, В. Львова...	234
Привычка, С. Прюдома, переводъ Д. Михаловскаго...	442
Пѣсни писателей, В. Немировича-Данченко...	421
Разладъ, Е. П. Пономарева...	318
Стихотворенія Д. Черткова 55, 108, 110, 166, 253, 442	
Стихотворенія С—каю...	179, 203
Стихотворенія Д. Ушакова...	76, 200, 222
Смерть, Б. Левина...	235
Стихотворенія Н. С. Никитина...	11, 25
Совѣсть, А. Виллянкаго...	312
Стихотвореніе Н. Гринева...	197
Хуторокъ въ Украинѣ, В. Львова...	350

II ОТДѢЛЪ.

Проза: романы, повѣсти, сцены.

Берегись гроба! рассказъ...	233
Волкъ, романъ Эрмана Шатриана, переводъ М. Минута...	16, 26, 59, 71, 94, 108, 136, 163, 179, 203
Изъ отдаленныхъ мѣстъ, повѣсть М. Филипова...	350, 365, 394, 405, 421, 442
Комедія и трагедія, рассказъ В. Жильберта...	171
Наканунъ чистаго понедѣльника, рассказъ Н. Лейкина...	177
На краю пропасти, повѣсть Гербетъ, переводъ Л—ой...	235, 253, 274, 295, 329, 354
Огорченія вмѣсто обрученія, картины петербургской жизни, Трофимова...	122
Обращеніе капитана Сэма, рассказъ Джона Габбертона...	263
Поднесеніе адреса, сценка Н. Лейкина...	290
Передъ дежурствомъ, рассказъ К. Баранцевича...	309
Рябая красавица, романъ А. Бува 190, 210, 226, 243, 267, 282, 302, 320, 341, 359, 380, 395, 414, 451, 471, 494	
Раковина дяди Бернара, рассказъ Эрмана Шатриана, переводъ М. Минута...	319
Сила Ерофеича, рассказъ Д. Полянскаго...	197
Сборы къ свѣтлой заутрени, сценка Н. Лейкина...	315
Сумасшествіе отъ любви, повѣсть Катюля Мендеса, переводъ М. Мележиной...	372, 423, 445
У креста, рассказъ К. С. Баранцевича...	480
Шарль Демальи, романъ Жюль Гонкуръ, переводъ Лютнева 11, 29, 54, 68, 90, 111, 130, 162, 182	
Этюды изъ жизни въ среднеазіатскихъ пустыняхъ, Н. Н. Каразина...	3, 30, 51

III ОТДѢЛЪ.

Статьи научнаго содержанія: біографіи, путешествія и пр.

А. С. Пушкинъ, біографическій очеркъ, С. С. Шашкова...	386
А. Н. Островскій, критическій этюдъ, В. Пичука...	217, 260, 351, 426
Баронъ Штейнъ, переводъ М. Цебриковой...	266, 275
Вильямъ-Эвартъ Гладстонъ...	339
Выставка картинъ В. В. Верещагина, Диллетанта...	342

СТР.

Восьмая передвижная выставка, Диллетанта...	297
XXV лѣтъ царствованія Императора Александра II...	141
Естественныя богатства Россіи, ст. Л. М. Невольскаго...	39, 58
Естественныя богатства Россіи, ст. фон-Липсгарта...	299, 314
Изъ міра русскаго искусства, Диллетанта 43, 78, 167, 247, 258	
Иванъ Николаевичъ Крамской, Диллетанта...	407
Изъ прошлаго и настоящаго Америки, Н. В. Шеммунова...	7, 34, 118, 126, 242, 259, 335, 428
Литературныя и драматическіе очерки, Эмиля Золя...	97, 222, 411
Музыкальность русскаго общества за послѣдніе 25 лѣтъ, В. Мизневича...	151
Мѣста недавнихъ битвъ, очеркъ В. И. Немировича-Данченко...	66, 86, 106, 291, 431
О внутренности земного шара...	36
Общественное значеніе русской литературы за послѣдніе 25 лѣтъ, ст. Н. Ровина...	155
Пляски и танцы на Руси, историко-біологическіе очерки В. Мизневича...	15, 25, 76, 114, 166, 219, 311, 390, 447
Русское искусство за двадцать пять лѣтъ, статья Диллетанта...	147
Русскія суетвѣрія, очерки С. Шашкова 183, 200, 239, 254, 334, 443, 486	
Явленія развитія въ мірѣ насѣкомыхъ, энтомологическіе очерки Л. К. Попова...	375, 434

IV ОТДѢЛЪ.

Мелкіе замѣтки.

Альбомъ русской охоты и гоголевскіе типы...	98
Горные артиллеристы 1-го дивизіона 6-й батареи 39-й артиллерійской бригады...	322
Женщины-граверы...	302
Купецъ Калашниковъ, новая опера...	193
Старое сказаніе...	270
Царица Савская, новая опера...	192

V ОТДѢЛЪ.

Фельетонныя замѣтки.

Московскіе театры, статья М...	96, 206, 378
Новости русской литературы...	22, 79, 221, 234
Разъ въ мѣсяцъ, бесѣды Н. Василевскаго...	134, 278, 358, 371
На пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ, ст. Вл. Мизневича...	490

VI ОТДѢЛЪ.

Объясненія къ рисункамъ. 19, 23, 46, 47, 62, 83, 99, 138, 174, 193, 214, 230, 248, 270, 283, 306, 322, 346, 363, 383, 399, 418, 435, 445, 495	
Правительственныя распоряженія. 138, 175, 231, 405, 482	
Смѣсь. 24, 47, 63, 83, 102, 120, 138, 158, 175, 194, 214, 231, 250, 270, 286, 306, 323, 347, 363, 384, 399, 438, 455, 498	
Шахматы. 24, 104, 120, 140, 176, 196, 216, 232, 251, 272, 288, 307, 327, 348, 404, 420, 440	

VII ОТДѢЛЪ.

Рисунки, портреты.

Августъ у гроба Александра, картина Шоммера...	188
Афанасій Ивановичъ Товстогузъ, рисунокъ Боклевскаго...	77
Амуръ, скульптура Розетти...	21
Арабка, карт. Айдукевича...	492
Бояринъ Орша, рисунокъ Земцова...	441
Бой быковъ, картина Вальдивія...	437
Буря въ полѣ, картина А. Н. Мещерскаго...	301
Борцы, картина Норденберга...	285
Базаръ въ Дамаскѣ, К. Вернера...	284
Борисъ Годуновъ и юродивый, рисунокъ Земцова...	265
Беттина, картина Перро...	126
Блестящій художествен. успѣхъ, карт. Прѣмса...	493
Водоносцы въ Каирѣ, картина Б. Констана...	361
Венера изъ пѣны рожденная, картина В. Марка...	344
Варварская расправа, рисунокъ Андриолли...	269
Видъ александровскаго моста...	157
Видъ Батума...	156
Ворота гор. Хивы, мечеть въ Самаркандѣ...	153
Во ожиданіи новаго члена семьи, рисунокъ Брюлова...	49

СТР.

Васильевъ, Крамского...	17
«Въ морѣ житейскомъ», рисунокъ Голембѣвскаго...	5, 52, 89
«Голова» (къ поэмѣ «Русланъ и Людмила», Пушкина) рисунокъ Крамского...	393
Голова Христа, картина Н. Н. Крамского...	365
Грѣшница, картина Г. Семирадскаго...	352
Горные артиллеристы...	324
Грѣшница передъ Христомъ, картина Веселовскаго...	316
Гаданіе, рисунокъ Андриолли...	268
Гусары, картина Мейсона...	229
Гадальщица, картина Долламера...	101
Губернскій Олимпъ, рисунокъ Боклевскаго...	37
Донъ-Жуанъ, рисунки М. Зичи...	111, 112
Дѣвочка съ молокомъ, картина К. Е. Маковскаго...	41
Дитя, картина Ванъ-Дейка...	433
Далила, картина Чезаре...	429
Евреи на молитвѣ, картина А. Шѣна...	408
Ермолай съ Валеткой, картина Соколова...	129
Ея пѣснь, ея скорбь, акварель Фалькенбурга...	484
Женская головка, картина Тобано...	289
Закатъ солнца въ лѣсу, картина А. Мещерскаго...	336
Зефиръ и Флора, картина Вуеро...	277
Зало засѣданій комисіи по крестьянскимъ дѣламъ въ бывшемъ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ...	144
Зимній походъ Ивана Грознаго, рисун. Шварца...	93
Заструниваніе волка, картина Соколова...	57
Играющія дѣти, картина Фейербаха...	377
Источникъ любви, картина Обера...	256
Иванъ Никифоровичъ Довгочунъ, рисунокъ Боклевскаго...	193
Иванъ Ивановичъ Перерепенко, рисунокъ Боклевскаго...	192
Импровизаторъ, карт. Шейренберга...	485
Іаковъ у Лабана, картина Лероля...	205
Купецъ Калашниковъ передъ Иваномъ Грознымъ, рисунокъ Земцова...	381
Когда кошки нѣтъ дома... картина Гроллера...	368
Кардиналъ Медичи упрекаетъ своего брата, картина Дюро...	357
Капризница, картина г-жи Кохъ...	212
Лисица на охотѣ, рисунокъ Адтъ...	116
Лѣсъ при солнечномъ освѣщеніи, картина В. Орловскаго...	249
Любители цвѣтовъ, картина У. Мартенса...	281
Лѣсъ въ солнечный день, картина В. Орловскаго...	325
Лондонскій мостъ, рисунокъ Дорѣ...	92
Мадонна, скульптура Дорѣ...	416
Маргарита въ тюрьмѣ, картина Лиценъ-Мейера...	413
Мандолинистъ, картина Пробста...	345
Монахъ, картина Урлауба...	332
Молода еще! картина Фокардо...	317
«Морага» на островѣ Малагѣ, картина Ленча...	225
Мать, рисунокъ Брюлова...	105
Мальчикъ-болгаринъ, картина Платонова...	65
Мученики христіанства, картина Бронникова...	457
Мельникъ, картина Н. Н. Крамского...	432
Ночлегъ, рисунокъ П. Соколова...	73
Надъ потокомъ, картина В. Орловскаго...	201
«Наурусъ и Джюра, братья кудукчи», картина Каразина...	53
Ницета, скульптура Фретелли...	297
Наканунъ свадьбы, картина А. Диффенбаха...	424
Наслѣдство, картина Мейселя...	436
Нищѣ, картина В. Яковія...	184
Omne vivum ex ovo! статуэтка Эмиля Буассо...	313
Охота на волковъ, картина П. Соколова...	224
Осада замка, картина Ф. Ситтескаго...	173
Осенній разливъ, картина Ю. Клевера...	161
Отъѣздъ крестовосцевъ, картина Дорѣ...	121
Охота на глухаря, картина П. Соколова...	117
Охота на медвѣдя, рисунокъ П. Соколова...	9
Отъѣздъ на охоту (графъ Нулинъ Пушкина), рисунокъ П. Соколова...	392
Проектъ памятника Пушкину, скульптура Пименова...	389
Портретъ А. С. Пушкина (въ дѣтствѣ)...	388
Портретъ И. Н. Крамского...	349
Передъ судомъ присяжныхъ, картина Ситзмунда Арвай...	337
Праздникъ весны въ Подольской губерніи, картина Андриолли...	333

	СТР.		СТР.		СТР.
Портретъ Гладстона.....	321	Психея, скульптура <i>Розетти</i>	20	Торжественное перенесеніе священнаго ковра изъ Мекки въ Каиръ, картина <i>Маковского</i> ...	12
Портретъ В. И. Главача, гравюра <i>и-жи Шлегль</i>	296	Проектъ памятника Пушкину, скульптура <i>П. П. Забьлло</i>	400	Утро передъ монастырскимъ праздникомъ, картина <i>Томма</i>	8
Портретъ В. В. Верещагина.....	273	Памятникъ Пушкину, скульптура <i>Опекушина</i>	401	«Укрощеніе строптивой», картина <i>Томма</i>	56
Помпейнка, несущая воду, картина <i>Бомпиани</i>	245	Плѣнные въ Венеціи, картина <i>Л. Деллани</i>	452	Уличный писецъ, картина <i>В. Видера</i>	415
Портретъ А. Островскаго, работа <i>Г. Перова</i>	241	Портретъ Е. И. В. Наслѣдницы Цесаревны съ Августѣйшими дѣтьми.....	481	Уріель Акоста и Юдифъ, картина <i>Готлиба</i>	293
Прибытіе крестоносцевъ и битва, картина <i>Дорé</i>	228	Послѣ боя быковъ, карт. <i>Виллегаса</i>	489	Фальстафъ въ тюрьмѣ, картина <i>М. Зичи</i>	61
Праздникъ пѣвцовъ при дворѣ герцога Лео-польда VI, картина <i>Ф. Колларца</i>	213	Рисунки изъ юношескаго альбома <i>Васильева</i>	44, 45	Факсимиле съ письма Пушкина.....	385
Передъ исповѣдью, картина <i>Корзугина</i>	208	Рожь, картина <i>В. Орловскаго</i>	261	Холостяки, картина <i>Целестино Жиларди</i>	240
Прометей, скульптура <i>Миллера</i>	182	Ростепель, картина <i>А. Н. Мещерскаго</i>	412	Христосъ исцѣляетъ больныхъ, картина <i>Рембрандта</i>	168
Первый свѣтъ, картина <i>Рибустини</i>	165	Русланъ и Людмила, рисунокъ <i>Крамского</i>	397	Художникъ-портретистъ, картина <i>Мейсона</i>	80
Пріемъ депутаціи на Кавказѣ, съ картины <i>Горшельта</i>	152	Спасеніе, картина <i>Э. Фейяна</i>	236	Цвѣты съ поля, картина <i>Мейера</i>	449
Портретъ Е. И. В. Государя Императора Александра II.....	149	Свадебныя свѣчи, картина <i>Боброва</i>	220	Чтеніе положенія, картина <i>Мясондова</i>	145
Портретъ Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Александровны.....	148	Смерть Демосфена, картина <i>Брамто</i>	189	Чаша и уста, картина <i>Е. Ризтера</i>	69
Парка и Амуръ, скульптура <i>Дорé</i>	128	Свиданіе, картина <i>В. Якобія</i>	185	Юлія Капулетъ, рисунокъ <i>Берты Зикъ</i>	72
Потерявшаяся, скульптура <i>Бути</i>	100	Свиданіе, картина <i>Брюлова</i>	172	Явленіе св. Георгія крестоносцамъ, рисунокъ <i>Дорé</i>	360
Пульхерія Ивановна Товстогубиха, рисунокъ <i>Боклевскаго</i>	76	Съ ножомъ на медвѣдя, картина <i>Соколова</i>	169	Янычаръ и евнухъ, картина <i>Констана</i>	305
Привзаніе апостола Матвея, рисунокъ <i>А. Биди</i>	33	Сборъ морской травы, картина <i>Дункана</i>	133	Ярема и Оксана, картина <i>Боброва</i>	221
Продавецъ мелкой рыбы, картина <i>Л. Талавера</i>	32	Смѣющійся, картина <i>Бассо</i>	85	Эккегардъ вноситъ Гедвигу черезъ монастырскіе ворота, картина <i>Лиценъ-Мейера</i>	373
		Созерцатель, картина <i>Крамского</i>	81		
		Сусанна, картина <i>Л. Туксена</i>	40		
		Травля, рисунокъ <i>П. Соколова</i>	204		

П. Бабрыкинъ.
Д. Голицынъ.
А. Михайловъ.
Н. Себеринъ.
Б. Лебинъ.
Н. Шильгинъ.
П. Шильгинъ.
В. Шильгинъ.
Н. Шильгинъ.
В. Шильгинъ.
Н. Шильгинъ.
С. Шильгинъ.
Н. Шильгинъ.
Н. Шильгинъ.
А. Шильгинъ.
П. Шильгинъ.

А. Боголюбовъ.
Н. Богдановъ.
М. Боткинъ.
В. Верещагинъ.
Зити.
И. Крамской.
К. Маковский.
Н. Мещерский.
В. Орловский.
Г. Семинский.
П. Соколовъ.
А. Харламовъ.
П. Яковлевъ.
В. Яковлевъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

въ 1880 году.

Журналъ будетъ издаваться по той же программѣ. Въ распоряженіи редакціи для помѣщенія въ 1880 г. имѣются слѣдующія произведенія: «Чужіе грѣхи», романъ **А. Михайлова** (въ отдѣльномъ приложеніи); романъ **Н. И. Северина**; Своя рубашка, ром. **М. Ф. Каменской**; повѣсть **П. Д. Боборыкина**; Стефенъ Митчель, американскій романъ (съ иллюстраціями); «Изъ міра русскаго искусства», рядъ статей **Диллетанта**; Іезуиты и инквизиція **П. Скромнаго**; «Народы европейской Россіи» **С. С. Шашкова**; рядъ очерковъ изъ американской жизни **Н. В. Шелгунова**; ст. **И. В. Василевскаго** (Буквы) и др.

Первый листъ романа **А. Михайлова** въ отдѣльномъ приложеніи будетъ разосланъ гг. подписчикамъ при 3-мъ № журнала.

Въ свое время будутъ помѣщены специально сдѣланные для «Живописнаго Обозрѣнія» извѣстнымъ нашимъ художникомъ **И. Н. Крамскимъ** иллюстраціи къ произведеніямъ **А. С. Пушкина**.

Въ художественномъ отдѣлѣ въ 1880 году будутъ помѣщены гравюры съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: гг. **Богданова, Боголюбова, Боткина, Брюлова, Верещагина, Зичи, Крамского, Маковского, Мещерскаго, Мясоѣдова, Орловскаго, Семирадскаго, Шварца, Харламова, Якобія** и др. Кромѣ того появится «Альбомъ русской охоты», состоящій изъ ряда картинъ, рисованныхъ знатокомъ этого дѣла, извѣстнымъ художникомъ, г. **Петромъ Соколовымъ**.

ПРЕМИИ: Первая и вторая: двѣ олеографическія картины—«Малороссіянки», **К. Е. Маковского** и «На перевязочный пунктъ», профессора **Ковалевскаго**, третья: большая гравюра на вѣленовой бумагѣ съ картины гениальнаго русскаго художника **А. Иванова**, «Явленіе Христа народу»; четвертая: Литературная, съ иллюстраціями. Эти преміи выдадутся всѣмъ гг. подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату за изданіе: художественныя—не позже марта мѣсяца, а литературная въ ноябрѣ.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ **А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ)**.

	На годъ.	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки.....	6 р.	3 р. 50 к.
» » съ доставкой и пересылкой.....	7 р.	4 р.

Войдя въ сношеніе съ единственнымъ въ Россіи магазиномъ «Парижскихъ моделей и выкроекъ модъ», Редакція можетъ предложить гг. подписчикамъ, которые этого пожелаютъ, въ дополненіе къ получаемому ими отдѣлу «Модъ», шесть выкроекъ въ натуральную величину; пожелавшіе получить эти выкройки приплачиваютъ къ годовой подписной суммѣ **60 копѣекъ**.

Подписка на 1880 годъ открыта и принимается въ Конторѣ Редакціи, въ **С.-Петербургѣ**, Новый проспектъ (близъ Невскаго проспекта), д. № 6 и въ мѣстныхъ Конторахъ: въ **Москвѣ**, въ книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; въ **Варшавѣ**, въ книжномъ магазинѣ бывшемъ **Черкесова**, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; въ **Одессѣ**, въ Южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской улицѣ, д. Вагнера.

Н. ШУЛЬГИНЪ.

Редакція вошла въ соглашеніе съ извѣстными заграничными издателями олеографическихъ картинъ и можетъ предложить по цѣнамъ, значительно уменьшеннымъ собственно для гг. подписчиковъ на «Живописное Обозрѣніе», слѣдующія картины извѣстныхъ художниковъ;

Названіе картины.	Цѣна картинъ.		Пересылка.		Рамки для картинъ.		Перес. карт. въ рамкахъ.		Мѣра картинъ.					
									Въ сантиметрахъ.		Въ дюймахъ.		Въ вершкахъ.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Выш.	Шир.	Выш.	Шир.	Выш.	Шир.
1. Шаплена. «Дѣвушка»	»	45	»	25	1	»	»	75	33 $\frac{1}{2}$	22 $\frac{1}{2}$	13	8 $\frac{1}{2}$	7 $\frac{1}{2}$	4 $\frac{3}{4}$
2. Ею же. «Дѣвушка»	»	45	»	25	1	»	»	75	32 $\frac{1}{2}$	22 $\frac{1}{2}$	13	8 $\frac{1}{2}$	7 $\frac{1}{2}$	4 $\frac{3}{4}$
3. Эркмана. «Любовное письмо».....	»	60	»	30	1	75	1	»	42	33 $\frac{1}{4}$	16 $\frac{1}{2}$	13	9 $\frac{1}{2}$	7 $\frac{1}{2}$
4. Киллера. «Зима въ Нормандіи».....	»	60	»	30	1	75	1	»	23	35	9	14	5	8
5. Астудицъ. «Видъ»	»	60	»	30	1	75	1	»	23	35	9	14	5	8
6. Тена. «Мыльные пузыри»	1	25	»	40	2	50	1	25	53	39 $\frac{1}{2}$	20 $\frac{3}{4}$	15 $\frac{1}{2}$	11 $\frac{3}{4}$	8 $\frac{3}{4}$
7. Ею же «Хорошъ портретъ?».....	1	25	»	40	2	50	1	25	53	39 $\frac{1}{2}$	20 $\frac{3}{4}$	15 $\frac{1}{2}$	11 $\frac{3}{4}$	8 $\frac{3}{4}$
8. Жильбера. «Въ будуарѣ».....	1	25	»	40	2	50	1	25	47	39 $\frac{1}{2}$	18 $\frac{1}{2}$	15 $\frac{1}{2}$	10 $\frac{1}{2}$	8 $\frac{3}{4}$
9. Ею же. «На кухнѣ»	1	25	»	40	2	50	1	25	47	39 $\frac{1}{2}$	18 $\frac{1}{2}$	15 $\frac{1}{2}$	10 $\frac{1}{2}$	8 $\frac{3}{4}$
10. Лемера. «Проба голоса»	1	70	»	50	2	75	1	30	57	42	22	16 $\frac{1}{2}$	12 $\frac{3}{4}$	9 $\frac{1}{2}$
11. Морлона. сп. «Изъ Севильскаго цирюльника».	2	»	»	50	3	»	1	30	40	50	15 $\frac{3}{4}$	19 $\frac{1}{4}$	9	14 $\frac{1}{4}$
12. Ею же. «Изъ Свадьбы Фигаро».....	2	»	»	50	3	»	1	30	40	50	15 $\frac{3}{4}$	19 $\frac{1}{4}$	9	11 $\frac{1}{4}$
13. Ригера. «Въ Аппенинахъ».....	2	25	»	75	6	»	1	75	65	87 $\frac{1}{2}$	25 $\frac{1}{2}$	34 $\frac{1}{2}$	14 $\frac{1}{2}$	19 $\frac{1}{2}$
14. Краузе. «Улица въ Дуврѣ».....	2	25	»	75	6	»	1	75	65	87 $\frac{1}{2}$	25 $\frac{1}{2}$	34 $\frac{1}{2}$	14 $\frac{1}{2}$	19 $\frac{1}{2}$
15. Дунтце. «Утро въ Нордфюрдѣ»	2	25	»	75	6	»	1	75	65	87 $\frac{1}{2}$	25 $\frac{1}{2}$	34 $\frac{1}{2}$	14 $\frac{1}{2}$	19 $\frac{1}{2}$
16. Ею же. «Вечеръ въ Зюдфюрдѣ»	2	25	»	75	6	»	1	75	65	87 $\frac{1}{2}$	25 $\frac{1}{2}$	34 $\frac{1}{2}$	14 $\frac{1}{2}$	19 $\frac{1}{2}$
17. Козеля. «Плохо училась».....	2	50	»	50	3	»	1	50	54	44	21 $\frac{1}{2}$	17	12	9 $\frac{3}{4}$
18. Барабеля. «Въ саду».....	2	50	»	75	5	50	1	50	66	46 $\frac{1}{2}$	26	18 $\frac{1}{2}$	14 $\frac{3}{4}$	10 $\frac{1}{2}$
19. Наульбаха. «Знатная венеціанка».....	7	50	1	25	10	»	2	»	79	68	31 $\frac{1}{2}$	26 $\frac{1}{4}$	18	15 $\frac{1}{2}$
20. Ею же. «Знатная голландка».....	7	50	1	25	10	»	2	»	79	68	31 $\frac{1}{2}$	26 $\frac{1}{4}$	18	15 $\frac{1}{2}$
21. Макарта. «Средневѣковая знатная дама»....	10	»	1	50	10	50	2	50	102	79 $\frac{1}{2}$	40 $\frac{1}{4}$	31 $\frac{1}{2}$	23	18
22. Зихеля. «Марія Стюартъ, отправляющаяся на казнь».....	13	50	1	50	10	50	2	50	70	100 $\frac{1}{4}$	27 $\frac{1}{2}$	40	15 $\frac{3}{4}$	22 $\frac{3}{4}$

Рамки можно заказывать и на другія цѣны. Для устраниенія недоразумѣній, просимъ гг. подписчиковъ выписывая картину въ рамѣ нечислять цѣну за нее такъ: къ цѣнѣ картинъ прилагается стоимость рамки и цѣна пересылки съ рамою. Такъ, выписывая № 18 слѣдуетъ прислать: цѣна картины 2 р. 50 к., рамки 5 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к., всего 9 р. 50 коп.

При выпискѣ не менѣе трехъ олеографій разомъ за пересылку прилагается половина назначенной цѣны за каждую картину.

ЖИВОТНОЕ И РАСТЕНИЕ

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 1.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цѣна отдѣльных №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

5 Января 1880 года.

На новый годъ.

Стих. А. Михайлова.

Новый годъ торжественно встрѣчая,
Пожелаемъ сторонѣ родной,
Чтобъ она, во всемъ преуспѣвая,
Наслаждалась полной тишиной,
Чтобъ подъ осень вихремъ непогоды,
Злымъ раздоромъ, грозною войной
Не стугились молодые всходы,
Столько благъ сулившіе весной.

Этюды изъ жизни въ среднеазиатскихъ пустыняхъ.

Н. Н. Каразина.

I.

Наурусъ и Джюра, братья «кудукичи» *).

переката гал-
дять! сказалъ
Джюра Нау-
русу.

А Наурусъ
и самъ слы-
шитъ, что гал-
дять; лучше Джюры
слышитъ. Братъ-
то его сидитъ на
корточкахъ, повѣт-
ру ухо насторажи-
ваетъ. Вѣтеръ за-
вываетъ въ стени,
гонитъ шквалами
мелкій песокъ,
такъ и стачиваетъ
голые вершины

бархановъ; забрался вѣтеръ въ саксаульникъ,
смолистый, трескъ пошелъ отъ лома въ степ-
ныхъ заросляхъ; вынесся вѣтеръ сюда, на про-
сторъ, винтомъ вскинулъ высоко золу потух-
шихъ костровъ, захватилъ своимъ крыломъ и
братскій огоньшко, затрещали красныя искорки,
вившись въ отрѣзъ Наурусова халата... Гулко
въ степи подъ вечеръ; холодно, не спокойно...
А въ этихъ природныхъ звукахъ, въ этомъ гулѣ
степей, въ короткій мигъ затишья, нѣтъ-нѣтъ да
и прорвутся иные звуки, не то крикъ — голосъ
человѣческій, не то посвистъ погонный, не то
озлобленный ударъ сухой саксаулины по тощимъ
бокамъ верблюжьимъ...

Наурусъ лучше своего брата слышитъ, въ
чемъ дѣло. Онъ, уже часъ скоро, какъ въ рас-
тяжку лежитъ на пескѣ, ухомъ къ землѣ при-
жавшись. Ему мало вѣтеръ мѣшаетъ, прямо въ
чуткое ухо его посторонніе звуки отдаются...

Понимаетъ Наурусъ, что это фдутъ, тянутся
трудною степною дорогою тяжелыя арбы рус-
скія, четырехколесныя, съ хитрымъ ходомъ, же-
лѣзомъ окованнымъ, съ кожанными, откидными
крышками; такія арбы вмѣстительныя, что цѣ-
лый домъ въ нихъ запрятанъ, со всемъ скар-
бомъ, со всеми путевыми запасами. Тянуть эти
арбы по пескамъ сыпучимъ пятерики верблюжьимъ,
тянуть еле-еле, надрываются, тянуть во всю
свою мочь — да и больше того: отъ тяги непо-
сильной, непривычной, съ натуги околѣваютъ...

Много скотины этой горбатой по сторонамъ
караваннаго, шуруханъ-казалинскаго тракта ва-
ляется, много бѣлыхъ, оглоданныхъ волками ко-
стей изъ-подъ песка топорщится. Въ зимнюю
пору, когда свѣжныя бураны разгуляются, и «вѣ-
шнить» дорогу не надо, — трудно потерять ее пут-
нику, коли чуть не сплошною полоскою по этой
дорогѣ падалъ на свѣгу чернѣть... Проложили
этотъ путь-прямикъ черезъ кызылкумскую пу-
стыню мертвую, костями верблюжьими его уст-
лали эти самыя диковинныя арбы русскія.

Чу! Вонъ усталый конь заржалъ за бархана-
ми, верблюдъ рывкнулъ и застоналъ болѣзненно,
другой ему вздохомъ жалобнымъ вторить. Щел-
котня по бокамъ зачастила, усилилась, словно
не по живому тѣлу бьютъ, пылъ изъ кошмы вы-
колачиваютъ... Должно быть, глубоко, выше сту-
пицы колеса арбяныя въ песокъ вѣзались. Ни
съ мѣста! Ни впередъ, ни въ бокъ ходу нѣтъ,
да и назадъ не попятиться...

— Это, что въ прошлую ночь пескомъ путь
пересыпало, шепчетъ Джюра Наурусу, — это «они»
тутъ вотъ и засѣли... Барханъ-то во-какой на-
вертѣло!.. Гдѣ перебраться!

— «Тюра» урусъ *) въ арбѣ спать, не слы-
шитъ, голосу не подаетъ... я знаю, говорить
Наурусъ своему брату. — «Тюячи» **) одни съ
верблюдами возятся, ну вотъ и стали. Тюра-
урусъ проснется, выѣдетъ... ну... ну тогда ка-
кой хочешь барханъ наворачивай — не остано-
вишь.

— Это вѣрно!.. Урусъ слова такіе знаютъ,
замѣтилъ Джюра.

— Слова... призадумался Наурусъ. — Да... Отъ
такого ихняго слова у Мамуна... Помнишь Ма-
муна-тюячи, что прошлымъ годомъ «чабаромъ»
здѣсь проѣзжалъ, еще ножикъ укралъ у русска-
го?.. Ну, такъ вотъ у этого Мамуна восемь не-
дѣль шея болѣла; такъ и смотрѣлъ все внизъ,
себѣ подъ ноги...

— Это не отъ слова... это...

— Чу-косъ! Отойдѣмъ подальше... Ну ихъ!
Вѣдь вотъ проснулся, вѣрно, урусъ, переѣхали!..

— Двѣ арбы фдутъ, двѣ! караванъ, гляди, съ
ними, вонъ... одинъ, другой, третій, четвертый...
Ого-го! Тюра-то фдутъ важныя!.. Ты чего?

— Сполземъ вонъ туда, пониже...

— Ничего, сиди смирно, — не тронуть! Чего
боишься?

— Чего боюсь! Ничего, вотъ, не боюсь я...
Вотъ нисколько! ворчить Наурусъ...

А самъ уже не валяется въ растяжку, сѣлъ
на песокъ чинно, будто не въ степи сидитъ, а
въ мечети, дѣлаетъ видъ, будто и не хочетъ гля-
дѣть въ ту сторону, а только такъ, нехотя, не-
чаянно глаза свои косить, бѣлками ворочаетъ.

Темно стало въ пустынѣ. Черными, волнисты-
ми грядами вырѣзываются барханы на ночномъ
небѣ, да и то впереди которые, совсѣмъ бли-
зко ежели; а за ними что, все сплошь въ гу-
стомъ мракѣ сливается, ни зги не видно... Что
ни сѣдловина между наносами, что ни трещина
вѣтромъ оголенной изъ подъ сыпучаго песка
твердой породы, — все за дорогу кажется... Лег-
ко въ такую темную, погодную ночь въ степи
съ дороги сбиться, легко въ такую трущобу за-
брести, что и въ жизнь не выберешься. Вер-
блюды подъ вьюкомъ, караванный, тотъ ничего,
найдетъ послѣ дорогу, развѣ отъ колодезь
отобьется, да безъ питья сдохнетъ, не выдержитъ,
а съ арбами русскими бѣда! Никто изъ русскихъ
въ такую ночь и не тронется въ путь съ арба-
ми; развѣ кого подъ конецъ уже перегона за-
хватитъ заноздалаго.

Эти арбы, что издавѣка еще братьями были
заслышаны, эти тоже немного успѣли съ дороги
сбиться; не совѣмъ ладно къ колодцамъ «Бай-
муратъ» выѣхали; еще бы правѣ забрали не-
много, такъ и совсѣмъ бы мимо колодезь про-
махнули, благо во время, джигить съ ними былъ
шустрый, тотъ огонекъ завидѣлъ. Маленькій
огонекъ братскаго костришки чуть-чуть теплился,
чуть-чуть маячило во тьмѣ красное зарево.

Покачиваясь, поскрипывая, побрякивая гай-
ками, медленно двигались, словно не на коле-
сахъ катились, а на животахъ ползли по пес-
камъ, два большихъ тарантаса, казанской, пре-
восходной работы. Спускались эти тарантасы
въ котловину, гдѣ на твердомъ, утрамбован-
номъ верблюжьими ногами, усыпанномъ сухимъ
пometомъ и остатками костровъ днищъ зіяли три
черныя дыры колодезныхъ отверстій. Тюячи въ
поводу вели верблюдовъ, изо всей мочи ихъ за-
рваныя, окровавленные ноздри волокли. Тюра-
урусъ — кто нѣшкомъ идетъ около, а кому лѣнь
вылѣзть, тѣ изъ тарантасовъ выглядываютъ.
Что-то много ихъ видѣется! за тарантасами,
сторонкой, пробирается караванъ небольшой,
вьючный, шесть верблюдовъ. Вьюки все разные,
не то что подъ одинъ ладъ — купеческіе, товар-
ные. На одномъ, вонъ, чемоданы въ холще-
выхъ чехлахъ, петербургской работы, а поверхъ
ихъ клѣтки съ живыми курами, на другомъ яг-
таны бухарскіе переметные, тамъ торчитъ длин-
ный футляръ съ желѣзною, складною кроватью,
тамъ узлице наворачанъ съ гору, въ ватномъ
одѣялѣ, стеганномъ. И нѣтъ въ этихъ вьюкахъ
грузу большого, на ишака малаго такъ въ пору,
а хлопотъ за ними больше, чѣмъ за двадцати-
пудовымъ вьюкомъ купеческимъ; не уладишь ни-

*) Колодезные мастера, землекопы, отъ слова «ку-
дукъ» — колодезь.

*) Русскій господинъ.

**) Проводники.

какъ: ни съ того, такъ съ другого бока валится...

Что ни шагъ, то: «стой!.. перевьючивай!» Вотъ и сейчасъ (немножко, саженой десять не дотянулись до колодезь вилотную), высокій, старый «наръ» *) заревѣлъ благимъ матомъ, брыкаться началъ своими длинными, мускулистыми ногами, подъ самое брюхо сползъ ему ящикъ какой-то, а въ ящикѣ, словно горохъ въ пузырь, гремитъ что-то, пересыпается, еще пуще пугаетъ нара горбатого.

— Эй! черти!.. дьяволы!.. Ахъ подлецы, подлецы!.. Аманъ-бай, ступай туда!.. живо!.. кричитъ одинъ русскій тюра, привставъ на экипажной подножкѣ.

— Эхъ! какъ-бы они тамъ мой «амонить» не изуродовали! слышится другой голосъ изнутри тарантаса.

— Что, никакъ прѣхали? эъваетъ кто-то сладко, только проснулся сейчасъ.

— Чаю, чаю, Аманъ-бай!.. Живо! Эй! Тимофей, наливай чайники, ставь котелки!..

— А что, варить будемъ?

— Ну его съ варкою! А который часъ, господода?

Къ братьямъ кудукчамъ подъѣхалъ джигитъ конный въ зеленомъ халатѣ алачевомъ, въ высокой бараньей шапкѣ черной. Коншико его, заморенный, сапаты, чуть ноги переставляетъ.

— Что за люди?

— А это мы... началъ было Джюра. — Мы люди казенные... мы вотъ... видишь-ли...

— Эй живо тащи утунъ! **) Иди, собирай, тащи сюда! кричитъ, словно въ своемъ собственномъ дворѣ, а не въ вольной степи хозяйничаетъ, джигитъ.

— Су-якши-ма? ***)

— Су джаманъ. Тузъ баръ ****), проговорилъ Наурусъ и сплюнулъ сквозь зубы. — Вонъ дрова! Сколько хочешь, бери. Мы и еще принесемъ. Отчего не принести—принесемъ!.. Ну, Джюра, побредемъ за дровами!..

Побрели братья кудукчи. Шаговъ десять отошли, можетъ, и больше немного, а уже совсѣмъ пропали въ темнотѣ. Ухмыльнулись себѣ каждый подъ носъ и опять сѣли на корточки смотрѣть, что станутъ дѣлать русскіе, какъ съ ночлегомъ да водою управятся будутъ...

— Такъ вотъ и станемъ тебѣ дрова таскать, ладно! ворчитъ Джюра. — У самихъ васъ руки есть. А мы что! мы люди сами по себѣ, казенные... дрова таскать... ншъ-ты!

— Оно-бы отчего не набрать, раскидываетъ умомъ Наурусъ, — урусъ, можетъ, «силлау» *****) дадутъ... А можетъ, по шеѣ достанется за услугу? тотчасъ же беретъ его тревожное сомнѣніе.

А джигитъ Аманъ-бай тѣмъ временемъ не эъваетъ, съ коня своего тощаго слѣзъ, бросилъ такъ, безъ привязи, уйдти некуда. Лихо, споро управляетъ своимъ дѣломъ и руками заграбаетъ, и ногами подкидываетъ. Поверхъ братскаго огонька большой ворохъ сухого саксаульника навалилъ. Затрещало, закоробило сухой колючій хворостъ, высоко взвились кверху красные языки пламени, далеко кругомъ степь освѣтили.

Наурусъ и Джюра еще саженой на пять отползли, за кусты засѣли.

— Ну ихъ, право! Отъ грѣха подальше!

Эхъ, какъ свѣтло отъ костра. Глядѣть любо, весело! Каждая былинка видна на землѣ. Вонъ подковки кусокъ, а можетъ, и стекло отъ битой

бутылки торчитъ изъ подъ воза, словно камень драгоценный сверкаетъ, вонъ мышеносъ между корнями колючаго кустика пробирается. Паукъ большой, косятый, шарикомъ прокатился и спинулъ... все видно! Разостлали джигитъ Аманъ-бай съ Тимофеемъ, русскимъ слугою, кошму большую, сѣрую, поверхъ кошмы одѣло байковое. «Тюра-урусъ» притащилъ корзинку изъ тарантаса, другой «тюра» узелокъ и свертокъ въ бумагѣ; развернули какъ, такъ у братьевъ кудукчей глаза разбѣжались и языки мокнуть стали... Носами потянули Джюра и Наурусъ, въ животахъ ихъ отошались закололо... Чего-чего русскіе изъ этихъ свертковъ да изъ корзинки на кошму не выложили!

Вытащили большую ногу баранью, жареную, холодную, сухарей кучу насыпали все бѣлыхъ, ишеничныхъ, сахару колотого цѣлый мѣшокъ, жестяныхъ коробокъ разныхъ, и круглыхъ, и четвероугольных; такъ и сочится масло сквозь прорѣзанные спайки крышекъ. Весело на этихъ блестящихъ коробкахъ играетъ, искрится костровое пламя.

Вонъ еще два тюра подошли: эти принесли яницъ вареныхъ, тоже въ запасѣ были. Достали они, все изъ тарантаса же, веревку длинную, тонкую, и по этой веревкѣ черезъ каждую сажень красные лоскуточки были навязаны, на самомъ концѣ камень припуганъ. Пошли «тюра» колодезные дыры заглядывать. Одинъ сядетъ на самый край и веревку туда спуститъ, сколько вѣзетъ, другой считаетъ узлы, да въ книжку записываетъ... Промѣряютъ, сейчасъ въ песокъ, въ глину, изнутри вывороченной, что тутъ жѣ грудю лежитъ, копать начинаютъ и этого добра тоже наберутъ понемногу, да все въ карманы.

— И на что это имъ всѣмъ только надобно? недоумѣваетъ Наурусъ.

— Гляди, гляди, вонъ туда... шепчетъ, задыхается даже отъ волненія Джюра. — Гляди, какъ тотъ, вонъ съ бородою черною, какъ онъ это самое мясо въ ротъ закидываетъ! эхъ-ты... ой-вой!..

Заѣрзалъ голодный Джюра на мѣстѣ отъ жгучаго чувства зависти, словно собака подхватилъ слюну на лету языкомъ...

— Сейчасъ они аракъ пили, шепчетъ онъ, словно самъ про себя, — вонъ изъ той бутылки пили... наливали до самыхъ краевъ, полныя чашки наливали и пили. Черный—тотъ бѣлый аракъ пилъ, а вонъ, что рыжая борода торчитъ, — тотъ красный. Изъ коробки рыбку вытащили маленькую, жи—рную!.. тоже съѣли... э... эхъ!..

— Э... эхъ! одною рукою за брюхо, другою за ротъ схватился Наурусъ, такъ неожиданно, да громко ему икнулось...

Киргизы-тюячи, что пришли съ русскими, тѣ тоже управляютъ съ своимъ дѣломъ: верблюдовъ развьючили, изъ тарантасовъ выпутали, огонь себѣ разложили особый и котелъ поставили. «Тоже никакъ жррратъ собираются»... Вьюки поставили полукругомъ отъ вѣтра, чтобы жаръ отъ огня не относился, — тепло имъ спать будетъ!

Былъ съ ними одинъ маленькій такой, старый, придурковатый—Рахманомъ его звали, — этого угнали въ степь съ верблюдами, на паству. Побрелъ за Рахманомъ-дуракомъ еще мальчишка лѣтъ четырнадцати, толстомордый такой, краснощекий, и не по-киргизки совсѣмъ одѣтъ, а въ чалмѣ синей, бумажной, какъ купеческіе сыновья въ городѣ носятъ. И чего его чудака въ степь понесло, въ холодъ, да въ вѣтеръ, когда здѣсь и тепло, и свѣтло, и котелъ, вонъ, закипать начинается?..

— А ну-ко, думаетъ про себя Наурусъ, — я потихоньку собираю сухолому саксаульнаго, много его тутъ-то валяется, да къ огню русскимъ принесу. Принесу да и сяду. Посижу

мало-мало... «Аманъ» — скажу, все какъ слѣдуетъ и хорошаго конца пути по желаю... Не съ разу же вѣдь бить начнутъ! Что же... ну если и ткнуть разокъ—въ скулы... что за бѣда! Я вотъ что... я дровъ наберу, много наберу и спрошу «уруссовъ» о добромъ здоровьи... скажу, что молю Аллаха и день, и ночь... Тамъ все скажу, что самому «уфздному» прошлымъ году даукарикскій мулла говорилъ... бить за что же?.. бить не слѣдуетъ... Закона нѣтъ такого, чтобы за это бить... Вишь вѣдь!.. чуть только срѣзали мясо съ кости и кинули!.. А тамъ еще много — ухъ, какъ много можно найти хорошаго!.. Нѣтъ, иду за дровами!..

Поднялся Наурусъ, глядитъ на товарища, а тотъ уже полный подолъ своего рваного халатника набралъ саксаульнику, на плечо пудовую карягу вскинулъ и межъ кустовъ къ русскому огню пробирается.

— Ишь ты какой, собака, приткій!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Въ житейскомъ морѣ.

Разсказъ Б. Левина.

Часть первая.

Миръ пробуждался отъ дремоты,
Снѣгъ быстро стоялъ на поляхъ,
Видѣлись южныхъ птицъ прилеты,
Немолчный гамъ стоялъ въ лѣсахъ,
Верезы запахомъ смолистымъ
Пронитанъ воздухъ былъ кругомъ,
Сверкало солнце въ небѣ чистомъ,
Вдали былъ слышенъ первый громъ,
Цвѣсти готовились сирени,
Манила къ жару къ себѣ волна
И люди днемъ некали тѣни...
Стояла чудная весна.

Преобразилась глушь родная
И, какъ невѣста предъ вѣнцомъ,
Себя цвѣтами украшая,
Стояла съ радостнымъ лицомъ;
Не такъ унылъ былъ видъ знакомый
Ея убогихъ деревень
И крыши, крытая соломою,
Сверкали въ яркій вѣшній день;
По цѣлымъ днямъ шумѣли дѣти,
Освободившись отъ лачугъ;
Народъ, поднявшись на разсвѣтъ,
Брался опять за старый плугъ.

Вѣдникъ надѣялся, что небо
Пошлетъ хорошій урожай
И не оставитъ вновь безъ хлѣба
До новой жатвы бѣдный край,
Что самъ онъ, труженикъ упорный,
Заплатитъ подати свои
И не уйдетъ въ тоску покорной
На заработки отъ семьи,—
И бороздилъ онъ, терпѣливый,
Родное поле, а надъ нимъ
Сверкало солнце, грѣя пшвы
Тепломъ живительнымъ своимъ.

И въ обветшавшія хоромы, —
Въ миръ непробудной тишины, —
Закрался этотъ лучъ знакомый
Всеоживляющей весны.
Скользили онъ бойко по портретамъ,
По тканямъ выцвѣтшихъ гардинъ,
По разцелившимся паркетамъ,
По тонкимъ нитямъ паутины,
И при его веселомъ свѣтѣ,
Забывши дней тоскливыхъ рядъ,
Будили шумнымъ смѣхомъ дѣти
Сонъ догнывающихъ палатъ.

Но не однихъ ихъ оживила
Здѣсь благодатная весна:
Горячій лучъ свой заронила

*) Наръ — одnogорбый верблюдъ бухарской породы.

**) Дрова.

***) Вода хороша.

****) Вода дурная, соленая.

*****) На водку.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ ГОЛЕМБЬЕВСКАГО.

Къ поэмѣ „Въ морѣ житейскомъ“. (Гл. I.)

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“ г. Діаментовскаго.

Къ ихъ брату старшему она.
Какъ бѣдный узникъ изъ темницы,
Перенесенный въ домъ родной,
Онъ возвратился изъ столицы
Усталый, слабый и больной.
Къ нему предъ ихъ гурьбой шумливой
Закрѣтъ былъ доступъ, а теперь
Онъ самъ съ улыбкою счастливой
Къ себѣ открылъ имъ настежь дверь.

Мать съ безграничною любовью
Въ слезахъ смотрѣла на него:
Въ ней обливало сердце кровью
При видѣ сына своего.
Ей представлялось, сколько муки,
Лишений, горечи и слезъ
Среди чужихъ, во дни разлуки,
Въ борьбѣ съ судьбой онъ перенесъ,
И тайно горькіе упреки
Старушка посылала тѣмъ,
Чьи лѣнь, безпечность и пороки
Ихъ всѣхъ оставили ни съ чѣмъ.

Ей вспоминалось, какъ жилали
Въ хоромахъ этихъ предки ихъ
Въ тѣ дни, когда ихъ окружали
Толпы холоповъ крѣпостныхъ,
Когда на псарнѣ меньше было
У доѣзжачихъ и псарей
Тѣхъ нуждъ, которыя сносила
Она въ кругу своихъ дѣтей,
Когда съѣзжалось полуѣзда
Въ томъ самомъ домѣ покутить,
Гдѣ нынче сына въ делѣ пріѣзда
Едва возможно угостить.

А сынъ—ея любимецъ Коля,—
Вдыхая полной грудью вновь
Струей широкой пливший съ поля
Здоровый воздухъ, былъ готовъ,
Забывъ недугъ, забывъ невзгоды,
Съ дѣтми рѣзвиться, какъ дитя,
Какъ будто бѣдъ недавнихъ годы
Онъ прожилъ, весело шутя,
И мать печальную лаская,
Онъ говорилъ ей: «Погоди!
Еще тебя, моя родная,
Ждетъ сладкій отдыхъ впереди!

«Къ концу идетъ моя работа.
Не даромъ гнулъ я эту грудь,
Не даромъ пролилъ капли пота,
Пробить стараясь въ жизни путь.
Еще два-три тяжелыхъ взмаха
И цѣпи нашей нищеты
Спадутъ на вѣки и безъ страха
О дѣтяхъ будешь думать ты.
Они пойдутъ дорогой къ знанью,
Дорогой къ честному труду,
Не подвергаясь испытанью
Впасть безоружными въ нужду.

«Довольно, если въ этой школѣ
И мнѣ случилось побывать,
Когда былъ долженъ по неволѣ
Я хлѣбъ насущный добывать.
Безъ подготовки, безъ умѣнья,
Безъ знаній взялся я за трудъ,
Искалъ путей, стремясь въ волненны
Узнать, куда они ведутъ.
Не мало выстрадавши горя,
Самъ на себѣ извѣдалъ я,
Какъ тяжело въ открытомъ морѣ
Плыть безъ компаса и руля.

«Я не погибъ въ борьбѣ съ судьбою,
Но сколько силъ потратилъ я,
Чтобы не пасть, чтобъ вырвать съ бою
Святое право бытія;
Чтобъ охранять отъ грязныхъ пятенъ
Себя въ томъ мірѣ зла и лжи,
Гдѣ часто тотъ могучъ и знатенъ,
Кто совѣсть продалъ за гроши,

Кто хладнокровно ближнихъ давить,
Кто, за наживою сѣбѣ,
Отважно все на карту ставить
Во ожиданіи барыша.

«Нѣтъ, объ одномъ молю я Бога,
Чтобъ въ пору юношескихъ грезъ
Подобной скользкою дорогой
Плестись братишкамъ не пришлось,
Чтобы избавило ихъ небо
Отъ растлѣвающихъ заботъ
Лишь о кускѣ насущномъ хлѣба,
Давящихъ мысль, какъ рабства гнетъ;
Чтобъ не пришлось въ трудѣ подневномъ
Имъ биться ошупью, въ потьмахъ,
Какъ рудокопамъ, погребеннымъ
Безъ лампъ, безъ кировъ въ рудникахъ».

И вотъ въ часы отдохновенія,
Въ затишьи свѣтлыхъ вечеровъ
Протекшей жизни впечатлѣнья
Припоминалъ въ семьѣ онъ вновь...
На свѣтѣ явился онъ въ то время,
Когда его надменный дѣдъ
Ужъ несъ долговъ тяжелыхъ бремя
За жизнь вельможи прошлыхъ лѣтъ,
Когда отецъ его, кутила,
Лихой гусаръ былыхъ временъ,
Въ Москвѣ проживши все, что было,
Отставку взять былъ принужденъ.

Въ дни обнищанія роковые
Онъ прибылъ съ сыномъ и женой
Къ отцу, въ хоромы родовыя,
Дни коротать въ глуши стеной,
Чтобъ между «дѣвичьей» и «псарней»
Дѣлать досугъ свой безъ заботъ,
Жирѣя, точно на поварнѣ
Жирѣетъ праздно сытый котъ,
Чтобъ посреди безпечной лѣни,
Не размышляя ни о чемъ,
Перезалогамъ имѣній
Едва сводить конецъ съ концемъ.

Въ такой средѣ пришлось Колѣ
Вращаться въ дѣтскіе года:
Въ лѣсу сегодня, завтра въ полѣ,
Урокъ пропущенъ—не бѣда!
Отецъ объ этомъ не узнаетъ,
Давно отбившись отъ семьи,
А мать?—она не успѣваетъ
Съ другими нянчиться дѣтми.
Растетъ число ихъ постепенно,
Умретъ одинъ, глядишь, опять
Съ улыбкой тихой и блаженной
Кого-то грудью кормить мать.

Порой она твердила Колѣ:
«Мы на порогѣ нищеты,
Хлѣбъ добывать свой по неволѣ
Трудомъ тяжелымъ долженъ ты.
Но нужно для труда умѣнье,
Нужна привычка, чтобъ потомъ,
Являсь источникомъ мученья,
Не сталъ онъ каторжнымъ трудомъ!
Учись! Когда придутъ невзгоды —
Учиться поздно, силъ же нѣтъ
Вернуть потерянные годы...
А вѣдь тебѣ шестнадцать лѣтъ!»

Но мальчикъ бойкій, непокорный,
Полей свободное дитя,
Не испытывъ недоли черной,
Смотрѣлъ на жизнь еще, шутя.
Высокій, стройный и румяный,
Любилъ скакать онъ по лугамъ
И конь подъ нимъ смирялся рыный,
Покорный опытнымъ рукамъ.
Любилъ сидѣть онъ съ бурлаками
У потухающихъ костровъ,
Внимая толкамъ и глазамъ
Слѣда за стаей облаковъ.
Порой онъ сиживалъ по-долгу

На скатѣ берега, въ мечтахъ
Забывъ весь міръ, смотря на Волгу
При догорающихъ лучахъ,
На эти баржи и расшивы,
На эти лодки и плоты,
Гдѣ трудъ тяжелый терпѣливо
Свершаютъ дѣти нищеты;
Тогда въ ту даль его манило,
Куда несетъ людей рѣка,
И молодую грудь давила
Необъяснимая тоска.

О чемъ? Онъ здѣсь, какъ птица, воленъ
И развѣ только стгоряча
Порою, чѣмъ то недоволенъ,
Отецъ ругнетъ его сплеча.
Да! Но вопросовъ рядъ проклятый:
Зачѣмъ отецъ такъ сильно пьетъ?
Зачѣмъ онъ ѣздитъ все куда-то
И вовсе дома не живетъ
А мать его? Что это значитъ,
Что, молчалива и блѣдна,
Она то молится, то плачетъ,
Нѣмой тоской удручена.

И вотъ негаданно, неожиданно,
Какъ намъ въ ночи нисходятъ сны,
Насталъ свободы часъ желанный
Съ приходомъ первыхъ дней весны.
Еще кругомъ спала природа,
Ледъ синій сковывалъ ручьи
И только дольше съ небосвода
Лились горячіе лучи,
Когда по утру разъ на тройкѣ,
Звонками спугивавшей сонъ,
Родитель юноши съ попойки
Домой былъ мертвымъ привезенъ.

Какъ страшнымъ громомъ пораженный,
Всталъ Коля: вотъ несутъ съ крыльца,
Въ домъ вносятъ смертью искаженный,
Весь посинѣвшій трупъ отца;
Въ старинномъ залѣ на паркетѣ
Лежитъ безъ чувствъ бѣдняжка-мать,
Въ испугѣ въ уголь жмутся дѣти,
Не знаютъ слуги, что начать,
Кругомъ же слышится вопросы:
«Убили?.. Какъ?.. За что же?.. Гдѣ?
Дать нужно знать!.. Пойдутъ допросы!..
Найдутъ власти!.. Быть бѣдѣ!..»

Пріѣздъ врача и станowego,
Матюшки-кучера допросъ,
Разсказъ, какъ барина хмѣльного
Онъ съ буйной оргіи привезъ,
Напѣвъ уныло-монотонный
Ихъ деревенскаго дьячка,
На гробъ смотрящій полусонно
Взоръ мутный дѣда-старика,
Ихъ дворни старой вой тоскливый,
Безмолвно плачущая мать,
Все это такъ свѣжо и живо
Возсталъ въ памяти опять.

Давно промчалось время это,
Но очень ясно помнить онъ,
Какъ собрались къ нимъ для совѣта
Родные послѣ похоронъ,
Какъ, разбирая положенье
Ихъ разорившейся семьи,
Замѣтилъ кто-то, что ученья
Для Коли дни давно прошли,
Что безъ него дѣтей здѣсь много,
Ему-жъ служить давно пора,
Что передъ нимъ одна дорога—
Вступить скорѣе въ юнкера.

Княгиня-тетка разсудила,
Что нужно въ гвардію идти.
Князь-дядя вымолвилъ: «Вся сила —
Въ полку протекцію найти».
Тутъ предводитель ихъ уѣзда

Сказалъ: «Къ кому-нибудь потомъ
Его снабдимъ мы до отъѣзда
Рекомендательнымъ письмомъ».
Затѣмъ родней къ другимъ невзгодамъ
Вопросъ о Колѣ былъ сведень...
(Онъ и задѣтъ былъ мимоходомъ
И мимоходомъ былъ рѣшень).

А что же Коля? Въ центрѣ движенія,
Въ многоязычную толпу
Онъ попадетъ и свидѣнья
Осуществятся на яву.
Съ чего же сердце сильно бьется?
Зачѣмъ же слезы на глазахъ?
Онъ не ликуетъ, не смѣется
И ощущаетъ только страхъ,—
Страхъ передъ тѣмъ, къ чему стремился,
Чего такъ пламенно желалъ,
Чего случайно такъ добился,
Какъ никогда и не мечталъ.

Вдругъ стали дороги и млы
Ему родимыя мѣста,
Хоромъ ихъ древнихъ видъ унылый,
Аллеи заросшихъ темнота,
Надъ косогоромъ ихъ селенье,
Полей раздольныхъ ширина,
На Волгѣ бойкое движеніе,
Въ лѣсу святая тишина,
Храмъ деревенскій,—храмъ убогій,—
И скромныхъ памятниковъ рядъ,
Гдѣ послѣ жизненной тревоги
Кормильцы-труженики спятъ.

Вотъ и весна уже въ началѣ:
Не нынче—завтра подъ травой
Зазеленѣютъ эти дали,
Лѣсъ разукрасится листвою,
Рѣка, шумя, придетъ въ движеніе,
Освободившись отъ оковъ,
Надъ ней польются въ отдаленіи
Родныя пѣсни бурлаковъ,
Въ душѣ пробудится сознаніе,
Что здѣсь она въ семьѣ своей,
Что здѣсь и радость, и страданіе
Не могутъ чуждыми быть ей...

А тамъ?

Но поздно предаваться
Вопросамъ празднымъ безъ конца:
Багажъ готовъ, пора прощаться,
Ждетъ тройка съ ржаньемъ у крыльца,
Бѣгутъ малютки-сестры, братья
Къ нему гурьбой въ послѣдній разъ;
Прижавъ его въ свои объятія,
Мать осушить не можетъ глазъ,
Вотъ губы дворни сердобольной,
Взрослившей барское дитя,
Коснулись рукъ его... «Довольно!
Прощайте, добрые друзья!»

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ прошлаго и настоящаго Америки.

Ст. Н. В. Шелгунова.

I.

Основаніе Союза.

Утромъ 22-го іюля 1... небольшое судно «Speedwell» готовилось выйти изъ Дельортской гавани на голандскомъ берегу въ Суттамптонъ, гдѣ его ждалъ большой корабль «Mayflower». Пассажиры группами стояли на палубѣ, лица ихъ были серьезны и торжественны,—отплывавшіе какъ будто ждали чего-то. На палубѣ появился священникъ; онъ всталъ на колѣни, благоговѣнно сложилъ руки и произнесъ рѣчь, которую также благоговѣнно и на колѣняхъ выслушали отплывавшіе. «Если Богъ удостоитъ васъ новаго откровенія, сказалъ священникъ,—то примите его также, какъ тѣ истины, которыя я вамъ провозглашалъ. Я убѣжденъ, что Господь допустить въ его святомъ словѣ открытіе еще

многихъ истинъ. Что же касается до меня, то я даже и не въ состояніи выразить всю мою скорбь о положеніи нынѣшней реформатской церкви. Она хочетъ быть только орудіемъ реформации и ни чѣмъ болѣе. Лютеране не идутъ дальше словъ Лютера и согласны скорѣе умереть, чѣмъ принять то, что Богъ открылъ черезъ Кальвина. Великій божій человекъ постигъ однако не все, но кальвинисты тоже держатся крѣпко только за то ученіе, которое онъ имъ оставилъ. И въ этомъ великое бѣдствіе людей. Хотя реформаторы были въ свое время блестящими свѣтильниками, хотя на нихъ и снизошла благодать божія, но они все-таки не могли постичь всѣхъ истинъ. Если бы они жили теперь—они усвоили бы себѣ болѣе свѣта, чѣмъ восприняли вначалѣ. Я васъ прошу объ одномъ: помните постоянно ученіе нашей церкви, которое гласитъ, что нужно принимать всякую истину, которая вытекаетъ изъ писаннаго слова Божія. Истины не могли озариться сразу полнымъ своимъ свѣтомъ послѣ антихристіанской тьмы и пробивали себѣ путь мало-по-малу».

Послѣ напутствія маленькое судно снялось съ якоря и въ Суттамптонѣ передало своихъ пассажировъ «Mayflowerу». Плаваніе было продолжительно, утомительно и опасно. Кто же были путешественники и куда они плыли? Это были тѣ пуритане, которые въ 1620 году отплыли изъ Европы искать себѣ въ Америкѣ новаго отечества и положили основаніе политическимъ и общественнымъ учрежденіямъ, создавшимъ нынѣшній Сѣверо-американскій Союзъ.

Болѣе 65 дней плыли пилигримы, прежде чѣмъ они увидѣли плоскіе берега Новаго Свѣта и ступили на твердую землю. Сейчасъ же были разосланы развѣдчики, чтобы осмотрѣть незнакомую мѣстность; мѣстность оказалась безплодной и на бѣду еще развѣдчики встрѣтились съ толпой враждебныхъ индѣйцевъ. Погода стояла скверная, снѣгъ шелъ въ перемежку съ дождемъ и начались морозы. Вода на платяхъ мерзла, такъ что они стояли, какъ желѣзные панцири. Пуритане рѣшили бросить негостепріимную мѣстность, сѣли на корабль и поплыли дальше. Скоро они увидели маленький островъ, на который и высадились. Пилигримы привели въ порядокъ свои одежды, поблагодарили Бога за спасеніе, зарядили ружья и легли спать. Это было 9-го декабря 1620 года, а на другой день пуритане праздновали первое воскресенье въ Новомъ Свѣтѣ по заповѣди божіей въ тишинѣ и въ искренней молитвѣ. На другой день была изслѣдована бухта, въ которой остановился корабль, затѣмъ развѣдчики пошли внутрь страны, нашли много хлѣбныхъ полей и ручьевъ съ свѣтлой водою. Когда эти добрыя вѣсти были принесены поселенцамъ, они пришли въ великую радость и отпраздновали этотъ день. Онъ празднуется и нынче повсюду въ Америкѣ и называется прародительскимъ днемъ. Земля, на которую ступили первые пилигримы, считается святой землею, прародительская скала, гдѣ они пристали, обведена кругомъ изгородью, верхняя часть скалы снята и отдана на сохраненіе въ пилигримскій залъ въ Плимутъ.

Прежде чѣмъ оставить совѣтъ «Mayflower», переселенцы собрались въ каюту, гдѣ предводители ихъ прочитали и предложили къ подпису слѣдующій документъ. «Во имя Божіе, аминь. Мы, нижеподписавшіеся, послушные подданные нашего могущественнаго короля Іакова, принимавшіе путешествіе во славу божію и для распространенія христіанской вѣры для чести нашего короля и нашей страны, чтобы основать первое поселеніе въ сѣверной части Виргиніи, соединяемъ и связываемъ себя симъ торжественно и взаимно, при свидѣтельствѣ Бога и каждаго изъ насъ, къ государственной общественной жизни для

поддержанія порядка и всѣхъ необходимыхъ для этой цѣли средствъ. Для этого мы составимъ такіе справедливые законы, установленія и обязанности, которые найдемъ соответственными общему благосостоянію колоній. Мы обѣщаемъ оказывать установленному нами порядку полное послушаніе и подчиненность. Этотъ договоръ былъ подписанъ 41 мужчиной и послужилъ первымъ зерномъ для развитія демократическихъ учреждений сѣверной Америки.

Въ томъ же году одинъ голандскій корабль привезъ первыхъ негровъ въ колонію Виргиніи и продалъ ихъ, какъ рабовъ. Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же году было положено начало свободѣ и рабству. Только на нашихъ глазахъ, спустя два съ половиною столѣтія, цѣною страшныхъ кровавыхъ жертвъ была искуплена Американскимъ Союзомъ эта его ошибка.

Американскій Союзъ и его учрежденія создались изъ тѣхъ идей и понятій, которыя были внесены въ Америку первыми переселенцами. Исторія развитія этихъ идей есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія развитія Американскаго Союза. Люди, выдающіеся по рожденію или способностямъ, которымъ по той или другой причинѣ оказывалось невозможнымъ жить въ Старомъ Свѣтѣ, бѣжали въ Америку и создавали въ ней себѣ новое отечество. Такими болѣе выдающимися людьми между первыми переселенцами были Джонъ Уинсропъ, Генри Вэнь, Джонъ Коттонъ и Анна Гутчинсонъ. Генри Вэнь, человекъ аристократическаго происхожденія, кроткій, тонко образованный, склонный къ терпимости, всю жизнь свою держался безусловной свободы въ государствѣ и въ вѣрѣ. Этимъ, и въ особенности своимъ кроткимъ обращеніемъ съ индѣйцами, а еще болѣе заступничествомъ за Анну Гутчинсонъ возбудилъ скоро противъ себя неудовольствіе. Гутчинсонъ явилась проповѣдницей ученія о благодати и отвергала всѣ внѣшнія религіозныя формы и благочестивыя дѣла. Она проповѣдывала, что духовные и свѣтскіе распадаются на два класса: на отверженныхъ, которые связаны своими дѣлами, и на людей благодати, которые одни и есть истинные христіане. Гутчинсонъ проповѣдывала преимущественно женщинамъ и пользовалась между ними большимъ сочувствіемъ. Противъ ея ученія вооружились нѣкоторые изъ духовныхъ и Гутчинсонъ была извергута изъ церковной общины и изгнана.

Главною причиной этой религіозной нетерпимости были, какъ кажется, политическія соображенія. Джонъ Уинсропъ, человекъ весьма дѣльный, былъ избранъ первыми поселенцами въ намѣстники, а затѣмъ, съ прибытіемъ новыхъ поселенцевъ, появились и новые люди, къ которымъ склонились симпатіи большинства. Къ числу этихъ новыхъ людей принадлежалъ и Генри Вэнь, избранный на мѣсто Уинсропа. Столкновеніе кончилось тѣмъ, что Гутчинсонъ была изгнана, Генри Вэнь уѣхалъ обратно въ Англію, а Джонъ Уинсропъ былъ избранъ снова въ намѣстники. Онъ воспользовался своей властью, чтобы предостеречь колонистовъ отъ вліянія на нихъ людей, проповѣдующихъ слишкомъ крайнія ученія и вовлекающихъ въ безпорядки. «Есть двѣ свободы», говорилъ Джонъ Уинсропъ: «одна естественная, другая гражданская. Первая не хочетъ знать никакихъ законовъ и ограниченій и человекъ, удовлетворяя своимъ страстямъ и похотямъ, живетъ, какъ звѣрь съ другими звѣрями. Другая—есть моральная или политическая свобода, когда люди подчиняются обязательствамъ, въ которыхъ они взаимно согласились». «За эту-то свободу», говорилъ Уинсропъ, американцы должны стоять всѣмъ своимъ имуществомъ и даже своею жизнью».

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА Ф. У. ТОШЭМА.

Утро передъ монастырскимъ праздникомъ. Съ Лондонской академической выставки.

Рѣзано на деревѣ въ Лондонѣ.

Охота на медвѣдя.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политепани“ г. Діаментовскаго.

Джонъ Коттонъ, отличавшійся краснорѣчіемъ и ученостью, поучалъ, что монархія и аристократія признаются священнымъ писаніемъ и что Богъ удержалъ верховную власть только для себя, передавъ ее духовнымъ. Это воззрѣніе не понравилось пуританамъ и они возражали учителю, что оставили свое отечество не для того, чтобы взвалить себя на плечи новое господство. Пуритане въ этомъ случаѣ остались вѣрны себѣ и всѣми силами противились возстановленію какого бы то ни было привилегированнаго господства.

Между новыми пришельцами находился еще человекъ весьма замѣчательный, въ которыхъ вообще тогда не было недостатка. Онъ тоже бѣжалъ изъ Европы, отъ ея суевѣрія и предразсудковъ, чтобы жить въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ, какъ ему думалось, всякій можетъ высказывать свои убѣжденія и поступать согласно имъ. Это былъ итальянецъ Рожеръ Уильямсъ, бывший священникъ. По политическимъ и религіознымъ понятіямъ онъ слишкомъ опередилъ свое время и не нашелъ въ Новомъ Свѣтѣ того, чего искалъ. Онъ доказывалъ, что не только переселенцы, но даже и король Іаковъ, давшій имъ права на индѣйскія земли, также не могутъ ими распорядиться, какъ американскіе индѣйцы англійскимъ королевствомъ; землю эту нельзя отнимать силой, а слѣдуетъ только покупать. Онъ училъ, что каждый можетъ вѣрить и учить по своему усмотрѣнію; онъ проповѣдывалъ полное отдѣленіе церкви отъ государства и безусловную духовную свободу. Онъ доказывалъ, что никого нельзя принуждать исполнять богослуженіе, съ которымъ онъ несогласенъ. Священники возражали, что если лишить власть права вмѣшательства, то какъ же спасти церковь отъ заблужденій и какъ поддерживать истинную религію. Уильямсъ отвѣчалъ: «Если истина не можетъ взять перевѣса надъ заблужденіемъ, то, значитъ, сатана могущественнѣе Бога. Я этому не вѣрю». Ему говорили, что народъ, предоставленный самъ себѣ, никогда не найдетъ истины и что поэтому ему нужны путеводители. Уильямсъ отвѣчалъ: «Если вы будете держать людей на помочахъ, они никогда не будутъ самостоятельны и всегда будутъ нуждаться въ путеводителѣ. Никакими преслѣдованіями и наказаніями нельзя принудить людей вѣрить тому, чему они не вѣрятъ. И развѣ вы сами не служите доказательствомъ этого, замѣтилъ Уильямсъ своимъ противникамъ;—вы только потому и оставили страну своихъ отцовъ, что не могли вѣрить по приказанію. Теперь же вы готовы преслѣдовать меня за то, что я не могу вѣрить тому, чему вы вѣрите. Если вы сдѣлаете надъ мной насиліе, вы сами пойдете противъ лучшаго вашего дѣла. Вы даже можете убить меня, но этимъ вы не уничтожите ни одного слова изъ божественной истины». Уильямсъ былъ изгнанъ изъ Массачусетса и ушелъ къ индѣйцамъ. Недалеко отъ Нарагансетской бухты, при нынѣшнемъ городѣ Провиденсѣ, индѣйцы дали Уильямсу нѣсколько акровъ земли. Вскорѣ къ нему прибыли его жена, дѣти и нѣкоторые изъ его послѣдователей и Уильямсъ основалъ новую колонію. Эта новая колонія, извѣстная подъ именемъ Родъ-Эйланда, положила основаніе свободнѣйшей демократической общинности. Въ ней въ религіозныхъ дѣлахъ ни свѣтскія, ни духовныя власти не имѣли никакой силы и каждый могъ вѣрить или не вѣрить, чему онъ хотѣлъ. Жители колоніи, договоромъ, который они заключили между собою, подчинили себя общинной власти только въ гражданскихъ дѣлахъ. Нѣкто Юшуа Веринъ былъ лишенъ гражданскихъ правъ за то, что не позволялъ своей женѣ посѣщать службу Уильямса такъ часто, какъ бы ей хотѣлось.

Когда народонаселеніе общины было еще невелико, она управлялась «стариками», т. е. отцами

семействъ, которые собирались разъ въ мѣсяцъ для обсужденія общинныхъ дѣлъ. Съ увеличеніемъ населенія непосредственное демократическое управленіе было замѣнено представительствомъ. Права представителей были ограничены и заключенія ихъ могли быть представлены на апелліцію къ народу. Общія законы обсуждались городскими общинами и если были одобрены, то входили въ силу, но только до ближайшаго собранія депутатовъ всей колоніи. Утверждался же окончательно законъ только тогда, когда депутаты высказали свое заключеніе. Этотъ порядокъ, выработанный колоніей Уильямса и въ основѣ котораго было положено самостоятельное коммунальное учрежденіе, послужилъ образцомъ при дальнѣйшей организаціи сѣверо-американскаго союза и установленія отношеній отдѣльных штатовъ къ центральному управленію. Но другъ Мильтона и Кромвеля — Уильямсъ, высказывавшій за 250 лѣтъ то, что и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ показало бы новымъ, погрѣшалъ иногда противъ коренныхъ своихъ убѣжденій, потому что библія служила ему единственнымъ руководителемъ. Онъ, напримѣръ, велѣлъ продавать военнопленныхъ индѣйцевъ только потому, что іудеи поступали съ своими пленными такимъ же образомъ. Но за то въ тѣ страшныя времена, когда квакеровъ наказывали въ Массачусетсѣ кнутомъ и вѣшали, Уильямсъ, горячій противникъ ихъ ученія, далъ имъ у себя убѣжище и когда пуритане потребовали ихъ выдачи, отвѣчалъ: «Мы находимъ, что эти люди рѣже всего отправляются туда, гдѣ они находятъ свободный входъ, гдѣ, какъ у насъ, выступаютъ противъ нихъ съ доказательствами, а не съ преслѣдованіями».

Колонія Уильямса принадлежала къ числу тѣхъ, которыя изображали собою протестующее начало. Первые колоніи, какъ, напримѣръ, Массачусетсъ, учреждались въ силу правъ, предоставленныхъ имъ англійскими королями. Въ этихъ колоніяхъ намѣстники и вице-намѣстники назначались короной и подобный порядокъ продолжался въ нихъ до самой революціи. Другія колоніи, какъ, напримѣръ, Провиденсъ или Нью-Гэвнъ, были основаны людьми, нежелающими поступить подъ верховную власть уже существующихъ колоній и потому основали колоніи самостоятельныя. Напримѣръ, въ Нью-Гэвнѣ общественная жизнь была вся основана на церкви и только члены церкви могли быть избираемы въ магистратуру. Стремленіе къ независимости и самостоятельности было настолько сильно въ этихъ колоніяхъ, что, напримѣръ, Дэвенпортъ, основатель Нью-Гэвна, принявъ Веллея, Госса и Диксуэля, главныхъ судей, приговорившихъ Карла I къ смерти, «Они, говорилъ Дэвенпортъ, поступили по совѣсти и праву, они заслуживаютъ похвалы и не должны быть выданы ихъ преслѣдователямъ. Враги ихъ могутъ считать ихъ достойными смерти, но у меня есть свое сужденіе и я другого убѣжденія».

Не смотря на то, что начало американскому союзу положили преимущественно духовныя лица, пытавшіяся ввести строго теократическое управленіе, духовный абсолютизмъ оказывался невозможнымъ, ибо рядомъ съ проповѣдниками библіи являлись люди съ лучшимъ и болѣе прогрессивнымъ образованіемъ. Эти лучшіе люди болѣею частью были тоже духовными и они-то и стали во главѣ новыхъ поселеній. Люди убѣжденные, способные на великое самопожертвованіе, они вели поселенцевъ въ пустыни, помогали колонистамъ расчищать первобытные лѣса, вводить культуру, они помогали имъ словомъ и дѣломъ какъ въ организаціи мирнаго быта и устройства поселеній, такъ и въ борьбѣ съ опасностями, окружавшими поселенцевъ. Духовные были тогда единственными людьми съ высшимъ образованіемъ. Въ своихъ проповѣдяхъ они разрѣшали все вопросы жизни, теоретическіе и

практическіе, разъясняли недоразумѣнія и подерживали умы поселенцевъ въ постоянномъ движеніи. Не было вопроса, который бы не служилъ предметомъ проповѣдей, а затѣмъ предметомъ обсужденія и разговора общины, слушавшей проповѣдь. Вопросы о жизни и смерти, объ обязанности людей другъ къ другу и къ Богу, государственныя, гражданскія событія, все это служило матеріаломъ, которымъ пользовались духовные для просвѣщенія поселенцевъ. Проповѣдники были народными трибунами и учителями и они-то положили начало той подвижности мысли, дѣловому направленію и дѣятельности, которыми отличаются современные американцы. Нѣкоторые изъ проповѣдниковъ отличались такимъ свободомысліемъ и духомъ строитиваго непокорства, что, конечно, ни одному изъ нихъ даже и нынче метрополія не позволила бы высказывать у себя тѣхъ мыслей, которыми они старались въ то время воздѣйствовать на умы, прививая къ поселенцамъ ту же непокорность и строитивость. Ионатанъ Мейнио, высказывая, напримѣръ, что «было бы глупой трусостью и совершеннымъ безуміемъ, если бы цѣлая нація дозволила одному неразумному, честолюбивому и жестокому человеку легкомысленно играть ея бѣдствіями. Проклятіе постигаетъ такіе народы, если они не поднимаются на возстаніе». Ничего нѣтъ мудренѣе, что колонисты, которыхъ воспитывали въ подобныхъ мысляхъ, такъ легко выступили противъ Англіи на защиту своихъ правъ.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же духовныхъ проповѣдниковъ колонисты очень скоро отдѣлились отъ англиканской церкви. Они отвергли общій молитвенникъ, англиканскую литургію и старинный обычай посвященія. Духовные выбирались общинами и получали благословеніе другъ отъ друга. Въ этомъ и заключалось посвященіе. Если въ общинахъ не было духовнаго лица, то онѣ облекали въ званіе проповѣдника кого находили болѣе достойнымъ, дѣлая это совершенно также, какъ выборъ и назначеніе въ гражданскія должности. Случалось, что на кафедру веходили и намѣстники. Когда впоследствии оказалось необходимымъ имѣть установленную формулу вѣроисповѣданія, которая бы служила основаніемъ для религіознаго воспитанія, то соборомъ священниковъ былъ составленъ катехизисъ, дѣйствующій во многихъ случаяхъ и до сихъ поръ. Катехизисъ этотъ признаетъ только два таинства: крещеніе и причащеніе; бракъ онъ считаетъ простымъ гражданскимъ договоромъ, заключеннымъ при посредствѣ свѣтскихъ чиновниковъ.

Когда по мѣрѣ развитія колоній внутреннія отношенія усложнились, потребовалось издать постановленія, которыя служили бы кодексомъ взаимныхъ гражданскихъ обязательствъ. Первый такой кодексъ былъ составленъ въ Нью-Гэвнѣ и въ немъ не говорится нигдѣ ни слова о власти метрополіи. Затѣмъ еще болѣе усложненныя отношенія вызвали поселенія, находившіяся подъ управленіемъ Массачусетса, Коннектикута, Плимута и Нью-Гэвна, заключить союзъ и составить уставъ конфедераціи. «Такъ какъ, говоритъ уставъ, все мы прибыли въ Америку по однимъ и тѣмъ же причинамъ, чтобы увеличить царство нашего Господа Иисуса Христа и чтобы наслаждаться въ мирѣ вольностями, даваемыми священнымъ писаніемъ, но по случаю нашей разбросанности вдоль морского берега и рѣкъ не можемъ находиться подъ однимъ управленіемъ, то и заключили союзъ, чтобы быть и оставаться соединенными какъ въ народно-религіозномъ отношеніи, такъ и въ другихъ случаяхъ. Мы называемъ себя нынѣ и навсегда соединенными колоніями Новой Англіи. Заклучаемъ нынѣ и на вѣчныя времена союзъ для нападенія и защиты, для обоюднаго совѣта и помощи, для поддержа-

нія и охраненія истины и вольности священнаго писанія, для нашей собственной обоюдной безопасности и благосостоянія». Затѣмъ слѣдуютъ отдѣльные пункты уложенія. Такимъ образомъ разбросанныя поселенія соединились въ союзъ и образовали государственное ядро, изъ котораго впоследствии создалось могущественное государство.

Мы боялись, что подробности, въ которыя вдались, могутъ утомить вниманіе читателя по намъ казалось невозможнымъ ихъ избѣгнуть, потому что иначе было бы совершенно непонятно, почему нынѣшніе сѣвероамериканскіе соединенные штаты по своимъ политическимъ и гражданскимъ вольностямъ и учрежденіямъ составляютъ такую противоположность съ государствами Европы. Если отдѣльная человѣческая личность не можетъ быть понята, когда неизвѣстны условія ея воспитанія и развитія, то еще труднѣе понять характеръ всей жизни и внутреннихъ отношеній народа или цѣлаго государства, когда неизвѣстна исторія его учреждений.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Стихотворенія И. С. Никитина. *)

I.

Исповѣдь.

Охъ, водкой зашибаюсь...
Что дѣлать! не таюся.
И передъ Богомъ каюся,
Передъ людьми винюся.
И рукава вотъ прорваны,
И рожа не чиста,
И силы понадорваны,
И совѣтъ прошта,—
Какъ есть дошелъ до подлости!
Эхъ, крутъ былъ мой отецъ!
Держалъ меня онъ въ строгости,
Богатѣй былъ купецъ;
Онъ взялъ меня отъ азбучки
И въ лавку посадилъ;
Проклятой этой лавочки
Теперь я не забылъ.
Бывало, кровь бросается
Въ лицо мнѣ отъ стыда:
Все плутовствомъ кончается...
А не силутой,—бѣда!
«Нѣтъ, ты пойми ученіе,
Накинѣтся отецъ,
«Ты будь, мое почтеніе!
«По правиламъ купецъ»...
Что слово,—брань обидная.
Стоишь, въ ухахъ звенить
И въ сердцѣ злость постыдная
Противъ отца кипитъ.
Сказалъ бы слово смѣлое,
Молчишь,—хоть тяжело...
И черное за бѣлое
Идетъ тебѣ на зло.
Привычка вещь мудреная,
Привыкъ я ко всему;
Рѣшилъ,—что доля темная,—
Такъ нужно быть тому.
Оплеваный, обруганный,
Я злился на себя;
Людей, какъ звѣрь запуганный,
Боялся, не любя.
Привыкъ я къ послушанію.
Но разъ не умолчалъ!
Отцу по приказанію
Я библию читалъ.
Горѣла свѣчка сальная,
Въ углу мурлыкалъ котъ

И пѣлась пѣснь печальная,
Богъ вѣсть кѣмъ у воротъ.
Отецъ ходилъ нахмуренный
И полъ подъ нимъ скрипѣлъ;
Съ стѣны отштукатуренной
Портретъ его глядѣлъ.
Читалъ я,—что за чтеніе!
Учень я плохо былъ
И какъ-то удареніе
Не тамъ постановилъ.
Отецъ мой плетъ ременную
Снялъ молча со стѣны
И... въ эту ночь безсонную
Я видѣлъ въ явѣ сны,
Сны страшные!.. Покойникомъ
Я будто-бы лежалъ,
Зарѣзанный разбойникомъ,
И кровью подилывалъ...
Эхъ, молодость безнечная!
Ничто ей не бѣда!
Выносить все, сердечная,
Какъ полая вода...
Я выросъ. Что печалиться!
Я думалъ, наконецъ:
Пора ужъ мнѣ оправиться...
«Женись!» сказалъ отецъ.
Я спорить—«Врешь! Приказано!
«Не то всего лишу,
«Вотъ такъ и будетъ сказано:
«Въ духовной напишу».
Подумалъ я съ подушкой,
Подумалъ,—какъ тутъ быть?
Какъ за чужой краюшкой
Въ чужомъ углѣ мнѣ жить?
Огласка, порицаніе,
Попрекъ со всѣхъ сторонъ...
А гдѣ образованіе?
Чему я обученъ?
Я правъ, моль, дѣло честное.
Повѣрить-ли народъ?
Ужъ что за мнѣнье лестное—
Съ отцомъ-де не живетъ.
Молчи душа свободная!
На все одинъ отвѣтъ...
Жена моя дородная,
Лицо, что маковъ цвѣтъ,
Жила въ семействѣ, стряпала
И стряпать замужь шла,
Передъ вѣнцомъ поплакала
И... и пріютъ нашла.
Приду домой—молчаніе.
Сидимъ мы. Какъ тутъ быть?
Ну, просто, наказаніе!
О чемъ съ ней говорить?
Скажу: «погода скверная»
Отвѣтитъ: «да, дурна»—
А вижу: баба вѣрная,
Степенная жена.
Сидимъ мы. Мнѣ зѣвается,
Зѣвнеть она въ отвѣтъ.
Тутъ ужинъ начинается
И сонъ, а тамъ—разсвѣтъ.
Безъ грусти съ ней прощаемся,
Приду,—молчимъ опять,
За столъ опять собираемся...
Хоть петлю надѣвать!
Пошлешь тоскѣ проклятіе—
И маршъ съ двора чуть свѣтъ,
На рынокъ есть занятіе,
И дружба и совѣтъ.
Гуляй душа родимая!
Зальешь глаза виномъ,
И грязь непроходимая,
И пропасть—ни почемъ.

Шарль Демальи.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ. Переводъ Н. Лѣтнева.

I.

началъ марта 18... года, извѣстный литераторъ Шарль Демальи праздновалъ день своего бракосочетанія съ актрисой театра Gymnase, Мартою Дюмонъ.

Это былъ бракъ по любви, а любовь почти тоже, что счастье. Когда Марта проснулась въ первое утро въ домѣ своего мужа и оглядѣлась,

протирая глаза, она думала, что все еще видитъ сонъ... Она увидѣла себя въ очаровательной, кокетливо убранной комнатѣ, съ обоями, изображавшими весенній пейзажъ, сіяніе утренней зари, отблескъ розовыхъ облаковъ,— все вокругъ было свѣжо и улыбалось, какъ весна.

Въ этотъ день была переменная погода. Каждую минуту солнце то скрывалось за облака, то появлялось во всемъ блескѣ, и эти быстрые переходы отъ мрака къ свѣту, отражаясь на обояхъ, производили въ нихъ странныя измѣненія. Казалось, они улечивались и сливались съ мракомъ, а черезъ мгновеніе все снова блестѣло, сіяло, пейзажъ возставалъ, какъ живой, во всемъ блескѣ своихъ красокъ, будто подернутый сверкающими каплями росы...

Затѣмъ глаза Марты упали на туалетъ, убранный кисеей и кружевами, уставленный множествомъ серебряныхъ вещицъ. Шарль, притаившись за занавѣсомъ, подстерегалъ пробужденіе Марты и наслаждался ея восторгомъ.

Какъ разекажать, какъ описать эти первые мѣсяцы, пролетѣвшіе, какъ блаженный мигъ?.. Взгляды, улыбки, пѣсни лились, какъ цвѣточный каскадъ! Тутъ было все: безумныя слова, безумныя ласки, ошьяняющее сладострастіе, воздушныя замки, тутъ же разлетавшіеся, сладкое *farniente*, замиравшее подъ наплывомъ блаженства настоящей минуты, долгія молчанія, краснорѣчивѣе всякихъ словъ, тысячи мелочей, изъ которыхъ слагается страсть, полное довольство, слѣдующее за удовлетвореніемъ сердечныхъ инстинктовъ, и радость, вѣчно юная, вѣчно новая, которую даетъ матеріальное обладаніе идеала: любовь.

Веселое пробужденіе! Такъ просыпаются дѣти и птицы: распѣвая и смѣясь. Сколько игръ, рѣзвости, шалостей, полныхъ очаровательной граціи! Полуодѣтая, растрепанная, вся благоухающая свѣжестью и молодостью, еще дрожащая послѣ холоднаго умыванья, Марта на цыпочкахъ подкрадывалась къ кабинету Шарля и влетала туда, какъ вихрь. Она закрывала Шарлю глаза руками, обнимала его за шею, ерошила ему волосы, била, щекотала его и, опрокинувъ на спину, заставляла кататься по всему дивану. Оба садились за столъ и тотчасъ ихъ стулья начинали сдвигаться и сталкиваться другъ съ другомъ. За десертомъ Марта, положивъ ягоду земляники въ ротъ, держала ее между опаловыми зубками и, запрокинувъ голову назадъ, подставляла ее Шарлю.

— Она моя! говорилъ Шарль.

— Нѣтъ еще... Погоди!

— Прочь руки!

И ягода, то дерзко дразня, то пугливо при-
часъ, мелькала между ея свѣжими зубками, между тѣмъ какъ она смотрѣла на Шарля своими влажными, полузакрытыми отъ смѣха голубыми глазами, то нападая на него, то убѣгая. Пойманная врасплохъ, она быстро отвертывалась, затѣмъ касалась щекой его щеки и, наконецъ, уставъ

*) Печатаемые нами стихотворенія И. Никитина доставлены намъ Д. Д. Минаевымъ.

Торжественное перенесение священного ковра изъ Мекки въ Каиръ.
Рис. на деревѣ Р. Брендамузъ.

обманывать, подставляла ему вмѣстѣ съ ягодой губы для поцѣлуя.

— Вальсъ! скорѣе вальсъ!..

И вотъ онъ за фортепьяно, а она кружится по комнатѣ. Онъ замедляетъ темпъ, а она, опершись локтями на плечо Шарля, касаясь его волосъ, наклоняясь къ нему, походить на музу вдохновенія. Вотъ она теребитъ его за ухо...

— Оставь же, глупая! говорилъ онъ: — мнѣ больно! и обертывался, намѣреваясь отстегнуть за себя. Но ее уже не было, она лежала, растянута на диванѣ и нѣжась, какъ спящая кошечка, закинувъ обнаженную руку за голову, а другой разсѣянно перебирая волосы Шарля, любовавшагося на нее. Одна изъ ея маленькихъ ножекъ безъ туфли, въ тонкомъ чулкѣ, свѣсившись съ дивана, была въ тактъ колыбельной пѣсни. Она лежала невозмутимо, только по временамъ разгоняя рукой голубоватый дымъ сигаретки.

Такъ проводила она почти цѣлые дни, полуодѣтая, съ распущенными волосами, поджавъ одну ногу, ловя другой крошечную туфлю, вѣчно готовую улѣтѣть, и, опираясь на плечо Шарля, перелистывала альбомъ съ эскизами и воспоминаніями его путешествій. Сколько вопросовъ она дѣлала, сколько требовала объясненій! И какъ? и почему?..

— Пѣшкомъ? въ самомъ дѣлѣ, милый, ты путешествовалъ пѣшкомъ и съ котомкой за плечами?

— Да, съ котомкой.

— И въ блузѣ?

— Да, въ блузѣ.

— Сколько, я думаю, ты поглотилъ яичницъ!

— О, конечно!

— И на тебя не нападали разбойники?

— Нѣтъ, я не ѣздилъ въ дилижансѣ.

— Что это такое?.. Какъ это мило... Послушай... и съ тобой случались приключенія... множество приключеній... и въ нихъ участвовали женщины?

— Говорю же тебѣ, что я не ѣздилъ въ дилижансѣ.

И они оба смѣялись.

— О, какой страшный турокъ!.. Такъ ты былъ вездѣ?.. Отчего эта гондола вся черная?..

— Оттого, что тамъ сидятъ маски.

— А это что? Какой хорошенькій костюмъ! это швейцарскій, не правда-ли? Вѣдь мы поѣдемъ въ Швейцарію... будемъ жить въ шалѣ... О! вотъ кукла! какая славная кукла!..

— Я срисовалъ ее въ Ватиканѣ: это римская кукла.

— Точь въ точь такая же, какъ наши... Какъ это странно!

— Нисколько. На свѣтѣ такъ много одинаковыхъ предметовъ: игрушки, дѣти...

— И мужчины, добавляла Марта, смѣясь. — А работать, развѣ не нужно работать?.. Извольте приниматься за работу, милостивый государь! напоминала она.

И вотъ они оба, какъ можно ближе другъ къ другу, принимались за работу, стараясь думать о другомъ, кромѣ самихъ себя. Но при первомъ взглядѣ перо и книга выпадали у нихъ изъ рукъ и губы ихъ сливались въ поцѣлуй. Ихъ веселье наполняло собой уютную комнатку, — маленькій рай, вмѣщавшій въ себя ихъ любовь и огражденный отъ нескромныхъ взглядовъ. Они были совершенно одни. Ни одного посторонняго свидѣтеля, кромѣ огромнаго букета пармскихъ фіалокъ, примѣшивавшаго свой тонкій ароматъ къ ихъ счастью. Ни одного голоса, кромѣ ихъ двухъ голосовъ, ни друга, ни докучнаго знакомаго, кромѣ собаки, ревниво и весело настораживавшей уши, врывавшейся въ ихъ игры и лаявшей на ихъ поцѣлуи.

II.

А погода стояла ненастная, дождь, вѣтеръ и блѣдное солнце на блѣдномъ небѣ... Они почти

не выходили, развѣ только прельщенные яснымъ, сухимъ днемъ, лучемъ солнца, клочкомъ лазури, протыкавшимъ сквозь облака, — вѣстникомъ весны. Тогда они гуляли, опираясь другъ на друга, они шли потихоньку, какъ выздоравливающіе, не зная, куда они идутъ, не видя проходящихъ и возбуждая въ нихъ завистливый ропотъ видомъ своего счастья. Иногда они останавливались передъ магазинами и Шарль просилъ ее выбрать что-нибудь, но страсть къ нарядамъ еще не пробудилась въ Мартѣ и она была почти разсудительна. Иногда они обѣдали въ какомъ-нибудь ресторанѣ, читали обѣденную карточку, какъ фельетонъ, и спрашивали невѣроятныя кушанья. Послѣ обѣда отправлялись въ театръ, запасшись апельсинами, и смѣялись надъ слезливой драмой, когда все вокругъ нихъ плакали.

Какъ они сѣли домой! Какъ имъ хорошо было дома! Все окружающіе предметы говорили имъ о ихъ счастіи. Въ особенности вечеромъ, пламя камина разговаривало съ ними и убаюкивало ихъ, какъ тихій голосъ домашнего очага. Въ комнатѣ было тепло и уютно. Лампа освѣщала столъ, коверъ и кресло, оставляя все остальное въ сияющей тѣни, — только кой-гдѣ трепеталъ огонекъ, прорѣзывавшая блестящая точка на золоченыхъ бра. Они въ полусвѣтѣ, спиной къ лампѣ, вытянувъ ноги на рѣшетку, перекидывались словами и замолкали, глядя на огонь, даже не обмѣниваясь ласками, погруженные въ какое-то таинственное общеніе...

Взмахомъ туфли Марта внезапно прерывала блаженный сонъ на яву, міриады разлетающихся искръ освѣщали ихъ лица и затѣмъ все погружалось снова въ мракъ и безмолвіе. Наконецъ, наступало время ложиться... Начиналось раздѣванье медленное, съ безпрестанными задержками, — одежды падали, какъ бы нехотя, узлы будто нарочно сами завязывались на шнуркахъ корсета для того, чтобы призвать на помощь... И все это сопровождалось граціозною стыдливостью, изученною передъ зеркаломъ... Каждый вечеръ Марта угощала Шарля этой очаровательной комедіей... И когда все одежды были сняты и оставалась только женщина, Марта говорила ему глазами и губами: — Неси меня! — Она обвивала его шею руками и онъ относилъ ее въ постель, какъ ребенка.

III.

У Марты были крошечныя ножки, ножки парижанки: живыя, кокетливыя, почти остроумныя; руки тоже маленькія и проворныя, съ ямочками и розовыми ногтями. Она была блондинка, волосы у нея тонкіе, воздушные, непельнаго оттѣнка, походившаго на пыль при лунномъ сіяніи. Лицо дѣтское, круглое съ мелкими чертами и большими глазами, голубыми, открытыми, сіяющими, озарявшими своимъ свѣтомъ всю ея милую фигуру. Только Ватто могъ бы передать на полотнѣ эти сіяющіе, полные дѣтской невинности глаза. Цвѣтъ лица молочно-бѣлый съ нѣжнымъ румянцемъ, какъ бы вызваннымъ волненіемъ, лобъ короткій, узкій и выпуклый, носикъ капризный и шаловливый, на вискахъ голубыя жилки, ротъ маленький, немного надутый, какъ у капризныхъ дѣтей. Голосъ нѣжный, точно музыка, пѣсколько взволнованный и почти дрожащій. Когда она говорила съ Шарлемъ, у нея были очаровательные повороты головы и шеи. Это восхитительное созданіе было воплощеніемъ типа *ingénue* современной комедіи, со всеми ея прелестными, характерными и невѣроятными атрибутами.

IV.

Дни ихъ катились, будто тихій ручей, протекающій по камнямъ, журча и отражая въ себѣ солнце и цвѣты. Часы безшумно слѣдовали за часами, все такіе же прекрасные и счастливые, безъ горечи, безъ страха, безъ заботъ и сомнѣній; на

горизонтѣ не было ни облачка, — они забыли, что значить желаніе... Только одна крошечная песчинка примѣшивалась къ ихъ счастію, — булабочный уколъ не сердцу мужа, но самолюбію автора. Марта не знала, что по рѣдкому, почти единственному феномену, влюбленный литераторъ все-таки остается литераторомъ: она никогда не говорила Шарлю о его сочиненіяхъ. Это молчаніе затрогивало Шарля и онъ тоже не говорилъ ей ни о начатой имъ театральной пьесѣ, ни о роли, которую онъ ей тамъ назначалъ. И онъ наложилъ на себя молчаніе, работая тайкомъ, по ночамъ, надъ этимъ дорогимъ для него произведеніемъ, куда онъ вкладывалъ всю свою душу, переправляя его, отдѣлывая, перестраивая и въ особенности трудясь надъ женскою ролью, въ которой онъ представлялъ себѣ Марту, съ ея граціозною улыбкою и золотымъ сердцемъ. Первая и единственная *ingénue*, которая не будетъ куклой! говорилъ онъ самому себѣ. Окончивъ пьесу, онъ прочтетъ ее Мартѣ, — это будетъ его публика, она оцѣнитъ и пойметъ его.

— Я такъ зла, такъ зла на тебя, говорила однажды Марта, вернувшись домой и обвивъ руками шею мужа: — я даже не хочу и поцѣловать тебя! Не стоить цѣловать такого негоднаго... Ну же, признавайся...

— Въ чемъ?

— Хитрецъ! я тебѣ говорю, что я знаю все... все!.. комически торжественно провозгласила она: — А! ты отъ меня скрываешься...

— Я?

— Ну да, ты меня обманываешь!

— Что это значитъ?

— То, что ты пишешь, сочиняешь комедію и назначаешь мнѣ въ ней роль.

— Кто... кто тебѣ сказалъ?.. во-первыхъ, я совѣмъ не пишу... и притомъ роль для тебя... я слишкомъ боюсь тебя уронить... Нѣтъ, это совѣмъ не такъ...

— Нѣтъ такъ! ну да все равно, хочешь или не хочешь, я беру роль! Если она не для меня, то почему же ты тамъ вездѣ пишешь мое имя?..

Шарль могъ только поцѣловать жену поцѣлуемъ, въ который вложилъ все свое сердце.

Обѣдъ былъ поданъ, но никто изъ нихъ до него не дотронулся. Шарль пошелъ за своей рукописью и тотчасъ же принялся за чтеніе. Марта только успѣла пробѣжать ее тихонько, боясь быть застигнутой враслохъ. Шарль читалъ, вкладывая въ свое чтеніе всю душу и волненіе переполненнаго сердца, и по мѣрѣ того, какъ дѣйствующія лица выступали передъ Мартой, она смѣялась, хлопала въ ладоши, дѣлала пируэты, танцевала галопъ. Сколько комплиментовъ, радостныхъ восклицаній, рукоплесканій заранѣе вознаградили автора! Слова, восклицанія, восторженные увѣренія, проекты, лились рѣкой изъ устъ Марты.

— Ахъ! какъ это мило... мило... мило! наивъвала она при концѣ каждой фразы: — Гм! мой выходъ въ первомъ актѣ: здѣсь маркизъ тамъ окно, я вхожу... А тирада во второмъ актѣ и послѣднія слова, заканчивающія сцену: Клянусь Богомъ, маркизъ, я думаю, что люблю васъ... Нѣтъ, я скажу вотъ такъ: Клянусь Богомъ... Гм! да... Клянусь Богомъ... А сцена разставанья?.. О, я умѣю плакать! ты увидишь... И потомъ главная сцена на балконѣ... Тра-де-ри-де-ра... Гм! мы увидимъ!..

И все это покрывалось сонмомъ поцѣлуевъ. Салфетки валялись на полу, рукопись лежала на столѣ, Марта перелистывала ее, отыскивая эффектныя мѣста своей роли, пробуя интонаціи, жесты, взглядомъ спрашивая Шарля, ища его одобренія при каждомъ словѣ, при каждомъ движеніи. А онъ, ослѣпленный, видя на яву осуществленіе своего сна, только кивалъ головой въ отвѣтъ.

— А! да! а мой костюмъ? Пойдемъ скорѣй, посмотримъ...

И набросивъ кое-какъ абажуръ на лампу, они погружаютъ руки въ портфель за рисунками...

— Дай, дай мнѣ! говоритъ она: — не то, не то, не то!.. Что еслибъ я сдѣлала себѣ такую прическу? Нѣтъ, надо что-нибудь вотъ въ такомъ родѣ... посмотри...

И ея быстрые пальчики проворно устранили изъ платка кокетливый чепчикъ, который она накидывала на волосы.

— Это выставляешь лобъ... у меня немного малъ лобъ... Я поѣду къ Люси... она одна только умѣетъ... Это?.. ты съума сошелъ!.. это безобразіе!.. Почему? что это ко мнѣ не пойдетъ! Ахъ! мужчины совсѣмъ не знаютъ толка въ красотѣ!.. Ахъ! мнѣ нужно вотъ такіе башмаки... на каблукѣхъ...

— Но, милая, это башмаки временъ Людовика XV... это туфли.

— Такъ чтожъ?.. я упряма... я хочу туфли...

— Гдѣ же тогда будетъ историческая правда?..

— Ахъ, отстань съ своей исторической правдой! М-ль Марсъ играла всѣ роли (съ турбаномъ на головѣ... Возьми карандашъ... рисуй... И потомъ у меня будутъ ажурныя чулки... Срисуй мнѣ вотъ это... и вотъ это... вотъ тутъ банты на юбкѣ... О! у меня будетъ восхитительный костюмъ! ты мнѣ все придумаешь... Знаешь-ли, Шарль, я и не подозрѣвала, что ты такъ уменъ!..

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ находишь, что моя пьеса...

— Я нахожу... Но ты долженъ дать мнѣ прочесть свои сочиненія.

V.

Нѣсколько дней Шарль наслаждался полнымъ счастьемъ. Къ блаженству любви примѣшивалась радость удовлетвореннаго самолюбія. Марта гордилась тѣмъ, что онъ довѣрялъ ея уму, а ея поклоненіе его таланту пріятно щекотало сердце Шарля, какъ сладкая музыка. Онъ плавалъ въ этомъ ореолѣ и упивался рѣдкимъ счастьемъ слыть великимъ человѣкомъ въ глазахъ той, которую онъ любилъ.

Шарль, разсуждая объ умѣ своей жены, находилъ въ немъ тысячу прелестей. Ему нравились ея наивности, ея остроумныя, дѣтскія выходки, ея живость и удачныя возраженія избалованнаго ребенка, происходившія отъ увѣренности въ себѣ и отъ благопріятной обстановки, въ которой она царила. Разговоръ ея, или лучше сказать граціозная болтовня, производилъ впечатлѣніе легкаго прикосновенія къ клавишамъ и вообще правился такимъ мужчинамъ, которые сами говорятъ мало. Но болѣе всего въ Мартѣ плѣняло Шарля ея граціозное незнаніе пансіонерки; она сознавалась въ немъ съ очаровательной неловкостью, составляющей верхъ искусства молодыхъ дѣвушекъ. Дѣтское «почему» какъ-то робко и смущенно проявлялось въ разговорѣ Марты, умѣвшей все заставить себѣ простить поцѣлуемъ. При томъ Шарль находилъ въ ней геніальное пониманіе парижанки, пониманіе съ полуслова, такъ что ей не нужно было ничего подчеркивать, а во всемъ остальномъ, если онъ не увѣренъ былъ, что она понимала, у Марты былъ такой понятливый видъ, такая очаровательная молнія въ глазахъ и что-то такое загадочно-прелестное, что у Шарля пропадала охота глубже провѣрять ее.

Однимъ словомъ, снисходительная любовь Шарля находила въ области ея умственныхъ способностей все, что онъ могъ требовать отъ женщины. Чтожъ касается до болѣе серьезныхъ вопросовъ, о которыхъ мужчина говоритъ съ женщиной, почти какъ съ ребенкомъ, не требуя ея сочувствія, Шарль считалъ Марту вполне способною выполнить роль, которую одинъ мыслитель изъ его друзей назначалъ женщинамъ, —

роль маріонетки, съ которой фокусникъ, управляющій ею, умѣетъ такъ хорошо разговаривать, что публикѣ, самому фокуснику и, можетъ быть, даже маріонеткѣ кажется, что и она тоже ведетъ разговоръ.

VI.

Эта упорная иллюзія, заставившая Шарля забыть всѣ мелочи и невзгоды дѣйствительной жизни и удовлетворявшая всѣмъ его нравственнымъ инстинктамъ, продолжалась только нѣсколько дней. Въ эти нѣсколько дней съ его счастьемъ случилось только слѣдующее. Это было утромъ.

— О! о! говорилъ Шарль, — я это скажу... я расскажу всѣмъ... И надъ тобой славно посмѣются, моя бѣдная Марта... когда узнаютъ, что у меня жена спитъ съ зеркаломъ подъ подушкой... Это уже слишкомъ!

— Отдашь-ли ты мнѣ его?.. Отдай, Шарль, сейчасъ отдай!

— Нѣтъ, не отдамъ!

— Шарль!

— Нѣтъ...

— Отдай или я разсержусь.

И Марта пробовала схватить зеркало.

— Неловкая! я сильнѣе тебя.

— Подай, слышишь-ли? не дергай же такъ... мнѣ больно!

И голосъ Марты сдѣлался рѣзокъ и жестокъ. Она выгнулась впередъ всѣмъ тѣломъ, линіи котораго обрисовывались подъ одѣяломъ, какъ подъ мягкой драпировкой. Волосы спутались и рассыпались по плечамъ и она обѣими руками ухватила за зеркало, притягивая его къ себѣ; оно выскользнуло у нея изъ рукъ, упало и разбилось.

— Какое несчастье!

И она упала въ подушку, заливаясь слезами.

— Это все ты виновата, отвѣчала она на поцѣлуй Шарля, — я всегда боялась разбитаго зеркала... Это дурной знакъ... ты увидишь...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки Вл. Михневича.

I.

(Современныя балныя танцы и ихъ сущность.—Теорія и генезисъ танцевъ въ антропологическомъ отношеніи.—Пляски религіозныя, военныя, бытовыя и эротическія.—Происхожденіе танцевальнаго искусства, какъ искусства.)

Остроумные французы, которые такъ любятъ пикантныя двусмысленности и такъ изящно и тонко умѣютъ выражать ихъ на своемъ салонномъ языкѣ, назвали польскій танецъ мазурку—*«un mariage de deux heures»*.

Эта балная фраза, брошенная, вѣроятно, на лету между двумя фигурами веселаго танца, имѣетъ глубокий смыслъ, какъ мѣткое опредѣленіе, съ одной стороны, генезиса танцевъ вообще и, съ другой, символической сущности современныхъ танцевъ въ особенности.

Цивилизація лишила наши танцы обрядно-бытового значенія и оставила за ними одно только художественно-эротическое, проявляющееся иногда въ такой откровенно-цинической формѣ, какъ общезвѣстный канканъ. Наша молодежь танцуетъ нынче главнымъ образомъ въ интересѣ сближенія половъ. Свѣтская чадолюбивая маменька, когда ея дочь достигаетъ возраста «невѣсты», въ намѣреніи найти для нея жениха, везетъ ее на балъ, который, по справедливости, можетъ быть названъ современнымъ культомъ Эроса и Гименея.

Всѣ эти вальсы, польки, мазурки, контрадансы и проч., составляя содержаніе бала, символизируютъ лишь сближеніе половъ въ его разнообразныхъ чувственныхъ перипетіяхъ и, судя

по тѣмъ формамъ, обстановкѣ и костюмамъ, при которыхъ происходятъ наши балныя танцы, символика эту, сказать къ слову, нельзя упрекнуть въ излишней стыдливости. Если-же она не возмущаетъ нашихъ цѣломудренныхъ дѣвъ и ихъ нравственно-блудительныхъ маменекъ, то только потому, что это такъ принято съ одобренія свѣта, вошло въ обычай и привычку, санкціонировано, наконецъ, деспотической царицею—модой. «Подлецъ человѣкъ ко всему привыкаетъ», сказалъ гдѣ-то Достоевскій, а къ законамъ моды, какъ-бы они ни были безстыдны, легче всего—добавимъ отъ себя...

Мы не только любимъ сами танцевать, но и любимъ смотрѣть на танцы—въ балетѣ-ли, или во время бала. Не трудно доказать, что въ обоихъ случаяхъ въ насъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же психологическій рефлексъ, что въ художественномъ наслажденіи, которое доставляетъ намъ зрѣлище, напр., балета, главную, если не единственную роль, играетъ элементъ чувственный, эротическій, да на этомъ элементѣ вертится, въ сущности, вся теорія балета, вся его пластика и мимика.

Первоначально въ бытѣ патриархальномъ и языческомъ танцы и пляски имѣли гораздо болѣе широкое и болѣе многостороннее значеніе въ жизни семейной и общественной. У первобытныхъ народовъ пляски и игры до сихъ поръ служатъ образнымъ, пластическимъ выраженіемъ ихъ отношеній къ различнымъ явленіямъ природы, къ событіямъ и эпохамъ ихъ собственной жизни, наконецъ, къ божеству. Для дикаря танецъ не только чувственное наслажденіе, но и культъ. Въ пляскѣ, какъ и въ пѣсни, онъ выражаетъ свои чувства, понятія и тѣ образы, которые чѣмъ-нибудь поразили его умъ и воображеніе. Для него это такая же область художественно-интеллектуальнаго творчества, какъ для насъ—мистерія, лирика, живопись и скульптура.

По различію этихъ впечатлѣній и внутренняго отношенія дикаря къ тѣмъ или другимъ явленіямъ внѣшняго міра и собственной жизни, которыя онъ воспроизводитъ въ своихъ пляскахъ и танцахъ, послѣдніе раздѣляются антропологами на 4 группы: танцы религіозныя, военныя, бытовыя и эротическія.

Несомнѣнно, что подъ эту классификацію подойдутъ національныя пляски всѣхъ первобытныхъ народовъ, даже стоящихъ уже на значительной степени культурнаго развитія. Извѣстно, что у многихъ восточныхъ народовъ, пріобрѣвшихъ уже нѣкоторую цивилизацію, существуютъ еще чисто религіозныя танцы, предписываемые исповѣдуемымъ ими культомъ. Можно указать, напр., на пляски дервишей, шамановъ и пр. То же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ христіанскихъ еретическихъ толкахъ, въ родѣ нашихъ хлыстовъ и скопцовъ.

Религіозныя танцы въ одномъ случаѣ входятъ въ обряды поклоненія богамъ и предкамъ, сопровождаясь пѣснями и музыкой (напр., на тризнахъ и поминкахъ); въ другомъ—служатъ для достиженія блаженнаго экстатического состоянія, доходящаго до галлюцинацій. Этимъ путемъ человѣкъ какъ-бы входитъ въ непосредственное общеніе съ божествомъ. Наши скопцы, напр., посредствомъ пляски, «ищутъ Христа»; они во время своихъ «бѣдній» прыгаютъ, вертятся и кружатся посолонь до тѣхъ поръ, пока не впадутъ въ изступленіе, которое и принимается ими за нисходящую свыше «благодать».

Танцы военныя у первобытныхъ народовъ тоже служатъ для нервнаго возбужденія, которымъ обусловливается воинственный энтузіазмъ. Сами танцы этого рода образно воспроизводятъ сраженіе, побѣду, преслѣдованіе непріятелей и т. под. акты войны. Военныя парады и маневры у народовъ цивилизованныхъ имѣютъ несомнѣ-

ную, хотя и отдаленную, аналогію съ воинственными плясками какихъ-нибудь зулусовъ.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что опредѣленной грани между выше намѣченными группами не существуетъ, потому что есть танцы, какъ, напр., при погребеніи воиновъ у нѣкоторыхъ народовъ (вспомнимъ, кстати, пляску Ахилеса на могилѣ Патрокла), гдѣ религиозный элементъ сливается съ военнымъ, въ другихъ-же случаяхъ и тотъ и другой—съ бытовымъ, а этотъ послѣдній съ эротическимъ.

Военные танцы отличаются отъ религиозныхъ присутствіемъ мимическаго начала, которое особенно преобладаетъ въ бытовыхъ и эротическихъ танцахъ. Мимическое начало вообще играетъ важную роль въ развитіи танцевъ, какъ первой стадіи драматическаго искусства. Отъ простой мимики прямой переходъ къ татупровкѣ, къ маскамъ, гримировкѣ и переодѣваньямъ, какъ къ сценическимъ средствамъ, большее и большее примѣненіе которыхъ въ соединеніи съ музыкой и пѣніемъ непосредственно приводитъ къ созданію драматическаго искусства.

Пляски бытовья воспроизводятъ какія-нибудь, свойственныя данному народу, занятія, общинно-семейныя отношенія и т. под. Въ этихъ пляскахъ проявляются ловкость и сила въ примѣненіи къ такимъ именно занятіямъ.

Эротическія пляски и игры служатъ, съ одной стороны, для общенія половъ и, съ другой, для образнаго воспроизведенія отношеній между ними. Естествоиспытателями замѣчено, что даже животныя, въ особенности нѣкоторыя птицы, въ періоды любви для того, чтобы плѣнить сердца другого пола, дѣлаютъ иногда довольно сложныя движенія, исполненныя кокетства и куртизанской граціи, которыя вполнѣ подходятъ подъ понятіе пляски и танца. Кто, напр., не видѣлъ, какъ голубь, ухаживая за голубкой, гордо и плавно кружится около нея подъ тактъ собственнаго воркованья?.. Аналогія между этимъ голубинымъ вальсомъ и танцами, выражающими тотъ-же актъ ухаживанія у людей, напр., извѣстная «качуча», «кракowiakъ» и пр., слишкомъ очевидна, чтобы нужно было ее доказывать...

Образность выраженія половыхъ отношеній въ народныхъ пляскахъ заходитъ иногда слишкомъ далеко. Цинизмъ этого рода плясокъ у нѣкоторыхъ первобытныхъ племенъ (особенно африканскихъ) переходитъ нерѣдко всякія границы приличія. Впрочемъ, общая характеристическая черта эротическихъ танцевъ, даже существующихъ у народовъ цивилизованныхъ, та, что въ нихъ допускаются такія откровенныя вѣщныя знаки сближенія половъ, которые вѣщныя танцевъ признаются въ обществѣ неприличными и невозможными. Если на нашихъ балахъ вѣщныя знаки эти ограничиваются только взаимными деликатными объятіями дамъ и кавалеровъ, то въ танцахъ народовъ первобытныхъ и полубразованныхъ куртизанство выражается гораздо чувственнѣе и грубѣе.

Эта характеристическая особенность эротическихъ плясокъ объясняется тѣмъ, что народъ вообще имѣетъ способность долго сохранять въ своемъ обрядномъ обиходѣ формы такихъ отношеній, которыя имъ давно пережиты и только въ незапамятныя времена имѣли реальное значеніе. Пляски и игры потому такъ долго сохраняются народомъ въ первоначальномъ видѣ, что вслѣдствіе ихъ автоматичности онѣ легче всего запоминаются и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Такимъ образомъ, въ настоящее время наці-

ональные танцы европейскихъ народовъ совершенно утратили свой стародавній внутренній смыслъ, ибо тѣ жизненныя отношенія, которыя въ нихъ воспроизводятся, давно видоизмѣнились, а частію исчезли. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ славянскихъ пляскахъ и играхъ отчетливо воспроизводится «умыканье» женщинъ; есть танцы, представляющіе еще болѣе старинныя обломки варварства, какъ-то: борьбу половъ за преобладаніе и независимость, когда, по словамъ нашей народной былинны, красная дѣвица, прежде чѣмъ отдаться доброму молодцу,—

«... у батюшки-сударя отпиршася,
Кто ее побьетъ во чистомъ полѣ,
За того ей, дѣвицѣ, замужъ идти...»

Затѣмъ, въ другихъ пляскахъ воспроизводится общинный гетеризмъ и тому подобныя давно исчезнувшія формы первобытныхъ любовныхъ и брачныхъ отношеній.

Слѣдовательно, мы приходимъ къ тому заклю-

области стихійно-непосредственной народной рапсодіи.

Какимъ путемъ происходитъ процессъ подобнаго обособленія и образованія танцевальнаго искусства можно судить отчасти по живому, понинѣ существующему, примѣру общественныхъ баядерокъ въ Индіи и Персіи, альмъ въ Египтѣ и въ иныхъ мусульманскихъ странахъ, бачи въ Туркестанѣ и проч.

Особенно замѣчательнъ въ этомъ отношеніи институтъ баядерокъ. Будучи чисто религиознаго происхожденія и служа религіи, онъ мало-помалу превращается въ своего рода національный кордебалетъ, ради однихъ чувственно-эстетическихъ цѣлей. Переставая быть религиознымъ учрежденіемъ, баядерки являются уже только какъ артистки, выработавшія извѣстную школу танцованія, извѣстную технику и стиль. Такимъ образомъ, создаваемое ими искусство получаетъ цѣль и значеніе въ самомъ себѣ, независимо отъ всѣхъ тѣхъ бытовыхъ и религиозныхъ задачъ, которымъ оно обязано своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ. Нашъ балетъ, наше танцевальное искусство, какъ искусство, имѣющее такъ мало общаго съ національными танцами, несомнѣнно выработывались подобнымъ же путемъ, о чемъ мы будемъ еще имѣть случай говорить въ своемъ мѣстѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Волкъ.

Романъ Эрмана Шатріана. Переводъ М. Минутъ.

Незадолго до праздника Рождества 18... я квартировалъ въ гостинницѣ «Лебедь», въ Фридбургѣ. Однажды утромъ я мирно спалъ у себя въ комнатѣ, когда ко мнѣ вошелъ старый Гедеонъ Сперверъ.

— Ну, Фрицъ, вскричалъ онъ,—пора-дуйся, я хочу везти тебя въ замокъ Нидекъ, мильяхъ въ десяти отсюда. Ты знаешь Нидекъ? это лучший замокъ старинныхъ вельможъ, истинный памятникъ славы нашихъ предковъ!

Если я скажу вамъ, что не видалъ Спервера лѣтъ шестнадцать, то вы легко поймете мое изумленіе, когда почтенный пѣстунъ моей юности предсталъ передо мной въ совершенно неузнаваемомъ видѣ: онъ отпустилъ бороду, прикрылъ свою лысину мѣховымъ козлякомъ и въ такомъ живописномъ нарядѣ разбудилъ меня, сунувъ мнѣ подъ самый носъ свой фонарь. Я даже немного струхнулъ.

— Прежде всего, вскричалъ я,—кто вы?

— Кто я! Какъ! ты не узнаешь Гедеона

Спервера, стараго шварцвальденскаго охотника? О, неблагодарный! Ты не узнаешь своего воспитателя! А кто училъ тебя ставить западни волкамъ, подстерегать лисицъ и дрессировать собакъ? Неблагодарный! Ну, узнаешь теперь? Да ты посмотри на мое отмороженное ухо, вотъ тебѣ примѣта!

— Такъ бы ты и говорилъ. А, вотъ я вижу теперь твое ухо! Ну, обнимемся!

Мы нѣжно облобызались и Сперверъ, утирая глаза, спросилъ меня:

— Знаешь ты Нидекъ?

— Да, по наслышкѣ... Ты тамъ что дѣлаешь?

— Я первый доѣзжачій графа.

— Кто же тебя сюда послалъ?

— Молодая графиня Одиль.

— Ну, хорошо; когда мы ѣдемъ?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Дѣло крайне необходимое и неотложное; старый графъ боленъ и его дочь просила меня не мѣшкать ни минуты. Лошади готовы.

— Но, любезный Гедеонъ, ты взгляни, какая

Чума.

(Къ роману «Волкъ».)

ченію, во-первыхъ, что національные танцы не есть что-нибудь случайное, нарочно придуманное для однихъ увеселительно-хореографическихъ цѣлей, а вытекаютъ органически изъ природы человека и въ соединеніи съ музыкой и пѣніемъ служатъ символическимъ выраженіемъ его поэтическихъ воззрѣній на міръ. Во-вторыхъ, что такое внутреннее значеніе танцевъ у народовъ культурныхъ въ настоящее время утрачено, подъ вліяніемъ христіанства и цивилизаціи. вмѣстѣ съ тѣмъ забыты и многіе танцы языческой эпохи, какъ, напр., танцы религиозныя и военные. Болѣе всѣхъ сохранилась, хотя и въ видоизмѣненіяхъ, группа танцевъ эротическихъ и это можно принять за общее правило.

Съ утратой своего космогенического и бытового смысла, эротическія танцы при воздѣйствіи цивилизаціи обособились частію въ отдѣльное, самостоятельное искусство точно также, какъ искусственная поэзія и музыка выдѣлились изъ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
ПОРТРЕТЪ РАБОТЫ И. Н. КРАМСКОГО.

Васильевъ.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипани“.

погода; вотъ уже три дня не перестаетъ идти снѣгъ.

— Экая важность. Да ты вообрази, что ѣдешь на охоту за кабаномъ; ну, одѣвайся скорѣй, прицѣпи шпору и въ путь! Я пока велю кое-что приготовить.

Онъ вышелъ.

— Да, вотъ еще, прибавилъ, возвращаясь, мой другъ,—не забудь взять шубу.

Я никогда не могъ противиться старому Гедону; еще въ дѣтствѣ онъ добивался отъ меня полного послушанія однимъ своимъ взглядомъ или пожатіемъ плечъ. Я одѣлся и не замедлил выйти въ общую залу.

— Ага! вскричалъ Сперверъ весело,—я знаю, что не уѣду одинъ. Передай-ка мнѣ этотъ кусокъ ветчины, выпьемъ на дорожку и ѣдемъ. Лошади не стоятъ. Ахъ, кстати, я велѣлъ привязать твой чемоданъ.

— Зачѣмъ мнѣ чемоданъ?

— Да такъ будетъ для тебя удобнѣе; тебѣ придется пробыть нѣсколько дней въ Нидекѣ, это неизбежно, я тебѣ объясню дорогой.

Мы сошли во дворъ.

Въ эту минуту подъѣхали два всадника; они казались измученными отъ усталости; лошади ихъ были покрыты пѣной. Сперверъ, великій знатокъ конскихъ породъ, былъ искренно пораженъ и изумленъ.

— Вотъ прелестныя животныя! Легки, какъ олени! Эй, Никлаасъ! поторонись, любезный, накрой ихъ попоной, иначе они простудятся.

Путешественники, закутанные въ бараньи шубы, прошли мимо насъ, когда мы сѣли на лошадей; я замѣтилъ одного изъ нихъ съ черными длинными усами и очень живыми глазами. Они вошли въ гостиницу.

Конюхъ держалъ подъ уздцы нашихъ лошадей; когда мы сѣли, онъ пожелалъ намъ добраго пути и выпустилъ поводья. Мы поѣхали.

Сперверъ скакалъ на чистокровной мекленбургской лошади, а на горячей арденской; мы просто летѣли по мягкому снѣгу. Черезъ десять минутъ мы миновали послѣдніе домики Фридбурга. Погода прояснилась. На всемъ протяженіи взора не виднѣлось и признака дороги, ни даже тропинки. Единственными нашими спутниками были шварцвальдскіе вѣроны; они махали надъ снѣгомъ своими большими крыльями, кружились на одномъ мѣстѣ и каркали. Передо мной гарцовалъ Гедонъ; онъ былъ очень страненъ съ своей длинной фигурой, облаченной въ шубку изъ дикой кошки, въ мѣховомъ колпакѣ съ такими же наушниками, насвистывая не знаю какой мотивъ изъ Фрейшюца; иногда онъ оборачивался и тогда я видѣлъ его лице съ пресмѣшнымъ выраженіемъ.

— Ну, Фрицъ, кричалъ онъ мнѣ, — вотъ что называется прелестное зимнее утро!

— Да, но немного суровое.

— Я люблю сухую погоду; она освѣжаетъ. Если бы старый пасторъ Тоби отважился прогуляться въ такое время, онъ бы вылѣчился отъ своихъ ревматизмовъ.

Я слегка улыбнулся.

Послѣ часа бѣшеной скачки Сперверъ сдержалъ свою лошадь и подъѣхалъ ко мнѣ.

— Фрицъ, сказалъ онъ мнѣ серьезно,—необходимо познакомить тебя съ цѣлью нашего путешествія.

— Я только-что думалъ объ этомъ.

— Тѣмъ болѣе, что множество докторовъ уже осматривали графа.

— А, а!

— Да, одинъ пріѣзжалъ изъ Берлина, въ огромномъ парикѣ, и взглянулъ только на языкъ больного; другой изъ Швейцаріи желалъ знать только, въ какомъ порядкѣ его желудокъ и, наконецъ, пріѣзжій изъ Парижа только взглянулъ

на него сквозь свое стеклышко. Всѣ они получили хорошія денежки за свое невѣжество.

— Ахъ, канальство, какъ ты насъ отдѣлываешь!

— Я объ тебѣ не говорю, напротивъ, я уважаю тебя и, доведись мнѣ сломать ногу, я охотнѣе довѣрюсь тебѣ, чѣмъ какому-нибудь другому доктору; но что касается внутренности тѣла, то вѣдь еще вы не избрѣли возможности заглядывать въ нее.

— Почему знать?

При этомъ отвѣтъ добрый старикъ искоса взглянулъ на меня. «Неужели и онъ такой же шарлатанъ, какъ и другіе», казалось, подумалъ онъ.

— Честное слово, Фрицъ, продолжалъ онъ,—если ты обладаешь такимъ умѣньемъ, это будетъ очень кстати, потому что у графа именно внутренняя болѣзнь: болѣзнь ужасная, что-то въ родѣ бѣшенства. Ты вѣдь знаешь, что бѣшенство обнаруживается впродолженіи девяти часовъ, девяти дней или девяти недѣль?

— Говорятъ, но я самъ этого не наблюдалъ и потому я сомнѣваюсь.

— Ты, по крайней мѣрѣ, знаешь, что существуютъ болотистыя лихорадки, которыя возобновляются черезъ каждые три, шесть или девять лѣтъ. Наше тѣло диковинный механизмъ.

— Эхъ, мой добрый Гедонъ, кому ты говоришь, эти періодическія болѣзни приводятъ меня самого въ отчаяніе.

— Тѣмъ хуже!.. болѣзнь графа именно періодическая, она возвращается изъ года въ годъ, въ тотъ же день и въ тотъ же часъ; онъ весь дрожитъ, зубы у него скрипятъ, глаза померкнуть и на губахъ выступаетъ пѣна.

— Онъ, вѣроятно, перенесъ тяжелыя испытанія?

— Нѣтъ! Выйди замужъ его дочь и онъ будетъ счастливѣйшій человекъ въ свѣтѣ. Онъ знатенъ, богатъ, уважаемъ. Онъ обладаетъ всѣмъ, что для другихъ служитъ предметомъ недостижимыхъ желаній. Къ несчастью, дочь его отказывается всѣмъ женихамъ. Она хочетъ посвятить себя Богу и вотъ его убиваетъ мысль, что древній родъ Нидека прекратится.

— Какъ обнаружилась его болѣзнь?

— Это случилось вдругъ десять лѣтъ тому назадъ.

Тутъ добрякъ призадумался, онъ вытащилъ изъ кармана куртки трубку, набилъ ее и закурилъ.

— Однажды, началъ онъ,—я былъ съ графомъ въ оружейной замка. Это было незадолго до Рождества. Мы цѣлый день гонялись за кабаномъ въ ущельяхъ Рейнтала и вернулись почти ночью съ двумя странно израненными собаками. Время стояло такое же, какъ теперь, было холодно и снѣжно. Графъ прохаживался по залѣ, склонивъ голову и заложивъ руки за спину, какъ бы въ глубокомъ раздумьи. Время отъ времени онъ останавливался, поглядывалъ въ окна, залитенныя снѣгомъ; я грѣлся у камина, думая о своихъ собакахъ и внутренно проклиналъ всѣхъ шварцвальдскихъ кабановъ. Часа два уже всѣ спали въ Нидекѣ; ничего не было слышно, кромѣ звяканья шпоръ графа и его тяжелыхъ шаговъ по плитамъ. Я отлично помню, какъ воронъ, безъ сомнѣнія гонимый вѣтромъ, стучалъ въ стекла крыльями съ мрачнымъ крикомъ, отъ стеколъ отлетѣлъ большой комъ снѣга; изъ бѣлыхъ они стали черными...

— Развѣ всѣ эти подробности имѣютъ отношеніе къ болѣзни графа?

— Дай мнѣ кончить, ты увидишь. Услышавъ крикъ ворона, графъ остановился, его глаза неподвижно устремились въ окно, щеки поблѣднѣли, онъ вытянулъ голову, какъ охотникъ, когда тотъ слышитъ дичь. Я все грѣлся и думалъ: «ско-

ро-ли онъ ляжетъ спать?» Говоря по правдѣ, я падалъ отъ усталости. Все это я, Фрицъ, какъ теперь вижу! Едва прокричалъ воронъ, часы пробили одиннадцать. Въ ту же минуту графъ повернулся; онъ прислушивался, его губы шевелились; я видѣлъ, что онъ зашатался, какъ пьяный. Онъ вытянулъ руки и стиснулъ зубы; я закричалъ: «ваше сіятельство, что съ вами?» Но онъ вмѣсто отвѣта захохоталъ, какъ безумный, и принялся прыгать по плитамъ. Я тотчасъ позвалъ на помощь, прибѣжали слуги. Себальдъ взялъ графа за ноги, я за плечи и мы перенесли его на кровать къ окну; я только приловчился раздѣлать ему галстухъ моимъ охотничьимъ ножомъ, предполагая, что съ нимъ апоплексія, но вошла графиня и бросилась къ графу съ такими раздирающими душу воплями, что меня и теперь при одномъ воспоминаніи пробираетъ дрожь!

Тутъ Гедонъ вынулъ трубку, выколотилъ ее о луку сѣдла и продолжалъ:

— Съ той поры, Фрицъ, дьяволъ поселился въ стѣнахъ Нидека и, кажется, не думаетъ убраться оттуда. Всѣ послѣдующіе года въ тоже самое время, въ тотъ же самый часъ съ графомъ дѣлаются тѣже припадки. Его болѣзнь длится иногда недѣлю, иногда двѣ, и въ это время онъ испускаетъ такіе ужасные крики, что волосы становятся дыбомъ. Потомъ онъ медленно приходитъ въ себя и становится слабъ, блѣденъ, тихо пробирается по стульямъ и при малѣйшемъ шумѣ, если его потревожатъ, осматривается... онъ пугается собственной тѣни. Юная графиня, милѣйшее созданіе въ свѣтѣ, не покидаетъ его, но онъ не можетъ видѣть ее. «Уходи, уходи! кричитъ онъ обыкновенно, махая руками.—Оставь меня, оставь, развѣ я еще мало страдаю?» Страшно его слушать и я, который не отхожу отъ него на охотѣ, всегда трублю самъ въ рогъ, когда онъ забываетъ звѣря,—я, ближайшій изъ его слугъ, готовый отдать за него жизнь,—я въ эти ужасные моменты чувствую желаніе прирѣзать его, такъ тяжело видѣть его обращеніе съ бѣдной дочерью!

И Сперверъ съ мрачнымъ лицемъ вытянулъ хлыстомъ свою лошадь. Мы поскакали въ галопъ.

Я задумался. Излѣченіе такой болѣзни казалось мнѣ сомнительнымъ, почти невозможнымъ. Очевидно, это нравственная боль; чтобы утѣшать ее, слѣдовало бы узнать ея причину, а причина эта, вѣроятно, существовала очень давно. Всѣ эти размышленія очень тревожили меня. Рассказъ стараго доѣзжаго не внушалъ мнѣ довѣрія, но я все таки пріунылъ: печальное положеніе, если хочешь добиться успѣха! Прошло часа три послѣ того, какъ мы выѣхали; показались вдали очертанія стараго замка Нидека. Не смотря на порядочное разстояніе, можно было различить высокія башни, расположенныя по угламъ главнаго зданія. Все это было еще неясно, но при постепенномъ приближеніи вырисовывались красные оттѣнки вогзскаго гранита. Тутъ Сперверъ сдержалъ лошадь и сказалъ:

— Фрицъ, намъ надо пріѣхать за свѣтло—и такъ впередъ!

Но онъ напрасно прищипоривалъ свою лошадь, она встала съ ужасомъ на дыбы, встряхивала гривой, изъ ея ноздрей шелъ паръ.

— Что это значитъ! вскричалъ съ удивленіемъ Сперверъ.—Ты ничего не видишь, Фрицъ? нѣтъ-ли...

Онъ не успѣлъ договорить и молча указалъ мнѣ, шагахъ въ пятидесяти отъ насъ, на откосѣ, на какое-то существо, присѣвшее на короткохъ на снѣгу:

— Это Чума! вскричалъ онъ съ такимъ ужасомъ, что я былъ потрясенъ.

Слѣдуя взглядомъ по указанному направле-

нію, я съ изумленіемъ увидѣлъ старуху, которая сидѣла, охвативъ руками колѣна, и до того была жалка, что ея красные локти выѣзали изъ короткихъ рукавовъ. Пряди сѣдыхъ волосъ висѣли вокругъ ея длинной, красной, голой шеи, похожей на шею ястреба. Странное дѣло—на колѣняхъ у нея лежалъ узелъ съ платьемъ, а ея угрюмые взоры были устремлены на снѣжную равнину.

Сперверъ взялъ влѣво, сдѣлавъ большой объѣздъ около старухи. Я съ трудомъ нагналъ его.

— За коимъ чортомъ ты это дѣлаешь? кричалъ я ему.—Что это за шутки?

— Нѣтъ, не шутки! Спаси меня Богъ шутить при такой оказіи! Я не суевѣренъ, но эта встрѣча напугала меня.

Тогда, обернувшись и видя, что старуха не шевелилась и все смотрѣла по одному направленію, онъ, казалось, немного успокоился.

— Фрицъ, сказалъ онъ мнѣ значительно,—ты ученый человѣкъ, ты много знаешь такого, о чемъ мнѣ и не снилось; ну, такъ знай, что глупо смѣяться надъ тѣмъ, чего не понимаешь. Не безъ причины зову я Чумой эту женщину. Во всемъ Шварцвальдѣ ее иначе не называютъ; но особенно она этого заслуживаетъ здѣсь въ Нидекѣ!

Добрѣйшій поѣхалъ дальше молча.

— Послушай, Сперверъ, объяснись яснѣе, сказалъ я ему,—потому что я тутъ ничего не понимаю.

— Да эта колдунья наша погибель и есть, отъ нея вся бѣда: это она мучитъ графа!

— Какъ, возможно-ли, чтобы она производила подобное вліяніе?

— А я почему знаю? Вѣрно то, что какъ только начинается съ графомъ припадокъ, стоитъ взойти на сигнальную башню, и навѣрное увидишь Чуму, какъ черное пятно между лѣсомъ Тифенбаха и Нидека. Она сидитъ тамъ одна. Каждый день она понемножку приближается и припадки графа усиливаются; точно будто онъ чувствуетъ ея приближеніе! Случается, онъ мнѣ говоритъ: «Геденъ, она подходит!» Я поддерживаю его, чтобы онъ не дрожалъ, но онъ, заикаясь, бормочетъ: «Она подходитъ, подходитъ!» Тогда я поднимаюсь въ башню Гуга; я долго осматриваюсь,—ты знаешь, Фрицъ, у меня зоркіе глаза,—наконецъ, въ туманной дали, между небомъ и землей, я примѣчаю черную точку. На другой день черная точка увеличивается: графъ Нидекъ скрежещетъ зубами. На слѣдующій день ясно видно старуху, припадокъ усиливается, графъ кричитъ. Старуха уже у подножія горы: графъ стискиваетъ челюсти, какъ тиски, на губахъ показывается пѣна, глаза готовы выскочить. О, злодѣйка!.. Подумать только, что я сто разъ прицѣливался въ нее и бѣдный графъ всегда удерживалъ меня! Онъ говорилъ мнѣ: «Нѣтъ, Сперверъ, нѣтъ, не надо крови!» бѣдняжка, жалѣетъ ту, которая его убиваетъ, потому что она убиваетъ его, Фрицъ; на немъ только кожа да кости!

Мой добрый другъ Геденъ былъ слишкомъ предубѣжденъ противъ старухи, чтобы можно было обратить его къ здравому смыслу. Да и наконецъ, кто осмѣлится опредѣлить границу возможнаго? Дѣйствительность подавляетъ человѣка. Это сокровенное вліяніе, это таинственное соотношеніе, это незримое духовное сродство, весь этотъ магнетическій міръ, который одни признаютъ истинно существующимъ, а другіе насмѣшливо отрицаютъ, кто намъ поручится, что завтра эти тайныя силы не дохнутъ на насъ? Легко-ли быть разсудительнымъ при такомъ общеміровомъ невѣжествѣ! И такъ я ограничился тѣмъ, что просилъ Спервера умѣрить свой гнѣвъ и въ особенности не стрѣлять въ Чуму, предвѣщая, что это принесетъ ему несчастье.

— Ба, я смѣюсь надъ этимъ, сказалъ онъ,—самое худшее, что можетъ случиться, — это то, что меня повѣсятъ.

— Ну и этого довольно для честнаго человѣка!

— Не все-ли равно умереть такъ или иначе: задохнешься и только. По мнѣ все равно, что такая смерть, что смерть отъ удара; или какъ бываютъ иныя болѣзни, когда человѣкъ не въ состояніи ни спать, ни курить, ни глотать, ни переваривать пищу, ни чихать.

— Бѣдный мой Геденъ, не хорошо ты разсуждаешь, если принять въ соображеніе твою сѣдую бороду.

— Сѣдая борода или не сѣдая, ужъ такое мое мнѣніе. У меня всегда готовъ зарядъ къ услугамъ колдуньи; время отъ времени я возобновляю затравочный порохъ и если представится случай...

Онъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

— И дурно сдѣлаешь, Сперверъ. Я согласенъ съ мнѣніемъ графа Нидека: «не надо крови!» одинъ великій поэтъ сказалъ: «Всѣ волны океана не смоютъ капли человѣческой крови!» Подумай объ этомъ, товарищъ, и разряди твое ружье на кабанъ при первой возможности!

Эти слова, казалось, произвели впечатлѣніе на стараго браконьера, онъ опустилъ голову и его лицо приняло задумчивое выраженіе.

Въ это время мы проѣзжали по лѣсной отлогости, которая отдѣляла жалкій поселокъ Тифенбаха отъ замка Нидека.

Наступила ночь. Какъ почти всегда бываетъ послѣ яснаго и холоднаго зимняго дня опять пошелъ снѣгъ, большіе хлопья таяли на гривахъ нашихъ лошадей, которые тихо ржали, безъ сомнѣнія, возбужденныя близостью ночи.

Время отъ времени Сперверъ оглядывался съ видимымъ безпокойствомъ и я самъ не былъ свободенъ отъ нѣкотораго непріятнаго ощущенія, раздумывая о странномъ объясненіи, которое я слышалъ отъ доѣзжающаго по поводу болѣзни графа. Да и наконецъ, состояніе духа человѣка всегда зависитъ отъ окружающаго его и я съ своей стороны ничего не знаю скучнѣе лѣса, покрытаго инеемъ и качаемаго вѣтромъ; тяжело смотрѣть на угрюмыя, окаменѣлыя деревья.

По мѣрѣ нашего приближенія дубы становились рѣже, нѣсколько березъ, прямыхъ и бѣлыхъ, какъ мраморныя колонны, показались тамъ и сямъ, выдѣляясь на мрачной зелени сосенъ, какъ вдругъ, когда мы выѣхали изъ чащи, старый замокъ внезапно предсталъ предъ нами всей своей высокой, темной массой съ мерцающими огоньками.

Сперверъ остановился у низкой двери между двумя башнями, за желѣзной рѣшеткой.

— Приѣхали, сказалъ онъ, наклоняясь съ сѣдла.

Онъ схватилъ ручку и вдали раздался чистый и ясный звонъ колокола. Послѣ небольшого ожиданія въ глубинѣ свода мелькнулъ фонарь, освѣтивъ окружающій мракъ, а также маленькаго горбуна, съ свѣтлой бородой, широкими плечами, пробирающагося по коридору, какъ кошка.

Среди окружающей его тѣни, казалось, что передъ нами гномъ сказаній Нибелунговъ. Онъ медленно приближался; наконецъ, за рѣшеткой показалось его плоское лицо; онъ таращилъ глаза, стараясь разсмотрѣть насъ среди мрака.

— Это ты, Сперверъ, спросилъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Отворишь-ли ты, Кнапвурстъ, закричалъ доѣзжающій.— Не чувствуешь развѣ какой волчій холодъ?

— Ахъ, теперь я узналъ тебя, сказалъ маленький человѣкъ.—Да, это точно ты... Когда ты говоришь, можно подумать, что ты хочешь проглотить человѣка!

Дверь отворилась и гномъ, направивъ на меня фонарь, приветствовалъ меня страшной гримасой, говоря ломаннымъ языкомъ:

— Милости просимъ, г. докторъ!

Казалось, онъ хотѣлъ сказать: «и этотъ уберется, какъ другіе». Потомъ онъ спокойно заперъ рѣшетку, пока мы сидѣли, и принялъ отъ насъ лошадей.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Альбомъ русской охоты.

хота считается самой первобытной спутницей человѣческой культуры; первыя побѣды человѣка надъ природой выразились въ борьбѣ его съ дикими звѣрями, убивая которыхъ, онъ добывалъ себѣ пищу и одежду. Въ

этой борьбѣ, какъ и во всякой борьбѣ, побѣда приобреталась лишь ловкостью и отвагой; опасность, которой подвергался первобытный человѣкъ болѣе, чѣмъ мы, когда ему приходилось вступать въ эту борьбу, естественно увеличивала въ немъ сознаніе его превосходства до восторженнаго возбужденія. Слѣдовательно, можно предположить, что охота дала человѣку и первыя сильныя моменты поэтическаго настроенія, не смотря на то, что въ сущности она была прежде всего промысломъ, необходимымъ для существованія. Охота мѣняла и продолжаетъ мѣнять свои формы вмѣстѣ съ ходомъ цивилизаціи. Но кромѣ той или другой степени цивилизаціи и самая природа, окружающая человѣка, даетъ охотѣ въ каждой странѣ и у каждого народа особый характеръ; однимъ словомъ—охота входитъ въ этнографію страны не менѣе, чѣмъ бытовые обряды, вѣрованія, предразсудки и проч., слѣдовательно охота принадлежитъ народности.

Почти вездѣ въ Европѣ охота уже перестала или вскорѣ перестанетъ быть промысломъ, оставаясь лишь развлеченіемъ природой, развлеченіемъ укрѣпляющимъ, оживляющимъ и дающимъ человѣку лишь случай и возможность обнаружить его ловкость или отвагу и испытать моментъ сознанія самодовольства. Несомнѣнно, что, являясь также сильной страстью, охота кроетъ въ себѣ бездну поэзіи вообще и представляетъ для пластическихъ искусствъ богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ, который при этомъ въ этнографическомъ отношеніи обладаетъ несравненной яркостью и живописностью.

У насъ въ Россіи охота сохраняетъ еще преимущественно промысловый характеръ, особенно на сѣверѣ и въ Сибири; но въ средней Россіи охота, даже въ крестьянской средѣ, и именно на звѣря, получаетъ уже характеръ охоты въ тѣсномъ смыслѣ, характеръ спорта. Крестьянинъ-охотникъ не пойдетъ на медвѣдя изъ-за денегъ, какъ потому, что онъ можетъ добыть ихъ и иначе, такъ и потому, что опасность, которой онъ подвергается, вступая въ единоборство съ этимъ сильнымъ и опаснымъ обитателемъ русскихъ лѣсовъ, несоразмѣрно значительнѣе ожидаемой выгоды. Здѣсь охота является уже какъ страсть, какъ средство проявить свою ловкость и силу и ощутить сильное удовольствіе повергнуть къ своимъ ногамъ могущественнаго противника, сразивъ его ловкимъ и сильнымъ ударомъ рогатины или ножа и притомъ въ такой моментъ, котораго нельзя пропустить безъ того, чтобы самому не испытать потомъ на себѣ медвѣжьихъ лапъ.

На помѣщаемомъ въ настоящемъ номерѣ рисункѣ художника Петра Петровича Соколова изображено единоборство съ медвѣдемъ въ той формѣ, въ какой оно практикуется среди кре-

стьянъ-охотниковъ въ великорусскихъ губерніяхъ и преимущественно въ нижегородской. Это—охота на берлога. Послѣ выстрѣла изъ своего дешевенькаго и безспильнаго ружья, крестьянинъ-охотникъ беретъ медвѣдя на рогатину. Но между крестьянами-охотниками въ средней Россіи употребляется и другой способъ охоты на медвѣдя—съ однимъ лишь ножомъ, требующій наибольшей отважности и ловкости. Охотникъ заворачиваетъ лѣвую руку въ кусокъ воловьей шкуры, въ нѣсколько слоевъ, дабы медвѣдь не могъ стиснуть зубами и раздробить или изорвать руку, а въ правую беретъ большой острый ножъ, и въ тотъ самый моментъ, когда разсерженный медвѣдь схватитъ или только готовъ схватить подставленную ему лѣвую руку, сильный и твердый ударъ ножомъ снизу вверхъ сразу распарываетъ ему всѣ мягкіе покровы живота вплоть до грудной кости, такъ что поврежденныя внутренности вываливаются и ослабленный противникъ падаетъ, дѣлаясь безспильнымъ нанести какой-нибудь серьезный вредъ охотнику. Это называется сдѣлать медвѣдю «распашонку».

Подобный же способъ употребляется при охотѣ на медвѣдя и въ Сибири, съ той лишь разницей, что вмѣсто руки всовываютъ въ пасть звѣря желѣзную зазубренную распорку, и когда онъ начнетъ дѣлать свои безплодныя попытки освободиться отъ этой распорки, охотникъ сажаетъ его на рогатину. Но, очевидно, въ этомъ послѣднемъ способѣ, чисто промысловомъ, нѣтъ и слѣдовъ той отваги, той ловкости, какія нужны нижегородцу-охотнику, который вмѣсто желѣзной распорки всовываетъ въ пасть звѣря свою руку и вмѣсто длинной рогатины наноситъ артистически-вѣрный ударъ ножомъ, которымъ владѣтъ твердая и сильная рука, и притомъ убиваетъ звѣря, сходясь съ нимъ почти «грудь съ грудью». Рисунокъ, изображающій эту послѣднюю охоту помещенъ будетъ въ одномъ изъ послѣдующихъ номеровъ нашего журнала.

Художникъ П. П. Соколовъ пользуется большою извѣстностью какъ знатокъ русской охоты вообще и кромѣ того признается однимъ изъ даровитыхъ представителей реальной русской школы. Онъ написалъ довольно много охотничьихъ и бытовыхъ картинъ, которыя несомнѣнно доказываютъ большую и тонкую его наблюдательность, близкое и разностороннее знакомство съ русскимъ бытомъ и природой. Г. Соколовъ по преимуществу акварелистъ; движеніе, сильныя и яркія краски, размашистая кисть, бойкій рисунокъ, хотя иногда чрезмѣрно эскизный, всегда самый удачный выборъ момента для картины и безусловная этнографическая вѣрность лицъ, одеждъ, экспрессивность, естественность и типичность въ изображеніи животныхъ—лошадей, собакъ и проч.,—суть отличительныя осо-

бенности картинъ г. Соколова. Кромѣ того онъ одинъ изъ немногихъ художниковъ, хорошо знакомыхъ съ бывшимъ крѣпостнымъ бытомъ, когда русская охота, взятая вообще, достигла наибольшей своей живописности и характерности.

Въ той серіи рисунковъ г. Соколова, которую мы имѣемъ, изображена русская охота всѣхъ родовъ, на звѣря и птицу, въ избранныхъ, наиболѣе живописныхъ и характерныхъ моментахъ. Многія изъ рисунковъ суть иллюстраціи къ произведеніямъ нашихъ поэтовъ: Пушкина, Тургенева, Толстаго и др., какъ, напримѣръ: «Графъ Нулинъ», «Записки охотника», «Анна Каренина» и др.

сюжетами, изображавшими мифическихъ боговъ, героевъ древности, идилліи временъ романтизма, и, наконецъ, сцены утонченнаго разврата французской придворной жизни времени послѣднихъ королей до-революціонной эпохи.

Контрастъ нашего сѣраго нижегородца съ этой пестрой и изящной компаніей боговъ, рыцарей, королевъ, красавицъ-маркизовъ, куртизанокъ, пастушковъ и проч., контрастъ нашего охотника съ придворными королевскими охотами—очень веселый!

Изъ міра русского искусства.

Диллетанта.

I.

Федоръ Александровичъ Васильевъ.

Въ одной изъ своихъ наиболѣе удачныхъ характеристикъ Сент-Бевъ находитъ, что самымъ важнымъ моментомъ въ жизни художника есть именно тотъ моментъ, когда онъ, благодаря стеченію болѣе или менѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, благодаря воспитанію и условіямъ жизни, создалъ свое первое, уже вполне художественное произведеніе. Если вы сдумаете понять художника въ этотъ критическій моментъ его жизни; если вы сдумаете развязать тотъ узелъ, съ которымъ впоследствии вся его дѣятельность будетъ тѣсно связана; если вы найдете, такъ сказать, ключъ къ тому таинственному звену, которое соединяетъ его послѣдующую судьбу,—свѣтлую, торжественную, лучезарную, съ первыми робкими начинаніями,—то можно сказать, что вы узнали его основательно. Вмѣстѣ съ нимъ вы прошли темную сферу, какъ Дантъ съ Виргиліемъ, и теперь вы достойны сопровождать его въ его дальнѣйшемъ пути. Само собой разумѣется, что уловить этотъ моментъ чрезвычайно трудно, между прочимъ и потому, что грань, разделяющая робкія, невыяснившіяся еще начинанія художника отъ полнаго сознанія своихъ силъ—почти незамѣтна; въ этомъ переходѣ нѣтъ ничего рѣзкаго, опредѣленнаго и точнаго; напротивъ, переходъ этотъ сливается въ общемъ тонѣ жизни и умственной работы и составляетъ только часть того развитія, которое совершается медленно, съ усиліями и мало-по-малу выдѣ-

ляется изъ безформеннаго хаоса дѣтскихъ инстинктовъ и отроческихъ порываній сначала созидательную любовь къ искусству, а потомъ опредѣленную форму, въ которой эта любовь выливается въ творчество. Здѣсь мы встрѣчаемся съ очень сложнымъ, многообразнымъ процессомъ внутренней работы, въ большинствѣ случаевъ несознаваемой самимъ художникомъ, незамѣтной для окружающихъ, процессомъ органическимъ, которому способствуютъ или который тормозятъ вѣшнія, случайныя обстоятельства жизни. «Когда, прибавляетъ Сент-Бевъ,—узнаешь художника въ разцвѣтѣ его

СКУЛЬПТУРА РОЗЕТТИ.

Психея.

Рисоваль Бонамори; рѣзалъ на деревѣ Балламини.

О рисунокѣ, изображающемъ охоту на медвѣдя съ однимъ ножомъ, замѣтимъ здѣсь кстати, что сюжетъ его, въ высшей степени характерный, пользуется большою популярностью между прочимъ у французовъ. Отважный охотникъ-нижегородецъ изображается на дорогахъ французскихъ гобеленахъ*), цѣною въ нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ, и на дорогахъ оконныхъ шторахъ, слѣдуя, какъ бы въ контрастъ, непосредственно за сюжетами совершенно иного сорта, привлекавшими прежде французскій вкусъ, за

*) Въ Петербургѣ продается одинъ такой гобеленъ для каминнаго экрана, стоящій 20,000 фр.

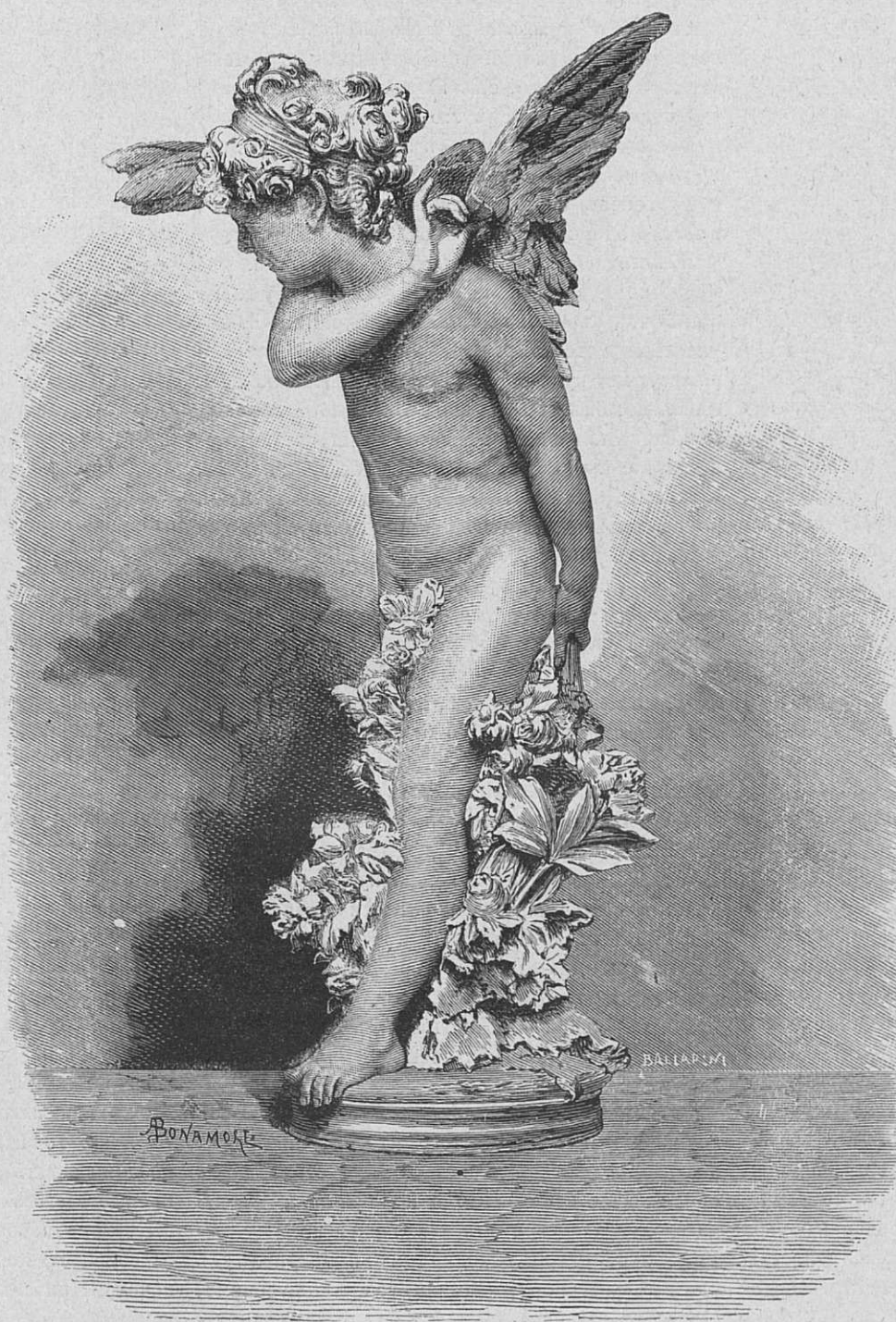

творческой дѣятельности, то воображаешь, что онъ былъ всегда такимъ, и дѣло намъ кажется такъ просто, что чаще всего мы нисколько не стараемся объяснить себѣ, какимъ образомъ все это случилось; точно также, если вы знаете этого же самого художника до проявленія его творческихъ силъ, то не можете подозрѣвать, что изъ него выйдетъ впоследствии. Къ сожалѣнію, чаще всего этой двойной иллюзіи способствуютъ сами художники: они съ неудовольствіемъ рассказываютъ о своихъ первыхъ, трудныхъ, часто неудачныхъ начинаніяхъ. Поглощенные собственно техникой своего искусства, живущіе по преимуществу чувствомъ и впечатлѣніями, мало привычныя (часто неспособные) къ анализу, они не отдають себѣ яснаго отчета въ постепенномъ развитіи своего таланта и даже рѣдко формулируютъ свои теоретическія воззрѣнія на искусство.

Въ этомъ отношеніи русскій художникъ въ особенности труденъ для критическаго анализа: онъ чаще всего не теоретикъ и не резонеръ. Наперекоръ всѣмъ условіямъ русской исторической и общественной жизни, создающей въ русскихъ людяхъ какую-то особенную любовь къ резонерству и мечтательности въ ущербъ практичности и жизни сердца, — русскій художникъ въ большинствѣ случаевъ незнакомъ съ сомнѣніями тревожной мысли; онъ всецѣло отдается своимъ органическимъ предрасположеніямъ, не анализируя ихъ, и даже мало интересуется тѣми теоретическими основами, на которыхъ покоится его собственное искусство. Въ этомъ отношеніи онъ не только составляетъ какъ бы исключеніе въ русской жизни, но рѣзко отличается даже и отъ своихъ собратьевъ Запада. Западный художникъ при значительной чуткости чувства въ тоже время и мыслящій человекъ. Письма Делакруа, сочиненія Виоле-ле-Дюка, Фромантенъ, Каульбахъ — лучшее доказательство теоретичности западныхъ художниковъ. Всякое новое явленіе въ той или другой области искусства вызываетъ оживленный споръ въ средѣ художниковъ, являются предположенія, диспуты, возникаетъ критика, обмѣнъ мыслей съ горячностью и страстью и въ концѣ концовъ образуются новая теоретическая формула, часто несостоятельная, смѣняющаяся новой, но всегда группирующая вокругъ себя страстныхъ приверженцевъ, которые не только пропагандируютъ ее своими произведеніями, но и защищаютъ въ спорѣ и печати. Такимъ образомъ всякое новое, реформаторское движеніе въ искусствѣ сливается съ литературнымъ движеніемъ, которое даетъ ему смыслъ и значеніе, — значеніе не случайно возникшаго явленія, а фактически связаннаго съ общимъ ходомъ общественной жизни и культуры. Легко понять, какъ важно должно быть подобное явленіе и какъ благотворны должны

быть его результаты. Для примѣра укажу на сильное движеніе, происходящее въ настоящее время въ средѣ французскихъ пейзажистовъ. Я говорю объ импрессионистахъ, этой новой школѣ, не признанной пока академическими рутинерами, но уже заслужившей сочувствіе и симпатіи публики, — школѣ, едва-лишь возникшей, но уже имѣющей таланты первой величины, свои теоретическія основы, свою эстетику, свою философію. Эти взгляды могутъ казаться странными, эта эстетика можетъ быть несостоятельна, но пропаганда идей и воззрѣній школы идетъ энергично, благодаря усиліямъ самихъ художниковъ.

СКУЛЬПТУРА РОЗЕТТИ.

Амуръ.

Рисоваль Бонамори; рѣзалъ на деревѣ Баллавини.

ковъ, открывая новые пути и новую формулу, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ прогрессомъ въ искусствѣ является прогрессъ въ теоретическихъ воззрѣніяхъ на искусство; старая эстетика мало-по-малу уступаетъ мѣсто новой, лучше принастроенной къ требованіямъ времени и къ идеаламъ настоящаго и является уже не неподвижнымъ кодексомъ, ни на чемъ не основанномъ, а лишь выраженіемъ болѣе или менѣе полнымъ стремленій и требованій современнаго искусства, по скольку это искусство отражаетъ въ себѣ современную жизнь и современные идеалы.

Ничего подобнаго никогда не замѣчалось и

не замѣчается въ средѣ русскихъ художниковъ. Наши василеостровцы, достигнувъ всѣми правдами и неправдами извѣстнаго техническаго совершенства, выработавъ свою манеру, живутъ изолированной жизнью въ своихъ мастерскихъ, не стараясь отдавать себѣ отчета, въ какомъ направленіи они работаютъ, къ какимъ идеаламъ стремятся, что собственно вносятъ они въ искусство. По временамъ возникаютъ свѣжія явленія, рѣзко выступающія за предѣлы установившейся рутинки; въ произведеніяхъ молодыхъ художниковъ часто замѣчается новая струя, своеобразное пониманіе, какъ бы намекъ на незнакомую, но любопытную черту; публика съ сочувствіемъ принимаетъ этихъ новыхъ своихъ любимцевъ; но эти свѣжіе ростки, будучи изолированными, взлелѣанные на суровой, негостеприимной почвѣ нашей общественной жизни, остаются лишь свѣтлыми попытками и «отцвѣтають, не успѣвши разцвѣсть». Молодой художникъ съ своеобразнымъ талантомъ, съ оригинальнымъ и личнымъ пониманіемъ, встрѣчая мало поддержки въ средѣ своихъ же собратьевъ-художниковъ, не возбуждаемый дѣятельностью теоретической мысли, живущій лишь своими личными порывами, чаще всего или падаетъ въ неровной борьбѣ съ равнодушіемъ и косностью, или превращается въ болѣе или менѣе ловкаго ремесленника, эксплуатирующаго свой талантъ и раздѣливающагося на мелкіе гроши.

Слѣдуетъ-ли послѣ этого доказывать, какъ неблагоприятны подобныя условія не только для развитія самостоятельныхъ талантовъ, но и для образованія національной школы въ искусствѣ, — школы, создающей свою манеру, свои принципы, свои приемы, развивающей самостоятельно тѣ зародыши, которые лежатъ въ основахъ національнаго генія и въ требованіяхъ времени? Къ школѣ относится у насъ обыкновенно съ недоверіемъ, съ явнымъ недоброжелательствомъ; говорить, что школа убиваетъ обыкновенно самобытный талантъ, водворяетъ извѣстную рутину, узакониваетъ извѣстные приемы. Отчасти это несомнѣнно справедливо, но съ другой стороны школа имѣетъ великое преимущество и приносить значительную пользу уже потому, что сличиваетъ

въ одно цѣлое художниковъ одного направленія, поддерживаетъ ихъ усилія, обнаруживаетъ въ полномъ блескѣ даже незначительный талантъ и доводитъ до крайняго совершенства техническій приемъ. Художникъ, замѣчающій рядомъ съ собой десятки другихъ художниковъ, имѣющихъ однѣ и тѣ же цѣли, стремящихся къ осуществленію одного и того же результата, понимающихъ искусство одинаково, чувствуетъ свою собственную силу и съ болѣе самоувѣренностью продолжаетъ работать по разѣ предложенному пути, не дѣлая уступокъ и не прибѣгая къ компромисамъ. Безъ этой поддержки въ

окружающей средѣ и въ особенности безъ этого обмѣна мысли художникъ, не обладающій гениемъ, громадной волей, сильной энергіей, скоро устаетъ, ослабѣваетъ, становится изолированнымъ фактомъ, неосмысленнымъ и непонятнымъ для большинства, и во всякомъ случаѣ не приноситъ той пользы для искусства, которую бы могъ принести при другихъ условіяхъ.

Къ сожалѣнію, такова общая (за весьма незначительными исключеніями) судьба большинства русскихъ художниковъ съ самостоятельнымъ талантомъ и самобытнымъ воззрѣніемъ на задачи и цѣли искусства. Въ жизнь онъ вступаетъ съ розовыми надеждами, съ юными идеалами, съ увлеченіемъ и вѣрой въ собственные силы принимается за трудъ, преодолеваетъ техническія трудности, достигаетъ собственной манеры... И что же? Онъ, можетъ быть, и возбудитъ нѣкоторое любопытство и сочувствіе публики, но останется одиноко стоящимъ, безъ вліянія и поддержки. Если бы, вступая въ жизнь, онъ встрѣтилъ уже готовую школу, имѣющую свои традиции и преданія, отвѣчающую своими задачами и стремленіями органическимъ даннымъ его таланта, — школу, которая уже выработанной, готовой теоріей и взглядами осмыслила бы его собственные художественные инстинкты, дала бы опредѣленное направленіе его энергіи, и въ особенности поддержала бы его усилія, то несомнѣнно его талантъ развился бы быстрѣе и полнѣе и даже при незначительной выдержкѣ могъ бы остаться самостоятельнымъ. Къ несчастію, русскій художникъ не встрѣчаетъ такой почвы; онъ по этому по необходимости долго бродитъ въ потемкахъ, долго ищетъ дороги ощупью, пробуетъ себя на изученіи того или другого мастера, изучаетъ тѣ или другія особенности и, незамѣтно для себя, начинаетъ подражать, обезличивая себя въ ущербъ себѣ и безъ пользы для другихъ.

Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія. Рисуя такую печальную картину, я намѣчаю только общія условія, въ которыхъ живетъ русскій художникъ, нисколько не думая утверждать, что такова роковая судьба всякаго русскаго художника. Напротивъ, въ исторіи русскаго искусства встрѣчаются самобытные таланты, съумѣвшіе восторжествовать надъ неблагоприятными условіями русской жизни, сохранившіе свою самостоятельность, подвинувшіе русское искусство впередъ и поставившіе его на ту степень, на которой оно находится въ настоящую минуту. Но рядомъ съ этими сильными борцами сколько погибшихъ талантовъ видимъ мы вокругъ! Сколько безплодныхъ усилій, сколько колебаній, паденій, сколько бесполезныхъ порываній! Съ одной стороны отсутствіе поддержки, готовой почвы, выработанныхъ теоретическихъ воззрѣній, словомъ, отсутствіе того, что даетъ школа; съ другой — мелочная, ежечасная и часто непосильная борьба съ матеріальными условіями жизни, съ бѣдностью и нищетой, съ равнодушіемъ или явнымъ недоброжелательствомъ, — вотъ что всегда встрѣчается молодой русскій художникъ, посвящая себя искусству. Мудрено-ли послѣ этого, что, не выдержавъ борьбы, одни вступаютъ въ компромиссы съ жизнью, жертвуютъ своимъ талантомъ ради выгоднаго положенія и становятся болѣе или менѣе ловкими ремесленниками, лстать модѣ, поддѣлываются подъ вкусы толпы и живутъ припѣваячи; другіе, болѣе богатые внутреннимъ содержаніемъ, но столь же безсильные и слабые, падаютъ подъ ударами судьбы и отправляются умирать отъ чахотки въ какой-нибудь уголокъ Крыма, на зарѣ жизни, въ полномъ разцвѣтѣ таланта и силъ, какъ это случилось съ Ф. А. Васильевымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Новости русской литературы.

I.

Рассказъ И. С. Тургенева.

Въ декабрьской книжкѣ французскаго журнала «La Nouvelle Revue» помѣщенъ рассказъ И. С. Тургенева: «Monsieur François (г. Франсуа) — изъ воспоминаній о 1848 годѣ». Считаю неприличнымъ переводить на русскій языкъ произведеніе замѣчательнаго русскаго стилиста и надѣясь, что этотъ рассказъ появится вскорѣ и въ русской печати въ оригиналѣ, мы все же считаемъ приятнымъ долгомъ познакомить съ его содержаніемъ русскихъ читателей, которые дорожатъ всякой строчкой, выходящей изъ подъ пера симпатичнаго автора «Записокъ охотника».

Проведя въ Парижѣ зиму 1847 — 48 года и живя недалеко отъ Пале-Рояля, авторъ почти каждое утро ходилъ пить кофе и читать газеты въ знаменитую кофейню «Ротонду». Въ началѣ февраля 1848 года, онъ нѣсколько разъ встрѣчался тамъ съ героемъ его маленькаго рассказа, г. Франсуа, и разговоры съ этой загадочной личностью, за достовѣрность которыхъ ручается г. Тургеневъ, составляютъ всю суть этого любопытнаго очерка. По внѣшности г. Франсуа былъ «высокаго роста, худощавый, съ черными, немного посѣдѣвшими волосами, на носу у него были очки въ ржавой желѣзной оправѣ и съ коричневыми стеклами, на головѣ старая высокая шляпа, въ рукахъ большая узловатая палка... Очевидно, онъ былъ родомъ изъ южной Франціи, гасконецъ или провансалецъ. Его загорѣлое, морщинистое лицо, впалыя щеки, беззубый ротъ, глухой, каркающій голосъ, все до его грязной, поношенной одежды, повидимому, сшитой не для него, ясно доказывали, что его жизнь была безпокойная, кочевая, нуждающаяся». «Это человѣкъ разбитый, надломленный, уничтоженный грозой, подумалъ нашъ авторъ, увидавъ его впервые: — и онъ терпитъ нужду не только въ настоящую минуту, но всю жизнь свою, вѣроятно, провелъ въ недостаткѣ и нищетѣ. Но откуда у него это частію сознательное, частію невольное выраженіе превосходства, которымъ дышатъ его черты, каждый его жестъ, даже манера медленно волочить ноги? Бѣдные, смиренные люди такъ не ходятъ. Его глаза особенно меня поразили съ ихъ темными зрачками и желтоватыми бѣлками. То они были широко открыты и онъ неподвижно, мрачно смотрѣлъ въ пространство, то онъ ихъ какъ-то странно суживалъ, поднимая свои вздерогенные брови и бросая чрезъ очки косые взгляды. Тогда злая, горькая насмѣшка пробѣгала по всему его лицу».

Знакомство г. Тургенева съ этой странной личностью началось съ того, что онъ попросилъ позволенія сѣсть за одинъ съ нимъ столъ, но въ первый день этимъ дѣло и кончилось и только на слѣдующее утро онъ поклонился нашему автору, какъ старому знакомому и вступилъ съ нимъ въ разговоръ, называя его прямо русскимъ. Мало-по-малу оказалось, что онъ бывалъ въ Россіи, гдѣ «имѣлъ неудовольствіе жить учителемъ у одного глупаго генерала въ одной изъ очень бѣдныхъ провинцій» и говорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ. Кромѣ того, онъ путешествовалъ, повидимому, по всей Европѣ и Америкѣ, бывалъ даже въ Сибири, по дорогѣ изъ Калифорніи. Онъ зналъ многое и разговоръ его обнаруживалъ обширныя свѣденія. На вопросъ г. Тургенева, какъ его зовутъ, онъ просилъ называть его г. Франсуа, а самъ объявилъ, что будетъ называть своего новаго знакомаго г. Иваномъ, такъ какъ «все русскіе Иваны».

— Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали въ Парижъ именно теперь, сказалъ онъ между прочимъ, — это время очень интересное для туриста. Вы увидите великія событія.

— Что именно? спросилъ г. Тургеневъ.

— Мы теперь въ началѣ февраля, а прежде чѣмъ пройдетъ этотъ мѣсяцъ, во Франціи будетъ республика.

— Республика?

— Да, республика. Но не радуйтесь, если это извѣстіе можетъ васъ обрадовать. Прежде конца настоящаго года Бонапарты будутъ владѣть (онъ употребилъ болѣе циничное выраженіе) этой самой Франціей.

«Пока онъ говорилъ о республикѣ, замѣчаетъ г. Тургеневъ, — я ему только не вѣрилъ и подумалъ про себя: онъ хочетъ меня дурачить, принявъ за невѣжественнаго скифа. Но Бонапарты? Откуда онъ вырылъ Бонапартовъ? Кто въ эту эпоху думалъ о Бонапартахъ или, по крайней мѣрѣ, кто о нихъ говорилъ?»

— Такъ вы полагаете, что король не согласится ни на какую реформу? спросилъ г. Тургеневъ послѣ минутнаго молчанія; — однакожъ, требованія оппозиціи непреувеличенныя.

— Знаемъ, знаемъ, отвѣчалъ онъ небрежно, расширеніе избирательныхъ правъ гражданства умственнымъ способностямъ на всѣхъ ступеняхъ... слова, слова! Не будетъ банкетовъ, король не уступитъ, Гизо этого не хочетъ. Впрочемъ, къ чорту политику! Создавать ее забавно, но смотрѣть, какъ ее создаютъ другіе, глупо. Маленькія собачки дѣлаютъ тоже, когда большіе... пользуются жизнью; имъ остается только лаять или служить. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Онъ быстро сталъ переходить отъ одного предмета къ другому, выражая очень рѣзкія мнѣнія. Такъ, французскихъ актеровъ, по его словамъ, портили школа, преданія, консерваторія, а главное порядочныя манеры. Они холодны и выпотрошены, какъ мерзлая рыба на русскихъ рынкахъ. Ни одинъ не посмѣетъ сказать: «я васъ люблю», не разставивъ ноги компасомъ и не взведя томно къ небу глазъ. И все это отъ приличныхъ манеръ, отъ bon gout. Въ одной Италіи настоящіе актеры. Они олицетворенная природа, а французы только стремятся быть натуральными. Еще строже Франсуа отзывался объ оперѣ, находя вообще, что музыка послѣднее изъ искусствъ, такъ какъ, «не производя впечатлѣнія на человѣка, она скучна, а производя впечатлѣніе, она вредна, расслабляя его, какъ горячая баня». Въ живописи, по его словамъ, слишкомъ много плоти и голыхъ женщинъ, точно надо еще разжигать кровь человѣка и то съ головы до ногъ преступнаго и грѣшнаго? Только одно существуетъ искусство, — это скульптура, холодная, величественная, возбуждающая въ человѣкѣ мысль или иллюзію о безконечности и безсмертіи. Что же касается литературы, то Франсуа не признавалъ ее за искусство. «Она должна прежде всего забавлять, а въ сущности забавны только автобіографіи, гдѣ авторъ говоритъ о себѣ и отдаетъ себя на общее посмѣяніе. Вотъ почему Монтень величайшій изъ писателей; онъ показываетъ себя эгоистомъ до конца и, читая его, смѣешься прежде надъ нимъ, а потомъ надъ собою».

— А что надо читать народу, если по вашему народъ не долженъ ничего читать? спросилъ авторъ, которому показалось, по тону этой странной личности и по перстню съ гербомъ, красовавшимся на его рукѣ, что онъ долженъ держаться аристократическихъ мнѣній, а быть можетъ и самъ аристократъ, несмотря на его нищенскую внѣшность.

— Народъ долженъ читать, отвѣчалъ онъ, — но что онъ читаетъ, рѣшительно все равно. Говорятъ, что ваши русскіе поселяне всегда читаютъ одну и ту же книгу. Разорвавъ одинъ экземпляръ, они покупаютъ другой. И они правы. Это придаетъ имъ важность въ ихъ собственныхъ глазахъ.

Разговоръ естественно перешелъ на религію и Франсуа высказалъ, что, хотя онъ самъ ни во что не вѣрилъ, но религія дѣло важное и ея служители одни поняли настоящую тайну власти—этого величайшаго счастья на землѣ: повелѣвать смиренно и повиноваться гордо.

Но вопросъ, отчего же онъ не пошелъ въ пастеры, если онъ такъ уважаетъ духовенство и такъ любитъ власть, Франсуа отвѣчалъ, что онъ въ Америкѣ хотѣлъ основать новую секту, но отказался отъ этой мысли, ибо «основать религію безъ мученическаго вѣнца невозможно, а проливать свою кровь глупо». Наконецъ онъ затронулъ философію и, выразивъ мимоходомъ свою ненависть къ нѣмецкимъ философамъ и вообще ко всѣмъ нѣмцамъ, которыхъ, по его словамъ, надо было бояться французовъ и русскимъ, онъ объяснилъ, что вся его философія заключалась въ двухъ словахъ: «въ жизни человеческой два несчастья: рожденіе и смерть, послѣднее еще меньшее горе, такъ какъ оно можетъ быть добровольное».

Заинтересованный этой странной личностью, г. Тургеневъ съ нетерпѣніемъ ждалъ слѣдующаго съ нимъ свиданія, и когда они черезъ два дня встрѣтились, онъ нарочно завелъ разговоръ о политикѣ, чтобъ окончательно вывѣдать его убѣжденія. Франсуа очень небрежно отзывался о Гизо, Тьеръ и Одилонъ Барро. Относительно перваго онъ однако выразился, что онъ имѣлъ твердую волю, что было необходимо для Франціи, но по несчастью она направлена не въ ту сторону. Тьеръ ему казался господиномъ, говорящимъ рѣчь водопаду, который въ одну минуту опрокинетъ и его и лодку. Что же касается до Одилона Барро, то онъ только насмѣшливо улыбнулся. Точно также онъ не признавалъ будущности за социалистами. По его словамъ, французскіе принципы не согласны съ социализмомъ; въ основѣ этихъ принциповъ лежатъ краеугольнымъ камнемъ революція и рутина; Робеспьеръ и Прюдомъ вотъ французскіе герои. Впрочемъ, вообще всѣ народы чувствуютъ необходимость повиноваться.

— Поэтому вы и полагаете, что французы подчинятся Бонапартамъ?

— Да именно потому.

Переходя снова къ вопросу о народѣ, Франсуа продолжалъ:

— Я не презираю народъ вообще. Чтобъ презирать кого-нибудь надо начать съ презрѣнія къ себѣ, а я презираю себя только, когда я голоденъ. И зачѣмъ презирать народъ? Онъ все равно, что земля: если я хочу, я воздѣлываю ее и она меня кормитъ, если хочу, оставляю ее въ пару и топчу подъ ногами. Правда, онъ иногда встряхивается, какъ мокрая собака, и сваливаетъ все, что мы на немъ выстроили, всѣ наши карточные домики. Но эти землетрясенія рѣдки. Конечно, я знаю, что въ концѣ концовъ земля меня поглотитъ и народъ также. Но этому помочь нельзя. Презирать народъ! Нѣтъ, нельзя презирать то, что при другихъ условіяхъ надо было бы уважать. Но теперь не слѣдуетъ ни уважать его, ни презирать, а пользоваться имъ. Вотъ въ чемъ весь вопросъ.

— А вы не сумѣли имъ пользоваться?

Конечно нѣтъ, иначе г. Франсуа не былъ бы въ такомъ несчастномъ положеніи. Мысли его тутъ приняли мрачный оборотъ и онъ высказалъ очень тихимъ, едва слышнымъ голосомъ, что его утѣшаетъ только убѣжденіе въ скорой и насильственной смерти.

«Онъ опустилъ голову, говоритъ г. Тургеневъ, —и я воспользовался этой минутой, чтобъ пристально на него посмотреть. Онъ мнѣ показался такимъ старымъ и разбитымъ, такая усталость выражалась въ его сгорбленной спинѣ и широко разставленныхъ, плоскихъ ногахъ, въ ботинкахъ

съ заплатами; такъ горько сжимались его губы; такъ глубоко впали его плохо выбритыя щеки, такъ печально торчала его длинная, сухая шея, такъ уныло падала прядь сѣдѣющихъ волосъ на его морщинистый лобъ... Несчастный человѣкъ, достойный сожалѣнія, подумалъ я. Ты былъ несчастенъ во всемъ, что ты предпринималъ въ жизни, въ дѣлахъ, въ семействѣ. Если ты былъ женатъ, тебя жена обманула и бросила, если у тебя были дѣти, ты ихъ не знаешь. Ты одинъ, одинъ на свѣтѣ».

Послѣ этого, авторъ не видалъ Франсуа до февральской революціи, которая застала его въ Брюсселѣ. Возвращаясь въ Парижъ, въ вагонѣ онъ узналъ о провозглашеніи республики во Франціи и невольно вспомнилъ о Франсуа. Сидѣвшая вмѣстѣ съ нимъ г-жа Гордонъ вдругъ стала проповѣдывать о необходимости прибѣгнуть къ принцу, который одинъ могъ спасти Францію, какъ избранникъ Провидѣнія. Сначала никто изъ пассажировъ ее не понималъ, но когда она назвала Люи-Наполеона, всѣ отвернулись, принявъ ее за сумасшедшую. Но Тургеневу тотчасъ пришло въ голову пророчество Франсуа, первая часть котораго исполнилась въ указанный имъ срокъ.

Но самого Франсуа ему удалось увидѣть только издали при народной манифестаціи, 17 марта у парижской ратуши. Онъ шелъ большими шагами среди толпы, размахивалъ руками, кричалъ во все горло и имѣлъ, кромѣ красной кокарды на шляпѣ, красный кушакъ. Второй разъ Тургеневъ замѣтилъ его въ театрѣ, гдѣ Рашель пѣла «Марсельезу»; онъ не кричалъ и не хлопалъ. Наконецъ, въ первыхъ числахъ іюня, Франсуа подошелъ къ г. Тургеневу, когда онъ сидѣлъ по обыкновенію въ Пале-Роялѣ и читалъ газеты. Онъ поклонился, даже протянулъ руку, чего прежде не бывало, но не сѣлъ, какъ бы стыдясь своей одежды, превратившейся въ лохмотья. Какая-то тайная тревога, казалось, сѣдала его; щеки его еще болѣе прежняго впали, легкая дрожь пробѣгала по его лицу, красныя глаза исчезали за очками, которые, теперь было ясно, служили ему только въ родѣ маски. Печальное безпокойство, присущее бродягамъ, не имѣющимъ ни куска хлѣба, ни крова, выражалось во всемъ его существѣ».

Пораженный несчастнымъ видомъ этой загадочной личности, г. Тургеневъ, однако, напомнилъ ему его предсказаніе.

— Да, да, отвѣчалъ онъ съ лихорадочной поспѣшностью;—но все это древняя исторія. А вы возвращаетесь въ вашу Россію?

— Отчего же мнѣ не остаться здѣсь?

— Какъ хотите. Но мы скоро объявимъ вамъ войну.

— Намъ?

— Да, Россіи. Намъ нужно будетъ славы, много славы. Война съ Россіей неизбежна.

— Отчего же не съ другой націей?

— Нѣтъ, нѣтъ, съ Россіей. Вы еще молоды, вы это увидите. Что же касается республики, то она капутъ. Національныя мастерскія! воскликнулъ онъ вдругъ съ необыкновеннымъ жаромъ, — вы видѣли, что это такое? Видѣли вы, какъ въ паркѣ Монсо землю перевозятъ въ тележкахъ съ мѣста на мѣсто. Вотъ откуда придетъ конецъ! А сколько будетъ крови... цѣлое море! Каково положеніе! все предвидѣть и не имѣть силы быть ничѣмъ!

Потомъ разговоръ перешелъ къ предстоящимъ выборамъ въ депутаты и Франсуа съ необыкновенной вѣрностью предсказалъ, кого выберетъ Парижъ; при этомъ онъ презрительно отозвался о Ламартинѣ, со злобою о Прудонѣ, «этомъ софистѣ въ деревянныхъ башмакахъ», и съ усмѣшкой о Ледрю Роленѣ, котораго онъ называлъ просто «толстый дуракъ Ледрю».

Вспомнивъ, что онъ видѣлъ на Франсуа красную кокарду, Тургеневъ замѣтилъ ему, что онъ самъ республиканецъ.

— Какой я республиканецъ! воскликнулъ онъ гнѣвно;—откуда вы это взяли. Только лавочники могутъ быть республиканцами. Они одни еще вѣрятъ въ принципы 89 года, въ прогрессъ, всеобщее братство...

Онъ вдругъ умолкъ. Какой-то старикъ въ блузѣ, съ большой сѣдой бородой помахалъ ему изъ толпы и онъ тотчасъ же ушелъ.

Послѣ этого г. Тургеневъ видѣлъ своего страннаго знакомаго только три раза. Въ первый: онъ стоялъ въ люксембургскомъ саду съ молодой дѣвушкой, очень бѣдно одѣтой; она его, повидимому, о чемъ-то умоляла, ломая себѣ руки въ отчаяніи. Онъ слушалъ ее, нахмуривъ брови; потомъ нахлобучилъ свою шляпу, оттолкнулъ дѣвушку и медленно удалился. Бѣдняжка убѣжала въ противоположную сторону.

Во второй разъ Франсуа подошелъ къ Тургеневу на площади Согласія, когда онъ разсматривалъ брошюру, только-что имъ взятую у уличнаго шарлатана, въ костюмѣ газра, прежде продававшего зубные элексыры, помады противъ ревматизма и пр. Брошюра заключала въ себѣ хвалебную біографію принца Люи-Наполеона.

— Ага, вотъ и начинается, воскликнулъ съ усмѣшкой и потирая руки Франсуа;—вотъ предтеча! Какъ онъ вамъ нравится?

— Вы смѣтаете надо мною? Этотъ шарлатанъ, этотъ газръ—предтеча?

— Да, да, шарлатанъ, газръ, такого и надо. Растрепанные волосы, браслеты на рукахъ, въ трико съ золочеными блестками—вотъ это и поражаетъ воображеніе. Легенда, мой любезный господинъ, легенда дѣло необходимое, а также блестящая обстановка, рекламы, чудеса! Люди прежде всего приходятъ въ удивленіе, потомъ они васъ уважаютъ; да уважаютъ; а наконецъ и вѣрятъ вамъ. Что же касается до васъ, то помните: серьезное дѣло только началось...

Въ эту минуту толпа разлучила собесѣдниковъ.

«Въ послѣдній разъ я его видѣлъ, рассказываетъ г. Тургеневъ,—въ страшные іюньскіе дни. Онъ былъ въ мундирѣ національнаго гвардейца, держалъ на перевѣсъ свое ружье со штыкомъ и я не могу выразить словами, какая холодная жестокость выражалась на его лицѣ».

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда всѣ предсказанія Франсуа буквально исполнились, г. Тургеневъ случайно увидалъ за прилавкомъ одного изъ парижскихъ магазиновъ женщину, въ которой онъ узналъ молодую дѣвушку, разговаривавшую съ Франсуа въ люксембургскомъ саду. Онъ напомнилъ ей эту сцену и спросилъ, живѣ ли г. Франсуа.

— Онъ умеръ, отвѣчала молодая женщина, покраснѣвъ,—и такою смертью, какой онъ вполнѣ заслужилъ. Это былъ злой человѣкъ... Впрочемъ, онъ былъ очень, очень несчастливъ.

«Болѣе я не могъ ничего узнать о г. Франсуа, говоритъ г. Тургеневъ, оканчивая свой рассказъ:—кто онъ былъ такой? Этотъ вопросъ остается загадкой. Есть морскія птицы, которыя появляются только во время бури. Англичане называютъ ихъ Stormy petrels. Онѣ низко парятъ надъ бушующими волнами и исчезаютъ, какъ только буря стихаетъ».

Къ рисункамъ.

Перенесеніе ковра, г. Маковского.—Карававъ пилигримовъ, ежегодно отправляющійся изъ Каира въ Каабу, постоянно сопровождаетъ коверъ, который посылаетъ вице-король египетскій вмѣсто султана. Коверъ готовятъ въ каирской цитадели, и его перевозка въ мечеть Гусейна, гдѣ онъ обыкновенно выставляется, бываетъ предлогомъ къ

празднеству, такъ какъ въслѣдствіи его трудно найти въ Меккѣ. Въ то время, какъ въ цитадели Гуссейна выставлены коверы, внизу въ цитадели собирается караванъ пилигримовъ. Въ концѣ мѣсяца шавали все готово къ отправкѣ; священный коверъ уложенъ и пилигримы, запасшись палатками и съѣстными припасами, отправляются въ путь. Весь Каиръ на ногахъ, всѣ лавки заперты; у оконъ, на улицахъ толпятся люди, любящіе величественнымъ зрѣлищемъ. Священный коверъ пользуется громаднымъ уваженіемъ среди мусульманъ. Прикосновеніе къ нему, по ихъ мнѣнію, приноситъ счастье. Имъ заканчивается шествіе, во главѣ котораго идутъ солдаты съ барабанами и литаврами. Верблюды живописно раскрашены и гордо идутъ подъ своей ношей. Вездѣ снуютъ торговцы водой и шербетомъ и вездѣ кипитъ жизнь. Такимъ образомъ, отсылка священнаго ковра является народнымъ праздникомъ для всего Каира, хотя, по временамъ, обходится для жителей довольно дорого: среди пилигримовъ во время путешествія являются эпидемическія болѣзни и заразы, которые заносятся въ различныя мѣстности.

Картина г. Маковского изображаетъ моментъ перенесенія ковра по улицамъ Каира. Трудно представить себѣ болѣе яркую картину восточной жизни; здѣсь все характерно, все носитъ на себѣ отпечатокъ мѣстности и живого наблюденія, и толпа, и отдѣльныя лица, и зданія, и перспектива улицы. Солдаты, дервиши, жители, дѣти и женщины съ закрытыми лицами, — все это живетъ и движется. Голубое, южное небо, яркія краски востока, движеніе, замѣчательный колоритъ, вѣрность изображенія этой восточной сцены, свидѣлемъ которой нашъ талантливый художникъ не разъ былъ въ Каирѣ, — все это дѣлаетъ картину замѣчательнымъ произведеніемъ, обратившимъ на себя вниманіе на академической выставкѣ 1877 года. На этотъ разъ мы не будемъ, однакожъ, распространяться больше ни о картинѣ, ни о самомъ художникѣ, такъ какъ вскорѣ мы намѣрены посвятить г. Маковскому обстоятельную статью.

Передъ монастырскимъ праздникомъ, Топгэма. — Въ средней Италіи есть старинный обычай разбрасывать вѣтки бука ковромъ отъ дверей монастыря по тѣмъ улицамъ города, по которымъ пойдетъ процессія въ праздникъ. На этомъ обычаѣ можно наблюдать подраздѣленіе труда, чего до сихъ поръ придерживаются набожные жители Италіи: деревенскія дѣвушки принесли тяжелыя корзины съ вѣтками бука на своихъ головахъ, между тѣмъ какъ дьячекъ готовится разбрасывать листья и вѣтки своими граблями, а мальчишки съ любопытствомъ наблюдаютъ за сценой. Картина Топгэма — извѣстнаго современнаго иллюстратора Шекспира — замѣчательно изящна и талантлива по исполненію. Фигуры дѣвушекъ сильно освѣщены утреннимъ солнцемъ, въ особенности изящная и красивая фигура стоящей молодой дѣвушки и съ улыбкой смотрящей на дьячка, который, въ свою очередь, ухмыляясь, говоритъ ей что-то. Эти два лица очень типичны.

Психея и Амуръ, — статуэтки Антоніо Розетти. — Изъ итальянскихъ скульпторовъ-реалистовъ наиболѣе талантливъ, безспорно, Антоніо Розетти, уроженецъ Милана, имѣющій, однакожъ, свою мастерскую въ Римѣ. Онъ пользуется значительной извѣстностью, въ особенности среди туристовъ, толпами посѣщающихъ его мастерскую. Лучшія произведенія Розетти принадлежатъ королю вюртембергскому. Двѣ статуэтки, помѣщаемыя нами въ настоящемъ номерѣ, принадлежатъ къ послѣднимъ работамъ талантливаго скульптора. Одна изъ нихъ представляетъ Психею, среди цвѣтовъ, закрывающую свое сконфуженное личико рукою; на другой — Амуръ, также среди цвѣтовъ, притаился и ждетъ минуты, когда ему можно будетъ пустить стрѣлу. Большая грація и движеніе фигуръ составляютъ особенность этихъ статуэтокъ. Розетти уже не молодой человекъ: ему лѣтъ пятьдесятъ. Онъ не только талантливый художникъ, но и горячій итальянскій патриотъ; въ 1848 и 1849 годахъ онъ дрался за независимость Италіи вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ по искусству, Страцца, преждевременная смерть котораго лишила Италію одного изъ великихъ художниковъ.

СМѢСЬ.

— Современные типы. 1) Кокодесть. Статья Ж. Переза. Во все времена существовали люди, которые утварили моду, чаще заглядывая въ зеркало, нежели въ свой разумъ, и ставили удовольствія выше обязанности. Но едва-ли кому дано было видѣть зрѣлище смѣшнѣе того, которое представляетъ наша современная молодежь. Правда, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали появляться и исчезать

особые типы, странные даже по своей утрированной щеголеватости: incroyables, beaux, fashionables, lions, gaudins и т. п., имѣвшие свои причуды, свои страстишки, свои смѣшныя стороны, свои недостатки, но только въ наше время всѣ эти слабости, эти смѣшныя стороны, эти страсти и причуды соединились въ одномъ типѣ, обратившемся въ легионъ и получившемъ названіе Cocosdès'a или, еще сильнѣе, petit-crevé *).

Дѣйствительно, всѣ безумцы, которые ему предшествовали, не были совершенными глупцами и имѣли хоть какую-нибудь интересную сторону; казалось, зараза еще не проникла во все ихъ существо; благородныя и великодушныя страсти еще жили въ нихъ и всплывали во время крушенія ихъ добродѣтелей; одинъ любилъ искусства, другой — славу; этотъ восторгался великимъ поэтомъ, тотъ гордился своею любовью. Но petit-crevé не имѣетъ никакой страсти и ставитъ это себѣ въ заслугу; у него нѣтъ ни малѣйшаго инстинкта къ добру и красотѣ, по крайней мѣрѣ, онъ старательно заглушаетъ въ себѣ этотъ инстинктъ; онъ не любитъ и не цѣнитъ ни хорошия книги, ни живописи, ни музыки — я подразумеваю серьезную музыку и высокую живопись; любовь къ отечеству, любовь къ семьѣ остаются ему чуждыми; онъ отрицаетъ всякую любовь, смѣется надъ молодостью и пришелъ бы въ отчаяніе, если бы къ нему отнеслись, какъ къ члену молодежи.

Повидимому, онъ ни во что не вѣруетъ; гордится своею порочностью и не относится серьезно ни къ людямъ, ни къ вещамъ; впрочемъ, дѣлаетъ исключеніе только для себя.

Невѣжественный и пропитанный высокомеріемъ, онъ все разрѣшаетъ, судитъ, гдѣ его не спрашиваютъ, и осуждаетъ безъ апелліи. Грубый, неотесанный, онъ пренебрегаетъ изяществомъ. Ему нравится грубый и плоскій языкъ коноховъ, которые и составляютъ его любимѣйшее общество. Если онъ, слѣдуя модѣ, заводитъ любовницу, будьте увѣрены, что онъ ее выберетъ среди наименѣе молодыхъ и наименѣе высокостоящихъ.

Если она брюнетка, онъ будетъ ее называть темногнѣдою; если она блондинка, онъ назоветъ ее бурой.

Онъ дастъ ей прозвище любимой кобылицы того или другаго заводчика и, наоборотъ, кобылу свою назоветъ именемъ модной куртизанки. Объ отцѣ своемъ онъ будетъ говорить безъ уваженія, а съ сестрами будетъ говорить о томъ, что говорится съ товарищами. По литературѣ онъ изучилъ всѣ шансонетки, гдѣ есть хоть доля скабрзности, и всѣ площадныя ругательства, отзывающіяся сальностью. Онъ не имѣетъ даже оправданія, что въ его натурѣ есть склонность къ его порокамъ. Онъ играетъ изъ расчета, но не потому, чтобы игра увлекала его; онъ не гастрономъ, хотя посѣщаетъ лучшіе рестораны; онъ пьетъ вино извѣстныхъ виноградниковъ, ѣстъ самые дорогіе плоды, но единственно потому, что это дорого и считается хорошимъ тономъ, и еще потому, что думаетъ этимъ поразить своего сосѣда. Онъ разоряется глупо, не поражая ни блескомъ, ни щедростью (вѣрнѣе сказать, его разоряютъ другіе). Еще если бы онъ отличался изяществомъ, одѣвался бы со вкусомъ! Но нѣтъ, посмотрите на него въ его маленькой шляпѣ, узкомъ платьѣ, съ prince-nez на носу; замѣтьте его яркіе галстухи, его туго накрахмаленные воротнички, сутуловатую спину, узкіе панталоны, перчатки изъ собачьей кожи. Въ общемъ, умственно такъ же мало развитый, какъ и физически, petit-crevé служитъ посмѣшищемъ въ современномъ обществѣ, гдѣ при встрѣчѣ съ нимъ только пожимаютъ плечами. Особенно печально то, что этотъ праздничающійся, не заслуживающій никакого вниманія субъектъ можетъ интересоваться кого бы то ни было и что онъ не уничтожается общественнымъ презрѣніемъ тотчасъ по своемъ появленіи. Нельзя не быть глубокопораженнымъ, видя, какъ женщины его поощряютъ, находя его любезнымъ и вступая съ нимъ въ дружбу. Вовенаргъ, умершій въ 1747 г., т. е. въ эпоху уже значительнаго упадка нравовъ, въ своихъ «Совѣтахъ молодому человѣку» съ подобнымъ искуствомъ нарисовалъ портретъ того, кого женщины называютъ любезнымъ человѣкомъ и кто во всѣхъ отношеніяхъ подходитъ къ портрету cocosdès'a:

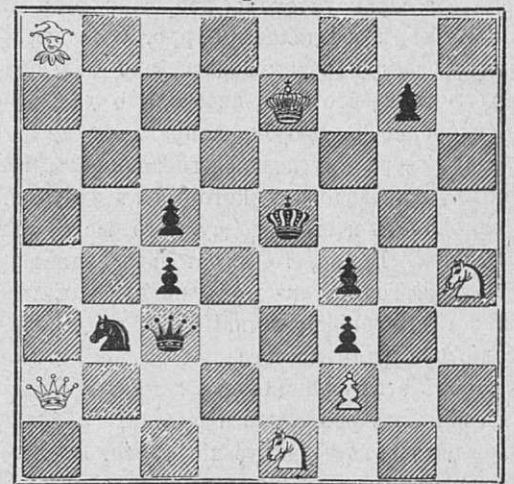
«Желаешь-ли ты знать, милый другъ, говоритъ Вовенаргъ, каковъ субъектъ, котораго большая часть женщинъ называетъ любезнымъ кавалеромъ? Это человекъ, котораго никто не любитъ, который самъ любитъ только самого себя и свои удовольствія, въ чемъ онъ нагло и сознается; слѣдовательно, человекъ

*) Cocosdès — богатый глупецъ, употребляющій свое свободное время на то, чтобы давать себя развращать падшимъ женщинамъ, которыя надъ нимъ же смѣются. Можно подумать, что это слово по происхожденію современно слову кокетка: ни чуть не было, потому что писатель Осмонъ пустилъ его въ ходъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Слово кокетка (женщина, имѣющая любовныя связи) употребляется теперь вмѣсто лоретка, происходитъ же оно отъ coco — конь, cocotte — кобыла. Выспялая парижская cocotterie прозвала этимъ именемъ тотъ недугъ, который такъ часто причиняетъ она сама. Это слово относится ко времени первой имперіи. (Delvaux Larchey). Crève взято съ языка рабочихъ, которые употребляютъ это слово въ смыслѣ человека тщедушнаго, блѣднаго, разстроеннаго и тѣломъ, и душой.

никому ненужный, живущій только въ тягость тому маленькому кружку, котораго онъ тиранъ; человекъ пустой, заносчивый, даже злой по принципу; легкомысленный и мелочный, у него нѣтъ опредѣленнаго вкуса, онъ никогда не цѣнитъ и не изучаетъ предмета — для самого предмета, но единственно ради уваженія, которымъ онъ, по его мнѣнію, пользуется въ обществѣ и дѣлаетъ все изъ тщеславія; человекъ по преимуществу спѣсивый, котораго презираетъ дѣла и тѣхъ, кто ихъ дѣлаетъ, правительство и министровъ, произведенія и авторовъ; который убѣжденъ, что это все не заслуживаетъ его вниманія и не цѣнитъ ничего прочнаго, кромѣ удачи и дара болтать пустяки; который, однако, претендуетъ на все и говорить обо всемъ безъ застѣнчивости; однимъ словомъ — фатъ, безъ добродѣтелей, безъ талантовъ, безъ любви къ славѣ, который извлекаетъ изъ всего только забавное и за особенное достоинство считаетъ искусство обращаться въ смѣшную сторону все, что ему извѣстно на свѣтѣ, какъ серьезное и уважаемое. Остерегайся же принимать за «свѣтъ» этотъ маленький кружокъ дерзкихъ людей, которые остальныхъ смертныхъ считаютъ ни во что, хотя и сами пользуются презрѣніемъ послѣднихъ. Люди съ такимъ тщеславіемъ исчезнутъ такъ же скоро, какъ и моды, и ихъ участіе въ мировыхъ событіяхъ равносильно участію комедіантовъ и канатныхъ плясунговъ: если они случайно и имѣютъ успѣхъ на какомъ-нибудь театрѣ, то это позоръ той націи и признакъ развращенности умовъ».

Шахматный отдѣлъ. ЗАДАЧА № 9.

Д-ра Гольдъ (въ Вѣнѣ).
Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачи № 6 (въ № 49.)

1. С h4—f2	2. Л e4—c4 †† и матъ.
Кр d5—c6	
1. Ф g6—c6	2. Л e4—d4 †† и матъ.
Ф g6—c6	
1. Ф g6—e4	2. Ф e7—d7 X

Другіе варианты понятны.

Правильное рѣшеніе сообщили: А. Обуховскій, Л. Чайковскій, С. Козловъ, К. Сердюиневъ.

ОТВѢТЫ.

А. Шперлингу (м. Лыска). Задача № 2 вѣрна; на 1. ... К d7—b3 должно играть 2. К b5—d6 и 3. неизбежный матъ конемъ на c4.

Н. Городилову (ст. Уралка). На нѣкоторую догадливость читателей, рѣшающихъ задачи, можно же рассчитывать; въ задачѣ № 2, послѣ 1. ... Л h6—f6 бѣлые даютъ матъ въ слѣдующій ходъ, т. е. 2. С e7—d6 X.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: На новый годъ, стих. А. Михайлова. — Братія Джора и Наурусъ, кудукчи, рассказъ Н. Н. Каразина. — Въ морѣ житейскомъ, поэма Б. Левина. — Очерки изъ исторіи Америки ст. Н. В. Шелгунова. — Стихотворенія Н. С. Никитина. — Шарль Дамальи, ром. Эд. и Ж. Гонкуръ. — Ильяки и танцы на Руси, ст. Вл. Михневича. — Волкъ, ром. Эримана-Шатриана. — Альбомъ русской охоты. — Новости русской литературы. — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Шахматы.

Рисунки: Заглавная виньетка, Н. Т. Малышева. — Къ поэмі «Въ морѣ житейскомъ», Голембѣвскаго. — Передъ монастырскимъ праздникомъ, Топгэма. — Охота на медвѣдъ, Петра П. Соколова. — Перенесеніе ковра, К. Е. Маковского. — Чума, къ роману «Волкъ». — Портретъ Васильева, И. Н. Крамского. — Амуръ и Психея, Розетти.

За редактора, Издатель Н. И. Шульгинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ
на еженедѣльный художественный журналъ
„СОБРАНИЕ КАРТИНЪ“.

ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ:

1) Фотолитографированныя картины, научныя, историческія, жанровыя, пейзажныя и каррикатуры съ пояснительнымъ къ нимъ текстомъ. 2) Объявленія.

— Въ годъ 52 №№, т. е. 208 картинъ. —

На первой страницѣ обертки — пояснительный текстъ къ картинамъ, на остальныхъ — объявленія. Цѣна за годъ безъ доставки въ С.-Петербургъ — 3 р. Цѣна за годъ съ доставкой и пересылкою — 4 р. Цѣна отдѣльнаго № — 15 к. Плата за объявленія 25 к. за строку пети.

Редакторъ-Издатель Р. Голике.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, домъ № 106.

1880 г. БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ. 1880 г.

Приступлено къ капитальному, роскошно-иллюстрированному изданію, въ родѣ парижскаго великолѣпнаго художественно-литературнаго произведенія «Diable de Paris» *), только съ другими болѣе широкими задачами, подъ названіемъ:

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ВѢСТЬ

ИНКОГНИТО СТРАНСТВУЮЩІЙ

ПО ВСѢМЪ ЗАКОУЛКАМЪ РОССИИ.

Проза, стихи, рисунки лучшихъ русскихъ писателей и художниковъ.

Разсказы, очерки, сцены, приключенія, шутки, анекдоты, картинки, портреты и наблюденія.

Издается и иллюстрируется петербургскими и московскими литераторами и художниками.

Нѣсколько словъ читающей публикѣ:

Цѣль нашего стремленія та, чтобы подарить русскую публику такимъ художественно-литературнымъ произведеніемъ, какого на русскомъ языкѣ не было еще издано. Чтобы привести въ исполненіе свою мысль, мы пригласили къ соучаствію въ своемъ предпріятіи извѣстныхъ, талантливыхъ, литературныхъ и художественныхъ силы **), и потому самоувѣренно заявляемъ, что «Иллюстрированный вѣстѣ», въ средѣ лучшихъ художественныхъ изданій, будетъ самобытнымъ, оригинальнымъ, любопытнымъ и интереснымъ явленіемъ не только для образованныхъ столичныхъ и провинціальныхъ жителей, но и вообще для всѣхъ грамотныхъ людей.

Рамки нашего объявленія лишаютъ насъ возможности выразить во всей широтѣ и полнотѣ программу своего изданія, — но полагаемъ, что помѣщенный выше перечень наименованій достаточно знакомитъ съ идеей и содержаніемъ «Иллюстрированного вѣста». Знакомство публики съ общественными недугами и язвами, кромѣ существенной пользы, вреда принести никому не можетъ. Если бы русская литература по раньше и почаще знакомила съ тиною публичной и семейной жизни, то, вѣроятно, мы не были бы свидѣтелями многихъ печальныхъ явленій, которыя переживаемъ. Незнаніе разношерстной и шершавой толпы выражается въ томъ, что мы очень неразборчивы относительно знакомства и крайне снисходительны къ лицамъ, заклеяннымъ общественнымъ презрѣніемъ. Если бы общество изгнало изъ среды своей запятанные личности, преслѣдовало и казнило безчестные поступки — общественная нравственность была бы гораздо выше и поступки, нѣрѣдко встрѣчающіеся теперь на тѣхъ ступеняхъ общества, гдѣ ихъ нельзя бы и предполагать, — были бы тогда невозможны.

Мы въ своемъ изданіи цѣлымъ рядомъ живыхъ, смѣлыхъ, правдивыхъ и яркихъ картинъ, изображимъ современную жизнь не въ подобранныя, такъ сказать, ея минуты, не въ чертахъ, глубоко скрытыхъ на днѣ ея, а какъ она мечется въ глаза сама собой. Типическія стороны быта цѣлыхъ сословій и отдѣльныхъ личностей, общечеловѣческія странности и недостатки, изнанка и лицевая сторона нашей жизни, будутъ обнаружены мягкимъ перомъ и карандашомъ нашихъ сотрудниковъ.

Мы употребили всѣ силы и средства для того, чтобы нашъ «Иллюстрированный вѣстѣ» былъ бѣсомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Полное изданіе «Иллюстрированного вѣста» составитъ огромный томъ отъ 70 до 80-ти въ 4-ю долю листовъ, форматомъ извѣстнаго журнала «Нива», отпечатанныхъ въ двѣ колонны, на сатирированной, специально сфабрикованной для нашего изда-

*) Продающійся по 30—40 р. с.

**) Имена всѣхъ, принимающихъ участіе въ нашемъ изданіи, будутъ напечатаны въ первомъ выпускѣ.

нія бумагѣ, новымъ, красивымъ и характернымъ шрифтомъ.

Текстъ будетъ иллюстрированъ двумястами картинъ: рисунковъ, видовъ, сценъ, типовъ, портретовъ и виньетокъ, рисованныхъ извѣстными художниками-жанристами и выполненныхъ на деревѣ лучшими граверами въ Россіи и за границей. — Обертка на полное изданіе роскошно будетъ отпечатана хромолитографіей.

Подписавшимся на «Иллюстрированный вѣстѣ» до 1-го февраля 1880 года будетъ выдана большая олеографическая картина, изображающая «Маскарадъ съ законными все лицами». Въ картинѣ будутъ сгруппированы «герои дня» въ самыхъ живописныхъ и пикантныхъ позахъ.

Цѣна за все изданіе 6 руб., съ пересылкой 7 руб.

«Иллюстрированный вѣстѣ» будетъ печататься по наличному числу подписчиковъ. Оставшіеся по какому либо случаю отъ подписки экземпляры будутъ продаваться въ двое, т. е. по 14 руб. Все изданіе будетъ непременно окончено къ концу 1880 года. Первая часть выйдетъ никакъ не позднѣе марта мѣсяца, а затѣмъ изданіе будетъ продолжаться безъ остановки и своевременно разсылаться.

Въ виду быстро идущей мѣстной подписки просимъ гг. иногородныхъ поспѣшить присылкой своихъ требованій.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ отдѣленіи конторы редакціи, при книжномъ и писчебумажномъ магазинѣ И. И. Смирнова, на углу Моховой и Охотнаго ряда, въ д. Корзинкина, въ Москвѣ.

Гг. иногородныхъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно въ контору типографіи Императорскихъ Московскихъ театровъ И. И. Смирнова, у Зоологическаго сада, въ собственномъ домѣ, въ Москвѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ

„АСТРАХАНСКАГО СПРАВОЧНАГО ЛИСТКА“.

«Астраханскій Справочный Листокъ» будетъ выходить въ наступающемъ 1880 году ежедневно кромѣ дней послѣ праздничныхъ: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ — въ прежнемъ размѣрѣ, а въ промежуточные дни — въ видѣ прибавленій къ предшествовавшимъ нумерамъ, по мѣрѣ накопленія матеріала.

Цѣна газеты остается прежняя, именно:

	Въ Астрахани.	Черезъ почту.
На годъ.....	6 р. — к.	7 р. 50 к.
» полгода.....	4 » — »	5 » — »
» 3 мѣсяца.....	2 « 50 »	3 » — »
» 1 ».....	1 » — »	1 » 25 »

Адресоваться просятъ въ Астрахань, въ редакцію «Справочнаго Листка».

Объявленіе объ изданіи въ городѣ Одессѣ въ форматѣ большого газетнаго листа по слѣдующей программѣ

политической, литературной, коммерческой и справочной газеты:

ПРАВДА

I. Современная лѣтопись Россіи. — Внутреннія извѣстія, официальные и неофициальные. Высочайшіе указы, повелѣнія, приказы и административныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія; отчеты правительственныхъ мѣстъ и лицъ. Руководящія статьи по разнымъ государственнымъ вопросамъ, какъ возникающимъ со стороны администраціи, такъ и порождаемымъ современнымъ жизнью общества. Народное и сельское дѣло во всѣхъ его проявленіяхъ. Земскія извѣстія. Городское хозяйство, вопросы по городской администраціи и по городскому благоустройству. Железныя дороги въ политическомъ, экономическомъ и хозяйственномъ значеніи ихъ. Пароходство и другія сообщенія. Военное дѣло, военная экономія и вопросы, относящіеся къ военному хозяйству. Судебная практика и судебныя рѣшенія. Воспитаніе и обученіе. Народное здравіе. Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника. Требования на рабочія руки, товары, работы, предложенія и условія нанимателей. Показаніе цѣны. Внутренняя корреспонденція. Письма въ редакцію газеты и ея отвѣты. Всевозможныя справки по изложеннымъ отдѣламъ.

II. Политическія заграничныя новости, почерпаемыя изъ иностранныхъ и русскихъ газетъ и журналовъ. Отдѣльныя статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ иностранной политики. Извѣстія изъ славянскихъ земель. Корреспонденціи. Телеграфическія депеши.

III. Учено-литературный отдѣлъ. — Статьи по части исторіи, статистики, педагогикі, этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія; беллетристическія статьи въ разныхъ родахъ; критика и библиографія; науки и искусства.

IV. Фельетонъ. — Новости общественной жизни, искусствъ, ремеселъ, театра съ замѣчаніями на игру актеровъ и проч.; путевныя и юмористическія замѣтки, слухи и вѣсти, смѣсь, разсказы, мелочи, переводы, подходящіе выписки изъ журналовъ и другія статьи, которыя по содержанию своему не могутъ войти въ составъ прочихъ отдѣловъ газеты.

Срокъ выхода газеты ежедневный, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней послѣ большихъ праздниковъ.

Подписная цѣна безъ доставки и пересылки: на годъ 12 р., на полгода 7 р., на 3 мѣсяца 3 р. 85 к., на 1 мѣсяць 1 р. 30 к., съ доставкой и пересылкою: на годъ 14 р., на полгода 8 р., на 3 мѣсяца 4 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р. 50 к.

Подписка для иногородныхъ считается съ 1-го или 15-го числа мѣсяца. При перемѣнѣ адреса они присылаютъ въ контору газеты 20 коп. деньгами или почтовыми марками.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений допускается выписка газеты въ кредитъ по письменнымъ официальнымъ заявленіямъ, а равно принимается и разсрочка по сношенію съ редакціей.

Подписчики, пользующіеся разсрочкой подписной платы за годовую экземпляръ съ доставкой или съ пересылкою, доставляютъ: при подпискѣ къ 1-му января — 4 руб., 1-му марта — 4 руб., 1-му июня — 4 руб. и 1-му сентября остальные 2 руб. — Безъ доставки — въ тѣ же сроки по 3 руб.

Такса объявленіямъ въ газетѣ «Правда».

На первой страницѣ и въ справочномъ отдѣлѣ — по 20 коп. за каждый разъ отъ мѣста, занимаемаго строкою пети.

Въ отдѣлѣ объявленій — по 10 коп. за одинъ разъ отъ мѣста, занимаемаго строкою пети.

Тамъ же по 5 коп. за каждый послѣдующій разъ. Лица, желающія, чтобы ихъ объявленія печатались втеченіи одного мѣсяца не менѣе десяти разъ, платятъ и за первый разъ только по 5 к. вмѣсто 10 к.

Объявленія на сумму не менѣе 25 руб. — пользуются уступкою 10 процентовъ.

Объявленія полугодовыя и годовыя пользуются еще болѣею уступкою по соглашенію съ редакціей газеты.

Объявленія принимаются на всѣхъ языкахъ.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ «Правды» и сверхъ того у ея агентовъ, снабженныхъ квитанционными съ печатью редакціи книжками.

Редакторъ-издатель I. Ф. Доливо-Добровольскій.

Открыта подписка на 1880 годъ
на ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“,

(пятый годъ изданія).

ВЪ ПРОГРАММУ КОТОРОЙ ВОЙДУТЪ:

I. Отдѣлъ статей и изслѣдованій по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II. Отдѣлъ общихъ политическихъ извѣстій и политическихъ телеграммъ. III. Хроника или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV. Отдѣлъ хроники о театральнахъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V. Фельетонъ. Въ немъ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI. Справочныя свѣденія по части торговой, промышленной, желѣзно-дорожной, театральной репертуаръ, почтовой и календарныя свѣденія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣденія, а также разнаго рода частныя объявленія. VII. Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“.

Этотъ отдѣлъ выходитъ по четвергамъ бесплатно и заключается въ себѣ: политическія телеграммы, дневникъ мѣстныхъ происшествій, календарныя свѣденія и разнаго рода частныя объявленія.

Примѣчаніе. «Листокъ Объявленій» выходитъ въ форматѣ половины обыкновеннаго листа.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію съ «Прибавленіемъ» пять рублей съ доставкой и пересылкою.

Редакція покорнѣе проситъ лицъ, знающихъ мѣстный край, присылать ей какъ статьи и изслѣдованія, такъ и сообщенія свои, касающіяся мѣстной жизни съ какою бы то ни было ея стороны. Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать: въ Оренбургъ, въ редакцію газеты «Оренбургскій Листокъ», Перовская улица, домъ № 33, близъ Театра, при типографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго — Мирвицкаго.

Редакторъ-Издатель Ив. Евфимовскій-Мирвицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЪ“

Съ 1-го Января 1880 г. будетъ издаваться журналъ „Лучъ“ по слѣдующимъ подписнымъ цѣнамъ: ТРИ р. въ годъ; ДВА р. за полгода; ОДИНЪ р. за три мѣсяца съ доставкой и пересылкою.

Съ перваго же номера журнала „Лучъ“ редакция приступитъ къ печатанію большой оригинальной и въ высшей степени интересной повѣсти „Дочь разбойника“. Затѣмъ редакция дастъ одинъ большой романъ, цѣлую серію занимательныхъ рассказовъ, стихотвореній, сценъ и картинокъ изъ народной жизни. Въ отдѣлѣ „Хроника“ редакция будетъ знакомить своихъ читателей съ текущею международною политикою Европы и со всѣми выдающимися событиями нашей внутренней жизни. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „Лучъ“, на углу Воскресенскаго пр. и Сергіевской ул., домъ № 36—12, кв. № 1.

За редактора, издатель И. Н. Румянцевъ. Издатель П. Я. Бугайскій.

На 1880 годъ открыта подписка на

„КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Журналъ научной критики и библиографіи въ области наукъ историческихъ, филологическихъ, юридическихъ, экономическихъ и государственныхъ, издаваемый въ Москвѣ нижеподписавшимися при ближайшемъ участіи профессоровъ русскихъ университетовъ.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ выпусками отъ 2-хъ до 4-хъ листовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Критическія оцѣнки русскихъ и иностранныхъ сочиненій и журнальныхъ статей по всеобщей и русской исторіи, исторіи всеобщей и русской литературы, языковѣдѣнію, классической и славянской филологіи, этнографіи, мнѣологіи, исторіи искусствъ, философіи, психологіи, гражданскому и уголовному праву, каноническому праву, общественному или полицейскому праву, международному праву, исторіи русскаго и славянскаго права, исторіи иностранныхъ законодательствъ, праву государственному, статистикѣ, политической экономіи и наукъ о финансахъ.

II. Библиографія русская и иностранная по вышеупомянутымъ наукамъ. Отчеты о засѣданіяхъ въ ученыхъ обществахъ и объ университетскихъ диспутахъ. Библиографическіе слухи, замѣтки, мелочи и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: безъ доставки 6 р., съ пересылкой 7 р., съ пересылкой за границу 8 р. На полгода: безъ доставки 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к., съ пересылкой за границу 5 р. Подписка принимается въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ: Соловьева и Васильева (Страстной бульваръ), Ланга и Мамонтова (Кузнецкій мостъ), въ Центральномъ книжномъ магазинѣ (Никольская) и Салаева (Мясницкая). Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ Редакцію (Покровка, Машковъ пер., д. Миллера). Агентъ для Франціи: Ernest Lelong, éditeur, Rue Bonaparte 28. Цѣна для Франціи 20 франковъ.

Авторы ученыхъ сочиненій, коихъ обзоръ соотвѣтствуетъ программѣ „Критическаго Обозрѣнія“, Редакція приглашаетъ доставлять 1 экземпляръ своихъ трудовъ по слѣдующему адресу: Москва, Машковъ пер., д. Миллера.

О присылаемыхъ книгахъ помѣщается бесплатное объявленіе.

Редакторы-издатели: Всеев. Миллеръ, М. Ковалевскій.

ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ, ОРГАНЪ ЛѢСНОГО ОБЩЕСТВА, въ 1880 году (X-й ГОДЪ).

Будетъ выходить ежемѣсячно въ объемѣ не менѣе 54 листовъ въ годъ.

Въ Лѣсномъ Журналѣ въ 1880 году будутъ помѣщаемы: извѣстія о дѣятельности Лѣснаго Общества, руководящія статьи по различнымъ вопросамъ лѣсного хозяйства, критическое обозрѣніе выдающихся произведеній русской и иностранной литературы, корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Россіи, вопросы, предлагаемые лѣсными хозяевами по разнымъ предметамъ лѣсоводственной практики и лѣснаго законодательства, съ отбѣтами специалистовъ на эти вопросы, обзоръ специальныхъ журналовъ и извѣстія о движеніи въ личномъ составѣ чиновъ Корпуса Лѣсничихъ и лѣсныхъ кондукторовъ.

Поставивъ своею главною задачею отзываться на практическія нужды отечественнаго лѣсного хозяйства, редакция Лѣснаго Журнала обращаетъ

просьбу ко всѣмъ, кому дороги успѣхи лѣсного хозяйства, не оставлять редакцію сообщеніемъ фактовъ, хотя бы и самыхъ мелкихъ, изъ области хозяйства и указаніемъ тѣхъ вопросовъ, въ разработку которыхъ особенно нуждается мѣстная практика.

Редакция покорнѣйше проситъ господъ сотрудниковъ присылать рукописи четкія и безъ сокращеній. Весьма желательно, чтобы одна сторона листа въ рукописи оставалась чистою, и во всякомъ случаѣ необходимо оставлять довольно широкія поля на сторонѣ исписанной.

При отсутствіи особаго соглашенія относительно гонорара редакция выплачиваетъ, даже за самыя мелкія сообщенія, по 25 рублей за листъ, если не требовалось никакихъ поправокъ и передѣлокъ; въ противномъ же случаѣ гонораръ соотвѣтственно уменьшается.

Подписная цѣна на Лѣсной Журналъ—4 руб. въ годъ съ пересылкою и доставкой. Члены Лѣснаго Общества, уплатившіе взносъ за предыдущій годъ, получаютъ журналъ бесплатно.

Подписка принимается исключительно въ Совѣтъ Лѣснаго Общества, въ С.-Петербургѣ, въ домѣ Министрства Государственныхъ Имуществъ.

Статьи же, жалобы на неполученіе книжекъ и просьбы о перемѣнѣ адреса адресуются «въ редакцію Лѣснаго Журнала, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 7 линія, № 62».

Редакторъ Ал. Рудзкій.

Печатается и къ 1 января выйдетъ

ЛѢСНОЙ АЛЬМАНАХЪ

на 1880 годъ.

ИЗДАНІЕ ЛѢСНОГО ОБЩЕСТВА.

Въ Альманахѣ будутъ помѣщены подробныя статистическія данныя о государственныхъ лѣсахъ, отдѣльно по лѣсничествамъ, направленные къ возможно полной обрисовкѣ служебнаго положенія каждаго лѣсничаго, а также будетъ данъ списокъ чиновъ центрального и мѣстнаго лѣснаго управленія, въ томъ числѣ и помощниковъ лѣсничихъ. Въ списокѣ этомъ заключаются не только указанія о личномъ и семейномъ положеніи каждаго служащаго, но и подробный его адресъ.

Цѣна 2 рубля 50 копѣекъ, при выпискѣ же не менѣе 20 экземпляровъ подъ однимъ адресомъ—1 р. 50 к., съ пересылкою. При выпискѣ Управленіями Государственныхъ Имуществъ уплата можетъ быть произведена и по полученіи книги.

въ 1880 году

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

„КРОНИШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

будетъ выходить по прежнему три раза въ недѣлю:

по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

Подписная цѣна:

	на годъ.	на полгода.	3 мѣсяца.	1 мѣс.
Безъ доставки	7 р.	4 р.—к.	2 р.—к.	70 к.
Съ доставкой и пересылкою.	8 р.	5 р.—к.	2 р. 50 к.	1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кронштадтѣ: въ конторѣ редакціи, при типографіи „Кроншт. Вѣстникъ“, на Соборной площади, въ домѣ Никитиныхъ.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“

педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ.

Въ 1880 г. (5-й годъ изданія) редакция будетъ держаться прежней программы. Въ журналѣ помѣщаются свѣденія о женск. школахъ у насъ и за границей, историческ. очерки положенія и образованія женщины, психологическіе этюды, наблюденія за дѣтскою жизнью, выясненіе методовъ и пріемовъ воспитанія и обученія дѣтей. Въ отдѣлѣ „Изъ жизни и литературы“ (хроника) сообщаются новости, имѣющія отношеніе къ цѣлямъ изданія. Въ отдѣлѣ „Критика и библиографія“ разбираются новыя педагог. сочиненія, учебники и дѣтскія книги. Всѣ новыя книги для дѣтей будутъ своевременно разобраны.

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“ выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца (за исключеніемъ іюня и іюля) книжками въ 4 печат. листа и болѣе. Сверхъ того въ концѣ года будетъ дано приложеніе для дѣтей („Родная Старина“) Разказы изъ русск. исторіи съ гравюрами, XV—XVII ст.).

Цѣна за годъ 2 р. 50 к., съ доставкой 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Подписка въ С.-Петербургѣ, въ редакціи (Васильев-

скій островъ, 9-я линія, д. № 6). и въ главныхъ книжн. магазинахъ.

Редакторъ-издатель В. Сиповскій.

Подписчикамъ 1879 г. было дано приложеніе:

„РОДНАЯ СТАРИНА“.

Отечественная исторія въ рассказахъ и картинахъ (IX—XIV ст.) сост. В. Сиповскій. Изящная книга въ 235 стр., большого формата, 53 политипажъ въ текстѣ (древній зданія, одежда, оружіе и пр.) и 2 ориг. рисунка В. М. Васнецова (крещеніе Кіевлянъ и Куликовская битва), на отдѣльных листкахъ. (Книга предназначена для дѣтей 13—15 л.).

Цѣна 1 р. 50 к. Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ Петербурга. Въ Москвѣ въ кн. маг. „Новаго Времени“. Иногородные, обращающіеся прямо въ редакц. „Женск. Образов.“, за пересылку не платятъ.

О ПОДПИСКѢ НА

„РУССКІЙ МІРЪ“

въ 1880 году.

„Русскій Міръ“ будетъ выходить въ 1880 году по-прежнему ежедневно листами большого формата. „Русскій Міръ“ останется и впредь органомъ чистонароднымъ, земскимъ.

„Русскій Міръ“ открытъ для каждаго честнаго и правдиваго голоса, для всякаго искренняго проявленія общественной совѣсти и для каждаго положительнаго, трезваго взгляда.

Жизненные внутренніе интересы страны и народа, озобоивающіе нынѣ всѣхъ и каждаго, не исключаютъ, однако, достойной и сознательной внѣшней политики, которой „Русскій Міръ“ всегда удѣлялъ подобающее мѣсто. Въ случаяхъ какихъ либо важныхъ событій редакция имѣетъ возможность получать достовѣрныя и обстоятельныя свѣденія не только отъ своихъ специальныхъ корреспондентовъ, но и изъ другихъ источниковъ, заслуживающихъ безусловнаго довѣрія.

Отдѣлы корреспонденцій внутреннихъ и заграничныхъ, — фельетоновъ, литературныхъ и воскресныхъ, — передовыхъ статей общихъ и специальныхъ, мнѣній и отзывовъ печати, столичной и провинціальной, — организованы на будущій годъ какъ нельзя полнѣе и разнообразнѣе.

Особенное вниманіе обращено редакціею на полноту и содержательность отдѣловъ: внутренняго, политическаго и литературнаго.

Прежніе подписчики въ 1880 году получаютъ все количество номеровъ газеты, недополученное ими по случаю ея приостановки.

Подписная цѣна „Русскаго Мира“ ниже цѣны другихъ большихъ газетъ.

Съ доставкой и пересылкою въ Россіи:

НА ГОДЪ.....	14 р. — к.
» 11 мѣсяцевъ.....	13 „ — „
» 10 „.....	12 „ — „
» 9 „.....	11 „ — „
» 8 „.....	10 „ — „
» 7 „.....	9 „ — „
НА ПОЛГОДА.....	8 „ — „
» 5 мѣсяцевъ.....	7 „ — „
» 4 „.....	5 „ 50 „
» 3 „.....	4 „ 50 „
» 2 „.....	3 „ 25 „
» 1 „.....	1 „ 75 „

За границей:

НА ГОДЪ.....	25 руб.
» полгода.....	14 „
» 3 мѣсяца.....	7 „
» 1 мѣсяцъ.....	3 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ газеты, Большая Подъячская, д. № 39, и другихъ мѣстахъ, обозначенныхъ въ заголовкѣ.

Съ января 1880 года въ С.-Петербургѣ будетъ издаваться

новый педагогическій журналъ подъ названіемъ

„РУССКІЙ НАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ“

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

Отдѣлъ I (педагогическій). Статьи, имѣющія общепедагогическій характеръ; статьи, обсуждающія различныя частныя вопросы; біографіи знаменитыхъ педагоговъ и лицъ, чтеніе біографій которыхъ можетъ имѣть педагогическое значеніе; иногда рассказы для дѣтей, примѣрные уроки и т. п. матеріалъ для классной работы.

Примѣчаніе. Въ случаѣ большого объема статей онѣ будутъ помѣщаться въ видѣ приложеній въ концѣ каждаго номера.

Отдѣлъ II (библиографическій). Обзоръ руководствъ. Отчеты о книгахъ не учебныхъ, но имѣющихъ важное значеніе для народныхъ учителей.

Отдѣлъ III (практическій). Свѣденія полезныя для народныхъ учителей, какъ, напримѣръ, объ орошительствѣ, пчеловодствѣ, свѣденія изъ практической механики, объясненіе значенія всеобщей воинской повинности и т. п.

Отдѣлъ IV (историко-статистическій). Свѣденія

о существующихъ и вновь открываемыхъ школахъ, отчеты о состояніи школъ и вообще о ходѣ учебнаго дѣла въ Россіи, а иногда и въ другихъ государствахъ, различныя заявленія о нуждахъ школъ и т. п.

Объявленія, соответствующія цѣли изданія.

Редакція имѣетъ въ виду постепенно дать полныя руководства къ преподаванію каждого предмета обученія въ сельскихъ и городскихъ школахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать сборникъ статей, сообщающихъ полезныя практическія знанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 2 руб. въ годъ безъ доставки, 2 руб. 50 коп. съ доставкой и пересылкой.

Журналъ будетъ издаваться ежемѣсячно въ объемѣ 2-хъ листовъ убористой печати.

Программа журнала одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Фену и Ко. (Невскій проспектъ).

Редакторъ-Издатель **В. Латышевъ.**
(Преподаватель Учительскаго Института).

о подпискѣ на ежедневную политическую газету

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1880 году.

Печатаю объявленіе о подпискѣ на «Виленскій Вѣстникъ», мы считаемъ долгомъ въ настоящемъ случаѣ, не ограничиваясь одними указаніями на условія подписки, сказать нѣсколько словъ о направленіи и содержаніи нашей газеты въ настоящее время. Мы именно должны говорить о настоящей минутѣ, но не о прошедшей или будущей; мы не можемъ дать обѣщаній на весьма продолжительный періодъ времени, ибо почва, на которой мы стоимъ, далеко не отличается той устойчивостью, какъ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества. Дѣйствительно, нѣтъ страны въ мірѣ, которая вынесла бы на своей почвѣ столь непрерывный рядъ войнъ и экономической борьбы разныхъ національностей, какъ нынѣшній Сѣверо-Западный Край Россіи. Тутъ искони боролись между собою литвины, тевтонцы, поляки, русскіе, шведы; бѣдная почва края съ ея сельскимъ населеніемъ искони служила предметомъ эксплуатаціи для поляковъ, нѣмцевъ и евреевъ. Всѣ фазисы этой внѣшней, видимой, и внутренней, невидимой, борьбы отражались на нашей газетѣ, начавшей существовать съ половины прошедшаго столѣтія. Съ каждой перемѣной, съ каждымъ новымъ фазисомъ газета наша измѣнялась: она то прерывала свое существованіе, то вновь возникала, заимствуя отъ прежняго изданія только названіе или даже только часть его. Газетѣ нашей, какъ бы она ни называлась, всегда приходилось выносить давленіе всѣхъ партій, остерегаться каждой и постоянно исполнять невозможную задачу: не раздражая спорящихъ примирять ихъ. Легко понять, что такое положеніе не могло содѣйствовать процвѣтанію газеты: въ тѣ моменты, когда борьба проявлялась наружу, газета, становясь откровенно на сторону сильнѣйшаго, оживала, затѣмъ когда наступало затишье, она замирала, не смѣя дотронуться ни до кого.

Ни прибѣгая къ воспоминаніямъ далекихъ временъ и на нашей памяти мы видѣли уже нѣсколько различныхъ положеній нашей газеты. Въ настоящую минуту мы снова замѣчаемъ нѣкоторое оживленіе, нѣсколько возбужденное состояніе разныхъ партій, въ сферѣ социальной и экономической. Периодическая литература указала на новое направленіе польскаго ума, желающаго сближенія съ русскими, въ которыхъ всѣ славяне должны по силѣ вещей видѣть опору своего существованія, въ то же время печать указала на замѣчательное возбужденіе еврейства, что выразилось между прочимъ въ появленіи двухъ новыхъ органовъ русскихъ евреевъ — органовъ, отличающихся смѣлостью своихъ выводовъ и страстностью сужденій.

Мы не можемъ относиться совершенно пассивно къ окружающей насъ жизни, — газета поневолѣ даже должна сдѣлаться отраженіемъ явленій этой жизни, принять болѣе дѣятельное участіе въ ней. Мы смѣемъ надѣяться поэтому, что газета наша, служащая единственнымъ органомъ нѣсколькихъ обширныхъ губерній, составляющихъ западную окраину, представитъ дѣйствительный серьезный интересъ какъ для мѣстныхъ жителей, такъ и для жителей внутреннихъ губерній. Вопросы, возбуждаемые жизнью на окраинахъ государства, въ особенности западной, по большей части, имѣютъ значеніе не столько мѣстное, сколько общегосударственное. Съ своей стороны мы употребили всѣ усилія къ тому, чтобы газета наша, въ предѣлахъ доступныхъ для провинціальной печати, въ наибольшей степени удовлетворяла всѣмъ требованіямъ времени, обстоятельству и справедливымъ желаніямъ читателей. Съ этою цѣлью мы дадимъ особенное развитіе отдѣлу мѣстному; мы удѣлимъ наибольшую часть газеты и своего вниманія мѣстнымъ корреспонденціямъ и разработкѣ мѣстныхъ вопросовъ.

Подписка на «Виленскій Вѣстникъ» какъ отъ виленскихъ жителей, такъ и отъ иногородныхъ, принимается исключительно въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника».

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 10 руб., на полгода 5 руб., на 1 мѣсяцъ 1 руб. Допускается разсрочка платежа подписныхъ де-

негъ по предварительному соглашенію съ редакціей. На всѣ сроки можно подписываться не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Въ будущемъ 1880 году
(ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Газета политическая, экономическая и литературная

будетъ выходить листами большого формата по той же программѣ и съ тѣми же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНІЯ:

Безъ пересылки или доставки:

ВЪ РОССІИ:

За годъ (12 мѣсяцевъ)	12 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ	7 » — »
За 3 мѣсяца	3 » 85 »
За 1 мѣсяцъ	1 » 30 »

Съ пересылкой или доставкой:

ВЪ РОССІИ:

За годъ (12 мѣсяцевъ)	14 » — »
За 6 мѣсяцевъ	8 » — »
За 3 мѣсяца	4 » 50 »
За 1 мѣсяцъ	1 » 50 »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ присоединять на пересылку за каждый мѣсяцъ 50 копѣекъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодовыми или по четвертямъ года.

Для различныхъ учреждений также допускается разсрочка на означенныхъ условіяхъ и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впередъ до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокѣ полученія коихъ должно быть упомянуто въ заявленіи).

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ «Одес. Вѣстн.», на Полицейской ул., въ д. Нитче, № 30, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Покорнѣйше просятъ гг. подписчиковъ: 1) заявлять свои требованія заблаговременно, такъ какъ заготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ губерній, уѣзда и мѣста жительства, а также ближайшей почтовой конторы, отдѣленія или станціи, въ которой производится раздача газетъ и изъ которой подписавшійся получаетъ свою корреспонденцію.

Городские подписчики могутъ подписываться съ каковаго угодно срока; иногородные же — не иначе, какъ съ 1-го или 15-го числа каждаго мѣсяца.

При перемѣнѣ адреса должно сообщить прежній адресъ и № билета или бандероли, подъ которымъ высылается газета и кромѣ того приложить 20 коп., которые могутъ быть высланы почтовымъ марками.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1880 году.

Вступая въ пятый годъ дѣятельности, редакція «Шахматнаго Листка» пришла къ мысли, не измѣняя своей первоначальной программѣ, нѣсколько видоизмѣнить ея практическое выполненіе. Въ прежніе годы она имѣла утѣшеніе видѣть, какъ дѣло ея постепенно развивалось, какъ, подъ влияніемъ уже просто факта существованія самостоятельнаго шахматнаго журнала, сближались отдаленнѣйшіе любители шахматной игры, встрѣчая въ немъ имена другъ друга и имѣя возможность узнать отъ редакціи адреса. Еще тѣснѣйшее сближеніе и оживленіе было вызвано нашимъ журналомъ среди игроковъ одного и того же города: начали устраиваться шахматные кружки, турниры, партіи по перепискѣ и другія явленія шахматной жизни. «Шахматный Листокъ» съ своей стороны заботился о сближеніи европейскаго и русскаго шахматныхъ міровъ, передавая текущія новости шахматной жизни и интереснѣйшіе ея явленія по всему свѣту и давая въ то же время иностранцамъ возможность ознакомиться съ положеніемъ шахматной игры въ Россіи. Но тѣмъ не менѣе вліяніе нашего журнала ограничивалось преимущественно кружкомъ людей, стремившихся къ болѣе серьезному изученію шахматной игры. Среди нихъ онъ распространялъ серьезное знакомство съ теоріей шахматной игры, ея древней и новой исторіей и проч. Редакція смотритъ на шахматную игру какъ на развлеченіе только, но развлеченіе, имѣющее многія преимущества предъ другими играми. Шахматная игра не развѣетъ страсти къ легкой наживѣ и сильнымъ ощущеніямъ «случайностей» — страсти, играющей преимущественную роль во всѣхъ другихъ играхъ. Наша игра — дѣло ума, строгаго расчета, и привлекательность ея только и состоитъ въ этомъ. И вотъ, чтобы распространить игру за предѣлы тѣсныхъ кружковъ, редакція постарается сдѣлать свой журналъ болѣе доступнымъ и живымъ по изложенію и болѣе разнообразнымъ по содержанію. Она намѣрена давать живые и интересные разсказы для легкаго

чтенія, богатый матеріалъ для которыхъ представляетъ шахматная литература Европы, а также прошлая и современная шахматная жизнь Россіи и проч.

Съ сентябрьской книжки текущаго года въ журналѣ образованъ особый отдѣлъ шашечной игры и будетъ назначенъ второй призовы конкурсъ шашечныхъ задачъ.

Въ послѣдней книжкѣ за настоящій годъ будетъ законченъ начатый съ перваго года изданія подробнѣйшій на русскомъ языкѣ разборъ всѣхъ началъ игры (*Курсъ дебютовъ*) и концовъ. Во все время изданія «Шахматнаго Листка» въ немъ помѣщено до 370 практическихъ партій, до 330 шахматныхъ и до 90 шашечныхъ задачъ.

Цѣна изданія на 1880 г. (12 книжекъ, по 2 печатныхъ листа большого формата) остается прежняя — шесть рублей и при всемъ желаніи редакціи уменьшена быть не можетъ.

Подписчикамъ на 1880 годъ, желающимъ выписать «Шахматный Листокъ» за прежніе четыре года, дѣляется уступка: все изданіе и съ будущимъ годомъ имъ будетъ стоить всего 17 руб., а въ изданныхъ переплетахъ (за 2 года вмѣстѣ) 18 руб. Пересылку издатель принимаетъ на свой счетъ.

Цѣна отдѣльно за каждый годъ:

1876 г. (четыре №№) безъ пересылки 1 р. 50 к.

1877 » (двѣнадцать №№) . . . . . 4 » — »

1878 » (шесть №№) . . . . . 2 » — »

Подписка на 1880 г. принимается въ Петербургѣ: въ конторѣ редакціи «Шахматнаго Листка», при типографіи В. Ф. Демакова, Новый пер., д. № 7, и въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, Гостиный Дворъ, № 24. Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту.

Гг. иногородныхъ покорнѣйше просятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи по вышеуказанному адресу.

Редакторъ-Издатель **М. Чигоринъ.**

Открыта подписка на изданіе въ 1880 г.

„ТЕХНИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

XVI ЖУРНАЛЪ ГОДЪ.

ОТКРЫТІЙ, ИЗОБРѢТЕНІЙ И УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЙ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Журналъ удостоенъ большой золотой медали на Московской Политехнической выставкѣ 1872 г. и рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Программа журнала:

1) Правительственныя распоряженія и узаконенія, касающіяся фабричной и заводской промышленности и желѣзныхъ дорогъ.

2) Механическая технологія.

3) Химическая технологія.

Оба эти отдѣла заключаютъ въ себѣ описаніе машинъ, аппаратовъ, инструментовъ и матеріаловъ для техническихъ производствъ; открытія, изобрѣтенія и усовершенствованія по всѣмъ отраслямъ технологій.

4) Желѣзно-дорожное дѣло: локомотивы, вагоны, стрѣлки, сигналы, устройство монтажныхъ, различныя приспособленія для эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и проч.

5) Смѣсь: техническія замѣтки о новостяхъ въ технику, описанія различныхъ составовъ и средствъ, патентованные секретныя средства и проч.

6) Библиографія.

7) Списокъ выданныхъ привилегій, съ краткимъ поясненіемъ.

8) Почтовый ящикъ редакціи.

9) Объявленія.

10) Приложенія. Въ составѣ приложеній войдутъ Механическія и Химическія производства.

Въ журналѣ помѣщаются политипажи, образцы, чертежи, проекты и планы заводовъ и т. п.

Примѣчаніе. Отдѣлы кромѣ десятого не должны быть обязательны для каждаго № Сборника и отдѣлы не слѣдуютъ въ показанномъ выше порядкѣ, кромѣ перваго и десятаго. Отдѣлъ десятый, для каждаго отдѣльнаго производства, имѣетъ свою отдѣльную нумерацію страницъ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой 16 руб., на полгода 9 руб.

При перемѣнѣ адреса прилагается 60 коп.

Гг. иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію «Техническаго Сборника» въ С.-Петербургѣ, Торговая ул., домъ № 6, кв. № 1.

ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

Цѣна томамъ журнала «Техническій Сборникъ» отдѣльно сброшюрованныхъ и съ пересылкой: съ Тома I по Томъ XIV (1865—1872 г.) по 2 руб. за томъ; Тома XVI и XVII (1873 г.) по 2 руб. 50 к.; съ Тома XVIII по Томъ XXIII (1874—1879) по 3 р.; съ Тома XXIV по Томъ XXIX (1877—1879) по 8 руб. Выписывающимъ всѣ тома дѣляется 10% уступки.

Редакторъ-Издатель **В. Ашикъ.**

Продолжается подписка на изданіе

„Французско-Русскаго Техническаго Словаря“.

«Французско-Русскій Техническій Словарь» со-

держитъ въ себѣ слова и выраженія по части: Механики, Химіи, Физики, Железно-дорожнаго дѣла, Архитектуры, Минералогіи, Механической и Химической технологіи, Заводскаго дѣла, Машиностроения, Вагоностроения и вообще всѣхъ техническихъ наукъ и производствъ.

Всѣхъ словъ и выраженій въ словарь будетъ до 35 тысячъ.

Словарь будетъ состоять изъ двухъ частей и выходить выпусками. Первая часть отъ буквы А до L, вторая часть отъ М до Z. Первая часть будетъ состоять изъ шести выпусковъ, а вторая—изъ четырехъ.

Цѣна каждому выпуску въ отдѣльности назначается 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Подписная же цѣна на «Французско-Русскій Технический Словарь» назначается 8 р., съ пересылкою 9 р.

Деньги и требованія на Словарь просятъ высылать въ редакцію журнала «Технической Сборникъ». По выходѣ въ свѣтъ словаря цѣна на него будетъ увеличена.

ВЫПИСИ:

Выпускъ I. А. Спб. 1877 года. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Выпускъ II. В. Спб. 1877 года. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Редакторъ-Издатель

Журнала «Технической Сборникъ» **В. Ашикъ.**

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

Писчебумажное производство. Композиція бумагъ. Съ 75 образцами тѣпья бумажныхъ массъ и различныхъ бумагъ. Техн. Мельникова и Феермана. Ц. 2 р.

Писчебумажное производство. Окраска бумагъ. Съ образцами окрашенныхъ бумагъ. Техн. Мельникова. Цѣна 1 руб.

О состояніи и развитіи Техническихъ производствъ изъ хлѣбнаго зерна на Югѣ Россіи. Изданіе фабричнаго бюро Мельникова. Ц. 60 к.

Мука, мучные продукты и крахмалъ на Вѣнской выставкѣ. Изданіе фабричнаго бюро Мельникова. Цѣна 50 коп.

Открыта подписка на 1880 годъ

Годъ II. **„ШУТЪ“** Годъ II.

большой

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ЮРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

КАРРИКАТУРЪ,

печатаемыхъ красками въ нѣсколько тоновъ

(хромолитография).

Выходитъ еженедѣльно, въ форматѣ большихъ иллюстрацій, in quarto, помѣщая на своихъ страницахъ: рисунки, каррикатуры, повѣсти, рассказы, очерки, сцены, анекдоты, шарady, загадки, ребусы и т. д. И въ художественномъ и литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе многіе литераторы, поэты, художники и каррикатуристы. Журналъ, всесторонне касаясь явленій текущей жизни, имѣетъ отдѣлы: театральныя, библиографическій и художественный.

Успѣхъ перваго года изданія даетъ намъ возможность, не смотря на значительныя издержки при печатаніи красками въ нѣсколько тоновъ,—не увеличивать подписной цѣны.

Краткій перечень содержанія журнала «ШУТЪ»: въ годъ 52 нумера большого формата, которые содержатъ между прочимъ: 156 большихъ рисунковъ въ четыре краски, болѣе 350 рисунковъ въ одну краску, 260 страницъ тексту въ прозѣ и стихахъ.

Кромѣ того на страницахъ журнала помѣщаются также ноты для пѣнія съ аккомпанементомъ.

Условія подписки:

За годъ съ пересылкой и доставкой..... 6 р.
» » безъ доставки..... 5 »
» шесть мѣсяцевъ съ перес. и достав. .... 4 »
» » безъ доставки..... 3 »

Подписка принимается на имя редакціи: С.-Петербургъ, уголъ Невскаго и Николаевской, домъ № 1.

Магазинъ парижскихъ моделей и выкроекъ модъ.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, уголъ Новой улицы д. № 75/2, кв. № 5.

Магазинъ имѣетъ честь извѣстить, что имъ постоянно получается изъ Парижа новый выборъ моделей дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ и что онъ единственный въ Россіи, который продаетъ парижскія модели, сдѣланныя изъ тонкой разноцвѣтной бумаги съ отдѣлками: бантами, кружевами, бахромою и проч., по которымъ всякая швея можетъ рассчитать количество нужнаго матеріала и скопировать самый сложный костюмъ. Для модныхъ магазиновъ модели необходимы для выставокъ, какъ замѣняющія собою вполнѣ оригиналы костюмовъ.

Подписка на парижскіе модные журналы.

Мы приглашены быть специальными агентами въ Россіи парижскаго общества «Société des journaux de modes réunis», которое издаетъ нѣсколько модныхъ журналовъ. Общество это существуетъ въ Парижѣ 45 лѣтъ и пользуется всемірною извѣстностью.

Главное и существенное преимущество предла-

гаемыхъ журналовъ то, что они даютъ новизны модѣ, по крайней мѣрѣ, двумя мѣсяцами ранѣе, нежели нѣмецкіе и русскіе модные журналы: это и естественно, потому что Парижъ—законодатель модъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ парижскихъ журналовъ, въ нашемъ магазинѣ моделей принимается подписка на «Наглядную Моду» нѣчто совершенно новое, еще нигдѣ не бывалое и особенно полезное для модныхъ магазиновъ и избавляющее ихъ отъ выписки дорогихъ моделей прямо изъ Парижа. «Наглядная Мода» безъ текста, а состоитъ изъ ежемѣсячнаго изготовленія новой модели въ натуральную величину со всѣми подробностями и нужными отдѣлками, не находящимися ни въ одномъ изъ модныхъ журналовъ, и соотвѣтственно съ сезономъ года. Къ модели прилагается подробная выкройка. Въ годъ высылается 1 бальное платье, 2 визитныхъ, 2 домашнихъ или для гулянья платья, 4 верхнія или confection и 3 дѣтскіе костюма.

Цѣна выкроекъ.

Пальто, долманъ, мантилья: отъ 75 к. до 1 р. 25 к.
Костюмъ для баловъ, визитовъ, театровъ и гулянья отъ 1 р. до 1 р. 50 к.

Дѣтскіе костюмы отъ 50 к. до 1 р.

Цѣна моделей вмѣстѣ съ выкройками.

Confection, пальто 2 р.
Пенуаръ отъ 2 р. до 3 р.
Юбки отъ 1 р. до 2 р.
Полный домашній костюмъ или короткій для прогулокъ отъ 2 р. до 3 р. 50 к.
Нарядный визитный или бальный костюмъ отъ 3 р. 50 к. до 5 р.

Дѣтскіе модели.

Костюмы для дѣвочекъ отъ 1 р. до 2 р.
» » мальчиковъ отъ 1 р. до 1 р. 50 к.

АБОНЕМЕНТЪ ЖУРНАЛОВЪ.

	На годъ.			На полгода.		
	Безъ до- ставки.	Съ до- ставкою.	Съ пере- сылкою.	Безъ до- ставки.	Съ до- ставкою.	Съ пере- сылкою.
«Наглядную Моду»:	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Ежемѣс. 1 разъ..	18 »	20 »	22 »	9 »	10 50	11 50
«Le Moniteur de la Mode»:						
4 раза въ мѣсяцъ.						
1-е изданіе....	12 »	13 »	13 50	7 »	7 50	8 »
2-е изданіе....	13 »	14 »	14 50	7 50	8 »	6 50
3-е изданіе....	17 »	18 »	18 50	9 »	9 50	10 »
«La France Élégante»:						
2 раза въ мѣсяцъ.	10 »	11 »	12 »	5 »	5 50	6 50
«Le petit messager des modes»:						
2 раза въ мѣсяцъ.	8 »	9 »	9 50	4 50	5 »	5 50
«Les Nouveautés Parisiennes»:						
2 раза въ мѣсяцъ.	8 »	9 »	9 50	4 50	5 »	5 50
«La Modiste Universelle»:						
1 разъ въ мѣсяцъ.	7 »	8 »	8 50	4 »	4 50	5 »
«Paris Élégant»:						
1 разъ въ мѣсяцъ.	7 »	7 50	8 »	4 »	4 50	5 »
«Панорама Модъ»:						
1 разъ въ мѣсяцъ.	17 »	18 »	18 50	9 »	9 50	10 »
Отдѣльный экз...	1 50	—	—	—	—	—
«La Mode en relief»:						
1 разъ въ мѣсяцъ.	18 »	18 50	19 50	9 »	9 50	10 »
Отдѣльный экз...	1 50	—	—	—	—	—
Recueil illustré de M-me Demorest, по франц., нѣмцки и англійски.....	75	—	1 »	—	—	—

Гр. подписчиковъ просятъ присылать требованіе и деньги на Невскій проспектъ, уголъ Новой улицы домъ 75/2, кв. № 5. На имя **Елисаветы Ивановны Кирѣевской.**

1880 годъ. **НУВЕЛЛИСТЪ** 41-й годъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

И

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“

Съ 1-го января 1880 года «Нувеллистъ» вступаетъ въ 41-й годъ своего существованія.

Цѣль изданія «Нувеллиста» доставитъ каждому семейству и каждому любителю музыки возможность получать по самой дешевой цѣнѣ значительный выборъ новѣйшихъ, лучшихъ и любимѣйшихъ музыкальных пьесъ для фортепиано, романсовъ и танцевъ. Чтобы удовлетворить такому назначенію, редакція находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими композиторами и музыкальными издателями въ Европѣ и помѣщаетъ въ журналѣ приобретаемые отъ нихъ наиболѣе избранныя новости, достойныя вниманія общества и по степени трудности доступныя для большинства публики.

Если принять въ соображеніе дороговизну музыкальных произведеній въ отдѣльной продажѣ, за-

труднительность для лицъ, живущихъ въ провинціи слѣдить за появленіемъ новыхъ произведеній и до извѣстной степени рискъ, сопряженный съ выборомъ пьесъ за глаза, на основаніи лишь газетныхъ объявленій и каталоговъ, нельзя не придти къ заключенію, что изданіе «Нувеллиста» значительно облегчаетъ выборъ и удешевляетъ приобретеніе названныхъ произведеній въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ хорошо обставленныхъ музыкальных магазиновъ.

Въ 1880 году «Нувеллистъ» будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждаго мѣсяца тетрадями отъ 30 до 35 страницъ музыки, большого нотнаго формата, что составитъ въ годъ болѣе 400 страницъ избранной музыки.

Каждая тетрадь будетъ содержать въ себѣ:

1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ. 2) Одинъ или два танца. 3) Русскій романсъ. Сверхъ того втеченіи года въ «Нувеллистѣ» будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“

Будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Руководящія статьи, посвященныя обзору всего примѣчательнаго въ области музыки и театра, какъ въ Россіи, такъ и за границей.

2) Музыкально-театральная хроника: отчеты о новыхъ операхъ, концертахъ, театральныя пьесы и т. д.

3) Возможно полный сводъ новостей, касающихся музыки и сценическаго искусства.

4) Фельетонъ.

Музыкально-театральная газета будетъ выходить въ продолженіи музыкальнаго сезона—въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

Кромѣ огромнаго количества музыкальных пьесъ и восьми нумеровъ Музыкально-театральной газеты, подписчики получаютъ въ видѣ преміи и полную оперу для фортепиано въ 2 руки или другія музыкальныя сочиненія по ихъ выбору изъ 70 нумеровъ.

Цѣна годовому изданію «НУВЕЛЛИСТА»: съ Музыкально-театральной газетою и преміею **5 руб.** съ доставкой и пересылкою **6 руб.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Для лицъ, не состоящихъ подписчиками на «Нувеллистъ», годичная подписная цѣна на «Музыкально-Театральную Газету», назначается 1 рубль. Гг. иногородные прилагаютъ на пересылку 30 коп. почтовыми марками.

Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «Нувеллиста» при музыкальномъ магазинѣ М. Бернарда, Поставщика Двора Е. И. Величества, Невскій просп., № 10. Въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ А. Б. Гутхейля, поставщика Двора Е. И. Величества, Кузнецкій мостъ, домъ Юнкера. Въ Казани, въ музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира». Въ Харьковѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Гергарда. Въ Одессѣ, у А. Панотти. Въ Кіевѣ, у Корейво. Въ Тифлисѣ, у Ланко.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1880 ГОДУ

„ДОНСКОЙ ПЧЕЛЫ“

ГАЗЕТЫ

ПОЛИТИЧЕСКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ.

Съ 1-го января 1880 года «Донская Пчела» будетъ издаваться по той же программѣ, какъ издавалась въ предыдущіе четыре года, два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ, по одному листу большого формата, въ 5-ти столбцахъ.

«Донская Пчела» имѣетъ своею главною цѣлью обсужденіе вопросовъ, относящихся до нуждъ и интересовъ Приазовскаго края, давая, впрочемъ, мѣсто, какъ видно изъ предыдущихъ годовъ, и тѣмъ вопросамъ, которые составляютъ въ данное время общій животрепещущій интересъ.

Въ 1880 году, какъ и прежде, почти въ каждомъ номерѣ кромѣ тѣхъ свѣдѣній, какія обыкновенно даетъ столичная пресса, будутъ помѣщаться передовыя или руководящія статьи, относящіяся до нуждъ и интересовъ края, ежедневная хроника текущихъ явленій изъ мѣстной жизни, корреспонденція, биржевая хроника: цѣны продуктамъ на мѣстныхъ рынкахъ и проч., судебная хроника, фельетонъ и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой въ Ростовѣ на Дону:
на годъ..... 6 р. — к.
» полгода..... 3 » 50 »
» 3 мѣсяца..... 2 » — »
съ пересылкою иногороднымъ:
на годъ..... 7 р. — к.
» полгода..... 4 » — »
» 3 мѣсяца..... 2 » 50 »

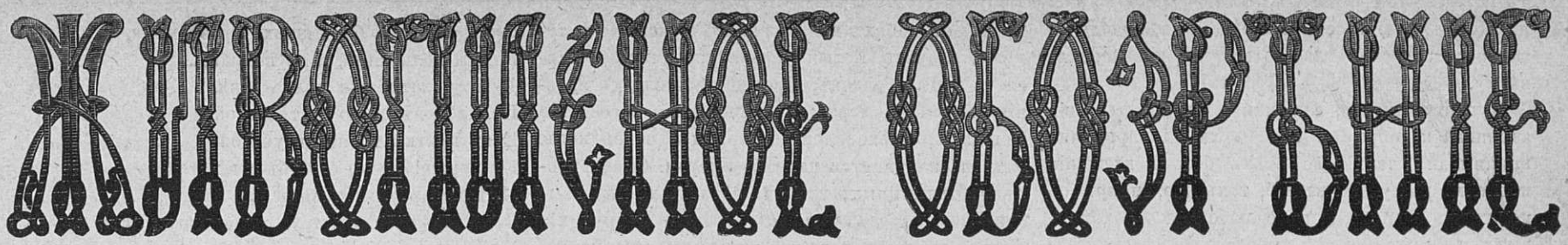
За перемѣну адреса редакція взимаетъ 25 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Донской Пчелы» въ Ростовѣ на Дону, на Большой Садовой улицѣ, въ д. И. А. Теръ-Абрамянъ (бывшій Драшковица). Иногородные благоволятъ адресоваться: въ редакцію «Донской Пчелы» въ Ростовѣ на Дону.

Редакція покорнѣе проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, написавъ свои полные адреса четко и разборчиво.

Редакторъ-издатель **И. А. ТЕРЪ-АБРАМІАНЪ.**

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 2.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цена отдѣльныхъ №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

12 Января 1880 года.

Стихотворенія И. С. Никитина.

II.

Порывы.

Людскую скорбь, вопросы вѣка —
Я знаю все... Какъ другъ и братъ,
На скорбный голосъ человѣка
Всегда откликнуться я радъ.

И только. Многое я вижу,
Но воля у меня слаба,
И всей душой я ненавижу
Себя, какъ подлаго раба.

Какъ я неправду презираю,
Какой я человѣкъ прямой,
Покуда жизни не встрѣчаю
Лицомъ къ лицу, — о, Боже мой!

И если-бъ въ жизнь переходили
Мои слова, — враги мои
Меня давно бъ благославили
За сердце, полное любви.

Погасъ порывъ мой благородный.
И что-же? Тѣшится надъ нимъ
Какой-нибудь глупецъ холодный
Безумнымъ хохотомъ своимъ.

«Такъ вотъ-съ какъ было это дѣло, —
Мнѣ говоритъ степнякъ-сосѣдъ:
«Себя онъ велъ ужъ очень смѣло,
«Сказать-бы: да, онъ скажетъ: нѣтъ.

«Упрямство... вотъ и судить криво:
«За правду стой, да какъ стоять!
«Ну, перенесъ-бы молчаливо,
«Если приказано молчать.

«Вотъ и погибъ. Лишился мѣста,
«Притихъ и плачетъ, какъ дитя,
«Дѣтишекъ куча, дочь невѣста
«И въ домѣ хлѣба ни ломтѣ»...

— «Какъ вамъ не совѣстно, не стыдно!
Какъ повернулся вашъ языкъ!
Мнѣ просто слушать васъ обидно!...»
Я поднимаю громкій крикъ

И весь дрожу. Лицо пылаетъ,
Какъ левъ пораненный, я золь,
Сигара въ уголь отлетаетъ,
Нога отталкиваетъ столь.

Сосѣдъ смѣется: «что вы! что вы!
«Обидѣлъ, что-ли, я кого?
«Ужъ вы на ножъ теперь готовы,
«Ха-ха, ну стойте-ли того».

И въ самомъ дѣлѣ, я рѣшаю:
Что портить кровь изъ пустяковъ!
Махну рукой и умолкаю:
Не переучишь дураковъ.

Берусь за книгу ради скуки
И желчь кинить во мнѣ опять:
Расчетъ, обманы, слезы, муки,
Насилье... не могу читать!

Подлецъ на добромъ возитъ воду,
Умъ отупѣлъ, заглохъ отъ сна...

Ужели грѣшному народу
Такая участь суждена?

«Ты дома?» Двери отворяя,
Чудакъ знакомый говоритъ
И входитъ, тяжело ступая.
Онъ неуклюжъ, угрюмъ на видъ.

Взглядъ ледяной, косыя плечи,
Какой-то шрамъ между бровей.
Умень, какъ бѣсъ, но скупъ на рѣчи,
Трудолюбивъ, какъ муравей.

«Угодно-ли? Была бъ охота,
Есть случай бѣдняку помочь —
Безъ платы... не легка работа:
Сидѣть придется день и ночь,
Писать, читать, въ архивѣ рыться —
И жертва будетъ спасена»
— «А ты?» — «Безъ платы что трудиться!»
— «Изволь! мнѣ плата не нужна».

И вотъ къ труду я приступаю,
И горячусь и невпопадъ
Особу съ вѣсомъ задѣваю:
Я рвусь изъ силъ, меня бранятъ.

Тутъ остановка, тамъ помѣха;
Я радъ-бы жертвѣ, радъ помочь,
Но вдругъ!.. Мнѣ тошно ждать успѣха,
Мнѣ эта медленность не въ мочь.

И все съ досадой я бросаю,
И послѣ (жалкій человѣкъ)
Надъ бѣдной жертвой я рыдаю,
Клянусь своей бесполезный вѣкъ.

Нѣтъ, трудъ упорный — грузъ свинцовый,
Я другъ добра, я гражданинъ,
Я мученикъ, на все готовый,
Но мученикъ на мигъ одинъ.

1881.

Пляски и танцы на Руси.

Историко-биологическіе очерки Вл. Михневича.

(Продолженіе.)

II.

(Мифы о пляскахъ и ихъ генезисъ. — Демонологическій элементъ. — «Пляска смерти». — Языческое отождествленіе и умиловленіе силъ природы.)

Исторія національныхъ плясокъ и танцевъ начинается въ области мифологіи. У каждаго народа была эпоха, когда его пляски имѣли религіозно-космогеническое и глубоко-жизненное значеніе. Это можно заключить отчасти по сохранившейся до сихъ поръ обрядности въ нѣкоторыхъ играхъ и пляскахъ нашего деревенскаго люда. Правда, въ настоящее время всѣ эти, напр., «горѣлки», «хороводы», ристанія и пляски на Ивана Купала, въ Семикъ и проч., сохранивъ свою древнюю обрядность, утратили внутренній смыслъ, сдѣлались одной забавой, формой безъ содержанія; но было время, на зарѣ жизни народа, когда во всѣхъ подобныхъ играхъ и пляскахъ выражались и воплощались его вѣрованія, его семейно-бытовыя отношенія. Насъ убѣж-

дать въ этомъ лучше всего знакомство съ мифологіей и демонологіей.

Извѣстно, что язычникъ, обожествивъ природу, олицетворивъ ея творческія и разрушительныя силы въ боговъ и духовъ, злыхъ и добрыхъ, надѣлилъ послѣднихъ чисто-человѣческими свойствами, страстями и дѣйствіями. Языческіе боги любятъ и ненавидятъ, радуются и страдаютъ, говорятъ и дѣйствуютъ, поютъ и пляшутъ.

Всѣ духи, олицетворявшіе по народной фантазіи вихри, грозу, мятель, вѣшній плодотворный вѣтерокъ, всѣ эти нимфы, сифиды, сатиры, фавны, эльфы, ниссы, вилы, сладкогласныя сирены, русалки и вѣдьмы любятъ музыку, пѣніе и пляски. Девять знаменитыхъ греческихъ музъ въ первоначальномъ мифическомъ значеніи были не болѣе, какъ пѣвицы и танцовщицы. У индусовъ небо было населено, между прочими божествами, гендарвами — пѣвцами и апсарасами — танцовщицами. Непустовое войско нѣмецкаго Одина, олицетворявшее бурю, носилось по воздуху съ бѣшенными плясками подъ звуки пѣсенъ и музыки. По нашимъ мифическимъ преданіямъ, водяные своими плясками волнуютъ моря и рѣки. Отсюда, по выраженію украинской пѣсни, море играетъ, во время бури изъ безднъ его выходятъ духи, поютъ и пляшутъ. Знаменитыя «киевскія» вѣдьмы собирались вмѣстѣ съ демонами на Лысой горѣ по ночамъ для бѣсовскихъ пиршествъ, сопровождаемыхъ срамными пѣснями, плясками и блудными связями...

Эти шумныя музыкально-танцевальныя утѣхи и упражненія духовъ и боговъ мотивировались въ фантазіи язычника главнымъ образомъ половыми, брачными отношеніями, которые вслѣдствіе этого всегда и у всѣхъ народовъ имѣли священное значеніе. Мужскіе и женскіе духи, вступая между собою въ любовную связь, сопровождали ее и ознаменовывали, подобно людямъ, соответственными играми, пѣснями и плясками. У грековъ пѣселюбивый Аполлонъ и Гермесъ во время охоты въ лѣсу волочатся за нимфами, прельщаютъ ихъ и преслѣдуютъ среди игръ и пѣсенъ. Тоже дѣлаютъ сластолюбивыя сатиры. Славянской Ярило въ любовственномъ экстазѣ гоняется по небу за воздушными полногрудыми дѣвами-тучами, кружится съ ними и оплодотворяетъ ихъ подъ звукъ грозы. Результатомъ этого акта является дождь, обсемяющая землю. Точно также буря, мятель и т. под. разрушительныя метеорологическія и атмосферическія явленія представлялись уму язычника «свадьбами» злыхъ духовъ, демоновъ. Есть мѣстности, гдѣ наши крестьяне до сихъ поръ считаютъ, напр., вѣтеръ нечистою силою. У малороссіянъ крутящіеся вихри называются «чортывымъ веселіемъ» (т. е. свадьбою). Согласно съ этимъ, у поляковъ тотъ-же вихрь считается бѣсовскою пляскою. Мы видѣли выше, что ночныя ненастья и вьюги объяснялись свадьбами вѣдьмъ съ бѣсами. Тѣ-же бѣсы въ зимнее время бѣгаютъ

по полямъ, дуютъ себѣ въ кулакъ и, подиравъ подъ эту самодѣльную музыку, производятъ вьюгу.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что въ фантазіи язычника и добрые и злые духи одновременно принимали участіе во всѣхъ безъ исключенія шумныхъ разгулахъ стихій, такъ что, напр., съ понятіемъ о грозѣ, какъ о любовныхъ похожденияхъ добрыхъ боговъ, всегда и вездѣ связывалось представленіе и о блудныхъ оргіяхъ нечистой силы. Впослѣдствіи, когда подъ вліяніемъ христіанства языческія вѣрованія и образцы, всѣ безъ изъятія, пошли за счетъ дьявола и стали преслѣдоваться, какъ грѣховная сатанинская «прелесть», пляски и пѣсни получили демонологическое значеніе. Онѣ дѣлаются однимъ изъ специальныхъ орудій оболъщенія дьявола, который пріобрѣтаетъ поэтому репутацію неподражаемаго музыканта и плясуна на погребель рода человѣческаго.

«Умысли сатана, говорится въ одномъ нашемъ старинномъ апокрифѣ, како отвратити людей отъ церкви и, собравъ бѣси, преобрази ихъ въ челоуѣки и, идяще въ сборѣ велицѣ унестренѣ въ градъ, и вси бѣяху въ бубны, друзи въ козици и въ свирѣли... Мнози-же, оставивши церковь, и на позоры бѣсомъ тегаху». Увлеченныхъ этими «позорами» и начинавшихъ плясать и пѣть бѣсы уловляли въ свои коварныя сѣти...

Въ подобной артистической роли, со всѣми атрибутами, бѣсъ чаще всего изображается не только въ письменныхъ сказаніяхъ и картинахъ монастырской литературы, но и въ народныхъ преданіяхъ.

Намъ лично извѣстно изъ первыхъ рукъ нѣсколько малороссійскихъ сказокъ, въ которыхъ сатана фигурируетъ въ качествѣ музыканта и плясуна и подъ этимъ видомъ шутитъ злымъ шутки надъ добрыми людьми. Напр., въ одной сказкѣ чортъ (всегда «жуцый» по малороссійской демонологіи) изображается потѣшнымъ кургузымъ нѣмчикомъ, на тоненькихъ козлиныхъ ножкахъ, съ козлиной бороденкой. Шествуетъ онъ по бѣлу свѣту верхомъ на козлѣ и играетъ въ дудку; какъ заиграетъ—сейчасъ-же все встрѣчное кругомъ него начинаетъ выплясывать бѣшеннаго трепака... Въ своемъ родѣ Орфей наизнанку.

Въ другой народной сказкѣ передается видѣніе пустынноика, въ которомъ ему представилось, какъ бѣсы ходятъ на трапезу. Трапеза, конечно, совершается безъ благословенія, но зато, идучи на нее, бѣсы «тайгайкають, пляшутъ, скачутъ и пѣсни поютъ». Точно также разсказывается во многихъ преданіяхъ о пляскахъ нечистыхъ въ аду подъ звуки скрипки.

Наконецъ, самая смерть—исчадіе грѣхонпаденія первочеловѣковъ и споспѣшница ада—является въ мистической фантазіи, какъ представительница Эвтерпы и Терпсихоры. Хорошо извѣстна общераспространенная, во множествѣ вариантовъ, легенда о пляскѣ смерти, о пляскѣ мертвыхъ (*La danse de morts, la danse macabre, Todtentanz* и пр.). На западѣ «*la danse macabre*» получила свое происхожденіе и названіе отъ легенды св. Макарія, одного изъ основателей аскетическаго ученія и подвижниковъ христіанства въ Египтѣ. «Пляска мертвыхъ» сдѣлалась въ средніе вѣка одною изъ любимѣйшихъ темъ для апокрифическаго художества и для алегорической религіозной морали во Франціи, Германіи и Италіи.

Недавно нашему «обществу любителей древности» досталось факсимиле одной изъ замѣчательнѣйшихъ, весьма популярныхъ въ свое время гравюръ, изображающихъ «пляску мертвыхъ», работы знаменитаго Гольбейна, по которому можно составить точное представленіе о содержаніи этой легенды. Идея здѣсь та, что смерть является человѣку во всѣхъ положеніяхъ и на

всѣхъ ступеняхъ неизбѣжнымъ, роковымъ фатумомъ. Начало Гольбейновой пляски представляетъ рядъ образовъ, предшествовавшихъ явленію на свѣтъ смерти: сотвореніе міра, созданіе женщины, грѣхонпаденіе первыхъ человѣковъ. Затѣмъ начинается царство смерти. Она провожаетъ изгнанныхъ изъ рая Адама и Еву, выплясывая передъ ними съ гитарою въ рукахъ. Далѣе, въ роли того-же плясуна и музыканта, смерть увлекаетъ за собою людей, отрывая ихъ отъ земныхъ благъ, въ свое жилище. «*Gebein aller Menschen*»—мертвые, скученные въ катакомбахъ, пляшутъ подъ звуки литавръ и трубъ передъ оставшимися еще въ живыхъ собратями. Вся эта картина, какъ можно заключить уже изъ ея описанія, проникнута глубокимъ трагизмомъ.

Изображенія «пляски мертвыхъ» были извѣстны и въ нашей апокрифической литературѣ, но какъ заимствованіе съ запада, хотя русскій мистицизмъ создалъ, какъ мы видѣли, самостоятельныя сказанія въ этомъ-же родѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ міровоззрѣніи народа въ пору его младенчества пляской и музыкой олицетворялись много различные явленія и факты жизни вѣшной и внутренней, духовной и физической. Отсюда, понятно, почему «мифическія представленія, сочетавшіяся, какъ говоритъ А. Афанасьевъ, съ пѣніемъ, музыкою и пляскою, дали имъ священное значеніе и сдѣлали ихъ необходимою обстановкою языческихъ празднествъ и обрядовъ». Поклонники стихійныхъ силъ природы—язычники—старались въ своихъ религіозныхъ церемоніяхъ символически выражать то-же, что совершалось на небѣ или что желательно было получить отъ него. Подражая дѣйствіямъ своихъ боговъ, они думали, что творятъ ему угодное и съ дѣтскою наивною вѣрили, что умилостивляютъ такимъ образомъ божественныя силы, возбуждая въ нихъ творческую дѣятельность.

У славянъ было, напр., въ обычаѣ при испрашиваніи у неба дождя видѣть Додолю-дѣву, увѣнчанную цвѣтами, и обливать ее водою. Въ ней олицетворялась богиня Весны, жаждущая плодотворнаго сѣмени. Представляя облака рыскающими стадами различныхъ животныхъ, тѣ-же наши предки наряжались въ звѣриныя шкуры и бѣгали толпами по полямъ и улицамъ. Точно также небесная музыка и напѣвы грозы, танцы облачныхъ дѣвъ и воздушныхъ духовъ отождествлялись звономъ металлическихъ сосудовъ, игрою въ дудки, волынки, бубны и въ другіе инструменты, шумными кликами, пѣснями и бѣшеною, быстро-вертящеюся пляскою. И въ такихъ случаяхъ, для полноты отождествленія, дождь, утѣляющій жажду грозовыхъ духовъ, замѣнялся медомъ и виномъ.

Исследуя смыслъ языческихъ пиршествъ и празднествъ, мы видимъ, что большая часть ихъ имѣла такое именно космогоническое значеніе. Сопровождаемая пѣснями, плясками, пьянствомъ и разгуломъ, она совершалась преимущественно въ честь или благодатнаго возврата весеннихъ грозъ, несущихъ плодородіе, или-же въ честь той-же божественной силы въ пору осенняго изобилія, какъ-бы въ благодарность за урожай.

Такая обстановка языческихъ празднествъ усвоила за ними названіе игрищъ, до сихъ поръ въ общихъ чертахъ управляемыхъ народомъ по преданію.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Въ Альбомѣ.

Стих. В. Юрѣва

I.

Все спитъ вокругъ, забывъ заботы дня,
Но мнѣ не спится, муза молодая:

Смущаетъ рой блестящихъ грезъ меня,
Мечты волшебныя и звуки рая...
Душа болитъ, она полна огня,
Полна невѣдомою ей тревогой
И въ клѣткѣ тѣсной и убогой
Ей душно! Муза, если-бъ ты могла
Мнѣ подарить могучихъ два крыла,
Чтобъ въ свѣтлый міръ свободною душою
Умчался я, красавица, съ тобою.

II.

Бѣдна, печальна комнатка моя;
На стѣнахъ пыль видна и паутины...
Не знаю почему, но вижу я
На нихъ всегда прекрасныя картины,
То яркія зеленыя поля,
То темный лѣсъ, подъ тѣнь принять готовый,
То океанъ безбрежный и суровый,
То выси горныя въ бронѣ изъ льда,
То шумные большіе города,
Слободки, сѣренкія деревушки,
То, наконецъ, убогія избушки.

III.

Я слышу все. Ко мнѣ со всѣхъ сторонъ
Доносятся знакомые мнѣ звуки
И съ поля битвы раненаго стонъ,
Послѣдній вздохъ, сердечной полный муки,
Молитва, что шепталъ предъ смертью онъ,
И слезы бѣдной матери о сынѣ,
Убитомъ злою пулей на чужбинѣ,
И пѣсня удалая ямщика,
И пѣсня-плачъ бродяги бурлака...
И все, что уха моего коснется,
Въ душѣ моей глубоко отзовется

IV.

О! муза, другъ мой, дай-же силу мнѣ
И лиру сердцу русскому родную,
Чтобъ могъ я быть пѣвцомъ въ родной странѣ
Чтобъ понималъ я нашу Русь святую...
Молчишь ты, муза?... Въ мертвой тишинѣ
Бѣгутъ мгновенья скучной чередою.
Головою прекрасной надо мною
Склонилась ты, красавица моя!
Ты улыбнулась... будто замеръ я;
Ты лиру чудную даешь мнѣ въ руки?—
Я буду пѣть... и полилися звуки...

Волкъ.

Романъ Эримана Шатріана. Переводъ М. Минуть.

(Продолженіе.)

Глава II.

Мнѣ за Сперверомъ, который быстро поднимался по лѣстницѣ, я долженъ былъ сознаться, что замокъ Нидекъ оправдывалъ вполне свою славу. Это была настоящая крѣпость, высѣченная въ скалѣ, то, что нѣкогда называли засадою. Подъ высокими и глубокими сводами звучно отдавались наши шаги и вѣшній воздухъ, проникая въ бойницы, колебалъ пламя факеловъ, укрѣпленныхъ на извѣстномъ разстояніи въ углубленіяхъ стѣнъ.

Сперверъ зналъ всѣ закоулки этого обширнаго жилища; онъ поворачивалъ то вправо, то влѣво. Я, задыхаясь, бѣжалъ за нимъ. Наконецъ, онъ остановился на широкой площадкѣ и сказалъ мнѣ:

— Фрицъ, я тебя на минуту оставляю съ слугами замка, а самъ пойду предупредить графиню Одиль о твоёмъ пріѣздѣ.

— Хорошо, дѣлай такъ, какъ сочтешь нужнымъ.

— Тамъ ты увидишь нашего управителя То-би Офенлоха, стараго солдата нидекскаго полка; онъ нѣкогда дѣлалъ походъ съ графомъ.

— Очень хорошо!

— Ты увидишь также его жену, французен-

ку Мари Лагутъ, которая имѣетъ претензію на знатность.

— Почему же нѣтъ?

— Да, но между нами, она была просто маркизанткой въ великой арміи. Она привезла на своей телѣжкѣ Тоби Офенлоха и бѣдняга женился на ней изъ благодарности; понимаешь?

— Ну довольно. Отвори-же, я совѣмъ замерзъ.

Я хотѣлъ пройти, но Сперверъ, упрямый, какъ истый нѣмецъ, непремѣнно желалъ познакомиться со всѣми тѣми личностями, съ которыми мнѣ придется имѣть сношеніе. Онъ продолжалъ, держа меня за шнуры моего плаща:

— Сверхъ того ты встрѣтишь тамъ Себальда Крафта, обергермейстера, скучнаго малаго, но который не имѣетъ соперниковъ въ игрѣ на рожкѣ; Карла Трумфа, дворецкаго; Христіана Бекера; однимъ словомъ, всѣхъ нашихъ, если только они не легли спать!

Всѣмъ затѣмъ Сперверъ отворилъ дверь и я очутился въ изумленіи на порогѣ высокой и мрачной залы: въ залѣ прежнихъ охранителей Нидека. Съ перваго взгляда я замѣтилъ въ глубинѣ три окна, выходящія на ровъ, направо нѣчто въ родѣ дубоваго потемнѣвшаго отъ времени буфета, на буфетѣ боченокъ, стаканы и бутылки; налѣво готическій каминъ съ огромнымъ нафсомъ, пылающій огнемъ; съ обѣихъ сторонъ были скульптурныя украшенія, представляющія различныя эпизоды изъ охоты на кабановъ въ средніе вѣка; наконецъ, по срединѣ залы стоялъ длинный столъ, а на столѣ гигантскій свѣтильникъ, освѣщавшій съ дюжину пивныхъ кружекъ съ оловянными крышками.

Я увидѣлъ все это съ одного взгляда; но меня всего больше поразили сидящіе тамъ личности. Я узналъ дворецкаго по его деревянной ногѣ: то былъ низенькій толстякъ, краснощекій, съ огромнымъ животомъ, съ краснымъ носомъ, какъ спѣлая земляника; на немъ былъ громадный парикъ пеньковаго цвѣта, образующій валикъ на затылкѣ, платье изъ свѣтло-зеленаго плюша съ огромными стальными пуговицами; бархатные штаны и башмаки съ серебряными пряжками. Онъ только что собрался повернуть кранъ въ боченкѣ, невыразимое умиленіе выражалось на его красномъ лицѣ и его желтые глазки блестѣли какъ стеклышки. Его жена, достойная Мари Лагутъ, была одѣта въ штофное платье съ большими разводами, лицо ея было длинно и желто, какъ кожа. Она играла въ карты съ двумя служителями, важно сидящими на креслахъ съ высокими спинками. Маленькіе смѣшныя щипчики ущемляли ея носъ и носъ одного изъ играющихъ, тогда какъ другой лукаво прищуривался и, казалось, былъ очень доволенъ, видя ихъ въ такихъ тискахъ.

— Сколько у васъ? спросилъ онъ.

— Двѣ, отвѣчала старуха.

— А у тебя, Христіанъ?

— Двѣ...

— Ха, ха, ха!.. Понались голубчики!.. Вотъ вамъ король, вотъ вамъ тузъ!.. А вотъ еще, вотъ и еще!.. ха, ха, ха! Еще вамъ на носъ матушка! Вотъ и будете впередъ хвастать, какъ играютъ у васъ во Франціи!

— Христіанъ, у васъ нѣтъ уваженія къ пре-
красному полу.

— Въ картахъ никому не спускаютъ.

— Да вы видите, что мнѣ ужъ некуда больше нацѣпиться!

— Ба, ба, на вашемъ-то носу...

— Вотъ и я, друзья! вскричалъ Сперверъ.

— Э, Гедонъ, ужъ пріѣхалъ?

Мари Лагутъ проворно освободила свой носъ, толстый дворецкій осушилъ стаканъ лива, всѣ обернулись въ нашу сторону.

— А что графу лучше?

— Гмъ, проворчалъ дворецкій, выпятивъ нижнюю губу,—гмъ!

— Что же, все такъ же?

— Почти, сказала Мари Лагутъ, не спуская съ меня глазъ.

Сперверъ это замѣтилъ.

— Представляю вамъ моего питомца: доктора Фрица изъ Шварцвальда, сказалъ онъ гордо.—Да, теперь здѣсь все измѣнится, дядя Тоби; теперь, когда Фрицъ пріѣхалъ, эта проклятая мигрень должна сгинуть. Если-бы меня раньше послушали... ну да лучше поздно, чѣмъ никогда!

Мари Лагутъ все смотрѣла на меня. Казалось, это наблюденіе удовлетворило ее, ибо она такимъ образомъ отнеслась къ дворецкому:

— Что же вы, Офенлохъ, повертывайтесь живѣе, подайте стулъ г. доктору. Что вы стоите, разинувши ротъ, точно карпъ. Ахъ, эти нѣмцы!

И добрая женщина, вскочивъ какъ на пружинѣ, подбѣжала и принялась снимать съ меня пальто.

— Позвольте, сударь!..

— Вы слишкомъ добры, благодарю васъ!

— Позвольте, позвольте... Вотъ погода!.. Ну ужъ сторонака!

— И такъ графу ни хуже ни лучше, началъ Сперверъ, стряхивая свой колпакъ, покрытый свѣгомъ;—мы, значитъ, во время явились. Эй, Касперъ, Касперъ!

Изъ-за каминна вышелъ низенькій человекъ, одно плечо у него было выше другого, лицо покрыто веснушками.

— Вотъ и я!

— Слушай, вели приготовить г. доктору комнату въ концѣ большой галереи, комнату Гуго... знаешь?

— Знаю, Сперверъ, сію минуту.

— Постой, по дорогѣ захвати чемоданъ доктора, тебѣ отдать его Кнапвурстъ. Что же касается до ужина...

— Будьте покойны, я обо всемъ позабочусь.

— Очень хорошо, я надѣюсь на тебя.

Низенькій человекъ вышелъ и Гедонъ, сбросивъ съ себя плащъ, пошелъ предупредить юную графиню о моемъ пріѣздѣ.

Я былъ по истинѣ смущенъ услужливостью Мари Лагутъ.

— Сойдите оттуда, Себальдъ, говорила она, обращаясь къ обергермейстеру;—вы довольно жарились сегодня съ самаго утра. Присядьте къ огню, докторъ, у васъ, должно быть, озябли ноги... Такъ, вотъ такъ...

Потомъ она подставила мнѣ табакерку.

— Не желаете-ли?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Напрасно, сказала она, набивая табаконъ свой носъ,—напрасно: большая это утѣха въ жизни.

Она спрятала табакерку въ карманъ своего передника и начала послѣ краткаго молчанія:

— Вы пріѣхали какъ разъ кстаті: у графа вчера былъ второй припадокъ, припадокъ ужасный, не такъ-ли Офенлохъ?

— Да, именно ужасный, замѣтилъ важно дворецкій.

— И это неудивительно, продолжала она,—когда человекъ ничего не ѣстъ; а вѣдь графъ капли въ ротъ не беретъ. Представьте себѣ, что онъ два дня даже бульону не кушалъ.

— И не выпилъ стакана вина, прибавилъ управитель, скрестивъ на брѣхѣ маленькія тучныя ручки.

Я счелъ долгомъ покачать головой, чтобы выразить мое удивленіе.

Тутъ Тоби Офенлохъ подбѣлъ ко мнѣ справа и сказалъ:

— Послушайте меня, докторъ, пропишите ему бутылку маркобрунера каждый день.

— И крылышко цыпленка за обѣдомъ, прервала Мари Лагутъ.—Онъ, бѣдный, такъ исхудалъ, что страшно на него смотрѣть.

— У насъ маркобрунеръ шестидесятилѣтній, продолжалъ дворецкій;—французъ не весь выпили, какъ увѣряетъ мадамъ Офенлохъ. Вы можете давать ему время отъ времени добрый стаканъ іоганисберга: ничто лучше этого вина не возстановляетъ человека.

— Въ прежнія времена, сказалъ обергермейстеръ,—его сіятельство приказывалъ устраивать по двѣ охоты въ недѣлю и былъ здоровъ; съ тѣхъ поръ какъ пересталъ охотиться, онъ постоянно болѣнъ.

— Это очень просто, замѣтила Мари Лагутъ,—воздухъ возбуждаетъ аппетитъ. Докторъ долженъ предписать ему три большія охоты въ недѣлю, чтобы наверстать потерянное время.

— Нѣтъ, довольно двухъ, важно замѣтилъ начальникъ охоты.—Надо же и собакамъ отдохнуть; собаки такіе-же божьи твари, какъ и люди.

Наступило молчаніе. Я слышалъ, какъ вѣтеръ билъ въ стекла и завывалъ съ мрачнымъ свистомъ въ бойницахъ. Себальдъ сложилъ ногу на ногу и, облокотясь на колѣни, уткнувъ лицо въ руку, смотрѣлъ на огонь съ невыразимой грустью. Мари Лагутъ, взявъ еще понюшку, укладывала табакъ въ табакерку, а я размышлялъ о странной слабости, которая увлекаетъ насъ: это страсть взаимныхъ совѣтовъ.

Въ это мгновеніе дворецкій всталъ.

— Вы, докторъ, конечно, выпьете стаканъ вина? спросилъ онъ, наклоняясь надъ спинкой моего кресла.

— Благодарю васъ, я никогда не пью раньше, чѣмъ взгляну на больного.

— Какъ, ни одной рюмочки?

— Ни одной рюмочки.

Онъ вытаращилъ глаза и съ изумленіемъ взглянулъ на жену.

— Докторъ правъ, замѣтила она,—я точно также: я люблю выпить при ѣдѣ, а послѣ обѣда рюмочку коньяку. Въ нашей сторонѣ дамы пьютъ коньякъ, это приличіе кирша!

Не успѣла Мари Лагутъ кончить этихъ объясненій, вошелъ Сперверъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ.

Я поклонился почтенной компаніи и когда выходилъ въ коридоръ, то слышалъ, какъ жена дворецкаго говорила мужу:

— Онъ очень милъ, изъ него бы вышелъ славный стрѣлокъ!

Сперверъ, казалось, былъ въ тревогѣ, мною тоже овладѣло раздумье. Нѣсколько шаговъ подъ мрачными сводами Нидека совершенно изгнали изъ головы смѣшныя фигуры Тоби и Мари Лагутъ: бѣдняга безобидныя созданія жили, какъ пташки подъ могучимъ крыломъ коршуна.

Вскорѣ Гедонъ ввелъ меня въ великолѣпный покой, обитый лиловымъ бархатомъ съ золотымъ наметомъ. Комната слабо освѣщалась бронзовой лампой, поставленной на краю каминна и прикрытой тусклымъ колпакомъ. Толстые ковры заглушали наши шаги: то было по истинѣ убѣжище тишины и мечтательности. Войдя, Сперверъ отдернулъ тяжелую занавѣсъ, висящую на стрѣльчатомъ сводѣ окна. Я видѣлъ, какъ онъ всматривался въ даль и понималъ его мысль: онъ высматривалъ колдунью: не сидитъ-ли все еще она на свѣгу въ долині, но онъ ничего не видалъ, потому что ночь была очень мрачна.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я различилъ при блѣдномъ свѣтѣ лампы бѣлое, нѣжное созданіе, сидящее въ готическихъ креслахъ у кровати больного: то была графиня Одиль Нидекъ. Ея длинное черное шелковое платье, ея задумчивая и, такъ сказать, покорная поза, совершенное изящество ея чертъ, напоминали мистическія созданія среднихъ вѣковъ. Что зашевелилось въ

моей души при видѣ этой бѣлой статуи? Не знаю. Въ моемъ возбужденіи было что-то религиозное. Она пробудила во мнѣ воспоминаніе о старыхъ баладахъ моего ранняго дѣтства и напоминала духовные гимны добрыхъ кормилицъ Шварцвальда, которые онѣ напѣваютъ, чтобы утѣшить насъ въ нашихъ первыхъ горестяхъ.

При моемъ приближеніи Одиль встала.

— Милости просимъ, докторъ, сказала она мнѣ съ трогательной простотой; потомъ, указавъ мнѣ рукой на альковъ, гдѣ лежалъ графъ, она прибавила:— Отецъ мой здѣсь.

Я поклонился и, не отвѣчая ни слова, такъ я былъ тронутъ, подошелъ къ постели больного.

Сперверъ стоялъ въ головахъ и въ одной рукѣ держалъ лампу, въ другой свою мѣховую шапку. Одиль стояла съ лѣвой стороны. Свѣтъ, умѣряемый матовымъ колпакомъ, слабо освѣщалъ лицо графа. Съ перваго взгляда я былъ пораженъ страннымъ лицомъ графа Нидека и, не смотря на все почтительное очарованіе, внушаемое мнѣ его дочерью, я не могъ не подумать: «Вотъ старый волкъ!»

Дѣйствительно, эта сѣдая голова, съ короткими волосами, страшно выпуклая за ушами, была необыкновенно вытянута; лобъ суживался къ верху и расширялся надъ глазами; устройство рѣсницъ, падающихъ къ переносью, неполнѣй прикрывало тусклые, холодные глаза; костлявыя челюсти обрамляла короткая густая борода. Все въ этомъ человѣкѣ пугало меня и мнѣ быстро вспомнились странныя мысли по поводу животнаго сходства. Я побѣдилъ свое волненіе и взялъ руку больного: она была суха и дрожала; рука была маленькая и твердая. Съ медицинской точностью я пощупалъ пульсъ, онъ бился быстро, нервно и усиленно, почти до того, какъ это бываетъ въ состояніи столбняка. Что тутъ дѣлать? Я задумался. Съ одной стороны молодая, тоскующая графиня, съ другой Сперверъ, желающій отгадать мои мысли, внимательно слѣдящій за всѣми моими движеніями,—все это ставило меня въ тягостное положеніе. Однако въ состояніи графа я не нашелъ ничего опаснаго. Я выпустилъ руку и прислушался къ его дыханію. Время отъ времени грудь больного приподнималась какъ бы отъ рыданія, потомъ дыханіе ускорялось и онъ почти задыхался. Очевидно, этого человѣка душилъ кошмаръ: падучая у него или столбнякъ? Это, положимъ, все равно, но причина болѣзни, причина ускользала отъ меня, а ее-то мнѣ и надо было узнать.

Я задумчиво обернулся.

— Чего намъ ждать, докторъ? спросила меня молодая дѣвушка.

— Вчерашній припадокъ проходить, сказалъ я, дѣло теперь въ томъ, чтобы предупредить другой.

— Возможно-ли это, докторъ?

Я хотѣлъ отвѣтить общими мѣстами, не смѣя выразиться опредѣленно, какъ вдругъ слухъ мой былъ пораженъ отдаленнымъ звономъ нидекскаго колокола.

— Гости, сказалъ Сперверъ.

Мы на минуту замолчали.

— Ступайте, сказала Одиль и ея лобъ слегка нахмурился.—Боже мой, какъ трудно исполнять обязанности гостепріимства при подобныхъ обстоятельствахъ! Просто невыносимо!

Почти тотчасъ отворилась дверь и въ тѣни мелькнула бѣлокурая головка, проговоривъ тихо:

— Г. баронъ Цимеръ-Блудерикъ съ берейторомъ просятъ пріюта въ Нидекѣ, они заблудились въ горахъ.

— Хорошо, Гретхенъ, отвѣчала кротко моло-

дая графиня.—Скажите дворецкому, чтобы онъ принялъ барона Цимера. Пусть онъ передастъ ему, что графъ боленъ и что только это не позволяетъ ему лично принять барона. Пусть разбудятъ слугъ и устроятъ все прилично.

Трудно выразить благородную простоту юной владѣлицы замка, когда она отдавала эти приказанія. Если порядочность наследственна въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ, то это потому, что исполненіе обязанностей, налагаемыхъ извѣстнымъ положеніемъ, возвышаетъ душу. Эти мысли пришли мнѣ на умъ, когда я любовался граціей, мягкостью взоровъ, порядочностью Одиль Нидекъ, ея профилемъ рѣдкой чистоты линий, что, по большей части, встрѣчается только въ высшихъ сферахъ, и я напрасно стремился сравнить ее съ чѣмъ-то мнѣ знакомымъ по воспоминаніямъ.

— Ступайте, Гретхенъ, сказала графиня, — поторонитесь.

— Слушаю.

(Къ роману «Волкъ».) То была графиня Одиль де-Нидекъ.

Служанка вышла и я еще нѣсколько времени находился подъ обаяніемъ моихъ ощущеній. Одиль повернулась.

— Видите, докторъ, замѣтила она съ грустной улыбкой,—нельзя предаваться горести; нужно безпрестанно отвлекаться своими обязанностями къ свѣту.

— Это правда, графиня, отвѣчалъ я,—избранныя души принадлежатъ всѣмъ несчастнымъ и заблудившимся путникамъ, больному и бѣдному, каждый имѣетъ право требовать на свою долю ихъ участіе, потому что Богъ создалъ ихъ, какъ звѣзды, для всеобщаго счастья!

Одиль опустила длинныя рѣсницы и Сперверъ тихо пожалъ мнѣ руку. Черезъ минуту она сказала:

— Ахъ, докторъ, если бы вы вытѣчили моего отца?

— Какъ я уже имѣлъ честь вамъ замѣтить, графиня, припадокъ кончился. Надо предупредить, чтобы онъ не возвратился.

— Надѣетесь-ли вы достигнуть этого?

— Съ Божьей помощью, безъ сомнѣнія, это не невозможно. Я подумаю объ этомъ.

Одиль, глубоко тронутая, проводила меня до дверей. Мы съ Сперверомъ прошли по прихожей, гдѣ сидѣло нѣсколько слугъ, ожидая приказаній ихъ госпожи. Мы уже вошли въ коридоръ, какъ вдругъ Гедеонъ обернулся и положилъ мнѣ на плечи обѣ руки:

— Ну, Фрицъ, сказалъ онъ, пронизывая меня глазами,—я мужчина и ты можешь мнѣ все сказать: что ты думаешь?

— На сегодняшнюю ночь нечего бояться.

— Да, я это знаю, ты говорилъ графинѣ, по завтра?

— Завтра?

— Да, не отворачивайся. Подумать только, что ты не можешь отвратить припадка! Скажи мнѣ, Фрицъ, откровенно, умретъ онъ?

— Все можетъ случиться, но я этого не думаю.

— Эге! вскричалъ добрякъ, прискакнувъ отъ радости,—если ты не думаешь, значитъ, ты увѣренъ!

И, взявъ меня подъ руку, онъ увлекъ меня въ галерею. Едва вошли туда, мы встрѣтили барона Цимеръ-Блудерика съ его берейторомъ; впереди шелъ Себальдъ съ зажженнымъ факеломъ. Они шли въ назначенныя для нихъ комнаты. Было что-то чужестранное въ этихъ двухъ личностяхъ, съ накинутыми на плечи плащами, въ мягкихъ сапогахъ до колѣнъ, въ камзолахъ зеленого цвѣта со шнурами, въ медвѣжьихъ шапкахъ, надвинутыхъ на глаза, и съ охотничьими ножами за поясомъ; особенно странны казались они при бѣловатомъ блескѣ смолы.

— Ну, если я не ошибаюсь, сказалъ Сперверъ,—это наши молодцы изъ Фрибурга. Они слѣдовали за нами по пятамъ.

— Ты не ошибаешься: это они. Я узналъ молодого по его стройному росту, у него орлиный профиль и онъ носитъ усы à la Валленштейнъ.

Они исчезли въ боковомъ проходѣ. Гедеонъ снялъ со стѣны факель и повелъ меня по лабиринту коридоровъ, переходовъ, сводовъ, узкихъ и низкихъ, створчатыхъ и полукруглыхъ, просто безъ конца.

— Вотъ зала маркиграфовъ, говорилъ онъ,—вотъ портретная, вотъ капела, гдѣ не служили со времени Людовика Лысаго; онъ перешелъ въ протестанство. Вотъ оружейная.

Все это меня мало интересовало. Когда мы добрались до верху, намъ пришлось опять спускаться. Наконецъ, благодаря Создателя, мы пришли къ маленькой тяжелой двери. Сперверъ вытащилъ изъ бармана громадный ключъ и передалъ мнѣ факель:

— Берегись, не спали себя, сказалъ онъ.—Вниманіе!

Тутъ онъ толкнулъ дверь и въ коридоръ ворвался холодный вѣшній воздухъ. Пламя заколебалось, бросая всюду искры. Я подумалъ, что тамъ оврагъ и отодвинулся съ ужасомъ.

— А, а! вскричалъ добѣззачій, смѣясь до ушей.—Ты, кажется, боишься, Фрицъ. Подойди же, не пугайся... Мы на парпетѣ, который ведетъ изъ замка къ старой башнѣ.

Онъ вышелъ, чтобы показать мнѣ примѣръ. Снѣгъ заметалъ эту площадку съ гранитной рѣшеткой; вѣтеръ страшно свисталъ. Кто съ долины видѣлъ нашъ колеблющійся факель, могъ подумать: «Что они тамъ дѣлаютъ въ облакахъ? Къ чему они тамъ ходятъ въ эти часы?»

«Старая вѣдьма, можетъ быть, смотритъ на насъ», подумалъ я и эта мысль не придавала мнѣ мужества. Я закутался въ плащъ и, придерживая шляпу, бросился за Сперверомъ; онъ высоко дер-

жалъ факель, чтобы освѣтить дорогу и быстро шель впередъ.

Мы проворно вошли въ башню, потомъ въ комнату Гуго. Яркое пламя освѣтило насъ своими веселыми колебаніями: какое счастье быть подъ защитой этихъ толстыхъ стѣнъ.

Я вошелъ и пока Сперверъ заперъ дверь, я разсматривалъ это старинное зданіе.

— Слава Богу, вскричалъ я, — наконецъ-то мы отдохнемъ.

— Да и поужинаемъ, прибавилъ Геденъ. — Взгляни лучше сюда, чѣмъ звать по сторонамъ: вотъ дикая коза, рябчики, щука, вотъ бѣлое мясо съ петрушкой. Холодное мясо и теплое вино, вотъ это по моему. Я доволенъ Касперомъ; онъ понималъ мои желанія.

Геденъ былъ правъ: передъ каминомъ дѣйствительно стоялъ рядъ бутылокъ. При видѣ такого ужина, я почувствовалъ волчій голодъ; но Сперверъ, который былъ большимъ лакомкой, сказалъ мнѣ:

— Фрицъ, не будемъ спѣшить, у насъ времени довольно; дичь не улетитъ. Во-первыхъ, тебя стѣсняють сапоги, когда проведешь восемь часовъ, не слѣзая съ лошади, пріятно переобуться; это мое правило. Ну-ка, садись, протяни мнѣ ногу, вотъ, готово, теперь другую... ну, вотъ такъ... теперь надѣнь эти башмаки, сними свои рейтузы и накинь на себя этотъ плащъ. Ну вотъ, слава Богу!

Онъ тоже переодѣлся, потомъ громко вскричалъ:

— Теперь, Фрицъ, за столъ! Примемся за работу, а главное помни старую нѣмецкую пословицу: «если дьяволъ возбудилъ жажду, то милосердный Богъ создалъ вино!»
(Продолженіе слѣдуетъ.)

Шарль Демальи.

Романъ Эдмона и Жюль Гоннуръ.
Переводъ Н. Лѣтнева.

(Продолженіе.)

VII.

Марта, какъ актриса, получала шесть тысячъ франковъ жалованья; но ихъ брала ея мать и выдавала дочери, за исключеніемъ довольно плохого туалета, бездѣлицы, какъ дѣтямъ. Для Шарля было большимъ счастьемъ извлечь Марту изъ нищеты, окружить ее довольствомъ, осыпать маленькими сюрпризами, тихонько класть въ ея кошелекъ новенькіе лундоры. Его забавляла ея экономія и финансовые расчеты, онъ разстроивалъ ея бюджетъ, смѣшивалъ приходъ съ расходомъ, пряталъ у нея деньги и опять возвращалъ, находя безконечное удовольствіе слушать ея выговоры въ мотовствѣ и нерасчетливости. Посреди этихъ дѣтскихъ забавъ Шарлю принесли изъ магазина счетъ его жены, по которому оказывалось, что она истратила весь его доходъ за цѣлый мѣсяцъ.

— Милая, сказалъ Шарль, взглянувъ на итогъ: — впередъ надо быть благоразумнѣе...

— Но, другъ мой, у меня были только зимнія платья... и ни одного для осени... Мое зеленое платье совсѣмъ износилось, ты знаешь, а другія...

— Мнѣ не нужно знать счетъ твоихъ платьевъ, милая; я тебѣ ничего не говорю... я тебя не браню... Но тебѣ извѣстны наши доходы... Я знаю, что ты тратишь не для того, чтобы тратить...

— Я отошлю платье, отвѣчала Марта, надувшись.

VIII.

Въ одно утро Марта не пришла по обыкновенію въ кабинетъ Шарля и онъ пошелъ посмотреть, что съ нею. Онъ нашелъ ее сидящую

на постели, заваленною грудой газетъ и журналовъ. При входѣ Шарля Марта спрятала отъ него листокъ журнала. Онъ подошелъ, хотѣлъ взять, она не дала, говоря, что хочетъ читать сама.

— Признайся, сказалъ Шарль, — что ты не хочешь, чтобы я его читалъ...

— Я? нѣтъ... о, нѣтъ! отвѣчала Марта въ смущеніи, не выпуская листка.

— Ба! вскричалъ Шарль: — держу пари, что это какая-нибудь статья противъ меня, не такъ-ли? Марта кивнула головой.

— Чортъ возьми! сказалъ Шарль, завладѣвая журналомъ: — три столбца и подписано Робино, Старый знакомый! Мы были съ нимъ сотрудниками въ одномъ журналѣ... Это общасть... первыя строки хороши...

И онъ принялся за чтеніе.

— Ахъ, несчастный! вскричалъ онъ, кончивъ: — у него нѣтъ даже литературныхъ убѣжденій! — Въ глазахъ Шарля измѣна политиче-

скаго рода извѣстностью, о которой я и не подозрѣвалъ. И знаешь-ли, какое горе? У меня такими статьями полонъ только одинъ ящикъ, но когда ихъ наберется цѣлый комодъ, всѣ четыре ящика... о! тогда...

— Во всякомъ случаѣ это очень неприятно...

— Неужели ты воображала, что путь къ славѣ устланъ лебяжьимъ пухомъ?

— Говори, что хочешь, но по моему это обидно.

Но Шарль видѣлъ съ горечью, что она страдала не за него, какъ женщина любящая, но какъ женщина, посящая его имя, — она была оскорблена въ своемъ самолюбіи. Какъ бы прочитавъ эту мысль въ его глазахъ, Марта сказала вдругъ, обнявъ его за голову:

— Ахъ, какъ я глупа! Ты не сердись... тѣмъ лучше! Стоить-ли обращать на это вниманіе!

IX.

— Да, я нахожу, что твоя пьеса очень хороша, но...

— Но что же?

— Ты никогда не писалъ театральныхъ пьесъ. Отчего бы тебѣ не взять сотрудника? Напримѣръ, Вуденэ... Онъ находитъ, что у тебя большой талантъ.

Это было двѣ недѣли спустя послѣ статьи Робино. Статья созрѣла въ головѣ Марты и принесла плоды. Журнальные статьи не только наносятъ рану самолюбію, онѣ подрываютъ вѣру и сѣютъ зерно сомнѣнія. Шарль и Марта сидѣли у погасившаго камина. Слова Марты какъ будто разбудили Шарля, мѣшавшаго уголья.

— Сотрудника? Вуденэ?

Онъ выронилъ щипцы.

— Но, милая... взглянувъ на нее, онъ не сказалъ того, что хотѣлъ сказать, и только поднялъ щипцы, не отвѣчая.

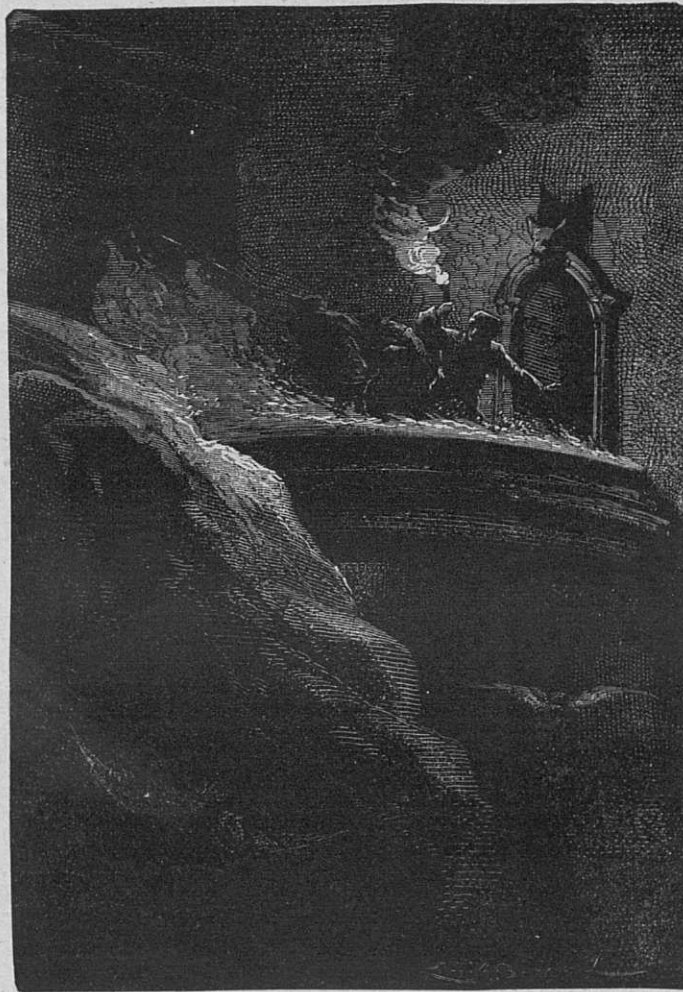
Представьте себѣ, что человекъ написалъ или мечтаетъ, что написалъ нѣчто новое, тонкое, прочувствованное, условилъ неизвѣстный уголокъ человѣческаго сердца, легкій капризъ ума, дуновение страсти, пѣснь полную молодости; однимъ словомъ, вызвалъ цѣлый міръ, обстановку этого міра и населилъ ее своими фантазіями. Онъ заставилъ говорить и дѣйствовать свою фантазію; онъ выносилъ это произведеніе, взростилъ, взлелѣялъ его, отдалъ ему свою душу, свои дни и ночи... И вдругъ ему говорятъ: возьмите вотъ этого господина себѣ въ сотрудники. Онъ подпишетъ свое имя на ряду съ вашимъ, подѣлитъ ваше произведеніе; онъ возьметъ себѣ половину вашего успѣха и вашей славы

И для этого онъ раскроетъ вашу рукопись и также равнодушно, какъ стряхиваютъ пыль, выброситъ изъ вашего произведенія все, что было полно жизни, блеска и трепета... Это очень хорошо... но публика, любезный другъ, понимаете-ли, публика? — отвѣтитъ онъ на всѣ ваши возраженія. Онъ растян timer вашу улыбку въ смѣхъ, проведетъ рѣзкую черту тамъ, гдѣ сдѣланъ только абрисъ, усилитъ и подчеркнетъ то, на что наброшенъ покровъ, — однимъ словомъ, онъ распорядится по своему міромъ вашихъ идей, перевернетъ его вверхъ дномъ и приделаетъ пошлую развязку, замѣнивъ ваши слова словами, къ которымъ онъ приучилъ публику. Сдѣлавъ все это, онъ скажетъ, поправляя свой галстукъ: — Вотъ какъ надо! Теперь кончено... Я бы и Шекспира передѣлалъ для сцены!

Все это сказалося Шарлю въ словахъ Марты.

— Ну, возразила Марта, ожидавшая отвѣта.

— Ахъ, извини... я думалъ, что я уже отвѣчалъ... Да, Вуденэ... Послушай, не будемъ говорить объ этомъ...

(Къ роману «Волкъ».) Мы проворно вошли въ башню.

скимъ и религіознымъ убѣжденіямъ была ничто въ сравненіи съ литературнымъ отступничествомъ. — Я не только не сержусь, мнѣ даже забавно...

— Какъ ты можешь принимать это такъ хладнокровно? Я не понимаю... сказала Марта, драматично пожимая плечами.

— Ахъ, бѣдняжка! еслибъ ты вынесла столько нападокъ, какъ я, ты бы также философски смотрѣла на это.

— И ты не отвѣтишь?

— И я не отвѣчу. На это одинъ отвѣтъ: два секундантъ; но признаюсь, мнѣ кажется довольно смѣшнымъ доказывать свой талантъ, поставивъ противника у барьера. У меня тоже есть гордость, милая. Выслушай: въ нашей профессіи, если у литератора нѣтъ враговъ, если на него не нападаютъ, не оскорбляютъ и не насмѣхаются... значитъ, онъ никуда не годится, я бы не желалъ быть на его мѣстѣ. А между тѣмъ я много вынесъ, но это все прошло не даромъ. Вотъ эта статья доказываетъ, что я пользуюсь

— Но, мой милый, я слышала отъ всѣхъ, что Вуденэ считается преемникомъ Скриба.

— Скрибъ не умретъ...

— Если бъ Вуденэ только согласился!

— Я тебѣ говорю, что не хочу сотрудника. Я рѣшилъ: или моя пьеса пойдетъ отъ одного моего имени, или совсѣмъ не пойдетъ.

Наступило молчаніе.

— Что ты читаешь, Марта?

— Поль-де-Кока... *L'homme aux trois culottes*... Видно, что это придуманная исторія, но есть и правда — это чувствуется. Это очень интересно и такъ хорошо сгруппировано. Онъ умѣетъ группировать. Представь себѣ: молодой сочинитель, у него старуха мать; такая славная старуха... банкиръ, на котораго доносить его привратникъ. Однимъ словомъ, цѣлая интрига, столько смѣшныхъ сценъ! Это происходитъ во время революціи... Можетъ быть, тутъ нѣтъ исторической вѣрности, какъ ты говоришь... но это ничего не значить... Я лучше понимаю революцію изъ романовъ, нежели изъ историческихъ книгъ.

— А! сказалъ Шарль, въ первый разъ ясно понявшій, какого рода понятія были у его жены.

Съ досады онъ проглотилъ краску съ кисточки, которою разрисовывалъ акварель.

— Какъ это мило то, что ты рисуешь! сказала Марта:—У меня маленькой была большая способность къ рисованью, артистическій вкусъ. Я рисовала небольшія фигуры, пейзажи. Жаль, что меня не учили... и потомъ перспектива — меня останавливала перспектива! У меня былъ дядя, большой любитель до рисованья; онъ рисовалъ небольшіе портреты, профили, прелестные, до того похожіе и все это такъ... между дѣломъ... Всѣ знакомые просили у него своихъ портретовъ. Ну, онъ увидалъ, какъ я рисую, и такъ какъ онъ очень любилъ мою мать... удивительно какъ у насъ въ семьѣ всѣ живутъ согласно — братья, сестры, зятья, невѣстки, до того дружны, такъ любятъ другъ друга, ты не повѣришь! Дядя хотѣлъ, чтобъ меня учили рисованью, и моя крестная мать тоже, мадамъ Стейнгосъ, жена банкира, у которой я воспитывалась вмѣстѣ съ ея дочерью. Она велѣла слугамъ слушаться меня наравнѣ съ Элизой. Я была съ ней очень дружна, съ Элизой.

Шарль, нахмуривъ брови, пробовалъ углубиться въ рисованье.

— Ахъ да, кетати! безжалостно продолжала Марта:—ты не видалъ, какъ Вуденэ отдѣлалъ свою гостиную? Онъ зарабатываетъ столько денегъ. Въ нынѣшнемъ году онъ получилъ, по крайней мѣрѣ, около тридцати тысячъ франковъ. И знаешь, обои изъ серизовато бархата съ золотыми украшеніями...

— Ну да, нѣчто въ родѣ пріемной американскаго дантиста, купленной съ аукціона.

— Вотъ ты всегда такъ! Ты любишь только дрянъ и старину. Ты считаешь, что у женщинъ нѣтъ вкуса,—я это знаю...

— Послушай, сказалъ Шарль:—мы оба свободны сегодня: не съѣздить-ли намъ въ деревню.

— О! деревня...

— Ты не любишь деревни?

— Нѣтъ... не знаю... Я бы любила, еслибы была богата, еслибы у меня былъ замокъ... Потомъ я такъ люблю животныхъ, куръ, коровъ, барановъ. И притомъ можно бы дѣлать добро. У меня была бы аптека для крестьянъ, я бы навѣщала больныхъ, все такъ мирно, спокойно... вотъ какъ я понимаю деревню! О, я не позволила бы разорить ни одного ласточьяго гнѣзда; я такъ люблю ласточекъ! У моей крестной матери подъ крышей было множество гнѣздъ и, знаешь-ли, я иногда по цѣлымъ днямъ смотрѣла, какъ птица съ дерева сзываетъ дѣтей и когда одинъ изъ птенчиковъ полетитъ, она его поддер-

живааетъ крыломъ, выпустить, опять схватить и перетаскать въ гнѣздо. Я много читала трогательныхъ исторій о ласточкахъ и о другихъ птицахъ тоже... но не такъ, какъ о ласточкахъ...

Въ первый разъ послѣ своей женитьбы Шарль съ трудомъ сдерживалъ себя: такъ фальшивъ ему казался пошлый тонъ его жены.

— Ты не читалъ сегодняшняго журнала? продолжала Марта:—меня очень тамъ заинтересовало описаніе богадѣлни въ деревнѣ, куда принимаютъ немущихъ калѣкъ, больныхъ и стариковъ. Какія бываютъ прекрасныя натуры! Сколько самопожертвованія! Дѣлать добро въ тайнѣ, въ глуши, въ деревнѣ... Это меня такъ тронуло, ты не повѣришь. Я плакала, какъ ребенокъ, знаешь, такими хорошими слезами, послѣ которыхъ чувствуешь себя такъ легко!

— Ты не очень скучала вчера? прервалъ ее Шарль отрывисто.

— У твоихъ знакомыхъ? Ахъ, нѣтъ! они такіе славные люди. Только маленькая у нихъ пренесносная! какъ можно такъ воспитывать ребенка!... Да еще замѣтилъ ты, соусъ-то? Какъ не удалась приправа къ горошку!

Наканунѣ Шарль возилъ Марту обѣдать къ своимъ старымъ знакомымъ, очень бѣдному семейству, которое не знало, какъ бы хорошенъко угостить госпожу Демальи. Эти добрые люди ничего не жалѣли, чтобъ сдѣлать ей радужный пріемъ, а она, выказавшая такое соотраданіе къ ласточкамъ и неизвѣстнымъ ей больнымъ, не нашла сказать ничего въ пользу ихъ гостепріимства; она вынесла только одно впечатлѣніе изъ этого дружескаго посѣщенія, запомнила только одну вещь: неудавшуюся приправу къ горошку.

X.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни Шарль началъ изслѣдовать умъ и душу своей жены. Марта, ничего не подозрѣвая, выдавала себя съ той развязностью и болтливостью, которыя пріобрѣтаются женщинами, живущими въ довольствѣ. Притомъ Шарль вывѣдывалъ искусно, останавливая ее только тогда, когда она слишкомъ заставляла его страдать и съ трудомъ удерживать маску равнодушія на лицѣ. Его поразило то, что онъ открылъ; ему стало стыдно, что онъ могъ быть такъ обманутъ ложною сентиментальностью, кукольной личностью, ничтожествомъ этого созданія, въ мозгу котораго не было ни одной идеи, и изъ глубины своего разочарованія онъ измѣрился, до какого ослѣпленія можетъ дойти человекъ влюбленный.

Разъ страданіе и гнѣвъ были такъ сильны, что даже кровь бросилась ему въ лицо. Марта не замѣчала ничего. Ея болтовня лилась однообразнымъ, непрерывнымъ потокомъ. Шарль всталъ и взялся за шляпу.

— Какъ, ты уходишь? Но вѣдь идетъ дождь. сказала удивленная Марта.

— Извини, пожалуйста... мнѣ назначено свиданіе, о которомъ я забылъ.

— Ступай, сказала Марта, подставляя ему лобъ.

Тутъ только Шарль вспомнилъ, что надо поцѣловать ее, и, исполнивъ эту обязанность, убѣжалъ въ прихожую, машинально взявъ зонтикъ и захлопнувъ дверь, не дослушавъ гигиеническихъ предостереженій, которыми преслѣдовалъ его голосъ Марты изъ гостиной. Шагая черезъ двѣ ступени, онъ сбѣжалъ съ лѣстницы и очутился на улицѣ съ зонтикомъ подъ мышкой. Шелъ проливной дождь.

— Это правда, сказалъ онъ, пройдя нѣсколько шаговъ:—она мнѣ говорила, что идетъ дождь.

Онъ вошелъ въ пассажъ, полный проходящими, застигнутыми дождемъ, и принялся ходить изъ конца въ конецъ.

— Что за ребячество! думалъ онъ:—надо быть спокойнѣе... Я создаю себѣ какихъ-то чудовищъ! Что такое со мной случилось въ концѣ концовъ?

Надо видѣть вещи, какъ онѣ есть! У меня просто нервы разстроены и я придираюсь, чтобъ сорвать ихъ на комъ-нибудь. Просто все дѣло въ томъ, что ей не нравится моя пьеса. Съ тѣхъ поръ, какъ мужа пишутъ, а жены ихъ читаютъ,—это не первый примѣръ. И притомъ она ждетъ результата; ей нуженъ мой успѣхъ. И выходитъ, что я считаю ее глупою потому только, что она не признаетъ меня за генія. Я безумецъ! Смѣшно позволять самолюбію брать верхъ надъ любовью.

Шарль повторялъ себѣ эти фразы тысячу разъ, чтобъ заглушить тотъ внутренній голосъ, который раздавался помимо всего этого. На минуту ему удалось успокоиться этими софизмами, скрывавшими отъ него ужасную истину, какъ вдругъ, ударивъ зонтикомъ по вымощеннымъ плитамъ, онъ вскричалъ:

— Все это низость, обманъ! Я стараюсь обмануть себя, какъ ребенокъ! Дѣло совсѣмъ не въ моемъ талантѣ и не въ моей пьесѣ. Какая въ нихъ нужда?.. Дѣло въ томъ, что моя жизнь связана навсегда съ олицетвореннымъ ничтожествомъ, съ женщиной безъ души, слѣпой и глухой ко всему прекрасному, съ умомъ фальшивымъ и пустымъ, какъ пробка... Вотъ въ чемъ дѣло! Вотъ уже мѣсяць, какъ я заставляю ее говорить и думать,—я разоблачилъ ее нравственно сверху до низу! И что же вышло въ результатъ?.. Женщина, годная быть только довольно сносною любовницей! И при всемъ этомъ она вѣчно сохраняетъ вкусы и слова, отъ которыхъ меня коробитъ! Вуденэ... вотъ кого ей нужно!.. вотъ подходящий къ ней человекъ!.. Да! какъ ни думай, а жена моя положительно глупа.

И Шарль улыбнулся горькой улыбкой, поднявъ зонтикъ вверхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Этюды изъ жизни въ среднеазіатскихъ пустыняхъ.

Н. Н. Каразина.

(Продолженіе.)

I.

Джюра и Наурусъ, братья «кудукчи».

Братья Наурусъ и Джюра были не то, что совсѣмъ уже старики, да и не то, чтобы молодыми могли назваться. Ни тотъ, ни другой сами не могли бы даже приблизительно опредѣлить свой возрастъ. Всю жизнь они таскались по степи, отъ колодца къ колодцу; рѣдко когда къ жилимъ мѣстамъ, на окраины кызылъ-кумскихъ песковъ выходить доводилось. Когда еще ребятами были, тогда тоже дѣлали, только не одни, а при другихъ двухъ,—старыхъ. Кто эти старые имъ доводились тоже аллахъ вѣдаетъ. Наурусъ и Джюра не помнили. Одинъ старый, давно уже это было, замерзъ зимою во время бурана, занесло его снѣгомъ, такъ стинулъ; нашли уже весною въ верстѣ отъ колодца въ «Таджи-казгана» и то случайно набрали. Другой старый тоже давно померъ отъ болѣзни какой-то. Крючико его крючило, трясло, трясло... солнце палить жарко, а ему все холодно казалось, все въ горячій песокъ зарывался, такъ и померъ въ песокъ, и наслѣдство Джюрѣ съ Наурусомъ оставилъ: два ведра кожаныхъ съ распорками, двѣ веревки,—одну старую, гнилую совсѣмъ, а другую хорошую, новую, крѣпкую такую, ножикъ оставилъ еще съ поясомъ вмѣстѣ, кетмень чугунный, кошму сбрую, чашку большую деревянную, съ одного бока надколотую, и котелокъ желѣзный; да еще къ тому же ишака чернаго съ подпалынами, плоховатаго ишачишку, хромого на заднюю ногу, а ничего,—могла еще возить, скотинка...

Разбогатѣли братья, завладѣвъ такимъ наслѣдствомъ, да по наслѣдству же и при дѣлѣ томъ же остались.

Когда имъ, до прихода сюда русскихъ, доводилось бывать въ шураханыхъ или въ Чимбафъ городѣ, тамъ имъ на казенный дворъ къ беку былъ доступъ. Придутъ—имъ вѣсть дадутъ, иной разъ халатъ старый подарятъ... Называли ихъ тамъ «уста»—мастерами колодезными «жудукчи». Такъ они и сами о себѣ думали. Впрочемъ, за колодцами они мало-мало приглядывали, изрѣдка въ нутро лазили; разъ даже въ «жукчахъ» волчицу дохлую изъ колодца вытащили... И какъ только она туда попала? Былъ разъ случай, что даже новый колодезь рыть принимались, чуть было даже до воды не дорылись, уже сочтись стало по бокамъ сквозь зеленую глину, да обвалилась тогда ихъ работа и едва-едва не погибъ Джюра на днѣ этой имъ же вырытой для себя могилы. Выкарабкался онъ таки на свѣтъ божій, только съ тѣхъ поръ у него плечо одно стало сохнуть и рука въ локтѣ разгибаться не ладно начала.

По привычкѣ въ бековскій дворъ въ Чимбафъ навѣдываться изрѣдка, они разъ какъ-то туда и направились. Приходятъ... что за диковинка? Мѣсто тоже, только люди другіе. Стоять у воротъ сарбазы (солдаты) съ ружьями, въ бѣлыхъ шапкахъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, такіе, какъ въ Казалинскѣ прежде были, только русскіе, значить, и начальство все русское... Усатый тюра какой-то, голосъ словно въ трубу трубить, куда страшнѣй прошлаго бека. Тотъ больше все дремалъ подъ навѣсомъ, и разговаривалъ все какъ-то, словно во снѣ бредилъ; изъ себя сановитый былъ, толстый, а этотъ куда притче! Этотъ, новый, все самъ обѣщаетъ, все самъ оглядывать, самъ и кулакомъ кого пожалуетъ, и выругается самъ же. Этотъ не лѣнивый! А вѣдь ничего, сначала только страшный, а потомъ, какъ оглядѣлись братья,—такъ добрымъ даже показаться... Накормить велѣлъ, спросилъ обо всемъ, что и какъ, и назадъ въ степь прогналъ; сказали имъ, чтобы они—того! дѣло свое дѣлали строго и поглядывали, а ежели что, такъ у него это живо... не то что по старому... разъ два и готово!..

Долго послѣ этого соображали братья таинственный смыслъ и значеніе этой инструкціи, всю дорогу отъ Чимбая до Донъ-Казгана, раздумывали и порѣшили на томъ, чтобы на всякій случай изъ степи носъ свой на жилия мѣста высовывать какъ можно порѣже.

Привыкли они къ этой собачьей, бродячей жизни въ пустынѣ, да другого съ дѣтства не знали... Впроголодь, впрохолодь, они бы не только образъ свой человѣческій и языкъ бы утратили, когда бы не изрѣдка проходящіе пустынями караваны купеческіе да проѣздъ случайный.

Этими караванами больше и кормились братья кудукчи. Кто къ котлу своему подпуститъ, то и ладно.

Братья-ли они были на самомъ дѣлѣ, того не знали, другіе ихъ такъ называли, ну и ладно! Только сходства родственнаго между ними и тѣни не было. Матери своей тоже не знали, да и вообще о женщинахъ представленіе имѣли самое смутное. Не по достатку имъ была эта роскошь.

Сжились они съ пустыней, свыклись со всею ея невзгодами, знали ее вдоль и поперекъ, знали каждый кусточекъ, каждый барханъ, каждую балочку. Куда хочешь приведи ихъ съ завязанными глазами, оглядятся только и найдутъ дорогу. Знали они всякую живую тварь, что въ степи водилась, знали, какой вѣтеръ когда и откуда дуетъ, знали все погодные и непогодные признаки. Знали и то, что не всякому знатъ приходится. Они знали всехъ духовъ, и злыхъ, и добрыхъ, что степь сторожатъ; знали, чѣмъ прогнѣвить можно котораго, чѣмъ умиловить.

Они ихъ всехъ по голосамъ въ завываніяхъ вѣтра узнавали, въ свистѣ смерчей песчаныхъ, въ шелестѣ кустовъ, въ подземномъ гулѣ, глухомъ, что иногда изъ колодезевъ слышится. Они знали вѣдь и тѣхъ духовъ, что подъ землею, какой въ какомъ колодезѣ живетъ. Они умиловляли однихъ тѣмъ, что клочки своей одежды собственной развѣшивали на видномъ мѣстѣ, на высокихъ саксаулинахъ, другихъ тѣмъ, что, прежде чѣмъ начать свою работу, окликали колодезную дыру, благословенія оттуда спрашивали и кусочки сухого помета отъ бѣлой верблюдицы туда бросали. Этотъ матерьялъ всегда былъ или у того или у другого за пазухою припасенъ. Какъ завидать гдѣ въ караванѣ бѣлую верблюдицу, такъ и идутъ за нею, пока не запасутся чѣмъ надо.

Разъ только они маху дали, наткнулись неожиданно на советѣмъ незнакомаго духа, этотъ ихъ цѣлую ночь гонялъ съ бархана на барханъ, врозь разогналъ и очнулись они только на другой день, утромъ, не сразу даже нашли другъ друга, а въ головахъ у нихъ весь день словно мыши въ норѣ скреблись. Это было тогда, когда они законъ нарушили, соблазнились аракомъ у русскаго купца на томъ-же «Таджи-козганѣ». Пилъ купецъ и они тутъ подошли. Далъ имъ по чашкѣ купецъ, они и выпили. Ожгло ихъ сразу, точно огнемъ, и не прошло часу даже, какъ натолкнулись они на этого злого, незнакомаго духа, чуть было не загубившаго обоихъ братьевъ, и Джюру, и Науруса . . . . .

Поели русскіе вдоволь, чаю напились погорло, братьевъ, что дровъ имъ припасли, не били, даже накормили, какъ слѣдуетъ, и чаемъ напоили. Одинъ въ чудной шапкѣ такой, все черезъ Аманъ-бай, джигита-переводчика, про колодцы спрашивалъ и каждое слово записывалъ. Этотъ даже монетку далъ серебряную и папироски окурокъ.

Спать легли.

Спали крѣпко киргизы-тюячи, плотно прижавшись другъ къ другу, спалъ и Аманъ-бай джигитъ съ Тимофеемъ слугою, подъ общей кошмою, спали и тюра русскіе, по двое въ тарантасахъ, плотно кругомъ застегнувъ кожаные фартуки, спалъ и Рахманъ горбунъ придурковатый, бросивъ въ степи вѣтренныхъ его наблюденію верблюдовъ, спали и Наурусъ съ Джюрою и въ ихъ животахъ тепло такъ, сладко, русскій чай съ сахаромъ переливался...

Чуть забрезжилъ разсвѣтъ, чуть только бѣловатая полосочка протянулась на востокъ—все еще спали на бивуакѣ, а братьевъ и слѣдъ простылъ. Скрали они коробку початую жестяную съ рыбками въ маслѣ, скрали еще передокъ бараній сырой, что въ запасъ былъ за арбою худо привязанъ, да и ходу подальше. Стоялъ еще очень удобно большой чайникъ мѣдный, ложку забылъ слуга Тимофей на котлѣ, дорогую ложку, серебряную. Поглядывали было косо братья на эти предметы, да нѣтъ,—очень ужъ страшно!.. такъ страшно, что вотъ и съ бараниною они четвертую версту по глубокому песку рысью дуютъ, а чтобы было, если-бы у нихъ за плечами чайникъ мѣдный ворованный побрякивалъ?

Поднялись урусы на ноги, собираться стали, пропажи своей пустынной даже и не замѣтили, только другая бѣда съ ними случилась:

Пошелъ Рахманъ придурковатый утромъ верблюдовъ собирать въ степи; пошелъ съ нимъ и мальчишка въ синей чалмѣ; верблюдовъ собрали и къ колодцамъ притгнали, да не всехъ: одной верблюдицы молодой не досчитались. Пошли опять искать. Искали, искали, нѣту да и только. Просто сквозь землю провалилась! Что дѣлать?

Старшій тюячъ, Достъ-Магометъ, побилъ Рах-

мана, обругалъ всеми словами крѣпкими, второй за нимъ тоже съ кулаками къ загорбкамъ дурака лѣзетъ. Урусы бранятся, ждуть не хотятъ; говорятъ, что для того и нанмали запасныхъ верблюдовъ, чтобы задержки не было. А вѣдь какъ его, верблюда пропавшаго, бросить! Скотина цѣнная: шестьдесятъ монетъ дать, такъ не всегда купить можно. Однако въ степи тоже не стоять, и вѣшать надо. Попытались еще разъ; все разошлись по барханамъ. Кричатъ, зовутъ, выглядываютъ; только и слышно на разные голоса: «казъ-казъ-казъ!»—призывные крики. Нѣтъ, какъ нѣтъ, пропащей верблюдицы! Въ слезы ударился Достъ-Магометъ, реветъ и его товарищъ, реветъ благимъ матомъ и мальчишка въ чалмѣ, реветъ и самъ Рахманъ-придурковатый и, какъ виновный, чувствуетъ свою провинность; безъ ропота, тычки и пинки переносить.

Запратли тарантасы, навьючили верблюдовъ, покричали еще: «казъ-казъ-казъ!» и тронулись. Только передъ отходомъ Достъ-Магометъ съ мальчишкою въ чалмѣ перешепнулись о чемъ-то межъ собою, такъ, чтобы, главное, джигитъ, что при русскихъ былъ, не слышалъ да своимъ господамъ не передалъ бы.

Заскрипѣлъ, занырялъ снова между барханами караванъ урусовъ. Быстро стила на морозѣ-утренникѣ зола ихъ костровъ, разнесло вѣтромъ ихъ окурки папиросные, подхватило хлопъ бумаги синей, промасленной и на колючемъ кустѣ, словно на милость духовъ степныхъ, развѣсило.

Далеко ушли тѣмъ временемъ братья кудукчи отъ этого мѣста.

Сидятъ Наурусъ съ Джюрою опять у огонька на забытыхъ, заброшенныхъ колодцахъ, часовъ шесть пути въ сторонѣ отъ караваннаго тракта, и баранину жарятъ на угольяхъ. Короткіе дни здѣсь въ глубокую осень; много-ли прошли за день, а уже снова стемнѣло, да еще какъ, пуще вчерашняго. Сидятъ братья, въ огонь дрова подбрасываютъ, пальцами въ мясо тычатъ; все пытаются, не поспѣло-ли. Волки гдѣ то не по далеку подвываютъ; то одинъ начнетъ, то другой ему завторить. Ищерица степная на огонь выползла, на переднихъ лапахъ приподнялась, выставила изъ за кучки помета свою большую голову и на людей смотритъ. Вскрикнуло что-то высоко-высоко въ воздухѣ, да рѣзко такъ, словно желѣзомъ по желѣзу скребнуло. Вздрогнулъ Джюра и на брата покосился, вздрогнулъ и Наурусъ и шепчетъ:

— Албасты-бассу *) пролетѣлъ. Кому-же больше?

Досталъ ножикъ изъ за пояса, отрѣзалъ кусочекъ баранины, крохотный, пошенталъ на него и высоко его кверху подкинулъ: «на моль-тебѣ, намъ не жалко!

Вдругъ—колоссальная фигура верблюда разомъ показалась передъ ними въ освѣщенномъ кругѣ костра, а на синѣи у этого верблюда сидѣть мальчишка въ чалмѣ, тотъ самый, что съ русскими шелъ. Сидитъ такой веселый, радостный, узкіе глазенки его такъ и свѣтятся изъ за выпуклыхъ скулъ.

— А, друзья-пріатели, здорово! Какъ аллахъ милостивъ ли къ вамъ? Вотъ опять пришлось свидѣться.

— Здравствуй! бормочетъ, растѣрявшись, Наурусъ. Спасибо какъ ты, здоровъ-ли?

— Здравствуй,—бормочетъ—и Джюра.

Выхватилъ кусокъ мяса изъ огня и прикрылъ его полою своего рваного халата.

Подумалъ сдурю, не за этимъ-ли послали урусы мальчишку на верблюдѣ ворованную баранину розыскивать.

*) Собственное имя одного изъ злыхъ духовъ степей—изъ мифологіи номадовъ.

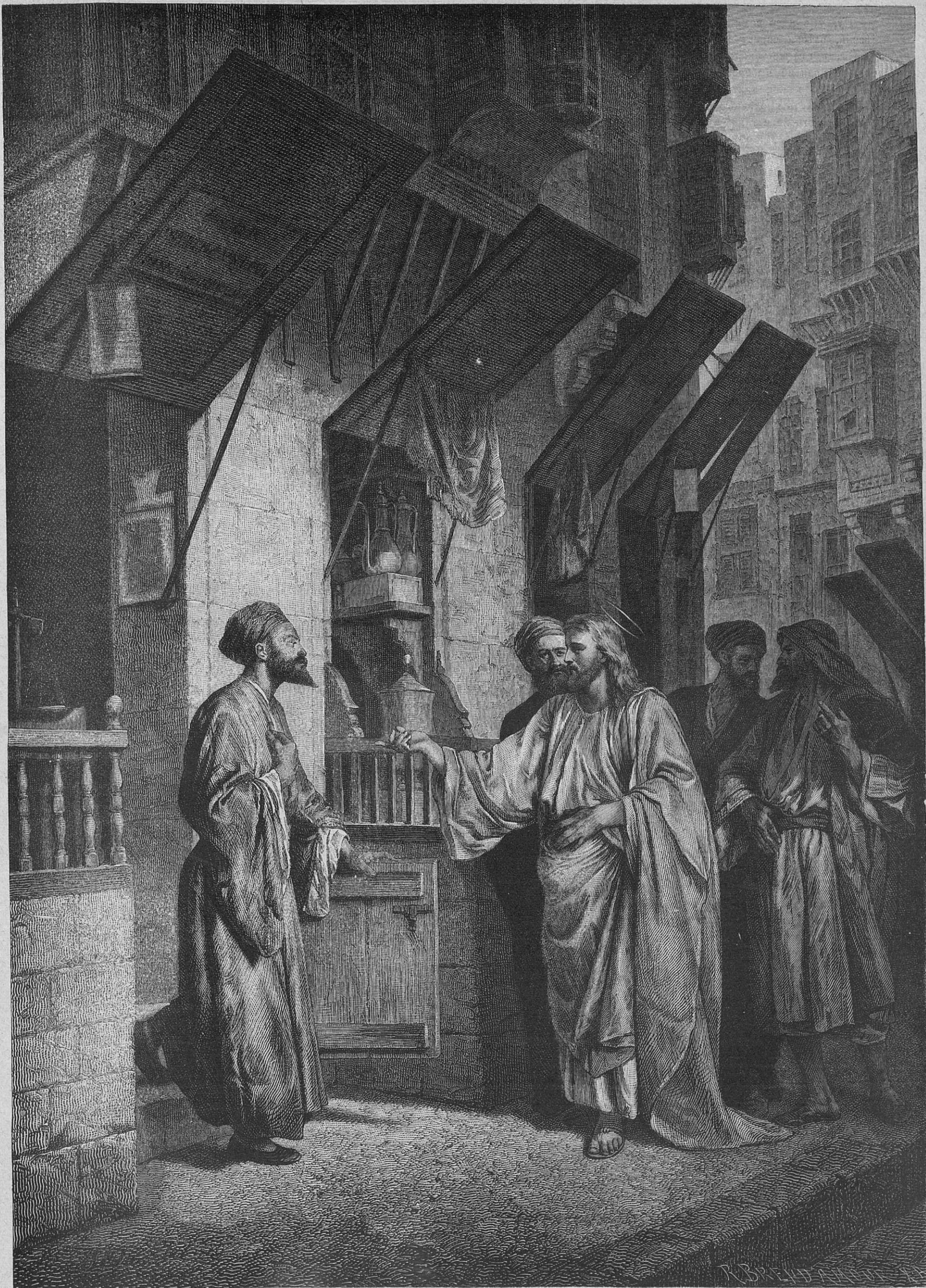

КАРТИНА Л. ТАЛАВЕРА. Продавец мелкой рыбы. (Малага.)

Ръзано на деревъ въ Барселонѣ.

РИСУНОКЪ А. БИДА. Призваніе апостола Матфея.

По фотографіи Адольфа Брауна и комп. въ Дорлахъ, рѣзалъ на деревѣ Р. Брендамуръ.

— Ну, ужь я съ вами переночую, говорить прїѣзжій, слѣзая через шею съ верблюда. — Темно вѣдь, гдѣ же теперь догонять арбы и на дорогу-то поди не выберешься! А я давно гляжу,—огонекъ вдали, такъ вотъ на огонь и выѣхалъ, а то хоть пропадай совсѣмъ! Верблюды устали, еле ноги переставляютъ... Эхъ ты бѣдная, бѣдная!

Ласкаетъ мальчикъ свою верблудицу, гладитъ ее по мордѣ запенѣнной, гладитъ грязною, корявою рукою по большимъ, чуднымъ, чернымъ, какъ уголь, глазамъ, чуть не плачетъ отъ радости.

— А вѣдь я ее нашелъ, рассказываетъ мальчуганъ. — Цѣлый день искалъ! Сколько пошелъ — страсть! Все пѣшкомъ! Уже подвѣчеръ, гляжу: а она лежитъ между барханами, только чуть спина видна, просто другой мимо-бы прошелъ, не увидалъ, а я вотъ увидалъ и сразу замѣтилъ. Достъ Магометъ хотѣлъ Рахмана оставить отыскивать — гдѣ ему, дураку слѣпому, найти... Да онъ бы и не сталъ искать, онъ у насъ лѣнивый, онъ бы легъ, гдѣ помягче, да и пролежалъ-бы цѣлыя сутки. Я уже самъ просился у Достъ Магомета остаться. Мы это тихонько отъ русскихъ, а то тѣ бы, поди, не позволили: «народу и такъ, говорятъ, мало». Какъ арбы пошли, а я и Рахманъ съ выючными верблюдами поотстали немного, будто бы выюки поправляли, джигитъ ихъ впередъ уѣхалъ,—я и остался. Я лепешекъ взялъ двѣ за пазуху, думалъ, однимъ днемъ не розыщу. Вотъ лепешки, хорошія лепешки, совсѣмъ почти не черствыя. На вотъ — ѣшь! хочешь? ѣшь, бери, ничего, очень хорошія лепешки!

Вытащилъ мальчикъ изъ за пазухи два исковерканныхъ сухихъ блина, цвѣтомъ, будто кожа дубленая, угощаетъ братьевъ. А тѣ уже оправились, сообразили, въ чемъ дѣло. Отъ лепешки куда не прочь; думаютъ только, «дѣлится ли мясомъ съ этимъ случайнымъ гостемъ, или уже такъ обойдется?»

— Иди къ огню; ночуй съ нами, сказалъ Наурусъ,—такъ ты нашелъ свою верблудицу?

— Какже; вотъ вѣдь она. Вѣдь это изъ всего каравана лучшая, молодая, да еще жерѣбая. Я уже ее не пушу въ степь на ночь, самъ лучше корму наберу, да ей сюда принесу. Вѣдь за такую верблудицу сто монетъ дать не жалко.

— Денегъ много! словно про себя промолвилъ Джюра. — А что, далеко ушли русскіе!

— Далекое. Теперь, я думаю, «сайгачью балку» перевалили, да, пожалуй, и дальше. Мнѣ Достъ Магометъ велѣлъ: коли найду верблудицу скоро, такъ чтобы сейчасъ догонять, а коли не скоро, такъ уже чтобы лучше домой на ней возвращался. — Теперь, можетъ быть, еще нагнать успѣю.

— Успѣешь, произнесъ Джюра.

— Какъ не успѣть, согласился съ нимъ Наурусъ. — Только, гляди, какъ-бы кто дорогою тебя не обидѣлъ. Всяко вѣдь бываетъ въ степи. Степь не то, что жилое мѣсто. Степь дѣло другое.

— А что? пододвинулся къ огню мальчишка и тотчасъ же началъ переобуваться, снявъ сапоги и развертывая безконечное тряпье своихъ портянокъ.

— Да то, что злые люди, слышалъ я, тамъ нынче показались.

— Гдѣ-же это? разинулъ даже ротъ отъ удивленія его товарищъ Джюра.

— Гдѣ?! А въ той сторонѣ самой, куда ушли русскіе. Въ той самой...

Хотѣлъ было возражать Джюра, потому откуда такіе могли появиться здѣсь въ степи злые люди, да почувствовала, какъ его толкнулъ Наурусъ колѣномъ и замолчалъ.

— Ну, подумалъ онъ,—значитъ, такъ надо.

Покормились. Братья лепешки-то обѣ обработали, такъ какъ-то это у нихъ незамѣтно случилось, мальчикъ и оглядѣться не успѣлъ. Подкинули еще дровъ въ огонь, легли спать и гости вплотную между собою положили. Любо старымъ свои кости около молодого тѣла грѣть, крѣпко обхватили мальчишку, тотъ бы и радъ подальше, да гдѣ же одному съ двумя справиться. Ну, думаетъ, чортъ съ вами, собаки эдакіе!

Ночь прошла; пить захотѣлось, да и верблудицу поить нужно; она вонъ морду свою на длинной шеѣ косматой къ самой дырѣ колодезной протянула, сонитъ прорѣзными ноздрями и глаза у ней помутнились.

Взялъ Джюра ведро свое кожанное съ распоркою, спустилъ въ дыру на веревкѣ, потряхиваетъ, покачиваетъ во все стороны. Стучитъ распорка внизу, сухо ерзаетъ кожа ведра по днѣ; воды-то нѣтъ тамъ ни капли. Попытался у другого колодца, тамъ тоже. Тамъ совсѣмъ ведро стало: опустилось сажень на пять, да и стало, а дальше не спускается. Подобралъ Наурусъ камешекъ гладкій, бросилъ, прислушивается булькнуло! Вода есть, значитъ, что же ведро не идетъ, не черпаетъ? Легъ ничкомъ Джюра, оперся руками на края, приглядывается, говорить:

— Засорилось, гляди, немного, что надъ самою водою; обкладочное бревно выперло, а на немъ мелкій хворостъ лежитъ, кинулъ кто сверху. Вотъ это-то самое и задерживаетъ ведро. Камень-то прошелъ ладно, а ведро стало.

— Надо туда лѣзть, порѣшилъ Наурусъ.

— Надо, значитъ, согласился и его товарищъ.

Сталъ раздѣваться Наурусъ. Халатъ снялъ, рубаху свою окрутилъ вокругъ тѣла вплотную. Началъ было веревкою уже опоясываться.

— Дапусти меня, я полѣзу! сказалъ тутъ мальчишка,—я вѣдь легче васъ, да мнѣ и просторнѣе будетъ. Вы только веревку держите крѣпче, я тамъ все, какъ слѣдуетъ, управлю.

— А и то правда! полѣзай! говоритъ Наурусъ.

— Вотъ, якиш, вотъ барракедн! *) хлопнулъ руками по бедрамъ Джюра.

— Ну, давай веревку-то!

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Изъ прошлаго и настоящаго Америки.

Ст. Н. В. Шелгунова.

(Продолженіе.)

II.

Начало войны за независимость. Патрикъ Генри.

Великія дѣла совершаются только великими людьми. Американскій союзъ съ перваго дня своего возникновенія выставилъ постоянно цѣлый рядъ замѣчательныхъ личностей. Это были всегда бойцы за свободу и независимость и благороднѣйшіе патриоты въ лучшемъ значеніи этого слова. Рассказывать исторію этихъ людей значитъ рассказывать всю исторію союза.

Англичане смотрѣли на сѣвероамериканскій союзъ какъ на свою колонію и хотѣли ее эксплуатировать для своихъ промышленныхъ и коммерческихъ цѣлей. Но у американцевъ были слишкомъ хорошія традиціи, чтобы они могли позволить безцеремонное обложеніе себя налогами, податями и произвольными таможенными пошлинами. Въ Англіи однако разсуждали иначе. Король Георгъ и его министры смотрѣли на американскія колоніи высокомерно, а въ стремленіи американцевъ къ свободѣ видѣли строителство и непослушаніе. Взаимное неудовольствіе копилось постепенно и кончилось роковымъ столкновеніемъ, въ которомъ американцы одержали верхъ.

Когда горючіе матеріалы собраны въ кучу, довольно искры, чтобы они вспыхнули. Подобной

*) Ладно.

искрой явился у американцевъ Патрикъ Генри. Въ мартѣ 1775 года въ старой церкви въ Ричмондѣ собрался конвентъ. Патрикъ Генри потребовалъ слова и предложилъ привести колонию тотчасъ же въ оборонительное положеніе. Эта смѣлость испугала умѣренныхъ. Имъ казалось, что сопротивленіемъ они погубятъ себя, и также думали все робкіе люди, составляющіе обыкновенно большинство всякихъ собраній. Нужно было явиться смѣльчаку, чтобы сообщить робкимъ и трусливымъ людямъ увѣренность и энергію и увлечь большинство. Патрикъ Генри былъ именно единственный способный человѣкъ для такого дѣла. «Всеѣмъ людямъ естественно обманывать себя надеждами, сказалъ онъ, мы всегда готовы закрыть глаза, чтобы не видѣть непріятную истину, готовы слушать голосъ надежды, этой сирены, которая очаровываетъ насъ до тѣхъ поръ, пока не доведетъ насъ до забвенія своего собственнаго человѣческаго достоинства. Что касается меня, то я желаю знать всю правду, чтобы приготовиться ко всему. Я могу судить о будущемъ только по прошедшему, а судя по примѣрамъ прошлаго, судя по поведенію министерства за послѣднія 10 лѣтъ, я не вижу ничего, что могло бы оправдать наши надежды. Мы просили, представляли, умоляли, мы бросались къ подножію трона, мы умоляли короля, чтобы онъ положилъ конецъ тираніи министерства и парламента. На наши просьбы не обращали вниманія, наши представленія новели только къ тому, что насилія и оскорбленія удвоились. Послѣ всего этого было бы пустою мечтою питать надежду на миръ и соглашеніе. Надежды нѣтъ болѣе никакой. Если мы хотимъ быть свободными, если мы хотимъ спасти наши дорогія права, остается одно,—сражаться. Призывъ къ оружію и молитвы къ богу войны, вотъ все, что намъ осталось дѣлать. Говорятъ, что мы слабы, что мы неспособны бороться съ такимъ страшнымъ противникомъ. Но когда же мы сдѣлаемся сильнѣе? На будущей недѣлѣ или въ будущемъ году, или тогда, когда насъ обезоружатъ и въ каждый домъ поставятъ по англійскому солдату? Трехмилліонный народъ, вооруженный для защиты святого дѣла свободы и въ такой страпѣ, какъ наша,—необѣдимъ. Побѣда зависить не отъ одной силы. Наконецъ, намъ не остается и выбора. Зачѣмъ умять событія? Напрасно восклицать—миръ, миръ! Нѣтъ больше мира, война началась. Неужели жизнь такъ дорога, миръ такъ сладокъ, чтобы стоило покупать ихъ цѣною цѣлей и рабства? Да сохранить насъ отъ этого всемогущій Богъ! Не знаю, какъ думаютъ другіе, но по моему—или свобода, или смерть». Собраніе было взволновано и увлечено этимъ мужественнымъ краснорѣчіемъ—никто даже не рукоплескалъ. Былъ образованъ комитетъ народной обороны изъ Патрика Генри, Ли, Георга Вашингтона и Джеферсона. Пророчество Патрика Генри исполнилось и 19 апрѣля 1775 года подъ Лексингтономъ была пролита первая кровь.

Въ сущности, дѣло это было пустое. Генераль Гэдждъ, командовавшій англійскими войсками, хотѣлъ уничтожить склады оружія и съѣстныхъ припасовъ, которые устроили колонисты Массачусетса въ Конкордіи. Этимъ средствомъ генераль Гэдждъ думалъ предотвратить непріязненные дѣйствія. Хотя экспедиція хранилась въ тайнѣ, но американцы объ ней провѣдали, ударили въ набатъ и стали стрѣлять изъ ружей. Кто стрѣлялъ первымъ, неизвѣстно,—ружья разряжались сами собою. Какъ всегда въ народныхъ войнахъ, люди, знакомые съ своимъ краемъ и умѣющіе скрыться за каждымъ уголкомъ, за каждымъ кустомъ и заборомъ, всегда имѣютъ преимущество предъ регулярными войсками. Англичане, преслѣдуемые милиціонерами, пришли въ Лексингтонъ «высунувъ языкъ, какъ собаки послѣ

охоты», говоритъ современникъ. У англичанъ было 273 человѣка убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ, американцы же потеряли всего девяносто человѣкъ. Дѣло, значить, было неважное, но оно имѣло другое значеніе. Американцы, хотя и привыкли воевать съ канадскими индѣйцами, но это былъ первый случай столкновенія съ регулярной арміей. Теперь же они убѣдились, что имъ нечего трепетать при видѣ краснаго мундира.

Однако американцы не самообольщались. Они очень хорошо знали, что у нихъ нѣтъ ни солдатъ по профессіи, ни генераловъ, ни генеральнаго штаба, что ихъ милиція не больше какъ безпорядочная толпа безъ всякой дисциплины, но въ тоже время они знали, что эта война совѣмъ иного рода, что въ самой мѣстности заключаются для американцевъ условія возможности успѣха. Конечно, англичане могли сжечь ихъ города и селенія и одинъ изъ депутатовъ Южной Каролины сказалъ справедливо: «Что такое наши дома? простой кирпичъ, камень и дерево! Если ихъ разрушать, мы ихъ построимъ вновь, но развѣ потерянная свобода навсегда потеряна».

Когда разнеслась вѣсть о сраженіи при Лексингтонѣ, американцы повсюду завладѣли фортами, магазинами, арсеналами, начался сборъ денегъ, былъ вотирированъ заемъ въ сто тысячъ ливровъ, наконецъ, объявленъ наборъ. Но всего этого было еще слишкомъ мало. Было еще недостаточно объявить наборъ и собрать деньги, нужно было найти человѣка, чтобы поставить его во главѣ арміи, человѣка рѣшительнаго, твердаго, даровитаго, который бы рѣшился рисковать своею головою и своею честью въ этомъ во всякомъ случаѣ слишкомъ рискованномъ предпріятіи. Были у американцевъ офицеры изъ ополченцевъ, отличавшихся въ Канадѣ, но не было ни одного, котораго бы можно было поставить на одну ступень съ англійскими генералами. Выборъ главнокомандующаго представлялся очень трудной задачей и конгрессъ, разрѣшая ее, руководствовался больше политической причиной. Виргинія по своему населенію, богатству и вліянію считалась первой между южными колоніями. Она была, такъ сказать, точкой опоры для всего союза и потому, чтобы связать ее крѣпче съ общимъ американскимъ интересомъ, конгрессъ рѣшилъ выбрать главнокомандующаго изъ среды ея. Между владѣльцами Виргиніи былъ человѣкъ, который на одномъ изъ конгрессовъ заявилъ свою энергію и силу характера. Это былъ полковникъ Георгъ Вашингтонъ. Джонъ Адамсъ изъ Масачусетса предложилъ ввѣрить ему начальство и по единогласному рѣшенію Вашингтонъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ колоній.

III.

Вашингтонъ.

Прибывъ къ мѣсту назначенія, Вашингтонъ прежде всего пожелалъ имѣть вѣрные свѣденія о положеніи своей и враждебной арміи. Оказалось, что вмѣсто 20 тысячъ американцевъ, которые считались по спискамъ, было всего только 16 тысячъ, да и изъ нихъ лишь 14.000 годились для дѣла, а остальные представляли сбродъ всякихъ людей, не желавшій знать ни порядка, ни дисциплины. Обмундированія не было: каждый ходилъ въ чемъ хотѣлъ. Пороху едва хватило по девяти патроновъ на человѣка, денегъ не было, солдаты, чтобы содержать себя, ходили на всякіе посторонніе заработки. Вашингтону приходилось создать армію, возстановить въ ней порядокъ и дисциплину и между прочимъ поборотъ корыстолюбіе и убить торгашество. Каждый думалъ, только, какъ бы получить за свою военную службу больше денегъ, и вотъ въ эту то трудную минуту, когда требовалось создать силу изъ ничего, изъ разнородныхъ, недисципли-

нированныхъ и корыстолюбивыхъ элементовъ, Вашингтонъ обнаружилъ истинно гениальныя качества ума и характера. Жена Джона Адамса писала къ своему мужу въ Филадельфію, что «въ Вашингтонѣ обнаруживается такое пріятное соединеніе джентльменства и солдатскаго духа, достоинства, спокойствія и обходительности, каковаго я никогда еще не видѣла. Скромность царить въ каждой линіи, въ каждой чертѣ лица этого по истинѣ благороднаго и величественнаго человѣка!» И дѣйствительно, только человѣкъ съ исключительными душевными силами былъ въ состояніи исполнить то дѣло, которое было возложено на Вашингтона. Въ немъ, какъ говоритъ одинъ изъ его біографовъ, былъ виденъ человѣкъ съ всеобъемлющимъ и возвышеннымъ умомъ. Полководецъ и государственный человѣкъ, онъ понималъ, что дѣйствовалъ не только во имя своего отечества, но и въ интересахъ всеобщаго прогресса. Никто другой не былъ бы въ состояніи исполнить исторической миссіи, которая досталась на его долю. Съ неутомимой энергіей, терпѣніемъ и необыкновеннымъ прилежаніемъ Вашингтонъ принялся за организацію арміи и черезъ нѣсколько недѣль онъ уже писалъ къ своему брату: «Мы безпрестанно работаемъ, даже и воскресенья не празднуютъ у насъ и вслѣдствіе этого мы теперь гораздо въ лучшемъ положеніи, чѣмъ когда я пріѣхалъ въ армію. Приняты мѣры даже для того, чтобы поставить непріятеля въ самое стѣснительное положеніе».

Вашингтону, какъ главнокомандующему, было назначено жалованье въ 500 долларовъ въ мѣсяцъ, но онъ отказался отъ жалованья и не хотѣлъ брать больше дѣйствительныхъ своихъ расходовъ. Съ замѣчательной акуратностью онъ втеченіи 8 лѣтъ записывалъ все, что тратилъ лично на себя, и весь счетъ, который онъ представилъ по окончаніи войны, составилъ 64.355 долларовъ, считая тутъ же расходы на шпіоновъ и потери на асигнаціяхъ и разныя мелкіе расходы по службѣ.

Но и противная сторона принимала тоже рѣшительныя мѣры противъ «отчаяннаго заговора и всеобщаго возстанія». Торговля съ тринадцатую возмущившимися колоніями была запрещена и американскіе корабли и американское имущество объявлены военнымъ призомъ. Британское правительство увеличило армію, находившуюся въ Америкѣ, до 55.000 человѣкъ и число матросовъ до 28.000. Кроме того оно просило помощи у иноземныхъ державъ. Императрица Екатерина II сначала обѣщала королю Георгу поддержку своей арміи, но потомъ это обѣщаніе не нашла согласнымъ съ своими интересами. Тѣмъ не менѣе въ Америкѣ постоянно ожидали присылки русскихъ войскъ. Менѣе щепетильными оказались имперскіе нѣмецкіе князья, которые, какъ говоритъ Шлоссеръ, «къ стыду нѣмецкаго имени согласились продать въ Америку до 29.000 своихъ вѣрноподанныхъ». За cadaго солдата имъ было уплачено по 30 испанскихъ талеровъ и кроме того были выданы значительныя денежныя вспоможенія. Фридрихъ Великій съ горькой проной сказалъ по поводу этой постыдной продажи: «На проданныхъ и уведенныхъ, какъ скотъ, гессенцевъ и брауншвейгцевъ слѣдовало бы наложить и обыкновенную пошлину, взыскиваемую со скота».

По обычаю войны того времени англичане прибѣгали къ мѣрамъ довольно крайнимъ и не скупились на жестокости. Напримѣръ, городокъ Фальмутъ былъ сожженъ за то, что не позволилъ пристать въ своей гавани кораблю, на которомъ хотѣли уплыть приверженцы короля. Американцы въ отвѣтъ на эту ненужную жестокость отправили въ море каперовъ, чтобы защищать прибрежныя страны и англійскіе корабли были объявлены призовымъ имуществомъ.

Британскіе магазины, военные припасы и общественныя кассы, какъ и вообще вся королевская собственность, были объявлены американскимъ имуществомъ. Американцы старались вездѣ и чѣмъ только можно вредить англичанамъ, на что и тѣ не оставались въ долгу. Разъ пронесся слухъ, что въ Бостонѣ дурно обошлись съ американскими плѣнными. Вашингтонъ обратился съ запросомъ къ генералу Гэджу и тотъ отвѣтилъ, что съ мятежниками было поступлено лучше, чѣмъ они заслужили. Государственные законы приговорили ихъ къ висѣлицѣ. Этотъ отвѣтъ страшно возмутилъ Вашингтона. Первымъ его намѣреніемъ было поступить точно также и съ плѣнными англичанами, но, обсудивъ дѣло, онъ приказалъ обходиться съ британскими плѣнными съ возможной кротостью и человѣколюбіемъ. Замѣчательный отвѣтъ, отправленный Вашингтономъ Гэджу: «Кто заслуживаетъ названія мятежника и висѣлицы и мое ли положеніе или ваше одолжено своимъ происхожденіемъ свободѣ и праву—это не относится къ нашему предмету. Я нарочно удалялся отъ всякаго рода политическихъ дѣлъ. Я не воспользовался ни однимъ изъ тѣхъ преимуществъ, которыя мнѣ давало надѣ вами священное дѣло моего отечества, свободы и человѣчества. Вы сами затронули политическія дѣла. Вы относитесь съ презрѣніемъ ко всякой общественной должности, происшедшей не изъ одного источника съ вашей. Я не знаю ничего достопочтеннѣе той общественной должности, которая обязана своимъ происхожденіемъ неподкупному избранію храбраго и свободнаго народа. Стоитъ только сообразить, что съ одной стороны стоятъ добродѣтельные граждане, вынужденные взяться за оружіе для защиты своихъ женъ и дѣтей и имущества, а съ другой—толпы наемниковъ, низкія орудія корыстолюбія и мести.» Этотъ тонъ благородства и благороднаго воодушевленія придаетъ торжественный характеръ американской войнѣ, но безпристрастная исторія очень хорошо знаетъ, насколько эта торжественность зависѣла отъ личныхъ качествъ немногихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ движенія, въ особенности Вашингтона. Безпорядочный сбродъ всякаго народа, составлявшаго такъ называемую американскую армію, далеко не отличался самопожертвованіемъ и патриотизмомъ. Бывали случаи, когда даже Вашингтонъ, никогда не терявшій своего хладнокровія, приходилъ въ отчаяніе. Труднѣе всего было справляться съ милиціей, которая послѣ всякой неудачи опускала руки и поддавалась паническому страху. Послѣ одного неудачнаго дѣла Вашингтонъ писалъ конгрессу: «Я сдѣлалъ все возможное, чтобы собрать милиціонеровъ снова и повести въ огонь, но все было напрасно. При видѣ малѣйшаго непріятельскаго отряда изъ 60—70 человѣкъ происходило смятеніе, люди убѣгали, не дѣлая ни одного выстрѣла.» Это гнусное поведеніе милиціи до того возмутило Вашингтона, что онъ хотѣлъ искать смерти въ битвѣ. И американцамъ дѣйствительно была трудна борьба съ многочисленной, хорошо одѣтой и хорошо вѣмъ снабженной британской арміей. Оставалось прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ, чтобы обуздать всю царившую въ войскѣ анархію, и къ этой мѣрѣ Вашингтонъ прибѣгнулъ. Еслибы причины нестройства заключались только въ недостаткѣ мужества американскаго войска, то весьма вѣроятно, что Вашингтонъ справился бы съ этимъ безъ труда, но ему мѣшало еще и конгрессъ, который, какъ и всѣ собранія, любилъ заниматься разговорами и сочиненіемъ прокламацій вмѣсто того, чтобы дѣйствовать рѣшительно и энергично. Тогда Вашингтонъ обратился къ президенту конгресса съ слѣдующимъ замѣчательнымъ письмомъ: «Черезъ десять дней, писалъ Вашингтонъ,—нашей арміи не будетъ существовать,

если короткій срокъ, который намъ остался, будетъ употребленъ на то, чтобы совѣтоваться съ конгрессомъ насчетъ пригодности тѣхъ или другихъ мѣръ; если мы будемъ ждать рѣшенія конгресса, отдаленнаго отъ насъ на 140 миль, то мы потеряемъ только самое драгоценное время. Мнѣ возразить, можетъ быть, что я требую такой власти, которую опасно поручить одному человѣку, но въ виду отчаяннаго зла необходимо принять экстренныя мѣры. Я совершенно искренно объявляю, что не питаю никакого властолюбія и буду радъ, какъ и всякій другой гражданинъ, когда намъ удастся бросить мечъ и взяться за плугъ. Но, какъ офицеръ и какъ человѣкъ, я нахожу себя вынужденнымъ объявить, что никому никогда не случилось встрѣчать на своемъ пути столько пренятствій, сколько я встрѣчаю.» Вашингтонъ требовалъ арміи, которая была бы способна сражаться. «Теперь не время, писалъ онъ,—думать объ экономіи.» Конгрессъ съумѣлъ оцѣнить это патріотическое требованіе Вашингтона и, вполнѣ довѣряя его благоразумію, силѣ и честности, вручилъ ему диктаторскую власть на 6 мѣсяцевъ. Вашингтону было предоставлено право опредѣлять и увольнять офицеровъ до бригадныхъ генераловъ включительно, ему предоставлено право дѣлать все безъ исключенія распоряженія, необходимыя для войны, и преслѣдовать, и арестовывать тѣхъ, кто какимъ бы то ни было путемъ сталъ бы противоdѣйствовать успѣху войны за освобожденіе. Въ отвѣтъ на это назначеніе Вашингтонъ обратился къ конгрессу съ благодарственнымъ письмомъ. «Конгрессъ удостоилъ меня въ военномъ отношеніи почти безграничнаго полномочія, писалъ онъ.—Вмѣсто того, чтобы влѣдствіе этого довѣрія чувствовать себя свободнымъ отъ гражданскихъ обязанностей, я постоянно буду имѣть въ виду, что оружіе, за которое мы взяли, какъ за послѣднее средство къ сохраненію нашей свободы, должно быть отложено въ сторону, какъ только свобода будетъ водворена. Я именно теперь имѣю въ виду предпріятіе, которое, если оно окончится счастливо, поставитъ непріятеля въ полное отчаяніе.» И Вашингтонъ не ошибся.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

О внутренности земного шара.

Относительно того, въ какомъ физическомъ состояніи находится внутренность земного шара, есть нѣсколько предположеній. Большинство ученыхъ, до самаго послѣдняго времени, склонялось къ мнѣнію, что земля находится въ огненножидкомъ, расплавленномъ состояніи, и что въ ней тверда только ея наружная оболочка-кора, имѣющая версть 60 въ толщину. Эта толщина весьма ничтожная, сравнительно; въ кругѣ, діаметръ котораго равнялся бы линіи, отвѣсно пересѣкающей 18 строкъ «Живописнаго Обозрѣнія», эта кора выражалась бы линіею самой окружности круга, если ее провести довольно тонко. Посмотримъ, насколько точная наука подтверждаетъ это предположеніе, и что вообще она повѣствуетъ о физическомъ состояніи внутренней той планеты, на которой мы живемъ.

Къ тому или иному рѣшенію нашего вопроса, можно подступать съ нѣсколькихъ сторонъ. Во первыхъ, едва-ли не безспорно, что земля находилась нѣкогда въ газообразномъ состояніи, и не трудно-бы, казалось, вывести прямо, а priori, какія стадіи развитія долженъ былъ постепенно пережить такой газообразный сферондъ, или эллипсоидъ, вращающійся вокругъ своей оси и охлаждающійся по немногу, и какое, наконецъ, устройство должно было получиться въ результатъ. Но во первыхъ, мало сказать, что земля была газообразный эллипсоидъ: надо знать еще многія частности устройства такого эллипсоида,

чтобы а priori вывести его дальнѣйшую судьбу; во вторыхъ, физика и математика вовсе еще не настолько развита, чтобы дать рѣшеніе такой трудной задачи. И дѣйствительно, мы видимъ, что мнѣнія по этому вопросу сильно расходятся. По мнѣнію однихъ, земля должна была отвердѣвать изнутри наружу; по мнѣнію другихъ, наоборотъ, процессъ охлажденія и отвердѣнія долженъ былъ начаться съ поверхности, и т. д. Видимо, что задача еще не по силамъ современному естествознанію. Все эти гипотезы, конечно, очень занимательны и очень полезны, потому что, по пути, ставятъ и рѣшаютъ многіе вопросы. Но дать настоящіе свѣденія о генезисѣ земли онѣ не могутъ. Поэтому, мы заключаемъ, что искать рѣшенія нашего вопроса о теперешнемъ физическомъ состояніи земной внутренности, въ геогеническихъ теоріяхъ, еще преждевременно и рискованно.

Нѣсколько надежнѣе, повидимому, данныя геологическія. Есть нѣкоторыя геологическія явленія, которыя прямо ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ о состояніи земной внутренности. Посмотримъ, нельзя-ли будетъ здѣсь найти рѣшенія нашей задачи.

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что въ шахтахъ температура постоянно возрастаетъ съ глубиною. Въ каждой мѣстности есть свой слой постоянной температуры, независимой отъ временъ года; глубина его опредѣляется широтою мѣста и разными другими условіями. И замѣчено, что вездѣ—въ Сибири, Италіи, Франціи, Германіи,—температура слоевъ, лежащихъ ниже этого слоя, постоянно повышается съ глубиною. Среднимъ числомъ, можно принять, что температура воздуха, воды и горныхъ породъ въ шахтахъ повышается на 1° Ц. съ каждымъ 35-ю метрами глубины; и какъ бы далеко мы ни проникали, въ той или другой мѣстности, во внутрь земли—вездѣ замѣчалось подобное повышение температуры. Естественно было заключить, что, слѣдовательно, въ глубочайшихъ нѣдрахъ земли есть какой-то очагъ внутренней теплоты, причиняющей это повсемѣстное повышение температуры съ глубиною. По замѣченному среднему ходу повышения температуры, можно было даже вывести, какъ приблизительно далеко этотъ очагъ отъ земной поверхности: на глубинѣ 3 версты мы достигли бы точки кипѣнія воды (100° Ц.); на глубинѣ 50-ти верстъ, достигли бы точки плавленія жельза (около 1500° Ц.); наконецъ, на глубинѣ верстъ 55—60-ти уже навѣрное все вещества были бы расплавлены, такъ что получилось бы, что земной шаръ—огненножидкое тѣло, только снаружи покрытое твердою оболочкою.—Однако, противъ этихъ заключеній можно многое возразить. Во первыхъ, точно-ли мы имѣемъ право, на основаніи явленій, которыя наблюдаемъ до глубины какихъ-нибудь 580-ти саж. (1270 м, глубина самой глубокой шахты—шперенборгской, близъ Берлина) строить заключенія о ходѣ температуры въ шарѣ, котораго радіусъ равенъ 6000-мъ верстамъ? Кто поручится, что законъ измѣненія температуръ на большей глубинѣ, чѣмъ та, которой мы достигли, тотъ же самый, что въ тѣхъ пластахъ, на которые простираются наши наблюденія? Не доказываетъ-ли опытъ, какъ рискованно выводить заключенія о длинномъ рядѣ, по немногимъ, первымъ членамъ ряда?

Притомъ, если бы температура и возростала въ самомъ дѣлѣ непрерывно съ глубиною, то все-таки изъ этого нельзя было бы вывести, что земля внутри расплавлена и жидка въ томъ смыслѣ, чтобы ея частицы были удобоподвижны. Новѣйшая физика учитъ, что точка плавленія веществъ измѣняется съ давленіемъ: чѣмъ больше давленіе на вещество, тѣмъ труднѣе ему расплавиться, все равно какъ и жидкости тѣмъ

труднѣе превращаются въ пары, чѣмъ сильнѣе давленіе. Напр., подъ давленіемъ 1 атмосферы сѣра плавится при 100° Ц., а подъ давленіемъ 519-ти атмосферъ—при 133° Ц. Между тѣмъ, давленіе внутри земли, на глубинѣ, должно быть громадно, должно быть такъ велико, что объ немъ трудно даже составить себѣ понятіе; вещества могли бы тамъ плавиться только при температурахъ несравненно болѣе высокихъ, чѣмъ здѣсь, на поверхности. Но въ сущности, и этого нельзя сказать. Наши опыты дѣлаются при давленіяхъ и температурахъ гораздо меньшихъ, чѣмъ тѣ, которыя предполагаются или должны дѣйствовать внутри земли, и изъ нихъ не видно еще, какому именно закону слѣдовало бы отношеніе между температурою, давленіемъ и плавленіемъ, для того или иного вещества, при тѣхъ предполагаемыхъ условіяхъ. Такъ что, въ концѣ концовъ, если бы мы даже знали въ точности: какія вещества есть внутри земли, какія тамъ давленія и какія температуры, то все-таки не могли бы ровно ничего вывести о томъ, въ какомъ физическомъ состояніи находились бы тамъ эти вещества. Одно только вѣрно, что никакъ не въ состояніи удобоподвижности, потому что этому положительно мѣшало бы сильное давленіе. Значитъ фактъ постепеннаго повышенія температуры въ шахтахъ не даетъ вообще никакого отвѣта на нашъ вопросъ, въ какомъ физическомъ состояніи находится земная внутренность.

Притомъ, кромѣ предполагаемаго расплавленнаго ядра земли, есть и другой, несомнѣнный источникъ теплоты, во внутреннихъ частяхъ земного шара, который слѣдуетъ принять въ соображеніе. Съ поверхности во внутрь просачивается вода, а тамъ эта вода размываетъ горныя породы и уноситъ съ собою на поверхность большія массы вещества. Напр. вычислено, что Рейнъ, мимо Эммерика, проноситъ ежегодно 138 мил. куб. футовъ растворенныхъ твердыхъ веществъ, и значительнѣйшая ихъ часть берется именно изъ земныхъ глубинъ. Но въ такомъ случаѣ, вода, значитъ, разрыхляетъ подземные слои. А такъ какъ верхніе слои сильно давятъ на нижніе слои, то наконецъ, эти верхніе слои—осѣдаютъ. Всякое же движеніе, прекращенное сопротивленіемъ, превращается, какъ извѣстно, въ теплоту: вспомните молотъ и наковальню. И вычислено, что напр. слой земли, съ удѣльнымъ вѣсомъ = $2\frac{5}{10}$ и имѣющій $\frac{1}{4}$ кв. геогр. мили въ основаніи и 3 геогр., мили въ вышину, могъ бы, осѣвши, породить теплоту, которая расплавила бы 28 мил. куб. футовъ (4300 м. фунт.) базальта, если считать, что этотъ послѣдній плавится при 1000° Ц. А между тѣмъ, теплопроводность земныхъ слоевъ весьма мала: вся эта теплота лишь съ трудомъ пробивается къ поверхности. Поэтому, можно представить себѣ, какіе громадные запасы теплоты должны накопляться въ глубинахъ земли. Неизвѣстно только, должны-ли они дать въ результатъ тотъ самый законъ возвышенія температуры (на 35 метровъ 1° Ц.), который былъ выведенъ изъ наблюденій въ шахтахъ.

Другое геологическое явленіе, въ которое входитъ представленіе о земной внутренности—вулканы и землетрясенія. Предполагается, что эти явленія всего естественнѣе объясняются гипотезою, что земная внутренность расплавлена. Вулканы и землетрясенія распространены повсемѣстно на землѣ, да и отдѣльныя землетрясенія и вулканическія области иногда весьма обширны; напр. землетрясеніе 1755 года (разрушившее Лиссабонъ) обнимало $\frac{1}{12}$ часть всей земной поверхности, а рядовые, т. е. расположенные другъ за другомъ вулканы центр. Америки, занимаютъ линію въ 1,200 верстъ. Изъ этихъ фактовъ, геологи заключили, что причины

такихъ повсемѣстныхъ и такихъ обширно распространяющихся явленій слѣдуетъ искать въ какихъ-нибудь общихъ чертахъ строенія земного шара, на большой глубинѣ. Съ другой стороны, лавы, которые извергаются вулканами, имѣютъ весьма высокую температуру (до 2,000° Ц.). Слѣдовательно, говорятъ, общою причиною

береговъ; единственное исключеніе—одинъ вулканъ въ центральной Азіи; а изъ всего этого слѣдуетъ, что вода играетъ въ нихъ весьма существенную роль. Поэтому полагаютъ, что вулканическія изверженія происходятъ такъ: съ поверхности проникаетъ до расплавленныхъ частей земли вода, и эта вода тамъ превращается

волновать самое расплавленное вещество ядра, когда, такъ сказать, переливаются изъ одного мѣста въ другое — другой источникъ колебаній.

Но какъ ни остроумна эта гипотеза, которая повидимому, окончательно рѣшаетъ нашъ вопросъ о физическомъ состояніи земной внутрен-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ. РИСУНОКЪ БОКЛЕВСКАГО.

Губернскій Олимпъ.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипани“ г. Діаментовскаго.

вулкановъ и землетрясеній можетъ быть только именно расплавленная, огненно-жидкая внутренность земного шара.

Самые процессы вулканическихъ изверженій и землетрясеній объясняются, по этой гипотезѣ, слѣдующимъ образомъ. Вулканы выбрасываютъ всегда цѣлыя массы водяныхъ паровъ; кромѣ того, вулканы всѣ, видимо, тѣнятся у морскихъ

въ пары; но сила паровъ громадна; поэтому, они, сквозь земныя щели, или трещины выдавливаютъ, вверхъ, въ жерла вулкановъ, расплавленное вещество, или и сами поднимаются и, вырываясь на свободу, выбрасываютъ кверху содержимое вулканическихъ жерлъ. Тамъ же, гдѣ выходовъ нѣтъ, пары, по крайней мѣрѣ, колеблютъ почву; а вдобавокъ они должны еще

ности, однако противъ нея есть много возраженій. Во-первыхъ, трудно себѣ представить, какъ бы лавы могли подниматься нарами, или и газами, сквозь проходы въ земной корѣ, имѣющей 50—60 в. въ толщину? Притомъ, по изслѣдованіямъ Малета, очаги землетрясеній залегаютъ, повидимому, вовсе не такъ глубоко подъ земной поверхностью, какъ думаютъ. Если мы-

сленно опустить вниз отвѣсную линію въ томъ мѣстѣ, гдѣ ударъ землетрясенія произошелъ прямо снизу вверхъ; если затѣмъ, по направленіямъ трещинъ въ зданіяхъ и по направленіямъ паденія предметовъ—въ окрестныхъ мѣстностяхъ—опредѣлить, въ какихъ направленіяхъ шли подземные удары въ этихъ мѣстахъ; и если, наконецъ, всѣ эти боковыя линіи продолжить до ихъ соединенія съ центральною отвѣсною линіей,—то получимъ приблизительную глубину того мѣста, которое можно назвать очагомъ землетрясенія. Будетъ линія отвѣсная; затѣмъ, къ ней, какъ бы съ окружности воронки, внизъ, будутъ сходить линіи съ боковъ—и точка пересѣченія всѣхъ этихъ линій будетъ очагомъ землетрясенія. Малетъ произвелъ такое (въ сущности, очень трудное) вычисленіе для неаполитанскаго землетрясенія 1857 г. и нашелъ, что его очагъ долженъ былъ залегать на глубинѣ не болѣе 12 километровъ (11 в.). Но если такъ, или если даже принять 25 в. вмѣсто 11, то кто рѣшится утверждать, чтобы уже на такой глубинѣ всѣ земныя вещества находились въ расплавленномъ состояніи?

Но едва-ли не всего важнѣе для насъ то, что также геологія предлагаетъ и такія объясненія вулкановъ и землетрясеній, въ которыхъ совершенно минуетъ всякое представленіе о расплавленной внутренности всего земного шара. Что по одному и тому же вопросу, могутъ одновременно существовать въ наукѣ нѣсколько различныхъ объясненій—это не должно удивлять читателя. Такъ всегда бываетъ на первое время, когда наука имѣетъ дѣло съ очень сложнымъ вопросомъ. Придумать гипотезъ можно много, а не такъ легко натолкнуться на фактъ, рѣшающій участь гипотезы, когда по какому-нибудь явленію есть, вѣрно, тысячи фактовъ, а извѣстны ихъ только какіе-нибудь десятки. Притомъ, числа обыкновенно, рѣшаютъ участь гипотезы, а на первое время дается всегда рѣшеніе только общее, безъ чиселъ, которыя бы можно было проверить. Такъ и для объясненія вулкановъ и землетрясеній есть множество различныхъ гипотезъ, и притомъ, какъ сейчасъ сказано, и такихъ гипотезъ, которыя обходятъ со-всѣмъ предположеніе объ огненно-жидкомъ ядрѣ. Такова, напр. гипотеза знаменитаго покойнаго геолога Ч. Лайеля. Лайель говоритъ, что земля, вѣроятно, твердое тѣло и что въ ней, т. е. въ ея верхнихъ слояхъ, есть только озера, моря и океаны лавы, или вообще расплавленнаго вещества. Эти очаги расплавленнаго вещества образуются, по мнѣнію Лайеля, вслѣдствіе различныхъ химическихъ процессовъ, а также вслѣдствіе мѣстныхъ сосредоточиваній теплоты, производимой тѣми электромагнитными токами, которые несомнѣнно обращаются всегда на глубинѣ. Или еще, Лайель говоритъ, что въ различныхъ мѣстахъ температура на глубинѣ различна, а эти неравенства температуръ должны порождать термоэлектрическіе токи, которые способны расплавлять большія массы вещества. Если же такъ, то затѣмъ остается только принять, что до озеръ и морей лавы доходитъ временами вода—и затѣмъ, водяные пары могутъ, какъ по общепринятой гипотезѣ, производить вулканическія изверженія, съ содѣйствіемъ и нѣкоторыхъ газовъ. При этой гипотезѣ нѣтъ необходимости принимать, чтобы лавамъ приходилось подниматься вверхъ 50—60 верстъ, потому что озера, моря и даже (сравнительно не глубокіе) океаны лавы могутъ залегать не такъ глубоко подъ поверхностью; кромѣ того, эта гипотеза объясняетъ перемѣненія вулканическихъ областей въ различныхъ геологическія эпохи, потому что направленія электромагнитныхъ токовъ должны мѣняться. Землетрясеніе же Лайель объясняетъ—одни изъ нихъ: обваливаніемъ подзем-

ныхъ пещеръ, или пустотъ, вымываемыхъ подземною водою, а другія—давленіемъ паровъ и волненіями вещества подземныхъ озеръ и морей лавы, подъ вліяніемъ тѣхъ же паровъ.—Другой англійскій геологъ, Р. Малетъ, объясняетъ вулканы и землетрясенія—тоже безъ расплавленнаго ядра земли—слѣдующимъ образомъ. Внутренность земного шара еще сохранила отъ первобытныхъ эпохъ, высокую температуру, хотя и не расплавлена, верхніе же слои значительно холоднѣе. Земной шаръ, вслѣдствіе излученія теплоты въ пространство, продолжаетъ еще сжиматься. Но такъ какъ величина, коэффициентъ, сжатіе, для болѣе теплаго ядра, по законамъ физики, больше, чѣмъ для болѣе холодныхъ верхнихъ слоевъ, то ядро скорѣе, сильнѣе сжимается; верхніе слои не поспѣваютъ за нимъ; и наконецъ, лишившись опоры, осѣдаютъ или проваливаются. Отсюда—растрескиванія и землетрясенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, механическая работа осѣданія превращается въ теплоту; вслѣдствіе этого породы должны мѣстами плавиться,—и эти расплавленные вещества объясняютъ происхожденіе вулкановъ, потому что едва до нихъ дойдетъ вода—пары начинаютъ выдавливать ихъ въ существующія щели.

Мы могли бы привести еще множество гипотезъ, въ которыхъ не менѣе удачно объясняются вулканы и землетрясенія, безъ всякой расплавленной земной внутренности. Но здѣсь—это было бы бесполезно. Достаточно того, что мы показали читателю, что вулканы и землетрясенія не требуютъ необходимости, чтобы внутренность земного шара была расплавлена. Впрочемъ, само собою разумѣется, что вулканы и землетрясенія не доказываютъ также неперемѣнно, чтобы земля не была внутри расплавлена. Просто, эти явленія не могутъ намъ дать никакого опредѣленнаго отвѣта на нашъ вопросъ о физическомъ состояніи земной внутренности.

Есть еще нѣкоторыя другія геологическія явленія, въ объясненіе которыхъ входитъ то или иное представленіе о земной внутренности, и которыя, слѣдовательно, также даютъ, по пути, то или иное рѣшеніе нашего вопроса. Но мы на нихъ не будемъ останавливаться. Они менѣе важны. Эти явленія: образованіе горъ, поднятіе материковъ и вообще обширныхъ частей земной поверхности и нѣкоторыя свойства такихъ (плутоническихъ) породъ, какъ гранитъ, сіенитъ, гнейсъ, діоритъ, діабазъ, и т. п. Напр. говорили, что горы поднимаются вверхъ расплавленными гранитами и т. п., притекающими снизу. Но новѣйшія изслѣдованія Дана, Сюсса и др. сильно подорвали эту теорію, доказавъ, путемъ болѣе основательнаго изслѣдованія нѣкоторыхъ горныхъ системъ, что устройство этихъ горъ несогласно съ этою теоріею поднятія. Теперь происхожденіе горъ приписываютъ охотнѣе процессу постепеннаго охлажденія и сжатія земли: нѣкоторыя части поверхности осѣдаютъ; а такъ какъ, слѣдовательно, приходится теперь занимать меньшую площадь (земля есть шаръ), то онѣ производятъ боковое давленіе на окружающія части поверхности и вздымаютъ ихъ вверхъ. Надъ образованіемъ материковъ и вообще вѣковыми поднятіями обширныхъ площадей земли, не будемъ вовсе останавливаться. Что же до огненнаго происхожденія плутоническихъ породъ, то оно сильно оспаривается Моромъ и другими; притомъ, если бы даже эти породы были когда-нибудь въ расплавленномъ состояніи, то все-таки это не доказывало бы еще, что вся земля внутри расплавлена: эти породы могли бы быть продуктами и остатками отъ подземныхъ озеръ и морей расплавленнаго вещества.

Послѣдняя категорія явленій, имѣющихъ отношеніе къ нашему вопросу о физическомъ состояніи земной внутренности, принадлежитъ къ об-

ласти астрономіи. Эти явленія—приливы и отливы, прецессія и нутаціи.

Приливы и отливы зависятъ, какъ извѣстно, отъ притягательныхъ дѣйствій луны и солнца. Для насъ, въ этомъ явленіи, важно слѣдующее. Солнце и луна, согласно законамъ Ньютона, дѣйствуютъ притягательно на каждую, въ отдѣльности, частичку земного шара, а притяженіе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе притягивающее тѣло къ притягиваемому; результатомъ всего этого является то, что, напр., луна, дѣйствуя на земной шаръ, стремится растянуть его въ обѣ стороны, по направленію той линіи, которая соединяетъ ея центръ съ центромъ земли,—и этому дѣйствію подвергается не только вода, покрывающая земной шаръ (отчего, между прочимъ, зависятъ, что приливы бываютъ одновременно, на противоположныхъ точкахъ земного шара), но и самый земной сфероидъ, какъ тѣло твердое. Какъ это происходитъ? Представимъ себѣ, что передъ нами 3 человѣка: *a*, затѣмъ вправо отъ него, на одинъ шагъ разстоянія, *b*; а еще вправо отъ *b*, тоже на одномъ шагѣ разстоянія, *c*. Теперь, пусть по командѣ «двигайся!», раздающейся справа, люди начнутъ двигаться вправо, и тѣмъ больше, чѣмъ ближе тотъ или другой изъ нихъ къ командирѣ: *c* пусть отойдетъ вправо 3 шага, *b*—2 шага, и *a* 1 шагъ. Что получится? Наша тройка вытянется и будетъ занимать уже линію не въ два, а въ четыре шага длины: *b* будетъ опять, по прежнему, въ серединѣ, но между нимъ и *a*, и между нимъ и *c*, будетъ уже по два шага, вмѣсто одного. Подобное же стремится произвести съ землею луна: ближайшая къ ней часть земли больше къ ней стремится, центръ—меньше, а противоположная часть еще меньше; вслѣдствіе этого, луна нарываетъ растянуть земной шаръ, превратить его, такъ сказать, изъ шара въ эллипсоидъ. Но понятно, что, въ такомъ случаѣ, величина приливовъ должна находиться въ зависимости отъ степени твердости земного шара. Дѣйствительно, шаръ абсолютно твердый вовсе не поддается растягивающему дѣйствію луны: на немъ только вода поднимется къ лунѣ (и на противоположной точкѣ земнаго шара тоже поднимется), самъ же шаръ при этомъ не всучится въ томъ же направленіи (не всучится и съ противоположной стороны), и слой воды будетъ толстый (въ томъ мѣстѣ, надъ которымъ луна, и на антиподной точкѣ земнаго шара), или же приливъ будетъ большой. Наоборотъ, если притяженію подвергается шаръ жидкій внутри, и только сверху покрытый, болѣе или менѣе упругою, корою, то не только вода, но и сама кора и внутренняя жидкость всучатся (тамъ, гдѣ луна, и съ противоположной стороны), а слѣдовательно слой воды будетъ тоньше, не будетъ той глубины воды, или—приливъ будетъ меньше, чѣмъ на шарѣ абсолютно твердомъ. Можно даже вычислить, какая величина приливовъ должна быть на шарѣ, подобномъ земному, смотря по той или иной степени твердости. Къ сожалѣнію, приливы совершаются не на шарѣ совершенно гладкомъ: неправильности очертанія материковъ, неправильности морского дна и пр., сильно осложняютъ явленіе, и потому нельзя никакъ вычислить напередъ точной величины прилива для какой-нибудь опредѣленной точки земнаго шара, въ гипотезѣ, что земля абсолютно тверда, или тверда какъ сталь, или какъ стекло, или абсолютно жидка, и т. д., и затѣмъ сравнить, къ какой изъ этихъ теоретическихъ величинъ ближе подходятъ дѣйствительные приливы въ этой мѣстности; разница всегда будетъ большая, и неизвѣстно будетъ, что изъ нея приписать неровностямъ морского дна и т. д. Но есть еще одинъ исходъ. Солнце и луна измѣняютъ, какъ извѣстно, свои небесныя широты, и теорія доказываетъ, что эти

измѣненія въ «склоненіяхъ», какъ выражаются астрономы, видоизмѣняютъ, «возмущаютъ» періодически величины приливовъ. Возмущенія, собственно независимы отъ абсолютной величины того прилива, который ими возмущается: просто величина данного прилива бываетъ то наибольшая, то наименьшая, смотря по склоненію, напр., луны. Теорія же даетъ возможность вычислить величину возмущеній прилива, зависящихъ отъ измѣненій въ склоненіи луны или солнца, для опредѣленной точки земного шара, въ гипотезѣ той или иной его твердости. Послѣ чего останется, значить, только посмотреть, къ какой изъ разныхъ величинъ возмущенія ближе подходятъ дѣйствительныя. Англіійскій физикъ Вильямъ Томсонъ вычислилъ именно такіа возмущенія, въ двухнедѣльных лунныхъ приливахъ, зависящихъ отъ измѣненій въ склоненіяхъ луны, для той точки земной сферы, гдѣ находится Тенерифа, — въ гипотезѣ, то, что земля тверда, какъ сталь, то, что она тверда, какъ стекло, и т. д. Когда же онъ обратился къ фактамъ, то нашелъ, что фактическая величина возмущеній всего ближе подходитъ къ той теоретической, которая получается для шара, нѣсколько болѣе твердаго, чѣмъ стекло.

Если бы мы имѣли совершенно надежныя наблюденія надъ возмущеніями двухнедѣльных лунныхъ приливовъ у Тенерифы, зависящихъ отъ измѣненій въ склоненіяхъ луны, то, воспользовавшись вычислениями Томсона, могли-бы даже вполне рѣшить вопросъ объ общей твердости земли. Къ сожалѣнію, факты еще не настолько точно установлены; такъ что конечный выводъ Томсона, все таки, только въ высшей степени вѣроятенъ.

Явленія колебанія земной оси, или—какъ выражаются астрономы—явленія прецесіи и нутаціи, заключаются въ сущности, въ слѣдующемъ. Земля, какъ извѣстно, сплюснута нѣсколько у полюсовъ и вздута вдоль экватора; а вслѣдствіе того, что у нея есть экваториальная вздутость, солнце и луна (способомъ, который пришлось бы долго разяснять) постоянно выводятъ ея ось вращенія изъ ея положенія (но не наклоненія къ плоскости земной орбиты, или эклиптики!), заставляя ее совершать движеніе, подобное тому, которое совершаетъ ось вращенія волчка, когда тотъ готовъ остановиться. Если осью эклиптики назвать ось такой сферы, совпадающей своимъ центромъ съ центромъ земли, у которой ось экватора играетъ эклиптика, то выйдетъ, что земная ось, наклоненная къ оси эклиптики, или же, что ея оба продолженія, описываютъ вокругъ этой оси конусы, сходящіеся вершинами въ центрѣ земли: сѣверная часть земной оси—конусъ вокругъ сѣверной части оси эклиптики, а южная часть земной оси—конусъ вокругъ южной части оси эклиптики. Или еще иначе: представимъ себѣ, что ось земная и ось эклиптики продолжены до неба; тогда сѣверный полюсъ неба будетъ описывать кругъ, или точнѣе эллипсъ, вокругъ сѣвернаго полюса эклиптики, а южный—вокругъ южнаго. Это круженіе, впрочемъ, очень медленно, и завершаетъ свой циклъ въ 26,000 лѣтъ. Прецесіей же, т. е. предвареніемъ равноденствій, это явленіе называется по той причинѣ, что, вслѣдствіе описаннаго сейчасъ движенія земной оси, экваторъ, неизмѣнно связанный съ осью земли, мѣняетъ свои точки пересѣченія съ эклиптикою (точки равноденствій), а именно: эти точки, оказывается, передвигаются ежегодно на 50 сек. окружности съ востока на западъ, вслѣдствіе чего постоянно предваряется, т. е. наступаетъ раньше равноденствіе.

Нутація есть другое, второстепенное колебаніе земной оси, которое зависитъ отъ дѣйствія луны. А именно: земная ось, ея оба конца, не только описываютъ вообще свои конусы (сходя-

щіеся вершинами въ центрѣ земли) вокругъ оси эклиптики, но, по пути, еще кружатся. Напр., сѣверная часть земной оси описываетъ по пути рядъ маленькихъ конусовъ вокругъ той линіи, которую она каждый разъ занимала бы вслѣдствіе вліянія одной прецесіи; или же иначе: сѣверный полюсъ неба тѣмъ временемъ какъ онъ, въ сущности, медленно движется вокругъ полюса эклиптики, по пути описываетъ еще рядъ круговъ, или, точнѣе, эллипсовъ, вокругъ той точки на большемъ эллипсѣ, которую онъ занималъ бы вслѣдствіе вліянія одной прецесіи—причемъ періодъ каждаго изъ такихъ оборотовъ равенъ 19 годамъ.

Кромѣ этихъ главныхъ колебаній земной оси есть, впрочемъ, еще одно, двухнедѣльное, зависящее отъ луны и одно съ полугодовымъ періодомъ, зависящее отъ солнца.

Теперь,—для насъ именно, во всѣхъ этихъ колебаніяхъ земной оси важно то, какъ доказываетъ теоретическая механика, явленія прецесіи и нутаціи должны быть различны по величинѣ, смотря по тому, какую степень твердости имѣетъ тотъ сфероидъ, который ихъ обнаруживаетъ. Тотъ же англійскій физикъ, В. Томсонъ, о которомъ мы выше говорили, разработалъ и этотъ вопросъ, и въ 1876 году пришелъ, наконецъ, къ слѣдующимъ выводамъ:

Что касается до прецесіи и до 19-лѣтней лунной нутаціи, т. е., что касается до тѣхъ колебаній земной оси, которыя мы подробно описали, то хотя величина ихъ и должна быть различна, смотря по степени твердости сфероиды—однако та величина, которая получается для сфероиды, абсолютно твердаго (какимъ астрономы, для простоты, разсматриваютъ землю), и та величина, которая получается для сфероиды, абсолютно жидкаго, покрытаго твердою корою — разнятся другъ отъ друга на такое ничтожное количество, котораго наши сравнительно грубыя наблюденія не могли бы обнаружить. Эта разница, для прецесіи, равняется всего $\frac{1}{62}$ секунды.

Но другое дѣло — полугодовая солнечная и двухнедѣльная лунная нутація. Оказалось, что онѣ должны сильно разниться по величинѣ, смотря по твердости сфероиды, подобнаго земному. И Томсонъ нашелъ, что фактически наблюдаемая величины этихъ нутаціи такіа, какія должны быть у сфероиды, по меньшей мѣрѣ, твердаго какъ сталь.

Такимъ образомъ, изъ явленій приливовъ и отливовъ и изъ явленій колебанія оси, слѣдуетъ, повидимому, что земля есть вообще твердое тѣло. И если бы этотъ приговоръ былъ приговоръ безапелляціонный, то на этомъ выводѣ, конечно, и слѣдовало бы остановиться. Къ сожалѣнію, вопросъ о значеніи приливовъ и особенно колебаній земной оси, въ вопросѣ о физическомъ состояніи земли,—чрезвычайно трудный (въ исполненіи) вопросъ; и не далѣе, какъ самъ гениальный физикъ, о которомъ мы говорили, придерживался на этотъ счетъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣсколько иныхъ воззрѣній. Поэтому, хотя слѣдуетъ признать, что В. Томсонъ очень далеко подвинулъ вопросъ о состояніи земной внутренности къ желанному рѣшенію, но безспорно онъ все-таки этого вопроса не рѣшилъ.

Резюмируя все вышеизложенное, мы приходимъ къ заключенію, что вопросъ о томъ, жидка ли или тверда и т. д. внутренность земли еще не рѣшена окончательно; но что въ настоящее время вѣсы склоняются болѣе въ пользу вывода, что земля вообще уже успѣла отвердѣть.

Естественныя богатства Россіи.

(Ст. Л. М. Невольскаго.)

I.

Нефть.

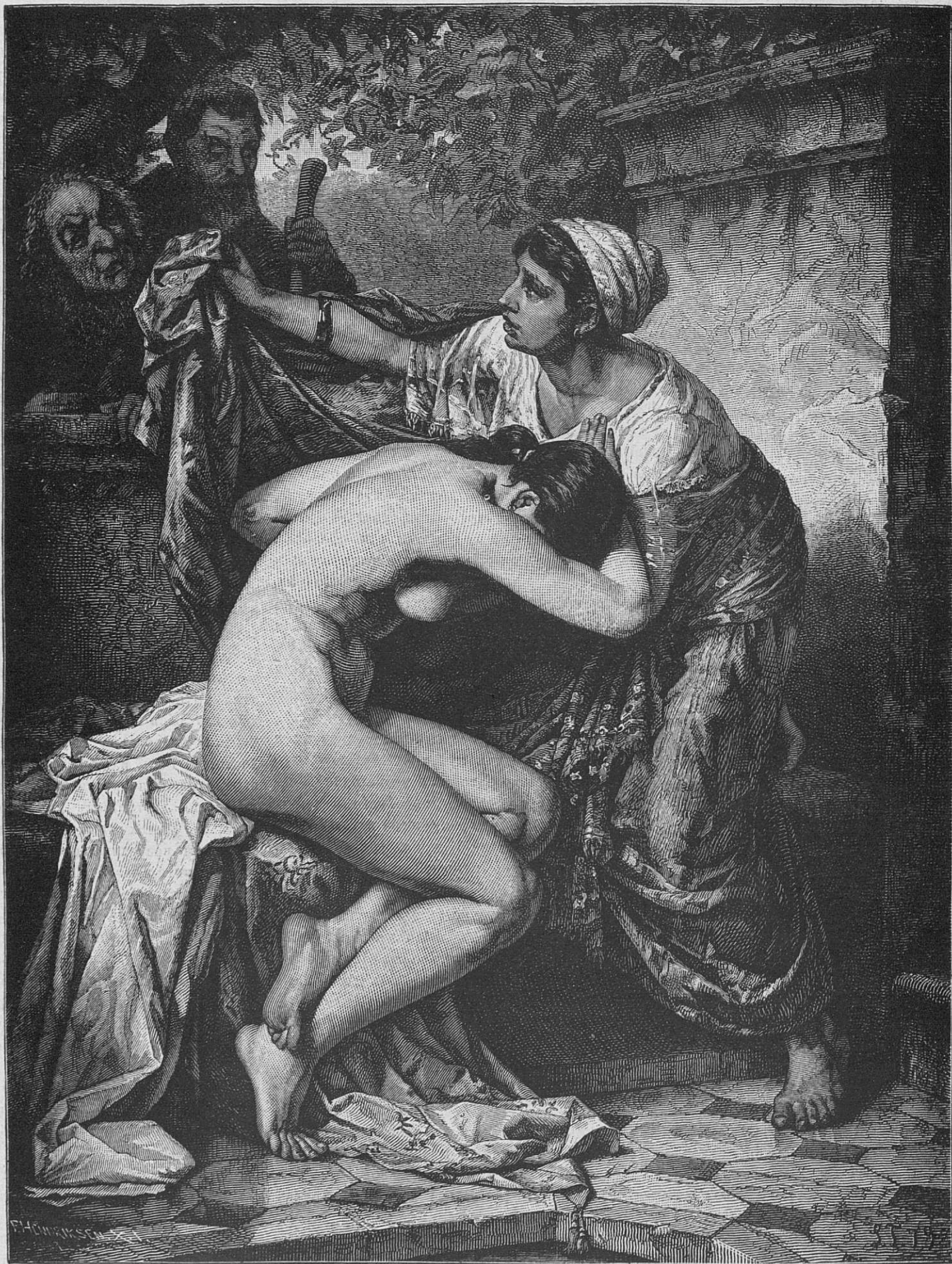
Ссылки на изобиліе и разнообразіе нашихъ естественныхъ богатствъ до того часты, что сдѣлались скучнѣйшимъ стереотипнымъ аргументомъ, который извлекается изъ—подъ спуда патріотическаго оптимизма на страхъ и посрамленіе всѣмъ попыткамъ болѣе трезваго анализа въ области чувствительнаго вопроса о нашей національной бѣдности. Безспорно, территорія Россіи, на всемъ ея громадномъ географическомъ протяженіи, даже при самыхъ поверхностныхъ и далеко не повсемѣстныхъ изысканіяхъ, а то зачастую и безъ всякихъ поисковъ, успѣла раскрыть человѣку изумительное разнообразіе естественныхъ сокровищъ; но и за признаніемъ непреложности этого факта, все-таки рядомъ съ нимъ уживается парадоксъ, по которому земля наша остается «обильною» сама по себѣ, а наша національная бѣдность — сама по себѣ. Для разрѣшенія этой лишь повидимому замысловатой загадки отнюдь не приходится тревожить эдинову мудрость и витать въ сферѣ высшихъ теоретическихъ соображеній; достаточно доброй воли и терпѣнія прослѣдить ходъ и развитіе любого отечественнаго промысла и передъ вами съ досадливою опредѣленностью выяснится вся логическая возможность даже такого парадоксальнѣйшаго изъ парадоксовъ, какъ тотъ, который объясняетъ нашу бѣдность нашимъ же богатствомъ. Для подобныхъ экспериментовъ пригоднѣе и типичнѣе другихъ представляется нашъ, сравнительно молодой, нефтяной промыселъ, какъ по возлагавшимся на него упованіямъ, такъ и по имѣющимся на лицо результатамъ. Вопросъ этотъ интересенъ еще и потому, что свѣденія о немъ въ читающей публикѣ довольно сбивчивы, а литература нефтянаго дѣла по большей части замкнута въ ученыхъ дебряхъ разныхъ специальныхъ изданій и уже поэтому недоступна массѣ читателей-неспециалистовъ. Роль наша въ предлагаемой статьѣ ограничивается простымъ подборомъ фактовъ и возможно доступнымъ ихъ изложеніемъ, причемъ, кромѣ технической и промышленной стороны, мы позволимъ себѣ коснуться вкратцѣ весьма интереснаго вопроса о происхожденіи нефти, насколько онъ выясненъ современной наукой.

Какъ извѣстно, нефть или петролеумъ, или горное масло есть жидкая смѣсь летучихъ углеводородныхъ маселъ, обладающая специфическимъ запахомъ и въ технической переработкѣ дающая всѣмъ извѣстный продуктъ повседневнаго употребленія—керосинъ или фотогенъ. Нефтяныя мѣсторожденія встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ земного шара, а горючее свойство нефти было извѣстно уже въ глубокой древности. Огненоклонники, послѣдователи Зороастра, воздвигали храмы надъ трещинами, изъ которыхъ выдѣлялись горючіе нефтяные газы, а въ Персіи, Индіи и Сѣв. Америкѣ нефть съиздавна употреблялась какъ смазочное и медицинское средство и отчасти какъ освѣтительный матеріалъ. Въ западной Европѣ употребленіе летучихъ маселъ въ общежитіи началось только въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія; первоначально масла эти получались путемъ весьма сложной перегонки изъ сланцевъ, смолстыхъ шиферовъ, торфа и другихъ минераловъ. Ясно, что продуктъ не могъ быть дешевъ и потому, когда въ началѣ 60-хъ годовъ на рынкахъ западной Европы появилась дешевая американская нефть, старому производству минеральныхъ маселъ былъ нанесенъ смертельный ударъ, а керосинъ вытѣснилъ всѣ другіе освѣтительные матеріалы.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Л. ТУКСЕНА.

Сусанна.

Рѣзано на деревѣ въ Голландіи.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА К. Е. МАКОВСКАГО.

ДѢВЧКА СЪ МОЛОКОМЪ.
Рисоваль И. Михайловъ, рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“.

Кромѣ дешевизны, летучія масла болѣе пригодны еще и по своему химическому составу: масла эти состоятъ изъ водорода и углерода, а потому при горѣніи развиваютъ высшую температуру и даютъ большее количество свѣта, чѣмъ употреблявшіяся до того жирныя масла, въ составъ которыхъ входитъ еще и кислородъ; по своимъ физическимъ свойствамъ, летучія масла обусловили упрощеніе освѣтительныхъ приборовъ и отъ довольно сложной конструкціи масляныхъ лампъ, напр., карсельской, мы перешли къ той незатѣйливой керосиновой горѣлкѣ, которая въ настоящее время вошла почти въ повсемѣстное употребленіе и, при дешевизнѣ освѣтительнаго матеріала, приобрѣла полную популярность въ домашнемъ быту.

Уже одна эта популярность керосинового освѣщенія выдвигаетъ вопросъ о происхожденіи самого освѣтительнаго матеріала. Керосинъ готовится изъ нефти. Но откуда происходитъ нефть? какимъ геологическимъ процессамъ обязана она своимъ существованіемъ? — интересные вопросы, на которые современная наука можетъ дать лишь гипотетическіе отвѣты. Изъ всѣхъ многочисленныхъ попытокъ объясненія происхожденія нефти болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія теоріи Гарпера, Бертоле, Дюма, Розе, Бунзена, Гохштетера и Менделѣева. Но, примѣняясь къ размѣрамъ предлагаемой работы, мы должны ограничиться резюмированіемъ двухъ-трехъ наиболѣе оригинальныхъ и правдоподобныхъ теорій и противопоставляемыхъ имъ возраженій. Въ сущности, всѣ предложенныя теоріи можно свести къ двумъ основнымъ возрѣніямъ: геологи-плутонисты пропагандируютъ минеральную теорію происхожденія нефти; геологи-пелитонисты строятъ органическую теорію. И тѣ, и другіе приводятъ болѣе или менѣе вѣскія данныя въ защиту приводимыхъ ими возрѣній, настойчиво опровергая основныя положенія противоположной теоріи. Плутонисты доказываютъ, что нефть образовалась (и образуется теперь) изъ углеводородныхъ газовъ, которые или поднимаются изъ нѣдръ земли силою упругости выдѣляющихся вновь газовъ или, какъ думаютъ Дюма и Розе, находятся въ сгущенномъ состояніи въ пластахъ каменной соли и, послѣ растворенія послѣдней подземною водою, освобождаются изъ соединенія, а затѣмъ силою давленія слоевъ земли, переходятъ въ капельно-жидкое состояніе, принимая видъ нефти. Но если это такъ въ дѣйствительности, то поднявшіеся газы должны бы были пропитать собою всѣ пласты земной норы, какъ воднаго, такъ и огненнаго происхожденія, даже такіе, каковы чистые или, въ которыхъ, однако, не найдено малѣйшихъ слѣдовъ нефти, даже при непосредственномъ ихъ соприкосновеніи съ пластами, обильно пропитанными нефтью. Поборники теоріи происхожденія нефти изъ каменнаго угля приводятъ въ подтвержденіе своихъ возрѣній аналогическіе результаты искусственной сухой перегонки ископаемаго угля причемъ получается свѣтильный газъ, легкія масла (фотогенъ), тяжелыя масла, парафинъ, асфальтъ и проч. Тотъ же процессъ, по ихъ мнѣнію, совершается въ подземной лабораторіи: ретортой здѣсь служатъ нѣдра земли, очагомъ — внутренней жаръ, холодильникомъ — верхнія геологическія наслоенія, а продуктомъ перегонки — нефть. Все это совершенно логично и приведенная аналогія была бы убѣдительною, если бы дѣйствительно въ природѣ совершался подобный процессъ перехода каменнаго угля въ нефть. К. Мюллеръ («Растительный міръ»), изслѣдовавшій продукты вулканической дѣятельности въ Гренландіи, нашелъ, что подъ вліяніемъ вулканической температуры антрацитъ преобразовался въ графитъ, а бурый уголь — въ антрацитъ, но нигдѣ не замѣтилъ слѣдовъ нефти и асфальта. Равнымъ

образомъ не примиряется съ этою теоріей и тотъ фактъ, что нахожденіе нефти въ самыхъ мѣсторожденіяхъ каменнаго угля или даже по близости ихъ принадлежитъ къ исключительнымъ случаямъ, тогда какъ должно бы быть общимъ правиломъ. По теоріи Гарпера, нефть есть продуктъ разложенія органическихъ остатковъ внутри земли подъ вліяніемъ вулканическихъ силъ. Гарперъ различаетъ даже нефть животнаго происхожденія; первая, по его мнѣнію, темно-бураго цвѣта и не издаетъ особенно непріятнаго запаха, тогда какъ вторая имѣетъ отвратительный запахъ и зеленоватую окраску. Американская нефть, по Гарперу, могла получиться только путемъ разложенія животныхъ организмовъ. Животныя, на большихъ иногда пространствахъ, гибли въ морѣ и, будучи затѣмъ снесены волнами въ одно мѣсто, въ результатъ своего разложенія дали нефть. Но это предположеніе представляется весьма мало вѣроятнымъ, ибо хотя въ американскихъ нефтеросахъ и попадаются животныя остатки, однакожъ, далеко не въ соответствующемъ обилію нефти количествѣ, а присутствіе въ нефти аміака еще не доказываетъ ея животнаго происхожденія, такъ какъ и въ продуктахъ перегонки каменнаго угля тоже есть аміакъ.

Повидимому, болѣе вѣроятна теорія, предполагающая образованіе нефти изъ растительныхъ остатковъ. Извѣстны и теперь громадныя морскія пространства, покрытыя сплошь водорослями; таково, напр., Саргасово море на Атлантическомъ океанѣ, между островами Азорскими, Канарскими и Зеленаго мыса, или между 19 и 34° сѣв. широты; лѣса водорослей, лежащія между Багамскими и Бермудскими островами, тоже въ Атлантическомъ океанѣ, а также у береговъ Калифорніи въ Тихомъ океанѣ и занимающія всѣ вмѣстѣ площадь въ семь разъ большую, чѣмъ Франція. Въ болѣе раннія эпохи существованія нашей планеты, вслѣдствіе болѣе высокой температуры, условія для развитія этихъ водорослей были еще благоприятнѣе, а занимаемые ими пространства еще обширнѣе. Очень возможно, что во время какой-нибудь геологической катастрофы громадныя массы водорослей были завалены землею. Подъ давленіемъ слоевъ земли вода была вытѣснена изъ этой массы и, вмѣсто гніенія, отчасти подъ вліяніемъ химическихъ процессовъ, отчасти отъ давленія нагроможденныхъ минеральныхъ напластованій и преимущественно отъ внутреннего жара земли, масса засыпанныхъ водорослей очутилась въ условіяхъ такой высокой температуры, какая необходима для сухой перегонки, при которой и могла получиться нефть.

Наконецъ, проф. Менделѣевъ, въ своей книгѣ «Нефт. пром. въ Пенсильваніи и на Кавказѣ», предлагаетъ свою теорію происхожденія нефти. Опровергая положенія органической теоріи, авторъ объясняетъ происхожденіе нефти дѣйствіемъ воды на углеродистые металлы въ нѣдрахъ земли, причемъ вода разлагается: «металъ съ кислородомъ воды даетъ окиселъ, водородъ выдѣляется частью свободный, а частью соединенный съ углеродомъ, т. е. углеродъ, бывшій въ соединеніи съ металломъ, даетъ углеводородъ, вещество летучее — это нефть. Жидкая вода, соприкоснувшись съ нагрѣтыми массами, давала пары, часть которыхъ выносила съ собою пары образовавшихся углеводородовъ. Они, поднимаясь, охлаждались и жидкіе углеводороды собирались въ тѣхъ пластахъ, которые ихъ принимали» (стр. 235—2). Такова теорія, предложенная нашимъ ученымъ и исповѣдуемая имъ съ весьма недавняго времени, такъ какъ въ той же книгѣ, на стр. 55, читаемъ: «нефть, конечно, образовалась изъ остатковъ животныхъ и растений, прежде жившихъ» — и болѣе категорически на

стр. 20: «источниками образованія нефти въ нѣдрахъ земли несомнѣнно служатъ какіе-либо остатки организмовъ допотопнаго міра, разлагающихся или дѣйствіемъ внутреннего жара, или самопроизвольно, а можетъ быть и подъ вліяніемъ воды». Такимъ образомъ, теоретическій вопросъ о происхожденіи нефти остается въ настоящее время въ положеніи болѣе или менѣе открытаго вопроса и отъ положительнаго разрѣшенія его въ значительной мѣрѣ зависитъ дальнѣйшій успѣхъ практическихъ изысканій нефтяныхъ мѣсторожденій и ихъ эксплуатаціи.

Признаки нефтяныхъ мѣсторожденій открыты въ разныхъ частяхъ Европейской и Азіатской Россіи: по рѣкѣ Печерѣ, въ симбирской и самарской губ., въ тетюшскомъ уѣздѣ казанской губ., въ Крыму, въ терской области, въ Дагестанѣ и на Кубани, въ губ. тифлиской и бакинской, на островахъ Святомъ и Челекенѣ на Каспійскомъ морѣ, въ Сибири и Туркестанѣ. Уже изъ одного этого перечня видно, что обширный поясъ нефтяныхъ мѣсторожденій тянется по направленію Кавказскаго горнаго хребта и на его естественномъ продолженіи въ Крыму и по ту сторону Каспійскаго моря, къ туркменскимъ берегамъ. По официальнымъ даннымъ для 1877 года, всего добыто въ Россіи нефти въ этомъ году 12.511,000 пуд.; изъ этого количества на бакинскую губ. падаетъ 12.057,000 п., а остальное количество раздробляется между другими губерніями и областями Кавказа и закаспійскимъ округомъ. Такимъ образомъ, центръ нефтянаго промысла лежитъ въ бакинской губ. и потому, говоря о нефтяномъ дѣлѣ въ Россіи, мы будемъ имѣть въ виду мѣстность Апшеронскаго полуострова, на которомъ лежитъ городъ Баку. Почва этого полуострова весьма интересна въ геологическомъ отношеніи: кромѣ нефти, здѣсь встрѣчаются мѣсторожденія кира, соляныя озера, сѣрные и соляные ключи, а изъ трещинъ почвы выдѣляются горючіе газы. Самая нефть просачивается здѣсь на поверхность земли или всплываетъ жирными каплями со дна моря и заставляетъ предпологать громадныя ея скопленія въ болѣе или менѣе глубокихъ слояхъ земли. Добыча нефти сосредоточена около деревень Балаханы и Сабунчи, въ 12 верстахъ отъ Баку.

Что касается зарожденія нефтянаго промысла въ Россіи, то этого зарожденія, собственно говоря, и не было и мы лишь вступили въ послѣдственное обладаніе извѣстнымъ образомъ поставленнаго промышленнаго предпріятія въ томъ его состояніи, въ какомъ оно находилось въ рукахъ персовъ до покоренія нами бакинскаго ханства въ 1806 г. Золотое руно Колхиды далось намъ въ руки весьма легко и россійскимъ аргонавтамъ не пришлось прибѣгать къ чудесной помощи волшебницы Медузы, а бдительность охранявшаго это сокровище дракона не нуждалась въ усиленіи, такъ какъ онъ и безъ того спалъ въ ковыльномъ непробудномъ сномѣ. Но, овладѣвъ золотымъ руномъ Колхиды, мы, въ свою очередь, ничемъ не обнаружили пониманія важности нефтяныхъ богатствъ Кавказа и, не покажи намъ Европа годъ керосинового освѣщенія, мы бы, по всей вѣроятности, не додумались даже до того, до чего дошли персы, у которыхъ съ давнихъ временъ, нефть служила освѣтительнымъ матеріаломъ и сжигалась въ особаго устройства глиняныхъ лампахъ, по мѣстному — чирахъ. Съ 1806 по 1820 годъ на нефтяныя богатства Кавказа не обращалось никакого вниманія и промыселъ въ рукахъ мѣстныхъ жителей былъ свободенъ. Нефть вычерпывалась изъ не глубокихъ колодезѣвъ кожаными мѣшками или бурдюками и вся шла на мѣстное потребленіе. Затѣмъ по 1872 г. нефтяныя мѣсторожденія то сдавались на откупъ, то поступали въ казенное управленіе, но приносили казнѣ весьма ограниченный доходъ; такъ послѣд-

ний откупъ съ 1867—1872 включительно давалъ ежегодно около 135 тыс. р., хотя въ это время керосиновое освѣщеніе было уже въ полномъ распространеніи. По самой сущности откупной системы, эксплуатація нефтяныхъ богатствъ шла далеко не въ соответствующемъ обиліи нефти и спросу на нее количествѣ и потому цѣны на нефть были крайне высоки. Когда въ концѣ 50-хъ годовъ около Баку начали появляться керосиновые заводы, то за покупаемую у откупщика нефть приходилось платить сначала 40 коп., а потомъ 20 коп. за пудъ. Тѣмъ не менѣе, при возраставшемъ потребленіи керосина, предпріятіе оказалось выгоднымъ и число керосиновыхъ заводовъ постоянно увеличивалось. Но операціи ихъ стѣснялись, какъ дороговизной сырого продукта, такъ еще болѣе недостаточнымъ его количествомъ. Откупщику, связанному срокомъ контракта и еще болѣе узкостью своего пониманія, не было прямого расчета вводить какія бы то ни было усовершенствованія въ способѣ добычи нефти, такъ какъ за увеличеніемъ доходности нефтяныхъ источниковъ неминуемо послѣдовало бы увеличеніе откупной платы на будущій контрактный срокъ. Добыча шла самымъ примитивнымъ персидскимъ путемъ, т. е. бурдюкомъ изъ колодезь, а этимъ способомъ можно получить лишь самое ничтожное количество нефти. На пенсильванскихъ нефтяныхъ промыслахъ, въ Америкѣ уже съ 1859 года вошла въ повсемѣстное употребленіе добыча нефти изъ буровыхъ скважинъ, и это изобрѣтеніе Дрэка дало могучій импульсъ развитію нефтянаго дѣла въ Америкѣ; у насъ же первая буровая скважина была заложена лишь въ 1868 г. и хотя дала блестящіе результаты, но откупщикъ помышлялъ только о концѣ контракта и вовсе не торопился съ нововведеніями, а черпалъ себѣ нефть бурдюкомъ и повторялъ пословицу о синицѣ въ рукахъ и о журавлѣ въ небѣ. Въ 60-хъ годахъ противъ откуповъ поднялись голоса и въ литературѣ, и въ промышленномъ мірѣ и, благодаря этимъ голосамъ, или, можетъ быть, незначительности дохода правительству отъ откупа на нефть, по 19 февраля 1872 года откупная система на нефть была отмѣнена, а казенные нефтеносные участки проданы съ аукціона. Нефтяные источники были разбиты на 17 группъ и къ каждой группѣ отмежевано по 10 десят. земли; оцѣночная сумма для торговъ, въ сложности за всѣ группы, была опредѣлена въ 523,328 р. 75 коп. Понятно, оцѣнка эта, при существовавшихъ способахъ добычи нефти, не могла быть даже приблизительно пропорціональной естественнымъ богатствамъ каждой группы, что и обнаружилось при послѣдовавшихъ затѣмъ развѣдкахъ помощью буровыхъ скважинъ. Тѣмъ не менѣе торги вызвали громадную конкуренцію и стоимость нефтяныхъ источниковъ Балаханской площади на торгахъ была доведена до 2,851,178 р. Съ переходомъ нефтяныхъ источниковъ въ частное владѣніе, производительность ихъ съ 1 мил. пуд. возрасла до 3 миліоновъ. Новые владѣльцы приступили къ развѣдкамъ нефтяныхъ мѣсторожденій и, при эксплуатаціи ихъ посредствомъ буровыхъ скважинъ, обнаружилось все изумительное богатство Балаханской площади, почти не початое при прежнемъ способѣ добычи посредствомъ колодезь. Предприниматели и не рады были этому открытію, такъ какъ съ фонтанами нефти вырвались изъ подъ земли такіа богатства, которыя, какъ ни странно это, способствовали обдѣлѣнью тѣхъ, кому они принадлежали.

Въ 1873 году открылся фонтанъ, выкидывающій въ сутки, по приблизительному исчисленію, до 200,000 пуд. нефти; фонтанъ билъ впродолженіи 65 сутокъ и за это время выкинулъ, слѣдовательно, до 13 мил. пудовъ. Изверженная этимъ фонтаномъ нефть образовала большое

озеро и, оставшись безъ всякаго употребленія, загустѣла на воздухѣ и обращается въ киръ. Другой фонтанъ въ 1874 г. прорвался струею въ 8 дюймовъ толщиной и извергалъ въ сутки не менѣе 300,000 пуд. нефти. Открывались и другіе меньшіе фонтаны; одна скважина на группѣ XV, при незначительной глубинѣ въ 260 фут., продолжаетъ и теперь давать ежедневно по 10 тысячъ пуд. нефти. Добытая съ большой глубины нефть оказалась болѣе богатою летучими маслами, а самый процессъ добычи изъ скважинъ—значительно дешевле добычи бурдюками изъ колодезь. Цѣны на сырой продуктъ упали до минимума, а предложеніе сырья значительно превосходило спросъ на него со стороны перегонныхъ заводовъ, которые, сгруппировавшись въ одномъ мѣстѣ не далеко отъ Баку, образовали такъ называемый Черный городокъ. Нефть продавалась ни почемъ. Одновременно и керосинъ имѣлъ все-таки ограниченный сбытъ, а цѣны на него, устанавливаемые Америкой, постепенно падали. Ясно, что дѣла нефтепромышленниковъ, выказавшихъ такую конкуренцію при покупкѣ нефтяныхъ источниковъ,—конкуренцію, соразмѣруемую, впрочемъ, съ существовавшими въ то время цѣнами на сырую нефть и керосинъ,—теперь при полномъ паденіи цѣнъ, оказались далеко не въ блестящемъ положеніи. Когда горячка конкуренціи уступила мѣсто болѣе трезвому взгляду на сущность и выгоду дѣла, оказалось, что новые владѣльцы нефтеносныхъ участковъ нуждаются въ измѣненіи смысла закона 19 февраля 1872 г., по которому нефтяной промыселъ на казенныхъ земляхъ объявлялся свободнымъ, т. е. каждый могъ просить отвода извѣстнаго куска нефтеносной площади. На торгахъ, какъ мы видѣли, продано всего 170 десятинъ, остальные же 142 десят. Балаханской нефтеносной площади остались непроданными и отвода на нихъ не дѣлается. Мало того, мѣстная администрація нашла нужнымъ воспретить жителямъ деревни Балаханы добычу нефти на земляхъ, находящихся въ ихъ общинномъ пользованіи и примыкающихъ къ Балаханской площади, чтобы не подорвать стѣпенныхъ дѣлъ владѣльцевъ купленныхъ участковъ. Мы не знаемъ, остаются ли въ силѣ и теперь эти распоряженія и говоримъ о нихъ со словъ профессора Лисенки, который въ 1876 г. посѣтилъ наши кавказскіе нефтяные промыслы и далъ отчетъ о результатахъ своей поѣздки въ «Запискахъ Русск. Техн. общ.» (1876 г., вып. 6-ой) и въ «Горномъ журналѣ» (№№ 3—6 за 1877 г.). Такимъ образомъ явилась своего рода монополія, которая, однакожъ, не помогла дѣлу и оказалась безсильной устранить кризисъ въ нашемъ нефтяномъ дѣлѣ. Кризисъ этотъ начался въ 1875 г. и, кромѣ паденія цѣнъ, былъ обусловленъ акцизной системой, которою возмѣщался доходъ правительства, уничтоженный вмѣстѣ съ уничтоженіемъ откуповъ на нефть. Въ предположеніи, что бакинская нефть даетъ 40% керосина, а способъ обработкѣ ея однообразенъ на всѣхъ заводахъ, суточная перегонка каждаго ведра нефти была обложена акцизомъ въ 4 коп. Принявъ вышеприведенный расчетъ, а также средній вѣсъ ведра нефти въ 25 фунтовъ, получимъ на каждыя 10 фунт. керосина 4 коп. акциза, а слѣдовательно, на пудъ 16 копеекъ. Этотъ налогъ былъ посиленъ для керосина въ то время, когда пудъ его стоилъ 4 рубля, но когда въ 1875 г. цѣна эта упала до 2 руб. и ниже, то вышесказанное обложеніе, оказалось непосильнымъ. Притомъ же введеніе акциза у насъ совпало съ отмѣной его въ Америкѣ, цѣны тамъ сразу упали, а слѣдовательно и на нашемъ керосиновомъ рынкѣ, регулируемомъ американскими цѣнами, тоже должно было послѣдовать паденіе цѣнъ. Не менѣе дали себя чувствовать

и пресловутыя акцизныя формальности: взносъ акциза дѣлался за недѣлю впередъ, иначе перегонные кубы опечатывались; никакія техническія случайности не освобождали заводчика отъ уплаты акциза; каждая гонка нефти обставлена была утомительными хлопотами и акцизною процедурою; когда стали учреждаться заводы съ непрерывной гонкой, то возникло недоразумѣніе относительно способа взиманія и размѣра акциза на операціи подобныхъ заводовъ; для измѣренія емкости кубовъ акцизные чиновники могли требовать предварительнаго наполненія кубовъ водою, что на извѣстное время парализовало дѣйствіе заводовъ. По сущности взысканія акциза, нисшіе сорта нефти, преобладающіе въ Баку, вовсе не эксплуатировались, такъ какъ они давали изъ ведра въ сутки самое ничтожное количество керосина; брались лишь лучшіе сорта нефти, да и то нѣкоторые заводчики прибѣгли къ способу быстрой перегонки, при которой происходила безумная порча сырья, а керосинъ получался низкаго качества. Въ результатѣ всѣхъ этихъ стѣпеній число перегонныхъ заводовъ начало быстро сокращаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшался и доходъ правительства. Доходъ этотъ, впрочемъ, никогда не былъ значительнымъ; 1874 годъ принесъ доходу съ акциза на нефть всего 296,401 р., а потомъ доходъ этотъ уменьшился. Всѣ вышеупомянутыя неурядицы побудили нефтепромышленниковъ ходатайствовать о возвышеніи пошлины на вывозный керосинъ, объ уничтоженіи акциза на керосинъ внутренняго приготовленія, объ уменьшеніи желѣзнодорожнаго тарифа на послѣдній. Несомнѣнно, говоритъ профессоръ Лисенко,—что при подобныхъ льготахъ можно если не развить, то, во всякомъ случаѣ, установить въ государствѣ не только промыселъ, сообразный съ естественными богатствами страны, но даже прямо имъ противоположный, если только предметъ производства дѣйствительно необходимъ для потребленія. Но хотя вышесказанное ходатайство увѣнчалось успѣхомъ и въ настоящее время акцизъ на керосинъ отмѣненъ, тѣмъ не менѣе толки о печальномъ положеніи нефтянаго дѣла слышались постоянно и въ печати, и въ обществѣ. Цѣна пуда русскаго керосина въ Петербургѣ упала до 1 р. 50 к. въ оптовой продажѣ, не находя и при этой цѣнѣ полного сбыта выдѣляемаго продукта. Впрочемъ, наши керосиновые заводчики и нефтепромышленники напрасно чаютъ повышенія цѣнъ, ибо по самому существу продукта и его назначенію цѣны на него не должны быть высоки. Вся суть въ расширеніи сбыта и эта задача тѣмъ яснѣе, что, при постоянномъ паденіи цѣнъ и на американскій керосинъ, должно же наступить время, когда американскіе промышленники найдутъ достатокъ его въ Россію, а можетъ быть и вообще въ Европу, для себя невыгодной. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что изъ Америки безпрестанно приходятъ вѣсти объ истощеніи тамошнихъ нефтерожденій. Временное повышеніе цѣнъ на американскій керосинъ въ 1876 г.,—слѣдствіе ограниченного ввоза, изъ боязни войны, и монополія, овладѣвшей привознымъ керосиномъ,—обусловило вздорожаніе и русскаго керосина и оживило надежды нашихъ заводчиковъ. Но надежды эти не оправдались и временное настроеніе керосиноваго рынка не сдѣлалось постояннымъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ.)

Изъ міра русскаго искусства.

Диллетанта.

Федоръ Александровичъ Васильевъ.

Родился Васильевъ въ Петербургѣ, въ мелкой чиновничьей семьѣ, 10 февраля 1850 года; отецъ его занималъ какую-то мелкую должность въ

петербургскомъ почтамтѣ. И мальчикъ росъ среди этой бѣдной обстановки, почти безъ всякихъ знаній и безъ всякой подготовки; но уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ пристрастился къ живописи и безъ всякой посторонней помощи рисовалъ все, что попадалось ему на глаза. Пристрастіе мальчика къ рисунку было такъ велико, что обратило на себя вниманіе родителей, и мать, желая знать, насколько сынъ ея способенъ къ живописи, показала собраніе его рисунковъ покойному Ковалевскому, извѣстному автору «Писемъ объ Италіи» и дальнему родственнику Васильевыхъ. Ковалевскій, разсмотрѣвъ рисунки вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ, рѣшилъ, что мальчикъ не имѣетъ никакихъ способностей, и совѣтовалъ ему оставить эти безплодные усилія, которыя впоследствии могутъ привести его только къ разочарованію и горечи. Такимъ образомъ Федоръ Александровичъ Васильевъ еще въ дѣтствѣ оказался

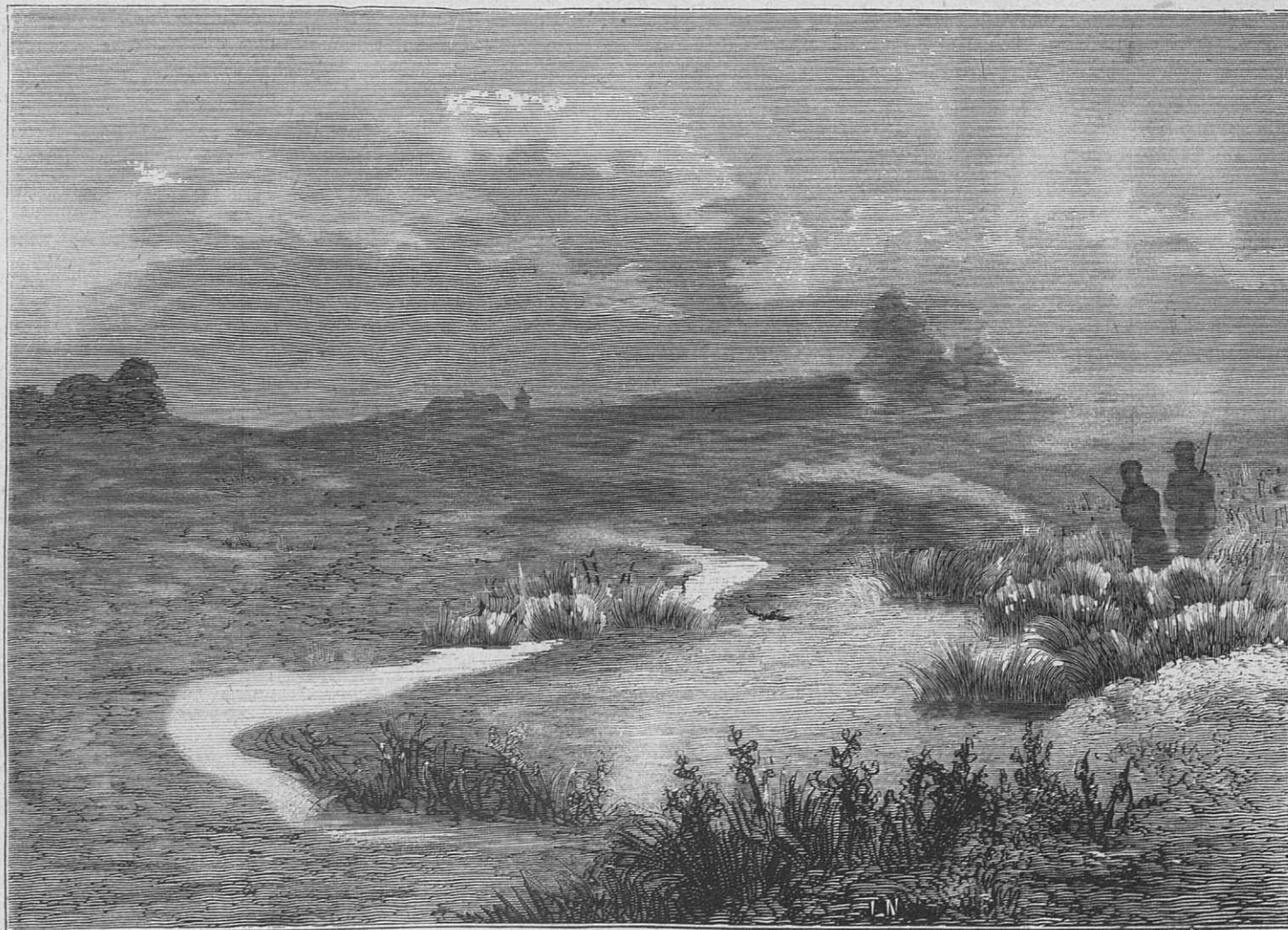
стоятельно, чаще всего безъ всякой технической подготовки, поражаетъ даже несомнѣнныхъ знатоковъ странностью, необычайностью фантазій, которая къ тому же обнаруживается въ формахъ совершенно первобытныхъ и дѣтскихъ, не культивированныхъ, если можно такъ выразиться. Привыкшіе къ извѣстнымъ рутиннымъ приемамъ, сжившіеся съ извѣстными, общепринятыми формами, судьи не въ состояніи, по большей части, разглядѣть изъ-за дѣтскихъ, робкихъ и странной наивной фантазій формъ и приемовъ—зародыша таланта.

Какъ бы то ни было, но приговоръ Ковалевскаго и нѣсколькихъ художниковъ не могъ не отразиться непріятно на впечатлительномъ мальчикѣ, котораго инстинктивно тянуло къ искусству, какъ къ тому заколдованному, чарующему міру, который ему грезился въ его дѣтской фантазій. Едва-ли, однакожъ, этотъ строгій приговоръ повліялъ на него особенно сильно, такъ какъ

двѣнадцать лѣтъ отъ роду молодой Васильевъ поступаетъ на службу въ почтамтъ, гдѣ получаетъ по три рубля въ мѣсяцъ! Эти отроческіе годы непосильнаго и непріятнаго труда не оставили, однакожъ, ощутительнаго слѣда на характерѣ Васильева, можетъ быть, потому, что онъ, какъ и прежде, жилъ больше мечтой, чѣмъ дѣйствительностью, и продолжалъ работать надъ своимъ художественнымъ развитіемъ, не теряя изъ виду ни на минуту главной, излюбленной цѣли своей жизни—сдѣлаться художникомъ.

Вскорѣ онъ сталъ посѣщать рисовальную школу общества поощренія художниковъ (помѣщавшуюся тогда на Васильевскомъ островѣ, у дворцоваго моста, въ домѣ таможеннаго вѣдомства). Тутъ-то и началось, собственно говоря, болѣе или менѣе правильное художественное развитіе его. Школа оказала на него, несомнѣнно, самое благотворное вліяніе: Васильевъ не только познакомился съ необходимыми приемами техники

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

Рисунокъ изъ юношескаго альбома Васильева.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской полиграфіи“.

не понятнымъ людямъ, которые болѣе другихъ имѣли право считать себя компетентными судьями въ искусствѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго: всѣ болѣе или менѣе крупныя таланты въ началѣ своего поприща встрѣчаютъ такое непониманіе, ихъ считают бездарными или странными и житейская мудрость устами опытныхъ людей совѣтуетъ имъ оставить несбыточные мечты и вступить на торную дорожку толпы: вѣдь былъ же Вѣлинскій выключенъ изъ университета за неспособность! Чѣмъ объяснить такъ часто встрѣчающіяся подобныя ошибки со стороны лицъ, которыя въ другихъ случаяхъ несомнѣнно являются людьми проницательными и умными, способными даже понимать первые проблески таланта? Я думаю, что разгадка, по большей части, заключается не столько въ неудачныхъ суждѣніяхъ, сколько въ тѣхъ, которыхъ имъ приходится судить. Сильный, выдающійся талантъ, проявляющійся впервые само-

вскорѣ онъ опять принимается за любимое дѣло и на этотъ разъ уже съ большей энергіей и съ большей самостоятельностью. Натура необыкновенно впечатлительная, страстная и въ тоже время чрезвычайно самостоятельная, какъ бы сознающая свою силу, Васильевъ, на сколько возможно судить по отзывамъ близко знавшихъ его лицъ,—ни на минуту не усомнился въ себѣ и продолжалъ работать, но развитіе его таланта было задержано на время случайными, вѣншими обстоятельствами.

Семья его находилась въ чрезвычайно неблагоприятныхъ матеріальныхъ условіяхъ; эти условія были до такой степени тяжелы, что о какомъ бы то ни было систематическомъ образованіи мальчику нечего было и думать; пришлось, напротивъ того, бросить мечты и обратить вниманіе на суровую дѣйствительность: пришлось не только освободить семью отъ лишняго бремени, но самому сдѣлаться поддержкою ея. И вотъ въ

не только могъ пользоваться указаніями учителей, но въ ежедневныхъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ художниками и товарищами его художественное развитіе пошло быстро впередъ и уяснилось ему многое изъ того, что прежде только тускло и туманно бродило въ мозгу, неоформленное и неясное. Тутъ-же, какъ кажется, онъ въ первый разъ ясно созналъ, что его настоящее художественное призваніе—быть поэтомъ природы, если можно такъ выразиться; онъ понялъ, что онъ пейзажистъ.

Въ одномъ изъ своихъ крымскихъ писемъ къ И. Н. Крамскому (отъ 26 сентября 1872 года), писанныхъ нѣсколько лѣтъ спустя, я нахожу слѣдующее его, въ шутку сказанное, мнѣніе о пейзажистахъ: «пейзажисты бываютъ двухъ родовъ. Первый родъ пейзажистовъ происходитъ отъ бездарности, которая не въ состояніи охватить человѣка, какъ большую задачу, а потому бросается на болѣе легкое, какъ имъ кажется,—

на камни, древесна, горы и т. д. Другой родъ — люди, ищущіе гармоніи, святости, невольно становятся поклонниками природы, не находя ничего такого полного въ человѣкѣ, этомъ вѣнцѣ твореній». Въ этомъ невольно и неясно выраженномъ мнѣніи, тѣмъ не менѣе, много правды, той дѣйствительной правды, которая не вычитана или не заучена по наслышкѣ, а сказала, какъ непосредственный результатъ жизни. Разумѣется, Васильевъ принадлежитъ ко второму роду пейзажистовъ, именно къ тѣмъ, которые ищутъ «гармоніи и святости», другими словами, — къ лирическимъ поэтамъ въ живописи. И дѣйствительно, пейзажъ по отношенію ко всякому другому роду живописи играетъ точно такую же роль, какую играетъ лирическая поэма или лирическое стихотвореніе, напр., къ эпосу или другому роду поэзии. Въ то время, какъ, напр., въ жанръ, помимо чисто субъективныхъ отношеній художника къ объекту его творчества,

благодаря тому же обстоятельству, онъ гораздо ниже Теодора Руссё, Коро, Миллэ. Какъ бы ни былъ великъ его художественный талантъ, его индивидуальность слишкомъ мало опредѣлена въ сравненіи съ индивидуальностью его великихъ французскихъ современниковъ.

По той же причинѣ Васильевъ по преимуществу пейзажистъ. Его индивидуальность такъ рѣзко выдѣляется, что она замѣтна даже въ его отроческомъ возрастѣ. Я уже замѣтилъ нѣсколько выше, до какой степени Васильевъ былъ впечатлителенъ по натурѣ; эта особенность увеличивалась въ немъ съ годами, хотя принимала болѣе опредѣленныя и сознательныя формы. Натура по преимуществу впечатлительная и страстная, до крайности живая и непосредственная, умъ крайне подвижный и далеко не дюжинный, беспокойный, если можно такъ выразиться, старающійся отдать себѣ отчетъ во всемъ, что ему казалось неясно и туманно, необыкновенная

Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ между прочимъ: «Изъ окна наслаждаюсь природой. Что за природа! Яркое, какъ изумрудъ море, усыпано катерами: охота на морскихъ свиней въ полномъ разгарѣ. Часто видишь ихъ массивныя, черныя спины съ толстымъ плавникомъ, — это онѣ выглядываютъ изъ воды подышать воздухомъ. У горизонта море принимаетъ замѣчательно неувидимый цвѣтъ: не то голубой, не то зеленый, не то розовый. А волны торопливо идутъ, идутъ откуда-то издалика отдохнуть на берегъ, на который, онѣ, впрочемъ, грохочутся самымъ неприличнымъ образомъ. Волны! волны! Я, впрочемъ, уже начинаю собаку доѣдать относительно ихъ рисунка, но успѣлъ совершенно убѣдиться въ слѣдующемъ: вполнѣ вѣрно, безошибочно ихъ нарисовать совершенно невозможно, даже обладая полнымъ ихъ механизмомъ и оптическимъ ихъ анализомъ. (?) Остается положиться на чувство, да на память... Боже! что это за край! Тепло,

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ

Рисунокъ изъ юношескаго альбома Васильева.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“.

примѣшивается кромѣ того и элементъ объективнаго изученія, въ пейзажѣ главную, преимущественную и болѣе важную роль играетъ именно субъективное чувство пониманія природы, то чувство, которымъ одинъ пейзажистъ отличается отъ другого, Рюизаль, напр., отъ Гобеммы или отъ Метцу. Изображеніе художника дѣлается только тогда художественнымъ воспроизведеніемъ, когда оно пропитано этимъ характеромъ субъективнаго чувства художника. Всякій можетъ изобразить болѣе или менѣе правильно дерево или лошину, но только пейзажистъ передастъ эффектъ и впечатлѣніе, именно потому, что онъ по натурѣ болѣе впечатлителенъ и что онъ изобразитъ это дерево или лошину, придавъ имъ такія особенности, которыя живутъ лишь въ его собственной натурѣ, въ его личномъ темпераментѣ, въ его индивидуальности. Благодаря именно этому субъективизму, Курбэ великій художникъ, помимо и даже вопреки теоріи, которую онъ себѣ создалъ; но

чуткость къ воспріятію впечатлѣній, возбуждаемыхъ въ немъ зрѣніемъ природы, характеръ веселый, но въ тоже время опредѣленно сложившійся и настойчивый, нѣсколько мечтательный и поэтому поэтический, — таковъ былъ Васильевъ, какъ это совершенно ясно изъ его крымскихъ писемъ къ друзьямъ и изъ рассказовъ лицъ, близко его знавшихъ.

Анекдоты изъ его жизни, рассказываемые друзьями, вполнѣ подтверждаютъ такое мнѣніе о его характерѣ, но мнѣ бы хотѣлось подтвердить его выдержками изъ его писемъ. Къ сожалѣнію, всѣ письма Васильева, имѣющіяся въ моемъ распоряженіи и обязательно сообщенныя мнѣ И. Н. Крамскимъ, — относятся къ эпохѣ жизни Ф. А. Васильева въ Крыму, когда онъ уже былъ въ чахоткѣ. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ письмахъ мѣстами видны еще прежній, полный здоровья, силъ, и вѣры въ будущее Васильевъ. Ограничусь двумя выдержками.

Свѣтло и ароматно! Совершенно особенное состояніе воздуха. Нельзя сказать, чтобы лѣто; поздней осенью тоже нельзя назвать, — нѣтъ, это что-то совершенно особенное, это — южная зима. Даже странно употреблять такое слово: зима. Хороша зима — 15 градусовъ тепла! Однимъ словомъ, еслибъ человѣка, не бывшаго на югѣ, привезти сюда невзначай, безъ его вѣдома, съ завязанными глазами и вдругъ окунуть въ эту атмосферу и спросить: гдѣ онъ находится? то его отвѣтъ будетъ непремѣнно этотъ: ну, братцы, ей-ей не знаю, какое время года и ясно только для меня, что я не тутошній».

Въ другомъ мѣстѣ, онъ вдругъ заканчиваетъ совершенно дѣловое письмо: «Поздно, другъ мой, поздно и пора мнѣ спать, лечь. Сейчасъ былъ у окна и долго смотрѣлъ. Какая чудная ночь! Тепло и прозрачно кругомъ, какъ на нашемъ родномъ сѣверѣ не бываетъ. Мѣрно бьютъ о берегъ волны, рассыпающіяся электрическими огнями по берегу; не пылитъ дорога, тихая

до тѣхъ поръ, какъ глазъ видитъ; рѣдко, рѣдко на горѣ мелькаетъ огонекъ чабана, странствующаго со своей отарой по осыпавшемуся листу нагорныхъ буковъ, что черной мантией одѣваютъ высокіе уступы горъ... Всѣ звуки умерли, только море знать не хочетъ отдыха».

Въ этихъ отрывкахъ вы замѣчаете лирическое чувство поэта, котораго внезапно видъ природы потрясаетъ до глубины души. Но такихъ чисто лирическихъ отступленій не много въ письмахъ Васильева: ему точно совѣстно своихъ лирическихъ порывовъ и когда наплывъ чувства великъ, онъ скрываетъ его подъ маской шутки; но и тутъ тѣ же элементы всплываютъ наружу: вы видите не только лирическаго поэта, проникнутаго чувствомъ красоты въ природѣ, но и художника, чувствующаго форму въ высокой степени и думающаго не абстрактными идеями, а образами. Вотъ, напр., какъ Васильевъ описываетъ свою квартиру въ Ялтѣ:

«Передо мною разстилается мое неограниченное царство—квартира въ домѣ Веймана. Предѣлы этого царства покрыты съ одной стороны дымомъ отъ чугунной печи, съ другой... съ другой тоже дымомъ отъ той же чугунной печи. Какъ бѣлоснѣжная вершина Эльбурса, воздымается на... на сундукъ голова сахару, толстый соснового дерева мольбертъ растопыриваетъ свои неуклюжія ноги и какъ бы говорить: Ахъ ты! еще художникъ! Странное свойство имѣть эта квартира. Посмотрите: не кажется-ли вамъ, что она вся состоитъ изъ заплатокъ со старыхъ парусинныхъ матросскихъ штановъ? Потомъ какъ будто вездѣ лежатъ и висятъ какія-то лоскуточки, бумажки отъ леденцовъ и корнѣя. Но ничего подобнаго нѣтъ: подойдешь и убѣдишься, что этого дѣйствительно нѣтъ, а что это только такъ кажется, однимъ словомъ, ужъ такое свойство въ окраскѣ и въ штукатуркѣ. Потомъ въ этой квартирѣ въ каждой комнатѣ по столько дверей и оконъ, что вы никакъ не можете избѣжать простуды: архитекторъ такъ остроумно направилъ на каждый пунктъ по нѣсколько сквозныхъ вѣтровъ, что только разводишь руками отъ удивленія. Вотъ стоитъ кровать, на которой спитъ мама: совершенно Собакевичъ, еслибы онъ сталъ на корточки. Вотъ стулья, похожіе на того же Собакевича въ другомъ положеніи. Надъ кроватью виситъ зеркало и совершенно равнодушно показываетъ одну рожу, кто бы ни смотрѣлся, такъ что я называю его зеркаломъ съ его собственной фizioноміей. Комнаты вообще устроены и меблированы не особенно, можно сказать, дурно: есть и зеркало; и диванъ, да мало-ли что? Диванъ, зеркало... Однимъ словомъ, недурно. Жаль только, — то, конечно, пустякъ, — что на диванѣ неудобно сидѣть по его необыкновенно малому росту и уже я хотѣлъ подложить этакіе, знаете, полѣшкы, да какъ-то неловко: вѣдь въ этой комнатѣ зеркало... и все такое, а тутъ вдругъ полѣшкы!..»

Веселый, можно даже сказать, юмористическій характеръ ума Васильева сдѣлается совершенно ясенъ изъ слѣдующаго отрывка: «На новый годъ до трехъ часовъ ночи такая ружейная перестрѣлка шла по городу, что хоть святыхъ вонъ неси; многія кухарки и прочіе люди, не бывшіе въ военномъ дѣлѣ, много посуды непронизительно побили; слышно даже—и раненные есть, да на это не стоитъ вниманія обращать, потому какой же смыслъ имѣютъ раненные при великомъ завоеваніи новаго года! Особенно сильное дѣло шло около нашего дома, на базарной, всему міру извѣстной улицѣ. Красивыя зданія портного Абрашки и величественная масса присутственныхъ мѣстъ весьма эффектно освѣщались въ ночной темнотѣ, выставляя при этомъ удобномъ случаѣ на удивленіе умиленныхъ народовъ два поучительные предмета: «вновь при-

бывшій иностранный портной изъ Одессы» и «упраздненное городское управленіе». Наши служанки изъ «хохловъ» при каждомъ выстрѣлѣ изволили орать на весь домъ: «Ой, мамо моя!» чѣмъ привели весь домъ въ крайнее бѣдствіе; оно, впрочемъ, за совершенною сплотою скоро перестало быть слышно и гармоническіе перебаты блокады новаго года уже не нарушались стонами страждущихъ. Я совершенно раздѣляю убѣжденіе ялтинскихъ пруссаковъ относительно обученія новаго года военному дѣлу, иначе онъ, бѣдный, явится совершеннымъ новичкомъ и, чего добраго, струситъ, когда кто-нибудь вздумаетъ прочитать своимъ сосѣдямъ ближайшимъ нотацию по прусской системѣ».

Для полной умственной характеристики Васильева я принужденъ привести еще два отрывка: въ первомъ читатель увидитъ его отношеніе къ искусству, во второмъ онъ убѣдится, какъ дѣлательно работалъ его умственный организмъ. «Пріѣзжихъ уже много. Деревья одни цвѣтутъ, другія покрываются живымъ изумрудомъ; трава въ поларшина, снѣгу и на горахъ—ни капельки, цвѣты всѣхъ сортовъ такъ и лѣзутъ изъ земли; горы стали тепло-розоваго тона и далеко ушли назадъ съ своего прежняго мѣста, засыпавшись чудной завѣсой благоуханнаго весенняго воздуха, наполненнаго мглой. Небо чуднаго, какого-то голубого тона, котораго никто не видалъ на сѣверѣ, такъ онъ глубокъ и мягокъ. Если написать картину, состоящую изъ одного этого голубого воздуха и горъ, безъ одного облачка и передать эти тоны, какъ оно въ природѣ, то я увѣренъ, преступный замыселъ человѣка, смотрящаго на эту картину, полную благодати и безконечнаго торжества и чистоты природы, будетъ отложенъ и покажется во всей своей безобразной наготѣ (я вѣрю, что у человечества въ далекомъ, конечно, будущемъ, найдутся такіе художники и тогда не скажутъ, что картины—роскошь развращеннаго сибарита). Это можетъ показаться или безумнымъ, или совершеннымъ незнаніемъ человѣка и его стремленій. А впрочемъ, какое мнѣ до этого дѣло? Я вѣрю въ это и потому правъ, и никакіе доводы не заставятъ меня думать иначе. Думать противное я буду только тогда, когда самъ себѣ покажусь гадокомъ, но тогда я, значить, буду другой человѣкъ, а я отвѣчаю только за настоящее».—Мысль выражена неясно и неумѣло, но даже въ этой наивной формѣ видно, какъ высоко Васильевъ ставитъ знамя искусства и какъ оно было ему дорого.

Вотъ другой отрывокъ: «У меня какъ голова устроена! Впрочемъ, я не знаю устройство другихъ головъ, а потому мысль моя можетъ показаться оригинальной... Я, напр., не могу читать долго и толково про себя или въ слухъ, потому что мозгъ ни на минуту не останавливается своей работы и во время чтенія отдѣляетъ только половину себя для слушанія; другая же постоянно работаетъ самостоятельно. Но этого мало: вдругъ эта самостоятельная половина хватается ни съ того, ни съ другого половину слушающую и заставляетъ ее работать вмѣстѣ съ собой надъ чѣмъ нибудь такимъ, что ничего общаго съ книгой не имѣетъ. (Глаза еще ничего не знаютъ и прилежно ходятъ по буквамъ, но такъ странно, что мнѣ всегда напоминаютъ мухъ, одурѣвшихъ отъ мышьяку и шатающихся по тому же мѣсту, гдѣ лежитъ эта злосчастная бумажка.) Но всегда есть нѣсколько мгновений борьбы, прежде чѣмъ пассивная сторона уступаетъ и уступаетъ всегда она. Или еще и такъ бываетъ: думаешь, напр., о чемъ нибудь хорошо знакомомъ, извѣстномъ до послѣдней возможности; все идетъ прекрасно, послѣдовательно... Вдругъ нападаетъ какой-то столбнякъ: прежней работы надъ этимъ извѣстнымъ и слѣдъ простылъ, сдуло куда-то такъ далеко, что и изъ памяти пропало,—стоишь и ни-

чего не понимаешь, но чувствуешь, что эти мозги что-то такъ затѣяли. Проидетъ нѣсколько мгновений и снова владѣешь разсудкомъ. Ну, что тутъ, кажется, интереснаго? Нашелъ столбнякъ и конечно! Нѣтъ, вотъ тутъ вы сейчасъ увидите, что не конечно. Проходитъ извѣстное время и опять посреди какой-нибудь мысленной работы случается такой же переверотъ въ мозгахъ, которые начинаютъ устраивать какую-то мысль, мысль совершенно новую, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто и знакомую, какъ будто когда-то давно приходившую въ голову. Начинаешь припоминать и доходишь до того случая, когда случился со мной столбнякъ. Дальше воспоминанія не хотятъ идти, какъ будто желая, чтобы хорошенько всмотрѣлся человѣкъ въ этотъ столбнякъ; всматриваешься, всматриваешься и начинаешь видѣть, что этотъ столбнякъ есть ни что иное, какъ колыбель этой знакомой будто бы мысли, которую ощутилъ только сегодня, только сегодня отыскалась постоянная буква, безъ которой не составлялась мысль. Тогда, во время столбняка, эта родившаяся только мысль была до того неуловимой, до того новой, что ея смыслъ нельзя было найти,—она только на ничтожную часть мозговъ произвела тончайшее впечатлѣніе; поэтому-то и вышло въ первый разъ что-то такое, что другимъ словомъ кромѣ столбняка и назвать нельзя...» Описывая такимъ картиннымъ языкомъ свое умственное состояніе, Васильевъ, вѣроятно, не подозревалъ, что подмѣтилъ на себѣ весьма обыкновенный, часто встрѣчающійся умственный процессъ; этотъ процессъ его удивляетъ, кажется ему новымъ, неожиданнымъ, можетъ быть, не нормальнымъ; но многіе-ли изъ людей, даже умныхъ, привыкшихъ къ самонаблюденію и къ умственному анализу, способны съ такой ясностью и отчетливостью отдавать себѣ отчетъ въ психическихъ процессахъ, происходящихъ въ нихъ? Въ этомъ отношеніи люди обыкновенно живутъ безсознательно, человѣкъ, подчиняясь теченію своей органической жизни, и не замѣчаетъ изъ какихъ процессовъ составляется ихъ умственная и душевная жизнь. Только люди, привыкшіе къ умственному труду, къ самонаблюденію и къ анализу, или же люди съ крупнымъ самостоятельнымъ умомъ способны возвыситься до этого сознанія процессовъ, происходящихъ въ нихъ самихъ. И Васильевъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ этимъ послѣднимъ.

Гоголевскіе типы.

мы имѣемъ нѣсколько рисунковъ художника П. Боклевскаго, составляющихъ попытку воспроизвести типы, созданные творческимъ гениемъ Гоголя. Попытка, по общему убѣжденію, въ высшей мѣрѣ отважная, особенно потому, что г. Боклевскій первый прокладываетъ дорогу въ этотъ художественно-реальный міръ, куда, къ великому прискорбію, мало заглядываютъ представители русской живописи.

Для того, чтобы иллюстрировать, на примѣръ, Данта или Мильтона, нужно только идти за ними, отдаваясь вполне своей фантазіи и изображая чисто-фантастическія представленія поэтовъ романтиковъ. Но задача художника, пытающагося воспроизвести фizioномическіе типы Гоголя, поэта-сатирика и юмориста, поэта живой дѣйствительности—задача совершенно другого рода: здѣсь одна свободно-творящая фантазія не приведетъ къ цѣли. Въ типахъ Гоголя человѣческіе пороки получили свою историческую, культурную и національную окраску. Самыя сложныя вліянія русской жизни, взятая въ дан-

ный моментъ нашей культуры, послужили элементами, изъ которыхъ Гоголь создалъ дѣйствующихъ лицъ своей поэмы и своихъ комедій. Вліянія эти олицетворились въ типахъ Гоголя, поражающая насъ тончайшими художественными нерелигиозными свѣта и тѣни, веселаго юмора и слезъ, ѣдкой сатиры и глубокой мысли. Поэтому художникъ, взявшій на себя трудъ воспроизвести созданія Гоголя въ рисунокѣ, долженъ прежде всего быть тончайшимъ знатокомъ самой дѣйствительной жизни, породившей ихъ, физиономистомъ и этнографомъ и быть наблюдателемъ-современникомъ, знакомымъ непосредственно и всесторонне съ тѣмъ міромъ, который наблюдалъ и которымъ вдохновлялся поэтъ. Гоголь создавалъ своихъ героевъ, отвлекая отъ цѣлаго міра дѣйствительности характерныя черты физиономій, нравовъ, страстей, міросозерцаній и обобщая ихъ въ цѣльныхъ и живыхъ почти до реальности типахъ; и художнику также предстояло собирать малыя крупными характерныя черты дѣйствительности и подбирать ихъ для воспроизведенія живого типа, заставляя его въ видимыхъ чертахъ, въ экспрессіи его фигуры, выразить нравственный характеръ и страсти, которыми его надѣлилъ поэтъ.

Г. Воклевскій воспроизвелъ уже цѣлую серію гоголевскихъ типовъ, преимущественно къ первой части «Мертвыхъ Душъ», которые и были помѣщены въ другихъ иллюстрированныхъ журналахъ. Теперь мы помѣщаемъ «Губернскій Олимпъ», предоставляя оцѣнить самому читателю своимъ художественнымъ инстинктомъ всю выразительность, всю тонкость экспрессіи, всю типичность этихъ лицъ, озаренныхъ юморомъ поэта, — лицъ, столь хорошо знакомыхъ каждому русскому изъ безсмертной поэмы Гоголя.

Затѣмъ будутъ помѣщены «Старосвѣтскіе помѣщики».

Къ рисункамъ.

Сусанна, Туксена. — Знаменитая библейская сцена Сусанны въ купальнѣ служила сюжетомъ картинъ почти всѣхъ знаменитыхъ живописцевъ; каждый изображаетъ эту сцену по своему, сообразно съ характеромъ своего таланта, личными взглядами, нравами и возрѣніями своего времени и своего народа. Одни изображаютъ сцену въ строго религіозномъ стилѣ; другіе, — художники возрожденія въ Италіи, — въ античномъ стилѣ совершенства формъ; третьи, — голландцы и фламандцы, — чаще всего дѣлають изъ библейскаго рассказа обыденную, мѣщанскую сцену, устранивъ совершенно религіозный оттѣнокъ. Знаменитый Дорэ понималъ сцену въ новѣйшемъ французскомъ стилѣ: онъ поставилъ сцену живописнымъ пейзажемъ, изобразилъ Сусанну красавицей (нѣсколько въ парижскомъ вкусѣ), съ распутившимися волосами, убогающую въ граціозной позѣ при видѣ приближающихся стариковъ. Туксенъ, рисунокъ котораго мы помѣщаемъ здѣсь, изображаетъ ту же сцену съ совершенно другой точки зрѣнія, реалистической. Здѣсь все глубоко правдиво, и обстановка, и лица. Сусанна, замѣтивъ приближающихся стариковъ, прячетъ лицо на грудь своей прислужницы, которая, въ свою очередь, торопливымъ жестомъ закрываетъ покрываломъ ее обнаженное тѣло. Всѣ подробности рисунка замѣчательны своей простотой и совершенствомъ и въполнѣ отвѣчаютъ библейскому разсказу.

Дѣвочка съ молокомъ, К. Маковского. — Одна изъ очень граціозныхъ и правдивыхъ картинъ талантливаго художника. Какъ въ лицѣ, такъ и въ самой позѣ дѣвочки, несущей въ горшкѣ молоко, видно то напряженное чувство ребенка, который боится пролить молоко, но который въ тоже время чувствуетъ холодъ, охватывающій его на морозѣ, не смотря на платокъ, которымъ дѣвочка закуталась. Молоко, не смотря на всѣ старанія дѣвочки, выливается тонкой струей, но дѣвочка такъ добросовѣстно исполняетъ свою обязанность, что, несомнѣнно, донесетъ домой драгоценную жидкость и получитъ отъ матери подобающую награду въ видѣ поцѣлуя.

Призваніе апостола Матфея. — Между иллюстраціями библіи наибольшую извѣстностью пользуются Гюставъ Доре и Александръ Биде. Съ иллюстраціями Доре читатели, конечно, знакомы: они отличаются необыкновеннымъ блескомъ исполненія, замѣчательнымъ чувствомъ пейзажа и фантазіи, но въ то же время они очень часто грѣшатъ противъ правды. Биде замѣчательнѣе въ другомъ отношеніи: ученикъ знаменитаго Делакруа, онъ, сдѣлавшись уже художникомъ, долго путешествовалъ по востоку, нѣсколько разъ былъ въ Палестинѣ и добросовѣстно изучалъ восточную жизнь; эта жизнь послужила для него матеріаломъ большинства его рисунковъ и пастелей, изъ которыхъ нѣкоторые пользуются значительной извѣстностью. Собственно иллюстраціей библіи онъ занимался болѣе пятнадцати лѣтъ и выполнилъ этотъ колоссальный трудъ съ изумительнымъ талантомъ и замѣчательнымъ знаніемъ жизни и нравовъ востока. По сравненію съ Доре Биде — реалистъ: онъ не позволялъ себѣ сочинять: мѣстность, виды, постройки, зданія, характеръ страны, типы, — все живо схвачено и вполне отражаетъ на себѣ восточную жизнь. Рисунокъ, помѣщаемый нами, относится къ девятому стиху девятой главы евангелія отъ Матфея: «Проходя отсюда, Иисусъ увидѣлъ челоуѣка, сидящаго у сбора пошлинъ, по имени Матфея, и говоритъ ему: слѣдуй за Мною. И онъ всталъ и послѣдовалъ за Нимъ». Читатели замѣтятъ не только типичность окружающихъ Христа лицъ и по преимуществу Матфея, не только совершенно восточный характеръ зданій и улицы, но также и божественное выраженіе лица самого Христа, призывающаго Матфея слѣдовать за Нимъ.

СМѢСЬ.

— **Д. А. Карчъ-Карчевскій.** Бывшій издатель, а затѣмъ редакторъ нашего журнала, Д. А. Карчъ-Карчевскій скончался 29 декабря 1879 года. Покойный оставилъ по себѣ хорошую память, какъ челоуѣкъ добрый и простой, съ которымъ всегда пріятно было имѣть дѣло.

— **Высшіе женскіе курсы.** Въ «Молвѣ» пишутъ: въ субботу, 22-го декабря, какъ передаетъ «Голосъ», окончились выпускные экзамены на женскихъ врачебныхъ курсахъ, продолжавшіеся болѣе трехъ мѣсяцевъ. Изъ 58 слушательницъ выпуска нынѣшняго года (по счету это третій выпускъ съ начала основанія курсовъ) явилось въ сентябрѣ къ экзаменамъ (т. е. получило экзаменаціонныя листки) около половины этого числа; остальная болѣе чѣмъ половина еще тогда же отложила экзаменъ до весны будущаго года. Въ промежутокъ между началомъ и концомъ экзаменовъ число испытуемыхъ постепенно уменьшалось, такъ что только семь слушательницъ (1/4 записавшихся на экзамены и 1/8 всѣхъ слушательницъ V курса) прошли чрезъ всѣ 26 испытаній; но получить ли онѣ дипломъ врача съ правами, связанными съ этимъ дипломомъ, — неизвѣстно, такъ какъ вопросъ не рѣшенъ еще законодательнымъ порядкомъ.

— **Студентки въ Англіи.** Женщины въ Англіи далеко превзошли мужчинъ на университетскихъ экзаменахъ; изъ списка кандидатовъ на поступленіе въ лондонскій университетъ оказывается, что изъ 63 студентокъ, державшихъ экзаменъ въ нынѣшнемъ году, 51 сдали его, между тѣмъ какъ изъ 856 студентовъ лишь 475 выдержали пріемные экзамены. Провалилось: первыхъ 19 проц., а послѣднихъ 44,5 проц.

— **Женщина-докторъ медицины.** Г-жа Маршалъ, дочь извѣстнаго писателя Андерсона, получила докторскій дипломъ въ Парижѣ послѣ блистательной защиты своей диссертации.

— **Г-жа Гейротъ.** За-границей пользуется большимъ успѣхомъ одна изъ нашихъ соотечественницъ, г-жа Гейротъ, играющая на сценѣ подъ псевдонимомъ Торриджи. Теперь «Journal de St.-Petersbourg» получилъ нѣсколько флорентинскихъ газетъ, во главѣ которыхъ должна быть поставлена газета «Nazione», и въ каждой изъ нихъ напечатаны самыя хвалебныя отзывы о молодой русской пѣвицѣ. Первый музыкальный критикъ въ Италіи, г. Биаджи, сообщаетъ между прочимъ, что г-жа Лидія Торриджи привела въ восторгъ флорентинцевъ превосходнымъ исполненіемъ роли Катарини въ оперѣ Обера «Коронныя брильянты». Всѣ критики наперерывъ хвалятъ гибкость и мелодичность голоса молодой артистки и отличную вокализацию. Одинъ изъ нихъ говоритъ: «Г-жа Торриджи поетъ съ душою и вокализуетъ, какъ соловей». По словамъ «Journal de St.-Petersbourg», есть надежда, что и петербургская публика усыпитъ г-жу Торриджи по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

— **Звѣрскія преступленія.** Варшавской полиціи удалось на-дняхъ, какъ сообщаютъ «Молвѣ», напасть на слѣды и открыть страшное преступленіе, или, лучше сказать, рядъ страшныхъ по своей жестокости и звѣрству преступленій, жертвою которыхъ сдѣлались, какъ до сихъ поръ открыто, 16 незаконнорож-

денныхъ дѣтей. Полиціи удалось поймать женщину, занимающуюся промысломъ истребленія незаконнорожденныхъ дѣтей. Женщиною этою оказалась акушерка, проживавшая по Гржибовской ул., № 65. Она принимала къ себѣ на квартиру незаконнорожденныхъ дѣтей для «вскармливанія» и, продержавъ ихъ нѣкоторое время, отправляла на тотъ свѣтъ слѣдующимъ образомъ. Положивъ ребенка въ дорожный сундукъ, гдѣ онъ отъ недостатка воздуха задыхался и умиралъ, женщина эта вынимала изъ сундука трупъ, уносила изъ своей квартиры и оставляла гдѣ нибудь на улицѣ, лѣстницѣ и въ разныхъ мѣстахъ.

— **Пріятное извѣстіе.** «Рус. Міръ» сообщаетъ, что военнымъ министерствомъ предполагается устроить нынѣшнимъ лѣтомъ трехверстное шоссе изъ Токсова въ Мурино. Токсово отличается своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, почему привлекаетъ массу дачниковъ, живущихъ въ окрестностяхъ Петербурга, которымъ приходилось туда ѣздить по ужасной проселочной дорогѣ.

— **Пожаръ въ Большомъ театрѣ.** 31 декабря въ 12 часовъ пополудни въ трюмѣ Большого театра появился густой, удушливый дымъ самаго тревожнаго свойства. Немедленно дано было знать въ сосѣдную казанскую пожарную часть, откуда по телеграфу созваны были и три другихъ ближайшія части. Кроме того явились изъ гвардейскаго экипажа и морского, находящихся въ казармахъ у Поцѣлуева моста, команды. Площадь театра немедленно была оцеплена жандармами и движеніе по ней прекращено. Къ половинѣ втораго часа начинавшійся пожаръ былъ совершенно прекращенъ.

— **Запрещеніе газеты «Сибирь».** Изъ Иркутска, отъ 29-го декабря, въ «Спб. Вѣд.» телеграфируютъ: «По распоряженію генералъ-губернатора газета «Сибирь» приостановлена на неопредѣленное время за необъявленіе цензурѣ именъ авторовъ».

— **Мицкевичъ.** Галиційскій національный комитетъ намѣренъ въ непродолжительное время перенести останки поэта Мицкевича, покоившіеся на парижскомъ Монмартрскомъ кладбищѣ, въ Краковъ и предать ихъ тамъ землѣ съ большою торжественностью.

— **Болѣзнь князя Бисмарка.** Берлинскія газеты, отъ 9 января, сообщаютъ: «По слухамъ, ходившимъ сегодня въ кружкахъ депутатовъ, имперскій канцлеръ, князь Бисмаркъ, снова страдаетъ воспаленіемъ вены на больной ногѣ, что причиняетъ ему сильныя боли и безсонныя ночи. Это возобновленіе старой болѣзни повлекло за собою полный нервный упадокъ силъ. При такихъ обстоятельствахъ о возвращеніи канцлера изъ Варцины въ Берлинъ пока нечего и думать».

— **А. А. Моллеръ.** Изъ Флоренціи «Голосу» телеграфируютъ, что тамъ, 30 декабря, ночью, около четырехъ часовъ умеръ русскій писатель, полковникъ Александръ Антоновичъ Моллеръ. Онъ былъ сотрудникомъ многихъ газетъ и журналовъ.

— **Добыча каменнаго угля въ Россіи.** Въ «Горномъ Журналѣ» приведены слѣдующія цифровыя данныя о добычѣ каменнаго угля и антрацита въ Россіи въ послѣднія шесть лѣтъ. Добыча эта выражалась въ нижеслѣдующихъ цифрахъ:

	Въ милліонахъ пуд.
Въ 1877 году	110
» 1876 »	111
» 1875 »	104
» 1874 »	79
» 1873 »	71 1/2
» 1872 »	67

Такимъ образомъ, каменноугольная промышленность у насъ въ эти шесть лѣтъ сдѣлала значительный прогрессъ, хотя въ послѣднемъ отчетномъ году она не представила почти никакой разницы въ своихъ размѣрахъ сравнительно съ предъидущимъ годомъ; но такое явленіе слѣдуетъ объяснить временнымъ уменьшеніемъ добычи угля въ донецкомъ бассейнѣ и подмосковномъ краѣ, происшедшимъ оттого, что напѣ желѣзныя дороги, вообще бѣдныя подвижнымъ составомъ для перевозки угля, по случаю военнаго времени, были совершенно не въ состояніи давать для угля потребнаго числа вагоновъ.

— **Снѣгъ въ Сициліи.** Въ деревушкѣ Санто-Доминико, въ Сициліи, въ концѣ декабря выпалъ сильный снѣгъ, засыпавшій окна и двери домовъ и налегшій на крыши такимъ толстымъ слоемъ, что до 20 домовъ съ минуты на минуту могли обрушиться подъ его тяжестью.

— **Наводненіе.** Изъ Мезени пишутъ, что 1 декабря при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ рѣка Мезень выступила изъ береговъ, скоро достигла своего высшаго уровня и съ особенной силой прибыла до невиданной здѣсь высоты, т. е. около 8 футовъ выше уровня самыхъ большихъ весеннихъ водъ. 80-тилѣтніе старики увѣряютъ, что они не запомнятъ такого навод-

ненія. Всѣ луга, расположенные при устьѣ рѣки (пожни) были затоплены и сложенное на нихъ сѣно сдѣлалось добычей бушевавшихъ волнъ. Въ маленькой деревнѣ Пыѣ вода затопила дома и хлѣвы и такъ какъ это было ночью, когда всѣ спали, то жители едва только успѣли спастись на крышахъ, а большая часть скота утонула въ самыхъ хлѣвахъ. Изъ другихъ приморскихъ деревень достигаютъ сюда также печальныя вѣсти о многихъ жертвахъ наводненія. Вода была такъ высока, что по зимней дорогѣ изъ Мезени въ деревню Долгую-Щель нанесла массу громадныхъ льдинъ, нѣкоторыя больше 2 саж. въ ширину и 1½ саж. въ толщину.

— **Ледяной домъ.** Московскій Зоологическій садъ, какъ сообщаютъ «Русскія вѣдомости», въ самомъ непродолжительномъ времени, откроетъ рѣдкое зрѣлище для москвичей: черезъ нѣсколько дней окончена будетъ въ саду постройка «ледяного дома». Это оригинальное зданіе имѣетъ шесть оконъ съ входною дверью по срединѣ; на фасадѣ рѣзные украшенія; впереди зданія выдвигаются двѣ высокія башни, между которыми поставленъ будетъ низкій рѣзной заборъ съ воротами по бокамъ. Общій видъ крайне оригиналенъ; зданіе съ пристройками будетъ представлять собою, въ маломъ видѣ, роскошный домъ прежняго боярина въ строго русскомъ стилѣ. Настоящее сооруженіе воздвигнуто по плану бывшаго «ледяного дома», такъ какъ планъ этотъ оказался очень изящнымъ и лучшаго трудно было бы придумать. Ежедневно работаетъ до 100 человекъ, занятыхъ обтесываніемъ громадныхъ четырехугольныхъ льдинъ въ восемь пудовъ въсомъ каждая. Эти льдины поднимаются, кладутся плашмя и «цементируются» водой, которая, замерзая, служитъ лучшимъ скрѣпленіемъ для «ледяныхъ кирпичей». Каждая такая льдина имѣетъ аршинъ въ квадратѣ и девять вершковъ въ толщину. Карнизы, украшенія, закругленія и проч. производятся топоромъ обыкновенными плотниками. Къ ледяному дому, который воздвигается на лѣвомъ берегу пруда отъ входа въ Зоологическій садъ, проведена будетъ искусственная алея изъ елокъ. Словомъ, эта «святочная игрушка для взрослыхъ» обѣщаетъ быть очень занимательною особенно при разноцвѣтномъ вечернемъ освѣщеніи.

— **Ночлежный пріютъ.** «Спб. Вѣд.» слышали, что въ нашей столицѣ составляется частная компанія для устройства обширнаго ночлежнаго пріюта по образцу лондонскихъ. Плату за ночлегъ предполагается назначить самую умѣренную; бѣднымъ-же ночлегъ будетъ даваться безплатно.

— **Недоразумѣніе.** Въ 1826 году, 30 ноября, въ хра-

мовой праздникъ въ Андреевской церкви, въ Кіевѣ, служилъ митрополитъ. Мѣстный протоіерей долженъ былъ говорить поученіе. Онъ вошелъ на кафедру, митрополитъ сѣлъ передъ иконостасомъ на своемъ креслѣ противъ проповѣдника. «Иду рыбу ловити», началъ проповѣдникъ. Старички-богомольцы, стоявшіе возлѣ кафедры, предполагая, что батюшка собирается на Днѣпръ, и почтвая долгомъ наутсествовать его добрымъ пожеланіемъ, съ низкимъ поклономъ сказали ему: «помогай Боже, батюшка». Священникъ до того растерялся, что не могъ произнести ни одного слова. Видя замѣшательство проповѣдника, митрополитъ, вставъ, далъ знакъ пѣвчимъ; они пропѣли: «Буди имя Господне», и служеніе окончилось безъ проповѣди.

— **Театры въ Римѣ.** По свѣденіямъ о римскихъ театрахъ можно судить насколько велика потребность у итальянцевъ въ подобнаго рода зрѣлищахъ. Театръ Аполло вмѣщаетъ 3,000 зрителей; національный (недостроенный)—5,000; Политеама—4,000; Валле—500; Кореа—2,500; Капраника—1,200; королевскій циркъ—4,000; Манчони—700; Россини—400; Метастази—750; Квирино—850; Спристеріо—3,000; Рипетта (недостроенный)—2,500; Гольдони—400; Санкарло—450; Консолаціоне—300; Альфieri—250; Тиберино—200. Всѣхъ театровъ въ Римѣ 18 и вмѣщаютъ они въ общей сложности 34,500 зрителей.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. I. Помѣщенную подъ № 17 въ объявленіи объ олеографическихъ картинахъ (№ 1 Жив. Об.) картину Козеля «Плохо училась» мы не можемъ болѣе доставлять по требованіямъ гг. подписчиковъ, потому что получили изъ Берлина извѣщеніе, что весь запасъ этой картины проданъ, когда же будетъ приступлено снова къ отпечатанію ея—неизвѣстно.

II. Насъ просятъ объявить въ журналѣ, имѣютъ-ли право на полученіе премій гг. подписчики, подписавшіеся на полгода. Но изъ самаго смысла нашего объявленія ясно, что преміи выдаются исключительно гг. подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату. Само собой разумѣется, что гг. подписчики, для которыхъ допущена разсрочка въ уплатѣ подписной суммы, получаютъ всѣ преміи по заключеніи ими полнаго расчета за годовое изданіе.

III. Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ желаютъ замѣнить одну изъ премій нынѣшняго года другою, или одною изъ премій прошлыхъ годовъ; нѣкоторые желаютъ вмѣсто приложенія «Модъ» получить какую-нибудь картину изъ числа имѣющихся въ Редакціи. Редакція имѣетъ честь объявить, что подобныя замѣны невозможны, потому что они повлекли бы за собой большую путаницу въ пересылкѣ изданія и значительный матеріальный ущербъ для редакціи.

IV. Второй томъ «Гигіены», какъ объ этомъ заявлялось уже и прежде, будетъ разсылаться гг. подписчикамъ въ видѣ особаго безплатнаго приложенія. Сроки разсылки опредѣлить невозможно, потому что «Гигіена» переводится нами по мѣрѣ выхода выпускныхъ этой книги за границы.

V. При слѣдующемъ номерѣ будетъ приложенъ двойной листъ романа А. Михайлова «Чужіе грѣхи».

ОТЪ КОНТОРЫ. № 1-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 7 Января въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 9 Января въ 6 час. 30 минутъ пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стихотвореніе И. С. Никитина.—Пляски и танцы на Руси, стих. Вл. Михневича.—Въ альбомѣ, стих. В. Юрьева.—Волкъ, ром. Эрмана-Шатриана.—Шарль Дамальи, ром. Эд. и Ж. Гонкуръ.—Братья Джюра и Наурусъ, кудукчи, рассказъ Н. Н. Каразина.—Очерки изъ исторіи Америки ст. Н. В. Шелгунова.—О внутренности земнаго шара.—Естественныя богатства Россіи, ст. Л. М. Невольскаго.—Изъ міра русскаго искусства, Диллетанта.—Гоголевскіе типы.—Къ рисункамъ.—Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Два рисунка къ ром. «Волкъ».—Продавецъ мелкой рыбы, карт. Л. Талавера.—Призваніе апостола Матфея, рисун. А. Биды.—Губернскій Олимпъ, рисун. Боклевскаго.—Сусанна, карт. Л. Тунсена.—Дѣвочка съ молокомъ, карт. К. Е. Маковскаго.—Два рисун. изъ юношескаго альбома Васильева.

За редактора, издатель Н. И. Шульгинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ въ 1880 году.

Журналъ будетъ издаваться по той же программѣ. Въ распоряженіи редакціи для помѣщенія въ 1880 г. имѣются слѣдующія произведенія: «Чужіе грѣхи», романъ А. Михайлова (въ отдѣльномъ приложеніи); романъ Н. И. Северина; Своя рубашка, ром. М. Ф. Каменской; повѣсть П. Д. Боборыкина; Стефенъ Митчелъ, америкапскій романъ (съ иллюстраціями); «Изъ міра русскаго искусства», рядъ статей Диллетанта; Иезуиты и инквизиція П. Скроннаго; «Народы европейской Россіи» С. С. Шашкова; рядъ очерковъ изъ америкапской жизни Н. В. Шелгунова; ст. И. В. Василевскаго (Буквы) и др.

Первый листъ романа А. Михайлова въ отдѣльномъ приложеніи будетъ разосланъ гг. подписчикамъ при 3-мъ № журнала.

Въ свое время будутъ помѣщены спеціально сдѣланныя для «Живописнаго Обозрѣнія» извѣстнымъ нашимъ художникомъ И. Н. Крамскимъ иллюстраціи къ произведеніямъ А. С. Пушкина.

Въ художественномъ отдѣлѣ въ 1880 году будутъ помѣщены гравюры съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: гг. Богданова, Боголюбова, Боткина, Брюлова, Верещагина, Зичи, Крамского, Маковскаго, Мещерскаго, Мясоедова, Орловскаго, Семирадскаго, Шварца, Харламова, Якобія и др. Кромѣ того появится «Альбомъ русской охоты», состоящій изъ ряда картинъ, рисованныхъ знатокомъ этого дѣла, извѣстнымъ художникомъ, г. Петромъ Соколовымъ.

ПРЕМИИ: Первая и вторая: двѣ олеографическія картины—«Малороссіянки», К. Е. Маковскаго и «На перевязочный пунктъ», профессора Ковалевскаго, третья: большая гравюра на веленовой бумагѣ съ картины гениальнаго русскаго художника А. Иванова, «Явленіе Христа народу»; четвертая: Литературная, съ иллюстраціями. Эти преміи выдадутся всѣмъ гг. подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату за изданіе: художественныя—не позже марта мѣсяца, а литературная въ ноябрѣ.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

	На годъ.	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки.....	6 р.	3 р. 50 к.
» » съ доставкой и пересылкой.....	7 р.	4 р.

Войдя въ сношеніе съ единственнымъ въ Россіи магазиномъ «Парижскихъ моделей и выкроекъ модъ», Редакція можетъ предложить гг. подписчикамъ, которые этого пожелаютъ, въ дополненіе къ получаемому ими отдѣлу «Модъ», шесть выкроекъ въ натуральную величину; пожелавшіе получить эти выкройки приплачиваютъ къ годовой подписной суммѣ 60 копѣекъ.

Подписка на 1880 годъ открыта и принимается въ Конторѣ Редакціи, въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ (близъ Невскаго проспекта), д. № 6 и въ мѣстныхъ Конторахъ: въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; въ Варшавѣ, въ книжномъ магазинѣ бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; въ Одессѣ, въ Южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской улицѣ, д. Вагнера.

Н. И. ШУЛЬГИНЪ.

СКЛАДЪ.

РАМОКЪ и БАГЕТЪ и оправки картинъ въ рамки также для преміи „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ можно пріобрѣсти дешево и добросовѣстно. Казанская улица д. № 42 К. СКРОНА напротивъ Новаго переулка. Перепродавцамъ дѣлается значительная уступка.

30-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.

На основаніи высочайше утвержденного 13-го ноября 1864 года положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займъ и согласно утвержденнымъ г. министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 2-го января 1880 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію с.-петербургской городской думы, депутатовъ отъ с.-петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

Выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигры- ша.	Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигры- ша.	Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигры- ша.	Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигры- ша.	Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигры- ша.	Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигры- ша.
11,162	16	200,000	471	39	й.	3,789	6	й.	6,455	39	й.	9,942	1	й.	13,696	47	й.
459	44	75,000	607	29	й.	3,817	25	й.	6,520	46	й.	9,974	18	й.	13,738	43	й.
809	18	40,000	806	36	й.	3,868	42	й.	6,528	44	й.	9,986	7	й.	13,889	30	й.
12,905	8	25,000	1,039	8	й.	3,898	45	й.	6,676	46	й.	10,002	27	й.	13,896	44	й.
1,340	9	10,000	1,060	37	й.	3,899	24	й.	6,822	13	й.	10,064	35	й.	13,912	44	й.
9,382	20	10,000	1,078	14	й.	3,934	38	й.	6,852	22	й.	10,124	48	й.	13,961	13	й.
13,390	9	10,000	1,227	44	й.	3,974	23	й.	6,886	30	й.	10,162	2	й.	13,974	14	й.
5,922	27	8,000	1,326	36	й.	3,993	22	й.	6,930	5	й.	10,173	34	й.	14,073	12	й.
12,984	7	8,000	1,419	23	й.	4,082	7	й.	7,026	6	й.	10,235	37	й.	14,112	2	й.
14,881	19	8,000	1,483	21	й.	4,123	12	й.	7,029	30	й.	10,302	44	й.	14,181	20	й.
17,368	6	8,000	1,495	32	й.	4,127	8	й.	7,029	36	й.	10,458	44	й.	14,217	36	й.
17,671	39	8,000	1,530	16	й.	4,247	48	й.	7,091	39	й.	10,517	23	й.	14,251	39	й.
2,390	15	5,000	1,561	47	й.	4,386	12	й.	7,205	16	й.	10,521	36	й.	14,269	21	й.
3,499	29	5,000	1,599	46	й.	4,595	40	й.	7,255	13	й.	10,615	16	й.	14,276	39	й.
9,787	15	5,000	1,921	22	й.	4,631	19	й.	7,300	4	й.	10,759	16	й.	14,309	8	й.
13,795	42	5,000	1,922	19	й.	4,657	7	й.	7,403	48	й.	10,793	5	й.	14,347	48	й.
16,917	42	5,000	1,925	7	й.	4,748	48	й.	7,520	50	й.	10,811	47	й.	14,365	47	й.
17,339	49	5,000	1,932	50	й.	5,019	4	й.	7,543	16	й.	10,821	42	й.	14,370	33	й.
17,719	7	5,000	1,965	35	й.	5,027	18	й.	7,654	35	й.	11,038	30	й.	14,465	47	й.
19,452	35	5,000	1,971	30	й.	5,029	49	й.	7,744	45	й.	11,093	15	й.	14,485	39	й.
2,353	30	1,000	1,975	14	й.	5,049	1	й.	8,070	20	й.	11,330	1	й.	14,546	31	й.
2,643	35	1,000	2,047	24	й.	5,225	26	й.	8,122	1	й.	11,444	21	й.	14,574	35	й.
3,333	11	1,000	2,104	46	й.	5,229	7	й.	8,155	37	й.	11,603	10	й.	14,663	20	й.
4,573	15	1,000	2,138	6	й.	5,302	9	й.	8,171	34	й.	11,614	17	й.	14,696	18	й.
6,078	1	1,000	2,235	48	й.	5,449	28	й.	8,389	39	й.	11,663	15	й.	14,861	35	й.
6,609	46	1,000	2,268	28	й.	5,502	14	й.	8,468	45	й.	11,692	30	й.	14,888	44	й.
7,466	17	1,000	2,301	30	й.	5,615	2	й.	8,647	25	й.	11,698	2	й.	15,084	49	й.
10,369	28	1,000	2,387	33	й.	5,637	20	й.	8,651	30	й.	11,729	23	й.	15,091	42	й.
10,443	49	1,000	2,457	20	й.	5,644	44	й.	8,682	10	й.	11,950	18	й.	15,194	4	й.
10,901	31	1,000	2,504	37	й.	5,684	33	й.	8,922	35	й.	12,048	28	й.	15,204	32	й.
11,011	42	1,000	2,530	32	й.	5,812	22	й.	9,026	32	й.	12,065	29	й.	15,289	41	й.
11,264	20	1,000	2,583	46	й.	5,907	47	й.	9,065	16	й.	12,070	20	й.	15,362	1	й.
14,042	33	1,000	2,622	49	й.	5,996	13	й.	9,074	6	й.	12,116	26	й.	15,414	43	й.
14,518	22	1,000	2,667	25	й.	5,997	24	й.	9,182	26	й.	12,127	48	й.	15,489	29	й.
15,454	2	1,000	2,733	12	й.	6,004	9	й.	9,255	33	й.	12,137	46	й.	15,561	44	й.
16,964	29	1,000	3,056	15	й.	6,126	17	й.	9,400	31	й.	12,335	8	й.	15,719	39	й.
17,475	45	1,000	3,058	48	й.	6,187	43	й.	9,417	45	й.	12,344	15	й.	15,756	37	й.
18,223	24	1,000	3,214	48	й.	6,199	22	й.	9,616	5	й.	12,344	44	й.	15,790	18	й.
19,277	48	1,000	3,299	7	й.	6,257	26	й.	9,635	41	й.	12,390	3	й.	15,816	46	й.
19,500	26	1,000	3,352	28	й.	6,303	25	й.	9,805	50	й.	13,005	22	й.	15,859	46	й.
106	39	500	3,405	44	й.	6,313	20	й.	9,853	11	й.	13,080	39	й.	15,862	7	й.
235	1	500	3,428	50	й.	6,347	30	й.	9,918	1	й.	13,133	42	й.	16,002	49	й.
324	37	500	3,654	49	й.	6,428	38	й.	9,932	11	й.	13,667	33	й.	16,036	31	й.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го апрѣля 1880 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка 2-го января 1880 года.

Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.
552	1,999	3,446	4,429	5,353	6,444	7,302	8,911	9,719	10,708	11,329	12,734	14,193	15,061	17,040
1,106	2,256	3,479	4,672	5,517	6,560	7,996	8,977	9,884	10,722	11,466	13,506	14,449	15,696	17,146
1,341	3,034	3,959	5,159	5,738	6,585	8,184	8,985	10,144	10,863	11,980	13,898	14,453	16,600	17,172
1,385	3,320	4,357	5,194	6,162	6,729	8,304	9,489	10,559	11,134	12,584	13,932	14,546	16,882	17,794

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1880 г. въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

1880 г. БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ. 1880 г.

Приступлено къ капитальному, роскошно-иллюстрированному изданію, въ родѣ парижскаго великолѣпнаго художественно-литературнаго произведенія «Diable de Paris» *), только съ другими болѣе широкими задачами, подъ названіемъ:

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ВЪСЪ

инкогнито странствующій

ПО ВСѢМЪ ЗАКОУЛКАМЪ РОССІИ.

Проза, стихи, рисунки лучшихъ русскихъ писателей и художниковъ.

Разсказы, очерки, сцены, приключенія, шутки, анекдоты, картинки, портреты и наблюденія.

Издастся и иллюстрируется петербургскими и московскими литераторами и художниками.

Нѣсколько словъ читающей публикѣ:

Цѣль нашего стремленія та, чтобы подарить русскую публику такимъ художественно-литературнымъ произведеніемъ, каковаго на русскомъ языкѣ не было еще издано. Чтобы привести въ исполненіе

свою мысль, мы пригласили къ соучастію въ своемъ предпріятіи извѣстныхъ, талантливыхъ, литературныхъ и художественныхъ силы *), и потому самоувѣренно заявляемъ, что «Иллюстрированный вѣсъ», въ средѣ лучшихъ художественныхъ изданій, будетъ самымъ бытовымъ, оригинальнымъ, любопытнымъ и интереснымъ явленіемъ не только для образованныхъ столичныхъ и провинціальныхъ жителей, но и вообще для всѣхъ грамотныхъ людей.

Рамки нашего объявленія лишаютъ насъ возможности выразить во всей широтѣ и полнотѣ программу своего изданія, — но полагаемъ, что помѣщенный выше перечень наименованій достаточно знакомитъ съ идеей и содержаніемъ «Иллюстрированнаго вѣса». Знакомство публики съ общественными недугами и изъями, кромѣ существенной пользы, вреда принести никому не можетъ. Если бы русская литература по раньше и почтѣе знакомила съ тинной публичной и семейной жизни, то, вѣроятно, мы не были бы свидѣтелями многихъ печальныхъ явленій, которые переживаемъ. Незнаніе разношерстной и шершавой толпы выражается въ томъ, что мы очень неразборчивы относительно знакомства и крайне снисходительны къ лицамъ, заклѣпаннымъ общественнымъ презрѣніемъ. Если бы общество изъ

*) Имена всѣхъ, принимающихъ участіе въ нашемъ изданіи, будутъ напечатаны въ первомъ выпускѣ.

гнало изъ среды своей запятанные личности, преслѣдовало и казнило безчестные поступки — общественная нравственность была бы гораздо выше и поступки, нерѣдко встрѣчающіеся теперь на тѣхъ ступеняхъ общества, гдѣ ихъ нельзя бы и предполагать, — были бы тогда невозможны.

Мы въ своемъ изданіи цѣлымъ рядомъ живыхъ, смѣлыхъ, правдивыхъ и яркихъ картинъ, изображимъ современную жизнь не въ подобранный, такъ сказать, ея минуты, не въ чертахъ, глубоко скрытыхъ на днѣ ея, а какъ она мечется въ глаза сама собой. Типическія стороны быта цѣлыхъ сословій и отдѣльных личностей, общечеловѣческія странности и недостатки, изнанка и лицевая сторона нашей жизни, будутъ обнаружены меткимъ перомъ и карандашемъ нашихъ сотрудниковъ.

Мы употребимъ всѣ силы и средства для того, чтобы нашъ «Иллюстрированный вѣсъ» былъ бѣсомъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Полное изданіе «Иллюстрированнаго вѣса» составитъ огромный томъ отъ 70 до 80-ти въ 4-ю долю листовъ, форматомъ извѣстнаго журнала «Нива», отпечатанныхъ въ двѣ колонны, на сатирированной, специально сфабрикованной для нашего изданія бумагѣ, новымъ, красивымъ и характернымъ шрифтомъ.

Текстъ будетъ иллюстрированъ двумястами картинъ: рисунковъ, видовъ, сценъ, типовъ, портретовъ и виньетокъ, рисованныхъ извѣстными ху-

дожниками-жанристами и выполненными на деревѣ лучшими граверами въ Россіи и за границей. — Обертка на полное изданіе роскошно будетъ отпечатана хромолитографіей.

Подписавшимся на «Иллюстрированный бѣсъ» до 1-го Февраля 1880 года будетъ выдана большая одографическая картина, изображающая «Маскарадъ съ знакомыми все лицами». Въ картинѣ будутъ сгруппированы «герои дня» въ самыхъ живописныхъ и пикантныхъ позахъ.

Цѣна за все изданіе 6 руб., съ пересылкой 7 руб.

«Иллюстрированный бѣсъ» будетъ печататься по наличному числу подписчиковъ. Оставшіеся по какому либо случаю отъ подписки экземпляры будутъ продаваться въ двое, т. е. по 14 руб. Все изданіе будетъ непременно окончено къ концу 1880 года. Первая часть выйдетъ никакъ не позднѣе марта мѣсяца, а затѣмъ изданіе будетъ продолжаться безъ остановки и своевременно разсылаться.

Въ виду быстро идущей мѣстной подписки просимъ гг. инородныхъ посѣлшить присылкой своихъ требованій.

Подписка принимается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ отдѣленіи конторы редакціи, при книжномъ и пнечубумажномъ магазинѣ И. И. Смирнова, на углу Моховой и Охотнаго ряда, въ д. Корзинкина, въ Москвѣ.

Гг. инородныхъ просимъ обращаться съ требованіями исключительно въ контору типографіи Императорскихъ Московскихъ театровъ И. И. Смирнова, у Зоологическаго сада, въ собственномъ домѣ, въ Москвѣ.

Объявленіе объ изданіи въ городѣ Одессѣ въ форматѣ большого газетнаго листа по слѣдующей программѣ

политической, литературной, коммерческой и справочной газеты:

ПРАВДА

I. Современная лѣтопись Россіи. — Внутреннія извѣстія, официальные и неофициальные. Высочайшіе указы, повелѣнія, приказы и административныя распоряженія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія; отчеты правительственныхъ мѣстъ и лицъ. Руководящія статьи по разнымъ государственнымъ вопросамъ, какъ возникающимъ со стороны администраціи, такъ и порождаемымъ современною жизнью общества. Народное и сельское дѣло во всѣхъ его проявленіяхъ. Земскія извѣстія. Городское хозяйство, вопросы по городской администраціи и по городскому благоустройству. Железныя дороги въ политическомъ, экономическомъ и хозяйственномъ значеніи ихъ. Пароходство и другія сообщенія. Военное дѣло, военная экономія и вопросы, относящіеся къ военному хозяйству. Судебная практика и судебныя рѣшенія. Воспитаніе и обученіе. Народное здравіе. Финансовая, торговая, акціонерная и биржевая хроника. Требования на рабочія руки, товары, работы, предложенія и условія нанимателей. Показаніе цѣны. Внутренняя корреспонденція. Письма въ редакцію газеты и ея отвѣты. Всевозможныя справки по изложеннымъ отдѣламъ.

II. Политическія заграничныя новости, почерпнутыя изъ иностранныхъ и русскихъ газетъ и журналовъ. Отдѣльныя статьи по разнымъ современнымъ вопросамъ иностранной политики. Извѣстія изъ славянскихъ земель. Корреспонденціи. Телеграфическія депеши.

III. Учено-литературный отдѣлъ. — Статьи по части исторіи, статистики, педагогикъ, этнографіи и другимъ отраслямъ человѣческаго знанія; беллетристическія статьи въ разныхъ родахъ; критика и библиографія; науки и искусства.

IV. Фельетонъ. — Новости общественной жизни, искусствъ, ремеселъ, театра съ замѣчаніями на игру актеровъ и проч.; путевыя и юмористическія замѣтки, слухи и вѣсти, смѣсь, рассказы, мелочи, переводы, подходящія выписки изъ журналовъ и другія статьи, которыя по содержанию своему не могутъ войти въ составъ прочихъ отдѣловъ газеты.

Срокъ выхода газеты ежедневный, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней послѣ большихъ праздниковъ.

Подписная цѣна безъ доставки и пересылки: на годъ 12 р., на полгода 7 р., на 3 мѣсяца 3 р. 85 к., на 1 мѣсяць 1 р. 30 к., съ доставкой и пересылкой: на годъ 14 р., на полгода 8 р., на 3 мѣсяца 4 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р. 50 к.

Подписка для инородныхъ считается съ 1-го или 15-го числа мѣсяца. При перемѣнѣ адреса они присылаютъ въ контору газеты 20 коп. деньгами или почтовыми марками.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учреждений допускается выписка газеты въ кредитъ по письменнымъ официальнымъ заявленіямъ, а равно принимается и разсрочка по сношенію съ редакціей.

Подписчики, пользующіеся разсрочкой подписной платы за годовой экземпляръ съ доставкой или съ пересылкой, доставляютъ: при подпискѣ къ 1-му января—4 руб., 1-му марта—4 руб., 1-му іюня—4 руб. и 1-му сентябрю остальные 2 руб. — Безъ доставки—въ тѣ же сроки по 3 руб.

Такса объявленій въ газетѣ «Правда».

На первой страницѣ и въ справочномъ отдѣлѣ—

по 20 коп. за каждый разъ отъ мѣста, занимаемаго строкою петида.

Въ отдѣлѣ объявленій—по 10 коп. за одинъ разъ отъ мѣста, занимаемаго строкою петида.

Тамъ же по 5 коп. за каждый послѣдующій разъ. Лица, желающія, чтобы ихъ объявленія печатались втеченіи одного мѣсяца не менѣе десяти разъ, платятъ и за первый разъ только по 5 к. вмѣсто 10 к.

Объявленія на сумму не менѣе 25 руб. — пользуются уступкою 10 процентовъ.

Объявленія полугодовыя и годовыя пользуются еще большою уступкою по соглашенію съ редакціей газеты.

Объявленія принимаются на всѣхъ языкахъ.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ «Правды» и сверхъ того у ея агентовъ, снабженныхъ квитанціонными съ печатью редакціи книжками.

Редакторъ-издатель I. Ф. Долново-Добровольскій.

Открыта подписка на 1880 годъ на ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ОРЕНБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ“

(пятый годъ изданія).

ВЪ ПРОГРАММУ КОТОРОЙ ВОЙДУТЪ:

I. Отдѣлъ статей и изслѣдованій по исторіи, этнографіи, статистикѣ, торговлѣ и промышленности оренбургскаго края. II. Отдѣлъ общихъ политическихъ извѣстій и политическихъ телеграммъ. III. Хроника или лѣтопись событій и явленій мѣстной жизни, а также опубликованныя правительствомъ распоряженія, прямо или косвенно касающіяся жизни города Оренбурга и оренбургскаго края. IV. Отдѣлъ хроники о театральныя и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ съ рецензіями о нихъ. V. Фельетонъ. Въ немъ будутъ помѣщаемы очерки мѣстныхъ нравовъ и другія мелкія беллетристическія статьи. VI. Справочныя свѣденія по части торговой, промышленной, желѣзно-дорожной, театральнаго репертуаръ, почтовые и календарныя свѣденія, мѣстный метеорологическій бюллетень и т. п. свѣденія, а также разнаго рода частныя объявленія. VII. Прибавленіе къ «Оренбургскому Листку»

„ЛИСТОКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“

Этотъ отдѣлъ выходитъ по четвергамъ безплатно и заключаетъ въ себѣ: политическія телеграммы, дневникъ мѣстныхъ происшествій, календарныя свѣденія и разнаго рода частныя объявленія.

Примѣчаніе. «Листокъ Объявленій» выходитъ въ форматѣ половины обыкновеннаго листа.

Газета «Оренбургскій Листокъ» выходитъ по воскресеньямъ, а «Листокъ Объявленій» по четвергамъ.

Подписная цѣна годовому изданію съ «Прибавленіемъ» пять рублей съ доставкой и пересылкой.

Редакція покорнѣйше проситъ лицъ, знающихъ мѣстный край, присылать ей какъ статьи и изслѣдованія, такъ и сообщенія свои, касающіяся мѣстной жизни съ какою бы то ни было ея стороны. Статьи, корреспонденціи и требованія редакція проситъ адресовать: въ Оренбургъ, въ редакцію газеты «Оренбургскій Листокъ», Перовская улица, домъ № 33, близъ Театра, при типографіи Ивана Ивановича Евфимовскаго—Мировицкаго.

Редакторъ-Издатель Ив. Евфимовскій-Мировицкій.

На 1880 годъ открыта подписка на

„КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Журналъ научной критики и библиографіи въ области наукъ историческихъ, филологическихъ, юридическихъ, экономическихъ и государственныхъ, издаваемый въ Москвѣ нижеподписавшимися при ближайшемъ участіи профессоровъ русскихъ университетовъ.

Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ выпусками отъ 2-хъ до 4-хъ листовъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Критическія оцѣнки русскихъ и иностранныхъ сочиненій и журнальныхъ статей по всеобщей и русской исторіи, исторіи всеобщей и русской литературы, языковѣдѣнію, классической и славянской филологіи, этнографіи, міеологіи, исторіи искусствъ, философіи, психологіи, гражданскому и уголовному праву, каноническому праву, общественному или полицейскому праву, международному праву, исторіи русскаго и славянскаго права, исторіи иностранныхъ законодательствъ, праву государственному, статистикѣ, политической экономіи и наукѣ о финансахъ.

II. Библиографія русская и иностранная по вышеупомянутымъ наукамъ. Отчеты о засѣданіяхъ въ ученыхъ обществахъ и объ университетскихъ диспутахъ. Библиографическіе слухи, замѣтки, мелочи и т. п.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: безъ доставки 6 р., съ пересылкой 7 р., съ пересылкой за границу 8 р. На полгода: безъ доставки 4 р., съ пересылкой 4 р. 50 к., съ пересылкой за границу 5 р. Подписка принимается въ Мо-

сквѣ въ книжныхъ магазинахъ: Соловьева и Васильева (Страстной бульваръ), Ланга и Мамонтова (Кузнецкій мостъ), въ Центральномъ книжномъ магазинѣ (Никольская) и Салаева (Мясницкая). Гг. инородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ Редакцію (Покровка, Машковъ пер., д. Миллера). Агентъ для Франціи: Ernest Leroux, éditeur, Rue Bonaparte 28. Цѣна для Франціи 20 франковъ.

Авторовъ ученыхъ сочиненій, коихъ обзоръ соотвѣтствуетъ программѣ «Критическаго Обозрѣнія», Редакція приглашаетъ доставлять 1 экземпляръ своихъ трудовъ по слѣдующему адресу: Москва, Машковъ пер., д. Миллера. О присылаемыхъ книгахъ помѣщается бесплатное объявленіе.

Редакторы-издатели: Всев. Миллеръ, М. Ковалевскій.

ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ, ОРГАНЪ ЛѢСНОГО ОБЩЕСТВА,

въ 1880 году
(X-й ГОДЪ).

будетъ выходить ежемѣсячно въ объемѣ не менѣе 54 листовъ въ годъ.

Въ Лѣсномъ Журналѣ въ 1880 году будутъ помѣщаемы: извѣстія о дѣятельности Лѣснаго Общества, руководящія статьи по различнымъ вопросамъ лѣснаго хозяйства, критическое обозрѣніе выдающихся произведеній русской и иностранной литературы, корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Россіи, вопросы, предлагаемые лѣсными хозяевами по разнымъ предметамъ лѣсоводственной практики и лѣснаго законодательства, съ отвѣтами специалистовъ на эти вопросы, обзоръ специальныхъ журналовъ и извѣстія о движеніи въ личномъ составѣ чиновъ Корпуса Лѣсничихъ и лѣсныхъ кондукторовъ.

Поставивъ своею главною задачею отзываться на практическія нужды отечественнаго лѣснаго хозяйства, редакція Лѣснаго Журнала обращаетъ просьбу ко всѣмъ, кому дороги успѣхи лѣснаго хозяйства, не оставлять редакцію сообщеніемъ фактовъ, хотя бы и самыхъ мелкихъ, изъ области хозяйства и указаніемъ тѣхъ вопросовъ, въ разработкѣ которыхъ особенно нуждается мѣстная практика.

Редакція покорнѣйше проситъ господъ соотрудниковъ присылать рукописи четкія и безъ сокращеній. Весьма желательно, чтобы одна сторона листа въ рукописи оставалась чистою, и во всякомъ случаѣ необходимо оставлять довольно широкія поля на сторонѣ исписанной.

При отсутствіи особаго соглашенія относительно гонорара редакція выплачиваетъ, даже за самыя мелкія сообщенія, по 25 рублей за листъ, если не требовалось никакихъ поправокъ и передѣлокъ; въ противномъ же случаѣ гонораръ соотвѣтственно уменьшается.

Подписная цѣна на Лѣсной Журналъ—4 руб. въ годъ съ пересылкой и доставкой. Члены Лѣснаго Общества, уплатившіе взносы за предыдущій годъ, получаютъ журналъ безплатно.

Подписка принимается исключительно въ Совѣтъ Лѣснаго Общества, въ С.-Петербургѣ, въ домѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Статьи же, жалобы на неполученіе книжекъ и просьбы о перемѣнѣ адреса адресуются «въ редакцію Лѣснаго Журнала, С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 7 линія, № 62».

Редакторъ Ал. Рудзкій.

Печатается и къ 1 января выйдетъ

ЛѢСНОЙ АЛЬМАНАХЪ на 1880 годъ.

изданіе ЛѢСНОГО ОБЩЕСТВА.

Въ Альманахѣ будутъ помѣщены подробныя статистическія данныя о государственныхъ лѣсахъ отдѣльно по лѣсничествамъ, направленные къ возможно полной обрисовкѣ служебнаго положенія каждаго лѣсничаго, а также будетъ данъ списокъ чиновъ центрального и мѣстнаго лѣснаго управленія, въ томъ числѣ и помощниковъ лѣсничихъ. Въ списокѣ этомъ заключаются не только указанія о личномъ и семейномъ положеніи каждаго служащаго, но и подробный его адресъ.

Цѣна 2 рубля 50 копѣекъ, при выпискѣ же не менѣе 20 экземпляровъ подъ однимъ адресомъ—1 р. 50 к., съ пересылкой. При выпискѣ Управленіями Государственныхъ Имуществъ уплата можетъ быть произведена и по полученіи книгъ.

„ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ“

педагогическій листокъ для родителей, наставницъ и наставниковъ.

Въ 1880 г. (5-й годъ изданія) редакція будетъ держаться прежней программы. Въ журналѣ помѣщаются свѣденія о женск. школахъ у насъ и за границей, историческ. очерки положенія и образованія женщины, психологическія этюды, наблюденія за

дѣтской жизнью, выясненіе методовъ и приѣмовъ воспитанія и обученія дѣтей. Въ отдѣлѣ «Изъ жизни и литературы» (хроника) сообщаются новости, имѣющія отношеніе къ цѣлямъ изданія. Въ отдѣлѣ «Критика и библиографія» разбираются новыя педагог. сочиненія, учебники и дѣтскія книги. Всѣ новыя книги для дѣтей будутъ своевременно разобраны.

«ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ» выходитъ въ концѣ каждого мѣсяца (за исключеніемъ іюня и іюля) книжками въ 4 печатн. листа и болѣе. Сверхъ того въ концѣ года будетъ дано приложеніе для дѣтей («Родная Старина») Разказы изъ русск. исторіи съ гравюрами, XV—XVII ст.).

Цѣна за годъ 2 р. 50 к., съ доставкою 3 р., съ пересылкою 3 р. 50 к.

Подписка въ С.-Петербургѣ, въ редакціи (Васильевскій островъ, 9-я линія, д. № 6), и въ главныхъ книжн. магазинахъ.

Редакторъ-издатель В. Сиповскій.

Подписчикамъ 1879 г. было дано приложеніе:

«РОДНАЯ СТАРИНА».

Отечественная исторія въ разказахъ и картинахъ (IX—XIV ст.) сост. В. Сиповскій. Изданная книга въ 235 стран., большого формата, 53 политипажныя въ текстѣ (древнія зданія, одежда, оружіе и пр.) и 2 ориг. рисунка В. М. Васнецова (крещеніе Кіевлянъ и Куликовская битва), на отдѣльных листахъ. (Книга предназначена для дѣтей 13—15 л.).

Цѣна 1 р. 50 к. Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ Петербурга. Въ Москвѣ въ кн. маг. «Новаго Времени». Иногородные, обращающіеся прямо въ редакц. «Женск. Образов.», за пересылку не платятъ.

О ПОДПИСКѢ НА

„РУССКІЙ МІРЪ“

въ 1880 году.

«Русскій Міръ» будетъ выходить въ 1880 году по-прежнему ежедневно листами большого формата. «Русскій Міръ» останется и впредь органомъ чистонароднымъ, земскимъ.

«Русскій Міръ» открытъ для каждого честнаго и правдиваго голоса, для всякаго искренняго проявленія общественной совѣсти и для каждого положительнаго, трезваго взгляда.

Жизненные внутренніе интересы страны и народа, озабочивающіе нынѣ всѣхъ и каждого, не исключаютъ, однако, достойной и сознательной внѣшней политики, которой «Русскій Міръ» всегда удѣлялъ подобающее мѣсто. Въ случаяхъ какихъ либо важныхъ событий редакція имѣетъ возможность получать достовѣрные и обстоятельныя свѣденія не только отъ своихъ специальныхъ корреспондентовъ, но и изъ другихъ источниковъ, заслуживающихъ безусловнаго довѣрія.

Отдѣлы корреспонденцій внутреннихъ и заграничныхъ, — фельетоновъ, литературныхъ и воскресныхъ, — передовыхъ статей общихъ и специальныхъ, мнѣній и отзывовъ печати, столичной и провинціальной, — организованы на будущій годъ какъ нельзя полнѣе и разнообразнѣе.

Особенное вниманіе обращено редакціею на полноту и содержательность отдѣловъ: внутренняго, политическаго и литературнаго.

Прежніе подписчики въ 1880 году получаютъ все количество номеровъ газеты, недополученное ими по случаю ея приостановки.

Подписная цѣна «Русскаго Мира» ниже цѣны другихъ большихъ газетъ.

Съ доставкою и пересылкою въ Россіи:

НА ГОДЪ.....	14 р. — к.
» 11 мѣсяцевъ.....	13 » — »
» 10 ».....	12 » — »
» 9 ».....	11 » — »
» 8 ».....	10 » — »
» 7 ».....	9 » — »
НА ПОЛГОДА.....	8 » — »
» 5 мѣсяцевъ.....	7 » — »
» 4 ».....	5 » 50 »
» 3 ».....	4 » 50 »
» 2 ».....	3 » 25 »
» 1 ».....	1 » 75 »

За границей:

НА ГОДЪ.....	25 руб.
» полгода.....	14 »
» 3 мѣсяца.....	7 »
» 1 мѣсяцъ.....	3 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ газеты, Большая Подъячская, д. № 39, и другихъ мѣстахъ, обозначенныхъ въ заголовкѣ.

Съ января 1880 года въ С.-Петербургѣ будетъ издаваться

новый педагогическій журналъ подъ названіемъ

„РУССКІЙ НАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ“

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

Отдѣлъ I (педагогическій). Статьи, имѣющія общаго педагогическаго характера; статьи, обсуждаю-

щія различныя частныя вопросы; біографіи знаменитыхъ педагоговъ и лицъ, чтеніе біографій которыхъ можетъ имѣть педагогическое значеніе; иногда разказы для дѣтей, примѣрные уроки и т. п. матеріалъ для классной работы.

Примѣчаніе. Въ случаѣ большого объема статей онѣ будутъ помѣщаться въ видѣ приложеній въ концѣ каждого номера.

Отдѣлъ II (библиографическій). Обзоръ руководствъ. Отчеты о книгахъ не учебныхъ, но имѣющихъ важное значеніе для народныхъ учителей.

Отдѣлъ III (практическій). Свѣденія полезныя для народныхъ учителей, какъ, напримѣръ, объ огородничествѣ, пчеловодствѣ, свѣденія изъ практической механики, объясненіе значенія всеобщей воинской повинности и т. п.

Отдѣлъ IV (историко-статистическій). Свѣденія о существующихъ и вновь открываемыхъ школахъ, отчеты о состояніи школъ и вообще о ходѣ учебнаго дѣла въ Россіи, а иногда и въ другихъ государствахъ, различныя заявленія о нуждахъ школъ и т. п.

Объявленія, соответствующія цѣли изданія. Редакція имѣетъ въ виду постепенно дать полныя руководства къ преподаванію каждого предмета обученія въ сельскихъ и городскихъ школахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать сборникъ статей, сообщающихъ полезныя практическія знанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: 2 руб. въ годъ безъ доставки, 2 руб. 50 коп. съ доставкой и пересылкой.

Журналъ будетъ издаваться ежемѣсячно въ объемѣ 2-хъ листовъ убористой печати.

Программа журнала одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Фену и К^о. (Невскій проспектъ).

Редакторъ-Издатель В. Латышевъ.
(Преподаватель Учительскаго Института).

О ПОДПИСКѢ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ВИЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1880 году.

Печатающа объявленіе о подпискѣ на «Виленскій Вѣстникъ», мы считаемъ долгомъ въ настоящемъ случаѣ, не ограничиваясь одними указаніями на условія подписки, сказать нѣсколько словъ о направленіи и содержаніи нашей газеты въ настоящее время. Мы именно должны говорить о настоящей минутѣ: не о прошедшей или будущей; мы не можемъ дать обѣщаній на весьма продолжительный періодъ времени, ибо почва, на которой мы стоимъ, далеко не отличается той устойчивостью, какъ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества. Дѣйствительно, нѣтъ страны въ мірѣ, которая вынесла бы на своей почвѣ столь непрерывный рядъ войнъ и экономической борьбы разныхъ національностей, какъ нынѣшній Северо-Западный Край Россіи. Тутъ искони боролась между собою литвинъ, тевтонцы, поляки, русскіе, шведы; бѣдная почва края съ ея сельскимъ населеніемъ искони служила предметомъ эксплуатаціи для поляковъ, нѣмцевъ и евреевъ. Всѣ фазисы этой внѣшней, видимой, и внутренней, невидимой, борьбы отражались на нашей газетѣ, начавшей существовать съ половины прошедшаго столѣтія. Съ каждой перемѣной, съ каждымъ новымъ фазисомъ газета наша измѣнялась: она то прерывала свое существованіе, то вновь возникала, заимствуя отъ прежняго изданія только названіе или даже только часть его. Газетѣ нашей, какъ бы она ни называлась, всегда приходилось выносить давленіе всѣхъ партій, остерегаться каждой и постоянно исполнять невозможную задачу: не раздражая спорящихъ примирять ихъ. Легко понять, что такое положеніе не могло содѣйствовать процвѣтанію газеты: въ тѣ моменты, когда борьба проявлялась наружу, газета, становясь откровенно на сторону сильнѣйшаго, оживала, затѣмъ когда наступало затишье, она замирала, не смѣя дотронуться ни до кого.

Ни прибѣгая къ воспоминаніямъ далекихъ временъ и на нашей памяти мы видѣли уже нѣсколько различныхъ положеній нашей газеты. Въ настоящую минуту мы снова замѣчаемъ нѣкоторое оживленіе, нѣсколько возбужденное состояніе разныхъ партій, въ сферѣ социальной и экономической. Периодическая литература указала на новое направленіе польскаго ума, желающаго сближенія съ русскими, въ которыхъ всѣ славяне должны по силѣ вещей видѣть опору своего существованія, въ то же время печать указала на замѣчательное возбужденіе еврейства, что выразилось между прочимъ въ появленіи двухъ новыхъ органовъ русскихъ евреевъ — органовъ, отличающихся смѣлостью своихъ выводовъ и страстностью сужденій.

Мы не можемъ относиться совершенно пассивно къ окружающей насъ жизни, — газета поневолѣ даже должна сдѣлаться отраженіемъ явленій этой жизни, принявъ болѣе дѣятельное участіе въ ней. Мы смѣемъ надѣяться поэтому, что газета наша, служащая единственнымъ органомъ нѣсколькихъ обширныхъ губерній, составляющихъ западную окраину, представитъ дѣйствительный серьезный интересъ какъ для мѣстныхъ жителей, такъ и для жителей внутреннихъ губерній. Вопросы, возбуждаемые жизнью на окраинахъ государства, въ особенности западной, по большей части, имѣютъ значеніе не столько мѣстное, сколько общегосударственное.

Съ своей стороны мы употребимъ всѣ усилія къ тому, чтобы газета наша, въ предѣлахъ доступныхъ для провинціальной печати, въ наибольшей степени удовлетворяла всѣмъ требованіямъ времени, обстоятельству и справедливымъ желаніямъ читателей. Съ этою цѣлью мы дадимъ особенное развитіе отдѣлу мѣстному; мы удѣлимъ наибольшую часть газеты и своего вниманія мѣстнымъ корреспонденціямъ и разработкѣ мѣстныхъ вопросовъ.

Подписка на «Виленскій Вѣстникъ» какъ отъ виленскихъ жителей, такъ и отъ иногородныхъ, принимается исключительно въ Вильнѣ, въ редакціи «Виленскаго Вѣстника».

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою: на годъ 10 руб., на полгода 5 руб., на 1 мѣсяцъ 1 руб.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ по предварительному соглашенію съ редакціей. На всѣ сроки можно подписываться не иначе, какъ съ 1-го числа каждого мѣсяца.

Въ будущемъ 1880 году

(ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„ОДЕССКІЙ ВѢСТНИКЪ“

Газета политическая, экономическая и литературная

будетъ выходить листами большого формата по той же программѣ и съ тѣми-же отдѣлами, какъ и въ настоящемъ году.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНІЯ:

Безъ пересылки или доставки:

ВЪ РОССІИ:

За годъ (12 мѣсяцевъ).....	12 р. — к.
За 6 мѣсяцевъ.....	7 » — »
За 3 мѣсяца.....	3 » 85 »
За 1 мѣсяцъ.....	1 » 30 »

Съ пересылкой или доставкой:

ВЪ РОССІИ:

За годъ (12 мѣсяцевъ).....	14 » — »
За 6 мѣсяцевъ.....	8 » — »
За 3 мѣсяца.....	4 » 50 »
За 1 мѣсяцъ.....	1 » 50 »

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ присоединять на пересылку за каждый мѣсяцъ 50 копѣекъ.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка, если они заявятъ о томъ письменно съ указаніемъ сроковъ взноса, которые могутъ быть или полугодичными или по четвертямъ года.

Для различныхъ учрежденій также допускается разсрочка на означенныхъ условіяхъ и газета можетъ высылаться по ихъ письменнымъ заявленіямъ впредь до полученія ими надлежащихъ ассигновокъ (о срокѣ полученія коихъ должно быть упомянуто въ заявленіи).

Подписка принимается въ Одессѣ, въ конторѣ «Одес. Вѣстн.», на Полицейской ул., въ д. Нитче, № 30, по каковому адресу благоволятъ адресоваться и иногородные подписчики.

Покорнѣе просятъ гг. подписчиковъ: 1) заявлять свои требованія заблаговременно, такъ какъ заготовленіе печатныхъ адресовъ требуетъ времени; 2) присылать адреса четко написанные, съ обозначеніемъ губерній, уѣзда и мѣста жительства, а также ближайшей почтовой конторы, отдѣленія или станціи, въ которой производится раздача газетъ и изъ которой подписавшійся получаетъ свою корреспонденцію.

Городскіе подписчики могутъ подписываться съ какою угодно срока; иногородные-же — не иначе, какъ съ 1-го или 15-го числа каждого мѣсяца.

При перемѣнѣ адреса должно сообщать прежній адресъ и № билета или бандероли, подѣ которую высылается газета и кромѣ того приложить 20 коп., которыя могутъ быть высланы почтовымъ марками.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1880 году.

Вступая въ пятый годъ дѣятельности, редакція «Шахматнаго Листка» пришла къ мысли, не измѣняя своей первоначальной программы, нѣсколько видоизмѣнить ея практическое выполненіе. Въ прежніе годы она имѣла утѣшеніе видѣть, какъ дѣло ея постепенно развивалось, какъ, подѣ влияніемъ уже просто факта существованія самостоятельнаго шахматнаго журнала, сближались отдаленнѣйшіе любители шахматной игры, встрѣчая въ немъ имена другъ друга и имѣя возможность узнать отъ редакціи адреса. Еще тѣснѣйшее сближеніе и оживленіе было вызвано нашимъ журналомъ среди игроковъ одного и того же города: начали устраиваться шахматные кружки, турниры, партіи по перепискѣ и другія явленія шахматной жизни. «Шахматный Листокъ» съ своей стороны заботился о сближеніи европейскаго и русскаго шахматныхъ міровъ, передавая текущія новости шахматной жизни и интереснѣйшіе ея явленія по всему свѣту и давая въ то же время иностранцамъ возможность ознакомиться съ положеніемъ шахматной игры въ Россіи. Но тѣмъ не менѣе влияніе нашего журнала ограничивалось преимущественно кружкомъ людей, стремящихся къ болѣе серьезному изученію шахматной

игры. Среди нихъ опять распространялся серьезное знакомство съ теоріей шахматной игры, ея древней и новой исторіей и проч. Редакція смотритъ на шахматную игру какъ на развлеченіе только, но развлеченіе, имѣющее многія преимущества предъ другими играми. Шахматная игра не развѣиваетъ страсти къ легкой наживѣ и сильнымъ ощущеніямъ «случайностей» — страсти, играющей преимущественную роль во всѣхъ другихъ играхъ. Наша игра — дѣло ума, строгого расчета, и привлекательность ея только и состоитъ въ этомъ. И вотъ, чтобы распространить игру за предѣлы тѣсныхъ кружковъ, редакція постарается сдѣлать свой журналъ болѣе доступнымъ и живымъ по изложенію и болѣе разнообразнымъ по содержанію. Она намѣрена давать живые и интересные разсказы для легкаго чтенія, богатый матеріалъ для которыхъ представляетъ шахматная литература Европы, а также прошлая и современная шахматная жизнь Россіи и проч.

Съ сентябрьской книжки текущаго года въ журналѣ образованъ особый отдѣлъ шашечной игры и будетъ назначенъ второй призовый конкурсъ шашечныхъ задачъ.

Въ послѣдней книжкѣ за настоящій годъ будетъ законченъ начатый съ перваго года изданія подробнѣйшій на русскомъ языкѣ разборъ всѣхъ началъ игры (*Курсъ дебютной*) и концовъ. Во все время изданія «Шахматнаго Листка» въ немъ помѣщено до 370 практическихъ партій, до 330 шахматныхъ и до 90 шашечныхъ задачъ.

Цѣна изданія на 1880 г. (12 книжекъ, по 2 печатныхъ листа большаго формата) остается прежняя — шесть рублей и при всемъ желаніи редакціи уменьшена быть не можетъ.

Подписчикамъ на 1880 годъ, желающимъ выписать «Шахматный Листокъ» за прежніе четыре года, дѣлается уступка: все изданіе и съ будущимъ годомъ имъ будетъ стоить всего 17 руб., а въ изысканныхъ переплеткахъ (за 2 года вмѣстѣ) 18 руб. Пересылку издатель принимаетъ на свой счетъ.

Цѣна отдѣльно за каждый годъ:

1876 г. (четыре №№) безъ пересылки 1 р. 50 к.

1877 » (дѣсять №№) . . . . . 4 » — »

1878 » (шесть №№) . . . . . 2 » — »

Подписка на 1880 г. принимается въ Петербургѣ: въ конторѣ редакціи «Шахматнаго Листка», при типографіи В. Ф. Демакова, Новый пер., д. № 7, и въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова, Гостинный Дворъ, № 24. Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонова, на Кузнецкомъ мосту.

Гг. иногородныхъ покорнѣйше просятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи по вышеуказанному адресу.

Редакторъ-Издатель М. Чигоринъ.

О подпискѣ на 1880 годъ на

МОДНЫЙ СВѢТЪ

самый полный, и дешевый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1880 года «Модный Свѣтъ» начнетъ XIII годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ «Модный Свѣтъ» въ 1880 году будетъ выходить также въ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре номера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ), и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

Болѣе 2,000 политическихъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и друг. работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную велич.

24 (или 12 для 1-го изданія) модныхъ, раскрашенныхъ, парижскихъ картинки для II изданія, исполненные лучшими иностранными художниками.

36 (24 раскрашенныхъ и 12 акварельныхъ) модныхъ парижскихъ картинъ для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фелетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя бесплатныя приложенія и «Почтовый ящикъ», съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Журналъ «Модный Свѣтъ» имѣетъ гораздо болѣе подписчиковъ, чѣмъ всѣ модные журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію «МОДНАГО СВѢТА» на 1880 годъ:

== I изданію, съ 12 раскрашенными парижскими картинками и со всѣми приложеніями: въ С-

Петербургѣ безъ доставки — 4 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ — 5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи — 6 р.

== II изданію, съ 24 раскрашенными парижскими картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки — 5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ — 6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи — 7 р.

== III изданію, съ 24 раскрашенными парижскими картинками, 12 раскрашенными акварельными картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки — 7 р.; съ доставкой въ С.-Петербургѣ — 8 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 9 руб.

== Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 р.; II-му изданію 6 р. 50 к.; III-му изданію 8 р. 50 к.; съ пересылкою I-му изданію 6 руб., II-му изданію — 7 р., III-му изданію 9 руб.

Издатель «Моднаго Свѣта» Германъ Гоппе. Главная контора Редакціи «Моднаго Свѣта» находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина № 16.

въ 1880 году

„СЕМЬЯ И ШКОЛА“

(ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ),

иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1879 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ двадцати двухъ книгъ и сорока номеровъ «Педагогической хроники». Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. Семейное чтеніе (отдѣлъ для дѣтскаго чтенія) выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р.

II. Воспитаніе и обученіе (отдѣлъ для родителей и воспитателей) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ «Педагогической хроники», выходящей въ количествѣ 40 номеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 5 р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ «Педагогическою хроникой» содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библиографію; биографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогики; отдѣлы математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.) «Педагогическая хроника» даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границею, и полную библиографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: Въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала «Семья и Школа» (адресъ почтамту извѣстенъ), — съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель Н. Краевичъ.

1880 г. 2 годъ изданія 1880 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛИРА“

(отъ 5 до 8 муз. пьесъ въ каждомъ номерѣ).

Подписная цѣна.

За годъ съ пересылкой и доставкой. 6 р. — к.

Отдѣльный номеръ . . . . . — » 75 »

Иногородные присылаютъ за одинъ номеръ 40 почтовыхъ марокъ двухкопѣчнаго достоинства.

Подписка принимается для Москвы въ Центральной Конторѣ Объявленій, Больш. Дмитровка, д. Бучумова и въ Театральной Библиотекѣ С. О. Разсохина, Газетная, д. Шаблыкина.

Иногородные адресуютъ денежныя и простыя письма такъ: Москва, редакція музыкальнаго журнала «Лира».

Въ минувшемъ году редакція, не принимая на себя никакихъ обязательствъ и обѣщаній, дала подписчикамъ

2 ПРЕМІИ.

Въ 1879 году были между прочими помѣщены пьесы слѣдующихъ композиторовъ: Геллера, Шпин-

длера, Юнгмана, Кеттерера, Лишина, Брюля, Вивьена, Штрауса, Лихнера и др.

Въ каждомъ номерѣ «Лиръ» помѣщаются нѣсколько салонныхъ пьесъ въ 2 руки (иногда въ 4), танцы, романсы и отъ поры до времени дуэты со скрипкой.

Объявленія музыкальнаго и общаго содержанія, — для помѣщенія въ журналѣ, принимаются въ Центральной Конторѣ Объявленій. Дмитровка, д. Бучумова.

Издатель Д. А. Мансфельдъ

!!ОБЩЕДОСТУПНОЕ РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ!!

Портретная галерея русскихъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ, изданная фотографомъ Шапиро (Спб., Невскій, 30). Первый выпускъ «Галереи» заключаетъ въ себѣ снятые съ натуры, въ размѣрѣ in-folio, портреты: И. А. Гончарова, О. М. Достоевскаго, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова и И. С. Тургенева. Каждый портретъ украшенъ орнаментомъ въ древне-русскомъ стилѣ и снабженъ біографіею на русскомъ и французскомъ языкахъ и снимкомъ съ почерка. Цѣна за всѣ пять портретовъ съ біографіями въ изысканной обложкѣ — пять рублей, въ роскошной папкѣ — шесть рублей, вѣс. 10 ф. Гг. торговцамъ обычная уступка. Продается въ фотографіи Шапиро, С.-Пбурѣ, Невскій, д. 30, у Казанскаго моста, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ

на еженедѣльный художественный журналъ

„СОБРАНІЕ КАРТИНЪ“.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Фотолигграфированныя картины, научныя, историческія, жанровыя, пейзажныя и каррикатурныя съ пояснительнымъ къ нимъ текстомъ. 2) Объявленія.

— Въ годъ 52 №№, т. е. 208 картинъ. —

На первой страницѣ обертки — пояснительный текстъ къ картинамъ, на остальныхъ — объявленія.

Цѣна за годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ — 3 р. Цѣна за годъ съ доставкой и пересылкою — 4 р. Цѣна отдѣльнаго № — 15 к. Плата за объявленія 25 к. за строку цѣты.

Редакторъ-Издатель Р. Голике.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, домъ № 106.

въ 1880 году

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

„КРОНШТАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕМУ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ:

по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

Подписная цѣна:

на	на	на	на
годъ.	полгода.	3 мѣсяца.	1 мѣс.
Безъ доставки 7 р.	4 р.—к.	2 р.—к.	70 к.
Съ доставкой и пересылкою 8 р.	5 р.—к.	2 р. 50 к.	1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кронштадтѣ: въ конторѣ редакціи, при типографіи «Кроншт. Вѣстникъ», на Соборной площади, въ домѣ Никитиныхъ.

Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЛУЧЪ“

Съ 1-го Января 1880 г. будетъ издаваться журналъ «Лучъ» по слѣдующимъ подписнымъ цѣнамъ: ТРИ р. въ годъ; ДВА р. за полгода; ОДИНЪ р. за три мѣсяца съ доставкой и пересылкою.

Съ перваго же номера журнала «Лучъ» редакція приступитъ къ печатанію большой оригинальной и въ высшей степени интересной повѣсти «Дочь разбойника». Затѣмъ редакція дастъ одинъ большой романъ, цѣлую серію занимательныхъ разсказовъ, стихотвореній, спенъ и картинокъ изъ народной жизни. Въ отдѣлѣ «Хроника» редакція будетъ знакомить своихъ читателей съ текущею международною политикою Европы и со всѣми выдающимися событіями нашей внутренней жизни. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «Лучъ», на углу Воскресенскаго пр. и Сергіевской ул., домъ № 36 — 12, кв. № 1.

За редактора, издатель И. Н. Румянцевъ. Издатель П. Я. Бугайскій.

ЖИВОПИСНОЕ ИСКУССТВО

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 3.

На годъ съ пер. и дост.—7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цена отдельныхъ №№ по 20 к.

За полгода—4 руб.

19 Января 1880 года.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ К. П. БРЮЛОВА.

Во ожиданіи новаго члена семьи.

Съ акварели изъ альбома князя Сергѣя Александровича Голицына.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской полиграфіи“ г. Діаментовскаго.

Въ житейскомъ морѣ.

Разсказъ Б. Левина.

(Продолженіе.)

Часть вторая.

Бѣднякъ, страшитъ тебя столица,
Когда у храмовъ и дворцовъ
Ты видишь испитыя лица
Лишенныхъ крова бѣдняковъ,
Когда въ толпѣ народа шумной
Здѣсь, что ни шагъ, встрѣчаешь ты
Бокъ-о-бокъ съ роскошью безумной
Лохмотья грязной нищеты,
Когда съ бѣдой нежданной въ спорѣ
Ты просишь помощи, боецъ,
Но крикъ твой въ этомъ шумномъ морѣ
Ничьихъ не трогаетъ сердецъ.

Въ такіа скорбныя мгновенья
Ты былъ бы все отдать готовъ
За тихій миръ отдохновенья
Среди полей, среди лѣсовъ,
Гдѣ воздухъ чище и вольнѣе,
Гдѣ шире синій небосводъ,
Гдѣ силъ здоровыхъ не жалѣя,
Безшумно трудится народъ.
Тамъ отдохнуть, тамъ укрѣпиться
Могла-бъ измученная грудь
И съ жизнью снова могъ бы биться
Ты, продолжая трудный путь.

Но кругъ проклятый заколдованъ
И все несбыточны мечты,
Ты крѣпко связанъ, крѣпко скованъ
Желѣзной цѣпью нищеты.
Ты тратишь годы, тратишь силы,
Судьбу стараешься побѣдить,
Чтобъ, дотавившись до могилы,
Прийти къ сознанью, можетъ быть,
Что, вмѣсто честнаго служенья
Святому дѣлу бѣдняковъ,
Всю жизнь сбивалъ ты только звѣнья
Тебя опутавшихъ оковъ.

Готовя эту злую долю
Столицы сотнямъ бѣдниковъ,
Такой же жребій ждалъ и Колю
У нашихъ неvesкихъ береговъ,
Куда почтовая карета
Его везла средь тишины
Въ часъ ранній мутнаго разсвѣта
Печальной, сѣверной весны,
Ронявшей съ теплыми лучами
И капли мелкаго дождя...
(Такъ мать ласкаетъ со слезами
Свое убогое дитя.)

Закрыты были окна, лавки,
Калитки, двери; у воротъ
Дремали дворники и шавки;
Встрѣчался рѣдко пѣшеходъ
И то какой-нибудь бездомный
Воронка съ жалкимъ узелкомъ,
Дрожащій, чтобы взоръ нескромный
Не подстергъ его тайкомъ;
Но основателемъ едва-ли
Былъ этотъ страхъ въ подобный часъ:
И сами будочники спали,
Надъ алебардами склонясь.

Нашъ бѣдный юноша уныло
Смотрѣлъ въ каретное окно
На городъ тихій, какъ могила,
И было страхомъ стѣснено
Невольное сердце молодое,
Какъ будто въ этой тишинѣ
Предвѣстье было роковое,
Напоминавшее о снѣ,
Тяжеломъ, страшномъ, непробудномъ,
Который ждетъ въ концѣ концовъ
Въ бою мучительномъ и трудномъ
Здѣсь всѣхъ неопытныхъ бойцовъ.

Нѣтъ, съ этой мыслью примирится
Не сразу тотъ, кто, полный силъ,
За право жизни хочетъ биться,
А не за сонъ среди могилъ,—
И вотъ приливъ отваги новой
Онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ,
Надѣясь, что въ борьбѣ суровой
Онъ не поддастся злой судьбѣ,
Что бодро вынесетъ лишения
Онъ съ вѣрой въ будущность свою,
Что будетъ съ помощью терпѣнья
Онъ побѣдителемъ въ бою.

Но съ кѣмъ-же бой?..

Сыскавши гдѣ-то

Себѣ дешевый уголокъ,
Досталъ онъ два или три пакета,
Разрывъ дорожный свой мѣшокъ,
Прочелъ фамилии лицъ высокихъ,
Къ которымъ долженъ былъ нести
Онъ эти письма отъ далекихъ
Друзей и членовъ ихъ семьи,
Пошелъ, разспрашивая встрѣчныхъ,
Гдѣ квартируетъ тотъ и тотъ,
И послѣ толковъ безконечныхъ
Успѣшно завершилъ походъ.

«Здѣсь подождите генерала!»
Услышалъ эту фразу онъ,
Когда къ одной особѣ въ залу
Онъ былъ прислугою введенъ.
Прождалъ онъ съ часъ въ нѣмомъ смущеньи

И былъ бѣжать почти готовъ,
Когда слышалъ приближеніе
Тяжелыхъ, медленныхъ шаговъ
И увидалъ, какъ на порогѣ,
Во всемъ величьи предсталъ
Предъ нимъ прямой, высокій, строгій
Временъ минувшихъ генералъ.

«Письмо?.. Откуда?.. Что тамъ надо?..»
Звучить отрывистой рѣчъ
И выражается досада
Въ нѣмомъ подергиваньи плечъ;
Пакетъ, посланье заключавшій,
Разорванъ грубо; мутный взоръ,
Письма страничку пробѣжавши,
Глядитъ на юношу въ упоръ;
Вотъ по лицу скользнуть усмѣшка
И можно ясно уловить
Ворчанье: «Глушъ сталъ тамъ, какъ пѣшка!
Безъ денегъ въ гвардіи служить!..»

Старикъ прошелся вдоль по залѣ
И началъ медленно внушать,
Что нищимъ выгодно едва-ли
Въ полки гвардейскіе вступать,
Что шагъ подобный очень можетъ
Не мало принести вреда,
Что самъ онъ лично не поможетъ
Въ подобномъ дѣлѣ никогда,
Что, впрочемъ, онъ съ обычнымъ рвеніемъ
Готовъ въ другомъ помочь друзьямъ...
И рѣчь вдругъ кончилъ предложеніемъ:
«Ну... ну... ходи обѣдать къ намъ!»

Второй визитъ къ лицу другому,
Какъ первый, пользы не принесъ:
Придя къ указанному дому,
Услышалъ юноша вопросъ:
«Кого онъ ищетъ?» На подъездѣ
Стоялъ знакомый господинъ,
Служившій прежде въ ихъ уѣздѣ,
Еще имѣя мелкій чинъ.
Князь, дядя Коли, личность эту
Поставилъ на хорошій путь
И удался къ большому свѣту
Потомъ въ столицѣ ей примкнуть.

«Я вамъ привезъ письмо отъ дяди»,
Отвѣтилъ Коля. Дядинъ другъ
Съ неудовольствіемъ во взглядѣ

Взялъ у него письмо изъ рукъ
И, пробѣжавъ его глазами,
Промолвилъ: «Право, князь — чудакъ!
О всѣхъ хлопочетъ! А дѣлами
Мы здѣсь завалены и такъ!
Ему услугу сдѣлать эту
Не въ силахъ я!» онъ заключилъ
И, торопливо сѣвъ въ карету,
Прочь отъ подъезда укатилъ.

Былъ Коля сильно озадаченъ,
Но онъ храбрился: ничего,
Быть можетъ, будетъ и удаченъ
Визитъ послѣдній для него.
Письмо къ извѣстному вельможѣ
Онъ несъ въ карманѣ. Вотъ предъ нимъ
Сидитъ швейцаръ съ надутой рожей,
Гордись нарядомъ шутовскимъ;
Измѣривъ юношу глазами,
Онъ говоритъ не безъ труда,
Едва ворочая губами:
«Не принимаютъ господа!»

Но смѣльчака не такъ-то скоро
Смутить отказомъ: съ наглечомъ
Вступаетъ онъ въ переговоры
Довольно смѣло. «Я съ письмомъ!»
— Да говорятъ, не принимаютъ!
«Но какъ же мнѣ письмо отдать?»
— Оставьте мнѣ. — «Они не знаютъ,
Гдѣ я живу». — Здѣсь записать
Свой адресъ можете. — «Приду я
Ужъ лучше за отвѣтомъ самъ».
И Коля вышелъ, смутно чуя
Здѣсь неудачу, какъ и тамъ.

И не ошибся бѣдный въ этомъ:
Вернувшись черезъ часъ сюда,
Онъ встрѣченъ тѣмъ же былъ отвѣтомъ:
«Принять не могутъ господа!»
Такъ вотъ онъ, врагъ-то: равнодушье
Предъ постороннею судьбой!
Легко дойти до малодушья,
Съ врагомъ такимъ вступая въ бой,
Оставшись посреди столицы
Безъ средствъ, безъ близкихъ, безъ связей
Подобно изнемогшей птицѣ
Среди предательскихъ сѣтей.

Но что-жъ начать? Куда направить
Ему теперь свои шаги?
Столицу навсегда оставить,
Вернуться вновь въ края свои?
Быть лишнимъ ртомъ, сидѣть на шеѣ
У разорившейся семьи,
Ничѣмъ заняться не умѣя
И коротая праздно дни?
Какъ мужику, пахать въ имѣньи,—
Что-жъ скажутъ дяди, тетки, мать?
Служить, не кончивши ученья?
Да кто-жъ захочетъ мѣсто дать?

Пугала будущность. Сомнѣнье
Змѣей закрадывалось въ грудь
И въ молодомъ воображеніи
Тяжелый рисовался путь.
Бѣднякъ нашъ видѣлъ, какъ голодный
Передъ нарядною толпой,
Окончивъ бой съ нуждой безплодный,
Онъ упадетъ на мостовой,
Ни въ комъ не вызвавъ со жалѣнья
Къ страданьямъ падшаго бойца,—
И вызывало озлобленье
Въ немъ жажду биться до конца.

Запасъ какой-то силы новой
Онъ началъ чувствовать въ себѣ
Вдали отъ дорогого крова,
Отъ ласкъ въ заботливой семьѣ,
А тутъ еще случились встрѣчи
Съ такой же голью молодой,
Ея восторженные рѣчи,
Умѣнье справиться съ бѣдой,

На жизнь здѣсь взгляды были шире
И понимать яснѣй онъ сталъ,
Что только тотъ и счастливъ въ мірѣ,
Кто счастье самъ завоевалъ.

Ни передъ чѣмъ не отступая,
Слѣша ко всякому труду,
Пошелъ впередъ, не унывая,
Онъ, какъ въ горячечномъ бреду.
Онъ полонъ былъ одной заботы
Пополнить знанья какъ-нибудь,
Чтобъ послѣ этихъ дней работы
Къ семьѣ студенческой примкнуть,
А тамъ, достигнувъ этой цѣли,
Вздыхнетъ вольнѣй онъ, какъ пловецъ,
Отъ скалъ, отъ камней и отъ мелей
Ладью столкнувший наконецъ.

О, сколько муки въ это время
Онъ перенесъ въ сырыхъ углахъ,
Когда нужды давило бремя,
Когда за завтра былъ въ немъ страхъ.
Узналъ онъ опытомъ печальнымъ
Всю жизнь столичныхъ бѣдняковъ
И къ этимъ выходцамъ подвальныхъ
Зажглись въ немъ жалость и любовь;
Смотри на нихъ, печали полный,
Подъ звукъ ихъ жалобъ, воплей, слезъ,
Онъ думалъ: это стонутъ волны,
Разбившись въ бурю объ утесъ.

Смѣнялись быстро впечатлѣнья,
Какъ въ океанѣ валомъ валъ,
И въ молодомъ воображеніи
Рядъ смѣлыхъ образовъ мелькалъ,
Веселья гулъ и стоны муки
Сливались, доходя извнѣ,
Въ одинъ ритмическіе звуки
Въ его душевной глубинѣ.
То плача, то ликуя гордо,
Въ ночной тиши, забывши сонъ,
Ловилъ онъ чутко ихъ акорды...
И путь грядущій былъ найденъ.

Онъ угадалъ въ себѣ поэта...
То не былъ юной страсти жаръ,—
Нѣтъ, заключало сердце это
Способность къ творчеству, тотъ даръ
Въ живые образы съ любовью
Въ порывѣ страстномъ воплощать
Все то, что потомъ или кровью
Пришлось въ жизни добывать,
Что онъ подмѣтилъ и увидѣлъ,
Что протрадалъ и перенесъ,
Что такъ любилъ и ненавидѣлъ,
Надъ чѣмъ немало пролилъ слезъ.

Живой петочникъ наслажденій
За годы бѣдъ, за годы мукъ
Въ минуты чистыхъ вдохновеній
Теперь предъ нимъ открылся вдругъ.
Смотря на жизненное море,
Онъ понималъ, что въ волнахъ живыхъ
Вседневныхъ радостей и горя
Сокровищъ много дорогихъ,
Что кто смѣлѣе проникаетъ
Въ глубь человѣческихъ сердецъ,
Тотъ больше перловъ добываетъ
Въ свой поэтический вѣнецъ.

Казалось, скоро почъ страданій
Днемъ счастья будетъ смѣнена,
Но чаша горькихъ испытаній
Имъ осушилась не до дна.
Онъ силъ своихъ не соразмѣрилъ
И, какъ неопытный пловецъ,
Сплывши впередъ и твердо вѣрилъ,
Что берегъ близокъ наконецъ.
И точно, былъ онъ близокъ къ цѣли
И, торжествуя, говорилъ:
«Враги меня не одолѣли»
Какъ вдругъ недугъ его сломилъ.
Въ жару горячечномъ съ мольбою

Кричалъ кому-то онъ въ тоскѣ:
«Я слышу бурю надъ собою,
А домъ стоитъ мой на пескѣ!..
Запасъ могучихъ силъ мнѣ нуженъ,
Чтобы спасти его теперь...
Но я врагомъ обезоруженъ,
Все отнялъ этотъ дикій звѣрь!..
Ко мнѣ, ко мнѣ на помощь, братья!
А! вы бѣжите отъ меня!..
Да поразятъ небесъ проклятья
Васъ, трусовъ подлая семья!..

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Этюды изъ жизни въ среднеазіатскихъ пустыняхъ.

Н. Н. Каразина.

I.

Наурусъ и Джюра, братья «кудукчи».

(Окончаніе.)

Обвязали мальчишку; двойною петлею подъ
мышки подхватили. Нагнулся тотъ надъ дырою
а оттуда, словно съ задняго двора, гдѣ барановъ
рѣжутъ и потрохи сроду не убираютъ, разить.

— Позатухла вода-то, замѣтилъ Наурусъ.—
Долго откачивать придется.

— А вѣдь какая хорошая была. Я помню, мот-
нулъ головою Джюра,—такая вода, что на Дарьѣ-
бы такъ въ пору... Ну полѣзай, что-ли!..

Страшно стало мальчишкѣ. Черно тамъ внизу
такъ, холодомъ оттуда вѣетъ, словно изъ могилы
разрытой. Вонь страшнѣйшая. Вотъ, думаетъ,
дуракъ, напросился.

— Ну чего-же ты сталъ!

Голосъ у Науруса совсѣмъ перемѣнился, глухо
такъ вышло, захлебисто. Сказалъ онъ это: «ну
чего-же ты сталъ!» поглядѣлъ на него Джюра, да
и назадъ обернулся на всякій случай: нѣтъ-ли
здѣсь, молъ, кого «третьяго»?..

Спустился мальчикъ въ дыру всѣмъ тѣломъ,
а руки на виду еще; словно крючки желѣзные
впились его пальцы въ оплетъ верхней рамы;
тряхнулъ разокъ веревкою Джюра.

— Да ну, небось! Полѣзай, что ли!..

— Ты вотъ за вѣнцы перехватывай... Ползи
знай, ничего... веревка крѣпкая!

Скрылись руки мальчишки.

— Держи веревку крѣпче!.. изъ дыры слы-
шится его голосъ.

— Держимъ! Ладно. Ползи, знай, ползи!

— Ползи!

— Ползи!

Тише и тише шепчутъ свое «ползи» братья ку-
дукчи. Тяжело дышать, сопяты, словно верблюды
запаленные, торопливо такъ травятъ конецъ ве-
ревки.

— Ты чего это? схватилъ Джюра Наурусову
руку.

И не знаетъ онъ, не сознаетъ хорошо, чего ему
жалче: веревки-ли своей новой или того, кто
тамъ, внизу, чей шорохъ изъ дыры слышенъ, того,
который теперь тамъ, гдѣ гулко такъ булькаютъ
осыпающіеся комочки песка и зеленой глины.

Тупой ножъ совсѣмъ, чуть подается воло-
сяная, туго сверченная веревка, пилить, пилить
Наурусъ и не замѣчаетъ, что совсѣмъ не тою
стороною ножа, спинкою лезвіе по аркану ерзаетъ.

Зубъ на зубъ не попадаетъ у обоихъ братьевъ,
трясется ихъ лихорадка злая, жаръ въ головѣ и
въ груди. У Джюры вонъ губа нижняя отвисла,
какъ у покойника, и слюни бѣгутъ.

Обвалилась подъ его колѣномъ пудовая глыба
песчанника и рухнула внизъ, прыгая съ вѣнца
на вѣнецъ, дробясь въ мелкую пыль о стѣны
колодца.

— Ооо! тихо застонало внизу.

Бросилъ ножъ свой Наурусъ, уши зажалъ ку-
лаками и на спину откинулся.

А Джюра теперь уже и руками, и ногами ра-

ботаешь; весь свой край пообломалъ; пыль стол-
бомъ надъ дырою вьется.

Верблюдица тяжело поднялась на ноги. Она
вѣдь видѣла, что люди дѣлаютъ, — воды ждала.
Поднялась горбатая скотина, подошла къ колодцу,
просунула свою голову между братьями и глаза
ея кроткіе, черные доверчиво такъ, ласково смот-
рять на нихъ.

— Ооо! опять послышалось снизу.

Бросили братья и веревку свою, и ножъ, бро-
силъ Наурусъ и халать свой, что снялъ передъ
этимъ, и оба—ноги ихъ плохо слушались, под-
колѣнки сами собою гнулись—на четверенькахъ,
словно звѣрье какое, а не люди, за песчаный
барханъ поползли, да тамъ и засѣли, другъ на
друга оловянными глазами уставились.

Бредетъ тихими шагами по глубокимъ пес-
камъ верблюдица, поводъ у нея по землѣ воло-
чится, то и дѣло наступаетъ на конецъ аркана
широкая, мозолистая ступня, больно за поздри
животнаго каждый разъ крючкомъ дергаетъ.
Сидятъ на этой верблюдицѣ оба брата, крѣпко
другъ за друга держатся. Бдуть молча, ни
слова не вымолвятъ.

Вотъ остановилась верблюдица, кустъ саксау-
ла начала оглаживать. Поглодала немного, по
сторонамъ посмотрѣла, вздохнула тяжело и опять
пошла, опустивъ низко такъ, къ самой, землѣ
свою голову. Въ сторону свернула, тамъ опять
зеленые молодые побѣги завидѣла, опять погло-
дала, опять пошла бродить. Сидятъ братья, мол-
чатъ, слова не вымолвятъ.

Будто не люди живые, а такъ—тюки товар-
ные... Бродитъ верблюдица видимо своею волею,
куда хочетъ, туда и идетъ. Совсѣмъ вонъ въ
сторону отбилась и близко тропы никакой не
видно. Съ самого утра, когда братья «воду
доставали», до сихъ поръ бродитъ.

А низко уже совсѣмъ солнце, засинѣлись бар-
ханы, только по верхамъ самыхъ высокихъ кра-
сноватый свѣтъ скользитъ, сбѣгаетъ; быстро
ночная темь приближается. Сидятъ братья, мол-
чатъ, слова не вымолвятъ.

И чудится имъ, что приковала ихъ къ спинѣ
верблюдица, крѣпко держитъ, слѣзть, уйдти не
дастъ страшная сила, невидимая.

Какъ усеѣлись они вдвоемъ на скотину цѣн-
ную, теперь уже ихъ собственную, такъ за-
мерли, окаменѣли, другъ въ друга вѣившись.

Ни голосу нѣтъ, ни силы. Сознаніе, память,
все отшибло. Только слухъ ихъ одинъ, острый,
привычный, стеной слухъ неустанно, чутко
работаетъ. И слышатъ они, какъ вокругъ нихъ,
и впереди, и съ боковъ, и сзади, воютъ, хохотъ,
зубами щелкаютъ всѣ злые духи пустыни.
Всѣ собрались сюда, всѣ, какихъ только знали
Наурусъ и Джюра, даже и тотъ прилетѣлъ, что
гонялъ ихъ давно по степи послѣ арака рус-
скаго... Всѣ на лицо!

А верблюдицѣ эти звуки не страшны совсѣмъ,
не пугаютъ они ее нисколько. Она и не слы-
шитъ ихъ, покойно себѣ бродитъ, да саксауль-
никъ оглаживаетъ.

Ночь наступила; прилегла верблюдица подъ
кустами, въ затишѣ, подогнувъ подъ себя свои
сильныя ноги. Все сидятъ у нея на спинѣ бра-
тья кудукчи. Сидятъ молча, слова не вымолвятъ.

Что за диво! думаетъ «скотина пора бы, ка-
жется, и развѣючивать».

Вонъ на гребнѣ бархана черною тѣнью на-
ра острыхъ ушей мелькнула, вонъ другая пока-
залась рядомъ. По сыпучему скату скользнуло
что-то неслышно и спряталось... Вонъ и ближе,
въ кустахъ два глаза сверкнули; будто искорки
красныя загорѣлись...

Разомъ вскочила на ноги верблюдица, такъ
тряхнула братьевъ, что сѣдло даже кошечное
треснуло, никакой бы выюкъ не выдержалъ

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ ГОЛЕМБЬЕВСКАГО.

Къ поэмѣ „Въ морѣ житейскомъ“. (Гл. II.)
Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политепани“ г. Діаментовскаго

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ Н. КАРАЗИНА.

Къ разсказу Н. Н. Каразина „Наурсъ и Джюра, братья кудукчи“.
Рѣзалъ на деревѣ г. Сжимовскій.

этого толчка, через шею скотины свалился бы. Крѣпко, цѣпко, не своею, чужою волею оба брата на сѣдлѣ держатся.

Унылое, жалобное вытье пронеслось въ воздухѣ, колыбелью шарахнулась волчья стая, ринулась впередъ съ перепугу верблюда изъ всей своей мочи понеслась по глубокимъ пескамъ, летять изъ подъ ея ногъ комья во все стороны; пыль поднялась, бѣглянку окутала, словно отъ голодныхъ волковъ прячется пустыня свое кровное дѣтище.

Ураганомъ летитъ по степи верблюдница, а за нею, съ бархана на барханъ, вразсыпную дуетъ волчья стая: чуютъ звѣри добычу важную!

Тѣмъ временемъ шелъ степью изъ Казалинска въ Шураханъ обратный караванъ налегкѣ.

Пришли на колодцы, верблюдовъ въ кругъ положили, саману имъ насыпали кучу; сами «тюячи» огонь развели большущій, котелъ поставили, сидятъ у огня и вшей въ одеждѣ ловятъ.

Вдругъ, совсѣмъ неожиданно-негаданно съ размаха налетѣло на нихъ что-то громадное, тяжелое, рухнуло со всѣхъ ногъ между ними, разметало костеръ, котелъ опрокинуло и захрипѣло въ смертельной агоніи.

Шарахнулись съ перепугу верблюды, мечутся, какъ ошалѣлые, разбѣжались «тюячи» во все стороны; не скоро доглядѣлись въ чемъ дѣло, не скоро опомнились.

Видать, что за диковина?

Лежитъ мордою въ самый огонь издыхающая верблюдница, сидятъ на ея спинѣ два чудища, крѣпко-крѣпко руками другъ за друга держатся, слова не вымолвятъ.

Долго стояли «тюячи» около, никто дотронуться не смѣетъ, никто спросить, окликнуть неожиданныхъ, чудныхъ гостей не рѣшается.

Смрадь пошелъ отъ паленой шерсти верблюжьей, шинить на огнѣ сало изъ пролитого котла, словно не живые, холодные, окостенѣлые, спидать братья Наурусъ съ Джюрою.

Ну, не все же стоять да глядѣть; всякому страху своя мѣра. Поразобрались тюячи. Оттащили отъ огня верблюдницу околѣвающую, сняли съ ея спины братьевъ, стали допрашивать. Слова не добились. Совѣтъ повели: тутъ-ли ихъ и бросить, самимъ сниматься скорѣе, да другого мѣста ночлежнаго искать; взять-ли съ собою несчастныхъ и въ Шураханъ везти. Долго, чуть не до самаго утра толковали, спорили, къ солнечному восходу рѣшили послѣднее...

Опомнились, очнулись братья кудукчи уже съ новою весною. Никому ничего не сказали, назадъ пошли въ степь, прямо на тѣ колодцы самые.

Согнула ихъ болѣзнь въ три погибели, сгорбила, чуть чуть ноги переставляли братья, по пескамъ идучи, три недѣли шли, добрались таки. Принялись за работу. Плохо ихъ ослабѣлыя руки слушаются; что прежде однимъ днемъ бы справили, теперь имъ трехъ восходовъ солнечныхъ мало. Поработаютъ, поработаютъ на стороннихъ, забытыхъ колодцахъ, на дорогу выйдутъ караванную, покормятся отъ проходящихъ, назадъ вернутся и опять за дѣло.

Очистили таки роковой колодезь, вытащили оттуда подусгнившее тѣло мальчишки толстомордаго, зарыли въ песокъ и высокій курганъ надъ нимъ насыпали. Наберутъ саксаульнику, наложатъ слой цѣпкій, сверху песку навалитъ, тамъ опять саксаульнику для скрѣпы, опять песку,—нагородили столько, что за шесть веретъ издалика видно было и воду хорошую заблудшему, истомленному путнику указывало. Покончили работу свою, здѣсь и жить стали. Одинъ уйдетъ на дорогу за покормкою, другой сидитъ, сторожить воду, какъ наберется, сейчасъ вед-

ромъ откачиваетъ, чтобы не гнила, не застывала.

Скоро слухъ пошелъ по степи о братьяхъ поителяхъ. Чаше и чаще караваны стали со старой дороги сворачивать. Старая трона глоснуть начала, пескомъ ее мало по малу засыпало, новая твердою лентою въ пескахъ протянулась.

Не коритъ никто братьевъ, старымъ грѣхомъ не попрекаютъ, а все знаютъ, что такое они сдѣлали. Сами-же братья о своемъ горѣ, о своемъ несчастіи повѣдали. Да и по сіе время еще сидятъ на колодцѣ, воду берегутъ и въ грѣхъ своему проѣзжему люду каются.

Шарль Демальи.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ. Переводъ Н. Лѣтнева.
(Продолженіе.)

XI.

Ничто такъ не способствовало къ возвышенію женщины на степень жертвы и страдальцы, какъ современный романъ. Онъ воспѣлъ на все лады страданія женщины въ замужествѣ, рядъ мученій существа нѣжнаго, слабого, возвышеннаго, прикованнаго къ грубому, ничего не понимающему «добряку мужу».

Но что же онъ — мужчина, мужъ, тотъ, кто обреченъ влечить другой конецъ цѣпи? За него не стоитъ никто и ничто. А можетъ быть, и у него, хотя онъ и мужчина, тоже есть душа? И онъ, какъ женщина, можетъ быть затронутъ въ возвышенныхъ и благородныхъ фибрахъ своего существа. Онъ не плачетъ, но и у него, какъ у женщины, есть свои страданія, слезы, тайныя раны, обманутыя иллюзіи и надежды, потеря вѣры въ ту, которая связана съ нимъ неразрывными узами. Представьте себѣ этого бѣдняка, начинающаго прозрѣвать сквозь всю эту ложь тѣла и души, сквозь наружный блескъ и туманъ нарядовъ, ослѣпляющихъ зрѣніе. Сначала онъ пробуетъ робко, затѣмъ проникаетъ все смѣлѣе и смѣлѣе въ тайники женскаго сердца. Вотъ онъ оцупываетъ во мракѣ, наугадъ, боясь сорвать покровъ. Женщину не такъ легко узнать, какъ мужчину. Она окутана непроницаемымъ покровомъ, скрыта, можетъ быть, отъ самой себя. Виродолженіи цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ мужъ ходитъ вокругъ и около этихъ очаровательныхъ жестовъ, воздушныхъ платьевъ и плѣнительной граціи. Цѣлый міръ чувствъ и идей заключается, повидимому, въ каждомъ ея словѣ, въ улыбкѣ, во взглядѣ. Онъ ходитъ во мракѣ, колеблется, не рѣшается. Это осуществленіе мифологической басни: Амура, старающагося увидать Пенхею и улавливающаго только ея тѣнь.

Наконецъ, утомленный, измученный, онъ хочетъ покончить разомъ и погружается въ самую глубину. И тамъ онъ находитъ ту пошлость, то ничтожество, которое жена старается отыскать въ своемъ мужѣ. Тогда онъ безстрастно анатомируетъ свое счастье и вмѣсто женщины ви-

дитъ передъ собой статую, холодную, пустую и звонкую. Ему не кому довѣриться, не у кого просить утѣшенія. Онъ страдаетъ одиноко и безмолвно. Онъ не возбудитъ ничего сочувствія, онъ даже не обманутый мужъ! Тогда посреди этого безмолвія и уединенія онъ съ горькимъ злорадствомъ обрываетъ листокъ за листкомъ, все радужные цвѣты своихъ мечтаній и изслѣдуетъ до мельчайшихъ подробностей это красивое ничтожество, которое называется его женой, изслѣдуетъ съ лихорадочнымъ любопытствомъ больного, зондирующаго свою рану, а можетъ быть, и изъ боязни возврата и новаго ослѣпленія. Онъ мужественно глядитъ въ глаза истинѣ и ему все становится ясно: эта женщина никогда не пойметъ его мыслей, у нея никогда не будетъ съ нимъ того духовнаго общенія нравственныхъ идей, который составляетъ первое благословеніе супружества,—душу и смыслъ его. Все кончено! нравственный разводъ совершенъ навсегда!

— И между тѣмъ эта женщина, говорилъ себѣ Шарль:—эта женщина—прекрасная оболочка, обманчивое зеркало души, созданной Богомъ! Это изящество, эта прелесть, миражъ идей, глубина взгляда... столько общаній натуры утонченной, созданной изъ благороднѣйшаго матеріала, нежели мужчина... И что-жь? пайдти подъ платьемъ, подъ тѣломъ, подъ наборомъ словъ, когда женщина сбрасываетъ все, чѣмъ она разукрашена снаружи, все волшебство, все очарованіе,—найти мою жену!.. Такъ вотъ онъ, эти клавиши, вторящія биенію моего сердца, къ акордамъ которыхъ я прислушивался, удерживая дыханіе! Вотъ та, которая должна была меня поддерживать, возстановлять, ободрять въ изнеможеніи умственного труда!.. Никакой связи, ни одной отвѣтной струны... Полное отсутствіе всѣхъ качествъ, соединяющихъ мужа и жену другимъ соединеніемъ, кромѣ плотскаго, и служащихъ главной основой супружества, его радостью, покоемъ и твердой опорой мужчины въ умственной сферѣ его дѣятельности. А она—можетъ-ли она помочь мнѣ идти съ поднятой головой?.. ея помощь будетъ груба, неловка, безжизненна... Какъ можетъ она залѣчить раны, которыхъ не видитъ, болѣзнь, не подписанную докторскимъ свидѣтельствомъ, страданія, которыя считаются воображаемыми?.. Ея прикосновеніе будетъ раздражительно, ея заботы несносны!.. И я мечталъ о жизни вдвоемъ, о взаимномъ общеніи чувствъ, мыслей, впечатлѣній видимаго міра, отражающагося въ другомъ, невидимомъ мірѣ, который каждый человекъ носитъ внутри себя! Она слѣпа и глуха къ тому, что я вижу и слышу, холодна и безжизненна передъ тѣмъ, чѣмъ я восторгаюсь!.. даже вкусы ея не отличаются изяществомъ: ей правится позолота, блескъ, погремущики... А ея сердце? Да, полно, есть-ли у нея сердце? докончилъ Шарль свой монологъ.

XII.

День сухой и ясный. Въ улицѣ Брульяръ, въ Монмартрѣ, Марта сидитъ въ бесѣдкѣ съ чашкой молока въ рукахъ. Шарль напротивъ нея, верхомъ на скамейкѣ, запрокинувъ голову, смотритъ передъ собой. Они пріѣхали въ Монмартръ навѣстить больную старую служанку, взростившую Шарля, и на возвратномъ пути зашли посидѣть въ саду ресторана. У нихъ ногъ разстилался Парижъ, какъ безбрежное море въ ясную погоду.

— Вотъ мы и на вершинѣ Монмартра, сказалъ Шарль, помолчавъ.

— Это немного высоко, замѣтила Марта.

— Знаешь-ли, что отсюда открывается самый великолѣпный видъ въ мірѣ?

— Да, отвѣчала Марта, маленькими глотками выпивая свое молоко.

Шарль курить. Они молчали.

— Ты отдохнула? спросил Шарль.

— Отъ чего?

— Такъ поѣдемъ.

— Поѣдемъ.

Марта донесла свою чашку. Шарль закурилъ новую сигару. Они забыли, что хотѣли уѣзжать. Какой-то звонъ, раздавшійся въ садикѣ, заставилъ ихъ обернуться. То были качели, которыя, раскачиваясь, приводили въ движеніе колокольчикъ, привѣшенный къ перекладинѣ. На креслахъ, выкрашенныхъ зеленой краской, сидѣла женщина съ ребенкомъ на колѣняхъ. Ребенокъ былъ очарователенъ съ волнистыми, бѣлокурыми волосами, съ большими голубыми глазами, которые, казалось, спали. Шарль смотрѣлъ на Марту, пока она смотрѣла на ребенка, и когда взглядъ его жены обратился на него, ему показалось, что онъ видитъ въ немъ волненіе и затаенную, ревнивую нѣжность, которой наполняется сердце женщины, когда она смотритъ на мать, ласкающую своего ребенка.

— О чемъ ты задумалась, Марта? спросилъ онъ, глядя ей въ глаза и взявъ ее руку въ обѣ свои руки.

— О чемъ мнѣ задумываться? Я просто смотрѣла на качели...

Качели остановились. Мать поклонилась къ ребенку и спросила:

— Ну что, весело тебѣ?

— Да, весело... только скучно...

— Бѣдный ребенокъ! сказалъ Шарль, — замѣтила ты? онъ слѣпой!..

— Вотъ какъ! отвѣчала Марта.

Это «вотъ какъ» въ устахъ Марты прозвучало такъ сухо, что Шарлю стало холодно.

Въ эту минуту возлѣ нихъ на поворотѣ дорожки раздался громкій говоръ. Показалась женщина безъ шля и чепца; она шла скоро, скрестивъ руки на груди, высоко поднимая голову. «А тебѣ говорю: вернись!» кричалъ неподалеку отъ нея мужской голосъ, дрожащій отъ гнѣва. Женщина продолжала идти, не оборачиваясь, мужчина набралъ цѣлую пригоршню камешковъ на краю дорожки и бросилъ ихъ въ нее изо всей силы. Камни летѣли; женщина все шла, а мужчина продолжалъ подбирать камни и кидать. «Вернись! кричалъ онъ ей вслѣдъ, — или я разможжу тебѣ голову!» Онъ ускорилъ шаги, вотъ онъ подходитъ къ женщинѣ ближе, ближе, совсемъ близко, нацѣливается и попадаетъ ей въ спину. Она все идетъ, скрестивъ руки, не опуская головы... Тогда мужчина перестаетъ кричать и бросать. Онъ бѣжитъ за нею. Женщина обертывается, онъ начинаетъ бить ее по погамъ. Она протягиваетъ руку впередъ и внезапно съ проворствомъ дикаго звѣря наклоняется, поднимаетъ камень и потрясаетъ имъ въ воздухъ, говоря: «Не смѣй меня трогать!..» Мужчина схватываетъ ее сзади и опрокидываетъ на землю. Въ ту минуту, какъ она пала, изъ ален показалась новая пара: пьяные мужчина и женщина шли рука объ руку и спутница весело говорила своему спутнику: «И упряма же она! На мѣстѣ Виктора я бы не такъ съ ней раздѣлалась!» Викторъ въ эту минуту топталъ въ ногахъ женщину, лежавшую на землѣ.

— Уйдемъ отсюда! сказалъ своей женѣ Шарль, блѣдный, какъ полотно.

— Погоди! отвѣчала Марта, приставляя руку къ глазамъ, чтобъ лучше видѣть.

XIII.

Любопытный психологическій этюдъ представляетъ вліяніе обстановки на индивидуальность челоѣка. Чаще всего этотъ мозговой феноменъ совершается надъ актерами, которые до такой степени проникаются своими ролями, что смѣшиваютъ искусственную жизнь съ дѣйствительной. Но болѣе всего обстановка дѣйствуетъ

на актрису. Нерѣдко романъ, который она разыгрываетъ передъ зрителями, преслѣдуетъ ее и внѣ сцены и передавая вымыселъ, она мало по малу усваиваетъ его себѣ. Это продолженіе театральной фикціи въ дѣйствительной жизни можетъ совершенно извратить здравый смыслъ женщины и надѣлать ее личностью ей несвоей. Такимъ образомъ драматическія актрисы создаютъ въ своей жизни драму и вносятъ въ обыкновенныя ежедневныя сношенія всѣ перипетіи женщинъ, гонимыхъ, отравляемыхъ и арестованныхъ на сценѣ. Ихъ беспокоитъ видъ запертой двери, задернутой шторы, ихъ голова работаетъ надъ самымъ простымъ письмомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не откроетъ въ немъ какой-нибудь интриги или западни. Полиція представляется имъ въ видѣ «Совета Десяти» или «Священной Инквизиціи»; онъ видитъ повсюду измѣнниковъ, имъ мерещатся вездѣ заговоры.

Актрисы, играющія комедію, не подвергаются такой опасности, и Марта усвоила себѣ только нѣкоторую манерность и страсть къ наивничанью, которыя въ первые дни послѣ женитьбы казались Шарлю полными граціи; но вскорѣ одна маленькая одноактная пьеса повліяла на Марту въ противоположную сторону. Пьесу эту давали на театрѣ Gymnase, подъ заглавіемъ Демонъ домашняго очага. Мартѣ чрезвычайно понравилась ея роль молодой женщины, насмѣхающейся надъ любовью и не любящей своего мужа, который умираетъ отъ любви къ ней. Эта роль и эта пьеса пробудили ея дремавшее кокетство и съ этой поры ею овладѣло желаніе превратиться въ маленькаго демона и разнообразить семейную жизнь сценами и капризами. Она настроила себя на ладъ женщины непонятой, смотрящей свысока на любовь своего мужа. Въ ней проявился духъ противорѣчія; она дрессировала себя на борьбу и ссоры; кошка выпустила, наконецъ, свои когти, роль сдѣлала свое дѣло и женщина сбросила съ себя всѣ свои прежнія очарованія.

Всѣ мелочныя пытки и мученія, которыя только можетъ придумать женское воображеніе, все было пущено въ ходъ. Въ особенности это искусство дается блондинкамъ съ свѣтлыми глазами и холоднымъ темпераментомъ. Бура капризовъ разразилась надъ Шарлемъ, ничего не подозревавшимъ. Марта вполне вошла въ свою роль; тутъ было все: ѣдкія слова, колкости, оскорбленія, кокетство съ посторонними, прихотливая измѣнчивость вкусовъ, желаній, мнѣній, внезапныя порывы веселости въ то время, какъ Шарль былъ взбѣшонъ, и угрюмое недовольство, еще болѣе возраставшее отъ ласкъ и кротости.

На эту игру уходило все семейное счастье. Не было болѣе веселыхъ пробужденій, полныхъ шалостей, поцѣлуевъ и безнечнаго ласкета. При томъ у Марты теперь не доставало времени. Съ самаго начала этого кризиса она погрузилась въ заботы о самой себѣ и о сохраненіи своей красоты. Она вставала въ шесть часовъ и до восьми просиживала у открытаго окна, чтобъ освѣжиться утреннимъ воздухомъ, затѣмъ брала ванну изъ отрубей, послѣ ванны завтракала. Послѣ завтрака до репетиціи она оставалась на диванѣ въ безмолвномъ покоѣ и неподвижности, запрокинувъ голову, отстраняясь отъ всякаго прикосновенія, сердясь на Шарля, если ему приходило въ голову приласкать ее и тѣмъ разстроить ея позу и разрушить абсолютный покой, способствовавшій къ возстановленію ея красоты. Только время отъ времени, вмѣсто всякаго движенія, она поднимала руки вверхъ и махала ими въ воздухъ, чтобъ произвести циркуляцію крови и сдѣлать ихъ бѣлѣе.

Уже нѣсколько дней Шарль страдалъ какимъ-то непонятнымъ недугомъ, какой-то раздражи-

тельностью и слабостью. Онъ не находилъ въ себѣ мужества объясниться съ женою и пробовалъ утѣшить себя тѣмъ, что капризы Марты пройдутъ сами собою, но вдругъ онъ почувствовалъ себя серьезно больнымъ.

XIV.

Наступила осень. Марта продолжала вести мелочную, глухую войну, но вела ее неуклюже и исподволь, стараясь не злоупотребить терпѣніемъ Шарля и ощущывая почву легкой женской рукой. Оба, какъ бы согласившись, жена изъ расчета, мужъ по слабости, старались избѣгать объясненій и по наружности жили по прежнему. Шарль утѣшалъ себя, что Марта просто капризничаетъ и извинялъ ее ея молодостью. Марта съ своей стороны не нашла друзей Шарля достаточно «свѣтскими людьми», чтобъ удостоить ихъ своимъ знакомствомъ, и потому мужъ и жена почти постоянно проводили дни вдвоемъ, какъ въ первое время. Пользуясь тѣми днями, когда Марта не играла, Шарль возилъ ее по окрестностямъ Парижа, стараясь развлечь ее, какъ избалованнаго ребенка, которому показываютъ картинки. По временамъ онъ забывалъ свое разочарованіе и надѣялся, что прошлое вернется; не смотря на то, онъ былъ озабоченъ и не могъ писать.

Между тѣмъ онъ все болѣе и болѣе чувствовалъ себя разслабленнымъ какимъ-то страннымъ нездоровьемъ, въ которомъ не могъ дать себѣ отчета. То были страданія сильныя и внезапныя, быстро проходившія, но частыя и упорныя, которыя онъ приписывалъ сильнымъ лѣтнимъ жарамъ. Его охватывала тупая боль, жаръ бросался ему въ голову поминутно. Онъ чувствовалъ сжиманіе въ вискахъ, дерганіе въ легкихъ, болѣзненное возбужденіе слуха и обонянія и ознобъ, который проходилъ только послѣ сильнаго моціона. Онъ не спалъ или спалъ дурно тяжелымъ сномъ, прерываемымъ кошмарами, отъ которыхъ внезапно просыпался. Къ этому присоединилась все усиливавшаяся одышка и въ одинъ день Марта, замѣтившая, наконецъ, манію Шарля безпрестанно пить, чтобъ утолить непрерывную жажду, и странный, отрывистый тонъ его голоса, рѣшилась взглянуть на него попристальнѣе и нашла у него такой болѣзненный видъ, что посоветовала ему обратиться къ ея доктору.

Докторъ Марты — театральны докторъ пришелъ, осмотрѣлъ его, разспросилъ, нашелъ первое раздраженіе и малокровіе и прописалъ ему отдыхъ, прекращеніе всякаго умственнаго занятія и поѣздку на воды въ Сентъ-Совѣръ. Шарль былъ не очень доволенъ, но Марта, вдругъ вошедшая въ роль заботливой супруги, поддержала предложеніе доктора.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Стихъ Дмитрія Черткова.

Свѣтитъ надъ полями блѣдная луна,
Тихо выплываетъ по небу она...
Отчего такъ тяжело, отчего такъ больно
Стало мнѣ внезапно, стало мнѣ невольно?
Что то пробудилось грустное во мнѣ,
Не даетъ покоя ночью, въ тишинѣ...
Прежняя ли горестъ, прежнее ль мученье,
Иль томитъ печали новой приближеніе?
Отчего лишень я отдыха и сна...
Свѣтитъ надъ полями блѣдная луна.
Вѣтеръ воетъ въ полѣ, вѣтеръ воетъ зло...
Отчего на сердцѣ стало тяжело,
Отчего томлюсь я грустію сердечной?
Гдѣ ты счастье жизни свѣтлой и безпечной,
Гдѣ вы, золотыя, чудныя мечты,
Свѣтлыя созданья дивной красоты?
Я ужъ васъ лишился; грезы, увлеченья,
Васъ убила злоба, горестъ и мученья,
Васъ куда-то быстро горе унесло...
Вѣтеръ воетъ въ ~~полѣ~~, вѣтеръ воетъ зло.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА Ф. У. ТОНГМА.

„Укрощение строптивой“ (Шекспиръ.)
Ръзано на деревѣ въ „Варшавской политипани“ г. Діаментовскаго.

Петръ Соколовъ.

Застрѣваніе волка.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской полиграфіи“ г. Діаментовскаго.

Воетъ въ полѣ вьюга, снѣгъ нося съ собой.
Я ужъ утомился, вѣкъ живя борьбой.
Отдыха прошу я утомленной силѣ.
Дайте мнѣ хоть въ смерти, дайте хоть въ могилѣ
Отдыха, покоя, счастья въ тиши,
Усыпить страданья сердца и души.
Знаю я, на свѣтѣ счастье невозможно,
Но за то въ могилѣ спится нетревожно...
Я убить своею злобною судьбой...
Воетъ въ полѣ вьюга, снѣгъ нося съ собой.

Естественныя богатства Россіи.

(Ст. Л. М. Невольскаго.)

(Окончаніе.)

а развитіе нашего керосинового дѣла вліяютъ другіе факторы, существеннѣе и труднѣе устранимые, чѣмъ несуществующій теперь акцизъ, съ отмѣной котораго ожидалась золотая эра въ дѣлахъ нашихъ нефтепромышленниковъ. Нашъ очеркъ страдалъ бы существенной неполнотой, еслибы мы не коснулись этого важнаго вопроса, который можно назвать «исторіей пуда керосина». Но, съ другой стороны, мы бы вышли изъ рамокъ, предназначенныхъ для нашей работы, если бы послѣдовали желанію подробно прослѣдить техническую сторону нефтяного промысла, а потому мы коснемся этого вопроса лишь настолько, насколько онъ выясняетъ современное положеніе промысла и дѣлаетъ возможнымъ уразумѣніе основательности безпрестанныхъ сѣтованій на критическое положеніе нашего нефтяного дѣла.

Рѣдкій промыселъ отличается тою простотою и дешевизною техническихъ приѣмовъ, которые примѣняются къ добычѣ нефти. Мы уже сказали, что лучший способъ добычи—посредствомъ буровыхъ скважинъ, такихъ же, какія дѣлаются для артезианскихъ колодезевъ. Стоимость буренія обуславливается какъ глубиною и діаметромъ скважины, такъ и качествомъ тѣхъ слоевъ земли, по которымъ проходитъ буровой снарядъ. Наши буровыя скважины не глубже 400—500 фут., тогда какъ въ Америкѣ пришлось углубляться отъ 1000—2000 футовъ. Если при закладываніи скважины нефть прорывается фонтаномъ, что вообще нежелательно, то стараются заложить отверстіе скважины камнями и землею, или обезсиливаютъ фонтанъ заложениемъ рядомъ съ нимъ другой скважины на ту же глубину, или запираютъ скважину краномъ особаго устройства, или же, наконецъ, надъ отверстіемъ скважины устраиваютъ резервуаръ на высоту поднятія струи фонтана, причемъ скопившаяся нефть давленіемъ своимъ прекращаетъ дальнѣйшее изверженіе фонтана. Понижая уровень нефти въ этомъ резервуарѣ, а слѣдовательно уменьшая давленіе, можно регулировать выходъ нефти въ желаемыхъ размѣрахъ. Если же скважина открывается спокойно, безъ фонтана, то накапливающуюся въ ней нефть добываютъ или посредствомъ насосовъ, или же ведрами, опускаемыми и поднимаемыми силою локомотива или коннаго привода. Въ Баку добыча ведрами предпочитается, такъ какъ этимъ путемъ скважина очищается также отъ песка, который засоряетъ отверстіе насоса. Добытую нефть сначала выливаютъ въ особыя цистерны, на днѣ которыхъ находится вода, стѣнки же дѣлаются изъ метала или обмазываются особою непроницаемою глазурью, если цистерны сдѣланы изъ дерева. При выливаніи свѣжедобытой нефти, она вскипаетъ съ шумомъ, причемъ выдѣляетъ массу заключенныхъ въ ней газовъ. Въ цистернахъ нефть отстаивается отъ разныхъ

землистыхъ примѣсей и всегда сопровождающаго ее соляного раствора, а затѣмъ доставляется къ перегоннымъ кубамъ, гдѣ уже совершается другая операція—выдѣлка керосина.

Простотѣ приѣмовъ при добычѣ сырой нефти соответствуетъ несложность процесса выдѣлки изъ нея керосина. Въ общихъ чертахъ процессъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: нефть проводится въ плотно-склепанные желѣзные котлы, подогреваемые снизу топкою. Топливомъ служатъ или нефтяные остатки или, какъ въ Сураханскомъ заводѣ, выдѣляющийся изъ трещинъ почвы горючій газъ. (Рядомъ съ этимъ заводомъ находится монастырь парсовъ или гвевровъ, съ вѣчными огнями, куда стекаются огнепоклонники изъ всей Азіи.) Отъ нагреванія нефть начинаетъ выдѣлять различныя масла, которыя, проходя по измѣвнымъ трубамъ, охлаждаются и даютъ керосинъ или, какъ его называютъ въ Баку, фотонафть. Сначала перегонки получается такъ называемый нефтяной эфиръ, затѣмъ выдѣляется нефтяной спиртъ, а послѣ идетъ уже керосинъ. Въ остаткѣ перегонки получаютъ такъ называемые нефтяные остатки, которые до послѣдняго времени лишь стѣсняли заводчиковъ и требовали особыхъ расходовъ на сжиганіе этихъ остатковъ, причемъ дымомъ портились хлѣбные посѣвы и потому приходилось платить убытки владѣльцамъ послѣднихъ. Теперь нефтяные остатки нашли обширное примѣненіе, какъ топливо для паровыхъ машинъ, а также какъ матеріалъ, изъ котораго дѣлаются масла для смазки частей машинъ, вагонныхъ осей и т. д. Для насъ, впрочемъ, интересенъ главный продуктъ—керосинъ, который послѣ перегонки подвергается еще очищенію, состоящему въ простомъ отмучиваніи и промываніи и обработкѣ химическими реагентами—сѣрной кислотой и содой. Изъ русской нефти извлекается теперь только 35% керосина тогда какъ американская даетъ его 70%; слѣдовательно, для полученія одного пуда керосина, нужно перегнать приблизительно 3 пуда бакинской нефти. При незначительной стоимости сырья расходы на нефть занимаютъ послѣднее мѣсто въ ряду слагаемыхъ, изъ которыхъ составляется цѣна пуда керосина. И если цѣна эта настолько высока, что допускаетъ возможность значительной конкуренціи привознаго керосина, то обстоятельство это гораздо менѣе обуславливается достоинствомъ продукта, чѣмъ тѣми побочными расходами, которые ложатся на его стоимость. Если шагъ за шагомъ прослѣдить всѣ утомительныя мытарства, которыя переходитъ пудъ керосина, прежде чѣмъ онъ попадетъ къ потребителю, то придетъ къ убѣжденію, что нашимъ нефтепромышленникамъ выгоднѣе бы было перенести свои операціи куда-нибудь на берега Алегани и Оиль-Крика въ Америкѣ и оттуда снабжать насъ керосиномъ. Масса самыхъ непроизводительныхъ затратъ ложится на цѣну керосина и потребитель, слышавшій о нефтяныхъ фонтанахъ и озерахъ Кавказа и знающій, что, начиная отъ бакинской пристани до набережной Невы въ Петербургѣ, стелется удобный, безпрерывный водный путь, недоумѣваетъ, почему нашъ керосинъ все-таки дорогъ, почему у насъ возможна конкуренція прибывшаго изъ-за тридцати земель и морей американскаго керосина и почему, наконецъ, безпрестанно слышатся толки о стѣсненномъ положеніи нашего нефтяного дѣла? Но «почему у лошадей не растутъ во рту лимоны?»

Уловить главную, коренную причину каждаго явленія—вещь далеко нелегкая и зачастую, блуждая въ лабиринтѣ разнообразныхъ причинъ, мы побочное и второстепенное явленіе принимаемъ за искомаго Минотавра. Такъ было и съ искаателями причинъ, обуславливающихъ заданные выше вопросы: въ откупахъ, а потомъ въ акцизѣ

крылся, по ихъ мнѣнію, недугъ нефтяного дѣла, а въ высокой пошлинѣ на ввозный керосинъ они думали найти какой-то чудодѣйственный пластырь, который больное и худосочное сдѣлаетъ здоровымъ и жизненнымъ. Тщетность подобнаго діагноза очевидна и паліативами не устраняется и не обезсиливается тотъ хроническій недугъ, который коренится во всѣхъ проявленіяхъ нашей соціальной и экономической жизни. Въ этомъ отношеніи положеніе нефтяного дѣла отнюдь не исключительно, а жалобы и сѣтованія нефтепромышленниковъ ничѣмъ не выдаются изъ общаго жалобнаго всероссійскаго хора. Но если нельзя сразу схватить быка за рога, то удовольствуемся дальнѣйшимъ разсмотрѣніемъ исторіи пуда керосина. Сырая нефть, стоящая въ Баку 3 к. и дешевле за пудъ, поступаетъ на перегонные заводы Чернаго городка уже въ цѣнѣ около 7 к. за пудъ, благодаря расходамъ на 12-ти верстную перевозку на арбахъ; а такъ какъ 3 пуда бакинской нефти даютъ 1 п. керосина, то стоимость его увеличивается на 12 к. за одну доставку сырья до завода. Для очищенія керосина главными реагентами служатъ сѣрная кислота и сода; первая доставляется въ Баку изъ центральныхъ губерній, а вторая изъ-за границы, хотя условія совершенно благоприятствуютъ производству этихъ продуктовъ на мѣстѣ потребленія: въ Дагестанѣ открыты богатые и неэксплоатируемые до сихъ поръ черкатскія мѣсторожденія сѣры, а вся поверхность Апшеронскаго полуострова изобилуетъ соляными озерами, дающими самосадочную соль—матеріалъ для выдѣлки соды. Анализируя дальше слагаемыя, изъ которыхъ образуется стоимость пуда керосина, мы видимъ, что важную статью расхода составляетъ стоимость посуды. Керосиновые бочки дѣлаются изъ бука, который заготовляется по Волгѣ и Камѣ и затѣмъ на судахъ доставляется въ Баку. Ясное дѣло, что стоимость бочечнаго лѣса не можетъ не быть высока и съ истребленіемъ лѣсовъ возрастаетъ годъ отъ году; потребленіе же мѣстнаго ленокранскаго дуба находитъ препятствіе въ томъ, что дубъ этотъ по своимъ качествамъ значительно уступаетъ русскому. Къ стоимости бочечнаго лѣса въ дальнѣйшемъ производствѣ керосиновой посуды прибавляется довольно высокая плата рабочимъ-бондарямъ, стоимость тщательной эмалировки и окраски бочекъ, а также цѣна обручнаго желѣза, которое опять-таки выдерживаетъ длинную и дорогую процедуру доставки отъ Нижняго Новгорода. Въ результатѣ въ стоимости 1 пуда керосина потребитель оплачиваетъ 45 к. за посуду, которою въ добавокъ онъ не пользуется.

Но вотъ керосинъ выдѣланъ, очищенъ, укупоренъ; начинается доставка его къ мѣстамъ сбыта. На бакинской пристани керосинъ нагружается на суда или прямо наливается въ особыя судачистерны и направляется къ Астрахани; не доходя около 100 верстъ до Астрахани, на такъ называемыхъ девяти футахъ, совершается перегрузка съ глубоко сидящихъ морскихъ судовъ на плоскодонныя, съ которыхъ иногда приходится перегружать еще разъ на рѣчныя суда, ходяція по Волгѣ до Рыбинска. Въ Рыбинскѣ товаръ, назначенный въ Петербургъ, перегружается еще разъ для слѣдованія по маринской системѣ. Возобновляя въ памяти слагаемыя, изъ которыхъ составляется цѣна пуда керосина, мы получимъ слѣдующій расчетъ (1876 г.), приведенный профессоромъ Лисенко:

- 1) 3 пуда нефти..... 9 к.
- 2) Провозъ сырья до завода..... 12 »
- 3) Перегонка, расходы по управленію, ремонтъ завода и пр..... 10 »
- 4) Очищеніе (1 ф. сѣр. кисл. 5 к.; $\frac{1}{2}$ ф. соды 5 к.)..... 10 »
- 5) Стоимость посуды на пудъ керосина.. 45 »

- 6) Расходы по доставкѣ до Нижняго съ пуда..... 53 к.
 7) Средняя плата акциза..... 11 »
 8) На утѣчку 7%..... 10 »
 Итого 1 р. 60 к.

Въ отдѣльности эти слагаемыя за послѣднее время подверглись болѣе выгоднымъ измѣненіямъ. Такъ, доставка нефти до заводовъ идетъ по рельсовому пути, а на нѣкоторыхъ крупныхъ промыслахъ появились и нефтепроводныя трубы; стоимость посуды удешевилась у нѣкоторыхъ заводчиковъ замѣной ручного производства механическимъ; акцизъ совершенно отмѣненъ. Не-выгодное измѣненіе замѣчается въ постоянно возрастающей стоимости бочечнаго лѣса, но главная статья расхода—доставка—осталась безъ измѣненія. Отдаленность разстоянія нашихъ нефтяныхъ промысловъ относительно мѣстъ сбыта и сопряженные съ нею расходы, конечно, сѣбствительны для успѣховъ нашего нефтяного дѣла. Но вѣдь путь отъ Баку по Каспійскому морю и Волгѣ до Петербурга во всякомъ случаѣ не длиннѣе и не дорожѣ, чѣмъ отъ береговъ Алегани до Нью-Йорка и дальше чрезъ океанъ до Петербурга. Но расходы по доставкѣ могли бы уменьшиться при разумной организаціи перевозочныхъ средствъ въ видѣ особыхъ судовъ-цистернъ или специально приспособленныхъ для этого вагоновъ, въ которыхъ керосинъ перевозился бы паливомъ и, такимъ образомъ, устранилась бы необходимость значительнаго расхода на посуду, а фрахтъ за доставку оплачивался бы только съ вѣса керосина безъ оплаты тары на посуду. Кое-что въ этомъ отношеніи уже и сдѣлано, но если тѣмъ не менѣе сѣтованія нашихъ нефтепромышленниковъ не прекращаются, то, значитъ, сдѣлано немного и исторія пуда керосина въ общемъ не выбилась изъ прежней колеи.

Хотя мы далеко не исчерпали вопросъ и многого коснулись вскользь и поверхностно, но даже изъ сказаннаго становятся понятными толки о неблагоприятномъ положеніи нашего нефтяного дѣла, а также почему до сихъ поръ мы не можемъ провести нашъ керосинъ на иностранные рынки и, мало того, парализовать ввозъ американскаго керосина. Нельзя сказать, чтобы для этого не представлялось удобнаго случая. Вы, конечно, помните, читатель, тотъ, такъ сказать, бенефисъ нашихъ керосиновыхъ заводчиковъ, благодаря которому мы, потребители, принуждены были отказаться отъ керосинового освѣщенія и обратиться къ свѣчамъ. При ограниченномъ ввозѣ иностраннаго керосина и небывалой дороговизнѣ продукта у насъ и на рынкахъ Европы, русскому керосину представлялась полная возможность расширить свой внутренний рынокъ и зарекомендоваться на иностранныхъ рынкахъ. Но, къ сожалѣнію, наши заводчики видѣли въ крѣпкомъ настроеніи керосинового рынка только выгоды дня и не задавались болѣе сложными комбинаціями; поднявъ, въ свою очередь, до возможнаго цѣны на русскій керосинъ, они заключили свои торговые балансы 1876 г. съ блестящею прибылью, но когда затѣмъ настроеніе керосинового рынка сдѣлалось нормальнымъ, то опять послышались докучныя іереміады о критическомъ положеніи нефтяного дѣла. А между тѣмъ, по имѣющимся даннымъ, вовсе не видно, чтобы нефтяное и керосиновое дѣло не давало прибыли. Мы болѣе или менѣе ознакомились съ тѣми расходами, сумма которыхъ даетъ цѣну продукта. По отчетамъ бакинскаго нефтяного общества—предпріятія на акціяхъ,—средняя цѣна пуда керосина въ Петербургѣ въ періодъ съ 1874—1879 г. равняется 2 р. 58 к., причемъ максимумъ цѣны въ 1876 г. былъ 3 р. 25 к., минимумъ же въ 1875 г. 1 р. 96 к. Если только эти цифры получились не исключительно по опера-

ціямъ сказаннаго общества, а были общимъ результатомъ всего нефтяного дѣла, то онѣ никоимъ образомъ не поселяютъ опасеній за судьбу нашихъ нефтепромышленниковъ, а напротивъ, даже даютъ право думать, что существующія цѣны на продуктъ могли бы быть еще ниже. Что касается достоинства русскаго керосина по сравненію съ американскимъ, то разница въ ущербъ русскому продукту замѣчается на керосинѣ, приготовляемомъ мелкими заводами, которые по размѣру своихъ операций не могутъ достаточно тщательно вести процессъ очищенія; такой керосинъ даетъ копоть и сильно засоряетъ ламповую горѣлку. Но на большихъ заводахъ въ Баку, по отзыву проф. Лисенко, «получаютъ продуктъ очищенный не хуже американскаго». Лучшимъ считается керосинъ Сураханскаго завода и въ мелкой продажѣ заурядъ русскій керосинъ выдается за американскій.

Подведемъ итогъ сказанному и попробуемъ провести небольшую параллель между нефтянымъ дѣломъ въ Россіи и въ Америкѣ. «Раздѣленные исторіей и разстояніемъ, говоритъ проф. Менделѣевъ,—С. А. Штаты и Россія сошлись во многомъ—откуда и взаимная ихъ симпатія. Странамъ этимъ слѣдуетъ раздѣлить въ будущемъ между собою выгоды нефтяного промысла, право освѣщать потемки всего міра». Мы, съ своей стороны, не знаемъ, въ чемъ такомъ «многомъ» сошлись мы съ американцами, но что касается нефтяного дѣла, то, не заглядывая въ будущность, приходится пока ограничить это лезное для насъ сходство простымъ констатированіемъ того факта, что и у насъ, и въ Соед. Штатахъ есть нефть; мало того, у насъ ее, что называется, разливанное море, *embarras des richesses*, а тамъ порядкомъ-таки поистощенныя мѣсторожденія. Но за признаніемъ этого факта дальше идетъ сплошная и коренная разница. Въ Америкѣ нефтяное дѣло привлекло къ себѣ массу капиталовъ и ведется согласно новѣйшимъ успѣхамъ техники, причемъ идетъ самая полная и всесторонняя эксплуатація составныхъ частей. Число буровыхъ скважинъ измѣняется тамъ десятками тысячъ, хотя самыя скважины приходится закладывать на глубину 1000—2000 фут. да и то при истощенности нефтерождеи скважины не всегда даютъ ожидаемые результаты. Неудачи однихъ нефтепромышленниковъ не ослабляютъ промышленной энергіи другихъ и въ общемъ эксплуатація нефтяныхъ богатствъ послужила къ обогащенію націи, а количество добываемой нефти и выдѣляемаго изъ нея керосина, а также качество послѣдняго удовлетворяютъ какъ обширному мѣстному потребленію, такъ и спросу всѣхъ европейскихъ рынковъ, въ томъ числѣ и нашего. Наконецъ, научная разработка вопросовъ нефтяного дѣла настолько обширна и всестороння, что служить матеріаломъ для нѣсколькихъ совершенно специальныхъ изданій, благодаря которымъ американскій нефтепромышленникъ всегда находится au courant новинокъ нефтяного дѣла и осмысленно ведетъ свое предпріятіе. У насъ же при неисчерпаемыхъ, почти дѣвственныхъ богатствахъ, нефтяной промыселъ принялъ видъ случайнаго, перебивающагося изо дня въ день предпріятія. Успѣха отдѣльных нефтепромышленниковъ, прокладывающихъ нефтепроводныя трубы и строящихъ механическія бондарни, не способны внести оживленіе въ сферу анатіи и застою, отъ которыхъ страдаетъ у насъ не одинъ нефтяной промыселъ. Хотя эксплуатація нашихъ нефтяныхъ богатствъ началась раньше, чѣмъ въ Америкѣ, но мы и не помышляемъ о завидной мисіи освѣщать потемки всего міра, да врядъ-ли можемъ освѣтить собственные потемки. Если годичная выработка керосина равна 5 мил., а

ввозъ 2 мил. пудовъ, то, принимая въ соображеніе населеніе Европейской Россіи, а также среднюю продолжительность у насъ ночи, придется къ гомеопатическимъ дозамъ потребности продукта, который долженъ быть предметомъ повсѣдневнаго потребленія. Но дѣло въ томъ, что почти все вышесказанное количество керосина потребляется населеніемъ городовъ, въ деревняхъ же царитъ традиціонный, вослѣдствіемъ поэтами «зимнихъ другъ ночей»—лучина, а керосинъ—«чертова сало»—знакомъ крестьянину и доступенъ его средствамъ въ той же мѣрѣ, какъ знакомы и доступны ему гаванскія сигары и лайковыя перчатки. Да, «заморское искусство обдѣлывать сложныя практическія задачи», которое подмѣтилъ проф. Менделѣевъ у американцевъ, повидимому, вещь простая, но его-то намъ и не достаетъ. Если вѣрить тому же автору, то равнымъ образомъ не достаетъ намъ и основаній откладывать въ долгій ящикъ раціональную разработку нашихъ нефтяныхъ богатствъ. «Золото, если не разрабатывается, лежитъ въ землѣ и достается нашимъ потомкамъ—хоть этимъ можно себя утѣшить; нефть же, если не будетъ извлечена, утечетъ въ моря, испарится, оставитъ одинъ «киръ» или землю, пропитанную нефтяными остатками». Будемъ же думать, что это предостереженіе нашего почтеннаго ученаго, какъ трубный звукъ архангела, пробудитъ энергію нашихъ нефтепромышленниковъ и перспективой грядущихъ благъ утѣшитъ ихъ въ скорбяхъ теперешней ихъ дѣятельности.

Волгѣ.

Романъ Эркмана Шатріана. Переводъ М. Минутъ.

(Продолженіе.)

Глава III.

Мы ужинали съ такой живостью, которая является послѣ десятичасовой прогулки по свѣтамъ Шварцвальда. Сперверъ, отвѣдавши козы, дичи и рыбы, бормоталъ съ полнымъ ртомъ:

— Сейчасъ видно, что у насъ есть и лѣса, и высокій верескъ, и пруды!

Потомъ онъ откинулся на спинку кресель и, взявъ на удачу одну изъ бутылокъ, продолжалъ:

— Есть и виноградники, зеленые весной и румяные осенью!.. За твое здоровье, Фрицъ!

— За твое, Гедеонъ.

Мы съ удовольствіемъ смотрѣли другъ на друга. Пламя сверкало, вилки стучали, челюсти работали, бутылки булькали, стаканы звенѣли; а на дворѣ вылъ зимній вѣтеръ, страшный горный вѣтеръ завывалъ свою мрачную пѣсню,—пѣсню печальную, которая обыкновенно слышится, когда облака бѣгутъ другъ за другомъ, сбиваются вмѣстѣ, снова разрываются, а блѣдная луна смотритъ на эту борьбу. Однако, мы утолили свой аппетитъ. Сперверъ наполнилъ бокалы старымъ бромберскимъ виномъ, пѣна лилась черезъ край; онъ подалъ мнѣ.

— За здоровье графа Іери-Ганса Нидека. Пей все до капли, Фрицъ, и да услышитъ насъ Господь Богъ!

Я выпилъ.

Онъ опять напилъ и произнесъ звучнымъ голосомъ:

— За здоровье великаго и знатнаго вельможи Іери-Ганса Нидека!

И въ свою очередь осушилъ бокалъ.

Глубокое довольство разлилось по нашимъ жиламъ и мы были счастливы исполнѣ. Я откинулся въ креслѣ, опустилъ руки и принялся осматривать мое помѣщеніе. То былъ покой съ низкими сводами, высѣченный въ скалѣ, настоящее жерло горы, достигающей двѣнадцати футовъ вышины. Въ глубинѣ я замѣтилъ углубленіе, гдѣ была для меня приготовлена кровать, покрытая медвѣжьей шкурой; вверху была небольшая ниша

и тамъ стояла статуя Божьей Матери, высѣченная изъ той же глыбы гранита и увѣнчанная пучкомъ увядшей травы.

— Ты осматриваешь комнату, сказалъ Сперверъ;—не очень она хороша и куда хуже комната замка. Мы здѣсь въ башнѣ Гуго; комната эта и башня очень древней постройки; ихъ воздвигали еще во время Карла Великаго. Въ тѣ времена, видишь-ли, люди еще не умѣли строить помѣщеній высокихъ и широкихъ: они просто пробивали себѣ жилища въ скалѣ.

— Это все равно, но ты меня устроилъ въ необыкновенномъ пріютѣ, Геденъ.

— Ты не ошибаешься, Фрицъ; это—почетная комната. Сюда помѣщаютъ друзей графа; понимаешь, старинная башня Гуго; болѣе почетнаго помѣщенія нельзя и придумать.

— Что это за Гуго?

— Гуго-Волкъ!

— Какъ Гуго-Волкъ?

— Ну да, родоначальникъ Нидекъ; суровый былъ баронъ! Онъ пришелъ и поселился здѣсь съ двадцатью рыцарями и тѣлохранителями. Они забрались на этотъ утесъ, высочайшій на горѣ. Вотъ завтра увидишь. Устроили эту башню и потомъ объявили: «Мы здѣсь владѣтели! Горе тѣмъ, кто задумаетъ не платить дани, мы нападемъ на того, какъ волки; мы сдеремъ съ него шкуру! Отсюда видно на очень далекое пространство; отсюда можно увидѣть и ущелья Рейтала, Штейнбаха и плоскую скалу, однимъ словомъ, всю площадь Шварцвальда. Теперь держись кунцы!» И они сдержали свое обѣщаніе. Гуго-волкъ былъ ихъ предводителемъ. Это все разсказалъ намъ Кнапвуретъ.

— Кнапвуретъ?

— Да, горбунъ, тотъ, который отворялъ намъ рѣшетку. Смѣшное онъ созданіе, Фрицъ; онъ всегда роется въ библиотекѣ.

— А, такъ у васъ есть ученый въ Нидекѣ?

— Плутъ онъ! Въмѣсто того, чтобы сидѣть въ своей каморкѣ, онъ цѣлый день глотаетъ пылъ старыхъ фамиліныхъ лѣтописей. Онъ шныряетъ въ библиотекѣ, какъ крыса. Кнапвуретъ знаетъ нашу исторію лучше насъ самихъ. Вотъ онъ тебѣ поразскажетъ, Фрицъ, онъ называетъ это хрониками, ха, ха, ха!

И Сперверъ, повеселѣвшій отъ хорошаго вина, принялся хохотать, самъ не зная хорошенько чему.

— И такъ, Геденъ, эта башня называется башней Гуго... Гуго-волка?

— Я ужъ сказалъ тебѣ. Развѣ это тебя удивляетъ?

— Нѣтъ.

— Да, да, я вижу по твоему лицу, ты о чемъ-то думаешь... о чемъ это?

— Ахъ, Боже мой, меня удивляетъ не названіе этой башни, я раздумался о тебѣ, какъ это ты, старый охотникъ, который съ дѣтства любилъ только сосны и снѣжныя вершины Вальдъ-Горна и ущелья Рейтала, — ты, всю молодость только въ томъ и проводившій, что презиралъ людей графа Нидека, бѣгалъ по тропинкамъ Шварцвальда, боролся съ туманами, дышалъ свѣжимъ воздухомъ, свободной жизнью лѣсовъ, какъ ты могъ прожить здѣсь такъ долго въ этомъ дулѣ изъ краснаго гранита: вотъ это меня удивляетъ, этого я не могу понять. Ну, Сперверъ, закури трубку и расскажи мнѣ, какъ это случилось.

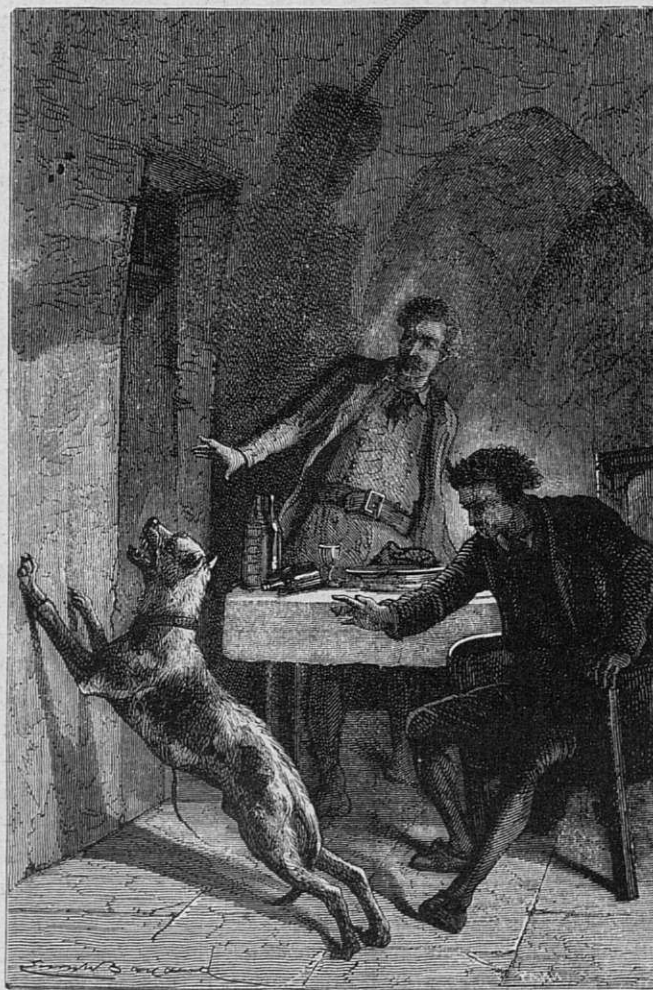
Старый охотникъ вытаскилъ изъ-за пазухи длинную, черную трубку, медленно набилъ ее, схватилъ уголекъ, раскурилъ и, неопредѣленно смотря передъ собой, задумчиво отвѣчалъ:

— Старые соколы, старые кречеты и старые

ястребы, долго страстную по воздуху, кончаютъ тѣмъ, что забираются въ уютный уголокъ скалы! Да, правда, я любилъ воздухъ и теперь люблю, но вмѣсто того, чтобы прикурнуть вечеромъ на высокой вѣткѣ и рисковать быть снесеннымъ вѣтромъ, мнѣ теперь больше по душѣ войти въ свою берлогу, хорошенько выспаться, спокойно закусить дичиной и обсушить мои крылышки у доблаго камелька. Графъ Нидекъ не презираетъ Спервера, стараго сокола, истиннаго жителя лѣсовъ. Однажды онъ встрѣтилъ меня прекрасной лунной ночью и сказалъ: «Товарищъ, ты охотишься одинъ, пойдемъ лучше вмѣстѣ! У тебя острый клювъ, крѣпкіе когти. Ну, охотись, пожалуйста, это твоя жизнь, но охотись съ моего разрѣшенія, потому что я орелъ, гора эта моя, я—Нидекъ!»

Сперверъ умолялъ, но вскорѣ продолжалъ:

— Это мнѣ было на руку. Я по прежнему охочусь и мирно выпиваю съ друзьями бутылочки офентала или...

(Къ роману «Волкъ.») Ливерле! вскричалъ Сперверъ.

Въ это мгновеніе дверь затряслась. Сперверъ остановился и насторожилъ ухо.

— Это вѣтеръ, сказалъ я.

— Нѣтъ, это не то, развѣ ты не слышишь, что кто-то скребетъ когтями, вѣрно собака вырвалась. Сюда, Ливерле, сюда, Блицъ! вскричалъ онъ, вставая, но не успѣлъ двинуться съ мѣста, какъ въ башню ворвался громадный датскій бульдогъ, положилъ ему на плечи лапы и, радостно визжа, сталъ лизать своимъ длиннымъ розовымъ языкомъ бороду и щеки Гедена. Сперверъ охватилъ его голову и обернулся ко мнѣ:

— Фрицъ, сказалъ онъ, — кто другой любитъ меня такъ сильно?.. Ты взгляни на эту голову, на эти глаза, на эти зубы!

Онъ отворотилъ собакѣ губы и показалъ клыки, способные разорвать буйвола. Сперверъ насилу оттолкнулъ пса, который удвоилъ свои ласки:

— Довольно, Ливерле, знаю, знаю, что ты меня любишь. Да и кто же, кромѣ тебя, полюбить старика!

Геденъ пошелъ притворить дверь.

Я никогда не видалъ собаки ужаснѣе Ливерле; его тѣло было длиною двухъ съ половиною футовъ. То былъ по истинѣ грозный бульдогъ съ широкой плоской головой и тонкой кожей: сквозь нее такъ и сквозили мускулы; глаза были живые, лапы вытянуты; онъ былъ строенъ, широкъ въ груди и бедрахъ, но съ мало развитымъ обоняніемъ. Дай такому звѣрю чутье таксы и дичи пришлось бы очень плохо.

Сперверъ сѣлъ, съ гордостью положилъ руку на голову своего Ливерле и началъ мнѣ испчислять его достоинства.

— Этотъ песь однимъ духомъ зарѣзываетъ волка. Что касается силы и мужества, это единственное животное. Ему еще нѣтъ и пяти лѣтъ и онъ въ полной силѣ. Лишнее прибавлять, что онъ натасканъ на кабана. Каждый разъ, какъ мы попадаемъ на стадо кабановъ, я боюсь за моего Ливерле: онъ очень смѣло нападаетъ и бросается, какъ стрѣла. Ложись, Ливерле, крикнулъ ловчій, — ложись на спину!

Собака повиновалась и вытянула свое розовое брюхо.

— Посмотри, Фрицъ, этотъ шрамъ, на немъ нѣтъ шерсти, это ему память отъ кабана! Бѣдное животное, онъ не выпускалъ его уха, мы бѣжали по кровавому слѣду. Я подошелъ первымъ. Когда я увидѣлъ моего Ливерле, я закричалъ отъ ужаса, бросился на землю, схватилъ его на руки, завернулъ въ плащъ и принесъ сюда. Я былъ внѣ себя! По счастью, кишки не были затронуты. Я зашилъ ему брюхо; какъ онъ рычалъ, стоналъ, страдалъ ужасно, но дня черезъ три онъ уже зализывалъ рану: когда собака зализывается, она спасена! Что, Ливерле, помнишь? Ну и любимъ же мы другъ друга!

Я былъ истинно тронутъ привязанностью этихъ двухъ существъ; они, казалось, проникли другъ другу въ душу. Собака вертѣла хвостомъ, у человека были на глазахъ слезы. Сперверъ продолжалъ:

— И какова сила: онъ порвалъ веревку, чтобы приближаться ко мнѣ, веревку, толщею въ шесть дюймовъ; онъ нашелъ меня. Ну, Ливерле, лови!

Онъ бросилъ собакѣ остатки козы. Челюсти пса страшно щелкнули и Сперверъ, съ улыбкой взглянувъ на меня, сказалъ:

— Что, Фрицъ, если бы онъ схватилъ тебя, ты далеко бы не ушелъ!

— Что я, что другой,—это вѣрно.

Собака легла у камина, вытянула свое длинное туловище и охватила передними лапами дичину. Она быстро разрывала ее, а Сперверъ любовался на нее съ довольнымъ видомъ. Кости трещали на страшныхъ звукахъ: Ливерле любилъ мозги!

— Ну, спросилъ старый охотникъ,—если бы ты теперь захотѣлъ вырвать у него кость?

— Да, чортъ возьми, щекотливое было бы положеніе.

Мы засмѣялись отъ чистаго сердца.

Сперверъ, растянувшись въ кожаномъ желтомъ креслѣ, закинувъ руку за спину и вытянувъ одну ногу на скамейку, а другую подвинувъ къ дровамъ, которые трещали въ пламени, пускалъ голубоватые кольца дыма. Я же продолжалъ смотрѣть на собаку, какъ вдругъ вспомнилъ нашъ прерванный разговоръ:

— Послушай, Сперверъ, сказалъ я,—ты мнѣ не все сказалъ. Кажется, ты ушелъ изъ горъ въ замокъ по причинѣ смерти твоей доброй жены Гертруды?

Геденъ нахмурилъ брови, слеза затуманила его взоръ, онъ выпрямился и, стряхнувъ мизинцемъ пепелъ своей трубки, сказалъ:

— Ну да, правда, когда жена умерла, это

Фальстафъ въ тюрьмѣ.

По фотографіи г. Лаптева; ретушировалъ и рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

побудило меня уйти изъ дѣла. Я безъ скрежета не могъ видѣть долину Пустой Скалы. Я перешелъ на другую сторону; я меньше охочусь въ кустарникахъ, я мечу выше; и когда случится тамъ встрѣтить стаю гончихъ, я поворачиваю съ дороги и стараюсь думать о другомъ.

Сперверъ сдѣлался мраченъ. Наклонивъ голову, онъ сталъ угрюмъ; я раскаявался, что пробудилъ въ немъ печальныя воспоминанія. Потомъ, вспомнивъ о Чумѣ, прикурнувшей на снѣгу, я задрожалъ.

Странное дѣло! одно слово увлекло насъ въ такія мрачныя мысли. Случайно наша память вызвала цѣлый міръ воспоминаній. Не знаю, долго-ли продолжалось наше молчаніе, какъ вдругъ мы вздрогнули отъ глухого, ужаснаго рева, какъ бы далекаго порыва бури.

Мы взглянули на собаку. Она еще держала подубоглоданную кость передними лапами, но подняла голову, насторожила уши, ея глаза засверкали... она прислушивалась, гнѣвная дрожь пробѣгала по ея тѣлу. Сперверъ и я, оба блѣдные, смотрѣли другъ на друга: нигдѣ ни шума, ни вздоха; вѣтеръ стихъ; не слышно было ничего, кромѣ глухого рычанья собаки. Вдругъ она вскочила и бросилась на сѣну съ отрывистымъ, сухимъ, страшнымъ лаемъ; лай этотъ раздался подъ сводами, какъ раскаты грома въ окна. Ливерле, опустивъ голову, казалось, хотѣлъ проникнуть сквозь гранитъ и, оскаливъ ротъ до самыхъ десенъ, выказалъ бѣлые, какъ снѣгъ, зубы. Онъ все еще рычалъ. Иногда онъ вдругъ останавливался, протягивалъ морду въ уголь и протяжно вылъ, потомъ снова бѣшено вскакивалъ и когтями переднихъ лапъ пытался пробить гранитъ. Мы смотрѣли на него, ничего не понимая, но другой, еще болѣе громкій ревъ заставилъ насъ вскочить.

— Ливерле, закричалъ Сперверъ, бросаясь къ собакамъ, — что съ тобой, съ ума ты сошелъ, что-ли?

Онъ схватилъ полѣно и принялся стучать имъ по сѣнѣ силошной и толстой, какъ всегда въ скалѣ. Онъ не нашелъ пустоты, но собака была на сторожѣ.

— Ну, Ливерле, тебѣ что-нибудь привидѣлось, ступай ложись, не раздражай мнѣ нервы!

Въ ту же минуту намъ послышался шумъ, дверь отворилась и на порогъ появился достопочтенный Тоби Офенлохъ, держа въ одной рукѣ фонарь, въ другой костыль; шляпа у него была на затылкѣ; онъ сіялъ и улыбался.

— Привѣтъ почтенной компаніи, сказалъ онъ, — что это вы дѣлаете?

— Да вотъ Ливерле, сказалъ Сперверъ, — чего-то лаялъ!.. Представьте себѣ, онъ бросался на сѣну. Спрашиваю васъ зачѣмъ?

— Онъ вѣрно слышалъ, какъ я стучалъ своей деревяшкой по лѣстницѣ башни, замѣтилъ толстякъ, смѣясь.

Потомъ онъ поставилъ на столъ фонарь и продолжалъ:

— Вотъ вамъ впередъ наука, Геденъ, привязывайте собакъ. Ужъ вы такъ ихъ балуете, такъ балуете! Проклятыя животныя скоро насъ всѣхъ выживутъ изъ дому. Да вотъ сейчасъ въ большой галерей я встрѣтилъ вашего Блица; онъ схватилъ меня за ногу, посмотрите, вотъ что надѣлали его зубы, нога-то совсѣмъ новая! Мерзкая тварь!

— Привязывать собакъ? это чудесно, вскричалъ ловчій. — Собаки на привязи никуда не годятся, онѣ дичають! Да вотъ вамъ Ливерле былъ привязанъ, у него и теперь на шеѣ болтается веревка.

— Да вѣдь я не о себѣ забочусь; когда онѣ бѣгутъ, я всегда подымаю палку и выставляю деревянную ногу; а для порядка собаки должны сидѣть въ конурахъ, кошки на чердакѣ, а прислуга въ замкѣ.

Тоби сѣлъ при послѣднихъ словахъ и, обло-

котаясь на столъ и весело моргая глазками, сказалъ намъ тихо, съ видомъ довѣрія:

— Надобно вамъ сказать, господа, я сегоднѣшній вечеръ одинокъ!

— Ба, ба!

— Да, Мари вмѣстѣ съ Гертрудой сидятъ въ передней графа.

— Такъ вамъ некуда торопиться?

— Рѣшительно некуда!

— Какое несчастіе, что вы такъ поздно пришли, сказалъ Сперверъ, — бутылки у насъ пусты!

Озадаченное лицо добряка растрогало меня. Ему такъ хотѣлось воспользоваться своей свободой! Но не взирая на всѣ мои усилія, я не могъ преодолѣть зѣвоты.

— Ну, другой разъ, сказалъ онъ, вставая, — что отложено, то не потеряно!

Онъ взялъ свой фонарь.

— Покойной ночи, господа.

— Погодите, сказалъ Геденъ, — я вижу Фрицу хочется спать, я сойду съ вами.

— Съ удовольствіемъ, Сперверъ, съ удовольствіемъ, мы по дорогѣ найдемъ къ Трумфу, онъ внизу. Кнапвурстъ рассказываетъ тамъ разныя исторіи.

— Ну и прекрасно, покойной ночи, Фрицъ.

— Покойной ночи, Геденъ; разбуди меня, если графу станетъ хуже.

— Будь покоенъ. Ливерле, марш!

Они вышли. Когда они проходили по паркету, я слышалъ, какъ часы пробили одиннадцать. Я былъ разбитъ отъ усталости.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Продавецъ мелкой рыбы.

(Рис. стр. 32, № 2.)

«Продавецъ мелкой рыбы» принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Леонсіо Талаверы, молодого испанскаго художника, такъ рано похищеннаго смертью. Даровитый юноша былъ ученикомъ Бернардо Ферандиса, основателя такъ называемой малагской школы живописи, пользующейся большимъ почетомъ въ Испаніи, не смотря на свое еще весьма не многолѣтнее существованіе. Ферандисъ умѣлъ собирать вокругъ себя молодые таланты; многіе изъ его учениковъ составили уже себѣ извѣстность, благодаря которой Малага считается въ настоящее время главнымъ центромъ искусства въ Испаніи.

Леонсіо Талавера, поступивъ къ Ферандису, въ 1870 г., былъ помѣщенъ имъ прямо въ классъ композиціи и колорита, не смотря на то, что не имѣлъ еще никакой технической подготовки; но его первостепенный талантъ, угаданный Ферандисомъ, заявилъ себя съ изумительной быстротою. Не болѣе какъ черезъ годъ послѣ своего поступленія въ школу, а именно въ 1871 г., молодой ученикъ составилъ уже нѣсколько замѣчательныхъ этюдовъ, изъ которыхъ два: «Слово любви» и «Ризница», представленные имъ на мадридскую выставку, обратили общее вниманіе на начинающаго артиста. Этотъ успѣхъ поощрилъ Талаверу къ еще болѣе усиленному труду. Любимыми сюжетами его были народныя типы, которые онъ воспроизводитъ съ непоколебимой вѣрностью, среди всей ихъ характерной національной обстановки. Почитатели молодого художника пророчили ему блестящую карьеру, въ особенности послѣ новаго громкаго успѣха его картины «Шахъ и мать», удостоенной золотой медали на гренадской выставкѣ въ 1875 г. Вслѣдъ за тѣмъ появился его «Продавецъ мелкой рыбы», изображающій одинъ изъ самыхъ популярныхъ типовъ малагскихъ предметей. Признанная за лучшую на художественномъ конкурсѣ 1876 г., устроенномъ гор. Малагою, въ числѣ прочихъ торжествъ, въ честь молодого короля Альфонса, эта картина доставила Талаверѣ возможность

осуществить его давнишнюю мечту, — продолжать свое артистическое образованіе въ Парижѣ. Онъ былъ посланъ туда въ качествѣ пенсіонера малагскаго отдѣленія академіи изящныхъ искусствъ. Но судьба жестоко разрушила всѣ надежды гениальнаго художника и его друзей. Онъ оставался въ Парижѣ лишь самое недолгое время. Скоротечная чахотка, быстро истощившая его силы, заставила его вернуться на родину, чтобы умереть на рукахъ старика-отца, на двадцать седьмомъ году жизни (онъ родился 20 декабря 1851 г., умеръ 18 декабря 1878 г.). Не только Малага, уроженцемъ которой былъ Талавера, но и вся Испанія искренно пожалѣла о молодой жизни, обѣщавшей такъ много и прерванной на самомъ своемъ разцвѣтѣ.

Сверхъ поименованныхъ выше произведеній Леонсіо Талаверы написалъ еще много другихъ, между которыми особенно замѣчательны: «Предсмертное причастіе», «Продажа образовъ», «Ссора» и пр., не считая множества мелкихъ эскизовъ и набросковъ, заготовленныхъ для различныхъ проектированныхъ имъ бытовыхъ картинъ. Нѣтъ сомнѣнія, что испанская живопись потеряла много съ кончиною этого замѣчательнаго художника.

Къ рисункамъ.

Ожиданіе новаго члена семьи. — Знойный день южнаго дѣла въ полномъ разгарѣ. Въ маленькой уютной комнаткѣ рабочаго раскрыты окно и дверь, стекла которыхъ блестятъ на солнцѣ, заливаемъ свѣтомъ всю комнату. На полу отъ жара спитъ, какъ убитая, растянувшаяся собака. Отъ жару же спустила съ ногъ туфли молодая женщина. Но, не смотря на зной, въ этомъ гнѣздышкѣ идетъ работа: молодой рабочій мастеритъ дѣтскую люльку; молодая женщина только-что дошла и осматриваетъ дѣтскую рубашенку; на стулѣ виситъ дѣтскій чепчикъ и свивальникъ. Вы чувствуете, что въ семьѣ ожидаютъ новаго гостя. На близости его появленія указываетъ и слышкомъ полный станъ молодой женщины. Вотъ содержаніе прелестной акварели знаменитаго Брюлова. Рисунокъ съ этой акварели, находящейся въ альбомѣ князя Сергѣя Александровича Голицына, сдѣланъ для насъ однимъ изъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ, проживающихъ въ Парижѣ. Гравюра исполнена, какъ видятъ читатели, очень тщательно, отъ нея вѣетъ тепломъ, свѣтомъ и блескомъ.

Укрошеніе строптивой, съ картины Топ-гэма. — Рисунокъ изображаетъ послѣднюю сцену третьяго дѣйствія комедіи Шекспира: «Укрошеніе строптивой». Едва-ли представляется необходимость передавать подробно содержаніе комедіи Шекспира, столь популярной даже въ наше время и у насъ. Въ этой комедіи, какъ извѣстно, Шекспиръ представляетъ образцы того, какъ слѣдуетъ проучать передъ свадьбою сварливую дѣвушку. Въ заключительномъ монологѣ Катарина, — героиня пьесы, — высказывается очень характеристично объ отношеніяхъ жены къ мужу. Это вполне согласно съ нравами и взглядами XVI столѣтія. Для нашего избалованнаго чувства такіе взгляды кажутся преувеличеніемъ, а для утонченныхъ и нѣсколько манерныхъ обожателей женскаго пола — варварствомъ или ироніей. Но нельзя забывать, что Шекспиръ во многомъ — чело-вѣкъ своего времени, взгляды и нравы котораго значительно разнятся отъ взглядовъ и нравовъ XIX столѣтія. Отношенія между Петручіо и Катариню такого рода, что легко могутъ быть низведены до простой шутки, даже до грубаго фарса съ грязными сценами. Даже такой великій актеръ, какъ Гарриксъ, такъ понималъ комедію. Онъ сократилъ всю пьесу въ трехъ-актную комедію подъ заглавіемъ: «Петручіо и Катарина»; онъ исключилъ болѣе утонченную часть пьесы, — сватовство за Бьянку, — а оставшуюся часть низвелъ до неуклюжей карикатуры. По обыкновенію, которое впоследствии укоренилось, игра этой парочки была груба до крайнихъ предѣловъ: Водвордъ игралъ въ то время роль Петручіо съ такою яростью, что ранилъ актрису мистрисъ Клейвъ вилкою въ палецъ и бросилъ ее на землю, когда тащилъ со сцены. Точно такимъ же образомъ играется эта пьеса въ Лондонѣ и теперь въ видѣ заключительнаго фарса.

Петручіо — натура вулгарная, грубая; ему предлагаютъ въ шутку Катарину, дѣвушку богатую, но злую и своенравную; онъ сватается за нее изъ причудливаго хвастовства. Самая трудная часть роли

Катарини—сцена сватовства; для актера, изображающего Петручіо—то мѣсто, гдѣ онъ укрощаетъ строптивую. Это-то мѣсто и изобразилъ Топгэмъ въ своей картинѣ. Необходимо замѣтить, что въ шутовской передѣлкѣ Гаррика, когда Петручіо съ неистовою свитой является праздновать неистовую свадьбу и съ безумною поспѣшностью уводитъ свою новобрачную,—всѣ присутствующіе поражены какимъ-то испугомъ. Между тѣмъ у Шекспира не то положено въ основу этой сцены: Груміо (слуга Петручіо), напр., находитъ все это только до смерти смѣшнымъ. Такъ именно понялъ сцену и Топгэмъ: въ то время, какъ Петручіо убѣждаетъ съ Катариной, не дожидаясь даже свадебнаго пира и заставляя ее повиноваться ему,—всѣ присутствующіе, начиная съ Груміо и кончая Бампостомъ—отцомъ Катарини, выражаютъ, если можно такъ выразиться, пріятное удивленіе, что сварливая Катарина, наконецъ, укрощена Петручіо, употребляющимъ для ея исправленія точно такую же грубость и несговорчивость, какими отличалась еще такъ недавно Катарина. Вслѣдствіе этого, какъ въ пьесѣ Шекспира,—въ картинѣ Топгэма сцена отъѣзда послѣ свадьбы является не грубымъ, балаганнымъ фарсомъ, и не тяжелой картиной варварства, пугающего присутствующихъ, а характерной и даже веселой сценой, въ которой съ необыкновенной яркостью обрисованы не только характеры и типы Петручіо и Катарини, но и всѣхъ другихъ лицъ.

Смѣсь.

— Современные типы. 2) Бездомные (Ст. Гюнтара). Нигдѣ нищета не выдѣляется столь яркой заплатой на золотомъ фонѣ колоссальныхъ богатствъ, какъ въ Вавилонѣ новѣйшихъ временъ—Лондонѣ. Борьба за свободу торговли, Ричардъ Кобденъ говоритъ: «втеченіи 24 часовъ человѣку необходимо утолить свой естественный голодъ; возможно достичь этого честнымъ путемъ—прекрасно; но прежде всего—это необходимо!» Идеи грѣха и искупленія являются здѣсь тѣсно сплоченными. Нужда научаетъ молиться; къ сожалѣнію, она же насъ учитъ красть и обманывать. Нѣмецкій поэтъ Христіанъ Граббе, безвременно погибшій отъ бѣлой горячки—результата невоздержной жизни, однажды сказалъ: «что должно выйти изъ человѣка, самое раннее воспоминаніе котораго связано съ представленіемъ общества воровъ и убійцъ?» А онъ былъ сыномъ тюремщика! Такъ вырастаетъ преступная, нищенская юность, не столкнувшись ни разу съ человѣчески-благотворнымъ вліяніемъ, которое бы заронило лучъ сознанія въ неокрѣпшую, молодую душу! А тутъ еще кобденскіе 24 часа и ничему не внимлющій вопль голоднаго желудка! Удивительно-ли, что среди миліоновъ людей, населяющихъ нашу планету, стремленіе жить на счетъ ближняго выработалось до степени утонченнаго, въ своемъ родѣ художественнаго искусства! И все-же—кто первый броситъ камень?

Въ своеобразномъ мірѣ лондонскихъ нищихъ тотъ признается щедро възысканнымъ судьбою, кто можетъ выставить на показъ *pes plus ultra* физическаго уродства. Кривой на одинъ глазъ цѣнится выше лишеннаго ноги; одноногий, съ единственною притомъ рукою, идетъ заурядъ съ совершенно безрукимъ; только рѣдкій избранникъ, оба колѣна котораго (о верхъ благополучія!) оканчиваются деревяшками, самоудовольно оглядывается, не безъ основанія считая себя внѣ всякой конкуренціи. Обыкновенно эти общественные паразиты живутъ не одни; имъ нуженъ помощникъ-вожакъ и въ такой роли, большую частью, встрѣчаются женщины. Съ непонятною ревностью добывая почетной обязанности, онѣ словно забываютъ, что вся ихъ награда—подчасъ лишь корка черстватаго хлѣба, хотя тутъ-же патронъ-калѣка невозмутимо прокучиваетъ въ безобразныхъ оргіяхъ легко доставшіеся заработокъ. Иногда составъ описанной парочки увеличивается еще третьимъ лицомъ; это наемный тѣлохранитель, отъ силы кулаковъ котораго всецѣло зависитъ спокойствіе и матеріальная неприкосновенность находящихся подъ его охраной. Одинъ изъ тезисовъ обширнаго кодекса нищихъ: разнообразь себя, всегда кажись новымъ. Въ противоположность итальянскому нищему, неизмѣнно коротающему вѣкъ на однажды избранной имъ церковной паперти, лондонскій попрошайка-артистъ зорко слѣдитъ затѣмъ, чтобы особа его не пріѣлась, не возбуждала равнодушія; поэтому онъ не только часто мѣняетъ мѣстность, но и самые приемы своей специальности. Назадъ тому лѣтъ 25 въ одномъ изъ провинціальныхъ округовъ Англіи встрѣтилъ я нищаго; человѣческаго въ немъ почти ничего не осталось—такъ, какъ-то масса безъ рукъ, безъ ногъ; жертва ужаснаго взрыва въ одной изъ каменноугольныхъ копей

близъ шотландской границы, этотъ несчастный, казалось, былъ еще молодъ. Привязанный къ маленькой тележкѣ, онъ двигалъ ее съ помощью двухъ палокъ, прикрученныхъ къ плечевымъ обручкамъ; тѣло его покрывалось холстомъ, съ изображенными на немъ масляными красками катастрофою взрыва и, вызывающимъ къ людскому милосердію библейскимъ изреченіемъ. Изобрѣтательнаго бѣднягу всегда окружала толпа народа—жатва была обильная. 10 лѣтъ спустя, встрѣчаюсь я съ нимъ уже въ Лондонѣ. Чтобы дешевле добраться до столицы, придумалъ онъ такую штуку: спрятался въ ящикъ съ подушками, поручивъ отвезти его большою скоростью при накладной на партію «кроликовъ-великановъ»; провизіи запасено было на сутки. Слухъ объ этомъ происшествіи разнесся быстро, послужилъ рекламой и въ результатѣ—снова хорошіе сборы. Прошло нѣсколько времени, я путешествовалъ по верхней Италіи; мальпостъ нашъ остановился передъ гостинницей; смотрю—ба, старый пріятель: та же тележка, тотъ же жалобно-ноющей кусокъ человѣческаго мяса, аксесуары только не тѣ. Исторія взрыва, какъ износившаяся, была отброшена; на сцену выступила новая. Въ то время всѣ газеты кричали о происшествіи, надѣлавшемъ шуму: въ англійскомъ каналѣ столкнулись два судна; мой нищій подыскиваетъ живописца и—традиционное полотно рисуетъ вамъ трагическій моментъ, когда, сдвинутый столкнувшимися гигантами, нашъ страдалецъ былъ разорванъ на части! Новая жертва новѣйшаго событія! Куда бы судьба его не бросила—съ перемѣною мѣста мѣнялась и повѣсть исковой жизни; въ одномъ онъ оставался неизмѣннымъ—повѣсть эта всегда была полна самаго свѣжаго, животрепещущаго интереса! Есть старый нѣмецкій стихъ: «поэтъ—держись короля»; нашъ нищенка предпочиталъ придерживаться газетныхъ новостей. Послѣдней встрѣчи съ нимъ я не забуду: неутомимый наблюдатель людской эксцентричности, очутился я какъ-то въ темнѣйшемъ изъ притоновъ разгула восточной части Лондона. Посѣтителей было много, пиръ шелъ горой и все это группировалось вокругъ кутившаго амфитріона—того же нищаго-калѣки. Въ глубокомъ креслѣ, обложенный подушками, онъ окончательнo состарѣлся: голова была совершенно бѣлая. Ему прислуживали двѣ хорошенькія прістаницы, напропаую перемигивавшіяся за его спиной. Наконецъ, его унесли; попойка продолжалась безъ конца: вѣдь онъ платилъ за всѣхъ, такъ надо же и выпить хорошенько и пожелать ему здоровья на много, много лѣтъ!

Таковъ нищій, когда фортуна ему улыбнется, когда послѣ долгихъ неудачъ, дѣла пойдутъ хорошо. Но, не смотря на широкую щедрость, дома, наединѣ, люди, кормящіеся имъ, въ виду безпомощности своего патрона, становятся его мучителями. Единственно, что еще въ состояніи обуздать ихъ варварскія наклонности, это боязнь быть замѣченными, такъ какъ всегда найдутся охотники занять на себя небезвыгодныя заботы о калѣкѣ. Соревнованіе въ данномъ случаѣ даже особенно развито. Въ одной изъ тавернъ самаго низкаго качества произошло однажды жестокое побоище между женщинами; полилась кровь, раненыхъ пришлось отправить въ госпиталь и все это изъ-за обладанія маленькимъ, одноглазымъ, безрукимъ уродцемъ, съ невѣроятно гадкой, схожей съ лягушечьею, головой. Одна изъ этихъ грязныхъ Валькирій нашла сокровище—причину битвы—гдѣ-то близъ устья Темзы и привела, точнѣе, принесла, его въ Лондонъ. Здѣсь она съ него глазъ не спускала; будучи дома все-таки прятала подъ замкомъ, въ вѣчной заботѣ и страхѣ, чтобы дорогое чудовище у нея не стащило. Всячески о немъ заботясь, она постоянно держала двухъ здоровыхъ молодцевъ на случай обороны отъ завистливыхъ соперницъ—претендентокъ на драгоценную рѣдкость. Судьба зло подшутила надъ нею: видя, что ничто не беретъ, воспользовались ея склонностью къ спиртнымъ напиткамъ и во время ночной вакханаліи всыпали такую дозу табаку въ поданное ей питье, что она сразу лишилась сознанія. Когда послѣднее вернулось—доходный невольникъ былъ уже похищенъ соперницей. Насколько перемѣна ему понравилась—исторія умалчиваетъ. Извѣстно только, что между обѣими представительницами прекраснаго, но тутъ правдивѣе—страшнаго, пола возгорѣлась упорная война, кончившаяся обоюднымъ, долговременнымъ заключеніемъ ихъ въ тюрьмѣ. Этимъ свѣтлымъ промежуткомъ воспользовался маленький, свободный бритъ—его и слѣдъ простылъ.

Въ мірѣ нищихъ подобное цѣнное сокровище обыкновенно зовется кличкой «милордъ»—юморъ, по истинѣ, жестокой! Бываютъ женскіе «честолюбцы», которые упрочируютъ себѣ «положеніе», выходя замужъ за такихъ уродовъ. Въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ округовъ Бетнель-Гринъ есть церковь, гдѣ до послѣдняго времени красовалась доска съ над-

писью, извѣщавшею всѣхъ желающихъ о возможности вступить въ священный союзъ брака—даромъ. И все таки нищѣ предпочитаютъ гражданскій бракъ. Когда еще существовала «Альзатія»—квартиль, въ которой нищѣ и воры образовывали какъ бы отдѣльно-самостоятельную общину въ Лондонѣ, женихъ и невѣста прямо на улицѣ должны были прыгать черезъ метлу, по исполненіи чего союзъ признавался законнымъ. При этомъ полупьяная чернь пѣла, хоромъ:

Прыгай дѣвка, прыгай воръ!

Въ этомъ весь вашъ и говоръ.

Въ новѣйшее время, обрядъ гражданского вѣнчанія несравненно приличнѣе. У очага какой-нибудь нищенской таверны сходятся «онъ» и «она», на сколько возможно принарядившись, сопровождаемые толпой товарищей по профессіи. На столѣ ставится лоханъ съ водой, въ нее любящаяся чета бросаетъ по горсти муки; образовавшееся мѣсиво выливаютъ новобрачнымъ на голову. Тогда кто-нибудь произноситъ благословеніе, символически замѣчая, что до тѣхъ поръ слѣды ихъ не разойдутся въ жизни, пока вода не перестанетъ растворять муку. Обрядъ этотъ—копія съ средневѣковой брачной церемоніи великобританскихъ цыганъ.

Въ низшихъ классахъ народа «профессіональный нищій» обыкновенно считается «хорошей партіей». Женщина открыто высказываетъ, что всегда предпочтетъ «такого» мужа любому поденщику, доходнаго калѣку—ремесленнику, чудовищнаго уродъ—фабричному надсмотрщику. Женщины, впрочемъ, должно быть, всѣ вообще своеобразно устроены, такъ какъ даже между образованнѣйшими изъ нихъ попадаются экземпляры—любительницы сильныхъ, необыденныхъ ощущеній. Кооль, въ своихъ очеркахъ Англіи, приводитъ въ примѣръ высокороденную леди Дедлэ, вышедшую за бродячаго цыгана и съ кротостью, достойною лучшей участи, переносившую безчеловѣчное обращеніе своего оборванца-мужа. Другая—француженка, древняго аристократическаго рода, получившая въ Англіи блестящее образованіе, обвѣнчалась съ нищимъ, сохранивъ за собой втеченіи всей своей нищенской жизни «по страсти»—титулъ «графини». Нѣжный, изысканный обликъ ея, полный строгости мысли черты лица какъ-то не гармонировали съ радужными подтеками—слѣдами побоевъ, съ изсѣро-желтымъ отгѣнкомъ кожи—слѣдами пьянства. Она прекрасно владѣла пятью языками и ее эксплуатировали въ качествѣ переводчика при сношеніяхъ нищенской корпораціи съ разношерстными иностранцами. Она жила и дышала въ средѣ, къ рѣдкому изъ членовъ которой нельзя было бы ни примѣнить стиха шотландскаго поэта Бернса:

Изъ рода въ родъ пороками отравленная кровь!

Тотъ, въ комъ она течетъ, не возродится вновь!

Маркъ Шлезингеръ, въ своихъ «Лондонскихъ наброскахъ», рассказываетъ трагическій случай. Молоденькая леди, хорошаго круга, знакомится съ молодымъ джентльменомъ, по всѣмъ признакамъ состоятельнымъ и вскорѣ выходитъ за него замужъ. Первые дни счастья мирно проходятъ среди прелестной обстановки, полной комфорта; въ одномъ изъ фешенебельныхъ предмѣстствъ города. Но вотъ начинаются отлучки мужа; цѣлые дни пропадаетъ онъ въ Сити, говоря, что страшно заваленъ дѣлами. Внезапно-ли охватившее подозрѣніе, досужіе-ли языки неизбѣжныхъ кумушекъ—молодая тревожится и, однажды, когда мужъ, по обыкновенію, отправился со двора, она въ наемномъ кэбѣ незамѣтно послѣдовала за нимъ. Добѣжавъ до темнаго переулка въ восточной части Лондона, мужъ исчезаетъ въ нѣдрахъ какого-то подозрительнаго наружности дома. Жена остается ждать; проходитъ четверть часа; растворяются двери, показывается процессія: два человека выносятъ фигуру въ лохмотьяхъ, обвязанную, покрытую пластырями, уродливо изувѣченную. Несчастная женщина узнаетъ того, кому отдала свое сердце. Супругъ ея—профессіональный нищій! Приключившееся съ ней въ тотъ же день сумасшествіе избавило ее отъ дальнѣйшихъ послѣдствій сознанія сдѣланнаго ею открытія.

Генрихъ Гейне не совѣтуетъ поэту ѣхать въ Лондонъ; холодно-разсчитанная практичность жизни легко можетъ внушить отвращеніе къ послѣдней. Но Гейне слишкомъ мало прожилъ въ этомъ міровомъ городѣ, иначе драматизмъ положеній, вродѣ только что нами описаннаго, остановилъ бы на себѣ его чуткое вниманіе.

— Новая картина Айвазовскаго. «Голосу» пишутъ изъ Феодосіи: «Недавно мнѣ удалось видѣть новую картину г. Айвазовскаго «Коломбъ». Картина громадная, написанная широкою, размашистою кистью, какъ и большинство картинъ нашего художника. Сюжетъ картины—корабль Коломба въ борьбѣ съ разсвирѣбывшею стихіей. Темныя тучи сгустились

и плотно обхватили небосклонъ; громадные валы яростно набѣгаютъ на растерявшихся плывцовъ; волна перекапсала черезъ палубу, сбива съ ногъ одного изъ спутниковъ Коломба и увлекаетъ его въ бездну. Изъ темныхъ тучъ вырывается солнечный лучъ, пронизывая своимъ свѣтомъ столпившіяся у борта волны; освѣщенные, онѣ и производятъ тотъ громадный эффектъ, который приковываетъ къ себѣ съ неотразимою силою глаза зрителя».

— **Воспитательный домъ.** Въ 1879 году въ петербургскій воспитательный домъ приняты 23,360 младенцевъ.

— **Отравленіе.** Въ «Новостяхъ» пишутъ: «Дѣвица Мекъ-Линъ, дочь американскаго полковника, имѣвшая въ своемъ распоряженіи довольно значительныя средства, познакомилась въ Лондонѣ, куда она пріѣхала на время, съ нѣкимъ Пэнномъ и вступила съ нимъ въ интимную связь, такъ что они жили, какъ мужъ и жена. 7 декабря оба, въ сопровожденіи служанки, пріѣхали въ Лондонъ изъ отдаленнаго предмѣстья и остановились въ какомъ-то отелѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Пэнну удалось побудить дѣвицу Мекъ-Линъ завѣщать ему все свое состояніе и кромѣ того онъ также пытался застраховать ея жизнь, что, однако, ему не удалось, такъ какъ поведение его показалось подозрительнымъ служащимъ въ страховомъ обществѣ. 14 декабря, дѣвица Мекъ-Линъ умерла отъ пьянства, какъ увѣрилъ Пэнъ, — «отъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ и отъ недостаточнаго питанія», какъ постановила медицинская экспертиза. Содержательница отела, вслѣдствіе обратившихъ на себя ея вниманіе подозрительныхъ обстоятельствъ, увѣдомила полицію, что Пэнъ неоднократно, насильственно вливалъ въ ротъ покойной чистый спиртъ и вообще кромѣ служанки никого не допускалъ къ больной, скрывалъ отъ ея родственниковъ мѣсто ея жительства; словомъ, дѣйствовалъ такъ, что невольно возникаетъ подозрѣніе, что онъ отравилъ дѣвицу Мекъ-Линъ спиртомъ и заставилъ ее умереть медленною, голодною смертію, чтобы овладѣть ея имуществомъ. Пэнъ и служанка арестованы».

— **Примѣненіе фотографіи къ фабричному дѣлу.** Одна изъ лондонскихъ шелковыхъ фабрикъ ввела у себя отпечатываніе фотографій на матеріяхъ. Она послала въ недавнее состоявшееся съѣздъ фотографическаго общества нѣсколько шелковыхъ кусковъ съ отпечатанными на нихъ разными фотографіями, между которыми весьма многія, въ видѣ большихъ медальоновъ, изображали картины древнихъ художниковъ. Длина представленныхъ образцовъ опредѣлена не менѣе 131 фута. Хотя самое производство не объяснено, думаютъ, однако, что отпечатываніе совершается посредствомъ окиси серебра.

— **Диссертация о пивѣ** (Замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Г. Горлицынъ избралъ предметомъ для докторской диссертации опредѣленіе составныхъ частей и вредныхъ подмѣсей пива петербургскихъ заводовъ. Выводы его заслуживаютъ вниманія. По его мнѣнію, желательнѣе, чтобы пиво, вытѣсняя водку, сдѣлалось народнымъ напиткомъ, и что водка въ госпиталѣхъ и больницахъ съ успѣхомъ можетъ быть замѣнена пивомъ для выздоравливающихъ больныхъ. Пиво — напитокъ здоровый; г. Горлицынъ не нашелъ ни въ заводскомъ пивѣ, ни въ пивѣ, взятомъ изъ портерныхъ присутствій пиротоксина, пикроновой кислоты, стрихнина и брүцина. Что касается тяжелыхъ металловъ: мѣди, свинца и цинка, могущихъ перейти изъ котловъ и приборовъ, въ которыхъ производится варка пива, то сѣроводородъ, при пропусканіи его въ пиво, не давалъ никакого осадка, а сѣрнистый амоній давалъ бѣлый осадокъ, при качественномъ опредѣленіи котораго оказалось присутствіе желѣза и фосфатовъ. Вообще, изъ сдѣланныхъ г. Горлицынымъ анализомъ пива, какъ непосредственно взятаго съ заводовъ, такъ и изъ портерныхъ, видно, что, въ гигиеническомъ значеніи, напитокъ, по содержанію главныхъ составныхъ частей, по отсутствію вредныхъ подмѣсей, долженъ быть признанъ доброкачественнымъ. Что касается діетическаго значенія пива, то, конечно, по содержанію дробныхъ количествъ питательныхъ веществъ сравнительно съ тѣмъ, что необходимо для организма, пиво не можетъ быть отнесено къ напиткамъ питательнымъ. Беккерель, Парксъ, Папенгеймъ, Эрисманъ, Доброславинъ относятъ его къ напиткамъ вкусовымъ, возбуждающимъ. По содержанію угольной кислоты и горькихъ веществъ хмѣля, назначеніе пива слабымъ, истощеннымъ больнымъ вполне умѣстно. Работа г. Горлицына произведена въ лабораторіи проф. Доброславина подъ его руководствомъ.

— **Географическое общество въ Японіи.** Въ Токио, въ Японіи, основалось новое географическое общество, въ которомъ почетное званіе президента принялъ на себя самъ микадо. Въ день торжественнаго

открытія присутствовали члены шведской полярной и германской азиатской экспедицій. Микадо произнесъ рѣчь и провозгласилъ тость въ честь Норденшильда и поздравилъ общество съ открытіемъ новаго азиатскаго пути.

— **О Везувіи.** Извѣстный профессоръ Пальмиери предупреждаетъ неаполитанскій муниципалитетъ, что Везувій серьезно угрожаетъ городу Неаполю направлеиъ своей лавы, поднявшейся въ главномъ кратерѣ на 50 фут. На сѣверо-восточномъ склонѣ горы открылись 4 новыхъ кратера. Слышны періодическіе, глухіе подземные удары. Изъ главнаго кратера выходятъ густые черные клубы дыма.

— **Землетрясеніе.** Изъ ур. Белясуваръ (Ленковский), сообщаютъ въ «Кавказъ», что 25-го ноября въ 4 часа 53 мин. по полудни тамъ послѣдовало моментально колебаніе земли, по направленію съ сѣвера на югъ, продолжавшееся 15 секундъ; небо было совершенно чистое, вѣтеръ легкій, юго-западный; въ полдень было 15 градусовъ тепла въ тѣни.

— **Исторія общества сельскаго хозяйства южной Россіи** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Этотъ капитальный трудъ, обнимающій собою полулѣтнюю періодъ существованія общества, именно 1828—1878 годы, составленъ секретаремъ общества М. П. Боровскимъ. Весь трудъ раздѣленъ на двѣ части. Первая заключаетъ исторію учрежденія общества, его уставъ, Высочайше дарованныя права и преимущества и списокъ лицъ, какъ стоявшихъ во главѣ общества, такъ и составившихъ администрацію учрежденія. Вторая часть, раздѣленная на 12 главъ, посвящена изложенію дѣятельности общества по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, а равно знакомитъ съ состояніемъ пособій и средствъ общества. Наконецъ, въ приложеніи вошли: нынѣ дѣйствующій уставъ общества, списокъ членовъ — основателей, почетныхъ, дѣйствительныхъ и корреспондентовъ съ 1828 по 1878 годъ и списокъ лицъ, удостоенныхъ наградъ за труды по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной промышленности. Для полноты приложеній не достаетъ только указателя статей, помѣщенныхъ въ 47 томахъ, изданныхъ обществомъ «Листковъ» и «Записокъ». Къ сожалѣнію, за недостаткомъ времени пришлось, по словамъ автора, отказаться отъ составленія полнаго указателя и ограничиться лишь указаніемъ на болѣе выдающіяся статьи по той или другой отрасли хозяйства. Нужно надѣяться, что съ окончаніемъ 50-лѣтія изданія своего журнала общество не упуститъ изъ виду озаботиться составленіемъ указателя статей, помѣщенныхъ въ «Запискахъ», этихъ лѣтописей южно-русскаго хозяйства.

— **Интересная операція посредствомъ магнита.** 11 сентября прошлаго года была произведена докторомъ Гиршбергомъ въ Берлинѣ весьма интересная операція, которая вполне удалась и послужила предметомъ лекціи на одномъ изъ собраній врачей, происходившемъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Утромъ вышеозначеннаго дня 16-лѣтній Эдуардъ К., работая на кузницѣ своего отца, почувствовалъ внезапно сильную боль въ правомъ глазу и полнѣйшую невозможность что либо видѣть имъ. Дѣло происходило въ мѣстечкѣ неподалеку отъ Берлина. Мѣстный врачъ, къ которому обратились за помощью, послалъ больного въ клинику доктора Гиршберга. Исслѣдовавъ поврежденный глазъ посредствомъ глазного зеркала, докторъ нашелъ въ немъ маленькую ранку, глубиной въ 2½ миллиметра, доходящую до стекловидной жидкости. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что ранка произведена постороннимъ тѣломъ, но тѣла этого не было видно. Пациента перевязали и положили въ темную комнату. Въ тотъ же вечеръ докторъ сдѣлалъ второе, еще болѣе тщательное исслѣдованіе и на этотъ разъ ему удалось усмотрѣть въ стекловинѣ, за хрусталикомъ, кусочекъ желѣза чернаго цвѣта, неправильной формы, съ острыми краями. На слѣдующее утро было приступлено къ операціи. Прежде всего докторъ привелъ въ дѣйствіе электромагнитъ, часто употребляемый имъ на лекціяхъ, при опытахъ надъ живыми кроликами — обыкновенный Бунзеновскій элементъ, отъ котораго идутъ проволоки къ магниту, согнутому такъ, что полюсы очень близки одинъ къ другому и острокопечны. Магнитъ этотъ поднимаетъ маленькіе ключики, а желѣзные опилки притягиваетъ къ себѣ на разстояніи 3—4 миллиметровъ. Больного нахлороформировали и приступили къ операціи слѣдующимъ образомъ: сквозь глазное яблоко по направленію къ ранкѣ былъ сдѣланъ тонкимъ инструментомъ надрѣзъ въ четыре миллиметра длины, а затѣмъ начали осторожно нажимать ранку, въ надеждѣ, что осколокъ выпадетъ самъ собой, но этого не случилось и докторъ ввелъ въ отверстіе магнитъ, но тоже безуспѣшно. Пришлось расширить ранку вдвое, снова опустить въ нее магнитъ, которымъ на этотъ разъ

былъ вытащенъ осколокъ чернаго желѣза, безъ малѣйшей ржавчины, длиной въ 3 миллиметра, шириной въ 2, толщиной въ 1 миллиметръ, а вѣсомъ въ 20 миллиграммовъ. Дальнѣйшее лѣченіе пошло какъ нельзя лучше, никакихъ воспалительныхъ процессовъ не происходило и черезъ недѣлю больной могъ различать цифры на карманныхъ часахъ; по прошествіи же мѣсяца зрѣніе его окончательно возстановилось и онъ совершенно здоровымъ вышелъ изъ клиники.

— **Искусственные алмазы.** М-ръ Джемсъ Маклеанъ, химикъ фабрики Сен-Ролоксъ, сообщилъ, что онъ открылъ способъ дѣлать искусственно настоящіе брилліанты. Докладъ о своемъ изобрѣтеніи и о результатахъ, добытыхъ 13-лѣтними опытами, прочитанъ имъ былъ въ собраніи философскаго общества въ Глазго. Результаты эти сообщены профессору Тиндалю и другимъ ученымъ и въ настоящее время провѣряются м-ромъ Маскелінесомъ, членомъ британскаго музея. Образцы искусственныхъ алмазовъ, представленные Маклеаномъ, такой-же чистой воды и обладаютъ всею лучистостью настоящихъ брилліантовъ. На нихъ, наравнѣ съ природными брилліантами, не оказываютъ разлагающаго дѣйствія кислоты, алкаліи и нагрѣваніе въ паяльной трубкѣ. Остается только еще провѣрить, рѣжутъ-ли они такъ-же стекло, какъ настоящіе. Опытъ этотъ будетъ производиться скоро. Маклеанъ и ученые, съ которыми онъ совѣщался, высказываютъ мнѣніе, что химически воспроизведенные алмазы ничто иное, какъ дѣйствительные, настоящіе брилліанты.

— **Муравьиный медъ.** Въ «Одесск. Вѣстн.» напечатано: «До сихъ поръ было извѣстно, что муравьи любятъ медъ и съ жаждою бросаются на медвяную росу. Теперь, по новѣйшему изслѣдованію одного изъ американскихъ ученыхъ, муравьи дѣлаютъ даже запасы меда и для храненія его обращаютъ своихъ собственныхъ товарищей въ кладовыя. На вершинахъ и южныхъ склонахъ горъ въ Колорадо находятся муравейники, въ видѣ небольшихъ коническихъ песчаныхъ насыпей, имѣющихъ въ серединѣ перпендикулярное отверстіе отъ 3 до 6 дюйм. глубины. Внутренность муравейника состоитъ изъ ряда галерей и площадокъ, прорѣзанныхъ въ песокъ на разстояніи почти 8 фут. въ длину, отъ 2 до 4 фут. въ глубину и отъ 10 до 12 дюйм. въ ширину. Муравьи подраздѣляются на большихъ, маленькихъ, карликовъ, хранителей меда, и царицу. Хранители меда висятъ на потолкѣ площадокъ кучками, въ видѣ винограда, съ широко шарообразною брюшиною полостью, наполненною медомъ. По захожденіи солнца муравьи-работники выходятъ изъ подземелья колонами и покрываютъ сосѣдніе дубы, гдѣ набираютъ медъ, слизывая сладкое выдѣленіе дерева, появляющееся на его поверхности въ видѣ прозрачныхъ каплей. Съ первыми лучами солнца муравьи возвращаются домой, нагруженные медомъ, и кладутъ его не въ восковыя ячейки, какъ пчелы, а въ объемистые желудки своихъ товарищей. При малѣйшей попыткѣ извнѣ разорить муравейникъ работники муравьи кидаются стремглавъ спасать свои живыя кладовыя и тащатъ ихъ въ болѣе безопасное мѣсто».

ОТЪ КОНТОРЫ. № 2-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 12 января въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 17 января въ 6 час. 30 минутъ утра.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Въ житейскомъ морѣ, поэма Б. Левина. — Братья Джюра и Наурусъ, кудукчи, рассказъ Н. Н. Каразина. — Шарль Дамальи, ром. Эд. и Ж. Гонкуръ. — Стих. Дм. Чертова. — Естественныя богатства Россіи, ст. Л. М. Невольскаго. — Волкъ, ром. Эрмана-Шатриана. — Продавецъ мелкой рыбы. — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Объявленіе.

Рисунки: Во ожиданіи новаго члена семьи, рис. К. П. Брюлова. — Къ поэмѣ «Въ житейскомъ морѣ», рис. Голембевскаго. — Къ рассказу Н. Н. Каразина, «Наурусъ и Джюра, братья кудукчи», рис. Н. Н. Каразина. — Укрощеніе строптивой, карт. Ф. У. Топгэма. — Заструниваніе волка, рис. Петра Соколова. — 1-й ром. «Волкъ». — Фальстафъ, рис. Зичи.

За редактора, издатель Н. И. Шульгинъ.

Объявленія.

Артельщикомъ редакціи найдена на полу въ конторѣ золотая булавка. Потерявшаго просить зайти въ контору Редакціи «Жив. Об.» за полученіемъ ея.

ЖИВОПИСНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 4.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цена отдѣльныхъ №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

26 Января 1880 года.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА ПЛАТОНОВА.

Мальчикъ-болгаринъ.

Рисовалъ на деревѣ П. Чистяковъ; рѣзано въ „Варшавской политипнѣ“.

Пьянчуга.

Стих. В. Юрьева.

У дороги спитъ онъ, пьяный,
Спитъ и не проснется!
Сквозь его тулупчикъ драный
Холодъ заберется!

Мѣдьяки спустил въ харчевнѣ;
Выпилъ, видно, много;
Только съ-пьяну до деревни
Не нашолъ дорогу.

Ни жена не ждетъ, ни дѣти...
Всѣми позабытый,
Одинокій въ цѣломъ свѣтѣ,
Спитъ онъ, какъ убитый.

Не пошлютъ ему за гробомъ,
Такъ умретъ пьянчуга,
Оборванца подъ сугробомъ
Похоронитъ вьюга.

Отпоетъ его самъ вѣтеръ,
Замететъ снѣгами,
Да придетъ морозъ подъ вечеръ—
Скрипнетъ саногамы...

Мѣста недавнихъ битвъ.

Очеркъ В. И. Немировича-Данченко.

I.

Отъ Рушукъ до Тырнова.

а этотъ разъ и въ Рушукъ пробылъ нѣсколь-
ко часовъ. Нужно было
торопиться въ Тырново
и уже по возвращеніи
назадъ короче познако-
миться съ этимъ дунай-
скимъ городомъ, гдѣ
бьются важнѣйшіе пуль-
сы болгарской торговли и сосредоточиваются
умственные силы молодого княжества...

Выѣзжать пришлось ночью по очень про-
стой причинѣ: возвращающіеся въ Россію вой-
ска переполнили отели и дома рушукскихъ
гражданъ до такой степени, что найти гдѣ-ни-
будь комнату или свободный уголокъ оказалось
совершенно невозможнымъ.

Среди безлунной и безвѣздной южной ночи
темное марево города съ его пустынными ули-
цами и безлюдными домами мусульманскаго квар-
тала производило впечатлѣніе какихъ-то безконеч-
ныхъ развалинъ, полныхъ слѣдами шумной, еще
вчера кипѣвшей жизни... Только около Дуная,
надъ обрывомъ, подъ которымъ немолчно бьются
струи великой славянской рѣки и слегка колы-
шутся паромы, выступалъ ярко освѣщенный
шумный клочекъ города со всевозможными вер-
тепами, въ родѣ Исла-Хане, и кафе-шантанами,
созданными исключительными потребностями
военнаго времени. Теперь всѣ эти живущіе
только ночью дома догрызали и догрызали свое
послѣднее время. Ихъ владѣльцы, какъ мухи
осенью, страшными цѣнами кусали послѣдніе
эшелоны возвращающихся въ Россію войскъ.
Прекрасныя румынки тоже подводили итоги
барышамъ отъ войны, всѣ выгоды которой до-
стались на ихъ долю. Легкомысленныя, между-
народныя дѣвицы были предупреждены рушук-
ской полиціей, что она не потерпитъ ни одного
дня ихъ пребыванія среди патриархальнаго бол-
гарскаго общества по уходѣ остатковъ occupa-
ціоннаго отряда. Подобранныя на площадяхъ
Смирны, родившіяся въ грязныхъ вертепахъ
Галаты, по считавшія свое аристократическое
происхожденіе отъ бѣлыхъ марсельскихъ мат-
росовъ — размалеванныя Фрины и Аспазіи, еще
недавно выдававшія себя наивнымъ армейцамъ
за чистокровныхъ парижанокъ — разбѣзжались со
своими антрепренерами обратно во всевозмож-

ныя «Конкордіи» константинопольской Перы.
Вообще Рушукъ переживалъ тяжкое время пох-
мѣлья; длинныя ряды лавокъ на улицахъ, бли-
жайшихъ къ Дунаю, пустѣли. Въ тѣхъ, гдѣ еще
торговали, меланхолическіе евреи грустно по-
глядывали на проходящихъ мимо и снаряжен-
ныхъ въ дорогу офицеровъ, какъ на ускользя-
щую отъ нихъ добычу... Золото какъ-то удиви-
тельно быстро исчезало съ мѣстнаго рынка, за-
мѣняясь черными румынскими галаганами и сере-
бряными леями.

На почтовой станціи мнѣ дали отличныхъ
лошадей...

Уже сначала ямщикъ сталъ ихъ дуть и въ
хвостъ, и въ голову, рискуя на крутыхъ поворо-
тахъ извилистыхъ улицъ наткнуться на слѣпую
стѣну мусульманскаго города или попасть на
спускъ подъ угломъ 30°.

— Куда ты торопишься?

Ямщикъ оглянулся съ большимъ удивленіемъ.

— Русскіе любятъ ѣздить скоро... Даже бьютъ,
если ихъ повезешь потише...

Изъ дальнѣйшихъ разсказовъ наивнаго болга-
рина оказалось, что приемы фельдъегерей бла-
женной памяти воскресли здѣсь во всей своей
первобытной прелести. Шей мѣстныхъ ямщи-
ковъ и спины воздѣлывались нашими цивилиза-
торами съ такимъ усердіемъ, что если бы съ-
мена гражданскаго благоустройства насажда-
лись здѣсь столь же старательно, то Болгарія
теперь являлась бы на удивленіе всей Европѣ
по меньшей мѣрѣ Аркадіей.

— Это все пустые дома! щелкнулъ ямщикъ
кнутомъ на какія-то темныя, неопредѣленныя
очертанія, мерещившіяся направо и налево.

Только высокій минаретъ главной мечети Ру-
шукъ по какому-то особенному случаю былъ
ярко иллюминированъ площадями. Огоньки спи-
ралью точно взбѣгали вверхъ по его верхушкѣ,
которая во мракѣ этой ночи сіяла короной надъ
спящимъ городомъ.

Почтовые сообщенія были сданы русской
администраціей болгарскому княжеству почти
на 2000 верстъ разстоянія между различными
городами какъ придунайскихъ областей, такъ и
восточной Румелии. Такимъ образомъ изъ Ру-
шукъ шолъ почтовый трактъ на Филипо-
поль черезъ города и селы Трестеникъ, Вѣла,
Кочени, Тырново, Дрѣново, Габрово, Шипку, Ка-
занлыкъ, Малосело, Бая и Каратопракъ. Вилоть
почти до Трестеника, памятнаго мнѣ по октябрь-
скимъ воспоминаніямъ 1877 года, когда кру-
гомъ этого пункта гремѣли битвы и брошенная
хлѣбопашами земля обильно насыщалась кровью
остервенѣлыхъ бойцовъ, тянутся турецкія де-
ревни, незначительная часть населенія которыхъ
ушла за Балканы, а оставшіяся стойко держатся
системы насивнаго сопротивленія новымъ хри-
стіанскимъ властямъ. Въ туркахъ этой мѣ-
стности живетъ положительное убѣжденіе, что,
дни болгарскаго княжества сочтены, что, такъ
какъ принцу Александру султаномъ дарованъ
фирманъ, то султаномъ же можетъ быть и
отнять, что скоро, очень скоро свѣжіе таборы
анатолийскихъ войскъ, перейдя Балканы, явятся
и въ Рушукъ, предавая огню и мечу все бол-
гарское. Мулла Ходжа-Аметъ, не церемонясь,
высказалъ мнѣ, что не пройдетъ и года, какъ
христіанскіе храмы будутъ лежать въ развали-
нахъ, а болгарамъ, «какъ блуждающимъ исамъ»,
придется искать спасенія въ Румыніи или Россіи.
Мнѣ случилось проѣхать черезъ нѣсколько бро-
шенныхъ маленькихъ деревушекъ, но потомъ
оказалось, что это еще во времена управленія
Митхада-паши населеніе бѣжало отсюда въ го-
родъ отъ непосильнаго гнета воинской повин-
ности и поборовъ каймакамовъ, которыхъ не
могла сдерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ даже
железная воля валія. Вокругъ этихъ хуторовъ

посѣвы давно заглохли, сорная трава заволо-
дила мѣстности, еще недавно дававшія маисовыя
жатвы, а на мѣсто виноградниковъ перепле-
лась чаща «шума» — кустарниковъ, среди кото-
рыхъ колючки играютъ не послѣднюю роль.
Выселеніе въ городъ и въ крупныя села объяс-
нялось очень просто: города несли на поло-
вину менѣе рекрутской повинности, а богатые
села откупались отъ нея. Передъ этой войной,
во время усиленныхъ наборовъ въ нѣкоторыхъ
деревняхъ была взята подъ ружье почти вся
здоровая молодежь. Подати большимъ селамъ
выплачивать тоже было гораздо легче, ибо здѣсь
жадность запѣвѣвъ и сборщиковъ удовлетво-
рялась скорѣе и легче. Здѣшніе крестьяне-турки
во время войны заставляли болгаръ работать на
себя, свозить къ себѣ жатвы съ христіанскихъ
полей и вообще въ еще большей степени про-
должали ту систему грубаго насилія и грабежа,
которая вызвала войну. Двѣ или три деревни
только жили въ мирѣ съ болгарами; остальные,
фанатизированныя муллами, крали и силою уво-
дили дѣвушекъ, убивали христіанъ по дорогамъ,
что они дѣлаютъ впрочемъ и теперь, ибо мнѣ
самому, не доѣжая первой станціи Трестеникъ,
встрѣтился на шоссе лежащій поперекъ трупъ
только что зарѣзаннаго болгарина. По равно-
душію моего ямщика видно было, что подобныя
явленія здѣсь не рѣдкость. Онъ только провор-
чалъ сквозь зубы проклятіе на головы злыхъ
турокъ и не пріостановилъ даже коней.

Мѣстные турецкіе крестьяне замѣчательно
красивы, высоки, крѣпки, прекрасно сложены.
Отсюда лучшіе турецкіе солдаты. Въ послѣд-
нее время типъ этотъ еще болѣе улучшился, бла-
годаря асимиліямъ. Уже не говоря о томъ, что
мусульмане вводили къ себѣ красивѣйшихъ бол-
гарокъ, въ Рушукскомъ вилайетѣ было поселено
много черкесовъ и на ихъ дочеряхъ пережени-
лись богатѣйшіе земледѣльцы. Домашняя жизнь
турокъ въ деревняхъ чрезвычайно бѣдна. Бол-
гаринъ не прочь при случаѣ выпить, разумѣт-
ся, не допьяна, у него часты праздники; у него
есть гайда — родъ волюнки, свирко — свирѣль и
струнные инструменты, онъ любитъ плясать
свое хоро, у турокъ ничего подобнаго. Един-
ственное развлеченіе вынести коверъ подъ де-
рево въ тѣнь и разлечься, а затѣмъ по цѣлымъ
часамъ наслаждаться зрѣлищемъ облаковъ, бѣ-
гущихъ по знойному небу, листьямъ, слегка вздра-
гивающей, когда вѣтеръ, проснувшись на мгно-
веніе, дремотно скользитъ по высокимъ стеблямъ
кукурузы. Если при этомъ еще кто-нибудь по-
стукиваетъ въ бубенъ, да есть подъ бокомъ
кальянъ и кофе — турокъ совершенно доволенъ
и ничего лучшаго ему не надо. Сельскія кофей-
ни, въ которыхъ мнѣ случалось бывать, полны
тишиной даже и тогда, когда въ нихъ много на-
роду; солидные турки сидятъ себѣ, поджавъ но-
ги и ни слова. Даже новую чашку кофе за-
казываютъ знаками. Какая противоположность
съ шумными и веселыми кафанами болгаръ, гдѣ
во все горло идетъ всѣхъ интересующая и всѣмъ
поддерживаемая бесѣда, гдѣ слышится пѣсни
про старое доброе время, когда царь Шишманъ
бился съ невѣрными, гдѣ поетъ свирѣль и до
темной ночи молодежь пляшетъ и водить хоро-
воды. Въ обыкновенное время турецкій крестья-
нинъ очень добродушенъ. Онъ не обидитъ мухи,
не тронетъ путешественника, сочтетъ за обиду,
если вы предложите ему деньги въ уплату за
гостепріимство. Но тотъ же добродѣтельный ту-
рокъ, который сегодня принималъ и угощалъ
васъ завтра спокойно перерѣжетъ вамъ горло,
выйдя изъ мечети, гдѣ мулла, толкуя коранъ, по-
яснилъ ему, что истребить христіанъ дѣло угод-
ное и пріятное Аллаху. Нужно кстати пояснить,
что непріязнь между мусульманами и христіа-
нами кромѣ религіозныхъ поддерживалась и

экономическими причинами. Не смотря на насилие, грабежи, противозаконную, но все-таки часто практиковавшуюся турками барщину, когда цѣлые десятки согнанных въ мусульманскую деревню болгаръ работали на своихъ враговъ даромъ; не смотря на притѣсненія администраціи,—христіане богатѣли, обстраивались большими и хорошими домами, ежегодно къ накопленнымъ уже паричкамъ (деньгамъ) приобрѣтали новыя сбереженія, а турки въ тоже время бѣднѣли, истощались въ безплодныхъ усиліяхъ сравняться съ болѣе способной, изворотливой и образованной расой. Турокъ, трудящійся цѣлый день въ поляхъ, не выдерживаетъ соперничества съ болгаринѣмъ, напримѣръ, потому еще, что послѣдній, при случаѣ, сдѣлаетъ выгодный гешефтъ, купитъ дешевле, продастъ дороже, а у мусульманина ни на что изобрѣтательности не хватитъ. Разъ въ Дреновѣ турки-кушцы вырѣзали цѣлую улицу болгарскихъ купцовъ, потому что послѣдніе вытѣснили неспособныхъ къ коммерческой дѣятельности мусульманъ съ мѣстнаго рынка. Ремесленникъ-турокъ нуждался въ административной поддержкѣ, въ протекціонныхъ постановленіяхъ для того, чтобы работать тамъ, гдѣ были ремесленники-болгары. Первый не понимаетъ возможности цѣлый день протрутиться безъ кейфа, безъ апатическаго сидѣнія въ кофейнѣ часами, послѣдній—не сложить рукъ отъ зари до зари. Первый удовлетворится, заработавъ франкъ, послѣдній, если сможетъ, доколѣтитъ до десяти въ день. Первый равнодушно относится къ прогрессу своего ремесла, къ новымъ моделямъ, къ новымъ приѣмамъ и вообще всякія техническія усовершенствованія считаетъ дѣломъ труднымъ, болгаринъ-ремесленникъ, напротивъ, перейметъ сейчасъ-же, приспособится, добьется до возможнаго удешевленія затратъ на производство. Въ городахъ турецкихъ существовали цехи, куда удавалось проникать христіанамъ полноправными членами, но рѣдко. Эснафы (ремесленные общины) очень неохотно записывали въ свою среду болгаръ. Гораздо легче было проникнуть туда евреямъ, армянамъ, румунамъ. Старшины эснафовъ, такъ называемые—уста-баши, должны были непременно быть турками и мирволили туркамъ, шпиратъ—ученики признавались мастерами предпочтительнѣе, если они были мусульманами.

Дорога, которую мы проѣзжали темною ночью изъ Рушчука къ Трестенику, оказывалась прекрасной. Это еще митхадовское шоссе, только слегка подновленное и отремонтированное нами. Камень его, по словамъ моего ямщика, смоченъ слезами и кровью болгарскаго народа. Дѣло въ томъ, что весь путь сработали христіанскія руки, которыя для этого отрывались въ самое горячее время отъ полевыхъ занятій. Близъ Самотова даже поля остались неубранными, а въ Дженгеляхъ былъ настоящій голодъ. Стояли сюда всѣхъ безъ различія пола и состоянія. На работы приставляли женщинъ, стариковъ, сельскихъ и городскихъ учителей, поповъ. Обѣщали плату—не дали ничего. Даже не кормили работниковъ.

На западъ отсюда—Пиргосъ и Мечка. Тутъ конца не было битвамъ въ 1877 году. Начиная отсюда и до Балканъ, восточная армія хранила линіи р. Лома и далѣе, служа заслономъ для операцій главныхъ силъ нашихъ. Очень невидная и неблагодарная роль выпала тогда этому отряду. Дѣятельность его не шла на рекламу, не создавала блестящихъ, похожихъ на романъ реляцій, въ которыхъ военные беле-тристы обнаружили столько изобрѣтательности, фантазіи и таланта. Тутъ не давали повода къ сраженіямъ, гдѣ безплодно текла русская кровь. За то всякій разъ, какъ Сулейманъ задумывалъ прорваться, наша восточная армія отбрасывала

его обратно за р. Ломъ съ громадными потерями. Тутъ, не смотря на растянутасть линіи, умѣли сосредоточиваться и сосредоточивались во время, хотя были и отчаянные моменты, когда приходилось обезнечивать себѣ пути отступленія. По всему пути отъ Кадыкѳа до Трестеника едва-ли есть хоть одна лощина, хоть одинъ холмъ, гдѣ-бы не кипѣлъ бой, не умирали солдаты того и другого знамени, не лилась кровь. Когда разсвѣло и передо мною стали выясняться эти мягкія линіи пологихъ холмовъ и туманъ со дна лощинъ и овраговъ, съ пустынной рѣки словно задымился и разсѣялся подъ лучами солнца, мнѣ такъ и вспомнились тяжелые октябрьскіе дни. Вотъ это поле, гдѣ появились турецкія силы. Вотъ откуда онѣ двигались на насъ, осыпая противоположные берега цѣлымъ ливнемъ свинца, вотъ холмы, на которыхъ встрѣтились наши и ихніе, тутъ закипѣлъ бой, дорого стоившій и имъ, и намъ, вотъ крутые отвѣсы Лома, его скалы, гдѣ, словно змѣя, шипѣла и билась тогда, какъ шипитъ и бьется теперь рѣка, въ которую сверху бросались тѣ, которые смерть предпочитали плѣну... Вотъ этотъ горбатый мостъ, три раза переходившій въ наши руки и все-таки оставшійся за турками... Глаза искали даже кровавыхъ пятенъ на желтыхъ изломахъ поздраватаго песчанника, искали безотчетно тѣхъ труповъ, которые тогда лежали въ этихъ взмыленныхъ струяхъ... Вонъ тамъ былъ убитъ одинъ изъ близкихъ друзей, успѣвшій въ послѣднюю минуту только кинуть мнѣ свое прощаніе, а въ этой деревушкѣ, пріютившейся въ тѣснинѣ Лома, застрѣлъ батальонъ солдатъ, разстрѣливаемыхъ турками съ противоположнаго берега всякій разъ, какъ только они хотѣли подняться на этотъ... И сколько лицъ, которыхъ никогда уже не увидишь, сколько голосовъ, которыхъ никогда не услышишь, рисуетъ память!..

Гдѣ схоронены тѣла этихъ бойцовъ?..

А между тѣмъ кругомъ уже кипитъ новая жизнь, новыя жатвы встали на поляхъ, гдѣ въ остервенѣніи штыковаго боя вытаптывались богатые всходы, черныя головки, обугленные остовы домовъ затаило зеленую, ихъ и не увидишь на этомъ праздникѣ южной природы. И въ то же время, какъ у насъ «въ глубинѣ Россіи» все еще полнымъ-полно слѣдами войны—здѣсь ихъ и не отыщешь. Вотъ эти Иванъ Чифтликъ, Трестеникъ—тогда они были похожи на какія-то разрушенныя кладбища. Ни на одномъ домѣ не было кровель, заборы и изгороди были сожжены въ кострахъ, фруктовые деревья порублены туда же, ни одной скирды не золотилось подъ солнцемъ во дворахъ, которыхъ ничто не отдѣляло отъ улицъ, ни одного стога не было въ лугахъ, выѣденныхъ лошадьми казачьихъ и кавалерійскихъ полковъ. Самыя стѣны домовъ, оголенные, оббитыя отъ костровъ, раскладывавшихся внутри, трескались и падали, падали огрызками, лишенными всякой правильности. Въ ясныя лунныя ночи въ безлюдныхъ домахъ этихъ бѣгали одни только ящерицы. Виноградники пошли на солдатскія кухни, поля погибли... Теперь! Я глазамъ не вѣрю! Что за экономическая мощь у этого народа. Деревни отстроены заново. Чистенькія стѣны опрятныхъ кыштовъ блестятъ на солнцѣ, новенькія черепичныя кровли улыбаются вамъ издали, дворы обнесены каменными заборами, за которыми громадные и многочисленныя скирды золотыми шапками точно надвигаются на кровли домовъ. Въ амбарахъ—хлѣба до верху. Скота въ мѣстности, гдѣ бланіе овцы могло почестся чудомъ, ходятъ цѣлыя отары. Быки, буйволы, коровы, кони!.. На поляхъ новыя жатвы еще богаче прежнихъ, на склонахъ холмовъ, обращенныхъ къ солнцу, зеленѣютъ свѣжіе виноградники. Нѣтъ только одного пока—фруктовыхъ деревьевъ, вырубленныхъ нами, потому что ихъ

сразу не вырастешь. Все же, что могли сдѣлать деньги, упорный трудъ, сила воли—здѣсь сдѣлано... И еще разъ повторю—слѣдовъ войны здѣсь, въ этой наиболѣе пострадавшей тогда мѣстности, нѣтъ и помину... Нигдѣ—никакихъ!.. Заходилъ я въ дома—утвари въ изобиліи... Ковры, подушки. Надъ лощинами новыя постоянныя дворы, крытые тесомъ, въ селѣ новая большая школа!..

Обрѣтеникъ, Дамогила, Яли-Абланово—всѣ эти большія села, почти снесенныя съ лица земли во время войны, обстроились еще лучше, чѣмъ были до 1877 года, населеніе ихъ обогатилось за кампанію, продавая намъ хлѣбъ, сѣно и ячмень за страшно дорогую цѣну. Гдѣ эти голодные бѣженцы, которые тогда просили милостыню, гдѣ эти жалкія семьи, которыя, бывало, рыдали, приходя на свои разрушенныя дворы? Гдѣ эти несчастные, что въ однихъ рубахахъ бѣжали изъ дома, спасаясь отъ безпощаднаго ятагана распущенныхъ Сулейманомъ по селамъ баншибузковъ? Единственное воспоминаніе о войнѣ—кладбища, гдѣ подъ сѣрыми насыпями тихо спятъ наши солдатики; такихъ кладбищъ здѣсь много, очень много. Возлѣ каждого села выросли они и къ чести болгаръ нужно отнести то, что они съ величайшею заботливостью относятся къ нимъ. Ставятъ кресты тамъ, гдѣ ихъ не было, поддерживаютъ покосившіеся, окапываютъ могилы дерномъ. Еще воспоминаніе о войнѣ—кости сгнившихъ труповъ, встрѣчающіяся случайно въ шумѣ (кустарникѣ) вмѣстѣ съ лохмотьями истлѣвшей одежды и погонами, на которыхъ еще можно разобрать цифры нашихъ дивизій. Видимое дѣло—во время боя или были убиты, или смертельно ранены наши солдаты. Послѣ никто ихъ не отыскалъ, такъ и пропали безслѣдно.

Въ самыхъ домахъ этихъ селеній возвращавшіеся сюда владѣльцы находили порою трупы; въ другихъ деревняхъ улицы были запружены павшими конями. Болгары этой мѣстности собираются ставить памятники во имя освобожденія ихъ страны русскими, но только въ томъ случаѣ, если мы дадимъ имъ на это денегъ.

— Да у насъ денегъ нѣтъ вовсе! сообщилъ я имъ.

— Ну вотъ!.. недовѣрчиво улыбались братушки.

— Мы бѣднѣе васъ, гораздо бѣднѣе.

— Если бы были бѣднѣе,—не объявили бы войны туркамъ...

— Россія всегда покровительствовала намъ, она и теперь поможетъ намъ выстроить здѣсь православныя храмы, чтобы они съ своихъ колоколенъ свидѣтельствовали о томъ, какъ добръ, щедръ и великодушенъ русскій народъ, пояснилъ мнѣ, чуть-ли не въ Обрѣтеникѣ, болгарскій священникъ, никакъ не желавшій вѣрить въ оскуденіе денегъ у насъ,—у насъ, платившихъ по три серебряныхъ рубля за пудъ сѣна и по восьми за пудъ ячменя.

— Кто же васъ заставлялъ такъ дорого платить тогда?

— Братушки спрашивали такія цѣны.

— Вы могли приказать брать меньше. Могли даже даромъ... Нѣтъ, у васъ денегъ много, очень много.

Вѣроятно, на этомъ основаніи, хозяинъ кафаны передъ Трестеникомъ, онъ же и содержатель почтовой станціи, потребовалъ съ меня два франка за микроскопическую чашку кофе, причемъ пріѣзжавшій вмѣстѣ со мною изъ Рушчука въ Трново болгаринъ заплатилъ за то же самое 10 галагановъ, т. е. двѣ съ половиной копѣйки... Видимое дѣло—грабятъ по старому.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ Гейне. *)

Переводъ Мих. Шелгунова.

I. Угасла.

Спектакль оконченъ. Господамъ
Пора идти и по домамъ.
По вкусу-ль имъ произведеенье?
О да, я слышалъ одобренье.
Высокой публики привѣтъ
Былъ шумно выраженъ поэту,
Теперь погасъ здѣсь яркій свѣтъ
И шумъ покинулъ залу эту.
Но чу! со сцены вдругъ слышна
Какъ будто жалоба нѣмая;—
Знать, это лопнула струна
На скрипкѣ брошенной. Шныряя,
Толпы большихъ, противныхъ крысъ
Скребнутся въ креслахъ, межъ кулисъ,
Вездѣ прогорклый запахъ масла,
Чуть лампа свѣтится одна,
Но вотъ погасла и она.
Ахъ, то душа моя угасла.

II. У камина.

Свѣгомъ ночью непріютной
Всѣ дороги замело,
Здѣсь же, въ комнаткѣ уютной
Сухо, тихо и тепло.
Въ креслахъ кожаныхъ, мечтая,
Я сижу у камелька,
И шумитъ вода, вскипая,
Словно пѣснь издалека.
Подлѣ дремлетъ котъ, лѣнливо
Прикурнувшись у огня,
Огонекъ трещитъ игриво
И мечтаю чудно я.
Предо мной въ туманѣ встала
Позабитая пора,—
Блескъ и говоръ карнавала,
Роскошь прежняго двора.
Дамы смотрять такъ разумно,
Полны милой простоты,
А межъ нихъ, смѣясь безумно,
Скачутъ нестрые шуты.
Группы изваяній чудныхъ
Позади стоятъ стѣной
Межъ растений изумрудныхъ,
Озаряемыхъ луной.
Предо мной дворецъ мелькаетъ,—
Чары добрыхъ, сильныхъ фей—
На конѣ въ него въѣзжаетъ
Рыцарь съ свитою своей.
Перевитое тѣнями,
Все проходитъ предо мной;—
Вдругъ ушла вода ручьями,
Мокрый котъ вдругъ поднялъ вой.

III. На Гарденбергъ.

Пробудитесь, грезы дѣтства,
Чутко вамъ внемлю душой,
Пѣсни страсти, слезы скорби
Льются чудною рѣкой.
Проберусь я въ боръ сосновый,
Гдѣ ручьемъ бѣжитъ вода
По камнямъ, гдѣ скачутъ лани,
Слышно пѣніе дрозда.
Подымуся я на горы,
На утесъ взойду крутой,
Гдѣ сѣрѣетъ старый замокъ,
Облить утренней зарей.
Тамъ присѣвши, вспоминаю
Я о временахъ былыхъ,
О прошедшихъ поколѣньяхъ,
О житиѣ роскошномъ ихъ.

Но теперь травой то мѣсто
Поросло, гдѣ вызывалъ
Гордый мужъ на поединокъ
И храбрѣйшихъ повергалъ.
Плющъ обвился по балкону
Гдѣ слѣдила за борьбой
Побѣдившая героя
Взоромъ, чудною красой.
Ахъ, и рыцаря, и даму
Смерть скосила, наконецъ,
И сильнѣйшихъ побѣждаетъ
Этотъ доблестный боецъ.

IV. Юланта и Марія.

Эти дамы понимаютъ,
Какъ поэта принимать;
Я пришелъ, обѣдъ роскошный
Тотчасъ стали подавать.
Суть вполне былъ превосходенъ,
Вина лучшихъ погребовъ,
Дичь божественнаго вкуса
И различнѣйшихъ сортовъ.

(Къ роману «Волкъ».) Кнапвуретъ въ библіотекѣ.

За десертомъ объ искусствѣ
Мы наспорились втроемъ,
А затѣмъ благодарилъ я
Дамъ за милый ихъ приемъ.

V. Елена.

Ты вызвалъ чарами снова меня
Изъ темной, холодной могилы,
И пламя желанья зажегъ ты въ груди,
Не хватить унять его силы.
Устами прильни къ моимъ жаркимъ устамъ
Съ божественно сладкимъ дыханьемъ,
Дай выпить умершей всю душу твою
Своимъ ненасытнымъ лобзаньемъ.

Шарль Демальи.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ. Переводъ Н. Лѣтнева.

(Продолженіе.)

XV.

На другой день Марта получила отъ театраль-
ной дирекціи отпускъ, Шарль началъ уклады-
вать свои книги въ ящикъ.

— Ты забылъ, что говорилъ докторъ? сказала
Марта.

— Ба! возразилъ Шарль, — книги мнѣ помѣ-
шаютъ писать. Я беру ихъ для лѣнп, увѣряю
тебя.

Къ концу недѣли они поселились вблизи Сенъ-
Совѣра. Шарлю посчастливилось отыскать въ
окрестностяхъ уцѣлѣвшій флигель замка временъ
Людовика XIII, съ полуразрушенными башнями
и небольшимъ паркомъ.

Въ гамакѣ, перекинутомъ съ одного дерева
на другое, посреди алей, ведущей къ Сенъ, полу-
лежала Марта, касаясь одной ногой земли, а
другую качая въ воздухѣ. Она слушала съ раз-
сѣяннымъ и скучающимъ видомъ разговоръ Шарля
съ молодымъ докторомъ, сидѣвшимъ на зеленой
скамейкѣ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца
отражались на отпрыскахъ молодыхъ деревьевъ,
въ которыхъ слышалось веселое чрикание птицъ,
перекликавшихся на ночь другъ съ другомъ.

— Да, это правда, обратился докторъ къ
Мартѣ, — эти воды недавно открыты и
здѣсь нѣтъ ни одной живой души.... На-
прасно пускались въ ходъ всевозможныя
публикаціи, чтобъ привлечь пріѣзжихъ; ни-
кто не хочетъ и заглянуть сюда, кромѣ
одного нѣмецкаго семейства, да нѣсколь-
кихъ дамъ изъ Труа. Впрочемъ, мужъ вашъ
пріѣхалъ сюда не для развлечения, а для
лѣченія.. Къ несчастью, я единственный
докторъ здѣсь...

— Вы, вѣрно, рассчитывали на большую
практику? спросила Марта.

— Да, я рассчитывалъ на больныхъ, а
главное—на обширное поле наблюденія и
изслѣдованія. Здѣсь я надѣялся просвѣ-
титься и найти оружіе противъ болѣзни
вѣка.

— Въ самомъ дѣлѣ, докторъ, сказалъ
Шарль:—противъ болѣзни вѣка?

— О, я знаю, что медицина не при-
знаетъ этого. Она считаетъ эту болѣзнь
повтореніемъ индивидуальныхъ случаевъ,
отъ которыхъ надо просто лѣчить, какъ
отъ обыкновеннаго истощенія организма.
Я же напротивъ считаю, что это особая
форма страданія, специально присущая
поколѣнію XIX вѣка. Это преимущественно
болѣзнь жителей столицъ и отъ нея
зависитъ здоровье будущихъ поколѣній,
потому что отъ сильныхъ родятся силь-
ные... Всмотритесь: отъ вольной жизни на
воздухѣ современное поколѣніе перешло
къ жизни сосредоточенной, сидячей,—жиз-
ни при газовомъ освѣщеніи, съ искусствен-
нымъ питаніемъ, словомъ, къ низверженію
нормальныхъ условий гигиены. Вотъ вы ку-
рите...

Табакъ—это тоже врагъ здоровья; впро-
чемъ, кто знаетъ... можетъ быть, это и противо-
ядіе, дѣйствіе котораго намъ еще неизвѣстно.
Наука должна стать лицомъ къ лицу съ новой
болѣзнью. Нужно найти паллятивъ, противо-
ядіе, лѣкарство; должны же они существовать
противъ отравы современной жизни, противъ ея
ненормальныхъ условий... Наука должна чѣмъ-
нибудь уравновѣситъ вредъ, наносимый здоровью
этимъ пренебреженіемъ всѣхъ законовъ гигиены...

— И вы ищете этого противоядія, докторъ,
въ лѣченіи водами? улыбаясь, сказалъ Шарль.

— Да и нѣтъ. Абсолютно — нѣтъ. Но кромѣ
введенія желѣза въ кровь онѣ заключаютъ въ
себѣ два главныхъ условія, которыя я считаю
дѣйствительными отъ малокровія: питаніе и мо-
ціонъ, то есть отдыхъ и движеніе крови...

— Это ваша система, докторъ?

— Да, это моя система. Мнѣ нужно узнать
въ точности, какъ и чѣмъ могу я возобновить
ослабѣвшій организмъ, какъ сдѣлать изъ моего
больного—человѣка съ спокойнымъ кровообра-

*) Изъ помѣщаемыхъ стихотвореній I и V взяты
изъ «Книги Скорби» (Lazarus), II изъ Romanzero,
III изъ «Книги Пѣсенъ» изъ цикла «На Гарцѣ» и
IV изъ «Новыхъ Стихотвореній».

ПАРИЖСКІЙ САЛОНЪ 1879 ГОДА.
КАРТИНА Е. РИХТЕРА.

Чаша и уста. (Сцены А. Мюссе.)
По фотографіи Ленадра; рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

щеніемъ, аппетитно кушающаго въ опредѣленные часы и съ вѣчно веселымъ настроеніемъ духа... Всякій здоровый человѣкъ непременно веселъ. Да, медицинѣ нельзя терять времени; нервная система такъ потрясена теперь, какъ никогда не была прежде. Стремленіе къ комфорту, къ наживѣ, къ роскоши, безграничная конкуренція во всемъ, производятъ чрезмѣрную растрату способностей и силъ человѣка. Дѣятельность каждаго, начиная сверху до низу социальной лѣстницы, удвоена, утроена, удесятрена. Всѣ мы въ какомъ-то лихорадочномъ возбужденіи, включая и нашихъ дѣтей, которыя развиваются преждевременно, какъ тепличныя растенія... Это движеніе нездоровое, ненормальное, почти кризисъ въ духовной части нашего организма. Ну вотъ! я опять поѣхалъ на своемъ конькѣ... Тѣмъ хуже для васъ! вы сами меня вызвали на этотъ разговоръ...

— Напротивъ, докторъ, сказалъ Шарль: — я слушаю васъ съ большимъ интересомъ. Прошу васъ, продолжайте... Я еще ни отъ кого не слышалъ подобныхъ сужденій...

— Говорятъ, что я преувеличиваю... Согласенъ! Но возьмите всѣхъ тѣхъ, у которыхъ мозгъ вѣчно натянутъ, вѣчно, неустанно работаетъ въ какомъ бы то ни было направленіи, стремится-ли онъ къ славы или къ наживѣ—все равно; возьмите банкировъ, аферистовъ, государственныхъ людей, возьмите артистовъ, возьмите литераторовъ, классъ, на который уже во времена Цельзія обращено было вниманіе патологій... Знаете-ли, что ожидаетъ этихъ людей, — людей, почти исключительно живущихъ одними умственными впечатлѣніями... Они не обращаютъ вниманія на тѣло, какъ на какую-нибудь негодную ветوشь, а между тѣмъ оно заявляетъ свои права и рано или поздно наступаетъ неумолимая расплата. Знаете-ли, какое зло привито къ нынѣшнему вѣку, — вѣку, поглощающему людей, вещи, цѣлыя состоянія, ниспровергающему порядки, системы, разбивающему въ прахъ славу и надежды?.. Это зло—анемія, малокровіе и ея послѣдствія: чахотка легкихъ, желудочный ракъ, сумасшествіе. Но и тутъ многіе изъ моихъ собратій возстанутъ противъ меня и не признаютъ моихъ причинъ за настоящія. Они будутъ добросовѣстно изучать, анализировать по мемуарамъ заслуженныхъ ученыхъ, всѣ разнообразныя вліянія излишествъ алкоголя, наслѣдственности, нищеты и прочее. Отъ нихъ не ускользнетъ ни одна изъ матеріальныхъ причинъ, но въ сферѣ нравственныхъ они окажутся глухи и слѣпы и будутъ отрицать все, до чего не коснется ихъ скальпель. А между тѣмъ въ этихъ нравственныхъ ощущеніяхъ и впечатлѣніяхъ, не имѣющихъ ни вѣса, ни специфической оболочки, заключается цѣлая пропасть или лучше сказать цѣлый міръ для изслѣдованія! И притомъ недостаточно быть врачомъ, — надо быть врачомъ и священникомъ вмѣстѣ; надо получить отъ больного исповѣдь полную, откровенную, безъ изыатія, безъ оговорокъ. И тогда можно было бы написать книгу на великую тему: О вліяніи нравственныхъ причинъ на физическія отпаденія человѣческаго организма. О чемъ, бишь, я говорилъ?.. Да, о напряженной работѣ ума... Что такое усиленная, напряженная, умственная дѣятельность? Сгораніе крови, огонь, пожирающій составъ человѣческаго тѣла и оставляющій по себѣ только пепелъ... Подмазка, пускающая въ ходъ всѣ эти элементы, и есть самая драгоценная эссенція питанія крови. И вотъ анемія распространяется повсюду; это положительный фактъ. Начинается вырожденіе типа... Восходя отъ частнаго къ общему, мы видимъ вырожденіе царственныхъ расъ въ концѣ династій. Видѣли вы въ Луврѣ испанскихъ королей? Какое истощеніе старой крови!.. Быть

можетъ, эта самая болѣзнь была причиной паденія Римской имперіи... Впрочемъ, тогда были ресурсы... Если общество погибало истощенное съ физиологической точки зрѣнія, ему на помощь являлось вторженіе варваровъ, переливавшее въ его жилы молодую, бодрую кровь Геркулесовъ. Но кто же спасетъ міръ отъ анеміи XIX вѣка? Развѣ черезъ нѣсколько вѣковъ вторженіе свѣжихъ силъ въ общество?..

— О докторъ, что за мысль! сказала Марта.

— Извините сударыня, я крестьянинъ и сынъ крестьянина... Съ десятью «су», которыми я прокармливался въ Парижѣ, мнѣ не на что было выучиться фразамъ, которыя бы не шокировали женщинъ. Признаюсь, я предпочиталъ отдавать два су изъ десяти моему привратнику для того, чтобы онъ будилъ меня каждое утро въ три часа. Докторъ всталъ.

— Останьтесь докторъ, поговоримъ еще, сказалъ Шарль. — Почему же вы ничего не достигли со всѣмъ вашимъ хотѣніемъ?

— Почему я ничего не достигъ? Взгляните на меня... Похожъ я на доктора свѣтскихъ гостиныхъ?.. Нѣтъ. Ну! вотъ вамъ и причина. Однако, мнѣ еще нужно побывать сегодня въ Виллатро. Ахъ да, кстати, моя лодка къ вашимъ услугамъ!.. Утомляйте себя больше, дѣйствуйте руками и ногами. Остерегайтесь только вечерней сырости. Машина хороша и я берусь возобновить вамъ кровь, если только вы захотите сдѣлаться крестьяниномъ на нѣсколько мѣсяцевъ... А главное, бросьте на время всякое умственное занятіе!

XVI.

— Шарль!

— Гм!

— Куда мы пойдемъ гулять сегодня вечеромъ?

— Къ Четыремъ Угламъ, если хочешь...

— Къ Четыремъ Угламъ? Чѣмъ они такъ хороши?

— Такъ... для прогулки... Или не хочешь-ли на ферму Пигго?

— Тамъ, гдѣ мы были третьяго дня?

— Да.

— Здѣсь мало окрестностей... Что это за деревня... тамъ, наверху... ты не знаешь?

— Нѣтъ, не знаю...

— Тамъ звонятъ колокола цѣлый день...

— Да это правда.

— Покачай меня... Не такъ высоко, негодный... вотъ такъ... потише... Я нахожу, что гамакъ усыпляетъ, а ты?

— Да, онъ убаюкиваетъ.

— Знаешь этотъ домъ, что насъ такъ занималъ... съ закрытыми окнами, мимо котораго мы все проходимъ... Софи мнѣ сказала, что тутъ живутъ старыя дѣвицы аристократической фамиліи. Что ужъ есть 12 часовъ?

— Даже болѣе.

— Почтабонъ приходитъ въ 11?

— Да въ 11, въ половинѣ 12... Ты ждала чего-нибудь?

— Да, ждала и не ждала... Кому ко мнѣ писать? Отъ мама я получу письмо черезъ два дня, я полагаю... Какъ ты думаешь, можно найти берлинской шерсти въ Труа?

— Ты это спрашиваешь у меня? Я думаю, можно...

— Такъ не стоитъ выписывать изъ Парижа?

— Развѣ ты не взяла съ собой работы?

— Нѣтъ, я было думала... потомъ забыла...

— У меня есть книги, если хочешь читать.

— Да, когда-нибудь... вотъ завтра напомни мнѣ попросить у тебя...

Гамакъ качался все медленнѣе и, наконецъ, остановился. Шарль не думалъ начинать разговора. Марта, лежа въ гамакѣ, закинувъ руки за голову, смотрѣла вверхъ.

— Ахъ! облако! вскрикнула Марта.

— Прости меня, моя бѣдняжка, сказалъ Шарль: — ты скучаешь и все по моей винѣ...

— Я скучаю? Отчего мнѣ скучать?

— Оттого, что ты все одна... у тебя нѣтъ развлеченій и другого общества кромѣ моего, довольно скучнаго общества больного...

— О, Боже мой, общество! какъ будто бы... Съ тѣхъ поръ какъ я замужемъ, развѣ я къ тебѣ приставала, чтобы выѣзжать на вечера, на балы, скажи? Я ѣхала сюда не для выѣздовъ и не для веселья; доказательство того, что я взяла съ собой только двѣ шляпы... Уже по этому одному ты можешь видѣть.

— Но я не говорю ничего, милая. Только такъ какъ здѣсь настоящая трущоба, то я боюсь, чтобы ты не соскучилась, и очень жалѣю.

— Твое здоровье прежде всего, сказала Марта сухо.

Чрезъ нѣсколько минутъ у Шарля вырвалось:

— Какая ужасная погода сегодня!

— Право, я не нахожу, другъ мой, ты преувеличиваешь.

— Ты не находишь, что сегодня духота, расслабляющій жаръ?..

— Ты боленъ, другъ мой, у тебя нервы...

Съ этого дня къ скучающему виду Марта присоединила еще противорѣчіе постоянное, упорное, безъ перерыва, въ особенности раздражавшее своимъ лицемѣрно кроткимъ тономъ, терпѣливымъ упрямствомъ и наружнымъ состраданіемъ къ болѣзненному состоянію Шарля. Она противорѣчила Шарлю во всемъ и притомъ съ видомъ мученицы, идущей на смерть; все подавало ей поводъ къ противорѣчію: вкусъ цѣлебныхъ водъ, оттѣнокъ цвѣтка, качество говядины, вышина дерева, словомъ все, что они видѣли, пили, ѣли, дѣлали и думали. Наконецъ, истощивъ всѣ причины, Марта дошла до того, что начала споры изъ за грамматическихъ ошибокъ и правилъ правописанія, вызывая Шарля на пари. Для человѣка больного и нервнаго, какъ Шарль, это казалось пыткой, равняющейся каплѣ воды, равномерно падающей на его голову и нарочно для него изобрѣтенной женщиной, не знающей, куда дѣваться отъ скуки.

— Марта, я взялъ пьянино на прокатъ. Завтра утромъ оно будетъ перевезено, сказалъ Шарль въ одинъ вечеръ.

— Пьянино? но я обходилась и безъ него.

— А теперь не будешь обходиться.

Разговоръ упалъ. Черезъ нѣсколько минутъ Марта начала:

— Докторъ пересталъ къ намъ ходить. А то все бывало норовить къ завтраку или къ обѣду.

— Ты видишь, что онъ приходилъ не для того, такъ какъ онъ болѣе не ходитъ.

— Можетъ быть, для тебя онъ былъ интересенъ, но для женщинъ, согласись, онъ говорилъ только о медицинѣ и о такихъ ужасныхъ вещахъ...

— Докторъ, который говоритъ только о медицинѣ! да, ты права, милая!

Марта углубилась въ кресла и начала поводить пальцами по ручкамъ.

— Послушай, милая, сказалъ Шарль: — ты такъ скучаешь, что я весь къ твоимъ услугамъ. Когда ты захочешь и лишь только захочешь, мы вернемся въ Парижъ.

— Нѣтъ, другъ мой, мы не уѣдемъ. Я не хочу уѣзжать. Я останусь здѣсь все время, пока тебѣ нужно... Прежде всего твое здоровье, — это моя обязанность. Ахъ, я забыла тебѣ сказать... мама мнѣ пишетъ, она тебѣ кланяется. Бѣдная мама! мы никогда не были такъ долго въ разлукѣ.

— Ты знаешь, что я предоставилъ на ея волю ѣхать съ нами, она сама не захотѣла.

— Это оттого, что она боялась...

Тутъ Марта остановилась.

— Ну, договаривай. Я люблю, чтобъ все было ясно. Чего она боялась?

— Она просто боялась стѣснить тебя, другъ мой. Ты сейчасъ принимаешь такой тонъ... я ничего не смѣю сказать тебѣ теперь. Ты перетолковываешь всѣ мои слова... ты, вѣрно, дурно спишь. Ты не можешь себѣ представить, бѣднѣшка, какъ ты перемѣнился, какой у тебя сдѣлался характеръ, съ тѣхъ поръ какъ ты боленъ!

— Это оттого, что я очень страдаю, Марта. И Шарль, считая себя виноватымъ и желая загладить свою вину, всталъ поцѣловать Марту.

— Ахъ, я знаю. Это сильнѣе тебя. По счастью, мой милый, я начинаю привыкать...

Эти слова остановили Шарля и онъ снова взялся за книгу. Марта тоже.

— Угадай, сказала она, отложивъ книгу:—въ какомъ часу мы легли вчера?

— Не знаю. Въ девять часовъ?

— Нѣтъ, въ половинѣ девятого.

— Неужели?

— Да, я смотрѣла на часы.

Она снова принялась за чтеніе. Минуту спустя, она обратилась къ мужу:

— Шарль, тебѣ не наскучила эта книга?

— Это превосходно написано.

— А! она взяла книгу и тотчасъ отложила. — Какой сегодня день?

— Сегодня?... суббота.

— Нѣтъ... Какое число?

— 14 сентября.

— Мы выѣхали изъ Парижа... это выходитъ ровно 21 день... Какъ время тянется! вздохнула она съ покорностью отчаянія.

Шарль повернулъ ручку двери.

— Куда ты идешь, мой другъ?

— Выкурить сигару на воздухъ.

XVII.

Супруги пашли развлеченіе: катанье на лодкѣ. Въ полдень они сѣли въ лодку, Марта напередѣ, въ большой соломенной шляпѣ, надвинутой на глаза; Шарль, стоя сзади, управлялъ рулемъ. Лодка скользила безшумно по цѣлымъ часамъ. Въ этотъ часъ дня рѣка ослѣпительно сверкала на солнцѣ, взглядъ, шурясь отъ свѣта, съ трудомъ слѣдилъ за огненной бороздой, прорѣзываемой лодкой. Вода, казалось, пѣла. Ей вторилъ трепетный шелестъ деревьевъ. Вдали, по обѣимъ сторонамъ рѣки, на пригоркахъ, зеленѣли виноградники, оглашаемые веселыми криками рабочихъ. Вся природа ликовала и, какъ веселый приѣзъ, эхо доносило до лодки стукъ молотковъ виноградарей по пустымъ бочкамъ.

Они плыли и видъ рѣки, и берега измѣнялись на каждомъ шагу. То они огибали небольшія бухты, усыпанные желтымъ пескомъ, то массы зелени, легкія, прозрачныя, облитыя солнцемъ, изъ которыхъ поминутно вылетали птицы цвѣту ланисъ-лазури, какъ бы перекидывая съ одного берега на другой воздушный мостъ своимъ полетомъ. Они миновали изгородь дикаго шиповника, испещреннаго коралловыми ягодами, и линію стройныхъ тополей, отражавшихся въ водѣ. Рѣка все суживалась и въ тѣни деревьевъ царствовалъ глубокій, таинственный полумракъ, за предѣлами котораго яркое солнце снова освѣщало сверкающіе дуга, золотило деревья, набрасывало фіолетовыя тѣни на пригорки.

— Посмотри, говорила Марта, указывая Шарлю на устье источника, мрачное и глубокое, какъ отверстіе наклоненной урны въ рукахъ наяды. Рама пейзажа выступила отъ этого еще рельефнѣе и Марта не успѣвала любоваться всѣмъ, что видѣла. Взглядъ ея скользилъ то за тысячами рыбокъ, разсыпанныхъ по рѣкѣ, какъ булавочныя головки, то за листкомъ тополя, уноси-

мымъ теченіемъ, то за водянымъ паукомъ, барахтающимся посреди круговъ, все расширявшихся вокругъ него.

— Осторожнѣй, толчокъ! кричитъ Шарль. Они наѣхали на высохшій тополь, возвышавшійся надъ водой, точно скелетъ. Лодка повертывается, снова разстилается скатертью голубая поверхность, солнце дрожитъ и переливается въ ней, какъ огромный, огненный столбъ.

— Смотри, смотри скорѣе!

И оба, наклонившись, разсматриваютъ, какъ дѣти, графинъ, пробитый съ одного конца, который мальчики пускаютъ въ воду, чтобъ наловить мелкихъ рыбокъ. Только одно бѣловатое пятно обозначаетъ на поверхности стекло графина. Пробка изъ картофеля отливаетъ соломеннымъ цвѣтомъ, а внутри мелькаютъ серебристыя струйки—живые плѣнники стеклянной тюрьмы. Когда Шарль и Марта подняли голову, имъ показалось, что они перенеслись въ волшебные сады «Тысячи одной ночи». Посреди блестящаго солнечнаго освѣщенія въ каждой чашечкѣ цвѣтка, казалось, горитъ лампа. Это желтыя и пунцовыя даліи сверкали на солнцѣ, отнесенныя вѣтромъ изъ городскихъ садовъ и плавающихъ по водѣ. Вотъ они уже въ виду городского сада, у того мѣста, гдѣ моютъ бѣлье, а вотъ передъ ними и городъ съ своими церквями и балконами, выходящими на рѣку.

Лодка повертывается. Они плывутъ обратно. Тѣнь окутываетъ деревья. Зеленъ, отражающаяся въ водѣ, блѣднѣетъ и исчезаетъ. Тростниковыя пучки тонутъ въ фіолетовомъ туманѣ. Поверхность рѣки принимаетъ зеленоватые оттѣнки. Нѣтъ болѣе блеска и ликованья, все подергивается тусклымъ туманомъ за исключеніемъ верхушекъ тополей, еще позлащенныхъ солнцемъ и отражающихся въ потускнѣвшемъ зеркалѣ рѣки. Наступаетъ благоговѣйное безмолвіе. Все смолкаетъ, даже шелестъ деревьевъ и журчанье воды, слышенъ только скрипъ оси въ телѣжкѣ по дорогѣ, окутанной тьмой. Пригорокъ надъ городомъ представляется въ видѣ стѣны темно-фіолетоваго цвѣта. Небо блѣдно-зеленое, потомъ розовое, переходитъ мало-по-малу въ голубой цвѣтъ надъ головами Марты и Шарля. Мракъ набрасываетъ на воду свинцовое покрывало, въ которомъ отражается рогъ молодого мѣсяца.

Катанья на лодкѣ вскорѣ прискучили. «Все тоже и тоже!» говорила Марта и принялась еще усерднѣе скучать, драпируясь своей скукой, какъ мантией, и выставляя ее на показъ съ чисто женскимъ искусствомъ. Все было пущено въ ходъ: и неподвижныя позы по цѣлымъ часамъ, и всепоглощающая задумчивость, и молчаніе, и какъ бы внезапный испугъ при вопросахъ,—испугъ, превосходно разыгранный. Она, впрочемъ, объявляла, что она очень довольна, очень счастлива, очень весела даже, и рѣшительно отказывалась уѣхать изъ Сенъ-Совѣра до конца лѣтняго мужа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вчера и сегодня.

Стих. С — наго.

Вчера было въ небѣ такъ ясно,
Такъ веселъ былъ солнечный день,—
Меня же тоска безотвязно
Терзала, томила весь день.

Сегодня день цѣлый ненастье,
И дождикъ, и темень кругомъ,—
А я улыбаюсь отъ счастья
И радостно въ сердцѣ моемъ.

Волкъ.

Романъ Эрмана-Шатриана. Переводъ М. Минутъ.

(Продолженіе.)

Глава IV.

Единственное окно башни яснило отъ занимающагося дня, когда я былъ разбуженъ отдаленными звуками охотничьяго рога. Ничего не можетъ быть печальнѣе этихъ звуковъ особенно на разсвѣтѣ, когда ни одинъ вздохъ, ни малѣйшій шумъ не нарушаетъ тишины уединенія; особенно послѣдніе, протяжные звуки, которые, разносясь по обширной долигѣ, будятъ далекое эхо горъ; въ нихъ есть какая-то поэзія, трогающая за сердце. Опершись локтемъ на свое ложе, я слушалъ эти жалобные звуки, вызывая воспоминанія феодальной жизни. Суровости моихъ мечтаній соответствовалъ вполнѣ видъ моей комнаты, этотъ низкій, мрачный, подавляющій сводъ, старинное логовище нидексаго волка, и это окошечко съ тусклыми стеклами, глубоко вдавшееся въ стѣну, вырѣзанное полукругомъ больше въ ширину, чѣмъ въ вышину... Я быстро всталъ и поспѣшно распахнулъ окно. Мнѣ представилось зрѣлище, которое трудно передать, зрѣлище, которымъ наслаждается каждое утро смѣлый орелъ высокихъ альпъ: горы, горы и горы... неподвижныя волны, сливающимися и исчезающія въ далекихъ туманахъ Вогезовъ; громадные лѣса, озера, обворожительные горные хребты, выдѣлялись своими рѣзкими очертаніями на блѣдномъ фонѣ покрытыхъ снѣгомъ долинъ, а за всѣмъ этимъ—безконечность!

Какой восторгъ достаточно могъ выразить подобное зрѣлище! Я онѣмѣлъ отъ очарованія этой картины. При каждомъ взглядѣ являлись новыя красоты: поселки, фермы, деревни, казалось, выдѣлялись въ каждомъ углубленіи почвы; достаточно было взглянуть и являлось все новое!

Я стоялъ такъ съ четверть часа, какъ вдругъ на мое плечо легла чья-то рука; я обернулся, меня привѣтствовали спокойное лицо и тихая улыбка Гедеона:

— Доброе утро, Фрицъ!

Потомъ онъ облокотился на камень возлѣ меня, покуривая свою трубочку. Онъ протянулъ руку въ пространство и сказалъ:

— Смотри, Фрицъ, смотри... ты долженъ любить такіе виды, дитя Шварцвальда! Посмотри-ка внизъ, туда гдѣ Пустая скала... видишь? Вспомни Гертрудъ?... О, какъ это все далеко!

Сперверъ отеръ слезу. Что я могъ ему отвѣтить?

Мы долго такъ стояли, созерцая и умиляясь такимъ величьемъ. Иногда старый охотникъ, видя, какъ я устремлялъ взоръ на какую-нибудь точку горизонта, говорилъ мнѣ:

— Это Вальдгорнъ, это Тифенталь! Видишь, Фрицъ, это потокъ Штейнбаха; онъ безъ движенія, онъ повисъ ледяными узорами на склонахъ Гарберга: это какъ зимній плащъ! А вонъ тамъ, эта тропинка ведетъ въ Фрибургъ; раньше двухъ нѣдель мы ее и не отыщемъ.

Такъ прошло больше часу. Я не могъ оторваться отъ этого зрѣлища. Нѣсколько хищныхъ птицъ, сновали вокругъ башни; цанли тянулись вереницей, задрѣвая другъ друга когтями при быстротѣ полета.

На небѣ ни облачка, весь снѣгъ лежалъ на землѣ. Охотничій рогъ прозвучалъ послѣдній разъ въ горахъ.

— Это мой пріятель Себальдъ заливается, сказалъ Сперверъ, — онъ хорошій знатокъ въ собакахъ и въ лошадяхъ и первый трубачъ въ Германіи. Послушай-ка, Фрицъ, какъ это нѣжно!.. Бѣдный Себальдъ! онъ скучаетъ со времени болѣзни графа, онъ вѣдь не можетъ охотиться по прежнему. Въ этомъ теперь все его утѣшеніе: каждое утро, раннимъ ранехонько онъ подни-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ БЕРТЫ ЗИГЪ.

Юлія Капулетъ. (Шекспиръ.)
Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“ г. Діаментовскаго.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ ПЕТРА СОКОЛОВА.

Ночлегъ.

Рисано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“ г. Діаментовскаго.

мается на Альтенбергъ и наигрываетъ любимыя пѣсни графа. Онъ думаетъ, что это можетъ его выдѣлать!

Сперверъ, съ тактомъ человѣка, чувствующаго наслажденіе природой, не прерывалъ мое созерцательное состояніе духа; но когда, насладившись этой панорамой, я обернулся, онъ сказалъ мнѣ:

— Фрицъ, все благополучно, у графа не было припадка.

Эти слова вернули меня къ дѣйствительности.

— А, а, тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!

— Этимъ онъ обязанъ тебѣ, Фрицъ.

— Какъ мнѣ? я ему ничего не прописывалъ!

— Это все равно, ты былъ тамъ!

— Ты шутишь, Геденъ; что значитъ мое присутствіе, когда я ничего не прописываю больному?

— То, что ты ему приносишь счастье.

Я посмотрѣлъ ему въ глаза; вѣтъ, онъ не смѣялся.

— Да, ты приносишь счастье, Фрицъ. Въ прежніе годы у графа одинъ припадокъ быстро слѣдовалъ за другимъ. Ты остановилъ это, ты помогъ, это ясно!

— Не совсѣмъ, Сперверъ; я напротивъ нахожу, что это очень туманно.

— Въ каждомъ возрастѣ приходится учиться. Знай, Фрицъ, что на свѣтѣ есть люди, приносящіе добро или зло. Напримѣръ, Кнапвурстъ приносить мнѣ несчастье. Каждый разъ когда я его встрѣчаю, отираясь на охоту, я увѣренъ, что со мной что-нибудь случится; съ ружьемъ осѣчка, я упаду, которая-нибудь изъ собакъ распоретъ себѣ брюхо... Однимъ словомъ, что-нибудь да случится. Зная это, я стараюсь убраться пораньше, пока плутъ, сияющій, какъ сурокъ, еще дрыхнетъ; или, наконецъ, я удираю другимъ ходомъ, подземнымъ; ну, понимаешь теперь?

— Понимаю, но твое мнѣніе мнѣ кажется страннымъ, Геденъ.

— Фрицъ, продолжалъ онъ, не слушая меня, — ты добрый и славный малый; небо ниспослало на тебя благословеніе свыше; довольно посмотрѣть на твое доброе лицо, видѣть твой открытый взглядъ, веселую улыбку, чтобы развеселиться... наконецъ, ты приносишь счастье людямъ, это вѣрно... я всегда это говорилъ и въ доказательство... сказать тебѣ развѣ?

— Конечно, я не прочь узнать свои скрытыя добродѣтели!

— Ну, сказалъ онъ, схвативъ меня за руку, — смотри!

Онъ указалъ мнѣ холмъ на разстояніи двухъ выстрѣловъ.

— Видишь скалу, занесенную свѣгомъ, съ кустарникомъ влѣво?

— Отлично вижу.

— Посмотри кругомъ, ты ничего не видишь?

— Нѣтъ.

— Ну, очень просто, ты отогналъ Чуму. Каждый годъ при вторичномъ припадкѣ ее видятъ тамъ. Ночью она зажигала огонь, грѣлась и варила коренья. Проклятіе! Сегодня утромъ первымъ дѣломъ я вскарабкался сюда. Я влѣзъ на сигнальную башню, смотрю — вѣтъ старой вѣдьмы! Напрасно я всматривался и вправо, и влѣво, и вверхъ, и внизъ, и въ долину и на гору, нигдѣ вѣтъ! Она тебя почуяла, это вѣрно!

И добрякъ восторженно объялъ меня, восклицая:

— О Фрицъ, Фрицъ... какъ хорошо, что я привезъ тебя сюда... Воображаю, какъ старуха мучилась, ха, ха, ха!

Признаюсь, я былъ пристыженъ своими заслугами, которыхъ не сознавалъ до сихъ поръ.

— И такъ, Сперверъ, спросилъ я, — графъ хорошо провелъ ночь?

— Очень хорошо!

— Ну, такъ все къ лучшему, сойдемъ!

Мы снова перешли паранетъ и я могъ лучше рассмотреть этотъ переходъ: его оплоты были надежной вышины, они тянулись съ вершины скалы до самой долины. То была лѣстница между пропастями, лежащими однѣ надъ другими.

Когда я посмотрѣлъ туда, у меня занялся духъ; быстро отойдя на середину площадки, я торопливо вошелъ въ галерею замка.

Мы со Сперверомъ уже прошли обширные коридоры, когда на нашемъ пути оказалась высокая, раскрытая настежь дверь; я взглянулъ туда и увидѣлъ на самомъ верху двойной подвижной лѣстницы маленькаго гнома Кнапвурста, который такъ меня поразилъ вчера. И самая комната привлекла мое вниманіе своимъ величіемъ: то была зала архива Нидека, высокая, мрачная, пыльная, съ большими створчатыми окнами съ потолка до самаго почти пола. Тамъ на обширныхъ полкахъ стараніями прежнихъ абатовъ были разложены не только документы, бумаги генеалогическаго древа Нидека, подтверждающіе ихъ права, союзы и отношенія къ знаменитѣйшимъ фамиліямъ Германіи, но и всѣ хроники Шварцвальда, сказанія древнихъ минезенгеровъ и большія сочиненія in-folio изъ печати Гутенберга и Фауста, столько же почтенныя по своему происхожденію, какъ и по солиднымъ переплетамъ! Большія тѣни, покрывая холодныя стѣны своими сѣроватыми оттѣнками, вызвали воспоминанія о старинныхъ средневѣковыхъ монастыряхъ, и этотъ гномъ, сидя на самой верхушкѣ лѣстницы съ огромнымъ томомъ съ краснымъ обрѣзомъ на своихъ косоплечныхъ колѣняхъ, съ головой, закутанной въ мѣховую шапку, съ сѣрыми глазами, съ приплюснутымъ носомъ, отвѣсивъ въ задумчивости губы, съ широкими плечами, съ тощими членами, съ круглой спиной, казался присущимъ этой залѣ, этому послѣднему пристанищу науки Нидека. Но истинно историческое значеніе этой залѣ архива придавали фамильные портреты, занимая одну изъ стѣнъ старой бібліотеки. Тутъ было мужское и женское поколѣніе отъ Гуго-волка до Іери-Ганса, настоящаго графа, съ грубаго наброска варварскихъ временъ до превосходнаго творенія знаменитѣйшихъ мастеровъ нашего времени. Естественно мои взгляды приковались къ этому зрѣлищу. Гуго 1-й съ лысой головой, казалось мнѣ, смотрѣлъ на меня, какъ волкъ, выбѣжавшій изъ лѣса. Его сѣрые, налитые кровью глаза, рыжая борода и широкія волосатые уши придавали ему такой хищный видъ, что онъ пугалъ меня. Рядомъ съ нимъ, какъ ягненокъ рядомъ съ дикимъ звѣремъ, висѣлъ портретъ молодой женщины; глаза были кротки и печальны, лобъ высокій, руки сложены на груди и держали книгу, волосы, бѣлокурые, густые, окружали, какъ золотымъ вѣнкомъ, ея блѣдное личико, оно привлекало меня своимъ сходствомъ съ Одиль Нидекъ.

Какъ нѣжна и прелестна старинная живопись на деревѣ, немного рѣзкая и сухая въ очертаніяхъ, но очаровательная по своей безпритязательности! Я смотрѣлъ на портретъ нѣсколько мгновений, какъ вдругъ вниманіе мое было привлечено другимъ женскимъ портретомъ, висящимъ возлѣ. Представьте себѣ лицо германскаго типа во всей его первобытной правдивости: низкій широкій лобъ, свѣтлые глаза, жирныя вѣки, рыжіе волосы и орлиный носъ. «Какъ эта женщина была бы подъ стать Гуго», подумалъ я. Я принялся разсматривать ея костюмъ; онъ соотвѣтствовалъ выраженію ея лица: правая рука опиралась на мечъ, желѣзныя латы сжимали ея станъ. Трудно передать размысленія, внушенныя мнѣ этими тремя лицами; мои глаза съ особеннымъ любопытствомъ перебѣгали отъ одного къ другому. Я не могъ отъ нихъ оторваться.

Сперверъ, остановясь на порогѣ, пронзительно свистнулъ. Кнапвурстъ посмотрѣлъ на него съ высоты своего сѣдалища, не пошевелился.

— Это ты меня свистишь, какъ собаку? спросилъ гномъ.

— Да, злая крыса, это я привѣтствую тебя.

— Послушай, возразилъ Кнапвурстъ съ величайшимъ презрѣніемъ, — дѣлай, какъ знаешь, Сперверъ, ты не можешь даже плюнуть на мой башмакъ; ну-ка, попробуй!

Онъ подставилъ ему подошву.

— А если я влѣзу?

— Я разможу тебѣ голову этой книгой.

Геденъ засмѣялся и сказалъ:

— Не сердись, горбунъ, не сердись. Я не хочу тебѣ худа, напротивъ, я уважаю твое знаніе; но для какого чорта ты забрался сюда въ такую рань и еще съ лампой? Можно подумать, что ты здѣсь провелъ всю ночь.

— Это правда, я читалъ всю ночь.

— Что же тебѣ дня-то мало?

— Нѣтъ, меня занимаетъ важный вопросъ, я не могу спать, пока не разрѣшу его.

— Какой вопросъ?

— Мнѣ хочется знать, при какихъ обстоятельствахъ Людвигъ Нидекъ нашелъ моего предка, Отто Карлика, въ тюрингенскихъ лѣсахъ. Надо тебѣ знать, Сперверъ, что мой предокъ Отто былъ ростомъ не выше локтя: онъ всѣхъ очаровывалъ своимъ умомъ и былъ почетнымъ лицомъ при коронаціи герцога Рудольфа. Графъ Людвигъ велѣлъ его запрятать въ павлина, убраннаго перьями: въ тѣ времена это считалось лучшимъ блюдомъ. Во время пира Отто развернулъ хвостъ павлина и всѣ придворные вельможи и дамы удивлялись этому хитрому механизму. Наконецъ, Отто вышелъ со шпагой въ рукѣ и вскричалъ звучнымъ голосомъ: «Да здравствуетъ герцогъ Рудольфъ!» что и было повторено всѣми. Бернаръ Герцогъ упоминаетъ объ этихъ обстоятельствахъ; но не говоритъ откуда быть взяты этотъ карликъ, былъ-ли онъ хорошаго рода или низкаго происхожденія; послѣднее, впрочемъ, невѣроятно: у простонародья нѣтъ столько ума!

Я былъ пораженъ гордостью этого маленькаго существа; однако мое возбужденное любопытство заставило меня быть съ нимъ любезнымъ: онъ одинъ могъ сообщить мнѣ свѣденія о портретахъ.

— Любезный Кнапвурстъ, сказалъ я ему почтительно, — будьте такъ любезны, разрѣшите мое недоумѣніе.

Горбунъ, польщенный моими словами, отвѣчалъ:

— Говорите, сударь; если дѣло касается хроникъ, то я готовъ васъ удовлетворить. Что касается остальнаго — не знаю, какъ вамъ сказать.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, кого изображаютъ эти портреты?

— А, а, а, сказалъ, оживляясь, Кнапвурстъ, — вы говорите о Гедвигѣ и Гульдвинѣ, двухъ женахъ Гуго?

И, положивъ на полку книгу, онъ проворно слѣзъ съ лѣстницы, чтобы удобнѣе бесѣдовать со мной. Его глаза блистали; видно было, что его тщеславіе вполне удовлетворено; онъ былъ счастливъ, что могъ выставить свое знаніе. Подойдя ко мнѣ, онъ важно раскланялся. Сперверъ стоялъ за нами, очень довольный, что далъ мнѣ возможность полюбоваться карликомъ Нидека. Не смотря на его злое вліяніе, онъ уважалъ его познанія.

— Слушайте, сударь, сказалъ Кнапвурстъ, протягивая руку къ портрету, — это Гуго Нидекъ, первый въ родѣ, онъ въ 832 году взялъ въ супружество Гедвигу изъ Люцельбурга, которая принесла ему въ приданное земли въ Жиромани, Гобаръ, замки Геролддекъ, Чортовъ Рогъ и многіе другіе. Гуго-волкъ не имѣлъ дѣтей отъ

первой жены и она умерла въ ранней молодости, въ 837 году. Гуго не хотѣлъ возвратить приданого обратно и между нимъ и его зятьями были страшныя войны. Но вотъ эта другая его жена, въ желѣзныхъ латахъ, поддерживала его своими совѣтами. Это была мужественная дама. Никто не зналъ ея происхожденія, но это не помѣшало ей спасти Гуго и взять въ плѣнъ Франца изъ Люцельбурга. Гуго предстояло быть повѣшеннымъ въ тотъ же день и уже приготовили желѣзную перекладину между стѣнными зубцами, когда Гульдина, во главѣ васаловъ графа, которыхъ она увлекла единственно своимъ мужествомъ, овладѣла подземнымъ ходомъ, спасла Гуго и велѣла повѣсить Франца. Гуго-Волькъ женился на ней въ 842 году; у нихъ было трое дѣтей.

— И такъ, сказалъ я, задумчиво, — первую жену звали Гедвигой и потомки Нидековъ не имѣютъ къ ней никакого отношенія?

— Никакого.

— Увѣрены-ли вы въ этомъ?

— Я могу вамъ показать наше генеалогическое древо—у Гедвиги не было дѣтей; Гульдина, вторая жена, имѣла троихъ.

— Это удивительно!

— Почему?

— Мнѣ показалось, что есть нѣкоторое сходство...

— Гмъ, сходство, сходство, проговорилъ Кнапвуретъ съ пронзительнымъ смѣхомъ. — Вотъ вамъ, посмотрите на эту табакерку стараго бука, вотъ возлѣ борзой собаки; на табакеркѣ портретъ Ганса Вурета, моего прадѣда. У него носъ, какъ щипцы, а подбородокъ длинный и острый, у меня же носъ курносый и пріятный ротъ; однако это не мѣшаетъ мнѣ быть его правнукомъ.

— Нѣтъ, безъ сомнѣнія.

— Ну, вотъ тоже и съ Нидеками. У нихъ могутъ быть черты Гедвиги, я не спорю, но все-таки Гульдина была ихъ родоначальницей. Взгляните на родословное дерево!

Мы разстались лучшими друзьями.

Глава V.

«Это все равно, думалъ я, сходство существуетъ.. слѣдуетъ ли приписать это случаю?.. Случай?.. что же послѣ этого... нѣтъ, это просто безсмысленно, необъяснимо. Тутъ чтонибудь другое!»

Я шелъ задумчиво за Сперверомъ, который продолжалъ свое шествіе по коридору. Образъ кроткой Гедвиги сливался въ моей душѣ съ образомъ молодой графини.

Вдругъ Гедонъ остановился; я поднялъ глаза. Мы были на половинѣ графа.

— Войди, Фрицъ, сказалъ онъ мнѣ, — а я пойду кормить собакъ; когда хозяина нѣтъ, слуги небрежны; я сейчасъ приду за тобой.

Я вошелъ; мнѣ интереснѣе было посмотреть графиню, чѣмъ графа; я упрекалъ себя, но преодолѣть этого чувства не могъ. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ въ полусвѣтѣ алькова графа Нидека, облокотившагося на подушечку и смотрѣвшаго на меня съ глубокимъ вниманіемъ! Я такъ мало былъ приготовленъ къ такому обзору, что былъ просто пораженъ.

— Подойдите, докторъ, сказалъ онъ слабымъ, но твердымъ голосомъ, протягивая мнѣ руку. — Мой храбрый Сперверъ часто мнѣ говорилъ о васъ; я очень желалъ познакомиться съ вами.

— Будемъ надѣяться, ваше сіятельство, отвѣчалъ я, — что знакомство это продолжится при лучшихъ обстоятельствахъ. Еще немного терпѣнія и мы преодолѣмъ эти припадки.

— Я бы радъ душой, но чувствую, что часъ мой близокъ.

— О вы заблуждаетесь, графъ.

— Нѣтъ, природа оказываетъ намъ послѣднюю милость—именно предчувствіе кончины.

— Сколько разъ я былъ свидѣтелемъ, что предчувствія эти были обманчивы, сказалъ я, улыбаясь.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня, какъ большею частью это случается съ больными, когда выражаешь сомнѣніе въ ихъ состояніи. Это трудная минута для врача, отъ его умѣнья владѣть собой зависитъ нравственная сила больного; взглядъ его проникаетъ въ душу; если онъ замѣтитъ подозрѣніе близкой кончины, все погибло, начинается уныніе, душевныя силы слабѣютъ, болѣзнь побѣждаетъ.

Я выдержалъ это испытаніе и графъ, казалось, успокоился; онъ вновь пожалъ мнѣ руку и мало-по-малу сталъ мягче, довѣрчивѣе. Только тогда я примѣтилъ молодую графиню и еще какую-то пожирую даму, вѣроятно, компаньонку, сидѣвшихъ въ глубинѣ алькова, по другую сторону кровати.

Онѣ поклонились мнѣ легкимъ наклоненіемъ головы. Портретъ въ библиотекѣ мнѣ быстро пришелъ на умъ. «Это она, точно она, первая жена Гуго!.. Тотъ же высокій лобъ, длинныя рѣсницы, та же улыбка невыразимой грусти. О, сколько выраженія въ улыбкѣ женщины! Не ищите въ ней радости и счастья. Улыбка женщины прикрываетъ столько тайнаго горя, столько опасеній, столько мучительнаго безпокойства! Дѣвушка, жена, мать, она все будетъ улыбаться, когда ея сердце разрывается, когда ее душатъ рыданія... Это твоя участь, женщина, въ этой великой борьбѣ, которая называется человѣческимъ существованіемъ!»

Я раздумывалъ объ этомъ, когда графъ Нидекъ сказалъ:

— Еслибы Одиль, моя милая дочь, согласилась на мою просьбу; еслибы только она согласилась дать мнѣ надежду уступить моимъ желаніямъ, я думаю, я бы оправился.

Я взглянулъ на графиню; она опустила глаза и, казалось, молилась.

— Да, продолжалъ больной, — я бы возродился къ жизни; надежда видѣть себя окруженнымъ новой семьей, прижать къ сердцу дѣтей, продолжить нашъ родъ, эта надежда оживила бы меня.

Меня тронулъ кроткій и нѣжный голосъ этого человѣка. Молодая дѣвушка не отвѣчала.

Спустя двѣ, три минуты графъ продолжалъ, смотря на нее умоляющими глазами:

— Одиль, хочешь-ли составить счастье твоего отца? Боже мой, я прошу только надежды, я не опредѣляю времени. Я не хочу стѣснять твой выборъ. Мы поѣдемъ ко двору; тамъ тебѣ представится много достойныхъ партій. Кто не будетъ счастливъ получить руку моей дочери? Твой выборъ будетъ зависѣть отъ тебя.

Онъ умолкъ.

Ничто не можетъ быть тяжелѣе для посторонняго, какъ семейныя объясненія; столько тутъ разныхъ побужденій, столько затаенныхъ чувствъ, что простая совѣстливость обязываетъ насъ избѣгать подобныхъ совѣщаній. Я страдалъ, хотѣлъ бѣжать; обстоятельства не допускали этого.

— Батюшка, сказала Одиль, какъ бы желая избѣжать дальнѣйшихъ настояній больного, — вы поправитесь, небо не захочетъ лишитъ насъ вашей любви. Еслибы вы знали съ какимъ усердіемъ я прошу его объ этомъ!

— Ты мнѣ не отвѣчаешь, сказалъ графъ сухо. — Что ты можешь возразить на мои планы? Не естественно-ли это, не справедливо-ли? Долженъ-ли я лишиться утѣшеній, дарованныхъ самымъ бѣднымъ людямъ? Развѣ я этимъ оскорбляю твои чувства? Развѣ я поступаю жестоко или лукаво?

— Нѣтъ, батюшка.

— Такъ почему же ты отказываешься исполнить мою просьбу?

— Мое рѣшеніе неизмѣнно: я посвящу себя Богу!

Столько твердости въ такомъ слабomъ существѣ поразило меня. Она сидѣла, какъ Мадона, высѣченная въ башнѣ Гуго, нѣжная, спокойная, безстрастная. Глаза графа лихорадочно засверкали. Я сдѣлалъ знакъ молодой графинѣ, чтобы она, по крайней мѣрѣ, подала надежду, чтобы утишить его возрастающее волненіе; она, казалось, меня не замѣчала.

— И такъ, продолжалъ онъ голосомъ, прерываемымъ отъ волненія, — ты дождешься погибели твоего отца: одно твое слово могло бы возродить меня къ жизни, но ты не сказала его.

— Жизнь не зависитъ отъ человѣка, а отъ Бога, сказала Одиль, — слово мое ничего не значить.

— Прекрасныя, благочестивыя мысли, горько замѣтилъ графъ, — чтобы отдѣлаться отъ обязанности. Но развѣ Богъ, о которомъ ты безпрестанно толкуешь, не учитъ насъ: «чти отца твоего и мать твою!»

— Я васъ почитаю, батюшка, кротко сказала она, — но моя обязанность въ томъ, чтобы не выходить замужъ.

Я слышалъ, какъ зубы графа скрипнули. Онъ, повидимому, былъ спокоенъ, потомъ быстро обернулся:

— Ступай, произнесъ онъ, — я не могу тебя видѣть!

И, весь блѣдный, онъ обратился ко мнѣ:

— Докторъ, вскричалъ онъ съ дикимъ смѣхомъ, — нѣтъ-ли у васъ яду?.. яду, убивающаго быстротою молніи? О какъ бы это было мило-ство въ отношеніи меня... если бы вы знали, какъ я страдаю!

Его черты исказились, онъ весь посинѣлъ. Одиль встала и подошла къ двери.

— Останься, прохрипѣлъ графъ, — я прокляну тебя!

До сихъ поръ я держался въ сторонѣ, не желая вмѣшиваться между отцемъ и дочерью; но долѣе я не могъ сдерживаться.

— Графъ, вскричалъ я, — ради вашего здоровья, ради Бога успокойтесь, ваша жизнь зависить отъ этого!

— Ахъ, что мнѣ за дѣло до жизни, что мнѣ до будущаго? Ахъ, я жалѣю, что у меня нѣтъ ножа, я бы покончилъ съ собой! Убейте меня, убейте!

Его волненіе поминутно увеличивалось. Я видѣлъ, что онъ не владѣетъ больше собой и того и гляди бросится на свою дочь. Она, спокойная, блѣдная, стала на колѣни на порогѣ. Дверь была отворена и я увидѣлъ за молодой дѣвушкой Спервера, блѣднаго, съ помутившимся взоромъ. Онъ подошелъ на цыпочкахъ и наклонился къ Одиль:

— О, графиня, сжальтесь! Вы только скажите: Можетъ быть, увидимъ, со временемъ!..

Она не отвѣчала и не перемѣнила положенія. Тутъ я далъ графу нѣсколько капель опиума; онъ, глубоко вздыхая, опустился на подушки и вскорѣ впалъ въ глубокой тяжелый сонъ, порывисто дыша.

Одиль встала, ея старая компаньонка, не проговоривъ ни слова, вышла вмѣстѣ съ нею. Мы со Сперверомъ смотрѣли имъ въ слѣдъ. Тихое величіе отличало походку графини: можно было сказать, что это живой образъ исполненной обязанности.

Когда она исчезла въ глубинѣ коридора, Гедонъ обернулся ко мнѣ:

— Ну, сказалъ онъ мнѣ важно, — что ты объ этомъ думаешь, Фрицъ?

Я, не отвѣчая, склонилъ голову: меня ужасала твердость этой молодой дѣвушки.

(Продолженіе будетъ.)

Стих. Д. Ушакова.

Я не грущу теперь о канувшемъ, о прошломъ;
Не жаль мнѣ прожитыхъ, умчавшихся годовъ,
Когда прекрасное я часто видѣлъ въ пошломъ
И жизнь казалась мнѣ дорогой безъ трудовъ.

Когда избытокъ силъ я расточалъ безъ цѣли,
Безцвѣтныхъ лѣтъ моихъ катилась череда
И фразы вокругъ меня заманчиво гремѣли,
И жилъ я безъ борьбы, печалей и труда.

Когда моя судьба насмѣшливо глядѣла,
Какъ шелъ блестящей я, но ложною тропой,
Какъ жизнь я убивалъ безъ цѣли и безъ дѣла
И дни мои неслись холодною толпой.

Когда я видѣлъ все въ обмана тускломъ свѣтѣ,
Когда не вѣрилъ я въ коварства на землѣ...
Да! жилъ обманами и я въ тѣ дни на свѣтѣ,
Но ужъ года умчались тѣ.

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки Вл. Мих-
невича.

(Продолженіе.)

(Земледѣльческій культъ по отношенію къ народнымъ мифамъ и праздни-
камъ. — Русскій праздникъ и его об-
щественное значеніе. — Древне-русскія
игрища. — Пляски и забавы въ дни
господни. — Эротическій элементъ въ
народныхъ игрищахъ. — Праздникъ
Ярилы).

Народные мифы и вѣрованія скла-
дываются подъ впечатлѣніемъ физи-
ческихъ условій страны, поскольку
тѣ поражаютъ своей стихійной си-
лой младенческой умъ первобытнаго
человѣка и оказываютъ вліяніе на
его существованіе, на его естествен-
ныя потребности: пропитанія, крова,
продолженія рода и т. д., — словомъ,
всего того, что составляетъ бытъ.

Такимъ образомъ наши отдален-
ные предки, живя по физическимъ
условіямъ своей территоріи преимуще-
ственно земледѣліемъ, обоготво-
рили тѣ именно силы и явленія окру-
жающей ихъ природы, которыя мо-
гли вліять благотворно или раз-
рушительно на плодородіе земли
и слѣдовательно на ихъ собственное
благополучіе.

Въ предшествовавшей главѣ мы
намѣтили эту характеристическую
черту нашей мифологіи, на сколько
это нужно было для нашей задачи;
но ее необходимо имѣть постоянно
въ виду при знакомствѣ съ нашими
народными праздниками, играми и плясками.

Зная и помня, что нашъ языческій культъ
главнымъ образомъ земледѣльческій, не трудно
будетъ уловить внутренний, хотя бы и давно
вывѣтрившійся, смыслъ многихъ, кажущихся на
современный глазъ только странными, народныхъ
обрядовъ и увеселеній.

Извѣстно, что и нынѣ русское крестьянское
веселье или, по крайней мѣрѣ, призракъ его
пріурочивается къ важнѣйшимъ актамъ произво-
дительности земли и находится въ прямой отъ
нея зависимости. Всѣ почти деревенскіе празд-
ники, семейные и общинные, мірскіе, пригоня-
ются или къ «красной» веснѣ, когда земля въ
юной красѣ обновленной природы какъ бы бра-
нится съ теплымъ вѣшнимъ солнышкомъ и опло-
дотворяется имъ, или къ «богатой» осени, когда
земля вознаграждаетъ лѣтнюю «страду» пахара
своими продуктами и обезпечиваетъ его суще-
ствованіе на глухое, томительное время мертвен-
ной, «лютной» зимы.

Такъ водилось на Руси и въ отдаленную ста-
рину; такъ было не только у насъ, но и у всѣхъ
другихъ земледѣльческихъ народовъ древняго и
новаго міра.

Земледѣльческій бытъ, отразившись въ ми-
фахъ и вѣрованіяхъ, сообщилъ особенный складъ
и характеръ народнымъ игрищамъ и праздни-
камъ, а отсюда — музыкѣ и пляскѣ. Самый ка-
лендарь сложился у нашего народа сообразно
условіямъ земледѣльской жизни. Такимъ обра-
зомъ новый годъ въ старинной Руси начинался
въ мартѣ мѣсяцѣ, въ періодъ весенняго равно-
денствія, обновленія природы и начала сельско-
хозяйственныхъ работъ.

Новымъ годомъ открывался и рядъ народныхъ
игрищъ и праздниковъ, которые поэтому и мо-
гутъ быть раздѣлены, соотвѣтственно временамъ
года, на весенніе и лѣтніе, осенніе и зимніе;
точнѣе — на двѣ группы, разграничиваемыя сбо-
ромъ жатвы и окончаніемъ полевыхъ работъ.
Къ первой относятся: авсень (или таусень,

постямъ и обычаямъ по завѣту «старинны». Даже
чисто семейные праздники и торжества, какъ
свадьбы, родины, похороны и пр., до сихъ поръ
въ быту русскаго крестьянина происходятъ на
міру, заинтересовываютъ всѣхъ мірянъ и равно
доступны для каждаго изъ нихъ. Крѣпкій духъ
общины и солидарности присутствуетъ во всѣхъ
жизненныхъ функціяхъ нашего народнаго быта.

Праздники мірскіе, совершаемые на началахъ
асоціаціи, получили характеристическія назва-
нія въ томъ же духѣ, что касается ихъ устрой-
ства, а именно: ссыпчины, братчины, бесѣды,
посидѣлки и пр.

Содержаніе русскаго народнаго праздника —
семейнаго-ли, или мірскаго — весьма несложно и
далеко не роскошно ни по обстановкѣ, ни въ
питіяхъ и яствахъ, а въ особенности въ повѣ-
шій, трудный для «деревни» времена. За то, на-
перекоръ поговоркѣ о соловѣѣ, котораго «шѣспя-
ми не кормятъ», каждый деревенскій праздникъ
изобилуетъ у насъ пѣснями, хороводами, пляс-
ками, играми и разнообразными
суевѣрными обрядами сценическаго
характера. Съ утра до поздней ночи
заливается во всю мощь молодыхъ,
здоровыхъ голосовъ, безконечными,
звонкими, то заунывными, то разу-
далыми пѣснями, нашъ широкій, не-
унывающий осударь — праздникъ,
стройно вьется въ хороводѣ среди
оживленной, веселой толпы красныхъ
дѣвицъ — «бѣлогрудыхъ лебедушекъ»
и удалыхъ молодцевъ — «ясныхъ соко-
ловъ», то скользя съ плавной, жен-
ственной граціей «павы», то бѣше-
нымъ вихремъ носясь въ тренахѣ,
отъ котораго все кругомъ ходенемъ
ходить подъ разнѣмные, задорно-
бойкіе звуки «камаринской» или «ме-
телицы»... Нѣтъ на него, осударя,
ни устали, ни удержу, и ужъ нужно
забрать великую, всезахватывающую
силу лихому «торю-злосчастью», чтобъ
составить его притихнуть и повѣ-
сить постъ!

Если таковъ русскій народный
праздникъ и нынѣ, то въ стари-
ну, во времена язычества, онъ былъ
еще разгульнѣе, шире и полнѣе, какъ
потому, что тогда его мифическая
и бытовая идея не была еще вытѣ-
снена и заглушена христіанскимъ
ученіемъ, такъ и потому, что въ ту
эпоху русскому человѣку вообще
жилося несравненно вольнѣе и смѣ-
ннѣе, чѣмъ потомъ, съ началомъ
водворенія московской «цивилиза-
ціи». Въ этомъ отношеніи исторія

неотразимо убѣждаетъ насъ согласиться съ ре-
троспективнымъ мнѣніемъ, что въ прадрѣвскую
старину жило не въ примѣръ лучше нашему
сермяжному святорусскому богатырю Микулѣ
Селяниновичу...

Первыя точныя извѣстія о русскихъ праздни-
ствахъ и, вообще, о Руси находимъ у греческихъ
и арабскихъ писателей. Уже знаменитый Проко-
пій, византійскій историкъ VI вѣка, засвидѣтель-
ствовалъ, что русскіе славяне поклоняются Пе-
руну, нимфамъ и инымъ божествамъ, приносятъ
имъ жертвы, сопровождаемыя извѣстными рели-
гіозными обрядами и торжествами.

Слово торжество происходитъ отъ торгъ,
однороднаго съ готскимъ *torg*. Дѣйствительно,
наше древнее языческое торжество, какъ народ-
ный праздникъ, соединяло въ себѣ идолослуже-
ніе, судбище (народоправство) и торгъ. Въ из-
вѣстномъ пунктѣ, гдѣ находился почитаемый
идолъ, въ извѣстные дни собирався весь родъ,
представители всего племени, и тутъ исполня-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ. РИСУНОКЪ ВОКЛЕВСКАГО.

Пульхерія Ивановна Товстогубина.

Рисано на деревѣ въ „Варшавской политипанѣ“.

собственно — новый годъ), красная горка, ра-
дунца, семикъ, праздникъ ярила, куна-
ло, русалін и пр. Ко второй группѣ принадле-
жатъ: обжинки, спожинки, бабье лѣто, осе-
нины, каледа (святки), родительская (по-
минки), масленица и пр.

Различаясь по своимъ обрядамъ и по своему
внутреннему значенію, всѣ эти праздники имѣ-
ютъ нѣкоторыя общія черты. Прежде всего они
отличаются своимъ общиннымъ, мірскимъ ха-
рактеромъ, въ чемъ ярко выразилось родовое на-
чало, до нашихъ дней крѣпко лежащее въ осно-
вѣ русской народной жизни. Кромѣ того, что
многіе праздники справляются сообща — цѣлымъ
міромъ, при условіи обязательнаго, равноправ-
наго и равномернаго участія въ пиршествѣ и
въ издержкахъ на него всѣхъ общинниковъ, въ
другихъ случаяхъ празднованіе сопровождается
широкимъ гостепримствомъ — каждый домъ на-
стежь открытъ для званныхъ и незванныхъ гостей,
каждая семья свято подчиняется всѣмъ обряд-

лись всё несложныя патриархальныя отправления, всё дѣла, касавшіяся общихъ интересовъ всей области. При этомъ, конечно, удѣлялось время на широкое пиршество, на гульбу и игрище.

Вообще праздникъ въ древне-русскомъ быту имѣлъ многостороннее и важное общественное значеніе, помимо своей чисто религіозной и политической стороны. «Нигдѣ съ такою полнотою и свободою, справедливо замѣтилъ Снегиревъ, не раскрывается личность народная, какъ на праздникахъ; нигдѣ столько, какъ въ нихъ, люди не сближаются душою и сердцемъ. Тамъ укрѣпляется старое и заводится новое знакомство, тамъ обмѣниваются мыслями и чувствами, тамъ частное дѣлается общимъ, прошедшее и будущее обращается въ настоящее».

И это въ особенности справедливо по отношенію къ старинному русскому празднику, который былъ въ полномъ смыслѣ народнымъ, когда, по выраженію былинъ, «почестной пиръ» происходилъ «на весь міръ», безъ различія положеній и состояній.

Предки наши, названные византійскими историками «ѣснолюбивыми», отличались веселонравіемъ и разнообразили свою жизнь частыми праздниками и игрищами. Изъ боговъ своихъ они особенно чтили боговъ веселыхъ и легкосердечныхъ, покровителей любви и жизненныхъ утѣхъ, какъ, напр., Лада или Леля, Ярилу, Дажбога и друг. Жертвоприношенія имъ всегда заканчивались веселымъ пиромъ и шумными игрищами, состоявшими изъ пѣсенъ, плясокъ, «москোলства» (переряживания), ристанія, кулачныхъ боевъ и т. подобныхъ забавъ и «глумовъ», по лѣтписному выраженію.

«Видимъ-бо, повѣствуетъ Несторъ о русскомъ народѣ X столѣтія, игрища утолчена, и людей много множество, яко унихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще», сопровождаемыя «трубами и скоморохи, гуельми и ржалы». Говоря въ другомъ мѣстѣ о правахъ радимичей, вятичей и сѣверянъ, онъ-же сѣдуетъ, что браковъ у нихъ «не бываху, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею-же кто свѣща-шеся».

Съ введеніемъ христіанства народъ, не смотря на духовныя поученія и гоненія церковью всего, что напоминало язычество, продолжаетъ долго еще жить «по устроению дѣдню и отчю» и справлять свои языческіе праздники и игрища со всеми обрядами и суевѣріями. Разница только въ томъ, что по мѣрѣ распространенія христіанства языческія божества въ представленіи народномъ вытѣсняются, а частью отождествляются лицами святыхъ, а отсюда и сами игрища приурочиваются къ праздникамъ, установленнымъ церковью.

«Еда-бо приходитъ велій праздникъ, рассказываетъ позднѣйшій правописатель, игуменъ Памфилъ, а тогда... мало не весь градъ взмаетъся и възбѣсятся бубны и сопѣли, и гудѣніемъ струннымъ, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканіемъ и плясаніемъ... Стучать бубны и гудеть струны, женамъ-же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе и главамъ ихъ наживаніе, устамъ ихъ непріязненъ кличъ и вопль, всескверныя пѣсни, бѣсовская угодія свершахуся, и хребтомъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе»...

Митрополитъ Кириллъ въ своемъ «правилѣ» XIII в., описывая подобныя-же «позоры», происходившіе въ «божественные праздники», съ свистаніемъ и съ кличемъ, удостовѣряетъ, что на нихъ, между прочимъ, совершались также бои «съ дреколіемъ до самыя смерти».

По свидѣтельству митрополита бѣлгородскаго Мисаила (XVII ст.), подобныя игрища происходили во всё воскресныя, господскіе и богородичныя дни. Народъ, совмѣстивъ языческіе праздники съ христіанскими, ознаменовывалъ ихъ, къ ужасу благочестиваго іерарха, «великимъ піанствомъ, и бѣсовскимъ глумленіемъ и скоморошествомъ со всякими бѣсовскими играми: сходились по вечерамъ и во всеобщихъ позорищахъ по улицамъ и на поляхъ слушать богомерзкихъ пѣсенъ и всякихъ бѣсовскихъ игръ».

Въ самой Москвѣ, въ дни, казалось, самаго строгаго благочестія, по удостовѣренію митрополита Іосафа (1636 г.), въ господніе праздники и воскресныя дни, православные точно такъ

санію просторъ давался уже полный. По словамъ того-же Стоглава, въ мірскихъ свадьбахъ играли обыкновенно «глумотворцы, арганники и смѣхотворцы, и гусельники», пѣлись пѣсни, заводились игры и пляски и «какъ къ церкви вѣнчаться пойдутъ, священникъ со крестомъ ѣдетъ, а передъ нимъ со всеми тѣми бѣсовскими играми рыщутъ».

Клеймя народныя игрища «сатанинскими», «треклятыми» и «элинскими», духовенство имѣло на то основаніе уже въ самомъ характерѣ этихъ игрищъ, далеко не отвѣчавшемъ требованіямъ строгой христіанской нравственности. Особенно не отличались стыдливостію и цѣломудріемъ весеннія празднества «межю селы» въ честь сластолюбиваго Ярилы, тѣмъ болѣе во времена до христіанскія. Переяславскій лѣтописецъ рассказываетъ, что эти наши сатурналіи, на которыя сходилась молодежь обою пола, начинались обыкновенно плясаніемъ, «п отъ плясанія познаваху—которая жена или дѣвица до младыхъ похотѣніе имать, и отъ очнаго возрѣнія, и отъ обнаженія мышца, и отъ прѣсть ручныхъ показанія, и отъ прѣтней даралоганія (вздѣванія?) на прѣсты чюжая, тажъ потомъ цѣлованія съ лобазніемъ, и плоти съ сердцемъ разжегшися слагахуся, и иныхъ поймающе, а другихъ, поругавше, метяху на насмѣяніе до смерти».

Такой совершенно первобытный гетерерическій характеръ это «студное» игрище, сопровождавшееся при томъ обрядами, напоминавшими культъ Пріапа, сохранило до позднѣйшихъ временъ съ большими или меньшими уступками кодексу христіанской морали и цивилизаціи. По свидѣтельству письменныхъ памятниковъ, въ XVI столѣтіи точно такъ же на народныхъ праздничныхъ игрищахъ представлялось «мужемъ и отрокомъ великое прелженіе и паденіе», а «женамъ мужатымъ незаконное оскверненіе и дѣвицамъ растлѣніе». Въ подобномъ видѣ праздникъ Ярилы праздновался всенародно въ Воронежѣ въ дни преподобнаго Тихона Задонскаго. «Я увидѣлъ, говоритъ онъ въ своемъ увѣщаніи (1765 г.), множество мужей и женъ, старыхъ и малыхъ дѣтей... иныхъ почти безчувственнопьяными, между иными ссоры, между иными драки; примѣтилъ плясанія женъ пьяныхъ съ скверными пѣснями». Преосвященный остановился среди этой разгульной толпы, сталъ увѣщать ее и достигъ того, что она, по его слову, разошлась.

Игрище въ честь Ярилы происходило кое-гдѣ на Руси и по настоящее время въ обстановкѣ, хотя не столь зазорной, какъ водилось въ старину, но не безъ вольностей и гульбы въ вѣхическомъ вкусѣ. Его встрѣтилъ, между прочимъ, одинъ новѣйшій этнографъ въ Костромѣ, гдѣ оно справляется съ немалымъ разгуломъ низшимъ классомъ населенія. Смыслъ самаго праздника совершенно утерянъ. На вопросъ этнографа, кто такой былъ Ярило, ему, не задумываясь, отвѣтили: «костромской-де мѣщанинъ, большой затѣйникъ и пьяница».

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чадолюбивыя матери въ подобныя праздники посылаютъ дочекъ поневѣститься.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ. РИСУНОКЪ БОКЛЕВСКАГО.

Афанасій Ивановичъ Говостогубъ.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипани“.

же «вмѣсто духовнаго торжества и веселія, воспринимше игры и кошуны бѣсовскіе, повелѣвающе медвѣдникомъ и скомрахомъ на улицахъ, на торжищахъ и на распутияхъ, сатанинскія игры творили и въ бубны били, и въ сурны ревѣли, и руками плескали, и плясали и иная неподобная дѣлаи...»

Пляски, игрища и «глумы» совершались и на кладбищахъ, «жалыникахъ», въ дни плача и печали, т. е. во время поминокъ. Такъ, въ Стоглавѣ между прочимъ упоминается, что въ троицкую субботу обыкновенно «сходились мужи и жены на жалыники» и плакали на могилахъ «съ великимъ воплемъ»; но когда являлись скоморохи и гудошники и начинали играть, то картина моментально мѣнялась: поминальщики, «отъ плача преставши», пускались «скакати и плясати и въ долони бити и пѣсни сатанинскія пѣти».

Если веселились съ такимъ увлеченіемъ на кладбищахъ въ память усопшихъ, то въ честь живыхъ, напр., на свадьбахъ, «плесканію и пля-

Изъ міра русскаго искусства.

Диллетанта.

Федоръ Александровичъ Васильевъ.

Эта замѣчательная способность къ самонаблюденію и къ анализу тѣмъ болѣе замѣчательна, что Васильевъ не получилъ никакого, хоть сколько-нибудь систематическаго образованія. Дѣтство его было окружено крайнею бѣдностью; онъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста принужденъ былъ думать о кускѣ хлѣба и, вмѣсто того, чтобы учиться, принужденъ былъ зарабатывать при условіяхъ крайне неблагоприятныхъ для его развитія. Достигнувъ юношескихъ лѣтъ, Васильевъ не могъ не замѣтить этого пробѣла въ своей умственной жизни и при его значительномъ и, несомнѣнно, законномъ самолюбіи его необразованность могла лишь тяготить его. Къ несчастію, онъ въ этомъ отношеніи далеко не составляетъ исключеніе въ нашемъ художественномъ мірѣ. Большинство нашихъ художниковъ, подобно Васильеву, находятся въ такихъ же неблагоприятныхъ условіяхъ умственнаго развитія. Это тѣмъ болѣе печально, что у нихъ нѣтъ ни средствъ, ни возможности пополнить этотъ недостатокъ въ образованіи впоследствии, когда они сознаютъ его. Сначала специально художественное образованіе, а затѣмъ художественный трудъ, отнимая у нихъ все свободное время, въ то же время увлекаютъ ихъ въ другую сторону, суживаютъ кругозоръ ихъ мысли, ограничиваютъ ихъ пониманіе и укрѣпляютъ ихъ въ томъ заколдованномъ кругу мелкихъ интересовъ и совершенно личныхъ взглядовъ, въ которомъ они и остаются сначала внутренне недовольные, а потомъ и примирившіеся. Но Васильевъ до известной степени избѣжалъ этой участи, благодаря своей умственной энергіи, онъ видимо много читалъ и несомнѣнно много работалъ надъ особою, работалъ, конечно, не систематически, безъ опредѣленной программы, урывками, на сколько было возможно и доступно, но тѣмъ не менѣе работалъ неустанно, съ ясно-сознанными цѣлями и несомнѣннымъ сознаніемъ въ необходимости возможно большаго развитія, не только въ общемъ смыслѣ, но также и непосредственно по отношенію къ своему художественному поприщу. На сколько теперь можно судить о характерѣ этой внутренней работы по отзывамъ друзей и оставшимся письмамъ,—его умственное развитіе ограничивалось съ одной стороны совершенно элементарными научными свѣдѣніями и съ другой—болѣе или менѣе осмысленнымъ чтеніемъ лучшихъ произведеній русской литературы. Подобное самообразованіе, разумѣется, не могло пополнить пробѣла въ развитіи, но дало пищу его уму, пробудивъ въ немъ мысль, которая и безъ того работала усиленно, и въ концѣ концовъ дало известное опредѣленное содержаніе и форму этой мысли. Вслѣдствіе этого получилось въ концѣ концовъ нѣчто странное, но несомнѣнно своеобразно и любопытное: по разсказамъ друзей, Васильевъ очень часто поражалъ въ разговорѣ, если незнающими, то взглядами, которые, казалось, могли быть лишь результатомъ значительной умственной работы. Онъ съ удивительною быстротою усваивалъ себѣ всякій предметъ, всякое знаніе, всякое понятіе и съ изумительной логикой выводилъ слѣдствія, почти никогда не впадая въ преувеличенія или въ наивность. Въ какой формѣ это саморазвитіе при значительномъ самостоятельномъ умѣ выразилось бы впоследствии, подъ вліяніемъ многолѣтняго опыта и основательнаго знанія людей,—трудно сказать: онъ умеръ двадцати трехъ лѣтъ, въ то время, когда характеръ еще не сложился и мысль не созрѣла, но можно сказать, не боясь ошибиться, что данныя натуры Васильева были чрезвычайно богаты и что уже въ юности какъ

характеръ, такъ и умъ начали складываться въ опредѣленные формы. Уже въ томъ возрастѣ, когда большинство людей живутъ еще чужой мыслью, повторяя афоризмы школьной скамьи и взгляды другихъ, Васильевъ мыслилъ самостоятельно и выражалъ свою мысль иногда очень своеобразно и оригинально. Такъ, въ одномъ письмѣ изъ Крыма я нахожу любопытный отзывъ Васильева о критикѣ:

«Я узналъ о выставкѣ въ Лондонѣ и при томъ узналъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Вотъ какъ это произошло. Ъхалъ я изъ Севастополя съ К. по дорогѣ въ Байдары; взяли верховыхъ лошадей и поѣхали на берегъ моря, въ имѣніе графа Весаля, кажется, къ его управляющему, французу Вакѣ. Зашелъ разговоръ о выставкахъ и въ томъ числѣ о лондонской. Вакѣ начинаетъ говорить о томъ, что очень хвалили русскую школу и въ особенности одинъ пейзажъ: «Зиму». Я наострил уши; при этомъ Вакѣ обратился ко мнѣ и спросилъ: не родственникъ-ли вы этого Васильева? Я сказалъ, что да, и при этомъ спросилъ: хорошій-ли это критикъ, пишущій эту статью? Вакѣ отвѣтилъ, что это лучший критикъ въ Лондонѣ, и сообщилъ, что онъ пишетъ всегда вышвышъ, что мнѣ почему-то крайне не понравилось. Этотъ критикъ,—забылъ его фамилію,—пишетъ между прочимъ, что «вотъ намъ бы этого художника, т. е. автора «Зимы». Когда всѣ эти свѣдѣнія были собраны, то К. чортъ дернулъ сказать: «это вовсе не родственникъ Васильева, — я-то т. е. — а самъ онъ, Васильевъ». Тутъ Вакѣ съ чѣмъ-то непонятнымъ поздравилъ меня и почему-то покраснѣлъ и потерялся. Мнѣ очень, очень пріятно, что хорошо отзывались о моей картинѣ не у насъ, въ Россіи, на критиковъ которой я смотрю съ самымъ постояннымъ равнодушіемъ, а въ Лондонѣ, который видѣлъ, пожалуй, побольше картинъ, чѣмъ напр., наша академія. Я первый разъ повѣрилъ, что картина, дѣйствительно, порядочная. Не думайте, что я и эту критику принимаю за совершенную, а я просто этой критикѣ вѣрю больше, чѣмъ нашей доморощенной, разсужденія которой или крайне нелѣпы, или крайне сухи, до чухотки. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ, кто у насъ пишетъ объ искусствѣ, всѣ хвалятъ меня въ одинъ голосъ, а между тѣмъ,—что случается съ большинствомъ,—я имъ ни на грошъ мѣдный не вѣрю. Вотъ еще недавно появилась статья въ... журналѣ какого-то М., который тоже что-то очень хорошее пишетъ про меня, а я все-таки очень хорошо вижу, что вретъ. И не то, чтобы я не вѣрилъ имъ за то, что они хвалятъ меня, а не вѣрю я или потому, что рядомъ съ похвалой моей картинѣ обручаютъ такую, которая не только не хуже моей, но даже, можетъ быть, и лучше, или по крайней мѣрѣ, равная. Вслѣдствіе этого и я могу подуматъ такъ: вѣдь если ты, братъ, провалился на этомъ, такъ на моей и прелюбополучно можешь провалиться, а слѣдовательно—проваливай: насъ на кривой кобылѣ не объѣдешь, похвалами вѣрить въ себя не заставишь. Ну, значить, всѣ критики и поступаютъ въ общій складъ «безнадежныхъ» и при томъ всѣ они, критики, такъ равны, что не знаешь, кого положить все-таки сверху. Я, впрочемъ, объ этомъ и не думаю, а валяю ихъ въ одну кучу». Сужденіе крайне опрометчивое, несправедливое и совершенно ложное, но во всякомъ случаѣ не навѣянное, хотя, можетъ быть, и навязанное Васильеву его товарищами-художниками, относящимися по большей части съ недоверіемъ къ художественной критикѣ, но никогда не игнорирующими ее. Въ этомъ, несомнѣнно, заключается любопытная черта нашего художественнаго міра, черта, на которую, какъ кажется, не было обращено пока вниманія въ нашей печати. Художники съ большимъ недоверіемъ

относятся къ своей, родной критикѣ ихъ произведеній, ссылаются постоянно съ преувеличеннымъ уваженіемъ на отзывы заграничной печати (съ которыми по большей части незнакомы), и не стѣняясь заявляютъ, что вся наша художественная критика проповѣдуетъ нелѣпость и ничего не понимаетъ.

Такія странныя, враждебныя отношенія критики къ художникамъ и художниковъ къ критикѣ могутъ быть объяснены отчасти всѣмъ нашимъ общественнымъ складомъ, *notre esprit public*, но еще больше непосредственно зависятъ какъ отъ критики, такъ и отъ художниковъ. Наша критика за малыми исключениями крайне запосчива, часто несправедлива и легкомысленна, по временамъ обнаруживаетъ значительную односторонность и лишена одного, общаго, художественнаго критеріума. Наши художественные идеалы еще не установились и не выяснились,—можетъ быть, и потому, что само русское искусство находится еще на распутіи и не вышло еще въ извѣстныя самобытныя формы. Наша критика, поэтому, по необходимости живетъ идеалами запада, принаравливая различныя явленія русскаго искусства къ западнымъ школамъ и, находя мало точекъ соприкосновенія, или вовсе ихъ не находя, не видитъ въ русскомъ искусствѣ силы и талантовъ. Но рядомъ съ этимъ западническимъ направленіемъ одной части нашей критики существуетъ также и узко-національное, столь-же пераціональное, направленіе, отрицающее значеніе и авторитетъ европейскаго искусства во имя какихъ-то узко-національных идеаловъ и видящее ихъ по временамъ въ такихъ произведеніяхъ русскаго искусства, которыя въ сущности представляютъ одну лишь нашу національную косность и неподвижность. Весьма понятно, что русскіе художники, мало знакомые съ историческими условіями теченія русской мысли, не могутъ не видѣть въ національномъ направленіи критики—условности и фальши, а въ западническомъ направленіи—отрицанія національных задачъ и самобытности.

Но съ другой стороны не правы также и наши художники, относящіеся съ такимъ, ничѣмъ неоправдываемымъ высокомеріемъ къ сужденіямъ и взглядамъ критики. Если эта критика односторонняя, если она въ большинствѣ случаевъ руководствуется не эстетическими принципами, а соображеніями совершенно другаго характера, то не само-ли русское искусство виновато въ этомъ, благодаря съ одной стороны подражательности западнымъ школамъ, а съ другой какимъ-то смутнымъ, чаще всего неудачнымъ и даже неосмысленнымъ порываніямъ къ созданію чего-то новаго, своего, узко-національнаго? Кромѣ того, не оправдывая во чтобы то ни стало критики, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что она даже въ своихъ уклоненіяхъ и односторонности приноситъ несомнѣнную пользу не только художникамъ, но и обществу, распространяя въ большинствѣ случаевъ здравыя понятія объ искусствѣ, знакомя съ западно-европейскими направленіями, школами, эстетическими теоріями и популяризируя въ Россіи лучшія произведенія новѣйшаго западно-европейскаго искусства. Художники, съ такимъ высокомеріемъ отзывающіеся о критикѣ, тѣмъ не менѣе черпаютъ въ ней свои теоретическіе и эстетическіе взгляды и даже, благодаря этой критикѣ, уясняютъ себѣ свои собственные задачи. Отзывы, подобныя отзыву Васильева, приведенному мною выше, имѣютъ, конечно, свой *raison d'être*, благодаря условіямъ нашей общественной жизни, но въ сущности доказываютъ лишь то, что наши художники еще не привыкли уважать и понимать гласность,—эту величайшую силу XIX столѣтія.

Вотъ почему и отзывъ Васильева о критикѣ можно считать юношеской выходкой, необдуманной, навязанной выходкой, отъ которой впоследствии онъ, весьма вѣроятно, отказался-бы. Подтверждение моему предположенію я нахожу въ томъ обстоятельстве, что не смотря на пренебрежительное отношеніе къ критикѣ (настоящаго достоинства и недостатковъ которой, онъ, конечно, и не уяснилъ себѣ), Васильевъ былъ необыкновенно чутокъ къ сужденіямъ лицъ, которымъ довѣрялъ. По поводу одной, неудавшейся ему картины (крымскій пейзажъ), онъ между прочимъ писалъ И. Н. Крамскому: «Сегодня получилъ Ваше, дорогой другъ, письмо отъ 1-го января. Что мнѣ написать Вамъ? Странно, необъяснимо, почему оно, т. е. то мѣсто въ немъ, гдѣ Вы пишете про картину мою, оставило такое тяжелое-тяжелое впечатлѣніе. Было-бы понятно это только въ такомъ случаѣ, если бы я не видалъ всей гадости этой картины, если бы думалъ, что она носитъ въ себѣ хоть какое-нибудь достоинство; но нѣтъ, я, напротивъ, видѣлъ, что она отвратительна, пакостна, слѣдовательно ждать хорошихъ отзывовъ не могъ. Поймите, понимаю; я зналъ, что она дурна, но не зналъ, что въ такой мѣрѣ; вотъ почему на меня подѣйствовало сильнѣе, чѣмъ могъ я ожидать. Во всякомъ случаѣ это грустно, грустно потому, что оправдываются мои предчувствія, что здѣсь работать становится для меня съ каждымъ днемъ труднѣе. Но что-же дѣлать?—судьба: это положительно. Я въ прошломъ письмѣ описывалъ Вамъ мои, не то что опасенія, а настоящіе бѣды отъ отсутствія всего художественнаго и среды. Природа всегда одинакова и единѣе съ нею быть нельзя. (Впрочемъ, я этому несомнѣнно вѣрю, даже готовъ скорѣе отрицать, а между тѣмъ факты какъ будто въ разрѣзъ идутъ). Природа можетъ мнѣ принести,—если я ей одной буду пользоваться,—больше вреда, чѣмъ, напр., жизнь въ Парижѣ, въ средѣ картинъ и художествъ. Я настолько люблю природу, настолько всматриваюсь въ нее, что мои картины начинаютъ хромать смысломъ, избилуя подробностями. Вы въ одномъ мѣстѣ пишете, другъ мой, что мнѣ поѣздка за-границу нужна для того, чтобы не упасть окончательно, спасти себя для Россіи. (Это не слово въ слово, а смыслъ только). Изъ этого я вижу то, что вы слишкомъ мягко, слишкомъ нѣжно дотрогиваетесь до больныхъ мѣстъ послѣдней картины и не пишете прямо того, что она гораздо ниже того, что Вы могли себѣ представить и чѣмъ написали... Прошу Васъ, другъ мой, не думать, что мнѣ мое отчужденіе отъ общества можетъ принести такое положительное паденіе, можетъ грозить серьезною опасностью моей художественной будущности. Это невѣрно; какъ ни сильно я страдаю отъ своего исключительнаго, ненормальнаго положенія, эти страданія никогда, еслибы даже продолжались всю мою жизнь, никогда,—повторяю,—не разрушили бы во мнѣ художника, никогда не остановили-бы совѣтъ моего развитія. Что же касается того, что они останавливаютъ его, то это, конечно, не можетъ подлежать сомнѣнію, но и только. У меня есть другой, болѣе страшный врагъ, это—моя болѣзнь».

Въ этомъ отрывкѣ я вижу любопытную черту слагающагося характера Васильева. Онъ не только дорожилъ мнѣніями лицъ, которымъ довѣрялъ, но и относился къ нимъ съ крайнею впечатлительностью, хотя и безъ всякой тѣни какого бы то ни было оскорбленнаго самолюбія: онъ имѣлъ храбрость сознаваться въ своихъ ошибкахъ. Тѣмъ не менѣе глубокая вѣра въ свое художественное призваніе, въ свой талантъ никогда не покидала его, даже въ тѣ критическія для всякаго художника минуты, когда произведеніе, въ которое онъ вѣрилъ и на которое по-

лагалъ свои надежды, не оправдало этихъ надеждъ и оказалось ниже критики, даже снисходительно откровенной критики друзей.

Подобныхъ минутъ, однакожъ, было вообще мало въ жизни Васильева: онъ почти сразу пріобрѣлъ извѣстность, съ нимъ стали возиться и отчасти даже захваливали его: не объясняется ли этимъ захваливаніемъ,—столь вредно всегда дѣйствующимъ на молодые умы,—та увѣренность въ себя, которую онъ обнаруживалъ, и то пренебреженіе къ критикѣ, о которомъ я упомянулъ? Какъ бы то ни было, не успѣлъ онъ кончить еще рисовальной школы, какъ его рисунки, акварели, этюды пріобрѣли извѣстность, прославили его талантливымъ пейзажистомъ, отъ котораго ожидается въ будущемъ нѣчто крупное и даже необыкновенное. Всѣ восхищались поэтичностью его пейзажей, прелестью рисунка, изысканностью колорита. Онъ вдругъ сталъ извѣстностью и на время почти затмилъ собою другихъ русскихъ пейзажистовъ; онъ началъ получать заказы и пріобрѣлъ имя. Васильевъ поступилъ въ рисовальную школу въ 1860 году, а въ концѣ 1863 года уже вышелъ изъ нея съ извѣстностью, которая пророчила ему блестящее художественное будущее. Въ это время онъ ближе сошелся съ художниками, сталъ бывать въ тогдашней артели художниковъ и эта художественная сфера, конечно, была гораздо полезнѣе для его художественнаго развитія, чѣмъ школьное изученіе, въ которомъ, впрочемъ, онъ уже не нуждался: его манера сразу опредѣлилась, сразу пріобрѣла индивидуальность и своеобразность. Его альбомы, какъ петербургскіе, такъ впоследствии и крымскіе весьма интересны въ этомъ отношеніи; они превосходно знакомятъ съ характеромъ его рисунка, столь отчетливымъ, твердымъ, но въ тоже время и крайне изящнымъ. Въ нихъ же легко замѣтить съ какою добросовѣстностью и съ какимъ умомъ онъ изучалъ природу и ея художественное выраженіе: каждый отдѣльный предметъ онъ не только изучалъ специально, отыскивая свойственныя ему особенности и характеръ, но старался выразить его особеннымъ образомъ, приспособляя свой карандашъ къ болѣе полному, близкому и характерному выраженію свойствъ и особенностей предмета. Его этюды съ природы въ особенности любопытны съ этой технической стороны: тутъ по преимуществу отчетливо выступаютъ особенности его карандаша. Эскизы его интересны въ другомъ отношеніи: въ нихъ уже видны творческія силы художника, осмысливающего данный пейзажъ, группирующаго подробности для выраженія одного извѣстнаго чувства, но группирующаго ихъ такъ, чтобы пейзажъ не только производилъ впечатлѣніе правды, но также и впечатлѣніе изящнаго; поэтому, благодаря этому характеру своей композиціи, въ которую онъ вносилъ свое художественное я, Васильева можно считать натуралистомъ, а не реалистомъ. Случалось, что, излюбивъ одинъ какой-нибудь видъ, онъ старался перенести его въ картину, онъ долгое время не могъ справиться съ композиціей и настойчиво ищетъ ее въ цѣломъ рядѣ эскизовъ, которые почему-либо не удовлетворяли его. Любопытный примѣръ такого исканія, по большей части неудачнаго, я встрѣтилъ въ одномъ изъ двухъ альбомовъ Васильева, находящихся нынѣ въ библиотекѣ академіи художествъ. Это—эскизы той крымской картины, дѣланной по заказу, которая не удалась ему и о которой онъ пишетъ въ отрывкѣ письма, приведеннаго мною выше. Въ альбомѣ находится цѣлый рядъ эскизовъ этой картины, въ различныхъ измѣненіяхъ и въ различной группировкѣ подробностей; эскизы по большей части неудачны, вымучены, дѣланны. Очевидно, что самый

сюжетъ картины не нравился Васильеву, ничего не говорилъ ему и поэтому онъ не могъ съ нимъ справиться. Еслибы картина не была писана по заказу, то нѣтъ сомнѣнія, что Васильевъ послѣ первыхъ же попытокъ бросилъ бы сюжетъ и не возвращался бы къ нему впоследствии, но заказъ нужно было исполнить и къ тому же въ извѣстный срокъ; картина должна была быть, во чтобы-то ни стало, эффектна. Немудрено поэтому, что въ исполненіи масляными красками, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ эскизовъ карандашомъ, картина вышла крайне условна, дѣланна, фальшива и въ композиціи и въ выполненіи. Будь Васильевъ тогда болѣе опытный художникъ, то рутинная замѣнила бы въ данномъ случаѣ до извѣстной степени то, что мы называемъ вдохновеніемъ. Къ счастью, Васильевъ не всегда подчинялся необходимости работать по заказу на опредѣленный сюжетъ, и это обстоятельство въ значительной степени охраняло свѣжесть его таланта.

Новости русской литературы.

II.

Самозванецъ лже-царевичъ Симеонъ, историческій рассказъ Н. И. Костомарова.

Въ послѣдніе 10 лѣтъ въ русскомъ обществѣ проявилась охота къ чтенію историческихъ книгъ и журналовъ, посвященныхъ специально русской исторіи. Иначе ничѣмъ другимъ нельзя объяснить успѣхъ историческихъ журналовъ и книгъ. И надо думать, что увлеченіе исторіей въ нашемъ обществѣ нисколько не ослабѣваетъ, потому что число историческихъ журналовъ не только не уменьшается, но еще нарождаются новые органы. Съ января этого года началъ издаваться «Историческій Вѣстникъ», которому, кажется, предстоитъ занять первое мѣсто среди существующихъ у насъ историческихъ журналовъ и завоевать себѣ весьма солидный успѣхъ. Январская книжка его составлена хорошо; многія статьи написаны живо и увлекательно и заключаютъ въ себѣ не мало интереснаго и занимательнаго матеріала. Кромѣ главной, такъ сказать, показной статьи «Самозванецъ Симеонъ», о которой будетъ сказано ниже, мы считаемъ не лишнимъ указать нашимъ читателямъ и нѣкоторыя другія статьи. Начнемъ съ правдиваго и простаго разсказа «Кадетскій монастырь». Эта статья, трактующая о недалекомъ прошломъ, является особенно кстати въ наше время, когда господствуетъ неудержимое стремленіе къ наживѣ. Разсказъ о людяхъ, забывавшихъ себя ради исполненія своего долга, отдававшихъ всецѣло своей честной дѣятельности, приводитъ самое отрадное впечатлѣніе. Какіе это хорошіе, простые люди! Вотъ директоръ генералъ Перскій. Для него весь міръ заключался во вѣренномъ ему первомъ кадетскомъ корпусѣ. Онъ почти никогда не бывалъ за стѣнами своего учебнаго заведенія. Разъ кадеты увидѣли его на тротуарѣ и отъ одного къ другому передавалось невѣроятное извѣстіе: «Михаилъ Степановичъ прошелъ по улицѣ!» Кадетъ онъ считалъ своими дѣтьми и обходился съ ними, какъ нѣжный, любящій отецъ. Онъ исключительно занимался по научной части, фронтную же часть передалъ батальонному командиру. Онъ никогда не наказывалъ кадетъ и это въ такое время—въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія—когда сѣченіе считалось необходимымъ педагогическимъ средствомъ. Онъ практиковалъ только одно наказаніе: кадета лѣниваго или нерадиваго онъ бывало слегка коснется въ лобъ кончикомъ безъ-имяннаго пальца, какъ бы оттолкнетъ отъ себя и скажетъ своимъ чистымъ, отчетливымъ голосомъ: «дурной кадетъ!» И это дѣйствовало сильнѣе самыхъ строгихъ наказаній;

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА МЕЙССОНЬЕ.

Художникъ-портретистъ.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА И. И. КРАМСКОГО.

Сосергатель.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипампѣ“.

провинившійся старался исправиться и тѣмъ «утѣшить Михаила Степановича». Жилъ Перскій необычайно просто; ѣлъ тотъ же обѣдъ, какой давался кадетамъ, съ прибавленіемъ только одного кушанья. Онъ былъ человѣкъ образованный и много читалъ. Онъ жилъ и умеръ честнымъ человѣкомъ безъ пятна и упрека. Взглядъ Перскаго на свои обязанности въ отношеніи кадетъ выразился лучше всего при слѣдующемъ случаѣ. Начальникъ военно-учебныхъ заведеній генералъ Демидовъ потребовалъ, чтобы ему дали списокъ кадетъ, которые себя дурно ведутъ. Перскій отвѣчалъ, что худыхъ кадетъ нѣтъ. Когда же Демидовъ замѣтилъ, что одни себя ведутъ лучше, другіе хуже и что послѣднихъ слѣдуетъ для примѣра другимъ отправить въ армію унтеръ-офицерами, Перскій спросилъ:

— Какъ въ унтеръ-офицеры! за что?

— За дурное поведение.

— Намъ вѣрили ихъ родители съ четырехлѣтняго возраста, какъ вамъ извѣстно, отвѣчалъ Перскій. — Слѣдовательно, если они дурны, то въ этомъ мы виноваты, что они дурно воспитаны. Что же мы скажемъ родителямъ? то, что мы довоспитали ихъ до того, что ихъ пришлось сдать въ полки нижними чинами...

Таковъ былъ Перскій и какіе славные были у него помощники. Вотъ экономъ Бобровъ, воспитанный Рыдѣвымъ. 40 лѣтъ онъ былъ экономомъ. Въ его распоряженіе отпускалось ежегодно 600,000 руб., слѣдовательно черезъ его руки прошло 24,000,000 рублей и онъ не только не составилъ состоянія, но когда онъ умеръ, у него не оказалось ни гроша денегъ и его хоронили на казенный счетъ. Жалованья ему было положено 3,000 рублей въ годъ, но онъ, въ сущности, его не получалъ, а только росписывался въ его полученіи. Куда же онъ дѣвалъ свое жалованье? А вотъ куда. Въ корпусѣ было много людей бѣдныхъ. Каждому изъ этихъ бѣдныхъ, выпущенныхъ въ офицеры, Бобровъ дарилъ три перемѣны бѣлья, двѣ столовые и четыре чайныя серебряныя ложки. Бѣлье давалось для себя, а серебро для «общегитія». — «Когда товарищъ зайдетъ, чтобы было у тебя, чѣмъ дать шей хлебнуть, а къ чаю могутъ зайти двое и трое, — такъ вотъ, чтобы было чѣмъ», говорилъ Бобровъ.

И любили же его кадеты такъ же горячо, какъ и онъ любилъ ихъ. Бобровъ, подобно начальнику своему Перскому, тоже почти никогда не выходилъ за стѣны корпуса. Замыкался въ нихъ и другой сподвижникъ Перскаго, тоже замѣчательный человѣкъ, корпусный докторъ Зеленскій. Этотъ даже не имѣлъ особой квартиры, а жилъ въ лазаретѣ, въ послѣдней комнатѣ, такъ что былъ постоянно при больныхъ, которыхъ посѣщалъ не только днемъ, но даже и ночью. Для своего времени, Зеленскій былъ докторъ выдающійся; онъ былъ гигиенистъ и къ лекарствамъ прибѣгалъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Но какъ онъ заботился о больныхъ дѣтяхъ! У него была поговорка: «Если ребенокъ умретъ отъ горячки, доктора надо повѣсить за шею, а если отъ скарлатины, — то за ноги». И въ лазаретѣ Зеленскаго дѣти не умирали ни отъ горячки, ни отъ скарлатины.

Кромѣ пользы, приносимой Зеленскимъ кадетамъ по своей специальности, онъ помогалъ имъ и другимъ образомъ. Демидову было приказано «подтянуть» корпусъ и онъ переусердствовалъ, понявъ подъ словомъ «подтянуть» — «остановить образованіе». Въ первомъ кадетскомъ корпусѣ существовали богатая библіотека и музей. Демидовъ приказалъ: библіотеку запереть, въ музей не водить и наблюдать, чтобы никто не смѣлъ приносить съ собою никакой книги изъ отпуска. Нечего и говорить, что благодаря такимъ мѣрамъ, уровень развитія кадетъ очень понизился. И вотъ Зеленскій помогалъ тѣмъ мо-

лодымъ людямъ, въ которыхъ замѣчалъ способности. Передъ выпускомъ онъ записывалъ такихъ больными, помѣщалъ ихъ въ лазаретъ рядомъ съ своей комнатою, давалъ имъ читать книги хорошихъ авторовъ и велъ съ ними долгія бесѣды о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Зеленскій тоже былъ безсребренникомъ; онъ прослужилъ въ корпусѣ 30 лѣтъ и оставилъ послѣ себя всего богатства 50 рублей.

Укажемъ еще на интересныя статьи: московскаго професора Герье «Сергій Михайловичъ Соловьевъ» и г. Завалишина «Декабристъ М. С. Лунинъ», и обратимся къ интересному труду нашего почтеннаго историка Н. И. Костомарова.

Самозванцы, какъ претенденты на престолъ, такъ и въ частной дѣятельности являлись во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ; появляются они и въ наше время; но особенно много ихъ являлось въ Россіи въ XVII столѣтіи. Г. Костомаровъ рассказываетъ исторію самозванца, о которомъ до сихъ поръ почти не упоминалось. Самъ-ли этотъ самозванецъ додумался до своего самозванства или его подставили, чтобы нѣсколько «напакостить» Москвѣ — точно неизвѣстно. Вѣроятно послѣднее, потому что самозванецъ Симеонъ оказывается уже слишкомъ ничтожной личностью. Появленіе его на аренѣ дѣятельности совпало съ необычнымъ явленіемъ. Въ концѣ 1673 года Запорожье посѣтила зараза и въ это тяжелое время пріѣхалъ туда молодой человѣкъ, хорошо одѣтый и назвавшійся царевичемъ Симеономъ, сыномъ царя Алексѣя Михайловича. Пріѣзжаго сопровождали 8 донскихъ казаковъ и вожь Миувскій. Безъ вожа въ то время трудно было пройти по степямъ южной Россіи.

Кошевымъ въ Запорожьи тогда былъ Иванъ Сѣрко, человѣкъ чрезвычайно храбрый и отважный, типъ истого запорожца. Въ Москвѣ не долюбливали Сѣрко, онъ даже побывалъ въ Сибири; не мудрено, что и Сѣрко тоже не чувствовалъ особенной пріязни къ Москвѣ. «Непріязненное чувство къ Москвѣ у него нѣкоторое время оставалось», говоритъ г. Костомаровъ, — и хотя не довело его до того, чтобы чинить Москвѣ важный вредъ, но располагало подуматься надъ Москвою и подразнить ее, когда представится случай». Самозванецъ какъ разъ послужилъ такимъ случаемъ, къ тому же, благодаря ему, для запорожскаго кошевого представлялась возможность кое-чѣмъ попользоваться отъ Москвы.

Кто такой былъ этотъ самозванецъ и представлялъ-ли онъ серьезную опасность для московскаго государства? Должно быть представлялъ, если судить по тому старанію, съ какимъ московское правительство добивалось выдачи его. Придя въ Запорожье, самозванецъ объявилъ себя сыномъ царя Алексѣя Михайловича. «Былъ я одинъ разъ, рассказывалъ самозванецъ, — у дѣда своего по плоти боярина Ильи Даниловича Милославскаго въ палатахъ, а въ то время у него, боярина, былъ нѣмецкій посолъ и говорили они о дѣлахъ, а я помѣшалъ имъ». Далѣе, по его словамъ, оказывалось, что бояринъ невѣжливо отвелъ его рукою. Онъ оскорбился и пожаловался царю, говоря ей, что онъ бы перевелъ всѣхъ бояръ и первымъ Илью Даниловича. Царица разсердилась и велѣла окормить его, но стряпчій Севастьяновъ, которому поручено было это дѣло, окормилъ пѣвчаго, а его спасъ. Потомъ онъ попалъ къ Стенькѣ Разину, но не объявлялъ атаману о своемъ званіи, которое открылъ только послѣ того, какъ Стенька былъ взятъ. Потомъ онъ скитался на Дону, писалъ письмо къ царю Алексѣю Михайловичу, но бояре скрыли отъ царя его письмо.

Въ тоже время самозванецъ пустил въ ходъ и другой вариантъ разсказа о своихъ приклю-

ченіяхъ. Онъ говорилъ: «Сосланъ я былъ на Соловецкій островъ, а какъ туда пріѣзжалъ въ Соловецкій монастырь на богомолье Стенька Разинъ, я тайно присталъ къ нему и былъ съ нимъ, и въ стругѣ съ козаками на Хвалынское море ходилъ вмѣсто наемнаго гулящаго человѣка, и послѣ того на Дону былъ, пока Стеньку не взяли. Войско донское про меня не вѣдало; знали только одни атаманы».

Не смотря на такое разногласіе, самозванцу въ Запорожьи повѣрили. Да и какъ было не вѣрить темному люду, когда вожь Миувскій рассказывалъ, что самъ видѣлъ, что «у царевича на правомъ плечѣ и на рукѣ есть знаменіе видѣніемъ царскаго вѣнца».

А въ тѣ времена предразсудковъ и суевѣрій такое свидѣтельство значило болѣе писанныхъ документовъ. Къ тому же самозванецъ принесъ съ собою двѣ хоругви, на которыхъ были изображены орлы да сабли кривыя.

Люди умные и бывалые на Запорожьи, въ родѣ кошевого Сѣрко, конечно, не придавали никакой вѣры словамъ самозванца, но рѣшились воспользоваться имъ, какъ средствомъ вытянуть что-нибудь съ Москвы и это имъ вполне удалось.

Узнавъ о появленіи въ Запорожьи самозванца, царь Алексѣй Михайловичъ 12 декабря 1673 года послалъ грамоту малороссійскому гетману, въ которой сообщалось, что «царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ, родившійся 7173 года, апрѣля въ 3-ій день, скончался 7177 года, іюня въ 18-й день» и что при погребеніи его, кромѣ русскихъ архіереевъ, присутствовали александрійскій патріархъ Пансій.

Малороссійскій гетманъ Самойловичъ, вмѣстѣ съ московскимъ посольствомъ, привезшимъ грамоту, отрядилъ и свое посольство въ Запорожье. Сѣрко, узнавъ, что къ нему ѣдетъ посольство, уѣхалъ изъ Сѣчи. Безъ него посольство встрѣтило на пути въ Запорожье множество затрудненій и непріятностей. Встрѣчавшіеся по дорогѣ запорожцы заявляли рѣшительно, что они признаютъ въ самозванцѣ настоящаго царевича Симеона и не дадутъ его въ обиду. Враждебныя отношенія грозили перейти въ открытую ссору, самая жизнь пословъ зависѣла теперь отъ случая. Наконецъ посольство прибыло въ Сѣчь; въ тоже время вернулся Сѣрко. Онъ выѣхалъ на встрѣчу посольству и тотчасъ же далъ понять посламъ, что беретъ подъ свою защиту самозванца. Вечеромъ того же дня къ избѣ, занятой посольствомъ, подошелъ самозванецъ въ сопровожденіи 300 запорожцевъ и сталъ звать старшаго посла. Тотъ не вышелъ, а появился второй посолъ и обругалъ самозванца воромъ и обманщикомъ.

— Ахъ, вы брюхачи, измѣнники! закричалъ самозванецъ и разразился сквернословіемъ, а послы въ свою очередь отвѣтили ему тѣмъ же.

Дѣло могло разыгратъ очень плохо для пословъ, но запорожскіе старшины, пришедшіе съ толпой, а также благоразумнѣйшіе изъ казаковъ утишили бурю.

Черезъ два дня состоялась рада. Пословъ проводили на нее, какъ арестантовъ, подъ конвоемъ. Получивъ царскія грамоты, Сѣрко обратился съ рѣчью къ радѣ, которую закончилъ словами: «Братія, не выдадимъ этого молодика» (т. е. самозванца).

— Не выдадимъ, не выдадимъ, пане кошовый! раздалось въ толпѣ.

— Они (т. е. послы) показываютъ намъ печать и письмо, будто оно царское, говорили другіе, — а царевичъ вонъ самъ рассказываетъ, что у нихъ бояре все сами пишутъ и рассылаютъ безъ указа великаго государя, и еще будутъ къ намъ присылать; пора бы ихъ утопить, либо имъ и руки и ноги обрубить.

Но Сѣрко вовсе не желалъ смерти пословъ, отъ которой не могъ получить никакой выгоды. Онъ усмиривъ волненіе и приказалъ пустить пословъ домой.

Нѣсколько разъ еще видѣлся Сѣрко съ московскими посланцами, онъ только поддразнивалъ ихъ и наконецъ рѣшилъ, что отнестись съ ними своихъ пословъ, чтобы они «изъ устъ самого его царскаго пресвѣтлаго величества услышали», что называющій себя царевичемъ—воръ и обманщикъ; а тогда рада разсудить, что далѣе дѣлать.

8 мая запорожскіе посланцы пріѣхали въ Москву и объявили, что «названный царевичъ находится въ Запорожьи за крѣпкимъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока получитъ отъ царя подлинная вѣдомость; если царь скажетъ, что этотъ царевичъ не прямой царской сынъ, а блазень, запорожцы, оберегая государеву честь, доставятъ его во всякой крѣпости въ Москву».

Впрочемъ, вся эта рѣчь была только подхodomъ. Запорожцы просили, чтобы «государь пожаловалъ имъ на 3000 человекъ и больше кармазинныхъ суконъ по 10 аршинъ на человека въ годъ, и денежной, и пороховой и свинцовой казны; а также ломовыхъ пушекъ, нарядныхъ ядеръ, мастеровъ, которые тѣми ядрами умѣютъ стрѣлять, и чаекъ» (судовъ).

13 мая запорожцевъ позвали къ царю и тамъ вручили имъ царскую грамоту, въ которой говорилось, что въ Запорожьи гостить не царевичъ, а воръ и самозванецъ. вмѣстѣ съ тѣмъ посланцевъ извѣстили, что чайки и пушки и царское жалованье сукнами уже посланы на Сѣчу съ жильцемъ Мясоѣдовымъ.

Что затѣмъ воспослѣдовало, какъ рада рѣшила выдать самозванца,—неизвѣстно, но только въ августѣ запорожцы сдали самозванца Ромодановскому находившемуся въ Малороссіи, а тотъ приказалъ везти его въ Москву «съ большимъ стѣсненіемъ». Впрочемъ запорожскій конвой сопровождалъ самозванца до самой Москвы.

16 сентября самозванца ввели въ Москву и посадили на ту телѣгу, на которой нѣкогда везли Стеньку Разина. Самозванца поставили на дыбѣ, приковали руки къ дыбѣ, связали цѣпью за шею и поперекъ тѣла и повезли по Тверской улицѣ прямо въ Земскій приказъ къ допросу.

Подъ пыткой самозванецъ показалъ, что онъ мужичій сынъ, что отецъ его жилъ въ Варшавѣ и былъ подданнымъ князя Вишневецкаго, что самозванству его училъ воръ Міувскій, скрывшійся теперь изъ Запорожья, что въ Москвѣ онъ никогда не бывалъ, что замыслилъ онъ собрать войско, призвать крымскую орду, идти на московское государство и избить бояръ; далѣе, что никто изъ московскихъ людей объ его замыслахъ не зналъ.

Нѣсколько разъ пытали самозванца и на дыбѣ и огнемъ; онъ продолжалъ стоять на своемъ показаніи. «По этимъ пыточнымъ рѣчамъ указалъ великій государь и свѣтлѣйшій патриархъ московскій всея Россіи Іоакимъ и бояре и околнчичи думные люди приговорили—казнить вора и самозванца такою смертію, какою былъ казненъ богоотступникъ Стенька Разинъ».

16 же сентября самозванецъ выведенъ былъ на Красную площадь и надъ нимъ совершена была казнь: ему отсѣкли руки, потомъ ноги, а наконецъ голову, и отсѣченные члены воткнули на колья. Члены казненнаго оставались на выставкѣ цѣлые сутки.

Такъ быстро, въ нѣсколько часовъ, совершился судъ надъ этимъ самозванцемъ, стоившемъ Москвѣ не междоусобной войны, а только денежныхъ расходовъ. Сѣрко кромѣ пушекъ, судовъ, суконъ и денегъ выпросилъ еще у царя для Сѣчи дѣпровскій перевозъ у Переволочной, а для себя городъ Кереберду.

Къ рисункамъ.

Мальчикъ-болгаринъ, Платонова.—Эта картина, сюжетъ которой не представляется надобности разсказывать, получила награду за экспрессию. И дѣйствительно, г. Платоновъ вполне совладѣлъ съ своей задачей: выраженіе лица и особенно глазъ мальчика—замѣчательно и картина можетъ считаться одной изъ лучшихъ въ этомъ родѣ.

Чаша и уста, картина Рихтера (къ драматической поэмѣ Альфреда Мюссе).—Содержаніе поэмы Мюссе, одну сцену которой иллюстрировалъ Е. Рихтеръ, заключается въ слѣдующемъ: герой Франкъ—молодой человекъ съ демоническими страстями и жадной честолюбивой, но въ тоже время разочарованный: ни любовь, ни слава, ни наука, ни власть, въ томъ видѣ, въ какомъ они намъ представляются, не въ состояніи его удовлетворить. Франкъ—нѣчто въ родѣ Фауста XIX столѣтія, или Манфреда, только перенесеннаго съ вершинъ Альпъ въ обстановку болѣе реальную. Такой типъ разочарованнаго очень часто встрѣчается въ литературѣ тридцатыхъ годовъ, въ самый разгаръ романтизма. Альфредъ Мюссе изобразилъ его въ драматизированной поэмѣ, считающейся однимъ изъ лучшихъ произведеній французскаго поэта. Поэма начинается тѣмъ, что Франкъ въ припадкѣ пессимизма и презрѣнія къ людямъ покидаетъ свой родной городъ; на пути онъ встрѣчаетъ молодого Страніо и его любовницу Бельколоръ; онъ вступаетъ въ споръ съ Страніо, убиваетъ его и овладѣваетъ его любовницей. Но вскорѣ и любовь пресыщаетъ его; онъ бѣжитъ, поступаетъ въ армію и вскорѣ дѣлается однимъ изъ храбрѣйшихъ предводителей. Но вѣчно сосущая его жажда власти и «сильныхъ ощущеній» не позволяетъ ему и тутъ успокоиться. Онъ заказываетъ для себя гробъ, распускаетъ слухъ, что умеръ, самъ же переодѣвается въ монаха, молящагося у гроба. Являются солдаты и одинъ офицеръ въ надгробномъ словѣ восхваляетъ добродѣтели и подвиги Франка. Тогда монахъ (онъ же и Франкъ) начинаетъ противорѣчить оратору, перечисляя всѣ преступленія Франка; ему сначала противорѣчатъ, но потомъ мало-по-малу соглашаются; тогда онъ срываетъ съ себя маску и говоритъ, что Франкъ не умеръ. Въ ужасѣ убѣгаютъ. Затѣмъ является Бельколоръ и въ отчаяніи молится у гроба Франка. Франкъ въ одеждѣ монаха вступаетъ съ нею въ разговоръ, совѣтуя ей забыть умершаго и полюбить его, монаха: онъ, правда, безобразенъ и гадокъ, но богатъ. И тутъ же даетъ ей золото и драгоценныя камни. Бельколоръ соглашается, тогда онъ снова срываетъ съ себя маску и говоритъ ей: «Va-t-en, prostituée, ou ton heure est venue!» (Ступай вонъ, развратница, или я убью тебя). Эту именно сцену и изобразилъ Рихтеръ, придавъ не только всей сценѣ, но главнымъ образомъ лицу Франка тотъ демоническій характеръ, который свойственъ этому романтическому типу. Такимъ образомъ, потерявъ вѣру въ любовь и дружбу, Франкъ возвращается въ родной городъ, гдѣ ждетъ его невѣста: онъ уже готовъ забыть свои несчастія въ любви этой невинной дѣвушки, но является Бельколоръ и убиваетъ невѣсту Франка.

Джулія Капулетти, Берты Зикъ.—Вотъ еще сюжетъ, которымъ соблазнились знаменитѣйшіе художники Европы съ тѣхъ поръ, какъ Шекспиръ сдѣлалъ популярною исторію, о которой онъ говоритъ:

Печальнѣе нѣтъ повѣсти на свѣтѣ,

Какъ повѣсть о Ромео и Джульетѣ.

Г-жа Берта Зикъ въ свою очередь очень талантливо выполнила трудную задачу. На рисункѣ Джульетта изображена въ ту минуту, когда она выпила усыпляющій напитокъ и заснула. На лицѣ ея видна глубокая печаль вслѣдствіе разлуки съ Ромео, но въ тоже время замѣтна и та страстность, которая составляетъ основу характера, изображеннаго такъ неподражаемо Шекспиромъ. Кромѣ самой Джульетты превосходны аксесуары, цвѣты на столѣ, рядомъ съ открытою шкатулкой; платье, драпировка и открытое окно. Заснувшая Джульетта прикасается рукой къ кольцу, этому залого любви Ромео. Вся картина чрезвычайно эффектна.

Художникъ-портретистъ, картина Мейссонье.—Мейссонье извѣстенъ своимъ замѣчательнымъ умѣніемъ схватывать типы солдатъ французской арміи: въ этой области у него нѣтъ соперниковъ. Сюжетъ настоящей картины понятенъ самъ собою: случайный, вѣроятно, странствующій художникъ рисуетъ портретъ величаваго сержанта, очевидно, гордящагося своею ролью. Нѣсколько другихъ солдатъ, окружающихъ художника съ любопытствомъ смотрятъ на портретъ; между ними въ особенности хорошъ молодой солдатикъ, взошедшій на стулъ, чтобы лучше видѣть; хорошъ также другой солдатъ, уснувшій на скамейкѣ, съ

трубкой въ зубахъ. Вся картина отличается необыкновенной естественностью и замѣчательнымъ рисункомъ.

Созерцатель, И. Н. Крамского.—Считаемъ совершенно лишнимъ распространяться о достоинствахъ кисти И. Н. Крамского. Въ «Созерцатель», также какъ и въ другихъ своихъ картинахъ, нашъ талантливый художникъ обнаруживаетъ ту жизненную правду, которая является однимъ изъ самыхъ рѣдкихъ качествъ не только въ живописи, но также и въ другихъ искусствахъ. Разсчитывая, впрочемъ, посвятить въ текущемъ году г. Крамскому особенный подробный этюдъ, мы возвратимся въ немъ и къ его «Созерцателю».

Фальстафъ въ тюрьмѣ, рисунокъ Зичи.—(См. № 3-й «Жив. Об.»). Изъ трехъ пьесъ Шекспира, въ токорыхъ является жирный рыцарь, сэръ Джонъ Фальстафъ, ни въ одной Фальстафъ не сидитъ въ тюрьмѣ, но за то во всѣхъ онъ такъ близокъ къ тюрьмѣ, благодаря своимъ продѣлкамъ, что г. Зичи не безъ основанія могъ заключить о томъ, что жирный рыцарь, эта бочка съ хересомъ, какъ называетъ его Шекспиръ, весьма основательно изучилъ лондонскія тюрьмы своего времени. Во всякомъ случаѣ «Фальстафъ въ тюрьмѣ», — крайне интересный сюжетъ, не только для картины, но также и для комедіи. И въ самомъ дѣлѣ, Фальстафъ, заключенный въ тюрьмѣ на хлѣбѣ и водѣ, принужденный во всѣхъ отношеніяхъ поститься и вести, такъ сказать, монашескую жизнь въ то время, какъ все его существо стремится къ хересу, вкуснымъ яствамъ и къ самому невоздержанному разгулу,—представляетъ зрѣлище, достойное безсмертія. Такъ посмотрѣлъ и г. Зичи на свой сюжетъ: онъ, если можно такъ выразиться, прибавилъ лишнюю черту къ характеристикѣ безсмертнаго типа, созданнаго Шекспиромъ. Шекспиръ показываетъ намъ Фальстафа въ веселомъ расположеніи духа: жирный рыцарь плутуетъ, остритъ, пьетъ хересъ, шутитъ. Г. же Зичи изображаетъ намъ его въ уныніи: вѣроятно, за какой-нибудь слишкомъ осязательный проступокъ сэръ Джонъ попалъ въ тюрьму: тутъ ни хересу, ни остротѣ, ни шуткамъ; тутъ приходится сидѣть въ заперти, на хлѣбѣ и водѣ, безъ всякой примѣси спиртныхъ напитковъ. Сэръ Джонъ, очевидно, хандритъ онъ даже и взглянуть-то не желаетъ на кусокъ черстватаго хлѣба, лежащій подлѣ него, и на кружку съ водою; онъ предается мрачнымъ думамъ, размышляя о бренности всего земного. Контрастъ этой жирной, колоссальной фигуры, созданной для разгула и распутства, съ тюрьмой, въ которой ему приходится размышлять о добродѣтели,—схваченъ г. Зичи съ его обычнымъ талантомъ.

Смѣсь.

— Семейный револьверъ. Въ одинъ изъ блестящихъ оружейныхъ магазиновъ Нью-Йорка входитъ покупатель. «Покажите мнѣ револьверъ, говоритъ онъ, обращаясь къ купцу,—только что нибудь новенькое въ этомъ родѣ». «Вотъ, предлагаетъ купецъ, самая послѣдняя новость: семейный револьверъ.—«Что? семейный револьверъ?»—«Да, сударь, потрудитесь взглянуть—онъ шестивыстрѣльный: два выстрѣла для вашей супруги, два для нарушителя вашего семейнаго счастья и два собственно для васъ. Этотъ сортъ теперь удивительно въ модѣ, его всѣ берутъ на расхватъ—въ особенности для свадебныхъ подарковъ!»

— Жертвы волковъ. Суровая зима, господствующая въ настоящемъ году въ Румелии, сдѣлала волковъ необыкновенно свирѣпыми. Вблизи м. Ямболи, по словамъ «Turquie», стаяй голодныхъ волковъ живемъ были съѣдены: 2 жандарма, почтальонъ съ лошадью и 4 крестьянина; спаслась только собака, принадлежавшая одному изъ послѣднихъ.

— Литературный нурезъ. Недавно нидерландская литература обогатилась произведеніемъ до крайности своеобразнымъ. Въ Амстердамѣ, у ван-Кампфена, можно видѣть три небольшіе разсказа, особенность которыхъ заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ обходится лишь съ помощью одной какой-либо гласной буквы; такъ, въ словахъ перваго, изъ гласныхъ, встрѣчается только А; во второмъ Е; въ третьемъ—О. Сообразно съ этимъ и самыя заглавія: «А—Saga», «Е—Legende», «О—Sprook». При этомъ, не смотря на трудность подобнаго искусстванаго подбора, оригинальный фокусъ выполненъ блистательно. Разсказы эти, впрочемъ, существуютъ уже 40 лѣтъ, но появились въ печати только теперь. Авторы ихъ—три уважаемые голландскіе профессора: «А—Saga»—И. Боспа, «Е—Legende»—д-ръ Яковъ ван-Леннепъ, «О—Sprook»—д-ръ Амори ван-деръ-Ховенъ.

— Ботаника и искусство. «Растеніе, какъ дѣятель въ искусствѣ»—вотъ основное положеніе реферата,

публично прочитанного недавно директоромъ вѣнскаго ботаническаго сада, профессоромъ, докторомъ А. Кернеромъ, въ одномъ изъ собраній «Конкордіи». Счастливая мысль—провести и доказать связь между ботаникой и искусствомъ—сама по себѣ уже подкупала вниманіе слушателей; оно возросло еще болѣе, когда къ этому присоединились: живое, картинное воспроизведеніе красотъ природы; ловко обобщенная зависимость формъ растительнаго міра, послужившихъ образцами искусству—отъ законовъ ихъ образованія и дальнѣйшаго развитія. Профессоръ Кернеръ началъ съ вліянія впечатлѣній созерцаемой человѣкомъ природы, на произведенія его художественнаго творчества; съ того характеристическаго отпечатка, который сообщаютъ эти впечатлѣнія, въ особенности національной музыки и народнымъ пѣснямъ. Какъ примѣръ вдохновенія, почерпаемаго поэтическою фантазіей изъ міра растений, привелъ онъ, съ одной стороны—значеніе пальмъ въ циклѣ идей, являющихся собою олицетвореніе религиознаго культа жителей тропиковъ, съ другой—перемѣны времени года въ растительномъ царствѣ средняго пояса и дѣйствіе ихъ на расположеніе духа человѣка. Сдѣлавъ такое вступленіе, референтъ перешелъ къ роли растительной пластики въ развитіи образовательнаго искусства и въ архитектурѣ; онъ обратилъ вниманіе на разность концепцій, какъ отдѣльныхъ растений, такъ и ландшафта, у древнихъ и современныхъ мастеровъ, наконецъ доказалъ, что для художника, въ особенности для живописца, знаніе ботаники въ высшей степени важно, что имъ обуславливается возможность придать пейзажной картинѣ вѣрный съ природою колоритъ, отдѣльнымъ же растениямъ—тѣ характеристичныя контуры и особенности, свойственныя индивидуальнымъ законамъ произрастанія каждаго изъ нихъ. Изъ этихъ законовъ проф. Кернеръ послѣдовательно вывелъ законъ расположенія почекъ и образованія вѣтвей, существенный для точнаго воспроизведенія вѣтвистости и физономіи даннаго растения. Для большей наглядности, референтъ, не довольствуясь тѣмъ, что, на стоявшей близъ него доскѣ, вѣтвями, смѣлыми штрихами набрасывалъ различныя типы группировки вѣтвей, еще раздавалъ желающимъ живые образчики, въ видѣ безчисленныхъ отпрысковъ, покрытыхъ почками. Въ заключеніе онъ упомянулъ о непреложной гармоніи законовъ—въ образованіи большихъ растительныхъ группъ, въ послѣдовательности генераций растений, въ своеобразномъ распредѣленіи лѣсовъ. Такимъ образомъ проф. Кернеръ мало по малу пришелъ къ тому выводу, что кажущаяся случайность въ ландшафтномъ расположеніи растений есть, между тѣмъ, выраженіе строжайшихъ законовъ и что погрѣшности въ этомъ отношеніи, встрѣчаемыя иногда у художниковъ, необходимо нарушаютъ эстетическую цѣлостность ихъ произведеній. Рефератъ окончился при самыхъ одушевленныхъ рукоплесканіяхъ, тѣмъ болѣе заслуживающихъ вниманія, что въ числѣ публики видѣлось много представителей наукъ и искусствъ, привлеченныхъ заманчивою темой.

— **Причины и явленія невралгій.** Чрезвычайное усиленіе и распространеніе этой современно-культурной болѣзни, среди населенія сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ, побудили одного изъ выдающихся врачей Нью-Йорка, д-ра Г. М. Бирда, тщательно заняться изслѣдованіемъ тѣхъ болѣзненныхъ явленій, которыя принято подразумѣвать подъ общимъ названіемъ—невралгій. Результаты этого изслѣдованія до того замѣчательны, что заслуживаютъ наибольшаго вниманія. По мнѣнію д-ра Бирда, главнѣйшій симптомъ невралгій—ненормально-развитая чувствительность современнаго поколѣнія къ жару и къ холоду; въ особенности въ классахъ общества, живущихъ умственнымъ трудомъ. Бирдъ говоритъ: родители наши вполне удовлетворялись температурой въ 60° Фаренгейта, намъ же, чтобы чувствовать себя хорошо, необходимо 70°, иногда и больше. Новѣйшія поколѣнія слѣдовательно сдѣлались на 10° Фаренгейта чувствительнѣе къ холоду, чѣмъ ихъ отцы. Между тѣмъ какъ лѣтніе жары, въ настоящее время,—тѣ же, что были и сто лѣтъ назадъ, количество случаевъ солнечнаго удара, апоплексіи—несоразмѣрно увеличилось. Къ этому присоединяется и все возрастающая восприимчивость современнаго организма къ дѣйствію средствъ возбуждающихъ или угнетающихъ нервную систему; сюда относятся: алкоголь, табакъ, даже чай, кофе. Наши отцы, наши матери, безъ мѣры могли пить крѣпкія вина, ликеры; курить крѣпкія табакъ—все это не оказывало на нихъ видимо вреднаго вліянія. Теперь же большинство людей если и куритъ или жуеетъ табакъ, пьетъ сравнительно слабую вина, также кофе, чай—непремѣнно платится за свою неводержимость дурными послѣдствіями.

Множество лицъ не переносятъ опіума, онъ производитъ на нихъ обратное дѣйствіе: не усыпляетъ, а отгоняетъ сонъ. Въ преждевременной потерѣ зубовъ, д-ръ Бирдъ усматриваетъ одно изъ паразитическихъ знаній цивилизаціи. Причины такой потери, говоритъ онъ, зависятъ не только отъ неумѣреннаго употребленія сладостей и кислотъ, отъ недостатка опрятности, или рода пищи, не требующей жеванія; будучи скорѣе субъективны, чѣмъ объективны, причины эти глубоко кроются въ самой организаціи современнаго культурнаго человѣка. Раздражительность пищеварительныхъ органовъ тоже одно изъ наглядныхъ дѣйствій цивилизаціи на нервную систему. Въ этомъ случаѣ, ходъ возвышенія и паденія цѣны на свинину, весьма поучителенъ. Подобно индѣйцу, по мѣрѣ вторженія цивилизаціи, свинья, какъ питательный элементъ, совершенно исчезаетъ. Неудокъ умственнаго работника не переноситъ этого рода пищи. Подобное исчезновеніе, впрочемъ, какъ замѣчаетъ д-ръ Бирдъ, имѣло дурное вліяніе на американскій народъ: изгнавъ изъ употребленія одно, онъ до сихъ поръ не придумалъ ничего другого, равнаго по богатству жирового содержанія свиному мясу. Жиръ, въ ежедневномъ употребленіи—гигиенически-необходимая потребность, которой мы инстинктивно стремимся удовлетворить, употребляя въ пищу—сливки, яйца, рыбу, рыбій жиръ. Глаза д-ра Бирда также признаетъ хорошимъ барометромъ нашей цивилизаціи; поэтому, все чаще встрѣчающаяся слабость зрѣнія, близорукость, вообще разстройство функций глаза—факты сами за себя говорящіе. Ту же цивилизацію считаетъ Бирдъ главной виновницей видимаго расширенія круга женскихъ болѣзней. Но замѣчательнымъ контрастомъ, всѣмъ приведеннымъ болѣзненнымъ знаменіямъ времени, является статистически доказанный фактъ: пропорціонально распространенію невралгій, увеличилась и продолжительность человѣческой жизни. Бирдъ положительно утверждаетъ, что невралгія, обуславливая собою возможность долготѣя, вмѣстѣ съ тѣмъ благоприятствуетъ ему, предохраняя организмъ отъ острыхъ лихорадочныхъ зараженій. Причину особенной нервности сѣверо-американцевъ, проявляющейся у нихъ преимущественно предъ другими народами, д-ръ Бирдъ видитъ въ сухости атмосферы, въ рѣзкихъ переходахъ отъ жара къ холоду сѣверо-американскаго континента.

— **Отчего?** «Каждое отчего имѣетъ свое оттого», говоритъ пословица. Насколько трудно бываетъ иногда на дѣлѣ согласовать эти два слова—ближе всего извѣстно педагогамъ и счастливымъ родителямъ. Виртуозомъ въ отвѣтахъ на не совсемъ обыкновенные вопросы должно считать репортера «Народнаго листка» въ Грацѣ. Глубокомысленно размышляя надъ всѣмъ знакомымъ естественно-научнымъ фактомъ, что мухи никогда не садятся на кошку, между тѣмъ какъ сильно нуждаются въ собакамъ, репортеръ нашъ задается вопросомъ: что избавляетъ кошку отъ мушиного жала? Можетъ быть запахъ ея? Можетъ быть и такъ, но только такъ оно самимъ Провидѣніемъ устроено, чтобы кошка, предназначенная, втеченіи долгихъ часовъ, подкарауливать мышъ—могла оставаться спокойно, не нарушать своей неподвижности! Поселянинъ, прочитавъ объясненіе репортерской загадки, долго не могъ успокоиться, всѣмъ сердцемъ умилившись надъ такой заботливой предусмотрительностью матери-природы!

— **Потери и находки въ Парижѣ.** Трудно составить себѣ хотя приблизительное понятіе о всѣхъ тѣхъ потерянныхъ или забытыхъ предметахъ, которые ежедневно находятъ въ Парижѣ на улицахъ, въ экипажахъ и т. д. Нашедшіи обязаны представить ихъ въ полицейскую префектуру. Число такихъ находокъ въ 1878 г. простиралось до 19,740, въ концѣ же прошедшаго, 1879 года,—до 15,850. Въ высшей степени любопытно посѣтить колоссальный складъ, гдѣ берегаются всѣ эти вещи, тщательнымъ образомъ установленныя или развѣшанныя, перенумерованныя и занесенныя въ каталогъ. Эта выставка напоминаетъ громадный базаръ, весь убранный полками, не хуже любого магазина модныхъ товаровъ. Тутъ встрѣтите вы разнообразнѣйшія по цѣнности вещи, начиная отъ самыхъ дешевыхъ, кончая очень дорогими, притомъ въ преоригинальныхъ подчасъ сочетаніяхъ: вотъ музыкальный инструментъ и рядомъ—сковорода; около шали пріютилась кострюля; книги хмуро накупились на веселенькую картинку съ искусственными цвѣтами; фонарь подозрительно выглядываетъ въ дамскую вуалетку; миниатюрный зонтикъ толкаетъ жестянку. На этой выставкѣ рѣдко бываетъ менѣе 40,000 номеровъ, въ числѣ которыхъ, на половину—трости, зонтики, портъ-монэ. Въ связи съ описаннымъ скла-

домъ находится такъ называемая «касса», т. е. помѣщеніе, гдѣ, въ 12 всегда переполненныхъ шкафахъ хранятся цѣнныя вещи: деньги, часы, цѣпочки, браслеты, кольца и проч. По истеченіи года, отъ срока представленія, находка, если за нею никто не явился, отдается нашедшему; такіе случаи не только не исключеніе, напротивъ, они какъ бы общее правило. Большинство предметовъ, иногда весьма дорогихъ, не требуются владѣльцами, частью, быть можетъ, оттого, что потерявшие ихъ—люди богатые, легко мирящіеся съ минутною непріятностью, частью—вслѣдствіе связаннаго съ потерей воровства. Въ прошедшемъ году, такимъ образомъ, множество отличныхъ часовъ, украшенныхъ драгоценными камнями, браслетовъ, сдѣлались собственностью лицъ ихъ нашедшихъ. Извѣстнѣйшій случай, въ этомъ родѣ, относится къ 1869 году, когда извозчикъ получилъ обратно представленный имъ забытый въ его экипажѣ бриллиантовый уборъ, стоимостью въ 7,000 франковъ, за которымъ, втеченіи двухъ лѣтъ, никто не явился.

— **Что съѣдаетъ Парижъ, въ рождественскій сочельникъ.** Въ Парижѣ въ сочельникъ, сбывается невѣроятное количество всевозможныхъ съѣстныхъ продуктовъ. Напримѣръ, 70,000 дюжины устрицъ; 40,000 куръ, куропадокъ и проч. живности, 15,000 страсбургскихъ пироговъ, 550,000 раковъ, говядины, зелени и проч. на 600,000 фр. Если къ этому прибавить соразмѣрное количество хлѣба—въ результатѣ является довольно точное представленіе объ апетитѣ двухмилліоннаго Гаргантюа, зовущагося «Парижъ!»

— **Новый маякъ.** Въ Ирландіи, на южномъ берегу Корка, поставленъ новый, замѣчательный по своей грандіозной постройкѣ и новѣйшимъ техническимъ приспособленіямъ маякъ, съ примѣненіемъ электрическаго освѣщенія. Маякъ поставленъ на скалѣ съ цѣлю освѣщенія непривѣтливыхъ береговъ Корка, гдѣ, какъ извѣстно, лежитъ путь идущихъ изъ Америки кораблей. Маячный огонь въ обыкновенную погоду горитъ 69 рожками, а въ туманную и вообще пасмурную погоду увеличивается до 5 разъ и тогда, даже сквозь туманъ, свѣтъ видѣется въ видѣ громаднаго огненнаго шара за нѣсколько миль.

— **Неудачно брошенный башмакъ.** Въ сѣверной Каролинѣ, существуетъ обычай бросать старые башмаки въ слѣдъ новобрачнымъ. Недавно этотъ маневръ былъ совершенъ весьма неудачно на свадьбѣ одного негра. По окончаніи обряда, когда молодые новобрачные уже сѣли въ тележку, одинъ изъ близкихъ друзей бросилъ свой громадный деревянный башмакъ съ такимъ усердіемъ, что попалъ прямо въ голову новобрачной—та отъ удара и испуга лишилась чувствъ. Молодой тотчасъ соскочилъ съ тележки, поколотилъ усерднаго друга, затѣмъ снова вскочилъ въ повозку, привелъ въ чувство молодую и какъ ни въ чемъ не бывало отправился въ путь.

— **Полярная экспедиція.** Въ Амстердамѣ въ настоящее время идутъ дѣятельныя приготовленія для 2-ой датской арктической экспедиціи, которая, съ вскрытіемъ воды, отправится въ полярное море.

— **Публичная бібліотека.** Шахъ персидскій издалъ повелѣніе о постройкѣ въ Тегеранѣ новаго роскошнаго зданія для публичной бібліотеки, по образцу зданія Парижскаго хлѣбнаго рынка, который такъ плѣнилъ шаха во время посѣщенія имъ Европы.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 3-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 19 января въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 24 января въ 6 час. 30 минутъ утра.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стих. «Пьянчуга», В. Юрѣва.—Мѣста недавнихъ битвъ, очеркъ В. И. Немировича-Данченка.—Стих. «Изъ Гейне», М. Шелгунова.—Шарль Дамальи, ром. Эд. и Ж. Гонкуръ.—Стих. «Вчера и сегодня» С.-аго.—Волкъ, ром. Эркмана-Шатріана.—Стих. Д. Ушакова.—Пляски и танцы на Руси, Вл. Михневича.—Изъ міра русскаго искусства, Диллетанта.—Новости русскаго искусства, Къ рисункамъ.—Смѣсь.

Рисунки: Мальчикъ-болгаринъ, карт. Платонова.—1 рис. къ роману «Волкъ».—Чаша и уста, карт. Е. Рихтера.—Джулія Капулетъ, рис. Бертъ Зинъ.—Ночлегъ, рис. Петра Соколова.—Пульхерія Ивановна Товстоубиха, рис. Боклевскаго.—Афанасій Ивановичъ Товстоубъ, рис. Егору.—Художникъ-портретистъ, карт. Мейсонъ.—Созерцатель, карт. И. Н. Крамского.

За редактора, издатель Н. И. Шульгинъ.

ЖУРНАЛЪ НОВОГО ОБЩЕСТВЕННАГО ДѢЛА

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 5.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цена отдѣльныхъ №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

2 Февраля 1880 года.

Смѣющійся. КАРТИНА БАССО. (Салонъ 1879 года.)

Гравироваль А. Шлиперъ.

Ожиданіе.

Стих. Д. Д. Минаева.

Ты умерла, но не вѣрю, желанная,
Въ полную смерть твою, смерть непробудную,
Ты унеслась только въ небо туманное,
Бросивши землю, при людяхъ—безлюдную.

Нѣтъ, ты жива! Для созданья прекраснаго
Лучшее выбрано лишь пребываніе
И потому сожалѣнья напраснаго
Нѣтъ у меня и мнѣ чуждо страданіе.

Часто смотрю я на небо глубокое:
Кажется, небо сейчасъ вотъ раздвинется,
Выглянетъ личико голубоокое,
Маленькой ручкой записка мнѣ кинется.

И, назначая свиданье загробное,
Ждать меня будетъ моя ненаглядная;
Я только выберу время удобное
И полечу на свиданье отрадное.

Мѣста недавнихъ битвъ.

Очеркъ В. И. Немировича-Данченко.

I.

Отъ Рущука до Тырнова.

Тутъ около недѣли назадъ поймали очень на-
ивнаго разбойника-турка.

— Ты разбойникъ? спрашиваютъ его.

— Да...

— Зачѣмъ же ты это дѣлаешь?

— Потому — мой промыселъ.

— Какъ это?

— Такъ! И мой отецъ, и мой дѣдъ торговали
этимъ... И я тоже. Болгаринъ сидитъ въ лавкѣ,
землю обрабатываетъ, а я разбойничаю.

— Почему ты нападаешь на турокъ, а не на
болгаръ.

— У турокъ оружіе отобрали, а у болгаръ
оставили... При русскихъ я и совѣмъ не раз-
бойничаю.

— Почему же?

— Боялся... Русскіе храбры. А турки цѣлымъ
селомъ отъ одного побѣгутъ.

Отъ Трстеника ямщикъ мнѣ попался турокъ
и притомъ изъ верпувшихся сюда редифовъ.

Онъ въ свое время не избѣжалъ плѣна и не
могъ нахвалиться тѣмъ радушіемъ, какое встрѣ-
чалъ въ Россіи.

— Москва хороша, Стамбулъ хороша Урусъ,
турекъ — два братья! показывалъ онъ мнѣ два
пальца.

— Болгаръ, урусъ — пѣтъ братья, раздѣливалъ
онъ эти пальцы.

Въ Россіи онъ приучился ѣсть свинину и пить
водку «по малку», какъ онъ выражался. Оказа-
лось, что, будучи поселенъ въ какомъ-то горо-
дишкѣ, онъ работалъ въ кучерахъ у купца, пре-
доставившаго ему на выборъ или ѣсть свинину,
или убираться. Во всемъ остальномъ плѣнный
не только ни въ чемъ не былъ стѣсненъ, напро-
тивъ, не могъ нахвалиться щедростью своего
хозяина и обращеніемъ купчихи, которое, какъ
можно было понять изъ словъ редифа, доходило
даже до интимности. Турокъ сильно тосковалъ
въ Болгаріи и спрашивалъ, примутъ-ли его въ
русское подданство. Своихъ единовѣрцевъ му-
сульманъ онъ называлъ магарам-ослами и увѣ-
рялъ, что знай только они, какъ живутъ въ Рос-
сіи, — сейчасъ ушли бы туда всѣ. Русскихъ онъ
прежде боялся, потому что Гази-Османъ-паша
въ предупрежденіе побѣговъ распространялъ въ
своей арміи убѣжденіе, что мы въ плѣнъ не бе-
ремъ, а убиваемъ всѣхъ, кто намъ отдается въ
руки. Плѣнные шли въ Россію въ полномъ убѣж-
деніи, что ихъ станутъ употреблять на каторж-
ныя работы. Третью партію, къ которой принад-
лежалъ мой ямщикъ, умерла въ Румыніи отъ
голоду, потому что румынскіе солдаты сами съѣ-
дали насъ, отпускаяшійся плѣннымъ. Попадъ

на сытныя хлѣба къ купцу, онъ думалъ, что по-
паде въ рай. Вѣсть объ освобожденіи поразила
его, какъ громомъ. Онъ хотѣлъ остаться, но мулла
убѣдилъ его вернуться. Въ Севастополѣ нагу-
зили ихъ на пароходъ столько, что нельзя было
лечь. А тутъ вдругъ явилась новая партія, ко-
торую нужно было отпавить съ этимъ же тран-
спортомъ. Казалось, стѣснить больше ужъ нельзя
было — только не для Османа-пашы-молодого,
который нашелся: сталъ качать воду на палубу,
на турокъ, тѣ всѣ прижались въ уголъ, чуть не
другъ на друга влѣзли. Новую партію помѣ-
стили въ открывшееся такимъ образомъ мѣсто.
Во время пути — качка. Тѣснота была такая, что
во время качки восемьдесятъ шесть человѣкъ
были задавлены и выброшены турками въ море.
Въ Болгаріи мой возница своимъ положеніемъ
очень недоволенъ, такъ же какъ и всѣ мусульмане.

— Насъ обижаютъ.

— Чѣмъ?

— А вотъ, когда князь Александръ пріѣзжалъ
въ Бѣлу. Налѣво стояли мы, а направо — бол-
гары. Онъ у болгаръ спросилъ, какъ они пожи-
ваютъ, а у насъ нѣтъ... Точно мы не такіе же
его подданные.

Изъ этого мелочнаго въ сущности случая
видно, съ какою чуткостью мусульмане здѣсь
слѣдятъ за всѣми отбѣнками въ отношеніяхъ къ
нимъ новой власти, какое значеніе придаютъ
они всему, что при другихъ условіяхъ прошло
бы незамѣченнымъ.

Бѣла, гдѣ въ 1877 году кипѣла съ утра до
ночи суета нѣсколькихъ сосредоточивавшихся
здѣсь штабъ-квартиръ, теперь совѣмъ опустѣла.
Это селеніе совершенно похоже на городокъ.
Чистые, красивые дома, перепутанныя, какъ и
вездѣ на востокѣ, улицы, бѣлый минаретъ мечети
на верху и такой же неожиданно поднимающийся
изъ темной лощины, а на югѣ грозныя вершины
Балканъ, между которыми довольно ясно мер-
ещится крутой взлетъ св. Николая. При одномъ
взглядѣ на него такъ и вспомнились страшные
августовскіе дни на Шипкѣ — бой 11 числа на
крутыхъ откосахъ и карнизахъ этого самаго
св. Николая. Все пережитое, все испытанное
тогда...

Въ Бѣлѣ изобиліе изумительное.

По словамъ хозяина, у котораго я здѣсь оста-
навливался, русскіе только въ одномъ этомъ
пунктѣ оставили у болгаръ не менѣе миліона
золотомъ. Нѣтъ въ Бѣлѣ бѣдняка, у котораго
не было бы припрятано нѣсколькихъ сотенъ
рублей звонкой монеты, у богачей — десятки ты-
сячъ.

— Мы теперь обезпечены надолго, гово-
рятъ эти господа въ Бѣлѣ. — Намъ и при туркахъ
было хорошо, мы съ ними ладили. Бегъ, который
жилъ здѣсь, исправно получалъ условленную сум-
му и защищалъ насъ за то передъ русскими
властями...

Эти, по крайней мѣрѣ, хорошо распоряжаются
своими деньгами. Такъ они собираются строить
съ 1880 г. гимназію на шесть классовъ и техни-
ческую школу, о которой, впрочемъ, имѣютъ
очень смутное понятіе, такъ какъ къ числу тех-
ническихъ производствъ относятъ адвокатуру и
богословіе. До чего богато населеніе этихъ
мѣстностей, видно изъ того, что средній доходъ
хозяина, напр., въ Бѣлѣ простирается до 2,000
франковъ, тогда какъ содержаніе себя, семьи,
подати и вообще годовой бюджетъ не превы-
шаетъ 1,000 франковъ. Такимъ образомъ, болѣе
половины у него остается въ экономіи. Отсюда
вывозится въ Рущукъ для отсылки по Дунаю
много овчины, шерсти, кожи. Не смотря на то,
что Бѣла только село, здѣсь болѣе 50 лавокъ, а
въ домахъ случается встрѣтить вѣнскія кровати,
вѣнскую мебель, на стѣнахъ картины, изобра-
жающія или сентиментальныя сцены, гдѣ дамы

съ цвѣточками въ рукахъ потупляютъ глазки
передъ исковерканными кавалерами въ зеленыхъ
фракахъ и желтыхъ панталонахъ, или судьбу
Максимилиана — неудавшагося императора мек-
сиканскаго

На почтовой станціи въ Бѣлѣ оказался смо-
трителемъ воспитанникъ одной изъ русскихъ
гимназій, болгаринъ по происхожденію. Грязный
уголъ, въ которомъ онъ живетъ, такъ и дышетъ
нищетою. Одѣтъ плохо.

— Почему вы не искали лучшаго мѣста, страна
нуждается въ людяхъ образованныхъ?

— Я и служу ей здѣсь... Нужно въ народѣ
оставаться образованнымъ людямъ, а не въ чи-
новники идти. А у насъ всѣ бросились на госу-
дарственныя должности...

— Ну, а тутъ вы что сдѣлаете полезнаго?

— Да хоть то, что подготавливаю въ народное
собраніе выборы не какого-нибудь хитраго и
ловкаго чорбаджія, а истиннаго друга народа.
Мало-ли! Мои товарищи теперь начальники окру-
говъ, президенты городскихъ совѣтовъ, ну, и про-
падутъ безъ пользы для Болгаріи...

Это вообще преоригинальный типъ.

Изъ Россіи онъ уѣхалъ въ Болгарію подни-
мать народъ противъ турокъ. Собралъ двадцать
семь человѣкъ ушелъ въ горы. Въ горахъ
при немъ осталось только трое. Остальныхъ ис-
пугали лишеныя бродячей жизни и они верну-
лись во-свои-си, ни разу даже не услышавъ вы-
стрѣла турецкаго ружья. Четверо рѣшительныхъ
людей подняли знамя съ изображеніемъ болгар-
скаго льва, по мѣсто оказалось выбраннымъ не-
удачно. Къ нимъ не явилось никого. Крутомъ
были деревни, относившіяся довольно равнодуш-
но ко всякаго рода демонстраціямъ. Наконецъ,
послѣ долгихъ страствій по труппамъ и лѣ-
самъ маленькій отрядъ повстанцевъ наткнулся
на запіевъ. Они двоихъ убили, а двоихъ пред-
ставили каймакамъ. Моего знакома посадили
въ ожиданіи повѣшенія въ клѣтку, гдѣ онъ не
могъ лечь и не могъ стоять. Здѣсь онъ ухитри-
лся провести около двухъ лѣтъ, что отразилось
на его фигурѣ. Онъ и теперь не можетъ выпря-
миться, точно спинной хребетъ у него свело.
Не повѣсили его потому, что о немъ забыли,
а тутъ явились русскіе и нашли его въ той же
тюрьмѣ. Узниковъ уходившіе турки перерѣзали,
его не дорѣзали. Зашили, залѣчили кое-какъ ра-
ну, онъ теперь и смотритъ въ Бѣлѣ. Питается онъ
арбузами и кукурузнымъ хлѣбомъ, одѣвается хуже
крестьянина, отказывается себѣ
даже въ табакъ и безъ усталости работаетъ среди
народа и для народа.

Этотъ въ Болгаріи — не исключеніе. Здѣсь мно-
го такой самоотверженной молодежи. Я ее встрѣ-
чалъ и среди сельскихъ учителей, и среди кре-
стьянъ, и даже среди поповъ, разумѣется, де-
ревенскихъ, потому что городскіе уже пріобрѣ-
ли нѣкоторый византійскій складъ.

Вообще у насъ о болгарской молодежи, какъ
и о болгарскихъ учрежденіяхъ, имѣютъ самое
странное, самое ошибочное понятіе. Будетъ,
впрочемъ, правильнѣе сказать, что о послѣднихъ
мы не имѣемъ никакого понятія. Даже консти-
туція книжества, объ отбѣнѣ которой столь
краснорѣчиво разсуждали недавно у насъ въ ли-
тературѣ, ни разу не была напечатана въ рус-
скихъ изданіяхъ. Въ одной изъ слѣдующихъ
главъ я сообщу ее въ главныхъ чертахъ. Тѣ же
писатели на-дняхъ обвиняли болгарскую моло-
дежь въ нигилизмѣ, атеизмѣ и, богъ знаетъ, еще
какихъ измахъ, имѣя о ней представленіе по
корреспонденціямъ изъ Софіи, посылавшимся въ
Россію господами, служившими и тѣломъ, и ду-
шой министерству Бурмова, Грекова, Начевичъ,
Балабанова. Эти господа знаютъ хорошо Россію
и не менѣе хорошо знаютъ, чѣмъ они могутъ
запугать наше общество. Такимъ образомъ и

Словейковы, Цанковы, Каравеловы, Стояновы, Стамбуловы и другіе были произведены въ чинъ нигилистовъ. Въ производствѣ у мировыхъ судей часто обвиненія признаются не только недоказанными, но и недобросовѣстными. Позвольте здѣсь адресовать къ авторамъ этихъ корреспонденцій безусловный упрекъ въ ихъ полной недобросовѣстности, въ ихъ полной завѣдомой лживости. Поклонники свергнутого министерства долго обманывали общественное мнѣніе, они не только передергивали въ своихъ письмахъ, они подтасовывали стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ народнаго собранія, они являлись не только адвокатами Бурмова, Грекова, Начевича, но и *agents-provocateurs* ами въ средѣ болгаръ; это они изволили безцеремонно обвинить болгарскую молодежь въ конспиративномъ союзѣ съ Англіей, они же взвели на нее упреки въ игрываніи съ Австріей. Я былъ въ Болгаріи, когда избиралось это печальной памяти, министерство. Я внимательно слѣдилъ за дѣятельностью партій въ молодомъ государствѣ и по совѣсти долженъ сказать, что ничего подобнаго враждебнымъ измышленіямъ и клеветамъ въ дѣйствительности не было. Безцеремонность враговъ дошла до того, что не только извращали событія, — выдумывали ихъ. Всякая уловка была хороша, лишь-бы она служила видамъ Бурмова, Грекова, Балабанова. Вы спросите, почему же такое запугиваніе именно съ русской пресой? Очень просто — никакая другая не пользуется такою силою и вліяніемъ въ Болгаріи, какъ наша. Она иногда создаетъ тамъ репутаціи, черезъ нее, оказавшую во время войны дѣйствительныя услуги странѣ, теперь въ общество болгарское стараются провести многое, что вызываетъ недоверіе къ лучшимъ людямъ народа.

Во всей этой борьбѣ партій дѣло не въ нигилизмѣ или консерватизмѣ.

Въ Болгаріи — двѣ партіи: старая, благоденствовавшая во времена турецкаго владычества — чорбаджіевъ и молодая, преданная всѣмъ своимъ силами народу. Чорбаджіи представляютъ собою капиталъ, общественное положеніе. Прежде они были откупщики десятины, турецкіе шпионы, турецкіе чиновники, арендаторы разныхъ беговъ, исполнители всевозможныхъ полицейскихъ должностей. Для нихъ народъ — нуль, собственный карманъ — все. Они получали имущество лицъ, сославшихся по ихъ доносамъ, являлись банкирами, закладчиками, ростовщиками. Эти господа ненавидѣли странѣ, но за ними старая опытность, ловкость пріемовъ, заведенныя уже всевозможныя сношенія. Болгаринъ блѣднѣетъ при одномъ имени чорбаджія; память ихъ онъ проклинаетъ наравнѣ съ именами самыхъ зловѣщихъ палачей. И дѣйствительно, я не знаю болѣе отвратительныхъ явленій, какъ эти пиявки, сто лѣтъ уже сосавшія кровь своихъ соотечественниковъ. Вотъ болгарская старая партія, — возможно-ли ее называть консервативною, предоставляю судить читателямъ. Чорбаджіямъ желательно главнымъ образомъ удержать турецкіе порядки или наиболѣе приближающіеся къ такому. Новый строй жизни имъ противенъ, какъ свѣтъ противенъ филину. Они заинтересованы въ эксплуатаціи населенія и вовсе не считаютъ себя разбитыми, вовсе не желаютъ отказываться отъ стараго своего значенія. Съ другой стороны стоитъ совершенно противоположная партія: сельскіе учителя, молодые священники и архіереи, доктора, писатели, воспитанники русскихъ и австрійскихъ университетовъ — короче честная, свѣтлая, одушевленная преданностью къ родинѣ и пламенной вѣрой въ ея будущность, молодежь. Та самая молодежь, которую въ турецкое время, по доносамъ чорбаджіевъ, вѣшали, обезглавливали, морили въ тюрьмахъ, ссылали въ Діарбекиръ. Та самая молодежь, которая

за свою преданность родинѣ, спасаясь изъ подъ ножа, десятки лѣтъ до 1877 года жила чернымъ хлѣбъ изгнанничества, тратила свои богатства силы въ Румыніи, куда, впрочемъ, тоже зачастую протягивались цѣпкія руки чорбаджіевъ. Всѣ надежды княжества въ этой молодежи. Во время войны она умирала въ болгарскихъ дружинахъ, служила переводчиками и проводниками русскимъ отрядамъ, облегчала нашимъ гражданскимъ властямъ управленіе страной, жертвовала деньгами, устраивала помощь раненымъ. До войны она неустойчиво поддерживала въ Болгаріи пламя народныхъ возстаній. Когда война кончилась, когда наша администрація смѣнилась мѣстными управленіями, опозоренная, жадная, враждебная народу партія чорбаджіевъ опять выступила впередъ и потребовала себѣ власти и силы. Понятно, какая борьба должна была возгорѣться между этими элементами. Къ несчастію, личнымъ секретаремъ къ принцу Александру попалъ нѣкто Стоиловъ. Онъ принадлежитъ по своимъ связямъ и симпатіямъ къ чорбаджіямъ и вмѣсто того, чтобы призвать къ управленію дѣлами страны людей ей преданныхъ, жертвовавшихъ за нее головами, энергіей, силами, вернувшихся изъ ссылки, изъ изгнанія поручили управленіе министерству продажному, министерству, гдѣ кромѣ нашего Поренсова не было ни одного пользующагося довѣріемъ народа лица; министерству, олицетворявшему въ себѣ стремленія и надежды чорбаджіевъ. И дѣйствительно, съ перваго же разу начались дивныя дѣла. Конституція оказалась въ самомъ началѣ нарушенной, честные чиновники смѣнены продажною тлею, представителями страны, крупными властями назначены люди въ родѣ Евлогія Георгіева въ Букарештѣ, — Евлогія, который такъ ненавидѣлъ народу, какъ едва-ли былъ ему когда либо ненавидѣнъ какой либо турецкій изувѣръ. Господа, присвоившіе себѣ деньги комитетовъ освобожденія во времена предшествовавшихъ войнъ, оказались занимающими мѣста по финансовымъ должностямъ; чорбаджіи, предлагавшіе, подобно Златану, истребить русскіе отряды, разумѣется, за хорошее вознагражденіе отъ турокъ, призваны были къ рулю. Одни стали нагрѣвать руки, другіе глушить молодые всходы, третьи подготавливать въ демократической странѣ служилое дворянство. Къ услугамъ этихъ господъ явилось все — деньги, власть и даже редакціи русскихъ газетъ, гостепріимно открывшія свои столбцы корреспондентамъ, запродавшимся за хорошія канцелярскія мѣста этой партіи.

Вотъ, господа, болгарскіе консерваторы и болгарскіе нигилисты. Насколько къ нимъ подходятъ эти опредѣленія, предоставляю судить читателю. Повторю только, что мы нашими наускиваніями и совѣтами оказали плохую услугу странѣ, лучшіе умы которой, разумѣется, не забудутъ этого, какъ они не забываютъ и великихъ дѣлъ, совершенныхъ для нея русскимъ народомъ. Отъ Вѣлы до Ернова уже недалеко.

Маленькая станція на пути, по сторонамъ громадные, стоящіе, словно полныя чаши, села, гдѣ домовъ не видать за скирдами и стогами, гдѣ зелень, словно облака, надвинулась на окраины, безчисленныя стада, пасущіяся на превосходныхъ лугахъ, и, наконецъ, вдали раскидывается громадное, больше иного нашего города, селеніе Самоводы. Общее впечатлѣніе народнаго богатства здѣсь еще усиливается. Война не разорила въ этомъ округѣ никого, доставила же выгоды всѣмъ. Слѣды войны замѣтны только въ турецкихъ кварталахъ, гдѣ часто пустыя дома печально стоятъ среди загрязненныхъ и разнесенныхъ дворовъ, словно тоскуя по своимъ хозяевамъ, которые влачатъ теперь нищенскую жизнь въ долинахъ Азіатской Турціи, тщетно ожидая,

когда раздается изъ Стамбула желанный кличъ и они двинутся вмѣстѣ съ своими аскерами грабить, жечь и разорять ненавидѣнныхъ имъ христіанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Въ житейскомъ морѣ.

Разсказъ Б. Левина.

Часть третья.

Была весна, вездѣ шумѣли
Воды веселые ручьи,
Когда бѣднякъ нашъ всталъ съ постели
Съ надеждой слабою найди
Запасъ и силы, и здоровья
Въ той благодатной сторонѣ,
Гдѣ часто съ теплою любовью
О немъ толкуютъ въ тишинѣ,
Гдѣ молить мать, чтобъ лучшей доли
Ему достигнуть удалось,
Гдѣ не одно письмо отъ Коли
Хранить слѣды обильныхъ слезъ...
И вотъ свой край благословенный
Весной увидѣлъ онъ опять,
Опять съ улыбкою блаженной
Его къ груди прижала мать,
Опять къ рукамъ его припали
Десятки губъ простыхъ людей,
Опять предъ нимъ открылись дали
Покрытыхъ всходами полей,
И вотъ, объятый тишиною,
Сномъ деревенскимъ крѣпко спитъ
Онъ, какъ измученный войною
Домой пришедшій инвалидъ.
Несутся быстро дни за днями,
Здоровьемъ снова онъ цвѣтетъ
И бродитъ лѣсомъ и полями,
Встрѣчая солнечный восходъ.
Ему и сладко, и привольно,
Но почему же въ тишинѣ
Въ душѣ рождается неволью
Тоска о дальнѣй сторонѣ,
Какой же тайный голосъ манитъ
Его въ людской водоворотъ,
Гдѣ вновь надъ нимъ, быть можетъ, грянетъ
Гроза лишеній и невзгодъ?
Здѣсь лицъ предъ нимъ прошло не мало,
Не мало слышалъ онъ рѣчей:
Бѣднякъ-крестьянинъ захудалый,
Покорный участи своей;
Сосѣдъ, ихъ родственникъ надменный,
Всегда толкующій о псахъ;
Старуха-тетка съ неизмѣнной
Заботой о чужихъ дѣлахъ;
Прислуги старой видъ суровый,
Событья задняго двора, —
Все это онъ увидѣлъ снова,
Какъ будто здѣсь онъ былъ вчера..
Казалось, все давно застыло
Здѣсь въ убѣжденіи роковомъ,
Что человѣческая сила
Ничто въ движеніи круговомъ
Событій, случаевъ, явленій,
Всего, что посылаетъ рокъ
Для нашихъ сладкихъ наслажденій,
Для нашихъ горестныхъ тревогъ, —
И съ этой мыслью роковою,
Жизнь превративъ въ какой-то сонъ,
Здѣсь люди тащутся тропою,
Знакомой съ дѣдовскихъ временъ.
Народъ возноситъ здѣсь на небо
Мольбы, но только объ одномъ, —
Чтобъ далъ Господь побольше хлѣба,
Чтобъ не зашла зараза въ домъ,
Чтобъ не снесло пожаромъ хаты,
Чтобы прошелъ падежъ на скотъ,
Чтобъ сына не взяли въ солдаты,

Чтобъ дочь пристроить въ этотъ годъ,
Чтобъ нужды, скорби, испытанья
Перенести, перестрадать
И въ смертный часъ безъ покаянья
Въ грѣхахъ предъ Богомъ не предстать.

Онъ одолѣть тоски не можетъ,
Смотря на этотъ мирный сонъ,
А мать его уже тревожитъ,
Что опечаленъ чѣмъ-то онъ...
Она твердитъ: «Останься съ нами!
Принцешъ мѣсто здѣсь у насъ,
Займешься нашими дѣлами,
Невѣсту выищешь какъ разъ,
Мать успокоишь... А въ столицѣ
Всего потерпишься опять,
Опять очутишься въ больницѣ...
Да я ночей не буду спать...»

Старуха плакала, укоромъ
Уже звучала рѣчь ея,
А ей подтягивали хоромъ
Ея родные и друзья.
Прикрикнулъ дяди-князь на Колю:
«Учиться хочешь? Знаю, братъ!
Служить послали, дали волю,
Такъ ты баклушничать и радъ!»
Княгиня-тетка порѣшила:
«Должно быть, тамъ затѣялъ связь,
Ну, вотъ ему и стала милой
Столичныхъ походовъ грязь!»
Припомнилъ кто-то, что писали
Въ столицу юношѣ не разъ,
Чтобъ мать утѣшилъ онъ въ печали
И пріѣзжалъ назадъ сейчасъ,
Что отвѣчалъ на приглашенья
Онъ наглою ложью, говоря,
Какъ продолжаетъ онъ ученье,
Добивъ работу для себя,
Что разъ одинъ сосѣдъ случайно
Тамъ Николая поѣхалъ
И намекалъ на то, что тайно
Мальчишка по-міру ходилъ!...

И вотъ семейное собранье
Сѣдоволосыхъ мудрецовъ,
Собравшись въ тайномъ засѣданьи,
Рѣшало участь Коли вновь;
Ему готово было мѣсто,
Найдень къ протекціи былъ путь,
Пашлись небѣдныя невѣсты—
Рукой имъ стоило махнуть...
А онъ, замкнувшись одиноко
Въ далекой комнаткѣ своей,
Весь полный думою глубокой
Писалъ къ дружкѣ своихъ друзей:

«Друзья, въ затишьи лѣтней ночи,
Когда въ окно мое глядятъ
Лишь звѣзды мерцающія очи
Да нашъ глухой заросшій садъ,
Мою фантазію невольно
Уносятъ къ вамъ живые сны
И кто-то шепчетъ мнѣ: «Довольно!
Довольно этой тишины!»
Тоска меня гнететъ и давитъ
И скоро снова свой челнокъ
Пловецъ испытанный направитъ
Отъ мирной пристани въ потокъ.

«Больной, тоскою безотчетной
Томясь при первомъ днѣ весны,
Подобно птицѣ перелетной,
Я рвался въ царство тишины,
Гдѣ вѣетъ воздухъ ароматный
Родныхъ лѣсовъ, родныхъ полей,
Врачуя силой благодатной
Въ душѣ всѣ извы прошлыхъ дней,
Гдѣ не вспугнетъ, не растревожитъ
Души безпугный вѣчный гамъ
И гдѣ она спокойно можетъ
Отдаться думамъ и мечтамъ.

«Мнѣ нуженъ свѣтлый міръ природы,
Полей просторъ и тишина,
Небесъ безоблачные своды,
Рѣки пѣвучая волна,
Простая жизнь простыхъ созданий,
Въ которыхъ горе и нужда
Не подорвали упованій
На силу честнаго труда,
И только здѣсь въ уединеніи,
Не возмущаясь, не спѣша,
Творить въ экстазѣ вдохновенія
Рядъ свѣтлыхъ образовъ душа.

«Но какъ бы ни было привольно
Въ дремотной этой тишинѣ,—
Приходитъ все-таки невольно
Иная жизнь на память мнѣ
И, сельскій миръ благословляя,
Во дни осеннихъ непогодъ
Я, нетерпѣнья не скрывая,
Спѣшу въ иной водоворотъ,
Въ неутраченное море
Пировъ и битвъ, надеждъ и слезъ,
Гдѣ люди съ злобнымъ рокомъ въ спорѣ,
Какъ волны, бьются объ утесъ.

«Пусть тамъ на полѣ вѣчной битвы
Подъ стона раненныхъ бойцовъ
Однѣ возносятся молитвы,
Чтобъ побѣдить своихъ враговъ,
Чтобы не пасть въ бою открытомъ,
Чтобъ избѣжать чужихъ сѣтей,
Чтобъ не погибнуть подъ коннымъ
Летающихъ въ бѣшенствѣ коней,
Чтобъ въ этомъ хаосѣ стремленій,
Запросовъ, цѣлей и дорогъ,
Хотя-бъ цѣною преступленій
Отъ нищеты избавилъ Богъ.

«Пусть нужно много силъ духовныхъ,
Чтобъ тамъ, гдѣ всѣхъ гнететъ судьба,
Спасишься отъ сдѣлокъ полюбовныхъ,
Или отъ участи раба,
Чтобъ въ грязномъ омутѣ паденья
И бѣдъ, и бѣдноты
Найти дорогу для спасенья
Своей сердечной чистоты,
Чтобъ чувствомъ горечи и злости
Въ чужой бѣдѣ кипѣла кровь
Безъ думъ о томъ, что на погостѣ
Всѣхъ не оплачешь мертвецовъ.

«Пусть такъ! Но все же по неволѣ
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ
Въ одной суровой этой школѣ
Рости былъ долженъ человѣкъ.
Здѣсь титаническія силы
Онъ самъ открылъ въ самомъ себѣ,
Отъ колыбели до могилы
Отважно бодрствуя въ борьбѣ.
Здѣсь все, что дорого и свято
Успѣлъ создать онъ и она
Нужна ему, какъ для солдата
Нужна упорная война».

Когда же солнца лучъ съ востока
Прокрался въ Колинъ уголокъ,—
Въ немъ вдругъ затихло все глубоко
И, можетъ быть, на долгій срокъ.
Его хозяинъ вольной птицей
Успѣлъ изъ клѣтки упорхнуть,
Отъ мелкихъ ссоръ и дразгъ къ столицѣ
Тайкомъ отъ всѣхъ направивъ путь.
Ждала, быть можетъ, жизнь бродяги
Его отнынѣ впереди,
Но много силы и отваги
Хранилъ бѣглецъ въ своей груди.

Родня твердила: «Всѣ мы знаемъ,
Что Колю въ будущности ждеть:
Онъ станетъ гнуснымъ негодяемъ
И опозоритъ древній родъ».
Въ Сибирь ведущіе пороки

Въ немъ находила вражья рать
И самозванные пророки
Не пощадили даже мать:
Въ своемъ усердіи выше мѣры
Они старались, не шутя,
Въ конецъ убить въ ней чувство вѣры
Въ ея любимое дитя.

Но, слава Богу, сынъ ей пишетъ,
Какъ онъ живетъ. Подобныхъ строкъ,
Гдѣ все святой любовью дышетъ,
Не можетъ выдумать пороковъ.
Нѣтъ, онъ не лжетъ, что для науки,
Для блага братьевъ, для нее
Рѣшился онъ на скорбь разлуки,
На безотрадное житье.
Онъ правъ вполне, напоминая,
Что въ немъ въ былые дни она
Сама посѣяла, страдая,
Стремленій лучшихъ сѣмена.

Ей стало совѣстно и больно,
Когда въ письмѣ замѣтилъ онъ,
Что, вѣрно, ропотъ недовольный
Въ кругу родныхъ имъ возбужденъ.
Пусть такъ! Но прежде не они-ли
Чуть не ребенка, одного,
Его скитаться осудили
Вдали отъ дома своего?
И что за глупыя надежды
Ихъ ослѣпляли, чтобъ послать
Полуголоднаго, невѣжду
Успѣховъ въ гвардіи искать!

Но какъ бы ни было, спасибо,
Спасибо этимъ мудрецамъ!
Понала-бъ въ море только рыба,
А глубь легко найти ей тамъ!
О чемъ порой подъ отчимъ кровомъ
Мечталъ онъ только въ полуснѣ,—
Здѣсь озарилось свѣтомъ новымъ,
Здѣсь все осмыслилось вполне.
Теперь къ былому нѣтъ возврата,
И пробужденная отъ сна
Душа его снесетъ утраты,
Сознаньемъ силъ своихъ полна.

Съ тѣхъ поръ прошло четыре года
Надеждъ, работы и невзгодъ
И съ боя взятая свобода
Дала бойцу желанный плодъ.
Въ борьбѣ суровой закаленный,
Не спотыкаясь на пути,
Прямой дорогой неуклонно
Слѣдилъ до цѣли онъ дойти.
Трудна была его работа,
Не мало силъ онъ потерялъ,
Но все-жъ онъ зналъ, что капли пота
Онъ не напрасно проливалъ.

И вотъ теперь, когда онъ снова
Ужъ не ребенкомъ отдохнулъ
Пришелъ подъ сѣнь родного крова,
Чтобъ послѣ вновь пуститься въ путь,—
Его успѣховъ первыхъ слава
Впередъ успѣла забѣжать.
Гордиться имъ имѣла право
Его утѣшенная мать,
Запѣли вокругъ него съ любовью
Родные всѣ до одного,
Какъ обливало сердце кровью
У нихъ отъ страха за него.
Свое бывшее вспоминала
Въ затишьи лѣтнихъ вечеровъ,
Онъ думалъ, сторона родная,
Что «онъ не первый изъ бойцовъ,
Прошедшихъ тою же дорогой
Лишений, горя и борьбы.
Спаслось ихъ мало, пало много,
Борясь по прихоти судьбы
Безъ средствъ, безъ знаній, безъ опоры
Въ водоворотѣ роковомъ,

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ ГОЛЕМБЬЕВСКАГО.

Къ поэмѣ „Въ житейскомъ морѣ“. (Часть. III.)

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“ г. Діаментовскаго.

Гдѣ погибають очень скоро
И гдѣ спасаются съ трудомъ.
«И ихъ, забытыхъ съ колыбели,
Когда, случайно пробудясь,
Они рвались къ заветной цѣли,
Топтали точно также въ грязь,
И имъ упрековъ горькихъ слово
Срывалось злобно съ устъ у всѣхъ,
Пока въ стремленьи къ жизни новой
Ихъ не увѣнчивалъ успѣхъ,
И противъ нихъ вооружала
Родныя семьи вражья рать»...
Но кроткой лаской заглушала
Теперь укоры эти мать.

Шарль Демальи.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ. Переводъ Н. Лѣтнева.
(Продолженіе.)

XVIII.

Сентъ-Совѣръ, 30-е сентября.

«Ты спрашиваешь о моей пьесѣ, любезный Шаваннъ; ты пишешь, что читалъ о ней въ журналахъ, и бранишь меня за мою скромность, какъ ты называешь. Ахъ, другъ мой! дѣло не въ моей комедіи... Я не знаю, что она и гдѣ она, — я не забочусь о ней! А между тѣмъ она была когда-то моей мечтой и главной мыслью! Мнѣ теперь не до нея. Дѣло идетъ о всей моей жизни, о моемъ счастьи. Я несчастенъ, очень несчастенъ, болѣе, чѣмъ кто-нибудь можетъ быть, потому что у меня нѣтъ ни гнѣва, ни раздраженія, ни досады... Я не мужъ — я судья. Я холодно анализирую мою жену, какъ чужую. Я разсматриваю ее, какъ будто предо мной открыто ея внутреннее существо. У нея нѣтъ сердца ни капли... Прекрасно! чтожъ изъ этого? Сердце вовсе не такая необходимая вещь. Это не мебель для домашняго употребленія. Можно превосходно ужиться съ людьми безъ сердца; я знаю многихъ, съ которыми можно очень приятно провести время. Это бы еще ничего, но жена моя глупа и глупа не той откровенной глупостью, съ которой можно ужиться. Нѣтъ, ея глупость совѣтъ другого рода: это глупость довольная собою, выдѣланная, манерная, благовоспитанная, самая песносная изъ всѣхъ. Умъ ея — это сборище пошлостей, общихъ фразъ, буржуазныхъ предразсудковъ и суетнѣй. У нея готовы прилагательныя и эпитеты ко всему, какъ соусы въ ресторанѣ, и она повторяетъ ихъ до пресыщенія. Со всѣмъ этимъ наглая увѣренность въ себѣ, прикрывающая пустоту и ничтожество, и пошлая обидчивость. При малѣйшемъ замѣчаніи является женщина во всеоружіи, готовая къ оборонѣ, видящая въ каждомъ словѣ намекъ и оскорбленіе. Самолюбіе упрямо и холодное, но вмѣстѣ съ тѣмъ злобное, все болѣе и болѣе упорное по мѣрѣ того, какъ ей доказываютъ, что она не права. И все напрасно! Какъ бы вы ни старались шадить ея самолюбіе, она отвѣтитъ, поджавъ губы, холоднымъ тономъ: — Да, конечно, у меня нѣтъ вашего ума! — Затѣмъ начнется недобросовѣстное, фальшивое отрицаніе всего того, что она говорила, и въ отвѣтъ на возраженіе она приметъ молчаливую позу жертвы, которая ясно говоритъ: — Ты чудовище!.. ты хотѣлъ меня унижить, наглумиться надо мной, пристыдить меня! — Она не допускаетъ, что ее хотѣли просвѣтить, доказать ей ея ошибку!

Ты понимаешь, другъ мой, какое отвращеніе внушаютъ общія фразы и стереотипныя чувства человѣку, привыкшему руководиться своимъ собственнымъ сужденіемъ. Жена моя способна сказать о дрянномъ водевилѣ: — Это произведеніе полное чувства и свѣжести! — У нея всегда наготовѣ извѣстныя слова и фразы, которыя найдешь въ каждомъ фельетонѣ, въ каждой книгѣ. Болѣе всего пріѣлисы эти фразы намъ, лите-

раторамъ. Этотъ вѣчный припѣвъ выводитъ наконецъ изъ терпѣнія. Одинъ разъ я не могъ удержаться и сказалъ ей: — Ты это прочла гдѣ-нибудь! — Понимаешь-ли, другъ мой, повторенія, вѣчныя повторенія, вѣчная роль, ничего ея собственнаго, ничего индивидуальнаго! Можетъ быть, ты скажешь, что я самъ создаю себѣ мученія и зарываюсь въ нихъ. Что же дѣлать?.. Я такъ созданъ; для меня въ тысячу разъ лучше пошлыхъ, обиденныхъ фразъ простой, грубой, но искренней и самобытной лексики крестьянки.

Нѣтъ, другъ мой, я не выдумываю и не преувеличиваю. Я не больной, который создаетъ себѣ фантазіи и муки. Жена моя такова, какъ я ее описываю. Она будетъ гримасничать, дѣлать мины, дотрогиваться до кушаньевъ концомъ губъ, а между тѣмъ она не въ состояніи отличить свѣжаго масла отъ несвѣжаго: это, разумеется, бездѣлица, но въ этомъ вся моя жена. Она кажется витающею въ мірѣ заоблачныхъ фантазій, но я знаю, гдѣ она, въ какую глубину прозы она погружена: она думаетъ о томъ, чтобы урѣзать пятьдесятъ сантимовъ отъ расхода на обѣдъ, или о томъ, чтобы купить себѣ какую-нибудь бездѣлушку и возбудить зависть пріятельницы. Ей нельзя поправиться ни благородствомъ души, ни добротой, но только одной лестью и лестью самой грубой и низкопоклонной.

У жены моей одна изъ тѣхъ натуръ, которыя чувствуютъ себя въ своей тарелкѣ только съ низшими. Она будетъ растрогана и проливать слезы надъ вымышленными театральными страданіями, надъ самоубійствами и кораблекрушеніями, описанными въ газетахъ, но къ окружающимъ, къ живымъ людямъ изъ плоти и крови, съ которыми она живетъ, она выказываетъ удивительную жесткость и черствость. Она распоряжается прислугой, какъ неодушевленными предметами; ей нѣтъ никакого дѣла до ихъ огорченій, она какъ будто не считаетъ ихъ людьми, въ ней нѣтъ ничего, чтобы отзывалось женской чувствительностію, которая спѣшитъ загладить выговоръ или послѣ наказанія простить виновнаго... Она постоянно занята только самой собою, а между тѣмъ она вѣчно скучаетъ и ея главное развлеченіе составляетъ какое-нибудь грубое шутовство, которое ее забавляетъ, какъ трескучая игрушка. Самая лучшая для нея забава — это грубая и жестокая шутка надъ природною уродливостію или представленіемъ въ комическомъ видѣ какого-нибудь большого несчастія. И всегда во всемъ у нея звучитъ фальшивая нота, — въ ея ободреніяхъ, ласкахъ, утѣшеніяхъ, она слышится вездѣ и неизмѣнно. И не смотря на ея легковѣріе, у нея нѣтъ ни одного святого вѣрованія! Я не Магометъ, конечно, я не требую, чтобы она вѣрила въ меня, но, по крайней мѣрѣ, она могла бы поклониться искусству... вѣдь она актриса! А какъ она смотритъ на театральныя представленія, на выполненіе своихъ ролей? Она видитъ въ нихъ только средство порисоваться и выказать свою красоту передъ публикой. Тоже самое и въ отношеніи музыки; она играетъ на пѣяно — и только. Ничто ее не трогаетъ, не приводитъ въ трепетъ, въ волненіе, не обезоруживаетъ... Вотъ она здѣсь, въ деревнѣ, и она смотритъ на природу, зѣвая, какъ на пейзажи въ музеѣ. Ты знаешь, другъ мой, что я вовсе не взыскателенъ въ этомъ отношеніи, я не легко восторгаюсь красотою природы, но вообще женщины гораздо склоннѣе къ этому.

Вотъ она тутъ, близко, — въ сосѣдней комнатѣ. Я вижу ее отсюда въ полуотворенную дверь, она сидитъ съ книгой передъ зеркаломъ и при каждомъ поворотѣ страницы смотритъ въ зеркало, заглушая зѣвоту. Вотъ она, эта женщина, со взглядомъ кроткихъ, голубыхъ глазъ, съ лицомъ

и улыбкой ребенка! И что-жъ? Я подойду къ ней и лицо ея сдѣлается жесткимъ, какъ мраморъ, улыбка исчезнетъ, взглядъ выразитъ презрительную угрозу; отъ нея повѣетъ холодомъ ужаснѣе всякой всыпши гнѣва и затаенной злобой; она приметъ на себя такой отчаянный и скучающій видъ жертвы, что никакія слова не могутъ дать о немъ понятія! Женщины, вообще, не вращаясь, какъ мужчины, на поприщѣ общественной дѣятельности, имѣютъ нужду въ какомъ-нибудь исходѣ, въ растратѣ своего задора и перваго раздраженія. Это объясняетъ жестокое удовольствіе, которое онѣ находятъ въ страданіяхъ тѣхъ, кого любятъ, въ своихъ собственныхъ страданіяхъ, даже въ слезахъ, которыя ихъ обновляютъ и приводятъ въ хорошее расположеніе духа. Но жена моя превосходитъ всѣхъ другихъ женщинъ въ гениальномъ умѣнн отыскивать больныя мѣста и язвить булавочными уколами. И затѣмъ верхъ искусства — это ея молчаніе послѣ всего этого, молчаніе не простое, но покорное, молчаніе жертвы, выражающееся во всемъ ея существѣ. Нѣтъ! нужно нечеловѣческое терпѣніе, чтобы выдержать все это! Кровь начинаетъ кипѣть. Надо уйдти, спастись бѣгствомъ...

Вотъ я у себя въ кабинетѣ. Я вздыхаю свободно, я не вижу ее передъ глазами. Но вотъ опять она. Она приходитъ подъ предлогомъ, что она что-то забыла въ моей комнатѣ. Она ищетъ долго, шаря и роясь во всѣхъ мѣстахъ, движенія ея полны отчаянія, въ каждомъ изъ нихъ слышится стонъ и упрекъ... Наконецъ, утомленный, побѣжденный этой медленной пыткой, я выговариваю: Боже мой! что съ тобой? Ей только и нужно было этихъ словъ, она подстерегала ихъ на моихъ губахъ, чтобы отвѣчать: — Со мной? ничего!.. отвѣчать такимъ тономъ, какъ умѣетъ только одна женщина. О, это ужасное: «Со мной? — ничего!»

Грустинѣ всего то, что голова моя отъ этого сильно страдаетъ. Я не могу создать ничего хорошаго. Мнѣ кажется, что я мѣшаюсь въ умѣ. А что ожидаетъ меня въ будущемъ? У меня не остается ни малѣйшихъ иллюзій. Она меня не любитъ болѣе. Да и любила-ли она меня когда-нибудь? Вначалѣ она была просто довольна, что вырвалась отъ матери, и благодарна за комфортъ, которымъ я ее окружалъ, за мое смиренное обожаніе ея красоты. Она не любитъ никого другого... впрочемъ, это все равно... По моему, прелюбодѣніе существуетъ съ того дня, какъ женщина не любитъ болѣе. Полюбитъ-ли она кого-нибудь? Не знаю. Ей бы нуженъ былъ добрый малый, готовый всегда исполнять ея прихоти и которымъ бы она вертѣла, какъ пѣшкой. Со всѣмъ этимъ она имѣетъ претензію считать себя честной женщиной и образцовой женой въ своемъ кругу. Но что мнѣ за нужда? Все между нами кончено... Три или четыре дня тому назадъ въ нашей семейной жизни произошло какъ-будто небольшое улучшеніе: виною этого улучшенія былъ маленькій сынъ молочницы, которая продаетъ намъ молоко и яица. Мы очень его ласкали и пока онъ игралъ на нашихъ коленяхъ, я думалъ о томъ, чтобы написать книгу подъ заглавіемъ: Ребенокъ. Тамъ бы описывалось зарожденіе души въ ребенкѣ, первые проблески разума, пробужденіе сознанія; однимъ словомъ, подробное, высокое и поэтическое наблюденіе изо дня въ день за каждой чертой, изъ которой образуется человѣческой характеръ... Жена моя ошиблась въ значеніи моихъ ласкъ и мыслей; она подумала, что я жалѣю, что у насъ нѣтъ дѣтей. Нѣтъ, Богъ съ ними, съ дѣтьми, я ихъ теперь не желаю!

— Но, Шарль, сказала она мнѣ: — намъ бы тогда понадобилась кормилица и мы бы не могли держать горничную...

Да, мнѣ остается только умственный трудъ,

да и тотъ идетъ плохо. Благодаря Ремонвилу, пьеса моя будетъ представлена. Это, можетъ быть, дастъ другое направленіе моимъ мыслямъ. Надѣюсь, ты не откажешься пріѣхать въ Парижъ къ этому времени. Мнѣ было бы очень грустно не имѣть въ этотъ вечеръ возлѣ себя друга, который бы раздѣлилъ со мною какъ неудачу, такъ и торжество.

Шарль Демальи».

Когда Шарль сложилъ письмо и подумалъ о томъ, что довѣрялъ другому, въ немъ какъ-будто пробудилось угрызеніе совѣсти; оставивъ письмо незапечатаннымъ, онъ вошелъ въ гостиную. Марты тамъ не было, она лежала въ гамакѣ. Подходя къ ней, Шарль увидѣлъ у нея тотъ взглядъ, который пѣжилъ его, взглядъ, полный любви и томленія, — ея прежній взглядъ! Вздвигнувшись, почерпая въ этомъ взглядѣ воспоминаніе и забвеніе, онъ не сводилъ съ нея глазъ, когда Марта сказала ему:

— Ты думаешь, что я смотрю такъ только на одного тебя... Я смотрю точно также вотъ на эти камешки...

XIX.

Гуляя по улицамъ Сентъ-Совѣра, Шарль встрѣтился съ своимъ старымъ товарищемъ Робино, захватившимъ туда по какому-то дѣлу. Робино тотчасъ взялъ его подъ руку и съ искренностью, тронувшей Шарля, началъ выражать свои сожалѣнія о томъ, что онъ написалъ статью противъ него.

— Чего ты хочешь? говорилъ онъ: — я веду адескую жизнь. Ты понятія не имѣешь о томъ, какія лишенія мнѣ приходится переносить каждый день. И меня упрекаютъ, что я стараюсь зашибить копѣйку! Я квартирую въ пятомъ этажѣ, беру обѣдъ въ сорокъ су, курю копѣчные сигары. Что съ этимъ подѣлаешь? А между тѣмъ, чтобъ быть на виду, требуется одежда и нельзя же все ходить пѣшкомъ, надо платить портному, за карету, однимъ словомъ, необходимыя издержки въ моемъ положеніи! Я рассчитывалъ на пьесу, которая должна была мнѣ принести тридцать тысячъ франковъ; нужны были только случай, успѣхъ... Ну, она и до сихъ поръ валяется въ театральной дирекціи, никто не хочетъ ее играть... Попробуй начать литературное поприще съ долгомъ въ десять тысячъ франковъ. Ты увидишь, какъ онъ разрастется. Это долгъ неоплатный... Сколько ни плати — все долженъ! Отсрочки, пересрочки, вся эта дребедень, которая высасываетъ изъ тебя кровь, а долгъ все растетъ! А завтра что? Завтра тоже, что сегодня. Ничто не можетъ меня спасти кромѣ чуда. А на чудо нечего надѣяться! Мнѣ даже не даютъ денегъ впередъ за работу... Право, любезный другъ, нельзя все такъ жить... и вотъ на прощанье я хочу извиниться предъ тобой...

Въ его тонѣ и словахъ было такъ много глупаго, искренняго страданія, что Шарлю стало его жалко.

— Послушай, Робино, сказалъ онъ: — это, конечно, очень неприятно, все долги да долги!... Тебѣ нечего спѣшить въ Парижъ. Поживи здѣсь съ нами нѣсколько дней. Можетъ быть, мы что-нибудь вмѣстѣ придумаемъ... Ну же, оставайся!

Послѣ нѣсколькихъ отговорокъ Робино согласился. Онъ пробылъ недѣлю въ Сентъ-Совѣрѣ и былъ очарователенъ. Казалось, это гостеприимство, какъ добрая фея, имѣло на него благотворное вліяніе и смягчило его нѣсколько шероховатый характеръ. Онъ выказалъ себя добрымъ малымъ, дурачился, какъ ребенокъ, и всегда готовъ былъ смѣшнить Шарля и Марту. Онъ заставлялъ ихъ поздно ложиться и рано вставать, водилъ ихъ гулять, осматривать окрестности и во всю дорогу забавлялъ ихъ своею болтовней. Болѣе всего онъ забавлялъ ихъ на водахъ: комикъ позавидовалъ бы гримасамъ,

которые онъ дѣлалъ, выпивая стаканъ воды. Короче сказать, онъ развлекалъ Марту и обезоружилъ Шарля. На прощанье они оба крѣпко пожали ему руку и пригласили бывать у нихъ въ Парижѣ.

По отъѣздѣ Робино Марта стала скучать еще болѣе. Ей сдѣлалась ненавистна всякая дѣятельность; она отказывалась отъ прогулокъ, ссылаясь на болѣзнь, и проводила цѣлые дни, лежа на диванѣ, выходя изъ этого сна тѣла и души только затѣмъ, чтобъ писать къ матери письма на четырехъ страницахъ. Шарлю нужно было вынести много ссоръ и сильную борьбу, чтобъ заставить ее идти гулять въ общественный садъ.

Время ихъ пребыванія на водахъ приходило къ концу. Въ день отъѣзда, когда увязывали чемоданы, Марта сказала:

— А гамакъ? я о немъ и забыла.

Шарль пошелъ за нимъ въ каштановую алею, но пріѣдя туда, онъ забылъ отвязать его и, оперевшись на него локтями, погрузился взглядомъ въ лучистый туманъ свѣжаго осенняго утра. Казалось, заря будто плавала въ облакахъ. Деревья и рѣка выступали изъ тумана, окутанныя молочной бѣлизной. Тамъ и сямъ сверкали на солнцѣ древесныя вѣтки, отягченныя каплями росы, будто кристалами. И Шарль въ послѣдній разъ обнималъ взглядомъ это небо, воду, обнаженные деревья, бывшія свидѣтелями послѣднихъ счастливыхъ дней его любви.

XX.

Въ одно утро, по возвращеніи въ Парижъ, Шарль сказалъ своей женѣ, что въ воскресенье онъ поѣдетъ въ деревню обѣдать съ друзьями. Марта весело поцѣловала его и сказала:

— Ну, такъ я пообѣдаю у мама!

Обѣдъ, куда былъ приглашенъ Шарль, давался его друзьями, литераторами и прошелъ очень шумно и весело. Въ концѣ обѣда Ламперьеръ, самый старшій изъ нихъ, обратился къ Шарлю:

— Знаешь, Шарль... меня это тяготитъ... я долженъ высказаться. Вѣдь я старше тебя и искренно къ тебѣ привязанъ. Ты дурно обращаешься съ женой...

— Я?

— Мы здѣсь между друзьями и это останется между нами... Какъ тебѣ не стыдно! Ты оставляешь ее безъ копѣйки. Она принуждена была занимать двадцать франковъ у жены Вуденэ.

— Чья это шутка?

— Не моя и я совѣмъ не шучу.

— И ты повѣрилъ? Ты могъ повѣрить?

— Какая же цѣль женѣ твоей распускать эти слухи?

— Ахъ! Такъ это она...

Шарль позвонилъ ножомъ по стакану. Явилась служанка.

— Послать въ Севръ за шестимѣстной каретой! Поскорѣй... мы спѣшимъ... Вотъ деньги!

Шарль обратился къ Ламперьеру:

— Докончимъ обѣдъ. Я дамъ вамъ все, что вѣтъ на это въ Парижѣ...

Карета пріѣхала.

— Куда ты насъ везешь?

— Ко мнѣ на квартиру, въ Парижъ.

Дорогой никто не говорилъ ни слова. Шарль позвонилъ у дверей своей квартиры.

— Барыня дома? спросилъ онъ у слуги.

— Барыня еще не возвращалась.

— Сходи за слесаремъ.

Слуга вернулся вмѣстѣ съ слесаремъ.

— Откройте этотъ комодъ, сказалъ ему Шарль, указывая на комодъ Марты.

Замокъ соскочилъ.

— Вотъ, смотрите, сказалъ Шарль своимъ друзьямъ, выбрасывая кошелекъ, въ которомъ

лежало на триста франковъ банковыми билетами и золотомъ.

— Извини, сказалъ Ламперьеръ, пожимая ему руку: — я жалѣю тебя отъ всей души... Твоя жена...

— Довольно! она моя жена...

Дверь затворилась, друзья уѣхали.

XXI.

Вернувшись, Марта нашла своего мужа блѣднымъ, серьезнымъ.

— Что съ тобой? — сказала она и подошла поцѣловать его. Шарль оттолкнулъ ее.

— Шарль!.. Боже мой! что такое?

— Что такое?.. вы спрашиваете?

— Вы... прервала Марта съ удивленіемъ.

— Дайте мнѣ кончить: вы сказали, что я оставлялъ васъ безъ копѣйки... вы знаете, что это неправда.

— О, какія слетни! это все твои друзья...

— Это не слетни, Марта, ты это хорошо знаешь. Но зачѣмъ все это?..

— Во-первыхъ, я этого не говорила...

— Ты заняла двадцать франковъ у жены Вуденэ, а у тебя было триста въ комодѣ. Правда это или нѣтъ? Не лги, по крайней мѣрѣ, хоть теперь.

— Но я вовсе не такъ говорила. Я сказала, что это для того, чтобъ купить одну вещь, которую ты не хотѣлъ. Нѣтъ! ужъ такъ и быть, признаюсь во всемъ. Мнѣ пришла въ голову глупая фантазія... у тебя никогда не бываетъ глупыхъ фантазій. Я хотѣла разыграть роль несчастной жены — просто на просто, клянусь тебѣ! Ну, Шарль, больше я этого не сдѣлаю. Кончено! я была виновата... прости меня...

— Разыграть роль несчастной жены... Но пойми, что это не шутка, вѣдь ты не ребенокъ!.. Ты рассказываешь пріятельницѣ, жещинѣ, женѣ Вуденэ, извѣстной слетницѣ... Но вѣдь это низость. Ты меня губишь, ты меня позоришь!..

— Тебѣ представили все въ преувеличенномъ видѣ. Твои друзья меня не любятъ... Ахъ да, кстати, Шарль, вы были только одни мужчины? прервала она, пробуя обольстительную улыбку.

— Какъ ты глупа!

— Васъ, мужчинъ, никакъ не узнаешь! сказала Марта, наклоняясь поцѣловать его.

Шарль оттолкнулъ ее.

— Были Ремонвиль, Франшмонъ, ты сама знаешь, кто...

— Они что-нибудь говорили о твоей пьесѣ?

— Что же объ ней говорить? Они знаютъ, что ее ренетируютъ...

— Да такъ вообще. А ты по прежнему увѣренъ, что Ремонвиль и Франшмонъ будутъ за тебя?

— Увѣренъ? то есть какъ увѣренъ?.. Разумѣется, если пьеса провалится, имъ нечего дѣлать!

— О! твоя пьеса не можетъ провалиться! Успѣхъ будетъ... большой успѣхъ... я вполне увѣрена... и меня даже соблазняетъ мысль предоставить тебѣ одному всю славу.

— Я не понимаю.

— Это ясно... Пьеса можетъ идти и безъ меня... Я нахожу утомительной мою роль.

— Ты отказываешься?.. ты не хочешь играть въ моей пьесѣ, тогда какъ я... Ты не будешь играть?..

И голосъ Шарля замеръ отъ волненія.

— Ну, не волнуйся же такъ!.. Актриса и безъ меня довольна! Чего ты хочешь?.. Роль эта не по мнѣ... ты найдешь кого-нибудь другого, кто замѣнитъ меня... Эта роль неподходящая, я ее не могу прочувствовать. Гораздо лучше объясниться прямо... ты примешь свои мѣры.

— Ты не хочешь играть въ моей пьесѣ, не такъ-ли?

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ Г. ДОРЁ.

Лондонскій мостъ.

Рисоваль И. Михайловъ; рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипани“.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ ШВАРЦА.

Зимній походъ Ивана Грознаго.
Рисоваль И. Михайловъ; рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажѣ“.

— Это тебѣ очень непріятно, скажи?

— Хорошо, Марта, не будемъ больше объ этомъ говорить.

На другой день послѣ завтрака Шарль собрался уходить.

— Куда ты идешь? спросила Марта.

— Въ театръ.

— Ты не подождешь меня?

— Нѣтъ.

Вернувшись домой, Шарль засталъ Марту въ сообществѣ Робино. Робино сѣлся на другомъ дома и во всѣхъ газетахъ прославлялъ ибееу Шарля.

— Здравствуй, Робино, сказалъ Шарль: — ты знаешь новость? Жена моя не играетъ въ моей пьесѣ...

— Ба! вскричалъ Робино съ удивленіемъ. — Неужели это правда? обратился онъ къ Мартѣ: — что за мысль!

— Боже мой! я уже говорила Шарлю... Роль ко мнѣ не подходитъ... Публика будетъ недовольна и я не хочу компрометировать...

— Позвольте вамъ замѣтить, что вы совершенно не правы, сказалъ Робино Мартѣ. — Отказаться отъ роли, которую вы уже взяли, выучили и репетировали, — это значитъ подать поводъ къ сплетнямъ и позволить каждому вмѣшиваться въ ваши семейныя дѣла. Газеты съ жадностью ухватятся за эту новость и вы сдѣлаетесь басней всего Парижа на цѣлую недѣлю... Подумайте, вѣдь дѣло идетъ не объ одной пьесѣ, а о вашей семейной жизни. Это навлечетъ столько непріятностей и Шарлю, и вамъ! Нѣтъ, право, не дѣлайте этой глупости... Я знаю, что если Шарлю не удалось убѣдить васъ, то мнѣ и подавно, но...

— О, вы, сказала Марта, — вы всегда держите сторону моего мужа! Ну что-жъ, пусть я буду виновата, пусть про насъ распускаютъ сплетни, все, что хотите... я не вижу необходимости рисковать появиться въ роли, которая мнѣ не по силамъ! Я не хочу играть и не буду...

— Однако, замѣтилъ Робино, раздумывая, — я не вижу никого, кто бы могъ замѣнить васъ.

— А Оділія? сказалъ Шарль. — Она уже согласна...

— Оділія? это правда... Мы спасены! она будетъ прелестна!

— Ты скоро утѣшился, мой милый! сказала Марта Шарлю. — О, ты прекрасно сдѣлалъ! Какъ видно, ты не теряешь времени!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Волкъ.

Романъ Эркмана Шатриана. Переводъ М Минутъ.

(Продолженіе.)

Глава VI.

перверъ былъ возмущенъ.

— И что за счастье быть богатымъ! вскричалъ онъ, выходя изъ комнаты графа. Что изъ того, что онъ графъ Нидекъ, владѣетъ замками, лѣсами, прудами, лучшими землями Шварцвальда, когда молоденькая дѣвочка говоритъ ему своимъ кроткимъ голоскомъ:

«Ты желаешь, да я не желаю, ты меня умоляешь, а я говорю, что это невозможно!» О, Боже, какая жалость! Не лучше-ли сто разъ родиться простымъ дровосѣкомъ и спокойно жить трудами рукъ своихъ? Послушай, Фрицъ, идемъ... я задыхаюсь, мнѣ надо подышать свѣжимъ воздухомъ!

Добрякъ схватилъ меня за руку и мы вышли въ коридоръ.

Было около девяти часовъ. Погода, прекрасная съ утра, теперь испортилась, небо было покрыто тучами, вѣтеръ заметалъ окна снѣгомъ

и я едва могъ различить вершины окружающихъ горъ.

Мы сошли съ лѣстницы, которая вела на парадный дворъ, и на поворотѣ носъ къ носу столкнулись съ Тоби Оффенлохомъ. Достойный мажордомъ совѣмъ запыхался.

— Эге, сказалъ онъ, преграждая намъ путь своей палкой, — куда вы, а завтракъ?

— Завтракъ, какой завтракъ? спросилъ Сперверъ.

— Какъ какой завтракъ? Да не сговорились-ли мы сегодня завтракать съ докторомъ Фрицкомъ?

— Вѣрно; а я забылъ объ этомъ.

Оффенлохъ расхохотался, раздвинувъ ротъ до ушей.

— Ха, ха, ха, кричалъ онъ, — вотъ такъ штука! А я-то думалъ, что приду послѣдній! Пойдемте, пойдемте поскорѣе! Наверху насъ ждетъ Касперъ. Я велѣлъ накрыть въ вашей комнатѣ; тамъ намъ будетъ удобнѣе. До свиданья, докторъ! Онъ протянулъ мнѣ руку.

— Вы не пойдете развѣ съ нами? сказалъ Сперверъ.

— Нѣтъ, я иду доложить графинѣ, что баронъ Цимеръ Блудерикъ желаетъ имѣть честь откланяться передъ отъѣздомъ изъ замка.

— Баронъ Цимеръ?

— Да, иностранецъ, пріѣхавшій вчера ночью.

— Ахъ, да, поспѣшите же!

— Будьте покойны, не успѣете вы откупорить бутылку и я явлюсь.

Онъ удалился, прихрамывая.

Слово «завтракъ» совершенно измѣнило направление мыслей Спервера.

— Чортъ возьми, сказалъ онъ, поворачиваясь назадъ, — лучшее средство прогнать черныя мысли, — это выпить стаканъ вина. Я очень доволенъ, что все приготовлено въ моей комнатѣ; подъ обширными сводами оружейной, вокруг маленькаго столика, мы бы походили на мышей, грызущихъ орѣхи въ пустой церкви. Ну, вотъ мы и пришли. Послушай, Фрицъ, какъ свиститъ вѣтеръ въ бойницахъ. Черезъ полчаса будетъ вьюга.

Онъ отворилъ дверь и мы увидѣли Каспера; онъ барабанилъ по стекламъ и, казалось, былъ очень радъ видѣть насъ. Касперъ былъ блондинъ, съ тонкимъ станомъ и курносый носомъ. Сперверъ сдѣлалъ его своимъ помощникомъ, давалъ ему чистить свое оружіе, чинить сбрую лошадей, позволялъ ему кормить въ его отсутствіе собакъ и наблюдать въ кухнѣ за приготовленіемъ его любимыхъ блюдъ. Въ важныхъ случаяхъ Касперъ исполнялъ обязанность слуги Спервера, точно такъ, какъ Тоби при графѣ. Онъ бралъ въ руки салфетку и съ важностью откупоривалъ длинногорлыя бутылки рейнскаго.

— Касперъ, сказалъ Сперверъ, входя, — я доволенъ тобой. Вчера все было какъ слѣдуетъ, и коза, и дичь, и щука. Я справедливъ, когда кто исполняетъ свою обязанность, я не умолчу объ этомъ. Вотъ и сегодня: эта кабанья голова въ бѣломъ винѣ ужасно вкусно смотрится, а раковый супъ прекрасно пахнетъ, не такъ-ли, Фрицъ?

— Правда.

— Ну, если такъ, продолжалъ Сперверъ, — налей же намъ, Касперъ, вина. Я тебя хвалю, потому что ты этого стоишь.

Касперъ скромно опустилъ глаза; онъ красивый и, казалось, наслаждался похвалами своего патрона.

Мы усѣлись и я восхищался, видя, какъ старый охотникъ, который нѣкогда былъ счастливъ, имѣя возможность сварить нѣсколько картофелинъ въ своей хижинѣ, теперь заставлялъ служить себя, точно важному барину. Будь онъ кровный графъ Нидекъ, онъ не могъ бы держаться достойнѣе и благороднѣе за столомъ.

Одного его взгляда было достаточно, чтобы погнудить Каспера подвинуть извѣстное блюдо или откупорить именно то вино, которое онъ хочеть.

Мы приступили уже къ кабаньей головѣ, когда вошелъ Тоби, но онъ былъ не одинъ и насъ крайне изумило, когда мы увидѣли за нимъ барона Цимера Блудерика и его берейтора.

Мы встали. Молодой баронъ пріятливо подошелъ къ намъ: у него было красивое лицо, блѣдное, но гордое, опушенное черными волосами. Онъ остановился передъ Сперверомъ.

— Милостивый государь, сказалъ онъ чистымъ саксонскимъ нарѣчіемъ, — я пріѣзжаю къ вашему знанію страны. Графиня Нидекъ увѣряетъ меня, что никто лучше васъ не покажетъ мнѣ дорогу изъ горъ.

— Я хорошо знаю здѣшнія мѣста, г. баронъ, отвѣчалъ Сперверъ, кланяясь, — я къ вашимъ услугамъ.

— Необходимость вынуждаетъ меня отправиться въ такую вьюгу, отвѣчалъ баронъ, указывая на занесенныя снѣгомъ окна. — Мнѣ надо пробраться въ Вальдгорнъ, въ шести лье отсюда.

— Это будетъ очень трудно, г. баронъ, всѣ дороги замѣтены снѣгомъ.

— Знаю, но мнѣ крайне нужно.

— Вамъ необходимъ проводникъ: если намъ будетъ угодно, могу отправиться съ вами я или Себастьянъ Крафтъ, обергермейстеръ графа. Онъ отлично знаетъ горы.

— Благодарю за вашу готовность, очень благодарю, но не могу принять вашихъ услугъ. Мнѣ достаточно указаній.

Сперверъ поклонился, потомъ подоидя къ окну, распахнулъ его. Быстрый порывъ вѣтра метнулъ снѣгъ и съ шумомъ прихлопнулъ дверь. Я сталъ возлѣ своего мѣста, положивъ руку на спинку кресла; Касперъ ступался въ уголокъ. Баронъ и берейторъ подошли къ окну.

— Господа, сказалъ Сперверъ громко, чтобы его могли слышать при завываньяхъ вѣтра, — вотъ вамъ вся наша страна. Если-бы была ясная погода, я пригласилъ бы васъ подняться на сигнальную башню, мы бы увидѣли Шварцвальдъ, но къ чему? Видите горы Альтенберга, а дальше, за этой бѣлой вершиной, Вальдгорнъ, гдѣ бушуетъ вьюга! Ну, такъ вотъ надо идти прямо на Вальдгорнъ. Тамъ, если вамъ не помѣшаетъ снѣгъ съ вершинъ скалы, въ родѣ архіерейской шапки, которую называютъ Расколотой Скалой, вы увидите три горные хребта: Беренкопфъ, Гейерштейнъ и Трифельсъ. Вамъ надо будетъ пойти по крайнему пути. По долину Рей-таля протекаетъ потокъ, онъ теперь, вѣроятно, покрытъ льдомъ. Во всякомъ случаѣ, если вамъ нельзя будетъ пробраться налѣво, вы увидите по той же сторонѣ пещеру въ Пустой Скалѣ. Тамъ вы переночуете и завтра, по всей вѣроятности, когда вѣтеръ спадетъ, вы доберетесь до Вальдгорна.

— Очень вамъ благодаренъ.

— Если вамъ почастливится встрѣтить какого-нибудь угольщика, сказалъ Сперверъ, — онъ можетъ указать вамъ бродъ въ потоки; но я сильно сомнѣваюсь, чтобы вы встрѣтили кого-нибудь въ горахъ въ такую мятель. Только позаботьтесь обогнуть подножіе Беренкопфа, ибо съ другой стороны невозможно спуститься: тамъ отвѣсны скалы.

Во время этихъ объясненій я наблюдалъ за Сперверомъ; онъ ясно и отчетливо отмѣчалъ каждое обстоятельство съ величайшей точностью, и за молодымъ барономъ, который внимательно слушалъ его. Казалось, никакія препятствія не пугали его. Старый берейторъ не казался разсудительнѣе господина. Въ ту минуту, какъ они отходили отъ окна, погода на мгновеніе прояс-

нѣла, но потомъ вѣтеръ вновь подхватилъ свѣтъ, закрутилъ его и развѣялъ, какъ дымчатое покрывало. На минуту выдѣлились три горныя вершины Альтеберга, о которыхъ только что говорилъ Сперверъ, потомъ снова все стусутилось.

— Очень хорошо, сказалъ баронъ, — я видѣлъ границу и, благодаря объясненіямъ, надѣюсь добраться благополучно.

Сперверъ молча поклонился. Баронъ и его берейторъ, раскладываясь съ нами, медленно вышли.

Гедонъ заперъ окно и сказалъ, обращаясь къ намъ:

— Надо быть одержимымъ бѣсомъ, чтобы выйти въ такую непогоду. Мнѣ бы было совѣстно выгнать волка за дверь. Въ концѣ концовъ это ихъ дѣло. Лицо барона мнѣ очень понравилось, также и его конюха. Ну, выпьемъ! Тоби, за ваше здоровье!

Я подошелъ къ окну; пока баронъ и его берейторъ усаживались на лошадей, я, не смотря на пасмурный день, увидѣлъ, какъ налѣво въ одной изъ башенъ съ высокими окнами отдернулась занавѣска и молодая графиня, вся блѣдная, бросила долгій взглядъ на молодого человека.

— Эй, Фрицъ, что ты тамъ дѣлаешь? спросилъ Сперверъ.

— Ничего, смотрю на лошадей этихъ иностранцевъ.

— Да, чудесныя животныя, я видѣлъ ихъ сегодня утромъ въ конюшнѣ!

Всадники поскакали въ галопъ. Занавѣска опустилась.

Глава VII.

Прошло нѣсколько дней безъ всякихъ происшествій. Моя жизнь въ Нидекѣ была очень однообразна; каждое утро я слышалъ мечтательный рожокъ Себальда, потомъ навѣщалъ графа, потомъ завтракалъ, потомъ размышлялъ о Сперверѣ и Чумѣ, слушалъ безконечную болтовню Мари Лагутъ, Тоби и всей этой празднои челяди, у которой было только одно развлеченіе: пить, играть, курить и спать. Одинъ Кнапвурстъ велъ сносное существованіе; онъ погружался въ хроники по уши, дрожа отъ холода въ библіотекѣ; онъ неутомимо занимался любопытными изысканіями. Можно себя вообразить, какъ я скучалъ. Сперверъ уже разъ десять показывалъ мнѣ конюшни и псарню; собаки начинали признавать меня. Я зналъ наизусть всѣ плоскія шутки Тоби, когда онъ выпьетъ, и всѣ замѣчанія Мари Лагутъ. Я заражался сильнѣе съ каждымъ днемъ меланхоліей Себальда; я бы съ удовольствіемъ самъ протрубилъ въ рожокъ въ горахъ о своей скукѣ и безпрестанно смотрѣлъ на дорогу въ Фрибургъ.

Тѣмъ временемъ болѣзнь графа Гери-Ганса шла своимъ порядкомъ. Это было мое единственное серьезное дѣло. Все, что мнѣ рассказывалъ Сперверъ, было справедливо: иногда графъ, внезапно просыпаясь, приподнимался и, вытянувъ шею, съ блуждающими глазами, тихо шепталъ: «она идетъ, она идетъ!» Тогда Гедонъ качалъ головой и отправлялся на сигнальную башню; но онъ напрасно смотрѣлъ во всѣ стороны: Чума не показывалась. Размышляя объ этой странной болѣзни, я пришелъ къ убѣжденію, что графъ немного помѣшанъ; странное вліяніе, которое производила на его умъ старуха, и частые переходы отъ мрачности къ веселости, утверждали меня въ этомъ мнѣніи.

Врачи, изучающіе мозговыя болѣзни, знаютъ, что такъ называемыя періодическія безумія не рѣдки; нѣкоторые обнаруживаются нѣсколько разъ въ году: весной, зимой. Я знаю въ Фрибургѣ одну старушку, которая втеченіи тридцати лѣтъ сама предупреждаетъ возвращеніе своихъ припадковъ: она является въ сумасшед-

шій домъ, гдѣ ее запираютъ. Тамъ эта несчастная каждую ночь грезитъ ужасными сценами, которыхъ она была свидѣтельницей въ юности: она дрожитъ, воображая себя въ рукахъ палача, обливаясь кровью жертвъ, стонетъ такъ, что камень бы тронулся. Черезъ нѣсколько недѣль припадки становятся рѣже. Ей возвращаютъ свободу въ увѣренности, что она придетъ сама на слѣдующій годъ. «Графъ Нидекъ находится въ такомъ же положеніи, думалъ я, никому невѣдомая связь однако существуетъ между нимъ и Чумой. Почему знать? Эта женщина была молода, вѣрно была хороша». И мое воображеніе, разъ ступивъ на этотъ путь, создало цѣлый романъ. Я однако позаботился никому объ этомъ не сообщать, Сперверъ никогда бы мнѣ не простилъ, что я счелъ его господина способнымъ на связь съ этой женщиной; что же касается графини, то одно слово «сумасшествіе» нанесло бы ей страшный ударъ.

Бѣдная молодая дѣвушка была очень несчастна. Ея отказъ выйти замужъ до того взволновалъ графа, что онъ съ трудомъ выносилъ ея присутствіе; онъ горько упрекалъ ее въ непослушаніи и распространялся о дѣтской неблагодарности. Иногда посѣщенія Одили вызывали ужасные припадки. Дѣло дошло до того, что я счелъ нужнымъ вмѣшаться. Разъ вечеромъ я подождалъ графиню въ прихожей и умолялъ ее отказаться ухаживать за графомъ; но тутъ мнѣ представилась, сверхъ ожиданія, необъяснимая настойчивость. Не смотря на всѣ мои настоянія, она хотѣла непремѣнно сама ходить за отцемъ по прежнему.

— Это моя обязанность, сказала она твердымъ голосомъ, — и ничто на свѣтѣ не можетъ меня отвлечь отъ этого.

— Сударыня, отвѣчалъ я, подойдя къ двери больного, — я, какъ врачъ, тоже имѣю свои обязанности и, какъ бы онѣ ни были жестоки, я долженъ ихъ исполнить: ваше присутствіе убиваетъ графа!

Всю жизнь мнѣ не забыть быстрого искаженія лица Одили.

При этихъ словахъ вся кровь прилила ей къ сердцу; она сдѣлалась бѣла, какъ мраморъ, и ея большіе голубые глаза, устремленные на меня, казались, хотѣли проникнуть въ мою душу.

— Возможно-ли это? пробормотала она, — вы можете меня въ этомъ увѣрить честию... неправда-ли?

— Да, сударыня, честию!

Наступило долгое молчаніе; потомъ она проговорила глухимъ голосомъ:

— Хорошо, да будетъ воля Божья!

Она вышла, опустивъ голову.

На другой день послѣ этой сцены, часовъ въ восемь утра, я прохаживался въ башнѣ Гуго, раздумывая о болѣзни графа, исхода которой я не видѣлъ, и о своей практикѣ въ Фрибургѣ, которую я рисковалъ потерять, благодаря такому долговому отсутствію, какъ вдругъ три таинственные удара въ дверь прервали мое грустное раздумье.

— Войдите!

Дверь отворилась и на порогѣ показалась Мари Лагутъ, низко присѣдая.

Приходъ доброй женщины очень стѣснялъ меня; я уже хотѣлъ просить ее оставить меня въ покоѣ, но меня удивила ея значительная мина. Она нагнула на плечи шаль, красную съ зеленымъ, наклоняла голову, кусала губы и, что меня удивило всего больше, она, войдя, снова пріотворила дверь, чтобы увѣриться, что никто за нею не слѣдитъ.

«Чего ей отъ меня надо, подумалъ я, что значатъ эти предосторожности?»

Я былъ заинтересованъ.

— Г. докторъ, сказала, наконецъ, добрая жен-

щина, подходя ко мнѣ, — извините, что я побеспокоила васъ такъ рано, но мнѣ надо передать вамъ нѣчто важное.

— Говорите, въ чемъ дѣло?

— Дѣло касается графа.

— А!

— Да, докторъ, вы, безъ сомнѣнія, знаете, что я сидѣла у него прошлую ночь.

— Дѣйствительно. Прошу васъ, сядьте.

Она сѣла напротивъ меня въ большое кожаное кресло и я съ удивленіемъ замѣтилъ выразительныя очертанія ея головы, которая въ день моего пріѣзда въ замокъ показала мнѣ такой смѣшной.

— Докторъ, начала она послѣ краткаго молчанія, устремивъ на меня свои большіе черные глаза, — надобно вамъ сказать, что я нетруслива; я столько видѣла въ жизни ужаснаго, что меня ничто не можетъ удивить: когда пройдешь черезъ Маренго, Аустерлицъ и Москву, немудрено, что растеряешь страхъ по дорогѣ.

— Я вѣрю вамъ.

— Я говорю это не изъ хвастовства, а только для того, чтобы убѣдить васъ, что мнѣ можно довѣриться, когда я говорю: «я видѣла то и то...» Ну, вчера вечеромъ, около десяти часовъ, я ужъ собралась спать, вошелъ Офенлохъ и говоритъ: «Мари, надо дежурить у графа». Сначала это меня удивило. «Какъ! сидѣть у графа, да развѣ барышня не сидитъ тамъ?» — «Нѣтъ, барышня больна, надобно, чтобы ты замѣнила ее». Больна, бѣдное дитя, я была увѣрена, что тѣмъ кончится. Я это сто разъ говорила, докторъ, но какъ вы хотите, молодость ничему не внемлетъ, да и къ тому же родной отецъ! И такъ я взяла вѣзанье, распростившись съ Тоби, и пошла въ комнату графа. Сперверъ, дождавшись меня, пошелъ спать. Вотъ я осталась одна.

Здѣсь добрая женщина пріостановилась и медленно понюхала табаку, я былъ весь вниманіе.

— Было около десяти съ половиною часовъ, продолжала она, — я сидѣла около кровати и работала, время отъ времени взглядывая на графа: онъ не шевелился, онъ спалъ тихо, какъ ребенокъ. Все шло хорошо до одиннадцати часовъ. Когда состарилась, докторъ, трудно провести всю ночь безъ сна, я не предвидѣла ничего дурного и думала, что больной проснитъ такъ до утра. Около полуночи вѣтеръ стихъ. Я встала посмотрѣть въ окно, ночь была очень темна; я опять сѣла, посмотрѣла на больного, но видя, что онъ не перемѣнилъ положенія, я принялась за работу; но черезъ нѣсколько времени чувствую, что засыпаю, засыпаю, словомъ всхрапнула порядкомъ; кресло у меня было мягкое, какъ пухъ, комната теплая — что тутъ прикажете дѣлать... Я проснала около часа, какъ вдругъ меня разбудилъ внезапный порывъ вѣтра. Открываю глаза и что-же вижу? Большое среднее окно настѣжъ, занавѣсы откинута и графъ въ одной рубашкѣ стоялъ на окнѣ!

— Графъ!?

— Да.

— Это невозможно, онъ едва въ силахъ двигаться.

— Я и не спорю. Но я его видѣла такъ, какъ теперь вижу васъ: онъ держалъ факелъ въ рукѣ; ночь была темна и въ воздухѣ такъ тихо, что пламя не колебалось.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на Мари.

— Во первыхъ, снова продолжала она послѣ краткаго молчанія, — когда я увидала его съ голыми ногами и въ такой позиціи, это такъ на меня подѣйствовало, такъ подѣйствовало, что я едва не закричала, но потомъ, подумала: можетъ быть, онъ лунатикъ, если я крикну, онъ проснется, упадетъ — бѣда! Я притаилась и смотрю на него. Онъ три раза махнулъ факеломъ, точно

подавалъ кому-нибудь сигналъ, наконецъ, бросилъ его за валь, заперъ окно, задернулъ занавѣсъ, прошелъ мимо меня, ничего не видя, и легъ, что-то бормоча.

— Увѣрены-ли вы, что точно все это вы видѣли?

— Увѣрена-ли я!

— Это очень странно!

— Да, я знаю, но это все правда. Ахъ, Господи! Въ первую минуту я растерялась, но потомъ, когда я увидѣла, что онъ такъ тихо лежить въ постелѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, сложилъ руки, я подумала: «ну, матушка, это тебѣ пригрѣзилось, это невозможное дѣло». Я встала и подошла къ окну, факель еще горѣлъ, онъ упалъ въ кустарникъ немного лѣвѣе третьихъ воротъ, огонекъ мигалъ, какъ звѣздочка; какъ тутъ было не увѣриться.

Мари Лагутъ нѣсколько времени молча смотрѣла на меня.

— Вы, конечно, угадываете, докторъ, что съ этой минуты я не спала всю ночь. Я была, можно сказать, какъ солдатъ на часахъ. Каждую минуту мнѣ чудилось, что за моей спиной кто-то копошится. Это было не отъ страха, но я была очень обеспокоена! Нынче утромъ ранехонько я разбудила Офенлоха и послала его къ графу. Проходя по коридору, я увидѣла, что тамъ не достаетъ одного факела, я сошла и нашла его возлѣ маленькой тропинки Шварцвальда; вотъ онъ.

Она достала изъ подъ передника обгорѣлый факель и положила на столъ. Я былъ пораженъ. Какимъ образомъ человѣкъ, котораго я наканунѣ видѣлъ столь слабымъ и истощеннымъ, могъ отворить и затворить тяжелое окно, встать, ходить? Мнѣ ясно представлялась эта странная, таинственная сцена и мои мысли невольно обращались къ Чумѣ. Я, наконецъ, отвлекся отъ этого внутренняго созерцанія и увидѣлъ Мари Лагутъ, собирающуюся выйти.

— Вы очень хорошо сдѣлали, сказали я, провозжая ее, что предупредили меня, — я очень вамъ благодаренъ. Вы никому объ этомъ не рассказывали?

— Никому, докторъ; такія вещи говорятся только доктору да священнику.

— Вижу, вижу, вы умная женщина!

Мы размѣнялись этими словами на порогѣ башни. Въ эту минуту въ галереѣ появился Сперверъ въ сопровожденіи своего друга Себальда.

— Эй, Фрицъ, кричалъ онъ, проходи по площадкѣ, — какія у насъ новости!

«Ну, подумалъ я, еще новости... вѣрно чортъ вмѣшался въ наши дѣла».

Мари Лагутъ исчезла. Ловчій и его другъ вошли въ башню.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Московскіе театры.

(Статья М.)

Большой театръ.

(Дебютанты въ русской оперѣ. — Г-жа Кочетова и г. Хохловъ. — Успѣхъ ихъ дебютовъ. — Г-жа Массини. — Предполагаемое возобновленіе «Демона». — Неудача съ бенефисомъ г. Барцала. — О предстоящихъ новинкахъ. — Балетъ «Дѣва ада». — Бенефисъ г. Гасена. — Балетъ «Лебединое озеро».)

Давать частные отчеты о русской оперѣ въ Москвѣ — почти невозможно. Приходилось бы повторять все одно и то-же. Труппа маленькая; репертуаръ крайне бѣдный. Это не то, что бывало при итальянской оперѣ: почти каждую недѣлю перемѣнялись пѣвицы и пѣвцы, дурные или хорошіе, но во всякомъ случаѣ новые; мож-

но было сравнивать и судить. При нашей же русской оперѣ — это немислимо. А потому поневолѣ пишешь за цѣлый мѣсяцъ.

Начало декабря было торжествомъ г-жи Александровой, какъ учительницы. Г-жа Александрова много лѣтъ пользовалась любовью москвичей, какъ примадонна-сопрано. У нея никогда не было очень большого или особенно красиваго голоса, но она всегда хорошо владѣла имъ. Теперь она профессоромъ въ московской консерваторіи и дебютъ ея дочери, г-жи Кочетовой, показалъ, что г-жа Александрова знаетъ свое дѣло. Г-жа Кочетова еще очень молодая пѣвица, но съ такимъ обработаннымъ голосомъ, что справляется съ самыми трудными фокусами вокализаціи. Намъ пришлось слышать ее въ первый разъ прошлой зимой въ концертѣ г. Безекирскаго. Она пѣла «Соловья» такъ, какъ его поетъ Патти. Въ концертѣ она производила пріятное впечатлѣніе. Для театра же ея голосъ слишкомъ малъ. Ее мѣстами просто больно слушать и если она

(Къ роману «Волкъ».) Себальдъ наигрываетъ любимые пѣсни графа. (См. № 4 стр. 73.)

захочетъ продолжать пѣть въ такихъ театрахъ, какъ нашъ «большой» — ея голоса хватить не на долго. Въ театрахъ г-жа Кочетова дебютировала ролью Джильды въ «Риголетто». Слушая ее, получаешь какое-то странное впечатлѣніе: у нея совершенно не человѣческій тембръ, какой-то металическій, острый. Въ соло это можетъ нравиться или нѣтъ, смотря по вкусу, но въ ансамбляхъ ея голосъ почти непріятенъ: онъ не можетъ слиться съ другими голосами, идетъ самъ по себѣ. Отдѣльные номера у г-жи Кочетовой выходятъ удачны, а главное, отдѣланы съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Послѣ фіоритурнаго соло во-второмъ дѣйствіи ее вызвали четыре раза. И вообще можно сказать, что г-жа Кочетова дебютировала съ большимъ успѣхомъ. Всѣ слышать, что у нея голосъ маленькій, для большой оперы не пригодный, тембръ не изъ пріятныхъ, и все-таки принимаютъ ее, какъ звѣзду первой величины. Здѣсь больше, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ сказывается любовь москвичей ко всему своему, московскому. Разъ пѣвица

училась въ Москвѣ, — московская публика считаетъ долгомъ принимать ее и восхищаться ею.

Это мы видѣли и на дебютѣ г. Хохлова, ученика той же г-жи Александровой. Онъ теперь свѣтило нашей оперы. Съ г. Хохловымъ театръ всегда полонъ, его вызываютъ десятки разъ, машутъ платками... Поощреніе для дебютанта очень важно, но въ такой степени оно иногда вредитъ ему. Легко достигнувъ успѣха, даже фурора, артистъ можетъ остановиться, не идти впередъ, даже и не стараться идти дальше. Для г. Хохлова этого бы вовсе не желательно. У него, дѣйствительно, прекрасныя средства, хотя опять нельзя не сдѣлать того же самаго упрека, что и г-жѣ Кочетовой. Голосъ г. Хохлова пропадаетъ въ большой залѣ; онъ слишкомъ напрягаетъ его, а въ этомъ напряженіи теряется половина его красоты и гибкости. Г. Хохловъ выступилъ въ первый разъ въ «Трубадурѣ» въ роли графа де-Люна. У него баритонъ свѣжій, молодой и совершенно съ теноровымъ оттѣнкомъ. Нетруд-

ная партія графа де-Люна была пропѣта имъ толково, но безцвѣтно и въ сильныхъ мѣстахъ совсѣмъ безъ оттѣнковъ. Проигру и говорить нечего. Г. Хохлову въ этомъ еще предстоитъ много учиться. Для второго дебюта онъ взялъ Валентина въ «Фаустѣ» и хорошо пропѣлъ эту небольшую, но симпатичную партію. Онъ исполнилъ даже во второмъ актѣ арію, которую почти всѣ пѣвцы-баритоны пропускаютъ. Для г. Хохлова она не оказалась слишкомъ высокой. Даже игралъ онъ какъ будто лучше, хотя между первымъ и вторымъ дебютомъ прошла какая-нибудь недѣля. И въ эту же недѣлю мы могли еще разъ увидѣть, какъ г-жа Массини мечется по репертуару. Она пѣла съ г. Хохловымъ въ Трубадурѣ и въ Фаустѣ. Можно бы подумать, что она пѣла Леонору и Маргариту, или Азучену и Зибелю. Но въ томъ-то и дѣло, что г-жа Массини въ Трубадурѣ пѣла Азучену и въ Фаустѣ Маргариту и, конечно, ни съ той, ни съ другой партіей не справилась. Она подкупаетъ зрителей отличной игрой и выразительностію пѣнія, но никакъ не голосомъ. А потому первая половина третьяго дѣйствія Фауста у нея совсѣмъ пропала; въ дуэтѣ она все поправила страстными, но далеко не звучными нотами. Четвертый актъ у нея весь прошелъ хорошо. И если бы г-жа Массини установилась въ репертуарѣ, она въ нѣкоторыхъ партіяхъ доставляла бы положительное удовольствіе. Грустно видѣть, какъ она тратитъ зря свои средства. Г-жа Массини долго пѣла

въ провинціи, и это метаніе по репертуару — слѣды ея провинціальнаго успѣховъ. Возвращаясь къ г. Хохлову, скажемъ, что говорить, о постановкѣ съ нимъ «Демона». Съ отъѣздомъ г. Корсова москвичи лишились «Демона». Въ московской оперной труппѣ баритона нѣтъ. Къ намъ командировать его изъ Петербурга и, когда въ немъ надобность въ Петербургѣ, берутъ назадъ. Такъ отозвали и г. Корсова и если бы не явился дебютантъ г. Хохловъ — пришлось бы ставить только оперы безъ баритонныхъ партій. Справится-ли г. Хохловъ при своемъ теноровомъ баритонѣ съ низкой и трудной партіей Демона, предсказывать не рѣшаемся. Поживемъ, увидимъ, или вѣрнѣе услышимъ.

Съ бенефисомъ г. Барцала случилось несчастье. Онъ взялъ «Опричника» Чайковскаго. Эта опера пѣлась уже нѣсколько лѣтъ назадъ въ Москвѣ. Значитъ обстановка была, оставалось только сренетировать. Репетиціи близились къ концу и говорили уже о днѣ постановки «Опричника», когда явилось запрещеніе давать оперу и

ее должны были сдать въ архивъ, а г. Барцаль взялъ на бенефисъ уже столько разъ поставленные въ этомъ сезонѣ «Гугенотты».

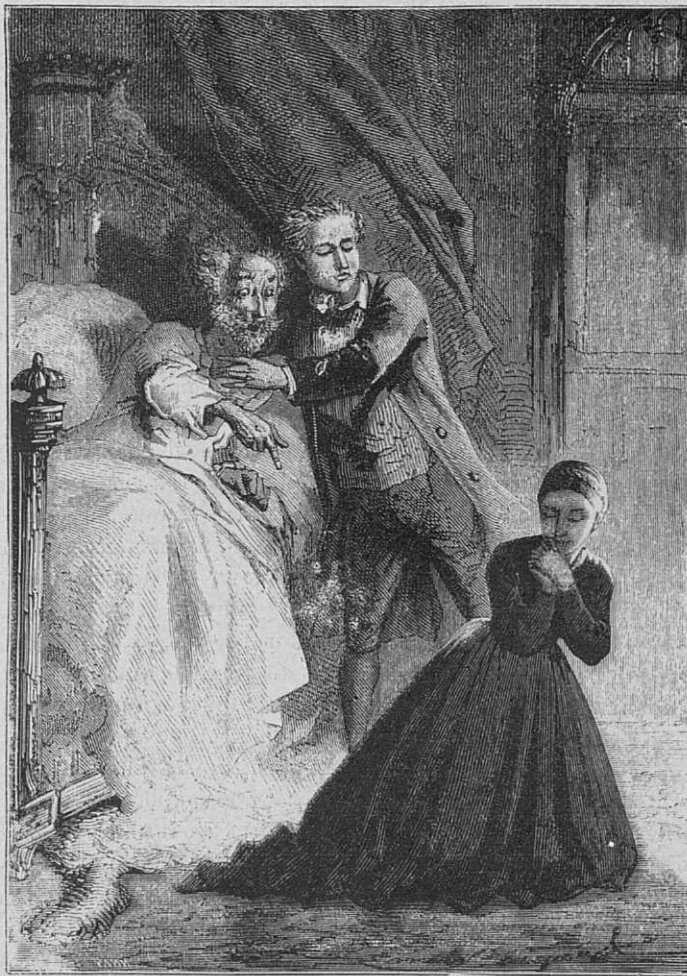
Конечно, новаго про нихъ сказать нечего. Шла опера ни хуже, ни лучше, чѣмъ прежде. Театръ былъ полонъ и г. Барцала принимали съ большимъ сочувствіемъ. Ему поднесли два большихъ вѣнка. Публика очень любитъ г. Барцала, а можетъ быть, и благодарна ему. Весь оперный репертуаръ держится на немъ.

Теперь въ большомъ театрѣ идутъ репетиціи «Роберта» и «Фра-Дьявола». Обѣ заглавныя партіи поетъ г. Барцаль. «Фра-Дьявола» предполагается поставить на бенефисъ г. Фюрера. Бенефициантъ беретъ маленькую роль одного изъ разбойниковъ. Второго разбойника будетъ пѣть г. Абрамовъ, Церлину—г-жа Верни, Лоренцо—г. Додоновъ, англичанина—г. Финокки и жену его—г-жа Юневичъ. Распределение партій довольно удачно и, судя потому, какъ долго идутъ репетиціи, можно ожидать, что опера пойдетъ хорошо. Въ одно и тоже время репетируется и «Робертъ-Дьяволъ» Мейербергера. Справится съ нимъ, конечно, будетъ труднѣе. Г-жа Верни взяла «Роберта» на свой бенефисъ и сама поетъ Алису. Мужскія партіи отданы гг. Барцалу, Фюреру и Додонову.

Мы лучше пройдемъ молчаніемъ неудачнѣйшую постановку «Миньоны» Амбруаза Тома въ бенефисъ г-жи Массини. Довольно того, что Вильгельма Мейстера исполнялъ г. Додоновъ, а баритонную партію актера—г. Владиславлевъ (!), употребляемый на выходные роли въ маломъ театрѣ. И бенефициантка не могла спасти оперу отъ паденія. Ее такъ и не повторили больше.

Одна изъ новинокъ нынѣшняго сезона въ большомъ театрѣ—это балетъ «Дѣва ада». У насъ балетъ былъ въ послѣднее время нелюбимымъ чадомъ и публики, и самой администраціи театра. Это была Сандрильона, всегда грязная, обтрепанная, ждавшая доброй феи, которая явится, преобразитъ и приодѣнетъ ее. Такая добрая фея и явилась въ лицѣ г. Гансена, балетмейстера брусельскаго театра. Онъ разомъ измѣнилъ скучный, тусклый московскій балетъ. Г. Гансенъ, пріѣхавъ въ Москву, нашелъ нѣсколько первыхъ танцовщицъ только номинально: онѣ или болѣны или настолько стары, что ставить балетъ для какой-нибудь солистки, какъ это всегда дѣлалось—было немислимо. Г. Гансенъ и поставилъ балетъ, основанный весь на общихъ танцахъ и на красотѣ группъ. Въ послѣднемъ, четвертомъ дѣйствіи, на сценѣ во семьдесятъ балеринъ, онѣ постоянно мѣняютъ группы съ вѣнками и флагами; вся эта масса движется безъ шума, безъ суеты. Можно удивляться, какъ вышколили ихъ г. Гансенъ въ такое короткое время. Сюжетъ балета незамысловатъ. Надо было, чтобы дѣйствіе происходило въ Индіи, потому что въ театрѣ были заготовлены декорации для балета «Балдерка». Были затрачены большія деньги, но балетъ почему-то не пошелъ и декорации остались въ амбарахъ. Г. Гансенъ отослалъ бѣдняка, продающаго душу «дѣву ада» въ Индію и тѣмъ только оживилъ балетъ. Онъ могъ тутъ придумать и оригинальные танцы, какъ танецъ *bambula* въ первомъ дѣйствіи съ бамбуковыми палками, и оригинальные костюмы амазонокъ и многихъ другихъ. Бѣдный Нала-Тамби (г. Соколовъ), сѣдаемый завистью при видѣ молодого, красиваго принца (г. Бекефи), рѣшается продать душу дѣву ада—г-жѣ Станиславской съ тѣмъ, чтобы не любить никого, кромѣ нея. Онъ становится посрединѣ сцены на два волшебныхъ,

нарисованныхъ мѣломъ слѣда и моментально изъ стараго нищаго превращается въ наряднаго молодого человѣка, молодого настолько, насколько можетъ быть имъ на сценѣ корифей московскаго балета г. Соколовъ. Этимъ превращеніемъ и заканчивается первая картина перваго дѣйствія. Нала-Тамби не сдерживаетъ, конечно, своего обязательства. Иначе печѣмъ бы было наполнить остальные три акта. Онъ влюбляется въ принцессу Соровасту (г-жу Карпакову). Въ этомъ вся драма балета. Дѣва ада любитъ Нала-Тамби. Нала-Тамби влюбляется въ Соровасту, которая любитъ принца и его невѣсту. Но Нала-Тамби получилъ отъ дѣвы ада рогъ, по звуку котораго къ его услугамъ являются семь чертей. Онъ съ помощью ихъ всѣми силами мѣшаетъ браку Соровасты съ принцемъ, пока дѣва ада хитростью не вырываетъ у него рогъ, который давалъ ему всю силу. Бѣдный Нала-Тамби попадаетъ дракону и умираетъ, обвитый имъ. Апофеозъ: добродѣтель восторжествовала, Со-

(Къ роману «Волкъ.»)—Останься! закричалъ графъ.
(См. № 4 стр. 73.)

роваста съ женихомъ, окруженные массою танцовщицъ. Въ апофеозѣ нѣтъ ничего новаго. И идея, и группа, и освѣщеніе—все это какъ и въ остальныхъ балетахъ, но большая часть танцевъ новы и оригинальны. Такъ, во второмъ дѣйствіи появляется весь кордебалетъ въ маскахъ, въ длинныхъ черныхъ перчаткахъ и черныхъ сапожкахъ. Общая картина очень красива и танцы граціозны. Въ третьемъ дѣйствіи танцы птичекъ, исполненные дѣтьми, повторяются каждый разъ по требованію публики. Вообще весь балетъ идетъ живо и если бы не однообразная музыка его бы можно было просмотрѣть хотя нѣсколько разъ. Но постоянно повторяющіеся два мотива, прошедшіе черезъ всѣ четыре акта, такъ надоедаютъ, что могутъ испортить все впечатлѣніе балета. Г. Гансенъ привезъ съ собой музыку Нефкура. Въ ней нѣтъ ни новизны, ни оригинальности, ни даже веселости, и она нисколько не подходитъ къ сюжету балета. Дирекція дала г. Гансену бенефисъ, въ который онъ поставилъ балетъ «Лебединое

озеро», передѣлавъ его совсѣмъ заново. Чудная музыка Чайковскаго къ этому балету не выкупала той скуки, какую навѣвало всегда «Лебединое озеро» въ его прежней постановкѣ. Г. Гансенъ оживилъ танцы и передѣлалъ нѣкоторыя картины. Второй актъ поставленъ совсѣмъ заново. Г. Гансенъ почти никогда не оставляетъ танцовщицу одну на сценѣ: онъ изъ кордебалета составляетъ группы, которыя, постоянно перемѣняясь, очень красиво декорируютъ сцену. Въ «Лебединомъ озерѣ» роль Одетты, царицы лебедей, исполняла воспитанница Калмыкова. Танцуетъ она не блестяще, но всѣ позы очень граціозны и красивы. Имъ и была она обязана большей частью своего успѣха.

Литературные и драматическіе очерки.

Ст. Эмиля Золя.

I.

Тѣнъ академикъ.

Однимъ изъ замѣтныхъ литературныхъ явленій послѣдняго времени во Франціи былъ торжественный пріемъ Тѣна въ академіи. Мы много любили Тѣна и много восторгались имъ. Я говорю: мы, потому что во времена моей юности насъ была цѣлая группа, пламенно интересовавшаяся литературой. Я помню, какое громадное впечатлѣніе произвели на насъ его первыя произведенія. Его часто обвиняли въ суженіи человѣческаго анализа своей теоріей расы и среды. Но для насъ напротивъ это было рѣзкимъ расширеніемъ взглядовъ на человѣка и природу. Подъ строгостью научной механической теоріи мы видѣли сложную игру человѣческихъ законовъ, дѣйствовавшихъ впервые на глазахъ всѣхъ. Это былъ обширный міръ, не умаленный, но классифицированный, приведенный въ удивительный порядокъ и безконечно развертывавшій постоянную работу жизни.

Кромѣ того насъ плѣняли точный критическій методъ Тѣна и умѣніе его пользоваться этимъ новымъ орудіемъ. Онъ отрицалъ всѣ школы и, изучая исторію литературъ, указывалъ повсюду торжество могучихъ темпераментовъ. Это не были старинныя придирки педанта, привязывавшагося къ каждому слову съ точки зрѣнія отжившей риторики, старомоднаго вкуса и узкихъ понятій о литературныхъ приличіяхъ. Его умъ признавалъ всѣ проявленія таланта и довольствовался тѣмъ, что объяснялъ появленіе таланта или генія, не выражая никакого притязанія руководить имъ. Насъ приводили въ восторгъ его статья о Стендалѣ, въ которой, на нѣсколькихъ страницахъ, онъ съ столь спокойной смѣлостью ставилъ автора «*Chartreuse de Parme*» на такую высоту; его длинный очеркъ о Балзакѣ, столь могучій, полный и смѣлый, гдѣ онъ приравнивалъ автора Человѣческой комедіи къ Шекспиру, и, наконецъ, его Исторія англійской литературы, гдѣ бьетъ черезъ край любовь своеобразной, истинной силы, гдѣ на каждой страницѣ критикъ ставитъ жизнь выше искусства и разсматриваетъ каждое литературное произведеніе, какъ живое дѣтище великаго ума. Наконецъ, насъ увлекалъ въ Тѣнѣ и художникъ. Его страницы блестяли не только анализомъ, но колоритомъ и даромъ вызывать живые образы. Этотъ математикъ былъ живописецъ. Онъ производилъ на насъ впечатлѣніе не только новизною своихъ взглядовъ, но и блескомъ своихъ картинъ. Это былъ послѣдній ударъ жеманной, торжественной критикѣ Буало и Ла-Гарпа, урегулированіе натурализма Сен-Бева, болѣе широ-

кое и точное сознаніе дѣятельности и творчества человѣческаго ума. Въ настоящее время, не смотря на систематичныя односторонности, въ которыхъ можно упрекнуть Тэна, критическій методъ, введенный имъ, остается единственнымъ возможнымъ; мы всѣ примѣняемъ его, пока кто-нибудь не сдѣлаетъ его еще полнѣе и шире.

Отчего же, если наше удивленіе къ таланту Тэна не уменьшилось, то мы питаемъ теперь къ нему менѣе нѣжныя чувства? Я очень сожалею, что не имѣю мѣста подробно изслѣдовать этотъ интересный вопросъ. Тэнь не обманулъ насъ, а онъ просто развился въ томъ роковомъ направленіи, къ которому была склонна его натура. Мы ошиблись, питая надежду, что онъ приметъ дѣятельное участіе въ современной борьбѣ, мы мечтали, что онъ будетъ продолжать дѣло, оставленное Сен-Беномъ, но личные его вкусы отдалили Тэна отъ этой задачи. Конечно, онъ имѣлъ полное право дать своимъ трудамъ такое направленіе, какое онъ хотѣлъ; онъ оторвался отъ современной почвы и углубился въ философію и исторію; онъ написалъ прекрасныя книги, потребовавшія громаднаго труда и долгихъ изслѣдованій. Но самый фактъ, что Тэнь бросилъ современные вопросы и нашелъ нужнымъ, покинувъ живыхъ, интересоваться одними мертвыми, представляетъ любопытный предметъ для изслѣдованія и полный, обстоятельный анализъ его представилъ бы намъ фигуру Тэна во всемъ ея объемѣ, но я принужденъ ограничиться крупными, бѣглыми штрихами. Тэнь не можетъ найти страннымъ, чтобъ его изучали по методу Тэна.

По общему мнѣнію всѣхъ писавшихъ о Тэнь, онъ былъ замѣчательнымъ ученикомъ, трудолюбивымъ, серьезнымъ, съ такими способностями, что всѣ товарищи его уважали. Въ университетѣ онъ одержалъ блестящіе успѣхи и, выйдя изъ узкихъ рамокъ официальной программы, выказалъ жажду все знать. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ ученымъ и книжнымъ труженикомъ. Вотъ онъ выходитъ на арену жизни. Съ самаго начала въ немъ выражается странный дуализмъ. Съ одной стороны его умъ, очень свободный, смѣлый, независимый, благодаря своимъ обширнымъ знаніямъ, склоненъ къ отрицанію существующаго и является реформаторомъ. Съ другой стороны—онъ отличается инстинктивной осторожностью, онъ расчетливъ и человѣкъ порядка. Я основываю свои слова на свидѣльствѣ его друзей. Когда онъ вышелъ изъ университета, то, конечно, поступилъ рискованно, но это былъ рискъ человѣка расчетливаго, рѣшившаго заранее планъ своихъ дѣйствій, отъ котораго онъ уже и не отходилъ. Его путь былъ ясно проложенъ и онъ теперь живетъ, конечно, такъ, какъ желалъ жить. Онъ долго давалъ уроки, даже послѣ того, когда успѣхъ его первыхъ сочиненій давалъ ему возможность обойтись безъ ихъ пособія, но онъ питалъ какой-то страхъ къ журнализму, боясь увлечься слишкомъ далеко и считая вѣрнымъ доходъ только отъ серьезнаго ремесла, какъ говорятъ буржуа. Впослѣдствіи ему понадобились официальные мѣста для обезпеченія своего существованія. Наконецъ, онъ женился на богатой и только тогда счелъ себя вполне спокойнымъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего особеннаго и если я упоминаю объ этомъ, то съ цѣлью указать на крайнюю осторожность его темперамента, на его потребность создать себѣ спокойное и вполне независимое положеніе, которое позволяло бы ему свободно предаться задуманнымъ имъ литературнымъ трудамъ. Его не мучила никакая страсть, никакая фантастическая мечта; онъ заботился только о томъ, чтобъ устроить себѣ тихій счастливый уголокъ вдали отъ борьбы. Онъ никогда не поддавался, да и не могъ поддаться какому-нибудь увлеченію, послѣдствіи котораго могли бы компрометировать его.

Вотъ Тэнь человѣкъ рядомъ съ Тэномъ философомъ и писателемъ. Повторяю, какъ философъ и писатель, онъ дебютировалъ революціонеромъ, чѣмъ произвелъ рѣзкое впечатлѣніе. Академія смотрѣла на него подозрительно, епископы были имъ недовольны. Въ литературѣ его критическій методъ возбуждалъ шумъ; его обвиняли въ материализмѣ. Потомъ мало-по-малу весь этотъ шумъ смолкъ. Академія протянула ему руки, епископы готовы его облобызывать, объ его дебютѣ отзываются съ улыбкой, какъ объ уродливомъ наростѣ, который съ теченіемъ времени долженъ былъ самъ отпасть. Дѣло объясняется очень просто: въ Тэнь человѣкъ успокоилъ, ступсевалъ философа и писателя. Я нисколько не обвиняю Тэна въ отступничествѣ; онъ, вѣроятно, въ глубинѣ своей души остался материалистомъ, реалистомъ, только онъ не заявляетъ своихъ убѣжденій публично, какъ прежде, и окружаетъ ихъ туманной дымкой. Онъ старательно избѣгаетъ борьбы. Это уже не авторъ «Французскихъ философовъ», который возставалъ противъ установленныхъ авторитетовъ, это не авторъ очерка о Бальзакѣ, который открыто выражалъ восторженное поклоненіе гению, значеніе котораго сильно оспаривали, это даже не авторъ «Исторіи англійской литературы», съ любовью рисовавшей могучее своеобразие большихъ талантовъ. Тэнь теперь человѣкъ все уравновѣсившій, чтобъ не нарушить своего спокойнаго существованія, ученый, похоронившій себя въ трудахъ, въ которыхъ уже невольно онъ отзывается мягко объ извѣстныхъ вопросахъ и объ извѣстныхъ личностяхъ. Это было неизбежно; осторожный человѣкъ долженъ былъ въ концѣ концовъ создать уравновѣшеннаго, безцвѣтнаго критика.

И такъ Тэнь въ нашихъ глазахъ не исполнилъ того, что онъ обѣщалъ нашему поколѣнію. Мы ждали, что онъ—человѣкъ смѣлый и основательный ученый—высоко подниметъ знамя современнаго натурализма, что онъ станетъ продолжать начатую имъ борьбу съ лицемеріями теоретиками, что онъ станетъ во главѣ новаго направленія. Прочный методъ, блестящій стиль, глубокія знанія, все предназначало его для этой роли и онъ легко сдѣлался бы могучей силой. А теперь мы видимъ въ немъ, конечно, замѣчательный умъ, но углубляющійся въ спеціальныя вопросы, изъ которыхъ онъ даже не выводитъ точныхъ или определенныхъ заключеній. Такимъ образомъ, мѣсто, которое онъ долженъ былъ занять, осталось пустымъ. Мы все еще ждемъ критика, который освѣтилъ бы современные умы и указалъ имъ дорогу.

Я не примѣниваю политики къ моему сужденію, потому что по моему политика здѣсь не причесть. Въ послѣдніе дни республиканскія газеты нападали на Тэна, а реакціонеры ему рукоплескали за политическія мнѣнія, которыя ему приписываютъ. Въ его сочиненіи объ основахъ современной Франціи хотятъ видѣть реакціонную пропаганду; и вотъ причина этихъ нападокъ и похвалъ. Но подобная точка зрѣнія нелѣпа, потому что Тэнь, хотя и сдѣлалъ уступки своему пристрастію къ порядку, конечно, стремился въ своемъ трудѣ только къ истинѣ, какъ онъ ее понимаетъ. И даже еслибъ онъ неправильно допустилъ, чтобы политическія страсти повліяли на ученый трудъ, то было бы очень узко взять это за точку отправления при обсужденіи его, какъ литератора и человѣка. Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что Тэнь, прежде любившій правду до смѣлаго, громкаго ея заявленія, теперь молчитъ о всѣхъ тѣхъ правдахъ, которыя волнуютъ насъ, или, говоря о нихъ, обходитъ прежде ихъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ отыскать самый безопасный къ нимъ приступъ.

Его упрекаютъ, что онъ въ послѣднихъ своихъ трудахъ высказывалъ реакціонныя мнѣнія

только для того, чтобъ проложить себѣ дорогу въ академію. Политическое пристрастіе слышится въ этихъ упрекахъ. Дѣло же заключается въ томъ, какъ я уже сказалъ, что Тэнь слѣдовалъ по естественному наклону своей натуры. Онъ долженъ былъ когда-нибудь заслужить благорасположеніе академіи и онъ снискалъ это благорасположеніе безъ всякаго злого умысла. Я даже не обвиняю его въ измѣнѣ своимъ идеямъ, нѣтъ, эти идеи только ступсевались и отуманились. Никогда человѣкъ его достоинства не сталъ бы тратить десять лѣтъ жизни на колоссальный трудъ для того, чтобъ вкусить мелочное удовольствіе быть академикомъ. Но это событіе могло произойти совершенно помимо его воли. Такимъ образомъ «Основы современной Франціи»—результатъ не только историческихъ изслѣдованій Тэна, но и его личнаго темперамента, природной осторожности и пристрастія къ порядку. Если онъ реакціонеръ, то его одушевляетъ реакція ученаго, мирныя занятія котораго нарушили волненія 1871 года.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, фактъ остается тотъ, что Тэнь упорно хотѣлъ вступить въ академію и что она нашла возможнымъ ему отворить свои двери. Хроникеры рассказывали намъ, что Тэну очень надоѣлъ шумъ, поднятый вокругъ его особы. Признаюсь, я этимъ нисколько не растроганъ. Если онъ такъ любитъ спокойствіе и безмятежную тишину, то ему было очень легко предохранить себя отъ этого шума, не являясь кандидатомъ на академическое кресло. Люди не хуже его держатся въ сторонѣ. Но будьте увѣрены, что академія давно составляла цѣль его самолюбивыхъ стремленій и если ему пришлось перенести нѣкоторыя непріятности, то это совершенно заслуженное возмездіе. Конечно, я нисколько не осуждаю его за эту очень извинительную слабость, но я только отмѣчаю фактъ, что онъ теперь тамъ, гдѣ хотѣлъ и гдѣ ему подобало быть.

Вообще нѣтъ ничего мрачнѣе этихъ торжественныхъ пріемовъ въ академію. Великіе люди на нихъ мельчаютъ, а мелкіе вырастаютъ. Вотъ, напримѣръ, Тэнь, обязанный произнести похвальное слово очень посредственному человѣку. Тэнь, который прежде умѣлъ сохранять полную свободу критики, оцѣняя гениевъ, сказалъ очень блѣдную рѣчь, которая останется самымъ неудачнымъ его произведеніемъ. И публика встрѣтила его очень холодно. Всѣ рукоплесканія приписались на долю Дюма (знаменитаго химика), отвѣтъ котораго, написанный по академическому рецепту, естественно понравился гораздо болѣе. Не смотря на умѣніе промолчать, гдѣ слѣдовало, и полное замѣтное смущеніе, Тэнь былъ не на мѣстѣ съ своими короткими фразами и точнымъ анализомъ; напротивъ, Дюма сразу расположилъ къ себѣ слушателей своими торжественными, цвѣстистыми періодами. И тутъ я вижу достойную кару. Тэнь долженъ былъ перенести публично передъ всей академіей удары площадной риторики старомоднаго ученаго. И Дюма прямо осуждалъ его за реализмъ и подсмѣивался надъ его ученостью, такъ какъ обыкновенно всякій ученый, выступающій на литературное поприще, дѣлается пламеннымъ идеалистомъ и злобно нападаетъ на малѣйшую тѣнь точнаго, научнаго метода. Вотъ и лучшее заключеніе этихъ бѣглыхъ замѣтокъ: Тэнь академикъ, но Тэна побилъ Дюма на почвѣ риторики и науки. А я теперь перечту его очеркъ о Бальзакѣ.

Альбомъ русской охоты и Гоголевскіе типы.

Къ помѣщенному нами въ № 2 рисунку г. Боглевскаго «Губернскій Олимпъ» находимъ необходимымъ присовокупить тѣ лаконическія гениальныя этикетки Гоголя, по намекамъ которыхъ художникъ

воспроизвелъ въ рисунокѣ «почетныхъ лицъ въ губернской горадѣ N.»

Верхній рядъ: 1) Губернаторъ посрединѣ: «большой добрякъ и даже самъ вышивалъ по тюлю»; 2) по правую руку—вице-губернаторъ «безъ особыхъ примѣтъ»; 3) по лѣвую—прокуроръ «съ своими черными бровями и подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ».

Средній рядъ: посрединѣ: 4) откупщикъ, «конечно изъ евреевъ»; 5) справа—«въ очкахъ губернский архитекторъ»; 6) «предсѣдатель палаты (Иванъ Григорьевичъ), весьма разсудительный человѣкъ»; слѣва отъ еврея: 7) «предсѣдатель казенной палаты»; и 8) «начальникъ надъ казенными фабриками»; оба особенныхъ примѣтъ не имѣютъ, кромѣ выраженія собачьей жадности въ глазахъ.

Нижній рядъ: 9) полиціеимейстеръ, въ мундирѣ того времени, «отецъ и благодѣтель всего города, навѣдывавшійся къ купцамъ въ лавки, какъ въ свою собственную кладовую»; справа отъ него 10) почтмейстеръ, низенькій человѣкъ, но острякъ и философъ, читающій «Ключъ къ тайнствамъ натуры» Экартсгаузена и «Юнговы ноши»; слѣва 11) инспекторъ врачебной управы, «вѣроятно изъ духовнаго званія».

«Лица у нихъ были полныя и круглыя, а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Собою они были такіе же, какъ Чичиковъ, т. е. не такіе, чтобы слишкомъ толсты, однакожь и не тонкіе. Они никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а ужъ если сядутъ гдѣ, то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣе мѣсто затрещитъ и угнетется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ, за то въ шкатулкахъ благодать Божія. У каждаго спокойно, глядь—и явится гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близъ города деревенька, потомъ и село со всѣми угодьями. Наконецъ, послуживши Богу и государю, заслуживши всеобщее уваженіе, почтенный чиновникъ оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ бариномъ, хлѣбосоломъ и живетъ, и хорошо живетъ». (Полн. собр. соч. Голя, изд. 1874 г., т. III, стр. 12).

Въ прошломъ 4-мъ номерѣ помѣщены типы «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ». Вотъ какъ Гоголь описалъ эту интересную пару: «Афанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ и всегда почти улыбался, сидя на своемъ стулѣ, который продавалъ уже лѣтъ двадцать тому назадъ. Когда-то, въ молодости, Афанасій Ивановичъ служилъ въ компанейцахъ, былъ послѣ секундъ-майоромъ, но это очень давно, когда онъ былъ молодцомъ, носилъ шитый камзолъ; онъ даже увезъ довольно ловко Пульхерію Ивановну, которую родственники не хотѣли отдать за него».

«Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы, вѣрно, нашли бы улыбку уже черезъчуръ приторною для ея доброго лица. Она была замѣчательно всего тогда, когда подводила гостя къ закускѣ». Вотъ это, говорила она, снимая пробку съ графина, водка, настоенная на деревѣ, вотъ это—на золотыячникъ, а вотъ это—на персиковыя косточки; вотъ возьмите рюмку—какой пріятный запахъ!»

Въ №№ 3 и 4 нашего журнала помѣщены два охотничьи рисунка г. Соколова, относящіеся къ двумъ различнымъ эпохамъ. «Заструниваніе волка» — это изъ крѣпостнаго времени; приказаніе барина-охотника «взять живьемъ» послужило началомъ этой чисто-русской охотничьей операціи, которая со временемъ превратилась въ обычную и практиковалась во всѣхъ большихъ охотахъ, въ составѣ которыхъ всегда находились столь ловкіе и сильные борзятники, что когда баринъ-охотникъ желалъ взять живого волка, чтобы не подвергать опасности своихъ любимыхъ борзыхъ, то охота оканчивалась «заструниваніемъ», изображеннымъ на рисункѣ. Когда борзья останавливаетъ, т. е. окружаютъ волка, то онъ обыкновенно принимаетъ оборонительное положеніе, слегка присаживаясь, и зорко наблюдаетъ за движеніемъ окружившихъ его собакъ; въ это время борзятникъ, подѣхавъ сзади, мгновенно бросается прямо съ сѣдла на волка и сильно схватываетъ его за уши; такъ какъ волчья шея, какъ извѣстно, неповоротлива, а руки борзятника сильны, какъ желѣзные клещи, то достаточно одной минуты, чтобы другой борзятникъ крѣпко завязалъ морду неподвижнаго звѣря толстой струной или бичевой. Этотъ отважный и требующій большой ловкости и проворства способъ, принадлежащий исключительно русской охотѣ и, слѣдуетъ замѣтить, служитъ весьма характеристичной этнографической чертой не только въ области нашего національнаго спорта, но и вообще въ нравственномъ

отношеніи. Теперь сильно выводятся и знаменитые костромскіе густо-псовые волкодавы, изображенные на рисункѣ, и отважные борзятники, хотя не выводятся къ великому несчастію русскаго народа волки, получившіе съ одной стороны, въ положеніи 19 февраля, свою великую хартію, а въ другомъ положеніи—о земскихъ учрежденіяхъ, организованную враждебную силу, создавшую въ свою очередь волчій вопросъ, это логическое послѣдствіе бывшаго крестьянскаго дѣла, который, какъ слѣдуетъ ожидать, разрѣшится рано или поздно не въ пользу волковъ. Въмѣсто отважныхъ борзятниковъ и костромскихъ волкодавовъ теперь идетъ въ дѣло: стрихнинъ, капканы, тенета, загороди, земскія облавы, требующія однако усовершенствованія и наибольшей энергіи.

Другой рисунокъ, изображающій «Ночлегъ охотниковъ», относится уже къ новѣйшему времени и къ другому классу общества. Въ послѣднее время русскій буржуа, т. е. мелкое купечество, некрупное чиновничество, кассиры, бухгалтеры, контролеры многочисленныхъ банковъ и разныхъ акціонерныхъ правленій, фабриканты, ихъ техники, владельцы ремесленныхъ заведеній и всякій другой подобный людъ, ютящійся въ большихъ городахъ и пользующійся хорошимъ матеріальнымъ положеніемъ, очень полюбили охоту; въ охотничій сезонъ на каждомъ желѣзно-дорожномъ поѣздѣ, преимущественно изъ столицы, вы непременно встрѣтите не одну группу охотниковъ, отправляющихся съ своими сестрами и понтерами нерѣдко за 100—200 верстъ поохотиться «по-перу», т. е. на птицу, или «по-шерсти», т. е. на звѣря. Всѣ эти группы останавливаются на ночлеги по крестьянскимъ избамъ, чувствуя себя вполне счастливыми и довольными уже вслѣдствіе одной только перемѣны своей привычной домашней обстановки на совершенно-противоположную. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ сравниться съ наивной и освѣжающей простотой крестьянской обстановки? Городская квартира, напримѣръ, петербургскаго охотника по большей части устлана коврами, съ водопроводомъ, ванной, ватерклозетомъ, обставлена до тѣсноты мягкой мебелью, завѣшана шторами, занавѣсами; постель съ пружиннымъ матрасомъ, чистымъ бѣльемъ; за обѣдомъ и чаемъ приличная сервировка, обѣдъ и завтракъ приготовлены чисто и вкусно. Но все это слишкомъ ordinarily, слишкомъ пріѣлось, занятія и вся толкотня столичной жизни тоже надоели, такъ что побыть день-другой при совершенно иной обстановкѣ является нѣкотораго рода нравственной потребностью. Это одно изъ противорѣчій, свойственныхъ человѣческой природѣ. Тоже самое чувствуетъ и лондонскій спортсменъ, всегда съ нетерпѣніемъ ожидающій дня открытія охоты. Въ этотъ день выѣзжаетъ изъ Лондона по всѣмъ направленіямъ до 12,000 охотниковъ за куропатками и каждая убитая куропатка обходится, какъ надо полагать, до 10—15 руб. сер. Но возвратимся къ нашему рисунку.

Начинающійся разсвѣтъ едва освѣщаетъ чрезъ небольшое окно, безъ всякой шторы или занавѣси, внутренность избы; охотники еще спятъ на полу, въ повалку, на соломѣ, безъ всякой простыни, вмѣстѣ съ своими собаками; уже очень чистоплотные охотники, желающіе соединить освѣжающую простоту крестьянской обстановки съ независимостью отъ насѣкомыхъ, неизбежныхъ сожителей нашего мужика, обыкновенно запасаются большимъ и широкимъ мѣшкомъ, во весь свой ростъ, изъ тонкаго голандскаго полотна, сшитымъ герметически, въ который залѣзаютъ съ ногами и руками, такъ что остается отверстіе лишь для носа и рта, чтобы дышать. Этотъ смѣшной костюмъ всегда служитъ предметомъ остроты и шутокъ для сочельниковъ. Далѣе на рисункѣ видѣнъ на столѣ самоваръ; онъ свидѣтельствуетъ, что охотники вечеромъ пили чай; но они пили его поочередно, потому что чайная сервировка хозяина состоитъ изъ одного лишь стакана и изъ одной чашечки съ вышпаннымъ краемъ; привычный умывальный столъ со щеточками, мыломъ, губкой и пр., и всѣ другія комфортабельныя принадлежности петербургской квартиры, столь необходимыя утромъ, замѣняются здѣсь открытымъ воздухомъ и подаваніемъ воды изъ ковша, иногда въ порядкѣ взаимнаго одолженія; наступающимъ утромъ также будутъ пить чай поочередно, размѣшивая сахаръ будутъ лучиночкой; вмѣсто свѣжихъ булокъ съ масломъ придется довольствоваться черствымъ бѣлымъ хлѣбомъ, взятымъ съ собою изъ города; никакой газеты и, слѣдовательно, никакихъ новостей дня и никакой политики—нѣтъ здѣсь и запаха; вмѣсто 8—9 часовъ встали въ 3 часа, слѣдовательно, раньше пѣтуховъ; не смотря на раннее время, тотчасъ же подкрѣпились колбасой, холоднымъ ростбифомъ и т. п., и много-много черезъ часъ ночлежная крестьянская изба опустѣетъ отъ охотниковъ, а въ

окрестностяхъ деревни время отъ времени слышатся ружейные выстрѣлы изъ патентованныхъ англійскихъ центральныхъ двустоловъ, преимущественно по два выстрѣла непосредственно одинъ за другимъ,—это признакъ начавшейся охоты и также признакъ промаховъ... Но на самой охотѣ мы встрѣтимся еще съ нашими горожанами-охотниками, когда будутъ печататься другіе соотвѣтственные предмету рисунки г. Соколова.

Къ рисункамъ.

Лондонскій мостъ, рисунокъ Г. Дорѣ. Сцена, разсказанная краснорѣчивымъ карандашомъ Дорѣ,—одна изъ тѣхъ сценъ, которыя такъ часто встрѣчаются въ Лондонѣ и, можно даже сказать,—характеризуютъ его. Рядомъ съ крайнею роскошью, тамъ встрѣчается самая крайняя нищета. Тысячи и даже десятки тысячъ людей, не имѣя никакой профессіи, не извѣстно какъ и чѣмъ жить, если не прибѣгаютъ къ воровству и другимъ преступленіямъ. Вотъ, напр., женщина съ груднымъ ребенкомъ, пріютившаяся подъ мостомъ и заснувшая послѣ цѣлаго дня мучительнаго исканія куска хлѣба. Во всемъ Лондонѣ нѣтъ человѣка, который позаботился бы объ ней и пріютилъ ее. Впалые глаза и утомленіе, выражающееся на лицѣ, ясно говорятъ о страданіяхъ, долгихъ и мучительныхъ, этой молодой женщины, которая еще не потеряла своей красоты, но которая несомнѣнно не долго сохранится. Дорѣ, въ своемъ рисункѣ, старался именно выразить этотъ трагическій характеръ лондонской нищеты и исполнилъ это съ обычнымъ своимъ талантомъ.

Потерявшаяся, скульптура Энрико Бутти. Необыкновенно изящная и талантливо исполненная статуя, принадлежащая къ школѣ современнаго итальянскаго реализма. Печальное личико молодой дѣвушки, задумавшейся о своей судьбѣ, поза, платье, платочекъ, накиннутый на шею, волосы,—все передано необыкновенно естественно и образуетъ очень красивую, но въ то же время и правдивую группу. Даже нѣкоторая манерность и тщательная отдѣлка подробностей, характеризующая современныхъ итальянскихъ скульпторовъ,—здѣсь не портитъ общаго впечатлѣнія.

Смѣющійся, съ картины Бассо. Картина Бассо обратила на себя всеобщее вниманіе на парижской выставкѣ картинъ 1879 года и, несомнѣнно, она заслуживаетъ этого вниманія. Это не болѣе какъ этюдъ головы, но этюдъ, стоящій многихъ большихъ и сложныхъ картинъ. Лицо такъ характерно, смѣхъ, оживляющій лицо до такой степени неподдѣленъ, до такой степени обманчивъ своей правдой, что по временамъ кажется, будто имѣешь передъ собой не картину, а живое лицо, и самъ зритель готовъ заразиться этимъ смѣхомъ.

Гадальщица. Гаданье на картахъ, на кофейной гущѣ, на бабахъ, въ зеркало, гаданье въ Иванову ночь, въ рождественскіе вечера, гаданье у цыганокъ, у гадальщицъ и ворожей,—всѣми этими способами старается человѣкъ узнать свое будущее, не сознавая, что узнать подробно свое будущее, это значитъ потерять всякую надежду на счастье. Вслѣдствіе сильной распространенности страсти «погадать о будущемъ», гаданье служило и служитъ одною изъ любимыхъ темъ для художниковъ. Ворожей и гадальщицъ, гадающихъ и предсказывающихъ судьбу любопытнымъ ближнимъ,—не разъ уже болѣе или менѣе удачно изображались выдающимися художниками, увлекавшимися мыслью передать на холстѣ какое-нибудь экспрессивное лицо старухи или оробѣвшей дѣвушки, справляющейся о своей судьбѣ. Въ числѣ подобныхъ картинъ въ послѣднее время обратила на себя вниманіе картина Долламера, изображившаго сцену гаданья просто и безъ преувеличеній.

Походъ Ивана Грознаго, Шварца.—Въ исторической живописи укоренилась условность, отъ которой только наше реалистическое время мало-помалу освобождается. Съ прошедшимъ мы привыкли соединять понятія о величинѣ и блескѣ, что далеко не отвѣчаетъ дѣйствительности. Прежній художникъ изобразилъ бы походъ Ивана Грознаго именно съ этой точки зрѣнія: онъ изобразилъ бы царя верхомъ на лошади, окружилъ бы его опричниками и вдали показалъ бы цѣлую армію, которую ведетъ Грозный. Картина вышла бы, можетъ быть, блестящей, но далеко не отвѣчающей исторической правдѣ. Реалистическая живопись стремится, напротивъ, къ этой правдѣ и въ этомъ отношеніи рисунки Шварца крайне замѣчательны: они, такъ сказать, художественно объясняютъ исторію и время. Въ настоящемъ рисункѣ, изображающемъ походъ Ивана Грознаго, все вѣрно русской природѣ и тогдашней дѣйствительности: бѣдная деревушка, на половину скрытая подъ снѣгомъ, сугробы снѣга, едва видимая дорога, по которой идетъ невзрачный возокъ: въ возѣ

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
СКУЛЬПТУРА ЭРИКО БУТИ.

Потерявшаяся.
Рѣзано на деревѣ во Флоренціи.

кѣ—самъ царь. Тощія лошади, всадники, укутанные въ тулупы, проводникъ, спрашивающій у прохожаго мужика дорогу, и вся обстановка этой сцены живо переносятъ насъ въ русскую дѣйствительность, какою она была во времена Грознаго.

Смѣсь.

— Брильянтова копѣ въ Южной Африкѣ. Упорная борьба англичанъ съ зулусами возбуждаетъ множество разноглагольных толковъ. Есть люди, которымъ кажется непонятнымъ страстное желаніе англичанъ овладѣть во что бы то ни стало такими малозначущими клочками земли, какъ Оранжевая и Трансваальская республики, но люди эти не имѣютъ понятія о несмѣтныхъ богатствахъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ этихъ земель и заключающихся преимущественно въ брильянтовыхъ россыпяхъ.

По словамъ путешественника Эрнеста Вебера, первый брильянтъ былъ найденъ въ южной Африкѣ, на фермѣ Якобса у Оранжевой рѣки въ 1867 году. Случилось это слѣдующимъ образомъ. Охотникъ съ страусами Джонъ О'Рельи забрелъ случайно на эту ферму съ однимъ изъ своихъ товарищей, торговцемъ. Оба обратили вниманіе на прозрачный камешекъ, которымъ играли дѣти фермера. О'Рельи замѣтилъ, что камень этотъ напоминаетъ ему тѣ камни, о которыхъ упоминается въ библии и просилъ Якобса подарить ему его.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ этотъ послѣдній, для котораго камень этотъ не представлялъ никакой цѣнности.

Когда О'Рельи пришелъ въ Колесбергъ и показалъ камень нѣкоторымъ своимъ пріятелямъ, выражая при этомъ предположеніе, что это брильянтъ, такъ какъ онъ пробовалъ рѣзать имъ стекло и опытъ удался какъ нельзя лучше, пріятели его осмѣяли, поставили ему на видъ, что каждый кремъ рѣжетъ стекло и выбросили камешекъ за окно. Но, къ счастью, О'Рельи нашелъ его снова и когда привезъ его въ Гресамстаунъ и показалъ специалистамъ, эти послѣдніе объявили ему, что это брильянтъ, вѣсящій 22½ карата и стоящій 500 ф. ст. Уступивъ за эту цѣну свою находку генералъ губернатору Капской колоніи, серу Вудгаусу, О'Рельи снова отправился къ Якобсу, у котораго ему опять удалось выманить тѣмъ же путемъ другой камень въ 87½ карата, а затѣмъ продать его за 200 ф. ст.

Слухъ объ этихъ находкахъ немедленно разнесся по всему околотку и далѣе; начались поиски по берегамъ Оранжевой рѣки и въ нѣсколько недѣль было найдено около десяти цѣнныхъ камней. Одинъ кафръ, по имени Свартебой, нашелъ брильянтъ, за который онъ потребовалъ съ купца 200 ф. ст. Купецъ не захотѣлъ рискнуть такой суммой, тогда негръ отправился къ другому торговцу, съ котораго потребовалъ за ту же находку уже вдвое и ему немедленно дали 500 овецъ, нѣсколько лошадей разнаго товара, всего стоимостью на 400 ф. ст. Позже этотъ камень былъ проданъ торговому дому Лиліенфельдъ за 11,200 ф. ст. Онъ вѣсилъ 83½ карата и былъ чистѣйшей воды. Королевскій ювелиръ приобрѣлъ его за 11,500 ф. и отдалъ его отшлифовать въ Амстердамъ. Теперь камень этотъ стоитъ 25,000 ф. ст.; за эту цѣну лордъ Дудлей приобрѣлъ его у ювелира и подарилъ его своей супругѣ, знаменитой красавицѣ, леди Дудлей.

Эта послѣдняя находка обратила на себя всеобщее вниманіе и масса людей отправилась искать брильянты на берега Оранжевой рѣки. Первая партія копателей состояла изъ купца Паркера и капитана Рольстона. Дѣло ихъ пошло такъ успѣшно, что мѣсяца черезъ три къ нимъ присоединилось до 5,000 человекъ.

Всякій, у кого были деньги и время, стремился на брильянтова поля. Люди неимущіе не страшились добираться туда пѣшкомъ. Командиры отрядовъ, капитаны кораблей, купцы, владѣльцы фермъ должны были напрягать всѣ свои усилія, чтобы удерживать при себѣ солдатъ, матросовъ, прикащиковъ и слугъ, бѣлыхъ и черныхъ, такъ заразительно было дѣйствіе нравственной эпидеміи, которую справедливо можно было бы назвать брильянтовой лихорадкой.

Всѣ дороги, ведущія къ россыпямъ, были покрыты путешественниками. Изъ нихъ многіе не отступали передъ такимъ подвигомъ, какъ переходъ пѣшкомъ въ 170 миль подъ знойнымъ африканскимъ солнцемъ, по странѣ дикой, песчаной и безводной. Не всѣмъ удалось достигнуть цѣли даже послѣ 20 и 30 сутокъ странствія и пустыня усѣяна костями несчастныхъ, поплатившихся жизнью за желаніе быть богатыми.

Россыпи находятся близъ города Пниль; основанный съ годъ тому назадъ городъ этотъ состоитъ изъ палатокъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, изъ нѣсколькихъ деревянныхъ и желѣзныхъ домиковъ,

а также изъ негритянскихъ хижинъ изъ вѣтвей и звѣриныхъ шкуръ. Самыя россыпи представляютъ изъ себя холмы, изрытые на различную глубину ямами, въ родѣ тѣхъ, что прорываютъ кроты. Вся Колесбергская брильянтова россыпь раздѣлена на равныя участки, число которыхъ достигаетъ до нѣсколькихъ сотъ, и каждый участокъ оцѣненъ заранѣе за извѣстную сумму денегъ. Богатѣйшіе изъ нихъ стоятъ отъ 40,000 до 50,000 марокъ; остальные—30 т., 20 и даже 2 тысячи. Никто не имѣетъ права купить болѣе двухъ участковъ. Конечно, стоимость этихъ участковъ возросла до такихъ размѣровъ не вдругъ—первое время они стоили около 100 фунтовъ.

Видѣть на столѣ, среди кучъ песка, булыжника и глинозема—брильянты, топазы, гранаты, смарагды и другіе драгоцѣнные камни, вырывать изъ нѣдръ земли сокровища, скрытые въ нихъ втеченіи тысячъ лѣтъ, конечно, очень пріятно, но удовольствіе это достается весьма тяжело и сопряжено съ большими опасностями и затрудненіями. Отдѣлать отъ твердыхъ комковъ глины, песка и каменьевъ какой нибудь драгоцѣнный камушекъ, узнать его и сохранить до дня продажи очень не легко. Не говоря уже о самихъ копателяхъ, не отличающихся особенною честностью и твердостью правилъ, вся окрестность кишитъ мошенниками и разбойниками, которые предпочитаютъ овладѣвать брильянтами грабежомъ, чѣмъ лишеніями и трудомъ, а также торгашами, не брезгающими перекупать у нихъ ворованный товаръ.

И все-таки, не взирая на всѣ эти затрудненія и опасности, обогащеніе на этомъ дѣлѣ изумительно легко. Одинъ молодой англичанинъ добылъ втеченіи двухъ мѣсяцевъ около 200 брильянтовъ, оцѣненныхъ въ 58 тысячъ талеровъ и такихъ примѣровъ множество. Колонія постоянно разрастается и уже нѣсколько человекъ успѣли составить себѣ большое состояніе. Нѣкто Л., напримѣръ, нашелъ въ тринедѣли дюжины двѣ драгоцѣнныхъ каменьевъ на сумму 10,000 ф. ст.; другой въ тоже время нашелъ 85 камней, а третій цѣлыхъ 115. Но счастливейе всѣхъ оказался одинъ французъ; онъ въ одинъ день, 6-го ноября, и на новомъ мѣстѣ, отыскавъ два брильянта, изъ которыхъ одинъ вѣсилъ 288½ карата. Отъ радости счастливецъ потерялъ на нѣсколько дней даръ слова. Впрочемъ, онъ получилъ отъ своей находки только 5%, такъ какъ участокъ принадлежалъ не ему, а хозяину, у котораго онъ жилъ по найму.

Само собою разумѣется, что въ самомъ непродолжительномъ времени мѣсто это, представлявшее до сихъ поръ изъ себя пустыню, населенную одними шакалами и газелями, превратилось въ многолюдную колонію рабочихъ, куда стекается великое множество купцовъ со всевозможными товарами, а преимущественно съ инструментами, необходимыми для добычи камней и очистки ихъ.

Здѣсь добываютъ брильянты каждый мѣсяцъ на 5 тысячъ ф. ст. Рабочихъ этого дѣла необходимо имѣть четырехъ—одинъ копаетъ, другой выноситъ землю комками, которые разбиваются третьимъ рабочимъ и просѣиваются четвертымъ два раза, прежде чѣмъ землю эту положить на столъ, изготовленный для сортировки.

Такъ какъ драгоцѣннѣйшіе брильянты находятся въ илѣ, по берегамъ рѣки, то присутствіе ихъ именно въ этой мѣстности наводитъ мысль на гипотезу о существованіи здѣсь кратеровъ, наполненныхъ углеродистыми тѣлами, изъ которыхъ образовались брильянты.

Нѣтъ сомнѣнія, что брильянты въ Диггинесовыхъ холмахъ тоже образовались изъ вулканическихъ породъ, такъ какъ то тѣло, въ которомъ они находятся, ничто иное, какъ вулканической туфъ, въ которомъ они, такъ сказать, заключены.

Когда лава, извергаемая воронкообразными кратерами, выливается черезъ край кратера, застывала, она заключала въ себѣ массу углеродныхъ пузырьковъ, которые впослѣдствіи кристаллизовались въ брильянты; лава, окружавшая ихъ, раздроблялась и размывалась водой, а затѣмъ мигомъ засыпалась землей и вотъ, десятки тысячъ лѣтъ спустя, брильянты появляются на свѣтъ.

Готтентами и кафрами, которые прежде равнодушно смотрѣли на эти камешки, овладѣла теперь такая жадность къ наживѣ, что они являются въ этомъ дѣлѣ опасными конкурентами для бѣлыхъ.

Отъ ямы, въ которой его находятъ, до того стола, на которомъ его сортируютъ, брильянтъ подвергается такимъ многочисленнымъ опасностямъ, что надо только дивиться тому, что не всѣ крупныя экземпляры пропадаютъ на этомъ пути, такъ легко мошенникамъ перехватить ихъ у владѣльцевъ. Отковырнувъ глыбу земли и зайдя блестящій уголокъ драгоцѣннаго камня, негру стоитъ только воспользоваться малѣйшею расхвѣянностью хозяина, чтобы заложить камень за щеку или наступить на него ногой и такимъ образомъ овладѣть имъ. Но кромѣ

того брильянтъ подвергается множеству другихъ опасностей. Воровскія шайки такъ хорошо организованы въ тамошнемъ краѣ, что каждую недѣлю похищаются брильянтовъ болѣе, чѣмъ на 10 тысячъ ф. ст.

Этому отчасти причиной торговли, которые находятъ много выгоды покупать драгоцѣнные камни отъ воровъ, чѣмъ отъ тѣхъ, которые добыли ихъ честнымъ трудомъ, а также кафры. Укрывъ брильянтъ, кафръ тотчасъ покупаетъ себѣ ружье, водки и, наконецъ, жену, смотря по тому, какую сумму ему удастся выручить отъ добычи; такимъ образомъ онъ достигаетъ всѣхъ земныхъ благъ въ ущербъ хозяину, котораго онъ считаетъ много ниже себя уже потому, что онъ бѣлый человекъ.

Къ настоящимъ своимъ владыкамъ, одинаковаго съ ними происхожденія, дикари относятся совершенно иначе. Они очень преданы и привязаны къ нимъ. Бывали примѣры, что князья отдѣльныхъ племенъ посылаютъ своихъ подданныхъ на россыпи, съ приказаніемъ добыть имъ не только оружіе, но также и драгоцѣнныхъ каменьевъ, и приказаніе это всегда исполняется съ точностью.

Кромѣ воровства и грабежей искателей огорчаетъ постоянное паденіе цѣны на брильянты. Такъ, напримѣръ, съ 1871-го года цѣны на камни понизились на 80%.

Каждый корабль, отправляющійся въ Англію, везетъ грузъ отъ 15-ти до 20-ти фунтовъ брильянтовъ въ застрахованныхъ пакетахъ и мѣшочкахъ. Каждый фунтъ вѣситъ 3,330 каратовъ. Южно африканскія россыпи доставили въ одинъ годъ большіе каменьевъ, вѣсящихъ не менѣе 10-ти каратъ, болѣе, чѣмъ индійскія и бразильскія россыпи въ 20 лѣтъ.

Хотя большая часть брильянтовъ, въ особенности желтыхъ, идетъ изъ Лондона въ Индію, гдѣ тамошніе владыки украшаютъ ими свои мечи, чалмы, пояса, бѣли и сбрую, однако на индійскихъ рынкахъ можно найти болѣе брильянтовъ, чѣмъ въ Европѣ.

— Кайгородовскія бѣсѣды о русскомъ лѣсѣ (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Я. Кайгородовъ, преподаватель лѣснаго института, выпустилъ въ свѣтъ первую книгу «Бѣсѣды о русскомъ лѣсѣ», именно о хвойномъ лѣсѣ (краснолѣсѣ). Цѣль автора—распространеніе знаній о лѣсѣ и при посредствѣ этихъ знаній пріобрѣтеніе друзей и охранителей для нашего родного, русскаго лѣса. Послѣдующая книга будетъ посвящена русскому чернолѣсью (лиственному лѣсу). Авторъ, съ цѣлью дать возможность употребить сочиненіе и какъ книгу для лѣсныхъ экскурсій, нѣсколько подробнѣе останавливается на ботаническихъ описаніяхъ деревъ. Книга снабжена многими рисунками и стоимостью ея общедоступная (1 р.). Я вполнѣ понимаю автора, говорящаго, что онъ страстно полюбилъ лѣсъ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ его поближе, и чѣмъ больше его узнаетъ, тѣмъ больше любить. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ не наслаждается прелестями лѣса. Онъ манитъ насъ къ себѣ дномъ, наводитъ на насъ какой-то страхъ ночью. Сколько прелести въ чащѣ лѣса, какъ очаровательно колыханье деревъ, какой слышится нерѣдко загадочный шумъ. Провести въ хорошую погоду нѣсколько часовъ въ лѣсу и не видать людей, какъ бы забыты на время мірскую суету, для меня, по крайней мѣрѣ, наслажденіе. Лѣсъ манилъ меня къ себѣ въ дѣтствѣ, манилъ и теперь, и чѣмъ больше я изучаю лѣсныя породы, чѣмъ болѣе знакомлюсь съ лѣсными богатствами, тѣмъ болѣе имъ очаровываюсь. Отъ того я и обрадовался появленію такого труда, какъ трудъ г. Кайгородова. При посѣщеніяхъ мною различныхъ мѣстностей нашей обширной родины мнѣ неоднократно приходилось слышать жалобы на отсутствіе у насъ популярныхъ сочиненій по лѣсоводству. Дай Богъ, чтобы эта книга была не послѣднею. Авторъ настоящаго сочиненія говоритъ: «Русское чернолѣсье (лиственный лѣсъ) также, надѣюсь, не заставитъ себя долго ждать». Очевидно, что онъ же подаритъ намъ и другую книгу. Въ этой рѣчь идетъ о деревѣ и его жизни вообще и о соснѣ, ели, лиственницѣ, кедрѣ, пихтѣ и можжевельникѣ въ частности. Переводъ сочиненія Росмеслера «Лѣсъ» весь распроданъ, къ тому уже онъ и не трактуется о «русскомъ» лѣсѣ.

— Ежегодникъ. Книгопродавецъ г. Эмилъ Гартъе, издатель «Россійской бібліографіи», издалъ «Ежегодникъ періодическихъ изданій въ Россіи на 1880 годъ». Это полный указатель журналовъ и газетъ, выходящихъ на какихъ бы то ни было языкахъ. Указаны какъ полныя заглавія изданій, такъ форматъ, число номеровъ, годъ существованія, имена редакторовъ и издателей, адреса редакцій, цѣны отдѣльныхъ номеровъ, цѣны подписки безъ доставки, съ доставкой, съ пересылкою въ Россію и заграничій и на всѣ сроки, цѣны объявленій; приложенъ полный систематическій указатель. Г. Гартъе проситъ редакцій присылать необходимыя поправки и указанія. На слѣдующій годъ онъ надѣется помѣ-

стить свѣдѣніе о числѣ разошедшихъ экземпляровъ каждаго періодическаго изданія.

— **Новая академія художествъ.** Въ Канадѣ по инициативѣ генералъ-губернатора маркиза Лорна устраивается академія художествъ.

— **Женскій трудъ въ Парижѣ.** Въ столицѣ Франціи 1700 женщинъ занимаются литературой и 2150 живописью и рѣзбой. Большая часть этихъ женщинъ прибыла въ столицу изъ провинцій. Изъ женщинъ, трудящихся на литературномъ поприщѣ, около 1000 посвятили себя белетристикѣ и литературѣ для юношества, 200 лирической поэзіи и 150 педагогической литературѣ. Художницы избрали себѣ слѣдующія отрасли: 107 рѣзбу, 602 ландшафтную живопись, 193 миниатюрную живопись, 754 живопись на стеклѣ, фарфорѣ и т. п.

— **О близорукости.** Въ засѣданіи французскаго общества содѣйствія развитію наукъ Никотѣ доказывалъ, на основаніи наблюденій, произведенныхъ въ Марсели надъ 3434 лицами, что близорукость у людей съ свѣтлыми глазами встрѣчается чаще, нежели съ темными. На сто человѣкъ съ голубыми и сѣрыми глазами бываетъ 18 близорукихъ, между тѣмъ какъ на 100 съ черными и карими глазами оказывается только 11,27 близорукихъ.

— **Подземная желѣзная дорога.** Въ Парижѣ предполагается построить новую подземную дорогу, длиною въ одну милю, отъ площади Звѣзды до Булонскаго лѣса; она начнется отъ угла улицы Прессбургъ, пройдетъ подъ южной стороною бульвара Великой Арміи и окончится у перекрестка Саблонъ, въ Нейли. Линія будетъ состоять изъ одного пути, а движеніе производиться посредствомъ сжатого воздуха. Каждый поѣздъ будетъ состоять изъ четырехъ вагоновъ, вмѣщающихъ 200 человѣкъ, по 50 въ каждомъ. Продолжительность перевозки съ остановкою на промежуточныхъ станціяхъ будетъ шесть минутъ.

— **Большой процентъ долговѣчности.** Во Франціи, гдѣ считается 37,000,000 жителей, въ 1879 году, въ возрастѣ отъ 95 до 100 лѣтъ, умерло 2,615 человѣкъ, а въ возрастѣ свыше 100 лѣтъ—194 человѣка.

— **Населеніе земного шара.** Народонаселеніе земного шара составляетъ приблизительно 1,421,000,000 душъ; изъ этого числа 824,000,000 приходится на одну Азію. Таблицы смертности показываютъ, что ежегодное число смертей на всемъ земномъ шарѣ составляетъ 35,693,350; ежедневно умираетъ 97,790 человѣкъ. Число рожденій ежедневно 104,804; каждую минуту на свѣтъ рождается 70 человѣкъ.

— **Саркофагъ.** Римскій музей древностей обогатился на дняхъ новымъ замѣчательнымъ приобрѣтеніемъ древнѣйшаго саркофага сирійскихъ царей династіи Селевкидовъ. Саркофагъ состоитъ изъ продолговатой со сводами пещеры, въ которой хорошо сохранилась шарка, развѣшанная по стѣнамъ; на одной сторонѣ виситъ бронзовый щитъ съ надписями изъ сирійскихъ священныя книгъ; съ другой—продолговатая, кожаная, на подобіе герба, эмблема. По срединѣ—изъ дерева и бронзы катафалкъ, на которомъ въ формѣ человѣческой фигуры сохранилась сѣровая пыль, почему и можно предположить, что здѣсь лежалъ человѣкъ; въ головахъ—треугольникъ съ пепломъ сгорѣвшихъ травъ, а вокругъ нѣсколько предметовъ домашней и погребальной утвари, работы римскаго серебряника времени перваго Селевка; на одной изъ серебряныхъ вазъ сохранилась надпись «ar. benast. ra-Esmunia»...—Эта находка куплена за 2000 лиръ.

— **Какъ исполнить завѣщаніе.** Въ Дебречинѣ, въ Венгріи, нѣкто Б. женился на молодой женщинѣ, которая вскорѣ забеременѣла. Такъ какъ Б. не пользовался здоровьемъ, то онъ и поспѣшилъ составить духовное завѣщаніе о принадлежавшихъ ему тридцати тысячахъ гульденовъ, которые онъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: если жена его родитъ сына, то 20 тысячъ будутъ принадлежать сыну, а 10 тысячъ вдовѣ; если же она родитъ дочь, то наоборотъ—20 тысячъ получаетъ мать, а дочь только 10 тыс. гульд. Б. умираетъ, духовное завѣщаніе его вступаетъ въ законную силу, а жена разрѣшается отъ бремени—двойней, сыномъ и дочерью. Теперь рождается вопросъ, какъ исполнить волю завѣщателя.

— **Новое счисленіе времени.** Нолль изъ Бранденбурга предложилъ проектъ новаго счисленія времени. По этой новой системѣ день вмѣсто 24-хъ часовъ будетъ заключать въ себѣ только 20 часовъ, часъ вмѣсто 60-ти минутъ—100 минутъ, минута будетъ состоять изъ 50-ти секундъ и секунда—изъ 50-ти терцій. По этой системѣ годъ, въ которомъ теперь мы считаемъ 5,184 000 терцій, будетъ состоять изъ 5,000,000 терцій. Это счисленіе удобно будетъ въ томъ, между прочимъ, отношеніи, что не нужно огоривать часы утра и вечера, напр., 5 ч. у. и 5 ч. в. Директоръ берлинской астрономической обсерваторіи, др. Ферстеръ, принялъ этотъ проектъ съ сочувствіемъ.

— **Художественный отдѣлъ.** Нашъ извѣстный художникъ пейзажистъ, профессоръ А. И. Мещерскій, изготовилъ на академическую выставку нѣсколько картинъ: «Закатъ солнца въ лѣсу», «Ростепель», «Буря» и «На водопадѣ».

— **Колоссальныя пожертвованія.** Въ Англіи надѣлали много шума два замѣчательныя пожертвованія: гласговскій негодянтъ Василій Маршалъ принесъ въ даръ городу Глазго 200,000 фунт. стер. на устройство ремесленнаго училища и пріюта для дѣтей недостаточнаго состоянія и второе: неизвѣстный жертвователь купилъ въ Лондонѣ на берегу р. Темзы, нѣсколько акровъ земли, развелъ прекрасный паркъ и въ центрѣ его соорудилъ громаднѣйшее зданіе для института душевно больныхъ; зданіе построено въ готическомъ стилѣ богатѣйшей архитектуры—фасадъ зданія имѣетъ 640 фут. длины и 250 фут. ширины, по срединѣ зданія возвышается центральная башня, вышиною въ 150 фут. съ часами; по крайямъ отдѣльныя башни, вышиною каждая въ 60 фут. Главный входъ украшаетъ портикъ съ двумя рядами доріискіхъ колонъ, а по срединѣ ихъ тераса, приспособленная для цвѣтника. Зданіе, раздѣленное на двѣ половины, мужскую и женскую, для 200 лицъ, вмѣщаетъ въ себѣ громадную бібліотеку, рекреационныя залы, биллардную, громадныя спальни въ 50 фут. вышиною; 50 отдѣльныхъ комнатъ для приходящихъ больныхъ и разныя другія помѣщенія. Всѣ расходы, какъ по сооруженію, такъ и содержанію этого громаднѣйшаго зданія съ его питомцами и служебнымъ персоналомъ, неизвѣстный благотворитель принялъ на свой счетъ.

— **Новая французская экспедиція въ центральную Африку.** Парижское географическое общество въ настоящее время занято снаряженіемъ новой замѣчательной по смѣлости мысли и проекту исполненія экспедиціи въ центральную Африку.

— **Звѣзда Италіи.** Национальный памятникъ покойному королю Италіи Виктору-Эмануилу будетъ состоять изъ колоссальной, густо-вызолоченной, бронзовой статуи изображающей фигуру короля въ величественной позѣ, опершись ногою о камни, сложенные въ видѣ фундамента; въ рукахъ эмблема «Звѣзда Италіи». Монуменъ поставится на холмѣ Роколо, гдѣ покойный король находился со своимъ штабомъ въ разгарѣ битвы при Сен-Марино, въ 1859 году 23 іюня.

— **Статуя Фербернсу.** Въ г. Манчестерѣ, въ залѣ городской ратуши, въ честь перваго изобрѣтателя и примѣнителя желѣза, какъ строительнаго матеріала, инженера Фербернса, поставлена роскошнѣйшая мраморная статуя, 7 фут. вышиною—работы извѣстнаго скульптора Гезловскаго.

— **Въставка.** Въ Лондонѣ открывается замѣчательная, небывалая до сихъ поръ, специальная выставка женскихъ рукодѣлій и женскаго труда вообще (отъ иголки знатной леди до желѣзнаго лома и кирки каменныхъ и угольныхъ копей).

— **Ураганъ.** Въ южной Америкѣ, въ штатѣ Іова, разразился ужаснѣйшій ураганъ, который буквально опустошилъ поля, въ садахъ вырвалъ деревья, со многихъ домовъ сорвалъ крыши; подъ развалинами найдено 26 труповъ и множество раненыхъ. Ураганъ пронесся штатами Миннесота и Канзасъ, гдѣ сила вѣтра достигала ужасающихъ размѣровъ, болѣе 50 домовъ разрушено, и какъ бы въ довершеніе всего, стоявшій въ это время на рельсахъ товарный поѣздъ былъ сброшенъ и разбитъ въ дребезги. Подобное явленіе въ настоящемъ столѣтіи еще небывалое.

— **Древній служебникъ.** Единственный писанный экземпляръ знаменитаго церковнаго служебника, завѣщанный англійской королевѣ Елизаветѣ (женѣ Генриха V) ея отцомъ Карломъ VI, какъ фамильная драгоценность, долго переходилъ отъ одного англійскаго короля къ другому, до первой половины настоящаго столѣтія, когда былъ приобрѣтенъ извѣстнымъ богачемъ и любителемъ древностей Лерманомъ Дидо. Въ настоящее время эта драгоценность (какъ основаніе нѣкогда знаменитыхъ церковныхъ споровъ Генриха VIII съ папою) куплена въ Парижѣ съ аукціона.

— **Новѣйшее открытіе.** Плиний въ своей книгѣ между прочимъ говорить, что римляне любили украшать свои гостиныя и кабинеты чрезвычайно роскошными стеклянными издѣліями, какъ-то: вазами, урнами и т. п. украшениями. Вазы эти дѣлались изъ стекла, частію самими римлянами, и итальянцами, а самыя лучшіе (агатовыя) финикіянами; они окрашивали ихъ пурпуромъ, получаемымъ изъ раковинъ съ желтоватыми разводами матовой бѣлизны, и затѣмъ отдѣлывали золотомъ, отчего стекло получало необыкновенную игру свѣта и производило чрезвычайный эффектъ; эта работа составляла секретъ, который вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ и ушелъ въ могилу.—Оставшіяся нѣсколько вазъ и другихъ

издѣлій могли быть куплены только богачами или приобрѣтались для музеевъ и то за баснословныя суммы. Теперь, по имѣющимся въ кесингтонскомъ музеемъ образцамъ, случайно удалось открыть средство полученія непрозрачнѣйшаго стекла и окрашивать его въ цвѣта съ золотомъ. Открытіе это приписываютъ Найту; въ Англіи уже образовалась компанія для дальнѣйшихъ усовершенствований столь важнаго открытія.

— **Левъ-медвѣдь.** Несмотря на то, что постоянно возрастающее народонаселеніе Африки всѣми силами старается отгнать дикихъ животныхъ какъ можно далѣе въ глубь страны, въ чемъ сами хищники косвенно ему помогаютъ, избирая убѣжищемъ отдаленныя, неприступныя логовища—все-же цивилизующее начало, направленное въ эту сторону, сравнительно мало повліяло на уменьшеніе численности первобытныхъ властителей природы, въ особенности крупнѣйшихъ изъ нихъ. Если на комъ оно отразилось, такъ это на страусахъ, да и то лишь въ отношеніи перемѣны образа жизни, изъ дикихъ сдѣлавъ ихъ ручными, домашними. Слоны, правда, замѣтно рѣдѣющие, все-таки водятся еще вдоль восточныхъ и западныхъ береговъ Африки. Гипопотамовъ множество. Что-же касается большихъ плотоядныхъ животныхъ, онѣ до того распространены, что нѣкоторые округа рѣшительно страдаютъ отъ нихъ, платясь домашнимъ скотомъ и страусами. Въ особенности часты опустошенія, производимыя тиграми; окрестности Уитенхага просто кишатъ ими. Лѣса и покрытые кустарникомъ равнины изобилуютъ дичью; охота великолѣпная. Недавно, по рассказамъ искателей алмазовъ, на сѣверо-западѣ капской области, появился новый невиданный звѣрь, возбуждая вниманіе и ярое преслѣдованіе въ средѣ мѣстныхъ Немвродовъ. Туземцы прозвали его «левъ-медвѣдь»; со словъ очевидцевъ, ростомъ онъ будетъ со льва, только гораздо плотнѣе; голова и шея почтенныхъ размѣровъ; лапы несравненно короче львиныхъ, но толще. Цвѣтъ его шкуры темно-желтый съ черными пятнами. Онъ бѣгаетъ или ползетъ, львиные же прыжки ему не свойственны. Иногда его удавалось встрѣтить въ обществѣ другого, той же породы, животного; послѣднее было, впрочемъ, значительно меньше.

— **Одиннадцатилѣтній убійца.** Недавно, на островѣ Мартиникѣ, разыгралась кровавая драма, окончившаяся въ мѣстномъ уголовномъ судѣ. Мотивъ ея—ненависть одного ребенка къ другому, слѣдствіемъ чего явилось убійство съ заранее обдуманнѣйшимъ намѣреніемъ. Убійца—одиннадцатилѣтній мальчикъ, по имени Эмильенъ Дэма; жертва—маленькій его товарищъ, трехлѣтній Поль. Преступленіе кажется просто невѣроятнымъ, какъ по расчитанности, хладнокровію и ловкости, съ которыми оно было совершено, такъ и по невозмутимо-спокойному состоянію духа, сопровождавшему поведеніе и отвѣты на судѣ подсудимаго-отрока. Вотъ обращикъ допроса въ короткихъ словахъ:

В. Вы обвиняетесь въ томъ, что сознательно лишили жизни маленькаго Поля; признаете себя виновнымъ?

О. Да, я его убилъ сознательно.

В. Какъ это случилось, расскажите?

О. Часовъ около двухъ по полудни, я встрѣтился съ Полемъ у дверей дома его матери и пригласилъ пойти поиграть со мною; играли мы до четырехъ часовъ; недалеко былъ крутой пригорокъ; пошли мы туда; когда дошли, я толкнулъ Поля внизъ, бросился на него, билъ его кулаками, ногами; покончилъ я съ нимъ вотъ этимъ камнемъ (указываетъ на вещественное доказательство); боясь, что онъ можетъ быть еще живъ, я ткнулъ его лицомъ въ лужу, на голову положилъ камень, чтобы онъ не могъ приподнять ее.

В. Что побудило васъ убить этого ребенка?

О. Я его ненавидѣлъ; онъ былъ причиной, что меня однажды мать побила.

В. Когда вы пошли съ нимъ играть, имѣли-ли вы намѣреніе убить его?

О. Да.

В. Вы, можетъ быть, меня не совѣмъ поняли. Я спрашиваю васъ: когда вы пригласили ребенка играть съ собой, то удалили его отъ матери...

Подсудимый перебивая:

— Я хорошо васъ понялъ. Вы спрашиваете: когда я увелъ ребенка—имѣлъ-ли я уже намѣреніе убить его? Я отвѣчаю: да, для этого-то я и пригласилъ его пойти играть со мною.

В. И въ васъ ни разу не шевельнулось раскаяніе? когда онъ мучился, вамъ не было его жалко?

Подсудимый сперва удивленно смотритъ, потомъ холодно отвѣчаетъ:

— Нѣтъ.

В. Думали-ли вы, знали-ли, по крайней мѣрѣ, что васъ, за такое преступленіе, накажутъ?

О. Я. зналъ, что меня посадятъ въ тюрьму, да это мнѣ было все равно—я рѣшился убить Поля!

Судъ приговорилъ Эмильена Дэма къ высшей мѣрѣ наказанія—къ двадцатилѣтнему заключенію въ исправительномъ заведеніи. Чтеніе приговора, повидимому, не произвело вліянія на осужденнаго—по прежнему онъ казался невозмутимо-спокойнымъ.

Шахматный отдѣлъ.

Петербургское общество любителей шахматной игры окончательно устроилось. Помѣщеніе общества (у Синяго моста, домъ Якунической, кв. 17) открыто съ 11 января, ежедневно, съ 6 часовъ вечера. Кромѣ членовъ могутъ посѣщать собраніе постороннія лица, на правахъ гостей, съ платою за входъ по 30 коп., или за мѣсяцъ 3 руб. Въ скоромъ времени начнется турниръ, въ которомъ, кромѣ членовъ, могутъ принять участіе и гости.

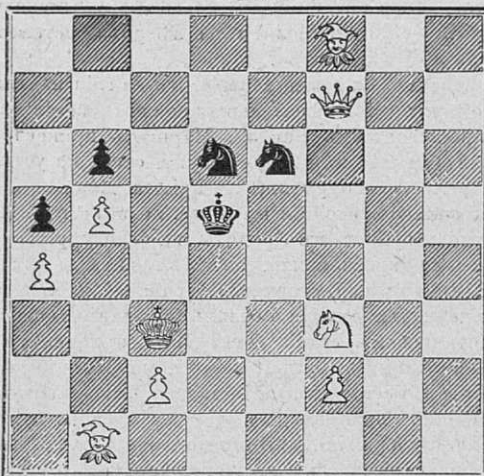
Составитель шахматнаго отдѣла «Всемирной иллюстраціи», сообщая въ № 1-мъ за этотъ годъ объ утвержденіи устава общества, относится къ новому обществу съ крайнимъ недоверіемъ и даже недоброжелательностью. «Одного клуба мало, восклицаетъ онъ,—нуженъ другой. Невольно подумаешь, что шахматная игра у насъ процвѣтаетъ какъ нельзя лучше. Но дѣло далеко не такъ: въ старомъ клубѣ (составитель подразумеваетъ нѣмецкое собраніе, а не шахматный клубъ) играютъ много, но только въ карты, а не въ шахматы. Наши любители нейдутъ туда въ члены, потому что плату по 30 руб. въ годъ находятъ слишкомъ высокою, да и высокія просторныя комнаты имъ видно не по вкусу... положительно для шахматной игры нужны клѣтки, чтобы было уютно, какъ у Доминика!» и проч. и проч. Мы совершенно расходимся съ г. «составителемъ», думаемъ, что онъ грубо ошибается. Считаю нужнымъ пояснить ему, что тамъ, гдѣ многочисленные посѣтители играютъ въ карты, и шахматистамъ не остается ничего, какъ приняться за нихъ же,—серьезная игра въ шахматы тамъ невозможна: мѣшajúть. Потому и любители избѣгаютъ его «старого» клуба, а плата тутъ не приче́тъ для многихъ, платятъ и больше. У Доминика какая ужъ игра! Самая рззвѣ легонькая, и указывать на нее въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ г. составитель, просто смѣшно. Поймите, г. составитель, что новое общество желаетъ дѣйствовать самостоятельно, и тогда вы согласитесь, что ваша замѣтка неосновательна.

ЗАДАЧИ

№ 11.

Д. В. Кларна. (въ Барнаулѣ.)

Черные.

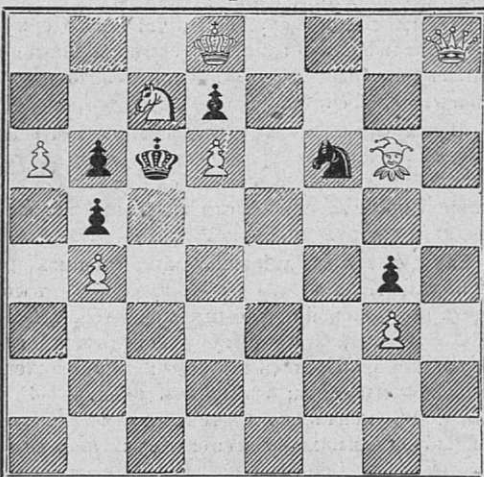
Бѣлые.

Мать въ 2 хода.

№ 12.

Д. В. Кларна.

Черные.

Бѣлые.

Мать въ 3 хода.

Рѣшеніе задачъ (въ № 50, 1879 г.)

№ 7.

1. С а3—f8 какъ угодно 2. Конь даетъ матъ.

Правильное рѣшеніе прислали: А. Обуховскій, К. Сердешневъ, В. Коробановъ.—Многіе сообщили неправильное рѣшеніе: 1. С а3—с5; черные отвѣтятъ К е6 : d4.

№ 8.

1. Ф b5—a5 2. К е8—d6 3. Ф а5—d2, d8, е5; или К d6—f7 X смотря по ходу черныхъ.

1. Кр f5—e4 или f4 2. Ф а5—d2 какъ угодно 3. К е8—d6 X

1. какъ угодно 2. К е8—d6 X какъ угодно 3. Ф или К X

Правильное рѣшеніе прислалъ Н. Домингъ.

ОТВѢТЪ.

М. П. Меу (Вильно). Вы желаете играть съ кѣмъ либо по перепискѣ. Мы можемъ только предложить нашимъ читателямъ, не пожелаетъ ли кто нибудь изъ нихъ принять ваше предложеніе, и по полученіи отвѣта, сообщимъ адресъ. Вы правы, задача № 14, помѣщенная въ «Нивѣ» въ 1879 г. не вѣрна, если только вы правильно сообщили намъ ее.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 4-й «Живописнаго Обозрѣнія» сдать на городскую почту 26 января въ 6 час. 30 минутъ утра, на инопородную почту 30 января въ 6 час. 30 минутъ утра.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: «Ожиданіе», стих. Д. Д. Минаева. — Мѣста недавнихъ битвъ, очеркъ В. И. Немировича-Данченко. — Въ житейскомъ морѣ, поэма Б. Левина. — Шарль Дамальи, ром. Эд. и Ж. Гоннуръ. — Волкъ, ром. Эркмана-Шатриана. — Московскіе театры, ст. М. — Литературные и драматическіе очерки, ст. Эмиля Золя. — Альбомъ русской охоты и Гоголевскіе типы. — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Шахматы. — Объявленія.

Рисунки: Смѣющийся, карт. Бассо. — Къ поэмѣ «Въ житейскомъ морѣ», рис. Голембевскаго. — Лондонскій мостъ, рис. Г. Доре. — Зимній походъ Ивана Грознаго, рис. Шварца. — 2 рис. къ роману «Волкъ». — Потерявшаяся, скульпт. Энрико Бути. — Гадальщица, карт. Долламера.

За редактора, издатель Н. И. Шульгинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объ изданіи журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ въ 1880 году.

Журналъ будетъ издаваться по той же программѣ. Въ распоряженіи редакціи для помѣщенія въ 1880 г. имѣются слѣдующія произведенія: Романъ Н. И. Северина; Своя рубашка, ром. М. Ф. Каменской; повѣсть П. Д. Боборыкина; Стефенъ Митчелъ, американскій романъ (съ иллюстраціями); «Изъ міра русскаго искусства», рядъ статей Диллетанта; Иезуиты и инквизиція П. Скромнаго; «Народы европейской Россіи» С. С. Шашкова; рядъ очерковъ изъ американской жизни Н. В. Шелгунова; ст. И. В. Василевскаго (Буквы) и др.

Второй листъ романа А. Михайлова „ЧУЖІЕ ГРѢХИ“ въ отдѣльномъ приложеніи будетъ разосланъ гг. подписчикамъ при 6-мъ № журнала, а третій при 8-мъ.

Въ свое время будутъ помѣщены специально сдѣланные для «Живописнаго Обозрѣнія» извѣстнымъ нашимъ художникомъ И. Н. Крамскимъ иллюстраціи къ произведеніямъ А. С. Пушкина.

Въ художественномъ отдѣлѣ въ 1880 году помѣщаются будутъ помѣщены гравюры съ картинъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ: гг. Богданова, Боголюбова, Боткина, Брюлова, Верещагина, Зичи, Крамского, Маковского, Мещерскаго, Мясоедова, Орловскаго, Семирадскаго, Шварца, Харламова, Якобія и др. Кромѣ того появится «Альбомъ русской охоты», состоящій изъ ряда картинъ, рисованныхъ знатокомъ этого дѣла, извѣстнымъ художникомъ, г. Петромъ Соколовымъ.

ПРЕМИИ: Первая и вторая: двѣ олеографическія картины—«Малороссіянки», К. Е. Маковского и «На перевязочный пунктъ», профессора Ковалевскаго, третья: большая гравюра на веленовой бумагѣ съ картины гениальнаго русскаго художника А. Иванова, «Явленіе Христа народу»; четвертая: Литературная, съ иллюстраціями. Эти преміи вышлются всѣмъ гг. инопороднымъ подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату за изданіе: художественная—въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а литературная въ ноябрѣ.

Редакціей журнала вмѣстѣ съ нижеподписавшимся завѣдуетъ А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

	На годъ	На полгода.
Цѣна журнала безъ доставки и пересылки.....	6 р.	3 р. 50 к.
» » съ доставкой и пересылкой.....	7 р.	4 р.

Войдя въ сношеніе съ единственнымъ въ Россіи магазиномъ «Парижскихъ моделей и выкроекъ модъ», Редакція можетъ предложить гг. подписчикамъ, которые этого пожелаютъ, въ дополненіе къ получаемому ими отдѣлу «Модъ», шесть выкроекъ въ натуральную величину; пожелавшіе получить эти выкройки приплачиваютъ къ годовой подписной суммѣ 60 копѣекъ.

Подписка на 1880 годъ открыта и принимается въ Конторѣ Редакціи, въ С.-Петербургѣ, Новый проспектъ (близъ Невскаго проспекта), д. № 6 и въ мѣстныхъ Конторахъ: въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева; въ Варшавѣ, въ книжномъ магазинѣ бывшемъ Черкесова, Новый Свѣтъ, д. военнаго министерства; въ Одессѣ, въ Южномъ агентствѣ газетъ и журналовъ, на Ланжероновской улицѣ, д. Вагнера.

Н. ШУЛЬГИНЪ.

Вышелъ второй выпускъ (последній)

Черногорія и ея война съ Турками въ 1877—78 годахъ.

Изъ воспоминаній Д-ра А. В. Щербака.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ типографіи Фомина. Загородный просп. д. № 24. Складъ перваго выпуска — книжный магазинъ Кехрибарджи. Невскій, домъ Католической церкви.

ЖУРНАЛЪ ОБРАЗОВАНІЯ

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 6.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цена отдѣльныхъ №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

9 Февраля 1880 года.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ К. П. БРЮЛОВА.

Мать.

Съ акварели изъ альбома князя Сергѣя Александровича Голицына.
Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской полиграфіи“ г. Діаментовскаго.

Борьба.

Стих. С. Придома. Пер. Д. Михаловскаго.

Неужели, поэтъ, не научишься ты,
Позабывъ свои сны и пустыя мечты,
Смѣло выйти въ открытое море
И бороться, какъ всѣ, бури жизни встрѣчать,
Иль, въ волнахъ погибая, на помощь не звать
Никого, въ своемъ страхѣ и горѣ?

Море бурно; смотри же—какъ смѣло на немъ
Каждый править убогимъ своимъ челнокомъ
И отважно надъ бездною мчится;
Дѣла нѣтъ никому, гдѣ ты съ лодкой своей:
Не ищи же, мой братъ, въ океанѣ людей,
За чьи плечи тебѣ ухватиться.

Равнодушіе ихъ пусть тебя не смутитъ:
Здѣсь — увя! — каждый собственнымъ горемъ
скорбитъ,

Каждый долженъ добыть себѣ хлѣба,
Иль погибнуть среди этой дикой борьбы;
Каждый рветъ, что онъ можетъ урвать у судьбы:
Блага жизни не падаютъ съ неба.

Какъ ужасна борьба изъ-за нихъ, этихъ благъ!
А земля такъ скупа, человѣкъ же такъ нагъ,
Не само къ нему золото льется;
Его ловить лишь тотъ, кто хитрѣе умомъ,
Кто сильнѣй и ловчѣй, кто идетъ напроломъ,
Оно смѣлымъ когтямъ достается.

Между тѣмъ какъ на торжищѣ жизни кипятъ
Суета и одинъ тамъ другого тѣснитъ,
Далеко отъ толпы твои взоры;
Ты не слышишь ея торопливыхъ шаговъ,
Упоенный волшебствомъ чарующихъ сновъ,—
Не ищи въ этихъ чарахъ опоры.

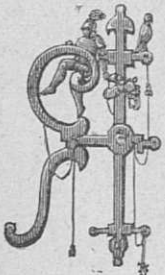
Пробудись же и времени ты не теряй,
Покупай и товаръ съ барышомъ продавай,
Завывай, какъ торгашъ, въ свою лавку;
Вѣдь фортуна смѣется надъ горемъ людей,
Что съ тоскливой мольбой обращаются къ ней,
Не отважившись ринуться въ давку!..

Мѣста недавнихъ битвъ.

Очеркъ В. И. Немировича-Данченко.

II.

Тырново.

уже говорилъ въ прошломъ письмѣ о большомъ селеніи Самоводы, которое около Тырнова сплошь утонуло въ зелени садовъ. Изъ непроницаемой чащи вырываются только высокіе тополи. Съ горы можно замѣтить и черепичныя кровли села. Меня поразила роскошь, съ которою здѣсь построены дворы даже не особенно зажиточныхъ болгаръ. Правильной формы, огороженные красивыми каменными стѣнами, охватывающими со всѣхъ сторонъ и сады, въ которые проведены горные ручьи, они производятъ сильное впечатлѣніе на русскій взглядъ, привыкшій къ жалкимъ изгородямъ и подслѣповатымъ избамъ родныхъ деревень. За Самоводами — Дервенское ущелье, изумительно красивое и грандіозное. По моему оно не уступаетъ въ красотѣ Бѣлогорскому по пути изъ Поти въ Тифлисъ. Одинъ изъ русскихъ, оставшихся совѣмъ въ Болгаріи, сравнивалъ Дервенъ съ двумя крымскими южными берегами (если бы существовалъ второй), сблизившимися на столько, чтобы внизу, въ самой тѣснинѣ, оставить мѣсто только для капризной, извилистой, мутной здѣсь Янтры, которая, какъ нарочно, пробиваетъ себѣ путь тамъ, гдѣ больше скалъ, гдѣ горы горбатыми выступами напираютъ одна на другую. Въ поднебеси, прислонясь къ гордымъ утесамъ пустынныхъ вершинъ, словно одинокіе корабли, затерянные въ океанѣ, или лучше,

гнѣзда, прильзнувшіяся къ отвѣснымъ стѣнамъ — два монастыря... Я не буду описывать подробно этого замѣчательнаго и въ боевомъ отношеніи ущелья, для этого понадобилось бы слишкомъ много мѣста. По пути — массы народа въ городъ и изъ города, всадники на ослахъ, два стражара на коняхъ, которыхъ было бы гораздо приличнѣе отправить на живодерню и, наконецъ, новорожденная болгарская артилерія въ лицѣ одной батареи изъ подаренныхъ нами пушекъ. Последнія, какъ невѣста къ вѣнцу, были убраны цвѣтами и зеленью. Видимо здѣсь ихъ холили и берегли. Кругомъ толпились братушки въ своеобразной формѣ артиллеристовъ. Отложные бархатные воротники, красные кушаки, короткіе кафтаны и на головахъ болгарская барашковая шапка съ краснымъ верхомъ, опускаю щимся внизъ, какъ у нашихъ казаковъ. Форма довольно красивая, особенно на этихъ обугленныхъ, черномазыхъ бронецахъ, вороной масти. Какава разница чувствуется здѣсь, еще подѣзжая къ городу съ тѣмъ, что было прежде. Прежде я былъ въ Тырновѣ передъ боемъ на Шинкѣ въ августѣ 1877 г., на дороге болгарки выѣзжали въ арбахъ, тщательно занавѣшанныхъ отовсюду; если и попадались рѣдкія пѣшкомъ, то жалась къ сторонкѣ, стараясь, чтобы ихъ не замѣтили. Живы были еще привычки недавняго турецкаго времени. Теперь дороги сплошь переполнены этими матронами, шумно и весело болтающими, располагающимися нестрыми группами на горныхъ склонахъ. Впечатлѣніе это усиливается еще болѣе въ первыхъ же улицахъ Тырнова. Дѣти и женщины на улицахъ; рѣшетки, когда-то прочныя, желѣзныя, дѣлавшія дома похожими на тюрьмы, сняты прочъ. Во время перваго моего посѣщенія Тырнова улицы были заполнены сѣрыми, запыленными, обношенными армейцами, теперь изрѣдка мелькнетъ бѣлая рубашка съ красными погонами болгарскаго дружинника. Городъ совершенно перешелъ на мирное положеніе и кипитъ такою торговою дѣятельностью, что невольно задаешься вопросомъ: для кого и для чего это, кто покупаетъ? Въ каждомъ домѣ лавка, въ большихъ — по нѣскольку. Ремесленники, какъ и въ Шумлѣ, работаютъ въ своихъ лавченкахъ, что очень выгодно, процентъ, получаемый купцами, идетъ въ пользу рабочаго. Въ одной изъ такихъ лавокъ мнѣ указали сапожника, снимавшаго мѣрку съ одутловатаго братушки, которому понадобились чисме. Рабочій былъ въ холстяномъ пиджакѣ.

— Этотъ сапожникъ недавно былъ въ Казанкѣ президентомъ градскаго совѣта.

— Какъ же онъ сюда попалъ?

— А такъ. Не понравилось, не поладилъ съ начальствомъ, плевать, говоритъ, мнѣ на васъ, — я ремесло знаю и безъ этого прокормлюсь. А по службѣ превосходительствомъ писался.

Совсѣмъ американскіе нравы!

Въ прошломъ году, когда наши стояли здѣсь, нельзя было ни пройти, ни проѣхать по тырновскимъ улицамъ, узкимъ до того, что солнце рѣдко кидаетъ свои яркіе блики на ихъ мостовую. Интендантскіе и «товарищескіе» транспорты, застрявъ гдѣ-нибудь, запружали проѣздъ до того, что на цѣлый день прекращалось сообщеніе и въ городъ нельзя было ни войти, ни выѣхать. Теперь только нестрай южная толпа снуетъ во всѣ стороны, путь же свободенъ совершенно. Не раздастся въ воздухѣ свистъ нагайки, бывало воздвигавшей здорово-живешь болгарскія спины, не видать распорядительныхъ интендантскихъ валетовъ, сводившихъ тѣсное знакомство съ толстыми румянными щеками тырновскихъ гражданъ, которые въ то время могли придти къ утѣшительному заключенію, что съ удаленіемъ турокъ переходъ къ учрежденіямъ свободнымъ и управленію приличному будетъ постепененъ, а не рѣзокъ. Мнѣ очень нравится типъ тырновцевъ. Эти

вавилоняне Болгаріи (не смотря на строгость дѣшнихъ нравовъ, патриархальныя братушки считаютъ тырновскихъ женщинъ въ достаточной степени легкомысленными), хотя малорослы и толсты, но у нихъ въ движеніяхъ больше жизни и энергіи, въ глазахъ — блеску, въ выраженіи лицъ — сознательности, чѣмъ у остальныхъ въ Систовѣ, Шумлѣ, Варнѣ, Плевнѣ и даже Софіи. Тырново и во времена нашей считался округомъ революцій, теперь онъ гнѣздо оппозиціи. Въ старое время отсюда организовывались для балканскихъ повстанцевъ и помощь, и транспорты оружія, теперь Тырново даетъ народному собранію умную и честную молодежь, которая, не пугаясь глухихъ кличекъ, стойко дѣлаетъ свое дѣло, не вступая ни въ какія примиренія съ чорбаджіями, не дѣлая имъ никакихъ уступокъ. Указываютъ на нѣкоторыя несправедливости, допущенныя ею, — да позвольте узнать, гдѣ же борьба была справедливой. Партіи должны быть односторонни, «а на взаимныхъ уступкахъ сейчасъ же можно помириться». Смердящіе агенты старо-турецкой партіи въ этомъ городѣ, не смотря на его богатство, а слѣдовательно, и поклоненіе золотому тельцу, никогда не имѣли вліянія. Все дѣлалось помимо нихъ. Имъ удавалось только тормозить благія начинанія, но проводить свои — никогда! Типъ этихъ тырновскихъ да и всякихъ другихъ чорбаджіевъ, которыхъ наши газеты почему-то хотятъ считать спасителями отечества, лучше всего воплощается въ нѣкоемъ чорбаджіи Велковичѣ. Съ нами онъ былъ за насъ. За нашей спиной — противъ насъ. Теперь онъ ярый врагъ Россіи и кричитъ всюду объ ужасахъ, якобы совершенныхъ русскими войсками. Теперь Велковичъ въ Румелин явился самымъ преданнымъ слугою турокъ. Онъ всюду, гдѣ можетъ, вытѣсняетъ русскихъ и по его же настоянію распушена уже не одна сотня болгарскихъ румелинскихъ дружинъ. Онъ совѣтовалъ энергичное вооруженіе всего христіанскаго населенія. Таковы эти охранители, люди безъ отечества, безъ вѣры, безъ принциповъ, — и мы еще имѣли наивность вѣрить, когда ихъ противниковъ агенты подобныхъ же Велковичей называли социалистами, комунарами и тому подобными страшными именами для младенцевъ словами.

— Гдѣ тутъ остановиться? спрашиваю я у перваго попавшагося болгарина.

— Има добры хотель!..

— Белабони? вспомнилъ я мой первый пріѣздъ въ Тырново.

— Не... Хотель Давыдовъ!..

Повезли меня по крутой и узкой улицѣ, до такой степени узкой, что когда мы подѣхали къ хотелю Давыдова, то оказалось невозможнымъ для лошадей въѣхать во дворъ. Темная лѣстница надъ конюшней вела на верхъ. Внизу стояли кони, вверху было пять каморокъ, гдѣ пахло навозомъ, но все-таки въ достаточной степени опрятныхъ. Въ одной изъ нихъ оказался русскій.

— Кто такой? спрашиваю.

— Кореспондентъ! Съ священнымъ ужасомъ сообщилъ мнѣ хозяинъ хотеля щеголеватый болгаринъ. Все пишетъ, пишетъ... И нашихъ ругаетъ... и вашихъ ругаетъ. Никого не боится. Три франка за номеръ платитъ и всегда исправно.

Въ голосѣ хозяина слышалось нѣкоторое удивленіе.

— Не разу не задержалъ. Подашъ счетъ — безъ спора платить.

Потомъ оказалось, что моимъ сосѣдомъ по номеру былъ кореспондентъ «Сиб. Вѣдомостей» г. Мозалевскій, котораго я и нашелъ въ ресторани «С.-Петербургъ», года полтора назадъ кипѣвшимъ жизнью и дѣлавшемъ тысячные обороты, а теперь замирающемъ. Два-три русскихъ офицера, оставшихся въ дружинахъ — и только. Больше

никого не бываетъ здѣсь и болгаринъ, купившій это заведеніе у добродѣтельнаго Фемистокла, грека, набившаго себѣ на нашъ счетъ карманы, песомѣнно прогорить, какъ только послѣдніе русскіе выйдутъ отсюда. Болгаринъ этотъ очень недоволенъ, что война кончилась.

— Меня обманули русскіе! кричитъ онъ.

— Какъ обманули?

— Я купилъ ресторанъ, заплатилъ пять тысячъ хранги — и вдругъ окупация кончилась и русскихъ вернули назадъ.

— Заявите искъ, пошутить я.

— А развѣ русскіе заплатятъ? жадно накинута на меня разочаровавшійся въ своихъ ожиданіяхъ братушка.

Въ этомъ ресторанѣ обѣдавшіе офицеры сообщили мнѣ, что на мое имя лежатъ письма въ почтовой конторѣ.

Иду туда — русскихъ чиновниковъ уже не оказалось, былъ оставленъ какой-то писарь для порядка, но онъ оказался пьянъ. Спрашиваю у болгарина почтмейстера. Тотъ только хлопаетъ глазами.

— Письма есть? выхожу я изъ себя.

— Много, има, много!..

И подносить мнѣ цѣлую корзину всевозможной, и заказной, и простой корреспонденціи, въ перемежку съ газетами и журналами. На, дескать, бери, что тебѣ понравится — и наслаждайся. Найдя адресованныя на мое имя, я уже выходилъ, какъ вдругъ за мной послышался крикъ писца, оставленного для порядка. Пьяный, безобразный крикъ.

— Позвольте, господинъ, такъ нельзя... Это что за новости. Взялъ писемъ нѣсколько и пошелъ... Должны, кажется, чувствовать... Платить слѣдуетъ! Рубль съ васъ...

Едва отбѣлся отъ этой тли!.. По той же улицѣ, гдѣ почта, вижу болгарское читалище. Газетъ я давно не видалъ — иду туда.

Изъ конюшни опять-таки лѣстница вверхъ, на третій этажъ. Дверь отворена въ читалище, иду и не вижу ни души. Я кашлялъ, кричалъ — никто на зовъ не являлся. И читателей не было. На столахъ: Новое Время, Русскій Инвалидъ, Саратовскій Справочный Листокъ, Саратовскій Дневникъ, Всемирная Иллюстрація, Модный Магазинъ, Недѣля, Московскія Вѣдомости — и только. Мѣстныхъ газетъ ни одной. Все это истрепано, сильно зачитано, до гл. Въ шкапахъ десятка два книгъ — дверцы открыты — кому угодно! Оказалось, что основалъ читалище русскій, г. Рождественскій, но болгары теперь этого учрежденія не поддерживаютъ вовсе; ни денегъ нѣтъ, ни сколько нибудь правильной организаціи не имѣется. Кое-какъ. Числится при библиотекѣ завѣдующій. Существовать ему было печѣмъ — проѣлъ залоги.

— Какъ же вы наши деньги истратили?

— Жить-то вѣдь надо чѣмъ-нибудь!

Спрашиваю я у болгаръ, отчего они не возьмутъ на себя охраненіе и поддержку читалища.

— Намъ не даютъ. Мы сами не знаемъ, кому принадлежитъ оно! Да, наконецъ, туда не хотятъ выписывать нашихъ газетъ. Мы устроимъ свое.

Выйдя изъ читалища, наткнулся на дружину болгарскаго ополченія. Идетъ очень стройно съ пѣснями. Прислушался, оказывается братушки переняли наши русскія.

Чего не почувешь дома!

разносилось по узкимъ улицамъ восточнаго города, будя тишину его, похожихъ на шели, переклюковъ. Меня очень заинтересовала проходившая мимо дружина. Рослые, brave молодые, только командиръ какой-то несоответственный.

— Кто это? спрашиваю.

— Статскій совѣтникъ.

— Какъ статскій совѣтникъ?

— Такъ, статскій совѣтникъ изъ Ташкента. Когда-то былъ прапорщикомъ, пошелъ по гражданской, 20 лѣтъ прослужилъ въ чиновникахъ — и сюда командиромъ дружины.

Я только развелъ руками.

Впрочемъ, что же, Виталисъ въ Румелии назначилъ же француза парикмахера — артиллерійскимъ капитаномъ, а тотъ всю жизнь только съ бритвами да бруклями и возился.

Мы, разумѣется, доведемъ здѣсь и докторовъ до того, что они поступятъ на болгарскую службу офицерами. Былъ тутъ во время войны докторъ Коньковъ. Замѣчательно храбрый, водившій солдатъ въ атаку, работавшій подъ убійственнымъ огнемъ на Шибкѣ. Иду въ Тырновъ по главной улицѣ. Смотрю, Коньковъ на встрѣчу.

— Ну, что ваши раны? спрашиваю его.

— Зажили давно.

— Что-же вы дѣлали здѣсь.

— Былъ оставленъ на окупацию и забытъ.

— Какъ забыть.

— Да вотъ, какъ видите. Куда ни пишу — никакого отвѣта. Обращаюсь лично — приказываютъ еще остаться. Шестъ мѣсяцевъ не платятъ жалованья.

Оказалось, что и другіе здѣсь мѣсяцевъ по пяти по шести не получали денегъ. И не знаютъ, откуда получать, до того во время окупации финансовая часть была здѣсь перепутана.

— Просто хотъ вѣшайся! Ни тпру, ни ну! И толку не доберешься никакого, жаловались мнѣ несчастные, забытые невѣдомо для чего.

Тырновское населеніе, когда я былъ здѣсь, оказалось крайне взволнованнымъ.

Министерство Бурмова показало свои когти. Знали, что оно ненавидитъ конституцію, чуяло ждали новыхъ пріемовъ этихъ строителей молодого государства. Послѣдовали кое-какія смѣщенія наиболѣе популярныхъ людей съ занимаемыхъ ими должностей, возникъ и упорно держался слухъ о закрытіи градскихъ совѣтовъ, стало извѣстно, что Начевичъ готовитъ проектъ объ увеличеніи налога на соль, проектъ, который долженъ быть утвержденъ помимо воли національнаго собранія. Интеллигенція ходила мрачная, озленная. Немногіе чорбаджи просіали. Всего пуще злобствовалъ на Бурмова и его клику губернаторъ тырновскій, Стояновъ, получившій прекрасное образованіе въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Онъ дѣйствія новыхъ администраторовъ называлъ прямо измѣною народному дѣлу. Онъ ни минуты не вѣрилъ въ окончательное торжество этой партіи, но признавалъ, что она надолго затормозитъ развитіе народныхъ силъ и создастъ своими проясками столько затрудненій для сліянія съ южной Болгаріей, что это желанное событіе будетъ отодвинуто въ далекое будущее.

Стояновъ преоригинальный типъ. До войны онъ былъ членомъ революціонныхъ обществъ, работавшихъ въ Болгаріи, и принадлежалъ къ одному и тому же кружку съ Цанковымъ, Каравеловымъ, Словейковымъ и другими лучшими людьми страны. Это довольно полный, съ интеллигентнымъ лицомъ и рѣшительными манерами человекъ, менѣе всего похожій на чиновника. Въмѣстѣ съ Балабановымъ онъ когда-то издавалъ въ Константинополѣ независимую газету, причемъ шаткость мнѣнія его товарища была такова, что стоило только ухачъ Стоянову, чтобы Балабановъ началъ колебаться. По его мнѣнію, Балабановъ, которому предстоитъ важная, хотя и не особенно полезная странъ роль, человекъ безъ принциповъ и убѣжденій. Балабановъ — за то, за что стоитъ въ данное время сильная партія. Куда дуетъ вѣтеръ, туда и онъ идетъ. Ему ничто не дорого, кромѣ его карьеры. Теперь во главѣ правленія стоитъ партія,

которой ненавистенъ нынѣшній порядокъ, и Балабановъ служить ей, завтра рухнетъ Бурмовъ и Стояновъ, Балабановъ станетъ либераломъ.

Стояновъ характеризуетъ консервативные элементы болгаръ болѣе сдержанно, чѣмъ другіе его товарищи, но общій тонъ его мнѣній тоже крайне для нихъ неблагопріятенъ. Болгары-консерваторы выросли на проискахъ и интригахъ. Если намъ дорого сохраненіе порядка въ странѣ, нужно знать впередъ, что такого порядка не будетъ, пока эти господа стоятъ у руля. Личныя преслѣдованія враговъ, ломка самыхъ дорогихъ народу учреждений — ихъ обычные пріемы. Турецкое воспитаніе не могло приучить ихъ къ болѣе осторожнымъ пріемамъ, не говоря уже объ уваженіи къ свободѣ и правамъ гражданъ. Въ то время, когда я былъ у Стоянова, къ нему пришелъ съ жалобой какой-то крестьянинъ изъ Самоводъ. Влѣзъ въ комнату, ткнулъ губернатору заскорую мозолистую лапу, опять надѣлъ шапку, сѣлъ и давай выкрикивать просьбу. Какая разница съ забытымъ крестьяниномъ Румыніи и даже западной Болгаріи. Стояновъ сейчасъ-же сдѣлалъ распоряженіе — и никакой бумаги при этомъ не было написано, потому что канцелярщины, бюрократіи здѣсь бояться пуще всего. «Отлично обходится и безъ нея». Грекову особенно ненавистна эта черта. Въ качествѣ министра юстиціи онъ потребовалъ «дѣла», бумагъ и тому подобной чепухи. Въ окружныхъ судахъ сказалося производство устное. Для насъ оно — дико, болгары сживаются съ этимъ прекрасно. Являются жалобщики въ Шумлѣ, отвѣтъ чинятъ тутъ же.

— Такой-то укралъ у насъ корову.

— Укралъ?

— Виновать...

— Ты состоятельный?

— Да... У него земля есть и парички (денежки) припасены.

— Куда дѣлъ корову?

— Продалъ.

— Заплати то, что она стоитъ, да еще столько же штрафу и посиди въ тюрьмѣ мѣсяць, все и будутъ знать, что ты воръ. Доволенъ?

— Доволенъ.

Записали въ реестръ, что такой-то приговоренъ къ тому-то и дѣлу конецъ.

Патріархально!

— Отчего не перестроютъ Тырнова? спрашиваю я какъ-то у Стоянова. — Вѣдь онъ весь сбѣжался въ кучу, никакой прогрессъ не возможенъ, пока городъ стоитъ на этихъ кручахъ и дома лѣнятся одинъ на другой... А передъ городомъ гладкое, удобное для построекъ Марино поле.

— Нельзя. Стоимость домовъ здѣсь очень велика и лавки чрезвычайно доходны. Понятно, что владѣльцы никогда не согласятся ихъ перенести на другое мѣсто. Тутъ домъ строится надъ домомъ, всякій клочекъ земли громадныхъ денегъ стоитъ. Кому же охота терять его!

Столица Болгаріи поэтому и ютится на кручахъ, виситъ надъ Янтрой — того и гляди вотъ вотъ рухнетъ въ нее. Я называлъ Тырново столицей, потому что она дѣйствительно такова. Софія — временная столица. Она есть ничто иное, какъ аванпостъ Болгаріи. Пока князь въ Софіи — Болгарія угрожаетъ Румелии. Таково положеніе этого города, составляющаго центръ сѣверной и южной Болгаріи, затеряннаго въ узлѣ Балканскихъ горъ. Это пока бивуакъ. Соединятся обѣ Болгаріи — и центромъ станетъ несомнѣнно Тырново, это древняя столица народа полная воспоминаніями о его прошломъ.

Заговорили мы о русскихъ чиновникахъ, но Стояновъ воздерживался отъ всякихъ разсказовъ по этой части.

Въ первый же день пребыванія моего въ Тыр-

новѣ пришлось присутствовать на очень оригинальномъ вечерѣ.

У одного болгарскаго патриота изъ числа ту-полобыхъ собрались таковыя же экземпляры. Во время войны хозяинъ отличался большою храбростію—свойство, еще не доказывающее великаго ума. Знакомство съ нимъ я свелъ подъ Плевно. Пришлось возобновить теперь. Почтенная компанія вела бесѣду не болѣе не менѣе какъ о раздѣлѣ Турціи. При этомъ, разумѣется, никакихъ затрудненій не предстояло. Сербинъ великодушно нарѣзывалось три округа, два Черногоринъ, узенькая полоса—лукавымъ эллинамъ. Албанія—итальянцамъ.

— А Константинополь?

Съ Византіей вышла загвоздка. Одни рѣшали сдѣлать его вольнымъ городомъ подъ покровительствомъ Россіи, другіе—болгарскимъ портомъ. Кто-то предложилъ устроить въ немъ столицу будущей Болгаріи.—Не приняли. Резолюція послѣдовала:

— Такъ какъ Константинополь развращалъ всѣ народы, столицей которыхъ онъ былъ, то сдѣлать его просто областнымъ городомъ подъ именемъ Тырновъ—приморскій.

Такимъ образомъ Турція была взвѣшена, раздѣлена и уничтожена, при чемъ никакихъ затрудненій не предстояло, а Византія—получала еще четвертое, уже чисто болгарское имя.

На другой день пришлось быть между важными тырновскими чиновниками. Преоригинальный народъ. Одинъ часовщикъ, другой сапожникъ, третій портной. У всѣхъ свои мастерскія и своимъ официальнымъ величіемъ эти господа ужасно тяготились. Сидѣли какъ-то у мѣстнаго архіерея, наканунѣ торжества болгарской независимости.

— А ты, друже, будешь завтра на парадѣ?

— Буду... отвѣчаетъ президентъ Окружнаго Суда.

— Смотри, опять не явись въ сѣрыхъ штанахъ...

— А что?

— Неприлично. Нужны черные.

— Ну, такъ прощайте.

— Куда ты?

— Не успѣю сшить до завтра.

Засѣлъ за работу, по утру сшилъ себѣ чудесные черные штаны.

Гдѣ вы у насъ найдете такихъ предсѣдателей Окружныхъ Судовъ?

Не смотря на демократическія наклоны Тырнова, здѣсь граждане хотятъ образовать не дворянство, о чемъ мечтаетъ софійское чиновничество, а городское сословіе, которое бы стало выше крестьянъ. Лучшая часть интеллигенціи, разумѣется, стоитъ за прежнюю равноправность, но разбогатѣвшимъ буржуа хочется хоть мѣщанами сдѣлаться, въ отличіе отъ мужиковъ въ бараньихъ шапкахъ и бараньихъ курткахъ. Даже въ дружинахъ разладъ. Солдаты изъ горожанъ считаютъ себя выше солдатъ изъ крестьянъ. «Мы изъ городскихъ сословій», придумываютъ дѣятели не существующее и не существовавшее никогда въ законодательствѣ страны сословіе.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Стих. Д. Черткова.

Нѣтъ, вамъ не скажу я
Завѣтной причины
Безжалостной скорби,
Гнетущей кручины.

Всѣхъ скорбей душевныхъ
Сказать невозможно,
Притомъ мои думы
Поймете вы ложно.

Стремленіе къ дѣлу
Моей идеальной
Въ сравненіи съ жизнью
Пустой и печальной,

Гдѣ грусть и страданье
Намъ слышатся внятно,
Покажется свѣту
Наврядъ-ли понятно.

А если поймете
Вы грустные звуки,
Быть можетъ, вамъ будутъ
Смѣшны мои муки.

Быть можетъ съ годами,
При мысли случайной,
Поймете причину
Вы скорби той тайной.

(Къ роману «Волкъ».) Графъ Нидекъ стоитъ на окнѣ.

(См. № 5.)

Теперь веселитесь
Веселіемъ свѣта...
Какое вамъ дѣло
До грусти поэта!

Волкъ.

Романъ Эркмана-Шатриана. Переводъ М. Минуть.

(Продолженіе.)

Глава VIII.

на немъ была охотничья куртка, стнутая на бедрахъ поясомъ, за которымъ торчалъ ножъ съ роговой ручкой; высокіе кожаные сапоги до-

ходили до колѣнъ, черезъ плечо перевязъ, на которой висѣлъ охотничій рогъ. На немъ была широкополая шляпа съ заткнутымъ за бортомъ перомъ цапли; его профиль съ маленькой рыжей бородкой напоминалъ козла.

— Да, еще разъ сказалъ Сперверъ,—хороші новости!

Онъ бросился на стулъ, охвативъ голову руками, съ отчаяннымъ видомъ, между тѣмъ какъ Себальдъ спокойно снялъ свой рогъ и положилъ на столъ.

— Ну, Себальдъ, сказалъ Гедонъ,—говори же!

Потомъ онъ прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Старуха бродитъ возлѣ замка!

До разговора съ Мари Лагутъ эта новость была бы для меня безразлична, но теперь она меня поразила. Было какое-то отношеніе между старухой и графомъ Нидекъ; я не зналъ сути этихъ отношеній, но во что бы то ни стало я долженъ былъ ихъ узнать.

— Позвольте, господа, сказалъ я Сперверу и его другу,—прежде всего я хочу знать откуда явилась Чума?

Сперверъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— А Богъ ее знаетъ, сказалъ онъ.

— Хорошо, пельзи-ли точнѣе опредѣлить время ея появленія около Нидека?

— Я тебѣ говорилъ, она является сюда каждый годъ за недѣлю до Рождества.

— А остается здѣсь?

— Недѣли двѣ, три.

— А до этого ее не видно? не проходитъ она даже мимо?

— Нѣтъ.

— Необходимо схватить ее; тутъ что-то не ладно! Надо узнать чего ей надо, чего она хочетъ, что она, наконецъ, такое и откуда она?

— Схватить ее, замѣтилъ, странно улыбаясь, обергермейстеръ,—схватить? Гмъ?

Онъ задумчиво склонилъ голову.

— Мой бѣдный Фрицъ, сказалъ Сперверъ,—безъ сомнѣнія, твой совѣтъ хорошъ, но его не легко выполнить. Если бы можно было всадить ей пулю въ голову,—дѣло порѣшилось бы, по этому противится графъ; изловить же ее невозможно, это все равно, что схватить козу за хвостъ. Послушай, что говоритъ Себальдъ и увидишь самъ каково это!

Егермейстеръ сидѣлъ въ спокойной позѣ, положивъ ногу на ногу, онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Сегодня утромъ, сойдя съ Альтепберга, я пошелъ по пустынной дорогѣ къ Нидеку. Все было покрыто снѣгомъ. Я

шелъ, ни о чемъ не думая, какъ вдругъ мои глаза упали на выемъ; онъ былъ глубокъ и шелъ рядомъ съ тропинкой; пришлось спуститься съ откоса, потомъ подняться лѣвѣе. То не былъ слѣдъ ни зайца, ни копытъ кабана, ни лапъ волка: то была глубокая впадина, настоящая дыра. Я остановился, осмотрѣлся и наклонился, чтобы заглянуть въ самую глубь и попалъ на слѣдъ Чумы!

— Увѣрены-ли вы въ этомъ?

— Увѣренъ-ли? Я лучше знаю слѣдъ старухи, чѣмъ ее лицо, потому что я, сударь, всегда смотрю въ землю, я узнаю людей по слѣду... Да, наконецъ, тутъ бы и ребенокъ не ошибся!

— Что же въ ее ногѣ особенно отличительнаго?

— Она такая маленькая, что ее можно взять въ руку, стройная, съ узенькой пяткой, рѣзко очерченной; большой палецъ очень прижать къ остальнымъ, которые всѣ такъ сплюснуты, какъ въ башмакѣ. Ея ногу можно назвать восхитительной! Лѣтъ двадцать тому назадъ, я бы влюбился

въ такую ножку. Каждый разъ, какъ я нападаю на этотъ слѣдъ, онъ производитъ на меня сильное впечатлѣніе!.. Боже правый, возможно-ли, чтобы такая нога принадлежала Чумѣ?

Сложивъ руки, онъ задумчиво смотрѣлъ въ полъ.

— Ну, Себальдъ, дальше, сказали ему нетерпѣливо Сперверъ.

— А, да! И такъ, я узналъ этотъ слѣдъ и тотчасъ пустился по немъ. Я надѣялся догнать старуху въ ея норѣ, но вы увидите, какъ она меня заставила прогуляться! Я карабкался по отлогостямъ тропинки, въ двухъ выстрѣлахъ отъ Нидека; я спускался съ косогора, все держась вправо отъ слѣда, онъ тянулся по опушкѣ Рейтала. Затѣмъ она повернула прямо въ лѣсъ. Ладно, это все еще ничего, но вотъ, случайно взглянувъ влѣво, я примѣчаю другой слѣдъ, который шелъ за Чумой. Я остановился... чей бы это могъ быть слѣдъ, Спервера или Каспера Трумфа, или чей нибудь другой? Я подошелъ и, представьте мое удивленіе, то не былъ слѣдъ нашихъ! Я знаю ноги всѣхъ изъ Шварцвальда, Фрибурга и Нидека. Эта нога не походила ни на одну изъ извѣстныхъ мнѣ ногъ. Она была издалека. На ней былъ сапогъ, и сапогъ тонкій, со шпорами, которые провели легкую черту, — сапогъ съ четырех-угольнымъ носкомъ; каблукъ деликатный, безъ гвоздей. Походка быстрая и мелкая обнаруживала, что человѣкъ былъ не старше двадцати, двадцати пяти лѣтъ. Я примѣтилъ шовъ голенища съ одного взгляда; я никогда не видалъ такой тонкой отдѣлки.

— Кто бы это могъ быть?

Себальдъ пожалъ плечами, развелъ руками и умолкъ.

— Кто могъ имѣть интересъ слѣдить за старухой, спросилъ я, обращаясь къ Сперверу?

— Эхъ, отвѣчалъ онъ съ отчаяніемъ, — чортъ ее знаетъ.

Мы нѣсколько времени раздумывали.

— Я опять пошелъ по слѣду, продолжалъ Себальдъ, — онъ повернулъ по другой сторонѣ, между соснами, потомъ сдѣлалъ крюкъ возлѣ Расколотой скалы. Я думалъ: «ну, старая корга, если бы пришлось все гоняться за такой дичью, ремесло охотника было бы нестерпимо: лучше работать до поту лица!» Я прослѣдилъ оба слѣда до вершины Шнеберга. Тутъ свисталъ вѣтеръ, слѣгъ былъ по колѣна: я все шелъ! Я добрался до потока Штейнбаха. Тутъ исчезъ слѣдъ Чумы! Я остановился и разглядѣлъ, что сапоги, потоптавшись вправо и влѣво, повернули по направленію Тифенбаха... худой знакъ! Я посмотрѣлъ по другую сторону потока — ничего! Старая плутовка прошла по водѣ, чтобы не оставить слѣда. Куда идти, думалъ я, направо или налѣво? Въ нерѣшимости я воротился въ Нидекъ.

— Ты забылъ разсказать объ ея завтракѣ, напомнилъ ему Сперверъ.

— Ахъ, правда, я видѣлъ, что она разводила огонь у подножія Расколотой скалы: мѣсто было почернѣвши. Я приложилъ руку, думая, что тепло выдастъ мнѣ время отсутствія Чумы, но площадка была холодная, какъ ледъ. Я увидѣлъ вблизи этого мѣста силки въ кустарникахъ.

— Силки?

— Да, должно быть, старуха умѣетъ устраивать капканы. Туда попалъ заяцъ; на снѣгу ясно виднѣлся выемъ, свидѣтельствующій, что на этомъ мѣстѣ лежалъ заяцъ, вытянувъ ноги. Колдунья развела огонь, поджарила зайца и угостилась имъ.

— И подумать только, вскричалъ бѣшено Сперверъ, ударивъ кулакомъ по столу, — что

старая злодѣйка ѣстъ мясо, а столько честныхъ людей у насъ въ деревняхъ питается однимъ картофелемъ! Вотъ что меня возмущаетъ, Фрицъ... Ахъ, только бы мнѣ поймать ее!

Но онъ не успѣлъ договорить; онъ поблѣднѣлъ и мы всѣ трое онѣмѣли, смотря другъ на друга, разинувъ ротъ. Возлѣ насъ раздавался крикъ или, лучше сказать, вой, страшный волчій вой, который надо слышать, чтобы понять, сколько въ немъ дикаго, свирѣлаго и зловѣщаго. Онъ разнесся по лѣстницѣ такъ звонко, какъ-будто звѣрь былъ на порогѣ башни. Говорятъ, что въ пустынѣ ужасенъ ревъ льва; но если жаркая, раскаленная, каменистая Африка страшится сильныхъ громовыхъ раскатовъ рева царя звѣрей, то и обширныя снѣжныя равнины сѣвера, въ свою очередь, оглашаются грознымъ воемъ волка, наводящимъ трепетъ въ суровую зиму, среди окружающей, застывшей тишины. Едва раздавался этотъ зловѣщій вой, какъ въ отвѣтъ ему грозно рывкнули всѣ шестьдесятъ цесовъ

(Къ роману «Волкъ.»)—Она держала на рукахъ молодую графиню въ обморокѣ. (См. № 4.)

Нидека. Вся свора разомъ сорвалась: глухой лай ищѣекъ, быстрое тявканье бульдоговъ, громкій визгъ испанскихъ собакъ, протяжный лай барсучьихъ собакъ, все смѣшалось съ звяканьемъ цѣпей, бѣшеной возней въ будкахъ; надъ всѣмъ этимъ гвалтомъ преобладалъ протяжный, однообразный вой волка: то былъ по истинѣ адскій концертъ! Сперверъ вскочилъ, выбѣжалъ на паранетъ и заглянулъ внизъ:

— Не попалъ-ли волкъ въ ровъ? спросилъ онъ.

Но вой слышался внутри замка.

Тутъ онъ обернулся и крикнулъ намъ:

— Фрицъ, Себальдъ, идемъ!..

Мы стремглавъ бросились внизъ въ оружейную. Тамъ мы слышали, какъ вой волка раздавался гдѣ-то подъ сводами, отдаленный лай собакъ становился прерывистымъ, собаки охрипли отъ бѣшенства, ихъ цѣпи, вѣроятно, переплелись, онѣ, можетъ быть, перегрызлись между собою.

Сперверъ выхватилъ свой охотничій ножъ, тоже сдѣлалъ Себальдъ; мы побѣжали по гале-

реѣ. Вой слышался изъ комнаты графа. Сперверъ молча удвоилъ шаги. Себальдъ вытягивалъ свои длинные ноги. Меня пробирала дрожь; предчувствіе говорило намъ, что насъ ждетъ что-нибудь ужасное!

Весь домъ былъ на ногахъ: псарь, ловчіе, поваренки толкались по всѣмъ угламъ и всѣ тревожно спрашивали другъ друга: «Что это такое, откуда этотъ вой?» Мы, не останавливаясь, вошли въ переднюю графа Нидека и въ дверяхъ столкнулись съ почтенной Мари Лагутъ, которая одна отважилась войти туда прежде насъ. Она держала въ рукахъ молодую графиню въ обморокѣ, съ откинутой головой и распущенными волосами. Мари быстро увлекла ее.

Мы такъ скоро прошли мимо нихъ, что едва разглядѣли эту печальную сцену. Потомъ она пришла мнѣ на память и блѣдная головка Одиль, лежащая на плечѣ доброй старухи, представлялась мнѣ похожей на агненка, который безропотно подставляетъ горло подъ ножъ, заранѣе убитый страхомъ. Наконецъ, мы были близъ комнаты графа. Вой раздавался за дверью. Мы молча посмотрѣли другъ на друга, не будучи въ состояніи объяснить себѣ присутствіе такого гостя; да не было и времени: у насъ всѣ мысли перепутались.

Сперверъ быстро толкнулъ дверь и съ ножомъ въ рукѣ бросился было въ комнату но, какъ вкопанный, остановился на порогѣ.

Я никогда не видѣлъ лица, такъ рѣзко выражавшаго изумленіе: глаза у него, казалось, готовы выскочить, а его тонкій носъ, какъ клювъ, нависъ надъ разинутымъ ртомъ. Я заглянулъ ему черезъ плечо, но то, что я увидѣлъ, поразило меня ужасомъ. Графъ Нидекъ, присѣвъ на кровати, вытянувъ впередъ руки и наклонивъ голову съ сверкающими глазами, страшно вылъ! Волкомъ-то оказался онъ! Плоскій лобъ, длинное лицо, рыжеватая борода, растопырившись около щекъ, худая спина, мускулистая ноги, однимъ словомъ, лицо, вой, положеніе тѣла, все, все выдавало звѣря въ человѣческомъ образѣ! Иногда онъ останавливался и прислушивался, и высокія драпировки колебались, какъ листочки на деревѣ, онъ поднималъ голову, а потомъ снова принимался за то же.

Сперверъ, Себальдъ и я приросли къ полу; мы сдерживали дыханіе отъ ужаса.

Вдругъ графъ умолкъ. Какъ дикій звѣрь, когда онъ чуетъ по вѣтру, онъ поднималъ голову и насторожилъ уши. Далеко, далеко, въ высокихъ, покрытыхъ снѣгомъ соснахъ раздавался другой ревъ; сначала тихій, онъ постепенно усиливался и скоро покрылъ даже шумъ нашей своры: волчица отозвалась волку!

Тутъ Сперверъ, оборотаясь ко мнѣ съ блѣднымъ лицомъ, вытянулъ руку по направленію горы и тихо сказалъ: «Слышишь, это старуха!» И графъ, неподвижный, поднявъ голову, вытянувъ шею, разинувъ ротъ, съ воспаленными глазами казалось, понималъ этотъ отвѣтный вой, постепенно затихавшій въ пустынныхъ ущельяхъ Шварцвальда; на его лицѣ свѣтилась ужасная радость.

Въ эту минуту Сперверъ со слезами въ голосѣ воскликнулъ:

— Графъ Нидекъ, что съ вами?

Графъ уналъ, какъ пораженный молніей. Мы бросились къ нему.

Начался третій припадокъ и какъ онъ былъ ужасенъ!

Глава IX.

Графъ Нидекъ умиралъ!

Что можетъ сдѣлать искусство въ великой

борьбѣ жизни со смертью? Въ эти послѣдніе часы послѣдней свирѣпой борьбы что можетъ сдѣлать врачъ? Смотрѣть, слушать, дрожать! Иногда борьба эта прерывается; жизнь притихаетъ, но держится съ мужествомъ отчаянія. Но скоро врагъ настигаетъ его тамъ. Борьба становится горячѣй, ближе къ гибельному исходу. И больной, обливаясь холоднымъ потомъ, съ неподвижнымъ взоромъ, съ неподвижными членами, едва въ состояніи выдерживать страданія, его дыханіе становится то прерывистымъ, тяжелымъ, тоскливымъ, то медленнымъ и глубокимъ, обнаруживая различныя фазисы борьбы.

А окружающіе смотрятъ и думаютъ: «И для насъ настанетъ тоже самое. И смерть, побѣдительница, увлечетъ насъ за собою, какъ паукъ муху! Но жизнь... душа наша, распустивъ крылья, полетитъ къ небесамъ, восклицая: «я исполнила свою обязанность, я доблестно побѣдила!» И смерть не можетъ послѣдовать за нею: у нея на рукахъ будетъ трупъ!.. О высшее утѣшеніе, увѣренность въ безсмертіи, надежда на справедливость, кто можетъ лишиться этого человѣческаго сердца?»

Около полуночи мнѣ показалось, что графъ Нидекъ отходитъ; начиналась агонія; пульсъ бился скоро, неровно, прерывисто. Мнѣ оставалось только присутствовать при его смерти. Я падалъ отъ усталости; все, что предпринимало искусство, я выполнилъ. Я сказалъ Сперверу, чтобы онъ посидѣлъ съ умирающимъ и закрылъ ему глаза.

Бѣдный малый былъ въ отчаяніи, онъ упрекалъ себя въ невольномъ восклицаніи: «графъ, что съ вами?» и рвалъ волосы съ горя! Я ушелъ одинъ въ башню Гуго. Тамъ въ каминѣ горѣлъ яркій огонь. Я въ платьѣ бросился на кровать и немедленно заснулъ тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ, который обыкновенно сопровождается стономъ и слезами. Я спалъ, повернувъ лицо къ огню, отражавшемуся на плитахъ.

Спустя почти часъ, огонь угасъ и, какъ иногда случается, пламя вспыхивало, обдавало стѣны своими яркими лучами и тревожило мой сонъ.

Въ просонкахъ я открылъ глаза и хотѣлъ посмотрѣть, отчего происходитъ эта быстрая перемѣна свѣта и темноты. Я увидѣлъ странное явленіе: въ глубинѣ очага въ мерцающемъ огонькѣ ясно рисовался темный профиль: то былъ силуэтъ Чумы! Она присѣла на скамейку и молча грѣлась. Я сначала подумалъ, что мнѣ мерещится, что было бы естественнымъ послѣдствіемъ моихъ постоянныхъ думъ; я оперся на локоть и смотрѣлъ, вытаращивъ глаза отъ ужаса.

Да, это точно была она; спокойная, неподвижная, она сидѣла, охвативъ руками колѣни, такъ, какъ я ее видѣлъ на свѣгѣ, — та же морщинистая шея, тотъ же носъ въ видѣ клюва и сжатые губы! Мнѣ стало страшно!

Какимъ образомъ попала она сюда? Какъ она могла добраться до этой высокой башни, стоящей надъ пропастью?

Все, что мнѣ рассказывалъ Сперверъ объ ея таинственномъ могуществѣ, казалось мнѣ, оправдывалось! Быстрѣе молніи мелькнула мнѣ сцена, когда Ливерле бросился на стѣну! Я притаился, едва дыша, въ альковѣ и смотрѣлъ на неподвижный силуэтъ, какъ мышь смотритъ на кошку изъ щели. Старуха была неподвижна, какъ камень, только ея губы что-то бормотали! Сердце у меня стучало и страхъ мой ежеминутно увеличивался отъ спокойствія и неподвижности этого сверхъестественнаго явленія. Такъ прошло съ четверть часа, когда огонь снова вспыхнулъ и освѣтилъ всю комнату.

Этого проблеска мнѣ было достаточно, чтобы разглядѣть старуху. На ней было платье изъ старинной парчи темнаго цвѣта и твердое, какъ

картонъ; на лѣвой рукѣ тяжелый браслетъ и золотая стрѣла въ свѣдѣхъ волосахъ. Она была какъ бы выходцемъ прошлыхъ временъ. Но, вѣроятно, она не имѣла враждебныхъ намѣреній: иначе она воспользовалась бы моимъ сномъ. Эта мысль меня немного успокоила, какъ вдругъ она встала и медленно подошла къ моей кровати съ факеломъ въ рукѣ.

Тутъ только я увидѣлъ, что ея взоръ былъ неподвиженъ и свирѣпъ! Я сдѣлалъ усиліе, чтобы приподняться, хотѣлъ крикнуть и не могъ шевельнуть ни однимъ членомъ, не могъ выговорить ни слова. Старуха раздвинула занавѣсь, наклонилась и смотрѣла на меня съ дикой усмѣшкой. Я хотѣлъ защищаться, позвать на помощь но ея взглядъ парализовалъ меня, какъ птицу змѣя. Впродолженіи этого нѣмого осмотра каждая минута казалась мнѣ вѣчностью... Что она задумала? Я приготовился ко всему.

Вдругъ она повернула голову, насторожила уши, потомъ, быстрыми шагами пройдя комнату, она вышла. Наконецъ-то я собрался съ духомъ. Я подпрыгнулъ, какъ на ресорахъ, я бросился слѣдомъ за старухой: она въ одной рукѣ держала факель, а другою опиралась на дверь. Я уже хотѣлъ схватить ее за волосы, какъ въ галереѣ, подъ створчатыми сводами, ведущими на площадку, я увидѣлъ самого графа Нидека! Графъ, котораго я считалъ умирающимъ, былъ завернуть въ огромную волчью шкуру, верхняя челюсть морды была надвинута на лобъ, переднія лапы лежали по плечамъ, а хвостъ волочился по плитамъ. На немъ были высокіе кожаные сапоги, серебряный аграфъ пристегивалъ на шеѣ кожу и его лицо, за исключеніемъ тусклыхъ глазъ, ледяной неподвижности, обличало человека сильнаго, властвующаго, — словомъ, господина!

При видѣ этой особы мои мысли спутались. Бѣгство было невозможно. У меня было лишь настолько присутствія духа, чтобы укрыться въ амбразурѣ окна.

Графъ вошелъ, сурово глядя на старуху. Они тихо говорили, такъ тихо, что я не могъ уловить ни одного звука, но ихъ жесты были очень выразительны: старуха указывала на кровать!

Они на цыпочкахъ подошли къ камину. Тамъ, въ тѣни камина, Чума, усмѣхаясь, развернула большой мѣшокъ.

Лишь только графъ увидѣлъ этотъ мѣшокъ, однимъ прыжкомъ онъ очутился у кровати и уперся въ нее колѣномъ. Занавѣски зашевелились, онъ исчезъ въ ихъ складкахъ и я видѣлъ только одну его ногу на плитѣ пола и волчій хвостъ, вилявшій во все стороны.

Можно было подумать, что тутъ совершается преступленіе. Все, что только можно было вообразить себѣ ужаснаго, было ничто въ сравненіи съ этой сценой.

Подошла въ свою очередь и старуха и развернула мѣшокъ. Занавѣски снова зашевелились, тѣни мелькали по стѣнѣ. Но всего ужаснѣе было то, что мнѣ представилось, будто струя крови текла по плитамъ къ камину: то былъ просто свѣгъ, приставшій къ сапогамъ графа и оттаявшій въ теплѣ.

Я еще смотрѣлъ на эту темную струйку, оледенѣвъ отъ ужаса, какъ вдругъ поднялась какая-то возня. Старуха, графъ пихали въ мѣшокъ одѣяла и простыни съ проворствомъ сабаки, когда она роетъ землю; потомъ графъ вскинулъ себѣ на плечо узелъ и направился къ двери. За нимъ волочилась простыня; старуха шла сзади съ факеломъ. Они перешли паранетъ.

У меня тряслись и подгибались колѣни, я тихо молился.

Не прошло двухъ минутъ, я бросился за ними, увлекаемый непреодолимымъ любопытствомъ. Я бѣгомъ спустился съ паранета и очутился подъ

полукруглымъ сводомъ башни, какъ вдругъ примѣтилъ у самыхъ ногъ широкій и глубокій водоемъ; въ него вела винтовая лѣстница и я видѣлъ, какъ по ней кружился факель, какъ свѣтлякъ; онъ былъ на неопредѣленномъ разстояніи.

Я сошелъ съ лѣстницы, руководясь этимъ мелькающимъ свѣтомъ.

Вдругъ свѣтъ исчезъ: старуха и графъ добрались до глубины пропасти. Я, держась за перила, продолжалъ спускаться. Вскорѣ ступени прекратились. Я оглянулся и увидѣлъ на лѣво лучъ луны, проникавшій въ низенькую дверь между крапивою и терновникомъ, покрытымъ инеемъ. Я устранилъ это препятствіе, отбросивъ ногой свѣгъ, и очутился въ основаніи башни Гуго.

Кто могъ предположить, что существуетъ такой проходъ къ замку? Кто указалъ его старухѣ? Я не остановился надъ этимъ вопросомъ. Передо мной разстилалась обширная равнина, свѣтлая, какъ днемъ. Направо отъ меня тянулась темная линія Шварцвальда съ остроконечными скалами, съ ущельями и оврагами, тянулась до безконечности. Въ воздухѣ было свѣжо, но тихо; я ободрился въ этой ледяной атмосферѣ.

Первымъ дѣломъ я сталъ искать глазами графа и старуху. Ихъ высокія, черныя тѣни медленно поднимались на холмъ, шагахъ въ двухъ стахъ отъ меня. Онѣ рѣзко выдѣлялись на ясномъ небѣ, усеянномъ безчисленными звѣздами. Я добрался до нихъ когда онѣ спускались къ оврагу.

Графъ шелъ тихо, простыня волочилась за нимъ, какъ саванъ. Въ движеніяхъ его и старухи было что-то безсознательное. Они шли теперь шагахъ въ двадцати отъ меня по пустой дорогѣ въ Альтенбергъ, то пропадая въ тѣни, то выходя на свѣтъ, ибо луна ярко сіяла. Надъ нею проносились облака и, казалось, протягивали длинныя руки, какъ бы желая схватить ее, но она не давалась и ея холодные, стальные лучи проникали мнѣ въ душу.

Я хотѣлъ вернуться, но непреодолимая сила побуждала меня слѣдовать за этимъ мрачнымъ шествіемъ.

Еще и теперь въ моей памяти живо представляется тропинка между кустарниками Шварцвальда, я слышу, какъ свѣгъ хруститъ подъ моими ногами, листокъ уносится легкимъ вѣтеркомъ; я вижу себя идущимъ за этими двумя молчаливыми созданіями и не могу до сихъ поръ постичь, какое таинственное могущество увлекало меня по ихъ слѣдамъ.

Наконецъ, мы вошли въ лѣсъ подъ высокіе обнаженные буки. Черныя тѣни верхнихъ вѣтвей переплетаются съ нижними и протягиваются по дорогѣ, покрытой свѣгомъ. По временамъ мнѣ чудится, что за мной тоже кто-то идетъ.

Я быстро оборачиваюсь, но ничего не вижу. Мы достигли уже до цѣпи скалъ альтенбергскаго хребта; за этими-то скалами протекаетъ потокъ Шнеберга, но зимой потокъ не шумитъ, едва-едва пробивается тонкая струйка подъ ледяной корою; единеніе не нарушается ни шумомъ ручейки, ни грознымъ ревомъ потока, ни стрекотаньемъ въ зеленой муравѣ. Молчаніе, страшное молчаніе!

Графъ Нидекъ и старуха нашли въ скалѣ зазубрины и, не задумавшись, стали по ней взбираться съ нѣвѣроятной увѣренностью; я же долженъ былъ цѣпляться за кустарники. Едва мы влѣзли на вершину скалы, я очутился въ трехъ шагахъ отъ нихъ и съ другой стороны примѣтилъ бездонную пропасть. Слѣва протекалъ потокъ Шнеберга. Видъ этого страшнаго потока, который въ своемъ быстромъ теченіи уносилъ среднія деревья, охватывалъ кустарники и заматывалъ плющъ, — видъ этого движенія въ не-

подвижности смерти и этих двух молчаливых существъ, присутствіе при ихъ темномъ дѣлѣ съ безчувственностью автомата, — все это пробудило во мнѣ прежній страхъ. Казалось, сама природа раздѣляла мой ужасъ.

Графъ снялъ свою пошу и вмѣстѣ со старухой раскачалъ ее надъ пропастью, длинный саванъ мелькнулъ надъ ущельемъ и преступники наклонились.

Я какъ сейчасъ вижу эту бѣлую, волнующуюся ткань. Я вижу, какъ она опускается все ниже и ниже, какъ лебедь, пораженный съ высоты неба, распустивъ крылья и вытянувъ голову въ смертельномъ трепетѣ. Все исчезло въ глубинѣ пропасти. Въ это мгновеніе облако заволокло луну своими темными очертаніями; свѣтъ померкъ.

На секунду передо мной мелькнула старуха, держа графа за руку и увлекая его съ головокружительной быстротой. Облако совсѣмъ скрыло луну. Я не могъ ступить шагу, не рискуя упасть въ пропасть. Черезъ минуту облако разорвалось. Я осмотрѣлся, я былъ одинъ на вершинѣ по колѣна въ снѣгу.

Охваченный ужасомъ, я спустился по откосу и побѣжалъ къ замку въ такомъ волненіи, какъ будто я совершилъ преступленіе! Что же касается графа и старухи, я не видалъ ихъ больше.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Стихъ Д. Черткова.

Посмотри: кругомъ страданья,
Муки, слезы и рыданья,
Вопли, горе и тоска.

Всѣ въ страданіяхъ мы знали
Гнетъ мученій и печали,
Жизнь намъ всѣмъ была тяжка.

Съ колыбели и до гроба
И страданія, и злоба
Не даютъ покоя намъ.

Мы привыкли къ испытаньямъ
И не вѣримъ ужъ мечтаньямъ,
Чуднымъ грезамъ, чуднымъ снамъ.

Молоды ты; тебѣ напрасно
Все такъ кажется прекрасно,
Все влечетъ тебя къ себѣ.

Подожди: умчатся грезы,
Ты узнаешь грусть и слезы
Въ долгой жизненной борьбѣ.

Подожди: настанетъ буря
И, свое чело понуря,
Ты смиришься передъ ней;

Ты забудешь средь мученій
Пылъ горячихъ увлеченій,
Станетъ все темнѣй, темнѣй...

Шарль Демальи.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ. Переводъ Н. Лѣтнева.
(Продолженіе.)

XXII.

Ледяная холодность установилась въ отношеніяхъ Марты и Шарля. Они жили другъ возлѣ друга, не имѣя ничего общаго, кромѣ обѣдовъ, и почти не разговаривая, кромѣ обмѣна односложныхъ словъ за завтракомъ и обѣдомъ. По этому Шарль былъ очень удивленъ, когда Марта, запрокинувъ голову на спинку кресла и вытянувъ ноги передъ огнемъ, сказала:

— Замѣтилъ ты, другъ мой, какъ бываетъ ошибочно первое впечатлѣніе? Сначала чувствуешь нерасположеніе къ человѣку, потомъ мало по малу невольно антипатія смѣняется симпатіей... Случалось это съ тобой?

— Очень рѣдко.

— Когда я подумаю, какъ онъ не понравился

сначала... я была предубѣждена... Онъ совсѣмъ не тотъ человѣкъ, что я воображала... не такая гадкая обезьяна, какъ прозвали его товарищи.

— О комъ ты говоришь?

— О Робино.

— А! Робино... это дѣлаетъ тебѣ честь. Ты права, Робино очень любезенъ. Я тоже переимѣнилъ о немъ мнѣніе.

— Вотъ видишь!

— Онъ удивилъ меня своимъ терпѣніемъ. Онъ такъ терпѣливо переноситъ твои шутки. Увѣрю тебя, что на твоемъ мѣстѣ...

— Право, какъ это странно! продолжала Марта, не слушая мужа, — даже то, что мнѣ прежде не нравилось въ немъ: его взглядъ, который пугалъ меня, большая голова, грубые манеры, видъ дикаря, однимъ словомъ, все меня отталкивало. А теперь, повѣришь-ли, я не обращаю на это вниманія, никакого вниманія. Я какъ-будто гляжу на него другими глазами. Я увѣрена, что у него натура превосходная.

— Ты впадаешь въ крайность, какъ всѣ женщины. Если бы онъ создавали міръ, середины не было бы. Робино просто-на-просто...

— О, ты все еще не можешь простить ему его статьи!

Шарль пожалъ плечами.

— Женщины... женщины! продолжала Марта: — что тамъ ни говори, а онъ понимаютъ людей лучше, чѣмъ мужчины: вы судите, а мы угадываемъ. Ну, я нахожу, что у Робино страстная натура; онъ можетъ сильно любить и ненавидѣть. Это невольно привлекаетъ. Я увѣрена, что онъ способенъ на самоотверженіе, на истинную, глубокую страсть. Онъ, по временамъ такой грубый, вдругъ выказываетъ такую предупредительность, такое утонченное вниманіе...

— Марта, будь осторожнѣе! Ты прямо говоришь, что онъ влюбленъ въ тебя и что ты готова отвѣчать ему.

— Ну да! я тебѣ говорю это, другъ мой, сказала Марта, принимая невинный видъ.

— Согласись, что это признаніе довольно странное для мужа!

Тогда Марта съ самымъ серьезнымъ и взволнованнымъ видомъ, проникнутымъ чувствомъ голосомъ, начала, медленно напирая на каждое слово:

— Прости меня, другъ мой, положимъ, что я ничего не сказала. Я хотѣла открыться тебѣ во всемъ, я хотѣла сказать тебѣ, какъ честная женщина честному человѣку: спаси меня отъ меня самой! я чувствую себя слабой; силы мои уходятъ; передо мной пропасть... Помоги мнѣ, спаси меня! ты — моя опора, ты — моя помощь, ты — мой мужъ!

— Очень тебѣ благодаренъ, Марта, за эту мысль, холодно сказалъ Шарль, — но я думаю, что ты преувеличиваешь: пропасть вовсе не такъ близка, какъ ты говоришь... Правда, что вы часто бываете вмѣстѣ, не знаю, зачѣмъ... развѣ за тѣмъ, чтобъ жаловаться на меня и имѣть подъ рукой слушателя... Видишь-ли? я не угадываю этихъ вещей, я ихъ чувствую. Я вамъ никогда не мѣшаю... Что же касается до любви, то вы несколько не любите другъ друга. Что онъ для тебя? Ничто иное, какъ пара ушей, какъ игрушка, которою ты играешь изъ прихоти, а можетъ быть, и для того, чтобъ возбудить мою ревность. Что такое ты для него — это я стараюсь угадать... Но оставимъ это! Скажи, что у тебя за страсть изобрѣтать для меня мученія? Мнѣ тяжело и безъ тебя. Я боленъ, очень боленъ, оставь меня въ покоѣ, дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, умереть спокойно!

— Вотъ вы всегда такъ, мужья! Вы всѣ такіе... а потомъ придетъ день...

При этихъ словахъ Шарль въ первый разъ

измѣнилъ приличнымъ манерамъ свѣтскаго человѣка и вышелъ изъ себя:

— Такъ ты всю жизнь будешь актрисой — всегда и вездѣ? Такъ у тебя всегда будетъ ложь въ сердцѣ и на губахъ? Ты говоришь затверженную роль! Такъ ты родилась во лжи? Ты вскормлена, взлелѣяна, воспитана во лжи! Твои слова, голосъ, улыбка, слезы — все ложь, все подражаніе! Въ тебѣ собрана ложь всего міра! Ты лжешь передъ людьми! Ты лжешь передъ Богомъ!

— Вы забываетесь, милостивый государь, но это будетъ въ первый и въ послѣдній разъ.

— Куда ты идешь? спросилъ Шарль, видя, что она надѣваетъ шляпу.

— Къ Робино! отвѣчала Марта, какъ можно драматичнѣе.

— Ступай, моя милая!

XXIII.

На другой день Шарль получилъ письмо отъ Марты. Она переѣхала къ матери и просила его прислать ей мебель изъ ея комнаты. Шарль отвѣчалъ черезъ комисіонера, что она получитъ мебель въ этотъ же день. Но часъ спустя, Марта была у мужа. Она бросилась къ нему на шею, плакала, обвиняла себя, не давая ему опомниться и сказать слово. Она говорила, что она сумасшедшая, что онъ былъ слишкомъ добръ, переносилъ ея капризы, что она никогда не проститъ самой себѣ и во сто разъ будетъ больше любить его, чтобъ загладить зло, сдѣланное ею. Слезы, признанія, обѣщанія прерывались поцѣлуями и улыбками, похожими на солнечные лучи во время дождя.

Впродолженіи часа Марта играла эту очаровательную комедію влюбленной, раскаявающейся женщины. Впродолженіи часа она была великою актрисой, ловкой, увертливой и женственной. Когда ей удалось обезоружить Шарля и онъ поддался очарованію, тогда слезы раскаянія смѣнились смѣхомъ. Она такъ мило насмѣхалась надъ собой, надъ ними обоими, надъ ихъ глупостью, надъ тѣмъ, что они, имѣя все для счастья, оба молодые, свободные, создавали себѣ горести и мученія и едва не погубили своего счастья. Какъ это случилось? Кто подтолкнулъ ее? Потому что она одна была виновата. Она была злымъ, капризнымъ, взбалмошнымъ ребенкомъ, — онъ былъ слишкомъ добръ, слишкомъ слабъ, онъ бы долженъ былъ наказывать ее, какъ ребенка. Однимъ словомъ, пущено было въ ходъ все, что обыкновенно говорится женщиной, корчащей пансіонерку, которая проситъ, чтобъ ее побрали за то, что она дурно вела себя.

И вотъ снова настали для нихъ прежніе, счастливые дни. Марта только и думала о томъ, чтобъ нравиться Шарлю и дѣлать ему пріятное. Она перестала кокетничать; онъ, казалось, сдѣлался ея единственной мыслью и заботой. Вернулись прежнія, веселія утра, когда Марта, просыпаясь, шалила, какъ ребенокъ, и перевертывала все вверхъ дномъ. И если у нея вырывалось какое-нибудь движеніе досады или не терпѣнія, она представляла его въ такомъ карикатурномъ и комическомъ видѣ, что Шарль говорилъ, цѣлуя ее:

— Ну, слава Богу, счастье къ намъ вернулось!..

XXIV.

Черезъ двѣ недѣли, — все это продолжалось только двѣ недѣли, — Марта вдругъ сдѣлалась задумчива.

— Что съ тобою? ласково спросилъ у нея Шарль.

— Со мной... ничего.

— Ничего? Правда ничего? Рѣшительно ничего, Марта?

— Нѣтъ, увѣрю тебя, ничего.

— Я тебѣ вѣрю... Въ чемъ дѣло, скажи?

— А если я не хочу?

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ М. ЗИЧИ.

Донъ-Жуанъ.

Рисоваль на деревѣ Н. А. Богдановъ; рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипани“.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ М. ЗИЧИ.

Донъ-Жуанъ.

Рисоваль на деревѣ Н. А. Богдановъ; рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“.

— Марта...

— Ну хорошо, я скажу, но...

— Но...

— Ты видишь, что это не я... я не хотѣла говорить... это все ты... Ну, я скажу завтра, обѣщая тебѣ.

— Нѣтъ сейчасъ.

— А! ты хочешь поставить на своемъ... Хорошо! только съ условіемъ...

— О! о!

— Дай мнѣ слово исполнить то, что я у тебя попрошу!

— Но подумай, милая, что ты можешь у меня попросить... не знаю что... ну, напримѣръ, прядь волосъ Сильвіо Пеллико! Я не могу ручаться!

— Ты не хочешь? Хорошо!

— Марта!

— Нѣтъ!

— Такъ это серьезно?

— Я не знаю...

— Ну, однимъ словомъ...

— Однимъ словомъ, я хочу опять играть въ твоей пьесѣ, я хочу мою роль.

— Но, Марта, подумай! Я бы очень желалъ... Еслибъ еще ты мнѣ сказала прежде, но теперь, когда осталось только нѣсколько репетицій...

— Какъ хочешь.

— И притомъ, признаться-ли тебѣ? Я боюсь за свою пьесу. На меня нападаетъ сомнѣніе. Можетъ быть, утомленіе отъ репетицій или что другое, но мнѣ кажется, что я создавалъ себѣ иллюзіи и что твоя роль... Я напишу для тебя гораздо лучше, ты увидишь... я тебѣ обѣщаю...

— Стало быть, нѣтъ? Хорошо. Одилія будетъ играть мою роль... Ей все — и успѣхъ, и торжество! Она займетъ мое мѣсто, она раздавитъ меня, она...

— Вздоръ, моя милая! ты горячишься, ты придаешь слишкомъ большое значеніе моей пьесѣ. Дай Богъ, чтобъ она хоть составила небольшое имя автору — и этого довольно!

— Ты не хочешь? не хочешь? повторила Марта тономъ холодной прони, со взглядомъ жесткимъ, какъ остріе ножа. — Ты, можетъ быть, правъ, мой милый. На твоёмъ мѣстѣ я сдѣлала бы тоже... Во-первыхъ, ты меня любишь, а я тебя не люблю.

— Марта!

— Ну да! чтожъ такое? Я никогда тебя не любила, я вышла за тебя потому, что я была актриса. Мнѣ нужно было мужа, настоящаго мужа, но, выйдя замужъ, я раскаялась. Я могла бы сдѣлать партію лучше, выйти за богатаго или... я тамъ не знаю... Наконецъ, я пожертвовала тебѣ моею будущностью! Ты знаешь, въ тотъ день, когда ты вернулся изъ Медона, я тебѣ солгала. Помнишь исторію двадцати франковъ, которые я заняла у госпожи Вуденэ? Я тебѣ сказала, что меня подстрекнуло къ этому желаніе поинтересничать, представиться несчастной женой. Но это было не то! Это было...

— Это было?

Тонъ Шарля остановилъ слова, готовясь сорваться съ губъ Марты. Она продолжала:

— Ты говорилъ, что я хотѣла опозорить тебя, лишить тебя уваженія. Ну, можетъ быть, всего этого было тутъ понемножку.

— Молчи! Такъ ты поклялась! Ты сошла съ ума... молчи!..

— Постой, я сказала также, что ты заложилъ всѣ мои брильянты въ Mont de Pieté...

— Ты сказала это? вскричалъ Шарль, схвативъ ее за руки.

— Пусти меня... пусти!

Она пробовала освободиться изъ тисковъ, сжимавшихъ ее и прибавила презрительно:

— Ты не такой человѣкъ, чтобъ прибить женщину!

— Не сказала-ли ты, что я тебя бью? Ты бы

желала имѣть возможность сказать это? Не правда-ли?..

— Я сказала и это.

И когда Шарль упалъ на стулъ, уничтоженный, со слезами на глазахъ, она замѣтила:

— Поплачь, поплачь немножко! Это тебѣ полезно! Я-никогда не видала, какъ ты плачешь... О! какое у тебя смѣшное лицо!

Шарль всталъ, бросился къ ней и, вдругъ передумавъ, съ порывомъ отчаянія ударился объ стѣну, чтобъ разбить себѣ черепъ.....

.....

Шарль приподнялся и провелъ рукою по лбу.

— Вотъ какъ! Ты больно стукнулся! сказала Марта.

Шарль схватилъ ее, поднесъ къ окну. Окно было открыто. Но онъ почувствовалъ мертвое тѣло у себя въ рукахъ. Марта упала безъ чувствъ, встрѣтившись съ взглядомъ своего мужа. Она была спасена! Шарль выпустилъ ее и бросился на лѣстницу.

XXV.

Шарль ходилъ по улицамъ. Было поздно. Отблескъ газа игралъ на запертыхъ магазинахъ, на пустынныхъ тротуарахъ, на мостовой, потрепанной временемъ отъ стука запоздавшихъ омнибусовъ. А Шарль все шелъ, преслѣдуемый щелканьемъ крючка триничника о корзину. Онъ переходилъ изъ улицы въ улицу и, наконецъ, очутился на бульварѣ. Онъ шелъ, какъ пьяный. Ноги влекли его сами собой. Его толкала какая-то неопредѣленная, безличная, механическая воля. Въ немъ не дѣйствовало ничего сознательнаго. Онъ ничего не помнилъ, ни о чемъ не думалъ. Онъ чувствовалъ только, что голова его пуста и что его куда-то влечетъ, какъ утопающаго, захваченнаго теченіемъ. Онъ спѣшилъ и все шелъ впередъ. Ему казалось, что свѣтъ фонарей не свѣтилъ, а шумѣлъ у него въ ушахъ. Онъ толкалъ прохожихъ, вламывался въ толпу, чтобъ пробраться къ фонарю, горѣвшему у дверей табачной лавочки, оттуда спѣшилъ къ другой лавочкѣ, задѣвая плечомъ оконныя ставни. Иногда онъ останавливался передъ чѣмъ-нибудь и смотрѣлъ, не видя, — то передъ выставкою товаровъ, которую на ночь прикащики закрывали полотномъ, то на краю тротуара передъ стокомъ воды, или передъ корзиной съ леденцами, которыми торговала полусонная старуха. На Монмартрскомъ бульварѣ онъ долго стоялъ передъ картиной, изображавшей послѣднюю сцену изъ драмы: 30 лѣтъ или жизнь игрока. По временамъ острая боль, какъ молнія, прорѣзывала его мозгъ, затѣмъ покровъ снова падалъ, память засыпала и онъ продолжалъ свою безсознательную прогулку.

Такимъ образомъ, то останавливаясь, то снова пускаясь въ путь, онъ миновалъ театръ Gynpasse и бульваръ Bonne Nouvelle. Дойдя до Сен-Денискихъ воротъ, онъ пошелъ вдоль стѣны, завернулъ за уголъ и очутился въ улицѣ Сен-Дени. Все спало, только въ колбасныхъ и въ лавкахъ винныхъ торговцевъ свѣтился огонь. Мастеровой въ бѣлой блузѣ толкнулъ Шарля, потомъ его остановила какая-то женщина и заговорила съ нимъ; онъ выслушалъ ее, не понимая ни слова. Онъ смутно чувствовалъ холодъ въ ногахъ, понавъ въ помой, выливаемые винными торговцами. Тогда ему захотѣлось темно-ты, какъ прежде хотѣлось свѣта и онъ бросился въ темный переулокъ, въ концѣ котораго дрожжалъ какой-то красноватый свѣтъ. Онъ прошелъ мимо покривившихся заборовъ, мимо закоулковъ, зияющихъ, какъ устье печей, наступаая на соръ, на осколки и скорлупу, скользя по узкому шоссе, между двухъ ручьевъ мутной воды. Взглядъ его блуждалъ ошупью въ сомнительномъ свѣтѣ дымящихся фонарей и, наконецъ, остановился на красномъ транспарантѣ: онъ началъ складывать

медленно одну за другой черныя буквы надписи: «Отдаются въ наймы комнаты помѣсячно и для ночлега».

Шарль углубился далѣе въ узкій, мрачный проходъ, полный безобразнаго мрака и пьяной нищеты, машинально и яростно стараясь потеряться, вертеться и перевертываясь по тысячу разъ въ лабиринтѣ узкихъ улицъ, ведущихъ отъ Сен-Дени къ рынку, иди непрерывно и пробуждая звукомъ своихъ лихорадочно спѣшныхъ шаговъ заснувшее эхо мрачныхъ домовъ и покривившихся трактировъ съ разбитыми фонарями. Затѣмъ онъ вздохнулъ свободно, какъ будто грудь его расширилась: онъ очутился на рынкѣ. Онъ шелъ далѣе, отворилъ дверь харчевни и сѣлъ передъ столомъ, покрытымъ наваленной холстиной, подъ ящикомъ съ грязными салфетками. Онъ забылъ, что ему было здѣсь нужно, ему стало страшно и онъ убѣжалъ. Машинально ноги донесли его до дому. По дорогѣ онъ не видалъ ничего, кромѣ тѣни отъ лампы на потолкѣ въ комнатѣ безъ занавѣсокъ, во второмъ этажѣ какой-то улицы. Вернувшись, Шарль вошелъ въ комнату своей жены и нашелъ Марту въ постели.

— А! ты лежишь! ты спала, можетъ быть... Вставай и уходи! Видишь-ли, ты зашла слишкомъ далеко! На этотъ разъ все кончено... кончено навсегда... До сихъ поръ у меня никогда не поднималась рука на женщину, но теперь я не ручаюсь за себя: я могу убить тебя!

Марта встала и начала медленно одѣваться съ кокетливымъ цинизмомъ куртизанки. Шарль ходилъ по комнатѣ большими шагами, не глядя на нее. Марта смотрѣла на него и по ея странному, умоляющему и поработанному взгляду можно было подумать, что необузданная грубость, къ которой она считала неспособнымъ своего мужа, смерть, холодъ которой онъ далъ ей почувствовать, и сдержанный гнѣвъ, слышавшійся въ его шагахъ по паркету, внушали ей робкія поползновенія развращенной страсти къ этому человѣку, едва не свершившему преступленія и заставлявшему ее трепетать передъ собой.

— Такъ это кончено рѣшительно, Шарль? Кончено навсегда?..

Шарль отвѣчалъ наклоненіемъ головы.

— Это ни къ чему не поведетъ, мой милый! сказала Марта, подходя къ двери. — Я все-таки твоя жена и ношу твое имя.

И она убѣжала.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки Вл. Михневича.

(Продолженіе.)

IV.

(Хороводъ, какъ содержаніе игрища. — Этимологическое происхожденіе хоровода и его національность. — Общественное значеніе хоровода въ народной жизни. — Его ритуалъ и его родовыя характеристическія черты. — Особенности русскаго веселья).

Въ увеселительномъ отношеніи главнымъ, существеннымъ содержаніемъ cadaго почти русскаго народнаго игрища служить хороводъ, въ которомъ мелодія и пластика въ народномъ безискусственномъ творчествѣ нашли себѣ высшее и самое полное выраженіе. Хороводъ, соединяющій въ себѣ пѣсню, музыку и пляску, сопровождаемый условной мимикой и сценической игрою, образно представляющей различныя перипетіи любви и «жениханья», относится уже къ области драмы и, несомнѣнно, есть ея примитивный зачатокъ.

Эта форма игрища и пляски, послужившая впоследствии основаніемъ для балета и для нѣкоторыхъ балетныхъ танцевъ, встрѣчается у всѣхъ народовъ съ различными видоизмѣненіями. Въ

библии упоминается (3-я «Книга Царствъ»), что во время жертвоприношеній Ваалу жрецы «скакали» вокруг жертвенника, призывая имя идола отъ утра до полудня. У грековъ и римлянъ, какъ можно видѣть на сохранившихся античныхъ барельефахъ и рисункахъ, хороводъ былъ въ большомъ употребленіи въ религіозно-общественныхъ празднествахъ и играхъ, каковы, напр., гіакинтіи, вакханаліи, сатурналіи, коланды и пр. У грековъ онъ назывался χορός — хоръ, что дало поводъ нѣкоторымъ нашимъ изслѣдователямъ (напр., Снегиреву) произвести отъ этого слова и русскій хороводъ, являющійся, такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, заимствованіемъ изъ чужа.

Кажется, никакой надобности не было такъ далеко ходить за филологическимъ объясненіемъ этого слова. Гораздо ближе произвести его отъ литовскаго *korodod* *) или, еще проще, отъ славянскаго коло (кругъ), откуда коловодъ, который въ парафразѣ передѣлался въ хороводъ.

Коло или хороводъ (у нѣмцевъ Rundtanz) свойственъ всѣмъ славянамъ по настоящее время. Въ старину же славяне «имѣли, вѣроятно, въ своихъ танцахъ, какъ говоритъ Голембѣовскій (авторъ книги: «Ггу і забаву»), нѣчто религіозное и торжественное: у нихъ собиралось, такъ называвшееся, стадо Божье: съ дѣвчѣй горы сходили юныя дѣвы-невѣсты, туда же стекались удалые молодцы, мужи, жены, старцы и дѣти, и, плеская въ ладоши, восклицая «ладо! ладо!», среди плясокъ и пѣсенъ всѣ шли къ городищу, гдѣ приносились жертвы богамъ, совершались религіозные обряды и игрища...»

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что происхожденіе хоровода было, какъ у насъ, такъ и у другихъ народностей, совершенно самостоятельное и что оно относится къ весьма глубокой древности. Древность хоровода видна уже изъ его символическаго значенія, выражающагося въ отождествленіи забытыхъ доисторическихъ формъ половыхъ и брачныхъ отношеній. Первобытной стариной вѣетъ и отъ многихъ нашихъ хороводныхъ пѣсенъ и при ближайшемъ съ ними знакомствѣ мы увидимъ въ нихъ складъ и содержаніи наглядные слѣды «умыканья», общиннаго брака и борьбы половъ.

«Важность русскихъ хороводовъ для нашей народности столь велика, говоритъ Сахаровъ въ своихъ «Сказаніяхъ», что мы, кромѣ свадебъ, ничего не знаемъ подобнаго. Занимая въ жизни русскаго народа три годовыя эпохи: весну, лѣто и осень, хороводы представляютъ особенныя черты нашей народности: разгулъ и восторгъ...»

Сахаровъ, часто оживлявшій свои трудолюбивыя историко-этнографическія изысканія квантымъ патріотизмомъ, возвелъ эти «особенныя, якобы, черты», т. е. «разгулъ и восторгъ», въ нѣчто такое ультра-національное и великое, чѣмъ «русская жизнь отличается, будто бы, отъ всякихъ другихъ славянскихъ поколѣній, отъ всего міра!»

Оставляя въ сторонѣ это наивное самоуслаженіе, нельзя, однако, не согласиться съ нашимъ ученымъ, что русскій хороводъ имѣетъ огромную важность при изученіи быта и характера нашего народа въ семейно-родовомъ отношеніи.

Что касается «годовыхъ эпохъ» для хоровода, указываемыхъ Сахаровымъ, то опредѣленіе это нѣсколько поверхностно. Въ сущности, хороводъ, составляя основу каждаго народнаго игрища, имѣетъ мѣсто не только въ весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ праздникахъ, но и въ зимнихъ, съ нѣкоторыми лишь видоизмѣненіями, сообразно тому, что въ теплое время игрища совершаются

исключительно подъ открытымъ небомъ, а въ холодное, главнымъ образомъ, — въ домахъ.

Наши, напр., зимнія святочные игры, по основательному замѣчанію г. Кавелина, суть ничто иное, какъ «перенесенныя съ улицы въ комнату, смягченныя приличіемъ и христіанскою нравственностью, развалины прежнихъ вакханалій». Но, какъ мы знаемъ, въ иное время года тѣ же самыя «развалины», заполняя наши народные праздники, остались не перенесенными въ «комнату», что еще не значитъ, чтобы мы имѣли здѣсь дѣло съ какимъ-нибудь обособленнымъ, разнохарактернымъ явленіемъ.

Хороводъ представляетъ собою общую, неизмѣнную форму коллективныхъ праздничныхъ, любовно-увеселительныхъ отношеній деревенской молодежи обоеихъ половъ. Гдѣ собралось нѣсколько дѣвушекъ и столько же парней для забавы, для «бесѣды», тамъ, по естественному порядку, начинаются шутки, куртизанское заигрываніе, пѣсни, пляски и игры, т. е. все то, что въ стройной, подчиненной извѣстному ритуалу, совокупности, составляетъ хороводъ. Хороводъ есть не только игра и забава — онъ включаетъ въ себя еще цѣлый кодексъ выработанныхъ обычаемъ правилъ морали и приличія, въ границахъ которыхъ допускается и регулируется сближеніе половъ въ разъ опредѣленныхъ и для всѣхъ обязательныхъ формахъ. Это, въ сущности, тотъ же этикетъ, которымъ руководятся интеллигентные свѣтскіе люди на балахъ и въ салонахъ. Какъ на паркетѣ, такъ и тамъ — на «толокѣ», гдѣ-нибудь «у ракиновыхъ кустовъ», несоблюденіе установленныхъ правилъ приличія въ общеніи съ участниками раута или «бесѣды» одинаково скандализируетъ «честную компанію» и вызываетъ болѣе или менѣе ошутительный протестъ.

Позволимъ себѣ привести здѣсь, для подкрѣпленія сказаннаго, характеристическую сценку, описанную извѣстнымъ Павломъ Якушкинымъ, въ которой онъ, притомъ, самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ.

Странствуя въ 1858 г. по новгородской губерніи, въ одномъ селеніи онъ попалъ на деревенскія «посидки» и принялъ въ нихъ дѣятельное участіе. Общество дѣвушекъ и парней затѣяло хороводъ.

«Не вставая съ мѣстъ и продолжая пріестъ, дѣвушки запѣли:

Какъ по первой по порошѣ

Ходилъ молодецъ хоропій...

«При началѣ пѣсни вышелъ одинъ молодецъ хоропій съ платкомъ и сталъ ходить около пѣвицы. При словахъ пѣсни:

Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ

Шелковой-то онъ платочекъ

Дѣвкѣ на колѣни...

«Онъ бросилъ платокъ дѣвкѣ на колѣни; та взяла, не спѣша вышла на средину и, въ свою очередь, стала ходить и бросила

Шелковой платочекъ

Парню на колѣни.

«Парень вышелъ при концѣ пѣсни, поцѣловалъ дѣвку и началъ ходить подъ ту же пѣсню». Платокъ переходилъ такимъ образомъ съ колѣни на колѣни, пока не попалъ на колѣни рассказчика изъ рукъ его сосѣдки. «Желая за любезность сосѣдки, повѣствуетъ Якушкинъ, отплатить ей такую же любезностью, я вызвалъ ее же.

— «Роденькой, послушай, что я тебѣ скажу, сказала она, садясь около меня, — у насъ такъ не водится: я тебѣ кинула шелковый платочекъ, а ты ту-жъ пору и мнѣ. Такъ-то будетъ зазорно.

— «Да отчего же зазорно? спросилъ я.

— «Да ужъ такъ у насъ не повелось, отвѣчала она. — Пожалуйста, роденькой, теперь на

первый разъ возьми другую дѣвушку, а на другой разъ хоть и меня»...

А между тѣмъ, на этихъ же самыхъ «посидкахъ» «повелось» такъ, что когда они кончатся, то «всякій дружень схватитъ друженицу, да и пойдетъ съ нею, куда нужно»...

Представленный примѣръ можетъ быть принятъ за общее правило въ томъ смыслѣ, что народныя игрища, не смотря иногда на свою эротическую разнузданность, всегда подчинены, какъ мы сказали, установленнымъ обычаямъ, условнымъ приличіямъ и церемоніямъ. Эти приличія и церемоніи весьма различны по мѣстностямъ. «Что городъ — то норовъ, что деревня — то обычай»: то, что признается въ одной какой-нибудь мѣстности дозволеннымъ и приличнымъ, въ другой — отвергается, какъ нѣчто зазорное. Напр., хороводныя игра и пляска въ большинствѣ случаевъ сопровождаются взаимными поцѣлуями парней и дѣвицъ; но есть мѣстности, гдѣ подобная свобода обращенія уже не допускается. Въ пенкурскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству Шадрина, на всѣхъ играхъ и гуляньяхъ «не водится» никакихъ поцѣлуевъ — ихъ замѣняютъ поклоны и улыбки. Дѣвушка, позволившая себѣ поцѣловаться на людяхъ съ парнемъ, пропала въ мнѣніи всей деревни. Въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Котельничѣ, хороводы водятъ однѣ дѣвушки; парни, храня установленныя правила приличія, могутъ только издали любоваться ихъ игрой и пляской. Въ нѣкоторыхъ деревенскихъ обществахъ различныхъ губерній *) ригоризмъ въ данномъ отношеніи простерся до составленія мірскихъ приговоровъ объ уничтоженіи «ночныхъ бесѣдъ», т. е. посидѣнокъ, и въ тоже время существуютъ мѣстности (въ ставропольской губ., въ мценскомъ уѣздѣ и проч.), гдѣ на игрищахъ господствуетъ разнузданность и цѣломудріе дѣвушекъ не имѣетъ никакой цѣны.

Мы могли бы представить длинный рядъ подобныхъ разнорѣчій въ ритуалѣ, установленномъ обычаемъ для данныхъ отношеній.

Конечно, и самыя игрища, а равно и хороводъ, какъ неизбежная ихъ принадлежность, справляются далеко не одинаково въ тѣхъ или другихъ поселеніяхъ даже одного и того-же племени, точно также подчиняясь въ своихъ видоизмѣненіяхъ различнымъ мѣстнымъ условіямъ. Но, говоря собственно о хороводѣ, нужно признать, что онъ, не смотря на различіе оттѣнковъ по мѣстностямъ, повсюду сохраняетъ однако нѣкоторыя, характеризующія его, общія основныя черты.

Во-первыхъ, по времени, хороводы вездѣ начинаются въ періодъ зимняго солнцеворота — перелома зимы на весну — и особенно оживляются съ наступленіемъ теплыхъ ясныхъ дней, со Святой, при внешнемъ обновленіи природы. Во-вторыхъ, по мѣсту, лѣтніе хороводы болѣе частью устраиваются на открытой лужайкѣ, у воды, близъ «ракиновыхъ кустовъ», въ рощахъ, нерѣдко на кладбищахъ, причемъ разъ избранная для игрища мѣстность не мѣняется иногда чрезъ цѣлыя поколѣнія. Извѣстно, что въ каждомъ почти поселеніи (городѣ или деревнѣ) есть особенныя, излюбленныя народомъ мѣста, куда онъ въ извѣстные праздники стекается на гульбище. Во времена языческія это было «городище», т. е. капище, о которомъ упоминаетъ Голембѣовскій.

Сахаровъ подраздѣляетъ сельскіе хороводы на праздничные и будничные. Различіе это онъ видитъ въ томъ, что для праздничныхъ хороводовъ дѣлается особенная подготовка. «Женщины и дѣвушки одѣваются въ лучшіе наряды — пред-

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, напр., въ новгородской губерніи, и понынѣ на крестьянскомъ жаргонѣ говорится не хороводъ, а короводъ («Путевыя письма», П. Якушкина).

*) «Обычное право», Е. Якушкина; подробнѣе — въ книгѣ А. Смирнова: «Очерки семейныхъ отношеній».

Лисица на охотѣ.

Рисоваль Адт. Ръзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА ПЕТРА СОКОЛОВА.

Охота на глухари.
Гравировано на дереве въ „Варшавской полиграфической“.

метъ особенной заботливости поселянъ. Сельскія дѣвушки закупаютъ для сего ленты, платки на ярмаркахъ. Изъ мірской складчины онѣ покупаютъ для хороводницы платокъ и коты (?).

Тотъ-же авторъ дѣлитъ еще хороводы на городскіе и сельскіе, но такая безъ нужды раздробительная классификація ничего намъ не поясняетъ и едва-ли въ дѣйствительности существуетъ. Тогда слѣдовало-бы выдѣлить еще одну категорію хороводовъ, имѣвшихъ мѣсто при крѣпостномъ правѣ, когда на барскій дворъ «сгоняли» изъ деревни бабъ и дѣвокъ водить хороводы на потѣху «господъ» и ихъ гостей. «Раздолье было шумное и гулкое, когда бояринъ жилъ въ селѣ и справлялъ Никольщину», оживляя ее хороводами, какъ особымъ видомъ «барщины».

Обращаясь къ опредѣленію другихъ общихъ характеристическихъ чертъ хоровода, слѣдуетъ указать на то, что они всегда и вездѣ сопровождаются хоровымъ пѣніемъ всѣхъ участниковъ игры, нерѣдко съ содѣйствіемъ флейты, дудки или гармоніи, что пѣсни поются при этомъ, именно хороводныя, содержание которыхъ и напѣвъ строго соотвѣтствуютъ самой игрѣ и ея символическому значенію. Затѣмъ, какъ во всякомъ русскомъ хоровомъ пѣніи есть запѣвало, такъ и въ хороводѣ ведутъ, большею частью, особые специалисты—избранные мастера своего дѣла—«хороводники» либо «хороводница».

И еще вотъ какая общая особенность русскаго хоровода, весьма удачно подмѣченная однимъ знатокомъ народнаго быта, г. Южаковымъ.

«Поразителенъ переходъ, говоритъ онъ, описывая деревенскіе хороводы, отъ веселыхъ пѣсней къ заунывнымъ; отъ шутокъ, отъ рѣзвой игры къ тихой и скромной задумчивости, къ глубокой скорби: онъ какъ-то озадачиваетъ посторонняго слушателя. «Невольно мнѣ бросалось въ глаза, что если одинъ затянетъ заунывную пѣсню,—веселье въ сторону: и смѣхъ, и крики, и веселыя пѣсни замолкаютъ и всѣ пристанутъ къ заунывной пѣснѣ». «Я былъ въ хороводѣ въ одной сѣверной губерніи. Немного въ сторонѣ отъ него собралась небольшая кучка дѣвокъ, бабъ и парней. Хороводъ былъ въ полномъ ходу. Эта небольшая кучка затянула заунывную пѣсню и перетянула къ себѣ весь хороводъ».

Г. Южаковъ называетъ эту черту «общерусской струной». И дѣйствительно, въ русскомъ весельи—въ гульбѣ-ли, въ пѣснѣ или пляскѣ—элементъ скорби, выражающійся иногда въ дикихъ порывахъ молодецкой удалы и кипучей страсти, звучитъ неумолкающей ноткой, то заатаенной, то хватающей за сердце своей заунывной выразительностью и глубиной.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ прошлаго и настоящаго Америки.

Ст. Н. В. Шелгунова.

(Продолженіе.)

IV.

Конецъ войны.

Предпріятіе, о которомъ пророчилъ Вашингтонъ, было побѣдой при Принцтоунѣ. Сраженіе это, ничтожное по размѣру, было важно по своимъ послѣдствіямъ.

Военный планъ англійскихъ главнокомандующихъ заключался въ единовременномъ дѣйствіи на сѣверѣ и на югѣ. Ни тотъ, ни другой планъ завоеванія Америки англичанамъ не удался. На сѣверѣ планъ этотъ былъ уничтоженъ битвой подъ Саратогой, гдѣ былъ разбитъ Бургоннъ; на югѣ—битвой подъ Йорктоуномъ, въ которой сдался лордъ Корнвалисъ. Трудности этихъ побѣдъ были тѣмъ болѣе велики, что американцамъ приходи-

лось переносить всевозможныя лишенія. Напримѣръ, въ сѣверной мѣстности подъ Филадельфіей, гдѣ Вашингтонъ выбралъ для себя крѣпкую позицію, не было ни одного жилого дома, ни одной деревни, чтобы расположиться наблюдательному корпусу. На бѣду еще пенсильванцы начали склоняться на сторону англичанъ и не хотѣли ничего продавать американцамъ. Округъ Веллейфортъ представлялъ лѣсистую мѣстность. Войска вырубали деревья и выстроили шалаши для офицеровъ и солдатъ. Только для генераловъ были выстроены отдѣльныя хижины. Даже Вашингтонъ терпѣлъ крайнее стѣсненіе въ помѣщеніи. Только когда пріѣхала въ лагерь его жена, была пристроена къ дому особая столовая. Лагерь былъ окруженъ глубокими рвами и высокими шанцами и изображалъ собою какъ бы правильно выстроенный городъ. Американцевъ считалось 11,089 человекъ и изъ нихъ почти 3,000 были боевые и почти голодные люди, неспособные къ службѣ. Правильнаго снабженія арміи припасами не существовало и армія безпрестанно терпѣла страшный недостатокъ въ пищѣ. Втеченіи нѣсколькихъ дней былъ даже положительный голодъ. Вашингтонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ удивляется, какъ эти голодные, голые люди еще не взбунтовались. Къ недостатку пищи присоединился недостатокъ въ теплой одеждѣ и въ одеялахъ. Армія спала по очереди. Пока одна половина ея спала, другая сидѣла у костровъ и ждала своей очереди. Ничего нѣтъ удивительнаго, что явились побѣги и милиціонеры не обнаруживали доблестей старыхъ испытанныхъ солдатъ. Еще бы! Сѣверныя области изображали тогда собою почти полную пустыню, перерѣзанную безчисленными водными источниками и болотами. Конечно, эти неудобства для американцевъ были неудобствами и для англичанъ и неудобствами этими американцы старались пользоваться, чтобы по возможности стѣснить движеніе впередъ своихъ противниковъ. Вездѣ, гдѣ можно было хотя чѣмъ-нибудь замедлить движеніе англичанъ, американцы старались замедлить и война съ ихъ стороны приняла характеръ гверильяской. На англичанъ дѣлали внезапныя нападенія, опустошали ихъ путь, лишали ихъ возможности пріобрѣтенія жизненныхъ припасовъ и вообще всѣми мѣрами затрудняли ихъ движеніе. Бывали такіе случаи, когда американскіе стрѣлки вѣзали на деревья и, скрытые листвою, стрѣляли въ англичанъ, какъ въ стадо. Такъ было съ англійскимъ отрядомъ на пути его къ Саратогѣ.

Подъ этимъ именемъ извѣстно одно изъ самыхъ блистательныхъ дѣлъ изъ всей американской войны. Англійская армія была окружена подъ Саратогой со всѣхъ сторонъ и, лишняя припасовъ, должна была сдаться. Англійскій генералъ соглашался на сдачу подъ почетными условіями, но командиръ американскаго отряда потребовалъ, чтобы британская армія сдалась, какъ военнопленные. Подъ Саратогой американцамъ досталось 6 генераловъ и 5,000 солдатъ, 5,000 ружей, 27 пушекъ. Это блистательное дѣло подѣйствовало возбуждающимъ образомъ на американцевъ, а британцами, понятно, было принято съ тѣмъ большимъ огорченіемъ, что они смотрѣли на американцевъ, какъ на взбунтовавшихся колонистовъ, которыхъ легко подавить силою оружія. Сохранилось извѣстіе, что благочестивые люди Америки усмотрѣли въ этомъ счастливымъ для нихъ обстоятельствомъ нѣкоторый даже мистическій смыслъ. Мистическій смыслъ заключался въ числѣ семь, которое вообще играетъ важную роль въ событіяхъ всемірной исторіи. Они ссылались на святое писаніе, въ которомъ число семь признается синонимомъ полноты и совершенства. А что именно число семь должно было играть такую роль подъ

Саратогой доказывается тѣмъ, что англійскій генералъ командовалъ 7,000 человекъ, что событіе совершилось въ семнадцатый годъ правленія тирана Георга III, седьмого монарха со времени тирана Карла I. Наконецъ, въ седьмой годъ и семь мѣсяцевъ послѣ перваго столкновенія англичанъ съ американцами.

Прошло немного времени со времени битвы подъ Саратогой, когда центр тяжести перенесся на югъ и побѣда надъ Корнвалисомъ послужила началомъ переговоровъ о мирѣ. И на югѣ американцамъ пришлось испытать много лишений, которыя они переносили съ замѣчательнымъ мужествомъ и терпѣніемъ. Впрочемъ, нужно замѣтить, что частые случаи мелкихъ удачъ американцы приписывали особому покровительству неба. Съ другой стороны, надежды англичанъ, что монархическое населеніе Виргиніи неособенно будетъ имъ препятствовать, кажется, тоже не оправдались. Былъ такой случай. Въ южной арміи Вашингтона обнаружилось непослушаніе. Солдаты убили своего капитана, ранили нѣсколько офицеровъ и надѣлали цѣлый рядъ безчинствъ. Вашингтонъ, понимавшій, что у солдатъ было основаніе къ неудовольствію, приказалъ обойтись съ бунтовщиками снисходительно. Мѣра эта подѣйствовала и мятежники успокоились. Затѣмъ часть солдатъ, отслужившихъ срокъ службы, получили неуплаченное имъ жалованье и отпущены домой. Вотъ этихъ-то недовольныхъ англійскій генералъ и хотѣлъ переманить на свою сторону. Онъ подослалъ къ нимъ эмисаровъ, которымъ солдаты отвѣтили, что они «честные американцы», и затѣмъ выдали искусителей своему начальству. Искусители были преданы суду и разстрѣляны.

По общему ходу событій этотъ фактъ и долженъ былъ случиться именно въ такомъ видѣ. Не смотря на отдѣльные случаи измѣнъ, которые, въ сущности, имѣли менѣе яркій характеръ, ибо американская война считалась войной междоусобной и въ самой Америкѣ не все населеніе одинаково относилось къ вопросу о независимости,—характеръ событій все-таки намѣчался людьми, заправлявшими ходомъ дѣла. Поэтому патріотическое воодушевленіе американцевъ должно было окончиться «пятымъ актомъ», какъ называлъ Лафайетъ капитуляцію лорда Корнвалиса. Англійскій генералъ, располагавшій 7,000 войска, былъ окруженъ 18,000 французовъ и американцевъ и принужденъ былъ сдаться. Этимъ «пятымъ актомъ» закончилась семилѣтняя опустошительная война за независимость. «Душевные поздравленія по случаю славной новости» писалъ Франклинъ Джону Адамсу: юный Геркулесъ въ колыбели задушил свою вторую змѣю. Первой былъ Бургоннъ при Саратогѣ. Будущая исторія его будетъ соотвѣтствовать такому началу.

Если судить по тѣмъ свѣденіямъ, которыя сообщались въ Европу о состояніи американскаго войска, то, конечно, успѣхи слѣдуетъ приписать особому покровительству, какъ это и думали американцы. Напримѣръ, графъ Кошамбъ доносилъ французскому министру Вержену: «свѣжія войска въ 20,000 человекъ, новый большой флотъ и много денегъ нужно, чтобы освободить эту страну отъ ея враговъ. На здѣшнихъ людей нельзя полагаться. Они не имѣютъ ни денегъ, ни кредита. Правительство принимаетъ свои собственныя бумажки только въ отношеніи 40 къ 1. Силы возстанія достаточны только на минуту. Когда на американцевъ нападаютъ въ ихъ отечествѣ, они сходятся, обороняются и бѣгутъ опять домой. Вашингтонъ командуетъ иногда тринадцатью, иногда только тремя тысячами человекъ». Особенно въ послѣдніе два года война шла какъ-то особенно вяло, хотя англичане именно теперь-то и поступали съ особенной

жестокостью. Англичане боялись, что французы оказывают американцамъ помощь съ заднею мыслью и хотятъ американскія колоніи присоединить къ себѣ. И вотъ, чтобы Америка не досталась французамъ въ особенно цвѣтущемъ видѣ, англичане предавали огню и мечу все, что ни встрѣчали и съ такой же безпощадностью поступали и съ американцами. Подобно пынѣшнимъ туркамъ, они не брали плѣнныхъ, а убивали ихъ. Къ этимъ, такъ сказать, внѣшнимъ бѣдствіямъ присоединились еще и внутреннія. Последніе годы войны были самыми тяжкими годами для американцевъ. Вербовка солдатъ затруднялась все больше и больше, денегъ не было, провіанту тоже. Незадолго до капитуляціи Корнвалиса американскіе генералы писали: «У насъ припасовъ всего на нѣсколько дней. Если не явится скорая помощь, мы погибнемъ. Если бы непріятель былъ проникательнѣе и правильно употреблялъ свою силу, мы бы давно были окончательно уничтожены». Печальное положеніе американцевъ было хорошо извѣстно въ Лондонѣ и тамъ надѣялись, что если американцамъ не будетъ оказана внѣшняя помощь, они должны будутъ покориться. Но чужая помощь именно и была оказана и американцы не покорились.

Американское движеніе вызвало въ Европѣ сильное сочувствіе частью людей прогрессивнаго образа мыслей, мечтавшихъ о восстановленіи свободы народовъ, какъ, напримѣръ, Лафайетъ, Костюшко, частью европейскіхъ правительствъ, смотрѣвшихъ непріязненно на англійское преобладаніе.

Прогрессивные европейцы, воодушевленные любовью къ свободѣ, къ восстановленію человѣческихъ правъ, думали найти въ Америкѣ осуществленіе своихъ идеаловъ. Они надѣялись, что по ту сторону Атлантическаго океана создадутся лучшія условія жизни, для старой Европы неизвѣстныя, и въ республиканскихъ учрежденіяхъ видѣли единственную форму для возможности осуществленія своихъ стремленій. Конечно, сочиненія Руссо очень помогли этой вновь пробудившейся любви къ республиканскимъ учрежденіямъ и республиканскимъ идеямъ. Пристрастіе къ Америкѣ, на которое теперь было устремлено всеобщее вниманіе, было такъ велико, что чопорная Европа забыла свои прежнія причудливыя моды и стала подражать американцамъ даже въ одеждѣ. Мужчины носили длинные сюртуки и длинные жилеты на ватѣ въ родѣ тѣхъ, какіе носилъ Вашингтонъ, а европейскія дамы стали носить очень скромныя и темныя цвѣтовъ платья. Про воодушевленіе молодежи, особенно французской, и говорить нечего. Къ числу этихъ воодушевленныхъ юношей принадлежалъ и девятнадцатилѣтній Лафайетъ. Маркизъ и богачъ, годовой доходъ котораго превосходилъ 200,000 ливровъ, что въ тѣ времена составляло громадное состояніе, Лафайетъ былъ членомъ одной изъ самыхъ почетныхъ и вліятельныхъ фамилій во Франціи. Молодой, прекрасно образованный, умный, энергическій, женатый на дѣвушкѣ изъ дома Ноалей, Лафайетъ могъ рассчитывать на будущее, какого только можетъ желать человѣкъ и, не смотря на это, не смотря на убѣдительныя просьбы жены, друзей, заклинившихъ его остаться при дворѣ, онъ, воодушевленный чувствомъ свободы и служенія человѣчеству, отправился въ Америку. Американцы уже были нѣсколько знакомы съ европейскими авантюристами, предлагавшими свои услуги и Лафайету угрожалъ сухой пріемъ. Зная, что конгрессъ рѣшилъ не принимать больше иностранныхъ офицеровъ, Лафайетъ написалъ къ президенту письмо, въ которомъ говоритъ, что послѣ всѣхъ его пожертвованій, онъ имѣетъ право просить двухъ милостей: «служить на свой счетъ и—для начала служить волонтеромъ». Конгрессъ увидѣлъ,

что въ лицѣ Лафайета явился не заурядный человѣкъ или искатель приключеній и послѣдовалъ нижеслѣдующій приказъ по войскамъ: «Такъ какъ маркизъ Лафайетъ изъ за великой любви къ дѣлу свободы оставилъ въ отечествѣ свою семью, друзей и знакомыхъ, на свой счетъ прибылъ сюда, чтобы предложить свои услуги Соединеннымъ Штатамъ, готовъ жертвовать своей жизнью безъ пенсіи или какого бы то ни было вознагражденія для нашего дѣла—то мы рѣшили, принимая во вниманіе его рвеніе, его знаменитую фамилію и его высокія связи, дать ему въ войскѣ Соединенныхъ Штатовъ рангъ и мѣсто генераль-майора». Лафайету было тогда 20 лѣтъ. Съ Вашингтономъ онъ познакомился на одномъ обѣдѣ въ Филадельфіи. Хотя Вашингтонъ и былъ окруженъ множествомъ офицеровъ и гражданъ, но онъ настолько выдавался изъ всѣхъ своимъ величественнымъ и простымъ обращеніемъ и импонирующей наружностью, что сразу возбудилъ въ Лафайетѣ чувство почтительной симпатіи. Лафайетъ тоже произвелъ на Вашингтона очень хорошее впечатлѣніе; онъ отнесся къ нему дружески съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: «Смотрите на мой домъ и на главную квартиру, какъ на ваше отечество. Съ этого часу вы членъ моего семейства» «Пріятностей двора, прибавилъ Вашингтонъ улыбаясь,—я вамъ, конечно, доставить не могу. Вы теперь американскій солдатъ и, надѣюсь, вы будете охотно подчиняться правамъ, обычаямъ и лишеніямъ республиканской арміи». Вскорѣ Лафайету пришлось доказать на дѣлѣ свое благоразуміе и храбрость; при взятіи въ плѣнъ лорда Корнвалиса Лафайетъ игралъ главную роль.

Костюшко, прозванный «героемъ свободы обѣихъ частей свѣта и для всѣхъ расъ», оказалъ Америкѣ не меньшія услуги. Онъ пріѣхалъ въ Америку съ рекомендательными письмами Франклина и Вашингтонъ сразу же оцѣнилъ его таланты. Костюшко былъ назначенъ инженеромъ сѣверной арміи, которой оказалъ во многихъ случаяхъ положительно драгоцѣнныя услуги. Въ одномъ изъ писемъ къ президенту конгресса, Вашингтонъ называетъ Костюшко «ученымъ и достойнымъ человѣкомъ».

Нельзя умолчать при этомъ и объ услугахъ, оказанныхъ американской арміи нѣмцами. Пруссаки уже въ то время были извѣстны, какъ лучшіе мастера военной дисциплины. Самые большія услуги въ этомъ родѣ оказалъ американцамъ Стейбенъ, при содѣйствіи котораго безпорядочное стадо американскихъ милиціонеровъ было превращено въ организованную армію. Вашингтонъ не могъ нахвалиться талантами честнаго нѣмца, воспитаннаго въ школѣ прусской дисциплины и который, не зная ни слова по англійски, сумѣлъ приучить къ порядку и слѣпому повиновенію людей, меньше всего желавшихъ подчиниться какому либо порядку. Стейбенъ занималъ мѣсто генераль-инспектора и умѣлъ такъ хорошо понять духъ и характеръ своихъ учениковъ, что достаточно было одного его слова и даже взгляда, чтобы исполнились съ точностью его приказы. Кромѣ Стейбена нашлось немало нѣмцевъ, пріѣхавшихъ въ Америку изъ Европы, чтобы подобно Лафайету и другимъ французамъ сражаться за свободу. Нѣмцы переселенцы и американцы нѣмецкаго происхожденія образовывали цѣлыя полки и полки эти считались самыми надежными, наиболѣе дисциплинированными и наиболѣе пригодными для дѣла, гдѣ требовались рѣшимость и смѣлость. Виргинскимъ нѣмецкимъ полкомъ, однимъ изъ лучшихъ американскихъ полковъ, командовалъ генералъ Мюленбергъ, бывшій до войны пасторомъ. Главнымъ хлѣбопекомъ арміи былъ тоже нѣмецъ и, какъ говорятъ, на этомъ, повидимому, незначительномъ мѣстѣ нѣмецъ-хлѣбпекъ оказалъ вой-

нѣ за независимость большія услуги, чѣмъ иной генералъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Къ рисункамъ.

Изъ поэмы Байрона: Донъ-Жуанъ, два рисунка г. Зичи. Знаменитая поэма лорда Байрона есть, какъ извѣстно, сатира на англійское общество, на лицемеріе, которыми это общество такъ пропитано. Это, впрочемъ, онъ и самъ объясняетъ, говоря: «Don-Juan is a satire on the abuses in the present state of society, and not on eulogy of vice». Но эта сатира облечена у великаго поэта въ особенно оригинальную и новую форму: для того, чтобы ярче изобразить лицемеріе и ханжество англійскаго общества, онъ описываетъ свободные, эпикурейскіе нравы юга. Героемъ своимъ онъ выбралъ «нашего стараго друга» Донъ-Жуана, который всегда такъ возмущалъ англійскихъ моралистовъ. Но ужаснѣе всего то, что этотъ Донъ-Жуанъ вовсе не золь, не эгоистъ, не гадокъ; онъ не обольститель, не развратникъ; правда, при удобномъ случаѣ онъ отдается своему чувству, такъ какъ у него есть сердце и нервы, а подъ жаркимъ солнцемъ кровь кипитъ и въ шестнадцать лѣтъ невозможно сопротивляться наплыву чувства. Донъ-Жуанъ путешествуетъ и тутъ-то на пути съ нимъ случаются всякія приключенія, которыя должны были не мало шокировать чопорныхъ англійскихъ леди. Въ Испаніи одинъ мужъ засталъ его въ спальнѣ жены; выкинутый вслѣдствіе кораблекрушенія на берегъ греческаго острова, онъ влюбляется въ Гаиде и въ этой любовной идилліи проводить нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ его хватаютъ пираты и продаютъ въ Константинополь. Тамъ влюбляется въ него султанша, онъ попадаетъ въ гаремъ и встрѣчается съ Дуду. Изъ гарема онъ бѣжитъ, переходитъ въ русскую армію и участвуетъ во взятіи Суворовымъ Измаила. Оттуда онъ попадаетъ въ Петербургъ, дѣлается любимцемъ Екатерины, которая посылаетъ его въ Лондонъ посланникомъ. Въ Англій дѣло тоже не обходится безъ приключеній въ брачныхъ садахъ аристократіи. Но Байронъ не окончилъ своей поэмы,—въ ней только шестнадцать пѣсенъ и такимъ образомъ она является только отрывкомъ. По первоначальному плану Донъ-Жуанъ долженъ былъ еще объѣхать Италію и Германію и погибнуть во французской революціи. Въ одномъ изъ оставшихся писемъ Байрона, поэтъ пишетъ: «Я намеревался заставить его объѣхать Европу, участвовать въ осадахъ, битвахъ и разныхъ приключеніяхъ и погибнуть (какъ Анахарзисъ Клоотцъ) во французской революціи... Я хотѣлъ сдѣлать его cavalier servant въ Италіи, причиной развода въ Англій и сентиментальнымъ господиномъ въ вертеровскомъ родѣ въ Германіи, чтобы показать тѣмъ различныя смѣшныя стороны каждой изъ этихъ странъ и представить, какъ онъ постепенно, съ лѣтами, дѣлался все болѣе и болѣе испорченнымъ и разочарованнымъ. Но я еще не рѣшилъ, какъ онъ долженъ покончить—адамъ, или несчастнымъ бракомъ: не знаю, что хуже».

Г. Зичи выбралъ для своихъ рисунковъ третью пѣсню поэмы. Въ первомъ рисункѣ талантливый художникъ изображаетъ намъ, какъ Гаиде и ея служанки переносятъ въ гротъ Донъ-Жуана, который бурей былъ выкинутъ на греческій островъ. Вотъ какъ это событіе разсказано у Байрона: «Бродя въ этотъ день при солнечномъ закатѣ у подножія береговыхъ скалъ, нечаянно увидела она безчувственнаго и, хотя еще не мертвого, но близкаго къ смерти Жуана, истомленнаго голодомъ и почти задохавшагося. Сначала видъ голаго человѣка, само собой разумѣется, ее немного сконфузилъ, но, повинувшись чувству человѣколюбія, пробудившемуся при видѣ умирающаго—и при томъ съ такой нѣжной, бѣлой кожей—иностранца, она сочла своимъ долгомъ помочь ему, на сколько это было въ ея силахъ. Она, однако, понимала, что привести его въ родительскій домъ было бы не согласно ея добрымъ намѣреніямъ... Старикъ не походилъ на великодушныхъ разбойниковъ арабовъ. Онъ, правда, принялъ бы иностранца въ свой домъ и вылѣчилъ бы, но съ единственною цѣлью продать его въ неволю. Поэтому, посоветовавшись съ служанкой (что дѣвушки дѣлаютъ всегда), Гаиде рѣшила помѣстить его въ гротѣ. Когда же очнувшійся Жуанъ открылъ свои прекрасные черные глаза, жажда состраданія до того возрасла въ обѣихъ женщинахъ, что уже одно это могло отворить имъ на половину двери рая. (Святой Павелъ сказалъ, что милосердіе есть пошлость, взимаемая при входѣ въ райскія ворота)...»

Ко второму рисунку относятся слѣдующія слова поэмы: «Войдя въ пещеру быстрыми, но осторожными шагами, Гаиде увидѣла, что Жуанъ спалъ сномъ невиннаго ребенка. Тогда, точно испугавшись

(потому что сонъ имѣетъ въ себѣ что-то внушающее страхъ), она остановилась и, подойдя на цыпочкахъ, прикрыла его теплѣе, чтобы предохранить отъ сырости раннего утра. Затѣмъ склонилась надъ спящимъ и долго глядѣла ему въ лицо, точно хотѣла дышать однимъ съ нимъ воздухомъ. Подобно ангелу, припавшему къ изголовью умирающаго праведника, стояла Гаиде надъ Жуаномъ, лежавшимъ передъ нею съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто надъ нимъ былъ простертъ покровъ тишины и мира. Зоя (служанка) между тѣмъ варила яйца, зная очень хорошо, что въ концѣ концовъ, парочка все-таки захочетъ завтракать... Она знала, что самыя нѣжныя чувства не уничтожаютъ аппетита...

Мать, рисунокъ К. Брюлова (съ акварели, изъ альбома князя Сергія Александровича Голицына). Этотъ легкій акварельный эскизъ, который можетъ служить pendant къ другому рисунку Брюлова («Въ ожиданіи новаго члена семьи», помѣщенному въ № 3 «Живописнаго Обозрѣнія»), такъ сказать, дополняетъ его. Въ первомъ мы видѣли ожиданіе новаго члена семьи, во второмъ — онъ уже явился и вошелъ уже въ свои права: за нимъ ухаживаютъ, дѣлѣтъ его и доставляютъ возможные удовольствія. Теперь, на рукахъ матери, онъ любитъ итальянскимъ небомъ. Превосходное освѣщеніе этихъ двухъ фигуръ сообщаетъ рисунку такой теплый характеръ, который такъ свойственъ южной природѣ. Подробности и аксессуаръ также хороши, какъ и въ первомъ рисункѣ, и вполне правдивы.

Смѣсь.

— Чудо XIX столѣтія. New-York-Herald рассказываетъ, что въ г. Мичиганѣ (въ Америкѣ) найденъ человѣкъ — черепаха и этотъ субъектъ находится въ настоящее время въ домѣ призрѣнія бѣдныхъ. Ему 32 года; ростомъ онъ около 4 футовъ, говорить не можетъ, но нѣсколько понимаетъ то, что ему говорятъ; руки и ноги у него короткія и выворачиваются, какъ плавники рыбъ, перетянуты они плавательными перепонками желтоватаго цвѣта, вмѣсто пальцевъ клешни, кожа также шаршава, какъ у черепахи; кожа спины покрыта жесткимъ, твердымъ кожистымъ слоемъ, ежегодно твердѣющимъ. Голова его есть скорѣе продолженіе шеи и оканчивается почти также, какъ голова змѣи, лицо плоское, носъ плоскій, съ широкой выемкой ротъ, большіе бѣгающіе глаза, затылокъ плоскій, какъ бы сдавленный, нижняя часть спины покрыта черной щетиной. Онъ поминутно ворочаетъ головою изъ стороны въ сторону. Онъ очень смирный и добрый, главное его наслажденіе — купаніе; онъ любитъ долго оставаться въ водѣ; любимая пища его — рыбы. Пока еще неизвѣстно, отъкуда онъ.

— Открытіе новой породы людей. Въ «Од. Вѣст.» пишутъ: На островѣ Борнео, такъ рассказываетъ издающаяся въ Сіамѣ англійская газета, существуетъ порода дикихъ созданий, разновидности которой открыты также на Филиппинскихъ островахъ, въ землѣ Фунго и въ Южной Америкѣ. Эти люди ходятъ почти прямо на двухъ ногахъ и достигаютъ четырехъ футовъ (около 2 арш.) высоты. Они не строятъ жилищъ, не знаютъ семейныхъ отношеній, почти не живутъ вмѣстѣ, спятъ въ пещерахъ и на деревьяхъ, питаются змѣями, наскомыми, муравьиными яйцами, а иногда поѣдаютъ другъ друга. Ни приручить, ни заставить ихъ работать нельзя; за ними охотятся въ лѣсахъ, какъ за обезьяной-гориллой, на которую они до нѣкоторой степени похожи, и убиваютъ. Если удастся поймать ихъ живыми, то, къ общему удивленію, оказывается, что странные, гогочущіе звуки, которые они издаютъ, напоминаютъ человѣческой голосъ. Въ лицахъ ихъ есть человѣческое выраженіе, словомъ, это человѣческія существа.

— Международная премія. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано слѣдующее: Постановленіемъ отъ 14-го декабря 1874 года, его величество король бельгийцевъ учредилъ ежегодную премію въ двадцать пять тысячъ франковъ. Премія эта, предназначенная для международного соисканія, будетъ присуждена въ 1881 году за лучшее сочиненіе о способахъ устройства портовъ на низменныхъ и песчаныхъ приморскихъ берегахъ, подобныхъ берегамъ Бельгіи. Иностранцы, участвующіе въ конкурсѣ, приглашаются къ представленію своихъ сочиненій, напечатанныхъ или рукописныхъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ Брюсселѣ, до 1-го января 1881 года. Рукописное сочиненіе, удостоенное преміи, должно быть издано авторомъ в теченіи года, слѣдующаго за тѣмъ годомъ, въ который присуждена премія. Премія присуждается особымъ комитетомъ, назначеннымъ его величествомъ королемъ бельгийцевъ. Комитетъ будетъ состоять

изъ семи членовъ, изъ числа коихъ три бельгіяца и четыре иностранца разныхъ національностей.

Шахматный отдѣлъ.

Въ Обществѣ любителей шахматной игры (у Синяго моста, домъ Якунической, кв. 17) 12 февраля начнется турниръ-гандикапъ (съ дачей впередъ), условія котораго уже объявлены. Участвующіе въ турнирѣ игроки будутъ раздѣлены на 5 категорій. Игроки 1-й категоріи должны давать остальнымъ впередъ пѣшку и ходъ, пѣшку и два хода, коня и ладью; игроки 2-й категоріи даютъ игрокамъ 3, 4 и 5-й категорій впередъ пѣшку и ходъ, пѣшку и два хода и коня и т. д. Каждый съ каждымъ долженъ сыграть по 2 партіи и выигравшимъ наибольшее число партій будутъ выданы призы. Турниръ начнется 12 февраля. Желающіе принять въ немъ участіе, какъ члены, такъ и гости, должны записаться до 11 февраля.

Въ настоящее время наибольший интересъ среди петербургскихъ шахматистовъ возбуждаетъ результатъ матча между здѣшними сильными игроками г. Алапинымъ и г. Шифферсомъ. Это состязаніе начато еще въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года на условіи, что побѣдителемъ будетъ считаться тотъ изъ нихъ, кто первый выиграетъ 7 партій. Въ маѣ и іюнѣ было сыграно всего 4 партіи; двѣ выигралъ г. Алапинъ, одну г. Шифферсъ и одна была ничья. Затѣмъ состязаніе было приостановлено; въ декабрѣ мѣсяцѣ вновь возгорѣлась борьба, но не продолжительная: было сыграно всего только 3 партіи, которыя выигралъ г. Шифферсъ; съ 18 декабря состязаніе опять приостановилось и вѣроятно ему не будетъ конца. Партіи этого матча помѣщены въ журналѣ «Шахматный листокъ».

ПАРТІЯ № 6.

Русская партія.

Игралъ въ Парижѣ въ 1858 г.

П. Морфи.

Потье.

Бѣлые.

Черные.

1. e2—e4

1. e7—e5

2. К g1—f3

2. К g8—f6 a

3. С f1—c4 b

3. К f6 : e4

4. К b1—c3 c

4. К e4—f6

5. К f3 : e5

5. d7—d5

6. С c4—b3

6. С f8—e7

7. d2—d4

7. c7—c6

8. 0—0

8. К b8—d7 d

9. f2—f4

9. К d7—b6 e

10. Ф d1—f3

10. h7—h5

11. f4—f5

11. Ф d8—c7

12. С c1—f4

12. С e7—d6

13. Л a1—e1

13. Кр e8—f8

14. Ф f3—g3

14. h5—h4 f

15. К e5—g6 †

15. Кр f8—g8 g

16. С f4 : d6

16. h4 : g3

17. С d6 : c7

17. f7 : g6

18. f5 : g6

18. g3 : h2 †

19. Кр g1—h1

19. С c8—g4

20. Л e1—e7

20. К b6—d7

21. С c7—e5

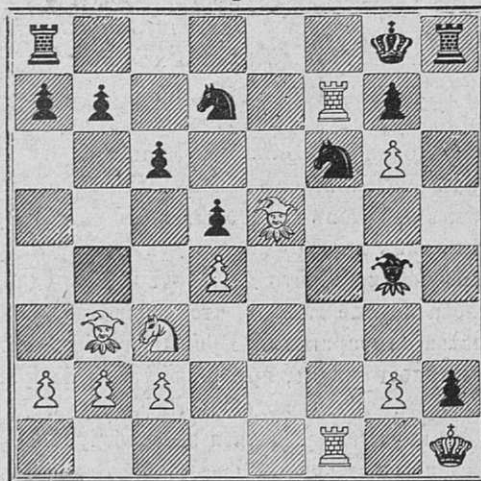
21. Кр g8—f8

22. Л e7—f7 †

22. Кр f8—g8 h

Положеніе партіи послѣ 22 хода черныхъ.

Черные.

Бѣлые.

23. К c3 : d5!

23. c6 : d5

24. С b3 : d5

24. К d7—b6

25. С d5—b3 черные сдались.

Примѣчанія къ партіи.

a) Этотъ ходъ считаютъ вообще менѣе хорошимъ, чѣмъ К b8—c6; бѣлые могутъ получить впрочемъ самое незначительное преимущество (атаку въ самомъ началѣ), которое они сохраняютъ только при

совершенно безукоризненной своей дальнѣйшей игрѣ. Подробный анализъ этого начала сдѣланъ извѣстнѣйшимъ русскимъ теоретикомъ К. А. Янишемъ (уже умершимъ) и помѣщенъ въ Deutsche Schachzeitung'ѣ.

b) Лучшее продолженіе: 3. К f3 : e5, d7—d6! (если 3... К f6 : e4, то 4. Ф d1—e2, d7—d5; 5. d2—d3, Ф d8—e7; 6. d3 : e4, Ф e7 : e5; 7. e4 : d5 и бѣлые выиграли пѣшку); 4. К e5—f3, К f6 : e4; 5. d2—d4, d6—d5 (хорошій ходъ), 6. С f1—d3, С f8—e7; 7. 0—0, 0—0; 8. c2—c4, К e4—f6 или С c8—e6 и т. д.

c) Жертвуется пѣшка, чтобы скорѣе развить игру: 4... К e4 : c3; 5. d2 : c3 и черные, чтобы защитить пѣшку, должны играть f7—f6; если же 5... d7—d6, то 6. К f3 : e5, d6 : e5, 7. С e4 : f7 † и выигрываютъ ферзя: Кр e8—e7; 8. С c1—g5 †.

d) Въ партіи противъ сильнаго игрока достаточно потерять два-три темпа, а потомъ уже трудно наверстать потерянное время въ развитіи игры. Черные сдѣлали этотъ ходъ съ цѣлью перевести коня на b6, гдѣ онъ остался въ бездѣйствіи до конца игры, а бѣлые тѣмъ временемъ успѣли усилить атаку.

e) Брать коня тоже не хорошо; напр. 9... К d7 : e5; 10. f4 : e5, К f6—d7 (К f6—g4, 11. h2—h3); 11. Ф d1—g4 и если 0—0, то 12. С c1—h6; игра черныхъ во всѣхъ случаяхъ очень стѣснена.

f) Черные уже не могутъ спасти партію; если 14... С c8 : f5 то 15. К e5—g6 † и легко выигрываютъ; если же 14... С d6 : e5, то 15. d4 : e5 и 16. e5—e6, куда бы конь черныхъ не отступилъ.

g) Если 15... f7 : g6, то 16. С f4 : d6 †, Кр f8—g8; 17. С d6 : c7, h4 : g3; 18. f5 : g6—положеніе тоже что и въ партіи.

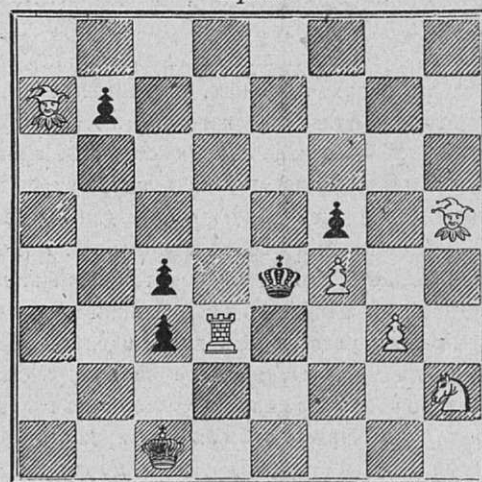
h) Положеніе интересное. Слѣдующее рѣшительное продолженіе бѣлыхъ довольно замаскировано.

i) Если 24... К d7 : e5, то 25. Л f7 : f6 X.

ЗАДАЧА № 13.

Д. В. Кларка. (въ Барнаулѣ.)

Черные.

Бѣлые.

Мать въ 2 хода.

Рѣшеніе задачи № 9 (въ № 52, 1879 г.)

1. С e1—g3

2. К f6—e4 X

1. Кр d6—c5

1. К куда угодно

2. Л e5 : d5 †† и мать.

1. Кр d6 : e5

2. Л d3 : d5 X

Правильное рѣшеніе прислали: К. Сердешневъ, А. Корсбергъ, А. Обуховскій.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 5-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 2 февраля въ 6 час. 30 минутъ утра, на провинциальную почту 6 февраля въ 6 час. 30 минутъ утра.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: «Борьба», стихъ Д. Михаловскаго. — Мѣста недавнихъ битвъ, очеркъ В. И. Немировича-Данченко. — Стихъ Д. Черткова. — Волкъ, ром. Эркмана-Шатриана. — Стихъ Д. Черткова. — Шарль Дамальи, ром. Эд. и Ж. Гонкуръ. — Пляски и танцы на Руси, Вл. Михневича. — Очерки изъ исторіи Америки ст. Н. В. Шелгунова. — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Шахматы. Рисунки: Мать, рисунъ Н. П. Брюлова. — 2 рис. къ роману «Волкъ». — 2 рис. Донъ-Жуанъ, М. Зичи. — Лисица на охотѣ, карт. Адта. — Охота на глухаря, карт. Петра Соколова.

За редактора, издатель Н. И. Шульгинъ.

При этомъ номерѣ прилагается второй двойной листъ романа А. Михайлова „Чужіе грѣхи“.

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 7.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цена отдѣльныхъ №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

16 Февраля 1880 года.

Отъѣздъ крестоносцевъ. КАРТИНА Г. ДОРЭ.

Нэлэна.

(Изъ римской жизни.)

Вл. Юрьева.

I.

Надъ Тибромъ прозрачнымъ густѣетъ туманъ,
Чуть слышно о берегъ дробится волна,
Къ волнѣ задремавшей склонился капитанъ
И вѣтви каштана цѣлуетъ она.
Ни шума, ни звука... Прохладною мглой
Одѣла Діана поля и лѣса,
Играетъ зефиръ съ темно-синей волной,
Глядятся въ зеркальной рѣкѣ небеса...
На виллѣ Светонія царствуетъ сонъ,—
Смежилъ онъ усталыя очи рабовъ...
Не спитъ лишь патрицій... Въ триклиніи онъ
Сидитъ одиноко, далекій отъ сновъ.
Какая-то дума видна на челѣ;
Забылъ онъ и кубокъ съ фалернскимъ виномъ...
«Ужели нѣтъ счастья на скучной землѣ?»
Такъ мыслить патрицій въ затишѣ ночномъ
И съ каждымъ мгновеньемъ чернѣй и чернѣй
Становятся грустныя мысли его!
Онъ молодъ,—но онъ презираетъ людей!
Онъ молодъ,—но онъ не любитъ никого!
Приляжетъ,—подушка его горяча:
Нѣтъ силы предаться чарующимъ снамъ.
Сидитъ онъ весь блѣдный. Спустилась съ плеча
Роскошная тога и пала къ ногамъ.
Но чу! гдѣ-то лира далеко звучитъ
И слышится чудная пѣсня любви.
Светоній прислушался, сердце стучитъ,
Какой-то огонь загорѣлся въ крови.
Накинувши тогу, онъ молча идетъ,
Какъ будто украдкой спускается въ садъ.
У самаго Тибра забытый есть гротъ,—
Пріютъ вѣчно-юныхъ прекрасныхъ Дріадъ.
На звуки той пѣсни неслышной стоной
По темнымъ аллеямъ идетъ онъ къ рѣкѣ,
А чудная пѣсня звучитъ вдалекѣ
И звуки несутся надъ спящей рѣкой...

II.

«Ко мнѣ, красавецъ молодой,
«Ко мнѣ скорѣй приди!
«Я обниму тебя рукой,
«Прижму къ моей груди!
«Нашъ міръ прекрасенъ: въ немъ живетъ
«Любовь и красота!
«Кирида намъ любовь дастъ,
«И счастье—не мечта.
«Слѣши, красавецъ молодой!
«На зовъ любви приди!
«Я вся горю... О дай, другъ мой,
«Тебя прижать къ груди!..

III.

Светоній смутился. Стоитъ недвижимо.
«Такъ вотъ та пѣвица!» Въ груди у него
Забилось сердце. Она передъ нимъ...
Вокругъ все заснуло! Вокругъ никого!
Сквозь вѣтви каштановъ сіяетъ луна;
И листья, и травы она серебрить;
О берегъ чуть слышно дробится волна.
Светоній предъ гротомъ, смущенный, стоитъ.
«Нэлэна, волшебная пѣсня твоя
На берегъ безмолвный меня привела.
Мнѣ скучно, мнѣ грустно! Измучился я!
О! Еслибъ меня исцѣлить ты могла?
Я гибну! Мнѣ счастья нѣтъ впереди!
Въ грядущее я ужъ не вѣрю давно...
Нэлэна, скажи мнѣ,—возможно-ль оно?
Найду-ли его у тебя на груди?»
Нэлэна взглянула. И онъ угадалъ
Согласье прекрасной рабыни своей.
Онъ вздрогнулъ. Въ восторгѣ въ объятья упалъ
И счастье узналъ онъ на сердцѣ у ней.
И долго у Тибра въ затишѣ ночномъ
Подъ кущей каштановъ въ безмолвной тѣни
Сидѣли, свободно обнявшись, они;
Ихъ очи горѣли могучимъ огнемъ.

IV.

Окончилась оргія; гости лежатъ
На ложахъ изъ травъ благоуханныхъ цвѣтовъ;
Смѣются, поютъ, говорятъ и шумятъ
Предъ вѣчно-безмолвной толпою рабовъ.
Патрицій Лициній съ улыбкою злой
Возвысилъ свой голосъ за общимъ столомъ.
«Послушай, Светоній, мой другъ молодой,
Я вижу: ты въ ссорѣ съ Фалерна виномъ.
Твой кубокъ высокій почти позабытъ,
Ты слушать не хочешь веселыхъ гостей...
Я слышалъ, что будто на виллѣ твоей
Есть дѣва-рабыня прекраснѣй Харитъ».
Всѣ гости смѣются. «Давайте вина!
Патрицій рабыню любить захотѣлъ!
Здоровье рабыни! Да гдѣ-же она?»
Безмолвный Светоній слегка поблѣднѣлъ.
И вотъ одолѣлъ онъ нѣмую борьбу,—
Съ отчаяньемъ страшнымъ, съ тоскою въ груди
Рукою махнулъ онъ и молвилъ рабу:
«Нэлэну Афинянку мнѣ приведи!»
Тотъ скрылся... Проходитъ мгновенья и вотъ—
Красавица дѣва явилась предъ нимъ.
У стража безмолвно копые онъ беретъ
И взглядомъ друзей онъ обвелъ ледянымъ:
«Друзья, поглядите,—прекрасна она?
Рабъ, снятъ ей одежду! Тунику долой!»
И прелести, будто Венера, полна,
Налэна стоитъ предъ толпой.
Запаясты сверкаютъ на чудныхъ рукахъ,
Румянецъ играетъ у ней на щекахъ,
Стройна, будто пальма ливійскихъ пустынь,
Стоитъ, какъ статуя одной изъ богинь,
Вздыхаетъ тихо прекрасная грудь...
Светоній такъ часто ее цѣловалъ!
И вспомнилъ патрицій и кубокъ чуть-чуть
Въ рукѣ его блѣдной на мигъ задрожалъ.
Все стихло и слышно какъ гдѣ-то вдали
Фонтанъ одинокій тихонько журчитъ...
И—дочь отдаленной свободной земли—
Безъ страха красавица дѣва стоитъ.
Светоній поднялся... Сверкнуло копые!
Нэлэна упала... Горячая кровь
Изъ груди струится... «Возьмите ее!»
Онъ молвилъ... И оргія вспыхнула вновь...

Огорченія вмѣсто обрученія.

Картины петербургской жизни въ 1-мъ дѣйствіи,
А. Трофимова.

дѣйствующія лица:

Настасья Ивановна Толоконцева, вдова,
чиновница.

Паша, ея внучка.

Александръ Семеновичъ Присыпкинъ,
жилецъ Толоконцевой, служащій въ частномъ
мѣстѣ.

Прасковья Михайловна Коровкина, даль-
няя родственница Толоконцевой.

Густавъ Ивановичъ Венигъ, начальникъ
Присыпкина.

Фанни.

Ивановна, нищая старуха.

Пиджакъ.

Рыжая борода.

Черные усы.

Красный капоръ.

1-й } сослуживцы Присыпкина.
2-й }
3-й }

Родственники, гости и сосѣди.

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

Небольшая комната, убранная довольно небогато.
Прямо, ближе къ углу, входная дверь, налѣво отъ
нея большое раздвижное окно въ коридоръ; въ углу
круглая желѣзная печка. По правой сторонѣ два
окна съ дешевыми кисейными занавѣсками; налѣво,
ближе къ авансену, дверь въ другія комнаты; ря-
домъ съ нею другая небольшая дверка въ комнату
Присыпкина. Налѣво, на авансенѣ, диванъ, столъ
и стулья. Направо швейная машина.

ЯВЛЕНІЕ I.

Толоконцева и Паша.

Паша. Вы кого, бабушка, пригласили-то? Отъ
насъ-то, значить?

Толоконцева. Да кого пригласила, съ толку
вы меня сбили совсѣмъ съ затѣями-то вашими!

Паша. Да ну, полно вамъ! Говорите, кого?

Толоконцева. Перво-на-перво Ненилу Бо-
рисовну съ мужемъ, она недавно по случаю
купила отличное платье гродафриковое, ну и
онъ, что-жъ говорить, тоже прилично одѣтъ бу-
детъ.

Паша. Это, бабушка, хорошо, а еще кого?

Толоконцева. А потомъ еще Александру
Петровну. Она свое фаеовое платье одѣнетъ, вотъ
что еще недавно послѣ покойницы продавалось.

Паша. Ну, и это ничего. А еще кого?

Толоконцева. Да звала Василья Лукича,
такъ вѣдь ишь вы затѣяли! Хотѣлъ идти, да
нельзя, говорить.

Паша. Это отчего?

Толоконцева. А оттого, что вы безпрерѣнно
хотите, чтобъ всѣ во фракахъ или вицъ-мунди-
рахъ были, а у него этого нѣтъ.

Паша. Какъ-же, бабушка, нѣтъ, коли онъ
лѣтъ 50 въ департаментѣ прослужилъ, долженъ
же у него вицъ-мундиръ быть.

Толоконцева. Вотъ то-то и горе-то его.
Плохъ ужъ, говорить, совсѣмъ вицъ-мундиръ-то
сталъ, того и гляди разлѣзется, не въ чемъ, го-
ворить, и въ гробъ положить будетъ, когда по-
мру, а я, говорить, этого до смерти боюсь; луч-
ше ужъ, говорить, я къ вамъ совсѣмъ не приду,
а въ гробъ-то какъ есть настоящимъ чиповни-
комъ, при всей формѣ лягу; вотъ, говорить, если
бы можно было въ сюртукѣ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Присыпкинъ (входитъ при послѣд-
нихъ словахъ).

Присыпкинъ. Кто это въ сюртукѣ? Куда?
Къ намъ сюда? Никогда!

Толоконцева. Тѣфу ты, Господи прости! На-
пугалъ какъ! Ижно мнѣ въ голову ударило!

Присыпкинъ. Ничего, бабушка, пройдетъ! А
чтобы въ сюртукѣ быть кому, или, избави Богъ,
еще того лучше въ пиджакѣ — никакъ нельзя!
Помилуйте, генеральша старая привыкла къ
бантону, да и Густавъ Ивановичъ тоже, хоть и
не природный генераль, а все-жъ-таки такое
мѣсто занимаетъ, и вдругъ гости въ чемъ ни
попало! Чистый конфузъ!

Паша. Само собою, они, подико, пиджаковъ-
то никогда и отъ роду не видали по своему бла-
городству.

Присыпкинъ. Гдѣ-жъ имъ видѣть-то? Они
каждый день на балахъ, да на вечерахъ быва-
ютъ, а тамъ мовежанствомъ называется въ
пиджакѣ-то быть.

Паша. Пріѣдетъ-ли онъ только, унаси Боже?

Присыпкинъ. Кто это?

Паша. Да твой-то начальникъ. Вѣдь ишь, го-
ворятъ, какой онъ забвчивый.

Толоконцева. Ну, какъ же забыть, коли
общалъ!

Паша. Да, бабушка, говорятъ же вамъ, что
онъ совсѣмъ изъ ума выжилъ, разъ спросили,
какъ его зовутъ, такъ и то забылъ.

Присыпкинъ. Это съ нимъ часто бываетъ.
А то еще, рассказываютъ, лучше съ нимъ было:
онъ вѣдь крашенный весь, да на пружинахъ, да
и не видитъ ничего. Только разъ вечеромъ
ѣхалъ онъ куда-то и выходитъ въ залу, тамъ
освѣщенія-то полнаго не было и увидалъ онъ
на стѣнѣ свою тѣнь. Увидалъ, подскочилъ: что,
говорить, вамъ угодно? Кто вы такой? Разу-
мѣется, ему никто не отвѣчаетъ—онъ обозлился,
начинаетъ кричать, пальцемъ грозитъ самому-то
себѣ и тѣнь-то ему грозитъ тоже. Ужъ онъ кри-

чалъ, кричалъ, да, спасибо, камердинеръ скоро вышелъ, оттащилъ, да объяснилъ! (Смѣется.)

Толоконцева. Ну ужъ, начальникъ, нечего сказать!

Паша. Ему, бабушка, и кличку дали: «хочія кости».

Присыпкинъ. Да вотъ, а все-таки сила, что захочетъ, то и дѣлаетъ, даромъ что такой. (Смотритъ на часы.) Ого! уже время! Что-жъ это никто къ намъ не жалуется?

Толоконцева. Охъ! ужъ, говорить-то бы мнѣ не надо было, а только не дѣло вы затѣяли!

Паша. Это почему?

Присыпкинъ. За что такіа немилости?

Толоконцева. А то, что грѣха много! Ужъ не говорю ничего про знакомыхъ, про хорошихъ, а всю родню, близкую, ту обидѣли въ конецъ! Того не приглашай, да этого не приглашай, тотъ не хорошъ, да этотъ не пригожь! Всѣхъ противъ себя поставили! По околотку-то только и разговору идетъ, что насъ ругаютъ.

Присыпкинъ. Да вѣдь нельзя, бабушка, нельзя! Никакъ невозможно! Столько мнѣ было хлопотъ, столько заботъ, ума можно было лишиться за это время и вдругъ оконфузиться! Дѣлат, такъ ужъ дѣлать!

Паша. Да и что за бѣда, что сердятся! Посердятся, посердятся, да и перестанутъ—не велика тоже отъ нихъ корысть-то!

Толоконцева. Велика не велика, а безъ людей не проживешь!

Присыпкинъ. Какіе люди-съ—люди людямъ рознь! Извѣстно, хорошими людьми, состоятельными, пренебрегать не слѣдуетъ, даже записывать не обидно, а гольтепу-то всякую уважать—тоже расчету не составляетъ!

Толоконцева. А ты живи по пословицѣ: не имѣй ста рублей, а имѣй сто друзей!

Присыпкинъ. Не по понѣшнимъ временамъ эта пословица-то-съ! Въ настоящее время имѣть сто друзей, да это чистое разореніе-съ! Ежели каждый изъ нихъ хотя по рублю займетъ, такъ и то сто рублей изъ кармана вонъ! Стало быть, сто-то рублей пользительнѣе будутъ-съ!

Толоконцева. Ну, вѣдь съ вами не сговоришь!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Ивановна (осторожно пріотворивъ только одну половинку дверей, проползаетъ въ комнату).

Ивановна. Можно войти?

Присыпкинъ. Вамъ чего-съ?

Ивановна. Полюбоваться пришла, съ позволенія сказать, на васъ.

Паша. Вотъ очень нужно!

Ивановна. И ужъ какъ вы горды стали, красавица моя, такъ и рассказать нельзя! Точно вы сами-то, съ позволенія сказать, генеральскаго роду!

Присыпкинъ. Да вы зачѣмъ приползли-то? Что вамъ здѣсь надо?

Ивановна. Съ позволенія сказать, проздравить бы!

Присыпкинъ. Не съ чѣмъ еще!

Ивановна. Съ благополучнымъ начинаніемъ.

Присыпкинъ. Съ какимъ это?

Ивановна. Все же вы, съ позволенія сказать, женихъ...

Присыпкинъ. А я вамъ вотъ что, безъ позволенія, скажу: убирайтесь отсюда вонъ! И что это на васъ покою нѣтъ! Женщина старая, а все бродитъ!

Ивановна. Да ужъ и то, батюшка, хочу, съ позволенія сказать, въ богадѣльню или лѣчебницу какую проситься, чтобъ опредѣлили.

Толоконцева. Ну, Ивановна, это тебѣ врядъ ли удастся! Туда можно попасть только съ протекціей.

Ивановна. А почему же вы, сударыня, знаете? Вы вѣдь не докторъ, съ позволенія сказать! Я женщина старая, можетъ, во мнѣ такая болѣзнь и есть!

Паша. Такъ развѣ это болѣзнь! (Хохочетъ.)

Толоконцева (смѣясь). Вотъ придумала, старая, что сказать!

Ивановна. Смѣшно и есть! На-ка, что придумали, съ позволенія сказать! Какіе новые доктора выискались!

Присыпкинъ. Ну, и все-таки ступайте отсюда вонъ! Не мѣсто вамъ здѣсь! Идите себѣ! И зачѣмъ вы пожаловали только, я не понимаю.

Ивановна. На подмогу меня пригласили, въ кухню, значитъ, помогать.

Присыпкинъ. Ну, такъ и ступайте туда, убирайтесь! (Выпроваживаетъ ее.)

Ивановна (уходя). Ну, ты потише! Потише! Ишь ты, съ позволенія сказать, листакратъ какой выискался!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже безъ Ивановны, потомъ Коровкина.

Толоконцева. Ты бы съ ней очень того грубо не обращался! А то мы ей и такъ должны, а, пожалуй, еще перехватить придется, коли денегъ то не хватитъ!

Присыпкинъ. Да вѣдь срамъ, этакое чудело выползетъ! Ну, и сиди себѣ тамъ въ кухню, а то нѣтъ, въ комнату лѣзетъ!

Паша. Осрамить!

Толоконцева. Охъ, ужъ вы! Осрамить, осрамить, а какъ... говорить только не хочется!

Паша (смѣясь). Такъ вы, бабушка, и не говорите!

Присыпкинъ. И вамъ покойнѣе, да и намъ легче!

Толоконцева. А! Замолчать и есть! (Машетъ рукой).

(Входитъ Коровкина).

Толоконцева (идя на встрѣчу). Матушка, Прасковья Михайловна!

Коровкина. Здравствуйте, Настасья Ивановна. Пашенька, здравствуйте! (Цѣлуется и обмѣнивается сухимъ поклономъ съ Присыпкинъ). Никого еще нѣтъ? Я первая?

Присыпкинъ (колко). Не всѣ вѣдь безъ дѣла болтаются, другому еще и времени нѣтъ!

Паша (заминая разговоръ). Садитесь, Прасковья Михайловна, вотъ сюда. (Выразительно взглядываетъ на Присыпкина).

Коровкина. Виновата, виновата! Pardon! У лестокаровъ вѣдь всегда такъ собираются! У васъ, пожалуй, и обрученіе-то въ полночь будетъ!

Толоконцева. Какая у васъ шаль чудесная! Новая, должно быть?

Паша. А мягкая какая, точно шелкъ!

Коровкина. Новая, новая! Мнѣ ее Тимкины подарили, когда я у нихъ поѣзжаной дамой была! Да и напрасно подарили то, потому у меня этихъ самыхъ шалей штукъ десять!

Толоконцева. Ну, да вѣдь вамъ и нельзя!

Присыпкинъ. Не даромъ васъ вѣчной поѣзжаной дамой и прозвали!

Коровкина. И не отпираться, батюшка, и не отпираться. Крестить-ли кого, поѣзжаной-ли дамой, выѣзжать-ли куда съ дѣвницей первый разъ, сейчасъ за меня берутся, потому у меня за туалетами никогда задержки нѣтъ, да и на счетъ обращенія тоже въ грязь не ударимъ!

Присыпкинъ. Ну, и давай вамъ, Господи!

Коровкина. Я, батюшка, двадцать лѣтъ этимъ дѣломъ занимаюсь, да никогда ничего, кромѣ благодарности не получала! И всегда, можно сказать, много красоты обществу приносила! Вотъ и недавно еще у Собакинныхъ посаженой матерью была, такъ такъ всѣ за генеральшу и приняты, потому у меня какъ въ лицѣ, такъ и въ туалетѣ всегда благородства много! Чуть

ежели гдѣ торжество какое, такъ безпремѣнно меня для виду приглашаютъ!

Присыпкинъ. Въ родѣ, значитъ, какъ бы статуя!

Коровкина (гордо взглядывая). Невѣжа!

Присыпкинъ. Какая же съ моей стороны невѣжливость, напротивъ того, комплиментъ въ вашу сторону, потому завсегда сады или хорошія комнаты статуями украшаютъ! (смѣясь).

Толоконцева. Пойдемте, матушка, Прасковья Михайловна къ намъ, покажу я вамъ Пашенькино приданое; вы, вѣдь, въ этомъ много толку знаете!

Коровкина. Пойдемте! (Гордо поднявъ голову и глядя черезъ плечо на Присыпкина, проходитъ въ комнату, за ней Толоконцева, качая укоризненно головой.)

Паша (подходя). Какъ тебѣ не стыдно! Какъ тебѣ не стыдно! Ты въ этакое, можно сказать, единственный день моей жизни и исторію затѣваешь!

Присыпкинъ. А ну ее, что она тутъ прищипалась, да шпильки подпускаетъ, досадно, что ее не пригласили!

Паша. Ну, что-жъ такое? Что-жъ такое? Зачѣмъ же скандалить? Ну, я тебя прошу, удержись, ради Бога, удержись! Слышишь?

Присыпкинъ. Ну, хорошо—не буду!

Паша. Честное слово?

Присыпкинъ. Да честное слово! Господи! Чего я для тебя не сдѣлаю! (Цѣлуется, въ это время входятъ 1-й, 2-й и 3-й гости).

Паша (вскрикиваетъ). Ахъ! (Убѣгаетъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Присыпкинъ и 1-й, 2-й и 3-й гости.

1-й гость. Охъ!

2-й гость. Чудесно! }

3-й гость. Безе! }

Присыпкинъ. Ну, ну! Вы, пожалуйста, оставьте! Ничего тутъ такого! Смѣшки-то свои бросьте!

1-й гость. Мы что-жъ? Мы ничего! }

2-й гость. Наше дѣло сторона! }

Присыпкинъ. Ну, то-то-же! Покажитесь-ка! Осмотрѣть васъ надо, а то вѣдь вы такъ вырядитесь, что и жизни потомъ не радъ будешь!

1-й гость. Ну, смотри, смотри!

3-й гость. Оглядывай со всѣхъ боковъ. (Вертится передъ нимъ).

Присыпкинъ (оглядывая). Ничего, живеть! Ну, а остальные что-же не пришли?

1-й гость. Нельзя же всѣмъ вдругъ—остальные въ пивной дожидаются. Что-жъ намъ, какъ солдатамъ, всѣмъ заразъ и ввалить!

Присыпкинъ. Ну, ладно, ладно! Кто же тамъ дожидается?

2-й гость. Семеновъ, Прищипъ, Стаканчиковъ, Сень-статуй.

Присыпкинъ. Ну, этотъ зачѣмъ? Да и въ чемъ придетъ? Не въ чѣмъ вѣдь ему!

2-й гость. У него сюртукъ новый есть, фалдочки завернетъ, да въ уголокъ сядетъ, такъ за тотъ же фракъ съѣдетъ; а ему пнемъ-то сидѣть да молчать все равно.

3-й гость. Для того онъ послѣднимъ и придетъ.

1-й гость. Еще Измайловъ—газетчикъ придетъ; рѣчь, братъ, какую тебѣ сочинилъ, страсть!

Присыпкинъ. Ну его! Вратъ онъ мастеръ, да деньги занимать, да не отдавать, а то еще, пожалуй, скандалъ затѣетъ, опять кто-нибудь побьетъ, какъ въ прошломъ году въ клубѣ.

1-й гость. Такъ вѣдь тогда его за дѣло взбучили, онъ обругалъ кого-то въ газетахъ, а тотъ его и отпечаталъ.

Присыпкинъ. Да вѣдь всегда бьютъ за дѣло! (Во время этой сцены за окномъ постепенно начинается собираться народъ, заглядывая въ комнату.)

Присыпкинъ (замѣтивъ толпу). Господи! откуда это столько напозло? (кричитъ въ окно.) Нельзя, господа, нельзя! Уйдите! Ахъ! никакъ кто-то подѣхалъ! (Бѣжитъ къ окну). Да, да, да! Карета подѣхала, остановилась. (Бѣжитъ къ двери.) Бабушка! Паша! Идите сюда, прѣхалъ кто-то. Идите скорѣе, а я побѣгу встрѣчать!

Голосъ Паша. Я сейчасъ готова!

Голосъ Толоконцевой. Сейчасъ, сейчасъ выйдемъ!

Присыпкинъ. Скорѣе, скорѣе, ради Бога! (Гостямъ.) А вы садитесь, да не всѣ вдругъ! Прекраснѣе какъ-нибудь! Ты встань, а ты сядь...

1-й гость (хохочетъ). А я лягу!

Присыпкинъ. Ну, ну, скорѣе, а я побѣгу! (Убѣгаетъ.)

(Едва Присыпкинъ убѣгаетъ, какъ во входную дверь быстро входитъ Пиджакъ и раздвигаетъ окно.)

Пиджакъ. Вотъ такъ-то чудеснѣе будетъ! (Быстро уходитъ.)

Черные усы. Ишь ты какой! Разойдитесь, говоритъ, господа!

Рыжая борода. Чѣмъ кричать-то, поставилъ бы въ коридорѣ-то жандаровъ на коняхъ и любовное бы дѣло было!

Красный капоръ. По билетамъ, что-ли, пускаютъ?

Рыжая борода. По билетамъ-съ!

Пиджакъ. Почему дѣна?

Рыжая борода. Полтора рубля шесть гривенъ.

Пиджакъ. Дѣна настоящая! (Хохотъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же, Толоконцева, Паша и Коровкина, потомъ Присыпкинъ и Фанни.

Паша. Бабушка, да идите, что это, Господи, какъ вы копаются!

(1-й 2-й и 3-й гости молча раскланиваются.)

Толоконцева. Здравствуйте, батюшки, здравствуйте! Да что ты, матушка, тормошишь-то меня, я вѣдь не дѣвочка, гдѣ мнѣ за тобой носиться!

Коровкина. Да и гдѣ это видано, сломая-то голову бѣгать? Это не принято. Вотъ я у генеральши Малолюдовой на свадьбѣ была, такъ тамъ невѣсту-то полтора часа ждали, а ужъ какіе гости были!

Паша. Ну, и Богъ съ ними! (Увидя раскрытое окно). Бабушка, посмотрите, сколько народу нашло, да еще и окошко отворил! Вѣдь это скандалъ, чистый скандалъ!

Толоконцева. Ну ужъ, матушка, отъ этого не уберешься! Всякій свое природное любопытство имѣетъ!

Коровкина (извѣстительно). Да вѣдь и что-жъ? Тутъ вѣдь, я думаю, никого постороннихъ и нѣтъ, все больше ваши же знакомые и родные!

Паша. Какіе знакомые, пикакихъ знакомыхъ нѣтъ!

Коровкина. Будто? Понскать, такъ, можетъ, и найдется!

Паша. Вотъ Сама придетъ, такъ выгонитъ всѣхъ!

Пиджакъ. Ой, страшно!

Красный капоръ. Голубчики, не выдайте!

Черные усы. Бабушка, не горюй! Живую не дадимъ!

Рыжая борода. А померь и даромъ не падо! (Хохотъ.)

(Входитъ Присыпкинъ, за нимъ Фанни, одѣтая шиканно, въ шелковомъ платьѣ, съ громаднымъ шлейфомъ, въ брилліантахъ, въ рукахъ лорнетъ.)

Фанни. Bon soir. Pardon, что я запоздала, нельзя было!

Присыпкинъ. Позвольте... (Размахиваетъ руками и не знаетъ, что сказать.)

Фанни (принявъ жестъ за приглашеніе). Merci! (Садится.)

Паша (дергая Присыпкина). Сама, кто это такая?

Фанни (осматривая комнату). А у васъ очень мило, скромно, но мило!

Паша (тихо Присыпкину). Спроси же!

Присыпкинъ. Позвольте... (Фанни оглядываетъ 1-го, 2-го и 3-го гостей — тѣ конфузятся). Позвольте...

Фанни (замѣтивъ). Что вамъ?

Присыпкинъ. Позвольте спросить...

Фанни. Ахъ! pardon, pardon! Я вамъ даже и не объяснила! Я отъ генеральши Поповой; она извиняется, но сама не можетъ быть, у нея migraine.

Присыпкинъ. Да-съ, очень жаль, конечно, но все-таки...

Фанни. Вы, впрочемъ, не безпокойтесь. Генеральша просила передать, что считаются все-таки она будетъ, а я ее только пока замѣняю на время.

Присыпкинъ. Да-съ, очень хорошо-съ, а позвольте узнать, кто же вы...

Фанни. Я ея камеристка.

(Вынимаетъ портсигаръ. 1-й, 2-й и 3-й гости со всѣхъ ногъ подають кто свѣчку, кто спичку. Небольшое молчаніе; всѣ въ недоумѣніи; Толоконцева, Паша и Присыпкинъ перешептываются.)

Пиджакъ. Это что-же такое по нашему?

Коровкина. (съ хохотомъ). Горничная!

Рыжая борода. Ахъ, чтобъ тѣ скиснуть! Съ генеральши-то сразу на горничную съѣхали!

Черные усы. Нашего полку прибыло!

Рыжая борода. Всяко бываетъ: и медвѣдь летаетъ и пѣтухъ яйца несетъ!

Фанни (закуривъ). Merci. Ну, а гдѣ же невѣста?

Присыпкинъ. Невѣста вотъ-съ, а это ея бабушка.

Фанни. Très gentille!

Присыпкинъ. А это...

(Хочетъ представить Коровкину, но та отмахивается и отходитъ. Фанни въ недоумѣніи смотритъ.)

Фанни. А это, должно быть, сослуживцы?

1-й гость. Да-съ, сослуживцы!

2-й гость. Одного вѣдомства.

3-й гость. Вуй, мадамъ!

(Присыпкинъ дергаетъ за фалду, тотъ смолкаетъ.)

Фанни. Вон! (Небольшое молчаніе). Вы и чины имѣете?

1-й гость. Имѣемъ-съ. Мы хоть теперь и на частной службѣ, но...

2-й гость. За прежнія заслуги.

3-й гость. Мы, ма...

(Присыпкинъ зажимаетъ ему ротъ.)

Фанни. Какъ это странно у васъ здѣсь, тутъ у васъ какіе-то титулярные совѣтники, коллежскіе, Богъ знаетъ, что! За-границей этого ничего нѣтъ, тамъ всѣ равны.

Коровкина. Что-жъ, тамъ значить, что баринъ, что лакей, все равно?

Фанни. Всѣ равны.

Коровкина. Что-жъ и чудесно! По крайней мѣрѣ, не ошибешься!

3-й гость. А какъ же, напримѣръ, тамъ столначальникъ или архивариусъ?

Фанни. Я вамъ говорю, тамъ ничего этого нѣтъ, всѣ равны. Да и вообще тамъ, за-границей, гораздо все лучше. Возьмите, напримѣръ, хоть имена: вотъ меня зовутъ Федосья, какъ это грубо, некрасиво, а тамъ Фанни; не правда-ли, какъ это мило? Фанни! Прелестно!

Коровкина. Что-жъ тутъ прелестнаго, собачье-то имя поситъ? Вонъ у моей знакомой полковницы собака была, такъ Фанькой звали!

(За окномъ оглушительный хохотъ. Фанни гордо взглядываетъ на Коровкину; неловкое молчаніе. Во время этой сцены Толоконцева и Паша очень часто уходятъ въ кухню и возвращаются.)

Толоконцева (тихо Присыпкину). Чайкомъ-бы поподчивать, что-ли? Али рано еще?

Присыпкинъ. Ахъ, отстаньте, бабушка, я и самъ теперь ничего не понимаю.

Толоконцева. Ну, ну, не покрикивай, самъ заварилъ кашу, такъ и расхлебывай!

Паша (смотря въ окно). Сама, никакъ кто-то подѣхалъ!

Присыпкинъ (бросаясь къ окну). Онъ!

(Быстро вылетаетъ изъ комнаты.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же безъ Присыпкина.

Пиджакъ. Ишь ты, какъ потрепалъ—словно птица!

Рыжая борода. Только фалдочки затряслись!

(Фанни молча любезничаютъ съ молодежью.)

Паша (тихо Толоконцевой). Бабушка, какъ начальникъ-то узнаетъ, что она не генеральша, пожалуй, Богъ знаетъ, что выйдетъ!

Толоконцева. Оставь, матушка, у меня, у самой, что называется, душа не на мѣстѣ!

Коровкина. Поблагодарить онъ васъ, погодите!

(Во время этого явленія входятъ еще нѣсколько приглашенныхъ гостей, но ихъ никто не замѣчаетъ.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же, Присыпкинъ и Венигъ.

(Входитъ Венигъ, за нимъ Присыпкинъ. Венигъ подкрашенный, нарумяненный, весь на пружинахъ, входитъ бойко, слегка подпрыгивая.)

Венигъ. Здравствуйте, здравствуйте! А я, братецъ, совсѣмъ и забылъ даже, да Федоръ мой напомнилъ! Ну, что-жъ, надо, надо сдѣлать, по закону даже. Гдѣ-же покойникъ?

(Общее недоумѣніе.)

Присыпкинъ (приходя въ себя). Какой-съ покойникъ-съ?

Венигъ. Да, вѣдь, ты меня звалъ на похороны?

(За окномъ хохотъ.)

Присыпкинъ. Никакъ нѣтъ-съ, я утруждалъ васъ для обрученія, свадьба то-есть!

Венигъ. Ахъ, да, да! Обру... обру... Я забылъ, это у другихъ! Пу, пу!

Присыпкинъ. Вотъ пожалуйста-съ сюда, на диванчикъ.

Венигъ. Хорошо, хорошо! (Идетъ.)

Пиджакъ. Вотъ такъ здравствуй! Звали на свадьбу, а онъ хоронить прѣхалъ!

Черные усы. Самъ-то ужъ однимъ глазомъ въ гробъ смотритъ!

Рыжая борода. Ходячія кости, какъ есть!

Присыпкинъ (въ сильномъ волненіи, поминутно поглядывая то на Толоконцеву, то на Пашу). Вотъ это за посажоную мать, то есть она... а (путається.)

Венигъ. Pardon, pardon, madame! Mille fois pardon! Заставилъ васъ дожидаться, но знаете-ли дѣла, дѣла! Beaucoup d'affaires!

Фанни. O, ce n'est pas grand' chose! Я и сама недавно только прѣхала!

Венигъ. O, madame, vous êtes si bonne!

(Садится. Присыпкинъ хочетъ говорить, но не можетъ; вообще всѣ въ неловкомъ положеніи, только въ окнѣ замѣтно движеніе и общее злорадство.)

Паша (тихо Толоконцевой). Бабушка, мнѣ страшно, я уйду!

Толоконцева. Матушка, у меня у самой сердце, какъ бараній хвостъ дрожитъ!

Коровкина. Самы патворили, сами и расчерпывайте!

Венигъ (продолжая разговоръ). И такъ вы говорите, что вы были пынѣшнее дѣто въ Баденъ-Баденѣ?

Фанни. Да, была.

Венигъ. C'est étonnant! Я тамъ тоже былъ и мы не повстрѣчались. Я всѣхъ зналъ, но какъ не замѣтилъ васъ, une grâce, une beauté parfaite!

Фанни. O, vous me rendez toute confuse!

Венигъ. O, нѣтъ! Нѣтъ! Я отдаю только

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

КАРТИНА ПЕРРО.

Беттина.

По фотографии Гупиля; рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

должное! Но теперь, по крайней мѣрѣ, вы мнѣ позволите сдѣлать вамъ визитъ.

Фанни. Я... не знаю...

Венигъ. Знакомство съ вами будетъ для меня величайшимъ счастьемъ. Vous me permettez?

Фанни. Я... извините... (Присыпкинъ) Что же, можно бы было и начинать.

Присыпкинъ. Да-съ, покорно благодарю... Сейчасъ...

Фанни (Венигу). Да. Такъ можно начинать?

Венигъ. Да, да, да! А гдѣ-же младенецъ?

Присыпкинъ. Какой младенецъ-съ?

Венигъ. Да вѣдь крестины, ребенокъ...

Присыпкинъ. Никакъ нѣтъ-съ.

Фанни. Нѣтъ, не крестины. Pardon. Обрученіе; c'est à dire fiançailles!

Венигъ. Ахъ, pardon, pardon! Я все забываю, знаете beaucoup d'affaires!

Фанни (Присыпкинъ). Ну, что-же?

Присыпкинъ. Сейчасъ. Я распоряжусь (про себя.) Ну, что я буду дѣлать, какъ сказать?

1-й гость (Присыпкинъ). Мы, братъ, уйдемъ!

2-й гость. Еще влетитъ изъ-за тебя!

3-й гость. Ну ты въ трубу! (пятаются къ дверямъ и уходятъ по одиночкѣ.)

Венигъ (Фанни). Какъ бы я былъ счастливъ, если-бы нынѣшнее лѣто судьба свела опять насъ вмѣстѣ.

Фанни. Ну, еще до этого далеко.

Венигъ. Пріятнаго пріятно и ждать! Надежда—это, какъ сказалъ одинъ философъ, надежда—это мать всѣхъ пороковъ. Ахъ! нѣтъ, нѣтъ, pardon, это совсѣмъ другое (За окномъ хохотъ.)

Фанни. Богъ дастъ, гдѣ-нибудь встрѣтимся: les beaux esprits se rencontrent.

Венигъ. О, oui, oui! Se rencontrent! Но гдѣ-же, гдѣ-же вы предполагаете провести нынѣшнее лѣто? Какъ вы думаете?

Фанни. Это... это зависитъ...

Венигъ. Вполнѣ отъ васъ?

Фанни. Нѣтъ, не отъ меня. Это зависитъ отъ генеральши: куда она, туда и я.

Венигъ. Генеральши? Какой генеральши?

Фанни. Генеральши Поповой! Madame la générale Poroff!

Венигъ (смѣясь). Я и говорю отъ васъ!

Фанни. Нѣтъ, вы ошибаетесь, я не генеральша Попова, я ея камеристка!

Венигъ (послѣ паузы). О!!! (быстро встаетъ.)

Пиджакъ. Кольнуло!

Рыжая борода. Ожегся!

Красный капоръ. Вотъ-те и мадамъ!

Венигъ. Что-же это? Какъ-же (оглядываясь)! Послушай, братецъ, какъ тебя? (Всѣ отодвигаются назадъ, Присыпкинъ остается одинъ на виду.) Что-же это все значитъ? Я ничего не понимаю! Генеральша! Горничная!

Присыпкинъ. Извините-съ, это недоразумѣніе, ошибка. Генеральша больна, прислала ихъ, но это все равно-съ, и онѣ какъ бы генеральша потому...

Венигъ. Ты глупъ! Ты долженъ былъ сказать...

Присыпкинъ. Я и хотѣлъ, но вы... но я...

Венигъ. Ты глупъ, я говорю! Ты меня въ такое... Шубу! Гдѣ моя шляпа! А, вотъ! Я тебѣ этого не забуду, я... (Идетъ и ворочается.) Madame, j'ai l'honneur... Ахъ, что я, что я! O! quelle horreur, quelle horreur! (Идетъ къ дверямъ. За окномъ оглушительное «ура!» Венигъ совсѣмъ теряется.) Благодарю, благодарю! Ахъ! Что я! O, mon Dieu! mon Dieu! (быстро уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же безъ Венига.

Пиджакъ. Налетѣлъ съ ковшемъ на брагу!

Красный капоръ. Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день!

Рыжая борода. Адю, мусью!

(За окномъ хохотъ.)

Толоконцева (выходя). Что, уѣхалъ?

Паша. Сама, что-же намъ дѣлать теперь?

Саша!

Присыпкинъ (безсмысленно). Ничего не знаю!

Фанни. Что-же въ самомъ дѣлѣ, кончайте чѣмъ-нибудь. Богъ знаетъ, что такое выходитъ, тотъ, какъ съумасшедшій, соскочилъ и убѣжалъ.

Коровкина (колео). Красоты вашей очень испугался!

Фанни (Присыпкинъ, нарочно не обращая вниманія). Что-же вы? Я вамъ говорю!

Присыпкинъ. Что говорю... ничего не говорю...

Фанни. Я говорю, сыщите другого посаженнаго отца и окончите это дѣло, мнѣ некогда!

Коровкина. Легкое дѣло, сыщите! Подъ пару то, подъ вашъ чинъ не скоро сыщешь. Развѣ старшій дворникъ подойдетъ!

(За окномъ смѣхъ.)

Фанни (вспыхнувъ). Отстаньте отъ меня, я васъ не знаю! (Присыпкинъ). Что это такое? Я пріѣхала по желанію генеральши, думала, что все будетъ чинно, благородно, а тутъ, чортъ знаетъ, что? Тотъ старый кулекъ убѣжалъ, какъ угорѣлый, теперь тутъ дерзости говорятъ!

Толоконцева. Успокойтесь, все обойдется.

Паша. Не сердитесь, пожалуйста. (Дергая Присыпкина). Саша! Да скажи хоть слово-то!

Фанни. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Минуты я здѣсь больше не останусь! Я все генеральшѣ передамъ! Все передамъ! Поблагодарить она васъ! Будете помнить! Никогда этого со мной не было! Нѣтъ, вонъ, вонъ отсюда! (Быстро идетъ къ дверямъ. За окномъ опять ура!) Невѣжи! Мужики! (Быстро уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ-же кромѣ Фанни, потомъ Ивановна.

Толоконцева. Что ты надѣлалъ? Что ты надѣлалъ со своимъ умничаньемъ-то? Только разговору теперь по околотку не оберешься! Осрамилъ дѣвушку-то!

Паша (плача). Бѣдная я! За что мнѣ это!

Коровкина. И подѣломъ! Не суйся въ воду, не спросясь броду!

Толоконцева. Что дѣлать! Сраму-то, сраму-то, сраму-то!

Паша. И все на меня, все на меня!

(Входитъ Ивановна, выпивши.)

Ивановна. Вотъ и я! Проздравить пришла, съ позволенія сказать, съ обрученіемъ! Дай вамъ Богъ и всю жизнь такъ весело прожить!

Рыжая борода. Какъ разъ угодила!

Пиджакъ. Въ самую тахту попала!

Ивановна (Присыпкинъ). Честь имѣю, съ позволенія сказать, проздравить, дай вамъ Богъ! Поднесли бы чего-нибудь старушкѣ-то, ради, съ позволенія сказать, такой радости!

Присыпкинъ. Вонъ! Ты чего выползла? Кто тебѣ позволилъ? Вонъ сію минуту!

Ивановна (подбоченя). Ну, ты больно-то не ори! Я завсегда сюда входъ имѣю. Ты мнѣ сначала деньги-то отдай, что занималъ, а потомъ и гони, я...

Рыжая борода. Го! го! го! Старушка какъ листократа-то нашего приструнила!

Черные усы. Молодецъ старушенція!

Пиджакъ. Вотъ тѣ и сюрпризъ! И выходитъ, значитъ: огорченіе вмѣсто обрученія! (Присыпкинъ) Такъ-ли, ваше сковородіе?

Присыпкинъ. Къ чорту! Всѣ къ чорту! Не подходите ко мнѣ! Я теперь не въ себѣ! Я Богъ знаетъ, что на дѣлаю! Уйдите! Господи! Господи! Хлопоталъ, бѣгалъ, унижался и все пошло къ чорту, ни за копѣчку! (Ухватывается за голову.)

Пиджакъ (въ окно). Что-жъ, значитъ, и намъ

никакого угощенія не полагается? Задаромъ простояли!

Рыжая борода. По малости, ради такой радости!

Красный капоръ. Угостили ужъ, будетъ!

Присыпкинъ (подымаясь). Вонъ!

Пиджакъ. И на томъ спасибо! Ребята, одѣвай шапки, расходись по домамъ, а не то зайдемъ, выпьемъ, гдѣ ни на есть, на перекутъ за здоровье обрученныхъ! (Смѣхъ). Эхъ! Валай! Веселую! (Запѣваетъ.)

Во пиръ была

Во бесѣдушѣ!

(Хоръ подхватываетъ. Присыпкинъ, ухватившись за голову, сидитъ за столомъ. Паша плачетъ, ее утѣшаетъ Толоконцева. Коровкина съ ехидной улыбкой смотритъ на Присыпкина. Ивановна приплясываетъ.)

Занавѣсъ.

Изъ прошлаго и настоящаго Америки.

Ст. Н. В. Шелгунова.

(Продолженіе.)

Наконецъ, и весьма вѣроятно, наибольшую услугу принесли въ войнѣ за независимость враждебныя отношенія европейскихъ государствъ къ англичанамъ. Франція, Испанія думали только, какъ бы отомстить англичанамъ и еще во время семилѣтней войны тайные французскіе агенты были отправлены въ Америку, чтобы узнать положеніе колоній и отвлечь ихъ отъ метрополи. Понятно, что Франція и Испанія оказались на сторонѣ американскаго союза. Франція помогла Америкѣ войскомъ, вооруженіемъ и деньгами. Положеніе англичанъ было чуть ли не затруднительнѣе положенія американцевъ. Одни изъ европейскихъ государствъ объявили имъ войну, другія — нейтральныя — вооружались и англичанамъ нужно было на всѣхъ моряхъ и во всѣхъ внѣшнихъ владѣніяхъ быть наготовѣ, чтобы встрѣтить во всеоружіи своихъ многочисленныхъ враговъ. Императрица Екатерина провозгласила принципъ: «свободный корабль — свободное имущество» и къ союзу для поддержанія этого начала присоединились всѣ враги Англіи: Швеція, Голландія, Данія, Пруссія, Испанія и Франція. Было рѣшено, что въ случаѣ нужды провозглашенный новый международный принципъ будетъ поддерживаться силою оружія. Поэтому союзъ этотъ и былъ названъ «вооруженнымъ нейтралитетомъ». Екатерина любила говорить: «Торговля моихъ народовъ — мое дитя. Я постараюсь всячески защитить мое дитя отъ этихъ надменныхъ, самолюбивыхъ островитянъ». Все это было какъ разъ въ тонъ общаго европейскаго враждебнаго настроенія противъ англичанъ и европейскія правительства радовались, что надменность, съ которой англичане третировали всѣхъ, и ихъ морское господство будутъ сломлены навѣки. Этого, конечно, не случилось и англичане впоследствии, особенно послѣ наполеоновскихъ войнъ, стали еще сильнѣе и сохранили свою силу до сихъ поръ; но, не сломивъ могущества Англіи на моряхъ, Европа помогла восстановленію американской свободы, конечно, не предполагая, какого рода услугу она оказываетъ вновь возникавшей идеѣ свободныхъ учреждений и народныхъ союзовъ. При иномъ настроеніи Европы, если бы Англія въ ея правительствахъ встрѣтила себѣ друзей, европейскія войска и денежные средства, направившіяся теперь на защиту колоній, могли быть точно также направлены и на защиту правъ Георга III. Въ этомъ случаѣ и исторія американскаго союза, а вмѣстѣ съ тѣмъ и судьбы европейскихъ народовъ, конечно, получили бы на время иной характеръ и иное направленіе и американскій порывъ къ свободѣ былъ бы

подавленъ. На континентѣ Европы подобныя движенія не разъ подавлялись въ XIX столѣтіи, слѣдовательно, также легко могло случиться подобное и въ Америкѣ въ прошедшемъ столѣтіи. Поэтому едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что американскій союзъ обязанъ своимъ происхожденіемъ прежде всего соперничествамъ европейскихъ государствъ, желавшихъ досадить «надменнымъ» англичанамъ. Будь англичане меньше надменны, европейскіе враги были бы ихъ друзьями и не явился бы, можетъ быть, и вооруженный нейтралитетъ.

Когда извѣстіе о кашитуляціи Корнвалиса пришло въ Англію, Георгъ III не хотѣлъ и слышать о мирѣ. «Я никогда не соглашусь на миръ, по которому мы потеряемъ Америку», писалъ король къ лорду Норту. Въ этомъ смыслѣ была составлена и тронная рѣчь, которой предполагалось открыть парламентъ. Но въ парламентѣ было иное настроеніе. Въ особенности рѣзкое и серьезное неудовольствіе было высказано въ палатѣ общинъ и Фоксъ обвинилъ лорда Норта даже въ безуміи и измѣнѣ. «Съ нами случилось несчастье въ Виргиніи, отвѣтилъ лордъ Нортъ, преданный другъ Георга III;—но неужели вслѣдствіе этого слѣдуетъ отказаться отъ всего и умирать. Если мы соединимся, то можемъ еще спастись, а если придемъ въ отчаяніе, то все потеряемъ». Фоксъ угрожалъ Норту обвиненіемъ и эшафотомъ, но Нортъ былъ не изъ такихъ людей, чтобы испугаться подобныхъ мелочей. Онъ упорно доказывалъ, что война съ Америкой была вполне справедлива и что онъ до конца будетъ поддерживать права и законодательную власть парламента. «Боже мой! воскликнулъ на это знаменитый Беркъ:—неужели намъ снова будутъ говорить о разныхъ правахъ, ради которыхъ мы начали войну. Великолѣпныя права, великолѣпныя, безъ сомнѣнія, потому что они стоятъ намъ очень дорого. Англія потеряла за нихъ 13 колоній, 4 острова, 100,000 людей, 1,750 миліоновъ». Далѣе Беркъ замѣтилъ, что хороши тѣ права, которыми можно пользоваться, а иначе право—пустой звукъ и напоминаетъ сказку объ одномъ глушцѣ, который хотѣлъ стричь волка. Съ подобными защитниками своихъ правъ, какъ Беркъ, американцамъ не трудно было склонить на свою сторону общественное мнѣніе и Георгъ III, какъ онъ ни былъ упрямъ, долженъ былъ уступить. Соглашаясь на заключеніе мира, Георгъ III произнесъ слѣдующія, дѣйствительно, достопамятныя слова: «Соглашаясь на отдѣленіе провинцій, я отказываюсь отъ всякихъ личныхъ видовъ ради желанія моего народа. Изъ глубины моего сердца умоляю Всемогущаго, чтобы Великобританія не ощутила никакихъ дурныхъ послѣдствій отъ этого расчлененія и чтобы Америка освободилась отъ своихъ несчастій, которыя нѣкогда доказали намъ, какъ необходима монархія для того, чтобы пользоваться конституціонной свободой». Затѣмъ онъ пожелалъ, чтобы общій языкъ, интересъ и религія связали бы тѣснымъ, вѣчнымъ союзомъ двѣ страны. Георгъ III былъ искренній человѣкъ и слова его были искренни. Когда въ 1785 году Джонъ Адамсъ былъ назначенъ американскимъ посломъ въ Англію, то на торжественномъ пріемѣ Георгомъ III сказалъ ему между прочимъ: «Я буду считать себя счастливейшимъ человѣкомъ въ мірѣ, если мнѣ удастся достигъ благо-расположенія вашего величества къ моей родинѣ». «Прошу васъ вѣрить, отвѣтилъ Георгъ,—что въ послѣдней войнѣ я прибѣгалъ только къ тому, что считалъ обязанностью относительно моего народа. Я буду откровененъ съ вами. Я послѣдній согласился на отдѣленіе, но такъ какъ это отдѣленіе оказалось неизбежнымъ и уже свершилось, то могу васъ увѣрить, что я буду первымъ благожелателемъ Соединенныхъ Шта-

товъ и буду смотрѣть на нихъ какъ на независимое государство».

Передъ заключеніемъ мира и до распушенія американской арміи Америка была свидѣтельницей факта, можетъ быть, единственнаго во всемірной исторіи. Американская армія была недовольна конгрессомъ и имѣла на это полное право. Жалованье уплачивалось неисправно и офицерамъ, и солдатамъ; были и другія неурядицы, тоже неспособовавшія хорошему настроенію войска. Безсильный конгрессъ не могъ справиться съ разшатавшимся порядкомъ, штаты ему не повиновались, каждый дѣлалъ, что хотѣлъ, и армія очень хорошо понимала, что неустойчивое правительство едва-ли будетъ въ состояніи удовлетворить справедливымъ требованіямъ арміи. И вотъ у людей, привыкшихъ къ единоличной власти и къ военной дисциплинѣ, явилась рискованная мысль создать сильное правительство по европейскому образцу. Одинъ изъ полковниковъ американской арміи въ письмѣ къ Вашингтону высказалъ чувства арміи и ея опасенія. Въ письмѣ между прочимъ говорилось, что только дураки и невѣжды могутъ считать монархію равносильной тираніи; что герой, который велъ къ славѣ и побѣдѣ американскія войска, долженъ освободить ихъ отъ теперешнихъ бѣдствій, что онъ можетъ стать во главѣ пока подъ скромнымъ титуломъ, а затѣмъ назваться и королемъ. На это письмо, лестное для всякаго другого человѣка кромѣ Вашингтона, полковникъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Я внимательно прочелъ изложенныя воззрѣнія съ смѣшаннымъ чувствомъ неожиданности и удивленія, писалъ Вашингтонъ.—Будьте увѣрены, что ни одно событіе втеченіи всей войны не огорчило меня столько, какъ ваше сообщеніе, что подобныя мнѣнія господствуютъ въ арміи. Я съ омерзеніемъ смотрю на эти понятія и отношусь къ нимъ съ самымъ рѣзкимъ порицаніемъ. На этотъ разъ я оставляю ваше сообщеніе при себѣ, но еще шагъ съ вашей стороны вызоветъ необходимость обнаружить это дѣло». Далѣе Вашингтонъ говоритъ, что ему совершенно непонятно, чѣмъ онъ вызвалъ такое предложеніе, что ему, больше чѣмъ кому-либо, могутъ быть неприятны подобныя планы. И онъ заклинаетъ автора письма изгнать подобныя мысли изъ сердца и не дѣлать такихъ предложеній ни подъ собственнымъ, ни подъ чужимъ именемъ.

Никому лучше, чѣмъ Вашингтону, не были извѣстны причины неудовольствія арміи и онъ дѣлалъ все, что зависѣло отъ него, чтобы удовлетворить справедливыя жалобы офицеровъ и солдатъ. Но что ни дѣлалъ Вашингтонъ, все было напрасно и на его слова конгрессъ почти не обращалъ вниманія. Тогда въ арміи явилась мысль вынудить силой то, что нельзя было достигъ добромъ. И вотъ явилось анонимное письмо къ «офицерамъ арміи». Въ письмѣ говорится, что каждый изъ американскихъ офицеровъ отказался отъ всѣхъ удобствъ жизни и подвергалъ себя всевозможнымъ трудамъ и опасностямъ, безъ ропота переносилъ бѣдность, безъ вздоховъ смотрѣлъ на безстыдство богатства, потому что вѣрилъ въ справедливость своего отечества. «Дѣйствительно-ли это такъ? Хочетъ-ли эта страна отстранить ваши бѣдствія, оцѣнить васъ и награждать вашу службу? Или напротивъ эта земля только попираетъ ваши права, не обращаетъ вниманія на ваши вопли и смѣется надъ вашими бѣдствіями? Поэтому необходимо соединиться тѣсно. Если будетъ миръ, то будемъ хранить оружіе. Если будетъ война, то мы должны молить нашего славнаго полководца о спасеніи. Мы поѣдемъ изъ неблагодарнаго отечества и удалимся подъ его предводительствомъ въ какую-нибудь необитаемую землю. Тогда придетъ время, когда мы будемъ радоваться и смѣяться

надъ обаятыми страхомъ неблагодарными людьми». Это было уже началомъ революціоннаго движенія. Вашингтонъ понималъ, къ чему можетъ привести все это. Будь на его мѣстѣ какой-нибудь Бонапартъ, котораго даже гораздо меньшая поддержка со стороны войска вызвала на 18 брюмера, Вашингтонъ, конечно, взялъ бы въ руки диктаторскую власть, а, можетъ быть, надѣлъ на себя и корону. Но Вашингтонъ былъ искренній республиканецъ и честолюбіе его заключалось не въ личномъ счастьи и не въ личной власти. Въ дневномъ приказѣ по арміи онъ объявилъ, что всякія анонимныя предложенія незаконны и затѣмъ велѣлъ черезъ четыре дня собраться выборнымъ изъ офицеровъ, ротъ и штаба подъ предсѣдательствомъ офицера старшаго по рангу. Когда въ назначенный день офицеры собрались, Вашингтонъ отнесся съ рѣзкимъ порицаніемъ къ анонимному автору. «Что могъ имѣть въ виду этотъ авторъ, рекомендовавшій такія страшныя мѣры? Можетъ-ли быть онъ другомъ арміи, можетъ-ли быть онъ другомъ отечества? Нѣтъ, онъ врагъ, можетъ быть, подосланный изъ Нью-Йорка, врагъ, сѣющій сѣмена вражды между гражданской и военной властью...» Послѣ этой рѣчи Вашингтонъ началъ читать письмо отъ одного изъ членовъ конгресса о желаніи его удовлетворить всѣ денежныя требованія войска. Начавъ чтеніе, Вашингтонъ остановился, попросивъ у офицеровъ извиненія, вынулъ изъ кармана очки, надѣлъ ихъ и сказалъ. «Я прежде зналъ, что посѣдѣлъ на вашей службѣ, теперь же замѣчаю, что и ослѣпъ». Эти простыя слова подѣйствовали сильнѣе всякой ораторской рѣчи. Многіе заплакали. Было рѣшено назначить комитетъ изъ офицеровъ, который долженъ былъ принять извѣстныя рѣшенія для сообщенія ихъ конгрессу. Требования арміи были удовлетворены и въ вознагражденіе трудовъ войска ему назначено полное жалованье на пять лѣтъ.

Въ прощальной рѣчи къ войску передъ распушеніемъ арміи Вашингтонъ напомнилъ своимъ сводившимъ о томъ великомъ дѣлѣ, которому они сослужили. Онъ напомнилъ имъ о тѣхъ обязанностяхъ, которыя они берутъ на себя теперь въ мирное время. Онъ сказалъ, что какъ ни блестящи военныя качества—твердость, мужество, предприимчивость, но добродѣтели гражданской и частной жизни—бережливость, благоразуміе и трудолюбіе драгоцѣнны не меньше. Онъ пожелалъ, чтобы солдаты и офицеры жили мирно съ прочими гражданами и употребили всѣ усилія, чтобы укрѣпить правительство Союза. «Если этого не будетъ, то честь, достоинство и справедливость націи погибнутъ для настоящаго и будущаго». Прощаясь съ офицерами и провозгласивъ тостъ, Вашингтонъ сказалъ: «Я не могу подойти къ каждому изъ васъ, чтобы проститься. Если вамъ угодно подойти и дать мнѣ руку, я буду благодаренъ». Генералъ Кноксъ, стоявшій ближе всѣхъ, подошелъ первый къ Вашингтону и онъ, охваченный чувствомъ, не могъ произнести ни слова. Взявъ Кнокса за руку, Вашингтонъ обнялъ генерала и затѣмъ обнималъ поочередно всѣхъ. Не было сказано ни одного слова. Всѣ были растроганы, всѣ плакали. Другого подобнаго прощанія полководца съ своей арміей не знаетъ исторія. Справедливо говоритъ Лабуль, что Вашингтонъ послужилъ не однимъ Соединеннымъ Штатамъ, онъ служилъ цѣлому человечеству. «Загляните въ исторію, посмотрите какія имена блещутъ въ ней, на кого заставляютъ смотрѣть какъ на великихъ людей. На Цезарей да на Фридриховъ II, на торжествующую ложь и торжествующее преступленіе. Вашингтонъ оставилъ по себѣ благородный примѣръ благотворнаго патріотизма и истиннаго достоинства. Онъ оставилъ старому

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ

КАРТИНА Г. ДОРЁ.

Парка и амуръ.

Ръзано на деревѣ въ Парижѣ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ПЕТРА СОКОЛОВА.

Ермолай съ валеткой. (Тургеневъ, «Записки охотника».)

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“.

міру мрачныя фігуры Цезарей съ ихъ окровавленными руками, а новому міру далъ урокъ господства государственныхъ людей съ христіанскими чувствами, считающихъ своей славой быть не карателями, а первыми слугами своихъ согражданъ».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Шарль Демальи.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ. Переводъ Н. Лѣтнева.

(Продолженіе.)

XXVI.

Уже три недѣли, какъ репетировали пьесу Шарля. Шла предпослѣдняя репетиція, предшествовавшая генеральной репетиціи.

Въ полумракѣ залы, покрытой чохлами, полосо свѣта проникая изъ отверстія въ райкѣ, освѣщаетъ одну изъ боковыхъ ложъ. Свѣтъ извѣтъ, падая на красныя занавѣси ложъ, превращаетъ ихъ въ огненные транспаранты. Посреди этого сумеречнаго дня, умѣренный огонь лампъ освѣчиваетъ на нѣкоторыхъ пунктахъ, переливаясь призматической молніей рубиновъ и сафировъ. Въ оркестрѣ, въ залѣ, на балконахъ авансцены, разсѣяны тамъ и сямъ, какъ черныя пятна, человѣкъ двадцать зрителей. На сценѣ рампа опущена и въ антрактахъ видны нагроможденные лѣса синѣющихъ декорацій, какъ ступени ледяной горы при мѣсячномъ сіяніи. *Jeune premier* весь спрятавшись въ свой кашне. Актеры только жестомъ показываютъ, что хотятъ снять шляпу и оставляютъ ее на головѣ. Что-то фантастическое, молчаливое и таинственное витаетъ въ средѣ несчастныхъ простуженныхъ актеровъ.

— Вы вѣрите въ успѣхъ?

Этотъ вопросъ былъ предложенъ одной тѣнью другой такой же тѣни въ одной изъ ложъ авансцены.

— И даже въ большой успѣхъ! отвѣчалъ голосъ Робино на вопросъ Марты. — Послѣдней сценой онъ производитъ окончательный эффектъ. Говоря откровенно, пьеса хорошо написана, я даже не ожидалъ. И притомъ его будутъ поддерживать... Если вы заставите его ошибаться, это послужитъ къ еще большому торжеству для него: его вызовутъ и будутъ аплодировать болѣе, чѣмъ когда-нибудь, — вотъ все, что изъ этого выйдетъ. Противъ него будетъ только часть публики, а за него — вся зала! А фельетоны? У него друзья, настоящіе друзья въ фельетонѣ; они поддерживать настроеніе публики. Притомъ же Одилія восхитительна... я не ожидалъ... я какъ будто въ первый разъ ее вижу сегодня! Есть женщины, на которыхъ не смотреть, и до этой минуты я совсѣмъ ее не видалъ, клянусь честью! А она славно васъ поддѣла, взявши вашу роль! Это ее выдвинетъ... Очень хорошо... восхитительно! Повѣрьте, что она станетъ вамъ поперегъ дороги... эта дѣвочка!

— Какъ вы злы! Вы умѣете говорить особенно непріятныя вещи. Кто эта дама... тамъ, по ту сторону балкона?

— Это актриса Креси. Знаете-ли, что она питаетъ страсть къ вашему мужу? И такіе женщины тоже влюбляются, какъ и другія!

Марта прервала его:

— Друзья Шарля — это Ламперьеръ, Франшмонъ, Ремонвиль, Буароже, Лалиганъ, не такъ-ли?

— Ну да!

Марта прибавила, помолчавъ:

— И вы положительно увѣрены въ успѣхѣ, Робино?

— Взгляните на нее... Нѣтъ, право, взгляните, какая у нея игра фізіономіи, у этой маленькой Одиліи! Вы спрашиваете, увѣренъ-ли я въ успѣхѣ? Да это несомнѣнно, какъ день. Слышите, какъ она смѣется? Прислушайтесь...

Марта не проронила болѣе ни слова.

— Что съ вами? спросилъ у нея Робино.

— Я думаю.

— О чемъ?

— Ни о чемъ.

По окончаніи репетиціи Робино проводилъ Марту домой. Съ тѣхъ поръ, какъ она оставила мужа, Робино сдѣлался ея *cavalier servant*; онъ сопровождалъ ее всюду и былъ ея постояннымъ собесѣдникомъ дома. Любопытные принимали его сначала за любовника Марты, но злые насмѣшки, которыми они по временамъ обмѣнивались, были совершенно несовмѣстны съ любовью и разубѣдили наблюдателей. Тогда на него стали смотрѣть, какъ на несчастнаго горемыку, обреченнаго выносить прихоти этой женщины, вымещавшей на немъ свою злобу на мужа. Робино не противорѣчилъ этимъ слухамъ и, казалось, былъ совершенно доволенъ, обманывая глушцовъ и слыя въ ихъ глазахъ за счастливаго любовника этой хорошенькой, изящной женщины, всегда висѣвшей на его рукѣ.

Придя въ свою комнату, Марта сбросила шаль и шляпу, достала маленькій ящичекъ, повернула въ немъ ключъ, открыла его и вынула оттуда письма. Робино смотрѣлъ на нее, стараясь угадать и не угадывая, улавливая только злую насмѣшку на губахъ Марты.

— Что это такое? спросилъ онъ.

— Письма.

— Я это вижу.

— Гм! Онъ очень уменъ!

— Кто?

— Мой мужъ.

— Я въ этомъ не сомнѣвался. Чтожь далѣе?

— Ахъ, мой милый, вырвалось у Марты, которая все продолжала улыбаться и запрокинула назадъ голову съ видомъ обольстительнаго демона: — Еслибъ я захотѣла! Какъ зовутъ его друзья... тѣхъ, что поддерживаютъ его пьесу?

— Вамъ это хорошо извѣстно: Франшмонъ, Ламперьеръ и другіе, вы ихъ сейчасъ называли.

— Еслибъ я захотѣла! повторила Марта, пробѣгая глазами одно изъ писемъ. — Послушайте!

И она громко прочла нѣсколько строкъ, въ которыхъ остроумно осмѣивались самыя дорогія и завѣтныя утопіи Ламперьера.

Это были письма Шарля, писанныя имъ до женитьбы къ Мартѣ, находившейся тогда въ Брюсселѣ. Влюбленный Шарль, боясь быть забытымъ, каждый день напоминалъ о себѣ, посылая Мартѣ письма вродѣ фельетона, который онъ старался сдѣлать забавнымъ и пикантнымъ для того, чтобъ не слишкомъ надоѣсть ей приторными нѣжностями и однообразными выраженіями любви. Онъ смѣялся надъ всѣмъ, чтобъ позабавить ее: надъ Парижемъ, надъ своими друзьями, надъ самимъ собой. Онъ злословилъ всѣхъ тѣхъ, кто попадался подъ его перо, и хотя въ этомъ злословіи не участвовало сердце, тѣмъ не менѣе оно задѣвало чувствительную струну каждого, касаясь какой-нибудь незамѣтной точки, какой-нибудь незначущей черты характера, ума или наружности, которая выставляетъ на видъ смѣшную сторону и наноситъ неизгладимый ударъ самолюбію. Зло было бы не такъ велико, еслибъ Шарль касался только таланта своихъ друзей, вмѣсто того, чтобъ осмѣивать бантъ ихъ галстуха и форму ногтей. Всѣ эти нескромныя насмѣшки, брошенныя шутя въ общемъ разговорѣ, были бы забыты и прощены, но эти же самыя насмѣшки, написанныя, опубликованныя и прочтенныя всѣми, должны были сдѣлать ему изъ его пріятелей самыхъ заклятыхъ, безжалостныхъ враговъ.

— Ахъ, вотъ о Франшмонѣ... и Марта прочла отрывокъ. Затѣмъ пришла очередь Ремонвиля, Лалигана и Буароже.

— Это вамъ посылаетъ само провидѣніе, сказалъ Робино серьезно, глядя на нее.

— О! возразила Марта, роняя письмо. — Какъ можете вы думать? Разумѣется, я ихъ никому не покажу, я не употреблю во зло...

— Да, это правда, вамъ нельзя ими воспользоваться... Ну, такъ вотъ что изъ этого выйдетъ: успѣхъ Демальи будетъ огромный, Одилія отстранитъ васъ и помѣшаетъ вашему ангажементу... А знаете-ли вы, что такое успѣхъ? Успѣхъ привлекаетъ всѣ симпатіи, уваженіе, состраданіе. На другой день послѣ представленія, Демальи провозгласятъ образцовымъ мужемъ. Теперь общественное мнѣніе за васъ, — тогда оно будетъ противъ васъ! Онъ будетъ торжествовать, а вы...

— Это дурно, что вы мнѣ совѣтуете!

— Я ничего не совѣтую... Который часъ? Я иду обѣдать.

— Послушайте еще вотъ это, на счетъ Ламперьера. И она снова прочла отрывокъ. — Ну, что вы скажете?

— Я скажу только то, что вамъ надо оказать услугу, — и Робино, протянувъ руку, выхватилъ у нея связку писемъ, — услугу помѣшать торжеству вашего мужа!

— Робино! Робино! мои письма!.. отдайте мои письма!.. Это невозможно!.. это было бы ужасно...

— Полно ребячиться, моя милая! Вы переѣхали съ квартиры, а во время переѣзда письма всегда теряются.

— Боже мой! но... Робино, что вы хотите съ ними дѣлать?

— Вы узнаете это въ воскресенье.

И Робино поспѣшно надѣлъ шляпу и исчезъ, не давъ Мартѣ одуматься.

XXVII.

Робино окончивалъ свой туалетъ, когда привратникъ ввелъ къ нему Марту.

— Ахъ, это вы! сказалъ Робино.

— Да, любезный Робино, я разсудила. Это невозможно... въ самомъ дѣлѣ, это такая подлость! Вы хотѣли оказать мнѣ услугу... нѣтъ, право... отдайте мнѣ письма... не такъ-ли?

— Очень жаль, любезная Марта! Я могу сказать только одно: слишкомъ поздно!

— Не говорите этого, Робино... нѣтъ... вы не захотите...

— Не знаю, отвѣчалъ Робино холодно.

— Ну, полно! вѣдь вы меня любите... немужко? сказала Марта, пуская въ дѣло всѣ свои кокетливыя ужимки.

— Я?... И Робино разразился такимъ громкимъ хохотомъ, что стекла задрожали.

— О, вы меня испугали! Робино, миленькій, отдайте мнѣ письма... пожалуйста, поскорѣе...

Глаза Робино вдругъ засверкали, какъ у дикаго звѣря.

— Неужели вы не понимаете, что я издѣвался надъ вами?

Онъ снова захохоталъ и продолжалъ глухимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Такъ вы не поняли, что гадкая обезьяна втерлась къ вамъ совсѣмъ не для того, чтобъ обожать васъ! Полюбить васъ? Васъ? Да развѣ у васъ есть сердца хоть на каплю? Женщина, которая для забавы топчетъ въ ногахъ любовь мужчины и отдаетъ его на публичное посмѣяніе! Что у васъ тамъ, за вашимъ корсетомъ? Одна пустота — ничего болѣе!.. И что-жь?.. случайно нашелся глупецъ, обожающій васъ на кофляхъ, — васъ, актрису, которой первый встрѣчный говоритъ ты и обнимаетъ за талію! Онъ сдѣлалъ вамъ честь жениться на васъ по настоящему... То, что у него было въ головѣ, онъ хотѣлъ вложить вамъ въ уста, онъ хотѣлъ подѣлиться съ вами своей мыслью, своимъ успѣхомъ... И вы воображаете встрѣтить въ жизни двухъ такихъ идиотовъ! Я васъ люблю?.. я?... Но развѣ вы не поняли, что вы орудіе въ моихъ рукахъ, нѣчто, ведущее меня къ цѣли? Такъ вы

не смотрѣли на меня? Вы не видали, какъ бѣсило меня счастье Шарля? Я завидовалъ ему, да завидовалъ! Завидовалъ его свободному труду, его обезпеченному состоянію, позволявшему ни отъ кого не зависѣть, завидовалъ его домашнему счастью, его имени, его наружности, его сочиненіямъ... всему! Зависть душила меня. А вы и не догадались и не провѣдали? Да вы глупы, какъ я не знаю что...

— Замолчите...

— Да, я вкрался въ вашу семейную жизнь, чтобъ опрокинуть все вверхъ дномъ и дать вамъ почувствовать хоть сотую долю того, что меня грязло и душило. Понимаете-ли теперь? Любить васъ?.. да, вы воображали... Мнѣ нѣкогда, моя милая! Но если когда-нибудь мнѣ придетъ фантазія... что-жъ? Таланта у васъ нѣтъ; ваши ужимки начинаютъ прискучать, красота увядаетъ... Вы падаете все ниже и ниже съ каждымъ шагомъ, такъ что въ одинъ прекрасный день, послѣ сытнаго обѣда...

— Робино! вскричала Марта, опускаясь на стулъ.

— Мы поговоримъ о разныхъ разностяхъ, о хорошенькой гостиниѣ вашего мужа, о дѣтяхъ, которыя могли-бы у васъ родиться... Говорить, что материнство — струна, вѣчно звучащая у женщинъ... увидимъ!.. А впрочемъ, извините... я васъ не удерживаю, мнѣ надо заняться своимъ туалетомъ...

И онъ началъ завязывать галстухъ. Марта вышла.

Въ тотъ же день Демальи получилъ номеръ журнала, въ которомъ были напечатаны его письма. Ничего не ожидая, онъ пробѣжалъ листокъ глазами и вдругъ, какъ пораженный громомъ, упалъ за-мертво.

XXVIII.

— Какъ ты себя чувствуешь теперь? спрашивалъ пріятель Демальи, Шаваннъ, только что пріѣхавшій изъ провинціи, сидя у него въ квартирѣ. Это былъ тотъ самый Шаваннъ, которому Демальи впервые открылъ свою душу относительно жены.

— Благодарю, мнѣ лучше... отвѣчалъ Шарль. — Только ноги у меня, какъ въ огнѣ, я забылъ снять горчичники...

— Какая неосторожность съ твоей стороны выйти въ такомъ положеніи!

— Какъ только я прочелъ присланный номеръ, я упалъ за-мертво. Докторъ сказалъ, что у меня первый апоплексическій ударъ. Пфа! у меня ротъ полонъ эфира... И странно, голова какъ будто не моя... Опомнившись, я тотчасъ побѣжалъ къ Робино безъ шапки, въ однихъ туфляхъ, его не было дома.

— Ты очень страдалъ?

— Ужасно... я самъ не знаю, но что-то произошло тамъ!.. — Шарль указалъ на голову. — Я помню только, что въ ту минуту, какъ я такъ страдалъ, мнѣ пришла на умъ одна фраза, читанная мною не знаю гдѣ, въ какой-то медицинской книгѣ: что тѣ, которыхъ ведутъ на казнь, чувствуютъ какое-то отвердѣніе въ головѣ... Мнѣ казалось, что я чувствовалъ это самое...

— Что за мысль!

— Да, что-то въ родѣ этого... Ахъ, бѣдный Шаваннъ! А я какъ парочко выписалъ тебя въ Парижъ, чтобъ посмотрѣть на мою пьесу. Я оторвалъ тебя отъ твоихъ занятій, отъ привычекъ, отъ всего, что ты любишь... Стоило-ли труда? Ты уѣдешь ни съ чѣмъ, какъ и пріѣхалъ...

— Какой вздоръ! Почему же завтра не быть представленію твоей пьесы?

— Представленіе... моей пьесы? Я ее ненавижу, она пугаетъ меня... Дружбы, уваженія людей, которыхъ я любилъ и уважалъ — вотъ

чего она мнѣ стоитъ! Она мнѣ стоитъ еще, ты знаешь... Нѣтъ! конечно... я ненавижу театръ, ненавижу авторство! Такая жизнь ужасна! Я умираю отъ нея... я не хочу такой жизни... Капля славы, купленная такими муками! Ахъ, еслибъ ты зналъ!.. Нѣтъ! это торгъ безумный въ концѣ концовъ... Нѣтъ! книги, журналы, блескъ, слава, Парижъ... не нужно мнѣ ничего этого! нѣтъ! нѣтъ!.. Пойдемъ въ театръ!

Шарль нашелъ директора, до котораго дошла вся эта исторія, замѣтно охладѣвшимъ къ пьесѣ и ея автору. Шарль объявилъ, что беретъ пьесу назадъ. Директоръ, внутренне довольный, сдѣлалъ нѣсколько возраженій изъ учтивости и кончилъ тѣмъ, что изъявилъ свое согласіе.

Шаваннъ пробылъ нѣсколько дней съ Шарлемъ. Его очень удивляло, что тотъ не говорилъ ему ни о Робино, ни о своей пьесѣ, предметахъ, прежде столь близкихъ его сердцу и составлявшихъ весь интересъ его жизни. Ему показалось даже, что онъ спрашивалъ слишкомъ часто, когда онъ уѣдетъ, тѣмъ болѣе, что онъ оставался въ Парижѣ только для того, чтобъ ухаживать за нимъ.

Когда онъ собрался уѣзжать, Шарль проводилъ его на желѣзную дорогу и обѣщалъ ему пріѣхать къ нему тотчасъ какъ устроитъ свои дѣла въ Парижѣ.

XXIX.

Когда Шарль сѣлъ въ фіакръ, привезшій его и Шаванна на желѣзную дорогу, извозчикъ спросилъ у него:

— Куда ѣхать?

— Куда хочешь.

— Вы шутите, буржуа.

— Нѣтъ... куда хочешь, говорю тебѣ! Вези меня по Парижу!

Извозчикъ сѣлъ на козлы и поѣхалъ вдоль бульваровъ.

— Вотъ мы у Бастиліи, сказалъ онъ.

Шарль не отвѣчалъ. Извозчикъ неторопливо повернулъ въ улицу св. Антонія, а оттуда на набережную, съ безпокойствомъ поглядывая по временамъ на своего страннаго, неподвижнаго сѣдока. Набережная тянулась безконечно, фіакръ все ѣхалъ. Наконецъ, извозчикъ соскочилъ съ козелъ и отворилъ дверцы.

— Нѣтъ, сказалъ Шарль, не двигаясь, — я не сплю... Я напалъ тебя по часамъ. Ступай!

— Но мои лошади ничего не ѣли съ утра.

— Гдѣ мы?

— У вѣзда въ улицу Лѳон-Сенъ-Поль.

— Что это за ярлыкъ на дверяхъ?

— Тутъ должно быть отдаются комнаты внаймы.

— Вотъ тебѣ деньги.

Шарль вошелъ къ привратницѣ. Было уже совсѣмъ темно.

— У васъ отдаются комнаты внаймы?

— Да, сударь, сказала привратница, — но...

— Но что же?

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что квартиры не осматриваютъ позже семи часовъ.

Шарль положилъ на столъ десятифранковую монету.

— Покажите мнѣ комнаты.

Привратница повела его по широкой, каменной лѣстницѣ съ деревянными перилами во второй этажъ и показала ему цѣлое отдѣленіе, состоявшее изъ четырехъ или пяти большихъ и высокихъ комнатъ.

— Что это стоитъ? спросилъ Шарль.

— Я беру за нихъ тысячу франковъ, но съ васъ возьму восемьсотъ, — крайняя цѣна.

— Вотъ деньги за первую четверть впередъ. Принесите мнѣ свѣчей и стулъ.

— Но здѣсь не на чемъ лечь...

— Свѣчей и стулъ! повторилъ Шарль.

Привратница вернулась со свѣчами и кресломъ.

— Болѣе ничего не нужно? спросила она.

— Ничего... только ведро воды.

Шарль всю ночь ходилъ по комнатамъ, по временамъ опуская руки въ холодную воду и проводя ими по лбу. На другой день онъ вышелъ и отправился на свою прежнюю квартиру. Его слуга отворилъ ему.

— Ахъ, это вы, сударь! Мы не ложились спать, ни я, ни моя жена. Вы, вѣрно, нездоровы, вы такъ блѣдны...

— Приготовьте вашъ расчетъ.

— Вы отказываете намъ?

— Расчетъ!.. Да сходите къ мебельному торговцу, сейчасъ, чтобъ онъ пришелъ сюда.

Торговецъ явился.

— Что все это стоитъ? спросилъ Шарль, указывая на всю мебель, кромѣ той, которая стояла въ его прежней комнатѣ, занимаемой имъ до женитьбы.

Купецъ предложилъ цѣну, Шарль согласился, затѣмъ онъ расплатился со слугами, поручилъ привратнику доставить ему оставшуюся мебель на его новую квартиру и сѣлъ въ наемную карету. Но въ ту минуту, какъ за нимъ затворялась дверца, пожилая женщина проскользнула и сѣла въ смущеніи на переднюю лавочку, какъ бы боясь, чтобъ ее не выгнали.

— А! это ты, Франциска! сказалъ Шарль. — Ну чтожъ! поѣзжай со мной, если хочешь...

Это была старая служанка, воспитавшая его, съ которой онъ разстался, женившись, изъ боязни столкновеній между нею и его молодою женой. Шарль назначилъ ей небольшой пенсіонъ, за которымъ она приходила каждый мѣсяцъ. Попадши въ минуту распродажи мебели, не понимая, въ чемъ дѣло, и пораженная необыкновеннымъ видомъ Шарля, Франциска поняла, что за нимъ надобно ухаживать, какъ за ребенкомъ, и не разсуждая, съ самоотверженіемъ простыхъ натуръ сѣла въ карету, увозившую Шарля въ улицу Лѳон-Сенъ-Поль.

XXX.

Вотъ какой видъ открывался передъ Шарлемъ изъ окна его новой квартиры: прежде всего ворота, по бокамъ которыхъ нарисованы лошадиныя подковы, чернымъ на бѣлой стѣнѣ; потомъ большая дверь и подъ сводами этой двери, въ мрачной тѣни, въ ложѣ привратника, видна разставленная фаянсовая посуда и надъ стеклянной дверью колышется полотняная занавѣска. Въ глубинѣ двора, на право — кузница, черная, какъ сажа, съ наваленнымъ вокругъ желѣзомъ, передъ нею, въ тѣни навѣса, человекъ въ одной рубашкѣ, съ засученными рукавами, куетъ погу лошади, положивъ ее къ себѣ на колѣни и разсматривая ея дымящееся копыто. Подъ навѣсомъ, въ ногахъ лошади и сбоку, нѣтухи время отъ времени взмахиваютъ крыльями одинъ вслѣдъ за другимъ, куры клюютъ зерна въ соломѣ, цѣлый курятникъ ходитъ, бѣгаетъ, летаетъ, клюетъ и копошится. На верху навѣса изъ старыхъ досокъ устроена голубитня, наполненная шумомъ и полетомъ голубей; посреди двора нагромождена куча старой мебели и ручныхъ тележекъ, на которыхъ пріютились домашнія животныя: голуби, куры, кошки, — мурлыча, копошась и двигаясь; коза съ бѣлой шерстью, вертя головой, трется о полуразвалившійся колодезь. На лѣво — тощія виноградныя вѣтви тянутся вдоль стѣны, между оконъ съ разбитыми стеклами. И въ этомъ гомозящемся, шумящемъ міркѣ пробѣгаютъ по временамъ радуги всѣхъ цвѣтовъ: тамъ и сямъ взмахъ бѣлыхъ крыльевъ, сверканіе красныхъ гребней, переливы лазури и серебра, смѣсь яркости и блеска, о которыхъ могутъ дать понятіе только эскизы, набросанные кистью Фрагонара въ веселое праздничное утро.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА ДУНКАНА.

Сборъ морской травы.
Рѣзано на деревѣ въ Парижѣ.

Разъ въ мѣсяцъ.

Бесѣда И. Василевскаго (Буквы).

азъ въ мѣсяцъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, мнѣ бы хотѣлось устроить для себя маленькій духовный привалъ.

Видали вы когда-нибудь, какъ неумоимо стучитъ и вертится моховое колесо типографской машины?

Вмѣстѣ съ нимъ и также неумоимо стучимъ, вертимся и мы, накладчики, пріемщики и вертѣльщики ежедневнаго газетнаго хаоса. Одна срочная работа вихремъ несется за другою, одинъ недописанный листокъ бѣжитъ за другимъ, не остывшимъ еще отъ прикосновенія руки; вопросы, темы, дѣятели, случаи, частности, обобщенія, крупное и ничтожное, печальное и смѣшное, ободряющее и разстраивающее,—все это летитъ мимо сплошными тучами чернаго набора, требуя мысли, памяти, освѣщенія, придѣланной головы, на лету брошенныхъ замѣчаній, финальныхъ хвостиковъ, клея, ножницъ, терпѣнія и навыка,—того навыка, который, отнимая у насъ все, оставляетъ въ замѣтъ только нервы, избалованность вкуса и нравственную окись.

Беллетристика, театръ, музыка, живопись—не наше прямое дѣло. Я думаю, что мы бы просто помяли ихъ нашими паровыми приспособленіями, выбрасывающими въ міръ по 1000 печатныхъ листовъ въ часъ. Область искусства требуетъ душевнаго равновѣсія и покоя, нѣсколько дилетантскаго досуга, будучаго полюсовѣщенія, низенькой козетки tête-à-tête и сладко потягивающейся нѣги. А въ нашихъ газетныхъ фабрикахъ суета и горячка, деревянныя копторки и канцелярскія стѣны, хлопанье дверей, выпускающихъ пришлый дѣловой людъ и характерный запахъ не-то почтового отдѣленія, не-то театральной кассы. Искусство къ намъ не заходитъ, да и дѣлать ему у насъ было бы печего. У насъ вѣчные маневры безчисленныхъ фактовъ, копошащихся какъ инфузоріи въ каллѣ воды, пролитой на стекло микроскопа. Но именно потому, что художественная, въ широкомъ смыслѣ слова, область «не нашего вѣдомства», все мы прибѣгаемъ къ ней съ тѣмъ большею охотою и упоеніемъ. Внутренне сокрытая, бездѣйствующая, заваленная газетными кинами артистическая жилка просится наружу, пріятно дрожить и бьется при всякомъ соотвѣтственномъ случаѣ. Это и понятно, разумеется. Мысль жаждетъ конценціи, узоровъ, красокъ, штриховъ, анализа истинъ высшаго порядка; глазъ тянется къ ракурсу изящной руки, кокетливо выглядывающей изъ нѣжной кружевной оторочки, къ поэтическому простору весенняго пейзажа съ рыхлымъ, чернящимъ сѣномъ и грачами, весело рѣющимися въ прохладныхъ воздушныхъ струяхъ, заалѣвшихъ отъ солнечнаго заката, къ куску мрамора, воплотившему идею; ухо ждетъ «сладкихъ звуковъ и молитвъ», виртуознаго смычка, обворожающей солевой партіи или густого и раскидистаго хорового тона. Мы, публицисты, дѣйствительно отдыхаемъ душою въ этой священной и заповѣдной области. Мы гости въ ней, но за то намъ и праздникъ въ ней.

Мнѣ и хотѣлось бы, говорю я, устроить для себя разъ въ мѣсяцъ такой праздникъ, пользуясь гостепріимствомъ симпатичнаго и дѣйствительно общедоступнаго «Живописнаго Обозрѣнія». Гости въ немъ, я предпочиталъ бы всегдѣ не слышать стука нашихъ «паровыхъ приспособленій». Я буду оставлять поэтому въ сторонѣ, позади себя, все случайно текущее и специфически газетное. Въ моемъ лицѣ дилетантъ напраши-

вается на исподвольную бесѣду именно на низенькой козеткѣ въ уютно убранномъ и мягко освѣщенномъ кабинетѣ. Втеченіи каждаго мѣсяца я отберу нѣсколько подходящихъ темъ, а тамъ, что выйдетъ... не пеняйте, господа. Мой щитъ—дилетанство и мое желаніе—не только вамъ не наскучитъ, но и себя поразвлечетъ.

Январь не обидѣлъ моей программы. Въ области беллетристики появился очеркъ Гончарова, на русской сценѣ поставлена такая капитальная пьеса, какъ «Уріель Акоста», а въ музыкальномъ мірѣ праздновали, какъ новинку, постановку «Майской ночи», оперы Римскаго-Корсакова.

I.

«Литературный вечеръ»—такъ именуется красивая бездѣлушка даровитаго и тароватаго на работу романиста. Это именно красивая бездѣлушка со всеми достоинствами и недостатками, свойственными произведеніямъ такого типа. Она напоминаетъ вамъ знаменитые *articles de Paris*—витрину съ мелочами, тонко задуманными, великолѣпно обработанными, со вкусомъ разукрашенными, дорого стоящими и совершенно безцѣльными. Возьмете вы въ руки на Итальянскомъ бульварѣ или подъ перспективными сводами Пале-рояля такой нарядный ларецъ и невольно залюбуетесь его деталями: фигурныя золоченныя ножки; шнуръ и бахрома кругомъ; прекрасно моделированная ручка въ длинной балльной перчаткѣ на крышкѣ. Повертите вы этотъ ларецъ на разныя стороны, откроете его и защелкнете, убѣдитесь въ достоинствѣ матеріи, въ отсутствіи лишняго, въ гармоніи цѣлаго съ частями, въ изобрѣтательности опытнаго мастера и съ нѣкоторою досадою поставите ларецъ на его прежнее мѣсто. Васъ смутитъ рѣшительная неизвѣстность цѣли, съ которою сдѣлана эта хорошенькая ненужность.

Такое самое впечатлѣніе складывается у васъ, когда вы кончаете послѣднія строки «Литературнаго вечера» и закрываете первую книгу «Русской рѣчи». Такъ много таланта и для такого *article de Paris*! Столько лѣтъ безвѣстнаго молчанія и такой странный капризъ, чтобы вновь напомнить о своемъ существованіи.

Авторъ вводитъ въ замкнутый аристократическій кружокъ и подготавливаетъ къ предстоящему чтенію великосвѣтскаго романа, написаннаго исключительно для друзей и поклонниковъ сановнаго сочинителя и отнюдь не предназначеннаго для демократизаціи его путемъ печати. Литературный вечеръ долженъ произойти въ роскошныхъ покояхъ гастронома и бонвивана Григорія Петровича Уранова, пригласившаго къ себѣ своихъ близкихъ, интимныхъ знакомыхъ не столько изъ за ожидаемаго беллетристическаго перла, сколько изъ-за возможности устроить à propos классическій ужинъ. Въ числѣ собравшихся есть жеманная безцвѣтная графиня, постоянно заботящаяся о постоянно улыбающейся дочкѣ, есть добродушный профессоръ, скудный на вердикты и опредѣленія, есть приличный и безличный редакторъ, есть всѣхъ любящая и всѣми любимая вдова Лилина, съ сердцемъ голубя и мировоззрѣніемъ малиновки, есть строгій генералъ Красноперовъ, категорически увѣряющій, что «страху намъ надо», есть нѣсколько молчаливыхъ и зѣвающихъ нижоновъ статскаго и военнаго образа, есть наконецъ и герой очерка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *great attraction* литературнаго вечера, нѣкто Кряковъ, газетный критикъ, совершенно случайно попавшій въ чопорное, титулованное, духами изъ Пармы отдающее общество.

Чтеніе великосвѣтскаго романа происходитъ за чашками чаю и нѣжными сладостями. Романъ оказывается плодомъ междуслужебныхъ досуговъ высокопоставленнаго автора-гостя, раздѣляющаго весь міръ только на двѣ градаціи: на добро-

дѣтельныхъ архипросвѣщенныхъ патриціевъ, всеми силами заботящихся о химической чистотѣ своей расы, и на низкопробныхъ, въ житейскомъ болотѣ подвизающихся, плебеевъ, существующихъ, подразумеваемыхъ, но изъ приличія совершенно неупоминаемыхъ. Читаемый въ очеркѣ романъ выложенъ, какъ фізіономія чиновника въ день именинъ начальника, возвышенъ въ чувствахъ, какъ стихъ французскаго псевдоклассика, и простъ по фабулѣ, какъ сценарій греческой драмы. Онъ жидокъ, безкровенъ и душентъ; въ немъ все дѣланно, натянато и наивно; весь онъ, съ точки зрѣнія искусства, сплетеніе фальшивыхъ сценъ и кукольныхъ, разряженныхъ героевъ, щедро нарумяненныхъ и всеми качествами надѣленныхъ. Бѣдность замысла является въ этомъ произведеніи законною спутницею самоувѣренной бездарности. Само собою разумеется однако, что *société* Григорія Петровича Уранова разсуждаетъ иначе.

Чтеніе романа кончено, и большинство слушателей исполнено восторга. Слышатся замѣчанія, но онѣ стремятся лишь услужливо разъяснять автора; высказываются критическіе отзывы, но они сводятся только къ напоминанію о лучшихъ мѣстахъ даровитаго произведенія; искреннее удивленіе крошечныхъ умовъ и живая лесть непризнающихъ вообще никакой литературы пошляковъ и виверовъ плетутъ для автора лавровые вѣнки и поютъ ему хвалебныя гимны. Рѣзко, неожиданно, дико звучитъ въ этой аристократической гостиной одинъ лишь протестующій голосъ Крякова. Кряковъ по умственному складу своему слегка видоизмѣненный, пообчищенный, умытый и въ бѣлую рубашку съ чернымъ галстуконъ наряженный Маркъ Волоховъ, того же Гончарова. Онъ ультра-реалистъ, вѣрующій только въ отрицанія, представитель парадоксовъ, странностей и скомканыхъ контрастовъ. Вѣщная его неуклюжесть и неловкость съ избыткомъ искупаются въ немъ чрезмѣрною развязностью весьма дурного тона. Въ отвѣтъ на хоромъ кругомъ раздающіяся похвалы и одобренія, Кряковъ «отливаетъ пули», не совѣмъ даже вѣроятны. Онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на своихъ опонентовъ и ничуть не заботится о внѣшней формѣ своихъ злостныхъ и свирѣпыхъ репликъ, которыя во многихъ мѣстахъ и получаютъ разнузданно-трактирный характеръ. Кряковъ, конечно, служитъ для всѣхъ собравшихся пикантнымъ феноменомъ и забавнымъ чудовищемъ. Его не выбрасываютъ за двери только потому, что его дерзость и откровенность достигаютъ крайнихъ гомерическихъ размѣровъ. Наряду съ язвительными, остроумными и вполне справедливыми замѣчаніями, Кряковъ проводитъ цѣлую серію сумбурныхъ и окарикатуренныхъ понятій, выдавая ихъ за послѣднее слово человѣческаго міросозерцанія. Кряковъ страшенъ, непонятенъ, неестественъ въ данной обстановкѣ и среди данныхъ лицъ. Но странность и неестественность этого окарикатуреннаго сплута вътрое еще увеличиваются и пристегиваются къ новому Гончаровскому очерку совершенно анекдотическую развязку, непростительно банальнаго свойства, когда вы узнаете отъ Гончарова, что Кряковъ всегдѣ не Кряковъ, не газетный критикъ, а нѣкій павловскій актеръ, шутовски загримированный и неизвѣстно зачѣмъ очутившійся на великосвѣтскомъ интимномъ вечерѣ у великосвѣтскаго хлѣбосола.

Что сказать о такой причудливой побасенкѣ послѣ двѣнадцатилѣтняго молчанія ся автора?

Во внѣшнемъ отношеніи и «Литературный вечеръ», конечно, блестящъ и замѣчательнъ. Въ отношеніи къ формѣ, г. Гончаровъ всегда былъ неподробенъ. Огромное дарованіе не измѣнило ему и въ данномъ случаѣ: удивительная кисть осталась прежнею; краски дышатъ свѣжестью,

разнообразіемъ, деликатностью тоновъ и нюансовъ; мастерскія характеристики двумя-тремя типичными съ громадною наблюдательностью схваченными штрихами вырисовываютъ цѣлую фигуру; всѣ сцены ведутся просто, естественно и картинно; не взирая на то, что почти весь очеркъ носитъ діалогическій складъ, не скончаемые «разговоры» ничуть не утомляютъ читающаго; не взирая тоже на отсутствіе въ очеркѣ декоративно-описательной части, этого *cheval de bataille* Гончарова, и на преобладаніе тенденціозныхъ теченій и аллюровъ, — очеркъ вообще мастерски написанъ и прочитывается въ одинъ присѣтъ съ большимъ и утонченнымъ удовольствіемъ.

Но что, повторяю, сказать объ этомъ драгоцѣнномъ, анекдотически зашелкивающимся ларцѣ?

Неужели пылѣвшая наша жизнь только и серьезна, что со стороны анекдотической?..

II.

«Уріель Акоста» давно написанъ Гукковымъ. Нѣмецкій мыслитель-романистъ избралъ для своей пятиактной трагедіи историческій фактъ, который не могъ не соблазнить драматурга. Фактъ этотъ общалъ совѣмъ новую для театраль-ныхъ подмостковъ и малоизвѣстную для публики среду, связывалъ небольшую группу дѣйствующихъ лицъ дѣйствительно драматическою нитью, обставлялъ пьесу сильными, естественно появляющимися эффектами и выдвигалъ на первый планъ героя почти шекспировской концепціи. «Уріель Акоста» — крупный и прекрасный вкладъ въ область театра, фактъ, имѣющій столь же мало общаго съ побрякушками и блестками нашего текущаго непереводаго репертуара, какъ настоящій камень чистой воды — съ десятирублевыми коннтурами пасажной выставки. Вы съ удовольствіемъ смотрите и съ удовольствіемъ слушаете эту печальную повѣсть великаго, борющагося духа.

Пьеса дышетъ средневѣковою жизнью, и дѣйствіе происходитъ въ Амстердамѣ, съ давнихъ временъ, подобно Франкфурту на Майнѣ, служащему главнымъ центромъ консервативнаго, обособленнаго, старообряднаго еврейства. Тамъ есть древнія синагоги, спартански обставленныя, мрачныя и величавыя; тамъ общины, съ нескрываемымъ религіознымъ фанатизмомъ, блюдутъ святость обычаевъ, подчиненіе духа талмудной буквѣ; тамъ еврейская дѣвушка, пробѣгая улицу легкою поступью, не смѣла бросить снисходительнаго взора въ сторону христіанскаго юноши; тамъ, наконецъ, позоръ отлученія, слѣпая месть и страстный религіозный заговоръ всѣхъ противъ одного, ждалъ всякаго члена деспотической общины, рѣшившагося сдѣлать уступку разуму во вредъ преданію. Уріель Акоста — молодой еврей, щедро одаренный отъ природы, совершаетъ передъ современниками своимъ именно этотъ тяжкій грѣхъ. Онъ поступаетъ всѣми іудейскими традиціями, сбрасываетъ съ своего нравственнаго «я» всѣ заржавѣлыя оковы и, озаренный свѣтомъ смѣло и привольно даращаго духа, выступаетъ одинъ въ чистое поле. Онъ — философъ возрожденія, отрицатель схоластики, мрака, фанатизма и всяческаго насилія въ сферѣ мысли. Написанный Акостой трактатъ приводитъ въ волненіе всю общину, восстанавливаетъ ее противъ измѣнившаго члена и влечетъ за собою (во 2-мъ дѣйствіи) превосходно задуманную картину отлученія. Сѣдой раввинъ въ черномъ одѣяннѣ, сопровождаемый двумя служками съ черными зашнурованными свѣчами, бросаетъ Акостѣ анафему въ присутствіи собравшейся толпы. Жрецъ фанатизма проклинаетъ то чрево, которое родило измѣнника, проклинаетъ всякаго, кто прикоснется къ краямъ его одежды, призываетъ бѣсовскую силу для самаго жестокаго

воздаянія и предвѣщаетъ Уріелю смерть собаки, зарытой въ пескахъ, послѣ томительнаго блужданія въ безвѣстной пустынѣ. Сцена проклятій — одна изъ лучшихъ въ пьесѣ. Въ подлинникѣ она обладаетъ необыкновенной силой и картинностью. Она послѣдовательно перебираетъ ветхозавѣтныя фигуральности, сравненія и уподобленія, а разнѣрная скандированная форма придаетъ ей еще больше торжественности. Каждый стихъ будто мечемъ падаетъ на главу проклинаемаго. Гукковъ вполне оцѣнилъ благодарность этого момента и воспользовался имъ вполне, а русскій переводъ опытнаго и умѣлаго П. И. Вейнберга не обезцвѣтилъ колорита и не ослабилъ внутренней энергіи.

Публичное проклятіе, испавшее на Уріеля Акосту, служитъ началомъ трагической борьбы героя съ самимъ собою и съ рядомъ роковыхъ обстоятельствъ. Отлученіе отъ іудизма кладетъ запретъ на любовь Акосты къ еврейкѣ Юдифи, дочери богатаго амстердамскаго купца, и ниспосылаетъ тяжкія матеріальныя невзгоды на ни въ чемъ неповинную семью Акосты, искренне преданную ему и сердечно имъ любимую. Вводная фигура слѣпой старухи, матери Уріеля, безропотно выносящей всѣ выпадающія на ее долю испытанія, обладаетъ истинною поэзіею. Фанатическая толпа и ее духовные руководители согласны простить вольнодумнаго отщепенца лишь въ томъ случаѣ, если онъ самъ публично разорветъ и опозоритъ свой трактатъ, если публично-же откажется отъ всего своего міровоззрѣнія и заживо похоронитъ свою мыслящую сущность. Юдифь употребляетъ со своей стороны все чарующее, кабалистическое вліяніе безумно-любимой женщины, чтобы смирить протестъ въ душѣ Акосты, затупить взыхнувшее въ немъ пламя и примирить его съ общиною. Уріель бѣжитъ отъ нея, какъ отъ зловѣщаго соблазна, но, подойдя къ синагогѣ, страшится ужасовъ, вызванныхъ отлученіемъ, поддается и переступаетъ порогъ ярко, празднично освѣщеннаго капища. Собравшаяся толпа съ жадностью ждетъ тамъ потѣшнаго для нея акта нравственнаго самоубійства.

Въ четвертомъ дѣйствіи — центръ тяжести и лучшія красоты трагедіи. Еврейская синагога залита огнями. Ступени, покрытыя краснымъ сукномъ, ведутъ на возвышеніе съ центральнымъ жертвенникомъ; тутъ символическій куполь съ золотыми звѣздами по голубому фону, громадныя талмудическія фоліанты, традиціонныя семисвѣщники съ восковыми свѣчами; тутъ же весь старческий вѣроисповѣдныи синклитъ съ столѣтнимъ раввиномъ во главѣ, толпы народа и пѣніе молодыхъ голосовъ кантора и хора за сценою. Отрекающійся въ длинной одеждѣ бѣлаго цвѣта — синонима очищенія. Акоста, войдя на вышку и переживая страшную горячку внутреннихъ мукъ, выпиваетъ свою чашу до дна. Онъ неистово опозориваетъ самого себя, предаетъ толпѣ на растерзаніе все имъ передуманное и выстрадавшее, топчетъ башмаками излюбленныя страницы многолѣтняго, въ тиши философскаго уединенія выработаннаго, труда и, со гласно талмудическому обычаю, ложится, для завершенія обряда, у порога синагоги, дабы «всѣ честные люди» карающе черезъ него переступали.

Обрядъ конченъ, актъ позора совершенъ, личность раздавлена и уничтожена, философъ превращенъ въ жалкаго отступника, кающагося въ томъ, что составляло его гордость и доблесть. Но тутъ-же, въ синагогѣ, уже послѣ отреченія отъ самого себя, Акоста узнаетъ о двухъ новыхъ для него ударахъ: ему сообщаютъ, что старуха, мать его, скончалась и что Юдифь, подчиняясь волѣ отца, стала женою другого. Главныхъ поводовъ, вызвавшихъ невольное примиреніе Урі-

еля съ закоптѣлымъ мракомъ, болѣе нѣтъ, и весь притаившійся на днѣ души его протестъ вырывается тутъ-же наружу съ страшною, ошеломляющею слушателей, силою. Акоста, силою обстоятельствъ отказавшійся отъ самого себя, теперь съ трагическою радостью вновь отказывается отъ невольно допущеннаго имъ ренегатства. Онъ какъ бы вырастаетъ на сценѣ, и новое искреннее, горячее слово льется огненною лавою. Отверженная, сдавленная и поруганная мысль вступаетъ въ свои вѣковѣчныя непобѣдимыя права, рветъ по пути всѣ препоны, хочется надъ ничтожными успіями обрѣзать у нея крылья, обращается къ свѣту, къ правдѣ, свободѣ и, отряхавъ прахъ отъ ногъ своихъ, торжествуя выходитъ изъ фанатическаго капища.

Послѣднее, пятое дѣйствіе даетъ уже только развязку, очень схожую съ эпилогомъ «Ромео и Джульетты». Уріель застрѣливается, а Юдифь принимаетъ ядъ и умираетъ.

Вывидите теперь, какъ просторно задумана Гукковымъ его драма, какъ много въ ней свѣжаго, чистаго воздуха и дѣйствительно художественнаго, общечеловѣческаго интереса. Въ монологахъ и отдѣльных сценахъ пьесы щедро разсыпаны прекрасныя морализирующія истины, довольно тонкія психическія замѣчанія и восторженныя, правдивыя фразы языка страсти. Вы чувствуете въ то же время, что это капитальное произведеніе могло бы достигнуть своей настоящей высоты на сценѣ только въ томъ случаѣ, если Акосту изображаетъ актеръ съ большимъ драматическимъ дарованіемъ. Уріеля Акосту нельзя «сиграть» въ рутинномъ смыслѣ слова: его нужно воспроизвести во всей полнотѣ штриховъ этой сложной и прекрасной натуры. Для подобной задачи нужны были бы огонь, умъ и мастерская школа Сальвини или Росси. У насъ-же въ роли Уріеля выступилъ г. Сазоновъ, артистъ не безъ дарованія, но отнюдь не талантъ большого калибра. Онъ былъ сносенъ. Остальной персоналъ, за исключеніемъ г-жи Дюжиновой — Юдифи и г-жи Жулевой (матери Акосты) былъ неспособенъ. Пьеса въ общемъ скорѣе чувствовалась и мысленно воспоилась, чѣмъ смотрѣлась и удовлетворительно разыгрывалась.

III.

Г. Римскій-Корсаковъ — большой искусникъ на небольшія дѣла. У него есть и превосходное знаніе музыки, и граціозный, довольно изощренный вкусъ, и великое терпѣніе чрезвычайно трудолюбиваго исполнителя: во всѣхъ его произведеніяхъ вы не найдете, пожалуй, ни одной основной и самостоятельной музыкальной фразы, которая не носила бы на себѣ явственныхъ слѣдовъ тщательной отдѣлки. Это работа часовщика или ювелира: все въ ней подогнано, прилажено, зашнуровано, отшлифовано, отполировано и даже позолочено. Ухо слушателя можетъ быть спокойно: г. Римскій-Корсаковъ его не оскорбитъ и не изнасилуетъ. Оно будетъ воспринимать мелодіи пріятныя и стройныя, речитативы звучныя и не утрированныя, аріи гладкія и милостивыя. Но у г. Римскаго-Корсакова, къ его великому несчастію, нѣтъ размаха и творческаго богатства. Онъ безукоризненно съумѣетъ воспроизвести всякій данный ему извнѣ мотивъ, онъ не заставляетъ желать ничего лучшаго на почвѣ заимствованій, производимыхъ имъ къ тому же съ большимъ умѣніемъ, но его самого никогда не хватаетъ для большого и законченнаго музыкальнаго цѣлаго. Онъ выставитъ вамъ десятокъ удачныхъ, недуренькихъ, съ удовольствіемъ запоминаемыхъ собственныхъ мотивовъ, широко зачерпнетъ изъ области народной, принадлежащей данной мѣстности музыки, но все это окружитъ безцвѣтнымъ и сѣренькимъ дополнительнымъ фономъ. Счастливые отдѣльные моменты не искупаютъ у него многоактной растя-

пуготы, и общее впечатленіе остается полунепредѣленнымъ и полунудовлетвореннымъ. Въ произведеніяхъ г. Римскаго-Корсакова видѣнъ даровитый музыкантъ, но не плодотворный высокостоящій композиторъ.

«Майская ночь» — музыкальная идиллія, происходящая въ Малороссіи. Южнорусская обстановка избрана авторомъ для болѣе свободнаго пользованія задумевшими и живописными украинскими мотивами, присутствіе которыхъ, не смотря на ихъ общензвѣстность, и служитъ лучшимъ украшеніемъ новой оперы. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ «Майской ночи», гдѣ г. Римскій-Корсаковъ приводитъ эти мотивы, чувствуется жизнь, красота и разнообразіе. Вы внимаєте десяткамъ малороссійскихъ думокъ, перетасованныхъ другъ съ дружкой на всевозможные лады. Лучшіе номера оперы постоянно раздражаютъ слушателя и постоянно какъ бы держатъ его въ ожиданіи чего-то еще предстоящаго. Но заповѣсь падаетъ, и «Майская ночь» кончена. Оказывается, что въ ней есть все, кромѣ общаго музыкальнаго плана и самостоятельныхъ идей композитора. Опера слушается безъ особаго утомленія: это ея достоинство, но въ этомъ же и вся ея аттестация. Не мудрено поэтому, что она прошла безъ особаго успѣха, тѣмъ болѣе, что постановка оперы была плохая и небрежная. Въ Малороссіи вдругъ оказались бревенчатые избы великорусскаго типа, украинскія свитки походили на желтоватые больничные кафтаны, а г-жа Бичурина выступила чуть ли не въ костюмъ Паолы-Марье изъ «La boulangère à deux écus». У малороссійской деревенской молодухи вдругъ оказались розовые шелковые чулочки опереточныхъ традицій. Это — сдобно, но въ серьезной музыкѣ можно-бы обойтись безъ офенбавовскихъ аксессуаровъ.

Волкъ.

Романъ Эрикмана Шатріана. Переводъ М. Минутъ.
(Продолженіе.)

Глава X.

Я блуждалъ около Нидека, не умѣя найти прежній выходъ. Столько безпрерывнаго волненія и безпокойства сильно на меня подѣйствовало. Я шелъ на удачу, съ ужасомъ спрашивая себя, не помѣшался ли я, не рѣшаясь вѣрить всему, что я видѣлъ, и однако былъ испуганъ ясностью моихъ умозрѣній.

Этотъ человѣкъ, который бросаетъ во мракъ факель, востѣ, какъ волкъ, который хладнокровно совершаетъ воображаемое преступленіе, не упустивъ изъ виду ни малѣйшей подробности, никакой случайности, убѣгаетъ и бросаетъ въ пропасть тайну своего злодѣянія: все это мучило меня, проносясь передъ моими глазами и производя на меня дѣйствіе кошмара.

Я бѣжалъ, задыхаясь, по спѣгу, не зная въ какую сторону мнѣ направиться. На разсвѣтъ стало холоднеѣе. Я дрожалъ отъ стужи. Я проклиналъ Сперверя, что онъ увезъ меня изъ Фрибурга, чтобы впасть въ такое гнусное положеніе. Наконецъ, истощенный, съ запылевшей бородой, съ полумороженными ушами, я добрался до рѣшетки и изо всей силы позвонилъ. Было около четырехъ часовъ утра. Долго мнѣ пришлось ждать Кнапвурста. Его каморка, устроенная въ скалѣ у большихъ воротъ, была молчалива; мнѣ казалось, что горбунъ никогда не одѣнется.

Я позвонилъ еще разъ. Тогда быстро явилась утомительная фizioномія и свирѣпо закричала на меня:

— Кто тамъ?

— Я... докторъ Фрицъ!

— А, это другое дѣло.

Онъ вошелъ къ себѣ за фонаремъ, прошелъ дворъ по колѣна въ спѣгу и посмотрѣлъ на меня изъ-за рѣшетки.

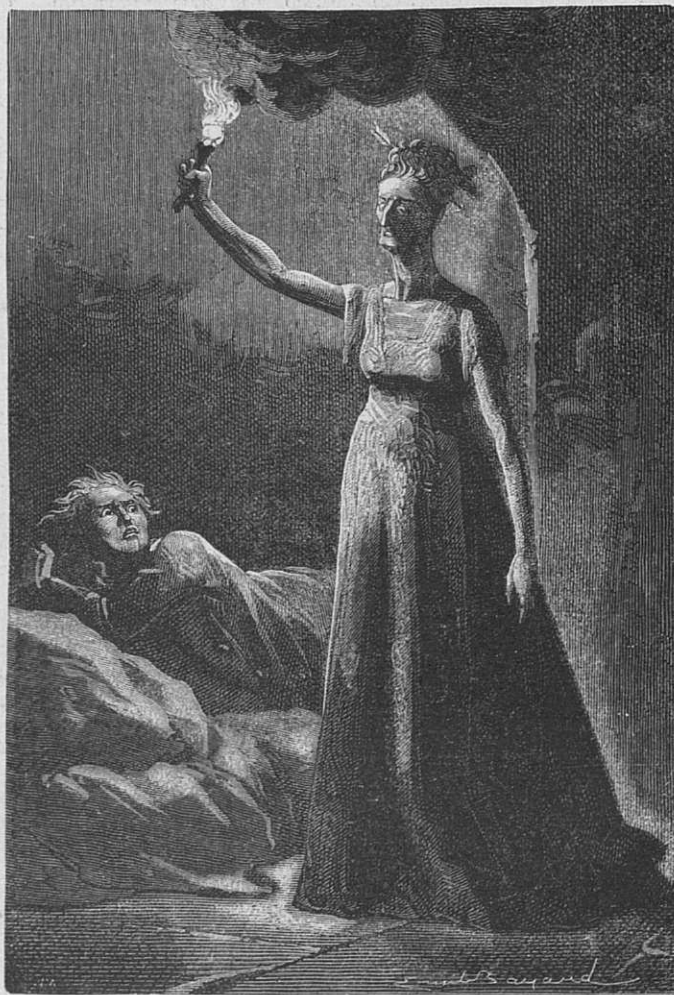
— Извините, г. докторъ, сказалъ онъ, — я думалъ вы сите на верху въ башнѣ Гуго. Это вы звонили? Такъ вотъ почему ночью Сперверъ спрашивалъ меня, не выходилъ ли кто изъ замка. Я отвѣчалъ, что никто не выходилъ, и точно я васъ не видалъ.

— Но ради Бога, любезный Кнапвурстъ, отворите скорѣй! Вы мнѣ расскажете это потомъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, потерпите.

И горбунъ медленно вытащилъ засовъ и отворилъ рѣшетку, а у меня зубъ на зубъ не понадалъ и я дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Вы очень озябли, докторъ, сказалъ онъ мнѣ, — а въ замокъ попасть нельзя: Сперверъ заперъ наружную дверь, не знаю зачѣмъ, только

(Къ роману «Волкъ»). Ея взглядъ парализовалъ меня.
(См. № 6 стр. 110.)

обыкновенно запирается одна рѣшетка. Зайдите ко мнѣ погрѣться. Моя каморка вамъ не очень поправится. Откровенно говоря, это просто чуланъ, но когда холодно, такъ сойдетъ и это.

Не отвѣчая на его болтовню, я быстро послѣдовалъ за нимъ. Мы вошли въ каморку и я, не смотря на то, что былъ полумороженъ, не могъ не полюбоваться на живописный безпорядокъ этого гнѣзда. Асфидная крыша съ одной стороны прислонилась къ скалѣ, а съ другой — къ высокой стѣнѣ; почернѣвшія балки выступали до самой верхушки. Помѣщеніе состояло всего изъ одной комнаты въ два окошка съ шестиугольными стеклами, на которыхъ луна отражалась всѣми цвѣтами радуги. Посреди комнаты стоялъ четырехугольный столъ. Нѣсколько полокъ были завалены свертками пергамента и старыми рукописями, большими и маленькими. На столѣ былъ раскрытъ огромный томъ съ цвѣтными прописными буквами, въ бѣломъ кожаномъ переплетѣ, съ серебряными застежками. Мнѣ казалось, что это было собраніе хроникъ. Наконецъ

убранство дополнялось двумя креслами, изъ которыхъ одно было обито красной кожей, а на другомъ лежали пуховыя подушки, на которыхъ кривая спина и уродливый хребетъ Кнапвурста оставили свой отпечатокъ.

Я умолчу о контрукѣ, перьяхъ, кистетѣ съ табакомъ, о пяти или шести разрозненныхъ трубкахъ и о маленькой печкѣ въ углу, дверца которой была отворена и изъ нея по временамъ вылетали искры съ шипѣньемъ, напоминавшимъ кошку, когда она поднимаетъ лапу и сердится. Все это было подернуто тѣмъ чудеснымъ колоритомъ, который смягчаетъ рѣзкость тоновъ и тайна котораго исчезла вмѣстѣ съ фламандской школой.

— Вы, значитъ, вышли вчера вечеромъ, г. докторъ? спросилъ меня Кнапвурстъ, когда мы удобно усадились.

— Да, довольно рано, отвѣчалъ я, — одинъ шварцвальденскій дровосѣкъ нуждался въ моей помощи: онъ разсѣкъ себѣ топоромъ лѣвую ногу.

Это объясненіе, казалось, удовлетворило горбуна; онъ закурилъ трубку, старую бую трубку, совсѣмъ черную, которая свѣшивалась ему на подбородокъ.

— Вы не курите, докторъ?

— Нѣтъ, курю.

— Ну, такъ набейте одну изъ моихъ трубокъ. А я вотъ чѣмъ былъ занятъ, сказалъ онъ, протягивая длинную, сухую руку къ раскрытой книгѣ, — я читалъ хроники герцога, когда вы позвонили.

Теперь я понялъ, почему онъ заставилъ меня такъ долго дожидаться.

— Вамъ хотѣлось кончить главу, спросилъ я, улыбаясь.

— Да, отвѣчалъ онъ также съ улыбкой. Мы посмѣялись.

— Но если бы я зналъ, что это вы, я бы прервалъ главу.

Мы помолчали. Я смотрѣлъ на оригинальную фizioномію горбуна, на его глубокія морщины, лежація вокругъ щекъ, на узенькіе глазки, на кривой носъ, округленный на концѣ, и особенно на его обширный лобъ. Я находилъ въ немъ нѣчто сократовское и, грѣясь и прислушиваясь къ треску огонька, раздумывалъ о странной участи нѣкоторыхъ людей: «Вотъ этотъ карликъ, думалъ я, — это существо, изуродованное, невзрачное, затертый въ самомъ углу Нидека, какъ сверчокъ, который трещитъ за очагомъ, — вотъ этотъ Кнапвурстъ, который среди волненія, большихъ охотъ, ежедневныхъ кавалькадъ, шума и визга, среди побѣдныхъ охотничьихъ криковъ, одинъ зарылся тихо въ книги, думая

лишь о прошлыхъ временахъ, въ то время, какъ все плачетъ или поетъ около него, въ то время, какъ весна, лѣто, зима поочередно заглядываютъ въ его тусклые стекла! Въ то время, какъ другіе люди предаются увлеченіямъ любви, честолюбія, скуности, падаютъ, завидуютъ, желаютъ, онъ одинъ ни на что не падѣется, ничему не завидуетъ, ничего не желаетъ. Онъ покуриваетъ свою трубочку и, устремивъ глаза на старый пергаментъ, мечтаетъ, увлекается прошлымъ и счастливъ. Его сухая кожа морщится, кривая спина больше гнется, худые локти буравятъ столъ, длинные пальцы подпираютъ щеки, маленькіе сѣрые глазки устремляются на латинскія, этрускія или греческія письмена. Онъ восторгается и облизываетъ себѣ губы, какъ кошка послѣ лакомаго блюда. Потомъ онъ протягивается на своемъ ложѣ въ полномъ удовольствіи. Боже правый, гдѣ же, наверху или внизу общественной лѣстницы, правильнѣе исполняются обязанности въ суровомъ примѣненіи Твоихъ законовъ. А пока спѣтъ от-

таясь съ моихъ ногъ, меня охватила пріятная теплота, я чувствовалъ, что я оживился въ этой атмосферѣ табаку и душистой смолы.

Кнапвурстъ положилъ трубку на столъ и ударилъ рукой по книгѣ.

— Вотъ, докторъ Фрицъ, сказалъ онъ почувствованнымъ, серьезнымъ тономъ, — вотъ законъ и его толкователь!

— Какимъ это образомъ, Кнапвурстъ?

— Да, вотъ этотъ старый пергаментъ! Старые, пожелтѣвшіе, источенные червями листочки, вотъ все, что осталось намъ отъ прошлыхъ временъ, со времени Карла Великаго и до сегодня! Старыя фамиліи вырождаются, а старые пергаменты существуютъ! Что бы значила слава Гогенштауфеновъ, Лейпнигеновъ, Нидековъ и другихъ знаменитыхъ родовъ?.. Что значили бы ихъ титулы, ихъ великія дѣла, ихъ предпріятія и походы въ Святую землю, ихъ союзы, притязанія, одержанныя побѣды? Что бы все это значило безъ этихъ пергаментовъ? Ничего! Эти высокіе бароны, герцоги и князья все равно, какъ бы не существовали вовсе! Ихъ богатые замки, дворцы и крѣпости разрушаются, все превращается въ развалины и объ нихъ остается только слабое воспоминаніе. Изъ всего этого лишь одно имѣетъ силу и значеніе — хроники, исторія, пѣсни бардовъ или миннезенгеровъ, пергаменты! И въ эти отдаленныя времена, когда великіе рыцари и вельможи бились, спорили и дрались изъ-за какого-нибудь уголка лѣса, съ какимъ презрѣніемъ смотрѣли они на бѣднягу писателя, этого тихаго ученаго, въ камлотовомъ камзолѣ, съ чернильницей за поясомъ вмѣсто всякаго оружія! Боже, какъ ихъ презирали, говоря: «Это ничтожество никуда не годится, ничего не хочетъ дѣлать, не собираетъ податей и не управляетъ нашими владѣніями, тогда какъ мы, смѣлые бойцы, закованные въ желѣзо, съ конемъ въ рукахъ, мы все!» Да, они говорили это, смотря на босого ученаго, какъ онъ дрожалъ отъ холода зимой и обливался потомъ лѣтомъ. И вотъ это-то ничтожество сдѣлало то, что они пережили свои замки и ржавое оружіе! Вотъ почему я такъ чту эти старые пергаменты. Они, какъ плющъ, обвиваютъ развалины и препятствуютъ въ концѣ разрушиться старымъ стѣнамъ.

Говоря это, Кнапвурстъ казался сосредоточеннымъ, важнымъ; эти мысли увлажнили его глаза.

Бѣдный горбунъ, онъ любилъ тѣхъ, кто покровительствовалъ его предкамъ! Да и наконецъ, онъ былъ правъ, его слова имѣли глубокой смыслъ.

Я былъ пораженъ.

— Такъ вы, любезный Кнапвурстъ, знаете латынь?

— Да, докторъ, самоучкой, отвѣчалъ онъ безъ нѣкотораго самодовольства, — латынь и греческій языкъ; мнѣ помогли старыя грамматики. Онъ изъ книгъ графа; ихъ хотѣли выбросить, я и взялъ ихъ себѣ. Графъ Нидекъ разъ случайно слышалъ, какъ я привелъ латинскую цитату и удивился: «Кто тебя выучилъ латыни, Кнапвурстъ?» — «Я самъ, ваше сіятельство». Онъ мнѣ изволилъ задать нѣсколько вопросовъ. Я порядочно на нихъ отвѣтилъ; тутъ его сіятельство сказалъ: «Ахъ, чортъ возьми, Кнапвурстъ знаетъ больше меня, надо его сдѣлать архивариусомъ»; и тогда вручилъ мнѣ ключъ отъ архива. Съ тѣхъ поръ прошло уже тридцать пять лѣтъ, я все перечиталъ, все пересмотрѣлъ. Иногда графъ, увидя меня на лѣстницѣ, на минуту останавливается и спроситъ: «Что ты дѣлаешь, Кнапвурстъ?» — «Читаю фамильные архивы, ваше сіятельство!» — «И

это тебя занимаетъ?» — «Очень». — «Ну и слава Богу, слава Нидековъ померкла бы безъ тебя, Кнапвурстъ! Посмѣется и уйдетъ. Я здѣсь дѣлаю, что мнѣ угодно.

— Такъ графъ добрый человѣкъ?

— О, докторъ, какое у него сердце! Какъ онъ примодушенъ! сказалъ горбунъ, складывая руки, — у него только одинъ недостатокъ.

— Какой же?

— Онъ не честолюбивъ.

— Какъ это?

— Да, онъ бы могъ всего достигъ. Вѣдь онъ Нидекъ! Это славнѣйшая фамилія въ цѣлой Германіи; еслибы онъ захотѣлъ, онъ былъ бы министромъ, фельдмаршаломъ! Такъ нѣтъ, еще въ молодости онъ удалился отъ политики; онъ только ходилъ въ войну съ Франціей; тогда онъ выставилъ цѣлый полкъ; за преклоненіемъ, говорю, этаго похода, онъ всегда держался вдали отъ шума, волненія, жилъ частнымъ человѣкомъ и думалъ только объ охотѣ.

(Къ роману «Волкъ».) Длинный саванъ мелькнулъ надъ ущельемъ. (См. № 6 стр. 111.)

Всѣ эти подробности въ высшей степени интересовали меня. Разговоръ принималъ желанный для меня оборотъ. Я рѣшился этимъ воспользоваться.

— Такъ у графа нѣтъ какихъ-нибудь сильныхъ страстей?

— Никакихъ, докторъ, и это крайне жалко, ибо сильныя страсти — слава сильныхъ фамилій. Несчастіе, когда представитель высокаго рода не честолюбивъ, онъ умаляетъ величіе имени. Я бы могъ вамъ привести много примѣровъ! То, что составляетъ счастье семейства купца, то губитъ знаменитыя фамиліи.

Я былъ изумленъ; всѣ мои предположенія о прошломъ графа пошли прахомъ.

— Однако графъ Нидекъ испытывалъ несчастья?

— Какія?

— Онъ лишился жены...

— Да, вы правы... его жена была ангелъ! Онъ женился по любви... Она была изъ Заановъ, старой благородной крови Эльзаса, но ихъ фа-

милія была разорена въ революцію. Графиня Одета составляла счастье графа. Она умерла отъ изнурительной болѣзни, отъ которой она страдала пять лѣтъ. Ахъ, чего не дѣлали, чтобы спасти ее! Они вмѣстѣ ѣздили въ Итацію, она возвратилась еще слабѣе и скончалась нѣсколько недѣль спустя по пріѣздѣ. Графъ едва пережилъ ее. Два года онъ никого не принималъ. Онъ забросилъ и свою свору, и лошадей. Время утѣшило его горестъ. Но, прибавилъ горбунъ, указывая на сердце, — все же тамъ не все въ порядкѣ! При перемѣнѣ погоды болятъ старыя раны, онъ сильнѣе даюетъ себя чувствовать весной, когда на могилахъ расцвѣтають цвѣты, и осенью, когда падающія листья покрываютъ землю. Графъ не захотѣлъ жениться во второй разъ; онъ всю любовь перенесъ на дочь.

— И такъ этотъ союзъ былъ счастливымъ?

— Счастливымъ! Да это было благословеніемъ неба!

Я замолчалъ. Графъ не совершилъ и не могъ совершить преступленія. Приходилось уступитъ очевидности. Но тогда, что же такое эта ночная сцена, эти сношенія съ Чумой, этотъ ужасный призракъ, этотъ бредъ, выдающій прошлое, что все это? Я терялся въ догадкахъ.

Кнапвурстъ снова закурилъ свою трубку и другую предложилъ мнѣ.

Ледяной холодъ, охватывавшій меня, разсѣялся; я испытывалъ ту пріятную томность, которая бываетъ слѣдствіемъ сильной усталости, когда человѣкъ, растянувшись въ удобномъ креслѣ, у огонька, окруженный клубами дыма, отдыхаетъ, прислушиваясь къ стрекотанью кузнечика и треску сухого полѣна въ пламени. Мы такъ просидѣли добрыхъ четверть часа.

— Графъ Нидекъ иногда гнѣвается на свою дочь, отважился я замѣтить.

Кнапвурстъ вздрогнулъ и, подозрительно поглядывая на меня, сказалъ мнѣ почти враждебно:

— Да, знаю, знаю!

Я исподтишка поглядывалъ на него, рассчитывая узнать что-нибудь новенькое, но онъ насмѣшливо прибавилъ:

— Башни Нидека слишкомъ высоки, а клевета слишкомъ низко бродитъ, чтобы добраться до нихъ.

— Безъ сомнѣнія, но фактъ существуетъ.

— Да, это дѣйствіе его болѣзни. Какъ только припадки проходятъ, возвращается вся его любовь къ графинѣ. И любопытная вещь, докторъ, двадцатилѣтній обожатель не могъ бы быть нѣжнѣе, преданнѣе. Эта молодая дѣвушка — его радость, его

гордость. Представьте себѣ, я разъ десять видѣлъ, какъ онъ скачетъ за какимъ-нибудь уборомъ, или за цвѣтами? Онъ увѣжаетъ одинъ и привозитъ эти пустяки, какъ трофеи, громко трубя въ рогъ. Никому не поручаетъ онъ этого, даже Сперверу, котораго онъ очень любитъ! Графиня никогда не выражаетъ своихъ желаній изъ опасенія такого сумасбродства. Что вамъ еще сказать? Графъ Нидекъ достойнѣйшій человѣкъ, нѣжнѣйшій отецъ и лучший господинъ, какого только можно желать! Старый графъ Людвигъ безъ милосердія перевѣшалъ бы всѣхъ браконьеровъ, а онъ терпитъ ихъ, да еще принимаетъ къ себѣ на службу. Вотъ вамъ примѣръ: Сперверъ; при покойномъ графѣ онъ бы давно висѣлъ на веревкѣ, а теперь онъ первый ловчій въ замкѣ!

Эти сообщенія сбили меня съ толку. Я опустилъ голову на руки и задумался. Кнапвурстъ, думая, что я дремлю, принялся снова за чтеніе. День наступалъ, лампа гасла. Въ замкѣ появилось слабое движеніе.

Вдругъ послышались шаги, кто-то прошел мимо оконъ. Дверь отворилась и на порогѣ появился Сперверъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Къ рисункамъ.

«Отъѣздъ крестоносцевъ» и «Парка и Амуръ». Надѣясь въ скоромъ времени посвятить знаменитому французскому иллюстратору отдѣльную и обстоятельную статью, мы скажемъ только нѣсколько словъ о его рисункахъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ номерѣ «Живописнаго Обозрѣнія».

«Отъѣздъ крестоносцевъ» взятъ изъ исторіи крестовыхъ походовъ Мишо, иллюстрированной Густавомъ Дорэ. Въ помѣщаемомъ нами рисунокѣ изображенъ собственно отъѣздъ крестоносцевъ на востокъ; жены и дѣти ихъ плачутъ у креста. Было-бы совершенно излишне указывать на достоинство рисунка; Дорэ—великій мастеръ въ выраженіи драматическихъ положеній, скорби, печали, точно также, какъ онъ мастеръ въ выраженіи движенія и трагическихъ моментовъ. Исторія крестоносцевъ Мишо дала ему необыкновенно богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи, въ особенности въ изображеніи сраженій и битвъ и восточной роскоши, съ которой встрѣтились въ первый разъ европейцы. Необходимо, впрочемъ, прибавить, что изображеніе рыцарей въ забралахъ и въ полномъ рыцарскомъ костюмѣ помѣшало Дорэ обнаружить весь блескъ его таланта въ передачѣ выраженія лицъ этихъ суровыхъ крестоносцевъ, которые съ крестомъ въ одной рукѣ и мечомъ—въ другой отправлялись на далекій востокъ отобрать у невѣрныхъ гробъ Господень. Дорэ сравнительно недавно занялся скульптурой, но успѣхи, сдѣланные имъ въ этой области, также изумительны, какъ и въ живописи. Въ зашлѣтомъ году въ «Живописномъ Обозрѣніи» былъ помѣщенъ рисунокъ съ первой его статуи «Ночь». Теперь мы помѣщаемъ другую. Обѣ эти статуи «Ночь» и «Парка и Амуръ» находились на всемирной парижской выставкѣ 1878 года и поражали своей оригинальностью. Въ этихъ статуяхъ любопытнѣе всего то обстоятельство, что Дорэ перенесъ цѣликомъ въ скульптуру тѣ особенности своего таланта, которыя онъ обнаружилъ въ живописи и иллюстраціи. Въ его «Ночи» преобладаетъ то поэтическое, нѣсколько таинственное чувство, которое внушаетъ намъ безоблачная, лѣтняя ночь, когда небо усыяно звѣздами. Въ алегорической фигурѣ «Ночи»,—въ фигурѣ по необходимости условной,—вся трудность заключалась именно въ выраженіи этого поэтического чувства, но Дорэ достигъ этого въ высокой степени и средствами, сравнительно, самыми простыми. Въ «Паркѣ и Амурѣ» задача заключалась въ изображеніи и передачѣ пластически и скульптурно, трагического элемента, болѣе доступнаго скульптурѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь была возможность избѣжать алегоріи. Поэтому его «Парка» несравненно выше и серьезнѣе. Умирающій Амуръ, придерживающій одной рукой нить, которую Парка перерѣзываетъ ножицами,—нить жизни,—превосходенъ. Мы уже не говоримъ о лицѣ самой Парки,—трагическомъ лицѣ старухи, въ рукахъ которой судьба жизни и смерти. По выраженію этого лица, «Парка» Дорэ одно изъ весьма рѣдкихъ произведеній скульптуры, въ которыхъ трагическое, роковое выраженіе такъ непосредственно живо и въ тоже время такъ свободно и неакадемически. Это—новая скульптура, отвѣчающая нашимъ взглядамъ на пластику.

Сборъ морской травы,—пейзажъ Дункана. Если статуя Дорэ принадлежитъ къ такимъ произведеніямъ, которыя открываютъ новые горизонты скульптурѣ, то еще съ большимъ правомъ тоже самое можно сказать о пейзажѣ Дункана, съ тою только разницей, что въ области пейзажа это не первая попытка. Тѣмъ не менѣе попытка эта необыкновенно талантлива. Сюжетъ понятенъ и ясенъ; это сборъ морской травы на берегу моря; крестьяне и крестьянки по колѣна въ водѣ сгребаютъ граблями траву и кладутъ ее на возы. Лошади и собаки по своему принимаютъ участіе въ этой спѣшной работѣ. Небо мрачно, ни одинъ лучъ солнца не проникаетъ сквозь сплошную массу накопившихся тучъ. Всѣ детали картины, точно также какъ и общій характеръ ея, пропитаны, если можно такъ выразиться, поэтическимъ чувствомъ и до иллюзіи передаютъ характеръ морского пейзажа. Исполненіе замѣчательно.

Беттина,—картина Перро. Это скорѣе этюдъ, но этюдъ очень талантливый, такой, въ которомъ видна рука мастера. Итальянская дѣвушка лежитъ въ травѣ. Непринужденность положенія, одежда, закинутыя назадъ руки, улыбающееся полное лицо,

не знающее заботъ и наслаждающееся жизнью,—вотъ что видимъ мы на этой блестящей картинѣ. Правдой и жизнью переполнена она.

Правительственные сообщенія.

Въ № «Правительственнаго Вѣстника» отъ 6 февраля появилось слѣдующее правительственное сообщеніе:

«5-го сего февраля, въ седьмомъ часу пополудни, въ подвальномъ этажѣ Зимняго дворца подъ помѣщеніемъ главнаго караула произошелъ взрывъ. При этомъ убито восемь и ранено 45 нижнихъ чиновъ караула отъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка; попорчены: полъ въ караульномъ помѣщеніи и нѣсколько газовыхъ трубъ. Приступлено къ выясненію причины взрыва».

На другой день въ газетахъ напечатанъ слѣдующій приказъ по войскамъ гвардіи и петербургскаго военного округа, подписанный генералъ-адъютантомъ Гурко: «Вчера, въ 7-мъ часу пополудни, подъ помѣщеніемъ главнаго караула Зимняго дворца отъ воспламененія значительнаго заряда динамита, произошелъ взрывъ».

«Избравъ время обычнаго Высочайшаго обѣденнаго стола и направивъ ударъ къ разрушенію столовой Его Величества, дерзкій злоумышленникъ, очевидно, обнаружилъ тѣмъ адскій замыселъ на Священную Особу Государя».

«Богъ спасъ драгоцѣнную жизнь Своего Помазанника, вновь проявивъ неизрѣченную и великую ко всѣмъ намъ милость, за которую поспѣшимъ возблагодарить Господа въ горячей и единодушной молитвѣ».

9 февраля въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» появилось новое сообщеніе такого содержанія: «Послѣ взрыва, бывшаго 5-го текущаго февраля въ Зимнемъ дворцѣ, произведенъ былъ осмотръ помѣщеній, пострадавшихъ отъ взрыва. Осмотрѣны: помѣщеніе для старшаго караула въ первомъ этажѣ, подъ нимъ въ подвальномъ этажѣ—жилое помѣщеніе и коридоры, съ кирпичнымъ сводомъ, и во второмъ этажѣ, надъ караульнымъ помѣщеніемъ для нижнихъ чиновъ, столовая комнаты Его Императорскаго Величества. Взрывъ произошелъ въ подвальномъ этажѣ, въ которомъ значительная часть сводовъ и печь въ жиломъ помѣщеніи разрушены, двери всѣ вырваны, деревянная обшивка трубъ отворана и тамбуръ у входа уничтоженъ; въ первомъ этажѣ, гдѣ помѣщались нижніе чины караула, оказались въ нижнемъ сводѣ потолка, имѣющемъ поверхъ еще вторые, легкіе своды, двѣ пробоины и большая часть пола провалилась; во второмъ же этажѣ, въ столовой комнатѣ, приподняты паркетъ, на мѣстѣ, соответствующемъ упомянутой пробоинѣ, и треснула стѣна. Значительное число стеколъ въ зданіи дворца оказалось разбитымъ».

«Взрывъ, по мнѣнію экспертовъ, произведенъ динамитомъ, количество котораго предполагается до двухъ пудовъ; динамитъ, по заключенію экспертовъ, вѣроятно, находился передъ взрывомъ въ печи, или на оной, въ жиломъ помѣщеніи нижняго этажа».

«Изъ бывшихъ въ караульной комнатѣ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка 10 человекъ убито и 44 ранено, въ томъ числѣ 8 тяжело».

«Обѣдъ Его Императорскаго Величества, который обыкновенно бываетъ въ 6 часовъ, былъ отложенъ до прибытія его высочества принца Гессенскаго, пріѣздъ котораго изъ-за границы ожидался 5-го февраля. Взрывъ послѣдовалъ около 20 минутъ седьмого, въ то время, когда Государь Императоръ изволилъ встрѣчать принца, только-что прибывшаго съ желѣзной дороги».

«Дознаніе о виновникахъ взрыва производится».

11 февраля въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано: «Дознаніемъ, производящимся о взрывѣ 5-го текущаго февраля въ зимнемъ дворцѣ, выяснено уже съ нѣкоторою положительностью участіе въ совершеніи этого преступленія лица, выдававшего себя за рабочаго. Есть основаніе къ предположенію связи между нимъ и нѣсколькими лицами, уже арестованными ранѣе взрыва, по обвиненію въ политическомъ преступленіи».

Сообщая эти свѣденія объ ужасающемъ и необычномъ въ исторіи покушеніи на жизнь Государя, мы въ свое время будемъ передавать нашимъ читателямъ дальнѣйшія достовѣрныя, а не гадательныя подробности этого дѣла по мѣрѣ обнаруженія ихъ офиціальнымъ путемъ.

Смѣсь.

— Газета на татарскомъ языкѣ. Въ Бахчисараѣ собираются издавать еженѣдѣльную газету на татарскомъ языкѣ, чтобъ знакомить татаръ съ Россією.

— Крупное пожертвованіе. Варшавскій корреспондентъ газеты «Новости» пишетъ: Спѣшу сообщить вамъ о новомъ крупномъ пожертвованіи, достигающемъ на этотъ разъ суммы 190,000 р. и сдѣланномъ г-жею Рапацкою. Изъ этой суммы щедрая жертвовательница назначила 63,000 р. на нужды народнаго образованія: стипендіи, пособія школамъ и т. д. Остальные деньги пойдутъ на устройство дешевой столовой, пособія богадѣльнямъ, сиротскимъ приютамъ, больницамъ, вообще благотворительнымъ учрежденіямъ. Хотя жертвовательница, главнымъ образомъ, рѣшила придти на помощь нуждающимся католическаго вѣроисповѣданія, но не забыла и лицъ другихъ вѣроисповѣданій.

— Пожаръ въ почтовомъ вагонѣ. «Виленскій Вѣстникъ» передаетъ, что 29-го января въ прибывшемъ въ Вильну изъ Петербурга въ восьмомъ часу съ почтовымъ поѣздомъ почтовый вагонъ загорѣлся отъ неизвѣстной причины тюки съ газетами, причемъ сгорѣли 12 тюковъ и два мѣшка. Денежная же и почтовая корреспонденція остались въ цѣлости.

— Мѣры къ сохраненію лѣсовъ. «Молва» слышала, что въ интересахъ сохраненія лѣсовъ предполагается сдѣлать неотчуждаемыми казенныя лѣса въ такихъ уѣздахъ, въ которыхъ площадь ихъ менѣе 50 процентовъ общей лѣсной площади всего уѣзда, и обратить особое вниманіе на эксплуатацію частныхъ въ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ вообще менѣе 25 процентовъ общей площади земель. Кромѣ того предполагается по возможности удерживать лѣса въ вѣденіи казны и пріобрѣтать даже таковыя въ ея пользу.

— Женщины-депутаты. По извѣстіямъ изъ Нью-Йорка, отъ 4-го февраля, палата представителей штата Айова приняла резолюцію о пересмотрѣ конституціоннаго закона для того, чтобъ предоставить женщинамъ право быть избираемыми въ депутаты.

— Ревнивая жена. «Современнымъ Извѣстіямъ» пишутъ изъ Ярославля: въ одной изъ здѣшнихъ гостиницъ передъ праздникомъ рождества христовъ разыгралась трагикомическая сцена супружеской ревности. Въ одномъ изъ номеровъ гостиницы остановилась пріѣзжая дама; въ номерѣ оказалось угарно, вслѣдствіе чего съ дамою сдѣлалось дурно. Половой, замѣтивъ это, тотчасъ же далъ знать о случившемся хозяину, который и явился съ стекляною нашатырнаго спирта и принялся приводить даму въ чувство. Супруга хозяина, воодушевленная ревнивыми подозрѣніями, думая, что въ данный моментъ произошло нѣчто, дающее ей поводъ къ сердечному беспокойству, недолго размышляя, схватила ковшъ съ кипяткомъ и въ пылу ссоры плеснула изъ него прямо въ лицо супруга. Послѣдствія оказались самыя плачевныя: отъ дѣйствія горящей воды у несчастнаго лопнуло одинъ глазъ, не смотря на помощь ему лучшихъ медиковъ Москвы, куда больной отправился въ самый день катастрофы. Супруги, о которыхъ идетъ рѣчь, уже находятся въ почтенномъ возрастѣ.

— Курьезная свадьба. Въ Линдвилѣ, въ штатѣ Колорадо, семейство одной молодой дѣвушки узнало, что послѣдняя находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ однимъ авантюристомъ, искателемъ серебра. Тотчасъ къ обольстителю явились двое братьевъ дѣвушки, вооруженные револьверами, и объявляютъ, что если онъ не женится на ихъ сестрѣ, то это будетъ стоить ему жизни. Угрожаемый соглашается. Послали предупредить объ этомъ пастора и дѣвушку. Сопровождаемый двумя вооруженными братьями, женихъ отправляется въ церковь, куда тотчасъ же пріѣзжаетъ и невеста. Во время обряда бракосочетанія, женихъ, разсердившись на какое-то выраженіе, употребленное пасторомъ, выхватываетъ пистолетъ и стрѣляетъ въ него. Къ счастью, пуля пролетѣла мимо ушей пастора, который, нисколько не смутившись, хладнокровно продолжалъ церемонію. По окончаніи ея, согласно старинному обычаю, онъ подходитъ къ невестѣ и даетъ ей поцѣлуй въ щеку. Разсерженный женихъ, вѣроятно, не знавшій этого обычая и обуреваемый ревностью, не выдерживаетъ этого мнимаго оскорбленія и даетъ священнику пощечину. На этотъ разъ терпѣніе пастора, отличавшагося здоровыми кулаками, было уже истощено. Онъ схватилъ молодого супруга и отколотилъ его въ присутствіи двухъ вооруженныхъ братьевъ, которые не сочли нужнымъ вмѣшаться въ распрю. Тѣмъ окончилась эта курьезная свадебная церемонія.

— Вліяніе черныхъ бунтъ на глазъ. Въ январской книжкѣ «Медицинскаго Обозрѣнія», издаваемого въ Москвѣ, разсматривается вопросъ о вредѣ чтенія для глаза. Газета знакомитъ читателей съ весьма любопытнымъ выводомъ, недавно сдѣланнымъ по этому предмету г. Маляревскимъ, авторомъ этюда подъ заглавіемъ «Страница и ея вліяніе на глаза учащихся». Разсмотрѣвъ вредное вліяніе чтенія на

глаза, авторъ рекомендуетъ уменьшить этотъ вредъ измѣненіемъ нынѣшняго способа печатанія черными буквами на бѣлой бумагѣ на совершенно противоположный, т. е. предлагаетъ воспроизводить текстъ бѣлою краскою на черномъ фонѣ. Причина, вызывающая такое предложеніе, поясняется весьма вѣскими соображеніями. Дѣло въ томъ, что бѣлые объекты на черномъ фонѣ легче различаются глазомъ, чѣмъ черные на бѣломъ; сверхъ того, при нынѣшнемъ способѣ книгопечатанія, освѣщенными являются не объекты зрѣнія (буквы), а только промежутки между ними въ то время, когда самые объекты не освѣщены.

— **Рухнувшее зданіе.** 9-го февраля ужасный случай произошелъ въ Бейкосѣ, близъ Константинополя. Войска, квартирующія въ этомъ мѣстечкѣ, пригласили одинъ изъ столичныхъ полковъ къ себѣ на праздникъ и во время самаго пиршества въ казармѣ это трехэтажное строеніе внезапно обрушилось. Говорятъ, двѣсти солдатъ убиты, 300 ушибены.

— **Новыя свѣденія о распространеніи славянъ въ древности.** Австрійскія Альпы, Штейермаркъ, Каринтія и прилегающія къ нимъ нижне и верхне-австрійскія области, Зальцбургъ и Тироль, издавна населены нѣмецкими племенами, но названія мѣстныхъ горъ и долинъ, рѣкъ и мѣстечекъ говорятъ объ иномъ прошломъ, предшествовавшемъ нѣмецкому владычеству. Въ этихъ названіяхъ, повидимому, чисто-нѣмецкихъ и произносимыхъ туземцами своимъ роднымъ говоромъ, внимательный слухъ открываетъ славянскіе звуки, а часто даже прямо такіе слова, которыя, не смотря на нѣмецкую форму, сохранили извѣстное славянское значеніе въ смыслѣ характеристики мѣстности. И подобные примѣры не единичны; по всей той широко и вѣтвисто раскинутой области, которая простирается между Дравой и Дунаемъ, Тавромъ и венгерской границей, тянется какъ бы сѣть славянскихъ именъ, охватывающая собою горы и долины, лѣса и поляны, рѣки и озера, даже усадьбы и дворы. Одни и тѣже имена встрѣчаются въ мѣстностяхъ, весьма отдаленныхъ другъ отъ друга, но представляющихъ между собою какое-либо естественное сходство; различныя, повидимому, совершенно несродныя, слова указываютъ однако на одну основную форму, на одинъ тождественный корень, взятый ими изъ славянскаго языка.

Подобные неизгладимые слѣды древняго историческаго факта не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что всѣ названныя выше области, кажущіяся коренными нѣмецкими и рѣзко отличающіяся своимъ языкомъ отъ болѣе южныхъ, оставшихся за славянами, были нѣкогда тоже сплошь заселены славянами и притомъ не временно, а втеченіи болѣе двухъ столѣтій. Отсюда славяне отступили на югъ, тѣснимые германскою колонизаціею. Все это происходило, безъ сомнѣнія, давно, вслѣдъ за великимъ переселеніемъ народовъ, которое уничтожило остатки римской культуры въ австрійскихъ Альпахъ и подготовило тѣмъ чистое поле для славянской народности. Со времени полного исчезновенія славянъ въ этой мѣстности прошло уже болѣе тысячи лѣтъ и отъ бывшей славянской эпохи не осталось слѣдовъ ни въ народной культурѣ, ни въ народныхъ учрежденіяхъ и обычаяхъ, ни даже въ матеріальномъ обликѣ какихъ либо памятниковъ. Все было смыто и уничтожено тяжелою рукою времени и напоромъ чуждой народности; но мѣстныя названія уцѣлѣли. Новые владѣльцы земли приняли ихъ какъ нѣчто готовое, перекалѣчили ихъ, передѣлавъ на свой ладъ, но вытѣснить ихъ не могли. Славянскіе историки и филологи обратили уже давно свое вниманіе на этотъ фактъ, но въ послѣднее время его стали признавать и нѣмецкіе ученые, напр., Францъ Кронешъ. Еще подробнѣе рассмотрѣвъ вопросъ о распространеніи славянъ въ вышеуказанныхъ областяхъ въ послѣднемъ сочиненіи Кеммеля, профессора въ Дрезденѣ. Трудъ его посвященъ собственно «образованію австрійскаго германства», но авторъ разбираетъ въ первой части своей книги «начало нѣмецкой жизни въ Австріи до исхода періода Каролинговъ», равно какъ предшествовавшія тому эпохи кельтійскаго господства, затѣмъ римскаго (въ Норіи и Паноніи), далѣе переселеніе народовъ и поселеніе славянъ въ восточныхъ Альпахъ и въ верховьяхъ Дуная, вмѣстѣ съ аварами, занявшими средній Дунай. Д-ръ Кеммель опирается въ своихъ изслѣдованіяхъ на труды своихъ предшественниковъ, австрійскихъ историковъ, въ особенности же на славянскіе авторитеты, но взгляды его вполне самостоятельны и все сочиненіе представляетъ крайне живую и занимательную картину народнаго быта и культуры въ эти отдаленныя отъ насъ неясныя времена. Книга Кеммеля можетъ служить самымъ любопытнымъ историческимъ «гидомъ» для кабинетныхъ туристовъ, желающихъ совершить мы-

сленную прогулку по австрійскимъ Альпамъ съ цѣлью убѣдиться, насколько эти мѣстности сохранили въ своихъ названіяхъ слѣды былого, славянскаго господства. Принимая въ основу славянское нарѣчіе, при сравнительномъ анализѣ его съ чешскимъ, авторъ приводитъ такіе убѣдительныя доказательства въ подтвержденіе своего взгляда, что истымъ нѣмцамъ становится даже страшно при видѣ тѣхъ чужестранныхъ корней, которые при небольшомъ усилии откапываются среди ихъ родного нарѣчія. Для примѣра послѣдуемъ за авторомъ къ среднему теченію Дравы, именно въ роскошную мѣстность, простирающуюся отъ Вертерзее къ Фелькермаркту. Здѣсь существовалъ нѣкогда значительный римскій городъ Вирурумъ, разрушенный нахлынувшими славянскими племенами, которыя предавали все огню и мечу. Во всѣхъ окрестныхъ долинахъ сохранились слѣды славянской осѣлости. Такъ, въ долинѣ римскаго «Лаванта» находится болѣе 10 деревень съ именами славянскаго происхожденія, начиная отъ Рожи (Rojah, Roje) до Ауерлинга (происходитъ отъ слова Яворъ, Ahorn). Названіе Гуркъ (Gurk) можетъ быть римскаго происхожденія, но сосѣднія рѣчки названы уже по славянски: Герчицъ (Гурчица, т. е. малый Гуркъ), Фейстрицъ (Быстрица). Далѣе деревня Зеленъ (отъ славянскаго «желѣзо»). Зедлицъ (Сѣдлица, отъ «сѣдло», осѣлости; этотъ корень встрѣчается очень часто), Белахъ (отъ Бѣло), Фризахъ (отъ «брезы», береза). Также ясно продолжаютъ славянскія названія при верховьяхъ и среднемъ теченіи Главы (Glau) и вокругъ озера Оссіашъ, получившаго свое названіе отъ мѣстечка того же имени (въ славянской первобытной формѣ «Осявъ», Osève). Но особенно любопытны изслѣдованія въ долинѣ верхней Дравы, гдѣ встрѣчается Биллохъ, т. е. «Бѣлый городъ», построенный славянами вмѣсто разрушеннаго ими и оставленнаго въ развалинахъ римскаго города Теурни, господствовавшаго надъ мѣстностью. Выше по теченію Дравы всѣ наиболѣе значительныя мѣста носятъ нѣмецкія наименованія: Саксенбургъ, Грейфенбургъ, Драубургъ, но названія сельскихъ мѣстностей остаются славянскими на всемъ протяженіи притоковъ рѣки и до самой глубины Тироля. Таковы въ долинѣ самой Дравы, Веллингъ (отъ «поляна»), Фрезашъ (опять отъ «брезы»), Лесингъ (отъ «лѣсъ»), Амлахъ (или Ямлахъ, отъ «яма»), Дѣллахъ (отъ «долъ»); далѣе въ долинѣ Мелы находится снова Белахъ (отъ «Бѣло»), Флаттахъ (отъ «платъ»), Загрицъ (Загорица), опять Дѣллахъ и пр. Даже величественный глетчеръ Пастерцъ названъ такъ отъ славянскаго слова «пастырскъ». Вообще, къ югу отъ Гроссглокнера и Гроссвенедига, славянскія имена попадаются уже не въ однихъ только названіяхъ рѣчекъ и деревушекъ, но также возвышенностей и горъ. Центрами славянской осѣлости были здѣсь Виндишъ-Матрей, далѣе Прегратенъ (преграда), горы Лазенценъ, Праберницъ, Штолличъ, Петегль и пр. Во всѣхъ этихъ названіяхъ слышенъ славянский корень. Самое имя Пустерталя происходитъ отъ славянскаго «пусто». Здѣсь, при нынѣшнемъ Иннихенѣ (римскій Агуонтумъ), славяне разбили на голову баварскаго герцога Гарибальда, въ 610 г., послѣ чего превратили въ пустыню всю долину Дравы до самаго истока рѣки. Слово Тоблахъ, которымъ названы мѣстечко и озеро близъ Иннихена происходитъ, по мнѣнію автора, тоже отъ славянскаго корня.

Возвращаясь отъ крайнихъ западныхъ отпрысковъ славянской осѣлости къ восточнымъ предѣламъ Штейермарка, въ долину Муры, мы видимъ на самой венгерской границѣ тоже славянское поселеніе, нынѣшній Радкерсбургъ и далѣе, выше по Мурѣ, Рачендорфъ, Ракитцъ и Ракницъ, которые всѣ указываютъ на одинъ корень («ракъ»). Рѣка Мура обилуетъ раками, отъ которыхъ и произошли, по всей вѣроятности, названія всѣхъ этихъ мѣстностей. Вообще по изслѣдованіямъ д-ра Кеммеля, какъ долина Муры, такъ и другія, сосѣднія съ нею долины, особенно богаты именами славянскаго происхожденія. Нынѣшній Лейеницъ упоминается въ одномъ древнемъ сказаніи (970 г.), какъ Липница (отъ слова «липа»). Юсъ, Гестрингъ и Гесъ, происходятъ отъ «хворостъ»; Лангъ, Ландша, Лантшъ, Ландсбергъ и Ланковицъ отъ слова «лака» (по-чешски «лука», болото, заливной лугъ), какъ то видно изъ древнѣйшаго правописанія этихъ именъ въ лѣтописяхъ XI и XII столѣтій. Также самое относится къ Глейнцу (Глиница въ 1159 г.), Глейну (Клуна въ 1170 г.) и Клейнигу. Всѣ три названія указываютъ на одинъ корень «глина», глинистая почва. Упомянутый уже не одинъ разъ выше корень «бреза» далъ тоже имя мѣстечку Фрезингъ, на Сульмѣ, равно какъ живописному городку Фризахъ, на р. Мурѣ. Рутинное производство этихъ именъ отъ «фризовъ» и «саксовъ» лишено всякаго основанія, подобно то-

му какъ и объясненіе ихъ качествомъ рѣки (freisliche Ache, т. е., дикая вода). Любопытны тоже слѣдующія производства: Тепль и Тобель (источники) отъ «топлю» или «тепло», Копрейникъ отъ «коприво» (крапива), Кешлахъ (Хонеллахъ въ 1170 г.) отъ «кобыла», Кремсъ отъ «кремень», Ретцъ отъ «рѣка», Медрихъ отъ «модарый» (грязный), Лаасъ отъ «лазъ» и т. д. Главнымъ пунктомъ славянской осѣлости на р. Мурѣ былъ, безъ сомнѣнія, нынѣшній Грацеръ, окруженный укрѣпленіями и именовавшийся «градомъ» (по-чешски: hrád, hrades). Леобенъ, въ долинѣ верхней Муры, упоминается въ лѣтописяхъ 980 г. подъ именемъ «Любины»; его названіе происходитъ, такимъ образомъ, очевидно отъ того же корня, какъ и нынѣшнее названіе Лайбаха. Въ описываемой нами мѣстности встрѣчаются снова упомянутыя уже выше имена: Гесъ, Ретцъ, Деллахъ, Фристрицъ, Глейнъ, и пр. Въ числѣ притоковъ Муры замѣчательны: Лизингъ (въ нижней Австріи находится источникъ и мѣстечко того же имени), первобытное имя котораго было «Лѣсникъ» (отъ «лѣсъ») и Тайя, которая, подобно моравской Тайѣ, означаетъ покойную воду (отъ «тихо»). Достоинно вниманія тоже названіе Секанскаго монастыря, который упоминается въ лѣтописяхъ 1145 г., подъ именемъ Секковъ (отъ «сѣкать», «сѣчь», т. е. «рубить», «срубить»).

Тѣже славянскія имена господствуютъ въ долинахъ Мюрца (который упоминается въ 860 г. подъ именемъ Морицы) и его притоковъ. Таковы, напр., Фрешницъ (Фросеница, по лѣтописямъ 1160 г.) и Петча. Первое названіе происходитъ все отъ той же «брезы» (береза), второе, подобно тому какъ и Потча при вѣнскомъ Нейштадтѣ, отъ слова «потокъ». Горныя названія: Трагесъ, Вейчъ, Предоль и пр. тоже чисто славянскаго происхожденія. Изъ долины Мюрца славяне перешли черезъ Земмерингъ, который они называли Сосною горою («смрука», «сосна»), и оставили здѣсь свой слѣдъ въ именахъ Глогница (отъ «глогъ», боярышникъ) и др. Въ верхней Швабии и ея горахъ славянскія названія попадаютъ уже не группами, а только отдѣльно, но они очень характеристичны. Такъ, напр., при Маріацелѣ, одна высокая горная вершина носитъ названіе Старицы (отъ «старый»), что напоминаетъ «Алфатера» въ Моравіи. Подобное же уподобленіе горнаго исполина, выдающагося среди другихъ горъ, старику-отцу, окруженному дѣтьми, встрѣчается и въ имени «Отчеръ», которое выговаривалось первоначально «Отчанъ» (отъ слова «отче»). Зальцбургскій Лунгау обилуетъ тоже славянскими горными именами, каковы, напр., Гохъ-Голлингъ (отъ «голый») и Штодербургъ (отъ «студа», холодъ).

Поднявшись изъ долины Муры вверхъ по Лизингу (Лѣсенику) и спустясь въ Палтенталь, мы встрѣчаемся, повидимому, съ чисто нѣмецкимъ названіемъ: «Ротеманъ», но оно оказывается только переводомъ древне-славянскаго слова, приводимаго въ лѣтописяхъ 1048 г., а именно «кирмина», корень котораго, «крумина» означаетъ «красный цвѣтъ». Въ Энской долинѣ, начиная отъ Гезейзе до Ратштадта, все славянскія имена: Зельцталъ (въ 1184 г. Сѣдлица, отъ «сѣдло», осѣлость), Лезенъ (въ 1135 г. Люозенъ, отъ «лака» (по-чешски «лука», болотистый лугъ; названіе дано по причинѣ мѣстныхъ торфяныхъ болотъ), Гребмингъ (въ 1135 г. Гребинъ, отъ «гребень», горный гребень) и т. д. Самое названіе Аузее, повидимому, первобытно-нѣмецкое, произошло въ 1150 г. «Аусса» и напоминаетъ о чешскомъ «Оса» (Айза) и о моравскомъ «Юсовъ». Названіе горы Цимицбергъ (близъ Ишля) тоже славянское (отъ «зима», холодъ). Далѣе по зальцбургской области славянскія имена попадаются рѣже и только въ видѣ отдѣльныхъ, какъ бы аванпостныхъ знаменъ народности, но и здѣсь встрѣчаемъ горную вершину «Гелль», названіе, очевидно, одного происхожденія съ вышеприведеннымъ «Гохъ-Геллингъ» (въ Лунгау). Но въ верхней Австріи, между Эномъ и Трауномъ, показываются снова во множествѣ слѣды славянскаго поселенія. Средоточіемъ его здѣсь можно считать Виндишъ-Гарстенъ, названіе котораго (подобно упомянутому выше монастырю Гарстенъ въ Штейермаркѣ) происходитъ отъ корня «хрвастъ» (хворостъ).

Но, судя по обилію славянскихъ названій, самою существенно славянской землею была древняя восточная Мархія по обѣимъ сторонамъ Дуная (нынѣшняя нижняя Австрія). Ипсъ, Эрлафъ и Трайзенъ, Шейбсъ, Геллингъ, Гамингъ,—все это имена славянскаго происхожденія, равно какъ и Мелькъ, (съ которымъ тождественны Медлингъ при Вѣнѣ и Метлингъ въ Крайнѣ); Мелькъ упоминается въ 892 г. подъ именемъ «Медлихи». Рѣка Билахъ называлась въ 811 г. «Бѣлая». Около г. Польша жили, еще въ 828 г., свободные славяне. Въ Тульнерской области упоминается о нихъ только Першлингъ, но назва-

ніе перевала черезъ Винервальдъ, «Габлицъ» происходитъ, по всей вѣроятности, отъ слова «яблонь» и было дано осѣвшею здѣсь частью славянскихъ полчищъ. Всѣ рѣчки, текущія изъ Винервальда къ востоку, носятъ имена, производныя отъ славянскаго: Лизингъ, Медлингъ, Тристингъ, Пистингъ. Внизъ по теченію Дунай, начиная отъ Линца, замѣчается тоже самое. Въ Вахау цѣлый горный хребетъ на лѣвомъ берегу рѣки зовется Ауерлингъ отъ славянскаго «яворъ», что подтверждается древнимъ латинскимъ переводнымъ названіемъ этихъ горъ: «ahornicus mons». Даже названіе Дюрентштейнъ, не смотря на нѣмецкій звукъ этого слова, происходитъ не отъ «Durrer Stein» (сухой камень), а скорѣе отъ Dorn-Stein (Dorn — колючка, терніе, по-чешски «трнъ»), такъ что названіе Дюрентштейнъ можно приравнять къ болгарскому Трново. Странное названіе «Лангенлоисъ» принадлежитъ послѣднему полонию своего слова къ тому же корню, какъ и Лайбонъ на р. Вейтрѣ и Леобенъ: въ 1083 г. Лангенлоисъ назывался «Любица» (отъ корня «любъ»). Рѣка Кремза и названный по ней городъ получили свое имя тоже отъ славянъ. Древнѣйшее правописание (1495 г.) было «Кремиза», что указываетъ (какъ и въ одноименномъ съ тѣмъ названіемъ штирійскаго села) на слово «кремень»; Кремиза или Кремежа означала: «кремневый источникъ». Въ силу всего вышеприведеннаго нельзя отвергать и того предположенія, которое было высказано недавно въ «Трудахъ нижнеавстрийскаго общества земледѣнія», а именно, что венгерское названіе Вѣны «Бечъ» собственно не венгерскаго, а славянскаго происхожденія, изъ чего слѣдуетъ, что въ ту эпоху, когда венгерцы стали звать городъ этимъ именемъ, онъ составлялъ тоже одинъ изъ пунктовъ славянской осѣлости.

Изъ приведеннаго нами бѣглаго очерка можетъ быть видѣнъ весь интересъ, представляемый ученымъ трудомъ д-ра Кеммеля. Нѣмецкая критика отдаетъ ему справедливость, но пользуется самымъ фактомъ древняго славянскаго господства надъ нѣмецкими землями, какъ новымъ будто бы доказательствомъ неспособности славянъ къ культурѣ и государственному устройству, вслѣдствіе чего славянский элементъ долженъ уступать другому, болѣе сильному въ этомъ отношеніи. Рецензентъ газеты «Presse» находитъ, что самыя имена, данныя славянами различнымъ мѣстностямъ, указываютъ на крайне низкое развитіе народа, потому что всѣ эти названія относятся лишь къ характеру почвы или къ грубѣйшимъ способамъ ея обработки, но никакъ не къ другимъ чертамъ или цѣлямъ жизни, указывающимъ уже на высшее развитіе племени. «Вмѣстѣ съ тѣмъ», продолжаетъ рецензентъ, удержаніе первоначальныхъ славянскихъ названій и постепенное обнѣмчиваніе ихъ доказываютъ, что германскія племена заняли эти мѣста путемъ мирной колонизаціи и укрѣпились въ нихъ не огнемъ и мечомъ, но съ помощью одного просвѣщенія и трудолюбія. Осѣлости славянъ были поощрены, но высшая германская культура поглотила туземную, низшую, и съ тѣмъ вмѣстѣ исчезла мало-по-малу и само славянство. Оди только имена, данныя имъ доламъ и горамъ, остались призраками прошлаго и повѣствуютъ о томъ, что давно схоронено и забыто...

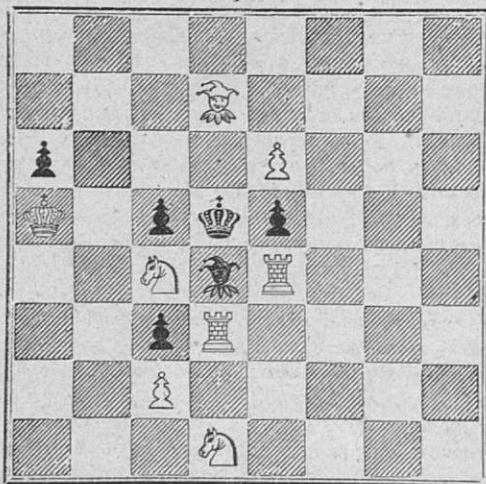
Шахматный отдѣлъ.

ЗАДАЧИ

№ 14.

Д. В. Кларна (въ Барнауль.)

Черные.

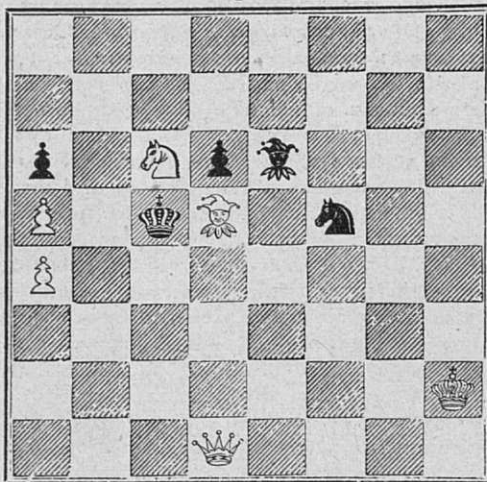
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

№ 15.

Д. В. Кларна.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи (въ № 1, 1880 г.)

1. Ф a2—b2

2. К h4 или e1: f3 X

1. Ф куда угодно

1. К b3—d4

2. Ф b2—b3 X

Правильное рѣшеніе прислали: К. Сердешиневъ, Н. Пикачевъ, А. Жилинскій, А. Обуховскій, Полюковъ Д. В. Гориневскій, А. Бурчинъ, А. Межениновъ, М. Меизъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. I. Плата за пересылку олеографическихъ картинъ въ рамкахъ оказывается настолько превышающею цѣну, назначенную нами въ № 48 прошлаго, и въ № 1 настоящаго года, что отъ дальнѣйшей пересылки картинъ въ рамкахъ Редакціи приходится или отказаться, или же назначить цѣну вчетверо противъ указанной. Редакція предпочитаетъ первое, т. е. отказывается пересылать картины въ рамкахъ. Цѣна же пересылки картинъ безъ рамъ остается прежняя. Какъ примѣръ того, во что обходится пересылка картины въ рамѣ, приводимъ отправку нами картины «Марія Стюартъ» въ рамкѣ въ Кизляръ. Кромѣ этой картины были выписаны 2 переплета, нѣсколько фотографій и гигиена; на пересылку прислано около 4 руб. Между тѣмъ пересылка обошлась редакціи: ящикъ 1 р., за упаковку 60 к. (холстъ, веревки, бумага); уплачено почтамту 10 р. 56, и того 12 р. 16 к.

II. Цѣна премій прошлыхъ годовъ слѣдующая: олеографич. картины—1) Гр. Потоцкая 75 коп.; 2) Гр. Кассель-монте 75 коп.; 3) Наказанное любопытство 75 коп., за пересылку каждой изъ этихъ картинъ прилагается 50 коп., двухъ вмѣстѣ 60; трехъ — 75 коп. Гравюры — 4) Тайная вечеря Леонардо да Винчи, — 40 коп., (пересылка 20 коп.); 5) Продажа амулетовъ, Семирадскаго, 40 коп., (пересылка 20 к.); 6) Свѣточы христіанства, Семирадскаго 1 р. 50 коп.; 6) Мадонна, Мурильо 1 р. 50 коп., за пересылку каждой изъ этихъ картинъ 50 коп. При выпискѣ разомъ 4-хъ картинъ на пересылку присылается половина назначенной цѣны.

III. Цѣна журнала за 1879 годъ: съ преміями безъ пересылки 5 руб., съ пересылкой 7 р.; безъ премій и безъ пересылки 4 р., съ пересылкой 6 р. Журналъ за 1878 г. стоитъ: съ преміями безъ пересылки 4 р., съ пересылкой 6 руб.; безъ премій и безъ пересылки 3 р. 25 коп.; безъ премій, но съ пересылкой 5 руб. За переплетъ года въ одномъ томѣ прибавляется 2 руб.; въ двухъ томахъ—3 руб.

IV. Въ видѣ бесплатнаго приложенія и въ нынѣшнемъ году будетъ разсылаема Гигіена, II томъ. Гг. новые подписчики, желающіе приобрести I томъ, выданный, какъ приложеніе подписчикамъ на 1878 и 1879 годъ, могутъ получать его съ 1 марта этого года по слѣдующей цѣнѣ: безъ пересылки 1 р. 50 коп., съ пересылкой 2 рубля.

V. Редакція заявляетъ, что она принимаетъ уплату суммъ менѣе рубля почтовыми марками. Между тѣмъ нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ высылаютъ крупныя суммы марками и не только почтовыми, но и гербовыми. Редакція имѣетъ честь заявить, что какъ суммы болѣе рубля, присланныя вообще марками, такъ и всякую сумму, высланную гербовыми марками, она будетъ возвращать обратно.

VI. Нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ, заявляя о своемъ желаніи перемѣнить адресъ, не прилагаютъ слѣдующихъ за перемѣну адреса денегъ. Просимъ присылать слѣдующія суммы: 1) За перемѣну иномгородняго на иномгородній адресъ 24 коп.; 2) иномгородняго на петербургскій—1 р.; 3) петербургскаго на иномгородній—85 коп.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 6-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 9 февраля въ 6 час. 30 минутъ утра, на иномгороднюю почту 12 февраля въ 2 час. по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Незна, стих. Вл. Юрѣва. — Огорченія вмѣсто обрученія, А. Трофимова. — Очерки изъ исторіи Америки ст. Н. В. Шелгунова. — Шарль Дамальи, ром. Эд. и Ж. Гонкуръ. — Разъ въ мѣсяцъ, ст. И. Василевскаго (Буквы). — Волкъ, ром. Эрмана-Шатриана. — Къ рисункамъ. — Правительственные сообщенія. — Смѣсь. — Шахматы. — Объявленія.

Рисунки: Отъѣздъ крестоносцевъ, кар. Г. Доре. — Беттина, кар. Перро. — Парка и амуръ, карт. Г. Доре. — Ермолай съ вазеткой, карт. Петра Соколова. — Сборъ морской травы, карт. Дуннана. — 2 рис. къ роману «Волкъ».

За редактора, издатель Н. И. Шулгинъ.

Объявленія.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

«Жеодупродное»

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ:

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ

(дѣтскія задачи въ картинкахъ).

Ф. Павленкова.

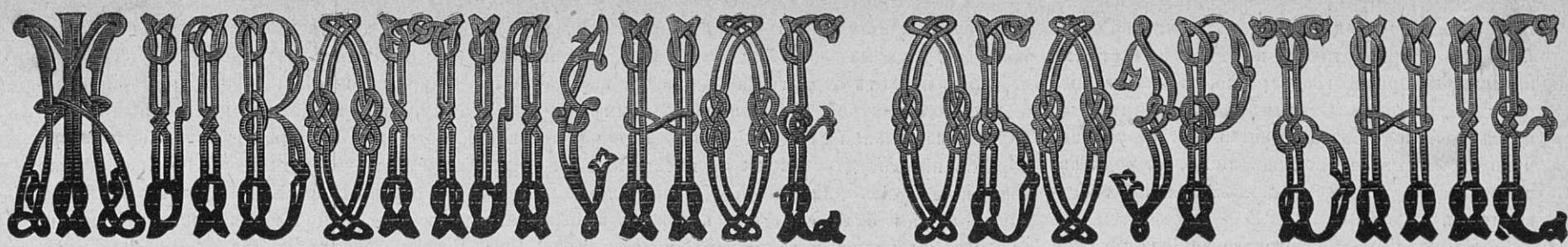
10 лист (по 20 рис.). Ц. листа 10 к.

Въ каждой изъ 100 находящихся въ этомъ изданіи картинъ допущено какое нибудь отступленіе отъ дѣйствительности, которое предлагается найи и ребенку, причемъ, рѣшая задачу, онъ долженъ объяснить, почему не бываетъ или не можетъ быть того, что представляетъ рисунокъ (напр. человѣкъ подрубаетъ сукъ, на которомъ онъ самъ сидитъ; рыбе томъ черпаютъ воду; сапкой съ фонаремъ; горѣніе металлическихъ вещей; тѣни отъ высокихъ деревьевъ короче, чѣмъ отъ низкихъ и т. п.) и какъ представленное на картинкѣ должно быть въ дѣйствительности.

«Наглядныя несообразности» назначаются для семьи и для школы. Онѣ могутъ послужить полезнымъ матеріаломъ для развитія въ дѣтяхъ наблюдательности, вниманія, собранія, словоохотливости и критическаго отношенія къ окружающей обстановкѣ.

Объясненіе къ «Нагляд. несообразностямъ» (отдѣльная книжка). П. 5 к.

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 8.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цѣна отдѣльных №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

19 Февраля 1880 года.

XXV ЛѢТЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

Предлагаемый краткій очеркъ протекшихъ 25 лѣтъ царствованія Государя—Преобразователя Россіи, Царя-Освободителя да будетъ скромнымъ голосомъ нашего журнала въ большомъ хорѣ политическихъ органовъ русской печати въ день 19 февраля,—въ этотъ день торжества всей русской земли, празднующей, вмѣстѣ съ юбилейнымъ днемъ своего Государя, эпоху своего второго возрожденія и историческаго обновленія. Предлагаемый нами краткій очеркъ, конечно, не можетъ и въ слабой степени отразить значенія реформъ, совершенныхъ Государемъ Императоромъ со дня вступленія Его на престолъ во всѣ 25 лѣтъ преобразовательной работы для блага русскаго народа и русскаго государства.

Послѣ Петра Великаго на русскомъ престолѣ впервые является, въ лицѣ царствующаго императора, Государь, который, подобно своему гениальному предку, совершаетъ, такъ сказать, полный пересмотръ всѣхъ государственныхъ учреждений. Онъ послѣдовательно и неуклонно устраняетъ изъ послѣдія нашей исторіи то, что мѣшало самобытному и свободному развитію и благосостоянію русскаго народа и государства въ смыслѣ новѣйшаго, европейскаго идеала,—расширяя и расчищая намѣченную Петромъ для Россіи большую дорогу во всемірную исторію и европейскую цивилизацію. Втеченіи прошедшихъ 25 лѣтъ не осталось ни одной, даже самой незначительной, отрасли государственнаго и общественнаго управленія, на которой не отразились бы реформы настоящаго царствованія, не отразилась бы объединяющая всеобъемлемость единой мысли и единой воли, характеризующая вообще царствованіе императора Александра II.

Вмѣстѣ въ краткій журнальный очеркъ столь сложную и величавую эпоху, какъ развитіе Россіи за протекшія 25 лѣтъ—задача невыполнимая. Нельзя сомнѣваться, что и всѣ юбилейные очерки нашихъ журналовъ будутъ только слабыми попытками, стоящими ниже своей задачи.

Подобную же слабую попытку представляемъ нашимъ читателямъ и мы, ограничивая обзоръ нашъ преимущественно объясненіемъ значенія реформъ и политики царственнаго Юбилея для культурнаго развитія народа, для поднятія личности въ государствѣ и для достиженія современнаго преобладающаго идеала государственнаго устройства.

I.

Введеніе.

Императору Александру II суждено было вступить на престолъ въ самый печальный и трудный моментъ нашей новой исторіи. Россія находилась въ неровной борьбѣ съ четырьмя на-

ціями, изъ которыхъ три считаются представителями современной высокой цивилизаціи. Неблагоприятный исходъ крымской войны болѣе или менѣе предчувствовался русскими интеллигентными людьми; въ этой борьбѣ рѣзко обнаруживались всѣ наши національные недостатки и пороки и несостоятельность системы внутренняго управленія государствомъ, которые дѣлали прямо невозможной для насъ побѣду. Принося большія и безплодныя жертвы, Россія, въ лицѣ своей арміи, отстаивала лишь свою историческую воинскую честь; но славная защита Севастополя дорого обходилась Россіи: страна была покрыта трауромъ и тяжелое сознаніе безсилія овлаждало умами.

Со вступленіемъ на престолъ 19 февраля 1855 г. молодого Государя всѣ надежды и упованія страны обратились единственно къ Нему и когда Онъ слишкомъ чрезъ годъ послѣ воешествія на престолъ рѣшился заключить миръ, сдѣлавъ противникамъ уступки, состоявшія главнымъ образомъ лишь въ ограниченіи нашей морской военной силы на Черномъ морѣ, то это встрѣчено было страной съ самой искренней и живой радостью. Въ это же время, именно 19 марта 1856 г., издавъ былъ Высочайшій манифестъ, слова котораго съ того времени и до сихъ поръ остаются въ памяти русскаго народа. Обращаясь къ Россіи, Государь возвѣтилъ ей свои надежды и стремленія, между прочимъ въ слѣдующихъ краткихъ, но много говорящихъ словахъ: «да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея, да развивается всюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ».

Со времени этого манифеста началась усиленная государственная дѣятельность, плодомъ которой были реформы, совершенно измѣнившія нашу внутреннюю жизнь и наше государственное устройство. Кто, по своему возрасту, знаетъ и помнитъ прежнюю Россію, ея правы, житейскія отношенія и узкую, ограниченную общественную жизнь, тотъ можетъ засвидѣтельствовать цѣлому ряду молодыхъ поколѣній, что съ наступленіемъ настоящаго царствованія началась для Россіи эпоха возрожденія и новой жизни, отдѣляющейся самой рѣзкой гранью отъ прежняго періода.

Императоръ Александръ II принявъ Россію съ ея старымъ, историческимъ зломъ, которое царило надъ всѣми житейскими отношеніями въ странѣ и даже надъ самимъ государствомъ. Зло это было—крѣпостное право, которое обуславливало собою не только одни междусословныя

отношенія, но и весь экономическій бытъ народа, лишеннаго перваго человѣческаго блага—свободы труда; крѣпостное право было также основнымъ элементомъ нашей общественной жизни, раздѣляя между собою сословія рѣзкимъ неравенствомъ; перевѣсъ одного привилегированнаго сословія надъ другими вообще угнеталъ человѣческую личность, оскорблялъ достоинство человѣка; даже правосудіе склоняло свои вѣсы на сторону этого привилегированнаго сословія, потому что самый законъ не могъ признавать равенства между властелиномъ и его живою собственностью. Трудно перечислить всѣ виды, формы и пути вліянія уничтоженнаго нынѣ крѣпостнаго права на угнетеніе личности въ Россіи, на суровость отношеній закона и государства къ личности и вообще на нашъ государственный строй, на скудость умственнаго развитія, на грубость народныхъ и общественныхъ правовъ и привычекъ и на страшную экономическую бѣдность народа. Если мы напомнимъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ сущность исторіи крѣпостнаго права въ Россіи, то будетъ поспитно, что оно, бывъ изстари вообще учрежденіемъ государственнымъ, всесторонне обнимало собою нашу жизнь, было основнымъ ея нервомъ и что, слѣдовательно, уничтоженіе этого права является началомъ совершенно новой жизни, обновленія государственной организаціи и общественныхъ отношеній въ странѣ.

Крѣпостное право появляется рѣзко опредѣленнымъ государственнымъ учрежденіемъ въ эпоху московской централизаціи. Преслѣдуя цѣль государственнаго и народнаго объединенія, московскіе великіе князья и цари не довольствовались одной гегемоніей, но стремились къ абсолютному господству надъ всей Русью. Понятно, что все, что могла выработать прежняя удѣльная и вѣчевая жизнь для свободы личности, какъ, напримѣръ, право свободного перехода крестьянъ, сословіе вольныхъ людей, имущественная самостоятельность и, слѣдовательно,—независимость бояръ,—все это болѣе или менѣе мѣшало осуществленію московской идеи, или даже просто не правилось московскимъ царямъ и не было ими терпимо, какъ противорѣчіе ихъ идеалу безграничной власти, какъ нѣкоторое, хотя крайне слабое, проявленіе права личности. И вотъ начинается безпощадное, суровое, даже жестокое уничтоженіе всякой личной свободы, особенно подъ вліяніемъ тѣхъ великихъ государственныхъ нуждъ, которыя нахлынули на московскую Русь, когда ей пришлось защищаться отъ Литвы, Польши, Ливонскаго ордена и отъ набѣговъ южныхъ и восточныхъ татаръ. Мало по малу всѣ сословія, городскія и сельскія, закрѣпощаются государству, обращаются въ служилыхъ людей, обязанныхъ нести службу

безъ срока, до конца жизни; крестьянство обращается въ крѣпостныхъ на тѣхъ помѣстныхъ земляхъ, которыми государство расплачивалось вмѣсто денегъ съ служилымъ дворянствомъ; даже вотчинное владѣніе бояръ было крайне ограничено и было скорѣе пользованіемъ, въ родѣ помѣстного права, чѣмъ правомъ земельной собственности.

Съ окончаніемъ московскаго періода русской исторіи великій преобразователь и первый рационалистъ земли русской, принявшій за радикальную передѣлку не только государства, но и народныхъ правовъ, естественно, не могъ совершить своихъ преобразованій безъ насилія; поэтому установившееся крѣпостное отношеніе личности русскаго гражданина къ государству явилось въ рукахъ Петра могущественнымъ орудіемъ для достиженія цѣли его стремленія—вести свободу путемъ принужденія, насадить сѣмена гражданственности и западной образованности принудительнымъ способомъ. И вотъ снова русскій человѣкъ начинаетъ работать, на этотъ разъ вмѣстѣ съ своимъ царемъ, на государство, снова тяжелья жертвы, нескончаемая служба до послѣдней капли крови, новая царская дубинка и въ добавокъ ко всему — несеніе послѣдней копейки въ видѣ усиленныхъ податей и сборовъ въ казну на новыя государственныя нужды. Бояре, дворянство, горожане и крестьяне, даже монахи и монахини, съ своими монастырями, обрабатываемыми иногда въ казенныя мастерскія, иногда въ военныя богадѣльни*), служатъ государству обязательнымъ трудомъ. Въ одномъ только случаѣ Петръ I возвысилъ личность русскаго человѣка — сословная привилегія на высшія должности въ государственной службѣ была уничтожена и всякій единственно по своимъ способностямъ и заслугамъ могъ занимать правительственныя мѣста. Отмѣна казенныхъ монополій, какъ торговли предметами первой необходимости, расширила арену частной предпримчивости и дѣятельности въ странѣ; но въ то же время усилія Петра къ водворенію и поощренію фабричной и заводской промышленности послужили къ увеличенію числа крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ фабрикантамъ всѣхъ сословій предоставлено было право покупать крестьянъ къ фабрикамъ для обязательнаго, крѣпостнаго труда. Помѣстное владѣніе землями Петръ I сравнялъ съ вотчиннымъ правомъ, т. е. установилъ право полной собственности дворянъ на земли, которыми они владѣли на помѣстномъ правѣ за обязательную службу государству.

Изучая самые первоначальные источники крѣпостнаго права, приходится убѣдиться, что естественнымъ источникомъ его была крайняя экономическая бѣдность народа, однообразие его трудовой производительности, отсутствіе торговли и мануфактурной дѣятельности. Нужда прежде всего закабаляла неимущаго человѣка имущему и изъ этой кабалы выросло безусловное подчиненіе одного человѣка производу другого, та форма рабства, которая въ Россіи получила свой мѣстный, этнографическій характеръ и называлась крѣпостнымъ состояніемъ. Учрежденіе это, какъ мы видѣли, не было однако только сословнымъ, т. е. обязательный трудъ и безусловная покорность водворена была не между лишь крестьянами и помѣстнымъ и вотчиннымъ дворянствомъ, фабрикантами, церквами и монастырями, но и вообще между государствомъ съ одной стороны и всѣми его гражданами — съ другой. Когда государство чувствовало себя въ опасности отъ внѣшнихъ нападѣній, какъ это было въ московскій періодъ, или во время осуществленія идеи самодержавія московскихъ ца-

рей, нужны были громадныя государственныя средства, которыхъ цари не имѣли и не могли получить ихъ отъ бѣднаго экономически народа иначе, какъ натурой, т. е. принудительнымъ трудомъ, обязательной службой. Петру I для преобразованія государства на европейскій образецъ и притомъ для скораго преобразованія также нужны были средства, которыхъ нельзя было добыть иначе, какъ путемъ насилія, принудительнымъ, обязательнымъ трудомъ, и потому рядомъ съ освободительными для личности русскаго гражданина учрежденіями мы видимъ усиленіе крѣпостнаго состоянія не только для крестьянъ, но и для всѣхъ сословій.

Бѣдность и нужда суть самые неизбежныя спутники и самые естественные источники произвола и самая худшая изъ всѣхъ его формъ. Въ свою очередь богатство народа, какъ результатъ его производительнаго труда, можетъ развиваться лишь при свободныхъ отношеніяхъ и имъ поддерживается. Такова альтернатива экономической и государственной жизни современныхъ народовъ, обогащающихся не путемъ завоеваній и подчиненіемъ чуждыхъ слабѣйшихъ народностей, какъ это было въ древности, а производительнымъ трудомъ и предпримчивостью свободныхъ гражданъ во всѣхъ ея видахъ.

Объяснивъ, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ крѣпостное состояніе, какъ всеобщее государственное учрежденіе, перешло въ нашу новую исторію, почти со всѣми его московскими атрибутами, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ видѣ это печальное наслѣдіе досталось царствующему Императору Александру Николаевичу для того, чтобы по Его инициативѣ и воли наслѣдіе это сдано было на вѣчныя времена въ архивъ нашей исторіи.

Екатерина II внесла въ русскую жизнь совершенно новыя элементы, которые только и могли быть восприняты страной послѣ реформъ Петра Великаго на воздѣланной, подготовленной имъ почвѣ. Элементы эти суть широкія права личной и экономической свободы, но права сословныя, дарованныя лишь дворянству и городскимъ сословіямъ. Екатерина II впервые ставитъ Россію на правовую дорогу, въ первый разъ русскій человѣкъ въ лицѣ дворянина имѣетъ права личныя и имущественныя, дворянство же отчасти и политическія. Жалованная грамота дворянству присвоиваетъ этому сословию громадныя, небывалыя на Руси привилегіи, между прочимъ: избавленіе отъ тѣлеснаго наказанія, отъ обязательной государственной службы, отъ всякихъ личныхъ податей и повинностей, право сословнаго участія въ судѣ и управленіи и корпоративныя сословныя права; городекія сословія получили также корпоративныя, личныя и имущественныя права. Но всѣ эти и другія великія учрежденія Екатерины II, великія въ смыслѣ начала освобожденія человѣческой личности въ государствѣ и въ смыслѣ гарантій лица и сословій отъ произвола административныхъ властей, не коснулись одного, самаго многочисленнаго сословія — крестьянъ. Напротивъ, крестьяне по прежнему продолжали быть однимъ изъ вещественныхъ государственныхъ ресурсовъ. Хотя въ царствованіе Екатерины II русскій народъ не былъ уже такъ бѣденъ экономически, какъ до Петра великаго, но все-таки блескъ царствованія великой императрицы, славныя войны, которыя она вела, реформы, которыя она совершала, — все это требовало болѣе широкихъ средствъ, чѣмъ тѣ, которыя были въ наличности у государства. Крестьяне служили для нея какъ бы дополнительнымъ средствомъ въ удовлетвореніи государственныхъ нуждъ: она щедро награждала своихъ сподвижниковъ имѣніями, населенными казенными крестьянами, обращая послѣднихъ такимъ образомъ въ рабство.

Крѣпостное состояніе крестьянъ съ нѣкоторыми еще остатками государственнаго крѣпостнаго права и со всѣми учрежденіями, приспособленными для поддержки крѣпостныхъ отношеній, т. е. для поддержки безправія и произвола, въ нѣсколько смягченномъ видѣ пережило послѣ Екатерины II еще три царствованія, чтобы закончить свое существованіе по волѣ новаго Царя-Преобразователя, примирившаго, наконецъ, совѣсть новой Россіи съ прежней исторіей нашего отечества. Въ прошломъ крѣпостное право длилось излишне во всякомъ случаѣ, вѣдѣствіе перѣжитости, или какъ роковая ошибка, или какъ злоупотребленіе прежнихъ представителей верховной власти настолько, насколько эта форма рабства не оправдывается государственными потребностями, являвшимися лишь періодически и давно, давно миновавшими.

II.

Уничтоженіе крѣпостнаго права.

Теперь прослѣдимъ главные моменты величайшей изъ реформъ Императора Александра II. Уничтоженіе крѣпостнаго права получаетъ свою преимущественную важность прежде всего, какъ вѣковѣчный и достойный безсмертной славы вкладъ нашего современника — Императора въ русскую исторію и даже въ исторію всемірной цивилизаціи. Человѣчество, какъ и отдѣльные народы, никогда не перестанетъ стремиться къ свободѣ, какъ ни трудно она достается ему. Міросозерцаніе современныхъ умовъ, не говоря уже о будущихъ отдаленныхъ стадіяхъ человѣческаго развитія, не знаетъ и навѣрное не будетъ знать другого критерія для оцѣнки событій и дѣяній правителей народовъ, какъ освобожденіе грядущей жизни отъ всѣхъ остатковъ старой цивилизаціи, къ числу которыхъ принадлежитъ рабство во всѣхъ его многоразличныхъ видахъ. Исторія многое забываетъ, остается въ памяти народовъ и вѣчно будетъ оставаться лишь то, что закрѣпило ихъ свободу, что вывело ихъ на широкій путь свободного общечеловѣческаго развитія. Такихъ моментовъ немного ни въ исторіи отдѣльных народовъ, ни во всемірной исторіи; но они составляютъ вѣчное достояніе человечества, они суть главныя станціи его прогрессивнаго развитія. Къ числу этихъ великихъ историческихъ моментовъ, безспорно, принадлежитъ освободительная эпоха царствованія Александра II и какъ исходная точка ея — уничтоженіе крѣпостнаго права.

Три предшественника Императора Александра II уже дѣлали попытки къ улучшенію быта и даже къ полному освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ: при Павлѣ I изданъ былъ законъ, ограничивавшій обязательный трудъ крестьянъ трехдневной барщиной; при Александрѣ I допущены были добровольныя соглашенія между помѣщиками и крѣпостными крестьянами, предоставлявшія этимъ послѣднимъ права вольныхъ хлѣбопашцевъ; при Николаѣ I изданъ былъ указъ объ обязанныхъ крестьянъ, устанавливавшій обязательныя отношенія по договору. Но Императоръ Александръ II прямо и рѣшительно объявилъ государственному совѣту въ своей рѣчи 28 января 1861 г., что улучшеніе быта крестьянъ должно совершиться «не на словахъ только и не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ». Онъ не скрывалъ, что законы его предшественниковъ остались безъ примѣненія, потому что исполненіе этихъ законовъ было обставлено «можетъ быть, съ умысломъ» — какъ выразился Государь, такими формами, которыя останавливали ихъ дѣйствіе. Его Величество дополнилъ свою рѣчь слѣдующимъ обращеніемъ къ членамъ государственнаго совѣта: «Я въ правѣ требовать отъ васъ одного, чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ».

*) Примѣръ, достойный подражанія, для призрѣнія увѣчныхъ и раненыхъ въ послѣднюю войну.

Изъ этой исторической рѣчи мы приведемъ еще слѣдующія мѣста: излагая краткую исторію крестьянскаго дѣла, Государь сказалъ: «Вамъ извѣстно происхожденіе крѣпостнаго права. Оно у насъ прежде не существовало: право это установлено самодержавною властью и только самодержавная власть можетъ уничтожить его, а на это есть Моя прямая воля».

Относительно освобожденія крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею, Государь, указавъ на главные начала, на коихъ должно было совершиться преобразование, добавилъ: «Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностію помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ какъ для помѣщика, такъ и для государства... Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за-границей, гдѣ преобразование совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи, и именно въ Галиціи; безземельное освобожденіе крестьянъ въ австрійскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ население весьма жалкое и только теперь, послѣ сорока лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ». Желая посильнаго окончанія крестьянскаго дѣла, Государь въ слѣдующихъ словахъ выразилъ свой взглядъ на его значеніе: «Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, которое поступило на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, по важности своей Я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества. Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько же убѣждены, какъ Я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры. У меня есть еще и другое убѣжденіе, и именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему Я требую отъ государственнаго совѣта, чтобы оно было имъ кончено въ первую половину февраля и могло быть объявлено къ началу полевыхъ работъ; возлагаю это на прямую обязанность председательствующаго въ государственномъ совѣтѣ. Повторяю, и это Моя непремѣнная воля, чтобы дѣло это теперь же было кончено. Вотъ уже четыре года, какъ оно длится и возбуждаетъ различныя опасенія и ожиданія какъ въ помѣщикахъ, такъ и въ крестьянахъ. Всякое дальнѣйшее промедленіе можетъ быть пагубно для государства».

Для предварительныхъ работъ по крестьянскому вопросу образованы были: сначала особый комитетъ подъ предѣлательствомъ Самого Государя, затѣмъ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, работавшій подъ предѣлательствомъ великаго князя Константина Николаевича, редакціонныя комисіи, предѣлателями коихъ сначала былъ генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, а по смерти его графъ Панинъ, и губернскіе комитеты подъ предѣлательствомъ предводителей дворянства, состоявшіе изъ мѣстныхъ помѣщиковъ по выбору дворянъ, по одному отъ cadaго уѣзда и изъ двухъ помѣщиковъ по непосредственному назначенію губернаторовъ.

Вмѣстѣ съ ходомъ работъ постепенно выяснялась вся сложность и трудность поднятаго вопроса и даже расширялись самыя границы реформы: вмѣсто одного улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ въ проектахъ губернскихъ комитетовъ и въ редакціонныхъ комисіяхъ разрабатывался уже прямо вопросъ о полномъ освобожденіи крестьянъ съ землею и съ возможностью выкупа и, наконецъ, изслѣдованіе вопроса прямо указало, что крестьянская реформа требуетъ одновременно и другихъ преобразованій въ государственныхъ учрежденіяхъ, какъ, напр., немедленнаго преобразованія судебной части и мѣстныхъ органовъ самоуправленія — земскихъ учреждений. Но такъ какъ эти послѣднія реформы не могли быть предметомъ работъ учреж-

денныхъ специально по крестьянскому дѣлу комитетовъ и комисій, то, не смотря на тѣсную и систематическую связь между собою реформы: крестьянской, судебной и земской, крестьянское дѣло разрѣшено было отдѣльно и прежде двухъ остальныхъ, какъ не допускающее никакого промедленія. Для приведенія въ исполненіе положенія 19 февраля 1861 г. учрежденъ былъ временный судебно-административный институтъ мировыхъ посредниковъ и мѣстныхъ присутствій по крестьянскому дѣлу, которые отправляли судебную функцію по крестьянскому дѣлу.

Мы видимъ, что вся обстановка крестьянскаго дѣла, всѣ работы сначала и до конца были въ рукахъ тѣхъ самыхъ дворянъ-помѣщиковъ, которымъ приходилось разставаться съ самой существенной своей сословной привилегіей. Они должны были поднимать руку на самихъ себя. Незначительное меньшинство помѣстнаго дворянства было, конечно, на сторонѣ правительства, и сильное не столько своимъ вліяніемъ, сколько образованностью, возвышенностью своихъ убѣжденій, истиннымъ патріотизмомъ и готовностью принести жертвы на общую пользу, желало самаго широкаго освобожденія крестьянъ и было поддержано въ этихъ стремленіяхъ Императоромъ Александромъ II. Но и вліяніе другого сорта русскаго помѣстнаго дворянства, столь вѣрно воспроизведеннаго въ художественныхъ характеристикахъ Гоголя, не могло не отразиться въ нѣкоторыхъ губерніяхъ на мѣстныхъ изысканіяхъ и работахъ по крестьянскому вопросу, провѣрять которыя правительство не имѣло никакой возможности. И дѣйствительно, послѣдствія доказали, что оцѣнка крестьянскихъ надѣловъ и опредѣленіе за нихъ оброка не вездѣ соответствовали дѣйствительности: это была работа Ноздревыхъ и Плюшкиныхъ. Но за этой частностью, касавшейся, впрочемъ, лишь нѣкоторыхъ мѣстностей въ странѣ и незначительной части крѣпостнаго населенія, правительство не могло останавливать ходъ великаго дѣла, и оно совершилось на нашихъ глазахъ, безъ потрясеній, благодаря тому, что Государь принялъ его «близко къ своему сердцу», употребилъ свою личную энергію, прозорливость и настойчивость во время подготовительныхъ и законодательныхъ работъ, воспользовавшись вообще въ этомъ дѣлѣ высокимъ авторитетомъ своей власти болѣе цѣлесообразно, чѣмъ три его предшественника, не менѣе его могущественные, однако, не находившіе въ себѣ силы осуществить питаемое и ими желаніе уничтожить крѣпостное право въ Россіи. Разрѣшеніе крестьянскаго вопроса и приведеніе въ исполненіе положенія 19 февраля до сихъ поръ составляетъ удивленіе государственныхъ людей и публицистовъ Европы. Въ виду того, какъ достигнуто было уничтоженіе крѣпостнаго права вездѣ въ Европѣ, даже въ странахъ, гдѣ власть была въ рукахъ демократіи, а не въ рукахъ дворянства, какъ, напр., во Франціи, крѣпостные земледѣльцы были освобождены безъ земли.

Выкупъ съ землею, т. е. полное освобожденіе крестьянъ, совершился къ 1880 г. болѣе чѣмъ въ $\frac{4}{5}$ частяхъ крѣпостнаго населенія; остается около $\frac{1}{5}$; значительная часть этой дроби относится къ имѣніямъ общаго владѣнія и не размежеваннымъ, выкупъ каковыхъ имѣній, хотя не былъ прямо воспрещенъ положеніемъ 19 февраля, но въ немъ имѣлось косвенное препятствіе въ требованіи для выкупа описанія границъ крестьянскаго надѣла и доказанной опредѣленности права помѣщика на самую землю, чего нельзя было имѣть при общности владѣнія имѣніемъ. Въ 1880 г. устранено это препятствіе новымъ закономъ и кромѣ того, сколько извѣстно, правительство имѣетъ въ виду, для приведенія выкупа къ концу, допустить такое-же

право крестьянъ на обязательный для помѣщиковъ выкупъ, какимъ пользуются помѣщики относительно крестьянъ; разница, конечно, будетъ лишь въ мѣрѣ и способѣ вознагражденія за выкупаемую крестьянами землю при требованіи выкупа съ ихъ стороны.

Польское возстаніе значительно послужило къ успѣху выкупа: всѣ сѣверо-западные и юго-западные губерніи подвергнуты были обязательному выкупу, съ повѣркою составленныхъ помѣщиками уставныхъ грамотъ; при чемъ высокая оцѣнка земель, излишнее назначеніе за нихъ оброковъ и недостаточность крестьянскихъ надѣловъ были исправлены правительственной властью, согласно положенію 19 февраля.

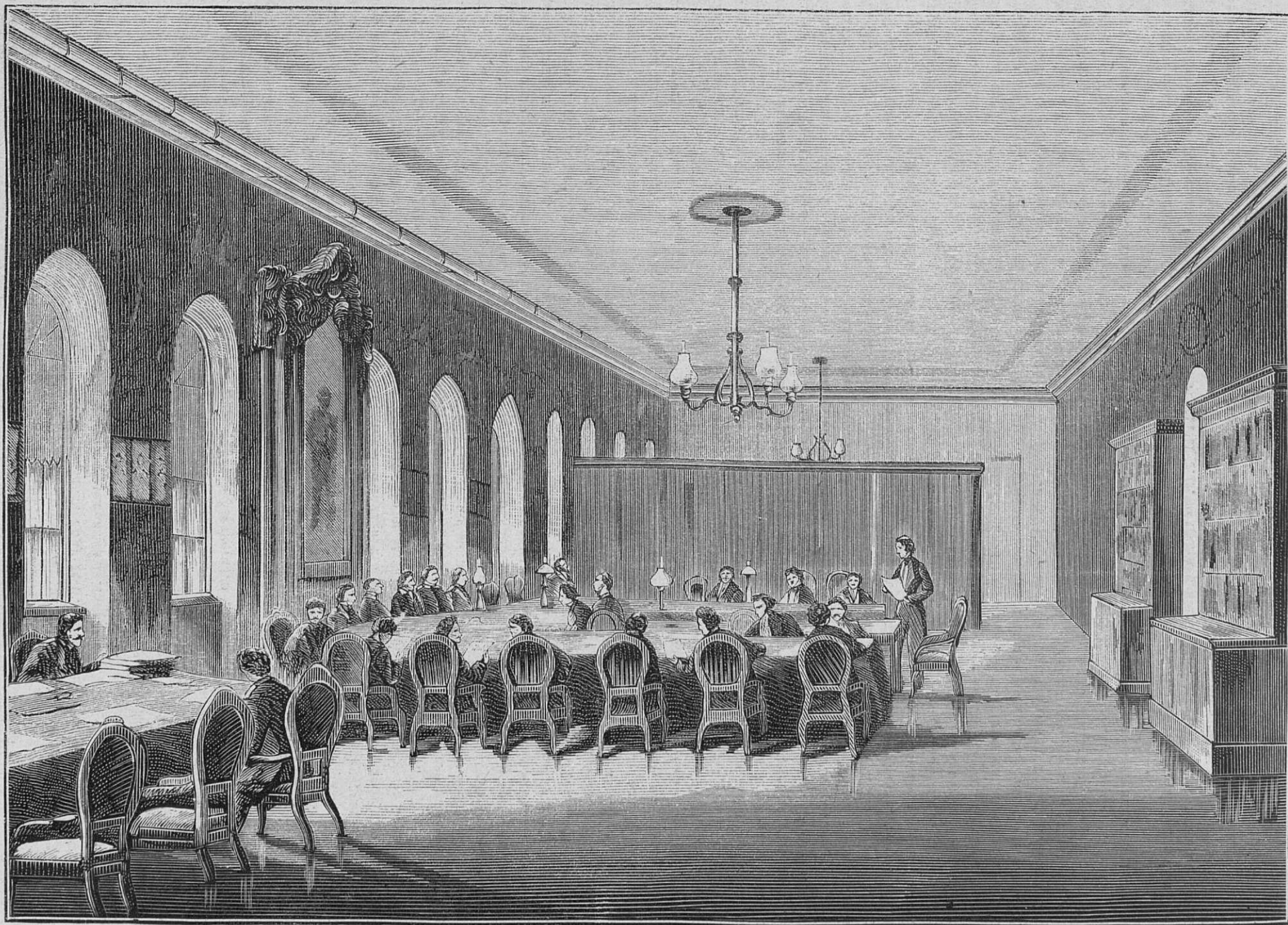
И такъ не прошло еще и двадцати лѣтъ съ изданія положенія, но великая реформа перешла уже въ дѣйствительность почти до конца, внеся новый, освѣжающій элементъ во всѣ отношенія государственной и общественной жизни. Вся эта трудность реформы вызываетъ чувство удивленія и патріотической благодарности къ ея виновнику, столь смѣло и величественно проводившему свою великую идею въ жизнь сквозь цѣлую массу препятствій и затрудненій и даже сквозь скрытый, но сильный антагонизмъ со стороны первенствующаго сословія въ государствѣ.

Каково же культурное и политическое значеніе великой реформы? Крѣпостное право было послѣдней, но крѣпкой цѣпью, связывавшей нашу новую исторію съ старой, и единственнымъ препятствіемъ для осуществленія въ Россіи современныхъ политическихъ и общественныхъ идеаловъ. Цѣпь эта теперь порвана; Россія можетъ идти безъ задержки по пути культурнаго и политическаго развитія, наравнѣ со всеми государствами западной Европы; для осуществленія реформъ, какихъ потребуетъ духъ времени и дѣйствительная жизнь, нѣтъ болѣе непреодолимыхъ препятствій. Идея правоваго государства имѣетъ въ Россіи безплодную почву. Освобожденіемъ крестьянъ съ землею положенъ новый и широкій фундаментъ для государства и новый элементъ междусословныхъ отношеній. Десятки миліоновъ свободныхъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, владѣющихъ землею лично или общиной, являются незыблемой основой великаго безсословнаго государства, имѣющаго въ самомъ своемъ общественномъ складѣ прочную гарантію противъ всякой узурпаціи народнаго благосостоянія и народныхъ правъ со стороны какого-либо небольшого привилегированнаго сословія. Пресловутая буржуазія, столь могущественная въ современной Европѣ, безвредна въ Россіи. Не много еще, конечно, требуется времени, когда бывшій крѣпостной народъ приметъ извѣстную долю просвѣщенія и достигнетъ такого умственнаго и политическаго развитія, чтобы оцѣнить свои права и интересы и умѣть охранять ихъ, какъ драгоценное достояніе его новой исторіи; немного также нужно времени, когда и новыя поколѣнія преобладающаго интеллигентнаго класса, дворянства, забывъ свои крѣпостныя традиціи, будутъ работать не для сословныхъ своихъ интересовъ, а во имя всенародной пользы.

Этотъ великій новый фундаментъ положенъ державной рукой Императора Александра II и всѣ надежды и упованія на будущее преуспѣяніе и развитіе нашего отечества возростають на этомъ прочномъ фундаментѣ.

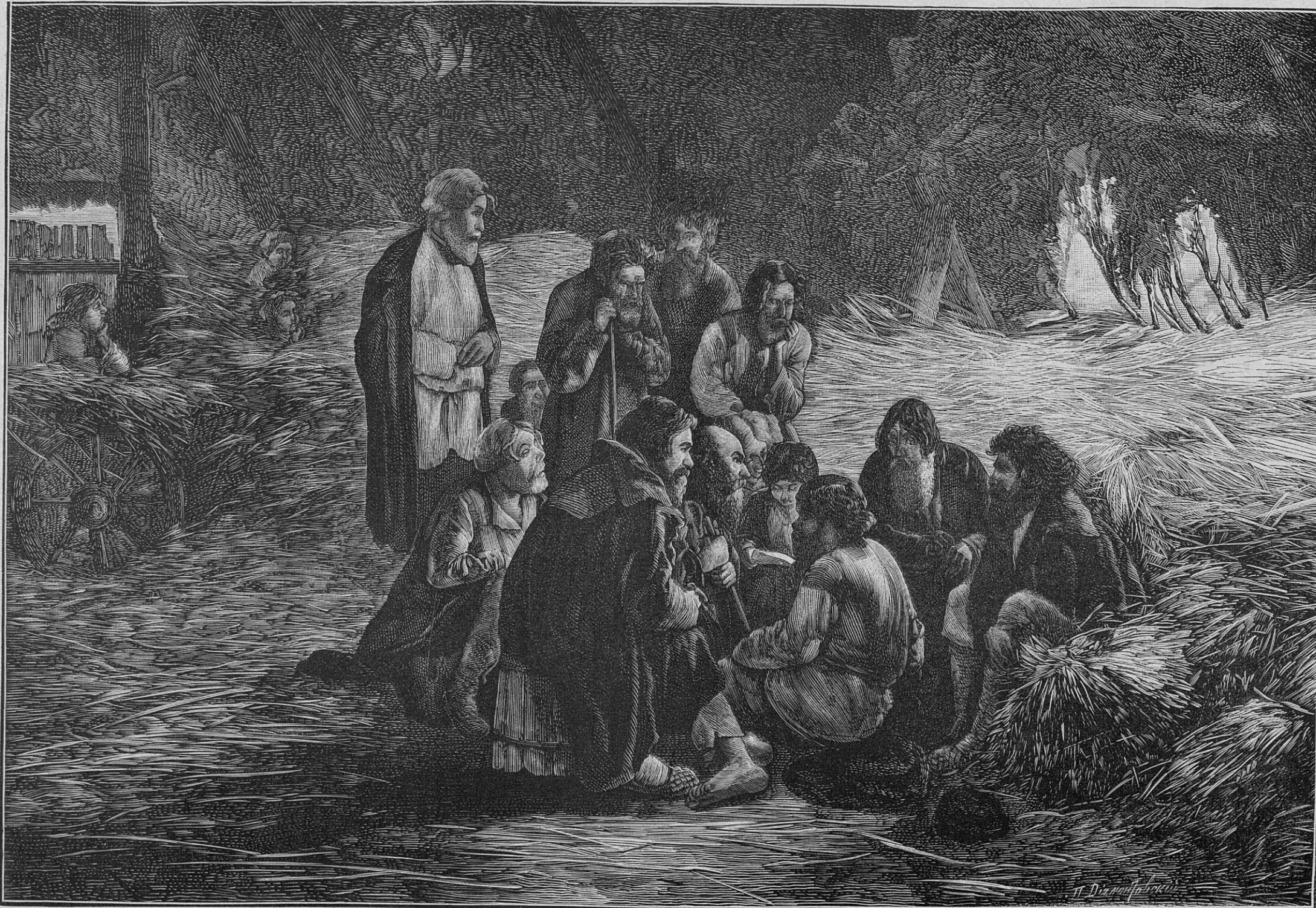
Освобожденіе народной массы съ землею, свобода вмѣстѣ съ насущнымъ хлѣбомъ, — это новое, оригинально-русское явленіе, неизвѣстное среди европейскихъ государствъ. Судя по ходу европейской жизни, Россія, въ лицѣ своего Царя-Освободителя, дастъ Европѣ своимъ освобожденіемъ крестьянъ примѣръ, кото-

Зало засѣданій комисіи по крестьянскимъ дѣламъ,
въ бывшемъ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.
Рѣзалъ на деревѣ Рихтеръ въ С.-Петербургѣ.

Чтеніє положенія.
Г'бзаль на дерев' П. Л. Діаментовскій.

рому суждено будетъ вызвать невольное подражаніе. Для Россіи это будетъ расплатой за просвѣщеніе и науку, которыя мы взяли отъ Европы.

Рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ, какъ фактомъ освобожденія личности человѣка въ государствѣ, фактомъ возвышенія достоинства человѣка, необходимо поставить уничтоженіе всѣхъ другихъ остатковъ государственнаго крѣпостнаго права, совершенное Императоромъ Александромъ II: освобожденіе въ 1856 году солдатскихъ дѣтей (кантонистовъ) отъ обязательной и безсрочной службы государству, съ обращеніемъ ихъ въ свободныя податныя сословія и съ сохраненіемъ имъ казеннаго содержанія и права поступать въ училища военнаго вѣдомства; мѣра эта дала свободу 378,000 малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей. Уничтоженіе военныхъ поселеній, послѣдовавшее въ 1857 г., освободило 600,000 человѣкъ поселенцевъ, обязанныхъ безсрочной военной службой и вмѣстѣ съ тѣмъ сельскими работами для содержанія себя и своихъ семействъ; поселенцамъ предославлены были крестьянскія права. Отмѣна тѣлеснаго наказанія и клейменія осужденныхъ преступниковъ (17 апрѣля 1863 г.); отмѣна шницъ-рутенговъ (сквозъ строй) и фухтелей въ войскахъ и тѣлеснаго наказанія во флотѣ; уничтоженіе личнаго произвола изданіемъ для войскъ дисциплинарнаго устава и устройствомъ военнаго суда; сокращеніе срока военной службы съ 25 лѣтъ на 8;—всѣ эти мѣры суть уничтоженіе послѣднихъ остатковъ государственнаго крѣпостнаго права и осуществленіе идеи освобожденія личности и возвышенія достоинства человѣка.

Во всѣхъ этихъ мѣрахъ императоръ Александръ II проявилъ свою искреннюю любовь и довѣріе къ народу.

III.

Судебная реформа. Земскія учрежденія. Городовое положеніе.

Окончивъ свою великую реформу—крестьянское дѣло, при содѣйствіи, большею частію, людей самыхъ скромныхъ служебныхъ и общественныхъ положеній, въ которыхъ Государь нашелъ полнѣйшее сочувствіе своей великой мысли и силу и энергію для того, чтобы побороть могущественную оппозицію просвѣщеннымъ патриотизмомъ и истиной своихъ убѣжденій, Его Величество тотчасъ-же принялся за другія необходимыя, вытекавшія изъ новаго порядка вещей, преобразованія, какъ судебная часть и мѣстное самоуправленіе.

Кто желаетъ оцѣнить безпристрастно сущность порядка вещей, при которомъ идетъ наша современная жизнь, порядка, созданнаго реформами Императора Александра II, тотъ не долженъ ни на одну минуту упускать изъ виду, что Государю-Преобразователю приходилось каждый разъ въ новые мѣхи вливать по-неволѣ старое вино. Только и можно было осуществлять преобразованія посредствомъ самаго осторожнаго выбора небольшого числа людей, на которыхъ можно бы было положиться, которые не испортили бы порученнаго дѣла, не довели бы его до полнаго отрицанія. Для осуществленія великаго преобразованія, для того, чтобы оно вошло въ жизнь, нужны уже исполнители, дѣлая активная масса лицъ, которые относились-бы сочувственно, съ любовью къ обновляющей реформѣ, не искажали-бы ея духа и сущности. Законодательный актъ, какъ-бы ни былъ онъ сложенъ и великъ по своему значенію, требуетъ не многихъ умовъ; одно логичное проведеніе основной идеи, вложенной въ него законодателемъ, дѣлаетъ уже его болѣе или менѣе способнымъ войти въ жизнь. Но не то встрѣчается, обыкновенно, при самомъ выполненіи новыхъ законоположеній! Исполнители ихъ уже считаются тысячами, разнообразіе

ихъ талантовъ, міросозерцаній, личныхъ симпатій и антипатій, различный уровень ихъ образованности и умственнаго развитія, различное отношеніе къ своему долгу,—все это дѣлаетъ невозможнымъ полное осуществленіе реформы, и практическая, жизненная судьба ея ограничивается лишь большей или меньшей степенью приближенности къ полному осуществленію.

Такова была естественная, неизбежная судьба всѣхъ преобразованій Императора Александра II, и таково было положеніе Государя, какъ двигателя государственнаго и административнаго механизма, имъ обновленнаго. Положеніе это, конечно, успѣло измѣниться теперь, послѣ 25 лѣтъ Его царствованія...

Въ судебной реформѣ, также какъ во введеніи земскихъ учрежденій и городского положенія, условіе это было менѣе значительно, чѣмъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, но во всякомъ случаѣ новый судъ въ Россіи успѣлъ получить уже сильное воспитательное значеніе для русскаго общества и завоевалъ полнѣйшее довѣріе къ высокому достоинству его организаціи, если не всегда—къ персоналу.

Судъ присяжныхъ слѣдуетъ также считать одной изъ важнѣйшихъ реформъ Императора Александра II. Народы, стоящіе неизмѣримо выше насъ по умственному развитію, политической зрѣлости и просвѣщенію, еще не вездѣ упрочили у себя безспорность суда присяжныхъ, не вездѣ еще въ Европѣ это высокое учрежденіе считается неотъемлемой общественной прерогативой свободныхъ народовъ и наилучшей формой уголовного правосудія. У насъ же водвореніе суда присяжныхъ, такъ сказать, на свѣжихъ развалинахъ крѣпостнаго права было со стороны Государя проявленіемъ особаго довѣрія къ своему народу, основаннаго, какъ вполне доказали послѣдствія, на глубокомъ знаніи народнаго духа и правдолюбиваго инстинкта русскаго народа. Судъ присяжныхъ принадлежитъ къ числу самыхъ могущественныхъ культурныхъ, развивающихъ общественное сознаніе элементовъ, и введеніе этой формы суда въ Россію представляетъ одинъ изъ славнѣйшихъ актовъ настоящаго царствованія.

Земскія учрежденія, какъ новые органы мѣстнаго самоуправления, созданныя Императоромъ Александромъ II, внесли въ русскую жизнь и новый принципъ земской общественности, или, что тоже-самое, элементъ безсловности, потому что избирательный имущественный собственнн въ принципъ устраняетъ всякое понятіе о сословности земскихъ учрежденій. Эти новые органы самоуправления, ограниченные изданнымъ о нихъ Положеніемъ, завѣдываніемъ лишь своими мѣстными дѣлами, не носятъ на себѣ прямого политическаго характера; но самыя предметы, которыми завѣдуютъ земства, въ предѣлахъ нужды и пользы своей губерніи и уѣзда, находясь въ тѣсной связи съ общими государственными интересами, каковы: народное образованіе, охраненіе народнаго здоровья, народное продовольствіе, тюрьмы, развитіе промышленности, увеличеніе производительности и т. п. придаютъ земскимъ учрежденіямъ громадное значеніе въ государственномъ строѣ страны и дѣлаютъ ихъ чрезъ то косвенно учрежденіями высокой политической важности. Земскія учрежденія, какъ извѣстно, поставлены подъ контроль мѣстныхъ представителей центральной власти, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ подчинены компетентности сената. Составъ гласныхъ въ земскихъ учрежденіяхъ состоитъ изъ выборныхъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и представителей городскихъ и сельскихъ обществъ. Большинство землевладѣльцевъ принадлежитъ къ числу бывшихъ помѣщиковъ; рядомъ съ ними являются и ихъ бывшіе крѣпостные крестьяне. Черезъ

нѣсколько поколѣній, конечно, ступается окончательно то нравственное неравенство положеній между членами земства, которое существуетъ теперь...

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, изданное въ царствованіе Императора Александра II, есть законодательный актъ совершенно новый, ожидавшійся русскимъ обществомъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Оно во всякомъ случаѣ останется краеугольнымъ камнемъ мѣстнаго самоуправления въ Россіи и созданіемъ Императора Александра II и послужитъ подготовительнымъ органомъ для нашего политическаго развитія. Стоять такъ близко къ предметамъ и вопросамъ государственной важности, вникать въ ихъ сущность, обсуждать ихъ,—это не могло и не можетъ пройти безъ вліянія на нашу политическую зрѣлость.

Городовое положеніе о городскомъ общественномъ управленіи и хозяйствѣ, изданное въ 1870 году, представляетъ полное обновленіе закона Екатерины II, согласованное съ требованіями времени и носящее на себѣ тотъ же характеръ, какъ и положеніе о земскихъ учрежденіяхъ; въ городскомъ положеніи установленъ тотъ же контроль центральной власти, какъ и надъ земскими учрежденіями и опредѣлена извѣстная самостоятельность городского самоуправления по устройству и хозяйству города.

IV.

Народное просвѣщеніе. Свобода совѣсти. Печать.

Вопросъ о системѣ народнаго просвѣщенія въ Россіи, почти неразрѣшимый теоретически и мало уясненный практическими указаціями и общественными заявленіями, разрѣшенъ былъ по мысли и волѣ Императора Александра II. Для общеобразовательныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, за исключеніемъ реальныхъ училищъ, установлена классическая система, сравнявшая насъ въ основѣ просвѣщенія съ западными народами, отъ которыхъ мы такъ долго заимствовали лишь плоды ихъ просвѣщенія, не усвоивая самой системы его. Примѣненіе на практикѣ классической системы возбуждало и продолжаетъ возбуждать у насъ много частныхъ вопросовъ, но самая система, благодаря рѣшимости Государя, перенесенная на русскую почву самый корень европейской образованности, сдѣлалась уже основой нашего средняго и высшаго образованія, вообще обновленнаго и расширеннаго Императоромъ Александромъ II.

Новороссійскій, варшавскій и сибирскій университеты, историко-филологическій институтъ, петровская академія, лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ, суть новыя или реформированныя высшія учебныя заведенія, новыя разсадники высшаго образованія въ Россіи, возникшіе въ послѣдніе 25 лѣтъ. Но обозрѣвая весь кругъ нашего народнаго просвѣщенія, мы видимъ, что онъ расширенъ Императоромъ Александромъ II, согласно съ требованіемъ нашего времени. Сильное распространеніе грамотности въ народѣ и въ войскахъ, земскія школы для обоихъ половъ, открытіе множества первоначальныхъ городскихъ училищъ, ремесленныхъ учебныхъ заведеній, увеличеніе повсюду числа среднихъ учебныхъ заведеній, между прочимъ общеобразовательныхъ военныхъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ семинарій, прогимназій, правительственныхъ и частныхъ,—суть явленія, свидѣтельствующія наглядно о развивающемся въ странѣ стремленіи къ просвѣщенію и объ удовлетвореніи этой потребности со стороны государства. Правильное устройство народной школы и разсадника учителей для нея въ учительскихъ семинаріяхъ, водвореніе классической системы въ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ и, самая выдаю-

чаясь мѣра,—организация женскаго образованія въ странѣ, начиная съ народной школы, гимназій, и до высшаго образованія — высшихъ женскихъ курсовъ, также врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ, дополняютъ собою широкую просвѣтительную дѣятельность царствующаго Императора.

Въ высшей области духа, въ области религіозной не послѣдовало никакихъ измѣненій въ послѣдніе 25 лѣтъ, кромѣ мѣръ къ улучшенію быта православнаго духовенства, возвышенію уровня высшаго теологическаго образованія, къ новому укрѣпленію православія въ западныхъ областяхъ Россіи и совершившагося присоединенія униатовъ къ православной церкви. Но, несмотря на отсутствіе положительныхъ, законодательныхъ мѣръ, ведущихъ къ свободѣ совѣсти, и на религіозной жизни народа отразился кроткій духъ царствованія Императора Александра II: судебная реформа и судъ присяжныхъ содѣйствовали ослабленію суровыхъ преслѣдованій раскола, кромѣ безусловно вредныхъ сектъ, такъ что нѣкоторые религіозныя уклоненія, которыя прежде составляли предметъ воспрещенія и судебного преслѣдованія, начинаютъ пользоваться терпимостью.

Россія, можно сказать, впервые вкусила «отъ древа познанія добра и зла» именно въ царствованіе Императора Александра II. Это — великій культурный моментъ! Познание добра и зла составляетъ необходимое условіе полноты человѣческаго существованія; вступить на путь этого познания значитъ сдѣлать первый шагъ въ безпредѣльной области свободнаго развитія, указаннаго человечеству Провидѣніемъ. Въ наше замкнутое народное міросозерцаніе никогда еще не вторгалась такая масса идей — этихъ драгоценныхъ плодовъ міровой жизни всѣхъ вѣковъ и народовъ; никогда еще умъ и совѣсть русскаго человѣка не жили такой юношеской полнотой жизни, какъ въ послѣдніе 25 лѣтъ. Исходъ для этого обилія и богатства, водвореніе благоустройства и порядка въ нашей духовной жизни, однимъ словомъ, та свобода, при которой только и возможно правильное развитіе и жизнь духа, явились уже опредѣленной, даже можно сказать, мучительной потребностью нашего времени и ждуть къ себѣ попеченія и заботы отъ Державнаго Вождя русскаго народа.

Наиболѣе полнымъ выраженіемъ нашей духовной жизни является печать, получившая также небывалое развитіе въ послѣдніе 25 лѣтъ.

Въ русской литературѣ, въ первые же годы царствованія, именно съ возникновеніемъ крестьянскаго вопроса, обозначается рѣзкій переломъ. Эстетическій періодъ нашей литературы обрывается подъ тѣмъ могучимъ, сильнымъ впечатлѣніемъ, которое произведено было на восприимчивый русскій умъ и чувство первыми вѣяніями обновляющаго духа начавшагося царствованія. Поэты и литераторы лишь прежняго періода продолжаютъ еще свою творческую производительность, отражая впрочемъ въ своихъ твореніяхъ уже новые мотивы жизни; но новѣйшая литература усваиваетъ себѣ по преимуществу политическій, а отчасти научный и философскій характеръ. Литература, особенно-же журналистика, приобрѣтаютъ въ обществѣ совершенно новое значеніе, небывалое вліяніе и силу, не смотря на отсутствіе большихъ талантовъ, подобныхъ свѣтиламъ нашей прежней литературы. Идеи стремительнымъ потокомъ вторгаются, путемъ журнальной печати и переводной литературы, въ скудную область нашего замкнутаго міросозерцанія, обогащая русскій умъ новымъ для него и безконечно-разнообразнымъ матеріаломъ, хотя въ торопливо-обработанной и хаотически-бессистемной

формѣ. Въ это время привилась и упрочилась въ русскомъ обществѣ любовь къ серьезному изученію естественныхъ наукъ и техническихъ знаній, развитіе которыхъ у насъ уже не только началось, но и достигло уже значительно — возвысившагося уровня, общая плодотворную будущность. Нѣсколько изобрѣтеній и открытій, сдѣлавшихся достояніемъ цѣлаго міра, принадлежатъ уже русскимъ ученымъ техникамъ и натуралистамъ. Это одно изъ свѣтлыхъ и драгоценныхъ продуктовъ того умственного броженія, которое характеризуетъ нашу литературу и идеи за протекшія 25 лѣтъ царствованія Александра II.

Характеризуя русскую литературу и періодическую печать съ ихъ общественной и политической стороны, какъ отраженіе возникшихъ въ русскомъ обществѣ настроеній умственныхъ и политическихъ, во время 25 лѣтъ настоящаго царствованія, необходимо признать, что настроенія эти, естественно, должны были проявиться и сдѣлаться преобладающими подъ вліяніемъ того прогрессивнаго духа, которымъ повѣяло въ Россіи съ обнародованіемъ первыхъ-же манифестовъ Императора Александра II, возвѣщавшихъ о важныхъ, существенныхъ реформахъ. Духъ реформы — это духъ будущаго, духъ идеальнаго представленія, властвующій надъ настоящимъ. Этому духу прогресса русская печать остается вѣрна и понынѣ; она вся, за самыми слабыми исключеніями и съ неособенно значительными различіями, носитъ прогрессивный характеръ, въ противоположность ретроградному духу, который, хотя и существуетъ въ средѣ общества, и можетъ быть, имѣть значеніе и вѣсь, но въ печати, публично, не имѣетъ достаточно нравственной силы проявить себя и поддержать.

Для государей, по высотѣ ихъ положенія, не существуетъ ни тѣхъ наградъ, ни тѣхъ формъ отличій, и вообще ни тѣхъ интересовъ, которые существуютъ для людей всѣхъ другихъ общественныхъ положеній. Но есть одна высокая награда и для государей, кромѣ выраженной народной любви и благодарности, это собственное сознаніе, собственное убѣжденіе въ томъ, что ихъ дѣянія были несомнѣннымъ благомъ для народа, благомъ осуществившимся, видимымъ, осязаемымъ и оцѣненнымъ.

Такого убѣжденія не можетъ не имѣть Императоръ Александръ Николаевичъ послѣ 25 лѣтъ своего царствованія *).

Русское искусство за двадцать пять лѣтъ.

Ст. Дилетанта.

По странному стеченію обстоятельствъ освобожденіе русскаго искусства отъ подражательности западу и поворота на путь художественна-

*) Ограничившись очеркомъ двадцатипятилѣтія преимущественно съ культурной точки зрѣнія, мы перечислимъ еще законоположенія, входившія въ систему реформъ, какъ дополнительныя мѣропріятія, или какъ выраженіе заботъ и попеченій Государя о пользахъ русскаго народа. Къ числу такихъ законоположеній принадлежитъ: всесословная воинская повинность; развитіе желѣзно-до рожнаго дѣла (при вступленіи на престолъ было лишь съ небольшимъ 1000 верстъ, а теперь свыше 25 т.); развитіе частнаго кредита, увеличившаго банковые обороты въ такой пропорціи, что ежемѣсячный оборотъ нынѣшнихъ частныхъ банковъ равняется годовому обороту прежнихъ правительственныхъ кредитныхъ учрежденій; возростаніе государственнаго бюджета до 653 миліоновъ противъ прежняго, достигавшаго въ 1863 году лишь до 299 мил.; учрежденіе общества краснаго креста; женевская конвенція, обязавшая, по предложенію Государя, всѣ европейскія государства не употреблять разрывныхъ пуль во время войнъ; тюремная реформа; уничтоженіе виннаго откупа, замѣненнаго акцизной системой; развитіе акціонерныхъ предпріятій; наконецъ — покореніе Кавказа, приобрѣтеніе приамурской области, усмиреніе польскаго возстанія, завоеванія въ средней Азіи и пр.

го реализма совпадаетъ съ началомъ новаго царствованія. Самый видный и талантливый представитель италянизма въ русскомъ искусствѣ, Карлъ Брюловъ, умеръ въ 1853 году въ Римѣ. Въ это время Ивановъ почти уже оканчивалъ свою знаменитую картину: «Явленіе Христа народу», картину, которая несомнѣнно имѣла значительное вліяніе на развитіе живописи въ Россіи. Едва лишь прошло нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Брюлова (1858), какъ картина Иванова уже находилась въ Петербургѣ и была выставлена въ академіи художествъ на судъ публики. Безъ особенной натяжки можно поэтому сказать, что эпоха возрожденія для русскаго искусства начинается съ появленія картины Иванова.

Я этимъ вовсе не хочу сказать, что «Явленіе Христа народу», — гениальное произведеніе, неимѣющее недостатковъ и резюмирующее цѣлую художественную эпоху. Нисколько; теперь, спустя почти четверть столѣтія, забывъ жаркую полемику, вызванную картиной, ни для кого не тайна, что произведеніе Иванова при несомнѣнныхъ достоинствахъ имѣетъ не мало недостатковъ и во всякомъ случаѣ не можетъ служить представителемъ ни прежняго академическаго, если можно такъ выразиться, искусства, ни той новой школы живописи, предвѣстникомъ которой картина явилась въ Петербургѣ. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ картина Иванова, безъ сомнѣнія, вносила если не новые идеалы, то, по крайней мѣрѣ, новый взглядъ на искусство, открывала новые горизонты творчества. Она была, такъ сказать, протестомъ противъ условной, академической школы, противъ застывшихъ, разъ признанныхъ и узаконенныхъ формъ, стѣснявшихъ свободу искусства и ограничивавшихъ талантъ извѣстными опредѣленными рамками. Ивановъ, который въ началѣ своего художественнаго поприща (его «Магдалина»), находился самъ подъ вліяніемъ этой школы, сталъ мало-по-малу освобождаться отъ него, сначала благодаря вліянію нѣсколько мистическихъ воззрѣній Овербека, а потомъ и самостоятельно, благодаря неутомимому исканію художественной правды, что и составляетъ исключительную особенность Иванова, какъ художника. Направленіе, полученное такимъ образомъ, можно назвать однимъ словомъ: реализмъ, — реализмъ не въ смыслѣ рабской подражательности природѣ, а въ смыслѣ реальной правды, — правды чувствъ и формъ, красокъ и рисунка. Это направленіе прежде всего — отрицаніе старыхъ отжившихъ и условныхъ формъ, и, какъ слѣдствіе этого отрицанія, — исканіе новыхъ идеаловъ, при полномъ освобожденіи художника отъ навязываемыхъ школой и традиціями правилъ.

Необходимо замѣтить, что въ этомъ отношеніи живопись только подчинялась общему движенію, охватившему жизнь и литературу. И дѣйствительно, — таковъ характеръ современной живописи и преобладаніе ея — дѣло понятное. Въ литературѣ эпическая поэма уступаетъ мѣсто буржуазному роману, который можетъ быть названъ литературнымъ жанромъ, а поэтическія алегоріи вытѣняются болѣе непосредственнымъ и живымъ чувствомъ природы. Теперь мы знаемъ, что искусство не поконится на незблемыхъ началахъ добра и красоты, какъ нѣкогда проповѣдывалъ Гегель, а есть не болѣе, какъ выраженіе общаго состоянія умовъ и нравовъ окружающей среды и даннаго времени. Поэтому и произведенія искусства, какъ и произведенія живой природы, могутъ быть объяснены только ихъ средой. Отсюда — неизбежное послѣдствіе, выражающееся въ той, въ настоящую минуту банальной мысли, что нашъ вѣкъ есть вѣкъ реалистическихъ стремленій. Въ русскомъ искусствѣ эти стремленія впервые были

Е. И. В. Государыня Императрица,
Марія Александровна.

Е. И. В. Государь Императоръ Александръ II.

осязательно указаны картиной Иванова. Не мудрено, поэтому, что произведеніе талантливаго художника должно было вызвать въ русскомъ обществѣ сначала недоумѣніе, а затѣмъ разногласіе въ мнѣніяхъ и взглядахъ. Такъ оно, дѣйствительно, и было. Многие нашей публикѣ, воспитанной на Брюловѣ и итальянцахъ, было антипатично въ картинѣ Иванова. О колоритѣ говорили, что это «тобеленовскіе обои»; еврейскіе типы были названы «семействомъ Ротшильдовъ»; нѣкоторыя особенности картины были просто не поняты. Таковы были мнѣнія массы. Что же касается до поклонниковъ, то ихъ похвалы не менѣе вредили репутаціи художника и не отличались большимъ пониманіемъ. Одни трактовали совершенство Иванова съ точки зрѣнія технической, классной, чисто академической; другіе—просто повторяли слова Гоголя, третьи, наконецъ (Хомяковъ, напр.), восхищались картиной ни чуть не изъ-за нея самой, а изъ-за соображеній совершенно постороннихъ. Патриотическая московская партія (всѣ эти подробности я заимствую изъ статьи г. Стасова) тотчасъ отвела Иванову то мѣсто, которое давно было вакантно,—мѣсто истинно-русскаго художника. Ивановъ, такимъ образомъ, былъ по приговору этихъ судей тѣмъ, чѣмъ Гоголь былъ въ словѣ, а Кирѣевскій въ философскомъ мышленіи. Хомяковъ увлекся до того, что писалъ: «Ивановъ не могъ не быть выше всѣхъ остальныхъ художниковъ, коль скоро имѣлъ счастье принадлежать не пережитой односторонности латинства, а полнотѣ церкви, которая пережита быть не можетъ... Картина Иванова—совершенство живописи эпической, т. е. стѣнной, церковной. Въ ней—предчувствіе иконописи и далѣе этого никто не доходилъ».

Такимъ образомъ, при своемъ появленіи картина Иванова возбудила только недоумѣніе и была совершенно не понята ни поклонниками, ни хулителями. Ни одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ не указалъ на то, что есть въ картинѣ дѣйствительно новаго; никто не догадался, что въ картинѣ важнѣе не мистическій поворотъ къ Овербеку, не «выраженіе внутренняго чувства», а стремленіе (и только стремленіе) къ художественному реализму, освобожденіе отъ извѣстныхъ условныхъ, академическихъ правилъ.

Это непониманіе весьма понятно. Картина Иванова, какъ выраженіе реалистическихъ стремленій эпохи, была дѣйствительно явленіемъ совершенно новымъ, а публика, воспитанная на извѣстныхъ образцахъ, узаконенныхъ модой и вошедшихъ въ нравы, не могла сразу отрѣшиться отъ своихъ старыхъ понятій. Для этого необходимъ былъ извѣстный промежутокъ времени. И дѣйствительно, поворотъ русскаго искусства на реалистическій путь совершался довольно медленно. Русское искусство прежде всего мало-по-малу отрѣшалось отъ подражательности и условности; историческая и религиозная живопись, стѣпенная извѣстными установленными требованіями стиля и вкуса, становится блѣдной и совершенно безсодержательной; являются первые шаги на пути русскаго жанра и пейзажа и только въ началѣ шестидесятыхъ годовъ новая школа становится осознательной и завоевываетъ себѣ симпатіи публики.

Можетъ быть, поворотъ совершился бы и быстрѣе, если бы русское искусство на пути своего развитія не встрѣтило нѣкоторыхъ специальныхъ препятствій. Однимъ изъ главныхъ препятствій въ этомъ отношеніи нельзя не считать вліяніе академіи художествъ, которая, какъ специальное учрежденіе, пользующееся покровительствомъ государства и значительными средствами, всегда оказывала громадное вліяніе на судьбы русскаго искусства. Въ исторіи нашей академіи

художествъ можно отмѣтить, приблизительно, три періода. Первый періодъ—отъ основанія академіи до 1832 года: тогда поступали въ академію мальчики лѣтъ 10—12 и получали въ ней образованіе какъ художественное, такъ и научное. Этотъ періодъ далъ довольно яркіе результаты подражательнаго искусства. Второй періодъ характеризуется уничтоженіемъ казенно-коштныхъ воспитанниковъ и значительнымъ сокращеніемъ курса наукъ. Наконецъ, третій періодъ, принадлежащій всецѣло настоящему царствованію, начинается съ 1859 года; онъ отличается нѣкоторыми существенными переѣмами въ уставѣ академіи и заботой о томъ, чтобы Россія имѣла по преимуществу образованныхъ художниковъ, вслѣдствіе чего вводятся лекціи и вступительный экзаменъ изъ наукъ. Преобразованія эти не принесли, однакожъ, ожидаемой пользы. Введеніемъ обязательныхъ лекцій и расширеніемъ курса наукъ академія не достигла предполагаемой цѣли (дать Россіи образованныхъ художниковъ), а кромѣ того специально художественное образованіе значительно понизилось, такъ какъ воспитанникъ долженъ былъ удѣлять часть своего времени на слушаніе лекцій и приготовленію къ экзаменамъ. Съ другой стороны, рутинна преподаванія въ академіи, большинство профессоровъ которой были воспитаны на прежнемъ псевдо-классическомъ искусствѣ, не могла не отразиться вредно на развитіе молодыхъ талантовъ, недовольствовавшихся уже прежними взглядами и искавшихъ болѣе свѣжаго и непосредственнаго проявленія жизни въ искусствѣ.

Тѣмъ не менѣе новое направленіе нашло себѣ убѣжище и въ академіи. Не смотря на рутинные взгляды и запоздалый классицизмъ профессоровъ, жизненные инстинкты болѣе талантливыхъ воспитанниковъ прокладывали себѣ путь. Направленіе, намѣченное еще Федотовымъ, не только не погибало, но болѣе и болѣе завоевывало себѣ симпатіи и художниковъ, и публики. Но до шестидесятыхъ годовъ всѣ попытки брать сюжеты для картинъ изъ народной жизни и подойти болѣе непосредственно къ природѣ были не серьезны и мало сознательны до такой степени, что, по словамъ г. Крамского,—самъ Венеціановъ никогда не дерзалъ считать того, что онъ дѣлалъ, равнымъ по значенію произведеніямъ нашихъ классиковъ. Но если, съ одной стороны, не было серьезнаго отношенія къ новому, не выяснившемуся направленію, то не было сознательнаго и систематическаго протеста и со стороны профессоровъ. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить то, что уже въ шестидесятыхъ годахъ замѣчаются первые серьезныя проблески новой школы среди воспитанниковъ академіи и эти проблески удостоиваются академическихъ наградъ. Такъ, являются первые опыты г. Яковія: «Поздравленіе молодыхъ», «Пріѣздъ становаго», «Продавецъ халатовъ», «Первое число», «Свѣтлый праздникъ нищаго», затѣмъ «Первый чинъ» Перова, «Отдыхъ на сѣнокосѣ» Морозова, «Возвращеніе пьянаго» Корзухина, «Сватовство чиновника» Петрова, «Послѣдняя весна» Клодта, «Привалъ арестантовъ» Яковія, «Проповѣдь сельскаго священника» Перова и проч.

Въ этихъ первыхъ и во многихъ еще не вполне удачныхъ попыткахъ уже окончательно опредѣляется новая жизненная струя, появившаяся въ русской живописи. Протестъ противъ безсодержательныхъ и мертвыхъ требованій русскаго классицизма быстро растетъ, появляются новые таланты въ самыхъ разнообразныхъ родахъ живописи и возникаетъ самостоятельный художественный трудъ, при чемъ вслѣдствіе столкновенія съ официальными представителями академіи многимъ молодымъ художникамъ приходится жертвовать извѣстнымъ положеніемъ при ака-

деміи. Движеніе это продолжается еще и понинѣ, но уже въ менѣе обостренной формѣ. Оно и понятно: молодая школа, освободившись изъ подъ опеки академіи, завоевывала себѣ широкое и видное мѣсто во вниманіи русскаго общества, она возмужала, встала на ноги и теперь, не боясь ошибки, можно сказать, что она процвѣтаетъ, не только пріобрѣтаетъ любовь и уваженіе общества, но даже (что гораздо важнѣе) воспитавъ его до извѣстной степени въ эстетическомъ отношеніи.

Изъ почти хаотическаго состоянія, въ которомъ находилось русское искусство лѣтъ тридцать тому назадъ, выдѣлились новыя и своеобразныя формы исторической живописи (вѣрнѣе, историческаго жанра), народнаго и общественнаго жанра, пейзажи въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. И русская живопись насчитываетъ въ настоящее время не одинъ десятокъ крупныхъ талантовъ, которые были бы украшеніемъ любой европейской школы искусства. Размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ перечислить всѣхъ именъ и всѣхъ произведеній, которыми по праву можетъ гордиться русская живопись. Ограничусь, поэтому, главными, такъ сказать, кульминационными пунктами въ развитіи русскаго искусства и укажу на наиболѣе извѣстныя и популярныя имена.

Прежде всего необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ превращеніяхъ, которымъ подверглась такъ называемая историческая живопись. Исторія русской живописи въ этомъ родѣ въ дореформенное, если можно такъ выразиться, время насчитываетъ нѣсколько талантливыхъ людей, воспитавшихся въ академіи и впоследствии бывшихъ воспитателями тамъ. Всѣ они, однакожъ, внесли мало новаго, свѣжаго, своеобразнаго, можетъ быть, даже ничего такого не внесли; они просто и слѣпо подчинялись господствовавшимъ въ ихъ время школамъ запада, заимствовали у нихъ приемы, технику, даже правила композицій. Понятно, что все это, перенесенное цѣликомъ на сюжеты изъ русской исторіи, должно было казаться крайней сочиненностью или условностью. На картинахъ наши цари скорѣе похожи на королей англійскихъ и французскихъ, но ужъ нисколько не напоминаютъ Иоанна Грознаго, или Алексѣя Михайловича, Петра или Екатерины. Само-собою разумѣется, что какъ только русское искусство вышло изъ пеленокъ академической рутинны и стало самостоятельно дышать, сейчасъ же сказалось, что подобная живопись не состоятельна и что ее необходимо замѣнить самостоятельнымъ творчествомъ. Историческіе дѣятели изображались прежде въ ихъ историческомъ величій безлично, безъ индивидуальныхъ чертъ характера, въ ореолѣ ихъ исторической мисіи, въ официальном ихъ костюмѣ и въ официальной роли. Понятно, что новая школа взглянула на историческую живопись шире и, освобождаясь отъ условности, приблизилась къ правдѣ; историческихъ дѣятелей они стали изображать, такъ сказать, портретно, въ ихъ частной жизни, индивидуально, безъ официального аппарата, въ такую минуту и при такихъ обстоятельствахъ, когда обнаруживаются основныя черты характера, опредѣляющія, конечно, и историческую дѣятельность государственнаго челоѣка. Къ наиболѣе выдающимся произведеніямъ въ этомъ родѣ за двадцатипятилѣтній періодъ существованія русскаго искусства прежде всего необходимо причислить талантливыя картины г. Яковія: «Героисты и умѣренные» (извѣстная подъ неправильнымъ названіемъ «Смерть Робеспьера»), «Кардиналь Гизъ получаетъ въ подарокъ голову Колиньи», «Арестъ Бирона», «Шуты», «Кабинетъ министровъ», «Ледяной домъ»; затѣмъ, пропускаю множество произведеній менѣе даровитыхъ, слѣдуетъ упомянуть о картинахъ г. Ге: «Петръ I и

Алексѣй», «Пушкинъ въ деревнѣ», а также картину г. Рѣпина «Царевна Софія». Къ этому же порядку относятся попытки внести болѣе свѣжій и живой элементъ въ религиозную живопись: г. Ге: «Тайная вечеря», «Воскресеніе Христово», «Христосъ въ Гефсиманскомъ саду»; въ особенности слѣдуетъ упомянуть о замѣчательномъ «Христѣ» г. Крамского, самаго талантливаго изъ нашихъ портретистовъ.

Русскій жанръ можно назвать незаконнымъ сыномъ исторической живописи, но сыномъ, который далеко не похожъ на свою старую мать и который и теперь еще поражаетъ подчасъ юными выходками. Условія возникновенія нашего жанра тѣ же самыя: въ немъ чувствуется тоже самое желаніе освободиться отъ безжизненныхъ и безличныхъ формъ, подойти ближе къ природѣ и людямъ, внести свое отношеніе къ сюжету своего, личнаго чувства, даже своихъ національных особенностей. Въ русскомъ жанрѣ много живой, непосредственной наблюдательности, живого изученія типовъ; дѣйствительностью и реализмомъ вѣетъ отъ этихъ картинъ и даже нѣкоторая грубость техники указываетъ на непосредственное чувство и какъ-то соответствуетъ сюжету. Но въ русскомъ жанрѣ существуютъ недостатки, — недостатки, которые можно назвать недостатками молодости: въ силу, вѣроятно, того, что художники сосредоточиваютъ весь свой талантъ на содержаніи, — техническая сторона исполненія по большей части страдаетъ: между нашими жанристами почти нѣтъ колориста въ европейскомъ значеніи слова. Въ содержаніи же замѣчается или слишкомъ подчеркнутая тенденціозность, мораль, или же отсутствіе интереса, мысли; въ нашемъ жанрѣ также замѣчается отсутствіе юмора, насмѣшки (за исключеніемъ нѣсколькихъ картинъ г. Яковія). Но не смотря на это, школа русского жанра уже создала много крупныхъ произведеній гг. Яковія, В. Маковского, Корзухина, Перова, Васнецова, Журавлева, Максимова. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что русскій жанръ находится на хорошей дорогѣ, а русская жизнь во всемъ ея разнообразіи дастъ ему богатое содержаніе. Совершенно отдѣльно стоитъ г. Верещагинъ, — одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ и крупныхъ талантовъ, когда-либо появившихся въ Россіи и въ Европѣ.

Еще большаго вниманія заслуживаетъ нашъ пейзажъ. Еще г. Айвазовскій въ концѣ сороковыхъ годовъ приобрѣлъ значительную и заслуженную извѣстность своими эффектными изображеніями моря; но, строго говоря, г. Айвазовскій не создалъ школы и долгое время стоялъ почти одиноко. Только въ шестидесятыхъ годахъ, вмѣстѣ съ обновленіемъ исторической живописи, развитіемъ жанра, замѣчается возникновеніе школы русского пейзажа въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь прежде всего необходимо упомянуть о молодомъ, слишкомъ рано погибшемъ пейзажистѣ Васильевѣ, картины котораго предсказывали первоклассный талантъ съ особеннымъ характеромъ поэтического чувства. Затѣмъ слѣдуютъ гг. Шишкинъ, Клодтъ, Куинджи, Клеверъ, Орловскій и много другихъ, менѣе выдающихся талантовъ, перечисленіе которыхъ было бы излишне. Русскій пейзажъ имѣетъ, несомнѣнно, столь же блестящую будущность, какъ и русскій жанръ: русская природа богата содержаніемъ для того, кто умѣетъ ее понимать, а русскій человѣкъ, конечно, воспринимаетъ ее живо своимъ непосредственнымъ чувствомъ.

Этотъ очеркъ исторіи русского искусства за двадцатипятилѣтній періодъ былъ бы не полонъ, если бы я не сказалъ нѣсколько словъ о состояніи русской скульптуры. Этому роду искусства менѣе посчастливилось, чѣмъ живописи. Прежде

наша скульптура просто прозябала, теперь же она подаетъ лишь кое-какіе слабыя признаки жизни. Эти признаки жизни стали замѣтны въ шестидесятыхъ годахъ. Наши молодые скульпторы, не смотря на усердное изученіе антиковъ въ Римѣ, позабыли о классическихъ позахъ Аполлоновъ Бельведерскихъ и Венеръ Медичейскихъ и принялись присматриваться ближе къ природѣ. Г. Микѣшинъ въ своихъ памятникахъ (Тысячелѣтія Россіи, Екатерины II) обнаружилъ своеобразный талантъ, скорѣе граціозный, бьющій на красивый эффектъ, чѣмъ могучій. Молодые скульпторы, побывавъ во Франціи, пристрастились къ скульптурному жанру. Вмѣсто Венеръ явились крестьянскія дѣвушки, вмѣсто Антиновъ — деревенскіе парни, вмѣсто Фавновъ — даже цѣлыя жанровыя группы. И тутъ, дѣйствительно, просачивалась жизнь. Все это, казалось, и ново, и свѣжо, все это обѣщало въ будущемъ нѣчто побольше плохихъ копій. Имена гг. Ловрецкаго, Чицова, Каменскаго, Забѣлы повторялись съ удовольствіемъ, но не оправдали тѣхъ преувеличенныхъ надеждъ, которыя на нихъ полагались и въ настоящее время, можно сказать, что русская скульптура такъ же прозябаетъ, какъ прозябала лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Изъ числа русскихъ скульпторовъ выдвинулся на первый планъ одинъ г. Антокольскій; онъ сразу обнаружилъ самый крупный, оригинальный и могучій талантъ своей статуей «Иванъ Грозный», — а въ Европѣ онъ сталъ извѣстенъ своимъ «Христомъ передъ народомъ» и «Смертью Сократа». Въ г. Антокольскомъ мы имѣемъ такого художника, который и въ Европѣ занимаетъ, если не первое, то, по крайней мѣрѣ, одно изъ первыхъ мѣстъ.

Изъ этого бѣлаго обзора двадцатипятилѣтней дѣятельности русскаго искусства было бы, однакожъ, преждевременно дѣлать какіе бы то ни было выводы и заключенія. Эпоха, намѣченная нами — еще не закончена, толчекъ, данный картиной Иванова, вызвалъ широкое реалистическое движеніе, которое продолжается и по нынѣ. Русское искусство развивается довольно быстро въ разѣ данномъ направленіи, но къ какимъ результатамъ оно придетъ — неизвѣстно, можно лишь сказать съ увѣренностью, что реалистическія стремленія русскаго искусства не останутся безплодными и что они послужатъ основаніемъ дѣйствительно національной школы.

Музыкальность русскаго общества за послѣднія 25 лѣтъ.

(Замѣтка Вл. Михневича.)

I.

Духъ прогресса и обновленія, повѣявшій на русскую жизнь въ срединѣ 50-хъ годовъ, чрезвычайно характеристично выразился между прочимъ въ знаменитой, вошедшей въ присловье и потомъ осмѣянной, фразѣ: «въ наше время, когда», которою начиналась въ тѣ блаженные дни чуть не каждая ликующая журнальная статья. И какихъ только упованій и требованій не предъявляло это мчавшееся впередъ и впередъ, сломя голову, «наше время, когда?..» Ничего оно по пути не забывало и не обходило, стремясь охватить своимъ освѣжающимъ, животворящимъ вихремъ всѣхъ и вся, что хотѣло жить, что имѣло право на жизнь.

Такимъ образомъ, въ прогрессивныя вождедвія и предначертанія «нашего времени, когда...» входило между прочимъ и музыкальное развитіе просвѣщенныхъ россиянъ.

«Въ наше время — читаемъ въ одномъ изъ тогдашнихъ лучшихъ журналовъ — музыка сдѣлалась необходимымъ предметомъ изученія для всякаго, кто хочетъ быть человекомъ образованнымъ. Всѣ мы, особенно въ столицахъ, круг-

лый годъ слушаемъ музыку — въ театрахъ, въ концертахъ, на лѣтнихъ гуляньяхъ, на балахъ, въ салонахъ и т. п.»

«Концертовъ и концертистовъ, музыкальных утръ и музыкальных вечеровъ у насъ такое несмѣтное множество, — свидѣтельствуемъ о томъ же времени Сѣровъ, — что приходится искренно жалѣть о тѣхъ петербургскихъ жителяхъ, которые имѣютъ несчастіе не любить музыки. Но нечего жалѣть понапрасну. Такихъ несчастныхъ въ Петербургѣ вовсе нѣтъ. Въ Петербургѣ всѣ любятъ музыку.»

Сѣровъ же и другіе современные музыкальные критики говорятъ, что въ тѣ времена «поль-Петербургъ» стекалось на концерты заѣзжихъ знаменитостей: Контскаго, Шумьгофа, Вьетана, Лаблаша, Серве, Листа и др., не говоря уже объ итальянскихъ примадоннахъ, въ родѣ дивной Бозіо, которая сводила съ ума чуть не всю русскую имперію («культурную», конечно). Когда она умерла въ Петербургѣ отъ простуды, ея гробъ, по удостовѣренію тогдашнихъ газетъ, провожало на кладбище нѣсколько тысячъ людей! Какой отечественный герой удостоивался у насъ такихъ проводовъ?

А какую безконечную, такъ сказать, хроническую бурю восторговъ и поклоненій вызывалъ модный въ тѣ дни, незабвенный Іоганъ Страусъ, ежедневно втеченіи лѣта «подпирывавшій и подпоясывавшій» подъ звуки собственныхъ упоительныхъ вальсовъ на эстрадѣ наволокаго вокзала! Сколько свѣтскихъ меломановъ растеряли тогда у этой эстрады свои музыкальныя сердца, плѣненные очаровательнымъ Іоганомъ!

Остроумный Панаевъ, такъ хорошо знавшій петербургскую жизнь и петербургское, особенно высшее, общество того времени, говоря о его музыкальности въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ, рассказываетъ, что въ салонахъ свѣтскіе молодые люди тогда начинали обыкновенно разговоръ такимъ діалогомъ:

— Aimez-vous la musique, mademoiselle? спрашивалъ кавалеръ «ни съ того, ни съ сего».

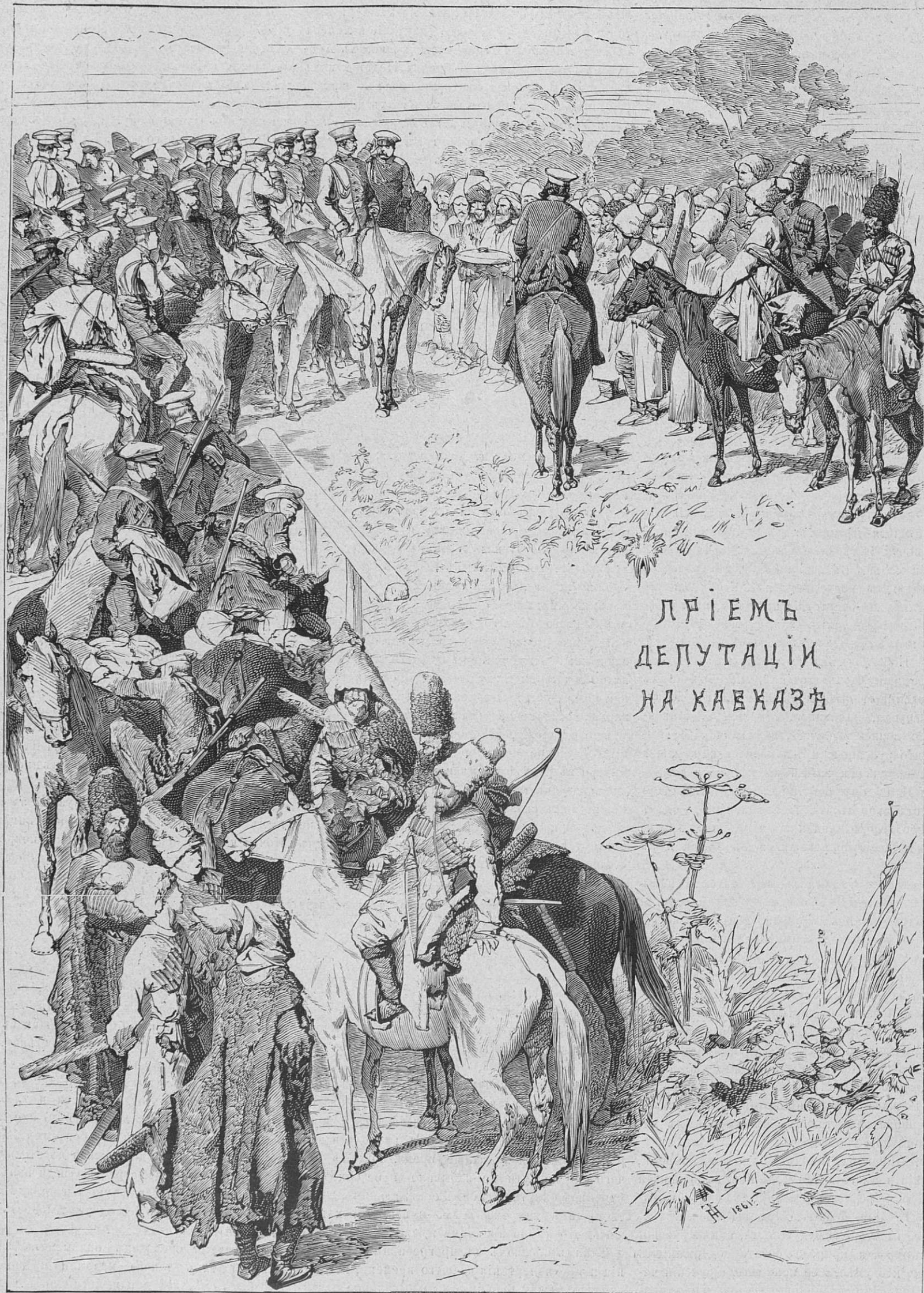
— Oui, monsieur, beaucoup! отвѣчала барышня, робко потупляя глазки, и разговоръ иногда оставался на этомъ.

Въ меломаніи и любви къ музыкѣ за столичнымъ обществомъ тянулось и провинціальное. Почти каждый богатый помѣщикъ непременно имѣлъ въ составѣ своей многочисленной дворни музыкантовъ и пѣвчихъ, конечно, крѣпостныхъ. Кромѣ того у многихъ изъ нихъ бывали въ помѣстьяхъ свои театры съ драматическими, балетными и даже оперными труппами, точно также комплектованными изъ крѣпостныхъ.

Помѣщикамъ жилось тогда весело. «Гости, музыка, пѣніе, фейерверки, гулянья, пикники — каждый день, рассказываетъ одинъ очевидецъ описывая деревенскій бытъ помѣщиковъ незадолго передъ освобожденіемъ крестьянъ. — Музыка въ домѣ, пѣніе въ саду, музыка въ горахъ, пѣніе въ лѣсу, музыка и пѣніе днемъ, ночью, вблизи господъ, въ отдаленности и т. д., безъ конца». Такой музыкальностью до пресыщенія особенно отличались тѣ изъ богатыхъ баръ, которые передъ тѣмъ долго жили въ столицѣ, гдѣ заражались всеобщей страстью «beau monde'a» къ музыкально-сценическимъ наслажденіямъ, занявшимъ тогдашнюю безсодержательность общественной жизни.

Помянутый очевидецъ описываетъ замѣчательный типъ такого меломана-крѣпостника. Это былъ свѣтскій денди, англоманъ, человѣкъ образованный, съ утонченно-развитымъ эстетическимъ вкусомъ, но въ которомъ всѣ эти интеллигентныя качества преспокойно мирились съ чисто-монгольской жестокостью по отношенію къ крестьянамъ, а въ особенности къ его крѣпостнымъ артистамъ. Въ деревнѣ у него были

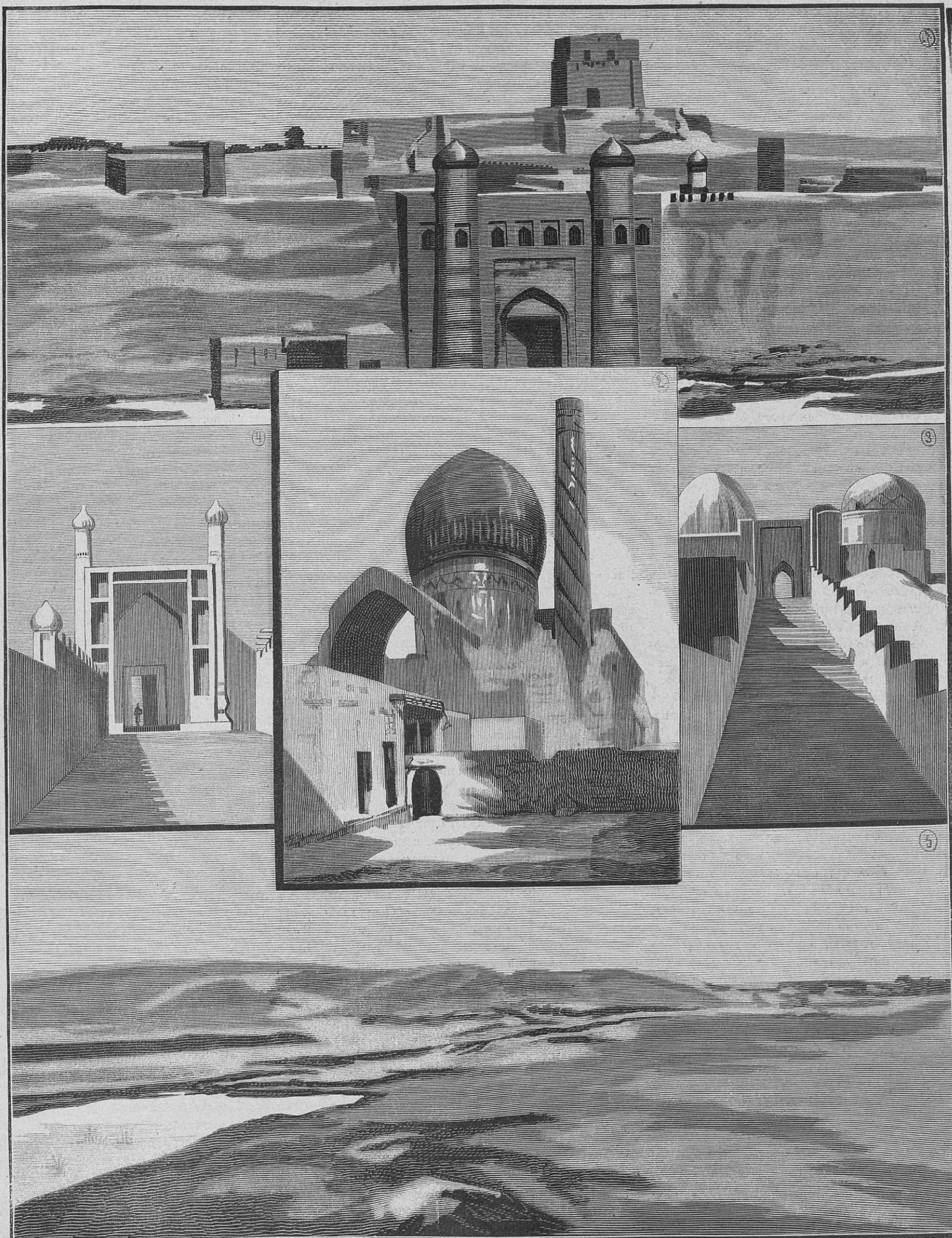

ПРІЕМЪ
ДЕПУТАЦІИ
НА КАВКАЗѢ

СЪ КАРТИНЫ ГОРШЕЛЬТА.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

1) Ворота гор. Хивы.
 4) Мечеть въ Самаркандѣ. 2) Мечеть Тамерлана. 3) Мечеть въ Самаркандѣ. 5) Зарабуланскія высоты (побѣда 2 іюня 1868 г.).
 Рѣзаль на деревѣ Сиржимовскій.

превосходный оркестръ, хоръ пѣвчихъ, состоявшій изъ мужчинъ и женщинъ, и драматическая труппа. Музыкальность его простиралась до того, что у него даже въ церкви благовѣстили по нотамъ.

Хотя подобная меломанія имѣла еще мѣсто въ самый расцвѣтъ «нашего времени, когда», но то уже была ея послѣдняя лебединая пѣсенка: приближалось незапамятное, великое 19 февраля, сдѣлавшее окончательно невозможнымъ существованіе на Руси такого сорта любителей «свободныхъ искусствъ».

Но такъ или иначе—въ началѣ описываемой эпохи художественность вообще, а музыкальность въ особенности господствовали въ жизни русскаго «культурнаго» общества и стояли на высокой степени развитія. Это рельефно отразилось между прочимъ въ тогдашней литературѣ. Въ лучшихъ журналахъ 50-хъ годовъ мы встрѣчаемъ обширные, безконечные трактаты и статьи, посвященные музыкѣ, оперѣ, балету, — въ тѣхъ самыхъ журналахъ, которые впоследствии совершенно изгнали со своихъ страницъ этого рода эстетику, какъ по принципу, такъ и въ силу измѣнившихся теченій въ области мысли и общественныхъ интересовъ. Трудно повѣрить теперь, что въ «Современникѣ», напр., могли появляться въ тѣ времена цѣлыя обстоятельныя статьи о фортепьянной игрѣ и о т. п., а между тѣмъ это—фактъ!

«Искусство звуковъ, говоритъ Сѣровъ,—составляло тогда главную пищу всѣхъ фельетонистовъ и статей «Смѣси» во всѣхъ журналахъ». Кромѣ пространныхъ отчетовъ и критикъ о музыкальных новостяхъ журналы наполнялись «занимательными бюлетенями о состояніи здоровья того или другого изъ «представителей искусства», бывшихъ въ Петербургѣ», о томъ, «когда и куда уѣхали они, сколько букетовъ бросили имъ, гдѣ и по какой цѣнѣ продаются ихъ очаровательныя композиціи» и проч.

Должно сказать, что тогда и мастеровъ на подобные рассказы и рецензіи было въ журналистикѣ несравненно больше, чѣмъ впоследствии, и съ ихъ исчезновеніемъ исчезло и искусство писать о всѣхъ этихъ пустякахъ такъ изящно, плодотворно и компетентно, какъ они писали. Но въ то же время и серьезная музыкальная критика процвѣтала тогда въ русской журналистикѣ гораздо больше, чѣмъ, напр., въ наши дни. Такихъ критиковъ и рецензентовъ по части музыкальнаго искусства, какими были тогда Сѣровъ, Улыбышевъ, кн. Одоевскій, г. Стасовъ и по днесь пописывающій г. Ростиславъ, теперь у насъ нѣтъ, если не по степени компетентности и эрудиціи, то по тому влиянію, какое они оказывали на общественные вкусы и на артистическій міръ. Довольно прочесть теперь относящіяся къ тому времени письма Даргомыжскаго, полныя желчнаго, ядовитого ожесточенія противъ журнальной музыкальной критики, чтобы понять, какъ много она значила тогда въ артистическомъ мірѣ. Даже благодушно-флегматическій Сѣровъ, въ письмахъ своихъ къ г. Стасову, выходилъ изъ себя отъ неодобрительной критики его произведеній и называлъ своихъ журнальныхъ судей «ослами», «скотами» и «подлецами»...

Кто-то, не помнимъ, тогда или послѣ называлъ Петербургъ—Піанополисомъ, желая опредѣлить этимъ высокую степень его музыкальности. Эпитетъ этотъ особенно шелъ къ Петербургу въ пятидесятыхъ годахъ. Въ него стекались въ тѣ времена всѣ европейскія музыкальныя знаменитости и находили въ немъ столько тароватыхъ и восторженныхъ цѣнителей, какъ нигдѣ. Петербургскіе меломаны гордились, что въ столицѣ нашей была тогда первая въ Европѣ итальянская опера, всегда украшавшаяся — нерѣдко за баснословныя деньги—первыми въ мірѣ прима-

доннами, каковы, напр., были въ эту эпоху и ранѣе: Паста, Гризи, Виардо, Лотти, де-ла-Гранжъ, Бозіо и др., а также знаменитѣйшими пѣвцами, какъ Рубини, Лаблашъ, Тамберлики, Маріо, Кальцолари и пр.

«Словомъ, восклицаетъ одинъ изъ тогдашнихъ музыкальных критиковъ,—мы не можемъ желать ничего лучшаго», ибо «въ Петербургѣ теперь первая опера въ Европѣ».

Опьяненное сладкими звуками ангельскихъ голосовъ, пресыщенное всякаго сорта эстетическими наслажденіями, петербургское высшее общество возводило музыку въ своего рода культъ, въ первостепенный вопросъ жизни. Излюбленные пѣвцы и примадонны дѣлались предметомъ общаго поклоненія, чуть не боготворенія. Поклоненіе доходило до того, что газетамъ воспрещалось отзываться о нихъ не благосклонно. Такъ, по разсказу г. А. Вольфа, въ 1850 году директоръ театровъ ходатайствовалъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ о воспрещеніи рецензенту «Journal de St. Pétersbourg» отзываться неодобрительно о пѣвцѣ Маріо.

Въ то же время каждый модный композиторъ поглощалъ вниманіе всей интеллигенціи, царилъ въ области ея умственныхъ и общественныхъ интересовъ. Напр., въ пятидесятыхъ годахъ умы петербургскаго beau monde'a охватило вдругъ «Вердибѣсіе», по выраженію Сѣрова, которое было только частнымъ моментомъ постояннаго, эпидемическаго «итальянобѣсія» въ музыкѣ. Впрочемъ, въ этомъ «мірѣ звуковъ» существовали у насъ тогда и партіи, невозможныя въ другой какой бы ни было практической дѣятельности. Была «партія», поклонявшаяся нѣмецкой музыкѣ; зарождалась «могучая кучка» вагнеристовъ; была «партія» и національная, патріотическая, пренебрегая всякихъ заморскихъ штукъ ставившая «Аскольдovu могилу» Верстовскаго, русскіе романсы его же, Алябьева, Львова и др. отечественныхъ композиторовъ, а также цыганское пѣніе; но болѣе другихъ господствовала все-таки «партія» итальяномановъ, особенно много имѣвшая сторонниковъ въ высшихъ сферахъ общества, гдѣ посѣщеніе итальянской оперы поставилось въ священную обязанность каждому свѣтскому человѣку.

Была-ли, однако, эта чрезмѣрная меломанія и музыкоманія, дѣйствительно, однимъ изъ знаменій и вѣяній «нашего времени, когда?»—Нѣтъ! Напротивъ, добро это было только завѣщено ему предшествовавшей эпохой, когда еще никакія прогрессивныя вѣянія, никакія такъ-называвшіяся «благія начинанія» не рябили гладкую, подернутую плесенью поверхность русско-общественности, когда для дѣятельности мысли не было ни простора, ни почвы въ чисто-эстетической области, когда партикулярный русскій «культурный» человѣкъ, обезпеченный крѣпостнымъ трудомъ, не находилъ еще ни въ самомъ себѣ, ни въ окружающихъ обстоятельствахъ другого призванія, кромѣ болѣе или менѣе художественнаго битья баклушей, да «срыванія цвѣтовъ наслажденія», какъ выразился Хлестаковъ. По всему этому сугубая музыкальность и вообще артистическій дилетантизмъ нашего общества начала 50-хъ годовъ былъ, въ сущности, худосочнымъ растеніемъ, выросшимъ на крѣпостномъ правѣ да на глубокомъ, вольномъ и невольномъ, безучастіи мысли къ житейской прозѣ, къ нуждамъ и болямъ суровой дѣятельности. Это была только барская роскошь, сладкое убаюкиваніе сонной мысли. «Наше время, когда»... затѣмъ именно и пришло, чтобы прервать этотъ сонъ и, отбѣсивъ всепоглощающую дотолѣ художественность на подобающій ей задній планъ, выдвинуть на первое по праву мѣсто болѣе важныя, болѣе жизненные умственные и общественные интересы.

II.

6 декабря 1856 г. по Высочайшему повелѣнію въ большомъ театрѣ праздновалось столѣтіе русскаго театра торжественнымъ спектаклемъ въ присутствіи Государя Императора.

Спеціально для этого спектакля были приготовлены и поставлены слѣдующія пьесы: «30-е августа 1756 г.», комедія въ 3 дѣйствіяхъ графа Соллогуба и «30-е августа 1856 или столѣтній юбилей русскаго театра», Зотова—не Рафаила, а Владиміра Зотова, бывшаго тогда, такъ сказать, «во цвѣтѣ лѣтъ», какъ выразился о немъ одинъ журналъ.

Пьесы были не важныя съ художественной стороны, но въ нихъ ярко отразился тотъ свѣжій духъ пробуждавшейся, обновленной жизни и тѣ свѣтлыя надежды, которыми прониклось тогда все русское общество. Такъ, въ прологѣ пьесы г. Зотова между прочимъ заключались слѣдующіе стихи:

«... счастлива та держава,
Гдѣ новый вѣкъ вѣка протекшіе затмитъ
И кроткаго Царя Россіи слава
Въ потомствѣ дальнемъ заблеститъ!»

Да, несомнѣнно, въ тѣ дни начинался «новый вѣкъ» для русской жизни; начинался онъ отчасти и для русскаго искусства! Старая истина, что искусство всегда и вездѣ развивается въ духѣ и характерѣ данной эпохи, подчиняясь тому или другому господствующему въ ней направленію и настроенію общественной мысли. Лучше всего подтвердилась эта истина именно на ходѣ нашего искусства и на складѣ художественныхъ вкусовъ нашего общества за время обозрѣваемаго двадцатилѣтія.

Мы можемъ опредѣлить послѣдовавшій въ этой области переворотъ въ двухъ словахъ: народность и реализмъ, которыя сдѣлались въ послѣднее время путеводными вѣхами и сущностью всего нашего искусства, въ томъ числѣ, конечно, и музыки. Были проблески этого новаго направленія у насъ и прежде, но въ силу вошло оно и получило безспорныя права гражданства только въ наши дни. Это несомнѣнно! Точно также въ наши дни только вопросъ о самобытности русской искусственной музыки пересталъ быть спорнымъ.

Извѣстный, напр., любитель и знатокъ музыки князь Одоевскій, не далѣе, какъ въ 1867 г., убѣдился въ этой истинѣ, о чемъ и повѣдалъ просвѣщенной публикѣ. «Я убѣжденъ въ томъ, торжественно высказался князь,—что русская музыка существуетъ, и въ томъ еще, что ея самобытный характеръ способенъ къ развитію». При этомъ онъ добавилъ, что такое-де «убѣжденіе» раздѣлялось «прежде немногими, а теперь многими» русскими людьми.

Что на русскую музыку, а въ особенности на русскую оперу еще очень недавно смотрѣли у насъ съ большимъ недовѣріемъ и не придавали ей никакой цѣны—это подтверждается множествомъ фактовъ. Извѣстно, какихъ трудовъ, хлопотъ и страданій стоило Глинкѣ добиться постановки на сцену своей безсмертной оперы «Жизнь за Царя». Извѣстно также, какъ неодобрительно и брезгливо отнеслось къ ней вначалѣ высшее петербургское общество, для котораго она послѣ итальянской манерной, изысканной оперы показалась крайне грубой, вульгарной и простонародной. Даже безподобные романсы Глинки «мало расцѣвались въ великосвѣтскихъ салонахъ», какъ свидѣлствуетъ Гейденрейхъ. Извѣстно, наконецъ, какъ уже въ наши дни опера Даргомыжскаго «Каменный гость» едва не сдѣлалась достояніемъ архива потому только, что поскупились заплатить за нее какихъ-то двѣ, три тысячи. Мы не говоримъ уже о томъ, насколько вообще мизерно оплачивались трудъ и талантъ нашихъ отечественныхъ композиторовъ

и въ какой степени ихъ профессія была неблаго- дарна, а порой даже терниста.

«... Обстоятельства мои отвратительны! пи- сать Сѣровъ одной своей приятельницѣ въ 1859 г. — Съ половины курса слушателей только 40 человекъ (онъ читалъ тогда лекціи по музыкѣ). Дохода ни гроша; я статьями плачу за лампы на лекціяхъ. Вотъ Петербургъ! У меня буквально по цѣлымъ недѣлямъ трехъ копѣекъ не случается. На извозчика беру иногда взаймы!.. Надъ моимъ письменнымъ столомъ есть въ потолокъ крючекъ. На этотъ крюкъ я иногда поглядываю съ лю- бовью, выбирая только какой покрѣпче платокъ изъ числа моихъ галстуховъ... Не шутя—иногда приходится хоть въ петлю».

Въ такомъ положеніи находился одинъ изъ талантливейшихъ русскихъ композиторовъ, поль- зовавшийся уже тогда упроченной извѣстностью!

Въ аналогичномъ положеніи находился въ тѣ времена и самый русскій оперный театръ въ Петербургѣ. Онъ былъ тогда, какъ выражается извѣстный хроникеръ г. Вольфъ, «въ переход- номъ состояніи, не имѣя даже постоянной для себя сцены». Посѣщали его тѣ только меломаны, «которые не имѣли достаточно денегъ для аба- нимента на итальянскую оперу». Да и сами русскіе композиторы, не видя надлежащаго по- шренія своимъ трудамъ, писали для русской оперы мало и не охотно. Репертуаръ русскаго опернаго театра былъ переполненъ иностран- ными переводными операми; изъ оригинальныхъ были въ ходу только такіе, какъ, напр., «Мос- каль-чаривникъ», «Аскольдова могила» и т. под. Говоря вообще, до 1865 г. въ репертуарѣ рус- скаго опернаго театра иностранныя пьесы рѣ- шительно преобладали надъ русскими оригиналь- ными и числомъ пьесъ и количествомъ представ- леній. До 60-хъ годовъ и матеріальная сторона петербургскаго русскаго опернаго театра нахо- дилась въ неменѣе жалкомъ положеніи. Напр., въ 1861 г. весь годичный сборъ его простирал- ся до 78,605 р., а спустя десять лѣтъ, онъ бо- лѣе, чѣмъ удвоился—именно, въ 1871 г. достигъ прогрессивно до 177,577 руб.

«Новый вѣкъ», вполне опредѣлившійся для разсматриваемой области отечественнаго иску- ства съ начала 60-хъ годовъ, сказанъ не толь- ко въ количественныхъ приобрѣтеніяхъ, но и въ качественныхъ.

Въ обществѣ и литературѣ подъ вліяніемъ ученій реализма и утилитаризма произошла рѣз- кая реакція устарѣлымъ эстетическимъ вкусамъ и теоріямъ, господствовавшимъ дотолѣ въ на- шемъ искусствѣ, въ томъ числѣ и въ музыкѣ. Произошло перемѣщеніе, какъ мы упомянули выше, и въ роляхъ. Нахлынувшій, сдерживаемый до тѣхъ поръ, потокъ жизненныхъ вопросовъ и интересовъ, возбуждшій оживленную работу общественной мысли, сдѣлалъ смѣшнымъ и не- возможнымъ, безъ риска стать анахронизмомъ, ту безграничную, самоуслаждающуюся «*sich und für sich*» меломанію, которой всю жизнь пре- давались русскіе «культурные» люди прежней эпохи. Реакція этой любви «къ искусству для искусства» доходила, какъ извѣстно, до полнаго отрицанія эстетической области.

«Новый вѣкъ» рельефно отразился на самомъ характерѣ русскаго музыкальнаго творчества. Подъ вліяніемъ литературнаго реализма стала возникать у насъ школа реализма музыкальнаго, точно также, какъ «народолюбіе», охватившее литературу 60-хъ годовъ, заставило отече- ственныхъ композиторовъ страстно отдаться утилиза- ціи народнаго элемента въ музыкѣ. «Итальян- щина» дѣлается предметомъ общаго осмѣянія и гоненія; народная опера приобрѣтаетъ въ публи- кѣ все болѣе и болѣе поклонниковъ. Русскіе пѣвцы, примадонны и композиторы входятъ въ цѣну, не менѣе заморскихъ знаменитостей.

Именъ и фактовъ не приводимъ, потому что они всемъ извѣстны, у всехъ на глазахъ. Цѣль этой замѣтки была только намѣтить характери- стическія черты музыкальнаго развитія русска- го общества въ двухъ моментахъ, между кото- рыми уложилось прожитое двадцатипятилѣтіе. Кажется, намѣченная параллель этихъ моментовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что на раз- смотрѣнномъ поприщѣ русское творчество, рус- ская мысль сдѣлали ошутительный шагъ впе- редъ.

Общественное значеніе русской литературы за послѣднія 25 лѣтъ.

Ст. Н. Ровина.

Никогда еще русская литература не достигала такого значенія, какъ въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Только въ этотъ періодъ она яви- лась впервые общественной силой и стала во главѣ русскаго умственнаго движенія. Она от- вѣчала на вопросы, поставленные жизнью, сама возбуждала и разрѣшала ихъ и отражала, какъ въ зеркалѣ, жизнь общества, его слабости, недо- статки, смѣшныя и порочныя стороны, его бла- городные порывы, его увлеченія и его идеалы.

Въ пробужденіи общества послѣ крымской войны чувствовалось пробужденіе исполина, ко- торый послѣ многолѣтняго сна расправляетъ свои члены и готовится искупить свое бездѣй- ствіе подвигами гражданскаго величія. Тогда сравнивали Россію съ Ильєю Муромцемъ, си- дѣвшимъ сиднемъ тридцать лѣтъ и, наконецъ, поднявшимся съ мѣста, чтобы удивить міръ сво- ими необыкновенными подвигами. Русское обще- ство дѣйствительно готовилось къ чему-то тор- жественному и радостному, сердца бились ли- къующимъ восторгомъ и ожиданіемъ и каждый, какъ бы чувствуя свою предъидущую грѣхов- ность, искренно приносилъ покаяніе въ своихъ недостаткахъ, въ эгоизмѣ, корыстности, обще- ственной лѣни. Всемъ казалось, что достаточно сознаться въ своихъ недостаткахъ и исправить- ся, чтобы русская жизнь потекла могучимъ ве- личавымъ теченіемъ и весь бы русскій міръ об- новился.

Выразительницей этого покаятельнаго настрое- нія явилась обличительная литература, во главѣ которой сталъ Щедринъ. Обличительная ли- тература, обрушившись на апатію, лѣнь, недомы- слѣ, вызвала ко всему хорошему, твердила о честной и полезной дѣятельности и поддержи- вала въ каждомъ священный огонекъ лучшихъ стремленій. Но ужъ очень скоро обнаружилось, что все порыванія къ лучшему и все самобиче- ванія и самообличенія не вели къ тому, чего ожидали. Злоупотребленія оставались злоупотре- бленіями, безпорядки безпорядками, неправда неправдой, неумѣлость неумѣлостью. Отчего же это могло случиться при такомъ искреннемъ увлеченіи всехъ правдою, общественнымъ бла- гомъ и сознаниемъ своей скверны? На этотъ во- просъ отвѣтилъ Щедринъ своими «Губернскими очерками». Въ рядѣ картинъ Щедринъ далъ типъ натуры, быстро воспламеняющейся всемъ прекраснымъ, готовой, повидимому, и на подвиги самоотверженія, и на прискорбное сознаніе подчасъ своей слабости, дрянности и ничтожно- сти. Талантливыми натурами, какъ ихъ называлъ Щедринъ, кишѣла вся тогдашняя Россія. Люди этого типа, нелишенные добрыхъ качествъ, тра- тили все свои силы и всю свою жизнь на пу- стяки и, въ сущности, были лишними людьми. Одни изъ нихъ, по словамъ Щедрина, занима- лись только тѣмъ, что ходили въ халатѣ по ком- натѣ и отъ нечего дѣлать посвистывали. Другіе, проникаясь желчью, дѣлались губернскими Ме- фистофелями. Третьи барышничали лошадьми, или передергивали въ карты, четвертые выпивали

огромное количество водки, пятые перевѣривали на досугъ свое прошедшее и съ горя протесто- вали противъ настоящаго. Молодежь однако начинала уже смутно понимать, что вокругъ нея есть что-то разрозненное, неклеющееся, она ви- дѣла себя въ странномъ противорѣчій со всемъ окружающимъ, она хотѣла протестовать про- тивъ этого, но у нея не было для этого ника- кихъ живыхъ началъ, не было ни знаній, ни умственныхъ средствъ, ни возможностей для ка- кого бы то ни было примиренія съ жизнью. Вся, повидимому, отрицательная дѣятельность Ще- дринна, какъ сатирика, заключалась въ томъ, что рядомъ очерковъ, типовъ и картинъ онъ далъ изображеніе того, такъ называемаго интеллигент- наго слоя русской провинціальной жизни, на ко- торого возлагались все упованія и надежды на обновленіе. Тутъ были и помпадуръ и помпа- дурши, и львы и львицы, и все великіе и малые представители провинціальной жизни. Но въ ви- дѣ сопоставленія ко всей этой искусственности и дѣланности, къ надменной пустотѣ какой-ни- будь генеральши Дарьи Михайловны и почтен- наго ея супруга, откушника Хребтюгина и др., Щедринъ указываетъ на простодушную вѣру и живыя свѣжія чувства простолюдиновъ, чуждыя сантиментальничанія, либеральныхъ заигрываній, ложной идеализаціи. Горе, бѣдность, грубость, а рядомъ съ ними нужда, голодъ и лохмотья бьютъ въ глаза своей неприкрашенной правдой, истин- нымъ, а не измышленнымъ недовольствомъ и страданіемъ.

Конечно, не Щедринъ создалъ отрицатель- ное и сатирическое направленіе въ литературѣ, оно было вызвано самою жизнью; изъ всехъ родовъ литературы сатира единственный, кото- рый выставилъ наибольшее число представите- лей и во все это двадцатипятилѣтіе постоянно занималъ первое мѣсто. Лучшие представители литературы были въ сущности сатириками. До- бролюбовъ внѣ критическихъ статей былъ сати- рикомъ, Некрасовъ—тоже, наконецъ, Щедринъ, начавшій двадцатипятилѣтіе, ни на одну минуту не клалъ пера и завершаетъ двадцатипятилѣтіе такой же ѣдкой сатирой, а можетъ быть, еще болѣе ѣдкой, чѣмъ онъ началъ. Измѣнился не характеръ сатиры, а ея содержаніе.

Остальные роды литературы, во главѣ кото- рыхъ стояли болѣе крупныя дѣятели, какъ Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Островскій, вносили подобное же отрицательное отношеніе къ дѣйствительности и постоянно да- вали изображенія «ветхаго человѣка». Быть, ко- торый они рисовали, былъ дореформенный бытъ, а люди, которыхъ они рисовали, были дорефор- менные люди. Попытки прозрѣть новыхъ людей и новый укладъ жизни, за который брался Тур- геневъ, ему не удалось. Намѣренно или нена- мѣренно, сознательно или безосознанно, по Гончаровъ, Тургеневъ, Толстой, Островскій, Пи- семскій, ни въ одномъ изъ своихъ произведеній не могли избѣгнуть сопоставленія безсильнаго культурнаго человѣка съ тѣмъ простымъ чело- вѣкомъ, котораго представителемъ служить не мудрствующій лукаво какой-нибудь Захаръ или Иванъ. Типы людей, которыхъ давалъ Тургеневъ, назывались-ли они Лаврецкими или Пигасовыми, Вѣрами или Лизами, назывался-ли романъ «Дво- рянскимъ гнѣздомъ» или «Рудинымъ», всегда по общему тону или складу душевнаго содержанія были лишними, безпомощными людьми, погибав- шими въ ихъ столкновеніи съ дѣйствительной жизнью и безсильными съ нею бороться или дать ей другое направленіе. Все герои и геро- ини Тургенева всегда слабые, безпомощные, реф- лектирующие люди. Ихъ томила потребность жиз- ни, исканіе чего-то, но они ничего не могли ни найти, ни создать. Они и учатся и читаютъ, они даже пишутъ. Такъ, почтенный Илья Ильичъ Об-

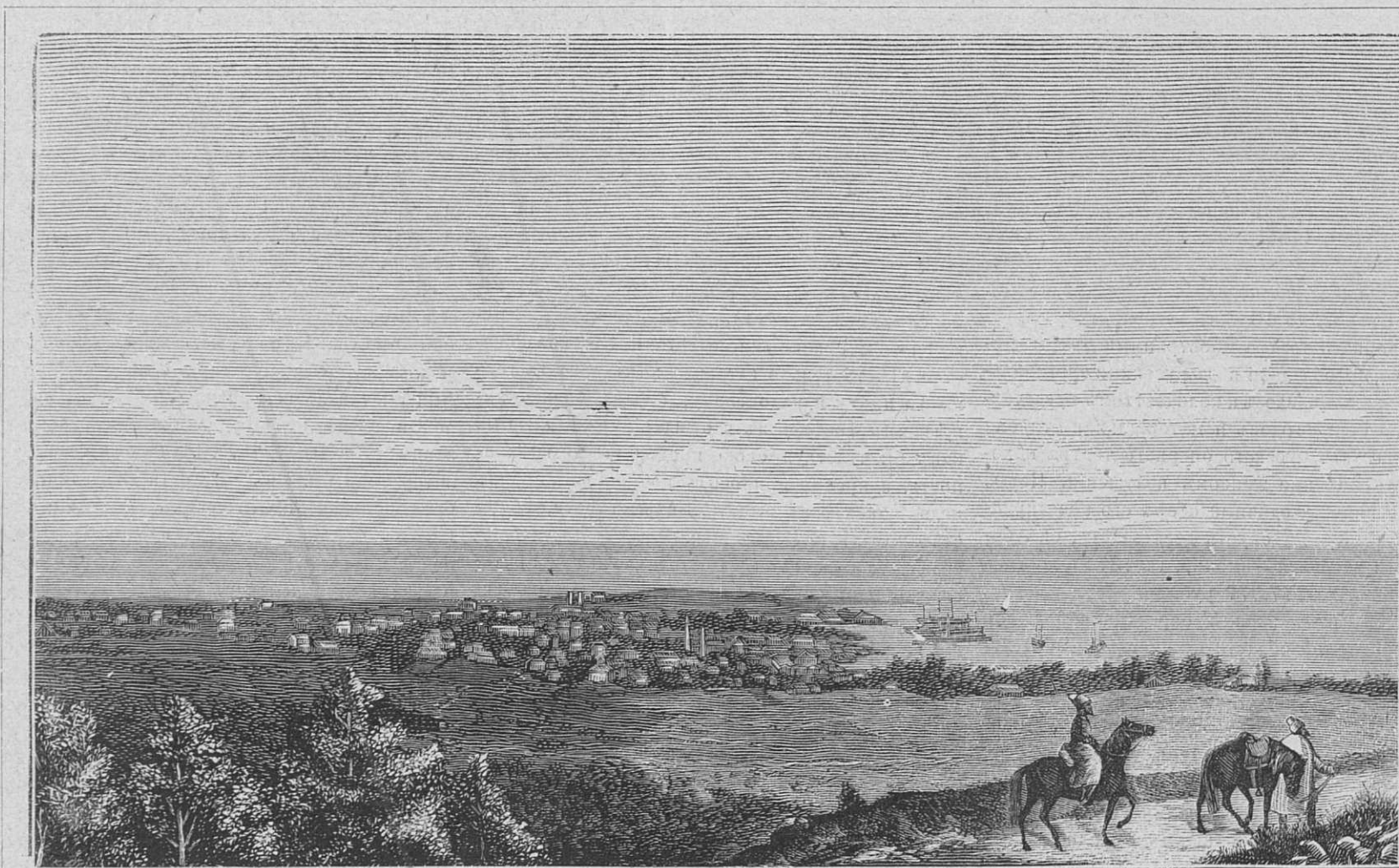
ломовъ скажетъ иногда: «Давно я что-то не читалъ книги, дай-ка почитаю», да и возьметъ первую книгу, какая попадется подъ руку. Услышитъ-ли онъ о какомъ-нибудь замѣчательномъ произведеніи, у него сейчасъ же является порывъ познакомиться съ нимъ, но послѣ двухъ, трехъ страницъ, только-что у Ильи Ильича начнется шевелиться въ головѣ мысль, онъ уже бросаетъ книгу. Рудинъ совершенно также, только научная книга и думая заняться дѣломъ, даже сдѣлалъ запасъ агрономическихъ сочиненій, но не прочиталъ изъ нихъ ни одной строчки. Родоначальникъ всей этой разнovidной обломовщины занимался много лѣтъ колоссальнымъ сочиненіемъ, долженствовавшимъ обновить всю Россію, Рудинъ тоже писалъ статьи. Писалъ ихъ и Илья Ильичъ, а если Штольцъ бывало спроситъ: «Гдѣ же твои работы», Обломовъ отвѣчалъ: «Не знаю, Захаръ куда-то дѣлъ, въ углу, должно быть, лежатъ». Скука, неспособность къ дѣлу, заѣдаю-

всегда отличался наклонностью къ общимъ идеямъ. Ужъ на что Илья Ильичъ не былъ изъ особенно выспренныхъ, но и онъ относился къ людямъ презрительно за ихъ мелкій трудъ, узкіе интересы и крошечныя стремленія. «Хороша жизнь», говорилъ Обломовъ, «чего тамъ искать? интересовъ ума, сердца? нѣтъ въ ней ничего глубокаго, заѣдающаго! Все это мертвецы, спящіе люди!»

Женскіе типы были того-же сорта. Это были тоже безпомощные, безсильные, недовольные, чего-то ищущіе и всегда въ концѣ концовъ разбитые жизнью и погибающіе. При всемъ идеализмѣ стремленій писателей, какъ Гончаровъ, Тургеневъ, они самымъ дѣятельнымъ образомъ служили реализму. Сознательно или безсознательно, но Лизы и Вѣры только потому и гибли въ борьбѣ съ жизнью и не находили себѣ точки опоры, что у нихъ не было никакого живого дѣла и онѣ стремились лишь къ чему-то куль-

все это зналъ гораздо лучше, потому что Илья Ильичъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія не только о сельскомъ трудѣ, онъ не зналъ даже, что когда сѣютъ и жнутъ, что значитъ мужикъ богатый или мужикъ бѣдный, онъ даже не зналъ, самъ-то онъ богатъ или бѣденъ и не станетъ-ли онъ нищимъ черезъ годъ.

Рядомъ съ этимъ отрицаніемъ былого культурнаго, барскаго быта писателями, созданными этимъ бытомъ, явилось отрицаніе русской домо-строенины и бытовыхъ формъ, сложившихся въ менѣ культурномъ слоѣ — въ бытѣ купеческомъ. Представителемъ этого рода отрицанія явился Островскій, давшій рядомъ своихъ комедій изображеніе стараго домостроевскаго быта русскаго купечества. Это было что-то настолько новое и невѣдомое для русскаго читателя, точно передъ нимъ открылся новый небывалый подспудный міръ. Положеніе героевъ и героинь пьесъ Островскаго, самодурства Китъ Китычей,

Бѣлостокъ.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской полиграфіи“.

щій червякъ и рефлексія, приводящая, наконецъ, къ сознанію собственной ненужности, — вотъ черты всѣхъ типовъ «лишнихъ людей», были-ли они названы авторами Рудинными, Гамлетами Щигровскаго уѣзда, Обломовыми. Всѣ они чувствовали, что то, что они дѣлаютъ, не есть жизнь, а въ чемъ настоящая жизнь, никто изъ нихъ не зналъ и найти ее никто не умѣлъ. Они хотѣли служить отечеству, обществу, горѣли искренней любовью къ человѣчеству и къ своей родной странѣ, но дѣла для нихъ никакого не находилось и поприща для общественной дѣятельности не имѣлось. Поэтому весьма понятно, что графъ Сологубъ типомъ Надимова въ «Чиновникѣ» думалъ создать идеальнаго общественнаго дѣятеля, а Гончаровъ подобный-же типъ далъ въ Штольцѣ. Любопытно, что типъ ветхаго культурнаго до-реформеннаго чело-вѣка, кѣмъ бы онъ ни былъ нарисованъ, Тургеневымъ или Гончаровымъ, и назывался-ли онъ Рудиннымъ или Обломовымъ,

турному, выспренному, идеальному и расплывающемуся. Въ видѣ противовѣса противъ каждой Лизы или Вѣры всегда найдется у Тургенева какая-нибудь Василиса, которая говоритъ, что не все-же любовью заниматься, а у Ильи Ильича Обломова найдется Захаръ, который что-нибудь да умѣетъ дѣлать, тогда какъ Обломовъ дѣлать ничего не умѣетъ. Еще любопытнѣе, что всякій Захаръ своеобразенъ и твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, такъ что, если онъ что не захочетъ дѣлать, Обломовъ ни за что не заставитъ его это дѣлать; Захаръ же подчиняетъ Обломова своей волѣ.

Бытописатели барскаго быта и послѣднихъ его могоканъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой, воспитавшіеся во всѣхъ условіяхъ этого быта, давали вѣрныя картины отживающаго барства со всей его безпомощностью, неумѣлостью и полнѣйшимъ невѣденіемъ. Всѣ практическіе вопросы Обломова разрѣшалъ всегда Захаръ, который

тяжелое положеніе женщины въ русской купеческой семьѣ, дали поводъ русской критикѣ нѣсколько обобщить эти факты и поставить вопросъ, — ужъ будто бы только въ купеческомъ бытѣ являются Катерины съ ихъ роковою безвыходностью. Островскій первый поднялъ вопросы о семьѣ и семейномъ счастьи и, въ сущности, только этотъ вопросъ и разрабатывалъ въ своихъ произведеніяхъ. Первое время было думали, что заслуга Островскаго въ томъ, что новое слово, имъ сказанное, есть народность. Но народность тутъ была не приче-мъ. Міръ, котораго касался Островскій, былъ не широкъ, интересы этого міра были очень бѣдны и не смотря на то, жизнь его была полна драматическимъ содержаніемъ и той захватывающей жизнью, въ которой нашлось мѣсто Китъ Китычамъ разныхъ друтихъ слоевъ общества. Драматизмъ положенія женщины въ купеческой семьѣ былъ общій драматизмъ русской женщины,

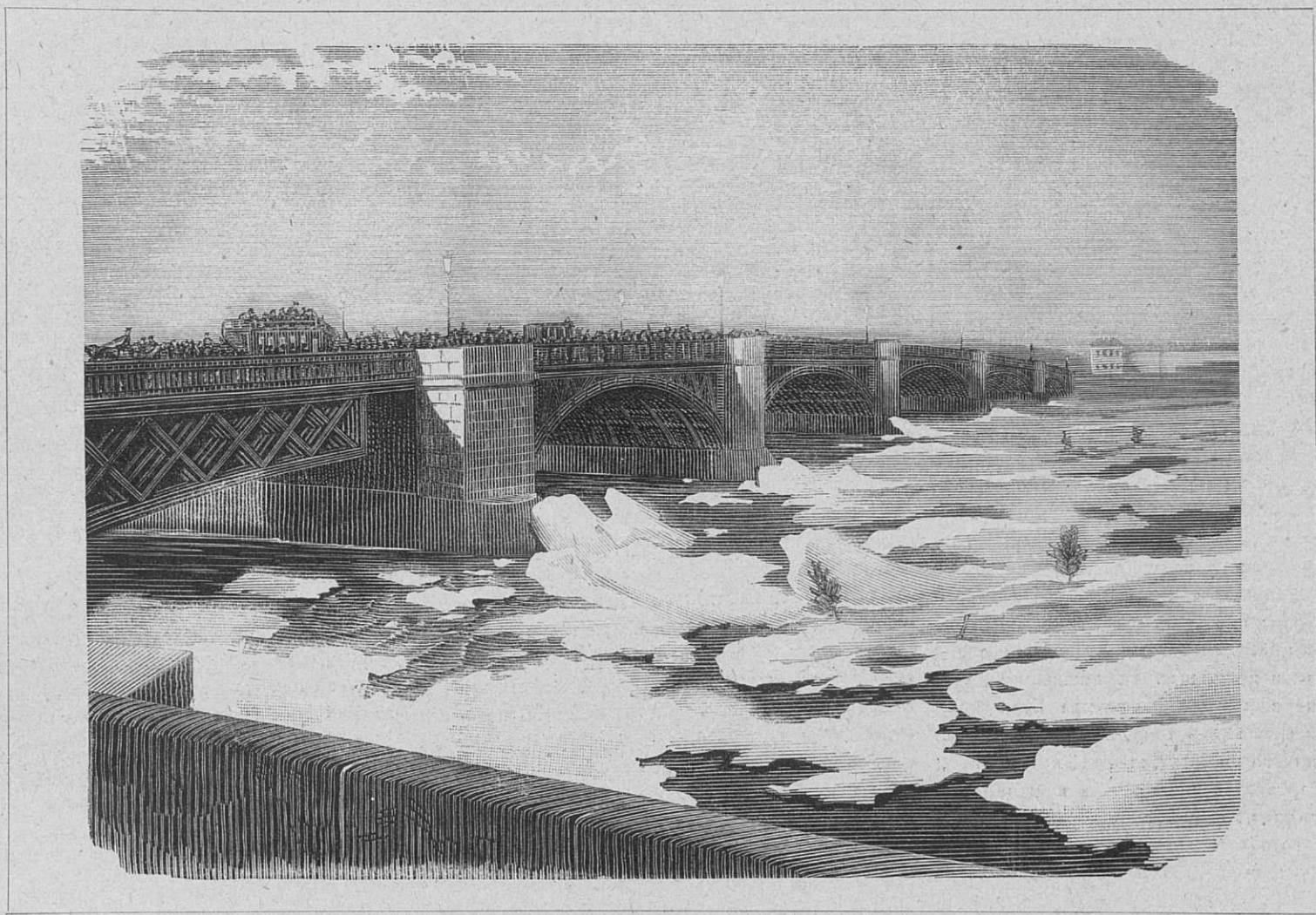

міръ затаенной скорби, безмолвной покорности, былъ общій женскій міръ, изъ котораго ей нѣтъ никакого выхода на просторъ. Единственное, что оставалось ей, былъ безсильный и бесполезный ропотъ, который могъ быть подавленъ при самомъ началѣ всякимъ Большовымъ или Уланбековымъ, и единственный исходъ заключался или въ полной затупѣлости и обезличеніи, или въ смерти.

Старые типы дореформенной Россіи, которыхъ давали писатели, сложившіеся въ дореформенный періодъ, такъ называемые писатели 40-хъ годовъ, были исчерпаны довольно скоро и наступившая новая жизнь съ новыми людьми потребовала изображенія новыхъ типовъ. Особенно усердныя попытки откликнуться на требованія минуты и отмѣтить требованія времени обнаружилъ Тургеневъ въ «Отцахъ и Дѣтяхъ», лучшемъ произведеніи этого періода. Здѣсь опять сопоставлена старая и новая Россія и предста-

влѣніе ихъ на искусство вытекало изъ того новаго понятія, которое было предъявлено, какъ требованіе къ произведеніямъ художественнаго творчества. Это новое понятіе было вызвано основными требованіями жизни, создавшими реформационный періодъ. Реформационная мысль, направленная на перемѣны, на измѣненія экономическихъ и другихъ условій жизни, конечно, должна была служить критеріемъ для оцѣнки художественныхъ произведеній, долженствовавшихъ служить той же жизни. Поэтому критика этого періода получила такой же реальный характеръ, какой имѣли всѣ требованія практической жизни. Не смотря на кажущееся несходство критическихъ требованій Добролюбова и Писарева, они составляютъ одно цѣльное, взаимно дополняющееся. Добролюбовъ явился представителемъ общественно политическихъ требованій и придавалъ своей критикѣ по преимуществу публицистическій характеръ, тогда какъ Писаревъ

красовъ въ поворотѣ общественныхъ чувствъ къ народнымъ интересамъ, которые прежде воспринимались только платонически. Почти одновременно съ Некрасовымъ это новое направленіе выставило дѣятелей и въ повѣсти народного характера. Ими явились Николай Успенскій, Рѣшетниковъ, Помяловскій, затѣмъ Глѣбъ Успенскій, Наумовъ и другіе. Направленіе это совсѣмъ вытѣснило старый романъ съ дореформенными типами умершаго барства и пытливо занялось изслѣдованіемъ разныхъ сторонъ народной жизни и отысканіемъ новой, свѣжей, обновляющей струи. Въра въ «интеллигента» исчезла, явилось даже сомнѣніе въ его способность вести впередъ жизнь и началась мучительная погоня за отысканіемъ новаго типа, характера и идеала, на котораго бы можно было возложить упованія, но этого типа жизнь еще не выработала, литература не подмѣтила и наступилъ для литературы и для жизни межеумочный періодъ сѣ-

Александровскій мостъ.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской полиграфіи“.

вительницей новой данъ извѣстный типъ Базарова. Этотъ типъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы говорить о немъ въ подробностяхъ, да и наша цѣль дать въ короткомъ очеркѣ лишь общую картину движенія литературной мысли. Типъ этотъ былъ намѣченъ жизнью и Тургеневъ рисовалъ его съ живого человѣка. О Маркѣ Волоховѣ г. Гончарова говорить мы не станемъ, потому что это не былъ типъ въ томъ смыслѣ, какъ писалъ Базарова Тургеневъ, а была карикатура.

Къ этому же періоду литературы первой половины двадцатипятилѣтія относится и особенно возбужденная дѣятельность литературной критики. Въ строгомъ смыслѣ это не была критика художественная, но она была критикой послѣдовательно развившейся изъ критики Бѣлинскаго, которая уже получила общественное направленіе. Главными представителями критики были Добролюбовъ и Писаревъ. Основное воз-

явился представителемъ начала личнаго и дѣйствовалъ въ цѣляхъ индивидуальнаго развитія. Ихъ критика, въ сущности, была критикой отрицательной, но такой же отрицательной, какое было отношеніе сатиры, романа, повѣсти и даже серьезныхъ публицистическихъ журнальныхъ статей. Одна всеобщая заупокойная пѣлась прошлому и когда всѣ темныя, мѣшающія его стороны были выяснены, разобраны и опредѣлены, старый романъ старого быта, съ типами старыхъ людей, кончилъ свое дѣло, а съ нимъ кончила свое дѣло и критика.

Изъ подъ этого слоя умершей жизни начали показываться ростки новаго, такъ называемаго народного направленія. Наиболее сильнымъ и яркимъ представителемъ его явился печальникъ народного горя Некрасовъ. Лирическая пѣнь его, скорбная и унылая, а подчасъ ѣдкая и бичующая, какъ сатира, слишкомъ хорошо извѣстна всякому, какъ и то вліяніе, которое имѣлъ Не-

рой безцвѣтности и томительнаго состоянія мысли, ожидающей для своей работы болѣе практическаго матеріала, чѣмъ какой даетъ теперешняя жизнь.

Въ то время, когда критическая мысль, отрицавшая старое, ждала новыхъ свѣтлыхъ ростковъ отъ жизни, вмѣсто свѣтлаго идеальнаго образа, долженствовавшего обновить жизнь, родился новый типъ, начавшійся Антошкой Хриstopродавцемъ и Деруновымъ и окончившійся Колупаевымъ и Разуваевымъ. Сатира, начавшая собою двадцатипятилѣтіе изображеніемъ «талантливыхъ» натуръ, у которыхъ всякое дѣло вываливалось изъ рукъ, кончила изображеніемъ новаго типа, который напротивъ забираетъ все въ свои руки. Сатира окончательно погребла ветхаго культурнаго человѣка съ послѣдними остатками крѣпостнаго права и широкой кистью нарисовала новый образъ представителя новыхъ интересовъ, давшаго направленіе, цвѣтъ и ха-

ракторъ всей теперешней жизни. Бывшій помѣщикъ и затѣмъ раззорившійся землевладѣлецъ предался медленному умранію въ Монрепо, а вмѣсто него общество выдѣлило новый культурный слой, состоящій изъ кабатчиковъ, процентчиковъ, желѣзно-дорожныхъ, банковыхъ дѣльцовъ, казнокрадовъ и міроѣдовъ, но это не тотъ буржуа, «которому удалось неслыханнымъ трудолюбіемъ и пристальнымъ изученіемъ профессіи завоевать себѣ положеніе въ обществѣ. Это просто праздный, невѣжественный и притомъ лѣнивейшій забулдыга, которому, благодаря простой случайности, удалось уйти отъ каторги и затѣмъ слопать кишачія вокругъ него массы рохлей, ротозѣевъ, дураковъ». Обитатель Монрепо тотъ-же прежній типъ Обломова, взлѣтѣнный крѣпостнымъ правомъ и не приспособившійся къ борьбѣ среди новыхъ условий жизни. Рядомъ съ нимъ, съ этимъ культурнымъ человѣкомъ, у котораго и куры не несутся, и коровы не телятся, Разуваевъ ведетъ отлично свое хозяйство; у него во всемъ изобиліе, и въ плодахъ земныхъ, и въ приплодѣ скота. Мирному обитателю Монрепо, угасающему незамѣтно, остается только мирное хожденіе по аллеямъ и мирныя думы о мирныхъ вещахъ. Тотъ пошибъ, который замѣчался когда-то въ Рудинѣ и который проявлялся даже въ Обломовѣ, — стремленіе къ общимъ идеямъ, къ составленію грандіозныхъ проектовъ для преобразованій въ Россіи, совсѣмъ уже не замѣчается въ угасающемъ обитателѣ Монрепо. Приниженный, загнанный, вытѣсненный, онъ съ сердечнымъ трепетомъ боится встрѣчи даже съ становымъ, занимающимся «сердцевѣденіемъ», замѣнившимъ прежнюю «маршировку». На поднявшееся, было, чувство негодованія противъ Разуваева угасающій культурный человѣкъ слышитъ такой совѣтъ отъ «батюшки»: «Откровенно вамъ доложу, на вашемъ мѣстѣ я бы кабатчиковъ не трогалъ. Почему бы не трогалъ? А потому, сударь, что кабатчики по нынѣшнему времени есть столпы. Прежде были столпы — помѣщики, а нынче столпы — кабатчики», говоритъ батюшка. Сатира дѣлаетъ очень дѣкій и подробный анализъ того, какъ Разуваевы, Колупаевы, Ковыряевы, Деруновы понимаютъ «основы», и приходитъ къ заключенію, что эта вновь нарождающаяся русская буржуазія съ мѣнялами и желѣзно-дорожниками во главѣ утвердить ничего не можетъ. Единственное, чѣмъ характеризуется рожденіе и распространеніе этого типа людей — есть расширеніе проѣса всеобщаго обездоленія. Этимъ послѣднимъ словомъ сатиры кончается и послѣднее слово русской современной литературы.

СМѢСЬ.

— Посланія Жуковскаго и Рылѣева. Государю Императору было посвящено многими русскими поэтами не мало стихотвореній. Изъ этихъ произведеній, безспорно, къ числу самыхъ замѣчательныхъ принадлежатъ слѣдующія стихотворенія К. Ф. Рылѣева и В. А. Жуковскаго.

Видѣніе. Ода на день тезоименитства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Николаевича, 30 августа 1823 г.

Какое дивное видѣніе
Очамъ представилось мнѣ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньѣ:
По сводамъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ
Екатерины тѣнь парить!
Кого-то ищетъ жаднымъ взглядомъ;
Чело величьемъ горить...

Но вотъ съ устѣнъ царицы мудрой,
Какъ лучъ, улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрой,
Средъ сонма воиновъ рѣзався,
То въ длани тяжкій мечъ пріемлетъ,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То, трепеща въ восторгѣ, внемлетъ
Разсказамъ воиновъ сѣдыхъ.

Румянцевъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и кровь, и умъ
И искрится изъ юныхъ взоровъ
Огоньъ славолубивыхъ думъ.
Проникнуть силою разсказа,
Онъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летитъ на снѣжный верхъ Кавказа
И жаждетъ славы и побѣдъ.

Царица тихо ниспускалась
На легкомъ облакѣ, какъ дымъ,
И, улыбаясь, любовалась
Прелестнымъ правнукомъ своимъ;
Но вдругъ Минервы свѣтлоюкой
Чудесный ликъ пріять, она
Слетѣла, мудрости высокой,
Огнемъ божественнымъ полна.

Къ прекрасному коснувшись дланью,
Ему Великая рекла:
«Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла.
Но для полноты державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.

«Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла.
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.

«Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри — въ волненіи народы,
Смотри — въ движеніи сонмъ царей.
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ;
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.

«Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не порода,
А дарованія возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.

«Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства духъ неблагородной —
Неправосудіе истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенія покровитель:
Оно надежный другъ властей.

«Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антономъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори —
И ты себя прославишь богъ,
Чѣмъ всѣ герои и цари».

В. А. Жуковскій въ своемъ «Посланіи Г. В. К. Александрѣ Федоровѣ на рожденіе В. К. Александра Николаевича» говоритъ въ заключительныхъ стихахъ:

О, сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди въ нашъ міръ, младенецъ, гость желанный!
Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,
Младой отецъ предъ матерью спасенной,
Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишентъ;
Передъ твоей невинностью смиренной
Безмолвная праматерь слезы льетъ;
Уже Москва своимъ тебя зоветъ...
Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
Сбылось съ твоей, младая мать, душой?
О, для нея открылся міръ иной.
Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
О лучшемъ ей сказало бытіи,
Чистѣйшія заглялись въ ней упованія;
Не для тебя теперь твои желанія,
Не о тебѣ днесь радости твои;
Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, незрящими очами
Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ;
Какъ тишина, его прекрасенъ сонъ;
И жизни вѣсть къ нему не достигала...
Но ужъ судьба свой судъ объ немъ сказала;
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто въ ней, того надежда наша

Во тѣмъ земной для насъ не разрѣшить...
Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля;
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый;
Кругомъ его и небо и земля,
Питавшія Россію въ колыбели;
Здѣсь жизнь отцевъ великая была;
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла —
Обманетъ-ли сіе знаменованье?..

Прекрасное Россіи упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдастъ.
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой, на все прекрасное готовой;
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величьемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
И быть въ дѣлахъ время своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ!
Да славнаго участника славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величьи народномъ,
Для блага всѣхъ — свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила парей великихъ внуку.
Съ тобою ему начать сію науку.

— Н. А. Милютинъ. Изъ числа многихъ усердныхъ дѣятелей по дѣлу разрѣшенія крестьянскаго вопроса, устройства земскихъ учреждений, поземельнаго устройства государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ западныхъ губерній и т. п., одною изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей является Николай Алексѣевичъ Милютинъ.

«Н. А. Милютинъ родился 6-го іюня 1818 года, воспитывался въ Москвѣ въ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ; на службу поступилъ въ 1835 году въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ тогда сосредоточивались дѣла по городскому хозяйству, приказамъ общественнаго призрѣнія и народному продовольствію. Въ 1842 году ему поручено было учрежденное въ хозяйственномъ департаментѣ особое городское отдѣленіе, которому предстояло тогда трудъ ввести болѣе правильныя основанія въ управленіи городами и въ ихъ хозяйствѣ. Составленное при участіи и подъ руководствомъ Н. А. Милютина новое городское положеніе для С.-Петербурга было введено въ дѣйствіе въ 1846 году. Положеніе это, въ которомъ впервые были проведены начала самоуправления въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ, послужило впоследствии образцомъ для преобразованія устройствъ другихъ городовъ». «Въ 1856 году, Н. А. Милютинъ принималъ ближайшее участіе въ занятіяхъ учрежденнаго въ то время, по высочайшему повелѣнію, особаго комитета для обсужденія ходатайствъ, поступающихъ изъ многихъ губерній, объ оказаніи разныхъ общихъ льготъ и облегченій въ платежѣ казенныхъ и особенно банковыхъ долговъ по случаю восточной войны и отчасти бывшихъ неурожаевъ. Въ началѣ 1859 года, когда были образованы по высочайшему повелѣнію редакціонныя комісіи для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ и для начертанія проектовъ общаго положенія о крестьянахъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости, а равно и другихъ законоположеній, до этого предмета относящихся, Н. А. Милютинъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комісіи, занимавшейся составленіемъ мѣстныхъ положеній и кромѣ того принялъ самое дѣятельное участіе въ занятіяхъ комісіи финансовой и административной. Съ этого времени онъ всецѣло посвятилъ себя продолженію нѣсколькихъ лѣтъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Для этого дѣла въ немъ проявилась какъ бы особая вдохновляющая его сила, которую безошибочно можно назвать силою призванія. Поборникъ широкаго самоуправления и самостоятельности крестьянской общины, Н. А. Милютинъ въ дѣлѣ крестьянской реформы, по всей справедливости, заслуживаетъ почетнаго мѣста на ряду съ историческими именами Я. И. Ростовцева, С. М. Жуковскаго, Я. А. Соловьева, Ю. Ф. Самарина, кн. В. А. Черкаскаго и другихъ лучшихъ исполнителей великаго дѣла, предпринятаго и предначертаннаго державною волею Верховнаго Вождя Россіи — освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ.

Бывъ вскорѣ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, Н. А. Милютинъ сдѣлался руко-

водителемъ всѣхъ работъ по крестьянскому вопросу, сосредоточивавшихся въ этомъ министерствѣ. Все это время своей государственной дѣятельности онъ провелъ въ борьбѣ противъ тѣхъ притязаній, которыя были выражены въ мнѣніяхъ большинства губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу. А борьба эта была не малая. Достаточно взглянуть на проекты губернскихъ комитетовъ, чтобы убѣдиться, что огромное большинство ихъ признавало освобожденіе крестьянъ лишь за печальную необходимость и въ тоже время всѣми силами старалось продлить, хотя въ иной формѣ, власть помѣщика надъ крестьянами, разрушить самостоятельность крестьянскихъ обществъ и помѣшать выкупу крестьянами земли.

Положеніе 19-го февраля 1861 года Высочайше утверждено. Николай Алексѣевичъ Милютинъ на нѣкоторое время сошелъ съ поприща государственной дѣятельности и уѣхалъ за границу.

Въ 1863 году, когда вспыхнулъ митежъ въ Польшѣ, Н. А. Милютинъ былъ вновь призванъ, въ качествѣ завѣдывающаго канцеляріей по дѣламъ Царства Польскаго и къ государственной дѣятельности въ Комитетѣ по устройству быта крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ, и не прошло двухъ лѣтъ какъ это было окончено. Въ результатѣ его дѣятельности по этому предмету явились: прочное устройство быта крестьянъ западнаго края и секуляризація духовныхъ имѣній — мѣры, которыя ограничили власть дворянскаго и духовнаго сословія и положили залогъ для благоденствія Польши. Назначенный затѣмъ на должность статсъ-секретаря по дѣламъ Царства Польскаго, Н. А. Милютинъ, какъ ревностный исполнитель Высочайшихъ предначертаній, повелъ дѣло постепеннаго слиянія Царства съ Имперіей. По его вчинанію мало по малу, безъ потрясеній, отдѣльныя части управленія Привислянскимъ краемъ перешли въ вѣденіе министерствъ Имперіи. Назначенный сенаторомъ, членомъ Государственнаго Совѣта и Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, Н. А. Милютинъ былъ постоянно самымъ горячимъ сторонникомъ проведенія лучшихъ законодательныхъ мѣръ; но эта дѣятельность его продолжалась не долго. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1866 года въ домѣ государственнаго канцлера происходило засѣданіе по вопросу о конкордатѣ съ Римомъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ горячаго обсужденія этого вопроса, которымъ Н. А. Милютинъ занимался долго, не зная покоя и отдыха, онъ имѣлъ счастье увидѣть свой трудъ удостоившимся Высочайшаго утвержденія. Упраздненіе конкордата съ папскимъ престоломъ было рѣшено. Но, по возвращеніи изъ этого засѣданія, Н. А. Милютинъ былъ пораженъ нервнымъ ударомъ. Съ этой минуты его уже не стало болѣе для государственной жизни Россіи. Три года онъ прожилъ послѣ этого за границей и два года въ Москвѣ. Здоровье его, повидимому, порой возстановлялось, но не въ такой степени, чтобы онъ могъ заниматься дѣлами. Въ это время друзья его ѣздили къ нему, нарочно, чтобы видѣться съ нимъ, одни за границу, другіе въ Москву. А друзей у него было не мало. Можно даже сказать, что рѣдко кто у насъ изъ государственныхъ людей имѣлъ столько преданныхъ, горячо привязанныхъ почитателей и друзей. Онъ имѣлъ даръ привлекать къ себѣ людей своею симпатичностью, искренностью, сердечною добротою. Рѣчь его была необыкновенно увлекательна и электризовала слушателей.

Николай Алексѣевичъ скончался въ Москвѣ 26-го января 1872 г. на 54-мъ году отъ рожденія.

Какъ смотрѣли на Н. А. Милютину люди, горячо желавшіе блага Россіи, это видно изъ слѣдующихъ стихотвореній:

КУЗНЕЦЪ.

(Памяти Н. А. Милютина.)

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спалъ.
Лишь не остыло-бъ желѣзо горячее,
Ты безъ оглядки ковалъ,
Въ чемъ погрѣшу и чего не додѣлаю,
Думалъ—исправить потомъ.
Грубо ковалъ ты, но руку умѣлаю
Видно донинѣ во всемъ.
Съ кѣмъ ты дѣлился душевною повѣстью,
Тотъ тебѣ знаетъ одинъ.
Спи безмятежно, съ покойною совѣстью,
Честный кузнецъ-гражданинъ!

Н. Некрасовъ.

Другое стихотвореніе, напечатанное въ газетѣ «Голосъ», посвящено авторомъ М. Р. памяти Н. А. Милютина.

Памяти Н. А. Милютина.

Ты въ мірѣ не гремѣлъ побѣдными громами,
Но подвиги твои славнѣе всѣхъ побѣдъ.
Великій труженикъ, ты скромно между нами
Прошелъ, но по себѣ оставилъ вѣчный слѣдъ.

И славный этотъ слѣдъ изъ памяти народной
Ни время, ни вражда, ни зависть не сотретъ,
И голосъ согражданъ, правдивый и свободный,
Надъ многими тебя высоко вознесетъ!

Врачуя старыя отечества невзгоды,
Какъ доблестный боецъ за родину свою,
Подъ знаменемъ ея единства и свободы
Ты бился до конца — и палъ въ святомъ бою.

Миръ праху твоему! Хвалы тебѣ нѣтъ краше,
Нѣтъ лучшей надписи для гроба твоего,
Какъ краткія слова: «Враги Россіи нашей
Всѣ были и враги закланные его».

М. Р.

Чѣмъ больше въ государствѣ подобныхъ кузнецовъ-гражданъ, тѣмъ легче совершать въ немъ блага реформы, тѣмъ успѣшнѣе можетъ оно идти впередъ.

— В. А. Жуковский. Воспитателемъ Императора Александра былъ Василій Андреевичъ Жуковский; онъ родился въ селѣ Мишенскомъ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда, 29 января 1783 г. «Имя его, пишутъ въ «Русской Старинѣ», откуда мы заимствуемъ настоящія свѣденія, какъ представителя переходной эпохи отечественной словесности отъ Карамзина къ Пушкину, занимаетъ слишкомъ видное мѣсто въ исторіи русской литературы, чтобы о немъ распространяться. Достоинства поэта далеко не всегда служатъ порукою за достоинство человека; чтобы убѣдиться въ этой истинѣ, достаточно прочесть біографіи довольно многихъ знаменитыхъ писателей бывшихъ и ближайшихъ къ намъ времени, за исключеніемъ, однако, Карамзина и Жуковского... Послѣдній, въ особенности, сочеталъ въ своемъ лицѣ высокій даръ поэта съ прекраснѣйшими чувствами человека. Самая жизнь Жуковского сложилась такъ, что ее можно раздѣлить на три эпохи, изъ которыхъ первая — была посвящена служенію родному слову; вторая — воспитанію будущаго Государя, третья — мирному отдыху въ нѣдрахъ семьи. Всѣ же три эпохи посвящены были благу и пользѣ ближнихъ! Отцвѣла поэзія, но цвѣтъ ея смѣнился плодомъ жизненной прозы, въ смыслѣ практическаго примѣненія къ дѣлу тѣхъ чистыхъ, высоко-нравственныхъ правилъ, которыя Жуковский-поэтъ высказывалъ въ своихъ произведеніяхъ. У него слово было неразлучно съ дѣломъ; онъ оплакивалъ страданія и нищету не затѣмъ, чтобы изъ безплодныхъ слезъ создавать радуго поэзіи, или вздохи свои слагать въ рифмы. Въ достопамятную эпоху отечественной войны онъ одушевлялъ русскихъ воиновъ своими пѣснями и въ то же время, какъ гордость Германіи — Кернеръ, твердо держалъ въ рукахъ и лиру и мечъ! Жуковский въ 1812 г. былъ не кабинетнымъ пѣвцомъ, а послужилъ отечеству и словомъ и дѣломъ, и крестъ — награда ратной службы — былъ возложенъ на грудь, изъ которой исторгались вдохновенныя, патріотическія пѣснопѣнія.

Любовь къ отечеству и къ Государю приблизила Жуковского къ престолу; его посланіе къ Императору Александру I открыло ему доступъ въ царскіе чертоги и въ 1815 году поэтъ удостоился званія чтеца при вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Жуковский знакомилъ Государыню съ сочиненіями всѣхъ сколько-нибудь даровитыхъ соотечественниковъ и былъ всегда посредникомъ между міромъ литературнымъ и державною властію. Успѣху каждаго талантливаго писателя Жуковский способствовалъ и радовался, какъ своему собственному. Братскія объятія онъ открылъ юному Пушкину и когда его постигла опала — тотъ же Жуковский былъ усерднымъ за него ходатаемъ предъ царскимъ престоломъ. Кому другому, если не Жуковскому, обязанъ высокимъ царскимъ покровительствомъ нашъ Гоголь. Баратынский, Кюхельбекеръ, Александръ Одоевскій, Шевченко — поэты-страдальцы, гонимые судьбою, нашли въ Жуковскомъ друга, покровителя, защитника. Когда начался судъ надъ виновниками 14 декабря, когда всѣ лица, близкія къ разгнѣванному и негодующему императору, осуждали виновныхъ или безмолвствовали — Жуковский имѣлъ смѣлость подать свой голосъ въ защиту Николая Ивановича Тургенева.

«Въ 1817 году Жуковский былъ призванъ изъ Дерпта къ Высочайшему Двору для преподаванія русскаго языка Великому Князю (впослѣдствіи Государынѣ Императрицѣ) Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Отправившись въ путь, онъ сказалъ одному изъ своихъ друзей: «романъ моей жизни оконченъ — теперь начинается исторія». Этими словами самъ поэтъ какъ бы положилъ грань, отдѣлившую литературную его дѣятельность отъ служебной. Учебныя занятія съ Великою Княгиней дали возможность Ея Высочеству ознакомиться съ прекрасными душевными качествами учителя: не только отечественная литература могла гордиться подобнымъ представителемъ,

но и весь народъ русскій могъ съ чувствомъ самоудовольствія назвать Жуковскаго представителемъ самыхъ похвальныхъ національныхъ своихъ свойствъ. Безграничная любовь къ отечеству, приверженность къ престолу, состраданіе къ ближнимъ — всѣми этими чувствами щедро было одарено сердце Василія Андреевича Жуковскаго. Двадцать пять лѣтъ провелъ онъ, почти безотлучно, при дворѣ — былъ и остался домочадцемъ, другомъ царской семьи, не бывъ паредворцемъ въ обширномъ, но не всегда лестномъ значеніи слова».

«Удостоенный высокой чести быть наставникомъ будущаго Царя, почти одновременно съ коронованіемъ его Родителя, Жуковский съ должнымъ уваженіемъ, обдуманностью и самоиспытаніемъ отнесся къ своей священной и отвѣтственной обязанности — тройко отвѣтственной: предъ родителями царственного отрока, предъ современниками и предъ потомствомъ».

Принимая на себя важную обязанность, Жуковский составилъ подробный планъ обученія и воспитанія Царскаго Сына. Особенно замѣчательныя заключительныя строки этого плана, сообщеннаго впервые въ февральской книжкѣ «Русской Старины» за нынѣшній годъ. Это положительно драгоценный вкладъ въ литературу.

«Ученіе по предложенному плану, писалъ В. А. Жуковский, тогда только можетъ имѣть успѣхъ совершенный, когда ничто, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ нарушать порядка, одинъ разъ навсегда установленнаго; когда и особа, и время, и все окружающее Великаго Князя — будутъ безъ всякаго ограниченія подчинены тѣмъ людямъ, коимъ Его Высочество будетъ порученъ довѣренностью Государя. Государь Императоръ, подтвердивъ сей планъ, да благоволитъ быть первымъ непрекословнымъ его исполнителемъ».

«Дверь учебной горницы въ продолженіи лекцій, должна быть неприкосновена; никто не долженъ себѣ позволять въ нее входить въ то время, которое Великій Князь будетъ посвящать занятію: изъ этого правила не должно быть ни для кого исключенія. Великій Князь приучится дорожить своимъ временемъ, когда увидитъ, что имъ дорожатъ и другіе и что въ порядкѣ часовъ соблюдается строжайшая точность. Его Высочество въ продолженіи своего воспитанія долженъ привыкнуть не почитать ничего выше своихъ обязанностей. Онъ долженъ идти впередъ постояннымъ и ровнымъ шагомъ: порядкомъ ненарушимымъ есть главное для сего условіе. Осмѣлюсь сказать откровенно: частые переѣзды изъ мѣста въ мѣсто кажутся мнѣ весьма вредными для занятій Великаго Князя. Намъ надобно имѣть одно постоянное мѣстопробываніе — въ Петербургѣ зимою и одно, такое же, въ Петербургѣ, лѣтомъ. Въ противномъ случаѣ порядокъ нарушится и нельзя отвѣчать за успѣхъ ученія. Переѣзды будутъ мѣшать и вредить вниманію, будутъ препятствовать полнотѣ и необходимому спокойствію упражненій; вмѣсто устроенной учебной комнаты, будемъ имѣть однѣ станціи, въ которыхъ нельзя имѣть подъ рукою всѣхъ предметовъ ученія: все это произведетъ привычку къ непостоянству и безпокойную охоту перемѣнять мѣсто, весьма вредную для будущаго. Самымъ наставникамъ нельзя будетъ дѣйствовать какъ бы они желали: могутъ-ли они всюду перевозить съ собою всѣ вещи для приготовленія своего къ лекціямъ? Могутъ-ли имѣть вездѣ просторъ, необходимый для собственныхъ занятій? А это не бездѣлица: здѣсь о наставникахъ такъ же нужно думать, какъ о Воспитанникѣ. Безполезно требовать отъ нихъ невозможнаго. И со всею готовностію повиноваться Высшей волѣ, они не будутъ въ состояніи ее исполнить и не должны отвѣчать за неуспѣхъ своихъ усилій».

«Дабы имѣть понятіе о ходѣ и успѣхахъ ученія, должны быть установлены экзамены, ежемѣсячные и полугодовые; ежемѣсячные должны производиться въ присутствіи Государыни Императрицы, полугодовые (въ половинѣ іюня и въ концѣ декабря), если возможно, въ присутствіи самого Государя Императора».

«На учебномъ столѣ должна лежать настольная книга, въ которую учителя, по окончаніи каждой лекціи, будутъ записывать каково было во время ея поведеніе и ученіе Великаго Князя. Осмѣливаясь прибавить здѣсь одно замѣчаніе: изъясняемое одобреніе Государя Императора должно быть величайшею наградой для нашего Воспитанника, а изъясненное неодобреніе Его Величества самымъ тяжкимъ наказаніемъ. Надобно весьма дорожить сими важными средствами. Смѣю думать, что Государь Императоръ не долженъ никогда хвалить Великаго Князя за прилежаніе, а просто оказывать свое удовольствіе ласковымъ обращеніемъ безъ всякаго выраженія сего удовольствія. Таковое выраженіе

должно быть предоставлено для немногихъ случаевъ. Чѣмъ будетъ оно рѣже, тѣмъ болѣе будетъ имѣть цѣны, тѣмъ сильнѣе будетъ дѣйствіе. Великому Князю надлежитъ привыкать видѣть въ исполненіи своихъ обязанностей простую необходимость, не заслуживающую никакого особеннаго одобренія: такая привычка образуетъ твердость характера. Каждый отдѣльный хорошій поступокъ весьма маловаженъ; одно только продолжительное постоянство въ добрѣ заслуживаетъ вниманіе и хвалу. Его Высочество долженъ приучиться дѣйствовать безъ награды: мысль объ отцѣ должна быть его тайною со- вѣстью. Тогда только одобреніе отца будетъ для него благодѣтельнымъ счастьемъ и дѣйствительнымъ поощреніемъ къ новымъ усиліямъ. Тоже самое можно сказать и о выраженіи родительскаго неодобренія. Его Высочество долженъ трепетать при мысли объ упрекѣ отца. Государь будетъ всегда знать о его мелкихъ проступкахъ, но пускай это будетъ тайною между Его Величествомъ и наставниками; пускай Воспитанникъ чувствуетъ вину свою и самъ наказываетъ себя тягостнымъ своимъ чувствомъ. Но испытать явный гнѣвъ отца должно быть для него случаемъ единственнымъ въ жизни. Есть-ли когда-нибудь дойдетъ до такой крайности, то лекарство будетъ спасительно и исцѣленіе несомнѣнно. Здѣсь у мѣста сказать нѣсколько словъ о подаркахъ, дѣлаемыхъ въ разное время Великому Князю. Они непремѣнно должны входить въ общій планъ ученія и, такъ сказать, за нимъ слѣдовать. Имѣя много безполезнаго, становишься равнодушнымъ къ полезному. Великому Князю не должно давать ничего такого, что не можетъ быть ему нужно въ настоящую минуту: получая преждевременно такую вещь, которую можетъ онъ цѣнить только послѣ, онъ будетъ смотрѣть на нее безъ вниманія; она успѣетъ потеряться для него всю свою новизну прежде, нежели сдѣлается ему извѣстною, и въ надлежащее время не возбудитъ желаннаго любопытства...

«Во-первыхъ, скажу: Его Высочеству нужно быть не ученымъ, а просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе должно познакомить его только со всѣмъ тѣмъ, что въ его время необходимо для общаго блага и, въ благѣ общемъ, для его собственнаго. Просвѣщеніе въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностію. Человѣкъ знающій, но не нравственный—будетъ вредить, ибо худо употребитъ извѣстные ему способы дѣйствія. Человѣкъ нравственный, но невѣжда—будетъ вредить, ибо и съ добрыми намѣреніями не будетъ знать способовъ дѣйствія. Просвѣщеніе соединитъ знаніе съ правилами. Оно необходимо для частнаго человѣка, ибо каждый на своемъ мѣстѣ долженъ знать, что дѣлать и какъ поступать. Оно необходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привязанъ къ закону, въ которомъ заключается его нравственность, и къ порядку, въ которомъ заключается его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно даетъ способы властвовать благотворно.

«Сокровищница просвѣщенія царскаго есть Исторія, представляющая опытами прошедшаго, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ Государя съ нуждами его страны и его вѣка. Она должна быть главною наукою Наслѣдника престола. Исторія, освѣщенная религіею, воспламеняетъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству, и даетъ ему высокое понятіе о его санѣ. Изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности царской. Сихъ главныхъ правилъ не много. Исторія познакомитъ Наслѣдника престола съ судьбою народовъ и, объяснивъ причины ихъ бѣдствій и благоденствія во всѣхъ временахъ, должна сказать ему въ заключеніе: вѣрь, что власть Царя происходитъ отъ Бога, но вѣрьсе, какъ вѣрили Маркъ Аврелій и Генрихъ Великій; сию вѣру имѣли и Іоаннъ Грозный, но, въ душѣ его она была губительною насмѣшкою надъ Божествомъ и человѣчествомъ. Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ: законъ, пренебрегаемый Царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства; имъ кажется легко управлять только тому, кто хочетъ властвовать для одной власти—но изъ слѣпыхъ рабовъ легче сдѣлать свирѣпыхъ мятежниковъ, нежели изъ подданныхъ просвѣщенныхъ, умѣющихъ цѣнить благо порядка и законовъ. Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ Монарха; оно вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судія исполнителей его воли: мысли могутъ быть мятежны, когда правительство притѣснительно или безвѣдно; общее мнѣніе всегда на сторонѣ правосуднаго Госу-

даря. Люби свободу, то есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе Царей и свобода народовъ; свобода и порядокъ—одно и то же; любовь Царя къ свободѣ утверждаетъ любовь къ повиновенію въ подданныхъ. Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могущество Государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь вѣренъ слову: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый—бессиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками: слѣпое самолюбіе Царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, предастъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви Царя къ народу нѣтъ любви народа къ Царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земнаго, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога! Она защищаетъ душу твою отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей. Наконецъ, въ заключеніе слова Іоанна Мюллера, которыми онъ оканчиваетъ свою «Всемірную Исторію»: «Умѣренность—порядокъ, а смыслъ ихъ не упускай никогда изъ глазъ своей цѣли; подвигайся впередъ не быстро, но постоянно; строй безъ спѣха, но для вѣковъ; исправляй не разрушая, не упреждай своего вѣка, но и не отставай отъ него, не будь его рабомъ, но свободно съ нимъ соглашайся: будешь владѣть имъ, когда не презришь его совѣта; будешь его жертвою или окружишь себя жертвами, есть-ли хочешь его пересилить».

Прибывъ въ Россію и вступивъ въ отправленіе важной своей должности, Жуковский отдавалъ Августѣйшимъ родителямъ своего Питомца самый совѣстливый отчетъ, какъ объ учебныхъ его занятіяхъ, такъ и о мысляхъ своихъ относительно возможныхъ улучшеній въ системѣ воспитанія.

Августѣйшіе родители Цесаревича желали, чтобы наставники всего прежде образовали изъ него добраго человѣка. Родительница Цесаревича сознавала, что изученіе людей, въ тѣсной связи съ политикою, въ юныхъ лѣтахъ, можетъ очерствить сердце и охладить, даже заглушить въ немъ чувства человѣчскія. Въ наставники сыну Государыня желала не Макіавеля, не Меттерниха, не Талейрана... а лишь добраго, честнаго, просвѣщеннаго человѣка.

Стараясь развить въ своемъ Питомцѣ добрыя чувства, Жуковский всегда радовался, когда эти чувства ясно высказывались въ Августѣйшемъ юношѣ. Такъ весною 1837 года Жуковский сопровождалъ Цесаревича въ его путешествіи по Россіи и Сибири. Изъ Тобольска Цесаревичъ писалъ къ Государю Императору письмо, въ которомъ ходатайствовалъ о смягченіи участи многихъ изъ ссыльныхъ «декабристовъ». На обратномъ пути Его Высочества, между Буинскомъ и Симбирскомъ, онъ былъ встрѣченъ фельдгегеремъ, вручившимъ Цесаревичу отвѣтъ, со словами милосердія и прощенія... «Никто не побуждалъ его къ состраданію (писалъ Жуковский Императрицѣ 24-го іюня). Онъ самъ съ прелестною сыновнею свободою и довѣренностію высказалъ все Государю... Я поцѣловалъ съ жаромъ Великаго Князя и послѣ мнѣ стало жаль, что я не поцѣловалъ у него руку: ибо я почувствовалъ живо, что въ эту минуту мое отношеніе къ нему было иное. Что-то похожее на благоговѣніе, производимое въ насъ существомъ высшаго рода, проникло мнѣ въ душу; я видѣлъ передъ собою не ми-

лаго своего Питомца, а высокаго Царскаго Сына, имѣющаго въ себѣ нѣчто такое, что никому изъ насъ, обыкновенныхъ людей, принадлежать не можетъ!»...

По поводу этого событія, Жуковский, въ своемъ письмѣ, называетъ поименно «декабристовъ», участь которыхъ была значительно облегчена по представленію Цесаревича. Онъ называетъ: Муравьева-Апостола, Черкасова, Кривцова, Чернышева, Якушкина, Розена, Бриггена, Назимова, Лорера.

Въ 1838—1839 годахъ Жуковский, въ числѣ прочихъ особъ свиты Цесаревича, сопровождалъ его въ чужіе края. Цѣлю путешествія, помимо пользанія минеральными водами Германіи и благотворнымъ воздухомъ Италіи, былъ, какъ нынѣ извѣстно, выборъ будущей супруги Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

16-го апрѣля 1841 года свершилось бракосочетаніе Государя Наслѣдника Цесаревича съ Великою Княжною (нынѣ Императрицею) Маріею Александровною, бывшею Принцессою Гессенъ-Дармштадтскою. Черезъ двѣ недѣли Жуковский сложилъ съ себя званіе наставника, которое съ честію носилъ пятнадцать лѣтъ.

Взысканный царскими милостями, Жуковский отправился за границу, откуда уже не возвращался въ Россію. Этимъ не порвалась его связь ни съ отечествомъ, ни съ семействомъ царскимъ. До конца дней онъ велъ переписку съ Особами Августѣйшей фамилии, пользуясь ихъ любовью и уваженіемъ. Въ своихъ письмахъ къ Ихъ Высочествамъ Жуковский какъ-бы досказывалъ свои возрѣнія на ихъ обязанности въ отношеніяхъ къ Россіи, къ Богу, къ народу и къ чужимъ царствамъ».

Онъ умеръ въ Баденѣ-Баденѣ, 12 апр. 1852 г. на 70-мъ году отъ рожденія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. При настоящемъ, № 8, Редакція предполагала разослать своимъ подписчикамъ портретъ Государя Императора, воспроизведенный олеографическимъ способомъ; но олеографическое заведеніе, принявшее заказъ, не могло исполнить его къ сроку, т. е. къ 19 февраля. Вслѣдствіе этого олеографическій портретъ Государя Императора будетъ разосланъ иногороднымъ подписчикамъ вмѣстѣ съ прочими преміями, а городскимъ будетъ выданъ по сдачѣ его редакціи олеографическимъ заведеніемъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 7-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 16 февраля въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногородную почту 18 февраля въ 2 час. по полудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: XXV лѣтъ царствованія Императора Александра II.—Русское искусство за двадцать пять лѣтъ, Диллетанта.—Музыкальность русскаго общества за послѣднія 25 лѣтъ, (замѣтка Вл. Михневича).—Общественное значеніе русской литературы за послѣднія 25 лѣтъ, Н. Ровина.—Смѣсь.—Объявленія.

Рисунки: Зало засѣданій комисіи по крестьянскимъ дѣламъ.—Чтеніе положенія.—Е. И. В. Государыня Императрица, Марія Александровна.—Е. И. В. Государь Императоръ Александръ II.—Пріемъ депутаціи на Кавказѣ, съ карт. Горшельта.—Города и мѣстности средней Азіи.—Батумъ.

За редактора, издатель Н. И. Шульгинъ.

Объявленія.

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ОТЪ 9—15 ЛѢТЪ.
 ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО НЕ МЕНѢЕ 7 ПЕЧ. ЛИСТОВЪ.
 Содержаніе: повѣсти, историч. рассказы, біографіи
 игры, занятія, ноты, задачи и проч.
 ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ 5 Р. 75 К., СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСТКА
 (4 РАЗА ВЪ ГОДѢ) 6 РУБ. 75 КОП.
 АДРЕСЪ: ВЪ С.-П.-БУРГѢ ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ
 Редакторъ В. Острогорскій. • Издатель В. Бородинъ.

ЖИВОПИСНОЕ ИСКУССТВО

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 9.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.

Цена отдѣльныхъ №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

23 Февраля 1880 года.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ
КАРТИНА Ю. КЛЕВЕРА.

Осенній разливъ.

Собственность В. В. Самойлова.

Рисоваль на деревѣ Петръ Чистяковъ. Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипаннѣ“

Два сонета Фауста.

Стих. М. Бушора. Перев. Д. Садовникова.

I.

Все исчезаетъ въ хаосѣ глубокомъ
И позади рядъ невозвратныхъ дней...
И это ли не скорбь изъ всѣхъ скорбей?
Не лучше ль намъ глядѣть покойнымъ окомъ,
Какъ боги тѣ, отмѣченные рокомъ,
Что съ горь глядять на глубину зыбей,
Въ вѣнцѣ счастливой гордости своей,
Въ сознаніи холодномъ и высокомъ?
Морскимъ вѣтрамъ не вѣрили свою
Они непрочную, пробитую ладью,
Съ безумною отвагою матроса...
Не все-ль равно имъ жить или умирать:
Они—вся суть проклятаго хаоса,
Загадку имъ пришлось разгадать.

II.

Куда иду? Нѣтъ цѣли для стремленія...
Ни хоры птицъ мой слухъ не уладятъ,
Ни свѣжій лѣсъ не остановитъ взгляда,
Чтобъ дать забыть про это на мгновенье.
Вотъ путь, которымъ люди, нѣтъ сомнѣнья,
Современемъ пойдутъ, и старъ, и младъ,
И лягутъ тѣсно по могиламъ врьдъ,—
Гдѣ ихъ пугать не будутъ сновидѣнья.
Несчастные надѣются на сонъ,
Какъ будто дать блаженство можетъ онъ,
Какъ пристань послѣ долгаго скитанья...
Не вѣря, я свой замедляю шагъ,
Но нѣтъ, опять напрасное желанье!
Какой то вихрь меня толкаетъ въ мракъ.

Шарль Демальи.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ. Переводъ Н. Лѣтнева.
(Продолженіе.)

XXXI.

Шарль окончательно устроился и поселился въ домѣ; ему, казалось, нравилось его новое жилище. Повидимому, ничто не перемѣнилось въ его жизни. Онъ любилъ оставаться, какъ и прежде, подолгу въ своей комнатѣ и выходилъ только тогда, когда свѣтило солнце и Франциска уговаривала его погулять. Онъ спалъ и ѣлъ и Франциска совершенно успокоилась: по ея понятіямъ человекъ, который завтракаетъ и обѣдаетъ, не можетъ быть больнымъ. Онъ казался задумчивъ, углубленъ во что-то, но Франциска видѣла его такимъ и прежде и не беспокоилась этимъ.

Болѣе всего ее удивляло то, что Шарль противъ обыкновенія ни разу не открылъ пьянино впродолженіи недѣли. Наконецъ, въ одинъ вечеръ онъ открылъ его и пробѣжалъ пальцами по клавишамъ, наигрывая отрывки разныхъ мелодій. Мало-по-малу ему припомнился одинъ напѣвъ, слышанный имъ давно во время его путешествій. И по мѣрѣ того, какъ звуки выходили изъ подъ его пальцевъ, картины прошлаго оживали передъ его глазами: онъ видѣлъ себя путешествующимъ и веселое свадебное шествіе спускалось съ горы къ нему на встрѣчу съ музыкантами впереди; ему припоминалось лицо новобрачной и костюмъ молодого мужа, его высокие сапоги и узкія панталоны, и вся свадьба пара за парой, выступавшая, подбоченившись въ тактъ вальса, наигрываемого скрипачемъ и гитаристомъ. Положивъ руки на клавиши, глядя въ пространство, онъ повторялъ однообразный и убаюкивающий припѣвъ: la-la-la-ou! и напѣвалъ свадебную пѣсню до той послѣдней ноты, когда старый музыкантъ, внезапно оборвавъ мелодію, заканчивалъ ее шумнымъ акордомъ, точно взрывомъ смѣха, звучавшимъ странной, раздражающей ироніей въ устахъ Шарля. Впродолженіи трехъ или четырехъ дней онъ твердилъ пальцами и голосомъ всю одну и ту же

мелодію, мало-по-малу онъ замѣнилъ ее трелью и кончилъ тѣмъ, что наигрывалъ однимъ пальцемъ одну и ту же ноту: la-la!..

— Ахъ, какая гадкая музыка! сказала ему Франциска.—Точно кого хоронятъ... Вы бы лучше пошли прогуляться; посмотрите, какая чудесная погода!

— Нѣтъ, я усталъ, у меня ноги отяжелѣли... я пойду... пойду завтра...

Пьянино оставалось открытымъ. Шарль болѣе къ нему не прикасался. Онъ сидѣлъ, углубившись въ свое кресло у камина, не говоря ни слова, казалось, ни о чемъ не думая, укрываясь отъ свѣта въ тѣни. Такъ онъ просиживалъ до вечера, а вечеромъ готовъ былъ ложиться въ постель, не раздѣваясь, еслибъ Франциска не снимала съ него платья. Странная апатія Шарля ко всему и вѣчный сонъ съ открытыми глазами тревожили старую служанку и такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ впалъ въ это состояніе, онъ безпрекословно слушался всего, что она ему говорила, то Франциска въ одно послѣ-обѣда, когда онъ сидѣлъ неподвижно въ своемъ креслѣ, подошла къ нему и сказала, подавая ему шляпу и перчатки:

— Извольте идти, сударь; вамъ надо разсѣяться...

И онъ не трогаясь съ мѣста, но Франциска настаивала, заставила его встать и выйти. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ выходить изъ дому каждый день. Онъ шелъ все прямо по унылой набережной арсенала, по холодному, безлюдному бульвару, вдоль медленно текущей воды. Лѣниво водя рукой по гладкому борту паранета, онъ доходилъ до конца и снова возвращался, останавливаясь передъ лавками букинистовъ, открывая какую-нибудь книгу и по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на страницу, не перевертывая. Букинистъ, видя, что онъ ничего не покупаетъ, толкалъ его, наступалъ ему на ноги и, наконецъ, оттѣснялъ его; тогда Шарль прислонялся къ дереву и смотрѣлъ на ученье солдатъ, окруженный толпой уличныхъ ребятишекъ. Онъ оставался тамъ безконечно, такъ что мальчишки замѣтили его и начали безжалостно подсмѣиваться надъ нимъ.

Удивляясь, что онъ никогда не говоритъ о томъ, что видѣлъ и что дѣлалъ во время своихъ отлучекъ, Франциска захотѣла узнать, куда онъ ходитъ, и пошла вслѣдъ за нимъ. Она увидала, какъ грубо отталкивалъ его букинистъ и какими насмѣшками преслѣдовали его уличные гамены. За обѣдомъ она сказала ему:

— Отчего бы вамъ не пойти навѣстить старыхъ друзей? Можно-ли такъ предаваться горести? И еслибъ вы захотѣли, у васъ достало бы денегъ купить всю лавку букиниста. А на шулуновъ, которые строятъ вамъ разные штуки, развѣ у васъ нѣтъ трости?

— Да, это правда! У меня есть друзья, есть деньги, есть трость. Да! голосъ его оживился, затѣмъ вдругъ понизился и взглядъ потухъ.— Да, это правда...

XXXII.

Съ каждымъ днемъ увеличивался безпорядокъ его идей. Мало-по-малу прерывалась всякая связь между имъ и его ощущеніями и въ нихъ прокрадывалось что-то недоконченное и безпорядочное. Въ немъ медленно совершалась глухая работа распадѣнія всего жизненнаго состава, раздѣленія органовъ, когда каждое чувство, каждая часть своего «я», отдѣленная и изолированная, кажется, лишается способности дѣйствовать другъ на друга. Онъ чувствовалъ, какъ въ немъ происходило разногласіе дѣйствующей силы разума съ физическими органами. Онъ чувствовалъ уменьшеніе чувствительности тѣла, притупленіе осязанія и проявленіе неосмысленности въ поступкахъ.

Неразрѣшимая, горькая тайна сумасшествія состоитъ въ томъ, что почти никогда полный мракъ не застигаетъ идеи и не переноситъ ума въ міръ фантазій, уничтожая навсегда воспоминаніе объ утраченномъ разсудкѣ. У этихъ больныхъ умовъ проявляются возвраты, дни, проблески, у нѣкоторыхъ сохраняется даже увѣренность, ужасная увѣренность, что то, что наполняетъ ихъ голову и руководитъ ихъ поступками, — есть ложь, что то, чему они вѣрятъ, что они слышатъ, до чего дотрогиваются, что ѣдятъ, — все это страшная иллюзія, которая смѣется надъ ними! Она существуетъ, эта увѣренность, даже въ самомъ закоренѣломъ сумасшествіи; примѣромъ тому служатъ сумасшедшіе, которые, видя, какъ смѣются посѣтителі, желаютъ имъ никогда не сойти съ ума!

Но до этого, до той роковой минуты, когда болѣзнь неизлѣчима, когда безуміе только начинается, когда оно является только, какъ искушеніе, какъ преходящее облако, когда оно щекочетъ и ошущиваетъ отмѣченный имъ мозгъ, еще не отдавшійся во власть свинцовой руки, протянутой къ нему, кто расскажетъ тѣ муки, ту страшную, отчаянную борьбу ускользящей мысли, колеблющейся на краю пропасти, въ которой она исчезаетъ, охваченная ея міазмами, все еще борясь и цѣпляясь за послѣдніе проблески здравыхъ идей, какъ утопающій за соломенку. Кто опишетъ униженіе гордаго духа, пытку распадающагося разума? Вложите въ эти муки въ человека, гордаго своимъ умомъ, возложившаго на него все свои надежды, мечтавшаго регулировать его лихорадочную дѣятельность и быть обязаннымъ ему своей славой и безсмертіемъ своихъ идей. Пусть онъ ощутитъ между имъ и тѣмъ, что онъ хотѣлъ создать, — непроницаемый мракъ, пусть онъ ощутитъ, какъ ускользаетъ изъ его рукъ прошедшее и будущее его мысли, какъ уходитъ обломокъ за обломкомъ главный мыслительный органъ его существованія, какъ разбивается въ немъ гармонія нарождающагося міра, — и вы будете имѣть понятіе о мукахъ Шарля.

Онъ тоже пробовалъ упорствовать. И собравши въ одинъ день все свои силы и всю энергію, онъ сталъ бороться на свойственной ему почвѣ. Онъ бросился къ столу и принялся яростно работать: писать, писать безъ конца, съ быстротою неписываемыхъ страницъ и громко произнося безсвязныя слова; затѣмъ онъ уронилъ перо и, безсильный, какъ бы побѣжденный, снова сѣлъ въ свое кресло у камина и не хотѣлъ болѣе вставать.

XXXIII.

Вотъ одна изъ страницъ написанныхъ имъ:

«...Я находился въ огромной прачешной. То, что освѣщало ее, походило на яшмовый камень, прозрачный, какъ кристаллъ. Изъ чана выходило то очаровательное благоуханіе, которое оставила за собой Марія Магдалина, умирая. Вокругъ ангелы блѣдные и бѣлые, сіяющіе тихимъ свѣтомъ, подобно зимнему солнцу, въ одеждахъ блѣдно голубыхъ, бѣлыхъ и розовыхъ, ангелы съ золотыми крыльями стояли на колѣняхъ и обмывали души людей. И вальсъ въ ихъ божественныхъ рукахъ звучалъ такъ сладко, какъ голосъ арфы, и пѣлъ: аллилуйя! Другіе ангелы, наклонившись, развязывали корзины, полныя душъ болѣе или менѣе загрязненныхъ: одни были невинны и чисты, другія черны и запятнаны жизнью, какъ Неизвѣстный огненнымъ мечемъ св. Георгія. Еще другіе у входа съ лиліей, крестомъ или вѣткой зелени въ рукахъ, съ улыбкой безконечнаго Милосердія, принимали связи душъ и записывали ихъ въ лазуревую книгу, — книгу Жизни св. Іоанна. Бѣлыя лѣстницы возвышались до самаго свода, откуда юные ангелы, увѣнчанные маргаритками, взле

тали на небо просушивать души, развѣшенные парами, какъ чулки...»

Тутъ идея внезапно прерывалась и подписано было внизу страницы крупными буквами: Шарль Демальи, Шарль Демальи, Шарль Демальи, — какъ будто несчастный боялся, чтобъ его имя не ускользнуло у него изъ памяти.

XXXIV.

Уже нѣсколько дней Франциска замѣчала, что онъ встревоженъ. Онъ отталкивалъ нетерпѣливымъ жестомъ и, казалось, хотѣлъ прогнать что-то невидимое. Онъ двигался на креслѣ и подносилъ руки къ ушамъ. Франциска молча наблюдала за нимъ, какъ вдругъ у него вырвалось:

— Это невыносимо! Невыносимо!

— Это вы мнѣ говорите? спросила Франциска.

Шарль не отвѣчалъ и продолжалъ, немного спустя:

— Неправда... я вамъ говорю, что неправда... Вы лжете! О, этотъ женскій голосъ! Всегда!.. ты лжешь... лжешь!.. замолчи же! замолчи! Ты убиваешь меня!..

— Съ кѣмъ вы говорите?

— Те! слышишь-ли ты ихъ? Слышишь?

— Это огонь трещитъ въ каминѣ.

— Ну, вотъ теперь слышишь?

— Это вѣтеръ завываетъ на улицѣ.

— Ты глуха, бѣдняжка... Прислушайся! Ты услышишь женскій голосъ... Онъ какъ будто смѣется и все твердитъ мнѣ: сумасшедшій! сумасшедшій! сумасшедшій!

— Это вы забрали себѣ въ голову; вѣдь вы сами видите, что здѣсь никого нѣтъ кромѣ насъ двухъ...

— Молчи! вотъ онъ все тутъ, все болтунья: два мужскихъ голоса и еще тотъ, другой... Теперь ужъ ты не можешь сказать, что не слышишь?

— Да, сказала бѣдная женщина, серьезно испуганная, — я отворю имъ окно и когда они вздумаютъ вернуться, позовите меня, я ихъ прогоню...

Она помогла ему раздѣться и легла на креслѣ возлѣ его кровати. Утромъ, видя, что Шарль спитъ спокойно, она побѣжала за докторомъ, котораго указала ей привратница и привела его съ собою. Увидя доктора, Шарль вопросительно взглянулъ на Франциску, которая поспѣшила сказать:

— Я привела вамъ доктора, потому что у васъ была небольшая лихорадка ночью.

— Мнѣ не нужно ни доктора, ни... шпіона, сказалъ Шарль.

— Я вижу, возразилъ докторъ, — что ваша служанка встревожилась понапрасну. Позвольте мнѣ вашъ пульсъ, — отличный! Правда, я вамъ совсѣмъ не нуженъ. Честъ имѣю кланяться!

Иногда случается, что книга, пущенная въ ходъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, попавшая случайно въ руки публики и возбуждающая по большей части ненависть, зависть, тайную вражду, приобрѣтаетъ автору невѣдомо для него самого тайную связь, общеніе, симпатію въ сердцѣ какого-нибудь читателя, далекаго или близкаго, драгоценную дружбу, которой онъ вправѣ гордиться, скрытую преданность, которая высказывается при случаѣ. На долю книги Шарля выпала такая участь. Докторъ былъ однимъ изъ этихъ безвѣстныхъ друзей. На другой день, освѣдомившись у Франциски о симптомахъ болѣзни, онъ вернулся навѣстить Шарля. Онъ сказалъ ему тотчасъ же, что пришелъ не освѣдомиться о его здоровьи, такъ какъ онъ не былъ боленъ, а высказать ему свое удовольствіе, что познакомился съ авторомъ, котораго онъ любилъ, не зная, и началъ говорить ему о его книгѣ, какъ человѣкъ, перечитавшій ее нѣсколько разъ.

— Ахъ да, сказалъ Шарль: — моя книга: «Буржуазія»... Я писалъ ее, когда былъ очень молодъ. Еслибъ вы прочли то, что я хотѣлъ написать впоследствии...

— Меня удивляетъ одно въ вашей книгѣ, прервалъ докторъ: — ваши типы какъ будто сняты съ натуры и какой бы вы ни были тонкій наблюдатель, мнѣ кажется, очень трудно...

— Ахъ видите-ли, у меня было нѣчто въ родѣ откровенія...

— Какъ будто внутренній голосъ подсказывалъ вамъ, что писать? прервалъ докторъ, наирая на словѣ голосъ.

— Да, голосъ, именно голосъ, но тотъ голосъ раздавался въ мозгу, а не въ ушахъ, какъ теперь...

— Въ самомъ дѣлѣ, вы слышите голоса... Это очень любопытно. Мнимые голоса.

— Нѣтъ настоящіе.

— Этими голосами говорятъ люди?

— Люди?.. не знаю... я ихъ не вижу.

— Странно! И вы въ этомъ увѣрены?

— Постойте... да! выслушайте хорошенько, — меня преслѣдуютъ три голоса: одинъ нервный, бѣшенный, голосъ молодого человѣка; затѣмъ тонкій, женскій голосъ и громкій, нахальный басъ. Они говорятъ не всегда и не все вдругъ, но тонкій, женскій голосъ раздается всегда. Я говорю съ ними, прошу ихъ уйдти, предлагаю имъ денегъ: они не умоляютъ.

— Помилуйте! да вы меня мистификуете! заговорилъ докторъ, желая задѣть самолюбіе Шарля и заставить его высказаться полнѣе: — Вы понимаете, что все то, что вы мнѣ рассказываете — невозможно!.. Голоса? Какимъ образомъ вы хотите...

— Невозможно?.. Развѣ есть что-нибудь невозможное въ наше время для науки? Все открытія кажутся невозможными: дагеротипъ, электрическій телеграфъ, все!.. И притомъ, еслибъ это было мое воображеніе, еслибъ голоса были не настоящіе, — вы бы назвали меня также, какъ они меня называютъ...

— А какъ они васъ называютъ?

— Это до васъ не касается...

И Шарль, понизивъ голосъ, продолжалъ:

— Они называютъ меня... но это неправда... У меня только разстроена голова, потому что со мной случилось... очень многое... Но вы можете спросить у женщины, которая живетъ со мной, она вамъ скажетъ, я спокоенъ, я не дѣлаю никакихъ безумствъ... Идей у меня много въ безпорядкѣ... да, немного... Мнѣ трудно собрать мысли, припомнить, но я все-таки припоминаю. И я не знаю почему, голоса называютъ меня сумасшедшимъ; я совсѣмъ не то, совсѣмъ не то... Не правда-ли?

XXXV.

Докторъ, призванный къ Шарлю, принадлежалъ къ числу тѣхъ врачей, уже многочисленныхъ, которые примѣняютъ къ нравственной болѣзни нравственное лѣченіе. Побороть болѣзнь довѣрчивымъ и кроткимъ обращеніемъ, дружескими и снисходительными разсужденіями, не покируя вначалѣ больного въ его иллюзіяхъ, собрать и припомнить ему все, что еще остается у него здравыхъ проблесковъ и непоколебленныхъ истинъ, пробовать задѣть его самолюбіе, стараться довести его до сознанія его умственного разстройства, дѣйствовать на физическій темпераментъ успокоивающими средствами: теплыми ваннами, горчичниками и въ случаѣ нужды пиявками, — такова была метода лѣченія этого доктора. Притомъ въ этой иллюзіи слуха онъ видѣлъ признакъ помѣшательства не очень опасный, — преходящее безуміе, временную безпорядочность идей вслѣдствіе сильнаго потрясенія, и надѣялся, что время, возвратъ къ прежней жизни и привычкамъ, переменѣ мѣста, мо-

гутъ радикально вылѣчить Шарля. Онъ окружилъ его самыми заботливыми попеченіями и, тихо лелѣя его разными проектами, старался подвигнуть его на путешествіе по Италіи, отыскивая уже ему между госпитальными ассистентами веселаго и пріятнаго спутника.

Шарлю становилось лучше. Но сумасшествіе — страшная болѣзнь, полная противорѣчій. У нея нѣтъ правильнаго хода. На нее дѣйствуетъ самый незначущій случай: промелькнувшее лицо, случайное воспоминаніе, физическое нездоровье, переменѣ погоды, — тысячи электричествъ, неуловимыхъ для науки. Внезапно, безъ всякой причины, въ Шарлѣ произошла переменѣ къ худшему. Голоса вернулись еще настойчивѣе, еще мучительнѣе. Шарль не хотѣлъ отвѣчать ни на что. Только по временамъ вспыхивавшій румянецъ доказывалъ, что онъ понималъ то, что ему говорили докторъ и Франциска. Онъ смотрѣлъ вдаль расширеннымъ, пристальнымъ взглядомъ, съ выраженіемъ безконечнаго ужаса. И впродолженіи цѣлаго дня, оперевшись локтями на колѣна, прижимая одну руку къ груди, другою поддерживая полузапрокинутую голову, съ лицомъ, искаженнымъ мучительными конвульсіями, вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ, неподвижный и дрожащій, онъ походилъ на статую Страха, который прислушивается. Увы, онъ достигъ того грустнаго періода безумія, когда безсознательная воля, охваченная отчаяніемъ, уступаетъ суровымъ выходамъ ложнаго принципа: онъ дошелъ до маніи самоубійства! Уже два или три раза, глядя на облака, несущіяся по небу, призывая ихъ, прося захватить его съ собою, онъ пробовалъ перелѣзть черезъ окно, но былъ остановленъ во время. Эти инстинктивные порыванія къ смерти вскорѣ смѣнились обдуманными планами самоубійства, не ускользнувшими отъ вниманія доктора.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Волкъ.

Романъ Эрикмана-Шатріана. Переводъ М. Минуть.

(Продолженіе.)

Глава XI.

Блѣдность Спервера и его блистающіе глаза говорили о новыхъ событіяхъ, но онъ былъ спокоенъ и не казался удивленнымъ своимъ присутствіемъ у Кланвурста.

— Фрицъ, сказалъ онъ мнѣ отрывисто, — я искалъ тебя.

Я молча всталъ и пошелъ за нимъ. Едва мы вышли за порогъ, онъ взялъ меня за руку и быстро увлекъ къ замку.

— Графиня хочетъ говорить съ тобой, шепнулъ онъ.

— Графиня!.. не больна ли она?

— Нѣтъ, она оправилась; но у насъ что-то неладно. Представь себѣ, ночью я вижу, что графъ кончается, всталъ, чтобы пойдти и доложить графинѣ; но когда я подошелъ къ ея дверямъ, у меня не хватило духу: «Къ чему огорчать ее, подумалъ я, будить ее ночью, такую слабую; это можетъ убить ее! Минуть десять я раздумывалъ, наконецъ, берущую ответственность на себя, возвращаюсь въ комнату графа, смотрю... никого нѣтъ! Что за чудо, человѣкъ въ агоніи! Бѣгу, какъ сумасшедшій, въ коридоръ. Никого. Я въ большую галерею — никого! Тутъ я потерялъ голову и бросился къ графинѣ, я постучалъ, она прибѣжала: Что, батюшка умеръ? — Нѣтъ. — Исчезъ? — Да, графиня... — А гдѣ докторъ? — Въ башнѣ Гуго. — Въ башнѣ Гуго? Она схватила мантилью, закуталась, взяла лампу и вышла, я остался. Черезъ четверть часа она пришла, вся въ снѣгу и блѣдная такая, что меня жалость взяла. Она поставила лампу на каминъ и спросила: — Это вы устроили доктора въ башнѣ? — Я графиня

ня. — Несчастный, вы не знаете, сколько вы на-
дѣлали зла. Я хотѣлъ отвѣчать. — Довольно, за-
прите все двери и ложитесь. Я сама буду сидѣть.
Завтра утромъ зайдите за докторомъ къ Кнан-
вурсту и приведите его ко мнѣ. И молчите, какъ
будто вы ничего не знаете и не видѣли!

— Это все, Сперверъ?

Онъ наклонилъ голову.

— А графъ.

— Онъ вернулся... ему лучше.

Мы пришли, Гедеонъ тихо постучалъ, потомъ
отворилъ дверь и доложилъ: «Докторъ Фрицъ»!

Я вошелъ и очутился лицомъ къ лицу съ гра-
финей. Сперверъ вышелъ и заперъ дверь. Стран-
ное впечатлѣніе произвела на меня графиня.
Блѣдная, она опиралась рукой на спинку кресла,
глаза лихорадочно блистали, на ней было черное
бархатное платье. Она была спокойна и горда.

Я былъ тронутъ.

— Докторъ, сказала она, приглашая меня
сѣсть, — мнѣ надо серьезно поговорить съ вами.

Я молча повиновался. Она тоже сѣла
и, казалось, сбиралась съ духомъ.

— Судьба, докторъ, начала она, устре-
мивъ на меня свои большіе голубые гла-
за, — судьба или Провидѣніе, еще не знаю,
которое изъ двухъ допустило васъ быть
свидѣтелемъ тайны, въ которой замѣшана
честь нашей фамиліи.

Она знала все. Я былъ пораженъ.

— Графиня, пробормоталъ я, — вѣрьте,
что только случай...

— Это бесполезно, сказала она, — я знаю
все... Это ужасно!

Потомъ она воскликнула голосомъ раз-
диравшимъ сердце:

— Мой отецъ не виновенъ!

Я задрожалъ и протянулъ руки:

— Знаю, графиня, я знаю всю жизнь
графа, честнѣйшую, благороднѣйшую, о
какой только можно себя вообразить.

Одиль привстала, какъ бы для того, что-
бы опровергнуть всякую мысль, оскорби-
тельную для ея отца. Но услышавъ, какъ
я защищаю ея отца, она опустила въ
кресло и, закрывъ лицо руками, залилась
слезами.

— Благослови васъ Богъ, докторъ, про-
шептала она, — я бы умерла при одной
мысли, что подозрѣніе...

— Ахъ, графиня, кто можетъ прини-
мать за серьезное игру разстроеннаго во-
ображенія?

— Это правда, я говорила все это се-
бѣ, но наружность противъ него... и я
боялась, простите меня... Я должна была
помнить, что докторъ Фрицъ честный че-
ловѣкъ.

— Ради Бога, графиня, успокойтесь.

— Нѣтъ, дайте мнѣ поплакать. Слезы меня
облегчаютъ... Уже десять лѣтъ, какъ я страдаю,
такъ страдаю! Эта тайна, она меня убивала... я
бы и умерла отъ нея, какъ моя мать!.. Богъ сжа-
лился надо мною... Онъ возложилъ половину
тяжести на васъ... Я все вамъ расскажу!

Однакожь она не могла продолжать, ее души-
ли рыданія.

Наконецъ, она подняла голову, вытерла щеки,
омоченныя слезами и, облокотясь на ручку кре-
сла и смотря на висѣвшій передъ нею портретъ,
она сказала тихо и грустно!

— Когда я обращаюсь къ прошлому, докторъ
когда я обращаюсь къ первымъ моимъ грезамъ,
я вспоминаю мою мать! Она была высокаго ро-
ста, блѣдная и молчаливая. Въ то время, о кото-
ромъ я говорю, она была еще молода, ей было
едва тридцать лѣтъ, а между тѣмъ ей можно
было дать пятьдесятъ! Волосы у нея были сѣдые,
щеки впалыя, строгій профиль, на губахъ не-

чальная улыбка, — все это производило тяжелое
впечатлѣніе, не то печали, не то гордости. Ни-
чего не было молодого въ этой тридцатилѣтней
старухѣ, кромѣ прямой и гордой осанки, блестя-
щихъ глазъ и милой, почти дѣтской улыбки. Она
часто по цѣлымъ часамъ ходила по этой самой
залѣ, склонивъ голову; а я, счастливая, увива-
лась возлѣ нея, не зная горести моей блѣдой
матери, не понимая глубокой грусти, проведеншей
морщины на ея лбу!.. Прошлаго я не знала, на-
стоящее было для меня радостно, а будущее...
о, будущее улыбалось мнѣ!

Одиль горько усмѣхнулась и продолжала:

— Иногда мнѣ случалось въ моихъ шумныхъ
играхъ мѣшать молчаливой прогулкѣ моей ма-
тери. Она останавливалась, опускала глаза и,
видя меня у своихъ ногъ, медленно наклонялась
и цѣловала меня въ лобъ съ слабой улыбкой;
потомъ продолжала свою печальную прерванную
прогулку. Съ тѣхъ поръ, докторъ, когда я вспо-
минаю первые годы моего дѣтства, высокая блѣд-

(Къ роману «Волкъ».) Серверъ погонялъ лошадь...

ная женщина представляется мнѣ, какъ живое
изображеніе грусти. Вотъ она такова, какой ее
сдѣлали не болѣзнь, какъ думаетъ мой отецъ,
но эта страшная и гибельная тайна... Смотрите!

Я обернулся и увидѣлъ портретъ, который
мнѣ указывала молодая дѣвушка, я вздрогнулъ.
Представьте себѣ лицо, блѣдное, длинное, худое,
съ рѣзкимъ отпечаткомъ смерти, съ большими
черными глазами, пронзательными, пылкими, съ
ужасной жизненностью.

Мы немного помолчали. «Какъ эта женщина
много страдала», подумалъ я и мое сердце бо-
лѣзненно сжалось.

— Не знаю, какимъ образомъ моя мать сдѣ-
лала это ужасное открытіе, продолжала Одиль, —
но она знала о таинственномъ притяженіи Чумы,
о свиданіяхъ въ башнѣ Гуго... Все, все! Она не
сомнѣвалась въ моемъ отцѣ. О, нѣтъ, только она
медленно умирала, какъ теперь умираю я!

Я закрылъ лицо руками, я плакалъ.

— Однажды, ночью, продолжала она, — мнѣ
было тогда десять лѣтъ, — моя мать была очень

плоха. Это было зимой, я спала. Вдругъ меня
схватила холодная дрожащая рука; я открыла
глаза, возлѣ меня стояла женщина, въ одной
рукѣ она держала факель, другой стиснула мнѣ
руку. Ея платье было покрыто снѣгомъ; члены
конвульсивно дрожали, глаза горѣли мрачнымъ
огнемъ, сѣдые волосы растрепались — это была
моя мать! «Одиль, дитя мое, вставай, одѣнься,
ты должна знать все!» Я одѣлась, дрожа отъ
страха. Тогда она привела меня въ башню Гуго
и показала открытый водоемъ. «Отецъ твой вый-
детъ отсюда, онъ выйдетъ съ волчицей, не бойся,
онъ не можетъ тебя увидѣть». Дѣйствительно,
мой отецъ съ своей зловѣщей пошей вышелъ
вмѣстѣ со старухой. Моя мать, схвативъ меня
за руку, слѣдовала за ними. Она показала мнѣ
сцену въ Альтенбергѣ. «Смотри, сказала она мнѣ,
такъ надо, ибо я умираю... Храни эту тайну и
наблюдай и береги твоего отца одна, слышишь?..
Дѣло идетъ о чести фамиліи!» Мы вернулись.
Двѣ недѣли спустя умерла моя мать, заклиная
меня слѣдовать ея примѣру. Я такъ и дѣ-
лала. И какой цѣной! Вы видѣли, мнѣ при-
ходится огорчать отца, ослушаться его! Выйди
замужъ мнѣ, это значить ввести чужого въ нашу
семью, выдать тайну нашего рода. Я отказалась.
Никто въ замкѣ не подозрѣваетъ сомнамбулизма графа и,
не будь вчерашняго припадка, который ли-
шилъ меня силъ смотрѣть за нимъ самой, до
сихъ поръ никто бы ничего не зналъ! Богъ рѣшилъ
иначе — онъ отдалъ въ ваши руки тайну нашей
фамиліи. Я могла бы взять съ васъ торжественное
обѣщаніе никогда не открывать никому того, что вы
видѣли сегодня ночью. Я была бы вправѣ...

— Графиня, вскричалъ я, — я готовъ...

— Нѣтъ, докторъ, сказала она съ до-
стоинствомъ, — я не нанесу вамъ этой оби-
ды. Клятва не обязываетъ дурныхъ людей,
а честный человѣкъ всегда будетъ честенъ.
Вы сохраните эту тайну, я увѣрена, по-
тому что это вашъ долгъ... Я жду большаго
отъ васъ, докторъ, и вотъ почему я со-
чла себя обязанной сказать вамъ все это.
— Она медленно встала.

— Докторъ Фрицъ, сказала она голо-
сомъ, отъ котораго я вздрогнулъ, — мои
силы не соразмѣрны съ моимъ муже-
ствомъ. Я падаю подъ этой тягостной
ношей. Я нуждаюсь въ помощи, въ совѣ-
тѣ друга, хотите-ли быть моимъ другомъ?
Я всталъ въ волненіи.

— Графиня, я принимаю съ благодар-
ностью ваше предложеніе и не умѣю пере-
дать, вамъ, какъ я горжусь имъ, но поз-
вольте мнѣ сдѣлать нѣкоторое условіе.

— Говорите, докторъ.

— Я принимаю вашу дружбу со всеми обя-
зательствами, которыя она налагаетъ.

— Что вы хотите сказать?

— Тайна тяготеетъ надъ вашей фамиліей.
Надо во что бы то ни стало проникнуть въ нее,
надо овладѣть Чумой, узнать, кто она, чего она
хочетъ, откуда она?

— О, сказала Одиль, качая головой, — это не-
возможно!

— Почему знать, быть можетъ, Провидѣніе,
внушивъ Сперверу мысль — привезти меня изъ
Фрибурга, возложило на меня это дѣло.

— Вы правы, докторъ, сказала она серьезно, —
Провидѣніе не даромъ послало васъ сюда. Дѣй-
ствуйте, какъ укажетъ вамъ ваше сердце. Я за-
рапѣ на все согласна.

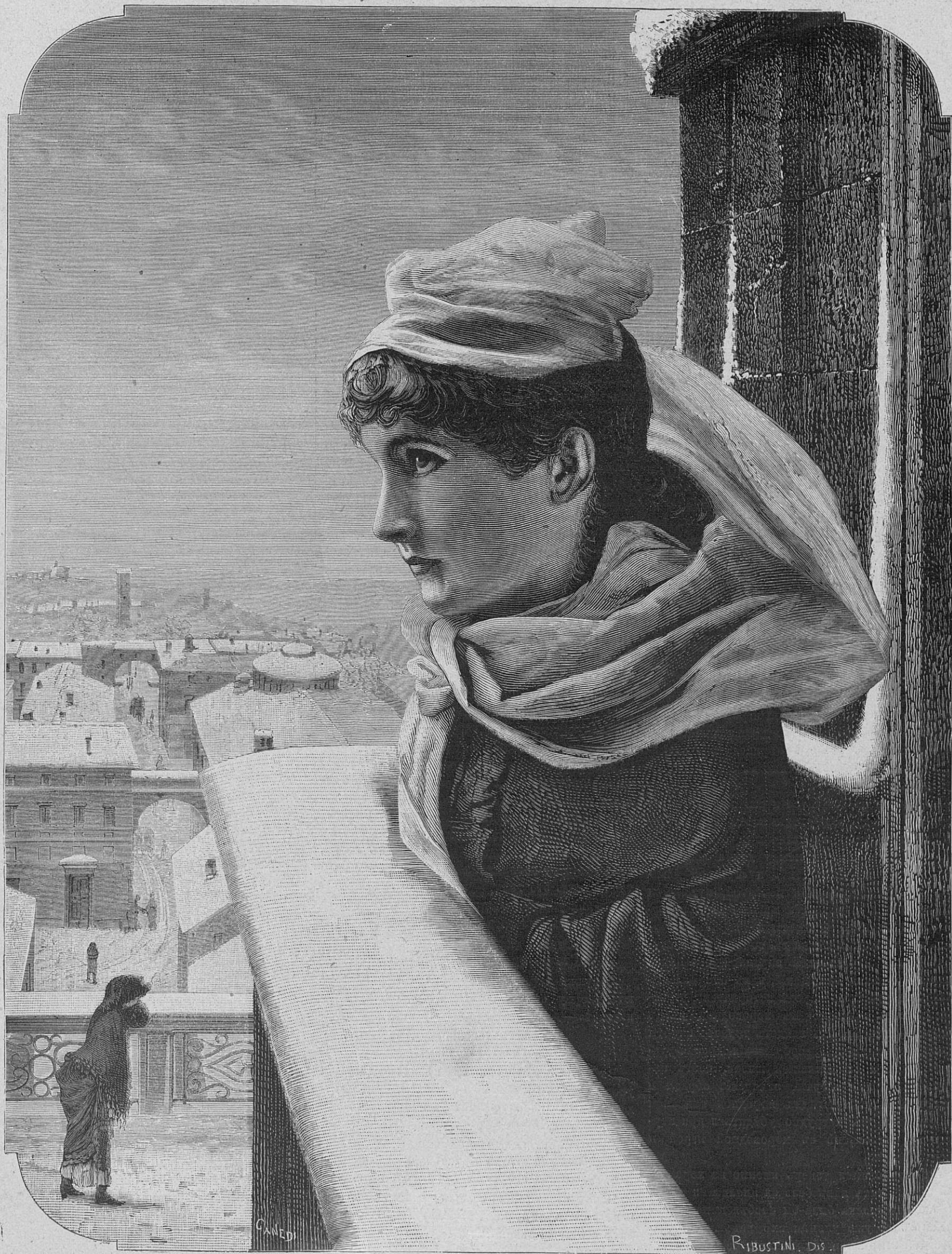
Я поднесъ къ губамъ протянутую мнѣ руку и
вышелъ, восхищаясь этой нѣжной молодой дѣвуш-
кой и такой твердой въ несчастіи. Ничего нѣтъ
доблестнѣе благородно выполненной обязанности.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА РИБУСТИНИ.

Первый снѣгъ.

Рѣзано на деревѣ во Флоренціи.

* * * Стих. Дмитрія Черткова.

Моря житейскаго шумныя волны,
Полны страданія, горести полны,
Полны глубокаго горя.
Слышится вздохъ, рыданія людскія,
Слезы, мученья, печали мірскія
Въ шумѣ житейскаго моря
Много погибло въ глубокой пучинѣ
Душъ непокорныхъ въ страданьяхъ, въ кручинѣ
Жертвъ безопаднаго горя,
Долго боровшихся съ моремъ безбрежнымъ,
Съ моремъ житейскимъ, глубокимъ, мятежнымъ,
Съ бурей злобною споря.

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки Вл. Михневича.

(Продолженіе.)

V.

(Хороводъ, какъ отраженіе быта.—Анализъ хороводной пѣсни.—Метафорическій языкъ въ поэтизированиі любви и ея агентовъ).

Движеніе хоровода, его сценическая игра и пляска всегда строго согласуются съ содержаніемъ сопровождающей его пѣсни—съ развитіемъ ея драматической сущности. Народное творчество въ этомъ отношеніи представляетъ ту цѣлостность и ту естественную гармонию во взаимодействіи основныхъ элементовъ лирической драмы, которыхъ такъ тщетно стараются достигнуть, напр., современные творцы музыки «будущаго...»

Хороводныхъ русскихъ пѣсень безчисленное множество, какъ много ихъ и у другихъ славянскихъ племенъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что хороводъ вообще какъ игрище всего употребительнѣе и всего развитѣе у великоруссовъ. Въ Малороссіи, напр., какъ это мы могли заключить по многимъ личнымъ наблюденіямъ, сельская молодежь любитъ собираться въ кучу—на «вечерницахъ»-ли, или въ теплое время года гдѣ-нибудь подъ вербами, у воды—любитъ тѣшиться хоровыми пѣснями, плясками и «жартами», но стройной хороводной игрою рѣдко увеселяется. Въ нѣкоторыхъ-же деревняхъ (полтавской губ.) намъ вовсе не приводилось встрѣчать хороводы, столь обычные въ жизни великорусскихъ крестьянъ.

Не смотря на богатство и разнообразіе хороводныхъ пѣсень, содержаніе всѣхъ ихъ исчерпывается любовью и различными отношеніями изъ нея вытекающими между двумя ладами—«между удалымъ молодцемъ» и «красной дѣвицей», между женихомъ и невѣстой, мужемъ и женою, и т. д. Отождествляя какъ-бы культъ половой любви и ея поэтическія стороны, хороводъ и хороводная пѣсня въ то-же время служатъ яркой неувядаемой картиной семейнаго быта и брачныхъ отношеній, какъ они складывались въ русскомъ народѣ исторически, съ незапамятныхъ временъ. Въ хороводной пѣснѣ историкъ-бытописатель найдетъ типичныя черты и живыя краски для изображенія древне-русской семьи и ея домашней жизни, поэтъ подчеркнетъ въ ней могучіе, эпические образы и психическіе элементы для народной семейной драмы. Въ этомъ нетрудно убѣдиться при первомъ-же знакомствѣ съ хороводной игрой и пѣснью.

Мы остановимся теперь именно на хороводной пѣснѣ, такъ какъ безъ ея анализа и сама хороводная пляска была-бы необъяснима.

Какъ было уже упоминаемо раньше, въ хороводной игрѣ живо сохранились черты доисторическихъ формъ половыхъ отношеній, отчасти давно забытыхъ, а отчасти дискредитированныхъ въ понятіяхъ народа христіанской нравственностью. Но то, что не допускается или осуж-

дается въ жизни, на практикѣ—въ хороводной игрѣ—является символически съ полной неприкрытостью. Пѣсня-же хороводная идетъ еще дальше мимики и игры, въ изображеніи различныхъ актовъ сближенія половъ и развитія любовной страсти. Извѣстно, что нѣкоторыя наши народныя пѣсни (не говоря ужъ о фабрично-солдатскихъ новѣйшей формации) доходятъ въ реализмѣ своихъ картинъ и характеристикъ до такой откровенности, какая немислима въ цивилизованномъ обществѣ.

Тѣмъ не менѣе, свѣжесть и бьющая жизненной правдой поэтичность хороводной пѣсни, богатство въ ней картинныхъ метафоръ и уподобленій, изумляющихъ необыкновенной мѣткостью и красотой, при эпическомъ спокойствіи и наивной объективности повѣствованія, ни съ чѣмъ несравнимы.

Нѣкоторыя наши хороводныя пѣсни сохранили отпечатокъ далекой языческой эпохи, какъ это можно заключить уже по употребительному во многихъ изъ нихъ призыву, напоминающему поклоненіе языческимъ божествамъ, напимѣръ: «Ладо мое, ладо!»; «Ой, Дидь-Ладо!»; «Ой, Диди, калина моя! Ой, Ладо, малина моя!» и проч. Тотъ-же отпечатокъ сохранился и въ содержаніи многихъ хороводныхъ пѣсень, о чемъ мы уже упоминали.

Такъ какъ нашъ хороводъ, продуктъ земледѣльческаго быта, начинается весною, приурочиваясь къ разцвѣту животворныхъ силъ природы и отчасти олицетворяя его, то въ большинствѣ хороводныхъ пѣсень—въ ихъ складѣ, напѣвѣ и содержаніи,—ощутительно чувствуется ароматъ цвѣтущихъ садовъ, дубравъ и полей, слышится мелодическій щебетъ птицъ, журчанье вешнихъ водъ и среди ликующей природы раздаются рожокъ пастуха, звенящій ударъ косы или серпа пахаря на колосистой нивѣ. Эти картинки, такъ ярко и живо рисующія русскую природу, не составляютъ, однако, сущности хороводной пѣсни. Онѣ представляютъ собою въ ней не болѣе того, что въ какомъ-нибудь древнемъ манускриптѣ или въ изящномъ печатномъ изданіи представляетъ ландшафтная виньетка къ начальной буквѣ текста. Притомъ, по свойству народнаго творчества, эти виньетки въ хороводной пѣснѣ имѣютъ исключительно метафорическое значеніе—для болѣе образнаго представленія даннаго положенія человѣческой личности и ея внутренней жизни.

Эти уподобленія явленіямъ и живымъ силамъ природы всегда входятъ въ приступъ пѣсни. Вотъ дѣвушки собираются на хороводъ и пѣсня уподобляется это тому,

«Какъ на улицѣ дождикъ накрапываетъ...»

Собрались, сплелись руками—

«Стоять дѣвушки въ кругу,

Стоять красныя въ кругу!»

Дѣвушки «красныя» въ хороводѣ напоминаютъ творцу пѣсни цвѣтущій пуццовый «макъ на горѣ»—

«Маки маковочки,
Золотыя головочки!»

Въ иныхъ хороводныхъ пѣсняхъ дѣвушки уподобляются «наливнымъ яблочкамъ», либо ягодамъ на «кудрявой рябинѣ», на вѣточкахъ которой—

«Первая ягодка Аннушка,
Вторая ягодка Катенька,
Третья ягодка Машенька» и т. д.

Начинается хороводъ, раздается пѣсня и—вся «улица заиграла»... Выступаетъ на сцену его душа-дѣвица:

«Вотъ она идетъ, будто пава плыветъ,
Рѣчи ведетъ, будто лебедь поетъ...»

Если начнется пляска, съ минуты на минуту оживляясь и переходя въ отчетистый трепакъ,

пѣсня выговаривается, въ видѣ шутливаго поощренія:

«Зайнька поскачи!
Сѣренькой попляши!
Кружкомъ, бочкомъ повернись!»

Въ другой пѣснѣ пляска уподобляется «присѣданію стараго воробушка» или «чижика-пыжика»—тоже большихъ мастеровъ и охотниковъ выдѣлывать колѣнца.

Борьба половъ и умыканье дѣвицы образно рисуется въ пѣснѣ, представляющей «сѣнье проса», которое противная сторона грозитъ «вытоптать». Это обломокъ очень древней эпохи; позднѣйшая, болѣе гражданственная форма «жениханья» изображается въ хороводной пѣснѣ такимъ образомъ.

«Какъ изъ улицы идетъ молодець,

Изъ другой идетъ красна дѣвица...»

Встрѣча ихъ будетъ сердечная, роковая. Оба они молоды, статны, красивы. Онъ идетъ—не то «соколъ по небу летитъ», не то—

«Селезень—сизъ голубчикъ, селезень

Вдоль по рѣчкѣ плыветъ»,

гонится за «утицей, за сѣренькой»:

«Поди, утица, домой,

Поди, сѣрая, домой!»

Еще поэтичнѣе изображаетъ эту встрѣчу молодца съ дѣвицей другая пѣсня, въ которой «лебедь бѣлая» по морю плыветъ:

«Плывши лебедь, вышла на берегъ,—

Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ,

Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую,

Онъ кровь пустил по снѣгу морю...»

Страшно встрѣтиться съ соколомъ молодой лебедушкѣ, но мятежное «ретивое» проситъ этой встрѣчи, высоко вздымается молодая грудь, взволнованная пылающей кровью, страстныя желанія не даютъ покою. И вотъ дѣвица поетъ:

«Я пойду съ горя молоденька во зеленъ садъ гулять,

Обернуся я, повернуся я бѣлой лебедью;

Ужъ я стану-ли выкликати ясна соколочка:

Ты, ау, ау, соколочекъ, ау, миленькій дружокъ!»

Въ другой пѣснѣ тоскующая по «суженому» дѣвушка сѣетъ ленъ:

«Уродился бѣлъ ленъ,

И тонокъ, и дологъ,

Бѣлъ волокнисть.

Сталъ ленъ поспѣвать,

А я млада горевати:

Съ кѣмъ-то мнѣ ленъ брати?»

Въ такомъ же жуткомъ положеніи созрѣвшей дѣвицей красоты, такъ граціозно уподобленной здѣсь «поспѣвшему» льну, «бѣлому и волокнистому», ищущая отзыва одиноко ноющему сердцу Ладушка, въ иномъ случаѣ, идетъ «во зеленый садъ гулять». Тамъ—поетъ она—

«Поищу я молодого соловья.

Соловей ты мой, батюшка!

Ты скажи, мой младъ соловей:

Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?..»

Соловей ничего утѣшительнаго на этотъ щекотливый вопросъ не отвѣчаетъ. Конечно, дѣвицамъ «нѣтъ воли гулять» ни въ какомъ случаѣ, а которая загуляетъ, такъ про ту не хорошія рѣчи пойдутъ. Былъ, напр., у одной

«Душечки, красной дѣвицы

Зеленъ огородецъ,

Новый, новый огородецъ,

Чистой частоколецъ.»

Но вдругъ, по несчастію, случилось, что

«Подъ тотъ-ли частоколецъ.

Ручеекъ протекъ:

Покатился частоколецъ,

Повалился частоколецъ,

Къ землѣ приклонился...»

Это значило, что къ дѣвицѣ—

«Три дружечка

Проложили три слѣдочка»,

да сами же о томъ и разболтали «небылыя рѣчи».

Въ подобномъ же грустно-романическомъ случаѣ красная дѣвица не поостереглась —

«Позабыла, млада, зеленъ садъ затворить.

Прилетѣлъ попутай винограду щипать»
и, разумѣется, надѣлала бѣды...

Такими, всегда мѣткими, нерѣдко юмористическими, образными уподобленіями, взятыми изъ окружающей природы и дѣйствительности, блестятъ всѣ истинно-народныя пѣсни и въ томъ числѣ хороводныя.

Въ хороводныхъ эти картинныя метафоры имѣютъ исключительное значеніе — охарактеризовать личность женщины, преимущественно, какъ дѣвушки и невѣсты, любовную страсть въ разцвѣтѣ молодости и различныя, вытекающія изъ нея, то тихія и радостныя, то бурныя и драматическія положенія для дѣйствующихъ лицъ. Все это рельефно отражаетъ въ себѣ сложившіяся въ народѣ поэтическія воззрѣнія на внутренній міръ человѣческаго сердца въ дѣлѣ любовныхъ отношеній.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ міра русскаго искусства.

Диллетанта.

(Окончаніе.)

Федоръ Александровичъ Васильевъ.

Во всякомъ случаѣ, при значительномъ поэтическомъ отбѣнкѣ композицій и эскизовъ Васильева того времени, — чувствуется нѣкоторое однообразие мотивовъ и недостатокъ въ изученіи природы. Петербургская природа бѣдна, однообразна, покрыта точно сѣрою дымкою, въ которой тонетъ и какъ бы линяетъ колоритъ, безъ яркихъ переливовъ свѣта и тѣни; она не живописна и во всякомъ случаѣ не можетъ быть школою для пейзажиста. Этими я вовсе не хочу сказать, что одна лишь южная, блестящая природа можетъ быть предметомъ пейзажной живописи; нисколько, — классическій пейзажъ первой половины настоящаго столѣтія, пейзажъ, напр., Леопольда Робера, кажется въ наше время условнымъ и даже бѣднымъ по содержанію; но какъ школа, южная природа необходима для начинающаго пейзажиста: она прежде всего приучаетъ его видѣть такіе отбѣнки въ колоритѣ и линіяхъ, которые трудно уловимы въ сѣверной природѣ вообще, (за исключеніемъ зимнихъ, снѣговыхъ эффектовъ), а въ петербургской природѣ, по моему мнѣнію, и совершенно отсутствуютъ. Поэтому, не боясь ошибиться, можно сказать, что въ петербургскомъ пейзажистѣ (т. е. такомъ, который изучилъ природу только въ окрестностяхъ Петербурга) прежде всего страдаетъ колоритъ, — онъ также сѣръ, безжизненъ, мраченъ, какъ и петербургская погода осенью.

Эту потребность другой природы, болѣе богатой и разнообразной, несомнѣнно, чувствовалъ и молодой Васильевъ. И вотъ уже въ 1870 году онъ совершаетъ поѣздку по Волгѣ вмѣстѣ съ Рѣпинымъ и Макаровымъ, поѣздку, которая сразу открыла передъ нимъ новый источникъ поэческаго вдохновенія и, несомнѣнно, значительно подвинула его въ изученіи природы. Зимой того же года онъ написалъ свою «Оттепель», — первый, болѣе или менѣе серьезно задуманный и написанный пейзажъ, — пейзажъ, который съ избыткомъ оправдалъ надежды его петербургскихъ друзей. Въ слѣдующемъ году, лѣтомъ, по предложенію графа Строгонова, председателя общества поощренія художниковъ, Васильевъ отправился въ его имѣнія въ харьковскую и тамбовскую губерніи и проработалъ тамъ цѣлое лѣто. Къ этому времени, какъ ка-

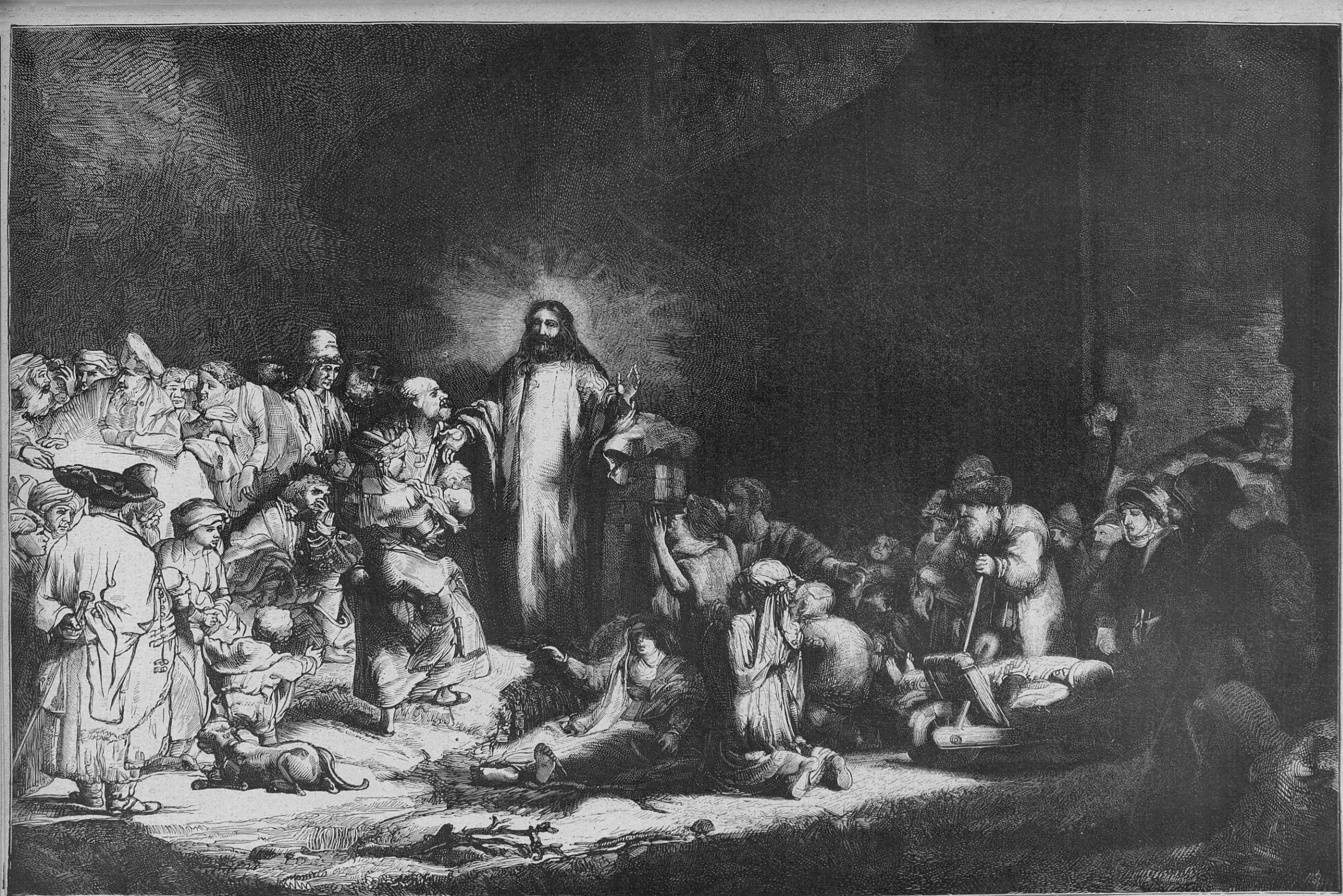
жется, принадлежитъ прелестнѣйшій его эскизъ масляными красками (купленный, если не ошибаюсь, г. Нецвѣтаевымъ), изображающій заброшенную мельницу и высохшій ручей. Изъ картинъ того времени нельзя также пройти молчаніемъ «Волжскій видъ»: барки перевозятъ свѣжее сѣно, а также «Зиму», написанную, если не ошибаюсь, на конкурсѣ общества поощренія художниковъ и получившую первую премію. Не смотря на нѣкоторые недостатки въ техникѣ, въ этихъ картинахъ вполне опредѣлился характеръ таланта Васильева, заключавшійся, по преимуществу, въ томъ, что Васильевъ вносилъ въ пейзажъ лирическій элементъ, если подѣ лирикой понимать выраженіе субъективнаго чувства. Онъ въ то же время и колористъ, но колористъ, не жертвующій рисункомъ для эффектовъ, какъ это дѣлаютъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто наши наиболѣе талантливыя, современныя пейзажисты. Г. Клеверъ, напр., несомнѣнно, обладаетъ чувствомъ колорита, или, вѣрнѣе, гоняется за рѣзкими эффектами свѣта, пользуясь ими по временамъ очень искусно, но увы! эти эффекты регулярно повторяются въ каждой новой его картинѣ, всегда одинаковы и придаютъ всегда одинъ и тотъ же характеръ пейзажу; кажется, что г. Клеверъ взялъ своею специальностью зимній пейзажъ, съ оголенными отъ листьевъ деревьями, съ освѣщеніемъ верхушекъ этихъ деревьевъ красными лучами заходящаго солнца. Ради этого единственнаго эффекта, г. Клеверъ жертвуетъ всѣмъ остальнымъ: онъ небрежно относится къ рисунку и даже къ колориту во всемъ томъ, что не относится собственно къ краснымъ лучамъ заходящаго солнца.

У Васильева какъ разъ на оборотъ: рисунокъ для него также важенъ, какъ и освѣщеніе; онъ вездѣ ищетъ гармоніи линій съ цвѣтами и иногда разрѣшаетъ задачу чрезвычайно счастливо, въ особенности въ крымскихъ пейзажахъ, когда южная природа познакомила его съ безконечнымъ разнообразіемъ формъ и безпрестанными переливами свѣта. Оставшіеся послѣ него альбомы (въ особенности альбомы академіи художествъ) свидѣтельствуютъ о томъ, съ какою настойчивостью онъ изучалъ, напр., морскую волну, законы ея образованія, формы, игру свѣта, отражающагося въ ней. Вотъ, между прочимъ, что онъ пишетъ изъ Крыма отъ 16-го декабря 1872 года: «И такъ, мы сейчасъ вернулись съ прогулки. Небо голубое, голубое, и солнце, за дѣвая лицо, заставляетъ ощущать сильную теплоту. Волны колосальныя и пѣна, разбиваясь у берега, покрываетъ его на далекое пространство густымъ дымомъ, который такъ чудно серебрится на солнцѣ, что я просто готовъ на стѣну влѣзть. Картина въ самомъ дѣлѣ такъ очаровательна, что я рву на себѣ волосы, — буквально, — не имѣя возможности сейчасъ бросить всѣ дурацкіе заказы и приняться писать, писать эти волны. О горе, горе! Вѣчно связанъ, вѣчно чему-нибудь подчиняешься. Не могу утерять и не нарисовать вамъ сегодняшняго мотива (къ письму приложенъ рисунокъ карандашомъ): свѣтъ падаетъ сзади и транспарантомъ свѣтитъ пѣна. Легкость и блескъ воды поразительны! На горѣ едва-едва замѣтны детали и глубоко сидятъ за блескомъ, которымъ сверху все пронизано. Этотъ мотивъ я написалъ бы хорошо. А тутъ, — извольте видѣть, — отвратительные заказы! Этакая мука!»

Впрочемъ, на счетъ колорита Васильевъ имѣлъ своеобразныя понятія, которые, какъ кажется, раздѣляются и многими другими изъ нашихъ пейзажистовъ, часто прибѣгающими къ сильнымъ свѣтовымъ эффектамъ: «У меня до безобразія, — пишетъ онъ, — развито чувство каждаго, отдѣльнаго тона, чего я страшно иногда путаюсь. Это и понятно: гдѣ я ясно вижу тонъ, — другіе ничего могутъ не видѣть, или увидать сѣрое или

черное мѣсто. Тоже бываетъ и въ музыкѣ, и иногда музыкантъ до такой степени имѣетъ развитое ухо, что его мотивы кажутся другимъ однообразными. Вообще, колористъ долженъ писать не по своему, а разсчитывая на массу, на ея болѣе грубое развитіе. Картина, вѣрная природѣ, не должна ослѣплять какимъ-нибудь мѣстомъ, не должна рѣзкими чертами раздѣляться на цвѣтныя лоскутки... Извольте-ли видѣть, я думаю, что такое изученіе природы во всѣхъ ея проявленіяхъ, которому я всегда предаюсь, приведетъ меня къ тому, къ чему я стремлюсь. Этому можно было бы и не повѣрить, — тому, что я такъ думаю, — вѣдь человѣкъ ошибаться можетъ гораздо удобнѣе, чѣмъ говорить правду, но не повѣрить, что это сбудется потому, что де это чувствую — невозможно, и я чувствую, или вѣрнѣе, предчувствую, что добьюсь дожелаемаго. Теперь, дѣйствительно, у меня много мазано, да и замазано, наконецъ, совсѣмъ, но будетъ же время, когда извѣстная сумма практики дастъ мнѣ возможность выполнять лучше, чѣмъ въ настоящее время. При томъ, другъ мой, меня крайне связываетъ самое производство дѣла: жухлость, порча красокъ странно измѣняютъ мои картины, которыя обыкновенно частями чернѣютъ, частями улѣтучиваются ихъ цвѣтнотность, вслѣдствіе богопротивнаго скипидару; я до такой степени не систематически пишу картины, что онѣ видимо портятся». Его выраженіе о «добросовѣстномъ изученіи природы» — не простая, хвастливая фраза, а дѣйствительный фактъ, подтвержденіе котораго легко найти въ его рисункахъ и въ его письмахъ. Но его теорія о томъ, что колористъ долженъ писать не по своему, а разсчитывая на массу, конечно, можетъ подлежать нѣкоторому сомнѣнію. Напротивъ того, колористъ, прежде всего, долженъ писать по своему, разсчитывая лишь на одного себя; если же онъ будетъ гоняться за грубыми вкусами массы, то изъ него не выработается не только колористъ, но даже мало-мальски сносный художникъ. Что же касается того, будто бы масса ровно ничего не увидитъ въ тонкостяхъ свѣта и тоновъ, то это большая ошибка: лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить, напр., колоритъ Освальда Ахенбаха, вовсе не грубый и не рѣзкій, а между тѣмъ, производящій сильное и чрезвычайно пріятное впечатлѣніе на зрителя. Дѣло заключается вовсе не въ грубыхъ вкусахъ массы, а въ томъ, чтобы колористъ умѣлъ выдвинуть, сдѣлать видимымъ и осязательнымъ тонъ, поразившій его въ природѣ. Въ этомъ, если не ошибаюсь, — вся сущность колорита, но достигнуть этого, конечно, возможно не тѣми элементарными средствами, о которыхъ говоритъ Васильевъ. Достигнуть этого возможно гармоніей цвѣтовъ. Шарль Бланъ въ одномъ мѣстѣ рассказываетъ, какъ сильно онъ былъ пораженъ удивительнымъ эффектомъ фрески купола бібліотеки люксамбургскаго дворца (въ Парижѣ), писаннаго Эженемъ Делакруа. Такъ какъ куполъ чрезвычайно плохо освѣщенъ, то Делакруа приходилось бороться съ этимъ недостаткомъ свѣта, образуя искусственный свѣтъ, исключительно благодаря гармоніи тоновъ. Въ фрескѣ Блана въ особенности поразила полу-нагая женщина, сидящая подъ деревомъ, тѣло которой, одна-кожъ, сохранило въ тѣни самый нѣжный, почти прозрачный цвѣтъ. Въ то время, какъ онъ восхищался удивительной свѣжестью этого розоваго цвѣта, одинъ художникъ, который былъ другомъ Делакруа, сказалъ ему, улыбаясь: «Вы бы очень удивились, если бы узнали, какія краски употреблялъ Делакруа для созданія этого розоваго тѣла. Эти тоны, въ отдѣльности взятые, показались бы вамъ такими же грязными, какъ грязь улицы». Делакруа, благодаря этому удив-

Христосъ исцѣляетъ больныхъ. КАРТИНА РЕМБРАНДТА.

Съ офорта Рембрандта, такъ называемой «гравюры въ сто флориновъ».

Рѣзалъ на деревѣ А. Шиперъ въ С.-Петербургѣ.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ ПЕТРА СОКОЛОВА.

Съ ножомъ на медвѣди.
Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“.

тельному чувству гармоній тоновъ, которымъ онъ обладалъ въ такой высокой степени, не задумался мѣстами замазать этотъ голый торсъ яркой зеленой краской, которая, превращаясь, благодаря сосѣдству розоваго цвѣта, образуетъ смѣшанный и свѣжій тонъ, который ощутителенъ только на извѣстномъ разстояніи. Въ другой разъ, тотъ же великій колористъ Делакруа, никакъ не могъ достигнуть желаемого тона ярко-желтой драпировки, которую онъ писалъ. Онъ поминутно спрашивалъ себя: что дѣлали Рубенсъ и Веронезе для достиженія такихъ блестящихъ желтыхъ тоновъ. Съ цѣлью рѣшить эту задачу онъ задумалъ отправиться въ луврскую галерею и послалъ за каретой. Въ то время (около 1830 г.) въ Парижѣ было много кабриолетовъ, раскрашенныхъ въ желтый, канареечный цвѣтъ. Делакруа уже хотѣлъ сѣсть въ карету, какъ вдругъ остановился, замѣчая, къ величайшему своему удивленію, что желтый цвѣтъ кареты образуетъ лиловый тонъ въ тѣни. Онъ отпустилъ тутъ же фіакръ и возвратился въ мастерскую, гдѣ сейчасъ же воспользовался только что открытымъ имъ закономъ.

Само собой разумѣется, что въ данномъ случаѣ точныхъ правилъ не можетъ существовать. По мнѣнію Фромантена, колористъ есть такой художникъ, который умѣетъ сохранить тонамъ ихъ существенныя свойства, ихъ правильность вездѣ и всегда, въ тѣни, въ полу-тѣни и даже въ полномъ свѣтѣ. Этимъ-то именно и отличаются школы и художники. На французскомъ языкѣ существуетъ даже техническій терминъ, употребляемый художниками. Когда извѣстный цвѣтъ подвергается всѣмъ измѣненіямъ свѣта и тѣни, ничего не теряя изъ своихъ составныхъ элементовъ, то говорятъ, что свѣтъ и тѣни образуютъ одну семью. Способы употреблять краски—чрезвычайно различны. Между Рубенсомъ и Джорджоне, Веласкесомъ и Веронезе существуютъ различія, доказывающія, какъ разнообразны средства, благодаря которымъ гений достигаетъ цѣли, но вездѣ мы замѣчаемъ этотъ законъ гармоніи. Тѣмъ не менѣе и въ данномъ случаѣ нѣтъ правилъ безъ исключенія; исключеніе на этотъ разъ составляетъ, можетъ быть, величайшій изъ художниковъ, — Рембрандтъ, — пренебрегающій всѣми традиціями колористовъ. Рембрандтъ, вмѣсто того, чтобы соединять въ гармоніи тонъ и свѣтъ, раздѣляетъ ихъ. Въ свѣтлыхъ мѣстахъ картины у него все свѣтло, въ темныхъ—все темно. Онъ всегда жертвуетъ колеромъ характеру тона. Мессонье, одинъ изъ самыхъ тонкихъ наблюдателей-художниковъ нашего времени, слѣдуетъ въ этомъ случаѣ Рембрандту. При сильномъ освѣщеніи онъ смѣло устраняетъ мѣстный тонъ. И прежде еще было достаточно извѣстно, что сильный свѣтъ какъ бы обезцвѣчиваетъ предметы, но до послѣдняго времени, ни одинъ художникъ не рѣшался дойти до полного обезцвѣчивания. Новая французская школа импрессионистовъ, стремящаяся примѣнять къ колориту непосредственное наблюденіе, которое до сихъ поръ распространялось реалистами на выборъ предметовъ и на изображеніе формы, — эта школа, говорю я, — наставляетъ на обезцвѣчиваніи тоновъ при непосредственномъ вліяніи и отраженіи свѣта, — принципъ, который она считаетъ новымъ открытіемъ, но который уже давно былъ доказанъ наукой. И дѣйствительно, подобно тому, какъ бѣлый свѣтъ, разложенный призмой, образуетъ цѣлую серію цвѣтовъ, эти цвѣта, освѣщенные солнцемъ, могутъ въ свою очередь и при извѣстныхъ обстоятельствахъ образовать первоначальное единство и улиться въ лучахъ бѣлаго свѣта.

Я намѣренно остановился дольше на этомъ интересномъ вопросѣ колорита. По моему мнѣнію, въ немъ вся сущность живописи; линіи и

формы принадлежать живописи на столько же, на сколько скульптурѣ и архитектурѣ; одинъ колоритъ принадлежитъ живописи всецѣло и что-бы ни доказывала академическая школа, смотрящая на колоритъ, какъ на нѣчто аксесуарное и виѣшнее, — колоритъ, какъ и рисунокъ, имѣетъ несомнѣнно свое выраженіе и способствуетъ проявленію индивидуальности художника. Достаточно вспомнить нѣкоторые изъ пейзажей г. Куинджи (напр. его «Малороссійскую ночь»), чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться.

Васильевъ не въ такой значительной степени былъ колористомъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, его колоритъ имѣлъ свои поэтическія особенности, которыя не только дополняли, но и придавали смыслъ и значеніе его изящному рисунку. Тѣмъ не менѣе, особенности его колорита приобрѣли болѣе опредѣленный характеръ и нѣкоторую законченность только въ Крыму, куда онъ отправился уже больной, въ чахоткѣ, и гдѣ смерть застала его въ то время, когда онъ не успѣлъ еще вполне овладѣть ни колоритомъ, ни рисункомъ.

Уже въ началѣ 1872 года, зимой, обнаружили первые симптомы болѣзни; совершенно случайная простуда была причиной этой болѣзни; съ двумя, или тремя изъ своихъ товарищей онъ отправился какъ-то на катокъ (на Невѣ, у Тучкова моста). Одѣтъ онъ былъ плохо и, какъ говорятъ, не успѣлъ захватить съ собою даже кашне. Тутъ-то Васильевъ простудился и сталъ кашлять. Не успѣлъ онъ оправиться отъ этой первой простуды, какъ отправился на Иматру, гдѣ снова простудился въ болѣе значительной степени; боль въ груди и кашель не оставляли его. Лѣто онъ провелъ въ имѣніи графа Строгонова, въ харьковской губерніи, много работалъ, сдѣлалъ большіе успѣхи; но уже къ осени болѣзнь на столько развилась, обнаружились симптомы на столько серьезные, что поѣздка въ Крымъ оказалась необходимою. Весьма вѣроятно, что крымскій воздухъ, серьезное лѣченіе и правильная жизнь восторжествовали бы надъ болѣзнію, тѣмъ болѣе, что Васильевъ отличался вообще хорошимъ здоровьемъ, но крайняя впечатлительность, неумѣніе отказать себѣ въ томъ или другомъ удовольствіи, нѣкоторая страстность и необузданность натуры, мѣшали успѣшному лѣченію. Въ одномъ изъ его крымскихъ писемъ, я нахожу между прочимъ одинъ любопытный отрывокъ: «Знаете-ли вы, — о, знаете, — какъ мнѣ нужны деньги для моего успѣха! Какъ мнѣ много нужно для того, чтобы тушить тотъ адскій огонь, который, постоянно увеличиваясь, жжетъ меня! Мой рай, но и мой адъ заключается въ природѣ, въ моей любви къ искусству. Думая, вникая глубже въ самого себя, я съ ужасомъ вижу, что мало вперед возможности остановить этотъ страшный огонь, эту разрушающую силу... Какъ иногда мнѣ бы нужно было потолковать съ Вами, по возможности передать то, что бы облегчило на время эти, не то недуги, не то ужъ очень хорошее нравственное здоровье. Ужасно интересна духовная жизнь человѣка, его способность, вслѣдствіе, вѣроятно, наслѣдственности носить въ себѣ какіе-то темные, неясные зародыши будущихъ мыслей, поступковъ, или даже цѣлаго характера. Вѣдь очень можетъ быть, что характеръ человѣка и не складывается вслѣдствіе окружающихъ обстоятельствъ, а только проявляется въ настоящемъ своемъ видѣ въ положенный кѣмъ-то или чѣмъ-то срокъ».

Кромѣ этой крайней впечатлительности и неумѣнія управлять своими желаніями, Васильева тревожили другія обстоятельства, — неопредѣленность его положенія, постоянные заказы, которые онъ принужденъ былъ брать, но съ которыми ему трудно было справляться, долги, сдѣ-

ланные имъ на поѣздку въ Крымъ, постоянная нужда въ деньгахъ, вѣчныя тревоги. Все это, конечно, не могло вліять хорошо на его здоровье и парализовало дѣйствіе южнаго воздуха и крымской природы. «Если бы вы знали, мой дорогой (пишетъ онъ отъ 23 іюля 1873 года), какъ худо Вашему другу, то не стали бы дѣлать предположеній вродѣ того, что я, можетъ быть, и въ Петербургѣ и еще Богъ знаетъ, что такое, а главное получили бы мое письмо въ Воронежѣ, въ которомъ (письмѣ) я все, все подробно описалъ, на все отвѣтилъ, чего теперь сдѣлать не могу по необыкновенной слабости и судорогамъ въ рукахъ, если долго пишешь. Здоровье въ самомъ дѣлѣ, — не знаю кого и что благодарить, — уже не плохо, а моя жизнь въ опасности, если я не отдѣлаюсь отъ всего меня грызущаго и сосущаго, и если не уѣду за границу. Я жду Боткина... Онъ рѣшитъ мою участь окончательно. Вотъ вамъ и Петербургъ, вотъ вамъ и умѣніе ваше читать между строкъ. Въ долгу кругомъ, непріятности постоянныя, жизнь дорога до невообразимаго: 250 руб. я долженъ приготовить въ мѣсяцъ. Не работаю уже шесть мѣсяцевъ. Да, что тутъ писать! все можно сказать однимъ словомъ: денегъ нѣтъ и не откуда взять и нѣтъ никакого вида, чтобы ѣхать за границу, если бы даже и упали съ неба мѣшки съ золотомъ. Мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 4000 руб. одновременно, чтобы уплатить всѣ долги и оставить себѣ на прожитокъ въ Ялтѣ и на отправку осенью семьи домой, если у меня будетъ какой-нибудь видъ, чтобы ѣхать за границу». Этотъ вопросъ о видѣ (паспортѣ) тревожилъ его во все время пребыванія его въ Крыму. Дѣло въ томъ, что Васильевъ принадлежалъ къ мѣщанскому сословію, слѣдовательно за видомъ ему приходилось обращаться въ мѣщанскую управу. Желая избѣгнуть этого, онъ предпочиталъ имѣть академическій видъ, но такъ какъ онъ не учился въ академіи, не имѣлъ званія художника, то всѣ хлопоты въ академіи по этому дѣлу его и его друзей были безуспѣшны: онъ жилъ безъ вида. Академія выдала Васильеву только званіе почетнаго вольнаго общника, — званіе, неимѣющее никакого officialнаго характера. По этому поводу онъ пишетъ: «Въ академіи все кончено, т. е. не смотря на мои двѣ просьбы, я — почетный вольный общникъ, и кончено! Что я буду дѣлать? Видъ достать я не могу ни откуда, какъ изъ академіи, ибо брать мое мѣщанское свидѣтельство — это снова начинать старую исторію, снова быть пѣшкой... Со всѣми этими дразгами я просто боюсь помѣшаться, — у меня даже уже являются такія странности, которыя ничему другому, какъ нѣкоторому разстройству умственныхъ способностей приписать нельзя». О трудности работать въ Крыму онъ пишетъ: «Съ 12 сентября я началъ этюдъ и до сихъ поръ не могу хотя сколько-нибудь порядочно его подготовить: то облака, то туманъ, то дождь, то вѣтеръ! Я не говорю уже о томъ, что писать приходится не болѣе трехъ четвертей часа, потому что освѣщеніе странно быстро мѣняется, не говоря о томъ, что приходится ѣздить за 12 верстъ на гору и платить 10, 15, рѣдко по 8 руб. за экипажъ, который взбирается туда три часа, четыре тамъ отдыхаетъ (а я плати), да два часа ѣдемъ назадъ. Я трачу 9 часовъ для того, чтобы работать 45 минутъ!..» Говоря, что ему необходимо заработать 2,288 р. къ концу мая, онъ продолжаетъ (отъ 8 апрѣля): «Теперь о томъ, какія у меня средства заработать все это. Вотъ они: слабость, отсутствіе всякой энергіи, безпредѣльная мнительность и проч. въ этомъ родѣ. Словомъ, я такъ боленъ, что уже три недѣли не работаю и боюсь думать, что еще очень не скоро буду въ состояніи привыкнуть». Кромѣ всего этого присоединились и другого рода дразги: «Представьте

себя—завтра нужно съѣзжать съ квартиры Цабеля, а другой квартиры, хоть разорвись, нѣтъ. Я, больной до крайности, изѣздитъ всѣ дачи и дешевле 800 руб. въ пять мѣсяцевъ нѣтъ! Боже мой, да что же мнѣ дѣлать? Откуда же, наконецъ, стану я доставать деньги, больной? Положительно до настоящей минуты я ни одной квартиры, ни одной дачи не знаю и что будетъ, не понимаю... вѣроятно, придется заплатить 800 руб. за три паршивыя комнаты, — правда, садъ есть. Что мнѣ дѣлать съ деньгами? У меня долгу въ Ялтѣ до сегодняшняго дня 1882 руб., а вѣдь и до августа жить надо, да за дачу заплатить; что же это такое, наконецъ? Я просто скоро, кажется, съ ума сверну...

Не смотря на все это, Васильевъ продолжалъ усиленно работать, какъ только онъ чувствовалъ себя лучше. Во время своего пребыванія въ Крыму, кромѣ множества этюдовъ и эскизовъ, въ альбомахъ и отдѣльно, Васильевъ написалъ, кажется, пять картинъ, изъ которыхъ три находятся у г. Третьякова. Онъ работалъ нервно, почти лихорадочно, мало прибѣгая къ этюдамъ, не подражая никому и вводя въ картину всегда свой собственный мотивъ. Конечно, нельзя сказать, чтобы Васильевъ, даже въ этотъ послѣдній періодъ своей дѣятельности, достигъ полной самостоятельности, или выработалъ свой собственный жанръ, но онъ мало подчинялся рутиннымъ, разъ выработаннымъ приемамъ и если въ деталяхъ и подробностяхъ замѣчалась подражательность, то это происходило вовсе не оттого, что онъ желалъ копировать того или другого художника, а потому что въ данномъ случаѣ манера того или другого мастера наиболѣе подходила къ изображаемой подробности; въ цѣломъ же онъ всегда былъ самостоятеленъ, по крайней мѣрѣ, по характеру того субъективнаго чувства, которое онъ вливалъ въ свое произведеніе. Наиболѣе замѣчательной и характерной картиной можно считать послѣднюю картину: «Крымскій видъ». Картина не окончена, но представляетъ значительныя достоинства: она представляетъ дорогу и мостикъ, перекинутый черезъ ручей; далѣе виднѣется подъемъ, на которомъ стоятъ три дерева; за подъемомъ, очевидно, пронасть и затѣмъ громадная, теряющаяся далѣ съ горами, укутанная туманомъ, сквозь которая слегка просвѣчиваетъ солнце. Первый планъ картины — вымученъ и, вслѣдствіе этого, мало удаченъ, зато небо и туманъ, освѣщенный рѣдкими лучами солнца — верхъ совершенства, по легкости и художественной правдѣ.

Таковъ въ общемъ характеръ таланта Васильева. Этотъ талантъ только-что началъ развиваться, когда 24 сентября 1873 года смерть захватила его въ Крыму; но и по тѣмъ произведеніямъ, которые остались послѣ Васильева, можно съ увѣренностью сказать, что это былъ выдающійся талантъ, — талантъ первой величины, не подчинявшійся рутинѣ, разчищавшій собственный путь въ пейзажѣ.

Комедія и трагедія.

(Разсказъ В. С. Жильберта.)

Въ 1745 г. г-жа Селина была первой акрисой во «Французскомъ» театрѣ. Ей было лѣтъ 25; очень хорошенькая, она имѣла притомъ репутацію безупречной жизни. Селина было ея театральное имя; она была женой Филипа де-Кильяка, бывшаго лейтенанта королевской гвардіи, а въ настоящее время актера на небольшія роли въ томъ самомъ театрѣ, гдѣ жена его считалась лучшимъ украшеніемъ. Де-Кильякъ происходилъ изъ хорошей фамиліи и имѣлъ небольшое состояніе. Онъ полюбилъ

Селину, когда еще служилъ въ военной службѣ, женился на ней и вслѣдствіе этого (на актеровъ и актрисъ того времени смотрѣли почти какъ на отверженныхъ) былъ принужденъ подать въ отставку. Онъ поступилъ на сцену, хотя не имѣлъ къ ней особаго призванія. Благодаря женѣ, ему удалось попасть во «Французскій» театръ и онъ могъ постоянно находиться около жены. А она въ это время сильно нуждалась въ покровителѣ; герцогъ Ришелье два раза пытался похитить ее при выходѣ изъ театра.

Только ея красота, хотя и выдающаяся, не могла бы еще побудить этого знаменитаго волокиту на такой рѣшительный шагъ. Но ея репутацію безупречной женщины онъ счелъ личнымъ оскорбленіемъ для себя и рѣшилъ отомстить за него. Сначала онъ велъ осаду по всѣмъ правиламъ: посылалъ ей цвѣты съ записками въ нихъ, сочинялъ четверостишія въ ея честь, получилъ доступъ на ея ренетицію, осыпалъ чудовищными комплиментами, въ видѣ сложныхъ аллегорій; много разъ приглашалъ ее къ себѣ ужинать и разъ снизошелъ до того, что напиривался поужинать у нея. Эти преслѣдованія выводили изъ себя Селину и ея мужа. Де-Кильякъ посылалъ нѣсколько вызововъ герцогу Ришелье, но тотъ относился къ нимъ съ презрѣніемъ. Де-Кильякъ былъ актеръ и герцогу Ришелье нельзя было драться съ нимъ на дуэли. Преслѣдованія Ришелье становились настойчивѣе и, наконецъ, онъ сдѣлалъ двѣ попытки похитить Селину при разѣздѣ изъ театра. Похищенія Ришелье поручалъ прислугѣ, но де-Кильякъ и другіе актеры оба раза защитили Селину.

Эти постоянныя оскорбленія и невозможность наказать обидчика сдѣлали жизнь де-Кильяка невыносимой и онъ съ женой рѣшились заманить своего знаменитаго врага въ западню. Для этого Селина дала понять Ришелье, что ей надоѣла жизнь съ мужемъ и она рѣшилась разойтись съ нимъ. Далѣе замѣтила, что желаетъ короче познакомиться со свѣтомъ и его удовольствіями. Ришелье, конечно, не замедлилъ поздравить ее съ принятымъ рѣшеніемъ въ ужаснѣйшей одѣ. И это было вполне безкорыстно съ его стороны, такъ какъ апетитъ его возрасталъ пропорціонально трудности достиженія, какъ онъ чистосердечно сознавался въ предпослѣднемъ стихѣ. Но чтобы она не пришла въ отчаяніе отъ этого извѣстія, въ послѣднемъ стихѣ онъ прибавилъ, что, не смотря на легкость, съ которой можетъ теперь добиться своей цѣли, онъ не замедлитъ заявить ей свое вниманіе при первой возможности. Селина намекнула, что хочетъ отпраздновать свое вступленіе въ новую жизнь ужиномъ, на который приглашаетъ Ришелье, абата Дюбоа, де-Лаферма и другихъ развратниковъ того времени.

Наступила ночь ужина. Селина приняла гостей въ салонѣ нижняго этажа. Повидимому, она была въ отличномъ настроеніи, встрѣтила ихъ съ радушіемъ и остроуміемъ. Ришелье пріѣхалъ послѣднимъ и въ ея теплому приѣмѣ, умѣряемомъ глубокимъ почтеніемъ къ его высокому рангу, онъ увидѣлъ признакъ хорошаго тона. Доложили объ ужинѣ, но въ эту минуту Селина пожаловалась на сильную головную боль и устроила такъ, чтобы самой не идти ужинать. Ришелье былъ огорченъ этой новостью и просилъ позволенія остаться съ нею, пока она не оправится на столько, чтобы присоединиться къ ея друзьямъ; это предложеніе было принято Селиной съ удовольствіемъ.

Оставшись съ нею наединѣ, Ришелье пожалѣлъ объ ея головной боли и предложилъ нѣсколько лѣкарствъ, которыя она капризно отвергла.

— Неужели, герцогъ, вы такъ неопытны, что не можете понять, что иногда лучшимъ лѣ-

карствомъ отъ головной боли можетъ служить пріятное tête-à-tête. Ваши друзья надоѣли мнѣ. Они говорятъ слишкомъ много и говорятъ дурно. Я могу слушать васъ, но не ихъ.

— Я чрезвычайно польщенъ вашимъ комплиментомъ. Въ искренности его я не могу сомнѣваться, такъ какъ вы пришли къ этому заключенію послѣ очень продолжительныхъ размышленій.

— Вы намекаете на молчаніе, которымъ я отвѣчала на ваше вниманіе. Вы должны помнить, что я не свободна. Поступки женщины, за спиной которой стоитъ ревнивый мужъ, нельзя строго осуждать. Но теперь его нѣтъ и я настоящая вдова.

— И вы давно были бы ею, еслибы я могъ принять его вызовы. Но что же я могъ сдѣлать? Лично я питаю величайшее уваженіе къ его профессіи, но въ моемъ положеніи я безпомощенъ. Прощаете-ли вы меня?

Говоря это, онъ взялъ ее за руку.

— Я и не желала его смерти; не желаю и теперь. Онъ сдѣлалъ для меня все, что было необходимо; уѣхалъ въ Марсель, давъ слово не возвращаться. Но, герцогъ, будьте разсудительнѣе.

Герцогъ при послѣднихъ словахъ обнялъ ее за талію.

— Вы должны быть снисходительнѣе. Я голоденъ, а здѣсь пиръ. Развѣ я недовольно постился?

— Нѣтъ, я не могу допустить этого. Уберите вашу руку, прошу васъ. Сейчасъ вернутся ваши друзья. И если они увидятъ насъ...

— Мои друзья не скоро вернутся и, безъ сомнѣнія, дадутъ намъ знать о своемъ возвращеніи. Селина, я люблю васъ! Селина, я такъ долго и терпѣливо ждалъ! Селина, я...

И, поднявъ голову, онъ увидѣлъ стоящаго позади нея блѣднаго, серьезнаго де-Кильяка съ обнаженной шпагой. Ришелье тотчасъ же понялъ истину.

— Это ловушка, сказалъ онъ.

— Ловушка, отвѣчала Селина.

— Ловушка, повторилъ де-Кильякъ. — Вы грубо оскорбляли мою жену, слѣдовательно, и меня. Я посылалъ вамъ вызовъ за вызовомъ, но вы не принимали ихъ. Выведенные изъ терпѣнія вашей дерзостью, мы, наконецъ, составили планъ заманить васъ въ западню.

— И это съ вашего согласія, сударыня?

— Совершенно.

— Чего же вы отъ меня требуете?

— Эта дверь ведетъ въ садъ. Вы должны драться со мною, сейчасъ же.

— А если я откажусь.

— Я убью васъ на мѣстѣ.

— Но вы актеръ и, по своей профессіи, отверженный. Я не могу драться съ актеромъ.

— Я долго и напрасно стремился получить мѣсто, которое занимаю теперь въ театрѣ. Это было цѣлью моего честолюбія и вотъ нѣсколько дней тому назадъ я добился его. Вотъ мой ангажементъ съ подписью и печатью. А теперь, разрывая бумагу пополамъ, я уничтожаю его и даю вамъ честное слово, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ я не появлюсь опять на сценѣ. Теперь я болѣе не актеръ, вы не можете отказываться отъ встрѣчи со мною.

— Сударыня, сказалъ Ришелье, обращаясь къ Селинѣ, — я не желаю вредить вамъ или вашему мужу. Я надѣлалъ вамъ много зла и охотно постараюсь загладить его. Умоляю васъ, не подвергайте вашего мужа вѣрной опасности.

Губы Селины задрожали, но лишь на одну минуту.

— Герцогъ, вы должны драться съ моимъ мужемъ.

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ, что во Франціи нѣтъ человѣка, который бы такъ хо-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ

АКВАРЕЛЬ К. П. БРОЛОВА.

Свиданіе.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипажнѣ“ г. Діаментовскаго.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ

КАРТИНА Ф. СИПНЕВСКАГО.

Осада замка.

Рѣзано на деревѣ въ Варшавѣ.

рошо владѣлъ оружіемъ, какъ я. Вашъ мужъ при встрѣчѣ со мной не рискуетъ, а идетъ на вѣрную смерть. Умоляю васъ, употребите все ваше вліяніе, чтобы удержать его. Если мнѣ придется драться съ нимъ, я убью его.

Смертельно блѣдная Селина оставалась непоколебимой.

— Герцогъ, вы должны драться съ мужемъ.

— Хорошо, будь по вашему. Но съ моей стороны существуетъ еще одно условіе, чтобы фактъ, что я дрался съ актеромъ, оставался неизвѣстнымъ.

— Общаю вамъ, отвѣчалъ де-Кильякъ.

— И я тоже, сказала Селина.

— Когда такъ, то будьте любезны показать мнѣ дорогу, я послѣдую за вами.

Де-Кильякъ, повернувшись къ женѣ, пѣжно обнялъ и поцѣловалъ ее.

— Я готовъ, сказалъ онъ.

И герцогъ и актеръ направились въ садовую дверь.

Въ эту только минуту Селина уяснила себѣ исполнѣ предостереженія герцога. При вѣроятности грозившей ей потери и сознаниі, что мужъ ея рискуетъ своей жизнью за нее, съ ея согласія и почти по ея настоянію, она забыла свое твердое намѣреніе и бросилась къ только что затворившейся двери.

— Филиппъ! вернись, ради Бога, вернись!

Но было уже поздно, потому что изъ противоположной двери входили, разгоряченные виномъ, гости. Чрезвычайнымъ усиленіемъ воли она приняла на себя веселый видъ и шутивый тонъ господствовавшій между ними. Она чувствовала, что не въ состояніи молчать—она должна говорить и дѣйствовать, или все ея напускное самообладаніе рухнетъ.

— Ну-съ, абать, что мы теперь будемъ дѣлать? Предлагайте что-нибудь? Танцевать, нѣтъ? Живѣе. Я не терплю вялости. Предлагайте же что-нибудь, скорѣе, скорѣе!

Заявлено было нѣсколько предложеній. Селина на все соглашалась. Наконецъ, кто-то вспомнилъ, что она обладаетъ даромъ импровизаціи.

— Съ удовольствіемъ, что хотите, дайте тему... живо, живо... я не могу ждать.

Начался споръ о томъ, взять-ли сюжетъ изъ комедіи или трагедіи. Для Селины было безразлично. Наконецъ, одинъ изъ присутствовавшихъ рѣшилъ споръ, предложивъ сперва импровизировать комическое, потомъ трагическое. Затѣмъ былъ данъ сюжетъ комедіи: безуспѣшный вздыхатель въ женскомъ платьѣ забрался въ комнату непреклонной красавицы. Селина въ роли обиженной начинаетъ импровизацію. Она открываетъ обманъ и въ уничтожающихъ выраженіяхъ осмѣиваетъ средство, къ которому прибѣгъ дерзкій поклонникъ.

Въ эту минуту одинъ изъ гостей, Летранжъ, сказалъ:

— Прощу извинить меня за перерывъ, я слышу въ саду звукъ оружія.

— О, это ничего, отвѣчала Селина. — Мои слуги забавляются. Мы веселимся здѣсь, а они тамъ. Не надо мѣшать имъ. Увѣрю васъ, ничего серьезнаго.

Она продолжала импровизацію. Она указывала переодѣтому любовнику, что ему очень идетъ женскій костюмъ и совѣтовала такой женоподобной душѣ, какъ его, придерживаться платья, которое онъ умѣетъ носить съ такой ловкостью. Всѣ были въ восторгѣ отъ представленія. Въ критическую минуту Летранжъ, прислушивавшійся у садовой двери, опять прервалъ ее:

— Я снова помѣшаю вамъ, сударыня. Стукъ оружія слышенъ явственно. Я увѣренъ, что вы не подозреваете, что тамъ происходитъ. Позвольте обыскать садъ.

Селина бросилась къ двери, замкнула ее и вынула ключъ.

— Увѣрю васъ, тамъ ничего нѣтъ. Вы не должны входить въ садъ. Дѣло въ томъ, что я готовлю вамъ сюрпризъ и, если вы теперь войдете въ садъ, вы все разстроите. Пожалуйста, не мѣшайте мнѣ.

И, сказавъ это, она передала ключъ театральному доктору, бывшему въ числѣ гостей, прося его въ тоже время не сдаваться ни на чьи просьбы.

Продолжать импровизацію оказалось невозможнымъ, нить мысли была прервана. Да и въ дѣйствительности здѣсь происходила барьба между комедіей и трагедіей, и трагедія имѣла перевѣсъ, такъ какъ въ саду раздалось громкое восклицаніе страдающаго человѣка.

— Господа, я не могу продолжать, сказала Селина. — Я не въ состояніи скрывать долге своего безпокойства. Вы видите, что я едва владѣю собою. Ради самаго Неба, спасите моего мужа. Онъ въ этомъ саду дерется на дуэли съ герцогомъ Ришелье. Это былъ его крикъ — онъ умираетъ, можетъ быть, умеръ. Ради Бога, спасите его пока не поздно.

Говоря это, она употребляла напрасныя усилія отворить только что замкнутую дверь.

Въ первую минуту гости встревожились, пока не вспомнили, что за комедіей должна слѣдовать трагедія и что теперь она исполняетъ вторую часть программы.

— Безподобно! Сколько страсти, сколько чувства!

И громкіе аплодисменты раздались въ комнатѣ.

— Господа, не смѣйтесь надо мною! Это не представленіе; я говорю серьезно. Мой мужъ умираетъ, можетъ быть, умеръ. Ради Неба, помогите, пока еще есть время.

Шопотъ одобренія былъ единственнымъ отвѣтомъ на ея слова. Зрители, какъ очарованные, не двигались съ мѣста.

— Докторъ, ключъ у васъ! Дайте его. Я люблю мужа. Онъ въ опасности. Дайте ключъ, прошу васъ, дайте или я умру!

Всѣ единогласно рѣшили, что Селина превзошла саму себя, т. е. всѣ, кромѣ одного.

— Господа, сказалъ докторъ, — это уже не игра; это серьезно. Посмотрите, какъ краска приливаетъ и исчезаетъ съ ея лица.

— Пустяки, докторъ. Это прелестная игра. Какъ можете вы при вашей опытности поддаваться обману.

— Да было бы странно, еслибъ я обманывался, но, увѣренъ, что я правъ. Я убѣжденъ, что ея слова серьезны и потому исполню ея просьбу.

Не смотря на всеобщія насмѣшки, которыми его осыпали, онъ подошелъ къ двери и отомкнулъ ее. Селина бросилась въ нее и столкнулась съ мужемъ, серьезнымъ, блѣднымъ, но не раненымъ. Они шепотомъ обмѣнялись нѣсколькими словами:

— Ты живъ?

— Да.

— А герцогъ?

— Смертельно раненъ.

Новымъ усиленіемъ воли она возвратила себѣ присутствіе духа и, взявъ мужа за руку и вводя его, сказала:

— Вотъ, милостивые государи и государины, сюрпризъ, о которомъ я говорила. Я очень рада, что мое стараніе импровизировать трагедію встрѣтило ваше полное одобреніе.

Новые и продолжительные аплодисменты заглушили ея слова. Единогласно было рѣшено, что какъ она ни хороша въ комедіи, пальму первенства она заслужила въ трагедіи.

Къ рисункамъ.

Исцѣленіе больныхъ, Рембрандта. Намѣреваясь посвятить великому голандскому художнику особую статью, мы скажемъ въ настоящую минуту только нѣсколько словъ о помѣщаемой здѣсь гравюрѣ. Сюжетъ, взятый Рембрандтомъ для его знаменитой аквафорты, много разъ трактовался величайшими художниками Европы, но каждый изъ нихъ сѣмѣлъ по своему понятію драматическій элементъ, заключенный въ евангельскомъ разсказѣ. У Рембрандта этотъ элементъ выдвинутъ на первый планъ съ поразительной силой. Это дѣйствительно Христосъ бѣдныхъ и страждущихъ, Христосъ народа, стоящій въ одномъ изъ тѣхъ фламандскихъ подваловъ, гдѣ нѣкогда молились доллары. Самая сцена поражаетъ своимъ неподкупнымъ и не прикрашеннымъ реализмомъ; здѣсь нѣтъ ничего преднамѣреннаго и условнаго. Нищія въ лохмотьяхъ, оборванцы, больные протягиваютъ къ нему умоляющія руки; толстая крестьянка смотритъ на Спасителя глазами, полными глубокой и слѣпой вѣры; нѣсколько въ сторонѣ—паралитикъ, котораго принесли на носилкахъ; оборванные лохмотья, старые, засаленные плащи, потерявшіе свой первоначальный цвѣтъ, обезображенные болѣзнію члены, блѣдные, изнуренные или отупѣвшія лица, — однимъ словомъ, человѣческія отребья, на которыя смотритъ съ нахальнымъ равнодушіемъ счастливцы шестнадцатаго столѣтія: жирный бургомистръ, заложившій руки за спину, и довольные собою граждане, — въ то время, какъ Христосъ протягиваетъ къ больнымъ и несчастнымъ свою руку, а сверхъестественный свѣтъ пронизываетъ мракъ и отражается даже на старыхъ, покрытыхъ плѣсенью отъ сырости, стѣнахъ. Этой драматической силы, приданной сценѣ, Рембрандтъ достигъ главнымъ образомъ свѣтовымъ эффектомъ, въ которомъ онъ и понынѣ не имѣетъ себѣ равнаго. Реализмъ у Рембрандта всегда является не столько во внѣшности и пластическихъ подробностяхъ, сколько въ выраженіи того или другого чувства; во всемъ остальномъ великій художникъ мало обращаетъ вниманія на вѣрность дѣйствительности, или археологическую точность. Въ «исцѣленіи больныхъ», напр., онъ совершенно произвольно переноситъ евангельскую сцену въ Голандію XVI столѣтія: вся обстановка и всѣ лица принадлежатъ цѣликомъ его вѣку, — онъ не гонялся за воспроизведеніемъ еврейскихъ типовъ (въ которыхъ, однакожъ, былъ такой мастеръ), еврейскихъ, библейскихъ костюмовъ, еврейской архитектуры, какъ это дѣлаютъ современные художники. Но пренебрегая исторической точностью, онъ достигъ другой, вѣрной цѣли: онъ дѣлалъ понятнымъ и близкимъ народу не только евангельскія сцены во всей ихъ драматической красотѣ, но и высокія чувства, лежащія въ основѣ ихъ. Вотъ почему онъ былъ не только самымъ популярнымъ художникомъ своего времени, но производилъ такое сильное впечатлѣніе и теперь, по прошествіи трехъ сотъ лѣтъ.

Свиданіе, акварель К. Брюлова. Рисунокъ, помѣщаемый нами съ акварели К. Брюлова, точно также какъ и рисунки, съ которыми уже знакомы читатели «Живописнаго Обозрѣнія», обнаруживаютъ въ К. Брюловѣ талантливаго жанриста, съ непосредственнымъ, живымъ чувствомъ дѣйствительности, съ запасомъ почти не истощаемой наблюдательности всѣхъ сторонъ жизни. Онъ понимаетъ и чувствуетъ итальянскую жизнь. Обратите, напр., вниманіе на «Свиданіе». Жизнь, и въ особенности итальянская жизнь передана здѣсь съ большимъ талантомъ и безъ малѣйшихъ прикраш. Сцена, давшая содержаніе рисунку, — самая обыденная сцена, но какъ характерно она схвачена! Вся обстановка — специальна итальянская; лицо влюбленнаго итальянца, схватившаго страстно руку своего предмета — такъ выразительно, а наклонившаяся къ нему молодая женщина такъ естественна, что вы невольно переноситесь въ страну голубого неба и южной природы, но знакомитесь съ этой страной не въ идеальной обстановкѣ сцены изъ «Ромео и Джульетты», а въ весьма буржуазной и реальной рамкѣ современнаго жанра, котораго отцомъ въ русской живописи можно бы считать безъ всякой натяжки Брюлова, если-бы нашъ талантливый художникъ не такъ исключительно посвятилъ себя «монументальной» живописи, единственно серьезной по понятіямъ сороковыхъ годовъ.

Осада нѣмецкаго замка, Сипневскаго. Современная живопись съ особенной настойчивостью ищетъ археологической и исторической правды. Въ этомъ отношеніи, рисунокъ г. Сипневскаго переноситъ насъ исполнѣ въ эпоху среднихъ вѣковъ, когда не было тѣхъ разрушительныхъ средствъ въ военномъ искусствѣ, которыми мы въ такомъ изобиліи обладаемъ теперь. Рыцари среднихъ вѣковъ не имѣли громадныхъ пушекъ, разрушающихъ цѣлыя крѣпостныя стѣны, не имѣли даже тѣхъ при-

способностей обложениа, благодаря которымъ мы, въ настоящее время, безъ особенныхъ жертвъ, беремъ крѣпости и города. Въ средній вѣка личная инициатива и личная храбрость составляли сущность войны и эту сущность рисункъ г. Сипневскаго передаетъ вполне вѣрно. Въ то время, какъ атакующіе рыцари принуждены были употреблять въ дѣло сѣкиры и мечи, — атакуемые бросали съ вершины крѣпостныхъ стѣнъ цѣлыя бревна, стрѣляли изъ лука и такимъ образомъ не только оборонялись, но по временамъ и уничтожали врага.

Осенній разливъ, Клевера. Г. Клеверъ принадлежитъ къ числу талантливейшихъ нашихъ пейзажистовъ, умѣющихъ отыскать въ природѣ ту поэтическую ноту, которую обыкновенные смертные только чувствуютъ, но не въ состояніи передать. Г. Клеверъ особенно хорошо передаетъ поэзію зимняго и осенняго пейзажа. Эти деревья, лишенные листьевъ, вода, отражающая стволы, тишина, свойственная осени, все это навѣваетъ на зрителя грусть, причину которой мы можемъ не сознавать, но которая тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на насъ, чѣмъ больше мы живемъ съ природой. Г. Клеверъ, несомнѣнно, любитъ природу, и эта особенность придаетъ его пейзажу особенную прелесть, безъ которой пейзажъ не имѣетъ смысла.

Первый снѣгъ, Рибустини. Снѣгъ въ Италіи, конечно, — рѣдкость, но тѣмъ не менѣе онъ тамъ бываетъ. Въ рисункѣ Рибустини, впрочемъ, главную роль играетъ не снѣжный эффектъ, и, если можно такъ выразиться, впечатлѣніе, которое возбуждаетъ въ италіанскій первый выпавшій снѣгъ. Закрывшійся пѣздомъ господинъ, дама, прикрывшая лицо муфтой виднѣются вдали, но на первомъ планѣ — не холоду, по крайней мѣрѣ, не одинъ лишь холодъ мотивируетъ присутствіе молодой женщины на балконѣ. Чувство, выражающееся въ ея лицѣ, говоритъ другое; оно говоритъ, что пора лѣтнихъ прогулокъ вдвоемъ въ тѣни густой аллеи тополею уже прошла... прошла, по крайней мѣрѣ, до слѣдующей весны, когда снѣгъ уступитъ свое мѣсто пѣнію соловья.

Правительственныя распоряженія.

Въ «собраніи узаконеній» напечатанъ слѣдующій Высочайшій указъ правительствующему сенату отъ 12 февраля.

«Въ твердомъ рѣшеніи положить предѣлъ безпрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ покоробить въ Россіи государственныя и общественныя порядки, Мы признали за благо:

1. Учредить въ С.-Петербургѣ верховную распорядительную комисію по охраненію государственнаго порядка и общественного спокойствія.

2. Верховной распорядительной комисіи состоять изъ главнаго начальника оной и назначаемыхъ для содѣйствія ему, по непосредственному его усмотрѣнію, членовъ комисіи.

3. Главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комисіи быть временному харьковскому генералъ-губернатору, Нашему генералъ-адъютанту, члену государственнаго совѣта генералу-отъ-кавалеріи графу Лорисъ-Меликову, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи Нашего генералъ-адъютанта.

4. Членовъ комисіи назначать по повелѣніямъ Нашимъ, испрашиваемымъ главнымъ начальникомъ комисіи, которому предоставить, сверхъ того, право призывать въ комисію всѣхъ лицъ, присутствіе коихъ будетъ признано имъ полезнымъ.

5. Въ видахъ объединенія дѣйствій всѣхъ властей по охраненію государственнаго порядка и общественного спокойствія, предоставить главному начальнику верховной распорядительной комисіи, по всѣмъ дѣламъ, относящимся къ такому охраненію:

а) Права главноначальствующаго въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему с.-петербургскаго градоначальника.

б) Прямое вѣдѣніе и направленіе слѣдственныхъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ въ С.-Петербургѣ и с.-петербургскомъ военномъ округѣ — и

в) Верховное направленіе упомянутыхъ въ предъидущемъ пунктѣ дѣлъ по всѣмъ другимъ мѣстностямъ Россійской имперіи.

6. Всѣ требованія главнаго начальника верховной распорядительной комисіи по дѣламъ объ охраненіи государственнаго порядка и общественного спокойствія подлежатъ немедленному исполненію какъ мѣстными начальствами, генералъ-губернаторами, губернаторами и градоначальниками, такъ и со стороны всѣхъ вѣдомствъ, не исключая военнаго.

7. Всѣ вѣдомства обязаны оказывать главному начальнику верховной распорядительной комисіи полное содѣйствіе.

8. Главному начальнику верховной распорядительной комисіи предоставить испрашивать у Насъ непосредственно, когда признаетъ сіе нужнымъ, Наши повелѣнія и указанія.

9. Независимо отъ сего, предоставить главному начальнику верховной распорядительной комисіи

дѣлать всѣ распоряженія и принимать вообще всѣ мѣры, которыя онъ признаетъ необходимыми для охраненія государственнаго порядка и общественного спокойствія какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, причемъ отъ усмотрѣнія его зависить опредѣлять мѣры взысканія за неисполненіе или несоблюденіе сихъ распоряженій и мѣръ, а также порядокъ наложенія этихъ взысканій.

10. Распоряженія главнаго начальника верховной распорядительной комисіи и принимаемыя имъ мѣры должны подлежать безусловно исполненію и соблюденію всѣми и каждымъ, и могутъ быть отменены только имъ самимъ, или особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ, — и

11. Съ учрежденіемъ, въ силу сего Именнаго указа Нашего, верховной распорядительной комисіи по охраненію государственнаго порядка и общественного спокойствія, учрежденную таковымъ же указомъ отъ 5-го апрѣля 1879 года должность временнаго с.-петербургскаго генералъ-губернатора упразднить.

Воззваніе графа Лорисъ-Меликова.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатана слѣдующее воззваніе графа Лорисъ-Меликова къ жителямъ столицы:

«Рядъ неслыханныхъ злодѣйскихъ попытокъ къ потрясенію общественнаго строя государства и къ покушенію на Священную Особу Государя Императора въ то время, когда всѣ сословія готовятся торжествовать двадцатипятилѣтнее, плодотворное внутри и славно извнѣ царствованіе великодушнѣйшаго изъ Монарховъ, вызвалъ не только негодованіе русскаго народа, но и отвращеніе всей Европы.

«Правительство не разъ уже обращалось къ обществу съ призывомъ сомкнуть свои силы въ борьбѣ съ преступными проявленіями, разрушающими основныя начала гражданскаго порядка, безъ котораго немислимо развитіе никакого благоустроеннаго государства. Нынѣ оно вынуждено прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, для подавленія зла, принимающаго опасныя для общественнаго спокойствія размѣры.

«Державною волею Государя на меня выпала тяжелая задача стать во главѣ неизбѣжныхъ мѣропріятій, вызываемыхъ настоящимъ положеніемъ.

«Уповая на Всевышняго, твердо вѣруя въ непоколебимость государственнаго строя Россіи, неоднократно переживавшей еще болѣе тяжелыя годы, убѣжденный продолжительнымъ служеніемъ Царю и Отечеству въ здравомысліи и нравственной крѣпости русскаго народа, я съ благоговѣніемъ принимаю этотъ новый знакъ Монаршаго довѣрія къ моимъ слабымъ силамъ.

«Сознаю всю сложность предстоящей мнѣ дѣятельности и не скрываю отъ себя лежащей на мнѣ отвѣтственности. Не давая мѣста преувѣленнымъ и поспѣшнымъ ожиданіямъ, могу обѣщать лишь одно — приложить все стараніе и умѣніе къ тому, чтобы, съ одной стороны, не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни предъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорищихъ наше общество, а съ другой — успокоить и оградить законные интересы благомыслящей его части.

«Убѣжденъ, что встрѣчу поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ Государю и искренно любящихъ свою родину, подтверждающую нынѣ столь незаслуженнымъ испытаніемъ. На поддержку общества смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества.

«Въ этомъ упованіи, прежде всего, обращаюсь къ жителямъ столицы, ближайшимъ свидѣтелямъ безпримѣрныхъ злодѣяній, съ настоятельною просьбою спокойно и съ достоинствомъ отнестись къ будущему и не смущаться зловѣщими или легкомысленными внушеніями, толками и слухами.

«Въ разумномъ и твердомъ отношеніи населенія къ настоящему тягостному положенію вижу прочный залогъ успѣха въ достиженіи цѣли, равно для всѣхъ дорогой: возстановленія потрясеннаго порядка и возвращенія Отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія, указаннаго благими предначертаніями Августѣйшаго его Вождя».

Новое преступное покушеніе 20 февраля около двухъ часовъ по полудни, когда графъ Лорисъ-Меликовъ, выйдя изъ кареты переходилъ тротуаръ, чтобы войти въ домъ, къ нему подошелъ неизвестный человѣкъ и выстрѣлилъ въ него въ упоръ изъ револьвера. Пуля прошла черезъ верхнюю одежду и мундиръ, не причинивъ графу никакого вреда. Сохранивъ полное присутствіе духа, графъ Лорисъ-Меликовъ оттолкнулъ преступника отъ себя. Преступникъ принадлежалъ къ числу лицъ, бывшихъ уже въ подозрѣніи полиціи. Онъ схваченъ и находится въ рукахъ правосудія. На видъ преступнику отъ 30 до 35 лѣтъ. Говорятъ, что онъ заявилъ, что лично ему графъ никакого зла не сдѣлалъ и что онъ стрѣлялъ по приказанію другихъ. Сочувствіе къ графу Лорисъ-Ме-

ликову огромное. Особы царской фамиліи и множество лицъ, занимающихъ выдающееся положеніе въ обществѣ, посѣтили немедленно графа, чтобы принести ему поздравленіе и выразить ему общую радость по случаю счастливаго его избавленія отъ преступнаго покушенія.

Смѣсь.

— **Величайшій въ мірѣ гербарій.** Директоръ ботаническаго сада въ Геттингенѣ, докторъ Грисбахъ, подарилъ геттингенскому университету свой знаменитый гербарій, въ которомъ заключается болѣе 40,000 образцовъ растительнаго царства, собранныхъ со всѣхъ концовъ вселенной. Особеннымъ великолѣпіемъ отличается отдѣлъ флоры восточной Индіи, въ которомъ сосредоточено 5,000 экземпляровъ роскошной растительности.

— **Опустошенія на Канарійскихъ островахъ.** При страшной бурѣ надъ этими островами пронесся ужаснѣйшій смерчъ, опустошившій богатѣйшія плантаціи кофейни; посѣвы сильно пострадали и много людей погибло.

— **Рѣдкое приобрѣтеніе.** Французскій консулъ въ Саматракѣ прислалъ въ Луврскій музей древностей (галерея Финкса) найденныя имъ въ Шампуа-зо части древнѣйшаго греческаго броненосца, по которымъ весьма легко составить понятіе о цѣломъ кораблѣ, одѣтомъ въ желѣзо. Находка эта ясно доказываетъ, что предки наши очень давно уже съ успѣхомъ примѣняли для своихъ кораблей желѣзные панцири.

— **Древнѣйшіе склепы временъ крестоносцевъ.** Извѣстный археологъ, ученый, докторъ Чаплинъ сообщать, что раскопки близъ г. Іерусалима такъ называемыхъ «королевскихъ могилъ» привели къ блестящимъ результатамъ. Вырыты громадныя камни, гладко отшлифованные съ надписями, доказывающими, что они составляли принадлежность той громадной пирамиды, которая носила названіе «пирамиды Елены»; далѣе вырыты—великолѣпная большая мраморная статуя римлянина, голова полу-бога и роскошная яшмовая ваза съ великолѣпными изваяніями и вырѣзными фигурами и портретомъ Тита. Далѣе, при раскопкахъ въ сѣверной части, подорогѣ въ г. Яффу, найдена гробница, въ которой хорошо сохранились панцирь, щитъ, мечъ и другіе доспѣхи, принадлежащіе крестоносцу-рыцарю. Въ могилѣ рядомъ съ костями человѣка лежалъ черепъ лошади. На каменной плитѣ, закрывающей отверстие, выбита голова льва и буйвола, а съ верха—очертанія креста.

— **Премія.** Туринская академія присудила свою премію въ 12,000 лиръ знаменитому Дарвину за его новѣйшія изысканія и открытія, сдѣланныя имъ въ области естествознанія по отдѣлу физиологіи растеній.

— **Новое литературное произведеніе.** Шведскій король написалъ новое литературное произведеніе, — поэмѣ Лозенгринъ. Поема началась печатаніемъ въ официальной шведской газетѣ.

— **Происхожденіе визитныхъ карточекъ.** Въ англійскихъ газетахъ мы находимъ весьма любопытныя свѣденія о происхожденіи визитныхъ карточекъ, — пишутъ въ газетѣ «Новости». Оказывается, что эта «размѣнная монета вѣжливости», имѣющая обращеніе во всемъ цивилизованномъ мірѣ, есть китайскаго происхожденія и проникла въ Европу вмѣстѣ съ китайскимъ фарфоромъ. Въ Китаѣ визитная карточка служитъ, такъ сказать, формулярнымъ спискомъ ея владѣльца. Чинъ и социальное положеніе китайца опредѣляется не какою-либо короною, гербомъ или титуломъ, какъ у насъ, а форматомъ визитной карточки. Чѣмъ выше чей-либо чинъ, тѣмъ болѣе размѣръ его визитной карточки. Когда въ Пекинѣ пріѣхалъ англійскій посолъ, лордъ Макартней, то нѣскольکو слугъ съ большими усилиями втащили въ его домъ исполнискій свертокъ бумаги, которая, когда ее развернули, покрыла весь полъ громадной пріемной залы: это была визитная карточка китайскаго императора. Въ Европу визитная карточка проникла лишь въ половинѣ прошлаго вѣка. Въ прошломъ столѣтіи визитныя карточки отдѣлывались съ большимъ художествомъ и стоили иногда большія деньги.

— **Камфора, какъ лечебное средство для растений.** Самая незначительная примѣсь камфоры къ землѣ дѣйствуетъ благотворно на растенія, находящіеся въ болѣзненномъ состояніи. Если положить камфоры въ воду, въ которой стоитъ букетъ цвѣтовъ, то цвѣты увядаютъ гораздо медленнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— **Старинные экипажи.** Въ прежнія времена во Франціи носилки были общеупотребительнымъ экипажемъ богатыхъ людей, на ихъ раскрашенныхъ и раззолоченныхъ дверцахъ красовались безконечныя

гербы. Носильщики въ сѣрой или голубой ливрѣ, смотря по цвѣту носилокъ, одинъ спереди, другой сзади, бѣжали мелкой рысцой, останавливаясь иногда на перевести духъ и отереть потъ, ступившійся по ихъ лицамъ. Герцогиня Немурская, умершая въ 1707 году, каждый годъ въ апрѣлѣ мѣсяцъ совершала путешествие изъ Парижа въ свое невшателское княжество (въ Швейцаріи) не иначе, какъ въ носилкахъ. Ее сопровождали 40 служителей, смѣнявшихся попеременно при носилкахъ, и на 12-й день она была на мѣстѣ. И теперь еще въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ Франціи можно встрѣтить такіе носилки и въ нихъ какого-нибудь старика въ кафтанѣ прежняго покроя, въ пудрѣ, короткихъ штанахъ съ пряжками и въ шелковыхъ чулкахъ. Еще въ 1857 г. встрѣчали носилки въ Дрезденѣ и Генуѣ, какъ остатки стариннаго обычая. Въ каретахъ ѣздили однѣ владѣтельные особы, но съ усовершенствованіемъ экипажнаго мастерства и съ усовершенствованіемъ мостовыхъ кареты все болѣе и болѣе входили въ употребленіе; наконецъ, лѣтъ сорокъ пять тому назадъ, прежнія тяжелыя колесницы, съ трудомъ возимыя четвернею, уступили мѣсто нынѣшнимъ легкимъ каретамъ, парю, избобрѣннымъ лордомъ Брумомъ. Въ западной Европѣ такой удобный экипажъ могъ уже находиться въ распоряженіи каждаго копѣекъ по 50 серебромъ за курсъ, считая на русскій счетъ. Первая неуклюжая карета, висѣвшая на ремняхъ, служила королю Ізабелѣ Баварской при торжественномъ въѣздѣ ея въ Парижъ еще въ 1405 году. Въ царствованіе Франциска 1-го считалось три кареты, принадлежавшія: 1) королю; 2) прекрасной Діанѣ Пуатье и 3) Жану Лавало. Христофъ де-Ту, отецъ историка, первый въ цѣломъ Парижѣ заказалъ для себя карету, но онъ берегъ ее, какъ рѣдкость: вполнѣдствіи, страдая подагрой, онъ рѣшился, наконецъ, постоянно въ ней ѣздить. Во время губительной чумы, обнаружившейся въ Парижѣ въ 1581 году, президентъ де-Ту, не смотря на болѣзненное свое положеніе, ежедневно посѣщалъ въ своей каретѣ отдаленные кварталы, наиболѣе пораженные заразою, ободрялъ народъ, раздавая изъ своихъ рукъ пособіе несчастнымъ, возбуждалъ усердіе благотворительныхъ людей. Такъ какъ карета президента могла вмѣщать только его одного, то жена де-Ту разѣзжала по Парижу съ тою же цѣлю, сидя на лошади верхомъ позади служителя. Въ 1658 году число экипажей въ Парижѣ возросло до 315, а въ 1809 году было разныхъ экипажей 13,000 и въ числѣ ихъ только 400 публичныхъ. Судейское сословіе стало ѣздить въ каретахъ уже послѣ всѣхъ и еще въ первые годы царствованія Людовика XIV можно было видѣть много президентовъ и совѣтниковъ, отправлявшихся въ должность верхомъ на лошадахъ.

— Древности острова Кипра. Въ настоящее время на островѣ Кипрѣ производится новыя замѣчательныя раскопки древнѣйшаго и нѣкогда знаменитаго города Китіона, прославленнаго Страбеномъ. На развалинахъ Китіона была первоначально деревушка, жители которой занимались рыбнымъ промысломъ; теперь на мѣстѣ деревушки прекрасный и богатый городъ Ларнака. Объ этихъ раскопкахъ профессоръ Пирайдеъ сообщаетъ слѣдующія новости. Древній Китіонъ былъ окруженъ громаднымъ землянымъ валомъ, діаметръ котораго достигалъ 3000 фут. и 30 фут. вышиною и носилъ названіе Бамбула; эта крѣпость служила защитою отъ набѣговъ морской вольницы. Въ Бамбулѣ найдены водоемные цистерны съ проведенными трубами изъ обожженной земли, колодцы съ ключевою водою, склепы, хранилища, въ которыхъ уцѣлѣли драгоценныя и рѣдкія произведенія финикіянъ: пурпуръ, жемчужины, статуэтки изъ терракоты, роскошная статуя женщины, кормящая грудью ребенка, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, и есть финикійская Астарта (единственный въ мірѣ цѣльный оригиналъ), впоследствии греческая Афродита; каменные вырѣзныя финикійскія надписи, аллегорическія изображенія столицы Іоніи, превосходная статуя маленькаго Гермеса, бронзовые монеты временъ Птолемея, нѣсколько арабесокъ и свертки тончайшаго пергамента съ іоническими надписями и картинами. Раскопки города идутъ успѣшно, такъ что втеченіи недѣли вывозится среднимъ числомъ около полутора миліоновъ кубическихъ футовъ земли, и открываютъ новый свѣтъ на древнія, библейскія времена.

— Новѣйшія открытія. Усовершенствованія фотографіи идутъ быстрыми шагами; такъ въ настоящее

время въ Англіи открытъ новый способъ точнѣйшаго и мельчайшаго воспроизведенія объектива на стеклѣ; при помощи фосфора получаемаго воспроизведенія достигали такого совершенства, что, напр., мельчайшія изъ нихъ можно было разсматривать только при помощи лупы.

— Новѣйшія приспособленія. Въ Лондонѣ, а въ настоящее время въ Неаполѣ и Парижѣ съ большимъ успѣхомъ практикуется новое приспособленіе паруса для катанія на конькахъ. Приспособленіе весьма простое и дѣлается такимъ образомъ: берется обыкновенная палка величиною отъ 2 до 3 аршинъ; на обоихъ концахъ, крестообразно, укрѣплены небольшія палки около аршина и обтягиваются парусиною; катающійся держитъ парусъ въ рукахъ и направляетъ его по вѣтру; чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ, разумеется, быстрѣе бѣгъ. За парусныя состязанія назначаются призы. Ловкій конькобѣжецъ при искусномъ управленіи парусомъ достигаетъ неслыханной быстроты.

Шахматный отдѣлъ.

Въ Спб. обществѣ любителей шахматной игры происходитъ въ настоящее время турниръ, условія котораго мы сообщали въ №6 нашего журнала. Въ турнирѣ приняло участіе 16 лицъ. Изъ здѣшнихъ игроковъ первой силы участвуютъ въ 1-й категоріи гг. Алапинъ, Петровский, Чигоринъ и Шифферсъ. Предполагаютъ, что турниръ продлится еще около мѣсяца.

Въ декабрѣ прошлаго года состоялось шахматное состязаніе по перепискѣ между варшавскими игроками и московскимъ кружкомъ любителей шахматной игры. Представитель Варшавы — извѣстный первоклассный игрокъ С. Винаверъ, получившій 2-й призъ на международномъ парижскомъ турнирѣ 1878 г., а представителями Москвы — сильнѣйшіе мѣстные игроки гг. Соловцовъ и Шмидтъ. Ведутся одновременно двѣ партіи. Пари—200 руб. Сдѣланные втеченіи мѣсяца ходы въ партіяхъ, сообщаются въ «Шахматномъ Листкѣ», въ каждой книжкѣ этого журнала.

ПАРТІЯ № 7.

Гамбитъ Эванса.

Играна въ Нью-Йоркѣ въ 1857 г.

Н. Марашъ.

П. Морфи.

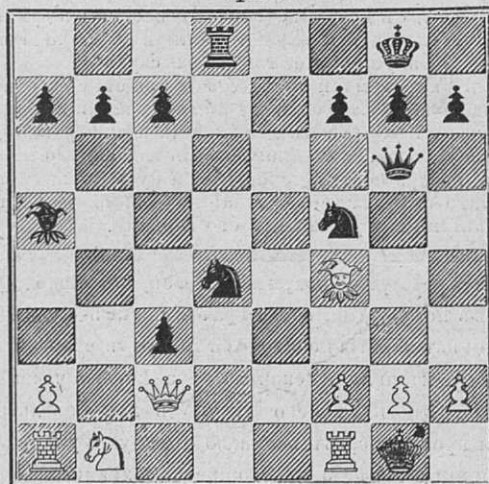
Бѣлые

Черные

1. e2—e4	1. e7—e5
2. K g1—f3	2. K b8—c6
3. C f1—c4	3. C f8—c5
4. b2—b4	4. C c5 : b4
5. c2—c3	5. C b4—a5 a
6. d2—d4	6. e5 : d4
7. e4—e5 b	7. d7—d5
8. e5 : d6	8. Ф d8 : d6
9. 0—0	9. K g8—e7
10. K f3—g5 c	10. 0—0
11. C c4—d3	11. C c8—f5 d
12. C d3 : f5	12. K e7 : f5
13. C c1—a3	13. Ф d6—g6
14. C a3 : f8	14. Ф g6 : g5
15. C f8—a3	15. d4 : c3
16. C a3—c1	16. Ф g5—g6
17. C c1—f4	17. Л a8—d8
18. Ф d1—c2	18. K c6—d4

Положеніе партіи послѣ 18 хода черныхъ.

Черные.

Бѣлые.

19. Ф c2—e4 e	K f5—g3!
20. Ф e4 : g6	K d4—e2 x

Примѣчанія къ партіи.

a) Отступленіе слона на a5 такъ-же хорошо, какъ и на c5. См. для прим. партіи этого дебюта въ №48 и 50 «Ж. О.» за 1879 г.

b) Этотъ ходъ очень слабъ; онъ способствуетъ чернымъ быстро развитъ свои фигуры. — Морфи съ замѣчательнымъ искусствомъ ведетъ дальнѣйшую атаку.

c) Безполезная атака; сильнѣе былъ ходъ 10. C c1—a3, Ф d6—f6!; 11. Л f1—e1, при чемъ впрочемъ черные также имѣли болѣе сильную игру, послѣ d4 : c3.

d) Черные совершенно правильно отдають чрезъ нѣсколько ходовъ качество, (ладью за коня) чтобы получить рѣшительную атаку при нѣсколькихъ сильныхъ пѣшкахъ.

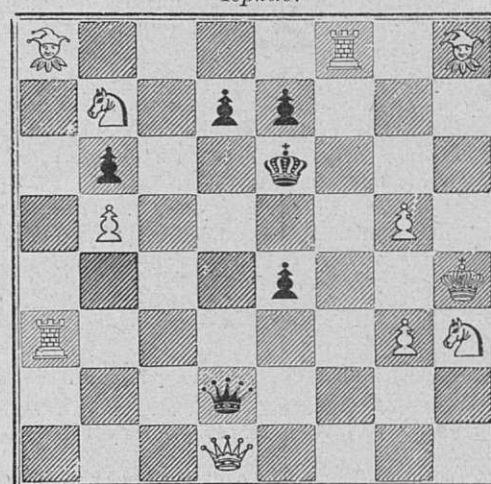
e) Въ этомъ положеніи бѣлые не могутъ найти вполнѣ хорошаго хода. На 19. Л f1—d1, черные отвѣтятъ K f5—e3!; 20. Ф c2 : g6, K d4—e2 †; 21. Kpg1—h1, Л d8 : d1 x. На 19. Ф c2—a4 послѣдовало бы b7—b5!; 20. Ф a4 : a5, K d4—e2 †; 21. Kpg1—h1, K e2 : f4; 22. g2—g3 (если 22. Л f1—g1, то Л d8—d1!; 23. K b1 : c3, Ф g6 : g2 x), Ф g6—c6 †; 24. f2—f3, Ф c6 : f3 †; 25. Л f1 : f3, Л d8—d1 † и въ слѣдующій ходъ матъ.

ЗАДАЧА

№ 14.

Г. Кидсона (въ Ливерпулѣ).

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачъ (въ № 5.)

№ 11.

1. Kp c3—b3	2. c2—c4 x
1. Kp d5—e4 (или K : Ф)	2. Ф f7—f5 (или b7) x
2. Kp d5—c5 (или K ∞ *)	

Правильное рѣшеніе сообщили: К. Сердешинскій, А. Бурчинъ, В. Гориневскій, Н. Даржанъ, П. Вишняковъ, В. Лихтенъ, М. Меуъ.

№ 12.

Эта задача, предложенная къ разрѣшенію въ 3 хода, рѣшается въ два: 1. Ф h8—g7, Kp c6 : d6; 2. Ф g7 : f6; или 1... K ∞; 2. Ф g7 : d7 x — рѣшеніе, упущенное авторомъ.

*) Знакъ ∞ означаетъ—куда угодно.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 8-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 19 февраля въ 6 час. 30 минутъ утра, въ Москву 18 февраля прямо на почтовый поѣздъ; въ прочія мѣста 8-й № будетъ отправленъ вмѣстѣ съ 9-мъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Два сонета Фауста, стих. М. Бушора. — Шарль Демальи, ром. Эдмона и Жюль Гоннуръ. — Волкъ, ром. Эрмана-Шатриана. — Стих. С-наго. — Пляски и танцы на Руси, очеркъ Вл. Михневича. — Изъ міра русскаго искусства. — Комедія и трагедія, В. С. Жильберта. — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Объявленія. Рисунки: Осенній разливъ, кар. Ю. Клевера. — 1 рис. къ ром. «Волкъ». — Первый свѣтъ, кар. Рибустини. — Христофъ исцѣляетъ больныхъ, кар. Рембрандта. — Съ ножомъ на медвѣдя, рис. Петра Соколова. — Свиданіе, акварель К. П. Брюлова. — Осада замка, кар. Ф. Сипневскаго.

Редакторъ-издатель Н. И. Шульгинъ.

«При этомъ № прилагаются для всѣхъ подписчиковъ «Парижскія моды», а также «Первая выкройка» для гг. подписчиковъ, внесшихъ на полученіе выкроекъ особую плату.

При этомъ номерѣ прилагается третій двойной листъ романа А. Михайлова „Чужіе грѣхи“.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

№ 1-й.

С.-Петербургъ.

1880 г.

Рис. 7. Туалетъ для обѣда.
(Выкройка сдѣлана для этого туалета.)

Пока еще не окончился маскарадный сезонъ, нашимъ читательницамъ не бесполезно ознакомиться съ описаніемъ нѣсколькихъ маскарадныхъ костюмовъ. Всякій знаетъ, какъ трудно иногда сочетать изящество, вкусъ и даже приличіе въ маскарадномъ костюмѣ. При своемъ созиданіи онъ представляетъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ самый сложный балльный нарядъ. Мода, какъ бы эксцентрична она ни была, много облегчаетъ намъ затрудненіе выдумки туалета. Если женщина сдумаетъ сообразоваться съ своей таліей, лѣтами и если даже приметъ въ соображеніе мѣсто, куда она намѣревается надѣть свой туалетъ, она можетъ безъ затрудненія одѣться и нарядно и изящно. Маскарадный же костюмъ представляетъ самъ по себѣ столько особенностей, что, не смотря на красоту, элегантность и изящество стана, женщина никогда не можетъ быть совершенно спокойна, что костюмъ ея будетъ вполне оцененъ. Въ этомъ случаѣ опытность и вкусъ играютъ первенствующую роль. Костюмъ долженъ не только сочетаться съ типомъ красоты и осанки, но кромѣ того онъ долженъ имѣть прелесть новизны. Балльное платье, хотя и одного и того же фасона, но другого цвѣта или сдѣланное изъ другой матеріи не потеряетъ, если найдется ему подобное на томъ же вечерѣ, да же трудно отгадать, что они одинаковы, такъ какъ обыкновенно какой-нибудь своеобразный бантъ или отдѣлка измѣняетъ его общій видъ. Но представьте себѣ положеніе женщины, когда она войдетъ на балъ въ костюмѣ, положимъ испанки, и, окинувъ взглядомъ всю залу, увидитъ себя четвертой или пятой испанкой. Она будетъ непріятно поражена и ея удовольствіе на весь вечеръ испорчено. Или, представьте себѣ, моя читательница, что вы выбрали костюмъ звѣзды, и вдругъ оказывается, что вы восьмая звѣзда, поневолѣ вспомнится вамъ млечный путь въ августовскую ночь и, вмѣсто того, чтобы сіять на горизонтѣ, вы представите собой одну изъ длинныхъ вереницъ этихъ блѣдныхъ свѣтилъ. И потому, повторяю, выборъ костюма—вещь далеко не легкая и надо стараться всегда выбрать костюмъ по оригинальнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ не рисковать оскорбить изящество вкуса.

Предлагаемые нами 4 костюма имѣютъ достоинство новизны, приличія и оригинальности.

1) Золушка (Cendrillon). Костюмъ для молодой дѣвицы. Корсажъ сдѣланъ изъ атласа карубье; онъ зашнурованъ сзади и туго обтягиваетъ талію. Бѣлая фулярная рубашечка, воротъ которой застегивается на перекрестъ; рукава немного не достигающіе до локтя; какъ воротъ, такъ и рукавъ обшиты собранной фалборочкой. Тюникъ изъ блестящей съ отливомъ сѣрой шелковой матеріи. Передъ скроенъ на четверть аршина длиннѣе нижней юбки, до половины сшитъ гладко съ заднимъ полотнищемъ, а съ этого мѣста повернутъ изнанкой вверхъ двумя большими складками, образующими родъ коротенькаго передника. Заднее полотнище прямое, только разъ подобранное легкимъ пухомъ, должно спускаться ниже полосатой юбки. Нижняя юбка изъ бѣлой шелковой матеріи съ черной атласной полосой. Начиная отъ самаго плеча нашиты по 2 бархатныхъ черныхъ ленты, идя справа налево поперегъ корсажа и передника, оканчиваясь большой петлей; подобно передней отдѣлкѣ бархатной лентой, сзади положенъ бархатъ, только до конца корсажа, оканчивающійся тоже двумя петлями съ каждой стороны. Бѣлые полосатые шелковые чулки, атласныя туфли съ бантикомъ. На головѣ атласная мягкая шапочка того цвѣта, что и корсажъ, съ чернымъ бархатнымъ бантомъ съ концами; волосы распущены и только слегка завиты. Этотъ костюмъ особенно граціозенъ для дѣвицы не высокаго роста.

2) Пастушка. Синій бархатный казакинъ, очень открытый спереди, расходится на бокахъ, полуоткрытый воротъ, съ однимъ круглымъ бочкомъ и съ маленькимъ мысомъ внизу. Изъ подъ казакина виднѣется бѣлый атласный жилетъ весь въ буфахъ, которые продолжаются вокругъ всего ворота. Рукавъ въ видѣ эпюлета, бѣлый атласный, очень коротенькій. Передъ казакина перехваченъ нѣсколькими рядами синихъ атласныхъ лентъ, оканчивающимися мелкими бантиками съ обѣихъ сторонъ. Нижняя бѣлая атласная юбка съ двумя большими собранными воланами; вторая коротенькая голубая юбка изъ сисильенъ, обшита двумя воланами à la vieille. Переднее полотнище прямое, сшитое вгладь съ заднимъ на лѣвой сторонѣ, правый бокъ отвернуть угломъ немного ниже казакина и прикрѣпить синимъ атласнымъ бантомъ съ длинными концами. Правая сторона задняго полотнища прямо нашта на бѣлую

реди и двумя выточками, плотно облегающими талію; онъ вырѣзанъ каре, безъ рукавовъ, со шнуровой назадъ. Гораздо ниже талии тюникъ отвороченъ двумя большими розовыми атласными реверами. Сзади тюникъ представляетъ изящное смѣшеніе бѣлаго фая съ розовымъ атласомъ. Жакетка изъ бѣлой брокатели застегивается спереди на рѣзные серебряныя пуговицы, пришитыя на обѣихъ сторонахъ тюника. Воротничекъ съ вышитыми отворотами изъ розоваго атласа, такіе же отвороты внизу сзади жакетки. Короткіе рукава съ розовыми отворотами, внутри которыхъ вшитъ длинный рукавъ à la Juive, изъ тюля, вышитого серебромъ и обшитаго серебрянымъ кружевомъ. Такой же тюль у ворота. Букеты померанцевыхъ цвѣтовъ съ лѣвой стороны на тюникѣ, въ волосахъ и на корсажѣ спереди. Розовые шелковые чулки. Крошечныя туфли изъ бѣлаго атласа, вышитыя бусами.

4) Костюмъ красавицы персіанки. Юбка изъ пекине карубье, вся сложенная крупными складками. Низъ юбки обшитъ полосой изъ желтаго фая, сложенного одинаково съ юбкою, на каждой складкѣ которой полоса чернаго бархата. Юбка пришивается къ очень широкому поясу, такъ что складки начинаются ниже бедра. Длинный шарфъ изъ индѣйскаго фуляра, сложенного вкосъ на юбкѣ, завязывается сзади большими петлями, среди которыхъ виднѣется большая серебряная бляха съ чернью. Длинная жакетка изъ атласа пекине спереди застегивается такими же серебряными бляхами. Воротъ вырѣзанъ шалью съ большими желтыми реверами. Спинка съ однимъ круглымъ бочкомъ съ разрѣзами внизу, изъ подъ которыхъ выходятъ сѣфле. Рукавъ широкий, прямой, à la Juive, только слегка скругленный на переднемъ швѣ. Рукавъ такъ же, какъ и воротникъ, подбитъ желтымъ фаямъ съ черными бархатными полосами. На груди изъ подъ вырѣза виднѣется плисе тѣлеснаго цвѣта изъ китайскаго крепа, вышитое золотомъ и шнурками. Розовые шелковые чулки. Красныя атласныя туфли безъ задковъ съ золотой отдѣлкой. Красная атласная персидская шапочка съ руло изъ желтаго фая и золотой вышивкой. Оба послѣдніе костюма представлены на одной картинкѣ.

5) Балльный туалетъ. Туалетъ молодой дѣвицы изъ небесно-голубого атласа и шелковаго газа. Юбка голубого фая, отдѣланная двумя плисе съ тройными складками, вся покрыта газомъ, подобрана нѣсколькими поперечными неправильными складками. Гирлянда маргаритокъ съ бархатными листьями, идя отъ лѣваго бока по всему переднику, прикрѣплена съ правой стороны сзади большимъ голубымъ атласнымъ бантомъ. Атласный лифъ со шнуромъ зашнуровывается сзади. Спинка состоитъ изъ двухъ кусковъ, первый равенъ по длинѣ передней части лифа,

два остальныхъ бока представляютъ снизу разрѣзъ и образуютъ четыре петли, подбитыя фаямъ. Подобными же маленькими петлями обшить верхъ лифа, украшенный гирляндой маргаритокъ. Лифъ и рукава обшиты креповымъ плисе. Прическа убрана гирляндой мелкихъ маргаритокъ.

6) Туалетъ Помпадуръ для молодой дамы, изъ гладкаго и набивного бѣлаго атласа. Фальшивая юбка съ однимъ атласнымъ плисе. Полоса атласа, вырѣзанная большими зубцами, спускается спереди на плисе. Эти зубцы окаймлены атласнымъ руло, который проходитъ также и подъ атласными бантами. Драпированный передникъ положенъ наискось, скрываясь въ лѣвомъ швѣ юбки. Передникъ, также и зубцы обшиты пражскимъ кружевомъ. Большой атласный отворотъ, только съ правой стороны въ нѣсколькихъ мѣстахъ обшитый поперегъ кружевомъ, дополняетъ отдѣлку переда. Длинный атласный

Рис. 1. Золушка.

атласную юбку и отдѣлана тремя синими бантами. Полосатые голубые чулки, черныя туфли съ перехватомъ на штиколѣ. На головѣ шелковый тюлевый чепчикъ, оканчивающійся длинной круглой вуалью, обшитою кружевомъ; справа голубой атласный бантъ. Колье изъ золотыхъ бусъ съ крестикомъ; букетъ цвѣтовъ въ рукахъ. Достоинство этого костюма въ томъ уже, что на него можно употребить нѣсколько отцвѣтшіе балльные костюмы, такъ какъ онъ не требуетъ своеобразнаго фасона.

3) Костюмъ Намуна. Богатый костюмъ для молодой дамы, весь изъ бѣлаго фая; бѣлой брокатели и розоваго атласа, вышитыя бусами. Юбка изъ бѣлаго фая, вырѣзанная круглыми фестонами, надъ которыми блеститъ вышивка бусами. Маленькая розовая атласная юбочка, вышитая и обшита бахромой изъ бусъ, спускается спереди на бѣлую юбку. Тюникъ принесли, изъ бѣлаго фая, съ однимъ швомъ спе-

шлейфъ, оканчивающийся подобными зубцами, какъ впереди, граціозно спускается сзади. Изъ подъ зубцовъ шлейфа выходитъ атласный плисе. Второй отворотъ, гораздо меньше передняго, украшаетъ шлейфъ немного справа, онъ отдѣланъ тоже кружевомъ и прикрѣпленъ большимъ атласнымъ бѣлымъ бантомъ и букетомъ королевскихъ розъ. Изъ подъ корсажа выходитъ драпери Людовика XIII, теряясь въ складкахъ шлейфа. Лѣвая сторона шлейфа гладко спадаетъ до низу. Корсажъ Трианонъ изъ атласа брошэ. Передъ вырѣзанъ карэ съ прорѣзомъ на плечахъ, куда вшиты буфы изъ бѣлаго крепа. Спинка совершенно гладкая. Весь корсажъ обшитъ атласнымъ кантомъ. Воротъ и рукава подпшиты пражскимъ кружевомъ. Бѣлыя перчатки съ вензелями или другой вышивкой на верху. Букеты розъ у корсажа и въ головѣ.

7) Туалетъ для обѣдовъ. Костюмъ изъ фая loutre съ полосатымъ бархатомъ и кашмиромъ того же цвѣта. Юбка изъ фая. Весь передъ буфоне сборчатый оканчивается воланомъ, изъ подъ котораго выходитъ поменьше воланъ, окаймляющій все платье. Задъ юбки весь покрытъ воланами изъ фая, на концѣ которыхъ бархатная полоса, взятая изъ поперечной матеріи. Передъ корсажа фасона принсесъ, длинный тюникъ и вырѣзанъ шалью съ бархатными отворотами и застегивается до талии, сверху пуговицъ положенъ пластронъ изъ сборчатого фая, пришитый на правой сторонѣ и застегивающійся на лѣвой. Длинные полы корсажа прикрѣплены на передникѣ и драпированы на юбкѣ. Бархатное драпированное полотнище, взятое поперекъ матеріи, нашито ниже талии, что формируетъ родъ панье, и перехвачено въ самомъ передѣ бархатнымъ аграфомъ. Спинка съ однимъ круглымъ бокомъ очень длинно скроена и подбирается двумя пучками, какъ двѣ большія петли. Шелковый воротникъ соединяетъ бархатные реверы. Рукавъ легко сборчатый на локтѣ оканчивается двумя біз изъ фая и бархатнымъ бантомъ, положеннымъ вкось. Обшивки у рукавовъ и ворота изъ тюля esprit сложены рюшью.

Прилагаемая выкройка есть патронъ этого платья; обрѣзавъ длинныя переднія полы и спинку по талии, вы будете имѣть выкройку обыкновеннаго казака.

8) и 9) Костюмъ 9-ти-лѣтняго мальчика, играющаго въ мячъ, показанъ съ обѣихъ сторонъ; онъ изъ тонкаго трико съ искрой. Панталоны короткіе, блуза Vagueuse. Передъ въ серединѣ застегнутъ сборчатымъ пластрономъ, наглухо пришитымъ съ правой стороны; пластронъ на крючкахъ; застегивается на лѣвой сторонѣ до самаго плисе. Спинка изъ одного куска, широкая и суживается только перехватомъ на двухъ пуговицахъ ниже талии. Шляпа фетровая съ фазановымъ крыломъ на боку.

10) Костюмъ 8-лѣтней дѣвочки изъ индѣйскаго кашмира и фая голубого цвѣта двухъ тѣней. Кашмировая юбочка отдѣлана двумя плисе и однимъ воланомъ изъ фая. Длинная шелковая жилетка совершенно сборчатая или заложена мелкими складками расходится внизу. Кашмировая жакетка, от-

роченная шелковымъ лизере, закрытая сверху большимъ бантомъ, расходится на бокахъ. Спинка совершенно гладкая изъ двухъ кусковъ. Рукава съ скругленнымъ локтемъ, съ фазовой отдѣлкой внизу. Воротничекъ и рукавчики полотняные, гладкіе.

11) Костюмъ 4-лѣтняго мальчика. Обыкновенная англійская блуза на кокеткѣ, съ кожанымъ поясомъ, и короткіе панталоны; весь костюмъ изъ синяго вигона.

12) Шляпа очаровательница (Charmeuse). Изъ чернаго плюша съ краснымъ атласомъ. Дно шляпы плюшевое, поля обтянуты атласомъ и обшиты широкимъ золотымъ галуномъ. Съ одной стороны шляпы гнѣздышко прелестныхъ колибри. Завязки тоже изъ красныхъ атласныхъ лентъ.

13) Шляпка искра. Четырехугольная тулья будто соткана изъ гранатовыхъ бусъ. Поля бархатныя бронзоваго цвѣта. Вокругъ тульи обвиты атласныя

натянутаго положенія и подражанія взрослымъ, что неминуемо влечетъ за собой нарядное платице, сдѣланное по послѣдней модѣ; а потому ребенокъ, оставаясь ребенкомъ, въдесятеро болѣе веселится и наслаждается отъ души сдѣланнымъ ему родителями удовольствіемъ. Къ тому же, сколько волнений испытываетъ ребенокъ еще заранѣе, въ надеждѣ не быть узнаннымъ своими товарищами въ своемъ незамысловатомъ костюмѣ! Сколько волнений при входѣ въ залу! Здѣсь дѣйствуетъ не чувство самолюбія, къ несчастію такъ развиваемое въ нашихъ современныхъ дѣтяхъ; нѣтъ, тутъ только желаніе лучше выполнить роль, налагаемую на ребенка костюмомъ. Достоинство матеріи и дороговизна костюма не имѣютъ тутъ никакой цѣны, будь онъ изъ бархата или изъ самой простой ткани, ребенку все равно, цѣль заключается въ томъ, чтобы лучше исполнить свою роль и заслужить похвалу хорошаго актера. Не слѣ-

дуетъ также умолчать о пріятныхъ воспоминаніяхъ, которые долгое время остаются въ памяти счастливецъ и служатъ темой любимаго разговора многондней спустя, а также и о мечтахъ дѣтей о повтореніи подобнаго счастливаго дня на слѣдующій годъ. Мы позволяемъ себѣ надеяться, что маманьки не посѣтуютъ на насъ, если мы представимъ имъ описаніе нѣсколькихъ, далеко не замысловатыхъ дѣтскихъ маскарадныхъ костюмовъ, выборъ которыхъ сдѣланъ былъ нами съ разборомъ, какъ по своей дешевизнѣ, такъ и по своему удобству въ исполненіи ихъ ролей.

ДѢТСКІЕ МАСКАРАДНЫЕ КОСТЮМЫ.

15) Молочница. Этотъ костюмъ можетъ быть исполненъ изъ двухъ кашмировыхъ голубыхъ матерій; вся прелесть его состоитъ въ его милостивости. Фартучекъ кисейный или фуляровый, бѣлый, обшитъ кружевомъ. Корсажъ съ очень короткими рукавчиками, обшитыми тоже кружевомъ. Тюлевая косынка, бархатка на шеѣ. Чепчикъ кисейный съ кружевомъ и голубой бархатной отдѣлкой. Полосатые чулки.

16) Неаполитанскій рыбакъ. Батистовая или фуляровая бѣлая рубашка съ гипюровой прошивкой; фуляровые суроваго цвѣта панталоны. Широкий пестрый шарфъ изъ алжирской ткани, обшитый пестрой бахромой. Рыбацкій красный шерстяной колпакъ. Красныя шерстяныя чулки. Желтыя кожаныя туфли съ ремнемъ, перевязаннымъ нѣсколько разъ на перекрестъ чулокъ. Длинная вязанная сѣть, брошенная черезъ плечо и прикрѣпленная у пояса.

17) Пирожникъ. Жилетъ съ короткими панталонами изъ серизоваго съ черной полосой кануса или фуляра. Бѣлый нансуковый фартукъ, такіе же рукава. Полосатые одного цвѣта съ костюмомъ чулки. У шеи туго накрахмаленная обшивка, сложенная рюшемъ. Кухонныя ножи въ ножнахъ, заткнутые за поясомъ. Корзинка съ пирожками на головѣ, въ рукахъ поварской колпакъ изъ нансука.

18) Мефистофель. Костюмъ изъ фая, атласа или кашмира, самаго яркаго цинцоваго огненнаго цвѣта. Обшивка у шеи круглая, бѣлая, на верху рукавовъ буфой сложенная матеріи. Только сзади виситъ коротенькая тальма съ большимъ отложнымъ ворот-

Рис. 2. Пастушка.

денты бѣжъ и бронзоваго цвѣта, такіе же завязки. Длинные двухцвѣтныя перья спускаются сзади граціознымъ каскадомъ.

14) Гребень Ruy Blas, изъ точенаго стекла-руса.

Принявъ въ соображеніе желаніе заботливыхъ матерей повеселить своихъ дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность выполнить это, въ виду ограниченнаго средства, мы предложимъ нашимъ читательницамъ нѣсколько миленькихъ маскарадныхъ костюмовъ, *которые, будучи приготовлены изъ материнскихъ нарядовъ, потерявшихъ уже свою первоначальную свѣжесть, не представятъ лишнихъ затратъ. Предлагая маскарадные костюмы, мы имѣемъ въ виду то ихъ преимущество предъ обыкновеннымъ платьемъ, что каковы бы они ни были, они всегда болѣе радуютъ ребенка по своей своеобразности; танцующая въ немъ, ребенокъ избавляется отъ

никомъ, прикрѣпленная на плечахъ. Шапочка мягкая, того же цвѣта, что костюмъ, только впереди два пѣтушиныхъ пера, стоящіе надъ лбомъ, въ видѣ рожковъ. На золотомъ галунѣ виситъ шпага. Длинные перчатки и туфли того же цвѣта, что и костюмъ.

19) Червонный тузъ. Серизовая шелковая или

вошный тузъ. Колье и серьги эмалевые съ изображеніемъ червоннаго туза.

20) Павлиновая птичница. Бѣлая фаевая или атласная юбочка, вокругъ обшита павлиновыми перьями. Темно малиновый атласный корсажъ, вышитый темнѣе тѣнью шнуркомъ. Весь передъ лифа и вокругъ ворота обшитъ отдѣлкой изъ павлиновыхъ

Электрическія украшения:

Электричество, которому XIX вѣкъ обязанъ столькими новыми изобрѣтеніями и приспособленіями, не отказалось послужить и предметамъ роскоши. Инженеръ Труве, изучавшій электричество и сдѣлавшій драгоцѣнные открытія въ послѣднее время, пробовалъ примѣнить электричество къ золотымъ укра-

Рис. 4.
Красавица персіянка.

Рис. 3.
Намуна.

атласная юбочка, слегка вышитая чернымъ шнуркомъ арабесками, и на нѣкоторыхъ мѣстахъ прикрѣпленные карты: червонный тузъ. Тюникъ припесъ блѣдно-зеленаго цвѣта, обшитый нѣсколькими біз и бантиками изъ серизоваго атласа. Узенькій атласный шарфъ поперекъ всего переда оканчивается большимъ червоннымъ тузомъ. На головѣ тоже чер-

перевъ. Тюникъ блѣдно-зеленый, пуфъ котораго перехваченъ широкой отдѣлкой изъ павлиновыхъ перьевъ, нанизанныхъ на проволоку для того, чтобы образовать стоячую отдѣлку. Соломенная шляпочка, обшита розовыми лентами съ перьями на боку. Туфли зеленые съ украшеніемъ изъ перьевъ. Длинная хвостинка, на концѣ которой одно павлиновое перо.

шеніямъ, въ чемъ успѣлъ вполне. Эти украшения состоятъ изъ различныхъ фигурокъ, приводимыхъ въ движеніе электрической батареей, величиной въ небольшую папироску. Эта крошечная батарея носитъ въ карманѣ, положимъ въ жилетѣ джентельмена и искусно скрытымъ шнуркомъ соединяется съ булавкою галстуха; у женщины же, будучи спрятана

въ корсажѣ, доходить до брошки или медальона, или, наконецъ, до брилiантоваго украшенiя, сверкающаго въ волосахъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «La Nature» есть нѣсколько рисунковъ этихъ, какъ бы живыхъ, украшенiй. Вотъ булавка, головка которой представляетъ голый черепъ съ рубиновыми глазами и эмалевыми зубами. Когда обладатель этой

брошки, который по волѣ своей госпожи начинаетъ съ рвенiемъ барабанить на своемъ микроскопическомъ барабаничкѣ, не уступая въ этомъ любому оперному музыканту. Вотъ прелестная брилiантовая птичка, кокетливо вколотая въ изящную прическу; она, какъ живой колибри, хлопаетъ крылышками или качается во все стороны до того натурально, что такъ

самой батарее. Она состоитъ изъ двухъ пластинокъ, цинковой и угольной, заключенныхъ въ отвердѣлую гутаперчевую трубочку, герметически закупоренную. Цинкъ и уголь занимаютъ верхнюю часть трубочки, а въ нижней ея половинѣ находится возбуждающая жидкость. Наклонная или опрокидывающая приборъ, мы даемъ возможность жидкости касаться обѣ-

Рис. 5.

Рис. 6.

Бальные наряды.

предестной вещицы замѣтитъ, что кто-нибудь заинтересовался ею и пристально на нее смотритъ, онъ незамѣтно опускаетъ палецъ въ карманъ и, дотрогнувшись до батареи, заставляетъ ее дѣйствовать: тотчасъ-же глаза въ булавкѣ начинаютъ перекатываться въ глазныхъ впадинахъ, а зубы съ яростью скрежетаютъ. Вотъ и крошечный кроликъ въ видѣ

и кажется, что она сейчасъ откроетъ свой миньятюрный ротикъ и запоетъ свою пѣсенку. Дѣйствительно, презабавныя вещицы, и кто знаетъ, можетъ быть, наши дамы счумбуютъ воспользоваться ими для передачи своихъ душевныхъ разговоровъ среди многочисленной толпы своихъ обожателей, не возбуждая ничьего подозрѣнiя. Не менѣе интересно устройство

ихъ пластинокъ; происходитъ химическая реакцiя, слѣдствiемъ которой является электрическiй токъ, продолжающiйся до тѣхъ поръ, пока жидкость по нашему желанiю не займетъ снова нижней части, скрытой отъ любопытныхъ глазъ, трубочки. Наука, какъ мы видимъ, объяснившая многiя явленiя, казавшiяся прежде непонятными, не отказалась по-

служить къ увеличенію числа забавныхъ бездѣлушекъ.

Магическій плисеръ.

Спѣшимъ подѣлиться пріятной новостью съ нашими читательницами, привыкшими, не прибѣгая къ дорогимъ портнихамъ, обновлять самимъ свои костюмы. Одно изъ самыхъ большихъ затрудненій, особенно для жительницъ въ провинціальныхъ городахъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя живутъ въ деревнѣ, представляютъ отдѣлки на туалетахъ, а потому новоизобрѣтенная въ Парижѣ машинка, основательно названная магическимъ плисеромъ, ничѣмъ для нихъ не замѣнима. На видъ это ничтожная вещь, далеко не обѣщающая всѣхъ истинно прелестныхъ отдѣлокъ, которыя можно сдѣлать при ея содѣйствіи. Представьте себѣ маленькія цинковыя пластинки, лежащія горизонтально и соединенныя между собою простой лентой. Ничего нѣтъ проще этого аппарата; онъ свертывается даже при надобности въ карманъ, а между тѣмъ этимъ не сложнымъ аппаратомъ можно исполнить самое разнообразное плисе. Уже извѣстный до сихъ поръ аппаратъ для плисе, будучи заключенъ въ рамку, не давалъ возможности сшивать рюшъ или воланы, имѣя заготовляемые; съ новоизобрѣтенной машинкой это неудобство совершенно устранено, ею можно дѣлать вывернутое плисе (*gueules de loup*), столь трудное, даже почти невозможное для исполненія руками. Самыя сложныя складки, самыя оригинальныя новыя отдѣлки съ ея помощью дѣлаются легкой забавой. Вы болѣе не ограничиваетесь гладко приглаженными складками плисе, напротивъ, съ помощью магическаго плисера вы можете исполнить съ удивительною точностью всевозможные роды рюша, даже нѣжную обшивку *crêpe lisse*. Можно прикрѣплять рюшъ у самого борта, въ серединѣ сшивать его въ то время, когда онъ еще находится въ аппаратѣ, и потому, вынимая его изъ онаго, вамъ остается его прямо пришивать на платье. Сколько бы мы ни говорили, намъ никогда не удастся описать всѣ прелести, исполняемыя плисеромъ, но что еще болѣе увеличиваетъ его достоинство—это его крайняя дешевизна; за 58 франковъ *) вы получаете ящикъ, въ которомъ находится магическій плисеръ, четыре гири кокетливой формы для придерживанія работы въ то время, какъ лѣвая рука занята; кромѣ того прилагается печатное наставленіе, какъ употребляютъ плисеръ, и планъ съ указаніемъ его механизма. Вотъ аппаратъ, который по всей справедливости достоинъ назваться семейнымъ другомъ и въ Парижѣ онъ вступилъ въ соперничество съ такъ много употребляемыми въ прежне время пальцами для вышиванія; теперь искуснымъ пальчикомъ открылось новое поле для соревнованія. Кто придумаетъ новый фасонъ; кому первому придетъ вдохновеніе издать новую отдѣлку,—вотъ вопросы, которые занимаютъ молодыхъ изобрѣтательницъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавляютъ ихъ родителей отъ лишнихъ издержекъ

на дорогія украшенія костюмовъ. По истинѣ полезное изобрѣтеніе и, вѣроятно, многіе поспѣшатъ воспользоваться имъ.

Рис. 8 и 9.
Костюмъ мальчика.

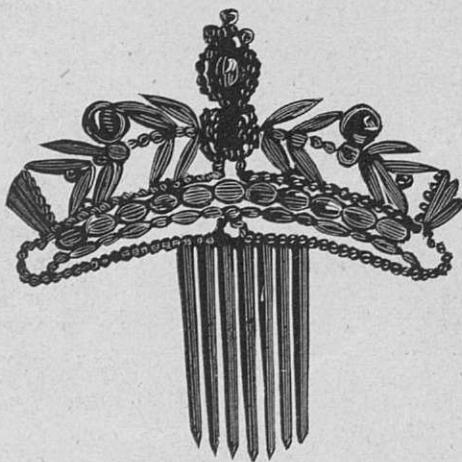

Рис. 14.

Желая быть полезнымъ нашимъ читательницамъ и быть въ состояніи рекомендовать имъ нѣсколько модныхъ магазиновъ, куда онѣ могли бы адресоваться съ полной увѣренностью въ доброкачествен-

ности предметовъ, мы предприняли рядъ обзорѣй такихъ магазиновъ; во главѣ ихъ мы поставимъ модный магазинъ г-жи Луизъ (изъ Парижа), на Фонтанкѣ, близъ Анничкина моста, д. № 54, квар. 86, гдѣ мы нашли изящность настоящаго парижскаго вкуса, соединенную съ поразительной дешевизной, непривычной для Петербурга. Особенно обратило наше вниманіе туалетъ молодой дѣвочки изъ легкаго блѣдно-розоваго ситиленъ, подобранный и украшенный совершенно оригинально; корсажъ полуоткрытый, вырѣзанъ *en carré*; впереди пластронъ съ узкимъ мысомъ, фасонъ *bergère Watteau*, отдѣланный кружевомъ *point d'esprit* и оканчивающійся пятью блѣдно-розовыми атласными бантами; букетъ не распустившихся розъ положенъ слѣва очень высоко, почти у плеча, что даетъ особенный кокетливый видъ всему костюму. На бокахъ панье очень пышное снизу и совершенно плоское на бедрахъ. Спинка оканчивается двумя петлями, перевязанными въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ видѣ кокъ, падаая на полудлинную юбку, убранство которой скорѣе вдохновеніе, чѣмъ исполненіе. Другой туалетъ изъ бѣлаго фая, совершенно покрытый серебристымъ газомъ. Спереди 3 неправильно драпированные наискось шарфа серебристаго газа, вырѣзанные большими зубцами, обшитые кружевомъ, изъ-подъ котораго виднѣется прелестный бантикъ. Бока юбки тоже газовые, собраны спадающими складками. Прищипной шлейфъ четыре-угольный, полудлинный, заложенный крупными складками и сверхъ него еще падающій граціозный длинный газовый шлейфъ съ нѣсколькими подборами. Корсажъ съ баской, немого расходящейся спереди полуоткрытый; спинка почти вся скрыта своеобразной отдѣлкой изъ кружева съ лентами. Этотъ туалетъ до того легокъ и прозраченъ, что кажется совершенно эфирнымъ.

Не можемъ умолчать о туалетѣ г-жи Л., исполненномъ въ этомъ же магазинѣ. Розовое атласное платье, весь передъ котораго отдѣланъ изъ мелкихъ кружевъ *Valenciennes* и кажется покрытымъ свѣжимъ пушкомъ. Бока юбки состоятъ изъ трехъ панье безъ всякой отдѣлки. Рукава полукороткіе, на половину изъ розоваго атласа, на половину изъ полосатой голубой матеріи броше, съ мелкими гирляндами цвѣтковъ, особенно граціозно расположенными. Корсажъ изъ той же броше матеріи, очень коротокъ спереди, очень длиненъ сзади и подбрасывается на юбку, которая вся розовая, атласная. Полудлинный шлейфъ, отдѣланный нѣсколькими кокилье изъ двухъ матерій. Ничего нельзя себѣ вообразить наряднѣе этого костюма, а узнавши его цѣну, мы были поражены, какъ легко быть изящно одѣтой, не подвергаясь большому издержкамъ. Глядя на всѣ эти прелестные балльные костюмы, подумаешь, что специальность этого магазина одни нарядныя платья, но скоро мы разубѣдились, увидавъ нѣсколько простенькихъ костюмовъ, неуступающихъ въ своемъ изяществѣ вышеописаннымъ нарядамъ.

Войдя въ соглашеніе съ этимъ домомъ, мы пріятно предупредить нашихъ читательницъ, что если онѣ адресуются отъ имени редакціи нашего журна-

*) По теперешнему курсу и съ расходами по пересылкѣ изъ Парижа, это составитъ на наши деньги около 26 руб.

ла, имъ будетъ сдѣлана значительная уступка противъ обыкновенныхъ цѣнъ.

Изъ магазиновъ для верхнихъ одеждъ положительно можемъ рекомендовать въ Гостиномъ дворѣ, въ большой суровской линіи, № 117 и 116, верхнее

Бархатныя вещи.

Пальто изъ лѣонскаго бархата безъ
отдѣлки, короткое, отъ..... 55 до 110 руб.
Длинное отъ..... 75 » 170 »

Мѣховыя, плюшевыя и пр. по самымъ умереннымъ цѣнамъ. Осеннія и лѣтнія вещи всегда послѣдняго фасона, начиная отъ 18 руб. и дороже. Легкія шелковыя и кашмировыя накидки разнообразны и не уступаютъ въ изяществѣ здѣшнимъ первымъ

Рис. 10.
Костюмъ дѣвочки.

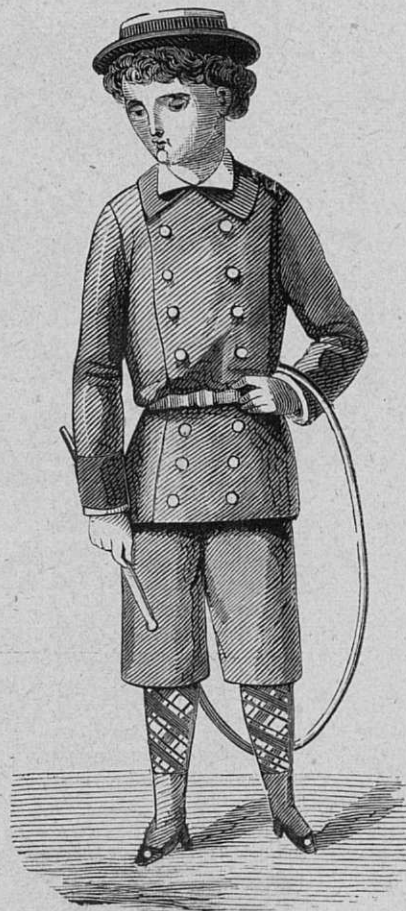

Рис. 11.
Костюмъ 4-ти лѣтн. мальчика.

Рис. 12.

Рис. 13.

отдѣленіе; исполненіе заказанныхъ вещей всегда вполне добросовѣстно и можно, ничѣмъ не рискуя, прямо изъ провинціи высылать заказы. Вотъ цѣны нѣсколькихъ предметовъ, которые ознакомятъ лучше, чѣмъ самое подробное описаніе вещей.

Съ богатой отдѣлкой перьями, кружевомъ и пр. отъ..... 65 до 300 руб.
Пальто изъ фая армюръ и отдѣлками отъ..... 60 » 150 »
Пальто изъ шерстяной матеріи отъ 25 » 70 »

большимъ магазинамъ. Заказы исполняются аккуратно въ самое непродолжительное время. Подписчики на журналъ «Живописное Обозрѣніе» пользуются 5% уступки.

Звѣзда, освѣщенная электричествомъ. Надняхъ, въ самый разгаръ костюмированного бала парижской ратуши, появилась чрезвычайно интересная маска въ костюмѣ алхимика съ прикрѣпленною къ шляпѣ миниатюрною звѣздою, освѣщенною электрическимъ свѣтомъ по послѣднему способу Эдисона. Механизмъ батареи помѣщался въ шляпѣ и по желанію звѣзда загоралась или потухала,—если

ОТЪ РЕДАКЦИИ. I. Въ этомъ году будетъ выпущено шесть № «Модъ», т. е. по номеру каждые два мѣсяца. Слѣдующій 2-й № выйдетъ въ началѣ апрѣля мѣсяца. 3-й № въ началѣ іюня и т. д.

II. Редакція покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся на журналъ съ приложеніемъ вы-

что всѣ приобрѣтенныя редакціей выкройки могутъ разойтись по подпискѣ и редакція вынуждена будетъ объявить, что подписка на выкройки болѣе не принимается.

Въ настоящее время подписка на журналъ съ приложеніемъ выкроекъ **продолжается.** Желаящіе получить при журналѣ выкройки

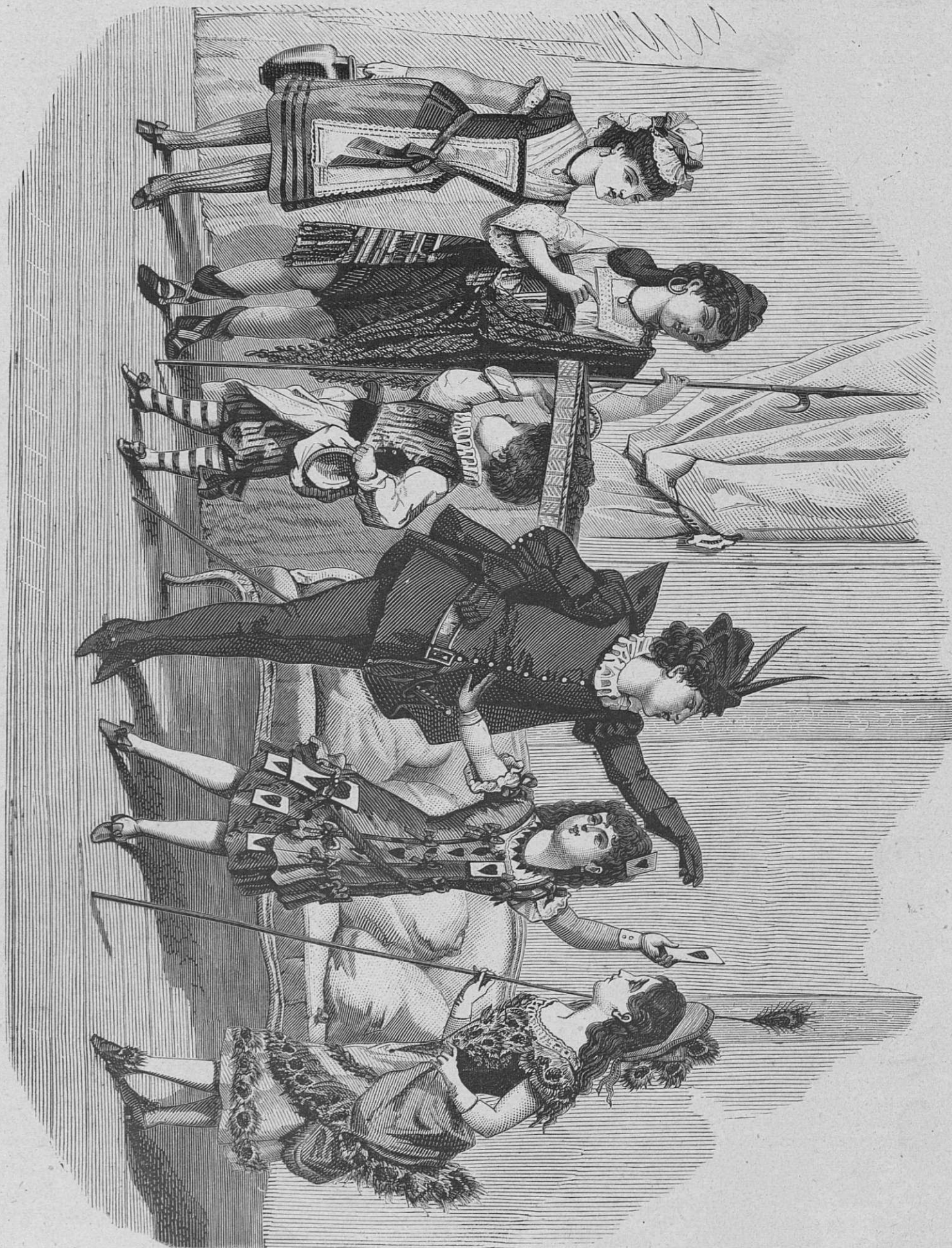

Рис. 15, 16, 17 18, 19 и 20.
Дѣтскіе маскарадные костюмы.

алхимикъ танцовалъ и разговаривалъ съ дамою, то звѣзда загоралась великолѣпнымъ свѣтомъ, переливаясь цвѣтами радуги; когда же алхимикъ былъ одинъ, звѣзда потухала. Эта новинка произвела всеобщій фуроръ. (См. выше «Электрическія украшенія»).

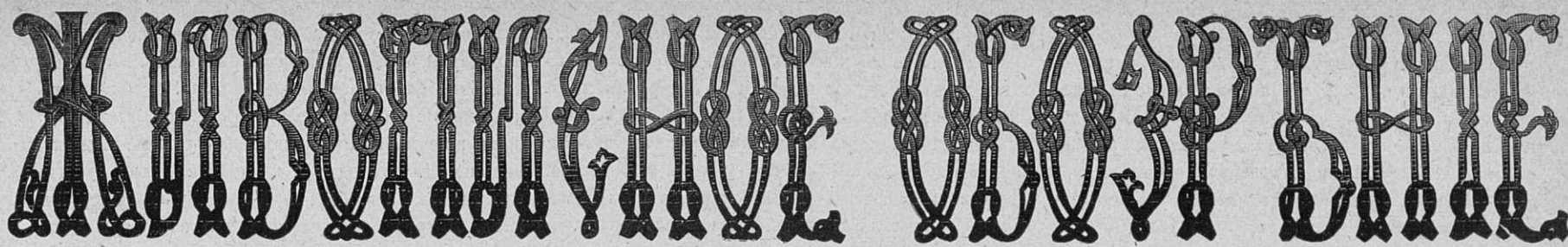
роекъ, въ случаѣ неполученія кѣмъ либо изъ нихъ выкроекъ, увѣдомлять о томъ редакцію тотчасъ же вслѣдъ за полученіемъ того №, при которомъ была приложена эта выкройка. Несоблюденіе этого условія лишитъ редакцію возможности удовлетворить хотя бы и правильную, но запоздалую жалобу, потому

прилагаютъ къ годовой подписной цѣнѣ на журналъ, 60 коп.

III. Отдѣльно на приложеніе къ журналу «Парижскія моды» съ выкройками подписка не принимается.

Редакторъ-издатель Н. И. Шульгинъ.

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 10.

На годъ съ пер. и дост.—7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цена отдѣльныхъ №№ по 20 к.

За полгода—4 руб.

1 Марта 1880 года.

Пѣсни П. Дюпона.
Переводъ О. Охтенской.

I. Волю.

Я двухъ большихъ воловъ имѣю
И какъ же оба хороши!
И оба съ пятнышкомъ на шеѣ...
Я ихъ люблю отъ всей души.
Кинитъ моя работа въ полѣ
Съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ приобрѣлъ.
Они въ три дня даютъ мнѣ болѣ
Того, что стоить каждый вольтъ,

И еслибъ ихъ украли,
Пропалъ бы я съ печали.
Умри жена: мнѣ жаль—нѣтъ словъ,
Но все не такъ, какъ жаль воловъ.

Распахнуть землю—заглядѣнье.
Не знаютъ отдыха они
Ни въ будній день, ни въ воскресенье,
Ни въ дождь, ни въ солнечные дни.
Какъ приведешь ихъ къ водою,
Такъ паръ и хлынетъ изъ поздрей,
А птички цѣлою гурьбою
Летаютъ вокругъ моихъ друзей.

Когда бы ихъ украли,
Пропалъ бы я съ печали.
Умри жена: мнѣ жаль—нѣтъ словъ,
Но все не такъ, какъ жаль воловъ.

Имъ нѣтъ соперниковъ по силѣ
Въ слияньи съ кротостью овцы.
За нихъ тьму денегъ мнѣ сулили
Кантона здѣшняго куницы.
Ко мнѣ являлись и вельможи
Давали цѣну хоть куда,
Но чтобъ я продалъ ихъ, о Боже!
Да ни кому и никогда.

А еслибъ ихъ украли,
Пропалъ бы я съ печали.
Умри жена: мнѣ жаль—нѣтъ словъ,
Но все не такъ, какъ жаль воловъ.

Когда бы дочь мою родную
Въ пѣвѣхъ принцъ насѣднѣйшій взялъ,—
За честь великую такую
Я бъ отдалъ весь свой капиталъ;
Но еслибъ мнѣ, радѣя къ трону,
Пришлось воламъ сказать—прости!—
Я бъ возвратилъ назадъ корону,
Чтобъ мнѣ воловъ моихъ спасти.

А еслибъ ихъ украли,
Пропалъ бы я съ печали.
Умри жена: мнѣ жаль—нѣтъ словъ,
Но все не такъ, какъ жаль воловъ.

II.

Тетушка Жанна.

Весенне, лучшіе годы
Проходятъ у насъ ни за грошъ;
Какъ въ рѣченкѣ быстрые воды—
Промчатся, назадъ не вернешь...
И я вѣдь была помоложе;

Всѣ Жанночкой звали тогда;
Рѣзвилась, любила я тоже,
А нынче не тѣ ужъ года.

Зовутъ меня тетушкой Жанной;
Меня окружаетъ семья:
Корова, бычекъ мой желанный,
Ципляточки, куры, свинья...
И слушала бъ, слушала я
Возню ихъ и гамъ неустанный,
Какъ въ прежніе дни соловья.

Когда я была молодою
Меня забавлялъ туалетъ;
Нарядомъ своимъ, красотою
Хотѣлось плѣнить цѣлый свѣтъ:
Тамъ бантикъ, тамъ перышко вѣдо,
Бывало, въ прическѣ моей,
А нынче не то: на умѣ-то
Дѣла у меня поважнѣй.

Зовутъ меня тетушкой Жанной.
и т. д.

Работа и сѣра, и слѣва:
Тутъ жатва, а тамъ сѣнокосъ;
Глядь, время приспѣло посѣва
И дома заботъ набралось:
Того покорми, да другого,
Непортятъ скотинку—лѣчи,
Да вотъ еще нынче корова
Бычкомъ отелилась въ ночи.

Зовутъ меня тетушкой Жанной.
и т. д.

Вотъ рядомъ съ насѣдкой хохлатой
Мотаетъ нѣтухъ гребешкомъ
И съ жалобнымъ пискомъ циплята
Бѣгутъ за насѣдкой бѣгомъ;
Вотъ овцы блеютъ на просторѣ
И ржеть мой табунъ жеребятъ;
А мнѣ въ разношерстомъ ихъ хорѣ
Рубли, да червонцы звучать.

Зовутъ меня тетушкой Жанной,
и т. д.

Чтобъ деньги водились: работай!
Да въ оба смотри—не зѣвай!..
Тружусь-то, тружусь я, съ охотой,
А скучно, какъ мужъ шалонай
Напьется. Всю ночь пробуемъ,
Пока не завалится спать.
Проснитесь—и мы поцѣлуемъ
Съ нимъ миръ заключаемъ опять.

Зовутъ меня тетушкой Жанной
и т. д.

Наканунъ чистаго понедѣльника

Разсказъ Н. Лейкина.

Послѣдній день масляницы, такъ называемое
прощенное воскресенье, приближается къ концу.
Часы гдѣ-то за стѣной пробилъ десять. На ули-
цѣ еще не стихъ гулъ пьянаго веселья; время
отъ времени раздаются звуки гармоніи; не то
пѣсня, не то вопль и крикъ: караулъ!

Приказничья компанія въ старинномъ купе-
ческомъ домѣ, называемая «молодцовской», туск-
ло освѣщена лампой. На стѣнахъ видѣются
старинные образа съ потемнѣлыми лицами и
передъ ними теплятся лампы. Пахнетъ дере-
вяннымъ масломъ и сапогами. Въ комнатѣ три
кровати и клеенчатый диванъ; надъ ними висятъ
сюртуки, брюки, халаты, принадлежащіе при-
казчикамъ. Мѣстами обои затерты мыломъ отъ
клоновъ и обожжены свѣчкой, мѣстами видѣют-
ся лубочныя картинки, прихвѣленные жеванымъ
хлѣбомъ или прихвѣленные булавками. Изъ
подъ манишки, свѣсившейся съ гвоздя, выгляды-
ваетъ изображеніе «Перенесеніе мощей Тихона
Задонскаго». Рядомъ съ нимъ—Фортуна, ѣдущая
на колесѣ, далѣе—Фаустъ, играющій въ шашки
съ Мефистофелемъ, лакированная картинка пол-
погрудой женщины, цѣлующей котенка, очевид-
но, сорванная съ бомбоньерки, и двѣ-три лито-
графіи изъ стариннаго «Художественнаго Лист-
ка» Тима, съ изображеніемъ севастопольскихъ
героевъ. Все это пожелтѣло и загажено мухами
и тараканами. Приказчики только что верну-
лись съ гулянки. Одинъ молодой паренъ, со-
всѣмъ пьянъ, лежитъ безъ сюртука на диванѣ
и пересчитываетъ, сколько онъ втеченіи дни
выпилъ.

— У сестры передъ блинами три двухспаль-
ныя рюмки православія хватилъ, говоритъ онъ
заплетаящимся языкомъ. — Дяденька поднесъ
средственную баночку мадерныхъ хересовъ; по-
томъ встрѣтились у балагановъ съ Федоромъ
Ивановымъ и царанули въ трактирѣ по двѣ
померанцевыя собачки... Я подъ него подложилъ
пива выставилъ, а онъ парой порттеру поми-
рилъ. Вотъ и все... Ахъ, нѣтъ! Съ Микшей
пуншъ въ «Пеканѣ» пили...

— Да, брось! что считать. Черезъ это люди
сохнутъ! отозвался другой приказчикъ, съ о-
стервенѣніемъ затягивающійся папирской.

— Нѣтъ, я къ тому, что ты говоришь: «я
пьянъ». Съ чего пьяну-то быть! Ахъ, да... Ма-
ленька поднесла стакашекъ вишневой наливки,
такъ какъ я ей за ещюую любовь свой портретъ
и перчатки въ сюрризъ поднесъ, да въ «Моск-
вѣ» съ Герасимомъ Матвѣичемъ по рюмкѣ ма-
раскину дербалызнули и соленымъ огурцомъ
закусили.

Старшій приказчикъ, солидный бородачъ съ
широкой лысиной, кинулъ, перекрестился, со
вздохомъ произнесъ: «Боже, очисти мя грѣшна-
го» и сказалъ:

— А ты вотъ это самое покаяніе-то души
передъ хозяиномъ уже вывори, какъ прощать-
ся съ нимъ пойдешь, такъ онъ тебѣ ругательной-
то словесностью глаза протретъ! Важная эпи-
темія выдетъ.

— Зачѣмъ-же я ему въ своемъ хмѣльномъ
малодушествѣ каяться буду? Мы это промежъ
себя разговоръ разсыпаемъ. А ему по сегодняш-
нему прощеному воскресенью достаточно и та-

кой комплиментъ: бухъ въ ноги и—«простите меня грѣшнаго». Хоть и люблю я его, какъ собаку палку, ну, да пусть подавится моимъ поклономъ, это ужъ и по христіанскому положенію назначено. А то вдругъ душу выворачивать и каяться! Нѣтъ, атанде, машеръ сестрица!

— А мы такъ въ старину хозяевамъ въ прощенное воскресенье каялись, погладили бороду старшій приказчикъ.—И въ пьянствѣ каялись, и въ блудѣ и кто ежели по лавкѣ на лѣвую ногу его обдѣлывалъ—и въ этомъ каялись.

— Ну, и что-жъ онъ? Сейчасъ шиплензи полка на вашей волосанкѣ? спросилъ съ дивана пьяный приказчикъ.

— Да ужъ были дѣла! Кабы вотъ ты у Панафила Потанича въ Ростовѣ пожилъ, гдѣ я въ мальченокѣхъ учился, такъ теперешній-то нашъ хозяинъ тебѣ-бы ангеломъ показался, даромъ что онъ съ бородой. Изъ-за приказничкаго-то покаянія онъ у насъ два раза умиралъ смертнымъ манеромъ.

— Какъ умиралъ? спросилъ въ одинъ голосъ все присутствующіе въ комнатѣ.

— Да такъ, какъ все умираютъ. Вытнулъ ноги и закрылъ глаза, и въ домѣ вой поднялся.

— Да что ты врешь, дяденька Емельянъ Яковлевичъ! Неужто два раза умиралъ? произнесъ хмѣльной приказчикъ и даже приподнялся на диванѣ и сѣлъ.

— Стану я врать въ прощенное воскресенье! Вотъ тебѣ святая икона—не вру! поклялся старшій приказчикъ и продолжалъ:—Пронзительный былъ стариченко и никому никакой вѣры не давалъ. Подозрительность у него въ головномъ воображеніи была, что все его обворовываютъ и надуваютъ. И что онъ, бывало, этихъ самыхъ реформъ по нашимъ приказничкиимъ сундукамъ и комодамъ дѣлалъ, такъ уму помраченье! Мы въ лавкѣ, а онъ дома ломаетъ у насъ запоры, да въ нашемъ добрѣ и роется, разыскиваетъ, не украли-ли мы что, пѣтъ-ли денегъ. Вѣдь деньги запрещено было приказникамъ у себя имѣть. Какое ежели зажитое жалованьишко есть—держи въ хозяйскомъ сундукѣ. «У меня, говоритъ, цѣлѣе будетъ, а то пропьешь, либо съ полюбившицами прогуляешь. А надо тебѣ на сапоги, либо Богу на свѣчку—у меня спроси». Только тѣмъ, кто на побывку въ деревню ѣхалъ и отдавалъ деньги—да и то жилилъ-жилилъ и ужъ завсегда обчитаетъ. Продѣ былъ—а не человѣкъ. Спервоначала эти самые поломанные запоры мы у своихъ комодовъ да сундуковъ чинили, а тамъ и бросили, потому деньги какія-ежели, такъ въ сапогѣ подъ пяткой держали.

— Значить, все-таки хаунцы по лавкѣ у васъ были? спросилъ кто-то.

— Чудакъ-человѣкъ, нельзя же безъ гроша денегъ оставаться! И вынуть хочется, и то, и другое, такъ заневолю руку въ хозяйскую выручку запустишь, коли онъ зажитаго истиннику не дастъ, отвѣчалъ старшій приказчикъ и продолжалъ:—Изойди весь бѣлый свѣтъ, другого такого хозяина теперь, пожалуй, и не сыщешь. Двухъ женъ въ гробъ вколотилъ и на третьей женатъ былъ. Третья попалась полная, бѣлая, румяная, что твоя сайка московская, и походка брюшкомъ впередъ и съ перевальцемъ, а зубья—совсемъ миндалины.

— Ты, дядя, ужъ больно хорошо рассказываешь, улыбнулся во весь ротъ хмѣльной приказчикъ,—былъ бы я тамъ, такъ ужъ такой хозяйкѣ спуска бы не далъ. Это съ тѣмъ возьмите, годъ носите и починка даромъ!

— Да вѣдь и то грѣхъ былъ, утвердительно кивнулъ головой рассказчикъ.—Одинъ нашъ приказчикъ, Назаромъ звали, и то ее захоронилъ и въ лучшемъ видѣ въ амуръ игралъ. То, бывало, ликерное сердце преподнесетъ, то стихи ей любовные изъ книжки на розовую бумажку

съ воркующими голубями выпишетъ. И такъ, братецъ ты мой, она въ него втюрилась, что даже деньги у мужа крала и ему передавала, а онъ ихъ въ деревню пересылалъ. Теперь въ своемъ мѣстѣ трактиръ и кабакъ держитъ. Изъ-за хозяйки-то и все покаяніе у насъ произошло. Сталъ онъ замѣчать, что не чисто, а настоящей истинны понять не можетъ, ну, и придумалъ штуку. Сталъ писать духовное завѣщаніе. Призвалъ пона и тамъ все какъ слѣдуетъ: «Во имя Отца и Сына... завѣщаю мою душу Богу, а брѣнное тѣло предать погребенію въ долбленомъ дубовомъ гробѣ». Потомъ слѣдовало распределение капиталовъ женѣ, сродственникамъ и насъ всехъ приказчиковъ малой толикой по губамъ помазалъ, да кромѣ того включилъ такой пунктъ: «а супругу мою любезную, всехъ домашнихъ и вѣрныхъ моихъ приказчиковъ прошу и умоляю, когда мнѣ мою кончину пріять отъ Бога придется, воздохнуть обо мнѣ сердцемъ и очистить свою душу падъ моимъ теплымъ прахомъ покаяніемъ въ чемъ согрѣшили они противъ меня, обманомъ или утайкой». Когда черновая была написана, призвалъ насъ всехъ къ себѣ, заставилъ протопопа прочесть ее намъ да и говоритъ: «поклонитесь, говоритъ, что послѣ моей смерти вы мою слезную мольбу въ покаяніи вашемъ въ точности исполните».

— И поклялись вы? спросили приказчики.

— Да какъ-же не поклясться-то, коли человекъ проситъ, а самъ такой доброты отмѣной, что каждому изъ насъ по куску наслѣдства насулил, отвѣчалъ рассказчикъ.—Къ тому же поднялся онъ съ мѣста и повалился намъ въ ноги. Жена евоная первая перекрестилась, а за ней и мы. «Что-жъ, думаемъ, передъ мертвымъ покаяться не опасно, не то что передъ живымъ». А онъ: «такъ помните-же, говоритъ, ребятунки и супруга наша любезная, что вы при отцѣ протопопѣ свое клятвенное обѣщаніе мнѣ дали».

— Ахъ, чтобъ ему ни дна, ни покрывки! воскликнулъ одинъ изъ приказчиковъ.

— Постой, погоди, продолжалъ рассказчикъ.—Прошло это недѣли двѣ—вдругъ застоналъ онъ на весь домъ: «въ поясахъ, говоритъ, щемитъ и въ голову пронзительно стрѣляетъ...»

— Это хозяйинъ-то? послышался вопросъ.

— Ну, да. Про кого-же я рассказываю? Началъ бабковой мазью тереться, калганъ пьетъ, видимъ, что голосъ такой сдѣлался у него слабый, даже ругаться пересталъ, а ужъ на что былъ ругатель, и вдругъ въ постель слегъ. На другой день такъ къ вечеру призываетъ насъ къ себѣ и такіа слова: «не подниматься ужъ мнѣ, ребятунки, чувствую, что смертный часъ мой приходитъ. Все вы награждены у меня въ духовной по чинамъ вашимъ, только не забудьте меня въ молитвахъ вашихъ поминать да падъ прахомъ моимъ теплымъ покаяться». А у самого, у шельмеца, на глазахъ даже слезы. Поутру встали мы, сестра евоная, вѣковуха, старая дѣвушка была и за нимъ за большимъ ходила, вѣгаетъ къ намъ въ молодцовскую и кричитъ: «умеръ, умеръ! хозяйинъ умеръ! Мы побѣжали къ нему въ спальню, глядимъ—жена воетъ, а онъ лежитъ за ширмами на кровати, вытянувшись, глаза закрыты и даже носилъ весь. Страшный такой и отъ зеленыхъ-то ширмъ матерчатыхъ еще страшнѣе. «Ну, думаемъ, царство небесное!» Перекрестились и хотѣли бѣжать за гробовщикомъ да за понами, а сестра евоная, вѣдма: «нѣтъ, говоритъ, постойте; прежде вамъ нужно клятву выполнить и надъ теплымъ прахомъ его во грѣхахъ своихъ покаяться». Взяла невѣстку-то свою за руку да и подвела къ постели. Та рухнулась на полъ, завывала и начала причитать: «повинна я, голубчикъ, что тебя не почитала, вѣрности настоящей не сохранила, съ приказчикомъ Назаромъ слюбилась, деньги у тебя

изъ конторки утягивала и полюбивнику своему передавала». А сама такъ и плачетъ! Ужасно какая богобоязненная женщина была! А мы стоимъ и думаемъ: «зачѣмъ-же это въ слухъ? Неужто и намъ по ейнымъ поступкамъ поступать?» Однако, подошли къ его одру и каждый потихоньку, кто что знаетъ за собой, и давай душу выворачивать. Я тогда только еще что изъ парнишекъ вышелъ и грѣховъ за мной немного числилось. Разъ трешницу зеленую въ лавкѣ стянулъ, разъ парочкой шелковыхъ платковъ попользовался да дома изъ незапертаго шкапа изъ четвертной бутылки настойки себѣ въ полоскательную чашку отлилъ, а то все по гривенникамъ да пятацтынымъ проходилъ. Однако и это сказали. За мной другіе. Мальчишекъ лавочныхъ и тѣхъ къ покойнику пропихнули за ширмы. Стряпуха изъ кухни пришла и та въ солдатѣ и серебряной ложкѣ покаялась. Хотѣли ужъ уходить изъ спальни, какъ вдругъ изъ-за ширмъ хохотъ и кашель. Мы такъ и остолбенѣли, а ужъ оттуда голосъ хозяина. «Спасибо, други любезные, что въ грѣхонаденіяхъ своихъ покаялись и пелену съ моихъ глазъ сняли. Чай-я въ васъ ягнать не повинныхъ встрѣтить и наградить въ своей духовной за вашу безсеребряность, а теперь, какъ увидалъ, что вы волки кровожадные, то приходится мнѣ духовную мою переписывать». Вышелъ изъ-за ширмъ да какъ-хвать меня за волосы и давай раскачивать, какъ бѣлье полагать. Ужъ онъ меня моталъ-моталъ! Когда бросилъ, осмотрѣлся-я, гляжу—хозяйка въ обморокѣ пластъ пластомъ лежитъ, все приказчики разбѣжались, а сестра хозяйская, вѣковуха, стоитъ у притолки и пронзительно улыбается. Оказалось, что это онъ съ ней стачался и надулъ насъ своей смертью.

Воцарилось нѣкоторое молчаніе. Слушатели покачали головой.

— Какъ-же это вы не замѣтили его живности, когда каялись-то? спросили они.

— Да ужъ съ радости. Шутка-ли, человекъ терзалъ-терзалъ насъ, а вдругъ—умеръ и наслѣдство оставилъ, отвѣчалъ рассказчикъ.—Къ тому-же зеленныя ширмы обману помогли. И безъ того-то онъ былъ всегда смертью смертью, худой да зеленый такой, а тутъ совсемъ покойникъ.

— Что-же дальше-то было?

— А дальше жену сейчасъ въ баню, на замокъ, заколотилъ ставни да трое сутокъ на хлѣбѣ и на водѣ ее и продержалъ тамъ. Утромъ и вечеромъ ей пищу туда самъ носилъ. Пойдетъ, запретъ на замокъ; а ужъ что тамъ было, намъ неизвѣстно. Вой слышали мы оттуда. На собачьей цѣпи, говорятъ, онъ ее привязанной за ногу къ скамейкѣ держалъ. Когда выпустилъ ее изъ бани—вся въ синякахъ да въ царапинахъ была и даже прихрамывала.

— Какъ-же сродственники за нее не заступились черезъ эти самыя турецкія звѣрства?

— Сирота она была взята имъ, за красоту ейную изъ Углича, и въ Ростовѣ у ней никакихъ сродственниковъ не было.

— Ну, а Назаркѣ, полюбивнику-то ейному что? Тоже поди по шеѣ перенало? допытывались слушатели.

— Назарка хитеръ, въ деревню сбѣжалъ и послѣ черезъ полицію паспортъ свой съ него требовалъ. Пробовалъ хозяйинъ его въ воровствѣ обвинить да не удалось. Назаркѣ только тотъ убытокъ, что зажитыя деньги свои онъ не получилъ. Да и мы не получили, даромъ что волосанки приняли. «Вы, говоритъ, ужъ десять разъ у меня свое жалованье самовольно изъ выручки выгребли, такъ теперь я съ вами расчетъ».

— И продолжали жить у него?

— Все продолжали, кромѣ Назарки, потому что тотъ у себя въ деревнѣ кабакъ открылъ. Куда дѣться-то безъ денегъ? Въ Ростовѣ вѣдь

не то, что въ Питерѣ, торговцевъ разъ-два да и обчелся, а онъ насъ на весь городъ ослабилъ, что мы ему полшубокъ вычистили. Какой-же торговецъ къ себѣ воровъ въ приказчики возьметъ? Ну, за неволю и жили у него вплоть до его смерти.

— Умеръ ужъ развѣ?

— Умеръ. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ этого умеръ. И вѣдь, что-жъ ты думаешь: умеръ онъ во второй разъ ужъ по настоящему, а мы не вѣримъ. Обмыли его, на столъ положили, а мы все не вѣримъ, думаемъ, что притворяется. Поняли панихиду служить и со святыми упокой поютъ, а у насъ въ головѣ такой смесль, что все это подвохъ. Когда ужъ засмердѣлъ, тогда только повѣрили, что настоящій покойникъ.

— И ужъ больше не выворачивали свою душу надъ его прахомъ?

— Зачѣмъ-же ужъ было передъ настоящимъ мертвымъ выворачивать душу, когда мы заранѣе передъ живымъ выворотили? Будетъ съ него и одного раза.

— Ну, а какъ духовная оказалась?

— Шипъ съ масломъ. Никакой духовной не осталось. Жена по закону свою часть получила.

— И за Назарку потомъ замужъ вышла? спросили рассказчика.

— Какъ-же она за Назарку могла замужъ выйти, коли Назарка былъ женатый. Еще при живности покойника она тайкомъ попивать начала, а послѣ его смерти во всю гулять начала, связалась съ однимъ дьякономъ-разстригой, все денежки съ нимъ спустила, а ужъ послѣ ее видѣли наши купцы въ Нижнемъ, на ярмаркѣ, въ арфьянкахъ. Въ трехугольникъ она тамъ палочкой била и на ноты съ гостей собирала.

Наступила опять пауза. Въ молодцовскую вошла кухарка.

— Ну, идите съ хозяиномъ прощаться и въ ноги ему кланяться. Отужиналъ онъ и теперь въ гостиную псалтырь читаетъ, сказала она. — Ничего, ласковый. Я ужъ простилась съ нимъ и теперь буду въ печи сковороды отъ скоропи выжигать. До земли мнѣ, ребятушки, онъ поклонился. «Прости, говорить, и меня, Акулина, грѣшного и окаяннаго, въ чемъ согрѣшилъ или обидѣлъ».

Пьяный приказчикъ началъ пкать.

— Запей водой. Не хорошо такъ. Ну, что ты словно лягушка квакаешь, говорили ему.

— Ладно, и такъ сойдемъ. Только, братцы, я ему въ ноги кланяться не буду, говорилъ онъ. — Будетъ съ него и земного поклона. За что я буду ему потрафлять, коли онъ меня не уважаетъ! Хозяинъ поклонюся, а ему — накомъ, выкуси!

— Да полно, брось гордость-то! Ну, чортъ съ нимъ! Неужто у тебя отъ поклона-то голова отвалится, возражали молодцы.

Старшій приказчикъ вздохнулъ и, произнеся: «Господи Владыко живота моего», отправился въ хозяйскія комнаты первымъ, за нимъ слѣдовали остальные приказчики, а сзади ихъ лавочные мальчишки.

Стих. С-наго.

Долго въ мракѣ я блуждалъ,
Долго свѣта въ мракѣ ждалъ,—
Но не видно было свѣта
И терять надежду я,
Чтобъ печальная жизнь эта
Разъяснилась для меня.
Вдругъ блеснулъ мнѣ огонекъ,—
Онъ былъ свѣтель, хоть далекъ,
Я бѣжать къ нему пустился
Поскорѣй, что было силъ,
Добѣжалъ, остановился:
Этотъ свѣтъ—гнилушка былъ!

Волкъ.

Романъ Эркмана Шатриана. Переводъ М. Минуть.

(Продолженіе.)

Глава XII.

Часъ спустя послѣ моего разговора съ графиней, мы со Сперверомъ скакали во весь духъ изъ Нидека. Мой пріятель, склонившись надъ лошадыю, силою понукалъ ее. Онъ скакалъ такъ быстро, что его конь съ развѣвающейся гривой, вытянувъ хвостъ, казался неподвиженъ: онъ буквально разсѣкалъ воздухъ. Моя же горячая лошада закусилла удила и тоже мчалась во весь духъ. Насъ сопровождалъ Ливерле, увиваясь возлѣ насъ, какъ стрѣла. Мы неслись. Башни Нидека были далеко и Сперверъ, по обыкновенію, обогналъ меня, когда я окликнулъ его:

— Стой, товарищъ, стой, прежде чѣмъ ѣхать дальше, посоветуемся!

Онъ оборотился ко мнѣ.

— Только скажи, Фрицъ, куда намъ повернуть, направо или налево?

— Нѣтъ, подѣзжай ко мнѣ, необходимо тебѣ знать цѣль нашей поѣздки: надо захватить старуху!

Удовольствіе ясно выразилось на желтомъ худомъ лицѣ стараго охотника, его глаза засверкали.

— Ахъ, сказалъ онъ,—я зналъ, что тѣмъ кончится.

И движеніемъ плечъ онъ повернулъ свое ружье. Этотъ выразительный жестъ обратилъ на себя мое вниманіе.

— Погоди, Сперверъ, дѣло не въ томъ, чтобы убить Чуму; надо захватить ее живой.

— Живую?

— Безъ сомнѣнія, и чтобы избавить тебя отъ угрызений совѣсти, я долженъ тебя предупредить, что судьба старухи тѣсно связана съ жизнью графа. И такъ пуля, которая поразитъ старуху, убьетъ и графа.

Сперверъ разинулъ ротъ отъ изумленія.

— Правда-ли это, Фрицъ?

— Правда.

Мы замолчали; наши лошади, Фоксъ и Ренель, весело качали головами, роя снѣгъ, какъ бы радуясь прогулкѣ. Ливерле зѣвалъ отъ нетерпѣнія, вытягивая, какъ змѣя, свою худую спину; Сперверъ неподвижно держалъ руку на ружьѣ. Наконецъ, онъ перебросилъ его на спину и вскричалъ:

— Ну, такъ постараемся захватить ее живую. Пожалуй, можно надѣть перчатки, но это не такъ легко, какъ ты думаешь, Фрицъ.

И, протянувъ руку къ поднимающимся амфитеатромъ горамъ, онъ прибавилъ:

— Смотри, вотъ Альтенбергъ, Биркенвальдъ, Шнебергъ, Оксенгорнъ, Рейталь, Беренкоуфъ, и если мы еще немного пройдемъ, ты увидишь пятьдесятъ новыхъ горъ до самой долины фальцграфства; тамъ скалы, овраги, ущелья, потоки и лѣса, сперва сосновые, а тамъ буковые, дальше дубовые. Старуха вездѣ бродитъ, у нея вѣрный глазъ и сильные ноги. Попробуй тутъ изловить ее.

— Если бы это было легко, не было бы и заслуги. Я тебя вѣдь нарочно выбралъ.

— Это все прекрасно... Еще еслибъ мы нашли ея слѣдъ, то, пожалуй, съ мужествомъ и терпѣніемъ...

— Что касается слѣда, то я этимъ займусь.

— Ты?

— Я самъ.

— Ты сумѣешь найти слѣдъ?

— Почему-жъ бы и нѣтъ?

— Ну, если ты думаешь, что понимаешь больше моего, поѣзжай впередъ, а я поѣду за тобой.

Легко было видѣть досаду стараго охотника, возмущеннаго тѣмъ, что я осмѣлился коснуться

его специальныхъ знаній. И такъ, тихо посмѣиваясь, я не заставилъ себя повторить приглашенія и быстро повернулъ налѣво, въ увѣренности пересѣчь слѣды старухи, когда она ушла съ графомъ подземнымъ ходомъ, а чтобы дойти до горъ ей пришлось бы пройти равнину. Сперверъ ѣхалъ за мною, равнодушно посвистывая, и я слышалъ, какъ онъ ворчалъ: «Ищи въ долині слѣды волчицы!». Другой бы подумалъ, что она по привычкѣ своей пойдетъ по опушкѣ лѣса. Но видно она теперь гуляетъ повсюду, засунувъ руки въ карманы, какъ фрибургская мѣщанка!

Я дѣлалъ видъ, что ничего не слышу, какъ вдругъ онъ вскрикнулъ съ изумленіемъ; потомъ проницательно поглядѣлъ на меня:

— Фрицъ, ты больше знаешь, чѣмъ говоришь!

— Какъ такъ, Гедеонъ?

— Я этотъ слѣдъ искалъ бы цѣлую недѣлю, а ты нашелъ его той же минутой, это что-то неправдоподобно!

— Гдѣ ты его видишь?

— Э, э, не смотри себѣ подъ ноги!

Онъ указалъ мнѣ вдаль на бѣлую, едва приметную дорожку.

— Вотъ она!

Тотчасъ же онъ пустился галопомъ, я за нимъ, и минуты двѣ спустя, мы слѣпились: то былъ дѣйствительно слѣдъ Чумы!

— Мнѣ любопытно знать, сказалъ Сперверъ, скрестивъ руки,—откуда ведетъ этотъ слѣдъ?

— Не заботься объ этомъ!

— Ты правъ, Фрицъ, не обращай вниманія на мои слова; я часто говорю на вѣтеръ. Главное дѣло въ томъ, куда насъ приведетъ этотъ слѣдъ?

На этотъ разъ ловчій безъ разсужденій наклонился къ снѣгу. Я прислушивался, онъ внимательно вглядывался.

— Слѣдъ свѣжій, сказалъ онъ послѣ осмотра,—она прошла здѣсь сегодня ночью! Какъ это странно, Фрицъ, во время третьяго припадка графа старуха бродила возлѣ Нидека!

Онъ посмотрѣлъ еще внимательнѣе.

— Она была здѣсь въ три или четыре часа!

— Почему ты это знаешь?

— Слѣдъ слишкомъ свѣжъ и кругомъ мелкій градъ; когда я ночью вышелъ, чтобы запереть двери, шелъ градъ, а вотъ на слѣду его нѣтъ, слѣдовательно, она прошла послѣ.

— Это все вѣрно, Сперверъ, но слѣдъ могъ быть сдѣланъ позднѣе, часовъ въ восемь, въ девять.

— Нѣтъ, посмотри, онъ покрытъ гололедицей. Туманъ бываетъ только на разсвѣтѣ. Старуха прошла послѣ града, до гололедицы, часа въ четыре утра.

Я былъ изумленъ проницательностью Спервера. Онъ поднялся, похлопывая руками, чтобы отряхнуть снѣгъ; задумчиво смотря на меня, онъ сказалъ, какъ бы говоря самъ съ собой:

— Ну, положимъ, въ пять часовъ утра. А теперь полдень, не такъ-ли, Фрицъ?

— Безъ четверти двѣнадцать.

— Ну, старуха опередила насъ на семь часовъ. Намъ надо прослѣдить шагъ за шагомъ весь ея путь. На лошади мы можемъ выиграть лишній часъ, а предположивъ, что она все идетъ, мы ее догонимъ въ семь или восемь часовъ вечера. Въ путь, Фрицъ, и скорѣй!

Мы поскакали по слѣду. Онъ велъ насъ прямо въ горы.

— Если на счастье эта проклятая Чума заберется куда-нибудь отдохнуть, мы ее поймемъ до сумерекъ, сказалъ Сперверъ.

— Будемъ надѣяться, Гедеонъ.

— О, не надѣйся. Старая волчица вѣрно идетъ, она неутомима, она путается по всѣмъ пустыннымъ тропинкамъ Шварцвальда. Наконецъ, не надо обольщаться мечтами. Если, на

случай, она остановится, тѣмъ лучше, а если она все идетъ, не будемъ и тутъ отчаяваться! Ну, ну, гонь, гонь!

Странное положеніе охотиться за себѣ подобнымъ существомъ, потому что вѣдь несчастная была все-таки человѣкомъ; она была, какъ и мы, одарена безсмертной душой, она чувствовала, мыслила; правда, извращенные инстинкты приближали ее въ нѣкоторомъ отношеніи къ волчцѣ и тайна тяготѣла надъ ея судьбой. Бродячая жизнь, безъ сомнѣнія, изгладила въ ней нравственное чувство и даже извратила ея человѣческій характеръ; но ничто не давало намъ права примѣнить къ ней властное отношеніе человѣка къ звѣрю. И однако, въ этомъ преслѣдованіи насъ увлекала дикая горячность; я чувствовалъ, какъ кровь у меня кипѣла, я рѣшился ии передъ чѣмъ не останавливаться, чтобы овладѣть этимъ страннымъ существомъ. Охота на волка или кабана не могла бы меня возбудить въ такой степени! Снѣгъ леталъ вокругъ насъ и часто куски льда, выбиваемые копытами, свистали мимо ушей.

Сперверъ, то поднявъ голову вверхъ съ развѣвающимися рыжими усами, то смотря на слѣды, напоминалъ мнѣ знаменитыхъ башкирцевъ, которыхъ я видѣлъ въ Германіи въ дѣтствѣ, и его конь, поджарый, сильный, съ развѣвающейся гривой, съ тонкимъ, стройнымъ станомъ, дополнялъ плюзію. Ливерле въ восторгѣ скакалъ иногда почти до нашихъ лошадей и я не могъ удержаться отъ дрожи, думая о его встрѣчѣ съ Чумою: онъ былъ способенъ разорвать ее въ клочки, прежде чѣмъ она успѣетъ крикнуть. Но старуха насъ порядкомъ помучила. На каждомъ холмѣ она кружила, на каждой горѣ мы находили ложный слѣдъ.

— Еще здѣсь ничего, кричалъ Сперверъ, — далеко видно, но въ лѣсу будетъ хуже. Тамъ надо смотрѣть въ оба! Видишь, проклятая, какъ она умѣетъ сбивать со слѣду! Здѣсь она совсѣмъ замела свои слѣды; на этой вышкѣ она проскользнула до ручья, она шла къ нему по кресону, чтобы добраться до кустарниковъ. Безъ этого она бы насъ навѣрное провела!

Мы достигли до опушки сосноваго лѣса. Здѣсь было трудно пробиваться. Сперверъ сошелъ съ лошади, чтобы лучше видѣть, и велѣлъ мнѣ ѣхать слѣва, чтобы не затемнять ему путь. Только на ровныхъ мѣстахъ Сперверъ опять нападалъ на слѣдъ. Намъ пришлось почти часъ выбираться изъ лѣса. Старый охотникъ кусалъ усы и его большой носъ нюхалъ кругомъ. Когда я пытался что-нибудь сказать, онъ ворчливо прерывалъ меня:

— Не говори, это меня сбиваетъ!

Наконецъ, мы вышли въ долину налѣво и Гедеонъ указалъ мнѣ на слѣды возлѣ вереска.

— Хоть это и старый слѣдъ, но мы пойдемъ по немъ — ему можно довѣряться.

— Почему?

— Потому, что Чума имѣетъ привычку отходить шага на три въ сторону, потомъ возвращается опять къ тому же мѣсту, опять дѣлаетъ шаговъ пять и быстро прыгаетъ въ прогалину. Но когда она чувствуетъ себя подъ прикрытіемъ, она идетъ тихо. Смотри, здѣсь она путалась въ кустарникахъ, какъ кабанъ, теперь не трудно ее выслѣдить. Пойдемъ по слѣду и закуримъ.

Мы остановились и Сперверъ, оживившись, воскликнулъ:

— Фрицъ, это лучший день въ моей жизни! Если мы захватимъ старуху, я привяжу ее, какъ узелъ съ тряпьемъ, на спину Фокса; одно меня огорчаетъ...

— Что?

— Я забылъ свой охотничій рогъ. Я бы затрубилъ въ него на границѣ Нидека, ха, ха, ха!

Онъ закурилъ свою посогрѣйку и мы поѣхали дальше.

Слѣды волчицы дошли до окраины лѣса на такой крутой отлогости, что мы должны были нѣсколько разъ слѣзая съ лошадей и вести ихъ въ поводу.

— Теперь опять повернула направо, сказалъ мнѣ Сперверъ, — съ этой стороны горы такъ высоки и круты, что которому-нибудь изъ насъ придется слѣзть и держать лошадей, пока другой будетъ карабкаться. Чортъ возьми, ужъ смеркается!

Пейзажъ принималъ величественныя очертанія; громадныя сѣрыя скалы, покрытыя ледниками, высились своими острыми вершинами, какъ рифы на сѣжномъ океанѣ. Чрезвычайно унылый видъ представляетъ природа зимой въ горахъ: горные хребты, овраги, голыя де-

(Къ роману «Волкъ»). ...Бѣдный Ливерле унасъ мертвый.. (См. № 10 стр. 182.)

ревья, верескъ, блестящій отъ инея, — все посѣтъ печать запустѣнія и неудержимой грусти. И тишина, такая тишина, что вы слышите полетъ листка или паденіе вѣтки съ дерева, — эта тишина гнететъ васъ и внушаетъ вамъ мысль о безмѣрномъ ничтожествѣ и тщетѣ всего земного. Какъ ничтоженъ самъ человѣкъ: двѣ послѣдовательные зимы и жизнь счтена безслѣдно! Иногда мы чувствовали потребность поговорить и обмѣнивались незначущими словами:

— Ага! кажется, мы скоро придемъ! Какой адекій холодъ.

Или кричали собакѣ:

— Эй, Ливерле, ты что опустилъ уши!

По несчастію, Фоксъ и Ренель начинали уставать; они проваливались по грудь въ снѣгъ и не ржали, какъ при отъѣздѣ. А потомъ пошли такія непроходимыя ущелья Шварцвальда, что мы не знали, какъ и выбраться. Старуха, вѣроятно, очень любила уединеніе: здѣсь она устроила себѣ пріютъ въ брошенной хижинѣ угольщика;

дальше она выкапывала съ корнемъ мохъ со скалы и присаживалась у подножія дерева, должно быть, недавно, не больше двухъ часовъ тому назадъ, потому что слѣды были совсѣмъ свѣжіе; наши надежды и усердіе удвоились. Но день видимо угасалъ. Странное дѣло, со времени нашего отъѣзда изъ Нидека мы не встрѣтили ни угольщикова, ни дровосѣкова, ни цыганъ. Въ это время года уединеніе Шварцвальда такъ же велико, какъ американскія или сѣверныя стени.

Въ пять часовъ уже совсѣмъ стемнѣло; Сперверъ остановился и сказалъ:

— Мой бѣдный Фрицъ, мы опоздали двумя часами. Волчица опередила насъ! Черезъ десять минутъ наступитъ страшная тьма. Всего проще было бы добраться до пустой скалы, минутъ на двадцать отсюда, развести огонь, съѣсть нашъ запасъ и осушить нашъ бурдюкъ. Когда взойдетъ луна, мы опять пойдемъ слѣдъ, и если старуха не самъ дьяволъ, я держу десять противъ одного, что мы найдемъ ее оконечившую отъ холода у подножія какого-нибудь дерева, ибо невозможно, чтобы человѣческое существо могло переносить такую усталость по такой погодѣ; самъ Себальдъ, первый ходокъ въ Шварцвальдѣ, не выдержалъ бы! Ну, Фрицъ, какъ ты думаешь?

— Я думаю, что это будетъ самое лучшее; я страшно голоденъ.

— Ну, такъ въ путь!

Онъ поскакалъ впередъ и устремился въ узкое ущелье между высокими скалами. Сосны скрещивали надъ нашими головами свои вѣтви. Подъ нашими ногами протекалъ потокъ почти высохшій, а издали сверкали какіе-то лучи и отражались въ глубинѣ тусклыхъ, какъ свинецъ, волнъ. Темнота была такая, что я опустилъ поводья и далъ волю Ренелю. Копыта нашихъ лошадей по скользкому камню дико звякали, какъ взрывы смѣха обезьянъ-макаковъ. Эхо горъ отвѣчало каждому звуку и вдали темная точка, казалось, увеличивалась при нашемъ приближеніи: то былъ входъ въ ущелье.

— Фрицъ, мы теперь ѣдемъ по руслу потока Тункельбаха. Это самое дикое ущелье во всемъ Шварцвальдѣ; весной, когда таютъ снѣга, Тункельбахъ бѣжитъ съ высоты двухъсотъ футовъ. Шумъ и ревъ ужасный. Воды бьютъ ключомъ и обдають брызгами окружающія горы. Случается, что они заливаютъ пещеру пустой скалы, но теперь тамъ сухо и мы можемъ смѣло развести огонь.

Въ это время сильный вѣтеръ подулъ мнѣ прямо въ лицо; мы подходили къ ущелью. Вдругъ красноватый отблескъ озарилъ скалу въ ста футахъ надъ нами, мрачную зеленъ сосенъ и заблесталъ на гирляндахъ инея.

— Ага, сказалъ Сперверъ прерывающимся голосомъ, — вѣдьма у насъ въ рукахъ!

Мое сердце забилося, мы прижались другъ къ другу. Собака глухо зарычала.

— Да развѣ она не можетъ ускользнуть? спросилъ я тихо.

— Нѣтъ, она теперь, какъ крыса въ мышеловкѣ, оттуда другого выхода нѣтъ, кругомъ почти отвѣсныя скалы. Ага, я тебя поймалъ, наконецъ, старая злодѣйка!

Онъ слѣзъ съ коня и далъ мнѣ держать поводъ. Меня охватила трепетъ. Я въ тишинѣ слышалъ, какъ онъ заряжаетъ ружье. Этотъ отрывистый звукъ мгновенно поразилъ меня.

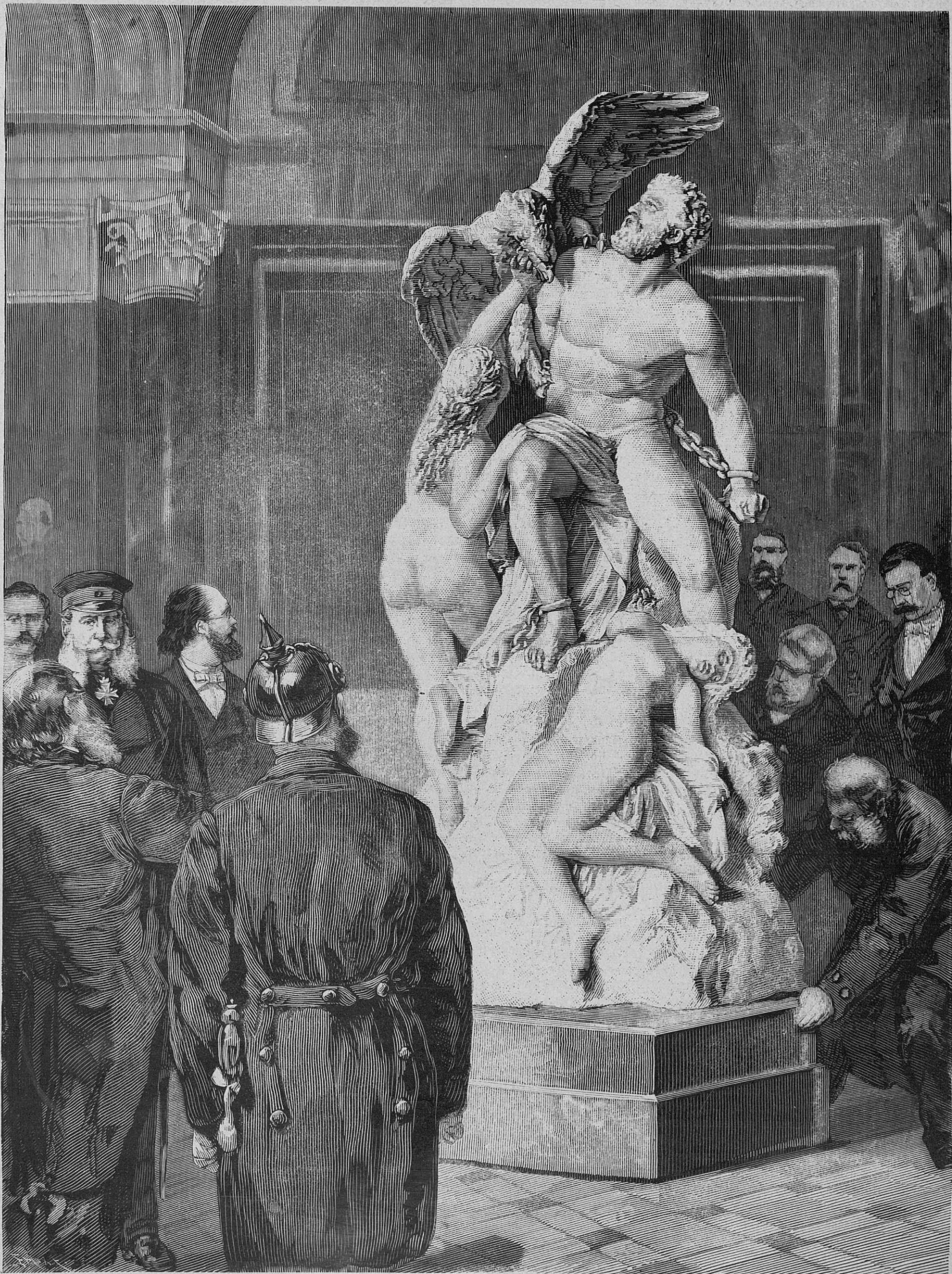
— Сперверъ, что ты хочешь дѣлать?

— Не бойся, это только, чтобы спугнуть ее.

— Ну, слава Богу; помни, чтобы не было пролито крови; не забывай, что я сказалъ те-

ВЫСТАВКА ВЪ БЕРЛИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕЕ.
СКУЛЬПТУРА МИЛЛЕРА.

Прометей.
Ръзано на дървъ въ Берлинъ.

бѣ: «Пуля, которая убьет старуху—убьет и графа!»

— Будь покоенъ.

Онъ удалился, не слушая меня. Я слышалъ, какъ онъ плелся по водѣ, потомъ увидѣлъ, какъ онъ вошелъ въ ущелье, чернѣя на темномъ фонѣ. Онъ минутъ пять стоялъ неподвижно. Я, наклонившись съ сѣдла, смотрѣлъ на него и потихоньку подвигался впередъ. Когда онъ обернулся, я былъ въ трехъ шагахъ отъ него.

— Тсъ! сказалъ онъ тихо.—Смотри!

Въ глубинѣ выема, выбитаго въ скалѣ, какъ это дѣлаютъ каменоломы въ горахъ, я увидѣлъ огонь, пылающій яркимъ пламенемъ до самаго свода пещеры, а передъ огнемъ сидѣлъ на короткохъ мужчина; по его платью я узналъ барона Цимера Блудерика. Онъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ на руки голову. За нимъ что-то черное лежало, вытянувшись на темномъ камнѣ, а дальше стояла въ полутьмѣ его лошадь, поводья глазами, настороживъ уши и раздувая ноздри. Какимъ образомъ очутился баронъ Цимеръ въ это время въ такомъ уединеніи? Что онъ тутъ дѣлалъ? Не заблудился-ли онъ? Самыя противорѣчивыя предположенія пробѣгали въ моемъ умѣ, я не зналъ, на чемъ остановиться, когда лошадь барона заржала.

При этомъ звукѣ ея господинъ поднялъ голову.

— Что съ тобой, Донеръ? сказалъ онъ.

Потомъ, въ свою очередь, онъ посмотрѣлъ въ нашу сторону, напрягая зрѣніе.

Эта блѣдная голова съ выдающимися скулами, съ тонкими губами, съ густыми рѣсницами, съ большимъ морщинистымъ лбомъ, при другихъ обстоятельствахъ восхитила бы меня, но теперь въ моей душѣ возникло чувство безконечнаго опасенія и я очень растревожился.

Вдругъ молодой человѣкъ вскричалъ:

— Кто тамъ?

— Я, г. баронъ, тотчасъ же отвѣчалъ Сперверъ, подходя къ нему,—я, Сперверъ, ловчій графа Нидека.

Взоры барона засверкали, но ни одинъ мускулъ въ его лицѣ не шевельнулся. Онъ всталъ, движеніемъ плечъ поправляя свою бурку. Я придержалъ лошадей и собаку, которая начала рычать очень знаменательно.

Кто не бываетъ подверженъ суевѣрному страху? Мнѣ стало страшно, когда завылъ Ливерле, ледяная дрожь пробѣжала по моему тѣлу.

Сперверъ и баронъ стояли шагахъ въ пятидесяти другъ отъ друга: первый стоялъ неподвижно съ ружьемъ на плечѣ, другой-же стоялъ на площадкѣ, высоко поднимая голову, съ гордымъ взоромъ, повелительно смотря на насъ.

— Чего вы хотите? спросилъ молодой человѣкъ вызывающимъ тономъ.

— Мы ищемъ одну женщину, отвѣчалъ старый охотникъ,—женщину, которая каждый годъ бродитъ возлѣ Нидека и у насъ есть приказъ захватить ее!

— Она что-нибудь украла?

— Нѣтъ.

— Кого-нибудь убила?

— Нѣтъ, г. баронъ.

— Въ такомъ случаѣ, чего-же вы отъ нея хотите? По какому праву вы преслѣдуете ее?

Сперверъ выпрямился и устремилъ свой ясный взоръ на барона:

— А вы по какому праву захватили ее? спросилъ онъ.—Она тамъ, я вижу ее въ глубинѣ пещеры. По какому праву вы вмѣшиваетесь въ наши дѣла? Развѣ вы не знаете, что мы здѣсь на землѣ Нидека и что мы имѣемъ тутъ право суда и расправы?

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ и рѣзко сказалъ:

— Я не обязанъ отдавать вамъ отчета.

— Берегитесь, сказалъ Сперверъ,—я пришелъ не съ враждебными намѣреніями. Я дѣйствую отъ имени графа Іери-Ганса, я въ своемъ правѣ, а вы мнѣ плохо отвѣчаете!

— Ваше право, сказалъ молодой человѣкъ съ горькой усмѣшкой.—Не говорите о вашемъ правѣ, вы меня вынудите заговорить тогда о моемъ!..

— Такъ говорите, вскричалъ старый охотникъ, у котораго ноздри раздувались отъ гнѣва.

— Нѣтъ, отвѣчалъ баронъ, я вамъ ничего не скажу и вы не войдете сюда!

— Ну, это мы увидимъ! сказалъ Сперверъ, направляясь къ пещерѣ.

Баронъ выхватилъ свой охотничій ножъ. Увидѣвъ это, я хотѣлъ броситься между ними. По несчастію, собака, которую я держалъ за ошейникъ, вырвалась и сбила меня на землю. Я считалъ барона погибшимъ, но въ это мгновеніе изъ пещеры раздался злобный крикъ и, когда я приподнялся, я увидѣлъ старуху, освѣщенную пламенемъ костра, въ изорванномъ платьѣ, съ откинутой назадъ головой, съ развѣвающимися волосами. Она поднимала вверхъ свои худыя руки и злобше рычала, какъ волкъ въ холодную зимнюю ночь, когда его мучитъ голодъ. Я ничего не видѣлъ въ жизни ужаснѣе. Сперверъ, недвижимый, съ остановившимся взоромъ, съ разинутымъ ртомъ, казалось, окаменѣлъ. Даже собака при этомъ неожиданномъ появленіи нѣсколько оробѣла; но тотчасъ-же, изогнувъ свою, ошестинившуюся отъ ярости, спину, бросилась съ грознымъ ворчаньемъ, отъ котораго я затрепеталъ. Площадка была на разстояніи восьми или десяти футовъ отъ насъ, иначе собака пала бы туда въ одинъ прыжокъ. Я слышалъ, какъ она продиралась сквозь покрытый ивеемъ кустарникъ, я видѣлъ, какъ баронъ бросился къ старухѣ съ раздражающимъ крикомъ: «Матушка!» Собака сдѣлала послѣднее усиліе и только что приготовилась прыгнуть, Сперверъ съ быстротою молніи приложился и бѣдный Ливерле упалъ мертвый у ногъ барона.

Все это произошло въ одно мгновеніе. Ущелье освѣтилось и эхо разнеслось по безпечнымъ глубинамъ и горамъ. Наступила мгновенная тишина, какъ мракъ послѣ молніи.

Когда дымъ отъ вистрѣла разсѣялся, я примѣтилъ Ливерле, распростертаго у подножія скалы, и старуху безъ чувствъ на рукахъ молодого человѣка. Сперверъ былъ блѣденъ и мрачно смотрѣлъ на барона съ искаженнымъ лицомъ, съ глазами полузакрытыми отъ негодованія. Онъ опустилъ ружье прикладомъ къ землѣ.

— Г. баронъ Блудерикъ, сказалъ онъ, указывая на пещеру,—я убилъ лучшаго своего друга, чтобы спасти эту женщину, вашу мать! Благодарите небо, что ея судьба тѣсно связана съ жизнью графа... Уведите ее... уведите ее и пусть она больше не возвращается, иначе я за себя не поручусь!..

Онъ посмотрѣлъ на собаку:

— Мой бѣдный Ливерле, вскричалъ онъ тоскливо,—такъ вотъ чѣмъ все должно было кончиться! Пойдемъ, Фрицъ, бѣжимъ, я способенъ на преступленіе!

И, схвативъ Фокса за гриву, онъ хотѣлъ сѣсть въ сѣдло, но сердце его не выдержало, онъ опустилъ голову на шею лошади и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Шарль Демальи.

Романъ Эдмона и Жюль Гонкуръ. Переводъ Н. Лѣтнева (Окончаніе.)

XXXVI.

Докторъ предупредилъ жену Шарля и выписалъ въ Парижъ Шаванна. По рѣшенію семей-

наго совѣта, больного заключили въ Шарантонъ. Тамъ ему отвели особенную комнату, особенную прислугу, окружили его заботами и всевозможнымъ комфортомъ. Первое впечатлѣніе больного, привезеннаго въ сумасшедшій домъ, посреди рѣшетчатыхъ каминовъ и зеркалъ, поставленнаго въ соприкосновеніе съ незнакомыми ему лицами, въ среду совершенно новую и страшную для него, внезапно оторваннаго отъ своего мѣстопробыванія и окруженнаго непривычными заботами и вниманіемъ, первое впечатлѣніе его есть чувство сильнаго изумленія, которое отвлекаетъ его отъ его пункта помѣшательства и даетъ другой оборотъ его мыслямъ. Къ этому примѣшивается также неопредѣленное чувство страха; умѣряя первное возбужденіе, оно успокоиваетъ больного и располагаетъ его къ пассивному повиновенію. Чувствуя вокругъ себя постоянный надзоръ, онъ отказывается самъ собою отъ всякаго покушенія на самоубійство, заранѣе увѣренный въ безполезности своихъ попытокъ.

Съ осунувшимся, пожелтѣвшимъ лицомъ, съ сухими, красными губами и безпокойнымъ взглядомъ, Шарль водворился въ своемъ новомъ мѣстопробываніи. На вопросы онъ отвѣчалъ коротко, тяжело вздыхалъ и по временамъ вскрикивалъ: «Я хочу уйдти... я хочу узнать...» Онъ продолжалъ содрогаться при малѣйшемъ шумѣ, молчаніе пугало его и на лицѣ его постоянно выражались муки сожалѣнія, ужаса, отчаянія, но онъ, повидному, отбросилъ всякую мысль о самоубійствѣ, хотя его съ большимъ трудомъ можно было заставить выпить бульонъ.

Главный докторъ придерживался почти той же системы, какъ и первый докторъ Шарля. Онъ считалъ нравственное лѣченіе преобладающимъ, хотя не исключительнымъ. Вслѣдствіе наблюденія и опыта онъ допускалъ въ составъ этого лѣченія — физическую боль, не какъ наказаніе, а какъ нравственный двигатель. Приравнивая сумасшедшихъ къ дѣтямъ, онъ считалъ, что физическое наказаніе, необходимое и благотворное въ первые годы дѣтства, должно быть примѣнено и къ сумасшествію, и что мозгъ, находящійся въ состояніи дѣтства, нужно поощрить и обуздать наказаніемъ, для того, чтобы его переработать. Желая дать Шарлю время оглядѣться и привыкнуть къ повиновенію, — главному оружію врача противъ этого рода болѣзней, докторъ отложилъ до слѣдующей недѣли свое посѣщеніе къ нему, когда его увѣдомили, что Демальи положительно отказывался принимать какую бы то ни было пищу. Докторъ внезапно вошелъ въ комнату Шарля, взявъ чашку съ бульономъ и подаль ему. Движеніемъ руки Шарль отбросилъ ее посреди комнаты. Докторъ не сказалъ ничего, спросилъ другой бульонъ и снова подаль ему съ холоднымъ видомъ. Шарль энергично отвернулся.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ докторъ,—быть вынужденнымъ прибѣгнуть къ крайности. Но такъ какъ вы не хотите быть разсудительнымъ, нужно употребить силу...

— Силу? о!

Глаза Шарля грозно засверкали.

— Зондъ! потребовалъ докторъ.

Трое людей схватили Шарля, запрокинули ему голову и приставили зондъ. Но Шарль съ яростнымъ упорствомъ похондриковъ, которые хотятъ умереть съ голоду, выплевывалъ бульонъ по мѣрѣ того, какъ ему вливали его въ горло. Между имъ и державшими его людьми завязалась борьба. Зондъ могъ сдѣлаться опаснымъ.

— Есть ледъ въ резервуарѣ? спросилъ докторъ.—Перенесите господина Демальи въ залу.

Шарля опустили въ ванну подъ кранъ самой сильной, холодной души. Страданія Шарля были ужасны; онъ страшно блѣднѣлъ, но не разжималъ зубы. На вопросъ доктора, будетъ-ли онъ

бѣть, Шарль молчалъ. Онъ молчалъ полминуты, минуту! Наконецъ, подъ струей льющейся души, онъ разразился слезами и криками.

— Зачѣмъ такъ меня мучить?... такъ ужасно мучить?... Что я вамъ сдѣлалъ?... Ахъ! я знаю, кто вы такіе... Я читалъ медицинскія книги... Вы—докторъ Гемротъ, варваръ Гемротъ!.. и вы всѣ пѣмекіе палачи!.. Я васъ всѣхъ вижу насквозь... По вашему, сумасшествіе—это болѣзнь души, души, которая согрѣшила... Да, ты сказала, что надо наказывать сумасшествіе... за грѣхъ слѣдуетъ наказаніе... Да, я помню... все помню... и за то только, что не имѣлъ всю жизнь передъ глазами образъ Божій, но я всегда имѣлъ его... образъ... и Бога... всегда!.. Я не хочу, чтобъ лили мнѣ на голову. Довольно!.. Я никому не сдѣлалъ зла, никогда... клянусь!.. Это голоса меня преслѣдуютъ... Нѣтъ, вы не Гемротъ, вы не друзья Гемрота... Сжальтесь надо мной, я вамъ общаю, я буду бѣть, буду!..

Шарля выпустили изъ ванны и принесли ему бульонъ; онъ отказался отъ него, но при угрозѣ вторичной души, рѣшился проглотить и такимъ образомъ мало-по-малу принялся за бѣду.

XXXVII.

Онъ сидѣлъ въ ваннѣ подъ холодной душой.

Докторъ говорилъ ему:

— Все, что вы рассказываете мнѣ—вздоръ... Вотъ по этому-то васъ и привезли сюда и выпустятъ только тогда, когда вы опомнитесь.

— Вы хотите, чтобъ я не слыхалъ того, что я вамъ говорю, что слышу, кротко отвѣчалъ Шарль.—Хорошо. Но я знаю, что слышу; вы не хотите, чтобъ я объ этомъ говорилъ, потому что по вашему это неправда... Хорошо, я не буду говорить, но я не могу не слышать...

Душа продолжалась.

XXXVIII.

Заботы, строгая діета, искусное лѣченіе, можетъ быть, и мучительная физическая боль, какъ противоѣдѣтвіе распущенности воображенія, поборили мало-по-малу болѣзнь Шарля, хотя медленно, но вѣрно. Разговаривая съ докторомъ, Шарль не говорилъ болѣе о «назойливыхъ голосахъ» съ прежнею увѣренностью. Онъ не утверждалъ, а только защищался робко и стыдливо и доктору легко было разубѣдить его. Съ каждымъ днемъ теплота и жизнь возвращались въ это жалкое, истощенное тѣло. Благоприятнымъ признакомъ служило то, что воля, эта способность, подавленная и какъ бы совсѣмъ уничтоженная, мало-по-малу выходила изъ оффиціальной и сбрасывала свои оковы. Морально и физически Шарль пробуждался отъ безсознательнаго сна души. Моціонъ вызвалъ анетитъ и возстановилъ сонъ, такъ что, по мнѣнію доктора, время полного выздоровленія было недалеко.

Больной самъ началъ подсмѣиваться надъ «голосами», интересоваться посторонними предметами, не относившимися къ его болѣзни, и даже принялся за чтеніе, не испытывая болѣе, утомительнаго феномена зрѣнія, заставлявшаго буквы прыгать у него въ глазахъ. Шарля поддерживали и помогали его выздоровленію заботы и вниманіе окружающихъ. Вокругъ себя онъ встрѣчалъ общую симпатію. Всѣ, даже самые зачестивѣе въ этомъ домѣ, привыкшемъ къ страданію всякаго рода, были тронуты несчастіемъ этого молодого человѣка. Его меланхолическая, мучительная вначалѣ, а теперь тихая и серьезная, его молодость, теплая благодарность къ окружающимъ, его исторія, смутно распространенная повсюду и внушавшая къ нему участіе, наконецъ, его имя, какъ извѣстнаго автора, привлекло къ нему вообще расположеніе, дружбу и состраданіе. Это всеобщее стремленіе и желаніе его выздоровленія служили большой опорой Шарлю противъ него самого, противъ возврата его иллюзій и отчаянія. Столько рукъ,

казалось, поддерживали его и направляли къ здоровью, на него устремлены были нѣжныя и преданныя заботы всего медицинскаго персонала, равно заинтересованнаго этимъ лѣченіемъ какъ съ научной точки зрѣнія, такъ и со стороны гуманности.

Шаваннъ, пріѣхавшій навѣстить его въ концѣ зимы, нашелъ его въ такомъ хорошемъ состояніи, что хотѣлъ увезти его съ собой. Но докторъ, опасаясь возврата и желая выпустить Шарля на свободу только по окончательномъ выздоровленіи, совѣтовалъ Шаванну подождать весны, какъ самаго благоприятнаго времени для излѣченія душевныхъ болѣзней. А покаместъ онъ освободилъ Шарля отъ всякаго надзора и всякихъ постановленій, такъ что онъ жилъ почти такъ, какъ живутъ политическіе заключенные. Раздѣляя опасенія медицины, онъ ожидалъ назначеннаго срока вполне спокойно и разсудительно. Ему дѣлалось все лучше и лучше и помощникъ доктора, подружившійся съ нимъ, выпросилъ позволеніе увозить его иногда съ собою въ Парижъ и тамъ стараться развлечь его для того, чтобъ приготовить мало-по-малу къ возвращенію свободы.

Въ одинъ вечеръ они обѣдали въ Парижѣ у Бонвиле и докторъ говорилъ ему, что нѣтъ никакой причинъ долѣе держать его и что онъ можетъ въ концѣ зимы ѣхать къ своему другу. Разговаривая, они очутились передъ освѣщеннымъ подъѣздомъ небольшого театра Тампльскаго бульвара и докторъ увидалъ въ глазахъ Шарля такое сильное желаніе войти туда, что онъ взялъ ложи и они вошли. Они сѣли оба и докторъ въ первый разъ увидалъ на лицѣ Демальи, оживленное выраженіе человѣка, какимъ онъ былъ прежде.

— Благодарю васъ, докторъ. Я чувствую, что теперь кончено, рѣшительно кончено! Мнѣ давно хотѣлось заглянуть въ театръ, но я не смѣлъ сказать вамъ это... Ахъ! какъ я счастливъ!

И счастливыя слезы полились изъ глазъ Шарля.

— Я знаю, что все идетъ хорошо, другъ мой. Успокойтесь-же...

Но Шарль, закрывшись платкомъ, плакалъ такими сладкими слезами, что долго не могъ глядѣть на сцену.

Поднявъ голову, онъ увидалъ на сценѣ молодую женщину и молодого человѣка, разыгрывавшихъ любовную роль. Въ одно мгновеніе кровь бросилась въ голову Шарля, глаза его безконечно расширились, губы дрожали. Докторъ хотѣлъ его увести.

— Нѣтъ, докторъ, нѣтъ! Вѣдь я не сумасшедшій, клянусь вамъ!

Онъ весь страшно дрожалъ. Докторъ хотѣлъ взять его и вынести, но Шарль ухватился за скамейку и сильнымъ толчкомъ плеча освободился изъ рукъ доктора и, выпрямившись во весь ростъ, высунулся изъ ложи, и ко всеобщему изумленію, указывая пальцемъ на актрису, закричалъ:

— Голосъ... прелюбодѣйный голосъ!

XXXIX.

Нѣсколько людей схватили Шарля и докторъ услышалъ, какъ говорили:

— Ба! это бѣдный Демальи!

— А говорили, что онъ выздоровѣлъ...

— Такъ онъ не зналъ, что его жена перешла сюда?

Шарля надобно было силою вынести на рукахъ. Онъ защищался ногами, руками и зубами, рвался, кусалъ, царапался. Въ карету его посадили связаннаго. По пріѣздѣ въ Шарантонъ, самыя сильныя лѣкарства, самыя энергическія средства, начиная съ кровопусканія до приложенія раскаленнаго желѣза къ затылку, оказа-

лись бесполезны противъ припадка бѣшенства и маніи разрушенія всего, что попадалось ему подъ руку.

Этотъ продолжительный, ужасный кризисъ смѣнился полнымъ истощеніемъ. И все-таки, не смотря на полный упадокъ силъ, у него вырывались яростные крики. Затѣмъ Шарль былъ не въ состояніи произнести ни слова. Ни однимъ движеніемъ онъ не показывалъ, что понимаетъ то, что ему говорятъ. Лицо его подергивалось судорогами, глаза смотрѣли пристально и мутно и тѣло было все покрыто ссадинами. Пульсъ бился слабо и медленно. Онъ впадалъ въ усыпленіе, Шарль Демальи былъ близокъ къ смерти—къ освобожденію... Но случилось чудо... Проснувшись живымъ отъ этого сна, онъ почувствовалъ жажду и захотѣлъ пить. Несчастный! Онъ не зналъ даже, какъ спросить себѣ воды!

XI.

И онъ остался жить! Онъ живетъ, обреченный исчерпать до дна весь ужасъ и позоръ человѣческаго униженія. Онъ живетъ, чтобъ служить примѣромъ глубины бѣдствія человѣка и безсилія его гордаго духа. Все въ человѣческомъ языкѣ, начиная отъ самыхъ простыхъ названій необходимыхъ предметовъ, все исчезло изъ его памяти. У него нѣтъ ни прошедшаго, ни воспоминаній, ни идей, ни понятія о времени! Изъ всего, что пережило смерть, осталась только груда мяса, которая издаетъ легкіе крики, дѣлаетъ гримасы, плачетъ, смѣется, произноситъ неясные звуки,—безмысленныя проявленія идиотизма безъ всякаго мотива! Ни слѣда ничего человѣческаго, никакого сродства съ людьми, кромѣ тѣла, принадлежащаго человѣчеству однимъ только пищевареніемъ. Прикованный къ креслу, бормоча, какъ новорожденный ребенокъ, неустанно двигая плечами то вверхъ, то внизъ, несчастный издаетъ при видѣ солнца, безмысленный крикъ: «жюк... жюк...», открываетъ ротъ для пищи, которую ему приносятъ и трется о того, кто его кормитъ, какъ ласковое, благодарное животное...

Русскія суевѣрія.

Очерки С. С. Шашкова.

Вступленіе.

Суевѣрія или суевѣрія—это остатки прежнихъ, давно уже отжившихъ вѣрованій, уцѣлѣвшіе въ силу общаго закона переживанія, которому подчинены всѣ стороны человѣческой и животной жизни. Въ каждомъ животномъ организмѣ есть остатки органовъ, выполнявшихъ у отдаленныхъ предковъ этого животного какую-нибудь дѣйствительную функцію, которая потомъ прекратилась, но органъ пережилъ ее и продолжаетъ существовать въ уменьшенномъ, атрофированномъ видѣ и безъ всякаго отправления. Таковы, напр., груди мужчины, крылья не летающихъ птицъ и т. д. Эти атрофированные органы уже перестали играть какую-бы то ни было роль въ организмѣ, но форма ихъ упорно сохраняется и ей нѣрѣдко приписываютъ какое-нибудь значеніе въ организмѣ. Точно также переживаютъ формы и во всей человѣческой культурѣ, въ архитектурѣ, въ платьѣ, въ обычаяхъ общественной жизни, въ вѣрованіяхъ и обрядахъ. Въ нѣкоторыхъ на-

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1880 ГОДА.

КАРТИНА ПРОФЕССОРА В. П. ЯКОБЯ.

Ниніе.

Р'язалъ на деревѣ г. Матэ.

ВЫСТАВКА АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1880 ГОДА.
КАРТИНА ПРОФЕССОРА В. И. ЯКОБІЯ.

Свиданіе.

Рисоваль И. Михайловъ. Рѣзаль на деревѣ г. Сирнимовскій.

шихъ губерніяхъ, напр., у крестьянскихъ домовъ дѣлаются миниатюрные балкончики, на которыхъ не можетъ прилѣсть даже голубь и можетъ уми-ститься только воробей—такъ они узки. Оче-видно, что это пережившая форма дѣйствительнаго балкона. На мужскихъ и женскихъ костюмахъ нашиваются, такъ сказать, обязательно пуговицы тамъ, гдѣ рѣшительно нечего застегивать, напр., на рукавахъ и назади сюртука,—это тоже пере-жившіе остатки пуговицъ, которыя во время оно насаживались для дѣйствительнаго застегиванія. Узенькія ленточки, которыми мы повязываемъ шею, тоже пережившіе остатки шейнаго платка, который прежде предохранялъ горло отъ холода. Точно также переживаютъ формы обрядовъ и вѣрованій, въ то время какъ первоначальный смыслъ ихъ совершенно утраченъ и люди, ста-раясь объяснить ихъ себѣ, придаютъ имъ уже новое, совершенно произвольное значеніе. Извѣ-стно, напр., общераспространенное у насъ по-вѣрье, что браковъ отнюдь не слѣдуетъ вѣнчать въ маѣ мѣсяцѣ: будутъ несчастны. Еще 1800 лѣтъ назадъ Овидій писалъ:

«Дѣвы и вдовы равно избѣгаютъ брачныхъ со-юзовъ этой порой. Въ маѣ бракъ ранней смер-тью грозитъ. Вотъ что извѣстной тебѣ выра-жаетъ поговоркой народъ: «Только злую жену въ маѣ бери за себя».

Овидій объясняетъ происхожденіе этого по-вѣрья тѣмъ, что въ маѣ совершались погребаль-ные обряды Лемуралій, но въ настоящее время первоначальный смыслъ вѣрованія уже давно исчезъ, осталась только форма его, смыслъ ко-торой объясняютъ различно. Если вы спросите русскую купчиху, почему нельзя жениться въ маѣ, то получите въ отвѣтъ, что если жениться въ маѣ, то придется цѣлую жизнь маяться! У всѣхъ народовъ, не освободившихся еще отъ массы грубыхъ суевѣрій, при зѣвотѣ ротъ осѣ-няется священнымъ знаменіемъ; индусъ, напр., при зѣвотѣ долженъ сжать большой и еще дру-гой палецъ и нѣсколько разъ произнести имя Рамы: пренебрегать этимъ такъ-же грѣшно, какъ убить брамина. Нашъ купецъ, крестьянинъ при зѣвотѣ ротъ, ничего не скажетъ для объясненія, почему онъ это дѣлаетъ, — для него этотъ обы-чай уже совершенно пережившая форма, но пер-сіянинъ или зулусъ скажутъ вамъ, что при зѣ-вотѣ можно проглотить демона, который, про-никнувъ въ нутро, будетъ тамъ творить нако-сти. Когда мусульманинъ зѣваетъ, то, прикрывъ ротъ лѣвой рукой, говоритъ: «Аллахъ, укрой меня отъ проклятаго сатаны»; и это помогаетъ, но зѣ-воты все-таки должно избѣгать, потому-что дья-волъ имѣетъ обыкновеніе прыгать въ ротъ зѣ-вующаго. Поэтому-то и у евреевъ есть посло-вица: «не открывай своихъ устъ сатанѣ». Точно также объясняются и обычаи при чиханіи, осно-ванные на древнемъ вѣрованіи, что духи про-никаютъ въ человѣческое тѣло и черезъ носъ; если это добрые духи — хорошо, если злые — бѣда. Когда зулусъ чихнетъ, онъ скажетъ: «Я получилъ благословеніе. Духъ предковъ теперь со мной; онъ пришелъ ко мнѣ; мнѣ надо поско-рѣе славить его, потому что это онъ заставляетъ меня чихать!» Такимъ образомъ, онъ славить души своихъ умершихъ родныхъ, прося ихъ о скотѣ, женахъ и благословеніяхъ. Чиханіе есть признакъ, что больной выздоровѣетъ; онъ благо-даритъ за привѣтствія при чиханіи, говоря: «я приобрѣлъ то благополучіе, котораго мнѣ недо-ставало. Продолжайте быть ко мнѣ благосклон-ны». Чиханіе напоминаетъ челоѣку, что онъ долженъ немедленно назвать Итонго (духа пред-ковъ) своего народа, потому что именно Итонго заставляетъ его чихать, чтобы по чиханью онъ могъ видѣть, что Итонго съ нимъ. Если чело-вѣкъ боленъ и не чихаетъ, приходящіе къ нему спрашиваютъ—чихалъ-ли онъ, и если не чихалъ,

то начинаютъ жалѣть, говоря: «Болезнь велика!» Если чихаетъ ребенокъ, ему говорятъ: «Виро-стай!»; это — признакъ здоровья. Говорятъ также, что чиханье у чернокожихъ напоминаетъ чело-вѣку, что Итонго вошелъ въ него и пребываетъ съ нимъ. Гадатели или колдуны у племени зулу очень наклонны чихать и считаютъ это указа-ніемъ присутствія духовъ; они прославляютъ ихъ, называя «господа». Испанцы во Флоридѣ были поражены, что при свиданіи съ начальни-комъ туземцевъ, когда онъ чихнулъ, «господа», которые пришли съ нимъ и сидѣли вдоль стѣнъ залы между испанцами, всѣ вдругъ наклонили головы, развели руками, снова сложили ихъ и, дѣлая разные другіе жесты, означавшіе великое благоговѣніе и почтеніе, привѣтствовали Гуа-чоюа различными словами, имѣвшими одну и ту же цѣль, говоря: «Солнце да хранитъ тебя, защититъ тебя, дастъ тебѣ счастье, спасетъ те-бя» и другія подобныя фразы, какія приходили въ голову; гуль этихъ привѣтствій долго про-должался между ними и по этому случаю изум-ленный губернаторъ сказалъ сопровождавшимъ его господамъ и капитанамъ: «не правда-ли весь міръ одинаковъ?» Но у нѣкоторыхъ народовъ чиханье считается дурнымъ признакомъ близо-сти злого демона; негры калабара, напр., вос-кликаются при чиханіи ребенка: «Дальше отъ тебя!» и при этомъ дѣлаютъ жестъ, какъ-будто отбрасываютъ что-нибудь нечистое. Въ средне-вѣковой Европѣ обычай поздравлять при чи-ханьи былъ уже пережившимъ, тѣмъ не менѣе сдѣлался у всѣхъ народовъ обязательнымъ пра-виломъ общежитія. Въ англійскихъ «Правилахъ вѣжливости» 1685 г., переведенныхъ съ фран-цузскаго, говорится: «Если его милости, лорду, случится чихнуть, вы не должны во весь голосъ кричать «Богъ да благословитъ васъ, сэръ», но, снявъ шляпу, учтиво поклониться ему и сказать это обращеніе про себя». У насъ въ XVIII вѣкѣ при чиханьи, перевертывая латинское *salvete* (будьте здоровы), говорили съ одной стороны: «салфетъ вашей милости», а съ другой отвѣ-чали: «красота вашей чести». Но смыслъ этихъ поздравленій исчезъ окончательно, хотя обычай, сдѣлавшійся совершенно глупымъ, дер-жится до сихъ поръ.

Повѣрья, предрасудки, обряды, приличія — все это пережившіе остатки древнихъ вѣрован-ій или вовсе утратившіе свой первоначальный смыслъ или значительно измѣнившіе его. Но чтобы вполне понимать значеніе суевѣрій, нуж-но знать тѣ вѣрованія, изъ которыхъ они выро-дились; поэтому я въ заключеніе этого вступле-нія скажу нѣсколько словъ о первобытныхъ вѣ-рованіяхъ, общій характеръ и формы которыхъ одинаковы у всѣхъ народовъ.

Первобытный челоѣкъ оживотворялъ все, онъ не могъ себѣ представить другого суще-ствованія кромѣ того, которое ощущалъ самъ, и ему казалось, что солнце, рѣка, камень, все живетъ и чувствуетъ, какъ онъ. И онъ относил-ся къ этимъ фетишамъ, какъ къ живымъ су-ществамъ, боялся и ублаговотворялъ ихъ. Кромѣ этихъ видимыхъ существъ онъ зналъ и невидимыхъ, напр., вѣтеръ. Въ себѣ самомъ перво-бытный дикарь тоже предполагалъ кромѣ види-маго тѣла еще одно, или даже два невидимыхъ существа, подобныхъ вѣтру, или по старинному выраженію, духу, дыханію, которое прекра-щается только со смертью. Смерть походитъ на сонъ,—не ясно-ли, что сонъ только временная смерть, что смерть и сонъ одно и то же? Во вре-мя сна хотя тѣло челоѣка и остается непод-вижнымъ и глаза закрыты, но самъ онъ часто видитъ многіе, даже, повидимому, уже несуще-ствующие предметы, напр., умершихъ родствен-никовъ, совершаетъ дальнія путешествія, охо-тится, плаваетъ и т. д. Не явное-ли дѣло, что

все это совершаетъ выходящій во время сна изъ тѣла челоѣческаго духъ его? Не ясно-ли, что духи предковъ, которыхъ мы видимъ во время сна, живутъ и по смерти тѣла? Челоѣкъ даже самъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ видѣть этотъ собственный духъ: стоитъ только посмо-трѣться въ зеркальную поверхность воды и онъ увидитъ себя, но не свое тѣло, которое онъ чувствуетъ смотрящимъ въ воду, а такой-же духъ, какъ дыханіе или вѣтеръ: его не пощу-наешь, не поймаешь, хотя и видишь ясно въ водѣ. Онъ является и въ менѣе отчетливой фор-мѣ, въ видѣ тѣни, всюду слѣдующей за чело-вѣкомъ въ солнечный день (отсюда—пережив-шее выраженіе тѣни предковъ). Убѣдившись въ собственномъ духѣ, дикарь имѣетъ и очевидныя доказательства посмертной жизни предковъ, ко-торые являются ему во время сна, бесѣдуютъ съ нимъ, даже бьютъ его, требуютъ себѣ нищи и т. д. Такимъ образомъ развивается поклоне-ніе предкамъ, живущимъ въ особомъ, не всегда видимомъ мірѣ. Но вѣдь не одинъ челоѣкъ имѣетъ тѣнь, не одинъ онъ видитъ себя въ зеркальной поверхности, не однихъ предковъ видитъ онъ во время сна, а видитъ также раз-ные, уже, повидимому, не существующіе предме-ты, свою давно уже навшую лошадь, сѣдленную овцу, сгорѣвшую хижину, разбитый горшокъ. Ясно, что у каждаго предмета есть своя тѣнь, своя душа. О животныхъ уже и говорить нече-го, и всѣ дикари считаютъ ихъ такими-же су-ществами, какъ челоѣкъ, а индѣйцы говорятъ, что «бобры и бѣлые—самые умные люди». Та-кую-же душу дикарь видитъ и въ растеніи и карены, напр., полагая, что если рисъ растетъ плохо, значитъ, его покинула душа его, молятся такъ: «О, приди, душа риса, вернись въ поле, вернись къ рису!» При этомъ одухотвореніи (анимизмъ) всего развивается между прочимъ идея метаморфоза, представленіе, что души разныхъ предметовъ могутъ принимать разные формы, челоѣкъ можетъ превращаться въ жи-вотное, въ растеніе и на оборотъ, какъ цвѣтокъ превращается въ ягоду, червякъ въ бабочку, яйцо въ птицу. Въ числѣ этихъ видимыхъ и не-видимыхъ духовъ многіе имѣютъ сильное влія-ніе на челоѣка, напр., огонь, солнце, и потому онъ наиболѣе старается угождать имъ жертва-ми, первоначальная форма которыхъ есть обык-новенное кормленіе. Челоѣкъ чувствуетъ свою зависимость отъ нихъ и старается упра-шивать ихъ, чтобы они исполнили его желанія. Первоначальная молитва въ высшей степени проста и индѣецъ, напр., говоритъ только свое-му богу: «будь милостивъ, защити мою жизнь и я принесу тебѣ даръ!» Заговоры и заклятія нич-то иное, какъ пережившіе остатки этихъ мо-литвъ. Съ развитіемъ культуры первобытныя формы кормленія и мольбы постепенно пре-вращаются въ сложную систему обрядовъ и це-ремоній, имѣющихъ цѣлью облегчить сношенія съ міромъ духовъ и по возможности ублаготво-рить ихъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣтокъ чи-тателю будутъ понятны слѣдующіе очерки рус-скихъ суевѣрій.

I.

Домовой и кикимора.

Смерть близкихъ людей производитъ потря-сающее впечатлѣніе даже на культурнаго чело-вѣка, волнуя его чувствами сожалѣнія и стра-ха. Вотъ что писалъ, напр., Никону царь Алек-сѣй о смерти патріарха Іова, случившейся пе-редъ насхой: «Въ ту пору ударилъ царь-коло-коль три крата, а на насъ такой страхъ и ужасъ нашелъ, и въ-соборѣ у пѣвчихъ и у вла-стей отъ страха и ужаса ноги подломились, по-тому что кто преставился, да къ такимъ днямъ великимъ кого мы грѣшныя отбыли...» Когда тѣ-

ло усопшаго патриарха было одѣто и положено, царь любовался имъ: «Лежить—выражался онъ—какъ есть, живъ и борода расчесана, какъ у живого, и самъ немѣрно хорошъ; таковъ хорошъ во гробѣ лежитъ, только что не говоритъ...» Но въ ночь съ пятницы на субботу умершій патриархъ уже не былъ такъ хорошъ и напугалъ царя: тѣло его, разлагаясь, начало вздвигаться, священникъ, читавшій псалтырь, услышалъ шумъ отъ трупа и когда царь вошелъ въ церковь, гдѣ лежалъ трупъ, то сказала: «меня такой страхъ взялъ, думалъ, что ожилъ! Я двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать». «Прости, владыко святой,—писалъ царь Никону—отъ этихъ рѣчей меня такой страхъ взялъ, что я чуть съ ногъ не свалился. И пришло мнѣ такое помышленіе отъ врага: побѣги ты вонъ, тотчасъ вскочить, да тебя ударить! А насъ только я, да священникъ, что псалтырь говоритъ. Я перекрестился, да взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу такое слово: отъ земли созданы и въ землю идти, чего бояться». Въ великую субботу хоронили патриарха и митрополитъ казанскій Корнилій положилъ ему въ гробъ разрѣшительную грамоту; царь писалъ объ этомъ такъ: «все мы надеждались, плачущи; не было человѣка, который не плакалъ, на него смотря, потому что вчера съ нами, а нынѣ безгласенъ лежитъ, а се къ такимъ великимъ днямъ стало!» Еще болѣе потрясающее дѣйствіе оказывалъ покойникъ на дикаря и это дѣйствіе было несравненно продолжительнѣе, чѣмъ въ позднѣйшей культурной жизни. Дикарь хоронилъ мертвеца въ томъ же домѣ, въ которомъ онъ продолжалъ жить самъ, покойникъ жилъ въ его сновидѣніяхъ, въ таинственныхъ шумахъ, въ бѣганьи и скребеньи крысъ, въ звукахъ сверчка. Но этотъ страхъ значительно ослаблялся родственнымъ чувствомъ, заставлявшимъ вѣрить, что покойникъ хотя и крутъ бываетъ по временамъ, и самодурить иногда, какъ живой, но все-же любить родныхъ и заботится о нихъ. Дѣдушка-домовой нерѣдко поднимается по ночамъ возню, нагоняетъ страхъ на скотъ и птицу, причиняетъ имъ болѣзни, если золь, но если его задобрить, то скотъ начинаетъ полнѣть и хозяйство идетъ отлично. Онъ видитъ всякую мелочь, неустанно хлопочетъ и заботится, чтобы все было въ порядкѣ и на готовѣ,—здѣсь подсобить, тамъ поправить промахъ. По ночамъ слышно, какъ онъ стучитъ и хлопаетъ за разными подѣлками, ему пріятенъ приплодъ домашней птицы и скотины. Если жилью придется ему по душѣ, то онъ служитъ домочадцамъ и ихъ старѣйшинѣ, точно какъ въ кабалу пошелъ: смотреть за всѣмъ домомъ и дворомъ пуще хозяйскаго глаза, соблюдаетъ домашнія выгоды и радѣетъ объ имуществѣ пуще заботливаго мужика; охраняетъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней; смотритъ за птицею, особенно любитъ куръ; наблюдаетъ за овиномъ, огородомъ, конюшнею, хлѣвами, амбарами. Когда водяному приносятъ гуся въ жертву, то гусиную голову вѣшаютъ на дворѣ для того, чтобы домовый не узналъ въ гусяхъ убили и не разсердился. Вновь купленная скотина, лошадь или корова, до сихъ поръ по мѣстамъ отдаются этому хозяину съ словами «полюби, пой, корми сыто, гладь гладко, самъ не шути и жены не пущай и дѣтей унимаи». Вережку, на которой приводятъ во дворъ купленную скотину, вѣшаютъ у печки. Обыкновенно домовый живетъ за печкою или подъ печкою, куда и кладутъ ему домашнія жертвы, маленькіе хлѣбцы. Какъ житель печки, домовый не боится мороза. Въ какой хороминѣ ставилась печка, очагъ, тамъ непременно и жилъ домовый. Поэтому его жильемъ была также баня, овины. Но надо замѣтить, что въ древности жилая изба была въ то же время и баней, и овиномъ: въ печи парилъ,

а на печи сушили зерно, какъ дѣлаютъ и до сихъ поръ. Какъ олицетвореніе домашнего благосостоянія, домовый представляется обросшимъ густою шерстью и мягкимъ пушкомъ; даже ступни и ладони его покрыты волосами. По ночамъ иногда онъ гладитъ сонныхъ обитателей дома ладонью, нужно только знать, что если ладонь тепла и мягка, то это къ добру; если же холодна и жестка—быть бѣдѣ. Иногда онъ душитъ соннаго, но это не со злобы, а какъ Титъ Титычъ, «шутки шутить». Ради тѣхъ-же шутокъ онъ нерѣдко поднимается по ночамъ возню, проказитъ, заплетаетъ гривы лошадямъ. Въ Сибири домового представляютъ въ видѣ маленькаго старичка и думаютъ, что онъ живетъ въ печуркѣ. Въ другихъ областяхъ говорятъ, что этотъ старикъ ходитъ въ зипунѣ или синемъ кафтанѣ съ алымъ поясомъ или же въ одной красной рубахѣ; борода у него сѣдая и вислокоченная, волосы косматы, голосъ грубый; онъ любитъ ворчать и браниться непечатными словами. Съ оживленіемъ природы весною домовый дѣлается безпокойнѣе и особенно сильно дуритъ на Ивана Лѣствичника, 30 марта; около этого же времени, на великій четвертокъ и пасху, его можно видѣть въ хлѣвѣ, гдѣ онъ сидитъ, притаившись въ углу. Но если кто его увидитъ невзначай—быть бѣдѣ. Однажды работница, вставъ утромъ, затопила печь и хотѣла идти на рѣку за водой, но не нашла ведеръ. Подумавъ, что ихъ взялъ сосѣдъ, она пошла къ рѣкѣ и видѣла, что домовый въ красной рубахѣ поитъ изъ ея ведеръ гнѣдка, а самъ такъ и вился въ работницу своими глазами, горящими, какъ угли. Баба испугалась и бросилась домой, но и здѣсь бѣда—вся изба была объята пламенемъ. Домовой по ночамъ не любитъ сидѣть безъ дѣла и безъ огня, высѣкаетъ послѣдній изъ кремня и съ зажженной восковою свѣчю обходитъ хлѣва и конюшни. Онъ раздѣляетъ съ своими живыми домочадцами ихъ радости и горе. Когда изъ нихъ кто-нибудь умираетъ, домовый по ночамъ воетъ; если предстоитъ смерть хозяина, домовый плачетъ и издаетъ тяжелые вздохи; передъ чумой, пожарами и войною домовые выходятъ изъ села и воютъ на выгонахъ. Если домовый начинаетъ «шутить шути» такъ, что домочадцамъ приходится не втерпѣжъ, то случается, что его можно и уговорить, хотя вообще онъ, какъ и Титъ Титычъ, держится правила: «въ своемъ домѣ что хочу, то и дѣлаю, и мнѣ не указъ». Въ воронежской губерніи однажды въ одной избѣ домовый все преслѣдовалъ кошекъ, бросая въ нихъ чѣмъ попало. Разъ онъ схватилъ кошку, да и хватъ ее объ-полъ, а баба и оговорила: «зачѣмъ бросаешь, развѣ это хозяйство? Намъ безъ кошки не прожить; хорошъ хозяинъ!» Титъ Титычъ присмирѣлъ и кошекъ болѣе не трогалъ. Другой разъ въ той-же губерніи мужикъ увидѣлъ, что домовый гоняетъ по двору на пѣгашкѣ, и закричалъ ему: «зачѣмъ лошадей заѣзжаешь, кто тебя просилъ»? Хотя домовый за это и пустилъ въ мужика полѣномъ, но пѣгашку уже болѣе не мучилъ. Кромѣ этого домового, живущаго въ избѣ, есть еще подовинникъ и банникъ, изъ боязни которыхъ крестьяне такъ стѣняются ночевать въ овинѣ или банѣ. Въ смоленской губ., взлѣзая на полкъ, приговариваютъ: «хрещеный на полкъ, не хрещеный съ полка!» Уходя изъ бани, оставляютъ для баннаго ведра воды и вѣшникъ.

Домовой живетъ не одинъ, а съ домовихой и съ красивыми дочерьми, связь съ которыми для человѣка смертоносна. Кромѣ дѣтей домового въ избѣ живутъ еще мифическія олицетворенія другихъ умершихъ въ ней покойниковъ: кикиморы или мары,—названіе родственное съ словами моръ, смерть. Онѣ сидятъ на печи, прядаютъ по ночамъ и все шепчутъ да подпрыгиваютъ, а въ людей бросаютъ кирпичами. Въ Си-

бири въ кикиморѣ вѣрятъ не только крестьяне, но даже большинство горожанъ, мѣщане, многіе купцы, мелкіе чиновники, и я помню, что во время моего дѣтства въ Иркутскѣ даже въ средній классъ проникали тревожные слухи, что въ такомъ-то домѣ начала сильно бѣдокурить кикимора и рассказывались о ней разные чудеса. Въ 1864 г. въ Красноярскѣ подвиги кикиморы, бушевавшей на этотъ разъ въ пустомъ домѣ, взволновали весь городъ, по вечерамъ домъ оцѣплялся полиціей и казаками, при чемъ однажды кирпичемъ, пущеннымъ кикиморой, былъ слегка контуженъ самъ губернаторъ, но все-таки не словили того, кто откалывалъ эти шутилки подъ псевдонимомъ кикиморы. По свѣденіямъ, сообщаемымъ у Сахарова, въ настоящее время, по утверженіи въ народѣ христіанства, онъ думаетъ, что кикиморы—дѣти, умершіе некрещеными или проклятые родителями, почему они и состоятъ въ распоряженіи нечистой силы. Эти малютки—невидимки, живутъ за печкою, стучатъ, свистятъ, бросаютъ кирпичи, бьютъ посуду и, по ночамъ, портятъ пряжу, почему въ олонекской губ. ни одна баба не оставляетъ своей прялки безъ молитвы. Неизвѣстно, какъ вяжется съ приведенными представленіями повѣрье, что при постройкѣ новаго дома плотники могутъ водворить въ немъ злую кикимору, почему передъ началомъ постройки ихъ стараются ублажить хорошимъ угощеніемъ. Чтобы избавиться отъ кикиморы, знахарь обметаешь печь и углы избы, приговаривая: «ахъ, ты гой еси, кикимора домовая, выходи изъ горюнина дома скорѣе, а не то задерутъ тебя калеными прутьями, сожгутъ огнемъ-попымомъ, залютъ черною смолою».

Домовой добръ только для своихъ, чужіе-же домовые враждебны жильцамъ дома, а поэтому при переходѣ въ новый домъ обитатели его переманиваютъ съ собой и своего дѣдушку, чтобы онъ, поселившись въ новой избѣ, выжилъ изъ нея чужого домового. При переходѣ старшая изъ женщинъ, истопивъ печь въ старой избѣ, стрѣбаетъ весь жаръ въ печурку и ждетъ полдня; тогда, сложивъ уголья въ новый горшокъ, она обращается къ печкѣ и говоритъ: «милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новое жилье!» Она несетъ горшокъ въ новый домъ, гдѣ ее уже ждутъ съ хлѣбомъ-солью хозяйинъ и хозяйка. Старуха, стуча въ вереву, спрашиваетъ ихъ: «рады-ли гостямъ»?—«Милости просимъ, дѣдушка, на новое мѣсто», отвѣчаютъ хозяева, а старуха входитъ въ избу, ставитъ горшокъ на загнеткѣ, снимаетъ скатерть, которою онъ былъ прикрытъ, трясетъ ею, какъ бы вытряхивая домового, а угли изъ горшка высыпаетъ въ печурку. Если домовый ненавидитъ даже сосѣднихъ домовыхъ, обкрадываетъ ихъ, дерется съ ними, то понятно, что перешедшій въ новый домъ старый дѣдъ не можетъ ужиться за одной печкой съ чужимъ домовымъ и между ними начинается ожесточенная борьба. Если чужой домовый осиливаетъ, то начинаетъ выживать обитателей, портитъ скотъ и птицу, сбрасываетъ хозяина съ саней, съ телеги, а ночью даже съ постели, душитъ и щиплетъ сонныхъ до синяковъ, хлопаетъ безъ нужды дверями, мѣшаетъ работать. Чтобы выгнать его, хозяйинъ и домочадцы бьютъ по стѣнамъ метлами, приговаривая: «чужой домовый, ступай домой». Также ѣздятъ по двору верхомъ съ обмакнутою въ деготь метлою, которою машутъ въ воздухъ, чтобы ударить домового по плѣши, послѣ чего онъ убѣгаетъ со двора. Дурить иногда и свой домовый, но его можно ублаготворить жертвами и войти къ нему въ такую милость, что онъ даже пожалуетъ хозяину неразмѣнный серебряный рубль. Чтобы получить такой рубль въ воронежской губ., стоитъ только въ чистый четвергъ налить миску борща съ кашей, взять хлѣбъ и все это отнести на чердакъ; если домовый при-

КОНКУРСЪ ВЪ ПАРИЖѢ 1878 Г.

КАРТИНА ШОММЕРА.

(Ученикъ Пильса и Лемана)

Августъ у гроба Александра.

(Конкурсъ въ Парижѣ въ «школѣ искусствъ»; картина, получившая высшую премію въ 1878 году.)

Рѣзано на деревѣ по фотографіи Гупиля въ Парижѣ.

КОНКУРСЪ ВЪ ПАРИЖѢ 1879 Г.

КАРТИНА БРАМТО.

(Ученика Бугеро.)

Смерть Демосфена.

(Конкурсъ въ ПарижѢ въ «школѣ искусствъ»; картина, получившая высшую премію въ 1879 году.)

Рѣзано на деревѣ по фотографіи Мишелэ въ Парижѣ.

метъ жертву, то въ уплату за нее и оставить неразмѣнный рубль. Домового кормятъ хлѣбомъ-солью, пирогами, яичницей. Въ томской губ. въ крещенскій сочельникъ на особое мѣсто у печки кладутъ для домового нарочно сдѣланныя для него булочки и лепешки, въ другихъ мѣстахъ вечеромъ 28 января оставляютъ ему на загнеткѣ горшокъ каши, иначе онъ будетъ мстить. Какъ специальному покровителю куръ, домовому 1 ноября устраиваются куринныя именины. Родные и знакомые дарятъ другъ друга курицами, которыя уже никогда не убиваются, а снесенныя ими яйца считаются даже цѣлебными. Въ овинѣ убиваютъ пѣтуха, ноги его бросаютъ на крышу, чтобы водились куры, а мясо варятъ и сѣдаютъ за обѣдомъ. Чтобы умиловитъ раздраженнаго домового, колдунъ въ полночь рѣжетъ тоже пѣтуха, выпуская кровь его на голикъ, которымъ выметаетъ всѣ углы во дворѣ и въ избѣ съ соотвѣтственными заклятіями.

Кажется, въ древности считалось возможнымъ прикормить и чужого домового, по крайней мѣрѣ, на это намекаютъ разные суевѣрные обычаи при постройкѣ дома. Въ народѣ есть вѣрованіе, что эта постройка влечетъ за собой смерть хозяина, во избѣжаніе которой въ архангельской губ. при закладкѣ дома убиваютъ какое-нибудь животное, зарываютъ въ землю и кладутъ на этомъ мѣстѣ первое бревно. Слѣды того-же обычая сохранились и во многихъ другихъ мѣстахъ. Это напоминаетъ древнее преданіе о Новгородѣ: когда Славенскъ опустѣлъ и понадобилось срубить новый городъ, то народные старшины, согласно съ древнимъ обычаемъ, разослали на восходѣ солнца гонцевъ во всѣ стороны, чтобы взять первое живое существо, какое имъ встрѣтится. Попалось дитя и было положено въ основаніе новгородскаго кремля, который потому-то и названъ дѣтинцемъ. При основаніи дома въ настоящее время упомянутыя жертвы приносятся въ томъ пунктѣ, гдѣ слѣдуетъ быть переднему углу, который называется также большимъ и краснымъ. Здѣсь совершается ежедневно семейная трапеза, здѣсь же стояли въ древности домашніе пенаты, дѣды, мѣсто которыхъ теперь занимаютъ иконы, верба, просфоры, святая вода, пасхальныя яйца. Это священное и самое почетное мѣсто въ избѣ. Ложиться ногами въ передній уголъ грѣхъ. Пока не схоронено тѣло умершаго, душа его сидитъ за образами и для нея ставятъ на божницу горячіе блины. Если трещитъ передній уголъ или матица, то хозяину грозитъ бѣда или въ семьѣ будетъ покойникъ. Не менѣе важное значеніе имѣетъ порогъ, подъ которымъ въ древности тоже обитали семейные духи. Когда послѣ крещенія приносятъ ребенка изъ церкви, его необходимо «освятить черезъ порогъ», для чего отецъ и кладетъ его непадогдо на порогъ. Черезъ порогъ не слѣдуетъ ни здороваться, ни прощаться, ни разговаривать. Если затѣвается свадьба, то никому не слѣдуетъ садиться на порогъ, иначе дѣло разстроится. Если купецъ будетъ стоять на порогѣ лавки, то не придутъ покупатели. Дѣтей больныхъ отъ глаза слѣдуетъ умывать на порогѣ избы, а страждущую родильницу надо трижды перевести черезъ порогъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье, автора «Изы» *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Катастрофа.

I.

Лѣтняя ночь, ночь любви.

Исторія, которую мы хотимъ рассказать читателямъ, случилась такъ недавно, что мы счи-

таемъ невозможнымъ точно указать на мѣсто происшествія; большая часть пострадавшихъ отъ нея лицъ еще живы и было бы безчеловѣчно открывать ихъ едва еще закрывшіяся раны. Скажемъ поэтому, что первая сцена нашей драмы происходитъ хотя, напримѣръ, въ Отейлѣ, въ одномъ изъ многочисленныхъ хорошенькихъ домиковъ этого парижскаго предмѣстья.

Среди небольшого сада, рѣшетку котораго скрываютъ густыя кусты сирени, возвышается небольшой двухъ этажный домъ съ мезониномъ. Снаружи это жилище, утопающее въ зелени и покрытое плющемъ и другими вьющимися растеніями, кажется веселымъ, счастливымъ гнѣздышкомъ юной влюбленной четы. Но внутри всякое очарованіе исчезаетъ: тамъ царятъ дисциплина, порядокъ, скука и экономія.

Хозяинъ дома, Илеръ Тенаръ де-Марби, бывшій кавалерійскій офицеръ, страдающій отъ ранъ, вынужденъ былъ покинуть дѣйствительную военную службу и теперь служить въ военномъ министерствѣ. Онъ увѣряетъ, что ему пятьдесятъ лѣтъ, хотя въ сущности онъ гораздо старше и считаетъ себя храбрымъ и сильнымъ потому, что дерзокъ и грубъ. Въ его домѣ живутъ: его жена, Орели, бѣлокурая красавица, которой только что минуло двадцать четыре года и ея сестра Элиза, слабый, больной ребенокъ. Эта бѣдная семнадцатилѣтняя дѣвушка едва не умерла отъ оспы, которая погубила ея красоту и здоровье; она теперь поджарая, сухоощая, рябая, съ болѣзненнымъ блѣднымъ лицомъ, большими впадыми черными глазами и сгорбившейся спиной. Капитанъ называетъ ее уродомъ; онъ долженъ былъ взять ее къ себѣ послѣ смерти матери Орели и бѣдный ребенокъ терпѣлъ участь настоящей «Замарашки» въ домѣ.

Тенаръ де-Марби не богатъ и ненавидитъ слугъ, на которыхъ онъ смотритъ, какъ на враговъ. Поэтому его жена и ея сестра, Элиза Бутатель, дѣлаютъ все въ домѣ, но распоряжается хозяйствомъ капитанъ, который ведетъ его по военному. Какъ въ полку онъ самъ смотрѣлъ за своей амуницией и оружіемъ, такъ и теперь онъ самъ чиститъ себѣ платье и сапоги, самъ чинитъ и штопаетъ свою одежду, самъ пришиваетъ пуговицы къ бѣлью и даже самъ мѣтитъ свои платки. Точно такъ-же и въ хозяйствѣ: онъ наблюдаетъ за веѣмъ и строго слѣдитъ за работою обѣихъ женщинъ, заставляя одно перетереть, другое почистить, третье исправить. При этомъ онъ всегда очень почтительно обходится съ женою и вся его брань сыплется на бѣдную Элизу. Но ни она, ни Орели никогда не жалуются.

Жизнь капитана впродолженіи пяти лѣтъ проходитъ съ самымъ монотоннымъ однообразіемъ и чисто математической пунктуальностью. Въ семь часовъ утра онъ просыпается и дергаетъ за шнурокъ, приводящій въ движеніе большой колоколь въ саду. Всѣ въ домѣ немедленно поднимаются. Маленькая Элиза въ юбкѣ и туфляхъ входитъ въ спальню капитана и ставитъ на столъ подносъ съ газетою, бутылкой бѣлаго вина и кускомъ хлѣба. Заморивъ червяка капитанъ читаетъ новости. Спустя часъ онъ появляется въ столовой, гдѣ уже готовъ кофе. Потомъ онъ чиститъ кѣтку съ канарейками, которыхъ любитъ, и ровно въ половинѣ девятого романа А. Бувье «Иза», имѣвшаго такой громадный успѣхъ въ Парижѣ, что втеченіи года онъ вышелъ въ 84 изданіяхъ, а потому вѣроятно съ удовольствіемъ прочтутъ новое произведеніе популярнаго французскаго романиста; тѣмъ болѣе, что въ «Рябой красавицѣ» выведены между прочимъ, старые ихъ знакомые: сыщикъ Гюрэ, предсѣдатель уголовнаго суда Матье-де-Талли и пр. Этотъ романъ основанъ на дѣйствительномъ происшествіи и извѣстномъ недавнемъ процессѣ. И новый романъ Бувье сразу завоевалъ себѣ выдающійся успѣхъ. Въ первую-же недѣлю его вышло 16 изданій.

отправляется на службу, предварительно заказавъ обѣдъ. Въ четыре часа три четверти, какая бы ни была погода, садовая калитка открывается и капитанъ, прямой, вытянувшійся, какъ палка, показывается на дорожкѣ. Послѣ обѣда онъ играетъ въ безигъ съ женою и день конченъ.

Въ этой монотонной жизни, среды и субботы вносятъ единственное развлеченіе, допускаемое капитаномъ. Въ эти дни по вечерамъ онъ принимаетъ молодого человѣка съ очень болѣзненнымъ, но красивымъ лицомъ. Это сынъ его стараго полковаго товарища, убитаго рядомъ съ нимъ въ сраженіи; молодой человѣкъ, Аристидъ де Фаржъ, служитъ вмѣстѣ съ капитаномъ въ военномъ министерствѣ, даже состоитъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ. Аристидъ страдаетъ болѣзью сердца и долженъ вести строго правильную умѣренную жизнь, которая несколько не соотвѣтствуетъ его молодости и положенію въ свѣтѣ. По этой-то, вѣроятно, причинѣ онъ и приходитъ два раза въ недѣлю играть въ вистъ съ г. и г-жею Марби.

Въ десять часовъ съ половиною, какъ зимой, такъ и лѣтомъ всѣ въ домѣ капитана ложатся спать и онъ самъ закрываетъ окна, спускаетъ занавѣси и запираетъ двери, ключи отъ которыхъ хранятся у него.

Во время болѣзни Элизы, за которой ухаживала ея сестра, Тенаръ де-Марби, болевшійся оспы, перешелъ въ нижній этажъ и съ тѣхъ поръ онъ продолжалъ спать отдѣльно отъ жены, увѣряя, что ему удобнѣе одному курить трубку въ постели. Орели спала во второмъ этажѣ, гдѣ было всего двѣ комнаты: спальня и туалетная, а Элиза жила въ мезонинѣ, рядомъ съ чердакомъ.

Было одиннадцать часовъ въ теплый июньскій вечеръ, когда начинается нашъ рассказъ. Безмолвная тишина окутывала Отейль, на улицахъ не было видно прохожихъ, и только въ домѣ капитана Марби одно окно свѣтилось, именно въ спальнѣ Орели.

На противоположной сторонѣ улицы, спрятавшись въ тѣни подъѣзда и избѣгая свѣта фонарей стоялъ какой-то человѣкъ. Глаза его были пламенно устремлены на освѣщенное окно. Прошло полчаса. Свѣтъ въ окнѣ погасъ. По всей вѣроятности, это была минута, которую ждалъ этотъ таинственный незнакомецъ, потому что, быстро окинувъ взоромъ улицу, онъ перебѣжалъ черезъ мостовую, ловко взлѣзъ на рѣшетку, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ не доставало острія, что конечно доказывало опытность въ этомъ дѣлѣ, и неслышно спрыгнулъ на песчаную дорожку. Потомъ онъ добрался на четверенькахъ до дома, прислушался и, убѣдившись, что все тихо, началъ проворно подниматься къ окну второго этажа, гдѣ только что погасъ свѣтъ. Подкопникъ, ставень, карнизъ служили ему подножками. Окно вдругъ отворилось; схвативъ протянутую ему руку онъ прыгнулъ въ комнату.

Окно затворилось и Орели бросилась на шею мужчине, вошедшему такимъ страннымъ путемъ въ ея спальню.

— Милая, дорогая Лили, сказалъ онъ, — я сгоралъ отъ нетерпѣнія тебя увидѣть, а ты такъ долго не гасила свѣчи.

— Онъ очень долго не засыпалъ; я слышала, что онъ шевелился въ своей комнатѣ, отвѣчала молодая женщина; — мнѣ не менѣе твоего хотѣлось увидать тебя наединѣ и поговорить съ тобою. Мнѣ показалось, что ты весь вечеръ страдалъ.

— Мнѣ что-то сегодня съ утра нездоровится, сказалъ юноша, посадивъ ее къ себѣ на колѣни и покрывая пламенными поцалуйми; — но теперь, я здоровый, счастливый человѣкъ. Я съ тобою, радость моя.

Въ темнотѣ они не могли видѣть другъ дру-

*) Наши читатели конечно не забыли интереснаго

га; Орели, вскочивъ, выбѣжала въ туалетную и принесла маленькій почникъ.

— Ну, вотъ теперь ты молодецъ, сказала она, освѣщая своего возлюбленнаго;—а то я не пу-галась, не болѣли-ли ты.

Онъ улыбнулся и, внивая въ нее глазами, произнесъ съ пламенной страстью:

— Ты меня любишь, Орели?

— А ты еще сомнѣваешься? отвѣчала молодая женщина, обвивъ руками его шею и проти-гивая къ нему свои губы:—развѣ ты не у меня въ комнатѣ? Развѣ я не всѣмъ тебѣ пожертво-вала? Развѣ я не рискую своей жизнью каждую ночь, когда ты сюда приходишь? Развѣ ты не слышалъ, какъ еще сегодня онъ сказалъ, прочи-тавъ въ газетахъ исторію обманутаго мужа: «Еслибъ я подозрѣвалъ свою жену, то не сталъ бы искать доказательствъ и дѣлать изъ себя ду-рака, а прямо убилъ-бы ее, а потомъ уже сталъ-бы разыскивать любовника?»

— Онъ съумасшедшій или дуракъ.

— Я право иногда боюсь. Что будетъ, если насъ накроютъ.

— Полно, моя радость, не бойся! Если насъ накроютъ, то случится одно, что на слѣдующее утро мы будемъ на вѣки соединены. Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что при малѣйшей угро-зѣ намъ надо перестать бояться скандала. Ты придешь ко мнѣ и мы будемъ жить вмѣстѣ.

— Ты говоришь правду?

— Теперь ты сомнѣваешься во мнѣ?

Горячій поцалуй былъ ей единственнымъ от-вѣтомъ.

Но вдругъ она задрожала всѣмъ тѣломъ, бы-стро освободилась изъ его объятій, загасила почникъ и, подбѣжавъ къ двери, стала прислу-шиваться. Тревога оказалась ложной. Все въ до-мѣ было безмолвно. Она вернулась къ молодому человѣку, который бросился къ ней на встрѣчу и страстно схватилъ ее. Она, все еще дрожа, отдалась съ упоеніемъ пламенной любви, кото-рой дышала эта теплая, благоуханная, лѣтняя ночь.

Пробило два часа съ половиной: темнота на-чинала рѣдѣть; вдали слышался щебетъ утрен-ней птицы. Орели вдругъ проснулась и, боясь, чтобъ разсвѣтъ не засталъ ихъ, нагнулась къ спавшему подлѣ нея молодому человѣку. Ея при-вычному уху показалось, что не слышно его дыха-нія.

— Голубчикъ! сказала она, приложивъ руку къ его лбу.

Его лобъ былъ холодный, какъ у мертвеца. Она отскочила инстинктивно. Онъ не пошевели-нулся. Она съ испугомъ схватила его за голову и стала трясти, почти громко потворяя:

— Аристидъ! Аристидъ! Свѣтаесть!

Голова молодого человѣка выскользнула изъ ее рукъ и свисла съ кровати. Орели дико вскрик-нула и соскочила на полъ. Бросившись къ окну, она отдернула занавѣси, чтобъ освѣтить комна-ту; но ночь была все еще темна. Поборовъ овладѣвшій ею страхъ, она вернулась къ посте-ли и, взявъ его за руку, сказала еще громче:

— Аристидъ!

Она не хотѣла вѣрить своему несчастью, но прикосновенія къ его рукѣ было достаточно, чтобъ уничтожить въ ней всѣ сомнѣнія. Она упала на колѣни и, схвативъ его голову, стала безумно цѣловать ее.

— О, Боже мой! Боже мой! шептала она;—это невозможно! Аристидъ! Аристидъ! Проснись! Аристидъ! Боже милостивый!

Она ломала себѣ руки въ отчаяніи; ея губы инстинктивно искали губъ любимаго человѣка, какъ-бы желая вдохнуть въ него жизнь. Вдругъ Орели почувствовала что-то мокрое. Это были капли крови, показавшіяся на губахъ мертвеца, при послѣднемъ его дыханіи. Несказанный

ужасъ овладѣлъ ею. Она хотѣла вскочить, бѣ-жать, но силы ей измѣнили и она грохнулась на полъ безъ чувствъ.

Снова наступила могильная тишина. Всѣ въ домѣ спали.

Но вотъ кто-то тихо постучалъ въ двери.

— Орели, это я! послышался нѣжный голосъ, —отвори! васъ накроютъ!

Молчаніе.

— О Господи! продолжалъ тотъ-же голосъ.—Орели! Что съ ними случилось?

Все тоже молчаніе.

Это былъ голосъ Элизы, которая въ одной ру-башкѣ и босикомъ пришла напомнить сестрѣ, что вскорѣ будетъ свѣтать. Она всегда это дѣ-лала, боясь, что влюбленные проспятъ.

Испуганная страшнымъ молчаніемъ, она по-спѣшно вернулась въ свою комнату, взяла изъ комода ключъ и бѣгомъ спустилась внизъ. Че-резъ секунду дверь спальни отворилась и Элиза вошла въ комнату.

— Орели! Аристидъ... уже свѣтаесть, сказала она.

Но не успѣла она сдѣлать двухъ шаговъ, какъ споткнулась о распростертую на полу Орели и упала на постель. Прикосновеніе ея горячаго лба къ холоднымъ рукамъ мертвеца вырвало изъ ея груди глухой стонъ ужаса. Она быстро от-скочила.

Что случилось? Что сдѣлала ея безумная се-стра? Элиза не смѣла ни кричать, ни бѣжать, а прижавшись къ окну стояла неподвижно. Про-шло нѣсколько минутъ и ея глаза, привыкнувъ къ темнотѣ, увидѣли полуобнаженную фигуру сестры, лежавшую на коврѣ безъ чувствъ.

Элиза бросилась къ сестрѣ внѣ себя отъ страха и приложила руку къ сердцу Орели. Оно билось, тѣло ея было теплое, живое. Элиза вздох-нула свободнѣе.

— Орели! Орели! воскликнула она.

Несчастная не двигалась. Тогда молодая дѣ-вушка намочила ей виски, дала понюхать спирт-у и черезъ нѣсколько минутъ Орели очнулась. Пробужденіе ея было ужасно. Первый взглядъ она бросила на постель и первыя ея слова были:

— Умеръ!.. Правда, умеръ?

Элиза молчала отъ страха. Орели приподня-лась, посмотрѣла на мертвое тѣло своего воз-любленнаго и, всплеснувъ руками, стала горько рыдать. Прошло десять минутъ. Она опустилась на колѣни передъ постелью, взяла въ руки го-лову любимаго человѣка и, поцаловавъ его въ лобъ, сказала:

— Прощай!

Элиза была поражена неожиданной перемѣ-ной, происшедшей въ Орели. Ее еще болѣе изу-мили слова сестры:

— Элиза, помоги мнѣ...

— Что ты хочешь дѣлать?

— Его надо одѣть.

Молодая дѣвушка посинѣла отъ страха. Мысль прикоснуться къ мертвому тѣлу пугала ее... Но сестра приказывала и она повиновалась.

Она подавала сестрѣ одежду Аристиды, а та одѣвала трупъ. Элиза дрожала; глаза Орели бы-ли безумно вытаращены и холодный потъ вы-ступилъ у нея на лбу.

— Что ты хочешь дѣлать? повторила моло-дая дѣвушка.

— Я хочу спасти себя!.. Если черезъ часъ онъ будетъ еще здѣсь, я погибла...

— Что-же ты сдѣлаешь?

Орели не отвѣчала, но когда трупъ Аристи-да былъ окончательно одѣтъ, она повелительно сказала сестрѣ:

— Ступай спать.

— Что-же ты сдѣлаешь? еще разъ спросила Элиза.

— Оставь меня!.. Ступай вонъ!

Орели произнесла эти слова какимъ-то стран-нымъ тономъ. Она совершенно измѣнилась; глаза ея злобно блеснули, голосъ дико звучалъ, руки нервно дрожали.

Элиза была такъ перепугана, что не трогалась съ мѣста. Сестра грубо толкнула ее.

— Иди-же! Иди скорѣе! сказала она и затво-рила за нею дверь.

Оставшись наединѣ съ своимъ мертвымъ лю-бовникомъ, она на минуту предалась отчаянію, рвала на себѣ волосы и безумно всхлипывала. Потомъ вдругъ сдѣлала усиліе надъ собою и снова поцаловала мертвеца въ лобъ.

— Прости, прости, прошптала она.

И съ неимоверной для нея силой она подняла съ ковра мертвый трупъ, донесла его до окна, и, поставивъ на ноги, прислонила одной рукой къ своей груди, а другой отворила задвижку. Потомъ поспѣшно, грубо, страшась того, что она дѣлала, молодая женщина втащила трупъ на подоконникъ и, раскачавъ его, бросила въ садъ. Стекла зазвѣнѣли... Орели, обезумѣвъ отъ ужаса и какъ бы не желая слышать наденія тѣ-ла, дико закричала:

— Помогите! Помогите! Убійца!

И пока капитанъ, разбуженный звономъ сте-коль и криками жены, поспѣшно одѣвался, а Элиза стояла со свѣчей на верхней ступени лѣстницы, не зная, что дѣлать, Орели, принавъ къ окну, снова лишилась чувствъ. Неожиданный шумъ среди ночной тишины разбудилъ сосѣдей. Въ окнахъ и дверяхъ показались испуганные лица. На улицѣ слышны были поспѣшные шаги.

Наконецъ дверь въ спальню съ шумомъ отво-рилась и капитанъ вбѣжалъ, еле одѣтый, съ свѣчкой въ одной рукѣ и пистолетомъ въ дру-гой. За нимъ показалась испуганная Элиза. Уви-давъ Орели у окна въ одной рубашкѣ и покры-тую кровью, они оба бросились къ ней.

— Чортъ возьми! Ее убили! воскликнулъ ка-питанъ и, схвативъ на руки жену, отнесъ ее на постель.—Злодѣй долженъ быть не далеко! Элиза, займись сестрой!

И, схвативъ пистолетъ, онъ бросился къ окну.

Его зоркіе глаза впились въ темноту. Ему показалось, что подъ самымъ окномъ какая-то черная фигура ползетъ по землѣ и онъ выстрѣ-лилъ.

— Вотъ тебѣ, негодяй! воскликнулъ онъ и, поспѣшно сбѣжавъ съ лѣстницы, отворилъ дверь.

Передъ нимъ на дорожкѣ лежалъ мертвый трупъ лицомъ въ песокъ.

За рѣшеткой на улицѣ уже собрались сосѣди и полицейскіе сержанты кричали, чтобъ капи-танъ отворилъ калитку. Но онъ прежде набро-сился на трупъ и только убѣдившись, что онъ дѣйствительно убилъ злодѣя, исполнилъ требо-ваніе полиціи.

— Это, вѣроятно, воръ, объяснилъ онъ на вопросы;—увидавъ женщину одну въ комнатѣ, онъ хотѣлъ ее убить!

— Убить?

— Да, моя жена лежитъ окровавленная... Се-стра за ней ухаживаетъ. Я высунулся въ окно и, увидавъ, что кто-то ползетъ вдоль стѣны, вы-стрѣлилъ... и положилъ его на мѣстѣ. Войдите, господа, а я побѣгу къ женѣ.

Полицейскіе вошли въ столовую, а капитанъ поспѣшно поднялся по лѣстницѣ.

— Ну, что она опасно ранена? спросилъ онъ у Элизы, входя въ спальню.

— Нѣтъ, у нея только порѣзаны руки и плечи...

— Злодѣй искромсалъ ее ножомъ!

Капитанъ нагнулся надъ постелью. Дѣйстви-тельно, раны были неопасныя и обиліе крови объяснялось ихъ многочисленностью. Орели все еще лежала безъ чувствъ, но дыханіе ея было правильное, спокойное.

— Это ничего, она отдѣляется однимъ страхомъ.

Но Элиза блѣдная, встревоженная, смотрѣла на капитана, не рѣшаясь спросить его о томъ, что терзало ее сердце. Наконецъ, когда онъ, совершенно успокоенный насчетъ жены, направился къ дверямъ, она произнесла съ усиленіемъ:

— Илеръ, въ кого ты стрѣлялъ?

— Въ пегодая. Я его убилъ!

— Убилъ! прошептала Элиза, ничего не понимая и вѣя себя отъ ужаса.

— Ну, чего вытаращила глаза! Онъ бѣжалъ по саду, я выстрѣлилъ и убилъ его. Ну, еще и ты упадешь въ обморокъ! Этого только не доставало!

Молодая дѣвушка стряхнула овладѣвавшую ею слабость и рѣшительнымъ тономъ сказала:

— Нѣтъ, Илеръ, я ничего... но все это такъ страшно.

Капитанъ пожалъ плечами и поспѣшно спустился внизъ къ полицейскимъ, которымъ объявилъ, что, благодаря его поспѣшному появленію на театрѣ преступленія, злодѣй не успѣлъ докончить своего кроваваго дѣла и жена его получила самыя незначительныя раны. По все-таки, въ виду ея первой патуры, онъ просилъ, чтобы мертвое тѣло поскорѣ убрали. Полицейскіе отвѣчали, что уже послано за комиссаромъ, который одинъ могъ распорядиться.

Уже начинало свѣтать, когда явился этотъ хранитель общественнаго спокойствія и приказалъ, поднявъ трупъ, положить на носилки, заранее приготовленные соседями.

— Онъ слишкомъ хорошо одѣтъ для вора, замѣтилъ полицейскій комиссаръ, нагибаясь къ мертвецу.

— И какой молодой! прибавилъ кто-то въ толпѣ, быстро собравшейся въ саду капитана.

Тепаръ де-Марби подошелъ поближе, чтобы разглядѣть, куда пуля поразила несчастнаго. Но едва онъ увидалъ блѣдное лице мертвеца, какъ вздрогнулъ и воскликнулъ съ изумленіемъ:

— Да это Аристидъ де-Фаржъ!

— Вы его знаете? спросили полицейскіе.

— Фаржъ... ночью... у моей жены... бормоталъ, нахмурилъ брови, старый воппъ, — что это значитъ?

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Царица Савская.

(Новая опера, музыка Карла Гольдмарка, текстъ Мозенталя.)

На нашемъ большемъ театрѣ поставлена новая опера, первое представленіе которой дапо было 22 февраля. Судя по грандіозности сюжета, публика итальянской оперы ожидала отъ «Царицы Савской» и сильнаго музыкальнаго впечатлѣнія и блестящей обстановки; но ожиданія эти не было суждено сбыться. Сюжетъ оперы, какъ извѣстно, библейскій. По библейскому сказанію, къ царю Соломону, между многими царями, пріѣзжавшими послушать и поучиться его мудрости, являлась царица Савская, съ богатыми дарами, состоявшими изъ золота, драгоценныхъ камней, жемчуга, аравійскихъ фиміамовъ и красивыхъ невольницъ; но изъ болѣе подробныхъ еврейскихъ источниковъ извѣстно, что эта языческая царица была необычайной красоты и являлась передъ очю мудраго царя во всей природ-

ной прелести, украшенная золотомъ и драгоценными камнями и покрытая лишь прозрачнымъ покрываломъ, котораго она ни передъ кѣмъ не снимала, кромѣ царя Соломона.

Хотя нельзя было и ожидать, чтобы собственноручно мудрость Соломона, будучи положена на музыку, произвела какой-либо эффектъ; но для царицы знойной Аравіи, для двадцатилѣтней красавицы, пышущей страстью, композиторъ и либреттистъ оперы могли создать сильныя драматическіе и музыкальные моменты. И они дѣлали эти попытки. Содержаніе либрето таково:

Соломонъ посылалъ своего любимца Ассада пригласить царицу Савскую на брачное торжество Ассада съ дочерью первосвященника Суламидой. Ассадъ, какъ онъ разсказалъ своему царю, исполнивъ это порученіе и не вида лица царицы Савской, потому что покрывало ее можетъ быть поднято лишь предъ лицомъ царя, утомленный легъ отдохнуть въ лѣсу, на берегу

восторгъ у подножія Ливана, а она узнаетъ Ассада; но она желаетъ скрыть, что знаетъ Ассада. «Чего хочешь отъ меня этотъ дерзкій чужеземецъ?» спрашиваетъ она царя. Ассадъ, растерянный, пораженный, напоминаетъ ей о «ясныхъ ночахъ». Въ пораженъ и Ассадъ болѣе вѣхъ, такъ что падаетъ къ ногамъ Соломона и говоритъ: «даруй мнѣ — смерть!» Но мудрый царь настаиваетъ, чтобы Ассадъ завтра-же взялъ себѣ любящую супругу Суламиду и, подавая руку царицѣ Савской, ведетъ ее на ниръ.

Во время шумнаго пиршества царица выходитъ изъ дворца одна въ садъ Соломона и среди цвѣтовъ и фонтановъ, въ почпномъ безмолвіи, въ своемъ воздушномъ нарядѣ, предается мечтамъ любви; груститъ о томъ, что теритъ любимаго челоѣка, который не будетъ принадлежать ей; вспоминаетъ о «ясныхъ ночахъ у подножія Ливана», и доходитъ до полнаго отчаянія: «Что за радость для меня царская корона, если я лишена его объятій!» говоритъ она. Наконецъ, въ ней пробуждается страшная ревность и рѣшимость во чтобы то ни стало «уничтожить ненавистную соперницу». Это Отелло въ образѣ женщины! «Я, оскорбленная въ моемъ царскомъ вѣнцѣ, я царица пустыни, ужели я могу то допустить!» произноситъ она.

Невольница-маврѣтанка, являясь въ это время, говоритъ царицѣ, что тотъ, кто оскорбилъ ее, желаетъ сюда придти. Царица велитъ ей позвать Ассада. Онъ, грустящій и вмѣстѣ мечтающій о ней, появляется у фонтана. Разражаясь восторженными признаніями, Ассадъ не вѣритъ, однако, своимъ чувствамъ, онъ думаетъ, что все это лишь видѣніе; но царица говоритъ: «отбрось свои сомнѣнія, прильни къ моимъ устамъ! Когда упадетъ съ меня покрывало, ты увидишь, что я не есть ничто небесное!» — «Земля и небо исчезаютъ у меня изъ глазъ!» говоритъ Ассадъ. — «Во мнѣ найдешь свое небо!» отвѣчаетъ царица.

Но начинается разсвѣтъ. Правитель дворца Соломона находитъ Ассада въ саду и признаетъ его за помышпапаго. Между тѣмъ готовится обрядъ вѣнчанія. Многочисленный и пышный дворъ Соломона уже собрался во храмъ. Всюду золото, блескъ одеждъ, фиміамы, хоры и музыка. Мудрый царь убѣждаетъ Ассада обратиться духомъ къ Богу, который и изгонитъ изъ него духа зла. «Обѣтъ твой и узы брачныя даруютъ

тебѣ спокойствіе и радость», заключаетъ царь. Во время обрученія появляется царица Савская и подходитъ къ невѣстѣ, желая поднести ей полную чашу жемчуга. Ассадъ бросается къ царицѣ, срываетъ съ нея покрывало; обрядъ прерывается; взглядъ царицы сжигаетъ его душу «жгучимъ пламенемъ» и онъ спрашиваетъ, не сумасшедшій-ли онъ? Царица, обращаясь ко всѣмъ, говоритъ, что вовсе не знаетъ Ассада и его никогда не видала.

Первосвященникъ, признавая, что Ассадъ одержимъ нечистымъ духомъ, совершаетъ обрядъ изгнанія злого духа, и открываетъ кивотъ заѣта. Но царица назвала имя Ассада, и онъ, услышавъ звукъ ея голоса, произноситъ богохульство. Общее смятеніе. Ассадъ приговоренъ къ смерти. Царица Савская проситъ у Соломона помилованія, и когда царь не соглашается, грозитъ ему войною; однако Ассадъ вмѣсто казни подвергается лишь изгнанію въ аравійскую пу-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ. РИСУНОКЪ ВОКЛЕВСКАГО.

Иванъ Ивановичъ Перерепенко.

(Изъ гоголевскихъ типовъ.)

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политипани“.

рѣки и, наслаждаясь природой, столь прекрасной у подножія Ливана, увидѣлъ купающуюся женщину, поражающей, небесной красоты. Молодой воинъ не устоялъ, и «она въ безумномъ восторгѣ прижала его къ своей груди». Потомъ она исчезла, но осталась въ его воспоминаніи, какъ очаровательный сонъ. Ассадъ, возвратившись ко двору Соломона, чувствуетъ еще опьяненіе страсти, но царь совѣтуетъ ему скорѣ повѣнчаться съ Суламидой. Все приготовлено къ брачному торжеству, лишь ждутъ пріѣзда царицы Савской. Ассадъ, смотря на свою невѣсту, болѣе и болѣе смущается, и даже готовъ отвергнуть Суламиду. Является ожидаемая царица съ своей невольницей маврѣтанкой, въ паланкинѣ, окруженная большимъ кортежемъ невольницъ, невольниковъ, воиновъ и пр.; послѣ встрѣчи, она отбрасываетъ передъ Соломономъ покрывало. Ассадъ узнаетъ въ царицѣ ту самую красавицу, съ которой онъ дѣлилъ «безумный

стыню. Между тѣмъ у Соломона пиръ; танцовщицы и баядерки исполняютъ самые прихотливые танцы, подъ звуки музыки и хоровъ.

Послѣднее дѣйствіе (4-е) происходитъ въ пустынѣ; изгнанный Ассадъ, утомленный, не знаетъ куда идти; но онъ слышитъ зовущій его голосъ царицы Савской, и опять принимаетъ это за роковой призракъ, пытается отогнать его. Царица снова утѣряетъ его, что она не призракъ и, расточая нѣжнѣйшія утѣренія въ своей любви, доходитъ наконецъ до полного отчаянія, потому что безъ Ассада, безъ его любви она не можетъ жить. Но онъ не вѣритъ болѣе въ ея любовь и отвергаетъ ее съ проклятіями.

Царица уходитъ, Ассадъ остается одинъ, собираясь умирать; но невѣста его, Суламида, обрѣкшая себя на безбрачіе, также ушла въ пустыню, въ сопровожденіи двѣнадцати дѣвушекъ; она находитъ умирающаго Ассада и они умираютъ вмѣстѣ, въ объятіяхъ одинъ другого.

Таково либрето новой оперы, представляющее композитору богатый матеріалъ для его музыкальнаго творчества. Сюжетъ оперы требуетъ созданія характеровъ; — это настоящая драма, гдѣ чувства, страсти и ихъ развитіе, въ сильныхъ драматическихъ положеніяхъ, должны занимать первое мѣсто; для хоровыхъ нумеровъ оперы представляется также весьма разнообразный матеріалъ. Торжественность старой библейской пышности прославленнаго царя Соломона, народно-религіозные гимны древнихъ евреевъ, жгучая страсть молодой языческой царицы-аравитянки, отчаяніе, ревность, наконецъ борьба и страсть, переходящая въ Ассадъ въ какую-то патологическую ненормальность, — все это требовало отъ композитора очертаній въ самомъ широкомъ стилѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленности и тщательной отдѣлки въ частностяхъ. Но у композитора-нѣмца или еврея, именно и оказывается въ этомъ большой недостатокъ. Вмѣсто опредѣленно-очерченныхъ характеровъ и страстей, въ оперѣ преобладаютъ такъ сказать общія мѣста, иногда прелестныя по силѣ и богатству мотивовъ и прекрасной оркестровкѣ, такъ что личности какъ-бы тонутъ въ общемъ полумракѣ, не выдѣляясь изъ фона картины. Намъ кажется, что композиторъ слишкомъ соблазнился вагнеровскимъ стилемъ и тѣмъ уничтожилъ самого себя. Въ оперѣ отсутствуетъ всякая музыкальная оригинальность, не смотря на то, что произведеніе въ общемъ далеко нельзя назвать слабымъ. Впечатлѣніе на слушателя или зрителя рѣшительно не удерживается; оно исчезаетъ окончательно съ каждымъ новымъ нумеромъ, съ каждой новой сценой и въ концѣ концовъ не остается ничего.

Обстановка новой оперы, поставленной, какъ надо полагать, въ видѣ пробы, собрана изъ разныхъ балетовъ и оперъ; костюмы только нѣкоторые сдѣланы новые; костюмъ царицы Савской положительно плохъ.

На долю исполнителей выпали только двѣ выдающіяся роли: царицы Савской и Ассада, которыя были выполнены г-жей Салла и г. Марини; но они, несмотря на свои прекрасные и

сильные голоса, ничего не могли сдѣлать именно по недостатку опредѣленности и яркости въ очертаніи характеровъ и всякой рельефности тѣхъ мѣстъ оперы, которыми должны были выражаться страстные настроенія чувства и сильныя драматическія положенія.

Успѣхъ новой оперы у насъ кажется весьма сомнительнымъ.

Купецъ Калашниковъ.

(Новая опера А. Г. Рубинштейна, либрето г. Куликова.)

На Маринскомъ театрѣ дана была въ первый разъ 23 февраля новая опера г. Рубинштейна «Купецъ Калашниковъ». Либрето оперы сдѣлано съ необходимыми дополненіями изъ извѣстной и прекрасной пѣсни Лермонтова «Про царя Ивана Васильевича», молодого опричника и удалого купца Калашникова. По сюжету,

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ БОКЛЕВСКАГО.

Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ.

(Изъ гоголевскихъ типовъ.)

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской полиграфіи“.

опера эта — чисто-русская, даже глубоко-русская, если можно такъ выразиться, потому что относится къ такой эпохѣ и къ такимъ нравамъ, когда русская жизнь была вполне свободна отъ всякихъ чуждыхъ вліяній. Въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается наибольшая трудность для композитора русской оперы: воспроизводить, особенно въ музыкальномъ произведеніи, неособенно отдаленныя эпохи и нравы вообще труднѣе, чѣмъ такія, которыя успѣли уже испариться изъ народной жизни, сдѣлались забытыми, совершенно отжитыми, какъ напримѣръ, время Владиміра, воспроизведенное въ «Рогнедѣ» Стрובה. Творчество композитора можетъ проявиться гораздо свободнѣе въ области забытой, о которой у современныхъ поколѣній нѣтъ уже почти никакихъ представленій, чѣмъ среди нравовъ хоть и довольно отдаленной эпохи, но все еще живо представляемой. Представленія эти всегда особенно живы въ отношеніи національности

музыкальнаго произведенія. Для г. Рубинштейна труднѣйшей задачей въ его новой оперѣ была именно національность въ музыкѣ, кромѣ, конечно, удовлетворенія другимъ требованіямъ отъ музыкальнаго произведенія.

Не признавая возможнымъ по одному лишь представленію оперы дать нашимъ читателямъ болѣе или менѣе обстоятельный отчетъ о ней и о постановкѣ ея на сценѣ, равно какъ и о самомъ выполненіи оперы, мы отлагаемъ это до слѣдующихъ повторительныхъ представленій, которыхъ, какъ надо полагать, будетъ не мало. Новая и чисто-русская опера одного изъ талантливейшихъ представителей русской музыки во всякомъ случаѣ обязываетъ къ тому, чтобы на нее было обращено вниманіе русской публики болѣе серьезно, чѣмъ это возможно послѣ одного представленія.

Теперь сообщимъ только, что новая опера встрѣчена была съ энтузіазмомъ, который вызванъ былъ еще и тѣмъ, что оркестромъ дирижировалъ самъ композиторъ. Первое впечатлѣніе оперы на публику было самое благоприятное и лишь немногіе находили возможнымъ дѣлать композитору тотъ упрекъ, что музыка оперы недостаточно русская. Мы полагаемъ, что новая опера г. Рубинштейна и не могла быть болѣе русской, чѣмъ онъ самъ.

Къ рисункамъ.

Рисунки съ картинъ В. И. Якобія: «Нищіе» (въ Тангерѣ) и «Свиданіе» (въ Тангерѣ). — На настоящей академической выставкѣ есть нѣсколько картинъ, принадлежащихъ кисти В. И. Якобія, матеріалы для которыхъ были привезены нашимъ талантливымъ художникомъ изъ его путешествія по Испаніи и Тангеру. Мы спѣшимъ познакомить съ ними нашихъ читателей. По странному стеченію обстоятельствъ, Испанія и сѣверная Африка не обращали на себя вниманія нашихъ художниковъ, которые по разъ заведенной рутинѣ искали художественнаго матеріала преимущественно въ Италіи; а между тѣмъ, своеобразность природы и замѣчательные типы находятся въ необыкновенномъ количествѣ именно въ Испаніи и сѣверной Африкѣ. Нельзя поэтому, не благодарить г. Якобія за то, что онъ знакомитъ насъ съ этими типами и этой природой. Достаточно, впрочемъ, взглянуть на помѣщаемыя нами рисунки, чтобы убѣдиться

въ значительномъ интересѣ картинъ г. Якобія, гдѣ все дышетъ такимъ своеобразнымъ мѣстнымъ колоритомъ. Для произведенія сильнаго художественнаго эффекта, талантливому художнику не нужно было прибѣгать къ извѣстнымъ техническимъ приемамъ эффектнаго освѣщенія, — тутъ все дано природой съ такимъ богатствомъ красокъ, въ такой гармоніи линий, которыя поражаютъ разнообразіемъ и оригинальностью. Мы въ особенности рекомендуемъ превосходное освѣщеніе. На выставкѣ, среди публики намъ привелось слышать мнѣніе, что эти тангерскіе типы своими позами и жестами нѣсколько театральны. Это мнѣніе высказывалось какъ упрекъ художнику, который будто-бы, ради живописнаго эффекта, жертвуетъ естественностью и правдой. Нельзя не протестовать противъ подобнаго односторонняго заключенія. Нѣкоторая театральность дѣйствительно существуетъ, но она принадлежитъ не художнику. Южныя народы вообще театральны, по отношенію къ безформенной простотѣ и естественности жителя сѣвера; но эта театральность также естественна на югѣ, какъ казалась-бы худой и неестественной у сѣвернаго жителя. Художникъ, въ данномъ случаѣ, только воспроизводитъ богатую со-

держаніемъ жизнь, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, главная его заслуга.

Прометей и дочери Океана, скульптурная группа Мюлера. Послѣ семи лѣтъ самаго тяжелаго труда въ Римѣ, профессоръ Эдуардъ Мюлеръ окончилъ большую мраморную группу: «Прометей и дочери Океана», которая была ему заказана берлинской національной галереей изящныхъ искусствъ. Рѣдко попадалъ такой замѣчательный матеріалъ въ руки скульптора: мраморъ, изъ котораго высѣчена группа, замѣчательной красоты. Не мудрено поэтому, что собственникъ этого мрамора втеченіи двадцати лѣтъ не хотѣлъ съ нимъ разстаться, пока Мюлеръ не уговорилъ его продать ему эту глыбу. Группа вѣситъ 130 центнеровъ и стоитъ семьдесятъ пять тысячъ марокъ. На скалѣ мы видимъ прикованнаго Прометея и двѣ Океаниды. Къ Прометею спустился орелъ и раздираетъ когтями и клювомъ его тѣло. Одна Океанида, стараясь разорвать цѣпь, къ которой прикованъ Прометей, упала на скалу въ безсиліи и изнеможеніи, другая — старается защитить Прометея отъ орла и отстраняетъ его рукою. Мраморъ слегка разноцвѣтный и это случайное обстоятельство придаетъ необыкновенную жизненность всей группѣ. Величественная композиція цѣлой группы, гармонія линий и выступовъ дѣлаютъ группу Мюлера однимъ изъ лучшихъ произведеній пластики. Нашъ рисунокъ представляетъ осмотръ группы императоромъ Вильгельмомъ. Самъ авторъ этого замѣчательнаго скульптурнаго произведенія, — авторъ, бывший нѣкогда поваренкомъ у герцога Кобургскаго, а теперь сдѣлавшійся однимъ изъ первыхъ германскихъ скульпторовъ, затѣмъ директоръ національной галереи, докторъ Йорданъ, докторъ Дамке и секретарь Шульцъ, — сопровождаютъ императора.

О картинахъ на страницахъ 12 и 13 мы надѣемся сказать нѣсколько словъ впослѣдствіи, когда будемъ говорить о конкурсныхъ работахъ вообще, а о «Гоголевскихъ типахъ» въ слѣдующемъ номерѣ.

СМѢСЬ.

— **Бенефисъ г-жи Дика-Пети.** Г-жа Дика-Пети для своихъ артистическихъ именинъ, 23-го февраля, на сценѣ михайловскаго театра, возобновила три пьесы: «Les pattes de mouche» (комедія Сарду), «Les brigands par amour» и «L'omelette fantastique» (водевилъ). Первая изъ нихъ хорошо извѣстна публикѣ, какъ въ оригиналѣ, такъ и въ переводѣ («Не знаешь, — гдѣ найдешь»). Бенефициантка выступила въ комедіи Сарду въ роли Сюзанны, но, увы, была крайне плоха; безцвѣтенъ и вялъ былъ также г. Деву. Изъ остальныхъ исполнителей можемъ выделить только гг. Нертана и Ренара, весьма недурно проведшихъ свои роли. Исполненіе водевилей было скучное. Однакожъ, не смотря на неудачный выборъ пьесъ, не смотря на неудовлетворительное исполненіе, не смотря на плохую игру самой бенефициантки, послѣдняя все-таки удостоилась шумныхъ продолжительныхъ аплодисментовъ... Явно, что въ театрѣ присутствовало много «родныхъ человѣчковъ», разсаженныхъ «на даровщинку» въ различныхъ мѣстахъ ложъ и партера, которые не прочь, въ благодарность за билеты, и похлопать; раскѣ-же, готовый всегда къ овамъ, не разбирая, заслужены-ли онѣ артисткой или нѣтъ, тоже присоединился къ тѣмъ господамъ... Ну, вотъ и похлопали!!!!

— **Предстоящіе бенефисы.** Послѣ бенефиса г-жи Жулевой, на сценѣ александринскаго театра такковы слѣдуютъ: гг. Михалека, Петина и Алексѣева. Первый изъ нихъ еще ничего не выбралъ; г. Петина возобновляетъ извѣстную шекспировскую драму «Ромео и Джульета», а г. Алексѣевъ ставитъ трагедію «Убийство Коверлей».

— **Н. М. Милославскій.** Великимъ постомъ прибудетъ въ Петербургъ извѣстный даровитый артистъ Н. К. Милославскій; онъ намѣренъ принять участіе въ нѣсколькихъ клубныхъ спектакляхъ, сыгравъ шесть-семь лучшихъ ролей своего обширнаго репертуара.

— **Новый болидъ.** Въ г. Мисури (въ Америкѣ) надъ городомъ пронесся какой-то необычайный пронзительный свистъ и тяжелая масса рухнула на городской площади. Стоявшій близъ этого мѣста торговецъ былъ убитъ на повалъ; тотчасъ-же было приступлено къ раскопкѣ и на глубинѣ 5 футъ найденъ былъ болидъ, величиною и формою похожій на широкое большое ведро. Камень этотъ помѣщенъ въ мѣстный музей.

— **Новѣйшія раскопки.** Исторія, благодаря неутомимымъ изысканіямъ археологовъ, въ настоящее время съ успѣхомъ восполняетъ свои пробѣлы и даетъ чрезвычайно интересные свѣдѣнія о тѣхъ далекихъ временахъ, о которыхъ извѣстно лишь по сохранившимся описаніямъ Геродота (его «Еутерге» книга II). Труды ученыхъ не пропади даромъ и дали блестящіе результаты, внеся новый вкладъ для нау-

ки, открывая широкое поприще изслѣдованій. Такъ недавно въ малой Азіи открыты каменные статуи дѣтелей временъ за 1400 лѣтъ до Рождества Христова. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: въ мѣстечкѣ Нимфи, въ 20 верстахъ отъ г. Смирны, найдена громадная скала сѣврататаго порфира, хорошо вышліфованная, съ изсѣченной на ней фигурой бѣгущаго воина, декорированнаго львиною шкурою; въ правой рукѣ копьѣ, черезъ лѣвое плечо переброшены стрѣлы, заткнутыя за ремень, фигура гигантскаго роста, мускулистая, съ суровымъ правильнымъ лицомъ, подъ нею іоническія письма съ египетскими іероглифами гласятъ, что «статуя сооружена въ память великой побѣды египтянъ, вождѣмъ, царемъ Рамзесомъ II, надъ Сезострисомъ». На томъ же камнѣ, съ стороны, противоположной фигурѣ, такая надпись: «Въ Іоніи находится 2 изображенія этого великаго, всесильнаго царя, вождя Рамзеса II, высѣченныя на скалахъ, одно на дорогѣ изъ Ефеса въ Никей, другое — по дорогѣ между Сардией и Смирной; въ обоихъ высѣченъ человѣкъ вышиною 4½ локтя, на этомъ такъ, на другомъ въ правой рукѣ держитъ копьѣ, въ лѣвой-же стрѣлу, экипированъ (одѣтъ) частью египтяниномъ, частью ефіопомъ, на груди съ одного до другого плеча вырѣзано священное сказаніе: я взялъ эту страну на свои плечи». Вся фигура въ скульптурномъ отношеніи совершенно правильна и хорошо сохранилась за исключеніемъ незначительныхъ поломокъ. Надъ головой фигуры, въ углу съ правой стороны, уцѣлѣло нѣсколько іероглифовъ, по которымъ можно было разобрать, что имперія гитайтесовъ въ союзѣ съ месопотамскими племенами западной Арменіи и малой Азіи были противъ египтянъ Рамзеса II, противникомъ котораго былъ ихъ вождь Сезострисъ. Это событіе совпадаетъ съ временемъ за XIV столѣтіи до Рождества Христова. Затѣмъ близъ Наръ-ель-Кельда на Ликусѣ, около Бейрута, въ Сиріи, найденъ замѣчательный монументный камень съ хорошо сохранившимся пояснымъ изображеніемъ: «великій, божественный Сезострисъ», внизу надписи съ замѣтками годовъ, которые вполне совпадаютъ съ годами царствованія Сезостриса. Найденные тутъ-же камни съ іероглифическими надписями подтверждаютъ сказанія Геродота, что въ малой Азіи Сезострисъ назывался Гитайтесомъ и г. Самениза была столицею Гитайты и лежала на берегахъ верхняго Ефрата. Въ дальнѣйшихъ раскопкахъ найдена въ горѣ Ситилусѣ близъ Магнезій выбитая изъ камня фигура Ахилеса, гдѣ онъ утѣшаетъ Пріама, который потерялъ сына (о чемъ писалъ Гомеръ въ 24 книгѣ своей Іліады). Нѣсколько поодаль найдена статуя Ніобеи въ сидячемъ положеніи со сложенными на груди руками, а находящаяся вокругъ писмена повѣствуютъ ей печальную исторію, когда она, осиротѣвшая и потерявшая сыновей, удалась въ пещеры Ситилуса, съ плачемъ вызывая къ богамъ о помощи. Эти замѣчательныя находки настолько интересны, что ни одинъ еще въ мірѣ музей ничего подобнаго не имѣетъ, а хранящееся въ смирнскомъ музеѣ каменное изображение Сезостриса при сличеніи его съ теперь найденнымъ далеко не похоже.

— **Находка.** На островѣ Сан-Доминго найдены остатки корабля и хорошо сохранившійся папирусъ, принадлежащіе нѣкогда знаменитому Христофору Колумбу.

— **Потопъ.** Островъ св. Христофора въ западной Индіи (владѣнія англичанъ) пострадалъ отъ разразившагося надъ нимъ проливнаго дождя, который шелъ съ ужасающею силою втеченіи 11 дней. Платанціи уничтожены, постройки разрушены, множество жителей осталось безпріютными, изъ нихъ болѣе 200 человѣкъ погибло; убытокъ причиненъ громадный и простирается до 250,000 ф. с. Островъ имѣетъ до 28,000 жителей и заключаетъ въ себѣ 20 миль длины и 6 ширины.

— **Изобрѣтательность французовъ.** Нынѣшняя зима въ Парижѣ стоитъ весьма суровая, что въ особенности чувствительно отзывается на бѣдныхъ, не смотря на всевозможные способы благотворительности, на которые французы не скупились. Такъ, напр., съ успѣхомъ практикуется такое средство. Парижане придумали весьма красивую миниатюрную медаль съ надписями на одной сторонѣ «Сена — морозъ 26°, снѣгу 1½ футъ.», на другой — «Зима 1877 — 80 гг.». Медаль эта выдается каждому желающему «на память», при чемъ, разумѣется, не остается безъ взаимности и медали замѣняются франками, которые и идутъ въ пользу бѣдныхъ.

— **Искусство въ Японіи.** Въ Іеддо открылась первая и между прочимъ замѣчательная выставка японцевъ. На эту выставку доставлены такія произведенія, что положительно европейцы могутъ позабавиться. Такъ, напр., выставлена цѣлая серія образцовъ мельчайшихъ и миниатюрнѣйшихъ рисунковъ, орнаментовъ и другихъ, исполненные на лакированномъ фарфорѣ, фаянсѣ, бронзѣ, кости и деревѣ, выши-

тыя роскошнѣйшія ткани и микроскопическія издѣлія изъ кости.

— **Курьезное общество.** Въ Нашвилѣ, въ шт. Тенесси, существуетъ общество, состоящее изъ молодыхъ и пожилыхъ мужчинъ, которые испытали несчастную любовь или получили отказъ въ сватовствѣ. Желаяшій сдѣлаться членомъ этого общества обязанъ привести доказательства своей несчастной любви и дать слово всю жизнь оставаться несчастнымъ вздыхателемъ. Если подобный отвергнутый поклонникъ осмѣлится снова ухаживать за дамой, которая отказала ему въ своей рукѣ, тогда его тотчасъ со стыдомъ и позоромъ выгоняютъ изъ этого общества. За всякаго члена этого общества, который вступаетъ въ бракъ, налагается продолжительный глубокий трауръ на всѣхъ остальныхъ членовъ. Въ Нашвилѣ въ настоящее время намѣреваются учредить другое подобное общество, только уже изъ лицъ женскаго пола.

— **Курьезный процессъ.** Въ Парижѣ разбиралось недавно одно брако-разводное дѣло. Во время разбирательства судья замѣтилъ, что дама, дѣло которой разбиралось въ настоящемъ засѣданіи, глядя на него, какъ-то странно мигаетъ ему глазами; онъ почувствовалъ себя неловко и невольно потупилъ взоръ. Секретарь суда, удивленный этой нѣмой сценой между судьей и обвиняемой, пристально поглядѣлъ на послѣднюю, которая замѣтивъ, что за нею наблюдаютъ, взглядываетъ на секретаря и начинаетъ и съ нимъ продѣлывать то же самое. Когда, наконецъ, судья обращается къ мужу съ вопросомъ, какіе вѣскіе доводы имѣетъ онъ представить въ пользу расторгненія брака, супругъ умильно восклицаетъ: «Г-нъ судья! повѣрьте, я обожаю свою жену, но она, къ несчастію, подвержена нервному расстройству глазъ, которое выражается тѣмъ, что она безпрестанно мигаетъ ими, вслѣдствіе чего за ней бѣгаютъ всѣ мужчины; согласитесь, что моя честь страдаетъ отъ этого и я поневолѣ долженъ разстаться съ нею». Судья, подумавъ немного, предлагаетъ супругамъ слѣдующую мировую сдѣлку: онъ соизволитъ женѣ днемъ сидѣть дома и выходить только по вечерамъ. Супруги съ восторгомъ и благодарностью соглашаются на это предложеніе.

— **Увиранда и Вельвичія.** Если тропическая Америка (Бразилія) и тропическая Азія (Индіа, Цейлонъ и Малайскій архипелагъ) щеголяютъ роскошью растительнаго міра, его гигантскими размѣрами, его красотою, чудною листовою, плодами, цвѣбными свойствами и ядовитыми алколоидами, то и Африка, въ особенности же Мадагаскаръ, врядъ ли уступитъ имъ первенство. Не будемъ вдаваться въ подробности и назовемъ только пять особенно выдающихся видовъ, а именно: водяное окошечное растеніе или увиранду (*hydrogeton sive uviranda fenestralis*); стрихниновое дерево или цѣлибуху (*strichnos nux vomica*), весьма полезное въ медицинѣ плодомъ своимъ — рвотнымъ орѣхомъ, алколоидъ котораго даетъ стрихнинъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ растительныхъ ядовъ; тангинію (*tanginia veneniflora*), заключающую въ себѣ до того сильный ядъ, что сѣмена этого растенія употребляются на Мадагаскарѣ для казни преступниковъ; уранию (*urania*) или небесное дерево, называемое также у туземцевъ деревомъ путешественниковъ, такъ какъ даетъ имъ и тѣнь, и пристанище, и пищу, и питье. Дерево это, по справедливости названное небеснымъ, не имѣетъ настоящаго ствола, но подобно бананамъ, образуетъ его отдѣльно бѣгущими изъ земли листьями, тѣсно жмущимися другъ къ другу. Эти побѣги, толщиною въ человѣческую руку, достигаютъ тридцати футовъ высоты и располагаются въ воздухѣ правильными роскошными вѣрами, блестящими самою яркою, самою восхитительною зеленою. Листья прелестной урании такъ нѣжны, что легко разрываются сами собою. Соки растенія такъ обильны, что если въ листовыхъ ребрахъ просверлить отверстіе, то изъ него польется прозрачная жидкость, которая у срѣзаннаго бутона истекаетъ сладкимъ и душистымъ медомъ, употребляемымъ для выдѣлки лучшихъ сортовъ арака. Окошечное растеніе или увиранда представляетъ собою какой-то скелетъ растительнаго міра, но надобно прибавить: — не страшный, не безобразный, не ужасающій, а напротивъ прелестный скелетъ. Представьте себѣ огромные, саженные листья музы, которую можно видѣть не только въ каждомъ изъ европейскихъ ботаническихъ садовъ, но нѣрѣдко встрѣчаемой въ обыкновенныхъ оранжереяхъ и даже квартирахъ богатыхъ людей, но разница та, что листъ музы сплошной и ярко зеленый, а у увиранды — желтоватый, представляющій собою не зеленую мякоть, а какую-то сѣтку изъ множества правильныхъ квадратовъ, постепенно уменьшающихся по мѣрѣ своего приближенія къ окраинамъ листа; эта сѣтка представляетъ что-то въ родѣ основы, что-то въ родѣ недоконченной работы при-

роды, въ ожиданіи развитія настоящаго зеленого листа; но подобное ожиданіе окажется напраснымъ, потому что ткань увиранды есть вполне образовавшийся и развитый листъ. Если взять его въ руки, то предъ вами будетъ продолговато-овальная рама, въ которую стоитъ только вставить маленькія стекла, чтобы пользоваться ею, какъ настоящимъ окномъ. Это-то сходство съ оконною рамой и доставило увирандѣ ея другое названіе окошечнаго растенія. Увиранда растетъ кустами въ нѣсколько большихъ листьевъ на днѣ моря, по прибрежьямъ Мадагаскара, на небольшой глубинѣ, такъ что, катаясь на лодкѣ, можно любоваться въ прозрачной водѣ ея правильной тканью, раскинутою на чистомъ грунтѣ, какъ рыболовные сѣти, между квадратами которыхъ снуютъ многочисленные обитатели морей: и сверкающія изабеллы, и выходящіе ленты-рыбы, и свѣтящіеся металлическимъ, краснымъ, синимъ и зеленымъ цвѣтомъ рыбки-колибри, и суетящіеся морскіе ежи, и свѣтлозарная рыба-мѣсяцъ, наряжающаяся въ свой серебряный щитъ, и баснословная сенія, отражаясь въ ея щитѣ всѣми цвѣтами радуги. Если соединить красоту растительнаго міра съ красотою этихъ живыхъ существъ Мадагаскара, то предъ нами откроются во очю тѣ чудеса сказочнаго міра, который грезился намъ въ дѣтствѣ. Неменѣе замѣчательную особенность африканской флоры составляетъ то, что множество растительныхъ видовъ, такъ называемой вельвичіи, чтобы имѣть возможность выдержать продолжительную засуху отъ зноя, устроиваютъ себѣ подъ землею весьма большія и сочныя корневыя шишки, то есть нѣчто въ родѣ погреба для запаса воды. Такіе естественные погреба неоцѣненны для людей и для животныхъ и не разъ спасали отъ мучительной смерти жаждою. Но надо имѣть самый опытный глазъ, чтобы открыть подобное сокровище. Скудный стебель въ нѣсколько дюймовъ, да низкая трава—вотъ единственные признаки того, что на глубинѣ 1 или 1½ фута подъ землею, высохшей, какъ кирпичъ, лежитъ сочный, прохладительный клубень величиною съ голову ребенка, а иногда и болѣе. Открывая подобную находку, человекъ пьетъ изъ нея накопившуюся холодную воду. У нѣкоторыхъ породъ вельвичіи норки распространяются отъ одного центра во всѣ стороны и тогда достаточно открыть одну подобную шишку, чтобы попасть на цѣлую систему другихъ. Бѣдный дикарь, умирающій въ пустынѣ отъ жажды, знаетъ очень хорошо всѣ такіе подземные сокровища и выкапываетъ ихъ посредствомъ остроковенной палки. Водяныя шишки вельвичіи бываютъ болѣею частию бѣлыя, наполняющая же ихъ жидкость безъ запаха и особаго вкуса представляетъ собою отличное прохладительное питье изъ прѣсной воды. Это растеніе получило свое названіе отъ доктора Вельвича, открывшаго его по близости отъ мыса Негро.

— **Успѣхи распространія христіанства.** Лондонское библейское общество сообщаетъ, что съ 1865 года по 1879 годъ, благодаря успѣхамъ проповѣдничества, свѣтъ христіанской истины проникъ во всѣ отдаленныя страны вселенной и выразился въ цифрѣ 152-хъ вновь возведенныхъ церквей. Общество имѣетъ 37,500 членовъ.

— **Новая американская экспедиція.** Въ Галифаксѣ сооружается новая арктическая экспедиція къ сѣверному полюсу подъ управленіемъ капитана Емилія Бессельса.

— **Сожженіе евреевъ.** Изъ Мароко сообщаютъ, что въ Фецѣ ненависть арабовъ къ евреямъ достигла своего апогея и разразилась страшною кровавою драмою, послѣдствіемъ которой нѣсколько евреевъ были облиты петролеумомъ и сожжены арабами.

— **Наши метеорологическія наблюденія** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Лѣтописи главной физической обсерваторіи изданы директоромъ ея, академикомъ Г. Вильдомъ, для 1878 г. въ двухъ частяхъ. Въ первой части этого прекраснаго изданія заключаются метеорологическія и магнитныя наблюденія станцій перваго разряда, а во второй части станцій втораго и третьяго разряда, а со станцій втораго и третьяго разряда одни только чрезвычайныя наблюденія; во вторую же часть входятъ всѣ нормальныя наблюденія станцій втораго и третьяго разряда, издаваемые по международнои схемѣ. Эти послѣднія наблюденія предназначены главнымъ образомъ для синоптическихъ изысканій, для изслѣдованій послѣдовательности общихъ явленій погоды и для сравненія климатовъ различныхъ мѣстъ земной поверхности, между тѣмъ, какъ наблюденія первой части преимущественно служатъ для изслѣдованій специальныхъ вопросовъ изъ области метеорологіи и земного магнетизма. Къ наблюденіямъ павловской обсерваторіи предпослано громадное введеніе. Въ первой части находимъ магнитныя наблюденія, произведенныя въ Пекинѣ втеченіи 1878 г., наблюденія надъ направленіемъ вѣтра на маякахъ Балтійскаго моря за 1878 г., ежеасныя наблюденія надъ температурою въ Симбирскѣ въ

1878 и 1879 гг., ежеасныя наблюденія надъ температурою и влажностію въ Наманганѣ въ 1878 г. и наблюденія надъ направленіемъ облаковъ въ 1878 г. Изъ 104 метеорологическихъ станцій, наблюденія которыхъ были напечатаны въ послѣднемъ томѣ лѣтописей, выбыло втеченіи 1878 г. 11 станцій. Въ Повѣнцѣ, Нарынѣ-Пескахъ, Бѣлозерскѣ, Черниговѣ, Ялтѣ, Феодосіи, Кутансѣ, Сурани и Веденѣ наблюденія временно или вовсе прекращены, а въ наблюденіяхъ, присылаемыхъ изъ Николаевска было столько пропусковъ, что ихъ вовсе исключили изъ печати, изъ Астрабады, до окончанія печатанія этого тома, наблюденія не были получены. Новыхъ станцій въ 1878 г. прибыло 15, а именно: Перновѣ, Кола, Вытегра, Хабаровка, Наманганъ, Каинскъ, Гурьевъ, Тамбовъ, Рождественское, Сошанское, Висимойтанскъ, Новгородъ, Василевичи, Урала и Аскольдъ; слѣдовательно, число станцій возросло до 108; изъ этого числа для 26 даны одни только средніе ежемѣсячныя и годовые выводы по той причинѣ, что на нихъ не всѣ элементы наблюдались, или часто встрѣчаются пробѣлы, или наблюденія не вполне надежны, или, наконецъ, потому, что болѣе лежитъ другая станція, которой отъ дана предпочтеніе относительно напечатанія подробныхъ наблюденій.

— **Уличная пыль.** Давно уже обращали на себя вниманіе врачей и блюстителей здоровья различныя условія жизни въ большихъ, густонаселенныхъ городахъ какъ въ отношеніи нравственнаго, такъ физическаго благосостоянія жителей. Къ числу неудобствъ городской жизни принадлежитъ и уличная пыль.

Данцеръ, профессоръ Тиндаль и многіе другіе изслѣдовали уличную пыль и нашли въ ней положительно вредныя вещества. Это видно также изъ опытовъ Сидеботара, произведенныхъ имъ въ вагонѣ желѣзной дороги надъ нанесенною въ него пылью. Тщательное изслѣдованіе подъ микроскопомъ показало, что эта пыль содержитъ между прочимъ малѣйшія частицы желѣза, по болѣе части длинныя, прямыя и тонкія, шириною около 1/150 миллиметра; подъ микроскопомъ же она представляется грудой старыхъ гвоздей. «Помощію магнита, говоритъ Сидеботаръ, я отделилъ желѣзо отъ другихъ составныхъ частей. Общій вѣсъ собранной мною пыли не превышаетъ пяти граммовъ; вѣсъ желѣзныхъ частицъ былъ равенъ 2,91 грама, т. е. болѣе половины всей массы. Большая часть отдѣленнаго желѣза состояла изъ различныхъ частицъ металлическаго шлака или перегорѣлаго желѣза, преимущественно сферическаго вида, всѣ онѣ были покрыты острыми шипами и стволками крючковаго чертанія. Многія представляли многоугольную форму. Остальная часть пыли состояла изъ угля, мельчайшихъ частицъ стекла и пр. Послѣ изслѣдованія этой пыли мнѣ стало ясно, почему она производитъ такое раздражающее дѣйствіе; всѣ эти острия, крючкатыя и угловатыя частицы должны неизбежно производить болѣзненное раздраженіе въ горлѣ, на вѣкахъ глазъ, на деснахъ и пр. Большое количество намагниченныхъ желѣзныхъ частицъ, найденныхъ въ пыли, произошло, вѣроятно, отъ тренія рельсовъ и колесъ, остальные желѣзные частички отъ заводовъ. Въ продолжительныхъ и частыхъ поѣздкахъ по этому округу желѣзныхъ дорогъ я принужденъ былъ постоянно, даже при сухой погодѣ, носить респираторъ во избѣжаніе этихъ металлическихъ частицъ, свойственныхъ желѣзнымъ дорогамъ».

Стоддеръ изслѣдовалъ также черную пыль, выходящую изъ паровозной мастерской водоподъемной машины сѣверо-американскаго общества снабженія водой. Онъ нашелъ въ ней различныя органическія волокна, различные органическіе остатки и разрушенныя кристаллы, одна же большая часть ея все-таки состояла изъ частицъ желѣза, величиною отъ 1/100 миллиметра и болѣе, также изъ кривыхъ и угловатыхъ частицъ желѣза отъ 5—15 мил. и изъ маленькихъ, совершенно круглыхъ частицъ, вѣроятно, тоже желѣзныхъ. Чтобы воспрепятствовать распространенію подобной пыли въ городской атмосферѣ, Стоддеръ предложилъ помѣстить большой магнитъ въблизи отъ шлифовальныхъ колесъ.

При изслѣдованіи бостонской уличной пыли, собранной въ различныхъ частяхъ города, оказалось, что 100 частей этой пыли содержали въ себѣ:

Органическихъ веществъ до.....	13%
Неорганическихъ до.....	43%
Нерастворимыхъ въ азотной кислотѣ (крѣпкой водкѣ) до.....	35%
Хлористаго желѣза до.....	6%

Такая уличная пыль даетъ плохіе результаты, будучи употреблена, какъ удобрение. Если возъ лошадиного помета стоитъ 8 долларовъ, то уличный соръ со всѣми случайными частицами нельзя оцѣнить выше 40 центовъ (въ совершенно сухомъ состояніи); уличная грязь, собранная въ различныхъ мѣстахъ,

какъ удобрительное средство, стоитъ еще ниже. Фермеры и садовники Бостона и Нью-Йорка единогласно рѣшили, что уличная грязь очень мало способствуетъ полученію хорошей жатвы.

Кромѣ того замѣчено, что въ совершенно различныхъ улицахъ преобладаніе желѣза въ металлическомъ видѣ совершенно одинаково.

— **Ткани, покрытыя оловомъ.** По сообщенію Якобсона, хлопчатобумажныя, льняныя и отчасти шерстяныя ткани могутъ быть покрываемы серебристою наводкою металлическаго олова. Съ этою цѣлю продажный порошокобразный цинкъ (цинковую пыль) размѣшиваютъ съ растворомъ яичнаго альбумина въ жидкую кашку, которую наносятъ затѣмъ посредствомъ кисти или вальца на ткань. Когда наведенный слой высохнетъ, его фиксируютъ, подвергая ткань дѣйствію водяныхъ паровъ, отъ чего альбуминъ свертывается, становясь нерастворимымъ. Послѣ такой подготовки ткань опускается въ растворъ хлорнаго олова, причемъ послѣднее восстанавливается цинкомъ, осаждающъ въ своемъ металлическомъ видѣ на волокна. Далѣе слѣдуетъ промывка ткани въ водѣ, просушивание и, наконецъ, сатинованіе. Въ малыхъ размѣрахъ это можно произвести просто утюгомъ, въ большихъ же на сатиновальной машинѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ оно придаетъ крапинкамъ на ткани свѣтлый металлическій блескъ. Для печатанія на подкладкахъ шляпъ, на мебельныхъ матеріяхъ, на обояхъ и тому подобномъ, олово, въ видѣ порошка, было предложено Мейстеромъ еще въ 1859 году; способъ его заключался въ простомъ печатаніи тканей смѣсью оловяннаго порошка съ аміачнымъ растворомъ казеина. Отличаясь сравнительно болѣею простотою, способъ Мейстера не даетъ, однако же, хорошихъ результатовъ относительно прочности и красоты наводимого металлическаго блеска.

— **Величайшія орудія.** Въ Даніи при постройкѣ дока вырыты изъ подъ слоя песка и ила 3 громаднѣйшія орудія, вылитыя изъ чугуна съ набитыми на нихъ желѣзными кольцами. Орудія эти по своимъ размѣрамъ, если не превосходятъ, то не уступаютъ желѣзнымъ и стальнымъ великанамъ нашего времени. Въ отверстіи дула можетъ свободно сѣсть человекъ. Въ 3 орудія разорваны, два вдоль, одно поперекъ и, судя по ихъ конструкціи, ихъ можно отнести къ первой половинѣ XV столѣтія. Эти диковинки въ настоящее время помѣщены: одно въ лондонское королевское пиротехническое училище, другое — въ вульвичскій арсеналъ, а третье — въ гринвичскій морской музей.

— **Олимпійскія древности.** Въ настоящее время приступлено къ раскопкѣ сѣвернаго склона горы Олимпа, у подножія которой былъ нѣкогда знаменитый храмъ богини Геры. Открыты замѣчательнѣйшія древности, существованіе которыхъ даже не предполагалось; вырыты: громадная каменная плита съ рѣзнымъ изображеніемъ льва—это первый до сихъ поръ найденный образецъ; далѣе—выбитая изъ красноватаго камня голова Фаустина младшаго, отбитая отъ туловища, найденнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ (къ которому она и подходитъ); затѣмъ украшенія, сдѣланныя изъ бронзы и терракоты, на которыя клались дары, приносимые богинѣ; каменные украшения, барельефы и, главное, найдены сѣверныя ворота, ведущія въ храмъ.

— **Сента методистокъ.** Въ гор. Филадельфіи основалась первая, закономъ признанная въ Америкѣ секта методистокъ или женщинъ проповѣдницъ, въ составъ которой вошли почти всѣ молодыя дѣвушки и женщины штата.

— **Художественныя рѣдкости.** Знаменитый въ Англіи по своимъ историческимъ древностямъ кесингтонскій музей приобрѣлъ выставленныя въ лондонской королевской галереѣ замѣчательнѣйшія художественныя драгоцѣнности великихъ древнихъ мастеровъ, состояція изъ слѣдующихъ картинъ. Громадная картина «Пресвятая Дѣва Марія», писанная Веронезе; портретъ Микель-Анжело; «Смерть св. Петра», гениальное произведеніе Тиціана, гдѣ послѣднія предсмертныя муки исполнены съ такимъ совершенствомъ, что производятъ потрясающее впечатлѣніе; «Св. Дѣва», произведеніе гениальнаго Каналетто; роскошнѣйшій большой ландшафтъ Сальватора Розы, «Видъ Венеціи»; портретъ короля Карла 1-го, писанный Вандикомъ; королевы Елисаветы, снятый богемскимъ художникомъ Мирвельтомъ; и прелестнѣйшее послѣднее произведеніе Рубенса: портретъ его жены. Всѣ эти произведенія до настоящаго времени хранились въ частныхъ галереяхъ и только теперь сдѣлались доступны публикѣ.

— **Новѣйшія открытія.** Благодаря послѣднимъ успѣхамъ, сдѣланнымъ въ области химіи, въ настоящее время между Дублиномъ и Лондономъ устроенъ подводный электро-фотографическій аппаратъ.

— **Человѣческое черепа.** Одинъ ученый физиологъ

оставилъ послѣ своей смерти духовное завѣщаніе, которымъ свою знаменитую въ цѣломъ мірѣ коллекцію, состоящую изъ 1800 человѣческихъ череповъ всѣхъ національностей, населяющихъ земной шаръ, которую онъ собиралъ втеченіи своей долгой жизни, передаетъ гунтеріанскому музею въ Суржонсѣ.

— **Церковная живопись.** Въ Лондонѣ по плану архитектора Седдона устраивается новый музей, приспособленный исключительно для хранения церковной живописи и образцовъ церковной утвари вообще.

— **Король-переводчикъ Шекспира.** Король португальскій занятъ въ настоящее время переводомъ Гамлета на португальскій языкъ.

— **Рукопись апостола Павла.** На горѣ Атосѣ, въ древнихъ склепахъ монастырской бібліотеки знаменитаго нѣкогда греческаго монастыря св. Амвросія, однимъ италіанскимъ священникомъ найдены тексты изъ св. Евангелія, писанные рукою апостола Павла на греческомъ языкѣ. Эта находка побуждаетъ созвать въ Римѣ комисію изъ ученыхъ археологовъ и теологовъ.

— **Национальная портретная галерея Японіи.** Изъ гор. Токио сообщаютъ, что въ Иедо въ устроенномъ по европейскому образцу зданіи открывается національная портретная галерея всѣхъ почему либо замѣчательныхъ людей японской имперіи.

— **Международныя почтовые марки.** Французское и бельгійское правительство въ настоящее время заняты просмотромъ новаго трактата о международныхъ почтовыхъ маркахъ и выработанный проектъ предполагаютъ внести на благоусмотрѣніе другихъ государствъ.

— **Ледяной юбилей.** Суровая зима настоящаго года справляла свой ледяной 50-лѣтній юбилей въ Швейцаріи, Верхней Австріи и Каринтіи и ознаменовала себя рядомъ необычныхъ явленій; такъ, Констанское озеро покрылось сплошнымъ льдомъ, переѣздъ по которому совершается безпрепятственно; подобная суровая зима была здѣсь въ 1829—30-хъ годахъ. Въ Верхней Австріи замерзли большія озера, чего въ настоящемъ столѣтіи еще не бывало.

— **Стэнли.** Извѣстный путешественникъ Стэнли находится въ настоящее время у истоковъ рѣки Конго; куда и удалось ему благополучно пробраться и разыскать эти таинственные истоки, которые до сихъ поръ составляли предметъ самыхъ оживленныхъ изслѣдованій.

— **Цивилизація міра.** Подъ этимъ заглавіемъ лондонскій всемірный статистическій комитетъ сообщаетъ за минувшій 1879 годъ интересныя свѣдѣнія о количествѣ газетъ, выходящихъ во всемъ свѣтѣ, и приводитъ слѣдующія цифровыя данныя, изъ которыхъ оказывается, что во всемъ свѣтѣ выходитъ 23,267 газетъ, которыя распределяются слѣдующимъ образомъ: въ Европѣ 13,600, при чемъ самое большее число падаетъ на долю: Германіи 3,778, — Англіи 2,509, — Франціи 2,000, — Италіи 1,226, — Австріи 1,200 и Россіи 500; на всѣ же прочія государства Европы 2,387; — въ Америкѣ 9,129, — въ Азіи 388, — въ Африкѣ 50 и въ Австраліи 100 изданій.

— **Трудъ Суданова** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Врачъ Судановъ избралъ темою для диссертации на степень доктора медицины изслѣдованіе о составѣ и питательныхъ свойствахъ гречихи. Положенія ея труда слѣдующія: 1) гречиха по составу своего зерна стоитъ довольно близко къ пшеницѣ; 2) усвояемость гречневой каши ничѣмъ почти не разнится отъ усвояемости пшеничнаго хлѣба; 3) смѣшанная пища изъ гречневой каши и чернаго хлѣба усваивается лучше, чѣмъ одна гречневая каша и слѣдовательно лучше, чѣмъ бѣлый хлѣбъ; 4) человѣческимъ организмомъ усваивается лучше пища, составленная изъ нѣсколькихъ пищевыхъ ингредиентов, чѣмъ состоящая изъ одного какого-либо пищевого вещества; 5) одно и тоже пищевое вещество въ однихъ и тѣхъ же количествахъ однимъ и тѣмъ-же субъектомъ усваивается нѣсколько различно въ различное время; 6) разница въ усвоеніи одной и той-же пищи различными субъектами можетъ быть весьма велика; 7) дурныя санитарныя условія нашихъ городовъ и деревень весьма рѣзко влияют на смертность населенія; 8) пока исполненіе медико-полицейскихъ обязанностей будетъ находиться въ рукахъ чиновъ общей полиціи, значеніе санитарнаго врача въ Россіи будетъ ничтожно; 9) къ официальнымъ статистическимъ даннымъ въ Россіи нужно всегда относиться съ извѣстной осторожностью. Анализы гречихи были произведены въ 1878 году. Опыты-же съ питаніемъ гречневой каши были произведены еще въ 1876 г. по предложенію профессора А. П. Доброславина и подъ его руководствомъ.

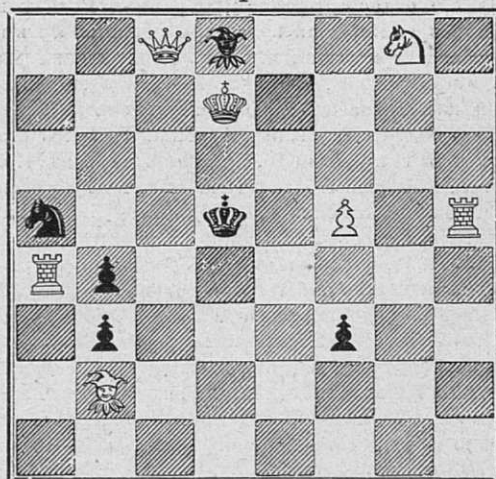
Шахматный отдѣлъ.

ЗАДАЧИ

№ 16.

С. Пирсона (въ Англіи.)

Черные.

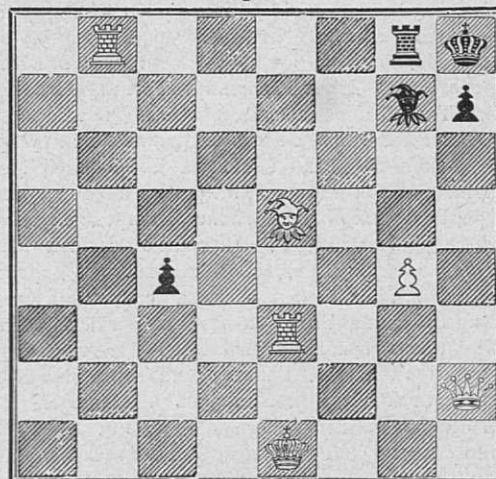
Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

№ 17.

Ф. Шрюфера.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

ОТВѢТЫ.

Г. Гельбаку (Житомиръ), С. Рудакову (Елифанъ), Г. Зимеръ (Нѣжинъ). Ваши письма пересланы М. Ф. Мену (Вильна, дача Саская-Кемпа).

Д. Стефановскому (Москва). Въ Москвѣ есть достаточное число шахматистовъ; существуетъ даже кружокъ любителей, собранія которыхъ бывають въ «Артистическомъ кружкѣ». Обратитесь къ секретарю кружка шахматистовъ О. Н. Бовыкину. Статьи по теоріи шахматной игры можете послать въ специальный шахматный журналъ «Шахматный листокъ», по адресу: Спб., Офицерская ул. д. 10, кв. 15.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 9-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 23 февраля въ 6 час. 30 минутъ утра, на иногороднюю почту: въ Москву 27 февраля въ 10 час. утра; въ прочія мѣста того-же числа отправлены вмѣстѣ 8 и 9 №№.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Пѣсни Дюпона, переводъ О. Охтенской. — Наканунѣ чистаго понедѣльника, разск. Н. А. Лейкина. — Стих. С. Каго. — Волкъ, ром. Эрмана-Шатріана. — Шарль Демальи, ром. Эдмона и Жюль Гонкуръ. — Русскія суевѣрія, очерки С. С. Шашкова. — Рябая красавица, ром. А. Буве. — Царица Савская. — Купецъ Калашниковъ. — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Объявленія.

Рисунки: 1 рис. къ ром. «Волкъ». — Прометей, скульпт. Миллера. — Нищія, кар. проф. В. И. Якобія. — Свиданіе, кар. проф. В. И. Якобія. — Августъ у гроба Александра, кар. Шоммера. — Смерть Демосфена, кар. Брамто. — Иванъ Ивановичъ Перерепенко, рисун. Боклевскаго. — Иванъ Никифоровичъ Довгочунъ, рисун. Его-же.

Редакторъ-издатель Н. И. Шульгинъ.

Объявленія.

Лечебницы Врачебной Общины.

1) Уголь Невскаго и Большой Морской, домъ Росмонъ № 13—9 входъ съ Невскаго 2-й подъѣздъ.
2) Семіоновскій переулочекъ домъ № 5.
3) Николаевская улица близъ Разъѣзжей, домъ № 52.

4) Пески, уголь 9-ой улицы и Дегтярной, домъ № 37—20.

Пріемъ приходящихъ больныхъ по всѣмъ специальностямъ ежедневно отъ 12 до 3 часовъ.

Общая Консультанція врачей по Воскресеньямъ отъ 1 до 2 часовъ.

Ночное дежурство врачей отъ 10 часовъ вечера до 6 ч. утра.

Усовершенствованный Гектографъ.

или скоро-копировальный аппаратъ Зегимеля, принятый во мног. казен. и частн. учрежденіяхъ. 100 к. въ 10 мин. Цѣна аппарата съ 2 сткл. чернилъ и составомъ для смыванія чернилъ: для почтоваго формата, 3 р. и 6 р., д. писч. бум. 8 р. для развернутаго почтоваго листа и музыкальн. нотъ 10 р., за пересылку каждого гектографа 1 р. Для разверн. листа писч. бум. 12 р., перес. за 20 фунт. Отдѣльно чернила 25 к. за сткл., масса 1 р. 25 к. за ф., 10 р. за 10 фунт. за перес. по расчету.

Переилеты для моментальнаго переплетенія дома любого количества листовъ писемъ, иллюстр. журнал. и пр. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 к.

Удачнѣйшіе подарки для взрослыхъ и дѣтей.

Фотокопирователь или домашній фотограф. аппаратъ, которымъ даже ребенокъ можетъ копировать только посредств. свѣта въ любомъ количествѣ всяк. фотограф. картъ, рисунковъ и пр. Цѣна (съ прилож. изящныхъ карточекъ, сдѣл. этимъ апар.) 2 р. 50 к., съ перес. 4 р. Съ прил. апар. для копиров. свѣтомъ рисунковъ, безъ вырыванія ихъ изъ книгъ 3 р. 50 к., съ перес. 5 р. Фотогр. карт. отдѣльно дюж. 1 р., сотня 5 р. съ перес.

Рисовальный аппаратъ, которымъ даже неумѣющій рисовать можетъ копировать съ совершен. точностью любые рисунки, дамск. рукодѣлія, узоры и пр. Ц. съ прилож. способа умноженія посредствомъ сложения и руководства къ живописи акварелью и пастелью 1 р. 30 к., съ перес. 2 руб.

Камера-обскура для рисов. съ натуры 1 руб. съ перес. 2 р.

Самоучитель чистописанія, съ прилож. школы чистописанія: русск., франц. и нѣмецк. яз. Съ помощью этого апар. дѣти выучиваются каллиграфіи безъ затраты бумаги. Ц. 1 р. 20 к. съ перес. 2 р. Складъ: въ центральное бюро объявленій и переводовъ І. Зегимеля, Невскій, № 4, Въ Петербургѣ.

У всѣхъ книгопродавцевъ продается новая книга

Н. А. ЛЕЙКИНА СОВРАСЫ БЕЗЪ УЗДЫ.

1880 г., около 300 стр. убористой печати, 72 разск.

Ц. 1 р. 50 к. безъ перес.

Тамъ же продаются слѣдующія книги

Н. А. ЛЕЙКИНА НАШИ ЗАБАВНИКИ

1879 г. 78 юмористическихъ разсказовъ, 300 стр.

Цѣна 1 р. 50 к.

РАДИ ПОТѢХИ.

1879 г., 63 юмор. разсказа, 308 стр. Ц. 1 р. 50 к.

безъ пересылки.

НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ

1879 г., 40 юмор. разск., 318 стр. Цѣна 1 р. 60 к.

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ

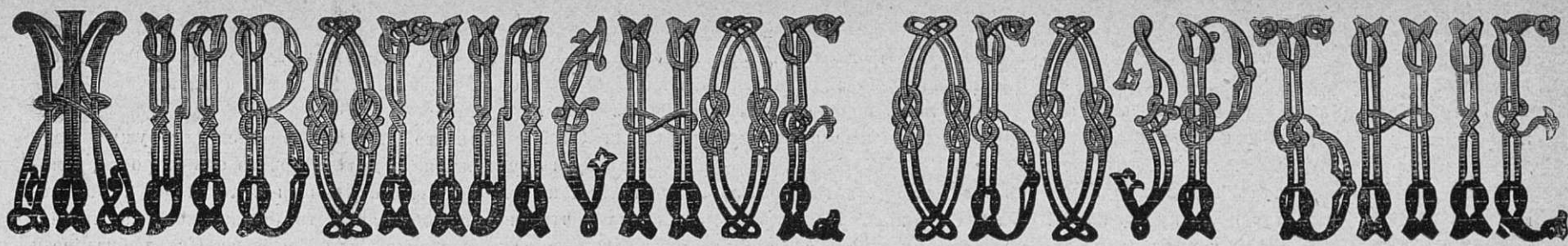
(Изданіе 2-е дополненное).

1880 г., 87 юмористич. разск., 320 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лица, выписывающія не менѣе трехъ книжекъ отъ свѣтора (Спб. Николаевская, № 48) за пересылку ничего не платятъ).

Поступила въ продажу **Элементарная Анатомія, Физиологія и Гигіена.** Руководство для городскихъ уч., сост. М. Герасимовымъ. Съ 28 рис. Ц. 50 к. Доп. Уч. К. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства для городскихъ уч. и въ бібліотекѣ народныхъ уч. Складъ изданія въ кн. маг. «Новаго Времени» и у автора: С.-П. бургъ, Лиговскій каналъ, д. № 120.

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 11.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цѣна отдѣльныхъ №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

8 Марта 1880 года.

Стихъ Н. Гриднева.

Братья! слышите-ль вы звуки
Вѣковѣчной суеты?..
Въ нихъ—и стонъ сердечной муки,
Въ нихъ—и голосъ праздной скуки,
И духовной нищеты.
Въ нихъ къ борьбѣ призывъ отважный
Тѣхъ, кто честенъ и великъ,
Сильныхъ міра голосъ важный,
Хохотъ женщины продажной
И младенца слабый крикъ...
Все, что въ пошлости безстрастной
Провлачило дни свои,
Все ликуетъ громогласно...
Но молчитъ лишь голосъ ясный
Всепрощающей любви!..
Гдѣ-жь она?..

Сила Ерофенчъ.

Разсказъ Д. Н. Полянского.

— Вы что это, Петръ Ивановичъ, вчера не были? Пировали, видно? спросилъ художавый молодой чинownikъ, догнавъ своего товарища, на улицѣ.

— Нельзя было. Какое пировалъ! Жена захворала: за дѣтми присмотрѣть некому. Дѣвчонка, на грѣхъ, къ теткѣ отиросилась. Я и остался. А что?

— Вѣдь у насъ новость.

— Что такое? Перемѣны, что-ли, какія или въ газетахъ прочли чего?

— Сила Ерофенчъ скюртку новый сшилъ!.. Вотъ поглядѣли-бы!

— Что вы? Взяло, значить?

— Вѣрно, что не безъ того. Помните, съ мѣсяцъ назадъ столоначальникъ ему насчетъ костюма замѣтилъ: неприлично, молъ, сшейте! а еще онъ все говорилъ, что скюртку ничего, держится; такъ подпску-то составить вздумали...

— Какъ-же не помнить,—помню. Ерошкинъ первый предложилъ: давайте, говорить, господа, сложимтесь по полтиннику на новый скюртку Силѣ Ерофенчу! Еще онъ обидѣлся въ тотъ разъ сильно—пристыдили его старого.

— Ну, вотъ въ томъ-то и суть. Вчера смотримъ, входитъ нашъ Ерофенчъ въ скюртку темносиняго сукна, съ иголочки. Завтра приходите, полюбуйте, а затѣмъ до свиданья; на почту надо. Заходите какъ-нибудь. Аннѣ Федоровнѣ мое почтеніе.

— Благодарю васъ, загляну,—и чинownikи разошлись.

Не даромъ они удивились такому незначительному, повидимому, происшествію: Сила Ерофенчъ былъ человѣкъ достойный вниманія.

Акуратно каждый день въ девятомъ часу утра отворялась низенькая калитка окрашеннаго въ охра двухоконнаго домика на Макарьевской улицѣ и изъ нея выходилъ коренастый старикъ

въ какой-то удивительной синей шинели, сидѣвшей на плечахъ по военному и въ форменной фуражкѣ съ кокардой. Лицо старика на первый взглядъ поражало не то натянутостью, не то деревянностью. Сѣдые усы и небольшие бакенбарды, подбѣгающіе къ угламъ рта, придавали ему нѣсколько даже строгое выраженіе. Въ третьемъ часу таже фигура тихо и прямо, вскинувъ широкія плечи и рѣзко оглядываясь по сторонамъ, проходила той же улицей и скрывалась за низенькой желтой калиткой.

Это и былъ Сила Ерофенчъ. Такимъ его все помнятъ въ Слонайскѣ.

Кромѣ старика рѣдко кто входилъ въ заветную калитку невзрачнаго желтаго домика; по на скамеечкѣ, у забора, сосѣди не разъ въ теплые лѣтніе вечера видали древнюю старушку, мать Силы Ерофенча. Замѣчали, что она частенько сидѣла у раствореннаго на улицу окна. И только.

Сила Ерофенчъ не держалъ прислуги, не любилъ принимать гостей и, вѣроятно, на это были особыя причины, но самъ онъ кое-кого навѣщалъ. Случалось, вынмала и старушка. Оба приходили, по заврѣню сосѣдей, съ цѣлью наняться чаю или чего-нибудь поѣсть. Старуха обыкновенно такъ и набрасывалась на калачи, предлагаемые къ чаю, хвалила съ какой-то особенной завистью сосѣдскую говядину и пироги. По всему было видно, что она голодна.

Когда разговоръ съ Силой Ерофенчемъ заходилъ о чемъ-нибудь житейскомъ, онъ откровенно признавался, что живетъ экономно и что ему собственно ничего почти не нужно. Все это ему, конечно, не мѣшало съ большимъ аппетитомъ уписывать за чаемъ бѣлый хлѣбъ, а за обѣдомъ отдавать должную честь каждому блюду.

— Я экономецъ, говорилъ онъ, приглаживая лѣвой рукой свои рѣдкіе, начерненные волосы,—и мнѣ даже удивительно, какъ это другіе тратятся... Право-съ. Чаю, признаться, я дома не пью, табуку не курю. Вотъ маменька у меня, ну, та пьетъ и говядину я ей на базарѣ самъ покупаю, а я—нѣтъ.

Сначала небогатое населеніе Макарьевской улицы не находило въ этомъ ничего особеннаго, думая, что Сила Ерофенчъ человѣкъ бѣдный; потомъ стали удивляться, узнавъ, что кромѣ домика съ садомъ онъ получаетъ недурное жалованье и деньги въ какомъ-то банкѣ держитъ.

Послѣднее открылось совершенно случайно. Кто-то въ его присутствіи началъ съ увѣренностью разсказывать о ненадежности всѣхъ банковъ вообще и даже государственнаго. Сила Ерофенчъ въ лицѣ измѣнился: «Какъ-же, спросилъ онъ, значить, если я положилъ въ банкъ деньги на сохраненіе, такъ тамъ на нихъ обороты дѣлають... какъ-же это? Значить, вѣрнаго нѣтъ ничего?»

«Вотъ какъ» подумали сосѣди и перестали удивляться, рѣшивъ, что Сила Ерофенчъ скупъ,

какъ Кашей. Перестали, впрочемъ, удивляться не сразу, а лишь послѣ того, какъ подробно узнали, какую именно важную должность занимаетъ братъ Силы Ерофенча и какъ Сила Ерофенчъ живетъ, что ѣсть, чѣмъ занимается; наконецъ, давно-ли онъ такой и не былъ-ли когда-нибудь другимъ.

Оказалось, что братъ гдѣ-то чуть-ли не прокуроромъ; Сила Ерофенчъ не все время жилъ въ Слонайскѣ на Макарьевской улицѣ, а былъ у него прежде двухэтажный домъ на Московской, только сгорѣлъ; служить въ губернскомъ правленіи и кромѣ матери родственниковъ въ городѣ не имѣетъ. Сколько не запомнить—онъ все такой-же, только сильно постѣдѣлъ.

Вѣдь въ заборахъ есть щели, сквозь которыя можно наблюдать падъ тѣмъ, что дѣлается на дворѣ; черезъ заборы можно перекинуться словами—какъ скроешься отъ сосѣдскаго глаза? Да старикъ и не особенно желалъ скрывать свою домашнюю жизнь.

Прикармливая Силу Ерофенча, узнали отъ него многое, чему-бы хорошо научиться бѣдному человѣку, да трудно. Старикъ, повидимому, доставляло даже удовольствіе, что его слушаютъ, не перебивая, и не могутъ въ толкъ взять, какъ это можно такъ жить, какъ онъ живетъ.

Марья Кузьминична, сама очень разсчитливая женщина, имѣвшая изрядный капиталецъ и отдававшая деньги въ ростъ, короче познакомившись съ Силой Ерофенчемъ и послушавшись его совѣтовъ,—и та вспомнила, назвавъ такую жизнь свинствомъ.

— Получаете вы триста рублей жалованья, а проживаете въ мѣсяцъ всего три рубля! Ну, развѣ это не свинство черный хлѣбъ одинъ ѣсть?

— Да вѣдь я, Марья Кузьминична, живу очень экономно: у меня, я вамъ говорю, ничего не пропадаетъ: за квартиру денегъ не плачу, къ тому же я все самъ. Маменька у меня тоже экономная. Куда-же намъ больше? На что тратить?

И дѣйствительно Сила Ерофенчъ все дѣлалъ самъ. Сила Ерофенчъ изъ всего умѣлъ извлечь выгоду; утилизировалъ такія вещи, которыя другому и въ голову не пришло-бы пустить въ оборотъ. Увидавъ разъ, какъ сосѣдка мѣщанка выбрала золу изъ печки, онъ упросилъ выкидывать ее къ нему черезъ заборъ, потому что зола денегъ стоитъ—зачѣмъ-же ей зря пропадать. Золу эту онъ старательно собиралъ, просѣивалъ въ рѣшетѣ, сыпалъ въ большой холщевый мѣшокъ и каждую недѣлю въ сумерки относилъ продавать знакомому лавочнику Пантелѣю Степановичу. Чистой прибылью получалось въ мѣсяцъ около рубля. Вотъ и экономія.

Мало этого: валявшіеся на улицѣ обломки кирпичей, камни покрупнѣе, оторванные и брошенные прохожимъ лоскутки, вонючія рыбы головы, отдѣленные отъ туловища—все это Сила Ерофенчъ поднималъ во время своихъ вечернихъ экскурсій и на ходу опускалъ въ безчисленные

карманы-мѣшки своей синей шинели. Дома все годилось, складывалось въ кучи и разсортировывалось.

Въ его собственномъ саду не осталось ни одного камешка: все они пошли съ другими пайдешниками въ продажу на буть.

Питался онъ лично однимъ чернымъ хлѣбомъ; крошилъ его въ деревянную чашку съ водой, подсыпалъ соли и ѣлъ. «Вода у меня хорошая, говорилъ онъ, налегая въ произношеніи на букву а, колодезь свой, а хлѣбъ я покупаю на базарѣ солдатскій, да почерствѣе. Онъ спорѣе, знаете: жесткій. Не такъ много съѣшь».

Но голодъ не свой братъ: случалось, что желудокъ бунтовалъ, воображеніе не много разыгрывалось; являлось желаніе полакомиться. Въ этихъ случаяхъ, послѣ нѣкотораго рода внутренней борьбы, старикъ шелъ или въ гости, или на базаръ, гдѣ пускался на хитрости.

«Захочется иной разъ сладенькаго, купишь калачика па три копейки; захватишь съ собой ложечку да въ воскресный день и пойдешь на базаръ, туда, гдѣ бабы молоко продаютъ. Подойдешь къ одной, съ краю которая, спросишь почему, да хорошо-ли, «Дай-ка отвѣдать!» Ложечку вынешь, почерпишь, калачика откусишь корочку, къ другой пойдешь. Такимъ манеромъ хлебнешь ложечекъ шесть и сѣть».

Торговки скоро, конечно, смекнули, въ чемъ дѣло, и Сила Ерофенчъ вынужденъ былъ послѣ отказать отъ молока совсѣмъ или довольствоваться сухимъ калачемъ.

Чего онъ, собственно говоря, ни ѣлъ, а здоровье имѣлъ желѣзное. Точно молотками былъ сколоченъ. Дома не топилъ до января: (съ этого мѣсяца начиналась его зима); купался до тѣхъ поръ, пока рѣчку льдомъ не затянетъ и при этомъ былъ первый пловецъ въ городѣ. И тутъ экономія: почти круглый годъ не надо бани.

Какъ онъ не мерзъ въ своей хижинѣ, Богъ его въдасть. Вѣроятно, онъ и купался въ ледяной водѣ для того, чтобы дольше не топить. Дрова у Силы Ерофенча были, но онъ ихъ держалъ больше для виду.

«Пусть, дескать, знаютъ, что и у меня есть дрова, цѣлыхъ пелсажени, только не стоитъ ими топить: вѣдь не 40 градусова».

Съ самой осени на глазахъ любопытныхъ сосѣдей онъ работалъ въ своемъ саду, который за лѣто сплошь заросталъ здоровымъ ренейникомъ. Скопивъ всю сорную траву, старикъ складывалъ ее въ небольшія поленницы и, когда наступали январскіе морозы, затопливалъ бурьяномъ небольшую русскую печку. Тепла, попятное дѣло, трава почти не давала, но съ него достаточно было, что она горѣла и хоть что-нибудь да вѣдь давала же. Старуха-мать иной разъ тихонько отъ сына стаскивала со двора гнилое поленце дровъ, совала въ растопленную печку и грѣла околѣвши отъ холода руки. Она сама была очень скупа, но въ сильные морозы зябла. Остальное время дня она куталась въ старый салонъ на листовой ватѣ и грѣлась возлѣ небольшого самовара.

Лѣтомъ, когда трава поднималась отъ земли и росла, насколько хватало силъ, приходилось держать строгій караулъ, потому что глупыя сосѣдскія коровы не разбирали чья это трава и для чего она растетъ. Если не караулить, пожалуй, останешься на зиму безъ топлива. Въ этихъ случаяхъ Сила Ерофенчъ прятался обыкновенно за заборъ, улежалъ минуту и кидалъ въ глупую скотину камень или кирпичъ. Брошенное оставалось у него же въ саду, а корова уходила.

«Теперь поучилъ: долго не придетъ», думалъ Сила Ерофенчъ, подбирая спасительный кирпичъ и кладя его обратно въ общую кучу. Лѣтомъ ни одинъ цвѣтокъ въ саду не пропадалъ даромъ. Старикъ собиралъ изъ нихъ скромные бу-

кеты и продавалъ. Вѣдь продать такую вещь, какъ цвѣты, это чистый барышъ: ихъ никто не сѣялъ, они росли сами, по Божьей волѣ.

Видя такое подвижничество своего земляка, иные сердобольные знакомые предлагали Силѣ Ерофенчу кто кваску, кто кашу. И онъ бралъ съ большой признательностью. Лавочникъ Пантелѣй Степановичъ разъ такъ разщедрился, что послалъ ему цѣлое ведро соленыхъ огурцовъ, признаваясь послѣ на сторонѣ, что они «маленько прокисли; ну, да сойдетъ, съѣсть»!

Свѣтъ Сила Ерофенчъ не жегъ: пустая трата, и въ двухъ окнахъ его желтаго домика давно не запомнятъ огня. Этотъ человѣкъ не зналъ, что такое вечеръ.

— Зачѣмъ жечь, говорилъ онъ, маменька у меня рано ложится; глазами слаба, все равно ничего не видитъ, работать не можетъ, а мнѣ не надо. Я сумерки люблю. Гостей у меня не бываетъ; другъ друга знаемъ. Зачѣмъ?..

Въ домѣ и на дворѣ кромѣ его и старухи матери не было ни одного живого существа. Собаку надо было кормить — опять лишній расходъ, кошку — тоже. Крысъ, впрочемъ, онъ самъ признавался, пугалъ всячески: то мяукалъ, то скребъ по полу руками. Караульщикъ, ходившій по Макарьевской улицѣ и постукивавшій палкой опалку, слышалъ не разъ темными осенними ночами довольно громкій лай и лязгъ цѣпи на дворѣ Силы Ерофенча. Все знали, что собаки у него лѣтъ, и не безъ основанія заключили, что лаетъ и звенитъ цѣпью Сила Ерофенчъ самъ, пугая воображаемыхъ воровъ.

— И куда это вы, безсовѣстный, коните? часто приставала послѣ Марья Кузьминшна. — Хоть бы у васъ наслѣдники, что-ли, были, а то ни себѣ, ни людямъ. Умрете, поминуть некому...

— Я ужъ, Марья Кузьминшна, привыкъ-съ, отвѣчалъ Сила Ерофенчъ. — Я иначе не могу. Опять же, вы знаете, у меня маменька жива, племянницѣ косылаю 50 рублей въ годъ на гардеробъ...

— Да вѣдь старуха-то на ладанъ дышетъ, не нынче, завтра Богу душу отдастъ.

— Ахъ, зачѣмъ! что это вы такое говорите, Марья Кузьминшна. Какіе же ей года? Что же я за старикъ?..

— Другіе хоть во что-нибудь живутъ, а вы во что? Все, небось, деньжищи копите?..

Сила Ерофенчъ не скрывалъ, что у него есть средства и обыкновенно говорилъ на это, что онъ не понимаетъ, какъ это можно тратить деньги на совсѣмъ ненужныя вещи.

— Да я даже вотъ какъ-съ рѣшиться не могу ни на какую операцію. Думаю, думаю — пѣтъ. Въ прошломъ году въ вѣрныя руки тысячу рублей подъ хорошее обезпеченіе далъ — такъ замучался. И процентъ довольно большой, а забѣгался. Ну, какъ пронадуть, думаю. Отдать, положимъ, что отдали, только вѣдь хлопотъ-то сколько, муки-то. Съ тѣхъ поръ закалялся, да и тотъ-то, видно, я ему наскучилъ, раньше срока уплатилъ и говоритъ: вы, Сила Ерофенчъ, денегъ впередъ никому не давайте: одно безпокойство, говоритъ: и себя понапрасну тревожите и другихъ тоже. Да оно и правда, что... А вотъ послушу, Хворинъ Иванъ Семеновичъ каменный циркъ началъ у насъ закладывать тысячъ во сто, а капиталъ великъ-ли у него? Все въ долгъ, въ долгъ. Этому, признаться, я плохо вѣрю. Можетъ-ли это быть? Подумаешь, рѣшимость-то кака!..

— Вы бы ужъ вотъ что за какую операцію лучше принялись: пошли бы по міру да и христараничали. Еще погодите, будете ходить!.. заканчивала раздосадованная Марья Кузьминшна, на что Сила Ерофенчъ сильно обижался. У него было свое самолюбіе, которое иной разъ пересиливало вкоренившуюся страсть, такъ что кан-

целярскіе заставляли же его шить новый сюртукъ. Онъ доказалъ имъ, что у него были средства, только онъ не хотѣлъ шить.

Какъ-то глубокой осенью старуха мать умерла, надо думать просто отъ старости, а можетъ быть, и отъ жизни виноголодь, и это печальное обстоятельство сильно повліяло на многое въ жизни Силы Ерофенча. Онъ любилъ ее и привыкъ, уходя въ канцелярію и запирая каждый разъ калитку на замокъ, находить старуху ожидающей и здоровой. А тутъ она вдругъ умерла, совершенно неожиданно.

Пришлось хоронить.

Сила Ерофенчъ плакалъ, какъ ребенокъ, сидя возлѣ холоднаго трупа, и просидѣлъ такъ всю ночь напролетъ, не зажегши въ головахъ свѣчи. Можетъ быть, ему это и въ голову не пришло, отъ непривычки; можетъ быть, отъ скуности. Кто знаетъ?

Похороны ему стали, какъ онъ самъ рассказывалъ, чуть не пять рублей серебромъ. «Гробъ я самъ изъ дощечекъ (на дворѣ нашлись хорошихъ дощечекъ) сколотилъ, а парчей покрылъ недорогой, но отличной. Три аршина взялъ, по четвертаку аршинъ». И при этомъ онъ показывалъ, какъ обрашникъ, лоскутъ какой-то набойки съ разводами. «Схоронилъ голубушку!» говорилъ Сила Ерофенчъ, плача навзрыдь.

Съ этихъ поръ все цвѣты, пускаемые прежде въ продажу, чтобы купить старухѣ что-нибудь лишнее, пошли на ея дорогую для него могилу и онъ остался въ домикѣ совершенно одинъ.

Послѣ смерти матери Сила Ерофенчъ сжался еще больше. Онъ сталъ тратить въ мѣсяцъ не болѣе рубля двадцати копѣекъ. При жизни старухи ему въ голову не приходило продавать свое жилище, а теперь куда ему такое помѣщеніе? И разъ утромъ Сила Ерофенчъ наклеилъ на ворота бумажку съ надписью, что домъ продается. Бумаги у него было много; чернилъ стояла полная бутылъ. Все лоскуточки и чернильные остатки онъ собиралъ въ канцеляріи и копилъ. Мало-ли на что могло пригодиться. Вотъ хоть бы теперь и понадобилось.

— Что это вы домъ-то продать надумали? спрашивали удивленные сосѣди.

— Да-съ. Куда мнѣ съ нимъ возиться? Помилуйте, хлопотно! Пока маменька, царство ей небесное, жива была, такъ я ее въ домѣ покоилъ, а теперь думаю куда-нибудь на хлѣбъ перебраться.

Много Сила Ерофенчъ передумалъ за это время. Хотѣлъ даже въ дворники наняться къ одному купцу, который давалъ четыре рубля въ мѣсяцъ на готовомъ, да что-то помѣшалось.

На домъ долго не выискивалось покупателей; наконецъ, сталъ приторговывать его одинъ мѣщанинъ.

— Какъ ваша цѣна будетъ, Сила Ерофенчъ? спросилъ онъ его, встрѣтись на улицѣ.

Цѣна оказалась изрядная — восемьсотъ рублей. Мѣщанинъ давалъ шестьсотъ пятьдесятъ. Сила Ерофенчъ началъ колебаться, но ничего рѣшительнаго не сказалъ.

Черезъ недѣлю покупатель поймалъ хозяина у калитки, въ девятомъ часу утра, возобновилъ разговоръ и сторговалъ домикъ за семьсотъ. «Одинъ садъ на сорока квадратныхъ саженьяхъ. Дать можно», думалъ онъ.

— Такъ извольте получить задатокъ, сказалъ мѣщанинъ, покушаясь вынуть изъ кошелька папку ассигнацій и направляя шаги къ калиткѣ.

— Нѣтъ, погодите. Я еще подумаю, сказалъ Сила Ерофенчъ и, проворно отстранивъ покупателя легкимъ поворотомъ плеча, скрылся за желтенькой калиткой, заперся изнутри и сѣлъ, пригорюнившись у раскрытаго на улицу окна.

— Да чего-же думать-то, Сила Ерофенчъ,

дѣло рѣшеное. Дайте хоть комнаты посмотреть: вѣдь я и такъ чуть не за глаза вамъ цѣну даю.

— Нѣтъ, нѣтъ! чуть не закричалъ Сила Ерофенчъ.— Не ходите! Нельзя сюда! Только натопчете. У меня вездѣ чисто: я самъ вѣдь мою полы-то... А домъ я не продамъ ни за что. Въ немъ я столько лѣтъ жилъ и маменька въ немъ скончалась. Ступайте! Богъ съ вами. Не продамъ!

И въ голосъ Силы Ерофенча слышались старческія слезы.

Такъ дѣло ничѣмъ кончилось, а записка пригласила купить желтый домикъ.

Лавочникъ былъ счастливейше мѣщанина. Сила Ерофенчъ самъ предложилъ ему разъ:

— Не купите-ли, вотъ я домъ продаю.

Пантелѣй Степановичъ зналъ нерѣшительность Силы Ерофенча; сначала все отбивался, говоря, что денегъ нѣтъ, что цѣна не подходящая, но старикъ приставалъ и говорилъ, что по знакомству уступить.

Послѣ чуть не годичныхъ переговоровъ онъ пригласилъ своего новаго покупателя къ себѣ осмотрѣть домъ и садъ. Это было нѣчто необыкновенное: «приходите завтра!» сказалъ онъ.

На другой день лавочникъ засталъ домовладѣльца въ саду. На Силѣ Ерофенчѣ былъ надѣтъ старый истертый халатъ изъ дешевой тар-маламы—его обычный домашній костюмъ. Завидя еще издали покупателя, онъ успѣлъ, забѣжавъ за кустъ, быстро перевернуть халатъ на лицо, такъ какъ имѣлъ привычку носить его во время садовыхъ работъ изнанкой вверх; а то погодой испортить.

— Вотъ неудобно-ли посмотрѣть мой садикъ, сказалъ онъ, подходя къ покупателю.

Садъ былъ похожъ скорѣе на пустырь, чѣмъ на садъ, но мѣста было много.

— Вотъ тутъ я дукъ для себя сѣю, началъ хозяинъ, указывая на одну грядку.— Малпны думалъ посадить, да къ чему, думаю: воробыи всю склюютъ. Не усмотришь.

«Сотни двѣ яблонь посадить можно, размышлялъ лавочникъ. Подъ огородъ оставить»...

— Теперь домикъ мой посмотрите, сказалъ Сила Ерофенчъ, проходя во дворъ.— У меня вездѣ порядокъ, чистота. Комнатики небольшія. Я, признаться, одно время самъ хотѣлъ стронуться: сѣнцы теплыя придѣлать. Вотъ видите у меня и лѣсъ припасенъ. И онъ указалъ на дюжину горбылей у дощатаго забора.— Да все лишніе деньги надо—я и бросилъ; а вы изъ нихъ ужъ сами постройте, что хотите. Я вѣдь со всѣмъ продаю. Вотъ еще дровишки есть. Пойдите, я ключъ достану, отопру.

Домъ оказался на самомъ дѣлѣ не великъ. Въ темныхъ и тѣсныхъ сѣняхъ навѣшана была всякая рвань. Бѣлье Сила Ерофенчъ обыкновенно самъ стиралъ въ колодезной водѣ, а здѣсь просушивалъ. Изъ сѣней вела дверь въ крошечную комнату, перегородленную пополамъ.

— Только пахнетъ будто чѣмъ-то у васъ хорошо, духъ тяжелый, замѣтилъ покупатель.

— А это травкой, травкой пахнетъ. Я люблю. Мебель вотъ у меня тоже своя, самодѣльная, объяснялъ Сила Ерофенчъ, указывая на нѣсколько широкихъ пеньковъ и на старый некрашеный столъ грубой работы.— «Обрубки-то нѣтъ такъ бы пропали, а я изъ нихъ табуретки понадѣлалъ»...

(Марья Кузьминична величала эту мебель Силы Ерофенча просто коровьими скамейками).

— Отеюда вотъ топится. Пожалуйте. Только смотрите, осторожнѣе пагнитесь: у меня потолки не высокіе; предупреждалъ хозяинъ.

Лавочникъ былъ довольно высокаго роста и, забывши предостереженіе, ударился головой о какую-то палку надъ дверью. Съ нея посыпалось.

— Ахъ! Что вы надѣлали! въ отчаяніи за-

кричалъ Сила Ерофенчъ.— Вы у меня все разорвали. Ахъ, Боже мой!

По чистому, скобленому ножомъ полу разлетѣлись въ разныя стороны какіе-то опорки, ремешки, кожаные лоскутки, гвозди и камешки.

— Куда вамъ, батюшка, этотъ мусоръ? спросилъ озадаченный Пантелѣй Степановичъ, почесывая голову.

— Какъ куда? Что это вы? Вотъ видите: когда я на службу иду, такъ сапоги надѣваю. Четвертый годъ они у меня новенькіе, а дома къ чему доброе портить: можно и въ опорочкахъ. Ихъ иной, по глупости, на улицу выкидываетъ, а я подберу да сюда.

— Гдѣ-же у васъ печка-то?

— А вотъ здѣсь. Только она тонкой вся заложена. Траву-то, знаете, я кошу да сюда и кладу посушить, а то совсѣмъ сырая-то плохо горитъ.

По всему дому носился удивливый запахъ прѣлага бурьяна.

— Ну, ладно, такъ по рукамъ, значитъ, сказалъ Пантелѣй Степановичъ, садясь на самодѣльную табуретку.

— Что-съ? какъ бы чѣмъ-то удивленный, спросилъ Сила Ерофенчъ.

— Да насчетъ дома-то. Получите сто рублей задатку; остальные послѣзавтра.

— Нѣтъ, какъ это такъ сейчасъ. Зайдите черезъ три дня—я вамъ скажу, а теперь я рѣшиться не могу.

— Да, побойтесь Бога. Чего-же вы меня водили? За годъ-то чай все ужъ переговорено?

— Нѣтъ, не могу. Какъ это продать? Богъ съ вами!

— Вотъ ужъ пятый мѣсяцъ, какъ не заикается, да еще обходитъ, какъ завидитъ меня, разсказывалъ послѣ Пантелѣй Степановичъ своимъ посѣтителямъ, отвѣщая золотники чаю и заворачивая въ трубочку приники съ красной серединкой.— Разъ какъ-то повстрѣчались. Я раздумалъ, говорить. Ну, человѣкъ! На рѣдкость!

— Что вы билетъ-то не слѣпите? Чего дразните? говорили Силѣ Ерофенчу сосѣди.

— А можетъ статья, покупатель хорошій навернется? Отчего-же не продать?

Но мѣстные покупатели отступились. Кто бы повѣрилъ, что Сила Ерофенчъ мечтатель, а между тѣмъ онъ былъ имъ. Во-первыхъ, онъ воображалъ, что онъ еще молодъ, во-вторыхъ, что красивъ, въ третьихъ, что можетъ жениться на богатой невѣстѣ. «Вотъ чинъ бы хорошо получить, мечталъ онъ, ходя по своей норѣ,— для дѣтей годится. Тысячъ сорокъ за женой приданого взять; а то одному жить нелегко». Обо всемъ этомъ онъ раздумывалъ чаще всего по вечерамъ, при закрытыхъ ставняхъ, въ темнотѣ, напѣвая довольно громко какой-нибудь изъ любимыхъ романсовъ.

— Ну, завылъ! дѣлали свое замѣчаніе проходившіе обыватели.

Разъ три Сила Ерофенчъ дѣлалъ даже предложенія, причемъ какъ можно старательнѣе одѣвался, причесывался, чернилъ усы и голову сажей, разведенной въ водѣ, а для того, чтобы казаться еще молодцоватѣе, подшивалъ подъ плечами знаменитой шпелли деревянные чурочки, вродѣ самодѣльныхъ эпюлетъ.

На первомъ планѣ при сватаньи у него стояли всегда деньги, много-ли ихъ, бережливала невѣста и пр. Понятно, что старику отказывали. Принимая это за личное оскорбленіе, Сила Ерофенчъ бросалъ ходить въ тѣ дома, гдѣ ему отказали. Это было лучшее средство избавиться отъ его перѣдко падождливыхъ посѣщеній.

— Вотъ у меня племянница—прекрасная дѣвица вся въ меня, наивно начиналъ онъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своихъ разочарованій,— она въ гимназій курсъ кончила. Ей, бывало, да-

дутъ пятачекъ на завтракъ, а она его въ коробочку. Ни за что не истратитъ. Прекрасная дѣвица. А вѣдь здѣсь что?..

И по выраженію лица, по улыбкѣ, по всему видно было, что старикъ ее дѣйствительно искренне любитъ.

Любилъ-ли его кто-нибудь?

Любопытные долго не могли рѣшить этого вопроса и вдругъ какъ-то узнали, что не рѣдко по вечерамъ къ Силѣ Ерофенчу ходитъ одна пожилая женщина, носитъ ему ѣду и не беретъ за это денегъ. Вѣрно, любитъ. Видали эту женщину и днемъ. Звали ее Агафьей Петровной, а по ремеслу она была прачка. Взялась она разъ выстирать рубашки Силѣ Ерофенчу и тотъ не зналъ, какъ отблагодарить.

— Денегъ у меня, милая, нѣтъ сейчасъ, а вотъ постою, я тебѣ фунтикъ чайку дамъ. У меня покойница маменька чай любила. Она его, бывало, по цѣлой горсти заваривала. Вотъ я, какъ она напьется (ну, много-ли старушка выпьетъ?) возьму, вытряхну остатки-то, просушу на печкѣ да по фунтамъ и развѣшаю. Хоть онъ и не свѣжій, а все крѣпкій.

И Сила Ерофенчъ открылъ ящикъ стараго комода, биткомъ набитый пакетами чаю, тщательно заклеенными и перевязанными.

— Нѣтъ, ужъ благодарю покорно, Сила Ерофенчъ, зачѣмъ. Я лучше на свои куплю. Мнѣ вашего не надо. Что мнѣ съ васъ брать.

Старикъ не ожидалъ этого, былъ нѣсколько огорченъ и на другой день купилъ ей дешевый ситцевый платокъ.

Сосѣдскій мальчишка разъ зло подшутилъ надъ бѣднымъ старикомъ, да еще въ какой великій день, на Пасху. У Силы Ерофенча былъ ремень, составлявшій насущную часть его костюма. И вдругъ этотъ ремень пропалъ. Сила Ерофенчъ замучился. Куда дѣвался такой крѣпкій, новый ремень? Разъ десять измѣрилъ онъ тротуары отъ самаго угла Макарьевской улицы до своего дома и все напрасно: ремня не было. Стали въ заборъ наблюдать за старикомъ и видѣть такую картину. Сидитъ Сила Ерофенчъ на крылечкѣ, разстроенный и сколачиваетъ деревянными гвоздиками старые кожаные обрывки, добытые съ заѣтной полочки.

— Что это вы, Сила Ерофенчъ, въ такой день трудитесь? спрашиваетъ его хозяйка сосѣдняго дома.

— «Да вотъ, Анна Федоровна, ремешекъ потерялъ; а у меня старенькіе обрывочки есть—я и сколачиваю. Вотъ пригодились—только работа очень мѣшкотная. Такое горе!.. Сколько лѣтъ ремешекъ цѣлъ былъ и вдругъ... обронилъ, должно быть».

Сосѣдка, сжалась надъ старикомъ, велѣла сыну отдать находку. Какъ онъ обрадовался! «Милый ты мой! Голубчикъ! Золотой! Ужъ какая мнѣ радость-то для свѣтлаго дня!.. приговаривалъ онъ, глядя ребенка по головѣ и крѣпко цалуя. —Постой, вотъ я тебѣ сейчасъ сладенькаго дамъ!» Побѣжалъ въ комнату и откуда-то дѣйствительно досталъ кусочекъ сахара.

Да, удивительный человѣкъ былъ Сила Ерофенчъ!

Года черезъ три послѣ смерти матери, передъ великимъ постомъ, Силу Ерофенча нашли мертвымъ въ темныхъ сѣняхъ, куда онъ едва успѣлъ доползти. Удушливый смрадъ, наполнившій его убогое жилище, ясно указывалъ на причину внезапной смерти: онъ угорѣлъ. Бѣднякъ почувствовалъ холодъ, захотѣлъ немного побаловать себя, насовалъ полную печку вонючей травы, рано закрылъ и не платилъ за свое скромное желаніе.

О его смерти поговорили на Макарьевской улицѣ нѣсколько дней; потолковали, какъ о но-

востн, и въ другихъ мѣстахъ; но помянулъ-ли его кто добрымъ словомъ? Не знаю.

Стих. Дм. Ушакова.

Напрасно я мечталъ о невозможномъ,
О свѣтлыхъ дняхъ любви, и счастья ложномъ,
И создавалъ свой дивный идеалъ;
Разбился вы, надежды молодая,
Какъ чудный сонъ, какъ грезы золотыя,
Какъ море о подножье скалъ.

Теперь прошли года былыхъ видѣній,
Неясныхъ думъ, тревоги и волненій,
Теперь прошли дни счастья и грезы.
Я утомленъ коварною борьбою
И ничего не вижу предъ собою,
Какъ дни печалей, скорби, слезы.

Но для чего съ судьбою безпощадной,
Не зная счастья, радости отрадной,
Вступилъ я въ бой?.. Умчался мечты,
Исчезъ, какъ сонъ, мой идеалъ далекой,
Завяли вы фантазіи широкой
Полурасцвѣтшіе цвѣты...

Я испыталъ рядъ скорбей и лишеній,
Тревогъ напрасныхъ, горестныхъ волненій:
Страданій тѣхъ я больше не боюсь...
Но жизнь мою борьба съ судьбой сломала,
Меня манитъ спокойствіемъ могила;
Изъ за могилы я борюсь!

Русскія суевѣрія.

Очерки С. С. Шашкова.

(Продолженіе.)

II.

Лѣшій, водяной, русалка.

е всѣ дѣды живутъ въ домахъ за печками, пе всѣ умираютъ у родного очага, многіе въ первобытной звѣроловческой жизни заблуждаются въ лѣсу и погибаютъ тамъ безъ вѣсти. Души ихъ превратились въ дѣдовъ лѣсныхъ

или лѣсныхъ, въ образѣ которыхъ отразился и вся жизнь лѣса. Лѣшій, «лѣсовой царекъ» или, какъ выражаются владимірцы, «дикинскій мужичекъ», имѣетъ свойство удлинять и укорачивать свой ростъ, сообразно съ окружающими его предметами: въ лѣсу онъ ровень съ высокими дубами и соснами, а въ полѣ—съ травой. Онъ страшный силачъ и умѣетъ оборачиваться въ разныхъ животныхъ. Чаще всего лѣшій является здоровеннымъ мужикомъ въ бараньемъ полушубкѣ, но неподпоясанномъ и запахнутомъ лѣвою полою на правую. Глаза у него безъ бровей и рѣсницъ, на головѣ рога, у рязанскихъ лѣшнихъ даже золотые, ноги и борода козлиныя, вся нижняя половина тѣла мохнатая. Лѣшій любитъ шататься по лѣсу, вѣшаться и качаться на древесныхъ вѣтвяхъ; быстро переходя съ мѣста на мѣсто, онъ свиститъ, хохочетъ, хлопаетъ въ ладоши, ржетъ лошадыю, мычитъ коровой, лаеетъ, мяукаетъ. Женщ. лѣшнихъ, лѣшачихъ, отличаются такими громадными грудями, что припуждены ихъ закидывать за плечи. Свадьбы лѣшнихъ празднуются ими съ дикимъ разгуломъ, съ вихрями и опустошеніемъ. Если свадебный поѣздъ ихъ скачетъ черезъ деревню, то размещаются овины, у домовъ срываются ставни и крыши, а въ лѣсу валитъ деревья. На другой день послѣ свадьбы лѣшій ходитъ съ женою въ баню. Кромѣ своихъ лѣшачихъ лѣшіе любятъ женщинъ, особенно дѣвицъ, нерѣдко похищаютъ ихъ и заставляютъ жить съ собою.

Одни лѣшіе живутъ одиночными семействами, другіе большими деревнями и строятъ большіе дома со всякими службами, въ которыхъ хозяйничаютъ ихъ жены и растутъ дѣти. Лѣшіе разныхъ странъ подчиняются своимъ царямъ и воеводамъ, русскими-же лѣшними правитъ Мусанлъ-Лѣсъ. Во время войнъ между народами воюютъ между собой и лѣшіе враждующихъ государствъ: цѣлыя арміи ихъ сходятся, ведя за собой лѣсныхъ звѣрей, и сражаются до тѣхъ поръ, пока не прекратится человѣческая война. Враждуютъ другъ съ другомъ и лѣшіе одной національности, даже одной мѣстности, но разныхъ лѣсовъ. Они сражаются столѣтними деревьями, которыя во время самой битвы вырываютъ съ корнемъ, и отбитыми отъ скалъ ступовыми камнями, которые, будучи брошены ими, летятъ гораздо скорѣе пули версты на 50. Въ архангельской губ. однажды поссорились два лѣшнихъ съ третьимъ, связали его и бросили въ лѣсу; онъ лежалъ до тѣхъ поръ, пока какой-то промышленникъ не набрелъ на него и не освободилъ. Въ благодарность за это лѣшій вихремъ донесъ его домой, пошелъ за него въ рекруты и отбылъ всю солдатскую службу *).

Лѣшіе владѣютъ лѣсами и всѣми обитающими въ нихъ звѣрьми; медвѣдь играетъ у нихъ ту же роль, какъ у человѣка собака. Периодическія переселенія изъ однихъ лѣсовъ въ другіе бѣлокъ, песцовъ и полевыхъ мышей приписываются распоряженіямъ лѣшнихъ. Въ 1843 г. вятскій лѣшій проигралъ въ карты бѣлокъ вологодскому и послѣдній погналъ ихъ въ свои владѣнія. Когда лѣшій обходитъ дозоромъ свои имѣнія, кругомъ него шумитъ лѣсъ и трещатъ деревья. Спереди и сзади его всегда сильный вѣтеръ, сметающій слѣды ногъ его. Во время этихъ обходовъ онъ ночуетъ въ какой-нибудь лѣсной сторожкѣ, если же ее займетъ до его прихода какой-нибудь охотникъ или опоздавшій путникъ, лѣшій старается выжить его: то пронесется надъ избушкой вихремъ и потрясетъ ее кровлю, то распахнетъ дверь, то затрясетъ ближайшими деревьями. Въ Бѣлоруссіи каждый пастухъ долженъ подарить лѣшему на лѣто корову, а въ архангельской губ. пастухи умѣютъ такъ ладить съ нимъ, что лѣшій даже самъ пасетъ ихъ стадо. Успѣхъ охоты зависитъ отъ лѣшаго и поэтому передъ охотою къ нему несутъ на поклонъ краюшку хлѣба съ солью и кладутъ ее на какой-нибудь пенекъ. Лѣшій обыкновенно старается сбить путника съ дороги, чтобы заманить его въ свои трупщобы и тамъ зачекотать на смерть. Онъ кружится по лѣсу со свистомъ и хлопаньемъ, откликается на голосъ путника эхомъ, нарочно переноситъ съ одного мѣста на другое дорожные знаки или самъ превращается въ ель, сосну, мохъ, служащіе этими знаками. Иногда онъ показывается путнику старикомъ въ звѣриной шкурѣ и съ большою клюкою въ рукѣ или, принявъ видъ какого-нибудь его знакомаго, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и незаметно отводитъ отъ дороги. Ему нужно одно, чтобы человѣкъ заблудился. Вдѣтъ однажды мужикъ и встрѣчаетъ прохожаго, который проситъ его подвезти до деревни. Поѣхали, разговариваютъ; вдругъ—прохожій исчезъ, а мужикъ съ возомъ—въ болотѣ, лѣшій-же стоитъ на крутомъ обрывѣ, хохочетъ и хлопаетъ въ ладоши. Если въ лѣсу слышится стонъ умирающаго или плачь ребенка—Боже избави ходить на нихъ: это лѣшій заманиваетъ въ трясины. Если лѣшій обомшелъ и человѣкъ заблудился, то помогаетъ, если снѣтъ лапти или сапоги и перевернуть въ нихъ стельки задомъ напередъ. Многія болѣзни при-

*) Вѣра въ лѣшнихъ до того распространена въ архангельской губ., что нѣсколько лѣтъ назадъ въ Шенкурскѣ удѣльный лѣсничій рассказывалъ мнѣ, какъ онъ видѣлъ лѣшаго!

писываются тому, что лѣшій обомшелъ; больной долженъ въ такомъ случаѣ спестн ему въ лѣсъ хлѣба съ солью и оставить тамъ, помолвившись лѣсному дѣду. Лѣшій опасенъ еще тѣмъ, что воруетъ дѣтей, оставляя вмѣсто нихъ пучки соломъ, обернутые въ ребяты, или-же своихъ собственныхъ дѣтей. До 11 лѣтъ такой подмѣненный ребенокъ только ѣстъ, пьетъ, спитъ, кричитъ и при замѣчательной силѣ не обнаруживаетъ никакаго ума. Когда-же ему минетъ 11, то онъ обыкновенно убѣгаетъ въ лѣсъ, если-же остается съ людьми, то дѣлается страшнымъ колдунѣмъ. Единственное средство воротить похищеннаго лѣшнимъ ребенка—служить молебны: если ребенокъ еще не отвѣдалъ пищи лѣшаго, то послѣдній самъ выноситъ его на то мѣсто, гдѣ взялъ; но ребенокъ долго еще послѣ этого остается дикимъ, угрюмымъ и съ трудомъ привыкаетъ къ человѣческой рѣчи. Лѣшій, впрочемъ, не такъ золъ, какъ можно подуматъ, и человѣкъ можетъ даже войти въ дружбу съ нимъ. Для этого надо въ ночь на Ивановъ день срубить въ лѣсу сосну такъ, чтобы она упала верхушкою на востокъ, потомъ стать на пенекъ лицомъ къ востоку, нагнуться внизъ и, смотря между своихъ ногъ, сказать: «дядя лѣшій, покажись не сѣрымъ волкомъ, не чернымъ ворономъ, не елью жаровою; покажись такимъ-же, каковъ я!» Тутъ зашелеютъ листья осины, лѣшій явится въ образѣ мужика и желающій можетъ заключить съ нимъ союзъ.

Дѣдушка-водяной уже самою своею паружностью даетъ понять, что въ немъ олицетворено первобытное представленіе объ утопленникахъ: голый старикъ съ большимъ вздутымъ брюхомъ и опухшимъ лицомъ. Видывали его плавающимъ на чурбанѣ или карягѣ, весь въ тинѣ, на головѣ высокая боярская шапка изъ зеленой куги и вокругъ тѣла поясъ изъ той-же травы. Живетъ водяной въ омутахъ, котловинахъ и водоворотахъ рѣкъ, въ озерахъ, болотахъ и прудахъ, особенно подъ мельницами, возлѣ самыхъ колесъ. Водяной есть у каждой мельницы, а если на ней нѣсколько поставовъ, то каждымъ изъ нихъ вертитъ, сидя на немъ верхомъ, особый водовникъ и брызжетъ водою. Чтобы ладить съ дѣдомъ, мельникъ непременно долженъ быть колдунѣмъ и дѣла пойдутъ отлично, а не поладить—бѣда: водяной то обломаетъ у шестерного колеса пальцы, то прососетъ дыру въ плотину и вода уйдетъ, то нагонитъ воды и затонитъ колеса. Со всякой новой мельницы водяной беретъ подать и непременно утянетъ человѣка къ себѣ въ омутъ, если при постройкѣ ее не пообщать ему свинью, корову, овцу, которую онъ и возьметъ потомъ самъ. Въ тамбовской губ. при постройкѣ большой мельницы водовнику предлагается не менѣе 10 головъ. Водяной—мужикъ богатый и семейный, живетъ въ большихъ каменныхъ хоромахъ, у него цѣлыя стада лошадей, коровъ, овецъ и свиней, которыхъ по ночамъ онъ выгоняетъ пастись изъ воды на луга. Женятся водяные на русалкахъ, любятъ и дѣвицъ, которыхъ таскаютъ въ омутъ; особенно легко достаются имъ проклятыя своими родителями. Утонула одна дѣвушка и нѣсколько лѣтъ жила съ водянымъ. Разъ въ ясный день подплыла она къ берегу, увидала красное солнце, зеленныя рощи и поля, услышала жужжаніе насекомыхъ и отдаленные звуки колоколовъ; тоска по прежней земной жизни обуяла ее—и она не устояла противъ искушенія: вышла изъ воды и пустилась въ родное село. Но тамъ не узнали ее ни родные, ни знакомые. Грустная пла она вечеромъ по берегу и была снова захвачена водянымъ; черезъ два дня валялся на песку ея обезображенный трупъ, а рѣка шумѣла и волновалась—то метительный водяной оплакивалъ свою невозвратную потерю. Когда вес-

ВЫСТАВКА АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1880 Г.
КАРТИНА ПРОФЕССОРА В. Д. ОРЛОВСКАГО.

Надъ потокомъ. (Изъ окрестностей Кисловодска.)
Рисоваль на деревѣ И. Т. Малышевъ; рѣзаль г. Скрижмовскій.

ною рѣки вздуваются, ломаютъ ледъ, несутъ его съ трескомъ и разливаются по рѣкамъ—это дурячь перепившіеся на своихъ свадьбахъ водяные и въ своемъ разгульномъ поѣздѣ руютъ всѣ встрѣчныя преграды. Когда водяныхъ приходитъ время родить, мужъ ея отправляется на землю къ повитухѣ (земскихъ акушеровъ, гдѣ онъ есть, слышно, обѣгаетъ), ведетъ ее въ свои хоромы и, когда управится съ родильницей, щедро награждаетъ ее золотомъ и серебромъ. Водяной абсолютно владѣетъ всѣмъ, что находится въ его водахъ и на ихъ поверхности; онъ бережетъ пловца въ бурю, загоняетъ рыбу въ сѣти рыбака, но часто проказитъ и озорничаетъ, какъ домовой: увлекаетъ пловцовъ въ опасныя мѣста, опрокидываетъ лодки, пугаетъ скотину на водопой, разрываетъ сѣти и плотины. Однажды рыбакъ увидѣлъ на водѣ трупъ утопленника и взялъ его въ лодку, но вдругъ мертвецъ ожилъ, захохоталъ и—прыгъ въ омутъ: Титъ Титычъ «шутку пошутилъ». Случается, что рыбаки, вытаскивая неводъ, выволакиваютъ въ немъ и водовика, но онъ немедленно прорываетъ сѣти и уходитъ, а за нимъ и вся пойманная рыба. Однажды рыбаки поймали мальчишку водяного, который шалилъ и веселился, когда его опускали въ воду, и страшно тосковалъ въ избѣ. Его отпустили въ воду, взявъ слово загнать въ сѣти побольше рыбы, и онъ сдержалъ свое обѣщаніе. Водяной ѣздитъ верхомъ на сомѣ, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и не ѣдятъ этого чортова коня; не прочь онъ покатайся и на крестьянской лошади, быкѣ и даже коровѣ, но онъ скоро выбивается подъ нимъ изъ силъ и тонуть. Всѣ утопленники—тоже добыча водяного, который давитъ ихъ, отчего трупы ихъ бываютъ посинѣлыми и раздутыми. Задавивъ человѣка, водовикъ беретъ его душу въ свой штатъ, а негодное тѣло выбрасываетъ на поверхность воды. Купаться слѣдуетъ всегда съ крестомъ и въ Малороссіи дѣти, прежде чѣмъ войти въ воду, говорятъ нараспѣвъ:

Чортокъ, чортокъ,
Не ломай кистокъ,
Ти з' води, а я въ воду!

Не слѣдуетъ также купаться послѣ солнечнаго заката, когда начинается день водяного, который въ ночномъ сумракѣ всплываетъ на поверхность воды и даже выходитъ на берегъ, гдѣ онъ чешетъ волосы. Въ лунныя ночи онъ хлопаетъ по водѣ ладонью и далеко разносятся звуки его сильныхъ ударовъ, или начнетъ нырять: вдругъ среди глубокой тишины закрутится и зашумитъ вода, вынырнетъ на секунду голова водяного и мигомъ скроется, но немедленно же гдѣ-нибудь въ полверстѣ отъ этого мѣста уже снова закружилась вода и снова показалось на мигновеніе водяное чудо. По ночамъ же водяные дерутся съ лѣшими и далеко разносятся грохотъ и трескъ ломаемыхъ ими деревьевъ. Какъ домовитый хозяинъ, водяной старается сгонять къ себѣ всю рыбу изъ сосѣднихъ рѣкъ и озеръ, отчего послѣднія и безрыбѣютъ. Однажды сосѣдніе водовики кончозерскій и пертозерскій играли въ карты и послѣдній проигралъ всю рябушку, послѣ чего она и перестала ловиться въ Пертозерѣ. Водяной требуетъ жертвъ, особенно съ зимней голодухи весною, и онъ до сихъ поръ приносится ему на Руси. Въ архангельской губ. около времени весенняго разлива крестьяне, не торгуясь, покупаютъ міромъ лошадей, три дня откармливаютъ ее и, связавъ ей ноги, обмазавъ голову медомъ, а въ гриву вилети ленты, топятъ въ рѣкѣ. Рыболовы льютъ въ рѣку масло, говоря: «вотъ тебѣ, дѣдушка, гостинцу, люби да жалуй нашу семью!» Мельникъ однажды въ годъ долженъ угостить водовика откормленной черной свиньей, иначе онъ задушитъ его во снѣ или прорветъ плотину. Осенью водяному жертву-

ють гуся въ благодарность за то, что онъ цѣлое лѣто пасъ гусей и утокъ.

Кромѣ водяныхъ въ Черномъ морѣ до сихъ поръ водятся морскіе люди, «що половина человека, а половина рыбы», они всплываютъ на поверхность моря и поютъ. Ихъ называютъ еще фараонами. Въ саратовской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ въ водахъ живутъ еще подѣ видомъ рыбъ, особенно щуки, разные оборотни. Русалки же, столь родственныя лѣшимъ, и водянымъ, водятся вездѣ, кромѣ крайняго сѣвера Сибири, гдѣ ихъ должность исправляютъ отъратительныя чертовки, единоплеменные съ тамошними инородцами. Русалки живутъ большими обществами въ омурахъ, котловинахъ и подъ рѣчными порогами, въ однихъ мѣстахъ въ гнѣздахъ изъ соломъ и перьевъ, собираемыхъ по деревьямъ во время зеленой недѣли, въ другихъ—въ роскошныхъ хрустальныхъ дворцахъ. Прежде онѣ жилали даже въ горахъ, но нынѣ вывелись и только по мѣстамъ живутъ еще въ лѣсахъ. Впрочемъ, всѣ онѣ весною, выходя изъ водъ, разбѣгаются по лѣсамъ, качаются на гибкихъ вѣтвяхъ деревьевъ, неистово хохочутъ и заманиваютъ прохожихъ ласковымъ голосомъ, отчего малороссы въ троицкую недѣлю боятся заплывать въ лѣсу и откликаться на чужой голосъ. Русалки часто бѣшено носятся по рощамъ и бьютъ въ ладоши, катаются по травѣ кубаремъ и хохочутъ. Въ водѣ русалка проказитъ не менѣе водяного, рветъ сѣти, путаетъ въ нихъ траву, разрушаетъ плотины, заливаешь поля. Русалка—красавица; волосы у нея зеленые или украшенные зеленымъ вѣнкомъ, распущенныя косы ниже колѣнъ, лицо плѣнительное, глаза голубые или черные съ длинными рѣсницами, голосъ очаровательный, но тѣло холодное, полупрозрачное. Крестьяне видывали, какъ русалки, сидя на уединенномъ берегу рѣки, на мельничномъ колесѣ или у колодца, расчесывали сдѣланнымъ изъ рыбьей кости гребнемъ свои волосы, съ которыхъ, не переставая, лилась ручьями вода. Въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ есть двѣ криницы—заручейская и сухомлинская, пользующіяся въ народѣ особеннымъ уваженіемъ. На срубахъ этихъ колодцевъ каждый годъ на зеленой недѣлѣ, при утреннемъ разсвѣтѣ, сидятъ прекрасныя дѣвы, съ распущенными русыми косами, и расчесываютъ ихъ гребнемъ. Дѣвы эти называются криницами и русалками. Въ томъ-же уѣздѣ сохраняется преданіе о ручьѣ «Буковище». Въ его водахъ потонула когда-то дѣвочка, у которой мать была вѣдьма; опечаленная мать стала клясть ручей и бросила въ него горячую сковороду. Проклятіе было такъ сильно, что нимфа этихъ водъ удалась съ прежняго мѣста на новое: красною дѣвницей, въ плахѣ, монистахъ и съ растрепанной косою пошла она изъ Юрнавки въ Бялицу и такъ горько плакала, «ажъ дуброва стояла». Окрестные жители видѣли, какъ она сѣла у Бялицы на криницѣ, расчесала свою косу, бросилась въ воду и исчезла. Если при русалкѣ есть гребень, то она можетъ затонить любое мѣсто, расчесывая свои волнистые локоны; но за то, если волосы ея обсохнутъ—она немедленно умираетъ. Купаться съ русалками могутъ только однѣ вѣдьмы, если-же на зыванья ихъ пойдетъ крещеный человѣкъ, то онъ защекочитъ его и онъ утонетъ. Русалки любятъ прятъ и, ворую по ночамъ прядево у бабъ, развѣшиваютъ его по деревьямъ или, какъ прачки, моютъ его въ водѣ. На троицкой недѣлѣ, сидя на деревьяхъ, онѣ просятъ дать имъ рубашку и намитку:

Сидила русалка
На кривій берези,
Просила русалка
У жиночекъ намитокъ,
У дивочекъ сорочокъ:
«Жиночки-подружки!

Дайте мнѣ намитку;
Хоть вона худенька,
Да абы-бъ биленька!»

И хохлы во время троицкой недѣли до сихъ поръ развѣшиваютъ для русалокъ на деревьяхъ холсты, полотенца, рубашки, нитки. Русалыя недѣли, приуроченная съ христіанствомъ къ празднику Троицы, до сихъ поръ празднуется во многихъ мѣстахъ. Въ эти «Зеленыя Святки» русалки играютъ свои свадьбы, плещутся въ водѣ, бѣгаютъ по лѣсамъ и лугамъ, поютъ, водятъ хоробы. Нерѣдко онѣ заманиваютъ къ себѣ пастуха съ рожкомъ и цѣлую ночь танцуютъ подъ его музыку. На Зеленыхъ Святкахъ никто не работаетъ, особенно женщины не должны мыть бѣлье, а мужчины вить изъ лозы плетни. На дворахъ и улицахъ ставятся срубленные березы и другія деревья, внутренность домовъ тоже украшается зеленью, молодежь водить хоробы, поетъ и пляшетъ, нося паряженную березку, а дѣвцы бросаютъ на воду русалкамъ вѣнки и по нимъ гадаютъ о замужествѣ. Въ это же время русалки оплодотворяютъ нивы или же могутъ приготовить неурожай. Въ ночь на Троицынъ день онѣ собираются на пашни и съ криками: «ухъ-ухъ, соломенный духъ» бѣгаютъ по колосистой ржи и катаются по ней. Зеленныя Святки оканчиваются русалочнымъ заговеньемъ, во время котораго толпа провожаетъ русалокъ съ пѣнями и играми, несетъ наряженную березку или соломенную куклу, изображающую русалку и бросаетъ ее въ воду или разрываютъ на клочки въ лѣсу, причемъ въ Малороссіи поютъ:

Проведу я русалочки до бору,
Сама я вернуся до дому!
Ой колы-жъ мы русалочки проводили,
Щобъ до насъ часто не ходили;
Да нашего жытечка не ломали,
Бо наше жытечко въ колосочку,
А наши дивочки у виночку.

Нѣкоторые увѣряютъ, что собственными глазами видывали, какъ гонимыя съ полей русалки съ плачемъ и воплями убѣгаютъ въ лѣсъ. Русалки мало того что топятъ людей, онѣ еще могутъ насылать болѣзни, портить нивы или защекочивать до смерти тѣхъ, кто не отгадываетъ ихъ трудныхъ загадокъ.

Ой бѣжитъ, бѣжитъ мила дивчинка,
А за нею да русалочка:
«Ты послухай мене, красна панночка!
Загадаю тобѣ три загадки;
Якъ угадаешь—до батька пушу,
Коли-жъ не вгадаешь—до себе возьму.
Ой що росте безъ кореня?
А що бѣжитъ безъ повода?
А що цвѣте безъ всякого цвѣту?»
Панночка загадки не вгадала,
Русалочка ее залоскотала.

Кромѣ русалокъ по мѣстамъ не перевелось еще полудницы *). Въ Сибири полудница имѣетъ видъ бабы въ лохмотьяхъ, съ густыми, веколоченными волосами; она живетъ въ банѣ или въ густой крапивѣ и охраняетъ огороды. Въ архангельской-же губ. полудница живетъ во ржи и дѣтей пугаютъ: «не ходи въ рожъ—полудница обожжетъ» или «сѣсть». Въ Сибири въ полудницу вѣрятъ даже многіе горожане, но вообще вѣра въ русалокъ гораздо болѣе живуча и распространена, тѣмъ болѣе что она постоянно поддерживается мифическими представленіями объ утопленникахъ. Подобно тому, какъ заблудившіеся и умершіе въ лѣсу люди считаются захваченными лѣшимъ, а души утопленниковъ поступаютъ въ распоряженіе водяныхъ, дѣвцы, утопившіяся съ горя и отчаянія, становятся русалками. Дѣти, особенно незаконныя, утопленныя въ водѣ или же проклятыя

*) Отъ полдень—югъ.

родителями и потомъ вслѣдствіе этого чудеснымъ образомъ исчезающія изъ дома, тоже превращаются въ русалокъ. Хохлы представляютъ ихъ себѣ въ видѣ «дѣвочекъ-семилѣтокъ», съ русыми кудрями, въ бѣлыхъ рубашкахъ и называютъ ихъ мавками. Мавки живутъ съ русалками и мстятъ живымъ за то, что дали имъ умереть похороненными. По почамъ онѣ выплываютъ на поверхность воды и пляшутъ, а въ Зеленыя Святки бѣгаютъ по полямъ, причитая: «мене мати породила, нехрещену схоронила». Тѣ же, которые утоплены не вѣнчанными матерями, качаются на березовыхъ вѣтвяхъ и поютъ:

Мене мати не колыхала *)

Да въ воду пускала.

Кромѣ этихъ водяныхъ мавокъ, есть еще земляныя, т. е. убитыя и зарытыя въ землю:

Русалочки-земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Свалилися, забилися.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Стих. С.-аго.

Тихо въ часъ глубокой ночи;
Все давно ужъ спитъ кругомъ,
Только бѣдному нѣтъ мочи
Мнѣ забыться сладкимъ сномъ.
Сердце что-то приуныло,
Грусть напала на меня
И шепчу я имя милой,
Въ темной комнатѣ бродя.
А въ окошко мѣсяцъ ясный
На меня, смѣясь, глядитъ;
Тихо звѣздочкѣ прекрасной
На ушко онъ говоритъ:
Господинчикъ-то, сестрица,
Этотъ очень ужъ смѣшонъ.
Отчего ему не снится,
Онъ помѣшанъ или влюбленъ?..
— И влюбленъ онъ безконечно,
Шепчетъ звѣздочка въ отвѣтъ,
И помѣшанъ ужъ конечно,
Потому вѣдь онъ поэтъ!

Волкъ.

Романъ Эрмана-Шатріана. Переводъ М. Минутъ.

(Окончаніе.)

XIII.

сперверъ уѣхалъ и увезъ Ливерле, завернувъ его въ плащъ. Я отказался слѣдовать за нимъ; мой долгъ удерживалъ меня возлѣ старухи, я не могъ по совѣсти покинуть эту несчастную. Къ тому же, надо сознаться, мнѣ любопытно

было видѣть поближе это странное существо. И такъ, едва ловчій исчезъ во мракѣ ущелья, я уже пробирался по тропинкѣ къ пещерѣ. Тамъ ожидало меня странное зрѣлище. На большомъ бѣломъ мѣховомъ плащѣ лежала старуха въ своемъ длинномъ красномъ платьѣ, съ сложенными на груди руками и съ золотой стрѣлой въ свѣдѣхъ волосахъ. Проживи я тысячу лѣтъ и тогда образъ этой женщины не изгладится изъ моей памяти; страшно было смотрѣть на эту ястребную голову, оживленную послѣдними трепетаньями жизни, съ неподвижнымъ взоромъ и полуоткрытымъ ртомъ. Такова, должно быть, была при послѣднихъ минутахъ своей жизни грозная королева Фредегонда.

Баронъ стоялъ на колѣняхъ и старался привести ее въ чувство; но съ одного взгляда я по-

нялъ, что минуты несчастной сочтены и не безъ тайной жалости я наклонился и взялъ ее за руку.

— Не трогайте ее, закричалъ мнѣ раздраженно молодой человекъ, — я вамъ запрещаю!

— Я докторъ, г. баронъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня, потомъ приподнялся.

— Простите меня, сказалъ онъ тихо, — простите!

Онъ поблѣднѣлъ, его губы дрожали. Черезъ минуту онъ спросилъ.

— Что вы думаете?

— Все кончено... Она умерла!

Тогда, не отвѣтивъ ни слова, онъ сѣлъ на широкій камень, опустил голову на руки и неподвижно, смиренно смотрѣлъ въ землю. Я подошелъ къ огню и смотрѣлъ, какъ пламя лизало своды пещеры и отражалось на морщинистомъ лицѣ старухи. Мы просидѣли такъ часа два неподвижно, какъ статуи, когда баронъ, поднявъ голову, сказалъ мнѣ:

— Докторъ, все это сбилось меня съ толку! Это моя мать... впродолженіи двадцати шести лѣтъ я думалъ, что я знаю ее, но вотъ передъ моими глазами открылся цѣлый міръ тайнъ и ужасовъ!.. Вы, докторъ, видали-ли вы что-нибудь поразительнѣе?

— Г. баронъ, отвѣчалъ я, — графъ де-Нидекъ одержимъ болѣзью, которая имѣетъ большое сходство съ болѣзью нашей матушки. Если вы довѣряете мнѣ, сообщите мнѣ нѣкоторые факты, которыхъ вы, вѣроятно, были свидѣтелемъ; я вамъ охотно передамъ то, что знаю я; ваши свѣденія, можетъ быть, помогутъ мнѣ найти средство вылѣчить моего больного.

— Охотно, докторъ.

Тутъ онъ, не колеблясь, рассказалъ мнѣ, что баронеса Блудерикъ принадлежала къ знатной фамилии въ Саксоніи; каждый годъ осенью она совершала поѣздки въ Италію, причемъ ее сопровождалъ старый слуга, который пользовался ея довѣріемъ; что этотъ человекъ, будучи при смерти, захотѣлъ повидаться съ сыномъ своего господина и въ этотъ знаменательный моментъ своей жизни, безъ сомнѣнія, волнуемый угрызениями совѣсти, онъ открылъ молодому барону, что путешествіе въ Италію было только предлогомъ, чтобы бродить по Шварцвальду, что онъ самъ не зналъ цѣли этой поѣздки, но что въ ней навѣрно заключалось что-нибудь ужасное, ибо баронеса возвращалась разслабленная, обрванная, почти умирающая и что ей необходимо было нѣсколько недѣль, чтобы оправиться отъ утомленія нѣсколькихъ дней. Вотъ что старый слуга рассказалъ барону, думая, что онъ этимъ исполняетъ свою обязанность.

Сынъ, желая во чтобы то ни стало разъяснить этотъ фактъ, въ тотъ-же годъ поѣхалъ вслѣдъ за матерью, прежде въ Баденъ. Онъ потомъ потерялъ ее изъ виду въ горахъ Шварцвальда и, наконецъ, прослѣдилъ за нею, можно сказать, по пятамъ. Слѣды, которые видѣлъ Себальдъ, были его слѣдами.

Когда баронъ рассказалъ мнѣ все это, я не считалъ себя вправѣ скрыть отъ него то странное вліяніе, которое производило появленіе его матери на графа; я не утаилъ отъ него и остальныхъ подробностей драмы. Мы оба были поражены соотношеніемъ фактовъ, таинственнымъ притяженіемъ, которое производили эти оба больныхъ другъ на друга, трагическимъ дѣйствіемъ, которое они изображали безъ своего вѣдома, не менѣе поразило насъ, что баронеса хорошо знала замокъ и его тайные выходы и мы согласились, что въ нашемъ существѣ есть много неразгаданнаго и что тайна смерти есть, можетъ быть, малѣйшая изъ тайнъ, которую Господь намъ назначилъ постичь и которая намъ казалась важнѣе всего другого.

Тѣмъ временемъ наступила ночь. Гдѣ-то да-

леко прокричала сова. Вскорѣ послышалось ржаніе въ глубинѣ ущелья; на разсвѣтѣ подъѣхали сани со слугами барона. Въ саняхъ была положена солома, простыни и одѣяла. Туда-же положили умершую. Я сѣлъ на лошадь, которая не прочь была размять ноги, простоявъ почти всю ночь на снѣгу. Я сопровождалъ сани до выхода изъ ущелья, потомъ мы раскланялись, они взяли влѣво къ Гиршланду, а я поѣхалъ къ Нидеку.

Въ девять часовъ я явился къ графинѣ и сообщилъ ей о совершившихся событіяхъ. Потомъ я направился къ графу и нашелъ его въ удовлетворительномъ состояніи. Онъ чувствовалъ большую слабость, очень естественную послѣ такого припадка; но онъ уже пришелъ въ себя и лихорадки не было. Все клонилось къ близкому выздоровленію. Нѣсколько дней спустя, видя стараго вельможу вполнѣ выздоровѣвшимъ, я хотѣлъ вернуться въ Фрибургъ, но онъ такъ настоятельно просилъ меня поселиться въ Нидекѣ и предложилъ мнѣ такія выгодныя условія во всѣхъ отношеніяхъ, что мнѣ было трудно противиться его желанію.

Я долго не забуду первую охоту на кабана, на которой я былъ вмѣстѣ съ графомъ; особенно возвращеніе съ факелами, послѣ того какъ мы блуждали по снѣгу двѣнадцать часовъ къ ряду, не сходя съ сѣда. Я поужиналъ и шелъ къ себѣ въ башню Гуго, разбитый усталостью. Проходя мимо комнаты Спервера, я услышалъ въ полуоткрытую дверь веселые крики. Я приостановился: моимъ глазамъ представилось пріятнѣйшее зрѣлище: вокругъ стола изъ массивнаго дуба сидѣло человекъ двадцать съ веселыми лицами, которые освѣщались двумя желѣзными висячими лампами. Стаканы звенѣли! Тамъ сидѣлъ Сперверъ съ сияющимъ лицомъ, съ влажными усами и съ вѣскоченной прической; направо отъ него сидѣла Мари Лагутъ, палѣво Кнапвуретъ; розовый румянецъ игралъ на огрубѣвшемъ отъ вѣтра лицѣ Спервера. Онъ подыалъ старинный кубокъ чеканнаго серебра, потемнѣвшій отъ времени, а на груди у него блестѣла перевязь, ибо онъ по привычкѣ былъ въ охотничьемъ платьѣ. Лицо у него было пресветлое. Щеки Мари Лагутъ горѣли яркимъ пламенемъ и ея тюлевый чепецъ чуть-чуть держался на головѣ; она смѣялась то съ тѣмъ, то съ другимъ. Кнапвуретъ совсѣмъ ушелъ въ свое кресло, голова его была на ряду съ локтемъ Спервера, она имѣла видъ огромной тыквы.

Тамъ-же сидѣлъ и Тоби Оффенлохъ тоже весь красный; парикъ у него съѣхалъ, а деревянная нога лежала на столѣ. За нимъ сидѣлъ длинный мечтательный Себальдъ и тихонько смѣялся, уткнувъ носъ въ стаканъ. Тутъ-же сидѣла и остальная прислуга, вся челядь, которая обыкновенно плодится въ большихъ домахъ, какъ мохъ, плющъ и вьюнокъ у подножія дуба.

Глаза у всѣхъ были влажны, виноградники господина вызвали слезы умиленія! На столѣ стоялъ громадный окорокъ, длинногорлая бутылка рейнскаго, между ними различныя яства, тутъ-же лежали ульмскія трубочки съ серебряными цѣпочками и широкіе ножки съ блестящими клинками. Лампы проливали мягкій свѣтъ на эту картину и оставляли въ тѣни старья, сѣрыя стѣны, на которыхъ въ живописномъ безпорядкѣ были развѣшены трубы и охотничьи рога стараго ловчаго. Ничего не могло быть оригинальнѣе этого зрѣлища. Самыя своды, казалось, пѣли.

Сперверъ, какъ я уже говорилъ, подыалъ кубокъ, онъ пропѣлъ пѣсню бурграфа Гато Чернаго: «я царь этихъ горъ!» между тѣмъ, какъ розовый рейнвейнъ капалъ съ его усовъ. Увидя меня, онъ приостановился и протянулъ мнѣ руку.

— Фрицъ, сказалъ онъ, — только тебя намъ не доставало. Давно я такъ не веселился. Милости просимъ!

*) Не качала въ колыбели.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ ПЕТРА СОКОЛОВА.

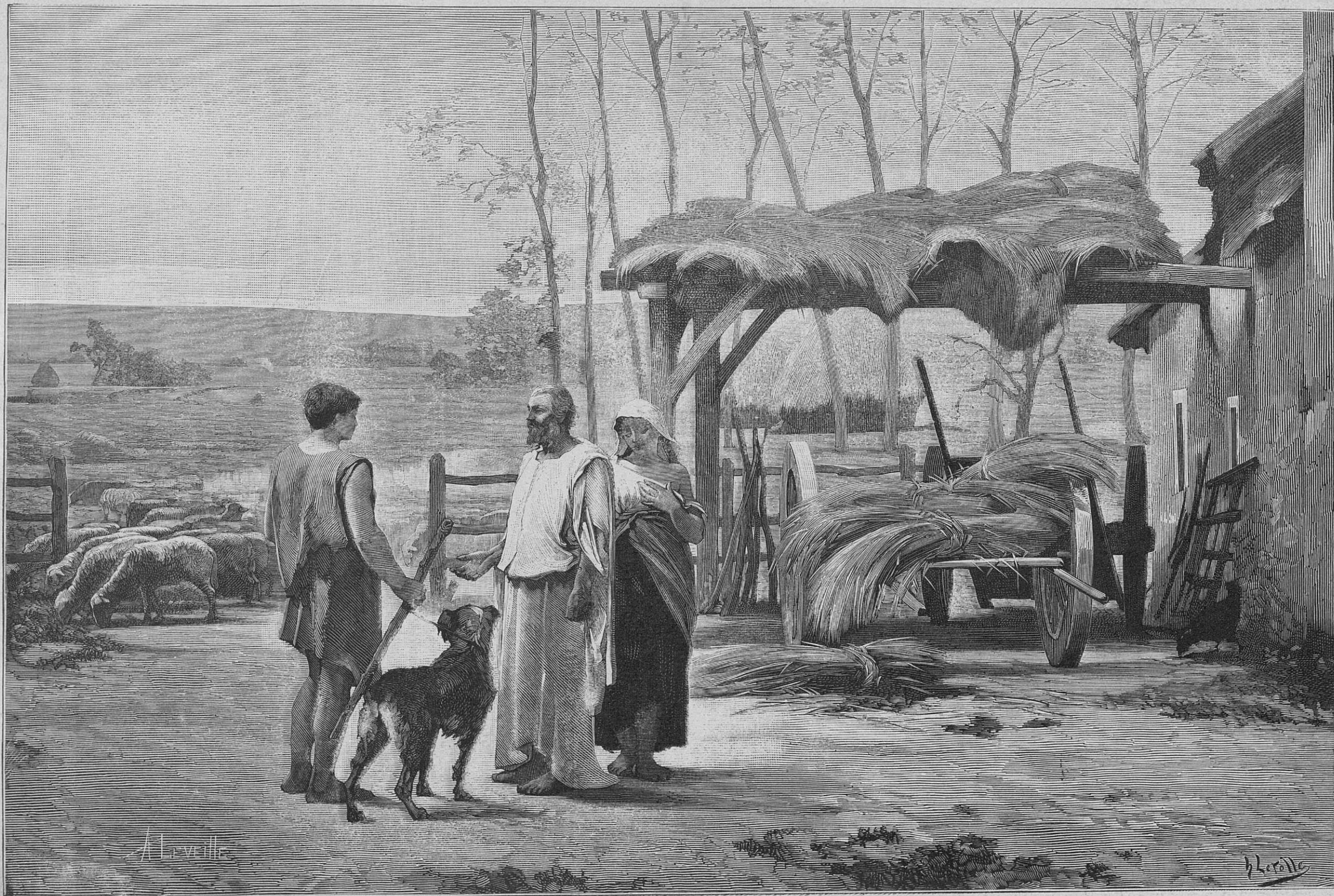

Травли.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской политепани“ г. Діаментовскаго.

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.
КАРТИНА АНРИ ЛЕРОЛЯ.

Иаковъ у Лабана.

Рѣзалъ на деревѣ Лезевилье въ Парижѣ по фотографіи Гупиля.

Я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, ибо съ самой смерти Ливерле, я не видалъ улыбки на его лицѣ. Онъ примѣтилъ это и прибавилъ:

— Мы празднуемъ выздоровленіе графа и Кнапвуретъ рассказываетъ намъ разныя исторіи.

Всѣ обернулись и привѣтствовали меня веселыми восклицаніями. Я былъ подхваченъ Себальдомъ и усаженъ возлѣ Мари Лагутъ и не успѣлъ я опомниться, какъ мнѣ сунули въ руку стаканъ съ виномъ. Старинная зала огласилась взрывами смѣха. Сперверъ обхватилъ лѣвой рукой меня за шею, правой поднялъ кубокъ и громко кричалъ:

— Вотъ мой питомецъ!.. Мы друзья на жизнь и на смерть... За здоровье доктора Фрица!..

Кнапвуретъ всталъ на стулъ, наклонился ко мнѣ и протянулъ свой стаканъ. Съ Мари Лагутъ слетѣлъ чепчикъ, а Себальдъ, вставъ съ мѣста, худой и высокій, какъ тѣнь извѣстнаго сказочнаго охотника, бормоталъ:

— За здоровье доктора Фрица!

А вино такъ и пѣнилось и лилось изъ его чашки на плиты. Наступила минутная тишина. Всѣ пили, потомъ, разомъ опорожнивъ стаканы, стукнули по столу.

— Браво, крикнулъ Сперверъ.

— Фрицъ, сказалъ онъ мнѣ, — мы уже пили за здоровье графа и графини, теперь твоя очередь.

Я долженъ былъ дважды осушить кубокъ; тогда и я въ свой чередъ развеселился; я присмотрѣлся къ моимъ сослуживцамъ: тутъ были молодые и старые, дурные и хорошие, но мнѣ всѣ казались одинаково милы. Съ дѣвухами я обмѣнялся нѣжными взглядами.

Сперверъ хохоталъ и пѣлъ. Вдругъ онъ положилъ руку на горбъ карлика:

— Слушайте, сказалъ онъ, — Кнапвуретъ хочетъ говорить!.. Этотъ горбъ, видите-ли вы, это эхо древней обители Нидека!

Маленькій горбунъ не только не разсердился на такія любезности, но умильно посмотрѣлъ на ловчаго и сказалъ:

— А ты, Сперверъ, ты одинъ изъ тѣхъ древнихъ рыцарей, о которыхъ я вамъ рассказывалъ! Да, у тебя сердце, рука и даже усы настоящіе рыцарскіе! Если-бы теперь открылось окно и одинъ изъ нихъ изъ мрака тѣней протянулъ-бы тебѣ руку, что-бы ты сказалъ?

— Я-бы пожалъ ему руку и сказалъ-бы ему: «Товарищъ, садись съ нами. Вино такъ же вкусно и красоти такъ же хороши, какъ и во времена Гуго. Смотри!»

И Сперверъ указалъ на веселую юность, которая громко смѣялась. А дѣвухи въ Нидекѣ были прехорошенькія: однѣ краснѣли отъ удовольствія, другія медленно поднимали свои длинныя рѣсницы и я удивлялся, какъ я раньше не разглядѣлъ этихъ пышныхъ розъ, распустившихся въ башенкахъ стараго замка.

— Слушайте! вторично крикнулъ Сперверъ, — нашъ другъ Кнапвуретъ снова повторитъ намъ легенду, которую онъ только что рассказывалъ.

— Почему непременно эту?

— Эта мнѣ больше нравится.

— Я знаю другія, лучше этой.

— Кнапвуретъ! сказалъ ловчій, — я имѣю на это свои причины; расскажи ее вкратцѣ, если хочешь. Она очень поучительна, а ты, Фрицъ, слушай внимательно.

Карликъ, немного онянѣвъ, облокотился на столъ и заговорилъ пронзительнымъ голосомъ:

— Ну, слушайте! Бернаръ Герцогъ рассказываетъ, что бургграфъ Гуго, прозванный волкомъ, носилъ головной уборъ изъ волчьей шкуры: то было что-то вродѣ пестраго колпака, и въ сраженіи онъ бралъ его съ собой. Когда онъ хотѣлъ освѣжиться, онъ снималъ шлемъ и надѣвалъ этотъ странный колпакъ, лошади падали на плечи. До восьмидесяти лѣтъ не снималъ Гуго своего во-

оружія, но въ эти годы онъ едва дышалъ. Онъ позвалъ Отто Бурлаха, своего капелана, Гуго, старшаго сына, и Бартольда, младшаго, и дочь Бертю Рыжую, жену одного саксонскаго вожди Блудерика и сказалъ имъ: — «Ваша мать, Волчица, заострила мои когти, ея кровь смѣшалась съ моею... Изъ вѣка въ вѣкъ она будетъ течь по жиламъ вашихъ потомковъ и будетъ блуждать въ снѣгахъ Шварцвальда! Одни будутъ думать, что это воетъ вѣтеръ!.. другіе скажутъ — это сова! Но то будетъ ваша кровь, моя кровь, кровь Волчицы, которая побудила меня задушить Ядвигу, мою первую жену предъ Богомъ и людьми!.. Да, она умерла отъ моей руки... Да будетъ проклята Волчица... ибо написано: «я поражаю преступленіе отца въ его потомкахъ, до тѣхъ поръ, пока правосудіе не совершится!» И старый Гуго скончался. Вотъ съ той поры вѣтеръ воетъ, сова кричитъ, и путники, блуждая ночью, не знаютъ, что то кровь Волчицы, которая возрождается изъ вѣка въ вѣкъ, и будетъ возрождаться до того часа, пока первая жена Гуго, Ядвига, не появится снова какъ ангелъ Нидека, чтобы утѣшить и простить!

Тутъ Сперверъ всталъ, взялъ лампу и потребовалъ у удивленнаго Кнапвурета ключи отъ библіотеки. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. Мы быстро прошли по большой мрачной галерей, потомъ по оружейной и скоро достигли залы архива.

Весь шумъ утихъ, замокъ казался необитаемымъ. Иногда и оборачивался и видѣлъ наши тѣни, скользящія, какъ призраки, по высокимъ стѣнамъ. Мнѣ было страшно. Сперверъ быстро отворилъ старую дубовую дверь и, высоко держа лампу, вошелъ первымъ. Когда я подошелъ къ портрету Ядвиги, сходство его съ молодой графиней пришло мнѣ на мысль. Сперверъ остановился и сказалъ звучнымъ голосомъ:

— Вотъ та, которая должна возродиться, чтобы утѣшить и простить!.. Она и возродилась!.. Теперь она внизу со старикомъ. Смотри, Фрицъ, узнаешь-ли ты ее?.. Это Одиль!..

Потомъ онъ обернулся къ портрету другой жены Гуго:

— А это — это волчица Гульдина. Тысячу лѣтъ стонала она въ ущельяхъ Шварцвальда и она причина смерти моего бѣднаго Ливерле! Но отнынѣ графы Нидекъ могутъ спать спокойно, ибо правосудіе совершилось и добрый ангелъ этой фамиліи снова возродился, утѣшилъ и простилъ!

Московскіе театры.

(Статья М.)

Малый театръ.

«Нищіе духомъ». Н. Потѣхина. Тенденціозность пьесы. Исполненіе. — «Тетя Лиза» (соч. Г. Д., сюжетъ заимствованъ). Содержаніе пьесы. Г-жа Федотова въ роли тетя Лизы. — Бенефисъ г-жи Медвѣдовой. «Поздній разцвѣтъ», Шпагинскаго. — Московскія частныя сцены: театръ Солодовникова и артистическій кружокъ.

Въ Москвѣ театральныи сезонъ нынѣшняго года идетъ рука объ руку съ Петербургомъ. Мы говоримъ не про оперу, а про русскій театръ. Почти всѣ новыя пьесы ставятся чуть-ли не одновременно и на нашемъ маломъ театрѣ и на александринскомъ.

Такъ, почти въ одно и то-же время обѣ столицы увидѣли пьесу Н. Потѣхина «Нищіе духомъ». И громкое названіе пьесы, и эффектныя сцены, и оригинальный конецъ — все это даетъ пьесѣ большой успѣхъ. По крайней мѣрѣ, въ Москвѣ

«Нищіе духомъ» стали одной изъ самыхъ модныхъ пьесъ сезона. Вся комедія соткана изъ мелкихъ и крупныхъ эффектовъ. Интрига избитая, старая, тирады далеко не безупречны ни въ какомъ отношеніи. Г. Потѣхинъ принимаетъ обществу «духовную нищету» изъ-за того, что оно не прощаетъ женщинамъ ея позорной жизни, что она изъ m-le Кондоровой стала m-me Алевкиной, не раскрываетъ ей своихъ объятій. Впрочемъ, это не совсѣмъ вѣрно. Какъ часты случаи женитьбы людей изъ «общества» на женщинахъ далеко не безупречнаго поведенія. Ихъ прощаютъ, забываютъ все и онѣ становятся такими-же членами общества. Все это дѣлается безъ всякой драмы и уже никого не удивляетъ. Но даже если-бы общество и не забывало сразу всей прошлой жизни Кондоровой, не отъ Кудряева выслушивать ему обвиненія въ нищетѣ духомъ. Кудряевъ — пошлякъ, жаргонъ котораго весь состоитъ изъ опереточныхъ куплетовъ, онъ смѣется надъ всякимъ хорошимъ чувствомъ, повторяя слово «ламуръ» чуть не десять разъ въ каждомъ актѣ. По пьесѣ онъ «комисіонеръ», доставляющій шулерамъ, вродѣ Карабанова, неопытныхъ юношей. Тѣ обыгрываютъ ихъ, платя Кудряеву «двѣсти рублей куртажныхъ». И такому нравственному красавцу авторъ вложилъ въ уста тираду, гдѣ тотъ объявляетъ, что «вѣдь мы среди живыхъ мертвецовъ!.. Всѣ мы ходимъ по торпной дорожкѣ, безуміе бросать на нее какіе-бы то ни было сѣмена. Толпа затопчетъ, вехода не будетъ! Всѣ мы слабы, ничтожны. Мы — нищіе духомъ! Кто хочетъ насладиться жизнью, тотъ долженъ всѣмъ нлизин по боку и помнить одно: «Все въ сей жизни скоротечно, потому живи безпечно».

Эти слова имѣли-бы совсѣмъ другое значеніе, если-бы Н. Потѣхинъ отнесся иначе къ своей героинѣ. Надежда Павловна Кондорова единственное симпатичное лицо во всей пьесѣ. Алевкинъ отецъ симпатиченъ тоже, но слишкомъ безцвѣтенъ. Такъ что все сочувствіе публики все время на сторонѣ этой «бѣдной, несчастной». Она привлекаетъ уже съ перваго акта, а къ третьему зрители почти забываютъ, что вначалѣ пьесы застали эту «несчастную» «безпокойной искательницей приключеній съ громкою, но позорною славой безсердечной, кровожадной львицы». Она въ первомъ явленіи выступаетъ сообщницей Карабанова въ обыгрываніи неопытныхъ юношей. Но зрители прощаютъ ей все это и охотно вѣрятъ, что она преобразилась силой любви. А потому понятно, что тирада Кудряева принимается большинствомъ публики сочувственно, всѣмъ жалъ эту раскаявшуюся женщину, бросающуюся опять въ прежній омутъ. Но если-бы ей была противна эта жизнь, если-бы ее не тянуло опять къ ней, если-бы она была вполне удовлетворена жизнью честной, хотя и несчастной женщины, кто-же-бы могъ ее толкнуть опять на эти постоянные кутежи съ Карабановыми и компаніей? Но г. Потѣхинъ умѣлъ такъ эффектно связать сцены, такъ ярко блеснуть ими въ глаза публики, что она не замѣчаетъ всего этого и душею сочувствуетъ героинѣ «Нищихъ духомъ». И особенно въ игрѣ г-жи Федотовой. Это пока самая удачная ея новая роль въ сезонѣ. Она въ Надеждѣ Павловнѣ напомнила намъ прежнюю г-жу Федотову. И фигурой, и лицомъ, а главное тономъ, она совсѣмъ не была г-жей Федотовой послѣдняго времени. У нея такъ много искренности, такъ много женственности, кротости, что она еще болѣе идеализируетъ симпатичную Надежду Павловну Кондорову. И наружностью г-жа Федотова какъ-бы помолодѣла, къ ней очень идетъ бѣлокурый парикъ и туалеты всѣхъ четырехъ дѣйствій. Вся пьеса разыграна съ замѣчательнымъ ансамблемъ и поставлена очень хорошо. Оно и понятно.

«Нищѣ духомъ» или въ первый разъ въ бенефицъ режисера малаго театра, г. Черневскаго. Онъ и обставилъ пьесу какъ нельзя лучше и удачно распредѣлилъ роли. Молодого Алекина — героя пьесы — играетъ г. Ленскій. Сама роль очень безцвѣтна и трудно было сдѣлать изъ нея что-нибудь. У г. Ленскаго нѣкоторыя сцены выходили не дурно. Такъ, прощанье съ отцемъ передъ дуэлью у него было искренно и прочувствовано. Да и въ третьемъ, очень трудномъ для него актѣ, у него было много естественности. Его появленіе въ четвертомъ актѣ совершенно лишнее, совсѣмъ по пьесѣ не нужное и справиться съ нимъ было гораздо труднѣе. Четъ стариковъ Алекиныхъ играли столпы малаго театра — г-жа Медвѣдова и г. Самаринъ. Въ старухѣ Алекиной г. Потѣхинъ представилъ въ карикатурѣ нашихъ дамъ-патронецъ, много суеверныхъ, много говорящихъ о дѣлахъ, но, въ сущности, дѣла не дѣлающихъ. Старикъ Алекинъ и говоритъ женѣ прямо въ глаза: «Всѣ вы патронецы, сороки-трещетки... Ни у кого изъ васъ нѣтъ общественнаго служенія, никакой дѣятельности нѣтъ, да и пользы отъ вашей сутолоки столько же, сколько отъ скорлупы выдѣннаго яйца. Все это бредни, все съ чужого голоса, белиберда безъ всякаго убѣжденія, безъ внутренней потребности...» Въ этихъ словахъ — вся м-ме Алекина. И г-жа Медвѣдова прекрасно олицетворила эту даму-патронецу. Все — туалетъ, манеры, вплоть до жестовъ вѣрно и ярко. Г. Самаринъ былъ загримированъ мастерски. Про его игру сказать новаго ничего нельзя. Вводное лицо купца Сиводушина отдано г. Садовскому. Онъ сдѣлалъ все, что только было можно сдѣлать изъ этой до нелзя утрированной фигуры. Весь его жаргонъ — дѣланый: масса словечекъ, которыя при малѣйшемъ подчеркиваніи не были бы нисколько смѣшны. Г. Садовскій, со своимъ чувствомъ мѣры, сдѣлалъ изъ Сиводушина подобіе живого лица: больше ничего нельзя и требовать. А г-жа Голодкова, стараясь подчеркивать каждое слово въ роли горничной Маши, каждымъ своимъ выходомъ только раздражала публику. Она не была нисколько смѣшна, хотя въ каждой ея фразѣ сквозитъ претензія автора и исполнительницы на комизмъ. Г. Вильде, съ своимъ деревяннымъ голосомъ и манерами, какъ нельзя болѣе подходилъ къ изображаемому имъ Карабанову. Въ первомъ дѣйствіи у него были очень искренніе моменты. Вообще вся пьеса идетъ такъ хорошо, что исполненіе заставляетъ большую часть публики не обращать вниманія на обвиненіе, брошенное авторомъ русскому обществу, и оценить насколько есть основанія въ этомъ обвиненіи. Н. Потѣхина два раза вызвали на первомъ представленіи.

Послѣ ярко памалеванной комедіи Н. Потѣхина еще блѣднѣе и тусклѣе кажется пьеса Г. Д. «Тетя Лиза». Уже до появленія ея на сценѣ одна московская газета въ видѣ театральнаго слуха сообщила, что г. Викторъ Александровъ переводитъ къ бенефицу г-жи Федотовой «Tante Therèse», Линдау. Но слухъ этотъ оправдался не вполне. «Тетя Лиза» пошла въ бенефицъ г. Вильде, а кто скрывается подъ буквами Г. Д. — осталось тайной. Во всякомъ случаѣ странно, кого хотѣлъ обмануть г. Г. Д., написавъ подъ заглавіемъ своей пьесы въ скобкахъ «сочиненіе Г. Д. Сюжетъ заимствованъ». Въ публикѣ всегда найдутся люди, настолько знающіе иностранную литературу, чтобы сейчасъ же понять, что та или другая пьеса принадлежитъ перу такого-то иностраннаго автора, особенно если это произведеніе настолько извѣстнаго драматурга, какъ Пауль Линдау. Такъ, послѣ перваго же представленія «Тети Лизы» съ нея была снята маска русскаго «сочиненія». Нечего говорить, что вся пьеса имѣла бы совершенно иной характеръ,

еслибъ это былъ просто переводъ. Мы бы увидѣли умно написанную картину нѣмецкихъ нравовъ. Теперь же «сочиненіе Г. Д.» и этой картины не даетъ, и русской жизни не рисуетъ. Глядя на всѣхъ этихъ Планищевыхъ, Тишинскихъ, мы чуемъ, что они не русскіе люди, мы видимъ, что это не русскій складъ жизни, не русскіе типы. И содержаніе пьесы — самое нѣмецкое: Идеаль кротости, всепрощенія и самоотверженія — Тетя Лиза живетъ въ меблированныхъ комнатахъ, въ сосѣдствѣ съ красивымъ молодымъ художникомъ. Она три года тому назадъ разошлась съ своимъ братомъ — Михаиломъ Петровичемъ Планищевымъ изъ за того, что помѣшала его браку съ бездушной кокеткой Гвоздаревой. Тетя Лиза поселилась въ меблированныхъ комнатахъ и тутъ ей пришлось ухаживать за больнымъ юношей, только что окончившимъ курсъ въ академіи художествъ. Они близко познакомились и въ первомъ дѣйствіи мы застаемъ его на порогѣ къ славѣ, любящимъ добрую «Тетю Лизу» любовью племянника. Но сама тетя питаетъ къ нему нѣпос, болѣе сильное, чувство, не отдавая даже самой себѣ отчета въ немъ до тѣхъ поръ, пока она не узнаетъ, что художникъ влюбленъ въ ея племянницу, молодую дѣвушку, дочь Михаила Петровича Планищева. Но она никому не показывается этого чувства и напротивъ сама же помогаетъ устроить ихъ бракъ. Она является къ брату, мирится съ нимъ и проситъ благословить влюбленную пару. Все это очень сантиментально и трогательно. Актерамъ навѣрно трудно было справиться съ такой пьесой. Особенно трудна роль самой тети Лизы. При малѣйшей шаржировкѣ — она вышла бы невыносимой, сантиментальной дѣвой. Г-жа Федотова въ этой роли сдѣлала не впасть въ слащавый тонъ. Она ведетъ всю свою роль умно, просто и очень искренно. Трудная сцена съ братомъ, когда тотъ узнаетъ, что жилъ и живетъ на ея средства, прошла у нея замѣчательно хорошо. Въ параллель съ добродѣтельной тетей Лизой выставлена порочная женщина, кокетка Гвоздарева, влюбленная въ Михина. Она въ исполненіи г-жею Яблочковой — выходитъ типомъ, если не чисто русскимъ, то общеевропейскимъ. Мужъ ея дуракъ, влюбленный въ жену — утрированъ въ самой пьесѣ, такъ что г. Макшеевъ за это отвѣчать не можетъ. Злодѣй пьесы — Тишинскій, «занимающийся коммерческими дѣлами» — ставить въ недоумѣніе: ни по языку, ни по гримировкѣ г. Музиля не поймешь, какое общественное положеніе занимаетъ такой человекъ, что онъ такое и кто онъ такой. А комическій тонъ, никогда не оставляющій г. Музиля, еще болѣе усиливаетъ нецѣльное впечатлѣніе, какое производитъ Тишинскій. Что сказать про г. Ленскаго? Онъ, въ роли художника Михина, явился со всѣми своими качествами и недостатками. Вообще же вся пьеса идетъ гладко и довольно бойко. Благодаря этому, смотрится она легко, но какихъ-нибудь серьезныхъ достоинствъ русскаго «сочиненія» въ ней искать нельзя.

Другое дѣло пьесы, которую взяла себѣ на бенефицъ даровитая г-жа Медвѣдова. Авторъ ея г. Шнажнскій. Пьеса получила премію въ Новороссійскомъ университетѣ. А потому къ ней можно и надо отнестись потребовательнѣе.

Драма г. Шнажнскаго «Поздній развѣтъ» касается все той-же старей и вѣчно новой исторіи — любви замужней женщины къ постороннему человеку.

Но тутъ являются новыя положенія, которыя заставляютъ останавливаться на психическихъ мотивахъ. А г. Шнажнскій даетъ намъ только положенія, заставляютъ насъ принимать ихъ на вѣру, недостаточно мотивируя ихъ. Это можно видѣть изъ самаго содержанія.

Вдова Скомова (г-жа Медвѣдова) — хозяйка меблированныхъ комнатъ. У нея есть дочь, красивая двадцатилѣтняя дѣвушка, которую мать всѣми силами старается сбыть замужъ. Дочь понимаетъ это и рѣшается согласиться на предложеніе котораго-нибудь изъ двухъ претендентовъ на ея руку, какого, — для нея это безразлично, такъ какъ она одинаково равнодушна къ нимъ обоимъ. Въ первомъ же дѣйствіи является молодой человекъ — Константинъ Львовичъ Бориспольскій (г. Ленскій). Изъ ихъ разговора видно, что Бориспольскій очень любитъ Наташу, но не видно, любитъ-ли она его, хотя и соглашается ѣхать съ нимъ знакомиться съ его дядей. Черезъ нѣсколько минутъ является старый учитель Бориспольскаго Павка и объявляетъ грустную новость: дядя умеръ скоропостижно, не оставивъ духовнаго завѣщанія. Молодой человекъ остается безъ всякихъ средствъ. Онъ сейчасъ же уѣзжаетъ. Павка горячо преданный ему объясняется за Бориспольскаго съ любимой имъ Наташей. Но онъ не добивается отъ нея ничего. На прямой вопросъ Павки, любитъ-ли она Константина? Она отвѣчаетъ: «Не знаю». «Такъ зачѣмъ же вы ему подавали надежды?» Наташа сухо и холодно говоритъ, «что никакихъ надеждъ Константину Львовичу она не подавала» и, не желая продолжать разговора, уходитъ, не говоря ни одного слова. Павка въ недоумѣніи. Но зрителю ясно, что Наташа не любитъ Бориспольскаго. Въ тяжелую для него минуту, когда онъ узналъ о смерти дяди — она осталась равнодушной, какъ въ началѣ акта, и оставалась ею до конца. Павка огорченный уходитъ. Его смѣняетъ Павелъ Устиновичъ Баршинъ (г. Самаринъ), пожилой и богатый поклонникъ Наташи. Онъ говоритъ старухѣ Скомовой, что любитъ дочь ея и желалъ бы просить ея руки. Актъ кончается тѣмъ, что Наташа даетъ ему согласіе на бракъ, даетъ такъ-же апатично и спокойно, какъ дѣлаетъ все въ этой первой картинѣ перваго дѣйствія.

Во второй картинѣ въ кабинетѣ нотариуса мы видимъ молодого Бориспольскаго бѣднымъ Макаромъ, на котораго повалились со всѣхъ сторонъ шишки: онъ безъ всякихъ средствъ; ищетъ мѣста, не находитъ; беретъ читать газеты, паталкивается на грязный насквиль, написанный на него; наконецъ, на него предъявляютъ вексель въ 500 рублей, который онъ не въ состояніи уплатить. Въ этомъ-же кабинетѣ мы знакомимся съ адвокатомъ Жилиховымъ (г. Рѣшимовъ), современнымъ типомъ адвоката-хищника, съ немолодой трудовой дѣвушкой — Екатериной Сергѣевной Глѣбовой (г-жа Федотова) и съ купчикомъ Клондючковымъ. Последній для дѣйствія вовсе не нуженъ и намѣченъ только нѣсколькими штрихами г. Шнажнскимъ, но намѣченъ такъ удачно, что выходитъ цѣльнымъ типомъ.

Во второмъ дѣйствіи мы у Баршинныхъ. При поднятіи занавѣсы Зинаида Андреевна сидитъ точно такъ-же, какъ и въ первомъ дѣйствіи — съ книгой въ рукахъ. Но въ ней уже произошелъ переворотъ: она сознаетъ, что мужа не любитъ, а «съ нелюбимымъ человекомъ жить подло». Что привело ее къ такому рѣшенію — неизвѣстно. Тутъ является Павка, котораго Баршина вызвала письмомъ. Изъ ихъ короткой бесѣды мы узнаемъ, что Зинаида Андреевна полюбила Бориспольскаго. Какъ и когда полюбила — авторъ не объясняетъ, но на этой любви держатся всѣ слѣдующіе три акта. Баршина бросаетъ мужа и рѣшается жить своимъ трудомъ, задавшись одной мыслью: такъ или иначе добиться любви Бориспольскаго. А между тѣмъ молодой человекъ, сломленный неудачами жизни, серьезно заболѣлъ. Во время болѣзни за нимъ ухаживала Глѣбова и Павка. Онъ выздоравливаетъ. Глѣбова пришла ему мѣсто.

Въ третьемъ дѣйствіи мы видимъ его въ маленькой мебелированной комнатѣ, въ бѣдой обстановкѣ. Послѣ радостнаго извѣстія о мѣстѣ, Глѣбова уходитъ. Къ Бориспольскому является Зина; она говоритъ, что любитъ его, что для него бросила мужа, но отвѣта въ немъ не находитъ; онъ ее больше не любитъ и плана ея не одобряетъ. Тогда Зина объявляетъ ему, что у нея достанетъ силы разбить кумиръ. Она бросается къ двери и падаетъ въ обморокъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи Зинаида Андреевна — трудовая женщина. Она живетъ въ мебелированныхъ комнатахъ, занимается переводами и все еще преисполнена мыслью — добиться любви Бориспольскаго. Съ этой цѣлью она написала Глѣбовой, что-бы та пришла къ ней. Глѣбова приходитъ и ихъ разговоръ кончается тѣмъ, что Баршина лжетъ на себя, говоря, что была до свадьбы въ близкихъ отношеніяхъ съ Бориспольскимъ и потому имѣетъ права на него. Глѣбова даетъ ей слово не стоять на ея дорогѣ и уходитъ.

Между тѣмъ Бориспольскій собрался ѣхать въ деревню и ждетъ Екатерину Сергѣевну. Ее приводитъ Павка. Ихъ обоимъ довольныхъ, счастливыхъ, застаютъ Зина, которая вѣщаетъ съ револьверомъ въ рукахъ. Она поселилась въ этихъ-же мебелированныхъ комнатахъ, чтобы слѣдить за каждымъ шагомъ Бориспольскаго. Теперь, узнавъ, что къ нему пришла Глѣбова, она рѣшается покончить съ нимъ. Она стрѣляетъ и промахивается. Бориспольскій быстро уводитъ Глѣбову, а къ Зинѣ является мужъ, который предлагаетъ ей свое отеческое чувство и проситъ вернуться къ нему. Зина соглашается.

Мы парочно рассказали содержаніе подробно, дѣйствіе за дѣйствіемъ, чтобы можно было видѣть все, что сказалъ и чего не досказалъ авторъ. При хорошемъ исполненіи пьесы смотрится съ удовольствіемъ, а въ ней участвуютъ всѣ лучшія силы малаго театра: г-жи Медвѣдова, Федотова, Ермолова, и гг. Самаринъ, Ленскій, Рѣшимовъ и Садовскій. На этотъ разъ двѣ наши драматическія актрисы помѣнялись ролями. Роли трудовых дѣвушекъ играетъ обыкновенно г-жа Ермолова, а энергичныхъ, любящихъ женщинъ г-жа Федотова. На этотъ разъ вышло наоборотъ. И обѣ артистки были равно хороши. Про г-жу Медвѣдову и говорить нечего. Безобразный, антипатичный типъ Скоковой, былъ отдѣланъ ею художественно. Г-жа Федотова какъ-бы по уговору съ первой петербургской драматической актрисой г-жею Савиной, взяла на свой бенефисъ «Много шуму изъ ничего» Шекспира. Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующій разъ. Теперь-же намъ хочется упомянуть о частныхъ московскихъ сценахъ.

Съ новаго года существуетъ въ Москвѣ маленький частный театръ, дающій три раза въ недѣлю драматическія представленія. Онъ помѣщается въ бывшемъ театрѣ буффъ. Но буффъ существовать въ Москвѣ было гораздо легче. У него не было конкурентовъ и имѣлась своя постоянная публика. Новая-же труппа должна конкурировать съ малымъ театромъ, а потому ей необходимо явиться съ очень большими силами. Пока-же ничего особенно выдающагося нѣтъ: труппа состоитъ большей частью изъ любителей и изъ третьестепенныхъ актеровъ, а потому дѣла ея не могли идти хорошо до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ на гастроли г. Писаревъ. Онъ поправилъ сборы, хотъ Москва и слишкомъ холодно отнеслась къ нему. Дебютировалъ г. Писаревъ въ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» Островскаго, ролью Краснова. Говорятъ, что это одна изъ его лучшихъ ролей. Онъ взялъ Краснова и для прощальнаго бенефиса въ Петербургѣ.

Москва должна помнить г. Писарева по На-

родному театру. Уже и тогда онъ являлся замѣчательнымъ исполнителемъ. Въ послѣдніе семь, восемь лѣтъ его талантъ развился окончательно. Такого-то актера и не достаетъ малому театру. У насъ для драмы есть только актрисы и одного сильнаго актера. Въ г. Писаревѣ насъ именно увлекаетъ эта сила, мощь. Въ Львѣ Красновѣ у него столько искренности въ каждомъ проявленіи имъ чувствъ, что они глубоко западаютъ въ душу зрителя и ихъ долго не забудешь.

Но г. Писаревъ уѣхалъ и театръ Солодовникова не привлекаетъ ничѣмъ москвичей. Онъ и можетъ существовать только, если учредители будутъ собирать въ него силы, разбросанныя по Россіи. Москва пугается въ театрахъ. Доказательство тому, что въ ней уже сколько лѣтъ процвѣтаетъ сцена артистическаго кружка.

Этотъ клубъ имѣетъ порядочную и довольно большую труппу, которая даетъ четыре спектакля въ недѣлю: два публичныхъ и два членскихъ. Помимо новыхъ пьесъ, которыя ставятся въ одно время съ малымъ театромъ — артистическій кружокъ даетъ и классическія произведенія. Такъ, въ нынѣшнемъ году шли: «Коварство и любовь», «Разбойники», «Фаустъ»; давали и сцены изъ «Маскарада», Лермонтова и «Василису Мелентьеву» — все это ставится старательно и съ довольно хорошей обстановкой. Но по части исполнителей и исполнительницъ артистическій кружокъ ничего особенно талантливаго не даетъ. Изъ мужчинъ выдается г. Аграмовъ — умный актеръ на характерныя роли, а изъ женщинъ — г-жа Мартынова *ingenue*, окончившая курсъ въ петербургской театральной школѣ. Оба они — и г. Аграмовъ и г-жа Мартынова могли-бы быть на виду и въ очень хорошей труппѣ. Остальные исполнители не идутъ дальше добросовѣстной посредственности, а между тѣмъ даютъ хорошіе сборы. Значитъ, въ Москвѣ, рядомъ съ малымъ театромъ, могла-бы процвѣтать частная антреприза. Существованіе труппы въ театрѣ Солодовникова можетъ быть первымъ шагомъ къ этому.

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье, автора «Изы».

(Продолженіе.)

Глава II.

Добродѣтель всегда награждается.

Когда капитанъ вышелъ изъ спальни, Элиза схватилась за синюю кровать, чтобы не упасть. Она несколько не безпокоилась о сестрѣ, видя, что ея раны были самыя незначительныя. Ее пугала неизвѣстность о томъ, что случилось безъ нея. Она знала о смерти Аристиды, но что послѣдовало за тѣмъ? Куда Орели спрятали трупъ молодого человѣка? Отчего она была найдена у окна въ крови? Кого убилъ въ саду капитанъ? Всѣ эти вопросы наполняли молодую дѣвушку ужасомъ. Чтобы поскорѣ узнать роковую истину, надо было привести въ чувство сестру. Призвавъ къ себѣ на помощь всю свою энергію, Элиза принялась ухаживать за Орели.

— Лили! это я, говорила она, взявъ ее за голову и покрывая поцѣлуями, — твоя Элиза! Отвѣчай мнѣ! Ты очень страдаешь?

Наконецъ Орели открыла глаза. Увидавъ сестру и всю комнату въ безпорядкѣ, она вздрогнула. Очевидно, она вспомнила все, что произошло. Черезъ секунду она приподнялась и внимательно осмотрѣла всю комнату, потомъ она хотѣла что-то сказать, но рыданія заглушили ея голосъ и она припала головой къ груди сестры.

— О! Лили, не плачь, не терзайся! говорила молодая дѣвушка.

Орели долго плакала. Элиза старалась утѣшить ее, отирала ея слезы, гладила ея волосы.

— Полно, зачѣмъ такъ отчаиваться, сказала она наконецъ: — если ты будешь только рыдать, то что-же я одна сдѣлаю? Надо подумать о немъ.

При этихъ словахъ Орели подняла голову, отбросила рукой волосы, въ безпорядкѣ закрывавшіе ей лицо и, посмотрѣвъ прямо въ глаза сестрѣ, спросила:

— Думать о немъ? Зачѣмъ?

Элиза въ свою очередь взглянула на нее съ удивленіемъ и произнесла вполголоса:

— Гдѣ Аристидъ?

Орели какъ-бы остолебѣла и, пасунивъ брови, воскликнула:

— Такъ ничего не выдали?

Молодая дѣвушка ничего не понимала и, открывъ ротъ, молча смотрѣла на Орели.

— Давно я въ такомъ положеніи? спросила послѣдняя.

— Да.

— Что-же случилось?

Элиза рассказала ей со всѣми подробностями сцену, которую мы знаемъ. Орели слушала ее внимательно. Когда-же молодая дѣвушка прибавила, что капитанъ выстрѣлилъ въ кого-то, находившагося въ саду и убилъ его, она вздрогнула.

— Капитанъ сошелъ внизъ, чтобы удостовѣриться кого онъ убилъ? спросила она послѣдняя.

— Да.

— Вернувшись сюда, онъ ничего не сказалъ?

— Нѣтъ, онъ только осѣдомился о своемъ здоровьѣ.

Орели прислушалась къ громкимъ голосамъ, раздававшимся въ нижнемъ этажѣ.

— Что тамъ происходитъ? спросила она.

— То происходитъ, отвѣчала Элиза, дрожа всѣмъ тѣломъ, — что уже послали за полицейскимъ комисаромъ. Всякую минуту могутъ сюда придти и надо принять мѣры. Куда ты спрятали Аристиду?

— Такъ ты ничего не поняла, сказала Орели: — капитанъ стрѣлялъ въ трупъ Аристиды.

— О! Господи! Что-же случилось? Ты звала на помощь! Ты кричала, что въ домѣ убійцы и всѣхъ перебудила.

— Мнѣ нечего отвѣчать. Умоляю тебя объ одномъ: молчи. Предоставь мнѣ все... Ты ничего не знаешь и ничего не видѣла.

— Такъ ты спустила Аристиду въ садъ, и въ него стрѣлялъ капитанъ, сказала со слезами на глазахъ Элиза. — О бѣдный, добрый другъ! Если-бъ я была смѣлѣе, я пошла-бы его поцѣловать!

Между тѣмъ Орели совершенно оправилась; она не слушала сестры, а устремивъ глаза въ пространство и нахмуривъ брови, погрузилась въ тяжелую думу. Молодая дѣвушка оплакивала умершаго друга, а Орели уже забыла о человѣкѣ, котораго любила и заботилась только о томъ, какъ-бы скрыть истинныя обстоятельства его смерти. Любовникъ погибъ, надо было во что-бы то ни стало спасти свою честь.

— Элиза, сказала она вдругъ сухимъ, почти повелительнымъ голосомъ, — я не знаю, что будетъ, но намъ угрожаетъ большая опасность. Что-бы я ни сказала, ты не будешь мнѣ перечить?

— О, нѣтъ.

Орели схватила ее и, обнявъ, продолжала вполголоса:

— Добрая, милая сестричка, мой мужъ не долженъ имѣть ни малѣйшаго подозрѣнія о случившемся. Ты, Элиза, свободна, тебѣ некому отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Ты не разсердишься на меня, если я скажу, что, можетъ быть, Аристидъ приходилъ сюда ночью на свиданіе съ тобою?

— На свиданіе со мною! воскликнула молодая дѣвушка, встѣхнувъ: — О!

— Элиза, спаси меня!.. Если мужъ что-нибудь узнаетъ... я погибла, онъ меня убьетъ или прогонитъ... А ты...

— Илерь меня и такъ ненавидитъ, сказала Элиза, рыдая.

— Такъ ты не хочешь спасти меня? сказала тономъ нѣжной мольбы Орели.

— Я сдѣлаю все, что ты хочешь! отвѣчала добрый ребенокъ, отирая слезы и прижимаясь къ сестрѣ.

— Ты поклянешься?

— Да, клянусь.

— И не отойдешь, что-бы я не сказала для спасенія себя?

— О, ты меня пугаешь!.. но я уже поклялась. Говори, что хочешь.

— Благодарю тебя, мой ангелъ, моя радость, воскликнула Орели, покрывая ее поцѣлуями;— благодарю тебя, моя дорогая сестричка.

Элиза снова заплакала и сквозь слезы еще разъ спросила съ наивностью ребенка:

— Но зачѣмъ-же ты кричала? Зачѣмъ всѣхъ подняла на ноги?

Орели пожала плечами и на ея лицѣ показались улыбка.

Эта улыбка обидѣла Элизу. Она ясно говорила: «ты ребенокъ и ничего не понимаешь».

Въ эту минуту отворилась дверь и въ комнату вошелъ капитанъ съ полицейскимъ комисаромъ. Кровь застыла въ жилахъ Орели, а у Элизы подкосились ноги и она схватилась рукою за кровать.

Тепаръ де-Марби былъ мраченъ. Его маленькіе кошачьи глаза блестѣли, густыя брови были насулены.

Увидавъ Элизу, онъ сказалъ грубо:

— Ступай, одѣнься. Какъ тебѣ не стыдно показываться раздѣтой.

Молодая дѣвушка ничего не отвѣчала. Она была очень рада удалиться и посѣлила въ свою комнату.

Капитанъ затворилъ за нею дверь и, обращаясь къ Орели, которая какъ-бы въ изнеможеніи лежала неподвижно на постели, произнесъ грознымъ тономъ:

— Вы извините, г. комисаръ, я скажу при васъ два слова женѣ. Г-жа Тепаръ де-Марби, вы узнали человѣка, приходившаго сюда сегодня ночью?

— Да, отвѣчала она просто:—это былъ Аристидъ де-Фаржъ.

— Ты это знала и ты отворила окно своей спальни...

Кулаки капитана сжались. Лицо его за минуту передъ тѣмъ багровое, вдругъ посинѣло. Онъ сдѣлалъ шагъ къ постели. Зубы его скрежетали.

— Послѣ любовника...

Испуганная Орели забилась въ самый отдаленный конецъ постели.

— Извините г. Тепаръ де-Марби, воскликнулъ полицейскій комисаръ, останавливая капитана посѣвшимъ знакомъ,—я долженъ допросить вашу жену... Можете-ли вы мнѣ рассказать, сударыня, какъ все произошло?

— Съ удовольствіемъ.

Капитанъ сгоралъ отъ нетерпѣнія и гнѣвно крутилъ усы, а жена его, успокоенная присутствіемъ полицейской власти, совершенно оправилась отъ смущенія.

— Вчера вечеромъ было ужасно жарко, начала она томнымъ голосомъ,—я, ложась спать, не совѣмъ закрыла окно. Среди ночи я вдругъ проснулась и мнѣ показалось, насколько можно видѣть въ темнотѣ, что окно было совѣмъ открыто. Боясь грозы, я вскочила и, подбѣжавъ къ окну, хотѣла закрыть его, какъ вдругъ передо мною показался мужчина и схватилъ меня обѣими руками. Я въ ужасѣ отскочила. Я была не одѣта и прикосновеніе его рукъ къ моему

тѣлу какъ-бы обожгло меня. Я хотѣла кричать, но голосъ измѣнилъ мнѣ. Я едва не упала въ обморокъ. Злодѣй стоялъ на подоконникѣ и хотѣлъ прыгнуть въ комнату. Я была въ его власти. При этой мысли всякій страхъ во мнѣ исчезъ и я бросилась на дерзкаго, крича во все горло: «Спасите! Убийца!» При этомъ я его такъ сильно толкнула, что онъ пошатнулся и упалъ въ садъ. Но прежде этого во время нашей минутной борьбы, я узнала его по голосу. Онъ говорилъ мнѣ шепотомъ: «Молчите! молчите! Это я!» Услыхавъ глухой шумъ отъ его паденія, и до сихъ поръ раздающійся въ моихъ ушахъ, я испугалась совершеннаго мною преступленія, хотя я и защищала свою честь. Я схватилась за окно и упала въ обморокъ, когда мужъ явился на мой крикъ. Что было потомъ, я не знаю.

— Васъ не ранилъ этотъ человѣкъ?

— Нѣтъ, я сама плечомъ разбила стекло въ оконной рамѣ и поранила себя осколками.

Комисаръ посмотрѣлъ пристально на молодую женщину и ея рассказъ показался ему вѣроятнымъ. Лицо-же капитана, по мѣрѣ того, какъ говорила Орели, быстро измѣнилось; глаза его нѣжно смотрѣли на жену, на губахъ появилась улыбка и онъ радостно перевелъ дыханіе. Всѣ его сомнѣнія разсѣялись. Г-жа Тепаръ де-Марби была по прежнему достойна его любви и если-бъ въ комнатѣ не было посторонняго, онъ заключилъ-бы ее въ свои объятія.

— Бѣдная моя красавица! только и могъ сказать онъ, облокочившись на спинку кровати.

Комисаръ записалъ показаніе Орели и затѣмъ спросилъ почтительнымъ тономъ:

— Но если этотъ господинъ былъ вхожъ въ вашъ домъ, то прежде, чѣмъ онъ рѣшился на такую отважную попытку, не высказывалъ-ли онъ вамъ, сударыня, своихъ чувствъ?

Брови капитана снова нахмурились. Но жена его отвѣчала съ улыбкой, спокойно:

— Нѣтъ. Если-бъ г. де-Фаржъ осмѣлился поднять глаза на меня или намекнуть на свои чувства ко мнѣ, я сказала-бы объ этомъ тотчасъ же мужу и просила-бы его отказать отъ дому такому пахалу.

Въ этихъ словахъ звучала правда и нельзя было ни на минуту усомниться въ искренности Орели. Комисаръ обнаружилъ знакомъ, что таково было его мнѣніе, а капитанъ снова просіялъ при этомъ доказательствѣ, какая суровая добродѣтель и строгая дисциплина царили въ его домѣ.

— Тѣмъ не менѣе это событіе непонятно, замѣтилъ комисаръ;—я рѣшительно не могу объяснить себѣ, какъ человѣкъ порядочный, разумный и хорошо воспитанный могъ рѣшиться на такую безумную попытку.

Орели обнаружила нѣкоторое волненіе, но видя, что полицейскій обратилъ на это вниманіе, она посѣбно сказала:

— Г. комисаръ, если вы мнѣ общаете, что случившаяся у насъ въ домѣ катастрофа останется по возможности въ тайнѣ, я вамъ скажу, какъ я объясняю поступокъ г. де-Фаржа.

— Я ничего общать не могу, отвѣчалъ полицейскій,—необходимо слѣдствіе по этому дѣлу.

При словѣ «слѣдствіе» морозъ пробѣжалъ по спинѣ Орели.

— Не бойся ничего, дитя мое, сказалъ рѣзко капитанъ;—у меня есть вліятельные друзья, г. комисаръ, какъ вы думаете, нельзя-ли добиться секретнаго дознанія?

— Можетъ быть, отвѣчалъ комисаръ.

Успокоенная этими словами Орели объяснила, что она не разъ замѣчала, какъ Аристидъ де-Фаржъ ухаживалъ за ея сестрою, часто шептался съ нею и, можетъ быть, Элиза назначала ему свиданія въ этой комнатѣ въ то время, когда

Орели спала впизу, чтобы быть при мужѣ, котораго мучали припадки африканской лихорадки.

— Какъ! этотъ уродъ! эта обезьяна осмѣлилась, началъ было капитанъ, вытѣсь отъ гнѣва, но комисаръ перебилъ его.

— Позвольте, ваша жена повидимому нашла совершенно вѣроятное объясненіе этой исторіи. Дайте ей продолжать.

— Дѣло произошло очень просто. Отворенное окно въ моей спальнѣ вѣроятно служило у нихъ сигналомъ. Я случайно открыла окно и онъ припалъ это за сигналъ.

— Ваше предположеніе логично, замѣтилъ полицейскій комисаръ.

— О, Боже мой! воскликнулъ вдругъ капитанъ,—ты совершенно права... Я и забылъ, что, выбѣжавъ изъ своей комнаты на твой крикъ, я увидалъ на лѣстницѣ ее уже въ юбкѣ, со свѣчею и очень испуганнымъ лицомъ. Погодите, чортъ возьми, мы сейчасъ все это выведемъ на чистую воду.

И, выбѣжавъ на лѣстницу, капитанъ крикнулъ повелительнымъ голосомъ:

— Элиза!

Черезъ минуту молодая дѣвушка появилась въ дверяхъ, блѣдная, съ заплаканными глазами и поникшей головой: она рѣшила, что наступила минута принести жертву, которую у нея требовала сестра.

Комисаръ пристально посмотрѣлъ на нее. Въ глазахъ Орели выражалась пламенная мольба. Капитанъ подошелъ къ бѣдной молодой дѣвушкѣ и сказалъ грозно:

— Аристидъ де-Фаржъ былъ твоимъ любовникомъ?

Элиза ничего не отвѣчала; она закрыла лицо руками, упала на колѣни и залилась слезами.

— Дрянъ! Сволочь! продолжалъ капитанъ,—она даже не защищается. Ты видишь, что надѣлала... проклятая...

Его прервалъ комисаръ, побуждаемый взглядомъ Орели.

— Г. Марби, сказалъ онъ,—отправитесь теперь ко мнѣ въ контору. Я подумаю, нельзя-ли удовлетворить какъ-нибудь вашему желанію о секретномъ слѣдствіи. Пойдемте.

Капитанъ послѣдовалъ за нимъ, но въ дверяхъ остановился и, грозя кулакомъ Элизѣ, воскликнулъ:

— Поблагодари г. комисара... безъ него я задалъ-бы тебѣ, сволочь... Подумаешь, за такую дрянъ я убилъ человѣка.

Какъ только мужчины удалились, Элиза воскликнула громко, всхлиывая:

— Боже мой! Боже мой! Лунше смерть!

Орели выскочила изъ постели, подняла съ пола молодую дѣвушку и, опустившись въ кресло, посадила ее себѣ на колѣни.

— О, милая сестричка, не плачь, говорила она, осыпая ее поцѣлуями,—тебѣ тяжело, но ты меня спасла.

— О! какъ я страдаю!

— Ты на меня сердилась, Элиза?

— Нѣтъ, но ты не знаешь, что я чувствовала, слыша его слова.

— Но вѣдь мы съ тобою никогда не обращаемъ вниманія на то, что онъ говоритъ. Мы уже привыкли къ его брани.

— О, я спокойно вынесла-бы его брань, но онъ всѣмъ расскажетъ, что Аристидъ былъ моимъ любовникомъ и что я причина его смерти.

— У тебя чистая совѣсть, а это дороже всего.

Слова сестры вызвали на лицѣ Элизы странную улыбку. Орели теперь стала распространяться о своей благодарности. Элиза была еще слишкомъ молода, чтобы думать о бракѣ, а когда придетъ ея время, она можетъ быть вполне убѣждена, что признательная сестра найдетъ способъ возстановить ей доброе имя, хотя-бы цѣною

ПАРИЖСКА ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

КАРТИНА Г-ЖИ КОХЪ.

Капризница.

Ръзано на дърво въ Парижъ.

КАРТИНА Ф. КОЛЛАРЦА. Праздникъ пѣвцовъ при дворѣ герцога Леопольда VI, въ Мѣдлингѣ.

Рѣзано на деревѣ въ Лейпцигѣ.

своей жизни. Но теперь онъ обѣ должны были думать только о томъ, какъ выйти изъ этого страшнаго положенія.

Но Элиза не слушала ее. Она думала о своемъ бѣдномъ другѣ Аристидѣ, который одинъ въ домѣ заступался за нее, когда капитанъ осмалъ ее бранью; онъ всегда говорилъ, что она будетъ красавицей, «рябой красавицей». Хотя молодая дѣвушка любила сестру, но самое нѣжное братское чувство она питала къ несчастному Аристиду. Она была еще ребенкомъ, когда сестра начала посылать съ нею письма къ нему, а съ теченіемъ времени; когда она стала понимать преступныя отношенія Орели къ этому молодому человѣку, то было уже поздно отказываться отъ роли наперстницы. Все это только еще болѣе сближало ее съ Аристидомъ и дни, когда онъ посѣщалъ ихъ домъ, были для нея настоящими праздниками.

Поэтому очень понятно, что теперь одна только мысль наполняла ее голову: смерть Аристиды. Изъ всего, что ей говорила сестра, она ничего не понимала. Она видѣла, однако, ясно, что Орели думала только о себѣ одной. Аристидъ былъ забытъ, она о немъ не плакала и не сожалѣла. Въ этомъ домѣ, гдѣ хозяйка его любила, а хозяинъ глубоко уважалъ, смерть уничтожила о немъ всякую память. Одинъ оскорблялъ его мертвый трупъ, а другая желала только, чтобъ о немъ болѣе не говорили. Одна она, бѣдная, маленькая Элиза, плакала и молилась о немъ, хотя, благодаря ему, надъ его головой стряслись грозныя несчастія.

— Что сдѣлаютъ съ Аристидомъ? спросила она вдругъ.

— Полицейскій комисаръ приказалъ унести его тѣло. Слава Богу, мы его болѣе не увидимъ.

— Слава Богу, повторила Элиза страннымъ тономъ.

— Да... и пожалуйста... милая Элиза, не говори мнѣ о немъ никогда... Мнѣ страшно вспоминать обо всемъ этомъ. Будемъ надѣяться, что все пройдетъ благополучно. А теперь, голубушка, помоги мнѣ поскорѣ одѣться. Мнѣ, вѣроятно, надо будетъ выѣхать.

— Да, послѣ такой сцены тебѣ лучше показаться, поразвлечься, отвѣчала молодая дѣвушка съ презрительной улыбкой.

Орели сѣла къ туалету, чтобы причесать свои волосы.

— У моего мужа есть пріятель въ префектурѣ, сказала она, — и я надѣюсь, все уладится безъ большого скандала.

— Я тебѣ болѣе не нужна? спросила Элиза.

Орели взглянула на нее и сказала съ удивленіемъ:

— Ты, кажется, озабочена болѣе меня.

— Да, я задыхаюсь... я хочу остаться одна.

— Иди, иди, моя милая Элиза.

Молодая дѣвушка удалилась, но на лѣстницѣ она встрѣтила капитана, только-что возвратившагося домой.

— Еще не все покончено, рябая, грубо воскликнулъ онъ; — мы еще поговоримъ съ тобою сегодня вечеромъ... Я тебя научу, какъ слѣдуетъ уважать домъ, гдѣ тебѣ дали убѣжище. Я положу конецъ твоимъ чудовищнымъ скандаламъ, сволочь!

Войдя въ свою комнату, Элиза заперла дверь и, упавъ на колѣни, дала просторъ своему горю и слезамъ.

— О, низкіе люди! шептала она. — Бѣдный Аристидъ, только твой маленький другъ тебя помнитъ.

Внизу подъ лѣстницей раздался голосъ капитана:

— Послѣ всего, что случилось, она не можетъ долѣе оставаться у насъ. Я лучше возьму

служанку. Ты отдай ее кому-нибудь въ ученіе и пусть ее убирается къ чорту.

Послѣ этого наружная дверь затворилась съ шумомъ. Элиза взглянула въ окно и увидѣла, что капитанъ сѣлъ съ женою въ дождавшій ихъ экипажъ и крикнулъ:

— Въ префектуру.

Элиза осталась одна въ домѣ. Закрывъ лицо руками, она глубоко задумалась. Что ей было дѣлать? Ея любовь къ Орели вдругъ улетучилась, при видѣ ея неблагодарности, эгоизма и особенно той странной легкости, съ которой она губила всю будущность сестры для своего собственнаго спасенія. Никогда Элиза не питала какого-бы то ни было чувства къ грубому капитану, постоянно осмывавшему ее оскорбленіями и упреками, хотя она своими услугами вполне зарабатывала себѣ кровъ и кусокъ хлѣба. Теперь ей не будетъ житья въ этомъ домѣ; Тенаръ де-Марби, убѣжденный въ ея преступной связи съ Аристидомъ, станетъ обходиться съ нею, какъ съ падшимъ созданіемъ. Одна мысль объ этомъ возмущала ее сердце. Гораздо лучше было-бы, еслибъ ее выгнали изъ дома, но эта угроза ей казалась не серьезной, потому-что Орели была обязана защищать ее. Гораздо болѣе пугало ее предстоявшее объясненіе съ капитаномъ; главное, она боялась, что не сумѣетъ поддержать сказку, сочиненную сестрою. Нѣтъ, подобная жизнь была невыносима и ей надо было во-что-бы то ни стало вырваться отсюда. Но какъ? Вотъ въ чемъ былъ вопросъ.

— Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать? спрашивала она себя съ отчаяніемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Гоголевскіе типы.

Въ № 10 нашего журнала помѣщены были Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ, почтенные земляки Гоголя, прославившіеся своей безсмертной «ссорой». Напомнимъ читателю ихъ нравственныя «физиономіи», обрисованныя въ повѣсти Гоголя:

«Славная бекеша у Ивана Ивановича! Отличнѣйшая! А какія смушки! Фу, ты пропасть, какія смушки! — сизыя съ морозомъ!.. Прекрасный человѣкъ Иванъ Ивановичъ! И какой богомольный: каждый воскресный день, надѣвши бекешу, идетъ въ церковь; вошедши въ нее, раскланивается на всѣ стороны, обыкновенно помѣщается на крылосѣ и очень хорошо подтягиваетъ басомъ.

«Иванъ Ивановичъ худощавъ и высокаго роста; онъ имѣетъ необыкновенный даръ говорить чрезвычайно пріятно. Господи, какъ онъ говоритъ! — никогда не скажетъ неприличнаго слова и тотчасъ обидится, если услышитъ его.

«Иванъ Никифоровичъ, напротивъ, больше молчитъ, но за то, если влѣпить слово, то держится только. Онъ немного ниже Ивана Ивановича, но за то распространяется больше въ толщину. Цѣлый день лежитъ на крыльцѣ и если день не слишкомъ жаркій, то выставитъ спину на солнце и никуда не хочетъ идти. Чрезвычайно любитъ купаться и когда сядетъ по горло въ воду, то очень любитъ пить чай въ такой прохладѣ. Какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Иванъ Никифоровичъ, очень не любятъ блохъ: оттого никакъ не пропустятъ жиды съ товарами, чтобы не купить у него элексира противъ этихъ насѣкомыхъ, выбравши его напередъ хорошенько за то, что онъ исповѣдуетъ еврейскую вѣру».

Къ рисункамъ.

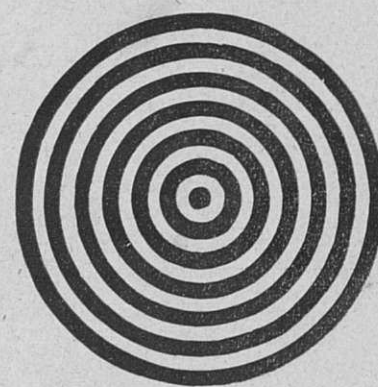
Передъ исповѣдью, Корзухина. — Г. Корзухинъ — одинъ изъ типичнѣйшихъ нашихъ жанристовъ. Безъ особеннаго преувеличенія можно сказать, что собраніе его жанровъ составитъ довольно объемистую и полную коллекцію типовъ городской и сельской жизни Россіи. Конечно, въ его картинахъ нѣтъ того, что называется стилемъ, но за то въ нихъ такъ много жизненной правды, что, смотря на нихъ, зритель несомнѣнно ощущаетъ удовольствіе, какое онъ ощущаетъ при видѣ чего-то очень ему знакомаго и не разъ имъ наблюдаемаго. Принято думать, что ежедневная жизнь въ ея реалистическомъ и претенціозномъ ея воспроизведеніи искусствомъ не можетъ возбудить поэтическаго чувства, которое счи-

тается чѣмъ-то исключительнымъ и какъ-бы достойнымъ особенной возвышенной сферы духа. Это, однакожъ, большое заблужденіе; жанръ, въ той-же, по крайней мѣрѣ, степени, какъ и историческая картина, можетъ быть выраженіемъ поэзіи, лишь-бы искусство, не отступая отъ реалистическаго выраженія жизни и дѣйствительности, обнаруживало существенный, синтетическій характеръ изображаемаго предмета. «Передъ исповѣдью» г. Корзухина отличается именно такимъ характеромъ. И въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на эту сцену, всмотритесь въ эти типы и вамъ непременно бросится въ глаза общій характеръ сцены, съ поразительной вѣрностью передающей дѣйствительность. Старая чиновница въ бѣломъ чепцѣ, ожидающая своей очереди, красивая дамочка, стоящая нѣсколько поодаль, другая чиновница, ставящая свѣчку передъ образомъ, мѣщанка въ какой-то пестрой шали, берушая отъ мальчика грошевую свѣчку. Этотъ самый мальчикъ, внутренности церкви и всѣ аксесуары, которые перечислять было-бы излишне, — все это не только превосходно передаетъ, такъ сказать, схваченную на лету дѣйствительность, но и передаетъ своеобразный характеръ сцены, то общее чувство, которое овладѣло публикой, ожидающей своей очереди отправиться за ширму на исповѣдь. За исключеніемъ дѣвочки, которая, очевидно, тревожно и съ беспокойствомъ ожидаетъ этого момента, и мальчиковъ, для которыхъ этотъ моментъ является развлеченіемъ, публика довольно равнодушна и исполняетъ какъ-бы извѣстную формальность, не приписывая ей никакого другаго значенія. Этотъ характеръ схваченъ г. Корзухинымъ очень мѣтко.

Надъ потокомъ. Предлагаемый нами пейзажъ профессора В. Д. Орловскаго принадлежитъ къ числу лучшихъ картинъ на нынѣшней академической выставкѣ. При описаніи выставки, мы подробно коснемся талантливыхъ работъ г. Орловскаго, которыя читатели найдутъ на страницахъ нашего журнала втеченіи нынѣшняго года.

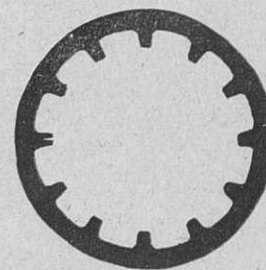
Смѣсь.

— Новый примѣръ оптической иллюзіи. — Профессоръ Томсонъ изъ Бристольа указалъ недавно на весьма оригинальный примѣръ оптической иллюзіи, сущность котораго можетъ быть передана въ нѣсколькихъ словахъ при помощи приложенныхъ здѣсь чертежей. Если сообщить этимъ рисункамъ вращательное движеніе въ площади бумаги, на которой они изображены, то при этомъ обнаруживается слѣдующее: всѣ концентрическіе круги, представленные на 1-ой фиг., кажутся движущимися вокругъ своей общей оси, независимо отъ вращательнаго

Фиг. 1.

движенія бумаги, но по одному направленію съ послѣдней. Совершенно обратное впечатлѣніе при тѣхъ же условіяхъ производитъ вторая фиг., изображающая черныи кругъ съ обращенными во

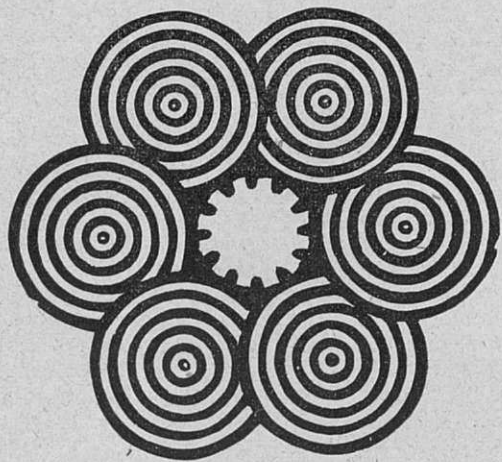

Фиг. 2.

внутрь зубцами: этотъ кругъ кажется вращающимся въ сторону противоположную той, въ которую движется бумага; если послѣдняя описываетъ кругъ справа налѣво — фигура вращается слѣва направо, причемъ здѣсь это кажущееся движеніе происходитъ гораздо медленнѣе, нежели въ слу-

чаѣ съ фиг. 1-й. Илюзія получается еще эффектнѣе, если оба предыдущіе чертежа совмѣщены въ одномъ сложномъ рисункѣ, какъ это изображено на 3-ей фиг., гдѣ нѣсколько концентрическихъ круговъ расположены группами вокругъ одного бѣлаго зубчатого круга.

Фиг. 3.

такого круга. Въ такомъ случаѣ, при указанномъ выше перемѣщеніи бумаги, кажется, что всѣ эти концентрические круги испытываютъ самостоятельное вращательное движеніе и притомъ каждая группа около своей оси; всѣ они вращаются въ одномъ направленіи съ бумагой, тогда какъ бѣлый зубчатый кругъ обнаруживаетъ при этомъ обратное движеніе. Такова сущность указаннаго Томсономъ примѣра оптической иллюзіи; до него никто не подмѣченнаго, но несомнѣнно принадлежащаго къ числу наиболѣе эффектныхъ случаевъ обмановъ чувствъ. Что же касается вопроса о происхожденіи данной иллюзіи, то на это бристольскій профессоръ не даетъ опредѣленнаго отвѣта; вопросъ остается открытымъ.

— **Новая книга** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Почтенный трудъ г. Хлюдинскаго озаглавленъ «Основы заводскаго искусства въ примѣненіи къ разведенію крупнаго рогатаго скота». Въ началѣ этого труда приводится перечень сочиненій обработанной авторомъ литературы. Затѣмъ въ первой части сочиненія авторъ подвергаетъ критическому обзору господствующія въ зоотехніи воззрѣнія о рациональномъ выборѣ племенныхъ животныхъ и предлагаетъ по этому же вопросу данныя, основывающіяся на болѣе или менѣе несомнѣнныхъ выводахъ современной науки. Во второй части сочиненія авторъ подвергаетъ критической оцѣнкѣ современныя доктрины о методахъ заводскаго искусства и излагаетъ свои личныя воззрѣнія и выводы относительно классификаціи и систематизаціи методовъ заводскаго искусства, являющіяся результатомъ вышеозначенной критической ихъ оцѣнки. И наконецъ въ третьей части сочиненія авторъ излагаетъ правила рациональной техники заводскаго искусства съ той полнотой, какая кажется ему необходимымъ для читателей, не имѣющихъ въ отечественной литературѣ труда, всесторонне исчерпывающаго этотъ послѣдній вопросъ.

— **Предстоящіе дебюты.** На третьей недѣлѣ великаго поста прибудетъ въ Петербургъ молодой талантливый артистъ г. Арбенінъ, съ успѣхомъ играющій въ провинціи. Онъ намѣренъ выступить на сценѣ александринскаго театра. Для него будутъ возобновлены: «На всякаго мудреца довольно простоты» и пяти-актная комедія г. Манна «Паутина». Въ послѣдней пьесѣ г. Арбенінъ исполнитъ комическую роль Ягодкина. Г-жа Николаева, пѣвица извѣстная петербургской публикѣ по участию во многихъ концертахъ, вскорѣ будетъ дебютировать на сценѣ маринскаго театра, гдѣ выступить въ оперѣ «Жизнь за царя» въ роли Антонины.

— **Сиромыный вопросъ.** Интересно-бы знать, почему не видать на сценѣ нѣкоторыхъ, безспорно талантливыхъ и добросовѣстныхъ артистокъ, напримѣръ, г-жи Читау 2-й, которая такъ еще недавно доставляла истинное удовольствіе публикѣ прекраснымъ исполненіемъ ролей въ драмахъ «Второй бракъ», «Злоба дня» и пр. Точно также очень рѣдко приходится видѣть на сценѣ г-жъ Васильеву и Стремлянову.

— **Сборъ на памятникъ.** На памятникъ знаменитой французской писательницы Жоржъ Сандъ французское министерство художествъ пожертвовало 6,000 франк. Пожертвованія частныхъ лицъ достигаютъ суммы въ 10,000 фр. Исполненіе памятника поручено знаменитому скульптору Миле.

— **Памятникъ Виланду.** Этотъ памятникъ, состоящій изъ мраморнаго бюста, будетъ выполненъ профессоромъ Дандорфомъ въ Штутгартѣ.

— **Монументъ капитану Куку.** Въ Гайдъ-Паркѣ (въ Лондонѣ) знаменитому мореплавателю капитану Куку сооруженъ роскошный монументъ, состоящій изъ круглой краснаго мрамора колонны, поставленной на четырехугольный яшмовый пьедесталъ, на которомъ по сторонамъ вырѣзано золотыми рельефными буквами: «Капитанъ Кукъ родился въ 1728 году». Колонна увѣнчана колоссальной бронзовой статуей, изображающей тотъ моментъ, когда Кукъ впервые ступилъ на невѣдомый берегъ открытой имъ земли; въ лѣвой рукѣ у него зрительная труба, а правая распростерта къ западу.

— **Классическое воспоминаніе.** Говорятъ, что на другой день послѣ похищенія сабинокъ, одинъ изъ сабинянъ горевалъ такъ сильно, что надобѣлъ сосѣду своими воплями и рыданіями. — «Не тебя одного обидѣли, у насъ тоже увели женъ, сказалъ ему въ видѣ утѣшенія пріятель, значить ты не несчастливъ насъ, чего-же ты такъ сокрушаешься?» — «Мое горе нельзя сравнить съ вашимъ, отвѣчалъ неутѣшенный супругъ, моя жена осталась дома, ее не могли похитить!» И съ этими словами онъ снова принялся рыдать.

— **Женщина, цѣлую жизнь слышавшая за мужчиною.** 14-го декабря прошлаго года, въ Парижѣ, хоронила женщину, жизнь которой представляетъ рядъ самыхъ необыкновенныхъ приключеній. Г-жа Фуко, владѣлица цѣлаго города и большихъ помѣстій, была внучка генерала первой имперіи и дочь полковника. Въ началѣ революціи 48 года, отецъ ея разорился и вскорѣ затѣмъ умеръ. Чтобы прокормить своихъ двухъ сестеръ, наша героиня переодѣлась въ мужское платье; благодаря чему ей удалось поступить корректоромъ въ типографію Дюпона; но два года спустя хитрость великодушной дѣвушки была открыта и ей было отозвано отъ мѣста. Тогда, не покидая мужского платья, она съ неутомимой энергіей стала изыскивать другіе способы добывать себѣ хлѣбъ — работала въ маленькихъ сатирическихъ журналахъ, пѣла въ кафе-шантанахъ, переписывала рукописи многихъ писателей, въ томъ числѣ А. Дюма и тому подобное. Наконецъ, послѣ долгаго времени, проведеннаго въ злѣйшей нуждѣ, ей удалось снова попасть въ одну изъ парижскихъ типографій и довольно долго удержаться на мѣстѣ. На отложенныя по грошамъ деньги, г-жа Фуко купила маленькій клочекъ земли, на которомъ построила домикъ, а затѣмъ пустилась въ предпріятія. Все, что она начинала, удавалось ей такимъ блестящимъ образомъ, что, лѣтъ 6 спустя, она заложила городъ, названный ея именемъ, а состояніе, оставшееся послѣ нея, простирается до двухъ миліоновъ франковъ.

— **Американская тетушка.** Прошло то время, когда комедіи и драмы оканчивались внезапнымъ появленіемъ миліонера дядюшки изъ Америки, благодаря которому добродѣтель торжествовала, пороки наказывались, а любящія сердца соединялись на вѣки, но довѣрчивые люди, вѣрящіе въ подобные чудеса, до сихъ поръ не перевелись и доказательствомъ тому служитъ дѣло Викторины Панье, слушавшееся недавно въ судѣ. Особа эта — старая дѣва, по профессіи прачка, искусно распустила слухъ о смерти родной своей тетки въ Вальпарайзо и о громадномъ наслѣдствѣ, которое должно было ей достаться вслѣдствіе этой смерти. Къ несчастію, до Вальпарайзо далеко и хлопотъ по этому дѣлу предстоитъ гибель. Надо подыскать хорошаго адвоката, заплатить ему часть издержекъ впередъ, на все это нужны деньги, много денегъ, а взять ихъ не откуда... Вотъ о чемъ толковали между собой братья Пютодъ, друзья наслѣдницы, въ присутствіи нѣкоего г. Дюмона. Дюмонъ предложилъ имъ свои услуги, конечно, за приличное вознагражденіе. Давно ужъ мечталъ онъ объ устроеніи завода въ Алжиріи, наконецъ-то представилась возможность осуществить эту мечту: стоило только помочь прачкѣ получить наслѣдство. Заручившись отъ будущей миліонерши письменнымъ обязательствомъ уплатить ему 600 тысячъ франк. при полученіи наслѣдства, Дюмонъ взялъ на себя всѣ расходы, не только на ея содержаніе, но также и ея двухъ пріятелей, и каждый мѣсяцъ безропотно выплачивалъ имъ ренту въ 350 фр. Кромѣ того, онъ выдавалъ имъ на дѣло разныя суммы, болѣе или менѣе крупныя, смотря по надобности. Платежи эти легковѣрный Дюмонъ производилъ до тѣхъ поръ, пока въ одинъ прекрасный день не открылось, что наслѣдство г-жи Панье только ловкая мистификація. Дюмонъ подалъ въ судъ искъ на прачку и на ея пріятелей, обвиняя ихъ въ мошенничествѣ. Изъ разбора дѣла оказалось, что братья Пютодъ сами были обмануты и заплатили за свое легковѣріе суммой въ 50 т. фр. А прачка? Ну, прачка, по всей вѣроятности уѣхала въ Вальпарайзо, потому что ее до сихъ поръ не могутъ найти и судъ заочно приговорилъ ее къ трехмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ.

— **Женщина — атаманъ разбойниковъ.** Окрестности города Катанзаро, въ южной Италіи, были недавно

опустошены и выжжены шайкой разбойниковъ, подвѣдомительствомъ двадцати-пятилѣтней женщины, по имени Марія Крочи. Видѣвшіе ее, въ восторгѣ отъ ея красоты и увѣряютъ, что ея чернымъ глазамъ нѣтъ никакой возможности сопротивляться. Она была замужемъ за бандитомъ, который палъ въ стычкѣ съ карабинерами. Марія Крочи поклялась отомстить за смерть мужа; клятву эту она произнесла надъ его тѣломъ, съ его ружьемъ въ рукахъ. Можно сказать, что Марія вездѣсуша, такое множество фермъ она уже сожгла, столько скота загнала и столько получила вынужденныхъ выкуповъ съ окрестныхъ жителей. До сихъ поръ всѣ усилія поимать ее остаются тщетны. Шайка ея, многочисленная и отважная, вездѣ знаетъ впередъ, съ которой стороны ждать нападенія; сами крестьяне предупреждаютъ разбойниковъ о предстоящихъ имъ опасностяхъ, такъ великъ страхъ, нагнанный на нихъ Маріей Крочи.

— **Женская дуэль.** Въ Калифорніи, близъ Сакраменто, разыгралась недавно кровавая, романтическая по обстановкѣ драма. Двѣ женщины: вдова — м-съ Фелеръ и молодая дѣвушка — миссъ Бартонъ дрались на дуэли; условія дуэли были чисто американскія: избравъ мѣстомъ дѣйствія роскошный лѣсъ, противницамъ предстояло выслѣживать, подстерегать другъ друга, пока которой-нибудь изъ нихъ не удастся послать роковой выстрѣлъ по назначенію.

Вотъ въ краткомъ очеркѣ поводъ и развязка случившагося. Въ Сакраменто поселяется пріѣзжій, молодой, интересной наружности, съверо-американскій джентльменъ, по имени Дэвидъ Маршъ. Цѣль у него была коммерческая; осмотрѣвшись, онъ открываетъ лавку бакалейныхъ товаровъ. Съ перваго же дня торговля пошла бойко. Качество-ли продуктовъ, обаяніе-ли ихъ владѣльца (замѣтимъ кстати — онъ былъ одинокъ), только мѣстныхъ хозяйки, въ особенности тѣ, которыхъ Гименей, скрывъ шипы, привлекалъ еще розами, удивительно стали заботливы: нѣтъ-нѣтъ, да и замѣтятъ отсутствіе чего-либо по хозяйству — надо сходить къ Маршу! Suum cuique: юный янки, памятуя родную пословицу: «time is money», предпочиталъ всему счету и оставался невозмутимъ. На долго-ли только?

Раннее утро. Въ лавку входитъ пикантная вдовушка м-съ Фелеръ. Сложны были покупки — не сложенъ былъ разговоръ:

— Вы не женаты?

— Холостъ.

— Не хорошо!

— Согласенъ; счастье трудно дается!

— Мы часто ищемъ его далеко, между тѣмъ оно возлѣ насъ!

— Въ настоящую минуту... я способенъ этому вѣрить!

Свидѣтелей не было. Гименей торжествовалъ. День свадьбы назначенъ. Женихъ послалъ невестѣ богатую свадебную корзинку; невеста отвѣчала милымъ, дышавшимъ страстью письмомъ. Время шло, желанный часъ приближался.

Сумерки. Покупатели рѣдки. Скрипнула дверь лавки... Маршъ даже отшатнулся — передъ нимъ стояла красавица: стройная, удивительно сложенная блондинка, съ греческимъ профилемъ, темными, какъ у газели, выразительными глазами, миссъ Джени Бартонъ производила ошеломляющее впечатлѣніе. Мгновеніе — и прошлое забыто! Сутки — Маршъ уже въ котеджѣ своего новаго идола, пылко объясняется въ любви, завоевываетъ взаимность, доказываетъ, убѣждаетъ родителей, наконецъ получаетъ согласіе на бракъ его съ ихъ дочерью и, въ чадѣ упоительнаго блаженства, не замѣчаетъ, какъ минуты, поглощая минуты, вырастаютъ въ 4 дня! Пора заглянуть домой; тамъ все оставалось на произволъ прищипки! Котеджъ, впрочемъ, не далеко отъ города, часъ быстрой ѣзды — Маршъ у себя. Дома первое, что попадаетъ на глаза — м-съ Фелеръ! Тяжелая сцена: она, съ помощью женскаго инстинкта, многое угадала; онъ, не оправдываясь, молчалъ — страсть такъ эгоистична! М-съ Фелеръ, вышла, сказавъ: «горе ей, если я ее открою!»

Приздумался было янки... предчувствіе чего-то недобраго шевельнулось въ груди, но обаятельный образъ миссъ Джени скоро разсѣялъ неосновательный, какъ казалось, страхъ. Недѣля промелькнула въ приготовленіяхъ, какъ мигъ, и вотъ нашъ влюбленный снова на дорогѣ къ котеджу. Неистово шпорить скакуна, не оборачиваясь летитъ впередъ; теперь, думается ему, ничто уже не разлучитъ меня съ моею милой. А стоило лишь повернуть голову — невдалекѣ, также неистово, поспѣшала за нимъ вдова Фелеръ.

Не успѣла семья радостно встрѣтить желаннаго гостя, одинъ поцѣлуй только еще сорванъ былъ съ губъ очаровательной Джени, какъ всѣхъ поразило неожиданное появленіе, среди беззвѣтнаго счастья

посторонней, мрачной, какъ тѣнь Немезиды, женской фигуры. У Марша невольно сорвалось восклицаніе: «Элиза Фелеръ!»

— Вы ее знаете? Кто эта женщина? Чего она хочетъ? въ недоумѣніи обратилась миссъ Бартонъ къ возлюбленному. Тотъ смотрѣлъ совершенно растерянно.

— Я не заставляю васъ ждать объясненія, глухо промолвила вдова. — Я обручилась съ этимъ... красавчикомъ. Теперь вижу, что онъ васъ предпочелъ. Къ сожалѣнію, немного поздно. Человѣкъ этотъ — мой и больше ничѣмъ не будетъ.

— Я понимаю, сочувствую вамъ даже, отвѣчала миссъ Джени, — но... правъ своихъ не уступлю. Маршъ любитъ меня, мы поклялись принадлежать другъ другу, ничто не въ состояніи этого измѣнить.

— Увидимъ!

— Я высказалась, а пока... извольте выйти!

— О, нѣтъ, я не уйду!

— Я вамъ приказываю.

— Не уйду... несчастная!

Сильное, энергическое движеніе раздраженной дѣвушки и м-съ Фелеръ у порога негостеприимнаго для нея дома.

— О, вы отвѣтите за это оскорбленіе, сдвоеннымъ отъ обѣщанья голосомъ, только и могла сказать вдова.

— Когда и гдѣ угодно, спокойно отвѣчала Джени.

Не прошло и часу, два секунданта-дамы являются къ миссъ Бартонъ съ вызовомъ отъ имени обиженной. Ни увѣщанія родителей, ни просьбы жениха — ничто не помогло. Непреклонная дѣвушка принимаетъ вызовъ, считаетъ себя обязанною драться. Роковая встрѣча назначена на слѣдующій день: въ 8 часовъ утра, обѣ противницы, вооружившись карабинами, придутъ къ сосѣднему лѣсу съ двухъ противоположныхъ точекъ; сигналомъ прибытія послужитъ выстрѣлъ съ каждой стороны. Затѣмъ онѣ войдутъ въ лѣсъ, начнется настоящая охота. Дальше — рѣшить уже случай, вѣрность глаза, твердость руки.

Ровно въ 8 часовъ слѣдующаго утра таинственный лѣсъ, почти одновременно, огласился двумя звонкими сигнальными выстрѣлами; вздрогнуло эхо, повторивъ ихъ, вздрогнули и сердца пассивныхъ участниковъ-секундантовъ этого мрачнаго поединка-охоты, оставшихся на опушкѣ поджидать кровавой развязки. Дождаться не долго пришлось. Раздался выстрѣлъ, но уже одинокій; донесся крикъ и замеръ. Всѣ бросились въ чащу: съ дымящимся еще карабиномъ, стояла миссъ Бартонъ, у ногъ ея, въ предсмертныхъ мукахъ, кончалась раненая на вылетъ въ грудь м-съ Фелеръ. Присутствующіе молча обнажили головы — помощь была бесполезна.

Вскорѣ отпраздновали свадьбу юной четы. Счастливы-ли они? Не встаетъ-ли порою межъ ними призракъ пылкой вдовы? А Господь ихъ знаетъ, читатель.

— Американскій балъ. Въ г. Вашингтонѣ по обыкновенію новый 1880 годъ встрѣчался баломъ, даваемымъ городскимъ головою, но на этотъ разъ съ слѣдующими измѣненіями. Обязанности хозяйина исполняла хозяйка, а хозяйки — хозяйинъ. Дамы и дѣвицы сами ангажировали мужчинъ на танцы и услуживали имъ, если мужчина ронялъ платокъ или просилъ воды; дамы и дѣвицы подносили мужчинамъ букеты, которые держали ихъ на оборотъ, т. е. цвѣтками внизъ; танцами дирижировали дамы и отводили своихъ кавалеровъ на ихъ мѣста. Дамы были одѣты въ глухіе до шеи лифы и короткіе тюники на подобіе сюртуковъ. Кавалеры въ совѣмъ открытыхъ жилетахъ съ глубоко вырѣзанными воротами рубашки, убранный кисейными буфами и разукрашенные цвѣтами; — рукава фраковъ были не суконные, какъ обыкновенно, а батистовые, также съ буфами; мужчины имѣли вѣера въ рукахъ. Этотъ оригинальный балъ прошелъ чрезвычайно весело; все общество было очень оживлено.

— Венера Милоская. Знаменитая греческая статуя Венеры, найденная на островѣ Милосѣ, въ настоящее время помѣщена въ луврскій музей. Исторія этой единственной въ мірѣ статуи слѣдующая. Въ 1820 году она была найдена въ развалинахъ древнѣйшаго элинскаго храма и доставлена на французское судно, стоящее къ то время на рейдѣ, капитанъ котораго и объявилъ ее собственностью своего правительства; между тѣмъ слухъ о находкѣ дошелъ до свѣденія губерниатора острова, турецкаго паши Ахмеда, который тотчасъ-же арестовалъ ее и доставилъ на турецкомъ бригѣ въ Константинополь; завязалась дипломатическая переписка, послѣдствіемъ которой и была аукціонная продажа; въ день торга ее купилъ бывший въ то время король французскій Людовикъ XVIII чрезъ своего посла маркиза де-Ривьера и она до настоящаго времени храни-

лась во дворцѣ, какъ личная собственность французскихъ королей и была почти неизвѣстна публикѣ.

— Англійская художественная выставка. Въ г. Бирмингтонѣ образовался артистическій кружокъ съ цѣлю ознакомленія съ произведеніями древнѣйшихъ мастеровъ фламандской школы, для чего и устраивается выставка, а такъ какъ произведенія фламандскихъ мастеровъ весьма распространены во всѣхъ государствахъ Европы и Америки, то кружокъ изготовляетъ особыя возванія, — такъ что выставка обѣщаетъ быть чрезвычайно интересною.

Шахматный отдѣлъ.

ПАРТІЯ № 8.

Сицилианская партія.

Играна въ іюлѣ 1879 г. въ Нью-Йоркѣ.

Грэнди.

Бѣлые

1. e2—e4
2. K g1—f3
3. d2—d4
4. K f3 : d4
5. K d4—f5 d
6. K b1—c3
7. e4 : f5
8. C f1—c4 e
9. g2—g4
10. h2—h4
11. g4—g5
12. g5 : h6

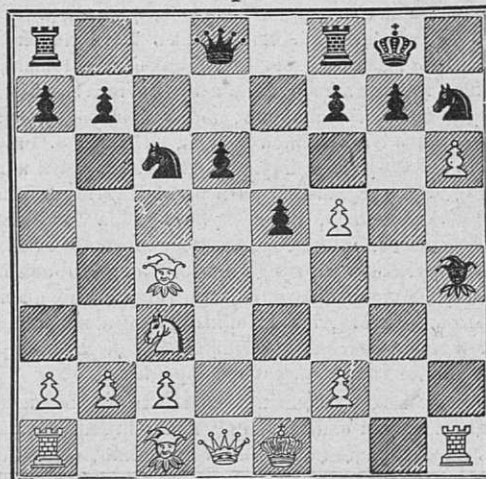
Ричардсонъ.

Черные

1. c7—c5 a
2. K b8—c6 b
3. c5 : d4
4. e7—e5 c
5. d7—d6
6. C c8 : f5
7. K g8—f6
8. C f8—e7
9. h6—h7
10. 0—0 f
11. K f6—h7 g
12. C e7 : h4

Положеніе партіи послѣ 12 хода черныхъ.

Черные.

Бѣлые.

13. Ф d1—g4 h
14. Ф g4—g6!
15. K c3 : d5!
16. h6 : g7
13. C h4—f6
14. d6—d5 i
15. K c6—d4 k
16. f7 : g6

Бѣлые объявляютъ матъ въ 3 хода.

17. K d5—e7 ††
18. C e1—h6 †
19. K e7—g6 X
17. Kp g8 : g7
18. Kp g7—h8

Примѣчанія къ партіи.

a) Этому началу присвоено названіе дебюта; оно такъ-же хорошо, какъ и e7—e5.

b) Здѣсь лучше играть 2... e7—e6.

c) Не хорошій ходъ. Вообще въ этомъ дебютѣ не слѣдуетъ двигать королевскую пѣшку на два шага, такъ какъ очень часто въ концѣ партіи пѣшка d не можетъ быть достаточно защищена; а слонъ бѣлыхъ можетъ занять болѣе атакующее положеніе на e4, чѣмъ на другомъ полѣ.

d) Это не лучший ходъ въ виду отвѣта d7—d5!; бѣлые не получали-бы никакой выгоды въ своемъ положеніи: 6. e4 : d5, C c8 : f5; 7. d5 : c6, Ф d8 : d1† и 8... b7 : c6. Если-же бѣлые не берутъ пѣшки d5, а играютъ, напр., 7. K f5—g3 (или иначе), то черные, взявъ пѣшку e4, развертываютъ свою игру одинаково хорошо.

e) Бѣлые предупреждаютъ ходъ d6—d5; игра черныхъ стѣснена.

f) Опасно рокировать когда пѣшки бѣлыхъ на королевскомъ флангѣ такъ сильны и могутъ разстроить позицію рокировки.

g) Если 11... h6 : g5, то 12. h4 : g5, K f6—∞; 13. Ф d1—h5.

h) Рѣшительный ходъ; конецъ партіи очень красивъ.

i) Чернымъ не спасти партію; бѣлые грозятъ h6 : g7.

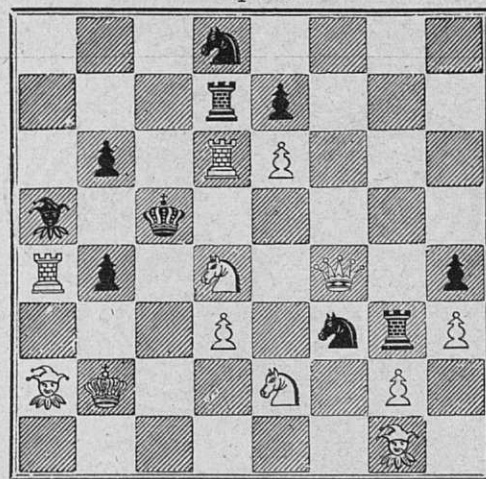
k) Если черные берутъ ферзя, то имъ матъ въ 2 хода.

ЗАДАЧА

№ 18.

Ламуру (во Франціи.)

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачи № 13 (въ № 6)

1. K h2—g4
2. C h5—g6 X
1. Kp e4 : d3
2. K g4—f2 X
1. c4 : d3
2. K g4—f6 X

Правильно рѣшили: К. Сердешневъ, А. Курчинъ, Полков. Д. В. Гориневскій, А. Лундышевъ, К. Буевскій, А. Корсбергъ, А. Сафоновъ, Н. Нико, Н. Даржанъ, В. Бинштокъ, П. Ланевскій, Э. Пертель, М. Кроль, Н. Розовскій, Г. Г.—къ, К. Львовскій, Л. Шабельскій, В. Коробановъ.

ОТВѢТЫ.

А. Кедрику (Петербургъ). Существуетъ особая теорія шахм. задачъ; неопытнымъ композиторамъ необходимо ознакомиться хотя съ главными и существенными условіями, которыя требуются отъ задачи. Въ вашей задачѣ матъ на второмъ ходѣ, а вы дѣлаете его на 3-мъ.

А. Курчину (Спб.). Задача не будетъ напечатана. Шахъ съ перваго-же хода, а тѣмъ болѣе еще въ двухъ-ходовой задачѣ, не допускается.

Велентію Г. (Спб.). Для составителя шахм. задачъ вознагражденіе уже то, что задача его появится въ свѣтъ.

В. Коробанову (Москва). Задачи рѣшены вѣрно. Нѣтъ надобности въ рѣшеніи двухъ-ходовой задачи указывать всѣ варианты; достаточно указать первый ходъ, а какъ дѣлается затѣмъ матъ должно быть ясно для каждого.

П. Ланевскому (Моршанскъ). Объявленіе объ изданіи «Шахматнаго Листка» вы могли найти не разъ въ нашемъ журналѣ (см. № 1, напр.).

Т. Матвѣеву (Лени-Базаръ, въ Болгаріи). Первая задача не удовлетворяетъ требованіямъ задачнаго искусства, а вторая не рѣшается въ три хода.

Г. Гельбакъ (Житомиръ, Бол. Бердичевская ул., д. Рихтера) предлагаетъ кому-либо сыграть съ нимъ по перепискѣ двѣ партіи.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 10-й «Живописнаго Обозрѣнія» сдать на городскую почту 4 марта въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на пѣгородскую почту 5 марта въ 6 часовъ 30 минутъ утра.

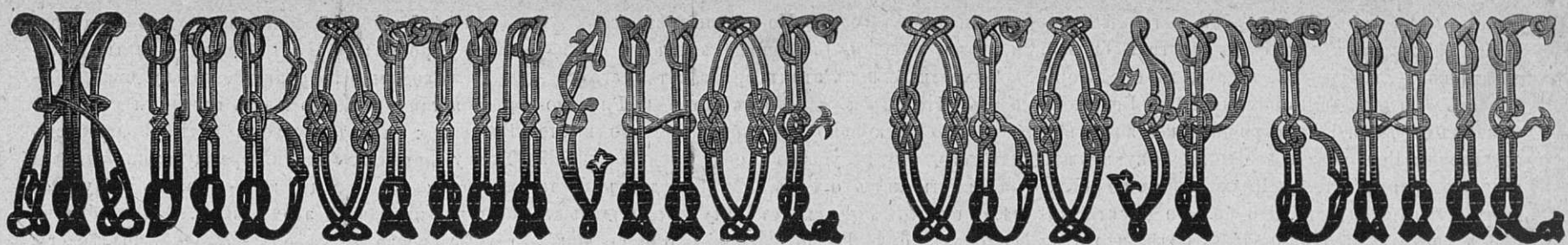
СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: Стих. Н. Гріднева. — Сила Ерофеичъ, разск. Д. Н. Полянскаго. — Стих. Дм. Ушакова. — Русскія суетѣрія, очерки С. С. Шапкова. — Стих. С.-аго. — Волкъ, ром. Эрмана-Шатріана. — Московскіе театры, (ст. М.). — Рыбая красавица, ром. А. Бувые. — Гоголевскіе типы. — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Шахматы.

Рисунки: Надъ потокомъ, кар. проф. В. Д. Орловскаго. — Травля, рисун. Петра Соколова. — Іаковъ у Лабана, кар. Анри Леролля. — Передъ исповѣдью, кар. Корзухина. — Капризница, кар. г-жи Кохъ. — Праздникъ пѣвцовъ при дворѣ герцога Леопольда, VI. въ Медингѣ, кар. Ф. Колларца.

Редакторъ-издатель Н. И. Шульгинъ.

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 12.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цѣна отдѣльныхъ №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

15 Марта 1880 года.

На берегу рѣки.

Стихъ А. В. Круглова.

Охотникъ.

«Слушай, братецъ: неужели
«Ты пойдешь по рѣкѣ
«Въ эту бурю на убогомъ,
«Полусгнившемъ челнокѣ?
«Пронадешь: смотри, какъ сильно
«Буря мечется—реветъ;
«Валъ сердитый непремѣнно
«Твой челнокъ перевернетъ!»..

Рыбакъ.

— Много разъ я слышалъ эти
Боязливыя слова...
Полно, будетъ! Развѣ бѣжу
Только годъ я или два?
«Буря... буря!» Что-жъ такое?
Это страшно только вамъ,—
Я привыкъ со дня рожденія
Къ этимъ яростнымъ волнамъ.
Помогать отцу на ловлѣ
Отправлялась часто мать,
По неволѣ приходилось
И меня съ собою брать.
Забывается ребенокъ,
Пѣсню слушая родной,
Безмятежно засыпалъ я,
Убаюканный волной.
А потомъ, когда подвыростъ,
Я почти по цѣлымъ днямъ
Въ челнокѣ своемъ носился
По пѣнящимся волнамъ.
Любо было мнѣ качаться,
Словно въ зыбкѣ, въ челнокѣ,
Отдыхать, какъ будто дома,
Притаившись въ тростникѣ!
Вотъ когда еще привыкъ я
Выходить безъ страха въ бой
Съ вѣтромъ, бѣшенно-ревущимъ,
И съ опасною волной!
И не счесть ужъ, сколько разъ мнѣ
Приходилось по рѣкѣ
Не въ такія бури бѣдить
И на худшемъ челнокѣ!
Эка важность, эка диво:
Распустивши паруса
Плыть, когда рѣка спокойна,
Ясны, чисты небеса!
Тотъ не воинъ, кто боится,
Словно женщина, войны,
Тотъ плохой рыбакъ, который
Испугается волны,
Въ бурю спрячется на печку
И поѣдетъ лишь тогда,
Какъ опять прозрачна станетъ,
Будто зеркало, вода!

А. Н. Островскій.

Критическій этюдъ В. А. Пинчука.

I.

«Читалъ-ли ты комедію, или лучше трагедію Островскаго: Свои люди сочтемся, и которой настоящее названіе Банкрутъ. Пора было вывести на свѣжую воду самый развращенный духомъ классъ людей. Если это не минутная вспышка, не грибокъ, выдавившійся самъ собою изъ земли, просоченной всякою гнилью, — то этотъ человекъ есть талантъ огромный. Я считаю на Руси три трагедіи: Недоросль, Горе отъ ума, Ревизоръ; на Банкрутъ я поставилъ нумеръ 4-й». Такъ писалъ князь Одоевскій своему другу-помѣщику 20 августа 1850 года. Съ тѣхъ поръ прошло уже около тридцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ уже много написано А. Н. Островскимъ новаго, а на «Банкрутъ» все стоитъ «нумеръ 4-й». Пятаго лѣтъ. Перенести четвертый на какую-нибудь другую комедію невозможно, потому что это было бы несправедливо. Болѣе сильной комедіи г. Островскій не писалъ. Могутъ говорить, что въ послѣдующихъ его произведеніяхъ болѣе симпатичности, что въ нихъ не всѣ дѣйствующія лица антипатичны, что напротивъ въ другихъ произведеніяхъ онъ показалъ намъ много хорошихъ сторонъ русскаго человека—всѣ эти прекрасныя фразы все-таки не говорятъ ни за, ни противъ того мнѣнія, что комедія «Банкрутъ»—«Свои люди сочтемся»—лучшее произведеніе А. Н. Островскаго.

Эта комедія, по моему мнѣнію, стоитъ совершенно отдѣльно среди всего остального, написаннаго г. Островскимъ, что ниже я и постараюсь доказать, но прежде всего считаю не лишнимъ указать прямо на тѣ причины, по которымъ князь Одоевскій, не задумываясь, поставилъ на «Банкрутъ» № 4, не смотря на то, что пьеса принадлежала совершенно неизвѣстному въ то время перу, а также сообщить читателямъ въ короткихъ словахъ біографію уважаемаго драматурга. А. Н. Островскій родился въ Москвѣ 31 марта 1823 года. Отецъ его, Н. Ф. Островскій, дворянинъ, служилъ въ гражданскомъ судѣ, а впослѣдствіи былъ ходатаемъ по дѣламъ при московскомъ коммерческомъ судѣ. Люди они были очень небогатые. Кромѣ небольшихъ отцовскихъ заработковъ, да небольшого домишка на Замоскворѣчьи у нихъ ничего не было. Одно время довольно большая семья Николая Федоровича находилась даже въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Только второй бракъ его съ баронессою Т... нѣсколько поправилъ ихъ состояніе. Воспитывался Александръ Николаевичъ въ гимназій, учился не особенно прилежно, однако по окончаніи поступилъ въ университетъ, котораго не кончилъ вслѣдствіе какихъ-то непріятностей съ профессоромъ К. Послѣ выхода изъ университета молодой Островскій поступилъ на службу въ коммерскій

судъ и вотъ тутъ подъ влияніемъ столкновенья съ коммерческимъ людомъ Москвы и была задумана комедія «Свои люди сочтемся». Хотя и раньше этого Александръ Николаевичъ былъ знакомъ съ этимъ людомъ и плодомъ этого знакомства явился «Замоскворѣцкіе очерки», появившіеся въ печати въ 1847 году, особеннаго вниманія, впрочемъ, на себя не обратившіе. За то черезъ три года «Банкрутъ» падѣлалъ много шуму.

«Банкрутъ» обратилъ на себя вниманіе: оригинальностью сюжета для того времени, языкомъ, а главное талантивою наблюдательностью автора. Многие говорили, что комедія утрирована, что лица, въ ней выведенныя, не могутъ быть такими въ дѣйствительности, какими они являются у автора. Такъ говорили по разнымъ причинамъ, а главнымъ образомъ потому, что говорящіе это мало были знакомы съ той средой, изъ которой были взяты эти лица. Одной изъ причинъ, послужившей къ такимъ толкамъ, былъ языкъ. Въ языкѣ дѣйствительно замѣтна нѣкоторая склонность даже къ шаржу. Но такихъ особенно сильно бросающихся въ глаза нескверкаппыхъ словъ крайне немного: «капидонъ» вмѣсто «купидонъ»; «анекитъ» вмѣсто «анетитъ»; «Псовичъ» вмѣсто «Пеончъ» и проч.

«Свои люди сочтемся»—это сатира. Здѣсь нѣтъ ни одного симпатичнаго лица, которое особенно овладѣло бы читателемъ. Здѣсь только одна личность возбуждаетъ нѣкоторую жалость, вызываетъ невольное сожалѣніе—мать Липочки, жена Большова. Всѣ остальные лица носятъ на себѣ отпечатокъ подлости, связанной съ крайней глупостью. Въ другихъ комедіяхъ и драмахъ г. Островскаго мы находимъ дѣйствительно болѣе симпатичныхъ людей, но за то ихъ симпатичныя стороны не такъ рельефно, не такъ поразительно обрисованы, они со сцены дѣйствуютъ на наши нервы, но за то даютъ мало пищи уму. Тутъ-же въ комедіи «Свои люди сочтемся» мы видимъ крайнюю глупость описываемой среды, глупость, соединенную съ какой-то притупленностью человѣческихъ чувствъ. У этихъ людей хватаетъ ума только на воровство да на обманъ, дальше этого они не идутъ. Чтобы яснѣе показать это, я въ короткихъ словахъ передамъ содержаніе комедіи, а потомъ перейду къ разбору каждой личности отдѣльно.

Купецъ Большовъ выдалъ много разныхъ векселей. Онъ могъ бы по нимъ заплатить сполна, но ему жаль отдать эти деньги. Онъ объявляетъ себя банкротомъ, предварительно передавъ подъ фиктивную закладную, по совѣту страпача Ресположенскаго, свой домъ и лавки главному прикащику Подхалюзину. Большовъ прекрасно знаетъ, что Подхалюзинъ подлецъ большой руки и воръ, и изъ боязни, чтобы Подхалюзинъ его не надулъ, а отчасти и потому, что Подхалюзинъ самъ умѣлъ ловко подѣлаться къ Большову, послѣдній выдаетъ за него замужъ свою дочь. Под-

халюзинъ, поймавъ въ свои руки состояніе Большова, не хочетъ кредиторамъ платить больше десяти копѣекъ за рубль, тогда какъ кредиторы просятъ всего двадцать пять копѣекъ. Большова сажаютъ въ «яму». Не смотря ни на какія просьбы со стороны Большова и его жены выкупить изъ ямы опозореннаго тестя, Подхалюзинъ не соглашается. Онъ заявляетъ, что больше десяти копѣекъ платить не стоитъ, тѣмъ болѣе, что и не за что, не бѣда вѣдь, что вмѣсто одного срока тесть просидитъ вдвое или втрое большій срокъ: вѣкъ не будутъ держать — выпустить.

Липочка, жена Подхалюзина, дочь Большова, поддерживаетъ въ этомъ намѣреніи мужа, потому что онъ ей обѣщалъ доставить всевозможныя удовольствія, которыхъ она не имѣла дома. Конечъ, однако, тотъ, что является въ домъ Подхалюзина неподкупной честности квартальный, чтобы «представить его къ слѣдственному приставу», при чемъ Рисположенскій, которому не доплатилъ Подхалюзинъ за улаженіе подлыхъ дѣлъ, пророчитъ ему Сибирь.

Конечъ комедіи какой-то банальный, въ первой редакціи онъ былъ иной. Это вдругъ съ неба свалившееся наказаніе порока положительно портитъ пьесу, хотя нельзя сказать, чтобы и въ первой редакціи конечъ былъ хорошъ. Въ первой редакціи пьеса кончалась обращеніемъ Подхалюзина къ публикѣ, которую онъ заываетъ къ себѣ въ лавки посмотреть, какъ онъ торгуетъ. Это былъ водевильный шаржъ, но по тогдашнему времени шаржъ простительный.

Начнемъ съ Большова. Что это за человѣкъ? Во-первыхъ плутъ и дуракъ, во-вторыхъ самодуръ. Что онъ плутъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Вся комедія построена на плутовствѣ, которымъ только ловко воспользовался Подхалюзинъ. Вопросъ въ томъ, что заставило его плутовать. Крайность? О ней и рѣчи быть не можетъ. Нѣтъ, ему просто жаль выпустить изъ своего кармана солидный кушъ. Онъ говоритъ: «Вотъ теперь приходится много денегъ платить! И не то чтобы у меня ихъ не было; а признаться тебѣ сказать, не хочется. Пожалуй, расплатиться можно, да себѣ-то, глядишь, ничего и не останется. (Это онъ говоритъ Рисположенскому, ну, и вретъ, конечно. Нельзя-же вѣдь «всякой твари всю правду говорить»). Вотъ какъ теперь деньги-то всѣ въ рукахъ, такъ отдавать-то и жалко... Какъ вспомню, что отдавать надобно, такъ вотъ за сердце и схватитъ, — индо нездоровъ сдѣлался». Онъ говоритъ все это и волнуется, да ему дѣйствительно жалко этихъ денегъ. Ему ихъ не такъ жалко, какъ скупцу, который боится истратить грошъ на себя и умираетъ съ голоду. Нѣтъ, ему досадно, что вотъ эти деньги въ его рукахъ, а должны перейти въ другія руки, тогда какъ онъ съ этими деньгами можетъ и оборотъ сдѣлать, какой ему захочется, и можетъ, пожалуй, при случаѣ выкинуть такой дебошъ, о которомъ вся бы Москва заговорила... А главнымъ образомъ кругомъ него его-же благопріятель чуть не каждый день продѣлываютъ тоже самое и ничего, имъ сходить все съ рукъ благополучно. На замѣчаніе Рисположенскаго, что другіе дѣлаютъ, Большовъ говоритъ: «Какъ не дѣлать, братъ, и другіе дѣлаютъ. Да еще какъ дѣлаютъ-то; безъ стыда, безъ совѣсти! На лежачихъ ресорахъ ѣздятъ, въ трехэтажныхъ домахъ живутъ; другой такой бельведеръ съ колонами выведетъ, что ему съ своей образиной и войди-то туда совѣстно; а тамъ и капутъ и взять съ него нечего. Коляски эти разѣдутся неизвѣстно куда, дома всѣ заложены, останется-ль, нѣтъ-ли кредиторамъ-то старыхъ сапоговъ пары три. Вотъ это-то меня больше и смущаетъ». Эта зависть не даетъ ему покоя. Онъ знаетъ прекрасно, какъ все это дѣло обставить можно. Тысячи примѣровъ видѣлъ. Ужъ у него созрѣлъ

весь планъ въ головѣ. Но онъ не довѣряетъ себѣ и ищетъ помощи, спрашиваетъ совѣта у Рисположенскаго и въ этомъ проявляется его глупость. Что онъ и самъ безъ помощи Рисположенскаго прекрасно все обдумалъ, это видно изъ того, что не успѣвъ ему Рисположенскій намекнуть лишь о томъ, какъ слѣдуетъ вести дѣло, онъ самъ развиваетъ эту мысль дальше. Говоритъ ему Рисположенскій о приказниѣ; Большовъ прямо называетъ Лазаря Подхалюзина (мѣтко выбрано имя). Большовъ знаетъ, кто таковъ Лазарь, насквозь его видитъ и все-таки довѣряется ему. Въ этомъ снова сказывается глупость Большова. Онъ разсчитываетъ на родственныя узы, которыми связываетъ Подхалюзина, женивъ его на своей дочери. Плохой расчетъ, онъ по себѣ долженъ былъ судить, на сколько у того могутъ проявиться родственныя чувства. Правда, впрочемъ, что не одна глупость заставляетъ его поступить такимъ образомъ: онъ еще полагаетъ, что Подхалюзинъ долженъ питать къ нему чувство благодарности. Это черта общечеловѣческая — разсчитывать на то, что человѣкъ, которому мы оказали услугу, непременно долженъ намъ отплатить тѣмъ-же. Да опять вѣдь Большовъ плохо разсчиталъ: онъ оказалъ Подхалюзину большую услугу — приютилъ его сироту, но вѣдь и сколько же тумановъ и подзатыльниковъ перенесъ Подхалюзинъ отъ этой пріютившей его руки. Большовъ колотушками выгналъ всякое воспоминаніе изъ головы Лазаря о благодарности... Лазарю въ концѣ-то концовъ тоже стало жаль отдать такъ много денегъ въ чужія руки, въ немъ просто оказалась натура своего воспитателя и вотъ почему, по крайней мѣрѣ, во мнѣ лично, Большовъ возбуждаетъ большее отвращеніе, чѣмъ Подхалюзинъ, не смотря на проступокъ послѣдняго съ нѣкогда пріютившимъ его, сироту, благодѣтелемъ.

Большовъ самодуръ, сказалъ я выше. Это видно изъ отношеній къ нему семьи. Семья боится его, особенно въ пьяномъ видѣ. Почудилось Фоминишнѣ, ключницѣ Большова, что хозяйнѣ возвращается домой въ хмѣльномъ видѣ, и она весь домъ на ноги подняла, всѣ, начиная съ Подхалюзина и кончая Тишкой, мальчикомъ, переполошились; всѣ боятся его. Да и не только хмѣльного, — и трезваго боятся: никто не смѣетъ ему возражать, онъ всему въ домѣ голова. Жена, и дочь, и ключница считаютъ за проявленіе самодурства и выдачу замужъ Липочки за Подхалюзина. Но, не зная всѣхъ замысловъ своего хозяина, главы дома, они, конечно, ошиблись: Фоминишна та даже крестную силу призываетъ, «семей десятокъ, говорить, живу, а такой скверности не видала». Она вмѣстѣ съ Аграфеной Кондратьевной до послѣдней минуты считаютъ этотъ проступокъ глупостью со стороны Большова (въ сущности, оно такъ и было) тѣмъ болѣе, что тотъ въ сердцахъ, желая показать дочери силу своей власти, говоритъ: «Велию, такъ и за дворника выйдешь». Подхалюзинъ — порожденіе Большова — это хорошій молодой отпрыскъ отъ добраго стараго дерева. Но у этого порожденія нѣсколько другія наклонности, чѣмъ у родителя. Онъ непрочъ щегольнуть женой. Положимъ, Липочка не Богъ знаетъ какъ умна, даже можно сказать совсѣмъ дура, но она недурна собой и какъ не говорить, да говорить по-французски, пляшетъ хоть скверно, но за то училась у танцмейстера, который и «за колѣнки хваталъ». Да и для Подхалюзина, что дурно, что хорошо — все равно; онъ знаетъ одно, что Липочка чему-то училась и какъ будто не похожа на свою матушку Аграфену Кондратьевну, хотя опять, въ сущности, говоря, дочь отъ матери не далеко ушла. Желая щегольнуть женой, Подхалюзинъ не забываетъ позаботиться о

своей физиономіи: женившись, онъ подстригаетъ бороду, надѣваетъ нѣмецкое платье и хочетъ походить на француза, польку даже собирается тапцовать. Но и онъ глупъ, глупѣе даже Большова: онъ въ трезвомъ видѣ спрашиваетъ Тишку, похожъ-ли онъ на француза; ни бельмеса не смысля по-французски — проситъ жену сказать что-нибудь на этомъ языкѣ. Однако, будучи глупѣе своего тестя, онъ, пожалуй, подлѣе его: онъ надуваетъ Рисположенскаго, отвиливаетъ отъ салона, обѣщаннаго Устиньѣ Наумовнѣ (свахѣ), словомъ, безцеремоннымъ образомъ старается надуть окружающихъ даже въ пустякахъ. Большовъ тотъ себѣ этого не позволитъ: онъ только пошутитъ надъ человѣкомъ, стоящимъ ниже его и зависящимъ отъ него въ матеріальномъ отношеніи, но не надуетъ. Подхалюзинъ же надуетъ кого угодно и въ этомъ дѣлѣ далеко перешагивая Большова.

На Рисположенскомъ и Устиньѣ Наумовнѣ лежитъ тотъ-же отпечатокъ глупости и подлости. Что они глупы, это видно изъ каждой ихъ фразы, каждаго слова. И тотъ, и другой готовы служить двумъ противникамъ, взять и съ того, и съ другого деньги и сдѣлать въ пользу того, кто больше обѣщаль, именно обѣщаль, а не далъ: они довѣряютъ по глупости, но довѣряютъ только человѣку, стоящему выше ихъ по матеріальному положенію. Съ равными они обходятся иначе, они готовы изъ за копѣйки опозорить равнаго себѣ человѣка и изъ за рубля пресмыкаться передъ Большовымъ или Подхалюзиннымъ. Еще Рисположенскій впускаетъ какую-то жалость, самаго сомнительнаго свойства. У него есть семья. И на, пее онъ часто указываетъ, говоря, что она голодастъ. Но это безпрестанная ссылка на голодающую семью и его вѣчно пьяная физиономія внушаютъ мало довѣрія и вотъ почему къ Рисположенскому является жалость только самаго сомнительнаго свойства.

Аграфена Кондратьевна среди всей этой гнилой трясины небольшая кочка, на которую можете стать одной ногой на самое короткое время, не рискуя запачкать своего сапога. Но стоитъ вамъ зазѣваться и кочка опустится подъ вами и грязная гнилая вода просочится сквозь пее. Аграфена Кондратьевна не подличаетъ нигдѣ и ни на чемъ. Аграфена Кондратьевна больше всѣхъ боится мужа. Она-же и больше всѣхъ на своемъ вѣку перенесла отъ него. Она любить свою дочь, она способна даже для этой дочери пожертвовать своими старыми обычаями, она даже чему-то обучала ее, что уже большая рѣдкость среди купечества тогдашняго времени. Она не можетъ видѣть слезъ дочери, плачетъ вмѣстѣ съ нею и въ это время готова сдѣлать все, что-бы та ни попросила. Аграфена Кондратьевна любить мужа въ силу привычки, значитъ, не особенно сильная любовь, но тѣмъ не менѣе она не можетъ равнодушно видѣть исхудалаго его лица, его болѣзненнаго вида, когда онъ приходитъ изъ «ямы» просить зятя уплатить кредиторамъ по четвертаку. И вотъ эта женщина за всю свою любовь не можетъ выпросить у дочери даже слова въ пользу ея отца. Послѣ чего ей остается одно: выругать и дочь, и зятя, что она и исполняетъ довольно энергично. Но энергія эта продолжается недолго; проходитъ цѣль минутъ, Большовъ уходитъ, приходитъ Рисположенскій и она съ нимъ говоритъ о соленыхъ огурцахъ... Кочка, читатель, погружается въ трясину, вѣдь и ее породило то же болото, изъ котораго она торчитъ, такъ что-же тутъ удивительнаго!

Въ большинствѣ случаевъ въ пьесахъ А. Н. Островскаго, посвященныхъ этому болоту, женщина умнѣе мужчины и человѣчнѣе; не то совсѣмъ въ этой пьесѣ. Посмотрите на Олимпиаду Самсоновну, дочь Большова. Васъ поражаетъ

въ ней отсутствіе малѣйшаго проблеска ума, она не можетъ понять горя другихъ, она не чувствуетъ ни малѣйшей жалости къ отцу и, завидѣвъ его идущаго домой изъ-подъ ареста, она не радуется, а только удивляется: «никакъ тятеньку изъ ямы выпустили, посмотрите, Лазарь Елизарычъ!» Всѣ мечты этой жепщины сводятся къ тому, чтобы выйти замужъ за офицера, а если нельзя найти такого офицера, съ которымъ можно-бы вступить въ законный бракъ, то хоть-бы гдѣ-нибудь потанцовать съ офицеромъ въ шпорахъ и при саблѣ. Причемъ она сильно сокрушается о томъ, что офицеры въ танцахъ саблю снимаютъ: «убійственно, что сабли нѣтъ! И для чего они ее отвязываютъ». Но эта-же Липочка—протестующій элементъ въ своей средѣ. Правда, этотъ протестъ крайне своеобразенъ, по все-таки протестъ. Липочка говоритъ матери, что не позволитъ ей надъ собой командовать, указываетъ ей на то, что «вамъ съ тятенькой только кляузы строить, да тиранничать». Съ отцемъ Липочка разговариваетъ нѣсколько мягче, но и въ этомъ разговорѣ есть протестующая нота. Безъ всякихъ слезъ она заявляетъ родителю, что не пойдетъ замужъ «за такого противнаго», какъ Подхалюзинъ. Въ концѣ концовъ она подчиняется отцовской волѣ, но не потому что боится отца, совсѣмъ нѣтъ: отъ Подхалюзина она узнала, что все состояніе отца принадлежитъ ему. Слѣдовательно, ей выгодно выйти за него замужъ, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщалъ ей исполнить всѣ ея желанія. Мало того, когда она вышла замужъ, она говоритъ отцу: «Я у васъ, тятенька, до двадцати лѣтъ жила—свѣту не видала. Что-же, мнѣ прикажете отдать вамъ деньги, а самой опять въ ситцевыхъ платьяхъ ходить». Это грубо, зло, но иначе и быть не можетъ. Двадцать лѣтъ окружающіе ее другъ съ другомъ обходились подобнымъ образомъ. Съ самаго ранняго дѣтства она видѣла вокругъ себя одно самодурство, подлость, подлоги и кляузы. Она не могла быть иной. Съ начала до конца эта женщина протестуетъ грубо, она протестуетъ только потому, что не удовлетворяется ея желаніемъ, другого протеста у ней нѣтъ, да и откуда быть ему. Въ концѣ концовъ она ведетъ борьбу и съ мужемъ: еще живя въ домѣ отца, она грозилась матери, если не исполнить ея желаній, «завести обожателя», либо «бѣжать съ гусаромъ». И она заведетъ обожателя, живя съ мужемъ, станетъ обкрадывать мужа, передавать деньги своему любовнику, можетъ даже разорить своего мужа и такимъ образомъ накажетъ его. И это наказаніе будетъ для него чувствительно. А Сибирь для него не наказаніе: «Что-жъ такое! И въ Сибири люди живутъ», по справедливому замѣчанію Подхалюзина, и тамъ найдутся такіе, которыхъ съ маленькимъ плутоватъ умишкомъ обогорить можно.

Вотъ какіе характеры даетъ намъ комедія А. Н. Островскаго. Другихъ въ этой средѣ быть не можетъ, есть только разновидности этихъ характеровъ. Есть отцы Брусковы, Пузцовы, Ширяевы, Гордѣи Торцовы—все это, въ сущности, тѣ-же Большовы, только вся разница между ними, что у одного глупость преобладаетъ надъ плутоватостью, а у другого—наоборотъ. Но эти Брусковы, Большовы не могутъ обойтись безъ Ресположенскихъ, а Липочки Вѣлотѣловы, Пюповы не могутъ жить безъ обожателей въ родѣ Бальзаминова, Устрашимова и потому, очевидно, эти двѣ среды одна безъ другой существовать не могутъ. Вотъ почему у А. Н. Островскаго эти двѣ среды тѣсно связаны одна съ другой. Ихъ связываетъ съ одной стороны взаимная глупость, съ другой неграмотность первыхъ и кляузничество вторыхъ, а также желаніе со стороны вторыхъ пожить на чужой счетъ.

Я особенно подробно коснулся этой пьесы, такъ какъ она является первымъ произведеніемъ А. Н. Островскаго и такъ какъ это вполне цѣльная сатира. Здѣсь на первомъ планѣ поставлена глупость и подлость этой среды, этого болота, крайне скудно покрытаго незначительными кочками съ чуть, чуть сухими верхушками. Здѣсь сюжетъ комедіи вертится вокругъ злостнаго банкротства, мошенничества. Во всѣхъ другихъ его драмахъ и комедіяхъ сюжетъ, если можно такъ выразиться, любовный. По своему характеру ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: бытовья-правоописательныя и комедіи общечеловѣческія. Послѣднія явились сравнительно очень недавно. А. Н. Островскій прекрасно понималъ, что держать читателя вѣчно въ «темномъ царствѣ» и прогнившемъ болотѣ невозможно. Сознаніе этой невозможности и заставило нашего драматурга приняться за комедію общечеловѣческую. Вслѣдствіе такого дѣленія слѣдующія двѣ главы этого этюда и будутъ посвящены разбору этихъ двухъ категорій. Въ заключеніи я постараюсь выяснитъ общественное значеніе произведеній А. Н. Островскаго, при чемъ придется упомянуть и о его историческихъ хроникахъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Пляски и танцы на Руси.

Историко-біологическіе очерки Вл. Михневича.

(Продолженіе.)

VI.

Женщина и ея социальное положеніе по тексту хоро-водной и плясовой пѣсенъ.—Злоупотребленіе «шелковой плетью».—Женскій протестъ въ лицѣ «гулящихъ» молодокъ.—Картина родственно-семейныхъ отношеній.—Объективность народной пѣсни.

Мы видѣли въ какихъ, полныхъ красоты и граціи, образахъ опоэтизирована хоро-водная дѣвичья краса, первые приступы любовной страсти въ молодой, горячей крови и ея постепенное развитіе—то счастливое и радостное, то печальное и драматичное, смотря по обстоятельствамъ. Но народная пѣсня на этомъ не останавливается: воспроизводитъ полную картину разнообразныхъ любовныхъ, брачныхъ и семейныхъ отношеній, она съ одинаковой искренностью и непосредственностью воспринимаетъ какъ свѣтлыя, такъ и темныя ихъ стороны.

Такимъ образомъ, въ великорусскихъ хоро-водныхъ, плясовыхъ и свадебныхъ пѣняхъ едва-ли не самымъ главнымъ содержаніемъ служитъ рабская зависимость женщины отъ мужчины—ея подневольное, униженное положеніе, какъ жены, обязанной угождать всѣмъ прихотямъ, самодурству и капризамъ мужа.

Еще до встрѣчи съ суженой, молодецъ по безрежку гуляетъ, прутки «волженые» ломаетъ и при этомъ его любовное вождѣніе выражается въ такомъ, напр., кровопійственномъ желаніи:

«Изхлесталъ-бы, изхлесталъ-бы я васъ, пруты,
О дѣвичье, о дѣвичье бѣло тѣло!»

Немудрено, что дѣвица, съ своей стороны, помышляя о замужествѣ, прежде всего представляетъ себѣ, что молодой мужъ станетъ сразу бить ее и бить не «за правду», а «про свое дурацкое бездѣлье».

Съ первой встрѣчи, по смыслу пѣсни, добрый молодецъ «величается» и «надругается» надъ суженой, а она, поддаваясь ему, какъ побѣдителю и властелину, горько оплакиваетъ потерю своей дѣвичьей «воли».

Сошлись въ «чистомъ полѣ» молодецъ и дѣвица, сошлись—разговорились: о чемъ-же?

«Грозилъ парень, грозилъ парень,
Грозилъ парень красной дѣвицѣ»,

что «зашлетъ къ ней сватовъ» и—тогда дѣвка

ему «поклонится», будетъ дѣвка «у кроватухи стоять»,

«Будетъ дѣвка бѣлы руки цѣловать,
Будетъ держать шелкову плетъ въ рукахъ»...

И дѣвка на эти бахвальныя рѣчи смиряется и выражаетъ покорную готовность принять сватовство.

Самое сватовство пѣсня изображаетъ въ видѣ набѣга и наслія. «Свѣтлый князь», желая добыть себѣ «свѣтлую княгиню», подступаетъ къ городу.

«Онъ сѣчетъ, онъ рубитъ
Своимъ мечемъ ворота»...

Въ другой пѣснѣ, дѣвица, уже сосватанная, рассказываетъ, чѣмъ и какъ плѣнилъ ее удал-молодецъ «отецкій сынъ». Онъ напустилъ на нее три «грозы»:

«Перву грозу—ступилъ на ногу:
Отъ того страху отъ полоху
Подломились ножки рѣзвыя;
Другу грозу—прижалъ мнѣ праву руку,
Онъ сломалъ значень перстень»...

.....
А третью грозу пригрозилъ—
Онъ взглянулъ по-звѣриному:
И отъ того страху отъ полоху
Мое цвѣтно портишечко
По шитью распоролось».

Во время свадебнаго обряда насліе надъ женщиной и ея рабское подчиненіе мужу выражаются въ пѣснѣ не менѣе рельефно и красно-рѣчиво. Мужъ срываетъ съ нея дѣвичій вѣнокъ, расплетаетъ «на-двое» ея косу русую, заставляетъ «разувать» себя и г. д. Дѣвушка-невѣста сравниваетъ себя съ «лебедушкой», растерзанной яснымъ соколомъ;

«У ней крылышки ошпананы—
У меня коса расплетена;
У ней ноженьки обломаны—
У меня да воля снятая!»

И, вотъ по выходѣ замужъ у молодки, не-знавшей дотолѣ никакой кручины, стало теперь три «заботушки»:

«Ужъ какъ первая заботушка—
Чужа дальняя сторонушка;
А другая-то заботушка—
Мужъ удалая головушка;
А какъ третья-то заботушка—
Лиха матушка свекровушка»...

Разумѣется, кромѣ «заботушекъ», семейная жизнь доставляетъ молодкѣ и свои радости. Пѣсня о нихъ не забываетъ; но собственно въ хоро-водныхъ и плясовыхъ пѣняхъ главное мѣсто отводится разнымъ болѣе или менѣе зазорнымъ нарушеніямъ супружеской вѣрности, искаженіямъ и аномаліямъ семейнаго начала и семейной морали. Здѣсь на первомъ планѣ—протестующая женская личность, протестующая противъ гнета супружеской и отчасти родительской ферулы. Протестъ этотъ выражается въ разгулѣ, въ шаловливыхъ похожденияхъ съ веселыми ребятами, тайкомъ отъ мужа или родныхъ.

Уже въ дѣвичествѣ молодкѣ не даютъ воли гулять:

«А я-ль, молоденька,
Охоча гуляти,
Скакати, плясати,
Въ зеленъ садъ ходити».

Поэтому, не смотря на строгій запретъ, она все-таки находитъ минуты вырваться изъ дому для веселой компаніи; по дорого обходится молодкѣ ея гульба:

«За тѣ-ль меня скачки,
За тѣ-ль поплясушки
Меня батюшка билъ, билъ»,

билъ «пруточкомъ», да такъ, что съ тѣхъ родительскихъ побоевъ она

«Недѣлю лежала,
Другую вставала».

Но не унылась молодка «гуляти» и вотъ послѣ батюшки бьетъ ее родная матушка, бьетъ миленькій дружечекъ... Вообще битье, преимущественно битье женщины, составляетъ, къ сожалѣнію, одинъ изъ преобладающихъ мотивовъ народной семейной пѣсни. Ни одинъ предметъ изъ домашняго обихода столько не воспріимчивъ и столько не опознаниваемъ, какъ «шелковая плетъ», на которой зиждется семейное счастье.

Какъ въ дѣйствительности, такъ и въ пѣснѣ, молодка пускается во все нелегкія чаще всего изъ-за того, что ее замужъ выдали либо за старого—ревниваго, либо за немилаго—постылаго. Грустно ей и скучно; рада-бы она поразвлечься, съ подруженьками въ хороводъ повеселиться,

«Съ ребятами поиграть,
Съ пеженатыми потолковать»,

да «мужъ, старый старичище, не пускаетъ на игрище»:

«Запрещаетъ, не велитъ,
Грозитъ бѣдную побить...»

Она плачетъ, горюетъ и рѣшается, наконецъ, «не покоряться» старому-ревнивому. Уходитъ безъ спросу на улицу гулять. Нангралась и пагулялась въ волюшку молодка.

«Что заря пришла, я домой пошла!»

А дома ужъ, во высокомъ теремѣ, ревнивый мужъ за столомъ сидитъ:

«Шелкова плетка на столѣ лежитъ,
Толстая дубина передъ нимъ».

Взошла молодая жена— «теремъ златоверхъ пошатнулся», мужъ «за плетку ухватился»:

«Плетка свиснула, руда брызнула.

Гдѣ жена была?
Гдѣ ты, страдница, была?
Я была млада во зеленомъ саду

Все съ ребятами, съ пеженатыми».

Гуляба на сторонѣ отъ семейнаго очага, тайкомъ отъ родни и мужа, принимаетъ въ пѣснѣ перѣдко крайнія границы разнузданности. Молодка таскается по пирамъ и «бесѣдушкамъ», пьетъ «сладку водочку» и ужъ «не рюмочкой, не стакапчикомъ, а съ полуведра»—пьетъ «черезъ край»; домой приходитъ—на ногахъ не держится, одна надежда у нея въ этомъ деликатномъ положеніи на «веревушку», къ которой она обращается съ такой сердечной просьбой:

«Веревъ-ль моя,
Веревушка!
Поддержи меня,
Бабу пьяную,
Шельму хмельную:
Не увидѣлъ-бы
Свекоръ-батюшка,
Не сказалъ-бы онъ
Своему сыну,
Моему мужу...»

Въ этомъ вся забота у загулявшей молодки: провести и обмануть мужа и его родню.

Дальше пѣсня изображаетъ, все съ тою-же спокойной объективностью, послѣдствія разврата и гульбы на домашнемъ бытѣ разрушающейся семьи. Гуляющая молодка похваляется:

«У меня-ль, молодой,
Въ домѣ убрало:
Ложки вымыла,
Во щи вылила;
Пирогъ вымыла,
Во щи вылила;
Чашу вымыла,
Въ кашу вылила;

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ. КАРТИНА БОБРОВА.

Свадебныя свѣчи.

Рисоваль на деревѣ П. Чистяковъ; рѣзалъ А. Шлиперъ.

Косички скребла,
Пирогъ пекла».

Рядомъ съ картиной безупрочныхъ, тяжелыхъ отношеній между неполадившими мужемъ и женой, пѣсня воспроизводитъ печальное положеніе жены отъ недоброжелательства мужней родни. Бываетъ, что съ мужемъ-бы и можно жить въ ладу, да —

«Свекоръ журитъ со свекровушкою,
Деверъ бранитъ со золовнушкою».

Въ такихъ-же враждебныхъ отношеніяхъ находится, большею частью, и мужъ съ роднею жены; но въ пѣснѣ ему всегда удается взять

верхъ надъ нею, усмирить и «проучить» рѣшительными мѣрами кулачной расправы.

Въ одной хороводной пѣснѣ удалъ-молодецъ ищетъ «богатаго тестя», «ласковую тещу», такихъ-же шурина и свояченицу, а при этомъ, конечно, и «ладу младую». Нашелъ, сговорился съ сѣмъ ладой, а дальше поустроился въ ея дому такимъ родомъ:

«Я, выпивши пива,
Ударя тестя въ рыло;
Я, прѣвши пироги,
Пушу тещу матушку въ толчки.
Осѣдлай шуринъ коня,
Поѣзжай шуринъ со двора;

Ласковой свояченицѣ
Подарю подарочекъ,
Что шелкову плетъ.

Весель, я весель,
Что одинъ остался
Съ своею ладой милою...»

Въ другомъ случаѣ теща подчивала зятя и потомъ «тихонько побранила» за неумѣренный аппетитъ. Зять это намоталъ на усъ, пообщалъ тещу отподчивать и—отподчивалъ:

«Въ четыре дубины березовья,
Пятый кнутъ по заказу свить.
Ходи, гуляй, тещинька!»

Впрочемъ, пѣсня не забыла упомянуть и о тѣхъ щекотливыхъ случаяхъ, когда свекоръ болѣе, чѣмъ родственно, благоволяетъ къ снохѣ, а теща изъ тѣхъ-же побужденій нарочно варитъ «пиво на меду»—

«Пойтъ зятя молодого,
Своего гостя дорогого...»

Питаясь преданіями и непосредственными наблюденіями надъ живою дѣйствительностью, народная пѣсня съ чисто стихійнымъ безразличіемъ, спокойно и незлобиво, безъ всякихъ лукавыхъ мудрствованій, воспроизводитъ полную картину жизни во всемъ разнообразіи ея явленій, какъ правильныхъ, такъ и уродливыхъ. Она правдива и безстрастна, какъ зеркало, и чужда всякаго морализированія. Настроеніе пѣвца строго подчиняется содержанию пѣсни, переходя то въ унылое, то въ веселое, то въ шутовское и юмористическое, сообразно характеру воспріимемаго предмета.

Дѣлая предложенный очеркъ содержанія русскихъ хороводныхъ и вообще плясовыхъ пѣсней, мы имѣли въ виду наглядно намѣтить естественную органическую связь, существующую между ними и самою пляской-игрой. Вопросъ: почему именно народныя пляски сопровождаются такими, какъ показано, а не какими-нибудь иными пѣснями?—не можетъ имѣть мѣста послѣ того, какъ мы знаемъ біологическую сущность пляски въ жизни народа, знаемъ ея происхожденіе и назначеніе.

Символизируя и отождествляя въ пластической формѣ различныя акты и явленія любви, брака

и семейныхъ отношеній, хороводъ и пляска естественно могутъ сопровождаться только пѣснями соотвѣтствующаго содержанія, т. е. пѣснями, въ которыхъ воспроизведены поэтически тѣ-же акты и тѣ-же явленія любви, брака и семейныхъ отношеній во всемъ ихъ разнообразіи. Тутъ нѣтъ ничего случайнаго и иначе это и не могло бы быть.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Новости русской литературы.

III.

Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и перипетика. Изд. Михаилъ Боткинъ. С.-Петербургъ 1880 г.

Наша публика не избалована сочиненіями по части русскаго искусства: какого нибудь цѣльнаго обзора, справочной книги, энциклопедіи нѣтъ, да и всѣ книги, относящіяся къ этой области, можно пересчитать по пальцамъ. Скорѣе можно навести справки о министрахъ китайскаго императора и женахъ турецкаго султана, чѣмъ найти, не говоримъ обстоятельныя, а какія нибудь свѣденія о жизни нашихъ художниковъ и указанія на ихъ произведенія. Поэтому нельзя не радоваться появленію въ свѣтъ книги, заглавіе которой мы выписали, и нельзя не благодарить почтеннаго издателя за его прекрасный и поучительный трудъ. Вышній обзоръ сочиненія показываетъ, что издатель отнесся къ своей задачѣ серьезно и съ любовью: большая книга—въ тридцать три печатныхъ листа—издана изящно, къ ней приложены двѣнадцать гравюръ и факсимиле; въ книгѣ, кромѣ писемъ Иванова, находится его біографія, составленная издателемъ, воспоминанія о художникѣ разныхъ лицъ, указаніе разныхъ лицъ по различнымъ книгамъ статей объ Ивановѣ и его картинѣ, и, наконецъ, перечень всѣхъ сочиненій Иванова съ указаніемъ мѣста нахождения ихъ въ настоящее время и даже цѣны, за которую они были приобретены ихъ теперешними владѣльцами. Кажется, большаго требовать нельзя! Составъ книги свидѣтельствуетъ объ умѣнши издателя и небольшая цѣна—3 р.—прекрасно характеризуетъ его безкорыстіе.

Если отъ вышности сочиненія мы перейдемъ къ его содержанію, то найдемъ здѣсь богатый кладъ не только для художника, но и для всякаго интересующагося искусствомъ вообще и русскимъ въ частности. Художники даютъ намъ результаты своего творчества, плоды своихъ вдохновеній, а о томъ, какой процессъ предшествовалъ появленію этихъ результатовъ, при какихъ условіяхъ назрѣвали эти плоды, мы ничего обыкновенно не знаемъ. Изданныя теперь письма Иванова и воспоминанія о немъ разныхъ лицъ ярко освѣщаютъ эту темную область. Они вво-

дятъ насъ въ студию художника, даютъ возможность присутствовать при его работѣ и объясняютъ, какъ творятся великія художественныя произведенія. Услуга немаловажная! Еще болѣе мы усматриваемъ въ нихъ процессъ развитія художника, наблюдаемъ его методу въ работѣ и, наконецъ, отъ него самого слышимъ, что онъ считаетъ необходимымъ для художника и какія задачи и цѣли полагаетъ искусству. Слышать такія откровенія изъ устъ серьезнаго, до обожанія преданнаго своему искусству художника и притомъ отмѣченнаго гениемъ, — думаемъ, поучительнѣе, чѣмъ читать трактатъ даже остроумнаго теоретика.

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ. КАРТИНА БОБРОВА.

Ярема и Оксана. («Гайдамаки» Шевченко.)

Рисоваль на деревѣ П. Чистяковъ; рѣзалъ А. Шлиперъ.

Мы наблюдаемъ развитіе Иванова и его художественное образованіе съ того времени, какъ онъ отправился въ Италію, въ Римъ. Правда, Ивановъ значительно успѣлъ въ живописи еще въ бытность свою въ Петербургѣ, здѣсь онъ овладѣлъ техникою, показалъ большой талантъ и былъ отличенъ наградами академіи художествъ. Но онъ въ Петербургѣ сдѣлалъ только первоначальную, грубую подготовку, и собственно въ Италіи онъ развился въ знаменитость, въ гения. Ивановъ много разъ въ своихъ письмахъ и отчетахъ въ «Общество Поощренія Художниковъ» высказываетъ мысль, что художникъ можетъ образоваться только въ Италіи и въ частности въ

Римѣ. Нигдѣ нѣтъ такого множества образцовъ для художественнаго изученія и подражанія, какъ въ Италіи, гдѣ каждый дворецъ—произведеніе искусства, каждый храмъ—богатый музей, гдѣ живутъ и работаютъ художники со всего свѣта. Если искусство надо изучать тоже исторически, то Италія для этого самая удобная страна: въ ней искусство зародилось и развилось до высшаго процвѣтанія, съ нею тѣсно связана вся исторія искусства. Изъ писемъ Иванова мы узнаемъ, что уже въ то время нѣкоторые наши художники не считали особенно важнымъ серьезнаго и основательнаго изученія образцовъ древняго искусства, а нѣкоторые даже высоко-

мѣрно относились къ старымъ мастерамъ. Но самъ Ивановъ съ любовью осматриваетъ, изучаетъ, копируетъ и признаетъ, что только такимъ способомъ можно образовать вкусъ, выработать технику и овладѣть изяществомъ формы. Эти подготовительныя работы его были весьма значительны и онъ сохранилъ навсегда убѣжденіе, что онъ существенно необходимъ для каждаго художника: чрезъ двадцать семь лѣтъ, по возвращеніи въ Петербургъ, онъ такъ же говорилъ, что относительно формы итальянскіе мастера XVI в. дошли до совершенства и намъ въ этомъ отношеніи остается только изучать ихъ и подражать имъ.

Основательное изученіе старыхъ мастеровъ—условіе художественнаго образованія необходимое, но далеко не единственное. Рядомъ съ нимъ нашъ художникъ ставитъ другое условіе: самостоятельное воспроизведеніе и изученіе натуры. И въ этомъ отношеніи онъ такъ-же неутомимъ и добросовѣстенъ. Вотъ примѣръ: Ивановъ беретъ для своей картины библейскій сюжетъ. Образцовъ для такого рода картинъ у него подъ руками множество, образцы эти принадлежатъ великимъ мастерамъ. Кажется, работа благодарная: изучайте и творите! Но нашъ художникъ творитъ медленно: онъ двадцать шесть лѣтъ работаетъ свою знаменитую картину. Причина этому та, что онъ дѣйствительно творитъ, а не

воспроизводитъ чужое, не заимствуетъ. Онъ помнитъ, что живописецъ долженъ изучать натуру самостоятельно и воспроизводить ее художественно. Чтобы избѣгнуть чего-нибудь заученнаго, манернаго, онъ путешествуетъ, осматриваетъ мѣстности, изучаетъ растенія, рисуетъ скалы и камни. Ему надобны лица, онъ наблюдаетъ тысячи лицъ. Картина его должна представлять евреевъ—Ивановъ постоянный и усердный посѣтитель римской синагоги. На картинѣ его должна быть долина Іордана,—описанія путешественниковъ, снимки, картины этой мѣстности были у Иванова, но онъ не видалъ самой мѣстности; онъ ищетъ что-нибудь подобное ей въ Ита-

лѣн; нашелъ и тогда успокоился. Надобно наблюдать купающихся въ рѣкѣ,—Ивановъ внимательно наблюдалъ таковыхъ въ Римѣ. Кажется, было бы и достаточно; но въ Римѣ купаются въ открытомъ мѣстѣ бѣдные люди, а на картинѣ будутъ изображены богатые; поэтому Ивановъ ищетъ мѣста, гдѣ богатые купаются на виду. Камни и скалы, деревья и трава, вода при различномъ освѣщеніи—все это изучается и копируется. При этомъ художникъ не щадитъ издержекъ и трудовъ, не щадитъ часто и своего слабаго здоровья. Вотъ еще примѣръ. На картинѣ будетъ изображенъ утренній туманъ; чтобы наблюдать это явленіе, художникъ отправляется утромъ въ нездоровую мѣстность Понтинскихъ болотъ и сидитъ тамъ для изученія надобнаго для него явленія. Для картины своей Ивановъ изготавилъ двѣсти этюдовъ. Это лучше всего показываетъ его изученіе и наблюдательность.

Мы обращаемъ вниманіе на эту двоякую подготовку Иванова въ виду того обстоятельства, что далеко не всѣ художники въ данномъ случаѣ соблюдаютъ надлежащую равномѣрность. Одни изучаютъ главнымъ образомъ мастеровъ и подражаютъ имъ; картины таковыхъ по вкусу, рисунку, изяществу формъ прекрасны, но не рѣдко не имѣютъ оригинальности, свѣжести и жизненности. Другіе по преимуществу изучаютъ натуру и впадаютъ въ противоположную крайность: ихъ произведенія новы и вѣрны натурѣ до фотографіи, но часто лишены истиннаго изящества и страдаютъ недостаткомъ техники. О нихъ можно тоже сказать, что сказалъ извѣстный живописецъ Камуччини по поводу нѣкоторыхъ фигуръ въ первыхъ работахъ самого Иванова: «с'è la natura, ma brutta natura!» (это натура, но грубая натура!). Указанныхъ крайностей чуждъ былъ Ивановъ и рекомендовалъ художникамъ обращать равное вниманіе на оба упомянутыя условія художественнаго творчества.

Ивановъ смотрѣлъ на искусство серьезными глазами истиннаго художника и основательнаго мыслителя; потому онъ не останавливался на упомянутыхъ нами сейчасъ условіяхъ художественнаго творчества и шелъ далѣе. Для художника, кромѣ выработки техники, изученія природы и знакомства съ образцами искусства, онъ считалъ существенно необходимымъ значительное общее образованіе, а отъ художественнаго произведенія, кромѣ техническихъ совершенствъ, требовалъ идеи—вѣрной и возможно высокой. Не мало художниковъ все свое вниманіе обращаютъ на то, чтобы найти какой нибудь эффектъ, изобрѣсти мудреный фокусъ, если дозволено такъ выразиться. Одинъ ухитрится изобразить закрытые глаза—смотрящими, другой пуститъ по полотну особенно эффектную полосу свѣта—и цѣль достигнута! Зрители толпятся около картины и съ благоговѣйнымъ трепетомъ указываютъ другъ другу на какое-нибудь пятно или свѣтлую точку. Все это можетъ быть дѣйствительно трудно, дѣйствительно изумительно, но все это мало вяжется съ сущностію искусства и его задачей, а иногда и плохо рекомендуетъ пониманіе художника. Для нашего художника фокусовъ и эффектовъ въ искусствѣ не существовало; онъ зналъ, что искусство существуетъ для выраженія идей, что художественное произведеніе, если въ немъ нѣтъ идеи, терять право такъ называться. Найти высокую идею, воспитать ее въ себѣ, овладѣть ею—это необходимо прежде всего; потому даже можно работать надъ образомъ, надъ полотномъ. Найти высокую идею—это главная задача художника, выразить и воплотить ее—въ этомъ вся суть его работы. Въ виду этого Ивановъ говорилъ о себѣ, что ему надо работать «внутри себя, надъ своими мыслями, а не надъ полотномъ». Какое же условіе пріобрѣтенія и

развитія идей? Первое, конечно,—гений; талантъ. Художественный талантъ и чутье выручаютъ художника: художникъ, благодаря своему чутью и таланту, часто находитъ и открываетъ то, чего не можетъ замѣтить и болѣе его знающій ученый и остроумный мыслитель. Многіе поэтому считаютъ образованіе, книжное изученіе для истиннаго художника, для таланта дѣломъ второстепеннымъ и даже маловажнымъ. Но нашъ художникъ думаетъ не такъ. Онъ другъ науки и основательное общее образованіе считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ условій художественнаго творчества. Если бы мы вздумали извлекать изъ его писемъ мѣста, сюда относящіяся, то статья наша разрослась бы до почтенныхъ размѣровъ. Это убѣжденіе онъ сохранилъ до смерти; по возвращеніи своемъ изъ Италіи въ Петербургъ онъ точно также, какъ и прежде, объяснялъ малый прогрессъ нашего искусства именно тѣмъ, что наши талантливые живописцы не получаютъ достаточнаго общаго образованія и не заботятся объ этомъ. Самъ онъ, когда творилъ свою знаменитую картину, очень часто, оставляя въ сторонѣ кисть, брался за книгу, читалъ и изучалъ многое внимательно и основательно. Для картины его взятъ былъ библейскій сюжетъ и потому онъ изучилъ основательно какъ Новый, такъ и Ветхій Заветъ. Кромѣ того, онъ изучилъ исторію и археологію такъ, что во многомъ ему могъ позавидовать завзятый археологъ. Можетъ быть, человекъ, признающій теорію безсознательнаго творчества, смотря на кропотливое изученіе Иванова, скажетъ, что это нужно для диссертациі, а не для художественнаго произведенія, которое создается не трудомъ, а талантомъ и вдохновеніемъ. Но мы не думаемъ, чтобы наука мѣшала таланту и отгоняла вдохновеніе.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

* * *

Стихъ Д. Ушакова.

Всѣ говорили мнѣ отъ самой колыбели,
Въ которой я ужъ былъ довольствомъ окруженъ,
Что счастливъ только тотъ, чья жизнь прошла
безъ цѣли,
Безъ горя, безъ трудовъ, какъ мимолетный сонъ;
Что слово идеалъ безцвѣтно и неясно,
Чтѣ въ мірѣ нѣтъ страстей и пламенной любви;
И отвергали все, что чисто и прекрасно,
И въ годы злой борьбы не вѣрили они.

Но я избралъ себѣ для достиженія цѣли,
Которая съ тѣхъ поръ была моей мечтой,
Другой, тернистый путь, гдѣ фразы не гремѣли,
Который не плѣнялъ наружной мишурой.
Съ неумолимою, коварною борьбою
Я годы проводилъ въ печаляхъ и трудахъ;
Но я не осквернялъ души своей мольбою
И въ сердцѣ не жалѣлъ о канувшихъ годахъ.

Меня ужъ не пугалъ ни видъ угрюмыхъ далей,
Которыя вдали тусклѣли предо мной,
Ни скорбный рядъ заботъ, страданій и печалей,
Дни грусти и тревогъ души моей больной!
Я бодро шелъ впередъ; на горе и мученья,
Которыя терпѣлъ, я не глядѣлъ тогда;
Въ душѣ я заглушилъ всѣ скорби и волненія
И шелъ, забывъ печаль, дни горя и труда...

И вскорѣ предо мной, туманы разгоняя,
Цѣль чудная моя явилась вдалекѣ,
Кипѣла вновь во мнѣ кровь бурно молодая
И вновь огонь святой пылалъ въ моей душѣ.
Я счастливъ былъ въ томъ мигъ; огнемъ мой
взоръ пылалъ.

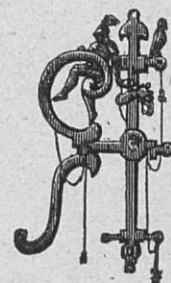
Теперь, душевные мнѣ струны лепетали,—
Оконченъ трудный путь уныній и печали,—
Достигнутъ идеалъ!

Литературные и драматическіе очерки.

Ст. Эмиля Золя

II.

Исторія театральныхъ костюмовъ.

только-что прочелъ очень интересный книгу «Исторія театральныхъ костюмовъ», сочиненіе Адольфа Жюльена (Histoire du costume au théâtre par Adolphe Julien).

Вотъ уже 4 года я занимаюсь драматической критикой, интересуясь болѣе общимъ ли-

тературнымъ движеніемъ нашего времени, чѣмъ отдѣльными произведеніями и ведя съ особеннымъ жаромъ борьбу съ преданіями и съ театральной условностью во всѣхъ ея проявленіяхъ. Сколько разъ я сожалѣлъ, что у насъ нѣтъ настоящей исторіи театра, въ основаніе которой, какъ въ исторіи англійской литературы Тэна, было бы положено изученіе почвы, нравовъ, историческихъ моментовъ, расы и психологическихъ элементовъ. Такая исторія ясно показала-бы на фактахъ тотъ долгій путь, по которому прошла наша сцена отъ мистерій до современныхъ комедій, отъ самыхъ грубыхъ и обидныхъ условностей до общаго прогресса въ декораціяхъ, костюмахъ, декламациі и самыхъ пьесахъ, стремящихся все болѣе и болѣе къ реальной, человѣчной правдѣ. Дѣйствительно, возьмемъ декораціи: сначала это полотно, навѣшанное на веревкахъ, потомъ перегородки мистерій, затѣмъ одна декорація для всѣхъ пьесъ и, наконецъ, не только декораціи, приварованныя къ каждой пьесѣ, но и совершенно вѣрно воспроизводящія мѣстности. Возьмемъ костюмы; и тутъ мы замѣчаемъ, ту-же постепенность; сначала царятъ фантазія и небрежность, а потомъ мало-по-малу переходятъ путемъ постоянныхъ улучшеній къ современной исторической точности костюмовъ. Возьмемъ декламацию, эту основу сценическаго искусства: воспроизведеніи двухъ вѣковъ декламируютъ напыщеннымъ тономъ и поютъ стихи, какъ гимны въ церкви, не заботясь ни о реальности, ни о жизненной правдѣ; потомъ, благодаря г-жѣ Клеранъ, Лекепу и Тальмѣ, совершается необходимый прогрессъ, но послѣ трудной борьбы и безчисленныхъ пререканій. Еслибъ теперь въ театрѣ «Французской комедіи» сыграли-бы пьесу Расина, Корнеля или Мольера такъ, какъ ее играли при ея появленіи, то всѣ держались-бы за бока отъ хохота, такъ нелѣпы показались-бы декораціи, костюмы и декламация актеровъ.

Кажется, все это ясно и прогрессъ или постепенное видоизмѣненіе театра не можетъ подлежать сомнѣнію. Съ XV столѣтія начала развиваться потребность большей иллюзіи для зрителей. Различныя припѣтыя дотолѣ условности начали исчезать по мѣрѣ того, какъ онѣ становились нестерпимыми. Напр., въ XV столѣтіи всѣ женскія роли исполнялись юношами. Только при Генрихѣ IV первая актриса осмѣлилась явиться на сценѣ, но это нововведеніе произвело громадный скандалъ; публика разсердилась, найдя это безнравственнымъ, тогда какъ переодѣваніе юношей въ женскіе костюмы порождало самый постыдный развратъ, повидимому, никого не поражающій. Впрочемъ, и воспроизведеніи всего XVII вѣка мужчины исполняли роли старухъ и субретокъ. Бежаръ создалъ роль г-жи Пернель въ «Тартюфѣ»; Боваль игралъ г-жу Журденъ и Филаминту. Прибавьте къ этому, что многія роли исполнялись въ маскахъ, что уничтожало совершенно мимику. Публикѣ нужно было только одно: стихи, произнесенные нараспѣвъ, и болѣе ничего. Она не чувствовала никакой потребности въ матеріальной правдѣ. Жюльенъ очень справедливо говоритъ: «Орестъ, Цезарь, Горацій

были одѣты царедворцами данной эпохи и этотъ обычай, который показался-бы намъ теперь нелѣпнымъ, нисколько не поражалъ нашихъ предковъ, которые судили о драматическомъ произведеніи глазами мысли, совершенно отрѣшались отъ сценическаго воспроизведенія жизни.

Это выраженіе «глаза мысли» должно заставить каждого читателя задуматься. Дѣйствительно, реалистическое развитіе театра отъ XV вѣка до нашихъ дней все вертѣлось на медленной замѣнѣ метафизическаго человѣка физиологическимъ. Въ трагедіи царилъ безусловно человѣкъ метафизическій. Тѣло было ни при чемъ; одна душа признавалась интересной частью человѣческой машины, вся драма происходила въ пространствѣ, въ эфирѣ. Къ чему было заботиться о мѣстѣ, гдѣ происходило дѣйствіе? Къ чему обращать вниманіе на нелѣпный костюмъ, на ложную декламацию, на то, что царица Дидана была юпоша, скрывавшій свою бороду подъ маской. Все это были мелочи, до которыхъ не унижались, а пьесу слушали, какъ классическую диссертацию. Дѣйствіе происходило въ мірѣ идей, такъ далеко отъ настоящаго реальнаго человѣка, что реальность представленія была-бы только неприятна. Вотъ точка отправленія: религиозная въ мистеріяхъ и философская въ трагедіяхъ. Но съ самаго пачала настоящій реальный человѣкъ, связанный по рукамъ и ногамъ риторикой и доктриной, вступаетъ въ борьбу, стремясь освободить одну часть своего тѣла за другою. Вся исторія театра заключается въ этомъ постепенномъ торжествѣ физиологическаго человѣка, мало-помалу выходящаго изъ-подъ чучелы идеализма. Корнель, Мольеръ, Расинъ, Вольтеръ, Бомарше, а въ наши дни Викторъ Гюго, Эмиль Ожье, Александръ Дюма сынъ и даже Сарду имѣли только одну заботу, иногда и сами того не сознавая, увеличить реальность сценическаго произведенія, достигнуть какъ можно ближе правды и выставить публикѣ все болѣе настоящаго, реальнаго человѣка. И прогрессъ этимъ не оканчивается, онъ идетъ далѣе; человѣчество еще такъ молодо и мы по роковой силѣ природы не можемъ стоять на мѣстѣ, а все движемся, даже безсознательно, впередъ. Эту идею общаго прогресса прекрасно понималъ Жюльенъ, говоря: «Замѣчательно, что во всей исторіи французскаго театра не только декламация и игра актеровъ находятся въ близкой связи съ костюмами и соотвѣтствовали ихъ улучшенію, но это соотвѣтствіе замѣчалось часто между костюмами и недостатками или достоинствами пьесъ. Въ театрѣ нѣтъ ничего изолированнаго, все связано между собою, все поддерживаетъ другъ друга—недостатки и упадокъ, достоинства и прогрессъ». Это совершенно вѣрно и развитіе происходитъ во всемъ, что и доказываетъ его научный характеръ. Тутъ нѣтъ капризовъ, а логичное слѣдованіе къ опредѣленной цѣли. Самые переходы, болѣе или менѣе долгіе, объясняются точными причинами, сопротивленіемъ публики и правовъ, появленіемъ великихъ авторовъ и актеровъ, историческими событіями и т. д. Еслибъ умъ серьезный, трудолюбивый написалъ бы такую исторію, какую я желаю, то мы сдѣлали бы большой шагъ въ вопросѣ о театральной условности и я убѣжденъ, что тогда всѣ прямые, искренніе умы вскорѣ перешли бы на мою сторону. Но до сихъ поръ такой исторіи нѣтъ и не мнѣ ее написать; это потребовало бы слишкомъ много свободнаго времени, которымъ я не располагаю. Во всякомъ случаѣ рано или поздно ее напишутъ; перемѣна, происходящая въ нашей критикѣ, влечетъ ее къ подобнымъ общимъ изслѣдованіямъ, къ анализу великихъ движеній человѣческаго ума.

Поэтому понятно съ какой радостью я прочелъ «Исторію театральныхъ костюмовъ», которая, въ сущности, занимается только одной

незначительной частью вопроса, но все-таки ясно доказываетъ реалистическій прогрессъ въ театрѣ съ XV столѣтія до нашего времени. Въ этомъ я постараюсь убѣдить читателей, ознакомивъ ихъ съ любопытнымъ трудомъ Жюльена.

Съ XV столѣтія до XVII въ театральныхъ костюмахъ царилъ полный хаосъ. Преобладающимъ элементомъ является потребность въ роскоши, безъ всякой заботы о смыслѣ или соотвѣтственности ея. Въ балетахъ и зачаткахъ оперъ богини, цари и царицы щеголяли золотыми и серебряными тканями своихъ костюмовъ, поражающихъ фантастичностью. Къ историческимъ пьесамъ относились точно такъ-же; греки, римляне ходили въ самыхъ странныхъ, мифологическихъ одеждахъ. Однако со времени Мазарина начинается движеніе къ правдѣ; кардиналъ привезъ съ собою изъ Италіи любовь къ древности, но все-таки костюмы представляли удивительное смѣшеніе. Наконецъ, мы доходимъ до римскаго костюма, носимаго героями Расина и снятаго съ статуи императоровъ, завѣщанныхъ намъ древностью. Но Людовикъ XIV, вводя этотъ костюмъ въ свои карусели, страшно его изуродовалъ, превративъ латы въ парчевый беретъ, саидали въ башмаки съ красными каблуками, каску въ придворную шляпу съ перомъ и прибавивъ къ этому парикъ и атласный галстухъ. Трагедіи Корнеля давались въ томъ-же видѣ и Гораций убивалъ Камилу, держа кинжалъ въ бѣлыхъ перчаткахъ. Мольеръ былъ энергичнѣе и извѣстно, что онъ во время перваго представленія «Тартюфа» вошелъ въ комнату своей жены и заставилъ ее раздѣться, найдя, что ея костюмъ былъ слишкомъ роскошенъ для играемой ею роли.

Съ XVIII столѣтія начинается переходная эпоха. Мы теперь не можемъ представить себѣ, съ какими препятствіями приходилось бороться актерамъ, стоявшимъ за правду въ костюмѣ; не смотря на присущее женщинамъ кокетство, онѣ первыя ввели разумную реформу въ этомъ отношеніи. Г-жа Мопенъ осмѣлилась, къ ужасу публики, выйти въ оперѣ въ роли Медеи безъ необходимаго по преданіямъ жезла, а г-жа Данкуръ явилась въ Андріеннѣ въ длинномъ платьѣ, которое шло къ роли женщины, только-что оправившейся послѣ родовъ. Но одно обстоятельство замедлило только-что начавшійся прогрессъ. Полагая достигнуть наибольшей правдивости въ костюмѣ, актрисы стали надѣвать во всѣхъ пьесахъ, изображая не только царицъ и знатныхъ особъ, но субретокъ и поселянокъ, придворныя парадныя платья, бархатныя, шелковыя, съ фижмами, перьями, лентами и драгоценными камнями. Однако, отъ времени до времени находились смѣлые таланты, которые проторяли дорогу, не боясь насмѣшекъ и преградъ. Г-жа Саль, знаменитая танцовщица, первая явилась въ «Пигмалионѣ» безъ фижмы, юбокъ, берета и съ распущенными волосами. Но это нововведеніе она могла себѣ позволить въ Парижѣ только послѣ долгой борьбы и блестящаго успѣха въ Лондонѣ. По ея слѣдамъ пошла и г-жа Клеранъ, сдѣлавшая столько для реформы костюма и декламации. Она серьезно изучала древность и старалась угадать духъ играемыхъ ею ролей по историческимъ памятникамъ. По совѣту Мармонтеля, пламенно отстаивавшаго правду на сценѣ, она бросила фижмы и пѣвучую дикцію и имѣла громадный успѣхъ, говоря стихи просто и играя «Электру» въ простомъ костюмѣ невольницы, съ распущенными волосами и въ цѣпяхъ, сковывавшихъ ея руки. Она даже простерла свою любовь къ натурализму такъ далеко, что однажды въ пятомъ дѣйствіи «Дидоны» вышла въ рубашкѣ, чтобы показать, какое смущеніе произвелъ во всемъ ея существѣ страшный сонъ, поднявшій ее съ ночного ложа. Правда,

она не повторила этого опыта, но даже и мы какъ извѣстно люди мало нравственные, еще не дошли до требованія, чтобы актрисы появлялись на сценѣ въ однихъ рубашкахъ.

Такимъ-же реформаторомъ въ этихъ обѣихъ отрасляхъ сценическаго искусства былъ Леканъ. Но хотя шагъ былъ сдѣланъ и большой, правда все еще не была достигнута. Покрой костюмовъ сталъ исторически вѣрнѣе, но слишкомъ роскошныя матеріи все еще преобладали. Тальмъ суждено было нанести послѣдній ударъ условности въ костюмѣ. Этотъ гениальный актеръ, пламенно преданный своему искусству, составилъ себѣ цѣлый музей костюмовъ и оружія, поручалъ живописцу Давиду рисовать себѣ костюмы и ничего не жалѣлъ, чтобы вѣрно воспроизводить свои роли. Чтобы вполне понять, какія реформы ввелъ Тальма, приведу слѣдующій отрывокъ изъ книги Жюльена:

«Играя трибуна Прокула въ «Брутѣ», онъ явился въ костюмѣ, вѣрномъ снимкѣ съ римской одежды. Вся эта роль состояла изъ 15 строкъ, но это нововведеніе, сначала удивившее публику, возбудило громкія рукоплесканія. За кулисами одинъ изъ актеровъ спросилъ его: «Съ чего это ты надѣлъ мокрое полотно на плечи?» Хорошенькая-же Луиза Конта сказала ему безсознательно самый большой комплиментъ: «Посмотрите, какъ гадокъ Тальма! Онъ совсѣмъ античная статуя». Въмѣсто всякаго отвѣта, великій трагикъ показалъ товарищамъ рисунокъ его костюма, сдѣланный Давидомъ. Когда онъ вышелъ на сцену, г-жа Вестрисъ окинула его удивленнымъ взглядомъ съ головы до ногъ и пока Брутъ произносилъ свой монологъ, сказала Тальмъ шепотомъ:

- У васъ руки голыя, Тальма!
- Римляне всегда такъ ходили.
- Но, Тальма, у васъ нѣтъ панталонъ?
- Римляне никогда ихъ не носили.
- Свинья! произнесла разгнѣванная актриса и торжественно удалилась со сцены.

Вотъ онъ настоящій крикъ реакціи въ искусствѣ: «свинья!»

Трудъ Жюльена доказываетъ фактически постоянное развитіе реализма въ театрѣ. Эта истина бесспорна, какъ математическая аксіома. Тщетно разсуждать хорошо или дурно это увлекающее насъ движеніе; оно существуетъ и этого довольно, мы ему подчиняемся волей или неволей. Только гений идетъ впередъ и совершаетъ работу, а посредственности шумятъ и протестуютъ. Я знаю, что современныя посредственности хотѣли-бы остановить насъ подъ тѣмъ предлогомъ, что нѣтъ болѣе необходимыхъ реформъ и что мы уже достигли въ театрѣ невозможной болѣе правды. Но всегда и по всѣмъ вопросамъ посредственности говорили такъ! А развѣ человѣчество отъ этого остановилось въ своемъ прогрессивномъ шествіи? Нѣтъ, всѣ необходимыя реформы еще не сдѣланы. Чтобы не удалиться отъ театральныхъ костюмовъ, сколько еще и въ нихъ встрѣчается ненужной роскоши, излишняго кокетства и безсмысленной фантазій. Особенно въ этомъ отношеніи грѣшатъ актрисы, которыя рядомъ съ актерами, одѣвающимися въ современныхъ пьесахъ какъ всякій изъ насъ, рѣшительно отказываются выйти на сцену въ простенькихъ, ежедневныхъ платьяхъ. Это пристрастіе актрисъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и публики къ блестящимъ туалетамъ, превратило въ послѣдніе годы второй имперіи французскую сцену въ выставку произведеній модныхъ мастерскихъ, что продолжается и до сихъ поръ, соблазняя многихъ авторовъ мастерить пьесы съ цѣлью выставить какъ можно болѣе новыхъ модъ и тѣмъ понижая уровень драматическихъ произведеній и вкусъ общества, которое, особенно женская его половина, стре-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.
РИСУНОКЪ ПЕТРА СОКОЛОВА.

Охота на волковъ.

Рѣзано на деревѣ въ „Варшавской подтипажнѣ“ г. Діаментовскаго

КАРТИНА ГОРАЦИО ЛЕНЧО. „Морага“ на островъ Малагъ.

Ръчано на деревъ въ Испаніи.

мится на первыя представленія, только чтобы увидѣть голубое платье одной актрисы и синюю шляпку другой.

Впрочемъ, какъ справедливо говорить Жюльенъ, въ театрѣ все тѣсно связано между собою и когда пьесы станутъ человѣчнѣе, знаменитый условный театральный языкъ исчезнетъ подъ градомъ насмѣшекъ и актеры сдѣлаются на сценѣ людьми, то само собою и костюмы вмѣстѣ съ декораціями и декламацией достигнутъ большей правды и реальности. Къ этой цѣли мы идемъ неуклонно, неизбѣжно.

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье, автора «Изы».

(Продолженіе.)

Глава III.

Правда—лучшая политика.

По дорогѣ въ префектуру Тенаръ де-Марби объяснилъ женѣ, что, по словамъ полицейскаго комисара, предварительное дознаніе будетъ сохранено въ тайнѣ, но отъ него потребовали немедленной явки вмѣстѣ съ женою къ начальнику сыскной полиціи. Онъ предложилъ было взять съ собою и Элизу, но комисаръ сказалъ, что это было излишне. Это послѣднее обстоятельство очень поправило Орели, которая боялась, чтобы молодая дѣвушка подъ впечатлѣніемъ только что случившагося страшнаго событія не высказала-бы чего лишняго. Что-же касается до нея самой, то она на взглядъ была очень спокойной, но въ глубинѣ своего сердца спрашивала себя, какіе ей, по всей вѣроятности, предложить вопросы и приготовляла отвѣты. Ея мужъ былъ мраченъ; все случившееся очень разстроило его и онъ желалъ поскорѣе покончить съ ужасной исторіей.

Наконецъ, они пріѣхали въ префектуру. Капитана тотчасъ-же провели въ кабинетъ начальника сыскной полиціи.

— Г. де-Марби, сказалъ ему полицейскій чиновникъ,—въ виду сочувствія, выраженнаго къ вамъ многими высокопоставленными лицами, а особенно вашей громкой репутаціи, я получилъ приказаніе оказать вамъ всяческое содѣйствіе, чтобы это дѣло осталось въ тайнѣ. Конечно, случившаяся катастрофа нисколько не компрометируетъ васъ; это несчастье, за которое вы ни въ какомъ случаѣ не можете быть отвѣтственнымъ, но въ интересахъ правосудія полезно было-бы, чтобы секретное дознаніе, которое мы должны произвести, дало точные, ясные результаты, которые и насъ освободили-бы отъ всякой отвѣтственности. Мы должны имѣть положительныя доказательства, что это несчастный случай, а не преступленіе.

— Конечно, это несчастный случай.

— Повторяю, г. де-Марби, что только благодаря протекціи вліятельныхъ особъ и вашему славному прошлому, допущено по вашей просьбѣ секретное дознаніе.

Капитанъ до того былъ польщенъ ссылкою на его славное прошлое, что долго не могъ вымолвить ни слова отъ волненія и, наконецъ, сказалъ только:

— Я къ вашимъ услугамъ.

Начальникъ сыскной полиціи перемигнулся съ комисаромъ, который донесъ о происшествіи и, напомнивъ въ двухъ словахъ о томъ, что случилось утромъ, спросилъ, какая причина могла руководить дѣйствіями Аристиды де-Фаржа.

Капитанъ вытянулся во весь ростъ, прокашлялся и сталъ подробно рассказывать, какъ въ битвѣ подъ Сольферино убили его лучшаго товарища, отца Аристиды, какъ, возвратясь въ Парижъ, онъ розыскалъ сына убитаго друга, который занималъ хорошее мѣсто въ военномъ министерствѣ, какъ по выходѣ его въ отставку

Аристидъ помѣстилъ его въ министерство въ свое отдѣленіе, какъ молодой человѣкъ сдѣлался закадычнымъ и единственнымъ другомъ его дома, какъ Аристидъ влюбился въ рябую сестру его жены, которая назначала ему свиданія по ночамъ, въ спальнѣ сестры, въ тѣ дни, когда та ночевала съ мужемъ въ нижнемъ этажѣ.

— Остальное вы знаете, прибавилъ капитанъ.—Клянусь честью солдата, что мнѣ грустно думать о своей неосторожной поспѣшности, причинившей смерть бѣдному молодому человѣку. Но я ненавижу до глубины души презрѣнную тварь, благодаря которой я убилъ своего друга и сына моего товарища. Вотъ вся правда.

Начальникъ сыскной полиціи, терпѣливо выслушавъ длинный разсказъ капитана, сказалъ, что теперь онъ долженъ допросить наединѣ г-жу де-Марби относительно нѣкоторыхъ подробностей о близкихъ отношеніяхъ де-Фаржа къ ея сестрѣ. Капитанъ очень любезно раскланялся, прося быть снисходительнымъ къ его бѣдной женѣ, которая очень взволнована случившимся и, какъ всѣ женщины, не особенно толкова.

— Вотъ дуракъ, замѣтилъ начальникъ сыскной полиціи, обращаясь къ комисару, когда капитанъ удалился.

— Я васъ предупредилъ.

— Теперь я попрошу васъ удалиться; можетъ быть, его жена стѣснится говорить правду при комисарѣ своего участка.

— Вы правы. Къ тому-же мнѣ и дѣлать тутъ нечего. Я передалъ вамъ всѣ собранныя мною и моими агентами свѣденія. Вы знаете, кто покровительствуетъ ей и имѣете право назвать его.

Онъ вышелъ изъ кабинета. Въ ту же минуту въ дверяхъ показалась Орели.

Оставшись одна въ пріемной, пока допрашивали ея мужа, она вынула изъ кармана маленькое зеркальце, внимательно посмотрѣлась въ него, потомъ вынула изъ того-же кармана маленькую коробочку, накумарила себѣ губы, на чернила брови, придавала блескъ глазамъ и спустила вуаль. Когда капитанъ пришелъ за нею, она была уже готова. Онъ счелъ нужнымъ дать ей нѣсколько совѣтовъ, чтобы поддержать въ ней мужество.

— Будь серьезна, дитя мое, и ничего не бойся, говори всю правду объ Элизѣ, сказалъ онъ.— Впрочемъ, тебя спросятъ только для проформы, я уже все объяснилъ.

Орели не слушала его и направилась въ кабинетъ начальника сыскной полиціи тихой поступью, уставшая, томная, больная.

— Прежде всего, г-жа де-Марби, сказалъ чиновникъ, идя къ ней на встрѣчу и усаживая ее на кресло подлѣ своего письменнаго стола,—я долженъ объявить вамъ, что здѣсь окончится все слѣдствіе по этому дѣлу, согласно желанію той особы, къ которой вы сегодня обращались.

Орели подняла голову и пристально взглянула на говорившаго.

— Не отирали-ли вы сегодня тайно письмо къ одной особѣ, которая находится въ числѣ вашихъ друзей.

— Да, пока мой мужъ занимался внизу съ полицейскими агентами, я написала два слова и сестра послала записку съ посыльнымъ. Но вы не говорили объ этомъ мужу?

— Нѣтъ, вашъ мужъ убѣжденъ, что онъ обязанъ только своей репутаціи тѣмъ особымъ вниманіемъ, которое обращено на это дѣло. Г. Матье де-Тальи, председатель уголовного суда, повидимому, знаетъ васъ съ дѣтства и ручается за васъ. По его желанію вы будете допрошены мною и на основаніи тѣхъ свѣденій, которыя вы дадите, мы прекратимъ дѣло.

— Спрашивайте, я отвѣчу, что вамъ угодно знать.

— Правду.

— Но мой мужъ сказалъ уже вамъ все, что я знаю или подозреваю. Я могу только подтвердить его слова.

— Вашъ мужъ говорилъ, что ваша сестра Элиза находилась въ связи съ г. де-Фаржемъ и назначила ему свиданіе. Идя на это свиданіе де-Фаржъ влѣзъ въ окно вашей спальни, вы его толкнули, онъ упалъ въ садъ и тамъ былъ убитъ вашимъ мужемъ, котораго разбудили ваши крики.

— Да, это вѣрно.

Наступило молчаніе.

— Вотъ видите, сударыня, сказалъ, прерывая молчаніе начальникъ сыскной полиціи,—я нахожусь въ очень затруднительномъ положеніи. Мнѣ приказано завѣрить васъ, что тайна ваша будетъ сохранена, а вы не хотите сказать всей правды, когда по сдѣланному уже дознанію въ околѣдѣ удостовѣрена невинность вашей сестры...

— И моя виновность, воскликнула, дрожа всѣмъ тѣломъ, Орели.

— Мы получили донесеніе доктора, продолжалъ начальникъ сыскной полиціи, какъ бы не слыша ея словъ:—онъ утверждаетъ, что смерть де-Фаржа произошла вовсе не отъ паденія или отъ пули капитана, которая найдена на дорожкѣ сада. Когда де-Фаржа бросили изъ окна, онъ былъ уже мертвъ. Вотъ этого именно я не могу себѣ объяснить, а вы не хотите во всемъ соизнаться.

Испуганная, пораженная Орели поникла головой. Сознаться? Значить ее подозревали въ убійствѣ Аристиды. Единственное средство уничтожить это обвиненіе заключалось въ чистосердечномъ разсказѣ, какъ умеръ Аристидъ!

— Такъ вы подозреваете меня въ убійствѣ де-Фаржа? спросила она въ испугѣ.

— Мы не знаемъ еще сударыня, была-ли смерть де-Фаржа естественная или насильственная; заключеніе объ этомъ мы сдѣлаемъ только послѣ вскрытія его тѣла. Теперь-же мы тераемся въ догадкахъ.

Орели кусала себѣ губы, спрашивая себя, что ей слѣдовало сказать, а начальникъ сыскной полиціи добродушно, нѣжно смотрѣлъ на нее, слѣдя по ея лицу за тѣмъ, что происходило въ ея головѣ.

— Я сказала правду, произнесла наконецъ молодая женщина:—какой-то человѣкъ хотѣлъ войти ночью ко мнѣ въ полуотворенное окно; я, вскочивъ съ постели, бросаюсь къ окну и когда онъ схватилъ меня, я оттолкнула его съ крикомъ ужаса. Кто это былъ?.. Мнѣ показалось, что это былъ Аристидъ, я такъ и сказала, но я ничего не утверждаю. Можетъ быть, ихъ было двое: де-Фаржъ и другой незнакомецъ. Первый остался внизу и умеръ, можетъ быть, отъ апоплексіи, а другой спасся бѣгствомъ. Мой мужъ вамъ сказалъ, что онъ стрѣлялъ въ человѣка, который крался вдоль стѣны.

— Вашъ мужъ ошибся, отвѣчалъ начальникъ сыскной полиціи, выслушавъ съ улыбкою фантастическій разсказъ Орели:—намъ извѣстно, что онъ стрѣлялъ въ черную массу и что въ эту ночь къ вамъ приходилъ только одинъ де-Фаржъ, и, конечно, не съ цѣлью воровства...

— О, нѣтъ.

Орели была испугана и взволнована; она понимала, что сказала глупость. А допрашивавшій ее агентъ, воспользовавшись ея смущеніемъ, сказалъ ей, что если не будетъ удостовѣрена естественная смерть де-Фаржа, то придется возбудить судебное дѣло и уже присяжные рѣшатъ, было-ли здѣсь убійство и кто виновенъ въ немъ.

— Что-же вы предполагаете? воскликнула Орели, внѣ себя отъ отчаянія.

— Я ничего не предполагаю. А вы знаете, да не хотите сказать.

— Мнѣ нечего болѣе говорить.

— Такъ вы продолжаете утверждать, что де-Фаржъ не входилъ въ вашу комнату?

— Да.

Начальникъ сыскной полиціи позвонилъ, сказавъ что-то вошедшему чиновнику и сталъ молча перебирать бумаги на столѣ. Орели съ безпокойствомъ слѣдила за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ чиновникъ вернулся и подалъ небольшой сверточекъ.

— Такъ вы утверждаете, что де-Фаржъ не входилъ къ вамъ въ комнату? спросилъ онъ снова.

Орели не смѣла отвѣтить, боясь, что голосъ ей измѣнитъ и только кивнула головой.

— Сударыня, продолжалъ агентъ медленнымъ, спокойнымъ тономъ, — тѣло де-Фаржа отнесли въ его квартиру. Его тотчасъ раздѣли, чтобъ убѣдиться, нѣтъ-ли какой нибудь раны, которая объяснила бы его смерть. При этомъ полицейскіе агенты убѣдились, что его одѣли уже мертвого.

— Боже мой! прошептала Орели, опуская голову.

— Сапоги были надѣты не на ту ногу, лѣвый на правую и правый на лѣвую; кромѣ того пальцы его были сведены, а пятки вовсе не вошли, куда слѣдуетъ; ходить въ одѣтой такимъ образомъ обуви онъ, конечно, не могъ. Изъ этого ясно, что де-Фаржъ ранѣе, чѣмъ вы увѣряете, влѣзъ въ окно и вошелъ въ вашу комнату.

— Вы забываетесь, милостивый государь, отвѣчала Орели, гордо поднимая голову, — какъ смѣете вы подозревать, что де-Фаржъ былъ моимъ любовникомъ.

— Я ничего не подозреваю, сударыня; я ищу правду. Послѣ этихъ открытій, комисаръ отправился къ вамъ въ домъ и, пользуясь вашимъ отсутствіемъ, произвелъ обыскъ въ вашей спальнѣ. Вотъ почему я отклонилъ предложеніе вашего мужа привести съ собою вашу сестру. Она приняла агентовъ.

— Какъ, въ моей комнатѣ вездѣ шарилъ, безъ меня?

— Къ сожалѣнію, да. Но успокойтесь, я не велѣлъ взламывать ни одного замка. Агенты обратили вниманіе только на окно и постель.

— И что-же? спросила Орели, поглядѣвъ, какъ полотно, подъ своимъ вуалетъ.

— Въ вашей постели нашли недостающую на рубашкѣ де-Фаржа запонку съ его вензелемъ.

И, говоря это, начальникъ сыскной полиціи медленно развѣтывалъ свертокъ, принесенный чиновникомъ.

Орели хотѣла что-то сказать, губы ея шевелились, но ничего не было слышно. Наконецъ, она упала на колѣни и едва внятно проговорила:

— Пощадите меня, пощадите.

И, простирая руки къ начальнику сыскной полиціи, она умоляла его не погубить ее. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и горько рыдала. Онъ любезно посадилъ ее, хотя, повидимому, не былъ тронутъ ея слезами, а напротивъ торжествовалъ своей побѣдой, стоившей ему столько труда.

— Успокойтесь, сказалъ онъ, — намъ поручено относительно васъ уладить это дѣло.

Нѣсколько минутъ она продолжала судорожно всхлипывать, а потомъ, отеревъ слезы и тяжело вздохнувъ, спросила:

— Что я вамъ должна сказать?

— Расскажите, при какихъ обстоятельствахъ умеръ де-Фаржъ.

— Но отъ этого зависятъ моя честь и жизнь, а вы занесете мои слова въ протоколъ?

Начальникъ сыскной полиціи повторилъ, что по приказанію Матѣе де-Тальи, показаніе г-жи де-Марби будетъ сохранено въ тайнѣ отъ всѣхъ

и даже не будетъ записано, но оно необходимо для признанія смерти де-Фаржа естественной и прекращенія этого дѣла навсегда.

— А для моего мужа останется въ своей силѣ мой прежній рассказъ? спросила Орели.

— Да.

— И ему не передадутъ моего признанія.

— Нѣтъ!

— Такъ я вамъ скажу всю правду. Я познакомилась съ де-Фаржемъ въ первый годъ моего замужества. Я была очень бѣдна и, не умѣя добывать себѣ кусокъ хлѣба, я была въ тягость моимъ родителямъ. Они меня обожали и моя мать всегда твердила мнѣ, что при моей красотѣ я найду себѣ богатаго мужа. Меня держали дома, баловали и не учили никакому ремеслу, хотя сами родители работали для своего и моего пропитанія. Сестру Элизу они не любили, а я была все въ домѣ. Всѣ мои капризы и желанія тотчасъ исполнялись. У меня было много жениховъ, но я находила, что ни одинъ изъ нихъ не былъ достаточно хорошъ для меня; чтобы быть богатой и знатной, я вышла-бы охотно замужъ за семидесятилѣтняго старика, даже за калѣку, и эти убѣжденія вселила мнѣ моя мать, которая всегда говорила, что несчастье для женщины имѣть молодого мужа и что гораздо лучше выходить за богатаго старика, который можетъ скоро умереть и оставить свою вдову богатой и свободной.

— Это безнравственно.

— Я не могу вамъ теперь вполнѣ рассказать, что за люди были мои родители, хотя ихъ вліяніе во многомъ извиняетъ мои ошибки. Вы не можете себѣ представить, въ какой средѣ я выросла. Наконецъ, я вышла замужъ за г. де-Марби, потому что ему было сорокъ девять лѣтъ, — еще молодые года по мнѣнію моей матери; — онъ имѣлъ хорошее имя, пенсіонъ, крестъ почетнаго легіона, мѣсто въ военномъ министерствѣ и капиталъ. Я думала, что буду богатой. Впродолженіи двухъ мѣсяцевъ своего ухода за мною онъ былъ чрезвычайно любезенъ, милъ, щедръ и любилъ меня безъ ума. Но женившись, онъ совершенно измѣнился, сталъ сухимъ, грубымъ эгоистомъ, я думала сдѣлаться госпожей, а стала служанкой. Я надѣялась, что моя молодость и красота сдѣлаютъ мужа моимъ рабомъ, но онъ меня унижилъ и, осыпая упреками моихъ родителей за дурное воспитаніе, которое они мнѣ дали, онъ вздумалъ перевоспитывать меня. У меня оказался не любящій мужъ, а господинъ, требующій слѣпое повиновеніе и думавшій только о себѣ. Я никогда не видѣла денегъ, кромѣ тѣхъ сантимовъ, которые онъ мнѣ давалъ утромъ, чтобъ пойти на рынокъ. Каждый вечеръ онъ требуетъ отъ меня самаго подробнаго отчета. Когда я заговариваю о туалетѣ, онъ мнѣ отвѣчаетъ, что мундиръ носится два года и не выходитъ изъ моды. Онъ даже прибавляетъ: «Къ чему бросать деньги на тряпки, развѣ я обращаю вниманіе, какъ ты одѣта». Онъ олицетворенная скупость.

Г-жа де-Марби умолкла на минуту, надѣясь, что допрашивавшій чиновникъ скажетъ хоть слово, но онъ сидѣлъ молча, облокотившись на столъ и вперивъ глаза въ свой бюваръ.

— Я все это рассказываю, чтобы оправдать себя въ моихъ собственныхъ глазахъ, продолжала она. — Я вышла замужъ двадцати лѣтъ. Привыкнувъ къ тому, что мои родители, не смотря на свою бѣдность, исполняли всѣ мои капризы, я вдругъ сдѣлалась рабою этого отвратительнаго тирана. Я не видала отъ него любви, но одно грубое сладострастіе; впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я должна была переносить самыя развратныя ласки. Во мнѣ было поправу все: и женскій стыдъ, и законныя чувства жены. Тогда-то де-Фаржъ, единственный человѣкъ, ко-

торого капитанъ допускалъ въ нашъ домъ, сжался надъ моей несчастной, нищенской жизнью и утѣшилъ меня. Я люблю пококетничать и онъ давалъ мнѣ средства покупать наряды, брилліанты и пр. Мой мужъ ничего не замѣчалъ и полагалъ, что я ношу еще свое приданое.

— Г. де-Фаржъ сдѣлался вашимъ...

— Да, отвѣчала, покраснѣвъ, Орели и потомъ прибавила вызывающимъ тономъ: — Аристидъ сталъ моимъ любовникомъ.

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Мои родители умерли черезъ годъ послѣ моей свадьбы, начала снова г-жа де-Марби, — и я взяла къ себѣ сестру Элизу, не смотря на упреки капитана, который хотѣлъ, чтобъ ее отдали въ ученіе. Ей было только тринадцать лѣтъ и я посылала ее съ письмами къ Аристиду.

— Вы часто ему писали?

— Да.

— Эти письма у него.

— Да, ихъ необходимо уничтожить.

— Мы увидимъ, продолжайте.

— Ну, вчера Элиза предупредила Аристиду, что я буду ждать его вечеромъ; онъ явился черезъ окно въ половинѣ двѣнадцатаго. Увѣряю васъ, при одномъ воспоминаніи объ этой ужасной ночи морозъ пробѣгаетъ у меня по спинѣ. Въ половинѣ второго или въ два часа сестра постучалась въ дверь; она всегда это дѣлала, чтобъ насъ предостеречь. Я хотѣла разбудить Аристиду, но онъ былъ уже холодный. Онъ умеръ въ моей постели. Орели зарыдала.

— Вы не полагаете, что онъ отравился, спросилъ начальникъ сыскной полиціи.

— О нѣтъ, это просто случайная смерть. Я весь вечеръ замѣчала, что онъ не совсѣмъ здоровъ, но онъ увѣрялъ, что это ничего и пройдетъ.

— У него была какая-нибудь хроническая болѣзнь?

— Да, онъ страдалъ сердцемъ. У него часто бывало ужасное бѣненіе сердца.

— Это вполнѣ согласуется съ мнѣніемъ врача, что онъ умеръ отъ аневризма. Что-же было потомъ? Извините, что я васъ такъ допрашиваю, но я обязанъ это сдѣлать въ вашихъ интересахъ.

— Потомъ... я упала въ обморокъ и очнувшись въ объятіяхъ сестры. Вспомнивъ о случившемся и видя мертвое тѣло моего бѣднаго друга, я спросила себя съ ужасомъ, что мнѣ дѣлать? Разсвѣтъ былъ близокъ, а если-бъ трупъ нашли у меня въ спальнѣ, я погибла-бы. Необходимо было во что-бы то ни стало освободиться отъ мертвого тѣла.

— Однако, вы очень энергичная женщина, сударыня, замѣтилъ спокойнымъ тономъ начальникъ сыскной полиціи: — какъ могли вы въ такую ужасную минуту забыть о своемъ горѣ и только заботиться о своемъ спасеніи.

— О, отвѣчала Орели очень просто; — я очень сильна и мужественна, не смотря на слабую, нѣжную оболочку. Послѣ минутной вѣпши отчаянія, я хладнокровно обдумала планъ дѣйствія и рѣшила сыграть комедію, какъ будто Аристидъ хотѣлъ тайно влѣзть въ мою комнату чрезъ окно, что подтвердилось-бы слѣдами, ибо дѣйствительно онъ приходилъ этимъ путемъ раза два въ недѣлю. Тогда я съ сестрою поспѣшно одѣла Аристиду... о, какъ это было страшно, холодный потъ такъ и струился по моему лицу. Когда все было кончено, я прогнала сестру и, какъ сумасшедшая, схватила мертвое тѣло, втащила его на окно и бросила въ садъ! О, если-бъ вы знали, какой ужасный гулъ раздался при паденіи трупа... онъ еще теперь стоитъ въ моихъ ушахъ. О! если я была преступна, я не купила все страданіями, которыя перенесла въ эту ночь.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

РИСУНОКЪ Г. ДОРЕ.

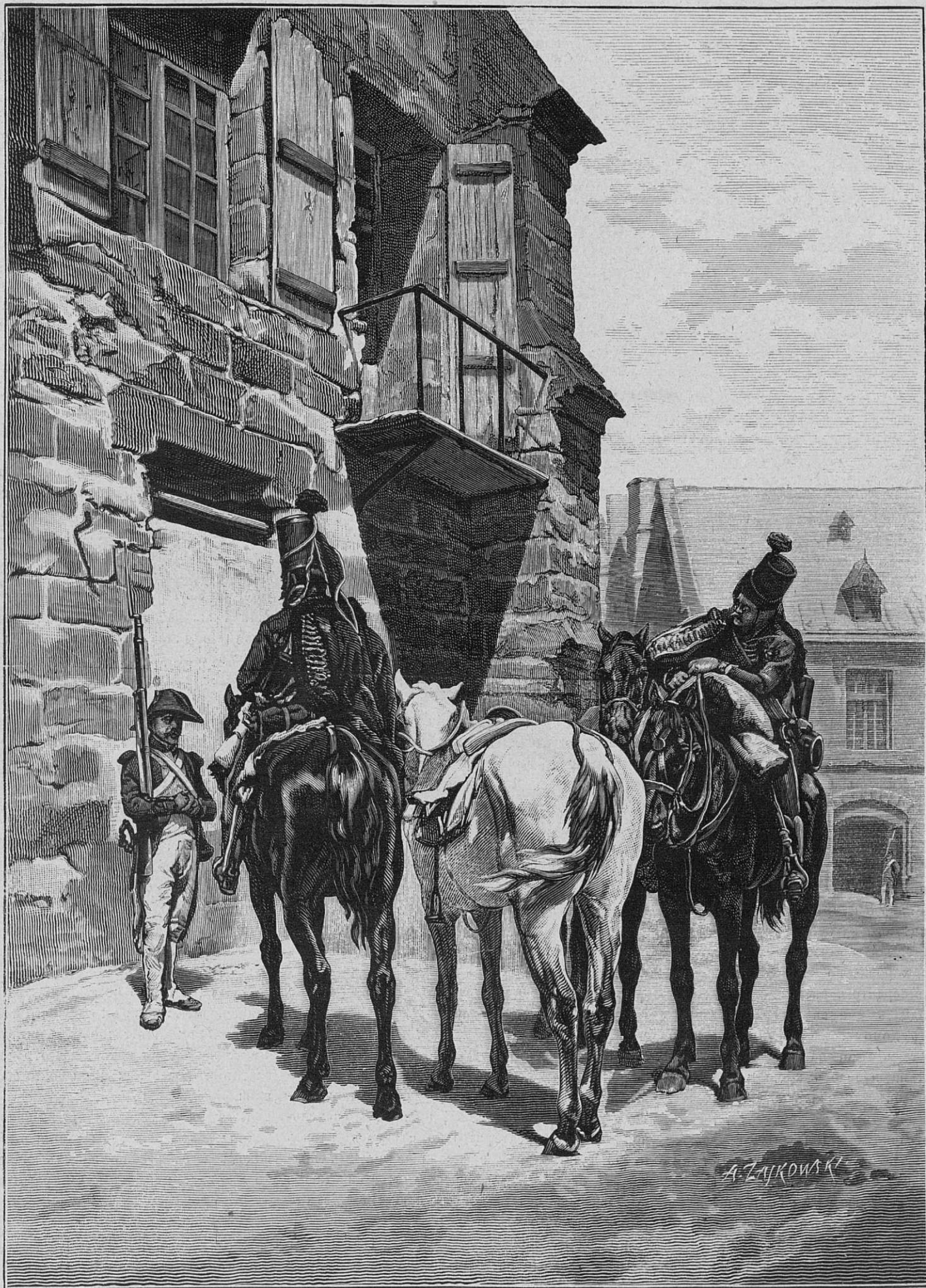
Прибытіе крестоносцевъ и битва.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА МЕЙСОНЬЕ.

Гусары.

Рѣзалъ на деревѣ Зайковскій.

— Однако, не смотря на весь вашъ страхъ, вы сохранили присутствіе духа и стали кричать...

— Да, я кричала инстинктивно и, ударившись съ испуга о стекло, изрѣзалась въ кровь. Потомъ я снова упала въ обморокъ и не помню даже, какъ прибѣжалъ въ комнату мой мужъ. Вотъ вамъ вся правда. Я невѣрная жена, но не виновна въ смерти де-Фаржа; напротивъ, это несчастіе едва не погубило меня.

— И оно губить вашу сестру.

— О, она еще слишкомъ молода, чтобъ такая исторія могла повредить ей и потомъ ей суждено находится всю жизнь въ такомъ положеніи, въ которомъ ошибки молодости не принимаются во вниманіе.

— Впрочемъ, дѣло не въ ней, сказалъ страннымъ тономъ начальникъ сыскной полиціи, — мы должны прежде всего спасти васъ.

— Да, вы правы и я очень благодарна г. Матѣ де-Талли. Онъ старый другъ моей молодости.

— Онъ былъ друженъ съ вашими родителями?

— Нѣтъ, они его не знали. Но я съ нимъ часто встрѣчалась.

Агентъ прикусилъ губу.

— Г. Матѣ де-Талли такъ вами интересуется, что вамъ нечего бояться; дѣло будетъ прекращено, сказалъ онъ.

— И все это останется въ тайнѣ.

— Да.

— Я могу удалиться?

— Да.

И онъ очень любезно проводилъ ее до дверей; но какъ только она исчезла, онъ поспѣшно подбѣжалъ къ письменному столу и записалъ подробно все, что рассказала ему Орели.

Капитанъ съ нетерпѣніемъ ждалъ свою жену; увидавъ ее, онъ издалъ крикнулъ:

— Чортъ возьми! Какъ долго тебя держали! Что у тебя спрашивали?

— Ничего особеннаго. Мнѣ прочитали твое показаніе и я подтвердила его. Потомъ мнѣ показали донесенія полицейскихъ агентовъ нашего участка, которые, повидимому, давно знали о связи Элизы съ Аристидомъ.

— Чертовка проклятая! сказалъ капитанъ, выходя изъ префектуры и садясь съ женою въ карету. — Погоди, я задамъ ей. Я покажу ей, какъ навлекать на честный домъ скандальные процессы...

— Успокойся, другъ мой, мнѣ формально объявили, что дѣлу не дадутъ дальнѣйшаго хода, сказала Орели, приглаживая свои волосы: — просто составить актъ о смерти Аристида отъ аневризма на улицѣ, его похоронятъ завтра, ты пойдешь на похороны и всему конецъ.

— Хорошо, хорошо...но съ нею такъ не кончится, сказалъ сердито капитанъ.

Черезъ двадцать минутъ они остановились передъ своимъ домомъ, наружная дверь котораго была настежь открыта.

Лицо капитана налилось кровью; видѣ себя отъ бѣшенства, онъ закричалъ во все горло:

— Элиза!

Никто не откликнулся: домъ былъ пустъ.

Орели побѣжала въ комнату сестры. Все тамъ было въ порядкѣ, только открывъ комодъ, она замѣтила, что все бѣлье Элизы было взято.

— Она совсѣмъ ушла отъ насъ, сказала Орели не безъ внутренняго удовольствія.

Она такимъ образомъ освобождалась отъ постоянного присутствія лица, которое знало ея тайны и могло всякую минуту, въ порывѣ гнѣва, ревности или просто по капризу погубить ее.

— Тѣмъ лучше, что она убѣжала, прогремѣлъ капитанъ, щедро сыпая ругательства; — я-бы задамъ ей встряску и все-таки прогналъ-бы изъ дома эту рябую сволочь. Послѣ этого дѣлай добро, бросай деньги на рождественниковъ! они навѣрное заплатятъ самой черной неблагодарностью!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Мясной хлѣбъ.

(Ст. Е. Виня, перев. В. К. Юзефовича).

Обращаемъ вниманіе читателей на вновь изобрѣтенный, обладающій замѣчательными свойствами питательный продуктъ, образцы котораго въ настоящее время представлены на разсмотрѣніе парижской академіи наукъ.

Рядъ опытовъ, произведенныхъ съ 1873 г. г. Шереръ-Кестнеромъ отцемъ доказалъ, что во время превращенія мучнистыхъ частицъ въ хлѣбъ происходитъ особаго рода броженіе, дѣйствіе котораго на мясо проявляется въ полнѣйшемъ переработываніи послѣдняго; свойство это вполне аналогично со свойствомъ дѣйствующаго начала, содержащагося въ сокѣ *carica papaya* (дерево, распространенное въ большинствѣ жаркихъ странъ), оно также встрѣчается въ знаменитыхъ плотоядныхъ растеніяхъ (*dionea* — мухоловка, въ нѣкоторыхъ видахъ *droseras, pépentes* и др.), впервые наблюдавшихся Дарвиномъ.

Подобное дѣйствующее начало получило извѣстность подъ именемъ растительнаго пепсина, по сходству своему съ сокомъ поджелудочной железы.

Упомянутые опыты привели къ практическому результату, выразившемуся въ приготовленіи мяснаго хлѣба, содержащаго 50% мяса и способнаго сохраняться, не портясь, неограниченное время.

Размочивъ такой хлѣбъ въ горячей водѣ, получимъ питательный супъ.

Хлѣбъ, приготовленный въ 1873 г., отлично сохранился до настоящаго времени безъ малѣйшихъ признаковъ плѣсени или червей.

Приготовленіе мяснаго хлѣба производится слѣдующимъ образомъ: берутъ смѣсь изъ 550 до 575 граммовъ муки, 50 граммовъ дрожжей и 300 граммовъ свѣжаго, мелко изрубленнаго, бычачьяго мяса; къ смѣси прибавляютъ количество воды, достаточное для образованія тѣста.

Тѣсто ставятъ въ умѣренный жаръ и вскорѣ начинается процессъ броженія.

Мясо, подъ вліяніемъ хлѣбнаго броженія, мало по малу растворяется и, если приготовленіе ведется вполне рационально, по истеченіи двухъ или трехъ часовъ въ тѣстѣ не остается никакихъ видимыхъ слѣдовъ присутствія мяса; послѣднее, тѣсно соединившись съ первымъ, изъ вещества обыкновенно быстро разлагающагося превращается въ продуктъ, совершенно неподверженный порчѣ. Затѣмъ, когда мясо достаточно переработано тѣстомъ, когда оно, такъ сказать, окончательно растаяло — приступаютъ къ печенію хлѣба уже обыкновеннымъ способомъ.

Г. Шереръ, отецъ, замѣтивъ, что броженіе придавало хлѣбу кисловатый вкусъ, старался устранить этотъ недостатокъ, подмѣшивая къ тѣсту одинъ граммъ двууглекислой соды (минеральная соль Виши); вкусъ измѣнился, но все же былъ непріятенъ. Тогда изобрѣтатель, путемъ учтенныхъ опытовъ, добился, что измѣленное мясо предварительно слѣдуетъ варить около часу въ водѣ, предназначенной для образованія тѣста; результатъ получился блестящій: кисловатость исчезла, а съ нею и непріятный вкусъ прежняго хлѣба.

Количество мяса ни въ какомъ случаѣ не должно превышать 50% всего количества муки, иначе нарушаются условія, необходимыя для правильнаго броженія.

Еще необходимо принять во вниманіе: 1) какъ можно тщательнѣе удалять изъ мяса всѣ жировыя части, для предотвращенія возможности появленія прогорклатаго вкуса; 2) стараться класть соль лишь въ строго необходимомъ размѣрѣ, иначе хлѣбъ, получивъ способность легко воспринимать влагу изъ воздуха, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлается болѣе доступнымъ для порчи.

Мясной хлѣбъ надлежаще изготовленный и высушенный, по прошествіи семи лѣтъ также хорошъ и годенъ къ употребленію, какъ и только что выпеченный. Для приготовленія изъ него похлѣбки надо нарѣзать его ломтиками и варить въ продолженіи пятнадцати, двадцати минутъ; конечно, чѣмъ свѣжѣе хлѣбъ, тѣмъ вкуснѣе похлѣбка.

По желанію, часть бычачьяго мяса можно замѣнить копченымъ свинымъ саломъ. Образцы мяснаго хлѣба, представленные Вурцемъ, отъ имени Шереръ-Кестнера сына, при объяснительной запискѣ въ парижскую академію наукъ, будучи изготовлены въ іюнѣ прошлаго года, представляютъ смѣсь изъ 250 граммовъ бычачьяго мяса, 50 граммовъ копчената сала и 250 граммовъ муки.

Подобнымъ-же образомъ бычачье мясо съ успѣхомъ можетъ быть замѣнено бараниной; тогда прибавляютъ еще и рубленый лукъ, который, подобно мясу, легко растворяется во время броженія. Телятина также представляетъ хороший матеріалъ; она даже особенно пригодна, какъ легкая пища, для больныхъ и раненыхъ.

Годны для такого хлѣба также плоды нѣкоторыхъ мучнистыхъ овощей, бобы, горохъ, чечевица, фасоль, какъ представляющіе по своему содержанію избытокъ того образовательнаго азотистаго начала, которое наиболѣе богато одарено фосфоромъ, а слѣдовательно, наравнѣ съ яичами и рыбою особенно способствуетъ образованію въ нашемъ тѣлѣ мозговой консистенціи. Плоды эти питательностью своею превосходятъ не только всѣ существующіе хлѣбные злаки вмѣстѣ съ приготовляемой изъ нихъ мукою, но даже и самое мясо животныхъ.

Отсюда хлѣбъ изъ бобовой, гороховой, чечевичной или фасолевой муки, несравненно питательнѣе обыкновеннаго хлѣба. Если же такую муку ввести въ производство мяснаго хлѣба, питательность послѣдняго значительно увеличится.

Резюмируя все выше сказанное, приходимъ къ тому заключенію, что вновь изобрѣтенный пищевой продуктъ, помимо громаднаго процента питательныхъ веществъ, содержащихся въ немъ, при сравнительно незначительномъ вѣсѣ ихъ, помимо почти абсолютной его неспособности къ порчѣ, помимо несложности самаго процесса приготовленія — замѣчателенъ еще тѣмъ, что блистательно разрѣшаетъ задачу возможности сохранять мясо втеченіи почти неограниченнаго времени безъ всякой утраты какаго-либо изъ присущихъ ему характеристическихъ свойствъ.

Польза, которую можно получить отъ примѣненія на практикѣ этого важнаго изобрѣтенія — неисчислима; достаточно упомянуть лишь такіе случаи, какъ война, долгосрочныя морскія плаванія, долговременныя осады городовъ и проч.

Во Франціи уже начинаютъ появляться, особенно отъ войскъ, благопріятные отзывы о новомъ видѣ хлѣбно-мясныхъ консервовъ, равно и о сухаряхъ, изъ нихъ приготовленныхъ.

Къ рисункамъ.

Капризница, г-жи Кохъ (въ № 11). — На парижской выставкѣ картина г-жи Кохъ обратила на себя нѣкоторое вниманіе своею оригинальностью темы и превосходнымъ знаніемъ дѣтской природы. Картина г-жи Кохъ очень проста по содержанію и образуетъ какъ-бы простой этюдъ съ натуры, въ которомъ, однако, видно участіе творческой фантазіи. Говорятъ, что правдиво изображать дѣтей составляетъ значительную трудность для художника, который стремится остаться вѣрнымъ дѣйствительности. Это совершенно справедливо: въ дѣтской натурѣ такъ много непосредственнаго, мимолетнаго, наивнаго! Капризница г-жи Кохъ знакомитъ насъ въ художе-

ственной формѣ съ этими едва уловимыми особенностями дѣтской натуры. Ребенокъ, очевидно, только что поднялся съ своей постельки; въ рубашечкѣ, съ растрепанными волосиками, съ чулкомъ на одной ножкѣ, съ пальчикомъ во рту, закинувъ другую руку на затылокъ, ребенокъ глубокомысленно соображаетъ къ какому рода игрѣ ему приступить. Кукла на столѣ ясно указываетъ на характеръ этихъ размышлений, а личико, съ чудесными задумчивыми глазами, лучше всего объясняетъ намъ весь мотивъ картины, въ которой дѣтская натура передана такъ правдиво и такъ талантливо.

Праздникъ пѣвцовъ при дворѣ герцога Леопольда VI въ Мёдлингѣ, картина Коларца (въ № 11).—Въ сюжетѣ мелодраматическомъ и какъ-бы декоративномъ, г. Коларцъ счумѣлъ, однакожь, найти звучную ноту не только изящности, но также и картиннаго эффекта. Было-бы излишне рассказывать сюжетъ картины, понятный самъ-собою, но нельзя не обратить вниманія на талантливую композицію, превосходное распредѣленіе фигуръ и превосходный рисунокъ. Герцогиня, облокотившаяся на руку своего супруга, цѣлый рядъ типовъ придворныхъ, пѣвцевъ въ величественной позѣ, красивые архитектурные аксесуары и пейзажъ, видимый изъ открытаго окна,—все это придаетъ нѣсколько торжественный, но не лишенный поэтичности характеръ празднику, въ которомъ Германія пропала столѣтія рисуется съ такой отчетливостію. Нѣкоторая условность и дѣланность картины несомнѣнно замѣчается, но едва-ли возможно избѣжать подобной условности въ сюжетѣ, не имѣющемъ никакого драматическаго элемента.

Свадебныя свѣчи, картина г. Боброва.—Г. Бобровъ извѣстенъ по преимуществу своими гравюрами, но и какъ жанристъ, онъ не лишенъ своеобразнаго таланта. Отъ другихъ нашихъ жанристовъ онъ отличается тѣмъ, что беретъ сюжеты своихъ картинъ не изъ народной жизни, а изъ средняго сословія. Его манера отличается необыкновенной точностью и даже мелочностью въ отдѣлкѣ деталей, благодаря чему его картины необыкновенно живо напоминаютъ обыденную обстановку буржуазіи, скажи-бы мы, если-бы дѣло касалось западной Европы, но, вѣрнѣе, чиновничьяго быта, такъ какъ г. Бобровъ беретъ свои сюжеты въ Россіи. Въ «Свадебныхъ свѣчахъ», напр., Бобровъ изображаетъ намъ комнату обыкновенной петербургской квартиры чиновника средней руки, съ обыкновенными, можно даже сказать, казенными принадлежностями квартиры такого рода: шкапомъ, вѣроятно, подъ воскъ, такимъ-же комодомъ и туалетомъ, съ мягкимъ стуломъ въ сторонѣ. У окна, на которомъ виднѣются кое-какіе цвѣты, сидитъ молодая, вѣроятно, только что повѣнчавшаяся женщина и задумчиво гадаетъ по длинѣ свадебныхъ свѣчей, кому дольше придется жить: ей или ея мужу. Сюжетъ чрезвычайно незатѣйливый, мало содержательный, основанный на простомъ повѣрьи, которое въ среднемъ классѣ уже почти исчезаетъ, но г. Бобровъ счумѣлъ придать ему интересъ: въ этой сценѣ de l'intérieur, какъ выражаются французы, г. Бобровъ подмѣтилъ жизненную нотку, которая сильно дѣйствуетъ на зрителя, именно благодаря малѣйшимъ деталямъ, фотографически вѣрно перенесеннымъ на картину.

Ярема и Оксана изъ «Гайдамаковъ» Шевченки, картина г. Боброва.—Менѣе удачной, по нашему мнѣнію, является картина г. Боброва изъ поэмы Шевченки. Здѣсь именно эта детальность, о которой мы говорили, и которая составляетъ особенность таланта художника, кажется неумѣстной, такъ какъ пейзажъ требуетъ нѣкоторой ширины кисти и какъ-бы эскизности. Картина, однакожь, близко передаетъ соответствующее мѣсто въ «Гайдамакахъ» Шевченки. Малороссійскій поэтъ описываетъ прощальное свиданіе Яремы съ Оксаною. Ярема пришелъ на свиданіе раньше и долго ждалъ Оксану: «серед неба свитить білолиций; верба слуха соловейка, дивиться въ криницю; на калини над водою, так і вилиае, неначе зна, що дівчину козак виглядає». Думая, что Оксана измѣнила ему, онъ плачется на свою судьбу, но вотъ является Оксана и бросилась къ нему въ объятія: «Сердце!» та й зомліла. Довго-довго тільки—«сердце!» та й знову німіла. «Годі пташко!»—Ще трошечки, ще... ще... сизокрилій! Вийми душу!.. Охъ якъ я втомилась!.. Свиданіе между влюбленными продолжается въ этомъ страстномъ тонѣ, напоминая собою знаменитую сцену въ «Ромео и Джульетта», только съ тѣмъ лирическимъ и грустнымъ оттѣнкомъ, который такъ свойственъ вообще малороссійской поэзіи и поэзіи Шевченка въ особенности. Г. Бобровъ близко и вѣрно передаетъ этотъ лиризмъ сцены, хотя излишняя детальность, придающая, въ данномъ случаѣ, нѣкоторый элементъ прозы, мѣшаетъ вылиться этому чувству вполне, широкою волною, какъ это мы видимъ у

Шевченка. Г. Бобровъ долженъ быть-бы, намъ кажется, обратить вниманіе, что у Шевченка мы нигдѣ не видимъ детальности изображенія и вездѣ встречаемъ лиризмъ. Для иллюстраціи,—въ картинѣ, или въ гравюрѣ,—недостаточно передать вѣрно сюжетъ сцены, необходимо также, по возможности, близко перенести на картину художественный приемъ поэта, чтобы вѣрно и правдиво передать чувство, составляющее сущность сцены.

Морага на островѣ Малагѣ, съ картины испанскаго художника Гораціо Ленго.—Морага есть обычай, существующій на островѣ Малагѣ, благодаря которому жители прибрежья въ извѣстную пору года собираются на морской берегъ, ловить рыбу, по преимуществу сардинокъ, и жарятъ ихъ тутъ-же на огнѣ самымъ первобытнымъ кулинарнымъ образомъ, нанизывая ихъ на палочки. Это «угощеніе» обыкновенно бываетъ поводомъ оживленныхъ народныхъ сценъ, въ которыхъ обнаруживается во всей своей прелести испанскій характеръ. Изъ этой незатѣйливой сцены г. Ленго сдѣлалъ, однакожь, оживленную, живописную картину, пропитанную поэзіей, идиліей, подъ южнымъ солнцемъ, на берегу роскошнаго моря, среди живописныхъ, красивыхъ народныхъ костюмовъ. Въ живописи молодой испанскій художникъ напоминаетъ своей манерой—манеру знаменитаго Бонна, его учителя. Картина была написана по заказу муниципальнаго совѣта города Малаги (айунтаментю) и, вѣроятно, послужить началомъ образованія картинной галереи въ этомъ городѣ.

Яковъ у Лабана, съ картины Лероля (въ № 11).—Считаемъ совершенно лишнимъ рассказывать библейскій сюжетъ картины, слишкомъ хорошо извѣстный. Картина г. Лероля,—еще очень молодого художника,—находилась на парижской выставкѣ 1879 г. и обратила на себя всеобщее вниманіе. Гармонія тоновъ, простота пейзажа и библейскихъ лицъ, превосходный мягкій рисунокъ и нѣсколько классическая, академическая композиція,—вотъ общія черты этой картины. Но какъ религіозный жанръ, соединяющій въ себѣ реалистическія подробности съ религіознымъ характеромъ главнаго сюжета,—картина эта чрезвычайно интересна и представляетъ попытку, которая, вѣроятно, образуетъ школу.

Правительственныя распоряженія.

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатанъ слѣдующій высочайшій рескриптъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Всемогущему Промыслу Божію угодно было благословить Меня нынѣ достиженіемъ двадцатипятой годовщины со дня вступленія Моего на прародительскій престолъ. Втеченіи четверти вѣка Я съ истиннымъ утѣшеніемъ встрѣчалъ со стороны всѣхъ классовъ населенія имперіи постоянныя доказательства неизмѣнныхъ чувствъ вѣрноподданнической преданности и готовность споспѣшествовать всѣмъ мѣропріятіямъ, которыя Мною направлялись ко благу отечества.

Твердо установившаяся, испытанная втеченіи вѣковъ неразрывная связь русскаго народа съ престоломъ, выразилась въ настоящее время, по случаю совершившагоса двадцатипятилѣтія Моего царствованія, съ особенною силою и единодушіемъ на всемъ пространствѣ русскаго государства. Въ достопамятный для Меня день 19-го февраля сего года доблестное, всегда вѣрное славнымъ преданіямъ прошедшаго, русскаго дворянство вновь торжественно засвидѣтельствовало тѣ чувства преданности и самоотверженія къ Государю и отечеству, которыми искони отличалось это, всегда готовое отзываться на призывъ верховной власти, высшее въ имперіи сословіе. Дворянскія собранія, губернскія и уѣздныя земскія и городскія учрежденія, частныя общества и лица, а также многочисленное сословіе сельскихъ обывателей явили самыя теплыя, искреннія и наглядныя доказательства одушевляющей ихъ вѣрноподданнической преданности, ознаменовавъ день 19-го февраля щедрыми пожертвованіями на благотворительныя и общепользныя дѣла. Въ этомъ отношеніи всѣ сословія, учрежденія и частныя лица, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданій, какъ-бы соревнуя между собою, обнаружили единомысліе и единодушіе, доставившее Мнѣ истинное, сердечное утѣшеніе среди многотрудныхъ заботъ Моихъ о благѣ и преуспѣяніи Богомъ ввѣренныхъ Мнѣ народовъ.

Вамъ, какъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи коего сосредоточены ближайшимъ образомъ дѣла дворянскихъ, земскихъ, городскихъ и сельскихъ учреждений и обществъ, поручаю объявить симъ учреждениямъ и обществамъ Мою душевную благодарность за выраженныя ими вѣрноподданническія чувства и сдѣланный пожертвованія. Душевно благодарю также и частныхъ лицъ, заявившихъ Мнѣ ихъ чувства и пожеланія въ самыхъ трогательныхъ и искреннихъ выраженіяхъ.

Да воздастъ Всемогушій сторицею всѣмъ Моимъ вѣрноподданнымъ за ихъ благія и искреннія пожеланія и добрыя дѣла, ими совершенныя.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ,
Марта 8-го дня 1880 года.

СМѢСЬ.

— Новый трудъ Бэна. Г. Резенеръ перевелъ съ англійскаго сочиненіе Александра Бэна, профессора логики въ эбердинскомъ университетѣ, «О воспитаніи, какъ предметѣ науки». Въ этомъ сочиненіи талантливый авторъ разсмотрѣлъ искусство воспитанія, по возможности, съ научной точки зрѣнія, т. е. между прочимъ, обсудилъ и исправилъ обыкновенныя опыты воззрѣнія, повѣривъ ихъ всего лучше дознаннымъ законамъ ума. Одну длинную главу онъ посвятилъ разсмотрѣнію ума и душевныхъ движеній (эмоцій) въ ихъ вліяніи на воспитаніе. Остальная часть книги занята рѣшеніемъ вопросовъ, специально связанныхъ съ ея предметомъ. Особенно интересна сдѣланная имъ оцѣнка значенія латинскаго и греческаго языковъ въ настоящее время. «Временный распорядокъ, которымъ высшее знаніе было признано зависящимъ отъ усвоенія двухъ мертвыхъ языковъ, говоритъ Бэнъ, слѣдовало-бы теперь признать пережившимъ время. Возникаетъ вопросъ, открыто-ли новое полезное приложение этихъ языковъ, способное вознаграждать за трудъ ихъ усвоенія, когда ихъ прежнее значеніе покончилось. Предполагая, что нынѣшняя система образованія должна, рано или поздно, быть измѣнена, я предлагаю то, что по отношенію къ высшему знанію считаю болѣе образовательнымъ курсомъ для будущихъ поколѣній». Въ обширной области нравственнаго воспитанія Бэнъ слѣдовалъ плану выдвинуть то, въ чемъ, повидимому, воспитательныя мѣры грозятъ породить наибольшіе промахи. Что касается религіи, то Бэнъ по принципу ограничился лишь связью между нею и нравственнымъ воспитаніемъ.

— Наслѣдство. Въ 1820 году нѣкто Траушъ, по профессіи слесарь и родомъ изъ Румыніи, поѣхалъ путешествовать и пропалъ безъ вѣсти. Лѣтъ 20 не было объ немъ никакого слуха, какъ вдругъ, 40 лѣтъ тому назадъ, родственники его получаютъ письмо изъ Лондона, въ которомъ онъ проситъ, чтобы ему прислали ребенка изъ ихъ семьи. Ребенка этого онъ предлагалъ усыновить, но охотниковъ принять подобное благодѣяніе не нашлось. Былъ, правда, въ то время въ этой семьѣ мальчикъ, котораго мать не прочь была-бы отдать на воспитаніе богатому родственнику, но отецъ рѣшительно воспротивился этому и предпочелъ сдѣлать изъ сына кучера, чѣмъ отсылать его за границу къ неизвѣстному человѣку. Съ тѣхъ поръ о Траушѣ снова всѣ слухи замерли и только въ іюнѣ 1879 года въ одной изъ румынскихъ газетъ появилось извѣстіе, что 16 лѣтъ тому назадъ въ Англіи умеръ заводчикъ, по фамиліи Траушъ, родомъ изъ Венгріи, который оставилъ наслѣдство въ 13 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Нѣсколько лѣтъ отыскивали человѣка, которому должно было по закону перейти это громадное состояніе, пока, наконецъ, не отыскался такой въ лицѣ директора фармацевтической школы въ Бухарестѣ, г. Трауша. Но этотъ послѣдній, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ пишетъ свою фамилію нѣсколько иначе, чѣмъ писалъ свою покойный миліонеръ, объявилъ, что онъ приметъ наслѣдство только тогда, когда удостовѣрится въ несомнѣнности своихъ правъ. И дѣйствительно, явился новый претендентъ, снабженный документами, по которымъ доказывалось болѣе близкое родство съ умершимъ Траушемъ. Наслѣдникъ этотъ тотъ самый кучеръ, который ребенкомъ чуть было не сдѣлалъ приемнымъ сыномъ миліонера.

— 50-лѣтній юбилей бельгійской независимости. Въ г. Брюсселѣ въ началѣ мая этого года будетъ праздноваться 50-лѣтній юбилей бельгійской независимости. Къ этому времени предполагается устроить

ство промышленной выставки съ двумя отдѣленіями: художественнымъ и хозяйственнымъ.

— **Оригинальная выставка.** Въ Лондонѣ, въ знаменитой гротенорской художественной галерей выставлена серия замѣчательныхъ по артистическому исполненію портретовъ лондонскихъ воровъ и мошенниковъ—даровитаго художника Грина.

— **100-лѣтній юбилей Камозенса.** Въ Лисабонѣ идутъ дѣятельныя приготовленія къ предстоящему 10 июня празднованію юбилея знаменитаго португальскаго поэта Камозенса. Къ тому-же времени предполагается созвать конгрессъ «комерческой географіи» и устроить международное литературное торжество, въ которомъ король португальскій выступитъ со своими новыми литературными произведеніями.

— **Музей Рубенса.** Въ Антверпенѣ по инициативѣ городского магистрата образовалось общество «почитателей великаго таланта безсмертнаго Рубенса»; въ короткое время число членовъ достигло громадной цифры и составило значительный капиталъ. Цѣль общества состояла въ томъ, чтобы по возможности собрать подлинныя произведенія или точнѣйшія съ нихъ копіи, и дѣло увѣнчалось успѣхомъ; въ той-же залѣ, гдѣ 40 лѣтъ назадъ впервые собралось это общество, теперь 6 (18) февраля открылась знаменитая галерея всевозможныхъ произведеній Рубенса съ полнымъ каталогомъ, изъ котораго видно, что Рубенсъ втеченіи своей жизни написалъ 2,235 картинъ, изъ которыхъ 1,602 изданы въ свѣтъ путемъ печати, 633—фотографированы; кромѣ того имъ написаны 228 эскизовъ, 484 рисунка карандашомъ, 829 набросковъ, 670 различныхъ композицій до сихъ поръ неизвѣстныхъ, а съ 293 произведеній не сняты копіи. Общество собралъ 1,328 подлинниковъ; со всего остального сняты копіи. Эта громадная коллекція потребовала устройства особой галереи, которая и будетъ называться «Музеумъ Рубенса».

— **Бенефисъ г. Михалена.** На третьей недѣлѣ великаго поста, въ пятницу 21 марта, состоится бенефисъ дирижера александринскаго театра г. Михалена. Онъ ставитъ пяти-актную драму С. Н. Худкова (издателя «Петербургской газеты»), носящую названіе «Въ чемъ сила?» Главныя роли пьесы распределены между гг. Кисилевскимъ, Трофимовымъ, Полонскимъ, Петица, Варламовымъ, г-жами Читау 2 и Дюжиковой. Что преподнесетъ публикѣ бенефициантъ изъ мелкихъ пьесъ—пока неизвѣстно.

— **Памятникъ.** Въ г. Гельсингфорсѣ сооружается великолѣпный монументъ въ память «народнаго поэта», пастора Рунеберга, скончавшагося въ прошломъ году. Финляндцы собрали значительную сумму и заказали сооруженіе монумента извѣстному въ Парижѣ скульптору Рунебергу, сыну покойнаго поэта.

— **Новый вулканъ.** На островѣ С.-Доминго давно погаснувшій вулканъ снова началъ изверженія, сопровождаемые сильнѣйшими подземными ударами, съ западной стороны открылся новый кратеръ, откуда излились потоки лавы.

— **Замѣчательная долговѣчность въ каменно-угольныхъ копяхъ.** Въ Англіи, въ нью-кестльскихъ копяхъ втеченіи недѣли скончались: трое столѣтнихъ, двое мужчинъ и одна женщина, на 102, на 104 и на 114-мъ году.

— **Рыбная выставка.** Сенатъ утвердилъ билль объ участіи Соединенныхъ Штатовъ на рыбной выставкѣ въ г. Берлинѣ.

— **Древнѣйшая письменность въ Авганистанѣ.** Близъ мѣстечка Гаджи-ша, христіанскимъ мисіонеромъ, найдены важныя древнѣйшія письмена, изсѣченныя на бурыхъ камняхъ съ хорошо сохранившимся годомъ ихъ происхожденія: 1050 до Р. Хр. Письмена эти, на древне-санскритскомъ языкѣ, сообщаютъ о времени, когда еще существовали мало-извѣстныя исторіи индійскіе моголы, которые отправляли свои громадные караваны въ г. Тиръ и вообще въ Финикію. Эти замѣчательныя древности отправлены въ настоящее время въ Англію.

— **Открытие новыхъ людей каменнаго періода.** Въ штатѣ Чинай въ южной Мехикѣ, у подножія горъ Тегуантепекъ, въ дѣлственныхъ лѣсахъ и непроходимыхъ болотахъ найдено новое чрезвычайно интересное племя красновато-бронзовокожихъ людей, по росту и тѣлосложенію очень похожихъ на патагонцевъ Огненной земли, но съ тою разницею, что они до невѣроятія трусливы. Завидѣвъ пионеровъ (совершившихъ открытіе), дикири скрылись въ болотахъ, откуда не было возможности ихъ вызвать. Въ оставленныхъ ими хижинахъ было найдено нѣсколько старухъ, отъ которыхъ удалось узнать слѣдую-

щее. Дикири эти совсѣмъ не имѣютъ понятія о желѣзѣ; хижины и лодки ихъ срубаются изъ древесныхъ стволовъ каменными топорами, выбитыми вмѣстѣ съ рукоятію изъ цѣльнаго куска; свои постройки дикири связываютъ веревками изъ травы, преимущественно усами лианы, растущей въ изобиліи въ лѣсахъ. Оружіе ихъ составляютъ вышесказанный топоръ и булава съ воткнутыми въ нее зубами крокодила; они имѣютъ также лукъ и стрѣлы съ наконечниками изъ рыбныхъ костей; въ пищу употребляютъ мясо убитыхъ животныхъ, рыбъ и птицъ, которое лишь еле коптятъ на огнѣ. На періодъ дождей они заготавливаютъ себѣ разные, дико растущіе травы, съ которыхъ собираютъ плоды, сушатъ ихъ и растираютъ между камнями, а затѣмъ размѣшиваютъ съ водою и въ видѣ кашицы употребляютъ въ пищу. Племя это ведетъ постоянныя кровавыя между-семейныя войны, отчего идетъ чрезвычайно быстрое самоуничтоженіе его. Акцентъ выговора нѣсколько похожъ на маоритское нарѣчіе, но разнится быстротою гортаннаго выговора. Дикири эти чтутъ солнце, какъ верховное существо, приходящее каждое утро къ нимъ и наблюдающее за ними втеченіи дня, а ночью ихъ хранитъ другой богъ, менѣе теплый и свѣтлый. Народъ чрезвычайно дикій, грязный и лѣнивый.

— **Взрывъ брильянта.** На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій академіи наукъ въ Филадельфіи профессоръ Лейди показывалъ запонку изъ чернаго агата съ брильянтомъ посреди. Про камень этотъ профессоръ сообщилъ слѣдующее: за нѣсколько дней передъ тѣмъ, господинъ, у котораго запонка эта была продѣта въ манжету сорочки, стоялъ у окна, положивъ себѣ руку на голову, какъ вдругъ солнце ударило въ камень и при этомъ разорвало его съ такой силой, что былъ слышенъ трескъ, а осколки разлетѣлись по сторонамъ—одинъ изъ этихъ осколковъ попалъ владѣльцу запонки въ лобъ, другой—въ руку. При осмотрѣ брильянта, на отколотой сторонѣ оказалась ямка, подобная тѣмъ, что часто встрѣчаются на обыкновенныхъ кристаллахъ. На той-же поврежденной сторонѣ лежалъ крошечный кусочекъ угля. Профессоръ Лейди такого мнѣнія, что взрывъ произошелъ отъ внезапнаго расширенія и превращенія въ паръ той жидкости, которая встрѣчается иногда въ минералахъ.

— **Драма въ Пильзенѣ.** Изъ Праги сообщаютъ извѣстіе объ ужасномъ происшествіи, случившемся надняхъ въ Пильзенѣ. Жена фермера, Симона Ракъ, жившая со своимъ мужемъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, зарѣзала во время его отсутствія обоихъ своихъ дѣтей: Венцеля—4-хъ лѣтъ и Антона—2½ лѣтъ. Обоимъ мальчикамъ она перерѣзала горло отъ одного уха до другого бритвой, которая была найдена въ лужѣ крови, рядомъ съ трупами дѣтей. По свидѣтельству докторовъ, убійство произведено замѣчательно твердой и сильной рукой. Первый человекъ, наткнувшійся на тѣла дѣтей послѣ ихъ смерти, былъ мужъ. При видѣ ужаснаго зрѣлища несчастный Симонъ лишился чувствъ; когда онъ очнулся, первая его мысль была о женѣ; ее нашли повѣсившейся на чердакѣ. Убѣдившись, что всѣ старанія вернуть ее къ жизни останутся тщетны, мужъ ее бросилъ изъ окна и поднятъ былъ мертвымъ. Шестилѣтняя дочь ихъ рассказываетъ, что накануне мать хотѣла и ей также перерѣзать горло; при этомъ она указывала на царапины, оставшіяся на ея шеѣ отъ этихъ попытокъ. Предполагаютъ, что Симона дѣйствовала въ припадкѣ остраго умопомѣшательства.

— **Курьезный процессъ.** Недавно въ Парижѣ разбирался курьезный процессъ. Докторъ Бойе, нанимая квартиру, сдѣлалъ съ домохозяиномъ условіе, чтобы не было въ домѣ другого врача, кромѣ него. Узнавши нѣсколько времени спустя, что въ домѣ переѣхалъ докторъ по имени Дрейфузъ, Бойе подалъ искъ на домохозяина за нарушеніе условія. На судѣ защитникъ домохозяина доказывалъ во 1) что квартира нанята не докторомъ, а господиномъ у котораго есть сынъ, готовящійся держать экзаменъ на доктора медицины, а во 2) онъ напиралъ на то обстоятельство, что если даже молодой Дрейфузъ и не отказывается въ совѣтахъ родственникамъ и близкимъ знакомымъ, обращающимъ къ нему за помощью, Бойе все-таки не можетъ считать его своимъ конкурентомъ уже по той причинѣ, что Бойе гомеопатъ, а новый жилецъ алопатъ. Какъ ни вѣски были аргументы защитника домохозяина, но судъ, принявъ въ соображеніе нарушеніе договора, призналъ искъ доктора правильнымъ и приговорилъ его противника къ уплатѣ требуемой съ него суммы.

— **Оригинальный рецептъ.** Одного изъ докторовъ, практикующихъ въ Бель-форѣ, пригласили къ больному въ сосѣднюю деревню. Осмотрѣвъ пациента, докторъ спросилъ бумаги, чернилъ и перо для написанія рецепта, но жители мѣстечка оказались такими противниками грамотности, что нигдѣ нельзя было найти письменныхъ принадлежностей. Тогда докторъ, которому некогда было ждать, взявъ первый попавшійся кусокъ мѣла и, написавъ рецептъ на двери конюшни, уѣхалъ назадъ въ городъ. Долго ломали себѣ голову родственники больного, какимъ образомъ добыть предписанное лѣкарство, пока, наконецъ, одному изъ нихъ не пришла остроумная мысль въ голову—снять съ петель дверь, положить на подводу и отвезти въ аптеку. Совѣтъ этотъ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе, но по пріѣздѣ въ городъ представилось новое неудобство—оказалось, что двери аптеки не довольно широки и что въ нихъ не проходитъ гигантскій рецептъ; аптекарю пришлось выйти на улицу и подъ открытымъ небомъ ознакомиться съ предписаніемъ доктора, чтобы изготovitъ по немъ лѣкарство.

— **Чудо архитектуры.** Въ Лондонѣ, на берегу рѣки Темзы, сооружается въ настоящее время новый соборъ, который превзойдетъ всѣ существующія въ этомъ родѣ постройки въ Англіи и своею роскошью затмитъ знаменитый соборъ св. Павла въ Лондонѣ.

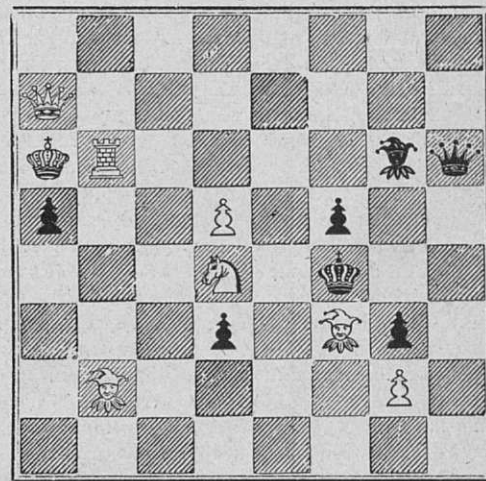
Шахматный отдѣлъ.

ЗАДАЧА

№ 19.

С. Гольда (въ Вѣнѣ.)

Черныя.

Бѣлыя.

Матъ въ 2 хода.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 10-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 8 марта въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на пногородную почту 12 марта въ 6 часовъ 30 минутъ утра.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: На берегу рѣки, стих. А. В. Круглова.—А. Н. Островскій, крит. этюдъ В. А. Пинчука.—Пляски и танцы на Руси, историко-біол. очерк. Вл. Михневича.—Новости русской литературы.—Стих. Дм. Ушакова.—Литературные и драматическіе очерки, ст. Эмиля Золя.—Рыжая красавица, ром. А. Бувье.—Мясной хлѣбъ, ст. Е. Виня, перев. В. К. Юзефовича.—Къ рисункамъ.—Правительственныя распоряженія.—Смѣсь.—Шахматы.—Объявленія.
Рисунки: Свадебныя свѣчи, кар. Боброва.—Ярема и Оксана, кар. Боброва.—Охота на волковъ, рис. Петра Соколова.—«Морага» на островѣ Малагѣ, кар. Гораціо Ленчо.—Прибытіе крестоносцевъ и битва, рис. Г. Доре.—Гусары, карт. Мейсонье.

Редакторъ-издатель Н. И. Шульгинъ.

Объявленія.

СОЧИНЕНІЯ

А. МИХАЙЛОВА.

6 томовъ, цѣна 13 р., въсовыхъ—за 12 ф.; продаются у издателя Александра Игнатьевича Бортневскаго. Троицкій переулокъ, № 9, въ С.-Петербургѣ. Иногороднымъ высылаются немедленно.

При этомъ номерѣ прилагается четвертый двойной листъ романа А. Михайлова „Чужіе грѣхи“.

При настоящ. 12 № разсылается первая выкройка тѣмъ изъ гг. подписч., которые подписались на приложеніе выкроекъ послѣ отправки этой выкройки при 9 №.

28-й тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.

На основаніи высочайше утвержденного 14-го февраля 1866 года положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. министромъ финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 3-го марта 1880 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію с.-петербургской городской думы, депутатовъ отъ с.-петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

Выигрыши пали на слѣдующіе билеты:

Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигр.	Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигр.	Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигр.	Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигр.	Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигр.	Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигр.	Нумера серій.	№ билет.	Сумма выигр.
000,60	50	500	03,789	41	500	06,635	36	500	09,501	38	500	12,426	44	500	15,216	26	500	17,900	19	500
00,356	11	500	03,873	11	500	06,684	8	1,000	09,555	33	1,000	12,446	47	1,000	15,310	22	500	17,959	26	500
00,370	13	5,000	03,883	17	500	06,708	39	500	09,712	42	500	12,480	43	500	15,373	19	1,000	17,982	32	500
00,416	50	500	03,883	46	500	06,767	45	500	09,769	28	1,000	12,613	27	500	15,381	28	500	17,994	2	500
00,540	3	500	03,909	48	500	07,011	7	500	09,786	23	500	12,635	12	500	15,414	1	500	18,151	4	500
00,617	38	500	03,988	44	500	07,034	50	500	09,966	29	500	12,747	1	500	15,567	37	500	18,198	49	500
00,672	2	500	04,154	39	1,000	07,178	11	500	10,058	13	8,000	12,817	37	500	15,679	30	500	18,232	15	500
00,734	47	500	04,177	17	500	07,420	39	500	10,061	9	1,000	12,837	3	500	15,704	41	5,000	18,295	23	8,000
00,813	50	500	04,226	14	500	07,526	44	500	10,096	39	500	12,917	10	500	15,727	40	500	18,341	29	500
00,833	8	500	04,351	12	500	07,569	6	5,000	10,306	9	1,000	13,013	1	500	15,748	29	500	18,453	39	500
01,033	8	500	04,538	40	25,000	07,589	12	500	10,357	24	500	13,018	22	500	15,782	14	500	18,510	34	500
01,107	15	500	04,634	49	500	07,590	37	500	10,459	33	500	13,045	32	500	15,785	37	1,000	18,570	9	500
01,111	23	500	04,866	48	500	07,646	27	500	10,592	3	500	13,058	12	500	15,793	24	500	18,591	42	500
01,119	35	500	04,903	36	500	07,714	15	500	10,656	27	500	13,151	24	500	15,809	41	500	18,642	40	500
01,185	35	500	04,938	31	500	07,815	4	1,000	10,660	23	500	13,204	11	5,000	15,963	10	500	18,848	31	500
01,201	5	500	04,940	36	200,000	07,938	29	40,000	10,672	22	500	13,437	11	500	16,000	38	500	18,963	27	500
01,345	26	500	05,006	33	500	08,027	10	500	10,735	46	500	13,531	28	500	16,037	4	500	19,073	33	500
01,374	48	8,000	05,018	4	500	08,115	34	500	10,866	36	500	13,600	26	500	16,047	8	500	19,123	22	500
01,457	38	500	05,026	24	500	08,131	28	500	10,893	13	500	13,767	24	500	16,050	15	500	19,152	50	10,000
01,463	8	500	05,104	1	500	08,211	15	500	11,056	27	5,000	13,920	28	500	16,050	24	500	19,178	1	500
01,864	12	500	05,147	33	500	08,311	32	500	11,059	43	1,000	13,946	39	500	16,071	28	8,000	19,193	1	500
01,980	25	500	05,183	41	500	08,329	45	500	11,106	18	500	13,953	10	500	16,098	42	500	19,265	2	500
02,153	31	500	05,337	44	500	08,406	46	500	11,124	19	10,000	14,019	23	500	16,115	37	500	19,285	19	500
02,185	44	500	05,353	46	1,000	08,451	29	500	11,125	29	500	14,166	24	500	16,231	21	500	19,399	2	1,000
02,203	39	500	05,368	30	500	08,472	1	5,000	11,168	47	500	14,253	44	500	16,299	26	500	19,480	7	500
02,269	26	500	05,498	44	500	08,501	5	500	11,216	15	500	14,272	24	500	16,303	15	500	19,502	2	500
02,283	11	500	05,574	38	500	08,536	28	1,000	11,243	27	500	14,328	39	500	16,680	6	500	19,598	19	500
02,296	30	500	05,643	19	500	08,599	7	500	11,263	7	500	14,489	13	500	16,761	24	500	19,615	49	500
02,313	2	75,000	05,663	25	500	08,612	34	500	11,304	35	500	14,768	32	500	16,782	37	500	19,707	44	500
02,482	29	500	05,721	13	500	08,640	18	500	11,357	33	1,000	14,781	24	500	16,818	38	500	19,724	44	500
02,527	32	500	05,791	1	500	08,649	18	500	11,377	3	500	14,934	46	500	16,833	9	500	19,730	19	500
02,553	29	500	05,822	29	500	08,830	44	500	11,404	30	500	15,025	13	500	16,855	4	500	19,744	48	500
02,578	3	500	05,831	14	500	08,861	41	1,000	11,500	13	500	15,028	14	500	16,896	28	1,000	19,777	4	500
02,640	2	500	05,883	4	500	08,884	29	500	11,509	36	500	15,040	25	500	16,906	31	500	19,780	15	500
02,665	32	500	05,900	6	500	09,005	29	500	11,575	5	10,000	15,046	36	500	16,925	10	500	19,798	44	500
02,683	27	5,000	05,953	5	500	09,164	9	500	11,632	22	500	15,064	22	500	16,977	2	500	19,801	32	500
02,740	14	500	06,024	31	500	09,218	15	500	11,688	22	500	15,076	27	500	17,033	26	500	19,835	30	500
03,488	14	500	06,044	45	500	09,233	43	500	11,835	30	500	15,150	14	500	17,286	2	500	19,838	42	5,000
03,526	49	500	06,114	9	500	09,272	39	500	11,958	15	1,000	15,162	33	500	17,371	18	1,000	19,870	49	500
03,531	40	500	06,246	24	500	09,337	26	500	12,052	9	500	15,164	24	500	17,439	16	500	19,877	37	500
03,622	42	500	06,363	18	500	09,431	24	500	12,270	41	500	15,174	11	500	17,558	44	500	19,883	37	500
03,687	9	500	06,421	31	500	09,490	8	500	12,357	34	500	15,189	48	500	17,600	48	1,000	19,942	7	8,000
03,755	27	500	06,491	30	500	09,493	49	500	12,411	43	500	15,206	46	500	17,777	35	500			

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1880 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи Государственнаго Банка 3-го марта 1880 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

00,341	00,876	02,597	03,970	04,456	06,517	08,017	08,702	10,175	11,381	12,572	13,872	15,075	16,615	17,898	18,793
00,595	01,959	02,624	04,135	05,874	06,974	08,033	08,984	10,867	11,901	13,148	14,174	15,241	16,617	18,236	19,632
00,706	02,172	02,790	04,176	05,997	07,210	08,157	09,115	10,922	11,914	13,571	14,348	16,128	17,746	18,252	
00,852	02,586	03,954	04,370	06,499	07,355	08,318	09,951	10,998	12,143	13,761	14,609	16,376	17,817	18,478	

Всего 62 серій, составляющія 3,100 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 руб. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1880 г. въ Государственномъ Банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Лечебницы Врачебной Общины:

- 1) Уголь Невскаго и Большой Морской, домъ Росмонъ № 13—9 входъ съ Невскаго 2-й подъездъ.
  - 2) Семіоновскій переулочекъ домъ № 5.
  - 3) Николаевская улица близъ Разъѣзжей, домъ № 52.
  - 4) Пески, уголь 9-ой улицы и Дегтярной, домъ № 37—20.
- Пріемъ приходящихъ больныхъ по всѣмъ специальностямъ ежедневно отъ 12 до 3 часовъ.
- Общая Консультация врачей по Воскресеньямъ отъ 1 до 2 часовъ.
- Ночное дежурство врачей отъ 10 часовъ вечера до 6 ч. утра.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЙ ГЕКТОГРАФЪ.

или скоро-копировальный аппаратъ Зегимеля, принятый во мног. казен. и частн. учрежденіяхъ. 100 к. въ 10 мин. Цѣна аппарата съ 2 сткл. чернилъ и составомъ для смыванія чернилъ: для почтоваго формата, 3 р. и 6 р., д. писч. бум. 8 р. для развернутаго почтоваго листа и музыкальн. нотъ 10 р., за пересылку каждаго гектографа 1 р. Для разверн. листа писч. бум. 12 р., перес. за 20 фунт. Отдѣльно чер-

нила 25 к. за сткл., масса 1 р. 25 к. за ф., 10 р. за 10 фунт. за перес. по расчету.

Переплеты для моментальнаго переплетенія дома любого количества листовъ писемъ, иллюстр. журнал. и пр. Ц. 1 р. Съ пересылкою 1 р. 50 к.

Удачнѣйшіе подарки для взрослыхъ и дѣтей.

Фотокопирователь или домашній фотограф. аппаратъ, которымъ даже ребенокъ можетъ копировать только посредств. свѣта въ любомъ количествѣ всяк. фотограф. картъ, рисунковъ и пр. Цѣна (съ прилож. изящныхъ карточекъ, сдѣл. этимъ апар.) 2 р. 50 к., съ перес. 4 р. Съ прил. апар. для копиров. свѣтомъ рисунковъ, безъ вырванія ихъ изъ книгъ 3 р. 50 к., съ перес. 5 р. Фотогр. карт. отдѣльно дюж. 1 р., сотня 5 р. съ перес.

Рисовальный аппаратъ, которымъ даже неумѣющій рисовать можетъ копировать съ соверш. точностью любые рисунки, дамск. рукодѣлія, узоры и пр. Ц. съ прилож. способа умноженія посредствомъ сложенія и руководства къ живописи акварелью и пастелью 1 р. 30 к., съ перес. 2 руб.

Камера-обскура для рисов. съ натуры 1 руб. съ перес. 2 р.

Самоучитель чистописанія, съ прилож. школы чистописанія: русск., франц. и нѣмецк. яз. Съ помощію

этого апар. дѣти выучиваются каллиграфіи безъ затраты бумаги. Ц. 1 р. 20 к. съ перес. 2 р. Складъ: въ центральное бюро объявленій и переводовъ І. Зегимеля, Невскій, № 4, Въ Петербургѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

НА 1880 ГОДЪ

(четвертый годъ изданія подъ новою редакціею).

Подписная цѣна:

Съ доставкою въ С.-Петербургъ: на 1 г. 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 50 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 3 р. 80 к., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересылкою: на 1 г. 9 р., на 11 м. 8 р. 25 к., на 10 м. 7 р. 50 к., на 9 м. 7 р., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 50 к., на 4 м. 4 р., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1879 г. и на весь 1880 годъ платятъ за время: съ

1-го сентября 1879 г. по 1-е января 1881 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ 12 р., съ 1-го октября 1879 года по 1-е января 1881 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ — 11 р. 50 к., съ 1-го ноября — всего 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря — 9 р. 50 к.

Подписывающіеся на весь 1879 г. получаютъ всѣ нумера съ 1-го января.

Письма и деньги адресуются: въ Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ» (Гороховая, 32).

Газета «Новости» выходитъ безъ предварительной цензуры, ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило — не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія (отдѣлъ «Дневникъ»), не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ-нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различные ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для получения подобныхъ свѣдѣній, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ специальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшій внимательно даже одинъ, или два нумера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутинѣ, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенія; что при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстій, получаемыхъ редакціей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и корреспондентовъ (рубрики: «Административныя Новости», «Русская Лѣтопись», «Внутренняя Почта» и т. д.), она имѣетъ возможность заимствования изъ другихъ изданій подлиннаго самому строгому критическому выбору и приурочивать къ текущимъ, наиболее популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская Печать» редакція не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣнь» наиболее выдающіяся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой, практической матеріалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матеріальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты приуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ («Справочный отдѣлъ»).

Содержаніе газеты «Новости».

1) Политическія Телеграммы (доставляемыя «Международнымъ Агентствомъ» и собственными корреспондентами). 2) Дневникъ. До 1-го сентября напечатано: по вышшимъ вопросамъ около 600 статей; по внутреннимъ — около 80 статей. 3) Административныя Новости. (Отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 700 извѣстій. 4) Русская Лѣтопись. (Отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 2,000 статей. Подъ этою же рубрикою печатались: всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія, сообщенія и телеграммы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ с.-петербургской городской думы. — Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ: географическаго, мореходства, промышленности и торговли, волюно-экономическаго, техническаго, педагогическаго, естествоиспытателей, минералогическаго, этнологическаго, юридическаго, общества русскихъ врачей, общества практическихъ врачей, общества взаимнаго кредита, благотворительныхъ обществъ, лѣснаго общества, общества сельскихъ хозяевъ, садоводства, коммисіи при педагогическомъ музеѣ. Кромѣ того, своевременно помѣщались всѣ болѣе или менѣе важныя, распоряженія г. петербургскаго градоначальника и мелкія происшествія. 5) Театръ и Музыка. Подъ этой рубрикой помѣщено болѣе 1,000 извѣстій и отчетовъ, доставленныхъ нашими репортерами и рецензентами. Подъ этой же рубрикою печатаются собственныя и заимствованныя извѣстія о провинціальныхъ русскихъ и иностранныхъ театрахъ. 6) Всемирный Календарь, печатающійся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, заключаетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣдѣнія о выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіяхъ, событіяхъ и фактахъ, совершающихся во всѣхъ частяхъ свѣта. 7) Правительственныя распоряженія, представляющія общій интересъ или касающіяся отдѣльныхъ національностей, клас-

совъ и городскихъ или сельскихъ населеній, печатаются цѣлкомъ. 8) Внутренняя Почта (отъ нашихъ постоянныхъ и случайныхъ корреспондентовъ). 9) Русская Печать (ежедневное обзорное газетъ и журналовъ). 10) Литературный Отдѣлъ. (Беллетристическія и публицистическія статьи): «Вчера и Сегодня». (Воскресныя бесѣды, Коломенскаго Кандида. Еженедѣльно). — «Литературная хроника». (Обзорные толстыхъ журналовъ, Вл. Чуйко. Два раза въ мѣсяцъ). — «Въ складахъ историческаго матеріала». (Изъ разсказовъ архивной крысы. Обзорные историческихъ журналовъ и книгъ, Коломенскаго Кандида. Ежемѣсячно). — «Обзорные педагогическихъ журналовъ», Скомное Я. Ежемѣсячно. — «Обзорные духовныхъ журналовъ», Скомное Я. Ежемѣсячно. — «Обзорные художественныхъ выставокъ». По поводу передвижной выставки 1879 г. В. Чуйко. — Третья годовица (1879 г.) выставка «Общества выставокъ художественныхъ произведений». Коломенскаго Кандида. 11) Библиография: отзывы о новыхъ книгахъ, 12) Публицистическія и историческія статьи. Экскурсія въ область житейской философіи, Скомное Я. — Письмо къ ученому публицисту Н. К. Михайловскому. В. Чуйко. — Женскій трудъ (паралели. Вниманію великосвѣтскихъ дамъ). — Знаменія времени въ области судебной практики. Серебренникова. — По поводу священническихъ рясъ — Воспоминанія о чумѣ, полковника Д. Н. Ганкевича. — Русская ученая экспедиція въ Египетъ для изученія чумы въ 1839—1844 гг. А. Скальковскаго. — Ученое легкомысліе. В. Никитина. — Шипы сѣверныхъ розъ (путешествіе американской мухи), П. Рачковскаго. — По поводу кутаисскаго дѣла, П. Рачковскаго. — Болѣни Астраханскаго населенія, Л. Бесина. — Экскурсія въ царство мертвыхъ. — Торговля рабами въ Турціи, ст. Паскаля Давида и т. д. 13) Беллетристика. «Русское Тайнобращіе», postscriptum къ «Мелочамъ архіерейской жизни», печатавшимся въ «Новостяхъ» въ 1878 г. Н. Лѣскова. — «Бабушка и внучка», оригинальн. повѣсть Л. О. Леванды. — «Призраки», оригинальн. разсказъ Нила Адмирари (Л. Панютин). — «Страница изъ исторіи одного ребенка», оригинальн. этюдъ Сахаровой. — «Женщина, разрѣзанная на куски», сцены изъ соврем. «подземнаго Милана». — «Безымянный замокъ», съ венгерскаго, романъ Йокан. — «Зачумленный городъ», разсказъ. — «На Левантской эскадрѣ», разсказъ Литрова. — «Уголовныя драмы», романъ П. Законна и Э. Море. — «Мѣсть или тайны серала», романъ Лейлы Ханумъ. — «Изъ омутъ въ омутъ», романъ Макса Агнессы Флемингъ (изъ американской жизни). — «Около золотого тельца», оригинальн. романъ. — «Утѣсь Почетнаго Легіона», Барт. Ауэрбаха. — «Гиганты — полипы». — «Дитя покойницы», ром. Ульбаха. — Разсказы Бретгарта и т. д. Воскресные нумера печатаются въ форматѣ, удобномъ для переплета. Изъ печатающихся въ воскресныхъ нумерахъ беллетристическихъ произведеній, по истеченіи года, составится объемистый томъ въ 26 листовъ газетнаго формата. 14) Справочный Отдѣлъ. Коммерческія телеграммы (доставляемыя редакціей «Международнымъ Агентствомъ»). — Хлѣбные и товарныя рынки (столичные и провинціальные). — Биржевые курсы. — Тиражи процентныхъ бумагъ. — Минеральныя воды за границею (справочныя свѣдѣнія). — Желѣзныя дороги. — Указатель лечебницъ. — Указатель дѣлъ, назначаемыхъ въ коммерческомъ судѣ. — Репертуаръ. — Прибывшіе и выбывшіе и проч. 15) Свѣтъ и Тѣнь. 16) Судебный Отдѣлъ. (Отъ нашихъ стенографовъ и изъ официальныхъ газетъ). 17) Объявленія и рекламы.

У всѣхъ книгопродавцевъ продается новая книга

Н. А. ЛЕЙКИНА

СОВРАСЫ ВЕЗЪ УЗДЫ.

1880 г., около 300 стр. убористой печати, 72 разск.

Ц. 1 р. 50 к. безъ перес.

Тамъ же продаются слѣдующія книги

Н. А. ЛЕЙКИНА

НАШИ ЗАБАВНИКИ

1879 г. 78 юмористическихъ разсказовъ, 300 стр.

Цѣна 1 р. 50 к.

РАДИ ПОТѢХИ.

1879 г., 63 юмор. разсказа, 308 стр. Ц. 1 р. 50 к.

безъ пересылки.

НЕУНЫВАЮЩЕ РОССІЯНЕ

1879 г., 40 юмор. разск., 318 стр. Цѣна 1 р. 60 к.

ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ

(Изданіе 2-е дополненное).

1880 г., 87 юмористич. разск., 320 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лица, выписывающія не менѣе трехъ книжекъ отъ свтора (Спб. Николаевская, № 48) за пересылку ничего не платятъ).

Поступила въ продажу **Элементарная Анатомія, Физиологія и Гигіена**. Руководство для городскихъ уч., сост. М. Герасимовымъ. Съ 28 рис. Ц. 50 к. Доп. Уч. К. М. Н. Пр. въ качествѣ учебнаго руководства для городскихъ уч. и въ бібліотекѣ народныхъ уч. Складъ изданія въ кн. маг. «Новаго Времени» и у автора: С.-П.-бургъ. Лиговскій каналъ, д. № 120.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ.

ОСНОВАНЪ ВЪ 1831 ГОДУ. **ВАЗА** СУЩЕСТВУЕТЪ 48 ЛѢТЪ.

ЖЕНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУКОДѢЛЬНО-МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Единственный въ россіи модный журналъ съ преміями.

Выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца большими тетрадями.

24 номера журнала, 12 рукодѣльно-модныхъ и 12 литературныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстія и т. п.).

1000 политипажей въ текстѣ.

24 модныя гравюры.

12 листовъ литографированн. узоровъ и выкроекъ.

24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину.

6 листовъ раскрашенныхъ узоровъ.

Карманный календарь на 1880 годъ.

Возрастающій съ каждымъ годомъ успѣхъ журнала даетъ редакціи возможность увеличить цѣнность и изящество премій. — Преміи, предназначенныя для 1880 года, выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ. Желаніе могутъ видѣть ихъ въ редакціи.

Каждый подписчикъ 1880 года получитъ

ШЕСТЬ ПРЕМІЙ, а именно:

- 1) Бархатная, золотомъ вышитыя туфли (вышивка исполнена по заказу редакціи настоящими серебряными, черезъ огонь вызолоченными нитями).
- 2) Двѣ олеографич. картины (pendant) заграничной работы.
- 3) Корзинка для туалетнаго стола. Тисненая вырѣзка изъ золоченой канвы. Часъ работы.
- 4) Большая подушка для дивана. Роскошный букетъ. Матеріалъ полный для букета и для фона. Узоръ для исполненія раскрашенный и въ натуральную величину.
- 5) Вышивка для бювара на французской канвѣ. Матеріалъ полный и узоръ раскрашенный. Полевые цвѣты.
- 6) Закладка для книги съ тисненой виньеткой и вышивкой (Souvenir).

Преміи выдаются и рассылаются всѣмъ раздѣ: городскимъ — въ январѣ; иногороднымъ подписавшимся въ ноябрѣ — въ январѣ. Подписавшимся въ декабрѣ — въ февралѣ. Позднѣйшимъ подписчикамъ втеченіи февраля и марта.

Разсрочка допускается чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На годъ безъ премій..... 7 р.—к. (безъ пер. 6 р.—к.)
На полгода безъ премій..... 4 р.—к. (безъ пер. 3 р. 40»)
На 3 мѣсяца безъ премій..... 1 р. 80 к. (безъ пер. 1 р. 41 к.)
Съ преміями 5 руб. дороже.
На укуорку премій Редакція проситъ выслать 42 к. марками.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «ВАЗА», Лештуковъ пер., д. № 13.

МАРШЪ РУССКИХЪ ДОБРОВОЛЦЕВЪ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

Оригинальное сочиненіе **ФЛОРИАНА ГЕРМАНА** (8 страницъ). Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 руб. 50 коп. Это музыкальное сочиненіе можно получать въ музыкальных магазинахъ Бернара, Бесселя, Юргенсона и др., въ С.-Петербургѣ.

ЖИВОТНОЕ И РАСТЕНИЕ

Томъ I.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ VIII.

№ 13.

На годъ съ пер. и дост. — 7 руб.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Новая улица, домъ № 6.
Цѣна отдѣльных №№ по 20 к.

За полгода — 4 руб.

22 Марта 1880 года.

На родинѣ.

Стихъ В. Раевского.

Вотъ и степь, и знакомы лица,
И врачующій душу просторъ.
Какъ все манитъ вдали отъ столицы
Утомленный, безжизненный взоръ.
Только взглянешь кругомъ, по неволѣ
Увлекаетъ туманная даль,—
Широко ты, зеленое поле,
Какъ моя роковая печаль.
И казалось бы, нѣтъ и предѣла
Безконечному морю травы,
Знай, ходи себѣ по степи смѣло,
Здѣсь не то, что надъ устьемъ Невы.
Примѣнай свои юныя силы,
Духота здѣсь тебѣ не вредитъ,—
Примѣнай—и роскошной могилой
Степь за это тебя наградитъ.

Берегись гроба!

Разсказъ начальника станціи.
(Съ англійскаго.)

за другимъ почти безъ перерыва. Безпокойство мое съ минуты на минуту усиливалося. Дѣло въ томъ, что на моей линіи было два моста не совсѣмъ въ исправности, а кромѣ того я ожидалъ съ этимъ поѣздомъ сумму денегъ въ 14 тысячъ долларовъ для передачи сосѣднему землевладѣльцу г-ну Ельдриджу. Мало-ли что могло случиться въ такую погоду. Наконецъ, къ семи часамъ вечера показались красные огоньки приближавшагося поѣзда; стало быть, все обстояло благополучно и можно было вздохнуть свободно. Но напряженные съ утра нервы не хотѣли успокоиваться и мрачныя мысли продолжали волновать воображеніе. Я жилъ на станціи совершенно одинъ и перспектива провести цѣлую ночь съ большой суммой денегъ не представляла ничего успокоительнаго.

Изъ опоздавашаго поѣзда вышли двое или, лучше сказать, одинъ пассажиръ: второго вынесли въ гробу изъ товарнаго вагона.

— Кто это? спросилъ я, когда багажъ внесли на станцію.

— Это тѣло моей родственницы, отвѣчалъ весьма приличный джентльменъ, вошедшій въ залу за гробомъ.—Вы, вѣроятно, знаете г-на Ельдриджа? Это его племянница, я везу ее хоронить въ ихъ фамильный склепъ.

— Въ такомъ случаѣ гробъ долженъ оставаться здѣсь до утра? спросилъ я.

— Да, отвѣчалъ онъ отрывисто.

А затѣмъ спросилъ, успѣетъ ли онъ доѣхать сегодня вечеромъ до имѣнія г-на Ельдриджа?

— Въ такую погоду это будетъ довольно трудно, отвѣчалъ я,—совѣтую вамъ лучше переночевать въ гостинницѣ.

Гостинница, про которую я говорилъ ему, стояла отъ станціи минутъ на десять ходьбы. Объяснивъ незнакомцу какъ найти ее, я подошелъ къ кондуктору, который вручилъ мнѣ пакетъ съ ожидаемыми деньгами.

— Берегись, Вильямъ, сказалъ онъ мнѣ при этомъ,—изъ за такой крупной суммы стоитъ потрудиться; а всадить пулю въ голову не долго, даже и такому молодцу, какъ ты.

Я отвѣчалъ ему какой-то шуткой, но, признаться сказать, мнѣ было въ эту минуту не до смѣха.

Кондукторъ подавъ сигналъ, раздался пронзительный свистокъ и поѣздъ снова пустился въ путь.

Я смотрѣлъ вслѣдъ удалявшимся краснымъ огонькамъ до тѣхъ поръ, пока они не исчезли въ ночной темнотѣ и тогда тяжелое ощущеніе одиночества и какой-то безотчетный страхъ съ новой силой стиснули мнѣ сердце.

Комната, въ которой я жилъ, находилась рядомъ съ залой, назначенной для багажа; проходя черезъ эту залу, я невольно покосился на гробъ, стоявшій въ одномъ изъ ея угловъ, и поспѣшилъ войти къ себѣ. Здѣсь я принялся устраиваться по возможности уютнѣе и пріятнѣе на ночь: растопилъ каминъ, набилъ трубку, поставилъ грѣть воду для гроба, а затѣмъ усялся съ газетой въ рукахъ въ покойное, глубокое кресло. Отъ бури, не перестававшей шумѣть и гудѣть на дворѣ, въ моей теплой комнатѣ казалось еще уютнѣе и веселѣе, а между тѣмъ мнѣ никакъ не удавалось вполнѣ успокоиться. Трубка не раскуривалась, гробъ вышелъ не по вкусу, въ газетахъ не находилось ничего интереснаго.

Чтобъ развлечься, я подошелъ къ телефону. Аппаратъ передавалъ что-то, но въ ту самую минуту, когда я началъ къ нему прислушиваться, сильный ударъ грома заглушилъ всѣ остальные звуки и нѣсколько мгновений, кромѣ зловѣщихъ раскатовъ грозы, ничего не было слышно. Потомъ все стихло и я явственно разслышалъ слова:

— Берегись гроба!

У меня кровь застыла въ жилахъ отъ ужаса.

— Берегись гроба! снова повторилъ мой таинственный доброжелатель, а затѣмъ голосъ смолкъ.

Я терялся въ догадкахъ. Кто это говорилъ со мной? Что все это значило? Одно только было ясно, это то, что мнѣ предстояла какая-то опасность, противъ которой слѣдовало принять мѣры предосторожности.

Я вынулъ машинально изъ ящика револьверъ и зарядилъ его. Оружіе это было старое, заржавленное и большихъ услугъ оказать мнѣ не могло,

но все-же лучше, чѣмъ ничего, думалъ я. Потомъ осмотрѣлъ замки у дверей, ставни у оконъ и широко растворилъ дверь, ведущую изъ моей комнаты въ багажную залу, чтобъ имѣть возможность, не вставая съ мѣста, слѣдить за гробомъ.

Затѣмъ я снова сѣлъ къ аппарату и началъ спрашивать одну станцію за другой: не телеграфировалъ-ли мнѣ кто-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчали мнѣ отовсюду.

Тогда я подумалъ, что, вѣроятно, ослышался и что слышанный мною возгласъ было ничто иное, какъ дѣйствіе разстроеннаго воображенія. Но едва успѣлъ я придти къ этому заключенію, какъ голосъ изъ телефона снова прокричалъ мнѣ три раза сряду тѣже слова: «берегись гроба!»

О снѣ нечего было и думать. Я рѣшился всю ночь бодрствовать и стеречь таинственнаго врага. Сбросивъ съ ногъ тяжелыя сапоги, я прилегъ, не раздѣваясь, на кровать, стоявшую какъ разъ противъ двери, и началъ пристально смотрѣть на гробъ.

Буря успокоилась; сдѣлалось такъ тихо, что до моего слуха явственно достигало мѣрное и однообразное тиканье стѣнныхъ часовъ. Пробыло одиннадцать. Пробыло двѣнадцать. Все было спокойно. Въ багажной залѣ горѣла лампа и я не спускалъ глазъ съ гроба. Это длилось довольно долго и меня уже начало клонить ко сну, когда вдругъ снова голосъ изъ аппарата, все съ тѣмъ-же предостереженіемъ, заставилъ меня очнуться и съ усиленнымъ вниманіемъ смотрѣть и прислушиваться.

Мало-по-малу мнѣ стало казаться, что въ гробу происходитъ что-то неладное, слышался шорохъ, точно отъ винта, который медленно и осторожно отвинчивали.

Я весь превратился въ слухъ. Сердце мое сильно билось. Шорохъ по временамъ то стихалъ, то усиливалося. Наконецъ, я поднялся съ постели, взялъ пистолетъ, тихо-тихо направился къ гробу и остановился около него.

Здѣсь шорохъ отвинчиваемаго винта слышался еще явственнѣе и вскорѣ крышка начала медленно приподниматься...

Признаюсь, мнѣ сдѣлалось такъ жутко, что я совершенно растерялся, но, къ счастью, замѣшательство мое длилось одно только мгновеніе, рѣшительность и присутствіе духа тотчасъ вернулись ко мнѣ и, бросившись на гробъ, я изо всей силы захлопнулъ подымавшуюся крышку.

Послышался крикъ. Кто-то застоналъ отъ боли. — Ладно, думаю, нищѣ, сколько душъ угодно, голубчикъ, а ужъ я тебя не выпущу!

И, навалившись всѣмъ тѣломъ на гробъ, я началъ искать глазами, чѣмъ-бы мнѣ укрѣпить плотнѣе крышку. Подо мной мнимый мертвецъ не переставалъ биться и силился, что было мочи, приподнять крышку, но я, для большей безопасности, сѣлъ на нее верхомъ и всѣ усилія моего плѣнника оставались тщетны.

Невдалекѣ валялась на полу веревка; я притянул ее къ себѣ, захлестнулъ раза два вокругъ гроба и завязалъ крѣпкимъ узломъ. Потомъ отыскалъ молотокъ, гвозди и началъ заколачивать его со всѣхъ сторонъ очень усердно и не жалѣя гвоздей.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, я поспѣшилъ къ аппарату и потребовалъ съ ближайшей станціи помощи. Мнѣ казалось, что эпизодъ съ мнимымъ покойникомъ только начало исторіи, и, дѣйствительно, едва успѣлъ я потушить лампу и получить отвѣтную депешу о выѣздѣ поѣзда, посланнаго мнѣ на помощь, какъ въ сѣняхъ раздались осторожные шаги и кто-то, остановившись у запертой входной двери, тихонько постучалъ въ нее.

Я молчалъ и не трогался съ мѣста.

— Михель! позволь голосъ.

А тамъ снова легкій стукъ и снова довольно продолжительная пауза.

Я продолжалъ молчать. Вдругъ въ дверь ударили съ такой страшной силой, что одна изъ петель сорвалась и въ отверстіе просунулась рука.

Рука эта искала ощупью замокъ. Я схватилъ ее и между нами завязалась борьба.

Противникъ мой выбивался изъ силъ, чтобы освободиться, но я не выпускалъ его. Минутъ десять времени провели мы въ такомъ положеніи, пока, наконецъ, громкое проклятіе, вырвавшееся у злодѣя, не возвѣстило мнѣ о приближеніи ожидаемой помощи. Онъ сдѣлалъ отчаянную попытку, чтобы вырвать руку изъ моихъ желѣзныхъ когтей, но если страхъ придалъ ему силы, то и во мнѣ надежда на спасеніе возбудила новую энергію. Я его не выпустилъ.

Раздались торопливые шаги.

— Отвори, это мы! послышался голосъ моего товарища, начальника ближайшей станціи.

Я выпустилъ руку разбойника и отперъ дверь. Мой противникъ лежалъ уже связанный на землѣ, а избавители мои послѣдовали за мной на станцію, радуясь тому, что поспѣли во время.

— Выгодное ты обдѣлалъ дѣльце, говорили они. — Правительство обѣщало 500 долларовъ за поимку этого вора.

— Но у меня здѣсь лежитъ еще одинъ плѣнникъ, объявилъ я имъ.

— Гдѣ? Гдѣ? послышалось со всѣхъ сторонъ.

Я показалъ имъ на гробъ и рассказалъ все, какъ было. Рѣшено было открыть гробъ и познакомиться поближе съ мнимымъ покойникомъ. Но я заколотилъ его такъ усердно, что пришлось довольно-таки долго повозиться надъ нимъ.

— Еслибъ всѣ гробы были такъ хорошо заколочены, замѣтилъ мой пріятель, — даже въ день страшнаго суда ни одна душа не могла-бы вырваться изъ нихъ.

Наконецъ, мы подняли крышку и овладѣли лежащимъ въ немъ разбойникомъ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ навести на насъ пистолетъ, которымъ онъ былъ вооруженъ.

Человѣкъ этотъ оказался однимъ изъ опаснѣйшихъ разбойниковъ въ Мичиганѣ и за поимку его правительство выдало мнѣ тысячу долларовъ, да за товарища его 500. Г. Ельбриджъ тоже сдѣлалъ мнѣ хорошій подарокъ, когда я передалъ ему тѣ 14 тысячъ долларовъ, изъ-за которыхъ я натерѣлся столько страху, а кромѣ того имя мое получило громкую извѣстность въ околѣтѣ и я сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ знаменитость. Но, не взирая на все это, я, признаюсь откровенно, не желалъ-бы пережить второй разъ такую ночь, тѣмъ болѣе, что на телефонъ нельзя всегда рассчитывать, врядъ-ли будетъ онъ каждый разъ и самъ отъ себя предупреждать меня отъ опасности. Такія чудеса два раза въ жизни не повторяются.

Призывъ.

Стих. В. Львова.

Приди ко мнѣ, когда златая
На небѣ звѣздочка взойдетъ,
Покроетъ землю тьма ночная
И надъ рѣкой туманъ падетъ.

Когда заснетъ въ истомѣ сладкой
Миръ, полный дрязгъ и мелочей,
Когда зефиръ шумитъ украдкой,
И, чуть журча, бѣжитъ ручей...

Когда природа отдыхаетъ,
И чудной нѣги ночь полна,
О берегъ плещетъ и играетъ
Съ волной красавица волна...

Когда русалки надъ рѣкою
Рѣзвятся стройною толпой —
Я жду тебя въ тотъ часъ покоя:
Приди бесѣдовать со мной!

Мы уголокъ найдемъ укромный
И тамъ въ саду, въ тиши ночной,
Насъ не увидитъ взоръ нескромный,
Мы унесемся въ миръ иной!..

И соловей съ кустовъ сирени
Намъ про любовь тайкомъ споетъ...
Такъ средь восторговъ, упоеній,
Какъ чудный сонъ, та ночь пройдетъ.

Но лишь багряный лучъ денницы
Въ лазури неба заблеститъ
И съ пѣньемъ встрепенутся птицы, —
Тогда разлука намъ грозитъ!

Толпы законамъ уступая,
Ты маску свѣтскую надѣвъ,
И будемъ ждать мы, прозябая,
Пока пройдетъ несносный день;

Тогда подъ кровомъ звѣздной ночи
Съ тобой сойдемся мы опять!..
Тебѣ глядѣть я буду въ очи,
Въ бесѣдахъ время коротать!..

Новости русской литературы.

(Окончаніе.)

Мы уже сказали, что нашъ художникъ требуетъ отъ всякаго истинно-художественнаго произведенія идеи. Теперь считаемъ нужнымъ опредѣлить точнѣе сказанное нами: не всякую идею нашъ художникъ считалъ достойною воплотить въ художественномъ образѣ. Онъ прекрасно сознавалъ, что онъ обязанъ служить не отжившимъ идеаламъ, а нарождающимся, не увѣковѣчивать старыя представленія а дѣлать доступными и понятными идеи новаго времени и духъ новой цивилизаціи, какъ онъ отражается въ умахъ передовыхъ современниковъ. Нашъ художникъ работалъ надъ сюжетомъ библейскимъ и здѣсь хотѣлъ быть современнымъ: онъ очень хорошо сознавалъ, что пониманіе библейскихъ идеаловъ и усвоеніе религиозныхъ идей, какъ и все другое, обуславливается временемъ, теченіемъ цивилизаціи и свойствами народности. Пониманіе IV в. не таково, какъ — XIV; въ XIX в. нельзя удовлетвориться религиозными идеалами XVI. Что понятно и назидательно для религіознаго протестанта, чуждо правовѣрному католику; икона итальянскаго письма для православнаго русскаго, привыкшаго къ византийскимъ образцамъ, не будетъ иконою. Въ то время, какъ работалъ Ивановъ надъ своею картиною, въ Европѣ производило громадное впечатлѣніе сочиненіе по первоначальной исторіи христіанства Д-ра Давида Штрауса — его знаменитое «Leben Jesu». Это сочиненіе дѣлается настольною кни-

гоу нашего художника, онъ его изучаетъ и выучивается, его идеями руководится и нѣкоторые взгляды желаетъ воплотить въ своемъ произведеніи. Ивановъ даже ѣздилъ къ многоученому доктору говорить о книгѣ и своей картинѣ, которой въ нѣкоторыхъ пунктахъ книга давала тѣму, даже думалъ пригласить въ Римъ многоученаго доктора посмотреть картину и дать свое мнѣніе о ней. Ивановъ интересовался названною книгою не случайно, не потому только, что она ему припала по вкусу, а именно потому, что видѣлъ въ ней духъ новаго времени, отраженіе современной цивилизаціи и современнаго пониманія. На вопросъ одного собесѣдника, почему онъ интересуется сочиненіемъ Штрауса, Ивановъ прямо отвѣтилъ: «Я долженъ знать, какимъ образомъ понимаютъ нынѣ передовые люди нашей цивилизаціи тотъ предметъ, изъ котораго преимущественно беретъ свой сюжетъ искусство. Художникъ долженъ стоять въ урovenѣ съ понятіями своего времени».

Нашъ художникъ зналъ вѣкъ, въ который онъ работаетъ, а кромѣ того не забывалъ и народъ, для котораго онъ работаетъ; при своемъ творчествѣ онъ имѣлъ въ виду идеи XIX в., а кромѣ того свойства и потребности русскаго народа. У него подъ руками множество образцовъ, а онъ все ищетъ древнѣйшій типъ Христа. Нашему художнику надобно писать «Воскресеніе Христа» и онъ пишетъ въ Москву, чтобы ему нашли въ Москвѣ иконные образа Воскресенія и прислали ему съ нихъ, «въ какихъ-бы уродливыхъ формахъ ни были», копіи, «дабы имѣть понятіе, какъ намъ греки передали сей образъ, когда сочиненія церковныя выходили изъ самой церкви, безъ претензій на академизмъ, который насъ теперь совсѣмъ запрудилъ». Для чего ему нуженъ старый уродливый образъ неизвѣстнаго богомаза? Думаемъ для того, чтобы писать понятно и назидательно для православной Москвы. Нашъ художникъ стремится въ Грецію и юго-славянскія страны, ему хочется побывать на родинѣ Св. Кирила и Меѳодія. Что ему нужно смотреть въ этихъ бѣдныхъ странахъ? Зачѣмъ ему оставлять Ватиканъ, гдѣ собраны чудеса искусства и произведенія безсмертныхъ творцовъ и ѣхать въ ветхій какой-нибудь храмъ, расписанный тощими византийскими фигурами? Кто можетъ отрицать народъ съ его исторію, взглядомъ и преданіями, для того это ненадобно. Но кто сознаетъ, что для просвѣщенія народа необходимо ознакомиться съ нимъ, чтобы найти точку, съ которой возможно показать народу идеальное и совершенное, тотъ признаетъ въ этомъ существенную нужду. Ивановъ работалъ для русскаго православнаго народа, воспитаннаго греческими и юго-славянскими образцами и учителями; поэтому онъ считалъ необходимымъ изученіе греко-славянскаго искусства. Онъ не былъ почитателемъ византийской живописи и не думалъ объ ея возобновленіи, но совсѣмъ игнорировать ее считалъ неблагоразумнымъ.

Талантъ Иванова, его всестороннее художественное образованіе, образцовая метода, непреклонное трудолюбіе и честная до самоотверженности преданность своему искусству — все это даетъ ему полное право занять видное мѣсто въ ряду лучшихъ художниковъ. Но для полной оцѣнки Иванова надо принять во вниманіе не только то, что онъ сдѣлалъ, но и къ чему стремился, что обѣщавъ сдѣлать и на что только далъ намекъ. А онъ стремился сдѣлать многое и, если бы смерть не похитила его такъ неожиданно, можетъ быть, былъ бы реформаторомъ въ искусствѣ. По мѣрѣ того, какъ онъ развивался, какъ росъ его талантъ, въ немъ созрѣвало убѣжденіе, что въ искусствѣ должна произойти значительная реформа. Онъ не удовлетворялся современнымъ искусствомъ и началъ настойчиво искать для него по-

вое содержаніе. Искусство въ древнее время было великою образовательною силою, необходимымъ элементомъ общественной жизни именно въслѣдствіе того, что оно отражало идеи и духъ своего времени, служило существеннымъ интересамъ эпохи. А если въ наше время искусство не имѣетъ значенія въ жизни, то это происходитъ отъ того, «что оно позабыло развиваться соответственно процессу развитія общественныхъ идей». Съ конца 40-хъ годовъ Ивановъ сталъ чувствовать, что совершается что-то новое, что съ особенною силою нарастаютъ какія то новыя стремленія. Это нѣчто новое совершалось не въ тихой области искусства, а въ политикѣ и жизни общественной. Ивановъ политикой не занимался и могъ бы, кажется, спокойно въ мастерской работать надъ своими картинами. Нѣтъ, нашъ художникъ отзывчивъ: ему кажется, что эти новыя идеи и стремленія должны отразиться и на его искусствѣ. Для разъясненія своихъ сомнѣній и недоумѣній онъ желаетъ обратиться—странно!—не къ художникамъ, а къ передовымъ политическимъ дѣятелямъ: къ Мадзини и Герцену, какъ прежде обращался къ многоученому доктору. Онъ обращается въ Лондонъ къ Герцену съ такимъ письмомъ: «Слѣдя за современными успѣхами, я не могу не замѣтить, что мое искусство живописи должно получить новое направленіе, и, полагая, что нигдѣ столько не могу почерпнуть разъясненія мыслей моихъ, какъ въ разговорѣ съ вами, надѣюсь, что вы не откажете въ этомъ, и рѣшаюсь пріѣхать въ Лондонъ отъ 3-го до 10-го сентября. Въ художникахъ итальянскихъ совѣмъ не слышно стремленія къ какимъ-нибудь новымъ идеямъ въ искусствѣ... Свиданіе состоялось. Собесѣдники говорили, понятно, не о картинахъ и техникахъ, а объ идеяхъ и стремленіяхъ новаго времени. Ивановъ изобразилъ свое печальное состояніе въслѣдствіе перелома и потери старыхъ убѣжденій и просилъ разъясненій и руководства. «Я, говорилъ онъ своему собесѣднику,—мучусь о томъ, что не могу больше формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться считаю я преступленіемъ, прибавилъ онъ съ жаромъ. Писать безъ вѣры религіозныя картины—это безнравственно, это грѣшно; я не надивлюсь на французовъ и итальянцевъ: разбирая по камню католическую церковь, они на перехватѣ пишутъ картины для ея стѣнъ. Этого я не могу—нѣтъ, никогда, никогда!»

Конечно, лондонскій собесѣдникъ не показалъ Иванову выхода, да и не могъ. Это приобрѣтается самимъ человѣкомъ, совершается годами; долгій и болѣзненный процессъ! Даже и въ Петербургѣ одному своему собесѣднику Ивановъ говорилъ, что онъ не примется за картину, пока не уяснитъ себѣ новаго направленія и что ему придется года три работать надъ своими мыслями. На просьбу этого собесѣдника Ивановъ въ общихъ чертахъ высказалъ свои мысли о новомъ направленіи въ искусствѣ. «Съ технической стороны оно будетъ вѣрно идеямъ красоты, которыми служили Рафаэль и его современники итальянцы. Техника доведена ими до высочайшей степени совершенства. Тутъ намъ не остается ничего иного, какъ быть ихъ послѣдователями. Нынѣ въ Германіи и другихъ странахъ многіе толкуютъ о до-рафаэлевской манерѣ, у насъ—о византийскомъ стилѣ живописи. Такія отступленія назадъ и невозможны, и не заслуживаютъ сочувствія. Формою искусства должна быть красота, какъ у Рафаэля, мы должны остаться вѣрны итальянской живописи. Но это со стороны техники. Идей у итальянцевъ XVI вѣка не было такихъ, какія имѣетъ наше время; живопись нашего времени должна проникнуться идеями новой цивилизаціи, быть истолковательницею ихъ. Соединить рафаэлевскую технику съ идеями по-

вой цивилизаціи,—вотъ задача искусства въ настоящее время. Прибавлю вамъ, что искусство тогда возвратитъ себѣ значеніе въ общественной жизни, котораго не имѣетъ теперь, потому что не удовлетворяетъ потребности людей. Оно будетъ имѣть тогда и враговъ, которыхъ не имѣетъ теперь. Я, знаете-ли, боюсь (прибавилъ Ивановъ, съ своею наивною вѣрою въ проницательность своихъ суждѣній), какъ бы не подвергнуться гоненію,—вѣдь искусство, развитію котораго я буду служить, будетъ вредно для предрассудковъ и преданій,—это замѣтятъ, скажутъ, что оно стремится преобразовать жизнь, и знаете, вѣдь эти враги искусства будутъ говорить правду: оно дѣйствительно такъ».

По нравственнымъ качествамъ: удивительному трудолюбію, искренней преданности своему искусству, аскетической воздержности отъ всякихъ приманокъ дешевой славы и легкой наживы—Ивановъ вполне годился въ реформаторы. Смерть, къ сожалѣнію, очень рано лишила юное русское искусство этого мощнаго руководителя. Тѣмъ не менѣе русское искусство должно быть вѣчно благодарно и за то, что онъ сдѣлалъ, и за то, что высказалъ смѣлую и плодотворную идею: Иванову не удалось, какъ онъ желалъ этого, лично руководить нашихъ молодыхъ художниковъ и воспитывать ихъ въ новыхъ идеяхъ. Но тѣмъ не менѣе и теперь онъ долженъ быть для нихъ образцомъ, достойнымъ изученія, и примѣромъ для подражанія. Изданную книгу поэтосу нельзя не признать важнымъ руководствомъ для нашихъ художниковъ; она, по справедливому выраженію одного нашего извѣстнаго художника, стоитъ хорошей картины и даже нѣсколькихъ хорошихъ картинъ.

Смерть.

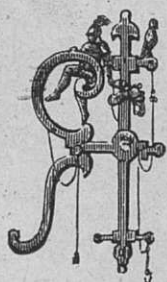
Стих. Б. Левина.

Идетъ къ концу тревожной жизни день
И вечера густѣющія тѣни
Зовутъ меня подъ сладостную сѣнь,
Зовутъ ко сну отъ мелкихъ тревоженій.
Ночь, смерти ночь все близится ко мнѣ...
Когда бъ я могъ, о, юность дорогая,
Изъ устъ твоихъ услышать въ тишинѣ
О счастья пѣснь, съ улыбкой засыпая!

На краю пропасти.

Повѣсть Л. Герберъ. Переводъ М. Л.—ой.

I.

увидалъ Клотильду въ первый разъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, но иногда мнѣ думается и грезится, будто это случилось на дняхъ, такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на меня ею. Увидалъ я ее у ея дяди и опекуна, богатаго комерсанта, который жилъ около самаго Берлипа на дачѣ; прекрасныя залы его въ тотъ вечеръ сіяли огнями: почтенный старикъ давалъ балъ. Я наблюдалъ изъ углубленія ниши блестящую, оживленную, весело болтающую толпу, спущую то въ одномъ, то въ другомъ направленіи; вскорѣ однако взоръ мой остановился, какъ очарованный, на прелестной дѣвушкѣ съ благородной осанкой; она, будто царица между своими подругами, приближалась въ мою сторону. Глубокій взглядъ ея темныхъ глазъ, полныхъ ума и кротости, правильныя черты нѣжнаго, овальнаго лица и чудное соединеніе красокъ совершенно околдовали меня.

Замѣчательна была грація ея движеній, скромность и при томъ величавость ея почти горделивой осанки. Къ ней подошелъ молодой человекъ, котораго мнѣ только что передъ тѣмъ

представили подъ именемъ Рудольфа фонъ-Браунека. Онъ былъ такъ-же красивъ, какъ и изященъ; взглядъ на него вызвалъ легкій румянецъ на ея щекахъ; тогда я еще не зналъ, почему. Онъ шепнулъ ей нѣсколько словъ, она въ отвѣтъ такъ очаровательно улыбнулась ему, что я умилился душой. Черезъ нѣсколько минутъ онъ подавъ ей руку и повелъ ее къ открытому роялю, сѣлъ за него и началъ мощной и искусной рукой аккомпаниментъ новаго въ то время романса, который чрезвычайно мнѣ понравился, можетъ быть, потому, что его пѣла эта прелестная молодая дѣвушка; голосъ ея, мягкій и полный, бралъ за сердце и немного дрожалъ отъ неизвѣстнаго мнѣ волненія. Но какъ-же я былъ изумленъ, увидавъ, что Браунекъ, когда замеръ послѣдній звукъ, вдругъ опустился къ ногамъ пѣвицы. Онъ притянулъ обѣ ея руки къ своимъ губамъ, порывисто всталъ и страстно прижалъ къ своей груди краснѣющую и сопротивляющуюся дѣвушку.

— Зачѣмъ, Клотильда, намъ ждать, пока наполнятся бокалы? сказалъ онъ своимъ пріятнымъ голосомъ, въ которомъ звучала твердая рѣшимость. — Почему не признаться обществу въ томъ, что болѣе не останется тайной, теперь-же, когда всѣ въ восторгѣ отъ твоего пѣнія?.. Господа, прибавилъ онъ, обращаясь къ гостямъ,—вы видите передъ собою невѣсту и жениха и мы сердечно просимъ васъ, пожелайте намъ счастья.

Послѣ короткаго молчанія послѣдовалъ взрывъ одобренія. Всѣ тѣснились къ нимъ; радостное выраженіе и растроганное, — все слилось въ едино, и самъ я, ослѣпленный музыкой и пѣніемъ, чувствовалъ себя глубоко взволнованнымъ счастьемъ этихъ почти незнакомыхъ мнѣ людей. «Вамъ можно позавидовать, подумалъ я про себя.—Не завидуетъ-ли вамъ кто-нибудь больше, чѣмъ слѣдуетъ? Отчего блѣднолицый Леонгардтъ, сынъ хозяина дома, холодный и чопорный молодой человекъ, который мнѣ не нравился, такъ сдержанно подаетъ руку своей сіяющей кузинѣ и тонкія сжатія губы его съ такимъ усиленіемъ раскрываются, чтобы произнести официальную поздравительную фразу? Уже не любитъ-ли онъ ее?» Взоръ мой снова обратился къ невѣстѣ; слезы счастья дрожали на ея рѣсницахъ. «Останешься-ли ты всегда такой счастливой и прекрасной, какою ты смотришь теперь? шепталъ во мнѣ внутренний голосъ опыта.—Человекъ, который съ такимъ восторгомъ сегодня называлъ тебя своей невѣстой, всегда-ли будетъ носить тебя на рукахъ?» Почему это пришло мнѣ въ голову именно въ эту минуту,—я не знаю. Но припомнить это сомнѣніе мнѣ пришлось много лѣтъ спустя, когда я вновь увидалъ Клотильду фонъ-Браунекъ... Что это? предчувствіе-ли, освѣщающее сумерки нашего духовнаго міра, или неясное вліяніе одного индивидуума на другой, одного взгляда на другой взоръ, которое безъ помощи насъ самихъ и безъ нашего сознанія перерабатывается въ мышленіе?

II.

Пять лѣтъ, прожитыхъ въ счастливомъ супружествѣ, проходятъ, какъ чудный сонъ, и Клотильда была счастлива. Выгодное общественное положеніе ея мужа, котораго пѣнили и любили во всѣхъ кружкахъ, какъ даровитаго юриста и любезнаго собесѣдника, дарило ей, при врожденной прелести ея собственной особы, еще и вишнюю жизнь, полную удовольствій. У домашняго-же очага, уютнаго и привольнаго царствовали миръ и любовь. Кротость Клотильды и благородная женственность ея характера умѣряли порывы нѣсколько необдуманнаго и пылкаго нрава ея мужа. Ребенокъ-дѣвочка съ темными глазами матери и свѣтлыми кудрями отца довершала счастье ея жизни. Изрѣдка лишь налетало на

Спасение.

Резано на деревъ по фотографии Гупиля; въ Парижѣ.

нее чувство какой-то неопредѣленной заботы и давило ее. На Рудольфа нашло что-то неустойчивое и тревожное. Она не привыкла пугаться призраковъ, но теперь иногда ловила себя на боязни чего-то неизвѣстнаго, чего — она сама не понимала.

Однажды, въ холодный и бурный апрѣльскій день, въ сумерки, сидѣла Клотильда въ своей прелестной комнатѣ передъ каминомъ и на колѣняхъ укачивала заболѣвшаго ребенка. Съ материнской заботливостью стерегла она покойный сонъ малютки и въ то-же время напряженно прислушивалась къ шагамъ, приближающимся къ дому. Она отъ времени до времени обращала свое милое, кроткое личико къ входной двери и каждый разъ, обманутая въ ожиданіи, печально качала головкой.

— Боже мой, шептала она, — куда-же пропалъ Рудольфъ? Засѣданіе должно быть закрыто уже нѣсколько часовъ тому назадъ.

Наконецъ, колокольчикъ издалъ знакомый звукъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не онъ, думала она — это не его эластическая походка; онъ всегда такъ легко и быстро взбѣгаетъ по лѣстницѣ.

Тяжелые шаги медленно приближались и, наконецъ, дверь была отворена нерѣшительной рукой.

— Рудольфъ, воскликнула она, — ты-ли это? и она такъ испугалась, увидавъ своего мужа, что ребенокъ проснулся на ея колѣняхъ.

Неужели то былъ ея красивый, смѣлый Рудольфъ, этотъ человѣкъ, который теперь входилъ къ ней? Блѣдный, съ блуждающими, почти бессмысленными глазами, шатаясь, прошелъ онъ по комнатѣ и въ изнеможеніи опустился въ уголъ дивана?

— Рудольфъ! что случилось? Ради Бога, скажи хоть слово, умоляла Клотильда, садясь рядомъ съ нимъ и держа стонущаго ребенка на рукахъ. Она потихоньку провела рукой по влажному лбу мужа, поправила волосы, безпорядочно спустившіеся на лобъ и робко смотрѣла въ измѣнившееся его лицо. Онъ сдѣлалъ слабое движеніе, чтобы отстранить ея ласковую заботливость и съ трудомъ разжимая губы, беззвучно произнесъ:

— Что случилось, — сказать можно скоро. Я все потерялъ, все, даже честь.

Клотильда поблѣднѣла.

— Даже честь? Я не понимаю. Вчера ты приготавливалъ меня къ мысли о возможности денежной потери, но какое-же отношеніе имѣть это къ твоей чести?

Онъ закрылъ лицо тонкими, красивыми руками и глубоко, глубоко вздохнулъ:

— Вчера! вчера мнѣ еще оставалась маленькая надежда, но я не рѣшался заставить тебя даже заподозрить всю бездну угрожающей опасности. Теперь все кончено. Я пропащій человѣкъ.

Не находя словъ утѣшенія, она нѣсколько минутъ растерянно смотрѣла на погруженнаго въ нѣмое отчаяніе мужа. Наконецъ, она заговорила мягкимъ голосомъ:

— Рудольфъ, я никогда не знала твоихъ... нашихъ денежныхъ дѣлъ, ты молчалъ, а у меня не хватало духа спрашивать о нихъ. Но теперь, не правда-ли, ты мнѣ все скажешь?

Онъ продолжалъ молчать и съ трудомъ переводилъ дыханіе.

— Повѣрь мнѣ, снова заговорила она, — я сильна и вмѣстѣ съ тобой могу перенести самое тяжелое испытаніе, но эта неизвѣстность — ужасная пытка.

Онъ не отвѣчалъ, взглянулъ на ребенка и положилъ свою руку на его кудри; дѣвочка схватила руку отца и притянула ее къ своимъ губамъ; онъ вздрогнулъ отъ прикосновенія ея горячаго ротика.

— О, Боже мой, что за мученіе! прошептала онъ. — Ребенокъ болѣнъ, ты безпокоишься о немъ и въ это-то именно время мнѣ надо... но ты права, я не долженъ ничего отъ тебя скрывать. Бѣдная, любимая моя жена! Когда я, пять лѣтъ тому назадъ, ввелъ тебя въ этотъ домъ — одна только мысль и была у меня — какъ принять тебя достойнымъ образомъ. Выслушай-же меня. Вмѣсто того, чтобы строго соображаться съ нашими средствами, я поставилъ домъ и молодое хозяйство наше на ту-же ногу, какъ я къ тому привыкъ въ отцовскомъ домѣ. Но уже черезъ два года я съ испугомъ увидалъ, что не долго возможно будетъ вести подобный образъ жизни. Что мнѣ было дѣлать? Пойти къ тебѣ и сказать: «Клотильда, наше блестящее положеніе было не болѣе, какъ короткій сонъ: Теперь мы должны жить расчетливо и стѣсняясь во всемъ, какъ мѣщане». Этого я не могъ, не могъ, это было невозможно.

— Рудольфъ, милый, что ты говоришь? Развѣ ты не зналъ, что вмѣстѣ съ тобой я была-бы счастлива даже въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и...

— Знаю, знаю, поспѣшно прервалъ онъ ее, — ты вѣдь была-бы довольна, но я рѣшительно былъ не въ силахъ лишать тебя однихъ за другими всѣхъ удовольствій и даже удобствъ. Наконецъ, и самъ я, избалованный съ дѣтства — не способенъ жить въ бѣдности. Я началъ думать о средствахъ, какъ-бы улучшить дѣла; то, что я зарабатываю моею юридической практикой — весьма незначительно.

Она смотрѣла на него и молчала.

— Случай, на который я теперь горько ропщу, съ усиленіемъ продолжалъ онъ, — познакомилъ меня съ предпріятіемъ, отъ котораго всѣ участвующие ожидали золотыхъ горъ. Я слишкомъ легко поддавался на уговоры друзей и вложилъ въ широко задуманное дѣло весь остатокъ своего состоянія. Судя по результатамъ, я года два думалъ, что этимъ совершилъ самое разумное дѣяніе своей жизни. Потомъ подошли неблагоприятныя обстоятельства; пришлось дѣлать новые вклады и я часто находился въ большемъ затрудненіи, но надежда на огромныя прибыли оставалась въ прежней силѣ. Теперь я сообщу тебѣ то, что узналъ на-дняхъ: меня и многихъ другихъ обманули два мошенника самымъ гнуснымъ образомъ. Полиція удалось схватить одного изъ нихъ, другой-же, переплывъ океанъ съ огромной суммой похищенныхъ денегъ, находится въ безопасности. Увѣренность въ этомъ есть результатъ сегодняшняго засѣданія, прибавилъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

Пока онъ говорилъ, дѣвочка расплакалась и Клотильда крѣпче прижала ее къ своей груди. Одну минуту она колебалась, на котораго изъ двухъ дорогихъ для нея существъ обратиться ей свою заботливость. Затѣмъ, быстро рѣшась, отнесла дѣвочку въ спальню и передала ее старушкѣ-нянѣ. Вернувшись къ мужу, она стала около него, выпрямившись во весь ростъ и съ нѣжностію, исполненною достоинства, взяла его за руку; онъ-же все еще сидѣлъ, весь съежившись въ своемъ углу.

— Рудольфъ! какъ возможно такъ падать духомъ отъ этой несправедливости? сказала она твердо. — Если-бы я потеряла тебя или нашу Катю — дѣло другое; тогда я была-бы безутѣшна. Но потеря состоянія!.. съ этимъ горемъ помириться можно, пока мы вмѣстѣ, пока здоровы и молоды.

Нетерпѣливымъ движеніемъ онъ отнял свою руку и всталъ на ноги.

— Ты не знаешь, что говоришь! Ты не подозреваешь, какъ безнадежно мое положеніе. Я говорю тебѣ: я погибъ. Пуля въ лобъ для меня теперь самое лучшее.

Молодая женщина вздрогнула.

— Чтобы оставить жену и ребенка несчастными и нищими? спросила она медленно, оттирая каждое слово.

Онъ стоялъ, пораженный этой мыслью; потомъ онъ быстро повернулся къ женѣ.

— Что ты такое сказала? Да, ты права. Я не имѣю права этого сдѣлать. О, Боже! неужели нѣтъ исхода? Клотильда, Клотильда!

Она положила обѣ руки на его плечи и, превозмогая внутреннее содроганіе, смотрѣла въ его искаженное лицо взоромъ, полнымъ трогательной прелести:

— Для того только нѣтъ надежды, кто отчаивается, сказала она. — Побольше мужества, другъ мой, не робѣй! Какъ только ты немного успокоишься, мы будемъ держать разумный военный совѣтъ. Все излишнее выбросимъ за бортъ, какъ ненужный баластъ и тогда корабль нашъ сойдетъ съ мели.

— Нашъ корабль потонетъ неминуемо, возражалъ онъ глухо, — кормчимъ былъ презрѣнный чело-вѣкъ. Надо, наконецъ, мнѣ во всемъ признаться.. я потерялъ болѣе, нежели имѣлъ на то право; я рискнулъ суммами, вѣренными мнѣ моими клиентами, въ расчетъ, что беру ихъ только на очень короткое время для вѣрнѣйшаго моего спасенія; я такъ надѣялся — и теперь уже ни чего нельзя спасти. Завтра истекаетъ срокъ крупному векселю и о разореніи моемъ узнаютъ сегодня во всѣхъ дѣловыхъ кружкахъ. Я нищій и... подлецъ.

— Рудольфъ! вырвалось изъ стѣсненной груди Клотильды, — но я ни минуты не сомнѣваюсь, что мы найдемъ средства и пути, чтобы предотвратить худшее. Что если-бы ты открылся моему дяди? Онъ, навѣрное, поможетъ.

— Твой дядя? дитя, дитя! что пришло тебѣ на умъ! возразилъ Рудольфъ, быстро шагая взадъ и впередъ по комнатѣ. — Этой помощи тоже конецъ. Онъ разъ ужъ выручилъ меня изъ бѣды въ прошломъ году, когда спасеніе было еще возможно. Теперь опять просить, — какъ-же это возможно!

— Нѣтъ надобности, чтобы онъ помогалъ тебѣ изъ собственныхъ средствъ, другъ мой; заяви ему только о моемъ желаніи, чтобы онъ теперь-же передалъ тебѣ мои бумаги. Я черезъ годъ буду совершеннолѣтней и тогда во всякомъ случаѣ ему пришлось-бы уступить тебѣ управленіе моимъ состояніемъ. И неправда-ли, его будетъ достаточно, чтобы избавить тебя отъ бѣды?

— Клотильда! воскликнулъ онъ и прижалъ ее къ своему сердцу, — ты благородная, великодушная женщина, слишкомъ благородная для меня, недостойнаго! Но и это не удастся, прибавилъ онъ медленно, — твое желаніе выручить меня такимъ способомъ не произведетъ на старика желаемого дѣйствія.

— О, навѣрное, навѣрное, не сомнѣвайся! Его честное сердце подскажетъ ему, что мое состояніе — въ тоже время и твое, такъ-же, какъ твое имя — есть въ тоже время и мое имя.

— Однако, когда мы женились, онъ поставилъ намъ непрѣмнымъ условіемъ, чтобы между нами не было общности состояній.

— Да, но то было давно и совершенно противъ моего желанія; въ то время Леонардтъ возстановлялъ его противъ тебя. Теперь-же, когда старикъ такъ тебя полюбилъ и Леонардтъ далеко...

Рудольфъ покачалъ головой и, полный тревоги, продолжалъ ходить по комнатѣ. Жалобный дѣтскій голосъ прервалъ жуткую тишину сумерекъ.

— Рудольфъ, какъ охотно избавила-бы я тебя отъ тяжелой необходимости и сама поѣхала-бы къ дядѣ! Но ты слышишь, — бѣдная Катя зо-

веть меня и плачетъ; она больна, очень больна, а дача дяди такъ далеко отъ города: у меня не хватаетъ духа оставить ребенка на цѣлыхъ три или четыре часа.

— Оставить тебѣ ее невозможно, да и все равно изъ этого ничего не вышло-бы.

— Но все-же ты не имѣешь права не попытаться. Ты долженъ поѣхать. Коротенькая письменная просьба отъ меня приведетъ къ желаемому результату... а ты вели пока готовить экипажъ и сѣвши, сѣвши, ты знаешь, что поздно вечеромъ старикъ уже не принимаетъ.

Она позволила и пока Рудольфъ, которому она не дала времени опомниться, приказывалъ вошедшему слугѣ велѣть подать коляску, рѣшительная молодая женщина посѣдила къ письменному столу. Черезъ нѣсколько мгновеній бѣлые тонкіе пальчики ея уже складывали запяточку. Рудольфъ между тѣмъ вынималъ письма и бумаги изъ конторки и пряталъ ихъ въ карманъ, потомъ, уже готовый къ отъѣзду, снова вошелъ въ ея комнату.

— Ты только, ради Бога, не робѣй, если добрый нашъ старикъ сначала и не совсѣмъ благосклонно отнесется къ нашей просьбѣ. Я его знаю. Ему нужно нѣсколько минутъ размышленія, прежде нежели онъ освоится съ какой-нибудь новой мыслию; а тѣмъ болѣе въ такомъ дѣлѣ, которому, съ его точки зрѣнія, (извини, что я высказываю это) онъ симпатизировать не можетъ... Говори съ нимъ откровенно, по душѣ, и не правда-ли, ты вѣдь можешь теперь дать слово, что нынѣшнее грустное положеніе твое—хорошій для тебя урокъ и навсегда отняло у тебя охоту принимать участіе въ рискованныхъ предпріятіяхъ. О дорогой мой! Мы будемъ работать и создавать и станемъ еще счастливѣе, нежели были до сихъ поръ.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ, собрался съ духомъ и оторвался отъ нея. Еще одинъ ободряющій взглядъ, пожатіе руки и экипажъ покотился. Теперь только явилось къ ней сознаніе ея бѣдствія. Ужасное, никогда не испытанное чувство овладѣло ею. Ей казалось, будто огромный камень навалился ей на грудь и тайный голосъ шепталъ: «Онъ уѣхалъ, ты больше его не увидишь!» Она приложила руку къ сердцу, будто сдерживая біеніе его и, какъ окаменѣлая, смотрѣла вслѣдъ удаляющемуся экипажу. Когда онъ исчезъ изъ виду—она пошла къ больному дитяти.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Русскія суевѣрія.

Очерки С. С. Шашкова.

(Продолженіе.)

III.

Смерть, родители, птицы.

Вѣрованіе въ дѣдовъ домовыхъ, лѣсныхъ, водяныхъ несомнѣнно развилось изъ первобытнаго почитанія мертвецовъ, но народъ давно уже забылъ объ этомъ и представляетъ ихъ духами, а не душами своихъ предковъ. Представленіе о человѣческой душѣ давно уже отдѣлилось отъ представленія о

духѣ, какъ высшемъ существѣ, но души покойныхъ предковъ все-таки остались отчасти въ ряду семейныхъ божествъ. Прежде чѣмъ говорить о нихъ, остановимся на томъ ужасномъ существѣ, которое съ такою неумолимою злобою губить человѣческій родъ. Чтобы судить, какъ народная фантазія представляетъ себѣ Смерть, достаточно знать содержаніе легенды объ Аника-Войнѣ. Жилъ былъ Аника-Войнъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, по-

бывалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-Войнъ ѣхать въ Врусалимъ-градъ церкви божіи разорять, взявъ мечъ и копье и выѣхавъ въ чистое поле—на большую дорогу. А на встрѣчу ему—Смерть съ острою косою. «Что это за чудовище! говоритъ Аника-Войнъ; царь-ли ты царевичъ, король-ли королевичъ?»—«Я не царь царевичъ, не король королевичъ, я твоя Смерть—за тобой пришла!»—«Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу, тебя раздавлю!»—«Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ, могучихъ богатырей—я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты пароду на своемъ вѣку!—и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала». Разсердился Аника-Войнъ, напускаетъ на Смерть своего борзого коня, хочетъ поднять ее на конѣ булатное; но рука не двинется. Наналъ на него велій страхъ и говоритъ Аника-Войнъ: «Смерть моя, Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «вѣтъ тебѣ сроку и на полгода».—«Смерть моя, Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца».—«Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли».—«Смерть моя, Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три дня».—«Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа». И говоритъ Аника-Войнъ: «много есть у меня и серебра, и золота, и камня драгоцѣннаго: дай сроку хоть на единый часъ—я бы роздалъ нищимъ все свое имѣніе». Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минутку». Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-Война: свалился онъ съ коня и упалъ мертвый. Стихъ объ Аникѣ-Войнѣ начинается такимъ изображеніемъ Смерти:

Ѣдетъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ Ѣдетъ чудо:
Голова у него человѣческа,
Волосы у чуда до пояса,
Тулово у чуда звѣриное,
А ноги у чуда лошадиныя.

Кромѣ косы смерть является вооруженною серпомъ, граблями, пилою и заступомъ:

Вынимаетъ пилы невидимы,
Потираетъ ею (ими) по костямъ и жиламъ—
Аника на конѣ шатается
И смертныя уста запекаются.

Народъ до сихъ поръ думаетъ, что когда человѣкъ испускаетъ послѣдній вздохъ, душа выходитъ изъ него въ видѣ пара, «какъ дымецъ малъ», по выраженію древняго автора; другіе-же представляютъ ее себѣ въ видѣ маленькаго человѣчка, бабочки, птички. Для этой-то души-птички, какъ только человѣкъ умретъ, выставляютъ за окномъ чашку съ водою, чтобы душа могла покусаться и напиться. Затѣмъ начинаютъ снаряжать покойника для отдаленнаго и труднаго путешествія въ загробный міръ, находящійся на горѣ, по древнему вѣрованію, сохранившемуся у насъ даже въ памятникахъ христіанской письменности. Въ XIV в. новгородскій епископъ Василій, въ посланіи своемъ къ тверскому епископу Федору, писалъ: «слышахъ, брате, что повѣстствуете: рай погубилъ, въ немъ же былъ Адамъ; ино, брате, о той есмь погубели не слышали... А Ефросинъ св. былъ въ раю и три яблока принесъ изъ рая и далъ игумену своему, отъ нихъ-же исцѣленія много быша... А то мѣсто святого рая находилъ Моиславъ новгородецъ и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ три юмы, и одина отъ нихъ погибла, много блудивъ, а двѣ ихъ потомъ долго носило море вѣтромъ и принесло ихъ къ высокимъ горамъ, и видѣша на горѣ той написанъ дѣисусъ лазоремъ чуднымъ и вельми издивленъ паче мѣры, яко не человѣческыма рукама творенъ, но божіею благодатію, и свѣтъ бысть въ мѣстѣ томъ

самосіяненъ, яко не мощи человѣку исповѣдати. И пребыла долго время на мѣстѣ томъ, а солнца не видѣша; но свѣтъ бысть многочастный, свѣтлуясь паче солнца, а на горахъ тѣхъ ликованія многа слышахуть и веселіе гласы вѣщающа. И повелѣша единому другу своему взити по шеглѣ на гору ту видѣти свѣтъ и ликованія гласы, и бысть, яко взиде на гору ту—и абіе всплеснувъ руками, засмѣяся, побѣже отъ друговъ своихъ къ сущему гласу. Они-же велии удивлешася и другаго послаша, запретивъ ему, да обратився скажетъ имъ: что есть бывшее на горѣ. И той такоже створи, нимало вратився къ своимъ, но съ великою радостію побѣже отъ нихъ. Они-же страха наполнишася и начаша размышляти къ себѣ, глаголюще: аще-ли и смерть случится, но видѣли бѣхомъ свѣтлость мѣста сего—и послаша третіаго на гору, привязавъ ужищемъ за ногу его. Такоже и той створити хотѣ, всплескавъ радостно и побѣже, въ радости забывъ ужище на нозѣ своей; они-же сдернуша его ужищемъ, и въ томъ часѣ обрѣтесе мертвъ». Взбираться на райскую высоту трудно и крестьяне въ разныхъ мѣстахъ до сихъ поръ думаютъ, что обрѣзанные ногти слѣдуетъ не бросать, а хранить за пазухой, чтобы съ помощію ихъ по смерти легче можно было взобраться на высокую гору, гладкую, какъ яйцо. По бѣлорусскому повѣрью всѣ эти обрѣзки по смерти снова очутятся на пальцахъ крѣпко сросшимися и помогутъ взобраться на желѣзную гору, на которой стоитъ рай. Для той-же цѣли встарь съ покойниками хоронили ремесленные лѣстницы, а въ настоящее время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напр., въ воронежской и курской, для похоронъ пекутся изъ тѣста лѣстницы, чтобы душа могла взойти по нимъ на небо. Существуетъ еще другое и, кажется, болѣе древнее представленіе о загробномъ мірѣ. Народъ обыкновенно, переселяясь изъ одной страны въ другую, долго сохранялъ представленіе о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ остались погребенными его предки. Ему казалось, что и души людей, умирающихъ на новомъ мѣстѣ жительства, должны неизбѣжно отправляться въ тѣ-же мѣста, къ своимъ давно уже покойнымъ родственникамъ (въ Китаѣ даже трупы умершихъ отсылаются для погребенія на родину). Но народъ помнитъ, что путь этотъ далекъ и труденъ, особенно трудны переправы черезъ рѣки, и вотъ у всѣхъ народовъ явилось представленіе, что душѣ умершаго приходится по дорогѣ въ загробный міръ переѣзжать черезъ рѣку. Перемѣшавшись съ христіанскими представленіями, это вѣрованіе выразилось въ духовномъ стихѣ:

Протекала тутъ рѣка огненная;
Какъ по той-тамъ рѣкѣ, рѣкѣ огненной,
Да тутъ ѣздитъ Михайло-архангелъ—царь;
Перевозитъ онъ души, души праведныя,
Черезъ огненну рѣку ко пресвѣтлому раю,
Ко пресвѣтлому раю да ко пресолншнему,
Къ самому Христу—царю небесному.

До сихъ поръ покойнику даютъ деньги, кладя ихъ ему въ ротъ или затыкая за поясъ завязанными въ платѣ. Это объясняютъ тѣмъ, что ему придется платить за перевозъ, хотя во многихъ мѣстностяхъ думаютъ, что эти деньги понадобятся ему на разные житейскіе расходы: на покупку себѣ мѣста, на взятки адскимъ судьямъ и т. п. Для переправы черезъ рѣку въ древности каждого покойника снабжали лодкой, которая служила ему гробомъ. Раскольники до сихъ поръ не сколачиваютъ гроба изъ досокъ, а выдалбливаютъ его изъ цѣльнаго дерева, какъ встарь дѣлались лодки. Въ одной загадкѣ то-же до сихъ поръ сохраняется представленіе о древнемъ гробѣ—лодкѣ: «гробъ плыветъ, мертвецъ реветъ, ладонь пышетъ, свѣчи горятъ». Въ тверской губ. стружки, оставшіяся отъ гроба,

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА П. ЦЕЛЕСТИНО ЖИЛАРДИ.

Холостяки.

Рѣзаль на деревѣ А. Шлиперъ.

ПОРТРЕТЪ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

РАБОТА Г. ПЕРОВА.

Гравироваль А. Матэ.

А. Н. Островскій

пускают по водѣ. Въ Малороссіи разсказываютъ, что гдѣ-то далеко за моремъ живетъ народъ навъ *); чтобы сообщить имъ радостную вѣсть о свѣтломъ христовомъ воскресеньѣ, на воду бросаютъ скорлупу крашеныхъ яицъ, которая и приплываетъ къ навамъ въ зеленый четвергъ, называемый крестьянами навскій великій день. Великорусскіе-же крестьяне думаютъ, что скорлупу съѣденнаго яйца непременно пужно раздавить на мелкія части, потому что если она уцѣлѣетъ и попадетъ въ воду, то русалки построятъ изъ нея корабликъ и будутъ плавать на немъ на зло крещенымъ. Въ древности съ покойникомъ отправляли на тотъ свѣтъ его рабовъ, женъ, лошадей, пѣтуховъ и разную домашнюю утварь. Въ тверской губ. до сихъ поръ каждому покойнику даютъ въ руки полотенце; въ другихъ мѣстностяхъ, когда везутъ покойника въ церковь, гробъ покрывается бѣлою пеленою, а дуга, возжи и поводъ обвиваются холстомъ. Гробъ обыкновенно опускается въ могилу на холстѣ-же, который нынѣ до-стается причту; тотчасъ по кончинѣ кого-нибудь вывѣшивается изъ окна на улицу полотенце, которое и остается тутъ шесть недѣль, а потомъ отдается нищимъ. На годовыхъ поминкахъ всѣхъ родичей, невидимо присутствующихъ на обѣдѣ, по окончаніи его хозяинъ открываетъ окно, распускаетъ на улицу холстъ и приглашаетъ покойниковъ возвратиться по нему во-своис: «ступайте съ Богомъ, вотъ тутъ будетъ вамъ помягче». Поминки—остатокъ первобытнаго кормленія душъ умершихъ, которое совершается до сихъ поръ въ родительскій день. Представители церкви долго боролись противъ обычаевъ и увеселеній этого дня, когда «по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на жалыникахъ **») и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаньемъ, и егда начнутъ играть скоморохи, гудцы и прегудницы, они отъ плача преставше начнутъ скакати и плясати и въ долони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти». Это былъ праздникъ весенняго воскресенія мертвецовъ. Зимой они терпятъ холодъ, тоску и мракъ, и въ сочельники рождественскій и крещенскій крестьяне жгутъ посреди дворовъ соломѣ, чтобы родители могли согрѣться на томъ свѣтѣ. При началѣ весеннихъ празднествъ, по случаю поворота солнца на лѣто, на святахъ, пробуждались отъ зимняго оцѣпенѣнія и покойники. «Созерцаю, говоритъ Забѣлинъ, въ солнечномъ поворотѣ явственное воскресеніе Божьяго свѣта, или воскресеніе природы отъ зимняго мрачнаго сна и вмѣстѣ съ тѣмъ, понимая весь видимый міръ живымъ существомъ, язычникъ, по естественной связи этихъ воззрѣній, долженъ былъ мыслить живое и обь умершемъ мірѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что и посреди умершихъ въ это время совершается такой-же возвратъ къ свѣту и къ жизни, что и умершіе точно также празднуютъ общее торжество живыхъ. Вотъ по какой причинѣ святочные ночи въ воображеніи язычника населялись незримыми духами, торжествовавшими свое пробужденіе. Это была не-жить, которая, по народнымъ представленіямъ, своего обличья не имѣетъ и потому ходитъ въ личинахъ. Очевидно, что ряженъ во время святокъ служило олицетвореніемъ неживущаго міра, который подъ видомъ различныхъ оборотней, женщинъ, переодѣтыхъ въ мужчинъ, и мужчинъ, переодѣтыхъ въ женщинъ, особенно страшныхъ въ шкурахъ звѣрей, медвѣдей, волковъ и т. п., являлся въ среду живыхъ и, ходя толпою по улицамъ, совершалъ свою законную вакханалію—русалью, воспѣвая пѣсни, творя безчинный говоръ, плясаніе, скаканіе. Довольно ясное указаніе на такое пониманіе оборотней нахо-

димъ и въ старой письменности, которая къ тому-же относитъ эти языческія представленія въ область чарованія и гаданія. Она упоминаетъ о двѣнадцати опрометныхъ лицахъ звѣринныхъ и птицныхъ, «се есть первое: тѣло свое хранить мертво и летаетъ орломъ, и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысью и медвѣдемъ». И, по мѣрѣ того, какъ весна вступала въ свои права, это общеніе живыхъ съ мертвыми усиливалось. По свидѣтельству лѣтописца, рано утромъ въ четвергъ седьмой недѣли великаго поста жгли со-лому и кликали мертвыхъ. Теперь въ апрѣлѣ старухи по утрамъ выходятъ на могилы и окликаютъ родителей, причитая: «ужъ ты солнце, солнце ясное! ты взойди-взойди со полуночи, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, ни съ бѣдой горевать, ни съ тоской вѣковать. Ужъ ты мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди-взойди со вечера, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужъ ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! ты возвѣй-возвѣй со полуночи, принеси вѣсть радостную нашимъ покойничкамъ, что по нихъ-ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушились». Въ первый день пасхи отпираются небеса и всю свѣтлую недѣлю души умершихъ обращаются между живыми, разговливаются вмѣстѣ съ ними, пьютъ и ѣдятъ, а умирающіе въ это время прямо всту-паютъ въ отворенныя настежь двери рая. Затѣмъ, настаетъ уже празднество исключительно для родителей, родоупца, родительскій или, какъ говорятъ рязанцы, навій день, гробки. Въ Малороссіи въ этотъ день причитаютъ на могилахъ, потомъ пируютъ, катаютъ яйца, поливаютъ могилы водкой. Въ Великороссіи и Сибири въ родительскій день пекутъ блины, красятъ яйца и ходятъ съ ними на могилы христосо-ваться съ родителями; яйца закапываютъ въ мо-гилы. Въ харьковской губ. на пасхѣ покойники встаютъ изъ гробовъ и въ своихъ бѣлыхъ сава-нахъ собираются въ приходской церкви; давно умершіе поны надѣваютъ ризы, освѣщаютъ цер-ковъ и совершаютъ богослуженіе, по окончаніи котораго всѣ присутствующіе христосуются. На седмицкой недѣлѣ, когда въ поляхъ появляются русалки и мавки, крестьяне тоже творятъ на могилахъ поминки и кладутъ для покойниковъ яйца. Въ день семки и въ Троицу крестьянки готовятъ яичницу и несутъ ее въ лѣсъ, при-пѣвая:

Радуйтесь, бѣлыя березынки,
Идутъ къ вамъ дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яичницу;
Ю, ю, семикъ да Троица!

Поминовеніе усопшихъ въ допетровской Рос-сіи считалось дѣломъ до того важнымъ, что для поминовенія царскихъ родителей существовало даже особое министерство—панафидный при-казъ! Съ развитіемъ московско-византійской культуры первоначальное значеніе панихидъ и поминокъ въ высшемъ и среднемъ класѣ на-чало уступать мѣсто другимъ воззрѣніямъ, о ха-рактерѣ которыхъ даетъ хорошее понятіе ле-генда о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ. Онъ былъ ростовщикъ и за свои неправды живымъ взять на дно адово. Владыка, въ поученіе хри-стіанамъ, велѣлъ написать на иконѣ адъ и въ немъ Щилу въ пламени, а сыну его посовѣто-валъ заказать по немъ сорокоустъ у 40 церк-вей. Послѣ сорокоуста голова Щилы на упомя-нутой иконѣ очутилась внѣ огня; послѣ второ-го сорокоуста онъ поднялся изъ адекаго пламе-

мени до пояса, а послѣ третьяго—совсѣмъ осво-бодился.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ прошлаго и настоящаго Америки.

Ст. Н. В. Шелгунова.

V.

Основы американскихъ политическихъ учрежденій.

Еще въ началѣ войны за независимость Беркъ требовалъ отъ англійскаго парламента примире-нія съ Америкой. Дѣлая характеристику амери-канцевъ, Беркъ старался убѣдить англичанъ, что затѣянные ими ссоры есть прямое покушеніе на тѣ же самыя политическія основы, которыми они такъ дорожатъ у себя. «Въ характерѣ американ-цевъ, говорилъ Беркъ,—любовь къ свободѣ со-ставляетъ преобладающую черту. Этотъ гордый духъ свободы развитъ въ колоніяхъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Если американцы сдѣлали по-пытку разорвать цѣпи зависимости, то здѣсь слу-чилось только то, что случается съ каждой на-ціей, владѣнія которой очень растянуты. Когда тѣло велико, тогда власть оказывается слабѣе на оконечностяхъ. Такъ ужъ природа устроена». Такія-же естественныя причины создали и то чувство свободы, которое оскорбили англичане въ своихъ колоністахъ и на защиту котораго послѣдніе вооружились. Колонисты происходятъ отъ своихъ предковъ англичанъ, которые всегда больше всего дорожили своими правами. «Сво-бода, сказалъ Беркъ,—не есть кака-нибудь от-влеченность. Она навсегда связана съ представ-леніемъ о какомъ-нибудь правѣ. Въ Англіи, какъ и въ Америкѣ, этимъ правомъ считалось обло-женіе налогомъ. Право самообложенія состав-ляло для англичанъ самую дѣйствительную и самую дорогую привилегію каждаго гражданина. Это-то основное право, унаслѣдованное англій-скими колоніями, и было оскорблено англійскимъ правительствомъ».

Рядомъ съ правомъ самообложенія стояло право провинціальныхъ собраній. Американцы привыкли къ народному представительству и къ свободной жизни общинъ такъ-же, какъ и къ полной религіозной свободѣ. Поэтому ни въ од-ной странѣ не было столько религіозныхъ сектъ, въ которыхъ въ болѣе или менѣе сильной степен-и выражался утонченный принципъ противодѣй-ствія англиканской церкви. Колонисты, оставившіе Англію преимущественно по религіознымъ при-чинамъ, были самыми страстными привержен-цами религіозной свободы. Любопытно, что имен-но въ тѣхъ колоніяхъ, гдѣ преобладало рабство, какъ, напри-мѣръ, въ Виргиніи и Каролинѣ, чув-ство свободы было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ ко-лоніяхъ, неимѣвшихъ негровъ. «Вездѣ, гдѣ цар-ствуетъ рабство, сказалъ Беркъ,—люди свобод-ные сильно гордятся своею свободою. Свобода становится для нихъ не только наслажденіемъ, но своего рода благородствомъ и привилегіей. Свобода кажется тутъ чѣмъ-то большимъ, не-жели въ тѣхъ странахъ, гдѣ она составляетъ всеобщее достояніе. Вотъ почему на ряду съ сво-бодой замѣчается большая бѣдность и тяжелый трудъ, по виду близкіе къ рабству. Я не хочу дѣлать нравственной оцѣнки этого чувства, ко-торое заключаетъ въ себѣ столько-же гордости, сколько пустоты, но не могу-же я измѣнить че-ловѣческую природу». И дѣйствительно, непре-ложный фактъ, что населеніе южныхъ колоній отличалось болѣе гордымъ духомъ, чѣмъ сѣве-ряне, и всѣ главныя дѣятели въ войну за неза-висимость и впослѣдствіи при составленіи кон-ституции вышли изъ южныхъ землевладѣльцевъ.

Къ этому присоединилась еще наклонность колонистовъ къ изученію права. Въ Англіи ни-когда не было такъ много законниковъ, какъ въ американскихъ колоніяхъ, и тамошніе юристы

*) Навъ—мертвецъ по старинному.

**) Кладбища.

были главными руководителями общественного мѣня. Послѣ релігіозныхъ книгъ расходились въ Америкѣ въ наибольшемъ количествѣ сочиненія юридическія. Каждый грамотный старался знакомиться съ наукою права и люди съ юридическими познаніями выбирались преимущественно въ депутаты, въ конгрессъ и т. д. Знакомство съ правомъ развило въ американцахъ способность извѣстной юридической проницательности и американцы научились обсуждать не только отдѣльныя мѣры правительства, но оцѣнять самые принципы и послѣдствія, къ которымъ они могутъ повести.

Это чувство свободы, сложившееся путемъ исторической преемственности, политическими учрежденіями старой Англіи и унаслѣдованное какъ нѣчто готовое, хотя и приняло въ Америкѣ иную форму, но сохранило ту же сущность. Американская свобода вышла изъ англійскаго феодализма. Феодализмъ дѣлилъ населеніе на извѣстные классы, связанныя по отношенію къ коронѣ извѣстными обязательствами, а затѣмъ совершенно свободныя въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ. Такъ, король являлся главой монархіи; бароны, рыцари, вилены были обязаны извѣстной службой королю, за что и пользовались землей и разными привилегіями. За тѣмъ, вѣ этой службѣ, бароны, рыцари и вилены были совершенно независимы и пользовались извѣстными привилегіями. Даже преподаваніе было привилегіей. Но достаточно было человѣку приобрести эту привилегію и стать членомъ университета, чтобы пользоваться правомъ свободного преподаванія. Судъ тоже составлялъ привилегію и каждый судился равными себѣ, не признавая другихъ судей. Бароны судились баронами, рыцари рыцарями, горожане горожанами, а вилены виленами. Конечно, при подобной іерархіи, не имѣвшей, впрочемъ, ничего кастическаго, равенство не существовало, но для развитія свободы представлялась полная возможность. И вотъ люди съ подобными-то привычками къ самодѣятельности составили ядро американскихъ колоній, гдѣ условія переселенія могли еще больше укрѣпить въ нихъ духъ независимости.

Каждый американскій поселенецъ напоминалъ собою Робинзона и каждый прошелъ одну и ту же школу. Можетъ быть, разница бывала въ какихъ-нибудь частностяхъ, но въ цѣломъ передъ каждымъ стояла одна и та же природа, каждому приходилось съ нею бороться и для каждого борьба эта была одинаково трудна. Новые мѣста, которыя занимали колонисты, были дремучими первобытными лѣсами. Рядомъ нѣтъ ни жилья, ни сосѣда, помощи ждать не откуда и переселенцу приходится самому дѣлать для себя все. Дѣло начинается съ вырубки лѣса и съ постройки какого-нибудь жалкаго шалаша, чтобы укрыться отъ непогоды и отъ дикихъ звѣрей. За тѣмъ вырубаются лѣсы подъ пашню, колонисты пускаютъ въ ходъ топоръ и огонь и, конечно, первобытная пашня колониста не отличается агрикультурными достоинствами. Повсюду торчатъ обгорѣлые пни, вмѣсто вспашки какое-то ковыряніе земли, но сильная дѣйственная почва, пожалуй, даже и не нуждается въ лучшей обработкѣ и вознаграждаетъ сторицею трудъ колониста, бросившаго въ нее нѣсколько сѣмянъ ржи или кукурузы.

Американскій Робинзонъ чувствовалъ себя царемъ въ своемъ безпомощномъ одиночествѣ. Сама эта безпомощность развивала въ немъ чувство гордости и увѣренности въ собственной силѣ, заставляя его мало заботиться объ остальномъ человѣчествѣ и о чьей-либо помощи. Онъ питается рожью, имѣ-же посѣянной, скотомъ, имѣ-же воспитаннымъ, дичью, имѣ-же застрѣленной, и рыбой, имѣ-же наловленной. Одеждой ему служить шерсть или кожа съ его-же стада,

причемъ жиръ становится для него источникомъ свѣта. Онъ куритъ табакъ, который самъ посѣялъ, яблоки даютъ ему питье; водку, сахаръ, кофе—все это онъ самъ готовитъ. Этотъ человѣкъ живетъ, какъ въ былые времена жила патриархи—безъ денегъ, безъ богатства, а все-таки въ довольствѣ. Мало-по-малу проникаетъ къ нему цивилизація. Страна пронизывается болѣе удобными путями, населеніе увеличивается, хлѣбъ начинаютъ продавать, скотъ вывозить, прежній шалашъ замѣняется кирпичнымъ или каменнымъ домомъ и вмѣсто несчастнаго переселенца мы видимъ счастливаго собственника. Такъ характеризуетъ американскаго піонера Лабулэ. Подобно древнему римлянину и новый американецъ уважаетъ только тѣ достоинства, которыя онъ самъ въ себѣ выработалъ, энергію, терпѣніе, трудолюбіе. Теперь предположите цѣлую массу подобныхъ людей въ видѣ націи, предложите имъ тѣ порядки, которые существуютъ въ Англіи или во Франціи и они, конечно, не поймутъ васъ. Эти порядки они сочли бы для себя притѣсненіемъ и несправедливостью. Американцу извѣстны два чувства, которыя никакъ бы не примирились съ англійскими или французскими порядками, хотя въ тоже время каждое изъ этихъ отдѣльныхъ чувствъ привилось къ англійцамъ и французамъ. Англія представляетъ любопытный образецъ страны, въ которой развилась свобода безъ равенства, и у англійчанъ спокойно уживается чувство свободы рядомъ съ привилегіями, съ правомъ первородства, съ особыми законами о наслѣдственности земли, создающее тотъ разнообразный конгломератъ, который извѣстенъ подъ именемъ англійскаго общества.

Образецъ другого порядка взаимныхъ отношеній представляетъ Франція. Это страна равенства безъ свободы. Въ то время, какъ въ Англіи феодализмъ явился силой соединяющей, во Франціи, напротивъ, онъ былъ силой враждебной. Французскіе короли, чтобы создать государственное единство, должны были принимать мѣры противъ разнуздавшихся феодаловъ, крупныхъ собственниковъ и богатыхъ землевладѣльцевъ. Когда правительственная власть взяла, наконецъ, перевѣсъ надъ французскими анархическими феодальными стремленіями, народъ очутился въ положеніи общаго равенства передъ единой всемогущей властью. Центральная власть вышла для Франціи всѣмъ. Она всегда все знала, во все вмѣшивалась, всему придавала форму и порядокъ. И французы выросли въ чувствахъ равенства, не зная свободы. Демократичная по гражданскимъ законамъ, Франція, въ сущности, страна монархическая, привыкшая къ сильной центральной власти. У французовъ нѣтъ привычки обдѣлывать самимъ свои дѣла, имъ всегда нуженъ руководитель, дядька. Какое-бы ни было во Франціи правительство, не исключая республиканскаго, оно всегда руководитъ страной, всегда держитъ въ своихъ рукахъ возжи, всегда является централизацией. При такомъ руководящемъ порядкѣ отношеній настоящей свободы нѣтъ и быть не можетъ, ибо она заключается въ привычкѣ дѣлать дѣла безъ вмѣшательства власти, примѣръ чего представляетъ, на примѣръ, Англія.

Цѣлая нація такихъ піонеровъ, какъ американскіе, гдѣ каждый привыкъ быть хозяиномъ своихъ поступковъ и дѣйствій, гдѣ съ самаго начала общины привыкли къ самоуправленію, нисколько не нуждаясь въ руководствѣ какой-нибудь центральной власти, гдѣ школа, судъ, церковь, обложеніе налогами и все то, что касается внутренней и хозяйственной жизни общины, порѣшалось ею самою,—цѣлая нація такихъ піонеровъ, говоримъ мы, не могла успокоиться ни на англійскихъ, ни на французскихъ

порядкахъ. И американцы, дѣйствительно, создали себѣ порядки иные, порядки такого рода, которые можно назвать только порядками американскими. Впрочемъ, американцамъ пришлось разрѣшить нелегкую задачу, прежде чѣмъ они создали дѣйствующую у нихъ конституцію.

Пока американцы составляли колоніальный союзъ и зависѣли отъ метрополіи, они не составляли еще государственнаго цѣлаго и общіе интересы находили себѣ примиреніе и руководство въ англійскомъ парламентѣ съ главою его королемъ. Каковъ-бы ни былъ характеръ этой силы и власти, но въ ней сливалось все-таки единство высшихъ интересовъ, начинающихся тамъ, гдѣ интересы отдѣльныхъ общинъ, преимущественно экономическіе и хозяйственные, какъ слишкомъ частныя, теряютъ свой общій характеръ. Но когда американцы провозгласили свою декларацию правъ и объявили войну Англіи, оказалось, что безъ центральной власти какое общее дѣло невозможно. Конгрессъ, какъ мы видѣли, не изображалъ изъ себя особенной силы, даже будетъ большей правдой, если мы скажемъ, что онъ изображалъ собою безсиліе, такъ что оказалось необходимымъ вѣручить Вашингтону диктаторскую власть. По окончаніи войны, когда диктаторство было ненужнымъ и даже опаснымъ для свободы, когда Вашингтонъ сложилъ съ себя власть, американцы составили конфедераціонный союзъ и статьи конфедераціи были первой конституціей Соединенныхъ Штатовъ. Но сейчасъ же обнаружилось, что этимъ путемъ невозможно создать еще правительства. Пока длилась война, интересы отдѣльныхъ штатовъ находили примиреніе въ общемъ патріотическомъ чувствѣ. Когда же война кончилась, каждый штатъ началъ думать только о своихъ частныхъ интересахъ и конфедераціи грозило распаденіе. Тогда-то патріоты Америки, видѣвшіе, что вся пролитая кровь за свободу, вся энергія, потраченная на борьбу, могутъ пропасть безслѣдно и американскій союзъ можетъ погибнуть въ разбѣдающей его анархіи, предложили избрать конвентъ для обсужденія всѣхъ внутреннихъ неурядицъ и для составленія конституціи. Къ составленію конституціи американцы приступили съ зрѣлостью политическаго народа. Она была обсуждена и разобрана лучшими представителями страны, затѣмъ подвергнута народному одобренію и, наконецъ, введена въ дѣйствіе 4 марта 1789 года.

(Продолженіе будетъ.)

Рябая красавица.

Романъ А. Бувье, автора «Изы».

(Продолженіе.)

Глава IV.

Двѣ сестры.

огда во время отсутствія супруговъ Марби изъ дома, прибыли полицейскіе агенты и подвергли Элизу краткому допросу, молодая дѣвушка пришла въ отчаяніе. Послѣдовавшая затѣмъ находка въ постели Орели золотой запонки съ вензелемъ де-Фаржа едва не свела ее

съ ума. Полицейскіе агенты съ торжествомъ удалились, а Элиза снова заперлась въ своей комнатѣ, дрожа отъ страха. «О, Боже мой! Что теперь произойдетъ, думала она: — моя сестра погибла»

Въ ея глазахъ все было кончено. Всѣ сказки, изобрѣтенныя сестрою, разлетались, какъ дымъ. Не было возможности долѣе скрывать истины. Что сдѣлаетъ съ ними обѣими капитанъ, такъ какъ она завѣдомо была соучастницей въ преступленіи сестры? Но одна-ли эта мысль трево-

жила молодую дѣвушку и заставляла ее дрожать, какъ въ лихорадкѣ? Нѣтъ. Она привыкла къ жестокому обращенію капитана и ей было рѣшительно все равно, любить-ли или ненавидѣть онъ ее; она слишкомъ презирала его. Боялась-ли она для Орели мести мужа? Нѣтъ. Отвратительный эгоизмъ сестры умѣрилъ ея любовь къ ней. Однако Элиза находилась подъ вліяніемъ какого-то сильнаго чувства; придя, наконецъ, къ твердой рѣшимости, она отерла глаза отъ слезъ, цосѣнно одѣлась, связала въ узелокъ свое бѣлье и направилась къ дверямъ. Тутъ она остановилась и послѣ минутнаго колебанія подошла къ столу и начала искать почтовой бумаги.

— Къ чему? тотчасъ-же сказала она вслухъ. — Она меня забудетъ такъ-же, какъ его.

И быстро, боясь внезапнаго возвращенія сестры съ мужемъ, она спустилась съ лѣстницы и побѣжала по улицѣ, не затворивъ наружной двери за собою.

Она остановилась только передъ домомъ, гдѣ жилъ Аристидъ. Тутъ мужество какъ бы оставило ее и она не рѣшалась войти. Но привратница выскочила къ ней на встрѣчу.

— О! какое несчастье! сказала привратница.

Элиза залилась слезами.

— Бѣдный г. де-Фаржъ! продолжала привратница:—его принесли утромъ мертвого... говорятъ, что по выходѣ отъ вась вчера вечеромъ у него случился ударъ на улицѣ. Бѣдный молодой человекъ! Какой онъ былъ добрый, славный!

Очевидно, никто не подозрѣвалъ роковой истины.

— Вы пришли, чтобъ дежурить у мертвого тѣла? спросила привратница:—я все ждала кого-нибудь изъ вашего дома.

— Да, да, отвѣчала, наконецъ, Элиза, судорожно вздрагивая при мысли о томъ, что ей предстояло:—я за этимъ и пришла.

А про себя она подумала: «Такъ онъ валяется одинъ, какъ собака: О неблагородарные».

И, взявъ ключъ у привратницы, она мужественно поднялась по лѣстницѣ. Но очутившись передъ дверью, она едва отперла ее, такъ тряслись ея руки. Тишина и пустота квартиры еще болѣе перепугали ее. Ноги у нея подкашивались, морозъ пробѣжалъ по тѣлу; но это продолжалось не болѣе минуты. Поборовъ свое волненіе, она сказала вполголоса:

— Бѣдный другъ мой, я тебя любила живого, неужели я буду бояться тебя мертвого.

И тихо, на ципочкахъ, она прошла чрезъ гостиную въ спальню Аристида. Съ трудомъ дошла она до кровати, на которой лежалъ мертвецъ желтоблѣдный, точно восковой. Элиза припала губами къ его рукѣ, но ледяной холодъ окоченѣвшаго тѣла заставилъ ее отшатнуться. Однако, горячо помолвившись, она встала; твердая рѣшимость блистала въ ея глазахъ.

Она осмотрѣлась по сторонамъ. На каминѣ стояли два канделябра со свѣчами, она зажгла ихъ и поставила по угламъ возвышенія, на которомъ стояла кровать съ приподнятыми занавѣсами. Потомъ она сняла со стѣны старинное распятіе, положила его на грудь покойника,правила простыни и, приложившись ко лбу, сѣла подлѣ въ кресло.

— Бѣдный, покинутый всѣми другъ, твоя маленькая сестричка будетъ караулить тебя до послѣдней минуты, говорила она про себя:—у тебя только и есть одинъ другъ, твоя рябая красавица, и она тебя никогда не забудетъ.

Черезъ нѣсколько времени послышался стукъ въ дверь и вошли трое товарищей Аристида, де-Фаржа, которые, узнавъ въ министерствѣ о случившемся, пришли предложить свои услуги г. де-Марби, который, они думали, займется похоровами, какъ самый близкій другъ покойнаго.

Они очень удивились, заставъ у постели умершаго вмѣсто капитана юную сестру его жены, но Элиза объяснила, что капитанъ нездоровъ и просила ихъ всѣмъ распорядиться. Они съ готовностью согласились и, спустя часа три, принесли отвѣтъ, что все устроено и похороны назначены на слѣдующее утро. Затѣмъ они предложили остаться ночь при покойникѣ, но Элиза отклонила это предложеніе, говоря, что она желала одна отдать этотъ долгъ умершему. Молодые люди удалились, но вполнѣ убѣжденные, что она была любовницей Аристида де-Фаржа.

Виродолженіи всего дня приходили знакомые покойника, и гробовщикъ. Наконецъ, къ вечеру все стихло и Элиза, которую сначала пугала мысль о ночи наединѣ съ мертвецомъ, чувствовала себя гораздо спокойнѣе.

Было около девяти часовъ. Молодая дѣвушка, оставивъ дверь на лѣстницу полуотворенной, стояла на козлахъ за кроватью, скрытая занавѣсью. Вдругъ она услышала легкіе, проворные шаги. Она подпала голову и едва не вскрикнула. Передъ нею стояла освѣщенная канделябрами Орели.

Въ первую минуту Элиза подумала, что сестра пришла съ мужемъ и это ей понравилось. Значитъ, они вспомнили своего друга и пришли хотя поздно, но все-же пришли поклониться его смертнымъ останкамъ. Однако она ошиблась: Орели была одна. Густой вуаль, скрывавшій ея лицо и черная шаль, укутывавшая ея фигуру, ясно доказывали, что это посѣщеніе было по-крыто мракомъ тайны.

Но какъ она ушла изъ дома, который какъ казарма, запирался послѣ зари? Очень просто. Ея мужъ цѣлый день былъ не въ духѣ, не пошелъ въ министерство, объяснивъ письменно о скоростипжной смерти своего друга, очень плохо фль за обѣдомъ и осыпалъ всѣхъ и все самими изобразными ругательствами. Вечеромъ Орели уговорила его лечь спать пораньше и принять успокоительныхъ капель, вмѣсто которыхъ она дала ему большую дозу морфина. Черезъ полчаса храбрый капитанъ спалъ такимъ богатырскимъ сномъ, что пушечная пальба его не разбудила бы. Орели тихонько вышла изъ дома, взявъ съ собою ключъ, и отправилась къ Аристиду де-Фаржу.

Убѣдившись, что сестра одна и зная, чѣмъ рисковала она, отлучившись тайно изъ дома, Элиза тотчасъ мысленно помирилась съ нею. Доброе влеченіе сердца, побудившее ее во что-бы то ни стало проститься съ человекомъ, котораго она любила, оправдывало Орели въ глазахъ молодой дѣвушки во всѣхъ обвиненіяхъ, которыя она ввозила на нее съ утра. Она не хотѣла ей мѣшать и потому притаилась за занавѣсью, ожидая, что сестра опустится на козлы передъ покойнымъ своимъ любовникомъ и запечатлѣтъ на его холодномъ лбу послѣдній, прощальный поцѣлуй.

Но Орели какъ-бы боялась подойти къ постели. Она даже отвернула отъ нея голову, чтобъ не видѣть мертвого тѣла, прямо направилась къ этажеркѣ чернаго дерева, которая стояла между окнами, и начала открывать ящики одинъ за другимъ.

«Что она дѣлаетъ? подумала Элиза съ ужасомъ:—чего она ищетъ?»

И, бросившись къ сестрѣ, она схватила ее за руку и громко воскликнула:

— Несчастливая? Что ты воруетъ?

Ея шаги по ковру были не слышны и Орели, почувствовавъ неожиданное прикосновеніе чужей руки, вообразила въ испугѣ и волненіи, что это Аристидъ воскресъ. Она закрыла лицо руками и, дрожа, какъ осиновый листъ, бормотала безумно:

— Пощади! Пощади!

Элиза была довольна, что судьба такъ страш-

но наказывала неблагодарную женщину, по черзъ минуту ей стало жаль сестры и она всѣчески старалась ее успокоить.

— Полно, Орели, образумься, говорила она:—Аристидъ умеръ въправду. Это не онъ, это я, твоя сестра... Но для какого новаго преступленія ты явилась сюда?

Услыхавъ голосъ сестры, молодая женщина открыла глаза, тяжело перевела дыханіе и опустилась въ кресло. Но все-же нѣсколько минутъ она не могла придти въ себя.

— Ты одна? спросила Элиза, когда сестра оправилась.

— Да?

— А Илеръ?

— Онъ спитъ. Я ему дала двойную дозу морфина. Но мнѣ надо поскорѣ вернуться домой. А ты зачѣмъ здѣсь?

— Онъ бѣдный брошенъ всѣми. Я пришла подежурить у его тѣла.

— Я очень рада тебя видѣть. Я боялась уже, чтобы ты не падѣла глупостей. Мы вернемся вмѣстѣ домой.

— Нѣтъ, я остаюсь здѣсь. Но дѣло не во мнѣ. Зачѣмъ ты пришла сюда?

— Я...

— Ты могла очень естественно желать проститься съ Аристидомъ, но ты даже не смотришь на него.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Я не могу его видѣть! воскликнула Орели вѣ себя отъ страха.

— Чего-же тебѣ здѣсь нужно? Чего ты искала въ этажеркѣ?

— Моя бѣдная Элиза, ты ничего не понимаешь, ты свободна, но если когда-нибудь откроются мои отношенія съ Аристидомъ, то я погибну, погибну на вѣки.

— Чѣмъ-же ты думаешь спасти себя?

— Я пришла сюда, чтобъ взять обратно мои письма.

— А ты думаешь о своемъ спасеніи, хотя его, едва еще охладѣвшее, тѣло лежитъ передъ тобою. Но все равно... я тебѣ отдамъ эти письма... я ихъ приносила и знаю, куда онъ ихъ клалъ.

Орели какъ будто не замѣтила презрительнаго тона этихъ словъ и послѣдовала за сестрой, которая закрыла ящики этажерки и, подойдя къ маленькому столику за кроватью, сказала:

— Вотъ здѣсь твои письма, портретъ и волосы.

— О, дай, дай все это поскорѣ, особенно портретъ.

— Да, на портретѣ есть надписи:—«Та, которая пожертвовала тебѣ любовью и честью, желала-бы отдать тебѣ и свою жизнь, мой Аристидъ».

— Боже! Что это? Затвори скорѣ ящикъ.

Дѣйствительно, въ гостиной послышались шаги нѣсколькихъ человекъ и голосъ привратницы. Элиза цосѣнно затворила ящикъ. Черезъ секунду вошли въ комнату три человека: одинъ изъ нихъ, поклонившись Орели, спросилъ:

— Вы, сударыни, родственницы покойнаго?

— Нѣтъ; мы только друзья.

— Эти дамы замѣняютъ его семью, замѣтила привратница.

— Мы явились сюда, чтобъ именемъ закона и въ интересахъ наслѣдниковъ наложить печати...

— Печати, промолвила Орели, поблѣднѣвъ.

— Исполняйте свою обязанность, г. судья. Я вамъ помогу, сказала Элиза напротивъ очень спокойно.

И она вмѣстѣ съ привратницей стала указывать вещи, на которыя слѣдовало, по ея мнѣнію, наложить печати. Прежде всего она обратила вниманіе на столикъ за постелью, ящикъ котораго отворяла за минуту передъ тѣмъ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.
КАРТИНА БОМПАНИ.

Помпеянка, несущая воду.

Ръзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

— Здѣсь, какъ мнѣ извѣстно, г. де-Фаржъ держалъ всѣ свои бумаги, сказала она.

— Такъ мы начнемъ съ него, сказалъ мировой судья и по его приказанію замокъ ящика заклеили на крестъ двумя бумажными лентами, сверху которыхъ приложили печать.

Орели съ отчаяніемъ слѣдила за этой операцией. А Элиза улыбалась, словно довольная неудачей сестры. Дѣйствительно, въ первую минуту она по сердечной добротѣ хотѣла отдать сестрѣ письма, но теперь была очень довольна, что ей въ этомъ помѣшала законная власть.

Опечатать все въ спальной, мировой судья перешелъ въ гостиную и когда тамъ такъ-же все было окончено, онъ откланялся дамамъ. Элиза проводила его до лѣстницы.

Во все это время Орели сидѣла неподвижно въ креслѣ, погруженная въ тяжелую думу. Эти письма, рано или поздно будутъ открыты и если объ нихъ узнаетъ ее мужъ, что было очень вѣроятно, она погибла. И подумать только, что приди она минутой ранѣе, все было-бы спасено и письма съ портретомъ и волосами находились бы въ ея карманѣ. Какъ истая эгоистка, она даже обвиняла Элизу въ томъ, что послѣдняя не подумала ранѣе захватить эти драгоценные предметы, такъ какъ ей хорошо было извѣстно объ нихъ. Тутъ вдругъ ей вошла въ голову дикая мысль: зачѣмъ молодая дѣвушка была здѣсь? Что могло ее побудить оставаться одной ночью съ этимъ ужаснымъ мертвецомъ? Ужъ не справедлива-ли была сказка, сочиненная ею? Ужъ не была-ли она на самомъ дѣлѣ любовницей Аристиды?

Подъ вліяніемъ этихъ безумныхъ идей, Орели, какъ только удалился мировой судья, перешла въ гостиную и, по возвращеніи сестры, воскликнула гнѣвно:

— Ну, ты теперь торжествуешь! Я погибла. Ты мнѣ отомстила.

Элиза посмотрѣла на нее съ изумленіемъ. Она ничего не понимала, но, видя, что лицо Орели, которая приподняла вуаль, было искажено дикой злобой, спросила:

— Что съ тобою?

— Ты мнѣ отплатила сегодня за все, что я сдѣлала для тебя.

— Для меня?

— Да. Изъ-за тебя я сотни разъ ссорилась съ мужемъ... Я думала, что могу рассчитывать на твою благодарность и довѣрила тебѣ мою тайну. А ты, пользуясь моимъ несчастнымъ положеніемъ, сама сдѣлалась любовницей моего любовника.

— О! Боже мой! Да вѣдь онъ лежитъ мертвый въ сосѣдней комнатѣ! Послѣй повторить эти слова передъ тѣмъ, котораго ты убила.

— Я его убила? Вотъ видишь, ты уже обвиняешь меня въ убійствѣ, а завтра изъ мести за то, что онъ меня любилъ, ты скажешь обо всемъ моему мужу и укажешь, гдѣ хранятся мои письма.

— Орели, ты сума сошла.

— Нѣтъ, я поняла теперь, какое ты низкое созданіе. Мой мужъ вполне правъ, что тебя ненавидитъ. Ты завидовала мнѣ во всемъ, ты завидовала моему положенію, моей любви, моей красотѣ... неблагодарная, безсердечная дѣвочка.

Глаза молодой дѣвушки засверкали, ея вѣчно сгорбленная спина выпрямилась и, гордо поднявъ голову, она сказала съ благороднымъ негодованіемъ, но въполголоса, какъ-бы боясь, чтобы мертвый ея не услышалъ:

— Довольно, сестра... Я тебѣ запрещаю говорить здѣсь о неблагодарности. У меня нѣтъ сердца! Несчастная, да, если я въ чемъ-нибудь виновата, то лишь въ томъ, что согласилась жить съ вами. Вы меня пріютили, это правда,

но вы обращались со мною, какъ со служанкой. Твой мужъ былъ со мною такъ жестокъ и несправедливъ, что я этимъ оправдывала свое низкое поведеніе относительно его, соглашаясь играть ту презрѣнную роль, которую ты мнѣ дала въ драмѣ, только-что окончившейся.

— Какъ ты смѣешь, начала было Орели громкимъ голосомъ, но Элиза перебила ее:

— Говори тише изъ уваженія къ твоей несчастной жертвѣ.

При этихъ словахъ Орели всю передернуло, но ея сестра продолжала:

— Да, онъ—твоя жертва!.. Если вы съ мужемъ меня ненавидите, то съ сегодняшняго дня я плачу вамъ той-же монетой. Мало того, я презираю васъ отъ всего сердца. Какъ-же мнѣ не презирать сестры, которая, вмѣсто того, чтобы быть мнѣ второй матерью, подавала мнѣ самый отвратительный примѣръ. Не уважая ни моей юности, ни моей невинности, ты меня познакомила съ своей преступной любовью... ты заставила меня обманывать того, въ неблагодарности къ которому ты сегодня меня упрекаешь. Ты осквернила мое дѣтское воображеніе грязными мыслями и однако, Орели, я осталась все той-же честной дѣвушкой. Я тебя презираю, потому что, желая спасти то, что ты называешь своей честью, ты не посовѣстилась обвинить меня въ позорномъ поступкѣ и смѣешь теперь повторять мнѣ въ лицо эту гнусную клевету.

— Я знаю, что мнѣ остается дѣлать, сказала Орели и направилась къ двери, но Элиза предупредила ее, заперла дверь на ключъ и спрятала его въ карманъ.

— Нѣтъ, ты не уйдешь отсюда, пока не выслушаешь меня до конца, произнесла молодая дѣвушка рѣшительно, и Орели, боясь скандала, молча опустилась на кресло.—Мы болѣе никогда не увидимся и я хочу, чтобы ты все знала. Я тебѣ объяснила, почему я васъ презираю, теперь скажу почему я васъ ненавижу... благодаря несчастному, котораго вы бросили, какъ дохлую кошку. Я васъ ненавижу, потому что могу теперь совершенно справедливо судить объ васъ. Я ненавижу вашего мужа за его тупой эгоизмъ и ложь. Онъ часто хвасталъ тѣмъ, что помогалъ нашимъ родителямъ. Онъ лгалъ и ты это знала, но молчала. Онъ упрекалъ меня въ каждомъ кускѣ хлѣба, а я должна была вставать на разсвѣтѣ, мыть ваше бѣлье, потомъ будить его, чистить его платье, убирать комнаты, какъ служанка, и помогать тебѣ стряпать на кухнѣ. Окончивъ эту службу, я отправлялась по твоимъ порученіямъ, а затѣмъ накрывала столъ. Когда вы уходили въ гости или гулять, я оставалась дома. Съ тѣхъ поръ какъ я у васъ, я не имѣла ни одного праздника и не получала ни гроша. Твои обноски составляли мой туалетъ. И развѣ я жаловалась? Никогда. Страшное несчастье грозило тебѣ ежедневно; я была соучастницей твоего преступленія. Теперь ты перебросила вину на меня, не заботясь о томъ, что это губить всю мою будущность. Я согласилась. Твой мужъ обошелся со мною за это самымъ недостойнымъ образомъ; я невольно заплакала. Что-же ты заступилась за меня... неблагодарная, безсердечная?

Она подождала съ минуту отвѣта, но Орели только пожала плечами.

— Я знала лишь одного добраго человѣка, продолжала Элиза,—это бѣднаго молодого человѣка, который лежитъ мертвый въ сосѣдней комнатѣ. У него было слишкомъ много сердца и онъ отъ этого умеръ. Ты его соблазнила и обошла своимъ кокетствомъ.

— Ты это говоришь изъ ревности!

— Какъ тебѣ не стыдно лгать? Но ложью ты себя не оправдаешь.

— Какое право ты имѣешь судить о моемъ поведеніи?

— А то право, которое мнѣ даетъ моя роль жертвы, если я соглашусь молчать.

— Какъ, ты хочешь меня предать! воскликнула Орели, вдругъ измѣняя тонъ:—нѣтъ, ты меня не погубишь.

— Зачѣмъ-же мнѣ жалѣть тебя болѣе, чѣмъ ты меня жалѣешь?

Орели поникла головой.

— Аристидъ былъ другомъ вашего дома, даже нѣкоторые говорили, что г. де-Марби смотрѣлъ на него, какъ на сына. Еслибъ твой мужъ имѣлъ хоть тѣнь подозрѣнія, я поняла бы еще твое поведеніе, но ты меня принесла въ жертву безъ всякой причины. Я все-таки согласилась, главное изъ уваженія къ памяти покойника. Но его тѣло перенесли домой и г. де-Марби не побоялся даже узнать, приняты ли необходимыя мѣры къ устройству похоронъ. Я не видѣла у него на глазахъ ни слезы, не слышала отъ него ни слова сожалѣнія по случаю смерти его лучшаго друга, которому онъ обязанъ своимъ мѣстомъ въ министерствѣ.

— Развѣ я отвѣтственна за моего мужа?

— Но ты хуже его съ той страшной минуты, какъ ты выбросила Аристиду изъ окна. О, мнѣ страшно вспомнить объ этой ужасной картинѣ, ты, кажется, вырвала изъ своего сердца память о немъ. Какое тебѣ дѣло, что скажутъ: вотъ негодяй, въ благодарность за дружбу г. де-Марби, онъ соблазнилъ его сестру? Ты спасена—вотъ главное. Его приносятъ сюда и онъ лежитъ тутъ одинъ, какъ собака, а тебѣ и горя мало.

— Ты знаешь, что я не могла придти.

— Нѣтъ, ты не могла придти для него, чтобы проститься съ нимъ, но для себя ты нашла средство пробраться сюда тайкомъ, какъ воръ, чтобы украсть компрометирующія тебя письма... Мнѣ право стыдно за тебя. Справедливый Господь тебя и наказалъ; твоя попытка святотатственной кражи неудалась и доказательства твоей вины невозможно уничтожить.

— Такъ ты все скажешь?

— Нѣтъ, я буду молчать. Ступай къ своему достойному супругу. А я останусь здѣсь молиться.

Орели хотѣла ее удержать въ дверяхъ спальни.

— Не обвиняй меня, Элиза, сказала она:—выслушай мое оправданіе.

— Прощай, отвѣчала молодая дѣвушка и, подойдя къ кровати Аристиды, встала на колѣни.

Орели не посмѣла за нею послѣдовать. Въ глубинѣ своего сердца она сознавала, что дѣйствительно была виновна въ смерти Аристиды и, какъ преступница, боялась очной ставки съ мертвецомъ. Послѣ минутнаго колебанія она удалась и, спустившись съ лѣстницы, поѣхала домой.

По дорогѣ она серьезно обдумала свое положеніе. Ее, какъ всегда, занимала только одна мысль—о себѣ самой.

Положимъ, что писемъ она не достала, но они были сохранены подъ судейскими печатами и до той минуты, когда ихъ вскроютъ, пройдетъ много времени; она успѣетъ принять необходимыя мѣры, чтобы получить эти письма. Самое тяжелое для нея во всей этой исторіи была неожиданная оппозиція Элизы, но она дала слово молчать. И такъ, оставалось только спокойно ожидать обстоятельствъ.

Достигнувъ дома, она тихонько пробралась въ свою комнату. Капитанъ громко храпѣлъ.

— Ну, по крайней мѣрѣ, на время я могу спокойно спать, прошептала она, ложась въ постель.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Изъ міра русскаго искусства.

Диллетанта.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА.

Положеніе художественнаго критика, по истинѣ, плачевно. Обозрѣвать наши художественныя выставки, отмѣчая обстоятельно все болѣе или менѣе удачное и все болѣе или менѣе неудачное, — не представляетъ ни малѣйшей возможности, не потому, чтобы произведенія нашихъ художниковъ, выставляемые ежегодно, были такъ многочисленны, и своимъ количествомъ затрудняли обозрѣвателя; не потому, что наши выставки крайне мало разнообразны въ качественномъ отношеніи, такъ что, перечисляя картины, этюды и эскизы, невольно приходится повторять одни и тѣ же общія мѣста, указывать на одни и тѣ же особенности, не будучи въ состояніи придти къ какому бы то ни было общему выводу, характеризующему направление современной русской живописи. Русское искусство имѣетъ ту страшную особенность, что, не выработавъ школы, не выдѣливъ изъ себя нѣсколькихъ теченій, которыя бы даже въ общихъ чертахъ были аналогичны теченіямъ европейскаго искусства, — не подчиняется въ тоже время никакимъ общимъ принципамъ и представляетъ изъ себя тотъ поэтический, или, если хотите, художественный безпорядокъ, въ которомъ такъ трудно разобраться свѣдущему человѣку. Обратите, напр., вниманіе на одно обстоятельство, несомнѣнно характерное и многозначительное. Вся русская художественная критика, и во главѣ ея прежде всего г. В. Стасовъ, — вотъ уже сколько лѣтъ утверждаетъ, что несомнѣнно самостоятельный характеръ современной русской живописи, по преимуществу, ярко и крупно выражается въ русскомъ народномъ жанрѣ, который будто бы представляетъ что-то совершенно самобытное, оригинальное, невѣдомое западной Европѣ и открывающее новые горизонты живописи. Изъ за этого вопроса о русскомъ жанрѣ въ свое время немало было потрачено острыхъ словъ и громкихъ фразъ; въ своемъ усердіи извѣстная часть русской художественной критики сдѣлала чуть-ли не настоящій casus belli, выразившійся если не сраженіями и не военными картинами à la Верещагинъ, то во всякомъ случаѣ печатной перебранкой, изъ которой оказалось, что европейское искусство не стоитъ и мѣдной копейки. И что-же? Русскій народный жанръ не выдержалъ роли, которую возложила на него наша художественная критика; онъ, можно сказать, «отцвѣлъ, не успѣвши разцвѣсть». Послѣ первыхъ проблесковъ несомнѣннаго таланта этотъ жанръ не достигъ совершеннѣйшаго и, подобно юношѣ, здоровье котораго несомнѣнно потрясено, можетъ быть эксцессами, или слишкомъ усерднымъ захваливаніемъ, — жанръ этотъ, — говорю я, — сталъ вянуть и съ нѣкотораго времени почти совершенно завялъ. Уже на прошлогоднихъ выставкахъ симптомы этой вялости и отсутствія жизненныхъ соковъ проявились въ довольно рѣзкихъ формахъ и поразили не только обычныхъ зрителей и публику, но и критику. Въ настоящемъ году болѣзненное состояніе нашего жанра еще значительнѣе: на общихъ выставкахъ, какъ академической, такъ и передвижной, жанръ почти безусловно блеситъ своимъ отсутствіемъ; нѣсколько «головокъ», нѣсколько «сценъ», — вотъ и все, что осталось въ нынѣшнемъ году отъ нашего жанра, и среди этихъ «головокъ» и «сценъ» даже самый безпристрастный зритель затруднится указать на произведеніе, болѣе или менѣе выдающееся, болѣе или менѣе обращающее на себя вниманіе, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ картинъ большихъ размѣровъ (на передвижной выставкѣ): Савицкаго «На войну» и В. Маковского «Толкучій

рынокъ въ Москвѣ». Къ этимъ двумъ картинамъ я еще возвращусь, когда буду говорить о передвижной выставкѣ; но онѣ, во всякомъ случаѣ, своимъ присутствіемъ не устраиваютъ все болѣе и болѣе утверждающагося мнѣнія, что нашъ жанръ чахнетъ не по днямъ, а по часамъ.

Лучшимъ доказательствомъ этой, какъ кажется, совершенно несомнѣнной истины можетъ служить большая картина — жанръ г. Рѣпина. «Сдача рекрута», — картина, попавшая на академическую выставку, такъ сказать, фуксомъ, потому что талантливый художникъ состоитъ, какъ извѣстно, членомъ общества передвижныхъ выставокъ. Г. Рѣпинъ пользуется несомнѣнною благосклонностью нашей критики, которая въ большинствѣ своихъ представителей провозгласила его великимъ русскимъ художникомъ. Нѣтъ, конечно, никакой возможности отрицать значительный талантъ г. Рѣпина; по крайней мѣрѣ, что относится меня, то я неоднократно заявлялъ объ этомъ печатно и въ настоящую минуту съ особеннымъ удовольствіемъ заявилъ бы о новомъ его успѣхѣ, если бы этотъ успѣхъ дѣйствительно былъ. Къ сожалѣнію, послѣдняя его картина доказываетъ до какой степени похвалы, которыми встрѣтила г. Рѣпина наша критика, были преувеличены. «Сдача рекрута», по крайнему моему убѣжденію, произведеніе не выполнѣвшее, хотя въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и въ особенности въ техническомъ исполненіи нѣкоторыхъ частей картина несомнѣнно выдѣляется. Но говоря вообще и въ особенности по отношенію къ композиціи, «Сдача рекрута» представляетъ собою произведеніе, совершенно неудавшееся и, что хуже, — незрѣлое, не продуманное. Толпа лицъ, толпящихся на дворѣ избы и провожающихъ новобранца, расположена не живописно, въ этомъ расположеніи мало разнообразія и еще менѣе жизненной правды. Къ тому же, картина, по преимуществу, грѣшитъ реальностью, хотя г. Рѣпинъ и считается по чему-то представителемъ нашего художественнаго реализма. Слова нѣтъ, что выраженія нѣкоторыхъ фizioномій перваго плана превосходны и, вѣроятно, списаны съ натуры: къ такимъ лицамъ принадлежитъ, между прочимъ, старикъ, стоящій у телѣги, — очевидно, отецъ новобранца, съ неподдѣльной грустью на лицѣ; далѣе — старуха на телѣгѣ, ребенокъ — дѣвочка, стоящая у прощающагося съ невѣстой новобранца. Вообще, выразительность лицъ — лучшая сторона въ картинѣ г. Рѣпина; за тѣмъ телѣга и лошадь написаны (въ техническомъ отношеніи) замѣчательно хорошо; но рядомъ съ этимъ техническимъ совершенствомъ встрѣчаются болѣе, чѣмъ странности, рѣжущія глаза и указывающія на то, съ какой небрежностью отнесся художникъ къ своей задачѣ. Обратите, напр., вниманіе на лапти мужика, стоящаго у прощающейсѣ четы; такой ноги, обутой въ такіе лапти, едва-ли когда-либо представлялъ русскій мужикъ. Обратите затѣмъ вниманіе на руку новобранца, — эта рука такой громадной величины, такая уродливая по формамъ, что трудно себѣ представить. Обратите вниманіе далѣе на костюмы бабъ; одна изъ нихъ, стоящая лѣстницѣ съ правой стороны картины и смотрящая на прощаніе, одѣта въ какой-то розовый ситецъ, который никогда не встрѣчается въ деревняхъ. Обратите, наконецъ, вниманіе на соломенную крышу: крыша эта въ смыслѣ живописнаго эффекта написана недурно, но она до такой степени вычищена, до такой степени блестяща на солнцѣ, солома на ней до такой степени свѣжа и безукоризненно чиста, что зритель невольно обвиняетъ художника въ принаряжаніи дѣйствительности, что для правдиваго реалиста, является недостаткомъ первой важности. Кромѣ всего этого, всѣ лица картины

сгущены на сравнительно маломъ пространствѣ, они толпятся, занимаютъ собою весь первый планъ, и вслѣдствіе этого въ картинѣ чувствуется недостатокъ воздуха и зритель, въ концѣ концовъ, не можетъ себѣ представить ясно даже плана мѣстности, на которой происходитъ сцена. Я указалъ только на главные недостатки, упущая другіе, второстепенные; что же касается до общей идеи картины, то она грѣшитъ неясностью; для жанра не достаточно нѣсколько выразительныхъ, схваченныхъ съ натуры типовъ, не достаточно также извѣстнаго жизненнаго содержанія, понятнаго по своей простотѣ; жанръ требуетъ еще и извѣстной идеи, — а ея-то и нѣтъ въ картинѣ г. Рѣпина. Проводы новобранца и прощаніе его съ невѣстой, съ родными, съ деревенской жизнью, — вотъ содержаніе, т. е. другими словами, простой жизненный фактъ, голый въ своей непосредственности и самъ по себѣ еще недостаточный для картины. Цѣль искусства всегда одна и та же, обобщеніе факта, синтезъ жизни; жанръ, имѣя дѣло съ обыденною жизнью, болѣе чѣмъ всякій другой родъ живописи, способенъ на подобное обобщеніе, но его-то именно г. Рѣпинъ и не даетъ намъ, ограничиваясь простымъ перенесеніемъ дѣйствительности на холстъ. Его «Бурлаки», каковы бы ни были недостатки этой картины, заключали въ себѣ эту идею, которой не достаетъ въ «Сдачѣ рекрута».

Я распространился о картинѣ г. Рѣпина болѣе, чѣмъ слѣдовало, потому что она представляетъ собою почти единственную картину настоящаго народнаго жанра, подававшая еще такъ недавно самыя блестящія надежды. За исключеніемъ нѣсколькихъ картинъ г. Трутовскаго, на академической выставкѣ нѣтъ другихъ жанровыхъ картинъ; но о произведеніяхъ г. Трутовскаго не представляется надобности говорить много. Его «Базарный день въ уѣздномъ городѣ», «Гдѣ была», «Засада», «Испугъ», «Поваръ-художникъ», — ничего не прибавляютъ къ тому, что мы уже давнымъ-давно знаемъ о немъ, какъ о художникѣ. Нѣсколько грубая техника въ исполненіи, нѣкоторая сухость красокъ съ избыткомъ выкупаются у него игривостью содержанія, юморомъ и типичностью фигуръ. Къ лучшимъ произведеніямъ въ этомъ родѣ можно отнести «Базарный день въ уѣздномъ городѣ» и «Гдѣ была». Въ первой картинѣ (небольшой по размѣрамъ) очень курьезно и живо схвачены малороссійскіе типы, въ особенности типъ допотопнаго помѣщика, который здоровается съ столь-же допотопной помѣщицей. Другая картина «Гдѣ была» имѣетъ содержаніемъ великорусскую народную жизнь; въ избѣ у стола сидитъ мужикъ и, обратясь въ сторону къ двери, въ которую только-что вошла молодая женщина, грозно на нее поглядываетъ, какъ-бы спрашивая: гдѣ была? Очень хорошо выраженіе молодой женщины, робко и боязливо остановившейся у дверей и предчувствующей семейную бурю; менѣе удовлетворительно лицо мужа, нѣсколько театральныя повороты его головы, неестественная нога, сжатый кулакъ на столѣ, напоминаютъ собой какого-то мужицкаго богатыря; типъ этотъ нѣсколько идеализированъ и потому неудаченъ.

Вотъ и все, кажется, по части жанра. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ портретовъ, изъ которыхъ ни одинъ не выдѣляется. Портреты профессора Келлера, какъ извѣстно, не блещутъ особенными красотою, — вотъ все, что объ нихъ можно сказать. Г. Будкевичъ выставилъ портретъ г. NN., который блещетъ, но, конечно, не красотою: лобъ темно-желтый, почти выпадающій въ лиловый цвѣтъ и усы, точно у таракана; точно такими-же техническими совершенствами отличается и портретъ Ф. Н. Г., писанный класнымъ

художникомъ первой степени, г. Шаховскимъ. За то нѣкоторые этюды и просто «головки» представляютъ собою болѣе почтенный художественный матеріалъ; такъ этюды головъ съ натуры г. Тидеке очень педурны, «Хохлушка» г. Платонова также отличается нѣкоторыми достоинствами, хотя неизвѣстно, зачѣмъ художникъ помѣстилъ въ рукѣ хохлушки василекъ и заставилъ ее довольно приторно улыбаться зрителю. Портреты и этюды баронесы Вравгель, этюды головъ гг. Наумова, Гоуэра, Макарова, — не лишены достоинствъ, хотя техника могла-бы быть значительно лучше. Академикъ Боткинъ выставилъ нѣсколько картинъ, изъ которыхъ большинство — этюды, между которыми есть превосходные, напр. «Старушка», «Кардиналъ», «Мандолината»; этюдъ головы въ красной шапкѣ. Его портреты г. Постникова нѣсколько суховаты по тонамъ и вообще мало колоритны. Вообще г. Боткинъ представляетъ собою довольно странное и исключительное явленіе: у него нѣтъ своей манеры. Его портреты и этюды писаны по большей части широкою кистью, эскизно, но колоритно и сочно: между тѣмъ какъ его картины, напр. тутъ-же выставленная «Гончарная мастерская», — слишкомъ тщательно выписаны, можно даже сказать, вылизаны. «Гончарная мастерская» представляетъ собою, во всякомъ случаѣ, странное явленіе: голый старикъ, сидя на полу, на которомъ разостланъ коверъ, держитъ какую-то древней формы вазу; передъ нимъ мальчикъ, также совершенно голый, растянулся во весь ростъ на полу, поддерживая голову руками и показывая публикѣ свои юные формы. Что сей сонъ означаетъ? — спрашиваетъ себя озадаченный зритель и, разумеется, не можетъ отыскать отвѣта на свой вопросъ. Столь-же загадочно и странною кажется другая картина (большихъ размѣровъ) г. Боткина: «Бесѣда Христа съ учениками». Христосъ и три ученика сидятъ на какомъ-то пригоркѣ, вдали виднѣется Иерусалимъ; надо полагать, что дѣло происходитъ вечеромъ, или ночью, потому что какое-то бѣгальское освѣщеніе всей картины, должно изображать собою лунный свѣтъ. Эта картина, недурно задуманная, совершенно погибаетъ, благодаря этому странному освѣщенію; приближая къ нему художникъ, очевидно, хотѣлъ придать поэзію картинѣ, но кромѣ шокирующей странности изъ этого ничего не вышло.

Къ заслуживающимъ вниманія картинамъ настоящей выставки слѣдуетъ отнести жанры г. Урлауба. Этотъ художникъ отмежевалъ себя небольшую, правда, сферу, но въ этой сферѣ онъ, несомнѣнно, полный хозяинъ, и выработалъ себя чрезвычайно своеобразную манеру, положительно выдѣляющую его. Онъ — юмористъ, но юмористъ своеобразный, а не бапальный. Техника его очень хороша, хотя въ лицахъ и фигурахъ можетъ быть и недостасть лѣвки. Его «Предостереженіе доктора» очень юмористично по содержанію и прекрасно написано; это — нѣмецкій жанръ. «Сцена изъ доцъ-Кихота», «Веселая кампанія» (двѣ картины), «Влюбленная кухарка», «Восторженный музыкантъ», «Уютное созерцаніе», «Неприятная встрѣча», «Съ похмѣлья» и «Монахъ» (этюдъ), — всѣ эти картины въ своемъ родѣ очень интересны и представляютъ положительные достоинства. Въ особенности оригинальны и своеобразны «Влюбленная кухарка» и «Уютное созерцаніе». Представьте себѣ, крошечныя, почти миньютюрныя картинки, едва замѣтныя, но полныя юмора; дѣло происходитъ, какъ въ одной, такъ и въ другой, почти у самой крыши, въ окнѣ, изъ котораго высовывается влюбленная кухарка, приготавливающая вкусное лакомство своему предмету. Въ «Уютномъ созерцаніи» дѣло тоже происходитъ подъ крышей, въ окнѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Альбомъ русской охоты.

Въ №№ 6, 7, 9 и 11 нашего журнала помѣщены четыре рисунка художника Петра Соколова, о которыхъ считаемъ себя обязанными сказать по нѣсколько пояснительныхъ словъ о каждомъ.

Охота съ ножомъ на медвѣдя, изображенная на рисункѣ въ № 6, была уже пояснена нами въ № 1, гдѣ воспроизведенъ былъ другой видъ охоты на медвѣдя — съ рогатиной.

Въ № 7 помѣщенъ Ермолай съ Валеткой, одинъ изъ героевъ «Записокъ охотника» И. С. Тургенева, типъ былого времени; все болѣе и болѣе отдаляющагося отъ насъ съ уничтоженіемъ крѣпостного права, порождавшего собою такихъ горемыкъ, какъ тургеневскій Ермолай.

Конечно, Ермолай былъ дворовый человекъ, которому владѣлецъ его, «помѣщикъ стариннаго покроя», велѣлъ быть охотникомъ и доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропатокъ, а впрочемъ, позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Отъ него отказались, какъ отъ человека ни на какую работу негоднаго, «лядащаго», какъ говорится. Пороху и дрови, разумеется, ему не давали, слѣдую точно тѣмъ-же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки. Ермолай былъ человекъ престараннаго рода: беззаботный, какъ птица, довольно говорливый, разсѣянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не ужиналъ на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и перекашивался съ боку на бокъ и, шмыгая и перекашиваясь, улетывалъ верстѣ 60 въ сутки. Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: ночевалъ въ болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, саживалъ не разъ взаперти на чердакахъ, въ погребахъ и гарахъ, линался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ вещей, бывалъ битъ сильно и долго, — и все-таки черезъ нѣсколько времени возвращался домой, одѣтый, съ ружьемъ и собакой. Нельзя было назвать его человекомъ веселымъ, хотя онъ почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа; онъ вообще смотрѣлъ чудачкомъ. Ермолай любилъ показывать съ хоронимъ человекомъ, особенно за чаркой, но и то не долго: встанетъ, бывало и пойдетъ... И пойдетъ Ермолай съ своимъ Валеткой въ темную ночь черезъ кусты да водомойни... Никто не могъ сравниться съ Ермолаемъ въ искусствѣ ловить весной, въ полную воду, рыбу, доставать руками раковъ, отыскивать по-чутью дичь, подманивать перепеловъ, вынашивать ястребовъ, добывать соловьевъ съ «аѣшовой дудкой», съ «кукушкинымъ перелетомъ»... *) Наружность Ермолая изображена въ «Запискахъ охотника» слѣдующими чертами: «Лѣтъ 45, высокій, худой, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, узкимъ лбомъ, сѣрыми глазами, взъерошенными волосами и широкими, насмѣшливыми губами. Этотъ человекъ ходилъ и зиму и лѣто въ желтоватомъ нанковомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, но подпоясывался кушакомъ; носилъ синіе шаровары и шапку со смужками, подаренную ему въ веселый часъ разорившимся помѣщикомъ... Ружье у него было одноствольное, съ кремнемъ, одаренное при томъ скверной привычкой жестоко «отдавать», отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлая лѣвой. Какъ онъ попадалъ изъ этого ружья, и хитрому человеку не придумать, но попадалъ. Была у него и лягавая собака, по прозванію Валетка, предудивительное созданіе. Ермолай никогда ее не кормилъ. «Стану я пса кормить, разсуждалъ онъ, — при томъ псѣ — животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитанье...» Особенное удовольствіе доставлялъ Валетка поварамъ, когда онъ по слабости, свойственной не однѣмъ собакамъ, просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовонной кухни. На охотѣ онъ отличался неутомимостью и чутье имѣлъ порядочное; но если случайно догонялъ подраненнаго зайца, то ужъ и съѣдалъ его съ наслажденіемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни, подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ермолая, ругавшагося на всѣхъ извѣстныхъ діалектахъ».

Въ № 9 художникъ изобразилъ «Охоту на глухаря» на «току». Это любимая охота сѣверныхъ охотниковъ, гдѣ много еще огромныхъ лѣсныхъ пространствъ съ мховинами, ягодникомъ и непроходимыми трупцами, столь любимыми глухарями. Петербургскіе охотники любятъ охоту на глухаря на «току», преимущественно потому, что это — единственная охота по птицѣ, дозволяемая закономъ въ мартѣ мѣсяцѣ.

Рисунокъ въ № 11 представляетъ «Травлю медвѣдя медвѣдяными собаками». Конечно, и эта охотничья потѣха относится къ весьма отдаленному времени, потому что даже въ крѣпостное время, уже

*) Особый «коляна» въ словыномъ пѣніи.

лѣтъ 40, медвѣдянскихъ собакъ почти не было; ирѣдка лишь встрѣчались онѣ отдѣльными экземплярами у богатыхъ помѣщиковъ-охотниковъ, и то какъ комнатное животное. Типъ этой собаки, по справедливости признававшейся русской, можно считать теперь исчезнувшимъ, или переродившимся въ дѣтство самыхъ неразборчивыхъ помѣщей. Надо полагать, что русская медвѣдянка произошла отъ англійскаго дога, приобрѣти подъ вліяніемъ климатическихъ вліяній и скрещиваній болѣе густую и длинную шерсть и гигантскій ростъ, вполне соответствующій необычайной силѣ и злобности этой собаки. Двухъ собакъ можно было пускать на медвѣдя и онѣ его одолевали.

Преимущественная задача художника въ этомъ послѣднемъ рисункѣ была — изобразить исчезнувшій типъ русской собаки, называемой медвѣдянской или медвѣдянской. Переродившійся этотъ типъ, по отзывамъ нѣкоторыхъ знатоковъ, встрѣчается иногда нынѣ среди многихъ и разнообразныхъ видовъ русскихъ овчарокъ.

Къ рисункамъ.

Спасеніе, картина Эжена Фейяна. — Вотъ Фейяна, рисунокъ котораго мы помѣщаемъ въ настоящемъ номерѣ, нѣтъ возможности упрекать въ неестественности и въ отсутствіи простоты. Даже самые строгіе зрители въ этомъ отношеніи останутся вполне довольны. Въ картинѣ Фейяна все необыкновенно правдиво, и это качество прежде всего бросается въ глаза въ его жанровой картинѣ. Група женщинъ, заботливо ухаживающихъ за только что вытасненнымъ изъ воды ребенкомъ, ихъ добрыя, типично-французскія лица съ выраженіемъ участія, спасителя — молодой мальчикъ, глядящій нѣсколько изъ дали на эту сцену, его непринужденная поза, его лицо, по которому еще струится вода, двое другихъ мальчишекъ, барахтающихся въ водѣ, и чудесный морской пейзажъ вдали, все это такъ неподражаемо — правдиво схвачено, что зрителю кажется, что ему самому не разъ приходилось быть свидѣтелемъ подобной сцены. Но эта правдивость записана здѣсь не только отъ условій картины, но также и отъ самой природы, — также сцена, перенесенная въ Тангеръ, съ дѣйствующими лицами принадлежащими Мароккской имперіи, — приняла-бы другой характеръ, который показался-бы намъ менѣе правдивымъ, хотя и въ значительной степени гораздо болѣе живописнымъ. Величайшая заслуга художника, слѣдовательно, заключается въ вѣрномъ и близкомъ воспроизведеніи природы данной мѣстности и данной культуры. И въ этомъ отношеніи Фейяна можно считать однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ французскихъ художниковъ, совершенно оставившимъ академическую школу условности и сочинности. Молодая школа французскихъ жанристовъ, не мудрствуя лукаво, довольствуется тѣмъ трезвымъ реализмомъ, который ничего не сочиняетъ, ничего не принаряжаетъ, полагая, что природа и люди интересны сами по себѣ. Но въ этой-то правдивости и заключается вся трудность творчества по извѣстнымъ опредѣленнымъ и застывшимъ приемамъ гораздо легче, чѣмъ умѣние уловить въ безконечномъ разнообразіи природы жизненную струю, которая сохранила-бы художественный интересъ, ничего не теряя изъ своей реальности.

Крестоносцы, Густава Дорэ. Мы уже имѣли случай говорить о замѣчательныхъ иллюстраціяхъ Густава Дорэ къ «Исторіи крестовыхъ походовъ» Мишо. Въ первомъ рисункѣ, помѣщенномъ нами въ «Живописномъ Обзорѣ», изображалось прощаніе крестоносцевъ съ дѣтьми и женами; въ настоящемъ, мы видимъ ихъ уже на востокѣ, въ кровавой битвѣ. На этотъ разъ мы можемъ только повторить то, что уже сказали: знаменитый иллюстраторъ въ батальныхъ сценахъ также интересенъ, какъ и въ сценахъ изъ семейной жизни. Здѣсь онъ изображаетъ намъ битву въ полномъ ея разгарѣ: безформенныя кучи людей въ забралѣхъ, перепавшихъ въ бродъ рѣки, нападають на мусульманъ. Ни съ чѣмъ невозможно сравнить ту «furia francese», съ которою крестоносцы нападаютъ. Въ каждой фигурѣ такъ много движенія, жизни, остревненія, что болѣе живого изображенія сраженія трудно отыскать даже въ знаменитѣйшихъ батальныхъ картинахъ.

Гусары, картина Мессонье (№ 12). Эта сценка изъ военной жизни, которую французскій художникъ изучилъ такъ изумительно подробно и детально, — не имѣетъ вишняго интереса, но она необыкновенно вѣрно схватываетъ типы французскихъ солдатъ, подробности, мелочи, которыя придаютъ картинѣ изумительную жизненность. Начиная съ позы часоваго и оканчивая лошадьми, здѣсь все схвачено съ натуры въ такой совершенной техникѣ,

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ 1880 ГОДА.
КАРТИНА ПРОФЕССОРА В. Д. ОРЛОВСКАГО.

Лѣсъ при солнечномъ освѣщеніи.
Рѣзалъ на деревѣ по рисунку И. Т. Михайлова, г. Сиржимовскій.

о которой, разумеется, было бы излишне распространяться по отношению к такому художнику, как Мессонье.

Старые холсты, картина Джирарди. На прошлой неделе выставили в Милане, в палатце Брери не было ни одного зрителя, который бы, оставившись перед картиной Джирарди, не начинал хохотать самым неудержимым образом. Эти, три старых развратника, рассматривающие скабрёзные картинки, так непосредственно наивны, их лица так выразительны, их улыбки так многозначительны, что достигнуть в живописи большей экспрессии едва ли представляется возможным. Это, если можно так выразиться, настоящая правдиво-мористическая поэма. Герои этой поэмы в своей молодости, конечно, весьма усердно срывали «цвѣты удовольствий», не увлекаясь впрочем, ни страстью, ни ревностью, ни вообще какой, бы то ни было сердечной драмой. В качестве настоящих эгоистов они только жуировали, не придавая своим любовным похождениям никакого серьёзного значения. Но вот настали другие времена, бедняжки потеряли зубы, лысина появилась, замѣтились на лицах морщины, — пора их проказ безвозвратно миновала! И теперь, не будучи уже в состоянии «срывать цвѣтовъ удовольствий», имъ остается только жуировать воображеніемъ. Кромѣ самаго содержанія, полнаго правды и живой наблюдательности, нельзя не удивляться превосходному рисунку, умной и ловкой композиціи и передачѣ самыхъ ничтожныхъ аксессуаровъ въ прелестной живописной манерѣ. Авторъ этой превосходной и чрезвычайно талантливой картины — профессоръ туринской академіи изящныхъ искусствъ, синьоръ Челестино Джирарди, — встающая и ярко свѣтящая звѣзда итальянской живописи.

СМѢСЬ.

— **Женщина-докторъ философіи.** По словамъ мѣстныхъ газетъ вѣнскія студентки ни чѣмъ не напоминаютъ того пресловутаго типа студентокъ, который общество почему-то привыкло видѣть почти во всѣхъ женщинахъ, избравшихъ себѣ ученую дѣятельность. Вѣнскія студентки болѣею частью симпатичныя дѣвушки, съ умными, серьезными лицами, побѣднѣвшими отъ усиленныхъ умственныхъ занятій, съ скромными, сдержанными манерами, въ простыхъ костюмахъ. Онѣ садятся обыкновенно подальше отъ мужчинъ, внимательно слѣдятъ за лекціей и усердно пишутъ свои замѣтки и стараются какъ можно меньше обращать на себя вниманіе. Именно такое впечатлѣніе произвела на всѣхъ присутствующихъ дѣвушка по имени Елена Друсковичъ, которая на дняхъ, въ качествѣ доктора философіи, читала диссертацию въ коммерческой академіи. Предметомъ ея чтенія было вліяніе «отеля Рамбуле» на литературныя силы Франціи прошлаго столѣтія. Извѣстно, что умы и таланты самаго разнороднаго свойства, какъ напр. Мольеръ и Корнель, Босюэтъ и дѣвица Скюдери, собирались въ голубой гостиной маркизы Рамбуле. Диссертация отличалась большою живостью, глубокимъ смысломъ, знаніями и начитанностью. Остается только пожелать, чтобы во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ, лекціи читались бы такими дѣльными профессорами, какими оказалась г-жа Друсковичъ.

— **Трудъ г. Каратаева** (замѣтка Н. Н. Вакуловскаго). Г. Каратаевъ издалъ указатель книгъ и брошюръ по части финансовъ, промышленности и торговли со временъ Петра Великаго по настоящее время. Это часть предпринятаго имъ большаго труда по литературѣ русской библиографіи экономическихъ наукъ, такъ какъ имъ изготавляются указатели отдѣльныхъ изданій по библиографіи политической экономіи и статей по экономическимъ наукамъ вообще. Это вполне добросовѣстный трудъ; авторъ составилъ его не по однимъ печатнымъ источникамъ, но и собственными розысканіями въ различныхъ книгохранилищахъ. Указатель раздѣленъ на 9 отдѣловъ: 1) финансы; 2) кредитъ, денежное обращеніе и банки; 3) промышленность и торговля; 4) торговпромышленныя товарищества и общества; 5) способы торговпромышленныхъ сношеній; 6) торговпромышленное образованіе; 7) справочныя книги; 8) періодическія изданія и сборники и 9) смѣсь. Мелкихъ подраздѣленій множество. Указаній приводится 6152. Цѣна книги 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Нельзя не пожелать автору всякаго дальнѣйшаго успѣха.

— **Лѣтніе театры.** Антрепризу ораніенбаумскаго театра взяла клубная артистка-любительница, г-жа Васильева. Что касается театра въ «Озеркахъ», то онъ, какъ и прошлое лѣто, останется подъ управленіемъ г. Щербакова. Г. Щербаковъ, кромѣ клубныхъ актеровъ и любителей, намѣренъ пригласить нѣкоторыхъ артистовъ императорскихъ театровъ.

— **Г. Н. Федотова.** Вскорѣ прибудетъ въ Петербургъ высоко-даровитая артистка московскаго Малого театра, г-жа Федотова и приметъ участіе въ нѣсколькихъ спектакляхъ налександринской сценѣ.

— **Перемѣны въ драматической труппѣ.** Г. Новиковъ, по окончаніи настоящаго сезона, покидаетъ петербургскую драматическую сцену и уѣзжаетъ въ провинцію. Его замѣститъ г. Писаревъ, даровитый артистъ, извѣстный публикѣ по участію въ клубныхъ спектакляхъ.

— **Бенефисъ г. Манжана.** Капельмейстеръ михайловскаго театра г. Манжанъ въ день своего бенефиса устроилъ концертъ съ живыми картинами. Спектакль этотъ, хотя и не представилъ собой ничего новаго и особенно интереснаго, но прошелъ весело. Публика, какъ и всегда, къ г. Манжану отнеслась весьма сочувственно и театръ былъ совершенно полонъ, несмотря на возвышенныя цѣны. Живыя картины были поставлены очень хорошо. Гг. Стринцъ, Шелль, Барбъ, г-жи Даркуръ, Стюаръ и Савина недурно справились со своими задачами. На долю послѣдней выпали самыя шумныя и продолжительныя оваліи, артистка удостоилась поднесенія роскошной корзинки съ цвѣтами. Старинный фарсъ «Les folies dramatiques» былъ разыгранъ очень мило, благодаря главнымъ образомъ гг. Андриэ и Дево. Сцена г. Горбунова, назначенная однимъ изъ нумеровъ спектакля, была отмѣнена. Въ общемъ бенефисъ уважаемаго капельмейстера можно считать весьма удачнымъ. Г. Манжану былъ поднесенъ лавровый вѣнокъ.

— **Концерты подъ аккомпаниментъ волнъ.** Въ г. Онтарио составилъ проектъ устройства на крутизнѣ піагарскаго берега, близъ водопада, павильона для помѣщенія оркестра и роскошнаго парка. Оркестръ изъ избранныйшихъ музыкантовъ будетъ давать постоянные концерты подъ шумъ волнъ водопада.

— **Идеальная красота.** Редакція англійскаго иллюстрированнаго журнала «The Graphic» предложила художественный призъ за воспроизведеніе на полотнѣ идеала женской красоты, для чего и устроила выставку, на которую художниками королевской академіи доставлены рисунки женскихъ головокъ, замѣчательнаго артистическаго исполненія. При онѣнкѣ образовалось двѣ партіи: одна отдаетъ предпочтеніе восточной красавицѣ — головка дѣвушки, смуглаго типа съ большими черными, глужими глазами и громадной черной косой, писанная художникомъ Лонгомъ; другая же — блондинкѣ, подходящей къ типу англійской красавицы; она олицетворяется въ головкѣ подъ названіемъ «Спѣлая вишня», выставленной въ двухъ экземплярахъ: одинъ — художникомъ Перужини, другой художникомъ Милліамомъ; рисунокъ изображаетъ маленькую дѣвочку, въ большой простой шляпкѣ, бѣломъ платьицѣ, съ широкимъ розовымъ поясомъ; она сидитъ въ саду и въ рученкахъ, наивно сложенныхъ на колѣняхъ, держитъ спѣлую вишню; бойкіе живые глаза прямо съ любопытствомъ смотрятъ на зрителя, какъ бы говоря ему: «выбери меня». Еще неизвѣстно, какой изъ этихъ трехъ картинъ будетъ отдано предпочтеніе экспертами.

— **Новый мостъ чрезъ рѣку Тей.** На мѣсто недавно обрушившагося громаднѣйшаго желѣзнодорожнаго моста чрезъ р. Тей (въ Англии) теперь начато уже сооруженіе новаго моста длиною въ 2 версты 57 1/7 сажень. Эта громаднѣйшая постройка поручена инженеру Томасу Буцу. Новый мостъ будетъ двойной роскошной системы и почти вдвое шире и ниже прежняго.

— **Почтовый балъ въ Берлинѣ.** Директоръ германскихъ почтъ и телеграфовъ г. Стефенсъ, давалъ на дняхъ балъ, названный почтовымъ. Особенность этого бала состояла въ слѣдующемъ: роскошная зала была убрана эмблемами почтового и телеграфнаго вѣдомствъ, всѣ слуги были одѣты почталонами. Въ котильонѣ разыгрывались почтовые сумки, кепи, ящики и т. п., наполненные изысканными конфектами: посреди залы возвышался разукрашенный почтовыми флагами телеграфный столбъ съ почтовыми ящикомъ, изъ котораго танцующіе вынимали телеграммы съ предсказаніями, а во время вальса зала освѣщалась электрическимъ свѣтомъ, сигналы подавались почтовыми трубами.

— **Премія.** Профессоръ лондонской академіи художествъ Ф. Клеркъ, оставилъ 24,000 фун. стерл. въ пользу національной галереи для выдачи премій за лучшія художественныя произведенія.

— **Приключеніе въ вагонѣ желѣзной дороги.** (Ст. М-съ Джонъ Вудъ). Никогда я не забуду перваго и единственнаго моего путешествія въ Нью-Орлеанъ. Только что окончился мой ангажементъ съ Иозефомъ Джеферсономъ въ «Зимнемъ» театрѣ въ Нью-Йоркѣ и жители Нью-Йорка думали, что я поселюсь въ ихъ городѣ, какъ вдругъ газеты извѣщаютъ громад-

ными буквами о моихъ послѣднихъ представленіяхъ. Я съ гордостью говорю, что всѣ, включая въ то число и антрепренера, выходили изъ себя, что Таля Матильда (имя данное мнѣ критикомъ New-York Herald'a) отправляется на югъ. Былъ приглашенъ также м-ръ Адольфусъ Девенпортъ или Долли, какъ фамиліарно звали его, для пьесъ, въ которыхъ мы вмѣстѣ появлялись на сценѣ въ Нью-Йоркѣ. Газеты заговорили о предстоящемъ путешествіи и очень зло острили на счетъ бѣднаго Долли. «А, говорилось въ нихъ, счастливый Долли! Ему одному предстоитъ смотрѣть за ея багажемъ, ему будетъ позволено хранить ея ключи, онъ такъ счастливъ, что ему предоставлено заботиться о билетахъ на желѣзной дорогѣ», и сотни подобныхъ замѣчаній, не говоря уже о шуткахъ собратій актеровъ. Каждый вечеръ при выходѣ изъ театра ему напоминали: «Ну Долли, берегите же царицу Комедіи и Пѣнія, позаботьтесь о ея туалетѣ, ея нотахъ» и т. п., пока бѣдный Долли дѣйствительно не вообразилъ, что онъ не актеръ, а лакей.

Это продолжалось, пока мы не сѣли въ вагонъ на станціи нью-орлеанской желѣзной дороги, куда насъ провожала толпа актеровъ, антрепренеровъ, критиковъ и сотни знакомыхъ дружескихъ лицъ. Мы ѣхали до полуночи, когда случилась перемѣна поѣздовъ. Въ вагонѣ пассажирами были все дамы, кромѣ одного сѣдого пожилого человека. Я замѣтила его въ ту минуту, когда м-ръ Девенпортъ передъ уходомъ въ вагонъ для курящихъ заговорилъ съ нимъ и пожалъ ему руку. Отдавъ Долли свой билетъ, кошелекъ и всѣ цѣнныя вещи, которые были на мнѣ, изъ боязни потерять ихъ, я легла спать. Спустился часъ 3 или 4, я была внезапно разбужена кондукторомъ, требующимъ мой билетъ для провѣрки. Я сказала ему, что онъ найдетъ его у господина въ отдѣленіи для курящихъ. Онъ ушелъ, но тотчасъ же вернулся съ громкимъ крикомъ: «Тамъ нѣтъ никакого господина съ билетомъ для дамы», и онъ проситъ меня не дурачить его болѣе.

Я кротко увѣряла его, что господинъ долженъ быть въ отдѣленіи для курящихъ, показывая куда ушелъ м-ръ Девенпортъ.

— Въ этой сторонѣ нѣтъ даже вагона, сказалъ онъ, — всѣ отцѣплены на послѣдней станціи съ частъ тому назадъ.

— Боже праведный! значить, Долли увезенъ соннымъ въ неизвѣстныя страны.

— Вамъ придется сойти съ поѣзда, произнесло чудовище.

— Но у меня здѣсь ни билета, ни денегъ въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ! Что-же мнѣ дѣлать?

— О, пожалуйста, со мной не стоитъ труда прикидываться, кричалъ людоедъ. — Слышали мы прежде, какъ дамскіе билеты находились у джентельменовъ, спящихъ въ слѣдующихъ вагонахъ. Все это вы скажете начальнику станціи.

И онъ вышелъ.

Что мнѣ дѣлать? Представиться спящей и не просыпаться. И такъ, я закрыла голову шерстянымъ шарфомъ; я почти задохнулась подъ нимъ, но могла черезъ него видѣть, не будучи сама видима. Я видѣла, какъ кондукторъ горячо разговаривалъ съ сѣдымъ господиномъ, указывая на меня. «О Боже, думала я, меня выкинутъ, это рѣшено. Что со мною будетъ?» Наступило утро, злой демонъ, кондукторъ, все носится около меня. Я ждала съ минуты на минуту, что мнѣ скрутятъ руки, какъ только я пошевелюсь. Мнѣ становилось дурно отъ духоты, жажда мучила меня, но ничто не могло заставить меня перемѣнить положеніе. Поѣздъ началъ замедлять ходъ, продавцы, поспѣвая за нимъ, предлагали фрукты, у меня не было денегъ купить что нибудь, чтобы промочить горло. За мной слѣдили, чтобы высадить изъ поѣзда. Я не на шутку струсилла. Наступала ужасная минута; поѣздъ остановился. Десять минутъ остановки; буфетъ. Всѣ вышли. Я ждала едва дыша. Нѣтъ кондуктора. Еще минуту и если онъ не придетъ, я открою лицо. Его нѣтъ. Я встаю, открываю окно, чтобы подышать немного свѣжимъ воздухомъ. Передъ моими глазами пустыня, оглядываясь назадъ: за мной людоедъ съ шляпой въ рукѣ, кланяющийся мнѣ съ саркастическимъ видомъ, конечно, думала я. Я не могла говорить, но бросила на него взглядъ, выражавшій: «я голодна, одинока, что вы хотите со мной дѣлать?» Онъ улыбнулся. «О если бы у меня былъ револьверъ, чтобы напугать его», думала я.

— Что-же, вы хотите высадить меня?

— Нѣтъ, м-съ Вудъ, если бы я сначала знала, что это вы, я не позволилъ бы себѣ сдѣлать вамъ это замѣчаніе.

Затѣмъ онъ объяснилъ мнѣ, что сѣдой джентельменъ сказалъ ему передъ уходомъ, что я пришла дѣйствительно съ господиномъ, что я м-съ Джонъ Вудъ, а господинъ былъ Долли Девенпортъ и что мы ѣдемъ давать представленія въ театрѣ Варьете

въ Нью-Орлеанѣ; что онъ, людоѣдъ, заходилъ нѣсколько разъ (если бы я только знала это), но такъ какъ я крѣпко спала, онъ не хотѣлъ будить меня. О радость, я готова была обнять чудовище; онъ былъ такъ вѣжливъ, не можетъ-ли онъ принести мнѣ чего-нибудь?

— Но у меня нѣтъ денегъ.

— Обѣ деньгахъ не безпокойтесь.

— Неужели? о, тогда мнѣ давно слѣдовало быть въ буфетѣ.

Мнѣ тотчасъ-же было принесено, чего я пожелала, и я благословляла въ глубинѣ души сѣдого господина за то, что онъ сказалъ людоѣду, кто я. Мнѣ это и въ голову не приходило. Скоро мой другъ людоѣдъ вернулся, говоря, что онъ дальше не ѣдетъ, но что онъ телеграфировалъ и пришелъ уведомить меня, что обо мнѣ будутъ заботиться. Я поблагодарила и спросила его адресъ; и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю, что я дала ему знать о себѣ въ такое время, когда онъ менѣ всего ожидалъ этого, когда онъ самъ былъ въ большемъ затрудненіи. Мнѣ жаль было разстаться со своимъ благодѣтелемъ. Дѣйствительно, какъ онъ и предупредилъ меня, на слѣдующей станціи-меня ожидала цѣлая орація, которая была по достоинству оцѣнена беззащитной женщиной.

Пріѣхавъ въ Саванну, я рѣшилась сразу сказать свое имя и послала за содержателемъ отеля, который тотчасъ-же явился. Я только что собиралась откомендоваться, какъ онъ спокойно встрѣтилъ меня словами:

— М-съ Джонъ Вудъ, я полагаю.

Я даже присѣла.

— Но гдѣ-же мой другъ Долли? спросилъ онъ. — Онъ писалъ мнѣ изъ Нью-Йорка, извѣщая о вашемъ пріѣздѣ, чтобы я приготовилъ для васъ комнаты.

Я рассказала ему о своемъ приключеніи.

— Да, отвѣчалъ онъ, — эти вещи часто случаются и любящія семейства разлучаются по цѣлымъ недѣлямъ.

«Боже мой, думала я, ужъ не соглашеніе-ли это между желѣзнодорожными компаніями и содержателями отелей, чтобы задерживать здѣсь путешественниковъ? Нѣтъ, быть этого не можетъ. Это невыносимо!»

— Но пароходъ отходитъ завтра, а до слѣдующаго придется ждать цѣлую недѣлю. Надо отыскать Долли.

Хозяинъ вышелъ изъ комнаты, говоря, что онъ отыщетъ его, если онъ находится еще въ живыхъ.

О, что я выстрадала! Прошла ночь, о немъ нѣтъ извѣстій. Рано слѣдующимъ утромъ получила телеграма: «Буду во время къ пароходу. Уважающій васъ Долли».

Я бросилась отыскивать хозяина. Онъ былъ на станціи. За часъ до отравленія парохода они оба явились. Долли блѣдный, хозяинъ красный и торжествующій. Долли былъ увезенъ соннымъ. Проснувшись и выяснивъ свое положеніе, онъ настоялъ, чтобы остановили поѣздъ и высадили его. Онъ выходилъ изъ себя, видя, какъ поѣздъ проходилъ за поѣздомъ, не замѣчая его. Отчаяніе его не знало границъ и дошло до такихъ предѣловъ, что слѣдующій поѣздъ былъ остановленъ. Вниманіе кондуктора было привлечено господиномъ, стоявшимъ на головѣ. По болѣе внимательному наблюденію они увидѣли рядомъ на шестѣ шляпу съ двумя воткнутыми въ нее билетами перваго класса. Поѣздъ былъ остановленъ и онъ принятъ. Вѣроятно, его сочли безнадежно сумасшедшимъ и помѣстили въ отдѣльный вагонъ одного. Онъ не могъ заставить выслушать себя или узнать, куда направляется поѣздъ. Однакожь, оказалось, что онъ попалъ на настоящій путь въ Саванну. Онъ телеграфировалъ мнѣ, заплативъ моими-же деньгами. Свой кошелекъ онъ потерялъ, вѣроятно, во время отчаянныхъ гимнастическихъ упражненій.

— Не стоитъ говорить объ этомъ, отвѣчала я. — Я рада васъ видѣть какой бы то ни было цѣной.

Мои тревоги окончились; но трудно вообразить ту массу писемъ, которой осаждали Долли за его предостереженія заботы обо мнѣ, когда мое приключеніе всѣмъ стало извѣстно.

— Музей г. Сидней. Изъ Австраліи сообщаютъ, что настоящая международная выставка въ г. Мельбурнѣ дала средства для устройства австраійскаго музея для хранения всевозможныхъ богатствъ страны. Мѣстомъ для музея избранъ г. Сидней. Для этого музея городъ уже приобрѣлъ на выставкѣ 5 произведеній французскихъ художниковъ и 23 британскихъ.

— Художественная выставка. Въ г. Единбургѣ открыта первая выставка картинъ шотландскихъ художниковъ. Всѣхъ выставленныхъ предметовъ 1820.

— Свѣтящіяся обои и пудра. Въ Англіи профессору Сантону помощію примѣсей сѣрнистой кислоты соли къ

химическому процессу воспроизведеній фотографическихъ снимковъ удалось получить сильно блестящіе оттиски, въ особенности въ темнотѣ; это открытіе дало поводъ къ практическому примѣненію: къ печатанію громадныхъ свѣтищихся фотографій-обоевъ для освѣщенія темныхъ мѣстъ, не предохраненныхъ отъ различныхъ взрывчатыхъ газовъ, каковы пороховые погреба, каменно-угольные шахты, корабельные трюмы, газовыя кладовыя и т. подобныя. Для освѣщенія всѣхъ такихъ мѣстъ фосфорическимъ или, какъ названо по имени изобрѣтателя, сантоновскимъ свѣтомъ составила компанія, которая даже предложила свое освѣщеніе и для театровъ. Профессоръ Варнерке пошелъ еще далѣе и изобрѣлъ свѣтящуюся фосфорическую пудру, которую достаточно посыпать на любой (еще мокрый) фотографическій оттискъ и поставить его на сильный свѣтъ, чтобы получить свѣтящійся оригиналь.

— Несчастіе на морѣ. Громадный пароходо-фрегатъ восточной компаніи «Чимборазо», вышедшій изъ Плимута въ Австралію съ массою пассажировъ, былъ застигнутъ въ пути ужаснѣйшимъ ураганомъ, налетѣвшимъ съ такою силою, что въ одинъ мигъ мачты и трубы были сорваны, пароходъ сильно накренило; испугъ былъ страшный, причемъ множество людей пострадало. Къ счастью, ураганъ продолжался нѣсколько минутъ, но поврежденія были настолько сильны, что дальнѣйшее плаваніе было невозможно и гибель парохода неизбежна, если-бъ его не спасъ проходившій мимо другой пароходъ, который принялъ пассажировъ на свой бортъ и взялъ на буксиръ «Чимборазо».

— Усовершенствованный телефонъ. Послѣдніе успѣхи техники надъ усовершенствованіемъ телефона дали блестящіе результаты, которые выразились самымъ краснорѣчивымъ образомъ. Между г. Омага въ штатѣ Небраска и островомъ св. Луиса, на разстояніи 410 миль, посредствомъ телефона первоначально слушался концертъ въ г. Омага, потомъ пальба на островѣ; звуки передавались изумительно; наконецъ, въ обѣихъ оконечныхъ точкахъ были назначены лица, которыя и вели съ обѣихъ сторонъ разговоръ; телефонъ съ такою точностію передавалъ каждое слово, что по звуку голоса можно было узнать говорившаго. Этотъ опытъ ясно доказалъ, что для телефона разстоянія не существуетъ и потому въ настоящее время проектируется проведеніе телефона изъ Нью-Йорка въ Лондонъ.

— Болѣзнь горныхъ рабочихъ. Ньюмонтская газета обращаетъ вниманіе публики на болѣзнь, до сихъ поръ еще мало извѣстную, которой подвергаются люди, работающіе надъ Сен-Готардскимъ тунелемъ. Болѣзнь эта отличается слѣдующими признаками: желтизна и влажность кожи, худоба, потеря аппетита и рвота отъ вина. Какъ-бы ни былъ крѣпокъ здоровѣе и силенъ человекъ, онъ болѣе 4-хъ мѣсяцевъ не можетъ выдержать работы въ тунелѣ; болѣе слабыя заболѣваютъ черезъ мѣсяцъ. Изъ 100 человекъ больныхъ оказывается 80, изъ которыхъ 30 умираетъ. Профессоръ Боцоло, изъ Турина, называлъ эту болѣзнь *ancilostoma*, потому что въ кишкахъ одного изъ умершихъ отъ нея, найдены были черви, извѣстные подъ этимъ именемъ. Теперь дознаю, что болѣзнь этой подвергаются исключительно тѣ люди, что работаютъ въ тунеляхъ: она происходитъ отъ высокой температуры, плохой вентилляціи, не достаточно очищающей воздухъ, насыщенный водяными парами и ядовитыми испареніями (отъ взрывовъ динамитомъ) и, наконецъ, отъ червей, попадающихъ въ воду, которую рабочіе пьютъ въ тунеляхъ. Болѣзнь эта дошла до насъ изъ Бразиліи и Египта, гдѣ она уже давно свирѣпствуетъ.

Шахматный отдѣлъ.

Въ № 582 «Всемирной Иллюстраціи» напечатанъ очень любопытный и очень безцеремонно-извостительный отвѣтъ на наше замѣчаніе почтенному составителю шахматнаго отдѣла этого журнала по поводу новаго шахматнаго общества («Ж. О.» № 5). Въ отвѣтъ авторъ упрекаетъ насъ въ недобросовѣстномъ искаженіи смысла его прежней замѣтки и въ томъ, что мы толкуемъ все «вздоръ»... Читатели наши знаютъ, что всѣ эти опреки намъ неосновательны: на примѣръ, мы совсѣмъ не искажали смысла замѣтки *en question*, ибо никакого «смысла» въ ней не замѣтили, по правдѣ сказать. Столько-же смысла и въ теперешней замѣткѣ «Всемир. Иллюстр.» «Мы не вѣримъ въ его (т. е. новаго общества) самостоятельное существованіе, пишетъ, на примѣръ, авторъ. Что тутъ скажешь на это? Ну, не вѣрите въ существованіе того, что уже существуетъ, такъ не вѣрьте — ваше дѣло. Вѣдь была же одна барыня (въ романѣ покойнаго Слѣпцова), которая говорила: «знаю, что земля круга, да только этому

не вѣрю». Никому, вѣроятно, нѣтъ дѣла до того вѣрить ли, или не вѣрить авторъ въ «существованіе» общества, но нельзя не замѣтить ему, что онъ не знаетъ ни доходовъ и расходовъ общества, а потому и долженъ былъ бы на этотъ счетъ сохранить приличное молчаніе, а не вдаваться въ разсужденія и заботы о томъ, на какія средства общество будетъ существовать. Что касается до намековъ на двухъ «благодѣтелей» и пожеланій, «чтобы рука дающая не оскудѣла», — то нужно считать ихъ не ловкими выходками со стороны почтеннаго автора, весьма близкими къ инсинуаціи, и давать по этому поводу какія-либо разъясненія находимъ совершенно неумѣстнымъ. Не будемъ спорить съ нимъ и о томъ, удобнѣе-ли играть въ старомъ (?) клубѣ, или въ помѣщеніи новаго общества: вкусы, какъ и понятія объ удобствахъ, могутъ быть различны; но различіе на этотъ счетъ вкусовъ нельзя считать достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы съ безцеремонностью искажать и невѣрно освѣщать факты въ глазахъ публики. А что факты извращены, или покрайней мѣрѣ, ложно освѣщены, въ томъ можетъ убѣдиться и самъ авторъ и каждый, кто пожелалъ бы поближе познакомиться съ дѣлами общества.

ПАРТІЯ № 9.

Французская защита.

Играна въ Парижѣ въ 1859 г.

П. Морфи.

Бѣлые

1. e2—e4

2. K g1—f3

3. d2—d4

4. Ф d1 : d4

5. C f1—b5

6. C b5 : c6

7. C c1—g5 e

8. C g5—h4

9. K b1—c3

10. 0—0

11. Ф d4—c4 † d

12. K f3—d4

13. J a1—d1

14. f2—f4

15. f4—f5

16. K d4—e6

17. a2—a4

18. Ф c4—e2

19. C h4—g3

20. C g3 : e5

21. J f1—f3

22. J f3—h2

23. Ф e2—d2

24. Ф d2 : d7

25. J h3 : h6 †

26. J d1—d3

27. Ф d7—f7 † и матъ въ 2 хода.

Боше.

Черные

1. e7—e5

2. d7—d6 a

3. e5 : d4

4. K b8—c6 b

5. C c8—d7

6. C d7 : c6

7. f7—f6

8. K g8—h6

9. C f8—e7

10. 0—0

11. Kp g8—h8

12. Ф d8—d7

13. J f8—f7

14. a7—a5

15. J f7—f8

16. J f8—g8

17. K h6—g4

18. K g4—e5

19. Ф d7—c8

20. d6 : e5

21. C c8—d7 e

22. h7—h6

23. Kp h8—h7 f

24. C e7—d6

25. Kp h7 : h6

26. Kp h6—h5

Примѣчанія къ партіи.

- Эта защита менѣе хороша, чѣмъ K b8—c6.
- Здѣсь лучше сыграть предварительно C e8—d7.
- Хорошій ходъ, имѣющій цѣлью вызвать f7—f6, что стѣсняетъ игру черныхъ.
- Начиная съ этого хода Морфи играетъ съ замѣчательной энергіей и послѣдовательностью.
- Черные совершенно ничего не могутъ сдѣлать, чтобы спасти игру. На 21. ... C e7—d6; бѣлые продолжаютъ тоже 22. J f3—h3 (угрожая J h7 : †), h7—h6 23. J d1—d3 съ рѣшительной атакой на короля.
- Если C d7 : e6, то J h3 : h6 † и въ слѣдующій ходъ матъ.

Рѣшеніе задачъ (въ № 7.)

№ 14. Д. Кларна.

1. J d3—f3; ∞; K или C X

Эта задача имѣетъ другое рѣшеніе, упущенное изъ виду авторомъ: 1. J e4—g4, ∞; 2. K d1—e3 X. — Рѣшеніе прислали: Е. Бекеневъ, К. Сердешневъ, Буевскій, А. Лундышевъ, А. Курчикъ, Э. Пертель, М. Кроль, Н. Розовскій, А. Корсбергъ, П. Ланевскій, Полков. Д. Львовскій, Н. Домингъ, Н. Лобшицъ, Г. Гельбакъ, С. Козловъ.

№ 15. Д. Кларна.

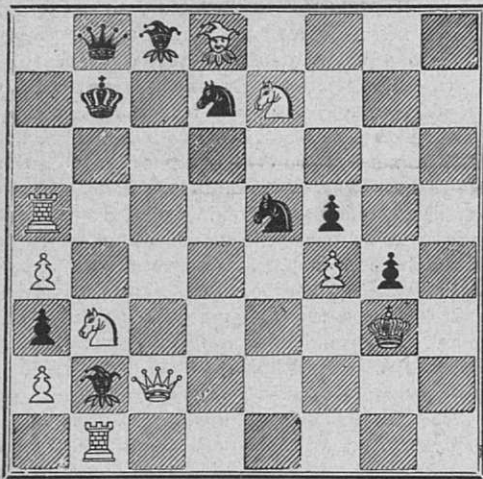
1. Ф d1—d3. 2. Ф d3 : f5. 3. Ф f5—c8 (c2) X
C e6 : d5! Kp c5 : c6 (c4)!

И эта задача имѣетъ, къ сожалѣнію, другое, болѣе простое рѣшеніе 1. C d5 : e6, Kp c5 : c6; 2. Ф d1—b3, ∞; 3. Ф b3—b6 X. — Рѣшеніе прислали тѣ же лица.

ЗАДАЧА № 20.

К. Веннберга.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 2 хода.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. I. Къ числу олеографическихъ картинъ, о продажѣ которыхъ гг. подписчикамъ на «Живописное Обозрѣніе» объявлено въ 1 № этого года, Редакція можетъ предложить еще слѣдующія:

Названіе картины.	Цѣна карт.	Перес.	Мѣра картинъ.	Въ дюймахъ.	Выш.	Шир.
Цѣна карт.	Перес.	Мѣра картинъ.	Въ дюймахъ.	Выш.	Шир.	
Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.	Р. к.
17. Имянины бабушки, карт. Лейстень-Дюншта..	3 50	» 75	27 1/2	21 1/2		
23. Маленькая кокетка.....	» 85	» 30	17	13		
24. Шалунъ.....	» 85	» 30	17	13		
25. Театръ маріонетокъ.....	1 40	» 40	14	19 1/2		
26. Кегли.....	1 40	» 40	14	19 1/2		
(№№ 25 и 26 составляютъ копіи съ картинъ голландскаго художника Бюргерса).						
27. Дѣвушка съ виноградомъ, на берегу.....	4 50	1	» 31 1/2	21 3/4		
28. Дѣвушка въ цвѣтахъ.....	4 50	1	» 31 1/2	21 3/4		
(№№ 27 и 28 составляютъ копіи съ картинъ художн. Эскюдье).						
29. Мечты на терасѣ, карт. Стюарта.....	10	» 1 50	30	40		

(Картина Стюарта, представляющая очаровательную группу изъ четырехъ женщинъ, признана первою на лондонской выставкѣ 1877 года.)

II. Получивъ уступку на нѣкоторыя изъ объявленныхъ уже картинъ, мы дѣлаемъ соотвѣтствующую уступку гг. подписчикамъ. Цѣна на прежнія картины слѣдующая:

Названіе картины.	Цѣна карт.	Перес.
Р. к.	Р. к.	Р. к.
1. Шаплена. «Дѣвушка»...	» 40	» 25
2. Его же. «Дѣвушка».....	» 40	» 25
3. Эрнмана. «Любовное письмо».....	» 60	» 30
4. Киллера. «Зима въ Нормандіи».....	» 60	» 30
5. Астудицъ. «Видъ».....	» 60	» 30
6. Тена. «Мыльные пузыри».	1 25	» 40
7. Его же. «Хорошъ портретъ?».....	1 25	» 40
8. Жильбера. «Въ будуарѣ».	1 25	» 40
9. Его же. «На кухнѣ».....	1 25	» 40
10. Лемера. «Проба голоса».	1 70	» 50
11. Морлона. сд. «Изъ Севильскаго цирюльника».	2	» 50

Названіе картинъ.	Цѣна карт.	Перес.
Р. к.	Р. к.	Р. к.
12. Его же. «Изъ Свадьбы Фигаро».....	2	» 50
13. Ригера. «Въ Аппенинахъ».	2 25	» 75
14. Краузе. «Улица въ Дуврѣ».....	2 25	» 75
15. Дунце. «Утро въ Норд-фюрдѣ».....	2 25	» 75
16. Его же. «Вечеръ въ Зюд-фюрдѣ».....	2 25	» 75
18. Барабеля. «Въ саду»....	2 50	» 50
19. Наульбаха. «Знатная венеціанка».....	7	» 1
20. Его же. «Знатная голландка».....	7	» 1
21. Макарта. «Средневѣковая знатная дама».....	10	» 1 50
22. Зихеля. «Марія Стюартъ, отправляющаяся на казнь».....	13 50	1 50

III. Желая сдѣлать болѣе доступной выписку для гг. подписчиковъ премій прошлыхъ годовъ, Редакція находитъ возможнымъ уменьшить ихъ продажную цѣну. Новая цѣна ихъ слѣдующая:

Названіе картинъ.	Цѣна карт.	Перес.
Р. к.	Р. к.	Р. к.
30. Графиня Потоцкая.....	» 50	» 30
31. Графъ Кассельмонте....	» 50	» 30
31. Наказанное любовничество.	» 50	» 30

Названіе картинъ.	Цѣна карт.	Перес.
Р. к.	Р. к.	Р. к.
33) Тайная вечеря, съ карт. Леонардо-да-Винчи.....	» 30	» 20
34) Продажа амулетовъ, съ картины проф. Семирадскаго.....	» 30	» 20
35) Свѣточи христіанства, съ картины Семирадскаго..	1 25	» 50
36. Мадонна, съ картины Мурильо (гравюра на стали).	1 50	» 50

Остается въ прежней силѣ правило, что при выпискѣ не менѣе трехъ олеографій и гравюръ разомъ за пересылку прилагается половина назначенной цѣны за каждую картину.

Литературныя преміи, вышедшія въ прошлыхъ годахъ, продаются по слѣдующимъ цѣнамъ:

1) Марко Фоскарини, драма Залевскаго, въ переводѣ И. В. Оммулевскаго съ иллюстраціями на велевой бумагѣ. Ц. 50 к. съ пер. 70 коп.	
2) Шекспиръ, А. Дауденса, съ иллюстраціями на велевой бумагѣ. Ц. 40 коп. съ пер. 60 коп.	
3) Виндзорскія кумушки, комедія Шекспира, съ иллюстраціями на велевой бумагѣ, П. И. Вейнберга и Н. И. Шульгина, Ц. 75 коп. съ пер. 1 руб.	

Кромѣ того продается приложеніе «Жизнь и хозяйство».

I томъ 1876 годъ—1 р.	съ пер. 1 р. 30 к.
II » 1877 » 1 »	» 1 » 30 к.
III » 1878 » — » 50 к.	» — » 75 к.

Всѣ три тома вмѣстѣ 1 р. 50 коп. съ перес. 2 рубл.

Штемпеля наши не имѣютъ ничего общаго съ фабрикованными въ Москвѣ и въ Варшавѣ изъ какой-то клеевой массы.

Честъ имѣю довести до всеобщаго свѣденія, что каучуковые штемпеля, которые, благодаря своему превосходству, вездѣ, гдѣ они были испытаны, вытѣснили въ скоромъ времени всѣ гравированные; они отличаются: 1) чистотою оттиска; 2) невозможностью засорѣнія; 3) легкостью получения, при самомъ сложномъ текстѣ и мелкости шрифта, самыхъ изящныхъ оттисковъ, не уступающихъ типографскимъ; и 4) прочностью и дешевизною. Штемпеля эти исполняются, смотря по желанію: въ рамкахъ, овалахъ, кругахъ, простымъ текстомъ, въ видѣ виньетокъ съ украшеніями всякаго рода, съ государственными гербами, вензе-

IV. Редакція считаетъ нужнымъ еще разъ объявить, что отказывается отъ пересылки картинъ въ рамкахъ. Причины объяснены въ № «Жив. Об.»

ОТЪ КОНТОРЫ. № 12-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 14 марта въ 6 часовъ 30 минутъ утра, на иногороднюю почту 15 марта въ 6 часовъ 30 минутъ утра.

СОДЕРЖАНІЕ.

Статьи: На родинѣ, стих. В. Раевского. — Берегись гроба (разск). — Призывъ, стих. В. Львова. — Новости русской литературы. — Смерть, стих. Б. Левина. — На краю пропасти, пов. Л. Герберъ. — Русскія суевѣрія, очерк. С. С. Шашкова. — Изъ прошлаго и настоящаго Америки, ст. Н. В. Шелгунова. — Рябая красавица, ром. А. Бувье. — Изъ міра русскаго искусства, Диллетанта. — Альбомъ русской охоты. — Къ рисункамъ. — Смѣсь. — Шахматы. — Отъ редакціи. — Объявленія.

Рисунки: Спасеніе, карт. Э. Фейяна. — Холостяки, карт. П. Целестино Жиларди. — Портретъ А. Н. Островскаго, раб. Перова. — Помпейка, несущая воду, карт. Бомпани. — Лѣсъ при солнечномъ освѣщеніи, карт. проф. В. Д. Орловскаго.

Редакторъ-издатель Н. И. Шульгинъ.

Объявленія.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается новая книга

Н. А. ЛЕЙКИНА.
МѢДНЫЕ ЛБЫ.

Картинки съ натуръ.

1880 г. 65 юмор. разсказовъ, около 300 стр. убоистой печати Ц. 1 р. 50 к. безъ пер.

Складъ изданія у автора, въ С.-Петербургѣ, по Николаевской ул. д. № 48.

Большая хромофотографированная

КАРТА РОССІИ

(Н. И. Зуева).

Съ новыми приобрѣтеніями въ Азіатской Турціи и Бессарабіи, по Берлинскому трактату, съ означеніемъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ морскихъ и сухопутныхъ сообщеній, на двухъ большихъ листахъ. Цѣна 1 рубль, съ пересылкою 1 р. 10 к.

Кромѣ того находятся въ продажѣ:

Цѣны имѣютъ съ пересылкою:

1) Иллюстрированное описаніе Австраліи..	85 к.
2) Варфоломеевская ночь (избіеніе протестантовъ католиками 24 авг. 1572 года).	65 к.
3) Желѣзная маска.....	45 к.
4) Романъ Дюма „Людовикъ XVI и революція“ (2 части).....	1 р. 60 к.
5) „Кавалеръ Краснаго Замка“ (романъ изъ временъ революціи въ 2 частяхъ).....	1 р. 60 к.
6) Романъ Альфонса Додэ „Фромонъ и Рилслеръ“ (1 ч.).....	1 р. 10 к.

Деньги за эти изданія слѣдуетъ высылать, для удобства, почтовыми марками, которые всегда точно доставляются почтою. Посылать можно въ простыхъ письмахъ, а пожеланію и въ заказныхъ, адресуя въ С.-Петербургѣ Н. И. Зуеву, Невскій проспектъ, домъ № 108, кв. 47. — Карты и книги продаются также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ ФАБРИКА
ПАТЕНТОВАННЫХЪ
КАУЧУКОВЫХЪ ШТЕМПЕЛЕЙ
Германа Корнфельдъ въ С.-Петербургѣ.
Лиговка, № 32.

лями, эмблематическими и другими изображеніями. Не смотря на громадное количество поступающихъ со всѣхъ сторонъ Россіи заказовъ, штемпеля исполняются вслѣдствіе значительнаго увеличенія состава фабрики, не менѣе быстро, какъ до сихъ поръ.

Иллюстрированные преискурранты высылаются по востребованію.

Для городскихъ заказчиковъ — въ магазинѣ моемъ, находящемся на Михайловской, въ домѣ Европейской гостиницы, гдѣ принимаются заказы, можно видѣть и образцы всякаго рода каучуковыхъ штемпелей.

1
124 нмз

и/Ф Т/н
1880 №1-13